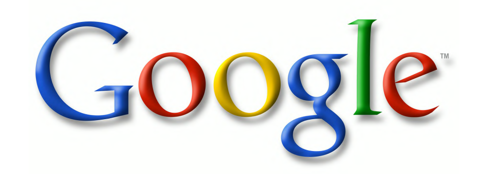


SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXVIII. — ТОМЪ CCCXCIX. — 1/14 ЯНВАРЯ 1904.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

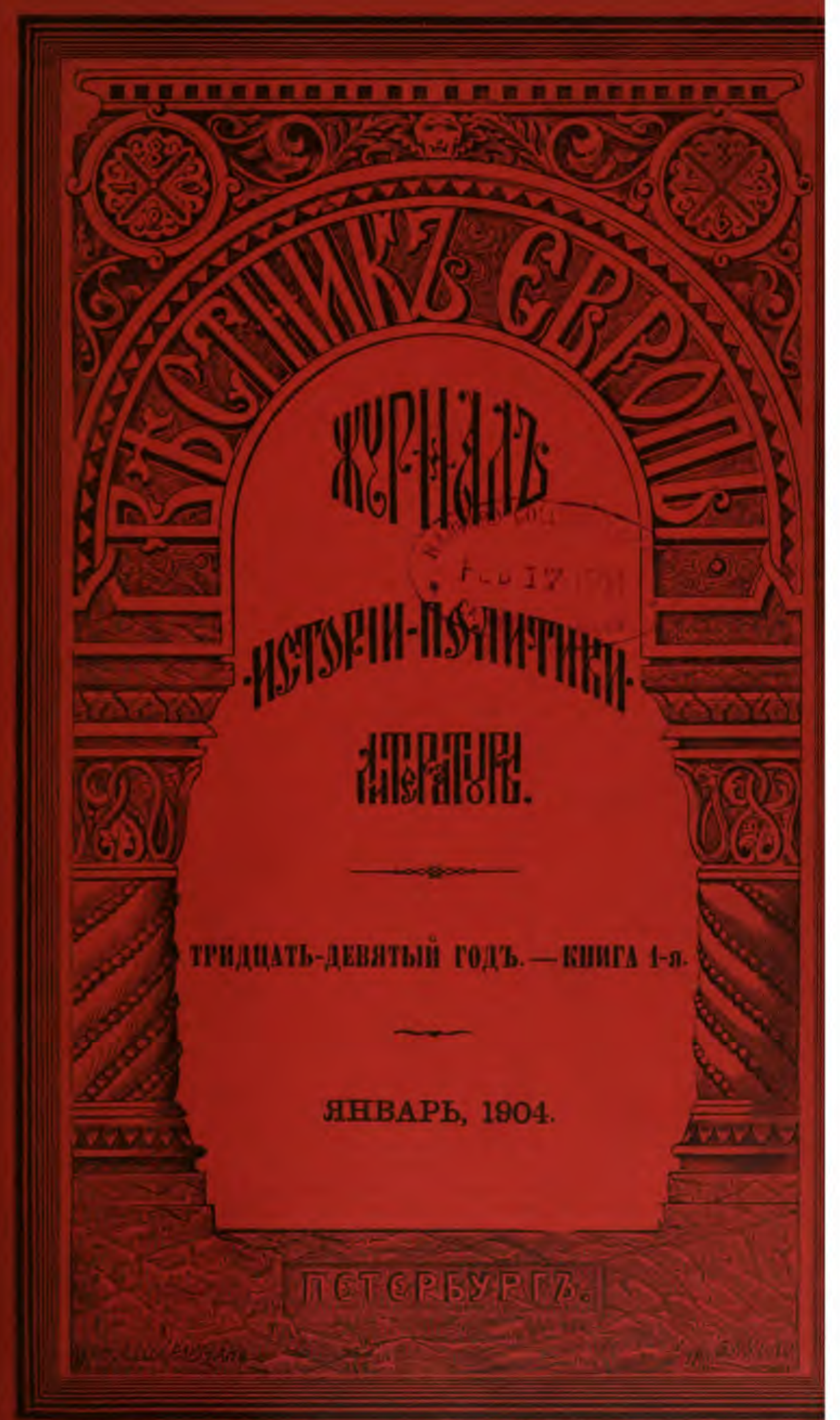
Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1904

3299


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-я.
ЯНВАРЬ, 1904.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1904.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1904-го года
((См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ЯЗЫЧНИКАМИ.

„Наша главная забота—разбивать идолы въ ихъ *сердцахъ*".

I.

Новый міръ отдѣленъ отъ древняго величайшимъ культурнымъ событіемъ, совершившимся въ IV вѣкѣ,—торжествомъ христіанства надъ язычествомъ. Наиболѣе видная роль въ этомъ переворотѣ принадлежитъ Блаженному Августину; она принадлежитъ ему потому, что его дѣятельность въ борьбѣ съ язычествомъ не ограничилась предѣлами его собственной жизни, но выразилась въ творческомъ замыслѣ, озарившемъ новымъ свѣтомъ прошлое человѣчества и послужившемъ свѣточемъ длинному ряду поколѣній. Возводя борьбу христіанства съ язычествомъ къ идеѣ вѣчнаго антагонизма *Божьяго* и *земного* града, Августинъ далъ потомству первую философію исторіи и руководящіе принципы для воззрѣній на церковь и государство.

Личная жизнь Августина сплетена самымъ тѣснымъ обра...ъ съ судьбою язычества. Воспитанный въ язычествѣ и обя...ій ему своимъ образованіемъ, Августинъ сталъ христіани... послѣ мучительной внутренней борьбы, переживъ въ са... себѣ антагонизмъ двухъ міровоззрѣній и торжество хри...ства. Въ своей долгой жизни онъ былъ очевидцемъ всѣхъ ...етій, испытанныхъ отживавшимъ язычествомъ. Годъ его

рожденія совпадаетъ съ нанесеніемъ язычеству государственною властью перваго рокового удара—изданіемъ сыномъ Константина, Констанціемъ, закона, предписавшаго закрытіе храмовъ, воспрещавшаго жертвоприношенія и угрожавшаго смертною казнью за поклоненіе идоламъ. Въ раннемъ дѣтствѣ Августинъ былъ свидѣтелемъ кратковременнаго возстановленія господства язычества при Юліанѣ; но первое важное событіе въ жизни Августина—его посвященіе въ пресвитеры,—снова совпадаетъ съ смертельнымъ ударомъ, нанесеннымъ язычеству. Въ 391 г., въ новой императорской столицѣ, въ Миланѣ, былъ изданъ указъ, „чтобы никто не оскверналъ себя жертвоприношеніями, никто не убивалъ невинныхъ жертвенныхъ животныхъ, никто не входилъ въ храмъ, никто не поклонялся сотворенному руками человѣка идолу". Магистратамъ было вмѣнено въ обязанность штрафовать нарушителей этого закона въ городѣ, или вдали отъ жилищъ, пеней въ 15 ф. золота—подъ страхомъ собственныхъ денежныхъ пеней. Примѣненіе этого закона въ Африкѣ было задержано обстоятельствами,—въ особенности могуществомъ Гильдона. Этотъ вождь языческихъ мавровъ примкнулъ къ узурпатору Евгенію, замѣнившему на миланскомъ престолѣ несчастнаго юношу—Валентиніана II, именемъ котораго былъ изданъ законъ 391 г. Но побѣда Ѳеодосія I надъ Евгеніемъ и подавленіе возстанія Гильдона въ 397 г. поддержали и въ сѣверной Африкѣ ревнителей христіанства. Въ 399 г., какъ сообщаетъ самъ Августинъ, императорскіе графы (военные командиры) Гауденцій и Іовій закрыли въ самомъ Карѳагенѣ языческіе храмы. Съ цѣлью успокоить язычниковъ, правительство прислало изъ Падуи, отъ 20 августа, разъясненіе, что оно не имѣло въ виду отмѣнить праздничныя сборища (solemnitates) гражданъ и всеобщее веселье, а воспретило лишь „спасительнымъ закономъ" языческія жертвоприношенія. Христіане были этимъ недовольны: на праздничныхъ сборищахъ совершались жертвоприношенія — хотя и не кровавыя, но—что̀ всего хуже—въ всеобщемъ весельи принимали участіе, какъ мы увидимъ, и христіане.

Въ виду этого соборъ африканскихъ епископовъ въ Карѳагенѣ, въ 401 г., ходатайствовалъ—при участіи, конечно, Августина—о воспрещеніи такихъ празднествъ. Строгія мѣры, принятыя въ это время противъ донатистовъ, повлекли наконецъ за собой катастрофу также и для африканскихъ язычниковъ, и 9 іюня 408 былъ объявленъ въ Карѳагенѣ указъ, касавшійся какъ донатистовъ, такъ и язычниковъ: доходы языческихъ храмовъ были отобраны въ казну и обращены въ пользу „вѣрнаго воинства"; идолы

подлежали истребленію; храмы въ императорскихъ владѣніяхъ—обращенію на общественныя надобности, въ частныхъ—разрушенію; алтари—повсемѣстному уничтоженію; всякаго рода пиршества и празднества „съ нечестивой цѣлью и въ зазорныхъ мѣстахъ“ совершенно воспрещались. Язычество было оффиціально похоронено. Такимъ образомъ, императорское законодательство сдѣлало все, отъ него зависящее; дальнѣйшая борьба съ язычествомъ—въ *сердцахъ* и убѣжденіяхъ—оставалась дѣломъ африканскаго духовенства, среди котораго Августинъ занималъ руководящее положеніе.

Борьба съ язычествомъ беретъ въ перепискѣ Августина и въ его личныхъ сношеніяхъ гораздо меньше мѣста, чѣмъ борьба съ ересью, и отсюда можно заключить, что первое представлялось Августину и менѣе опаснымъ противникомъ. По сочиненіямъ Августина, поэтому, трудно составить себѣ полное представленіе о положеніи язычества и о постепенномъ исчезновеніи его въ сѣверной Африкѣ. Но тѣмъ бóльшій интересъ вызываютъ въ насъ мимоходомъ набросанныя Августиномъ яркія сцены, въ которыхъ проявились послѣднія судороги вымирающаго язычества. Гораздо больше мѣста отведено въ перепискѣ *духовной* борьбѣ съ язычествомъ, въ которой Августинъ проявляетъ всю силу своего убѣдительнаго краснорѣчія при обращеніи язычника въ христіанство и все мастерство своей діалектики, сокрушавшей доводы противниковъ христіанской догматики и ихъ апологію язычества.

Какъ же жили и уживались между собою африканскіе христіане и язычники при измѣнявшихся условіяхъ, въ которыя ставило ихъ императорское законодательство? Сочиненія Августина представляютъ намъ интересный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса. Мы видимъ, напр., какъ, особенно въ деревняхъ и на границѣ римскаго и варварскаго міровъ, житейскіе интересы связываютъ христіанъ и язычниковъ, и какъ отсюда, при отвращеніи христіанъ къ язычеству и ихъ страхѣ *оскверниться*, возникаютъ для нихъ различныя затрудненія и казуистическія сомнѣнія. Съ цѣлымъ рядомъ такихъ недоумѣній обращается, напр., къ Августину нѣкій Публикола, одинъ изъ африканскихъ помѣщиковъ.

Помѣстье Публиколы находилось въ Арзугахъ, близъ римской границы; жившія за рубежомъ племена оставались язычниками, но римскіе христіане поддерживали съ ними постоянныя сношенія: то римскіе помѣщики, или ихъ крупные арендаторы, нанимали язычниковъ, чтобы сторожить ихъ поля, т.-е. за-

щищать ихъ отъ грабежей другихъ кочевниковъ; то командовавшій на границѣ дэкуріонъ или военный трибунъ подряжалъ кочевниковъ для перевозки казеннаго провіанта или другихъ тяжестей; то купцы или другіе путники нанимали себѣ изъ язычниковъ *конвойныхъ*; во всѣхъ этихъ случаяхъ съ язычниковъ брали клятву вѣрности, которую тѣ давали именемъ языческихъ боговъ. У Публиколы и зародилось сомнѣніе—не грѣхъ ли это? Еще болѣе его безпокоило то, что, какъ ему передавали, его собственные арендаторы нанимали язычниковъ для охраны полей и брали съ нихъ клятву. Не оскверняется ли этимъ самая жатва и не согрѣшитъ ли христіанинъ, который будетъ ѣсть хлѣбъ съ этого поля, согласно со словами апостола, или воспользуется деньгами, вырученными отъ продажи этого хлѣба? Правда, другіе его увѣряли, что его арендаторы не берутъ такой клятвы. Такъ какъ же ему быть: не опросить ли самому свидѣтелей, чтобы узнать, кто изъ нихъ говоритъ правду, а до тѣхъ поръ воздерживаться отъ припасовъ, или дохода съ этого имѣнія? Публикола просилъ скораго и точнаго отвѣта, чтобы ему не впасть въ еще бо́льшую тревогу.

Августинъ былъ не особенно радъ выпавшей на его долю обязанности, и далъ понять Публиколѣ, что не раздѣляетъ его тревогъ и едва ли съумѣетъ его успокоить, такъ какъ „дать совѣтъ еще не значитъ—убѣдить, что онъ хорошъ". Августинъ находитъ, что тотъ, кто пользуется услугами язычника, поклявшагося ложными богами, и пользуется не на дурное дѣло, не беретъ на себя грѣха, заключающагося въ языческой клятвѣ. Что же касается до вопроса, слѣдуетъ ли брать съ язычниковъ клятву, то это разрѣшается свидѣтельствами Ветхаго завѣта, напр., о томъ, что Лаванъ поклялся Аврааму богомъ Нахора. Правда, въ Новомъ завѣтѣ сказано, что не слѣдуетъ давать клятвы. Но, по объясненію Августина, это сказано вовсе не потому, что клятва есть грѣхъ, а потому, что преступить клятву есть большой грѣхъ, отъ котораго насъ хотѣлъ избавить Тотъ, Кому принадлежатъ тѣ слова. Затѣмъ, нигдѣ въ священномъ писаніи не запрещается принимать клятвы отъ другихъ. „Если бы мы, пока живемъ на землѣ, уклонялись отъ этого обычая, то заручились бы сомнительнымъ миромъ. Ибо не только для пограничныхъ, но для всѣхъ римскихъ провинцій миръ обезпечивается клятвами варваровъ. Поэтому думать, что такими клятвами оскверняются всѣ блага, вытекающія изъ этого мира, было бы величайшею нелѣпостью".

Публикола осыпалъ Августина еще цѣлымъ рядомъ вопро-

совъ, характерныхъ для умственнаго склада тогдашнихъ христіанъ:—Если на границѣ будетъ командовать язычникъ, и онъ дастъ варварамъ языческую клятву, то не осквернитъ ли онъ тѣхъ, ради которыхъ даетъ клятву? Если съ гумна, или точила, или изъ рощи возьмутъ пшеницу, или масла, или дровъ для принесенія жертвы богамъ, то не согрѣшитъ ли христіанинъ, пользуясь остальнымъ? Если кто купитъ на рынкѣ мяса, которое не было принесено въ жертву богамъ, и ему придетъ на умъ сомнѣніе, не было ли оно принесено въ жертву, и онъ все-таки отвѣдаетъ отъ него, то не согрѣшитъ ли? Если кто ложно скажетъ, что это—жертвенное мясо, а потомъ признается, что это ложь, то можетъ ли христіанинъ ѣсть, или продавать такое мясо?

Августинъ отвѣтилъ, что если христіанинъ дозволитъ принести что-нибудь въ жертву богамъ съ своего гумна, то согрѣшитъ: но если *послѣ* узнаетъ, что это случилось, или если не имѣетъ возможности помѣшать этому, то онъ можетъ свободно пользоваться своимъ добромъ. Вѣдь черпаемъ же мы воду изъ источниковъ, изъ которыхъ завѣдомо брали воду для жертвъ; вѣдь дышемъ же мы воздухомъ, въ который поднимается дымъ съ алтарей язычниковъ. Предостерегая Публиколу отъ излишней мнительности, Августинъ замѣчаетъ, что если бы кто-нибудь сталъ брезгать овощами, выросшими на огородѣ языческаго храма, то осудилъ бы апостола, который принималъ пищу въ Аѳинахъ, хотя это былъ городъ, посвященный Минервѣ.

Публикола досаждалъ Августину и другими вопросами, не имѣвшими отношенія къ язычникамъ: можетъ ли христіанинъ для защиты своего владѣнія окружить его стѣной, и если нападутъ на эту стѣну враги и произойдетъ кровопролитіе, то не будетъ ли построившій эту стѣну виновникомъ убійства? Августинъ доводитъ до абсурда вопрошателя, осыпая его самого вопросами: слѣдуетъ ли, чтобы быки въ стадѣ христіанина были безъ рогъ, лошади его безъ копытъ, дабы не причинить кому-либо смерти? Слѣдуетъ ли христіанину не держать въ домѣ желѣзныхъ орудій, которыми можно себя поранить,—или не имѣть въ саду деревьевъ и веревокъ, такъ какъ на нихъ можно повѣситься, или не имѣть въ домѣ оконъ, такъ какъ изъ нихъ можно выскочить?

Всего болѣе, повидимому, Августина затруднялъ вопросъ: если христіанинъ въ пути будетъ страдать, въ теченіе многихъ дней, голодомъ и, уже чувствуя приближеніе смерти, найдетъ въ уединенномъ капищѣ мясо, то долженъ ли онъ воздержаться отъ него? Чтобы выйти изъ затрудненія, Августинъ воспользовался

неопредѣленностью вопроса; Публикола не сказалъ, что мясо въ капищѣ было жертвеннымъ мясомъ: оно могло быть, разсуждаетъ Августинъ, забыто другими путниками, совершавшими тамъ свою трапезу, или оказаться тамъ по другой причинѣ. Отсюда три возможности: или это несомнѣнно жертвенное мясо; или несомнѣнно, что—нѣтъ; или неизвѣстно, какое это мясо. Въ первомъ случаѣ лучше, если христіанская доблесть побрезгаетъ имъ; въ остальныхъ—оно безъ всякаго угрызенія совѣсти можетъ быть употреблено въ пищу.

Но такъ какъ путникъ Публиколы былъ одинъ, и ему не отъ кого было узнать, какое передъ нимъ мясо, то, слѣдуя указанію Августина, онъ былъ бы спасенъ отъ голодной смерти.

Въ этой перепискѣ заслуживаетъ вниманія еще одно мѣсто, касающееся разрушенія языческихъ храмовъ. Когда,—говоритъ Августинъ, — „*съ разрѣшенія* закона ниспровергаются храмы, идолы и священныя рощи, мы не дожны при этомъ воспользоваться чѣмъ-либо для нашихъ частныхъ нуждъ для того, чтобы было очевидно, что мы разрушаемъ ихъ не изъ корысти, а изъ благочестія. Если же эти предметы обращаются не на частныя нужды, а на общія, или на прославленіе истиннаго Бога, тогда съ ними совершается то, что бываетъ съ людьми, когда изъ нечестивыхъ они обращаются въ истинную вѣру". Здѣсь нужно отмѣтить то, что Августинъ допускалъ разрушеніе идоловъ только съ разрѣшенія властей — и что онъ, ссылаясь на священное писаніе, одобрялъ превращеніе языческихъ храмовъ въ христіанскіе.

Совершенно иначе складывались отношенія язычниковъ и христіанъ въ городахъ: тамъ другіе интересы сближали поклонниковъ враждебныхъ религій, и другіе соблазны грозили христіанамъ. Главнымъ соблазномъ были общественныя зрѣлища— предметъ всеобщаго страстнаго увлеченія въ разрушавшемся античномъ мірѣ.

И по своему происхожденію изъ языческаго богослуженія, и по своему содержанію, игры и зрѣлища были предметомъ страстныхъ обличеній со стороны христіанскихъ проповѣдниковъ. Но насколько они достигали цѣли? Интересныя данныя относительно этого представляетъ собой одно изъ поученій Августина:—„Случается, что при окончаніи зрѣлищъ въ театрѣ или въ циркѣ, когда *толпа погибшихъ* начинаетъ выходить оттуда съ душой, полной суетныхъ образовъ, храня въ памяти не только пустыя, но и пагубныя мысли, находя наслажденіе въ томъ, что приноситъ смерть,—эта толпа видитъ проходящихъ мимо слугъ Божіихъ,

узнаётъ ихъ по одеждѣ, или головному убору, или знаетъ въ лицо, и начинаетъ говорить: „о, несчастные, сколько они потеряли!“—братья, будемъ молиться Богу за нихъ, за ихъ доброжелательство къ намъ, ибо они считаютъ то благимъ. Но все-же это доброжелательство, если такъ его называть, превратное, пустое и суетное; они жалѣютъ, что мы лишаемся того, что̀ они любятъ; будемъ же молиться, чтобъ они не потеряли того, что̀ *мы* любимъ“.

Служители Божіи, о которыхъ сожалѣютъ язычники, по описанію Августина, очевидно—монахи. Они, конечно, не посѣщали театра. Но этого никакъ нельзя сказать о прочихъ христіанахъ, которые часто бывали жадны до зрѣлищъ не менѣе язычниковъ.

Впрочемъ, не одни театры съ ихъ языческими воспоминаніями составляли соблазнъ для христіанъ—связь съ язычествомъ сохраняли и празднества, глубоко укоренившіяся въ нравахъ населенія. Отъ празднествъ въ честь какого-нибудь языческаго бога христіане воздерживались, но бывали празднества, которыя имѣли общій гражданскій характеръ,—какъ напр., празднество *новаго года*,—отъ которыхъ христіанамъ не хотѣлось отказываться,—а между тѣмъ и такія празднества поддерживали живую связь между христіанами и язычниками, какъ видно изъ сказанной по этому поводу въ Кароагенѣ проповѣди Августина на 1-ое января.

„Вы сейчасъ пѣли псаломъ, и звукъ божественной пѣсни, конечно, еще звучитъ въ ушахъ вашихъ. Вы пѣли: „спаси насъ, Господи, и собери насъ отъ язы̀ковъ“ (Пс. 105, 47). Примѣняя эту древне-еврейскую молитву къ христіанамъ, Августинъ продолжалъ: „если сегодняшнее торжество язычниковъ, совершающееся съ мірскимъ и плотскимъ веселіемъ, при шумныхъ, пустыхъ и неприличныхъ пѣсняхъ, съ пиршествами и позорными плясками, если это ложное празднество и то, что̀ на немъ творится язычниками, вамъ не нравится, — тогда вы „соберетесь (отдѣлитесь) отъ язычниковъ“.

„Никто не можетъ отдѣлиться отъ язычниковъ, если онъ не спасенъ;—а тотъ, кто водится съ язычниками, не спасенъ: спасается же тотъ, кто отдѣляется отъ язычниковъ, кто вѣруетъ не въ то, во что̀ вѣруютъ язычники, надѣется не на то, на что̀ надѣются язычники, и любитъ не то, что̀ любятъ язычники.

„Пусть васъ не смущаетъ тѣлесное общеніе при духовномъ разобщеніи; пусть они вѣрятъ, что демоны—боги, вы же вѣрьте въ единаго, истиннаго Бога; пусть они возлагаютъ надежду на суету мірскую, вы же надѣйтесь на вѣчную жизнь съ Христомъ; пусть любятъ они міръ, вы же любите Творца міра. Но тотъ,

кто имѣетъ иную вѣру, иную надежду и иную любовь, чѣмъ язычники, пусть докажетъ это дѣлами. Если вы будете дѣлать новогодніе подарки, какъ язычники, играть въ кости, напиваться, какъ они, вы не разобщитесь съ ними. Но вы должны разобщиться съ ними нравами и дѣлами. Пусть они дѣлаютъ подарки, вы—подавайте милостыню; пусть они ищутъ развлеченія въ играхъ и пѣсняхъ; вы—ищите его въ проповѣди священнаго писанія; они бѣгутъ въ театръ, вы—бѣгите въ церковь; они напиваются, вы—поститесь, а если сегодня не можете поститься, по крайней мѣрѣ будьте умѣренны въ пищѣ.

„Многихъ огорчатъ мои слова, ибо я говорю: не давайте подарковъ, а подавайте милостыню бѣднымъ; мало этого, давайте имъ больше. Не хотите давать *больше*, дайте столько, сколько вы прежде тратили' на подарки. Но вы мнѣ скажете: когда я даю новогодній подарокъ, я также получаю за это что-нибудь. Какъ?! а развѣ, когда ты подаешь бѣдному, ты ничего не пріобрѣтаешь взамѣнъ? Апостолъ сказалъ: „я не хочу, чтобы вы были приспѣшниками демоновъ"; это значитъ, онъ хочетъ, чтобы вы отличались нравами и жизнью отъ тѣхъ, кто служитъ демонамъ. Демонамъ же угодны суетныя пѣсни, позорныя зрѣлища въ театрѣ, безуміе цирка, изувѣрство амфитеатра, горячіе споры тѣхъ, кто изъ-за поганыхъ людей доходятъ до вражды—изъ-за мима или пантомима, изъ-за возницы или гладіатора. Тѣ, кто это дѣлаетъ, они возносятъ ѳиміамъ демонамъ изъ сердца своего".

Общее празднованіе новаго года представляло собой сравнительно невинную забаву, даже если въ этомъ случаѣ знакомые или родственники между язычниками и христіанами обмѣнивались подарками. Но нѣкоторые христіане увлекались многими языческими обычаями, гораздо болѣе для нихъ опасными въ смыслѣ соблазна—пиршествами, которыя давались язычниками въ храмовые дни. Конечно, настоящій христіанинъ не принялъ бы участія въ пиршествѣ въ честь какого-либо изъ миѳологическихъ боговъ; но кромѣ такихъ боговъ, язычество знало, такъ сказать, еще гражданскія божества—олицетворенія городовъ или государства—подъ именемъ *геніевъ*, и поклонялось имъ. Отчего было не принять участія въ такомъ патріотическомъ празднествѣ? Интересный примѣръ такого участія указываетъ намъ проповѣдь Августина, повидимому сказанная въ Карѳагенѣ. Упрекая христіанъ за участіе въ языческихъ празднествахъ, Августинъ видитъ въ этомъ камень преткновенія для обращенія язычниковъ. Уже готовые принять христіанство, язычники, при видѣ такихъ зрѣлищъ, останавливаются въ недоумѣніи и возвращаются къ

язычеству. Ибо, говорятъ они въ своемъ сердцѣ, зачѣмъ же мы проклянемъ боговъ нашихъ, если христіане имъ поклоняются? „Ты возразишь:—я и не думалъ почитать ихъ боговъ; да, конечно,—отвѣчаетъ Августинъ,—ты знаешь, что это идолы, и ты душою позналъ Господа, а все-таки возсѣдаешь въ ихъ капищѣ? Чему ты тамъ научаешься?—отрицать Христа! Развѣ язычники не толкуютъ тамъ, что Христосъ—человѣкъ? Вотъ къ чему ведутъ вредныя пиршества, вотъ какъ дурныя бесѣды портятъ благіе нравы! Ты тамъ объ Евангеліи говорить не посмѣешь, а слушаешь толки объ идолахъ. Ты грѣшишь противъ истиннаго Бога, возсѣдая у ложныхъ боговъ.

„Ты опять скажешь: это—не богъ, это—*геній* Кареагена. А еслибы это были Марсъ или Меркурій, то развѣ они—боги? Но ты прими во вниманіе то, чѣмъ ихъ считаютъ *язычники*, а не толкуй о томъ, что̀ такое они на самомъ дѣлѣ! Если геній есть украшеніе города, пусть граждане Кареагена ведутъ честный образъ жизни, тогда они сами будутъ геніемъ Кареагена. И я такъ же, какъ и ты, знаю, что это—лишь простой камень: но хорошо бы было, еслибы и *они* это знали; однако, поставленный генію алтарь свидѣтельствуетъ о томъ, что язычники принимаютъ его статую за божество. Зачѣмъ алтарь, если это—не божество? Пусть мнѣ не говорятъ: вѣдь это—не божество! Алтарь обличаетъ всѣхъ поклонниковъ этого идола; такъ развѣ этотъ алтарь не служитъ обличеніемъ присутствовавшихъ на пиршествѣ христіанъ"?

Но не весельемъ только и развлеченіями смущало язычество христіанъ; оно опутывало ихъ на каждомъ шагу и становилось особенно опаснымъ, когда подступало къ нимъ въ трудныя минуты жизни: заболѣетъ христіанинъ—сейчасъ передъ нимъ искуситель, который сулитъ ему исцѣленіе цѣною нечестиваго жертвоприношенія, кощунственнымъ заклинаніемъ или перевязкой, или магическимъ обрядомъ, шепча ему: „такой-то былъ боленъ опаснѣе тебя, и этимъ способомъ выздоровѣлъ. Сдѣлай то же, если хочешь жить; если же не захочешь сдѣлать, то умрешь".

Сближала христіанъ съ язычниками также и ихъ совмѣстная дѣятельность въ мѣстныхъ куріяхъ и въ управленіи городами. Такъ какъ въ это время выборъ въ декуріоны былъ не столько почетомъ, сколько бременемъ, то къ этому званію безразлично привлекались какъ зажиточные христіане, такъ и язычники, независимо отъ религіозныхъ убѣжденій большинства избирателей.

Образчикъ такого совмѣстнаго участія въ муниципальной жизни представляетъ намъ Мадаура въ Нумидіи, городъ, въ которомъ учился Августинъ, и дэкуріоны котораго обратились къ нему съ какой-то просьбой, когда онъ уже былъ епископомъ. Въ письмѣ ихъ Августинъ былъ названъ *отцомъ*, и оно заключало въ себѣ христіанскую формулу обращенія: „Спаси тебя, Господи". Въ отвѣтномъ письмѣ Августинъ выражаетъ удивленіе, почему, если письмо отъ христіанъ, они писали не отъ своего имени, а отъ имени куріи; если же оно отъ имени всѣхъ или почти всѣхъ дэкуріоновъ, то почему оно заключаетъ въ себѣ христіанскую формулу, такъ какъ ему, къ его великому горю, извѣстно ихъ поклоненіе идоламъ, „которыхъ легче удалить изъ храмовъ, чѣмъ изъ сердецъ". Затѣмъ, онъ пользуется случаемъ, чтобы призвать своихъ „любезнѣйшихъ братьевъ мадаурійцевъ къ Христу", указывая имъ на предстоящій Божій судъ. Этотъ судъ предсказанъ пророчествомъ, и это пророчество исполнится, какъ и всѣ прочія, заключающіяся въ Священномъ Писаніи. Въ числѣ уже совершившихся пророчествъ Августинъ указываетъ на судьбу евреевъ, оторванныхъ отъ своей колыбели и разселенныхъ по всей землѣ, и на торжество христіанства. Эта часть письма заканчивается величественною картиною паденія язычества: „Вы видите, что храмы идоловъ частью распадаются, оставаясь безъ исправленія, частью разрушены, частью заперты, частью получили другое назначеніе; самые идолы или разбиты, или сожжены, или заперты, или разрушены; вы видите, что власти сего міра, которыя когда-то изъ-за идоловъ преслѣдовали христіанскій народъ, побѣждены и укрощены не ратовавшими, а умиравшими христіанами, и что они направили свою силу и законы противъ тѣхъ же идоловъ, изъ-за которыхъ убивали христіанъ, и что благороднѣйшій обладатель высочайшей власти молится у гроба рыбака Петра, снявъ съ себя вѣнецъ".

Ученые издатели „Патрологіи" помѣстили это замѣчательное письмо въ разрядъ тѣхъ, годъ которыхъ неизвѣстенъ. Мы полагаемъ, что приведенныя выше слова даютъ точку опоры для опредѣленія времени этого письма. Римскій міръ тогда очевидно находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ посѣщенія Рима побѣдоноснымъ Ѳеодосіемъ, который, сразивъ убійцъ своего молодого зятя, Валентиніана II, ненадолго и въ послѣдній разъ соединилъ въ своихъ рукахъ единовластіе надъ римской имперіей на всемъ ея громадномъ протяженіи. Давно Римъ не видалъ императора въ своихъ стѣнахъ, и это посѣщеніе римскихъ святынь императо-

ромъ вслѣдъ за послѣдней, подавленной вспышкой языческихъ надеждъ ознаменовало окончательное торжество христіанства.

Если письмо Августина къ мадауріійцамъ относится къ предполагаемому нами времени, то изображенное въ немъ полное торжество христіанства, вѣрное по отношенію къ общему положенію дѣла въ имперіи, не вполнѣ приложимо къ тогдашней римской Африкѣ. Здѣсь въ послѣднее десятилѣтіе IV-го вѣка идолы еще не были разбиты, и во вниманіе къ могущественному положенію язычника Гильдона не всѣ власти направляли противъ язычества силу общихъ законовъ, а попытки самого христіанскаго населенія разрушать идоловъ встрѣчали со стороны язычниковъ рѣшительный и успѣшный отпоръ. О такомъ кровавомъ столкновеніи изъ-за идоловъ мы узнаёмъ изъ писемъ Августина.

Исторія религіозныхъ преслѣдованій вездѣ представляетъ проявленіе двоякаго фанатизма—фанатизма гонителей и фанатизма угнетенныхъ. То же находимъ мы и въ исходѣ IV-го вѣка, когда разыгрывался послѣдній актъ въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ. То мы видимъ христіанскихъ епископовъ во главѣ гладіаторовъ, солдатъ или монаховъ: они разрушали языческіе храмы, „все опустошая и уравнивая съ землей"; то – фанатизмъ доведенныхъ до изступленія язычниковъ. Съ подобной выходкой въ сѣверной Африкѣ знакомитъ насъ письмо Августина къ сенату города Суфектаны. Письмо дышетъ негодованіемъ по случаю гибели шестидесяти христіанъ, убитыхъ во время нападенія христіанской толпы на храмъ Геркулеса, признанныхъ затѣмъ мучениками и внесенныхъ въ римскіе святцы на 30-ое августа. Во время этого нападенія былъ уничтоженъ христіанами идолъ Геркулеса. Судя по тону письма, христіане не могли оправдывать свой поступокъ ссылкой на какой-нибудь законъ, разрѣшавшій или предписывавшій истребленіе идоловъ,—иначе сенатъ Суфектаны не обратился бы къ Августину съ просьбой возстановить идола, и Августинъ не выразилъ бы своего согласія на это. Несмотря на это, онъ выступаетъ грознымъ обвинителемъ за пролитую христіанскую кровь. „Вопіющія преступленія вашего изувѣрства и невѣроятная жестокость ваша потрясли землю, и небо содрогнулось при видѣ крови, засвѣтившейся на вашихъ улицахъ и храмахъ, и отъ зрѣлища убійствъ. У васъ похоронены римскіе законы, боязнь предъ справедливымъ судомъ попрана; нѣтъ ни уваженія къ императорамъ, ни страха предъ ними. У васъ пролита невинная кровь 60-ти братьевъ;—и чѣмъ кто больше убилъ, тѣмъ громче его прославляли и тѣмъ большій почетъ ему оказывали въ вашемъ сенатѣ. Но обратимся къ главному дѣлу.

Если вы Геркулеса признаете своимъ богомъ, мы, конечно, отдадимъ его вамъ; есть у насъ металлъ, окажется и камень, найдутся разноцвѣтные мраморы, не будетъ недостатка и въ мастерахъ. Богъ вашъ будетъ со всею тщательностью высѣченъ изъ камня, отдѣланъ и разукрашенъ. Мы помажемъ его и краской, чтобы онъ могъ краснѣть отъ стыда при вашихъ священныхъ жертвоприношеніяхъ. Если вы признаете Геркулеса своимъ богомъ, мы, собравъ деньги, купимъ вамъ у вашего художника—бога. Такъ возвратите же и намъ души, загубленныя вашей рукою, и когда нами будетъ возстановленъ вашъ Геркулесъ, воскресите намъ эти души"!

Кровавое столкновеніе въ Суфектанѣ находится, повидимому, въ связи съ другимъ событіемъ, о которомъ мы узнаемъ изъ проповѣди, сказанной Августиномъ въ Карѳагенѣ. И тамъ идетъ рѣчь о сверженіи идола Геркулеса; этого требовала возбужденная толпа христіанъ съ криками: „какъ Римъ, такъ и Карѳагенъ", и—„это боги римскіе, римскіе". Но во главѣ карѳагенскихъ христіанъ стояли люди, умѣвшіе съ страстной враждой къ язычеству соединять благоразуміе пастырей. За обѣдней карѳагенскій епископъ Аврелій, уважаемый за личныя достоинства *примасъ* Африки, воздерживалъ свою паству отъ насильственныхъ дѣйствій, а послѣ него Августинъ сказалъ проповѣдь въ томъ же духѣ. Онъ началъ съ того, что похвалилъ карѳагенцевъ за ихъ рвеніе къ дѣлу Божію, которое они доказали своими кликами, „свидѣтельствовавшими о томъ, что у нихъ на душѣ". Примѣняя къ нимъ слова псалма, Августинъ называетъ ихъ „народомъ Божіимъ и овцами стада Его". Но онъ напоминаетъ имъ, что у нихъ есть пастыри. Толпа высказала свою волю кликами—на обязанности пастырей теперь доказать *на дѣлѣ* свое попеченіе о народѣ. „Мы васъ одобрили; одобрите и насъ, если въ осуществленіи того, что должно быть сдѣлано, мы не окажемся нерадивыми. Не дай Господь, чтобы вы оказались благочестивы, а мы нечестивы; ваша воля и наша воля едины; но нашъ способъ дѣйствія не можетъ быть одинаковъ; пусть отъ васъ исходитъ починъ; исполненіе же вашей воли предоставьте намъ для того, чтобы между членами Христова тѣла не было разногласія". Въ виду этого Августинъ привѣтствуетъ карѳагенскихъ христіанъ за то, что они послушались словъ, сказанныхъ имъ утромъ ихъ мѣстнымъ епископомъ.

„Я не требую,—продолжаетъ Августинъ,—чтобы вы отступились отъ вашего желанія. Нисколько; я даже благодарю васъ за то, что вы хотите того, чего хочетъ Господь. Господь хочетъ,

Господь приказалъ и предсказалъ уничтоженіе суевѣрій язычниковъ, и во многихъ мѣстахъ земли это уже въ значительной степени осуществилось; еслибы вы захотѣли начать разореніе демоновъ съ *этого* города, такая затѣя была бы, можетъ быть, вамъ не по силамъ, но теперь предъ нами образецъ. Вы рѣшительно требовали, чтобы въ Кароагенѣ все было, какъ и въ Римѣ: если глава языческаго міра показала примѣръ, развѣ члены его не послѣдуютъ за нею"?

Ссылаясь на собственныя заявленія и литературу язычниковъ, Августинъ подтверждаетъ, что боги Кароагена — *римскіе* боги. „Да, это боги римскіе, римскіе, римскіе! Во времена преслѣдованія христіанъ кровь мучениковъ проливалась за то, что они не хотѣли поклониться *римскимъ* богамъ, отвергали обрядъ *римскихъ* боговъ, не хотѣли молиться *римскимъ* богамъ. А если римскіе боги пали въ Римѣ, почему имъ быть здѣсь? Еслибы они могли двигаться, то сказали, что бѣжали сюда; но они не ушли оттуда, а остались тамъ".

Изъ проповѣди можно заключить, что поводомъ къ смутѣ послужило желаніе язычниковъ Кароагена вызолотить бороду бронзовой статуи Геркулеса; проконсулъ, однако, не дозволилъ этого, а напротивъ, велѣлъ снять бороду у идола. Августинъ по этому поводу торжествуетъ и съ ироніей восклицаетъ: „Братья, я считаю, что для Геркулеса бо́льшее безчестіе остаться безъ бороды, чѣмъ безъ головы; ибо этотъ богъ именуется богомъ силы, а вся сила его въ бородѣ".

Августинъ совѣтуетъ довольствоваться этимъ посрамленіемъ язычниковъ и успокоиваетъ своихъ слушателей ссылкой на слова псалма: „Боже, не безмолвствуй и не пребывай въ покоѣ"... „Да, Господь не смягчится въ своемъ гнѣвѣ, но не противъ людей, а противъ заблужденій. Ибо у Бога и гнѣвъ, и милость: гнѣвъ, чтобы поразить; милость, чтобы исцѣлить; онъ гнѣвается за заблужденія и милуетъ по исправленіи. Къ одному и тому же человѣку онъ бываетъ и гнѣвенъ, и милостивъ; такъ было съ Савломъ, который сталъ Павломъ; онъ его простеръ на землю и поднялъ, простеръ его, какъ гонителя, и поднялъ, какъ апостола. Еслибы Господь не гнѣвался на идоловъ, развѣ Геркулесъ оказался бы безъ бороды? А сдѣлалъ это Господь чрезъ христіанъ, чрезъ посредство властей, имъ поставленныхъ и уже несущихъ на себѣ иго Христово. Итакъ, братья, — заключаетъ Августинъ свою проповѣдь, — примите слова мои съ добрымъ сердцемъ и, уповая на помощь Господа, разсчитывайте на лучшее будущее".

Эта проповѣдь Августина интересна не только для исторіи паденія язычества въ Африкѣ, но и въ самомъ Римѣ. Еще недавно, новый историкъ города Рима и папъ, іезуитъ Гризаръ, возражалъ въ своемъ ученомъ и прекрасно изданномъ сочиненіи противъ „безусловно ложнаго представленія", будто въ Римѣ, въ эпоху перехода отъ язычества къ христіанству, языческіе храмы разрушались и „идолы уничтожались". Свидѣтельство Августина въ приведенной проповѣди противорѣчитъ утвержденію Гризара и служитъ доказательствомъ того, что на грани IV и V вѣковъ въ Римѣ произошло возстаніе христіанъ для истребленія языческихъ идоловъ, настолько сильное, что вызвало подражаніе и въ провинціи. Подтвержденіемъ этому можетъ служить мѣсто еще и изъ другой проповѣди Августина, гдѣ онъ, возражая противъ мнѣнія, будто бы сверженіе идоловъ было причиной взятія Рима готами, проситъ своихъ слушателей вспомнить, что, несмотря на сверженіе „всѣхъ идоловъ въ городѣ Римѣ", язычникъ Радагайсъ, пришедшій въ Италію съ войскомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ готы Алариха, былъ чудеснымъ образомъ побѣжденъ. „Вѣдь это было недавно",—заявлялъ при этомъ Августинъ,— „лишь немного лѣтъ тому назадъ". Съ этимъ свидѣтельствомъ нельзя не поставить въ связь интересный фактъ, обнаруженный раскопками въ Римѣ, въ 1864 г. Тогда была найдена колоссальная статуя Геркулеса изъ золоченой бронзы, находящаяся нынѣ въ римскомъ музеѣ Піо-Клементино. Ее нашли тщательно уложенною среди стѣнъ, принадлежавшихъ къ театру Помпея. И такъ какъ у статуи недоставало ногъ и палицы, а на затылкѣ были замѣтны слѣды удара при паденіи статуи на землю, то это подаетъ поводъ предположить, что статуя подверглась насильственнымъ дѣйствіямъ и затѣмъ была убрана язычниками и скрыта отъ христіанъ.

Изъ того, что карѳагенскіе христіане, желавшіе ниспровергнуть идола Геркулеса, кричали: „это *римскіе* боги", можно заключить, что культъ Геркулеса въ Карѳагенѣ — въ противоположность финикійскому Мелькарту-Геркулесу—былъ перенесенъ туда изъ Рима. На это указываетъ и извѣстіе, что карѳагенскіе язычники вздумали вызолотить бороду своему Геркулесу; очевидно, его статуя была, какъ и въ Римѣ, изъ золоченой бронзы.

Что же касается до Рима, то тамъ Геркулесъ былъ въ большомъ почетѣ: у него было нѣсколько храмовъ, въ которыхъ совершалось служеніе по двумъ различнымъ культамъ—древне-италійскому и греческому. Геркулесу древне-италійскому, носившему прозвище *Побѣдоносный* или *Непобѣдимый*, самъ преторъ

приносилъ обычную жертву, и это продолжалось до эпохи Константина. Культъ греческаго Геркулеса въ Римѣ продолжался еще дольше. Причины высокаго почета и популярности Геркулеса въ Римѣ были очень разнообразны. Прежде всего культъ Геркулеса былъ связанъ съ оракулами, которые давались самой статуей. Въ затылкѣ вышеупомянутой колоссальной статуи оказалось отверстіе, которое вѣроятно служило для этой цѣли. Когда ее нашли, черезъ это отверстіе спустили ребенка внутрь статуи, голосъ котораго раздавался оттуда, какъ изъ другого міра. Древніе высоко цѣнили оракулы, и если и неправъ Макіавелли, который всю древнюю религію основывалъ на потребности людей угадывать будущее и знать судьбу свою, то несомнѣнно, что при паденіи язычества послѣднее держалось во всей римской имперіи преимущественно этой потребностью, и всего дольше удерживались повсюду культы тѣхъ боговъ, которые были связаны съ оракулами или отвѣчали на вопросы обращавшихся къ нимъ паціентовъ, какъ, напримѣръ, культъ Сераписа въ Египтѣ или Марнаса въ Сиріи [1]). Кромѣ того, Геркулесу приносили обѣты купцы и вообще люди, задумавшіе какое-нибудь рискованное предпріятіе, съ обѣщаніемъ, въ случаѣ успѣха, пожертвовать ему десятую часть своего барыша; эта часть бывала очень значительна, и пожертвованная сумма нерѣдко предназначалась на угощеніе народа. Наконецъ, алтарь Геркулеса стоялъ въ Римѣ около цирка Фламинія, и служеніе Геркулеса было до такой степени тѣсно связано съ зрѣлищами въ циркѣ, что Витрувій совѣтовалъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ *гимназій* (для атлетическихъ упражненій), строить храмъ Геркулеса около цирка.

Всѣмъ этимъ объясняется перенесеніе культа Геркулеса изъ Рима въ римскую Африку и его популярность тамъ. Онъ, несомнѣнно, и тамъ былъ связанъ съ оракулами и зрѣлищами въ циркѣ, а можетъ быть и съ угощеніемъ народа. Поэтому и тамъ этотъ культъ долженъ былъ быть особенно ненавистенъ христіанамъ.

Вышеуказанныя проповѣди Августина даютъ возможность опредѣлить самое время низверженія идоловъ въ Римѣ, повлекшее за собою подобныя происшествія въ Африкѣ. Августинъ говоритъ, что это случилось за нѣсколько лѣтъ до вторженія Радагайса, которое было въ 406 г. Нападенія христіанъ на храмы Геркулеса въ Суфектанѣ и въ Карѳагенѣ случились, вѣроятно, вслѣдъ за полученіемъ тамъ извѣстія о происшествіи въ Римѣ.

---

[1]) См. Dräseke. Zum Untergang d. Heidenthums въ Zeitschr. f. w. Theol. 1901.

Успокоивая возбужденную кареагенскую толпу, Августинъ утѣшалъ ее надеждой на лучшее будущее. Весьма вѣроятно, что кареагенскіе пастыри, на которыхъ, по словамъ Августина, лежала обязанность исполнить волю народа, требовавшаго сверженія идоловъ, не забыли объ этомъ и воспользовались возмущеніемъ христіанъ, чтобы исходатайствовать у римскаго правительства давно желанную христіанами мѣру—„закрытія храмовъ и разбитія идоловъ“ въ Кареагенѣ,—которая и была приведена въ исполненіе императорскими графами Гауденціемъ и Іовіемъ въ 399 году.

Съ этимъ согласно и предположеніе издателей „Патрологіи“, отнесшихъ письмо Августина къ сенату Суфектаны къ 399 г. А если это такъ, то и сверженіе идоловъ Геркулеса въ Римѣ случилось незадолго предъ тѣмъ. Конечно, слова Августина, что въ Римѣ были свержены *всѣ* идолы, заключаютъ въ себѣ патетическое преувеличеніе, но что многіе идолы были тогда свержены, это подтверждается криками кареагенской толпы. Можно даже объяснить, почему при этомъ особенно пострадалъ Геркулесъ. Узурпаторъ Евгеній опирался на языческую партію и водрузилъ на своихъ знаменахъ изображеніе „Геркулеса Непобѣдимаго“. Ему противопоставилъ Өеодосій знамена съ водруженнымъ на нихъ крестомъ. Побѣда креста на полѣ брани была окончательнымъ пораженіемъ язычниковъ въ Римѣ, и при такомъ положеніи дѣла легко объяснить раздраженіе римскихъ христіанъ именно противъ Геркулеса.

Несмотря, однако, на разрушеніе языческихъ храмовъ и идоловъ въ Африкѣ, язычество продолжало жить. Его жизнь въ особенности поддерживали такъ называемыя Solemnitates—языческія празднества, сопровождавшіяся пиршествами и плясками. Въ такіе дни взаимное возбужденіе между язычниками и христіанами, конечно, сильно возростало и приводило нерѣдко къ столкновеніямъ. Наконецъ, въ 407 году были воспрещены закономъ и празднества. Несмотря, однако, на это, они продолжались въ разныхъ мѣстахъ, и въ слѣдующемъ году [1]) подали поводъ въ нумидійскомъ городкѣ Каламѣ, гдѣ епископомъ былъ Поссидій, ученикъ Августина, къ кровавому столкновенію между язычниками и христіанами. Это событіе мы знаемъ только со словъ

---

[1]) О времени столкновенія въ Каламѣ можно судить, по выраженію Августина, что язычники совершили свое торжество „вопреки новѣйшимъ законамъ“, а подъ этимъ, вѣроятнѣе всего, надо разумѣть законъ Гонорія, отъ ноября 407 года.

Августина, который, впрочемъ, самъ ѣздилъ въ Каламу, вѣроятно, чтобъ придти на помощь своему другу и тамошнимъ христіанамъ.

По разсказу Августина, язычники Каламы праздновали наступившее 1-аго іюня какое-то свое торжество съ такимъ нахальствомъ, какого не обнаруживали даже во времена Юліана. Съ музыкой и плясками они прошлись по городу и, какъ бы для вызова, мимо самыхъ дверей христіанской церкви. Когда же духовенство воспротивилось „незаконнѣйшему и позорнѣйшему дѣлу“, язычники стали бросать камнями въ церковь. Дней же черезъ восемь, когда епископъ потребовалъ отъ мѣстной думы примѣненія закона, церковь вторично подверглась нападенію; а когда на третій день послѣ этого христіане бросились въ думу съ жалобой и требованіемъ, чтобы она была внесена въ городской журналъ, имъ въ этомъ было отказано. Въ этотъ самый день выпалъ градъ, „для устрашенія свыше нечестивыхъ“ и „въ отместку за каменья“, какъ полагали христіане; но язычники по-своему истолковали знаменіе: они въ третій разъ стали камнями громить церковь и, наконецъ, зажгли ее и сосѣдніе дома духовенства; клерики частью бѣжали, частью попрятались; одинъ изъ нихъ, случайно попавшійся разъяренной толпѣ, былъ убитъ ею; самъ епископъ слышалъ изъ мѣста, гдѣ скрывался, голоса людей, искавшихъ его съ бранью и угрозами смерти. Все это продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и однако никто изъ мѣстныхъ властей и вліятельныхъ лицъ не пытался остановить безчинство, за исключеніемъ одного „иногороднаго“, которому удалось спасти нѣсколькихъ служителей Божіихъ изъ рукъ людей, хотѣвшихъ ихъ убить— и „отобрать много имущества“ изъ рукъ грабителей. Августинъ приводилъ это въ укоръ властямъ и мѣстнымъ гражданамъ—и въ доказательство того, какъ легко было предотвратить или прекратить безчинство.

Язычники Каламы не могли разсчитывать, что такое дѣло останется безнаказаннымъ; римскіе законы были весьма суровы, а исполненіе ихъ безпощадно; въ этомъ же случаѣ можно было, кромѣ того, опасаться мести за святотатство со стороны христіанскихъ чиновниковъ, еслибы, какъ это было вѣроятно, дѣло было передано въ ихъ руки. Кромѣ того, отвѣтственности подлежало почти все языческое населеніе города, и такъ какъ трудно было бы отыскать наиболѣе виновныхъ, то всѣмъ язычникамъ Каламы грозила страшная бѣда.

При такомъ положеніи дѣла понятно, что къ Августину, вліятельнѣйшему и образованнѣйшему изъ африканскихъ епископовъ, обратился съ просьбой о заступничествѣ за городъ одинъ

изъ жителей Каламы, почтенный старецъ-философъ Нектарій. Письмо его написано прекрасно и съ большимъ достоинствомъ: „Не стану говорить, — пишетъ Нектарій Августину, — какъ сильна любовь къ отечеству, такъ какъ ты самъ это знаешь... Только за ней за одной по справедливости признается преобладаніе надъ любовью къ родителямъ"... Нектарій ссылается на слова Цицерона, что желаніе оказать пользу отечеству не знаетъ у добрыхъ людей ни мѣры, ни предѣла, и въ этомъ ищетъ себѣ оправданія. У такихъ людей съ каждымъ днемъ ростутъ любовь и благодарность къ городу, и по мѣрѣ того, какъ его жизнь близится по его возрасту къ концу, усиливается и его желаніе оставить свое отечество цвѣтущимъ и невредимымъ. Поэтому онъ радуется, что ему приходится вести бесѣду съ человѣкомъ вполнѣ просвѣщеннымъ. „Городъ Каламу,—пишетъ Нектарій,—я по справедливости за многое люблю: и потому что въ немъ родился, и потому что несъ въ немъ немаловажныя обязанности. Вотъ этотъ мой городъ гибнетъ по немалой винѣ своего населенія; а если къ намъ будетъ примѣнена вся суровость государственнаго закона, городъ будетъ подлежать строгой карѣ. Но на епископѣ лежитъ обязанность приносить людямъ лишь спасеніе, быть посильнымъ заступникомъ за нихъ и испрашивать у всемогущаго Господа прощеніе за преступленія другихъ. Поэтому, умоляю тебя всеусерднѣйшею мольбой, если есть какая-либо на то возможность, о томъ, чтобы неповинные нашли защиту и пощаду. Причиненный христіанамъ ущербъ можетъ быть возмѣщенъ по справедливой оцѣнкѣ, но объ одномъ молю, чтобы никто не былъ казненъ"...

Не легко было Августину отвѣчать на это письмо. Въ этой бесѣдѣ двухъ противниковъ предъ нами воскресаетъ происходившая тогда историческая драма, борьба двухъ противоположныхъ міровъ, изъ которыхъ одинъ торжествовалъ, другой угасалъ. Борецъ за міръ торжествующій находился въ положеніи менѣе выгодномъ, потому что стоялъ на сторонѣ побѣдителей, требовавшихъ кроваваго возмездія, и однако въ то же время былъ представителемъ религіи любви и прощенія; но этотъ борецъ былъ Августинъ, унаслѣдовавшій отъ языческой культуры всю ея изворотливую діалектику, все ея мастерство въ благозвучномъ ораторствѣ и въ то же время вложившій въ эти старые мѣха весь пылъ новой сильной вѣры и всю искренность новообращеннаго, предъ которымъ раскрылась вѣчная, божественная истина. „То, что ты,—отвѣчаетъ онъ Нектарію,—хотя и старецъ съ хладѣющимъ тѣломъ, пламенѣешь любовью къ отечеству, я одобряю

и не дивлюсь этому; а также охотно привѣтствую и то, что ты не только помнишь, но самою жизнью подтверждаешь, что хорошіе люди не знаютъ мѣры и предѣла въ своихъ заботахъ объ отечествѣ". Но, похваливъ Нектарія, Августинъ тутъ же даетъ дѣлу совершенно неожиданный для Нектарія оборотъ. „Вслѣдствіе этого и я, одержимый по мѣрѣ силъ своихъ святою любовью къ горней отчизнѣ и трудясь надъ тѣмъ, чтобы помочь моимъ согражданамъ достигнуть ея,—желалъ бы и въ тебѣ видѣть такого гражданина, который не зналъ бы ни мѣры, ни предѣла въ исканіи выгодъ для той частицы этой отчизны, которая еще блуждаетъ на этой землѣ". До этого дѣло, правда, еще не дошло. Нектарій еще чуждается этого настоящаго отечества, но Августинъ не хочетъ отчаяваться въ томъ, что Нектарій будетъ въ состояніи обрѣсти его и уже благоразумно помышляетъ объ обрѣтеніи пути къ нему. А пока это не совершится, Августинъ проситъ Нектарія простить, „если мы ради нашего отечества, которое не желаемъ когда-либо покинуть, нанесемъ ущербъ твоему отечеству, которое ты желаешь оставить въ *цвѣтущемъ* состояніи". Затѣмъ Августинъ переноситъ вопросъ на эту почву и, какъ искусный діалектикъ, выражаетъ увѣренность, что его „проницательный" противникъ согласится съ нимъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать процвѣтаніе города. Припоминая слова знаменитаго у язычниковъ поэта о процвѣтаніи Италіи, Августинъ противопоставляетъ имъ состояніе отечества Нектарія: „Мы сами были свидѣтелями того, какъ оно процвѣтало не столько доблестными мужами, сколько зажженными огнями. Если такое злодѣяніе останется безнаказаннымъ, то мнишь ли ты оставить свое отечество цвѣтущимъ? Это будутъ цвѣты, богатые не плодами, а шипами. Такъ сравни и рѣши, предпочитаешь ли ты, чтобы твое отечество процвѣтало благочестіемъ или нечестіемъ, исправленіемъ нравовъ или безнаказанностью дерзкихъ дѣяній? Взвѣсь это и рѣши, превосходишь ли ты меня въ любви къ своему отечеству? Ты ли болѣе ему желаешь истиннаго процвѣтанія, или я"?... Августинъ предлагаетъ Нектарію вникнуть въ тѣ книги о республикѣ (Цицерона), откуда онъ почерпнулъ свою патріотическую страсть: „Вникни въ нихъ, прошу тебя, и посмотри, какъ тамъ превозносится отсутствіе роскоши, цѣломудріе и вѣрность въ бракѣ, и какъ тамъ то государство признается по истинѣ цвѣтущимъ, въ которомъ господствуютъ честные нравы. Эти-то нравы проповѣдуются въ церквахъ, по всему міру распространяющихся, какъ бы въ священныхъ аудиторіяхъ для народовъ, и въ особенности въ нихъ

прославляется то благочестіе, которымъ чтится истинный и правдивый Богъ, поучающій и приспособляющій духъ человѣка для божественнаго сожительства въ вѣчномъ небесномъ градѣ. Вотъ почему Господь и предсказалъ и приказалъ сокрушеніе идоловъ — ложнаго многобожія; ибо ничто не дѣлаетъ людей такъ мало способными къ общежитію, какъ подражаніе тѣмъ богамъ, которыхъ изображаетъ и прославляетъ ваша литература". Искуснымъ полемическимъ пріемомъ Августинъ переноситъ вопросъ на самую невыгодную для язычниковъ почву. Онъ аппелируетъ къ ихъ высшему авторитету въ вопросахъ политики, философіи и морали, къ великому патріоту и мученику за республиканскую свободу, чтобы доказать, какое неизгладимое противорѣчіе существуетъ между моралью и религіей язычниковъ, и что вслѣдствіе этого никакое процвѣтаніе языческаго государства невозможно.

Упрекнувъ мимоходомъ Цицерона указаніемъ, что ученѣйшіе мужи язычниковъ болѣе занимались тѣмъ, что въ частныхъ бесѣдахъ изображали идеальную республику, вмѣсто того, чтобы дѣйствительно существовавшую укрѣплять общественными мѣрами, — Августинъ обращаетъ вниманіе своего собесѣдника на то, что языческіе моралисты для воспитанія юношества увѣщевали ихъ слѣдовать не столько примѣру боговъ, сколько тѣхъ людей, которыхъ они считали превосходными и достойными похвалъ. „И конечно, — иронически продолжаетъ Августинъ, — тотъ юноша у Теренція, — который, увидѣвъ на стѣнѣ картину, изображавшую продѣлки царя боговъ, подъ вліяніемъ такого авторитетнаго примѣра, воспламенился страстью, — не поддался бы своему увлеченію и не впалъ бы въ преступленіе, если бы предпочелъ слѣдовать примѣру Катона, а не Юпитера! Но какъ же это было для него возможно, когда въ храмахъ его заставляли поклоняться Юпитеру, а не Катону? Правда, — оговаривается Августинъ, — мнѣ, можетъ быть, не слѣдовало бы приводить такой примѣръ изъ комедій, въ которыхъ обличается распутство и кощунственное суевѣріе нечестивыхъ! Но прочти или припомни, какъ въ тѣхъ же книгахъ о государствѣ, авторъ умно разсуждаетъ о томъ, что сюжетъ комедій и изображенныя въ нихъ сцены никогда не имѣли бы успѣха у публики, еслибы имъ не соотвѣтствовали нравы самой публики. Итакъ, — заключаетъ Августинъ, — авторитетомъ знаменитѣйшихъ и первенствующихъ въ государствѣ людей подтверждается, что негодные люди становятся еще хуже отъ подражанія богамъ, конечно, не истиннымъ, а ложнымъ и вымышленнымъ".

Но Августинъ имѣлъ дѣло не съ простымъ язычникомъ, а

съ философомъ, которому было привычно аллегорическое пониманіе политеизма. Поэтому, чтобъ отрѣзать своему собесѣднику этотъ выходъ, Августинъ оговаривается. Конечно, все то, что̀ издревле написано о жизни и нравахъ боговъ, должно быть совершенно иначе понято и истолковано свѣдущими людьми. „Я самъ недавно еще слышалъ, какъ такого рода спасительныя толкованія оповѣщались собравшемуся въ храмѣ народу. Но скажи на милость, неужели человѣческій родъ такъ слѣпъ, чтобы не понять ясной и простой истины? Если многочисленныя прелюбодѣянія Юпитера повсюду изображаются посредствомъ живописи и ваянія, отливаются въ бронзѣ, описываются, читаются, воспѣваются, представляются въ театрѣ и въ балетѣ; если это развращающее зло безъ всякой помѣхи проникаетъ въ народъ; если Юпитеру поклоняются въ храмахъ и его осмѣиваютъ въ театрахъ; если въ честь его приносятся жертвенныя животныя и истребляются стада даже бѣдныхъ; если на представленія и пляски актеровъ, его изображающихъ, даже разоряются достоянія богатыхъ,—то это ли значитъ — процвѣтаніе отечества? Такое процвѣтаніе не вызывается ни плодородіемъ земли, ни обиліемъ доблестей; достойной его матерью не даромъ считается та богиня Флора [1]), въ честь которой даются такія распущенныя и позорныя сценическія представленія, что всякій легко догадается, какого достоинства то божество, въ честь котораго приносятся въ жертву не птицы, не животныя, не даже кровь человѣческая, но что̀ гораздо преступнѣе—послѣднія искры человѣческаго стыда“!

Въ своемъ пылкомъ обличеніи языческой безнравственности Августинъ далеко отвлекся отъ вопроса, разрѣшенія котораго съ такой тревогой ожидали отъ него Нектарій и язычники Каламы.

Какъ будто сознавая это, Августинъ нашелъ нужнымъ оговориться и оправдаться. „Все это я сказалъ,—продолжаетъ онъ,— потому, что ты хотѣлъ бы на исходѣ жизни оставить отечество въ цѣлости и процвѣтаніи. Такъ пусть же въ немъ погибнетъ все суетное и зловредное, пусть его граждане обратятся къ почитанію истиннаго Бога и къ нравамъ цѣломудреннымъ и благочестивымъ; тогда ты узришь свое отечество цвѣтущимъ не по понятіямъ глупцовъ, а на самомъ дѣлѣ—и въ глазахъ мудрецовъ; тогда это твое отечество по плоти, т.-е. твоя родина, станетъ частью той отчизны, въ которую мы вступаемъ не тѣлеснымъ

---

[1]) Игра словъ: florere—процвѣтать, и Flora—богиня весны и цвѣтовъ.

рожденіемъ, а вѣрою, и гдѣ всѣ святые и вѣрные служители Божіи, послѣ понесенныхъ въ здѣшней жизни земныхъ трудовъ, будутъ пребывать въ безпредѣльномъ и вѣчномъ процвѣтаніи. Мы же позаботимся о томъ, чтобы христіанская кротость не была забыта, но чтобъ и городъ вашъ не представлялъ примѣра, опаснаго для подражанія другимъ. Какъ намъ этого достигнуть—въ этомъ намъ поможетъ Господь, если Онъ, впрочемъ, не слишкомъ негодуетъ на жителей Каламы. Ибо и кротость, которую мы желаемъ соблюсти, и умѣренность наказанія, о которой мы хлопочемъ, могутъ не найти себѣ мѣста, если Господу угодно иное, и если въ невѣдомомъ намъ промыслѣ Онъ разсудитъ, что это злодѣяніе подлежитъ болѣе суровому наказанію, или въ еще бо̀льшемъ гнѣвѣ захочетъ его оставить на время безнаказаннымъ, безъ исправленія и безъ обращенія виновныхъ. Отвѣчая затѣмъ на слова, которыми Нектарій взывалъ къ милосердію *епископа*, Августинъ пишетъ: „Ты даешь намъ мудрое наставленіе относительно роли епископа! Мы на самомъ дѣлѣ стараемся, чтобы никто не былъ наказанъ слишкомъ строго ни нами, ни кѣмъ-либо инымъ при нашемъ заступничествѣ, но мы пытаемся доставить людямъ то спасеніе, которое заключается въ блаженствѣ праведной жизни, а не въ безопасности злодѣяній. Прощенія мы желаемъ заслужить не только нашимъ, но и чужимъ проступкамъ, но добиться его мы, конечно, можемъ только для исправившихся".

Съ цѣлью показать Нектарію всю тяжесть вины его согражданъ, Августинъ излагаетъ дѣло, какъ оно было. Выводъ, къ которому пришелъ Августинъ, былъ крайне неутѣшителенъ для старика: Гиппонскій епископъ признавалъ всѣхъ язычниковъ Каламы отвѣтственными за случившееся; онъ считалъ невозможнымъ проводить какое-либо различіе между невинными и виновными—и развѣ только между болѣе или менѣе виновными. Къ такимъ менѣе виновнымъ Августинъ относитъ тѣхъ, кто, изъ страха обидѣть вліятельнѣйшихъ гражданъ и враговъ церкви, не пришелъ на помощь христіанскому духовенству; Августинъ признаетъ преступными всѣхъ, кто хотя и не участвовалъ въ нападеніи на церковь и не подстрекалъ къ этому другихъ, но сочувствовалъ тому, что̀ творилось; болѣе преступными—тѣхъ, кто участвовалъ въ нападеніи; наиболѣе преступными—тѣхъ, кто *подстрекалъ*. Относительно подстрекателей Августинъ допускалъ, что подозрѣніе не есть еще улика, но отклонялъ отъ себя обсужденіе дѣла, которое могло быть установлено лишь посредствомъ пытки привлеченныхъ къ розыску людей. Епископъ Гиппонскій готовъ

былъ простить тѣхъ, кто, страха ради, предпочелъ молиться за епископа и его служителей, чѣмъ вступиться за нихъ и оскорбить могущественныхъ враговъ церкви. „Что же касается до остальныхъ, то неужели они не должны подвергнуться никакой карѣ и примѣръ такого изувѣрства долженъ остаться безнаказаннымъ? Не гнѣву дать удовлетвореніе отместкой за прошлое желаемъ мы, но милосердно обезпечить миръ въ будущемъ.

„У нечестивыхъ есть то, на чемъ христіане могутъ ихъ наказать, не только соблюдая кротость, но и съ пользою, и спасительно для самихъ язычниковъ. Ибо у нихъ есть жизнь, у нихъ есть *чѣмъ* жить, и есть чѣмъ *дурно* жить. Пусть они сохранятъ жизнь и то, чтò необходимо для самой жизни; пусть они живутъ, дабы было кому раскаяться; этого мы желаемъ; этого, насколько то въ нашихъ силахъ, мы, не щадя трудовъ, будемъ добиваться. Что же касается до лишняго въ жизни, то если Господь захочетъ отнять его, какъ гнилое и вредное, то это будетъ еще очень милосерднымъ наказаніемъ. Если же Онъ потребуетъ бóльшей кары, или наоборотъ, даже и этой не допуститъ, то причина такого болѣе высокаго и справедливаго промысла будетъ Ему одному вѣдома. Намъ же надлежитъ приложить нашу заботу и наше вліяніе, насколько намъ дано на то разумѣніе, и молить Его одобрить наше намѣреніе быть всѣмъ полезнымъ и не допустить, чтобы чрезъ насъ сотворилось что-либо вредное для Его церкви,—а это Ему извѣстно лучше, чѣмъ намъ“...

Въ заключеніе Августинъ сообщаетъ Нектарію, что онъ самъ ѣздилъ въ Каламу, чтобъ утѣшить тамошнихъ христіанъ въ ихъ великой скорби, и что пока онъ тамъ находился,—язычники, руководители и виновники ужаснаго бѣдствія, просили его, чтобы онъ ихъ принялъ. Онъ на это согласился, чтобы имѣть случай наставить ихъ относительно того, чтò имъ надлежитъ дѣлать не только для устраненія настоящей ихъ заботы, но и для обрѣтенія вѣчнаго спасенія. „Многое они отъ насъ услышали, о многомъ и сами просили; но не такіе мы служители, чтобы намъ было въ радость принимать просьбы тѣхъ, которые не хотятъ обращаться съ просьбами къ нашему Господу. Отсюда ты усмотришь съ свойственной тебѣ проницательностью, что при соблюденіи христіанской кротости и умѣренности намъ надлежитъ имѣть въ виду—или страхомъ воздерживать другихъ отъ подражанія негодному, или склонять ихъ слѣдовать примѣру исправившихся“. Лишь въ самомъ концѣ письма Августинъ коснулся предложенія Нектарія отъ имени язычниковъ вознаградить

христіанъ за понесенный ими при пожарѣ и грабежѣ матеріальный ущербъ. Августинъ отклонилъ это предложеніе: „Убытокъ будетъ понесенъ потерпѣвшими христіанами или возмѣщенъ другими христіанами; мы добиваемся не денежной выгоды, а прибыли душъ; ихъ мы желаемъ пріобрѣсти хотя бы съ опасностью для жизни; *такой прибыли,* и какъ можно болѣе обильной, мы ищемъ и въ вашемъ городѣ, и хотимъ, чтобы вашъ примѣръ не послужилъ ей препятствіемъ и въ другихъ мѣстахъ".

Изложенное выше письмо Августина не могло, конечно, успокоить Нектарія. Если такъ на дѣло смотрѣлъ христіанскій епископъ, въ которомъ онъ надѣялся найти заступника за провинившихся, то чего же было ожидать отъ христіанскихъ властей и судей? Письмо Августина сулило мало хорошаго: въ его глазахъ всѣ язычники Каламы были виновны; имъ всѣмъ грозило лишеніе состоянія не для возмѣщенія убытка, который не трудно было покрыть, но какъ средство принужденія къ благочестивой жизни; всѣмъ же подозрѣваемымъ въ подстрекательствѣ грозила безжалостная пытка съ ея роковыми послѣдствіями. Поэтому Нектарій рѣшился еще разъ обратиться къ Августину. Онъ пишетъ ему, что при чтеніи его посланія, которымъ онъ разрушалъ поклоненіе идоламъ и обряды храмовъ, ему послышался не голосъ философа изъ тѣнистой академіи, а грозная рѣчь консулара Цицерона противъ преступниковъ и враговъ республики. Характерно для язычника послѣдней эпохи признаніе Нектарія, что онъ съ удовольствіемъ принялъ призывъ преклониться предъ верховнымъ Богомъ и стремиться къ небесному отечеству, о которомъ Нектарій отзывается не какъ философъ, а какъ вѣрующій; но онъ не хочетъ допустить, чтобы это стремленіе понуждало забыть интересы родины. Обращаясь къ послѣдней, Нектарій утверждаетъ, что лишеніе имущества будетъ наказаніемъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ казнь, ибо смерть отнимаетъ всякое сознаніе несчастья, жизнь же въ нуждѣ есть постоянное несчастье. Нектарій ссылается въ доказательство этого на заботы христіанъ о бѣдныхъ и больныхъ. Онъ возражалъ также противъ того, что Августинъ различаетъ виновныхъ по степени вины и размѣру наказанія; причемъ Нектарій ссылался на философовъ (стоиковъ), не признававшихъ различія въ винѣ: Нектарій проситъ для всѣхъ одинаковаго прощенія. „Представь себѣ,—пишетъ онъ Августину,—городъ, изъ котораго выводятъ гражданъ на казнь; плачъ матерей, женъ и дѣтей; настроеніе тѣхъ, которымъ будетъ разрѣшено вернуться въ городъ на свободѣ, но съ искалѣченными пыткою членами; представь себѣ горе и стоны, по-

стоянно возобновляемые зрѣлищемъ ранъ и рубцовъ". Нектарій выставляетъ на видъ, сколько жестокости въ привлеченіи къ уголовному суду невинныхъ, какъ трудно спасти ихъ отъ злобы обвинителей и какъ часто послѣдніе виновныхъ выпускаютъ, а невинныхъ задерживаютъ.

Письмо Нектарія встревожило Августина. Оно было получено имъ 27 марта 409 г., почти восемь мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Августинъ отправилъ ему отвѣтъ на его первое письмо. Почему это случилось? Былъ ли отвѣтъ Августина поздно доставленъ Нектарію, или послѣдній не находилъ нужнымъ ему отвѣчать? Почему же онъ теперь написалъ? Не выжидалъ ли онъ результатовъ поѣздки, которую предпринялъ епископъ Каламы, Поссидій, въ Италію, къ императорскому двору, съ жалобой на язычниковъ Каламы? и не дошли ли теперь до него извѣстія, что жалоба Поссидія увѣнчалась успѣхомъ, и что изъ Равенны пришелъ приказъ привлечь виновныхъ язычниковъ къ строгой отвѣтственности? Августину ничего объ этомъ не было извѣстно, но приглашеніе Нектарія представить себѣ картину города, жителей котораго ведутъ на казнь, какъ будто подтверждало такое его предположеніе. Поэтому Августинъ, въ новомъ отвѣтѣ, прежде всего требуетъ, чтобы Нектарій какъ можно яснѣе написалъ, дошелъ ли до него какой-нибудь слухъ о судьбѣ, предстоящей Каламѣ, для того, чтобы ему, Августину, знать, какъ поступить, если это такъ, или что отвѣтить тѣмъ, которые этому слуху вѣрятъ.

Мрачная картина казней и пытокъ, изображенная Нектаріемъ, безпокоитъ Августина: онъ спѣшитъ увѣрить Нектарія, что „далекъ отъ того, чтобы навлечь что-либо подобное на кого-либо изъ враговъ—или лично, или черезъ кого-нибудь другого. Подозрѣніе, что Августинъ причастенъ бѣдствіямъ, которыя постигнутъ язычниковъ Каламы, было для него тѣмъ болѣе тяжело, что Поссидій, передъ путешествіемъ въ Италію, побывалъ у него въ Гиппонѣ, и суровыя кары, еслибы онѣ обрушились на язычниковъ Каламы, могли бы быть приписаны его, Августина, настоянію.

Какъ самое начало, такъ и все письмо Августина, весьма пространное, представляетъ собой попытку оправдаться и доказать, что Нектарій впалъ въ недоразумѣніе, приписывая Августину болѣе жестокія чувства и болѣе жестокія намѣренія по отношенію къ язычникамъ Каламы, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Нужно сказать, что оправданіе написано искусно и хорошо выясняетъ истинную точку зрѣнія Августина, но зато пер-

вое его письмо давало Нектарію полное основаніе понимать Августина такъ, какъ онъ его понялъ.

Августинъ, прежде всего, оспариваетъ утвержденіе Нектарія, что смерть предпочтительнѣе разоренія, и что жизнь въ нуждѣ есть непрерывное бѣдствіе. Августинъ возражаетъ, что „трудящаяся бѣдность не грѣхъ, а часто удерживаетъ отъ грѣха". Что же касается до утвержденія, будто „смерть есть конецъ всѣхъ золъ", то оно, правда, встрѣчается у языческихъ писателей, но далеко не у всѣхъ; это—мнѣніе эпикурейцевъ и другихъ, признающихъ, что душа смертна. Тѣ же философы, которыхъ Цицеронъ величаетъ почетнымъ прозвищемъ „консуларовъ", полагаютъ, что „въ послѣдній день жизни душа не умираетъ, а удаляется изъ тѣла и, по своимъ заслугамъ, обрѣтаетъ благо или зло". Но Августинъ, по его словамъ, вовсе и не имѣлъ въ виду довести язычниковъ Каламы до такой бѣдности, которую можно назвать нуждой. Онъ вовсе не желалъ путемъ взысканій навязать имъ плугъ Цинцинната или скромный очагъ Фабриція, хотя эти мужи, въ свое время, изъ-за своей бѣдности не только не утратили уваженія своихъ согражданъ, но казались имъ наиболѣе способными управлять государствомъ. „Даже того я не желаю,—пишетъ Августинъ Нектарію,—чтобы у богачей твоей родины оставалось не болѣе десяти фунтовъ серебра, какъ у того консула Руфина, котораго тогдашній цензоръ за это справедливо подвергъ порицанію, признавая это излишнимъ богатствомъ". Августинъ не хотѣлъ бы только, чтобы у каламскихъ язычниковъ оставались средства создавать серебряные идолы, изъ-за поклоненія которымъ они сожигаютъ христіанскія церкви и разоряютъ безчеловѣчнымъ образомъ бѣдное достояніе христіанскихъ клериковъ.

Значительная часть письма Августина посвящена опроверженію взглядовъ Нектарія на преступленіе и наказаніе. Нектарій утверждалъ, что когда требуется прощеніе—нѣтъ нужды входить въ оцѣнку рода преступленія или степени вины. Августинъ на это замѣчаетъ, что это справедливо, когда рѣчь идетъ о наказаніи, а не объ исправленіи. Желаніе мести не должно служить христіанину побужденіемъ къ наказанію; онъ не долженъ ненавидѣть обидчика, не долженъ желать воздать ему зломъ за зло, не долженъ поддаваться страсти нанести обидчику вредъ; но прощеніе не должно препятствовать попеченію о благѣ обидчика и отвлеченію его отъ зла. Однимъ словомъ, Августинъ настаивалъ на религіозно-педагогическомъ значеніи наказанія.

Съ этой точки зрѣнія Августинъ не могъ согласиться и съ

другимъ утвержденіемъ Нектарія,—что такъ какъ всѣ проступки равны, то и прощеніе ихъ должно быть одинаковое. Августинъ опровергалъ Нектарія собственными его словами, указывая на самопротиворѣчіе его. Свой парадоксъ о равенствѣ преступленій онъ заимствовалъ у стоиковъ; но стоики, признавая всѣ проступки равными, обнаруживали въ этомъ свою жестокость, ибо они отсюда вовсе не выводили, что всѣ проступки должны подлежать прощенію, а напротивъ, что всѣ должны быть наказуемы. Затѣмъ, возвращаясь къ конкретному случаю и признавая различныя степени виновности язычниковъ Каламы, Августинъ, на этотъ разъ, высказываетъ точнѣе свой взглядъ на степень ихъ отвѣтственности: онъ допускаетъ невиновность тѣхъ, кто отсутствовалъ или былъ безсиленъ, физически или нравственно, пріостановить насилія: въ особенности же важно то, что онъ уклоняется сказать что-либо о подстрекателяхъ на томъ основаніи, что ихъ вина, вѣроятно, не можетъ быть обнаружена безъ посредства пытки, а это „противорѣчитъ его намѣреніямъ“.

Поэтому онъ имѣлъ право писать Нектарію: „Такъ не опасайся же, чтобы мы замышляли гибель невинныхъ; мы не желаемъ казни даже тѣхъ, кто ея достоинъ, ибо этому препятствуетъ то милосердіе, которое мы полюбили въ Христѣ вмѣстѣ съ истиной. Но кто щадитъ пороки и способствуетъ ихъ развитію, съ тѣмъ, чтобы не огорчить виновныхъ, того нельзя назвать милосерднымъ, какъ и того, кто не хочетъ вырвать ножъ изъ рукъ ребенка, чтобы не слышать его плача“.

Нельзя не благодарить судьбу за то, что она подала Августину поводъ написать это письмо. Это — важный документъ не только для біографіи Августина, но и для культурной исторіи. Безъ него, мы могли бы впасть относительно Августина въ такое же недоразумѣніе, въ какое впалъ и Нектарій, при чтеніи перваго письма Августина, написаннаго сгоряча, подъ первымъ впечатлѣніемъ совершенныхъ въ Каламѣ буйствъ. Разъясняя точнѣе свою мысль, Августинъ получилъ возможность опредѣленно высказать, что онъ съ отвращеніемъ отвергаетъ способъ устанавливать виновность посредствомъ *пытокъ*. Еслибы такого же взгляда держалась средневѣковая церковь, то этотъ ужасный бичъ — примѣненіе пытки въ уголовномъ судопроизводствѣ—не перешелъ бы отъ римской имперіи къ христіанскимъ государствамъ Европы. Интересенъ также взглядъ Августина на значеніе денежныхъ пеней. Этотъ вопросъ составляетъ проблему и въ современномъ уголовномъ правѣ, и неодинаково разрѣшается различными законодательствами. Въ большинствѣ изъ

нихъ денежная пеня является „эквивалентомъ“ заключенія въ тюрьму, т.-е. отъ послѣдняго можно откупиться денежнымъ штрафомъ, притомъ, по общей таксѣ, т.-е. безотносительно къ состоянію. Въ этихъ случаяхъ денежная пеня заключаетъ въ себѣ привилегію для наиболѣе состоятельныхъ, которымъ она наименѣе чувствительна. Августинъ подходитъ къ разрѣшенію этого вопроса съ этической стороны. Онъ отвергаетъ даже граждански-правовой характеръ денежной пени, какъ уплаты за причиненные христіанамъ убытки: пусть христіане понесутъ эти убытки; съ аскетической точки зрѣнія потеря земныхъ благъ не есть убытокъ. Съ этой именно точки зрѣнія должны понести наказаніе и виновные язычники. Они должны понести тяжелыя денежныя пени не для того, чтобы сдѣлаться нищими, но чтобы лишиться возможности тратиться на пагубныя для нихъ языческія торжества и приблизиться къ состоянію, не представляющему соблазновъ.

Переписка Нектарія съ Августиномъ интересна еще и потому, что заключаетъ въ себѣ ясное признаніе со стороны язычника великихъ и благихъ усилій тогдашней церкви для облегченія участи бѣднѣйшаго населенія. „Вы поддерживаете бѣдныхъ, —говоритъ Нектарій, — возстановляете силы болящихъ, больнымъ даете лекарства“; здѣсь указана раздача денежныхъ пособій, санитарное и больничное дѣло, но къ этому присоединяется еще общая забота о благѣ страждущихъ: „вы всѣми способами стараетесь, чтобы несчастные не чувствовали продолжительности бѣдствія“.

Вся эта приведенная переписка подала одному изъ послѣднихъ историковъ „паганизма“ поводъ къ невѣрному освѣщенію дѣятельности и взглядовъ Гиппонскаго епископа. Шульце [1]) почему-то извѣстно, что Августинъ отправился въ Каламу для разслѣдованія дѣла „въ величайшемъ раздраженіи“. Приглашенный быть посредникомъ между язычниками и христіанами, Августинъ отказался отъ этого, по словамъ Шульце,—и послѣдній строитъ на этомъ предположеніе, что происшествіемъ въ Каламѣ воспользовались для того, чтобы тамъ окончательно сломить силу язычества. Эту догадку Шульце подкрѣпляетъ вопросомъ: „Развѣ возможно, чтобы Августинъ промолчалъ?“—т.-е. не обратился съ жалобой къ императорскому правительству. А въ доказательство того Шульце ссылается на письмо Августина къ Олимпію, содержаніе котораго сводитъ къ настоянію серьезно

[1]) V. Schultze. Gesch. d. Untergangs d. gr.-röm. Heidenthums. I, 364; II, 158.

отнестись къ исполненію законовъ противъ язычниковъ, недостаточно примѣнявшихся къ дѣлу вслѣдствіе утвержденія язычниковъ, что они изданы безъ вѣдома и даже противъ желанія императора. Дѣло же обстоитъ слѣдующимъ образомъ: въ августѣ 408 года былъ убитъ въ Равеннѣ Стилихонъ, знаменитый вандальскій вождь, приставленный императоромъ Ѳеодосіемъ къ его малолѣтнему и слабовольному сыну, Гонорію. Замѣстителемъ его, т.-е. правителемъ государства, сталъ главный изъ заговорщиковъ, азіатскій грекъ Олимпій, котораго христіане прославляли за благочестіе, а язычники считали лицемѣромъ. Два мѣсяца спустя, въ Карѳагенѣ собрался съѣздъ епископовъ, постановившій, 13 октября, отправить къ императору депутацію изъ двухъ епископовъ, Реститута и Флоренція, съ жалобой на язычниковъ и еретиковъ (донатистовъ). На этомъ съѣздѣ, вѣроятно, присутствовалъ также и Августинъ. Но еще прежде, чѣмъ эти епископы достигли столицы, Августинъ лично обратился къ Олимпію. Августинъ еще раньше ему писалъ, какъ только въ Африку дошелъ слухъ о его возвышеніи, и ходатайствовалъ по дѣлу одного африканскаго епископа съ казной; убѣдившись, изъ отвѣта Олимпія, въ его расположеніи къ нему, Августинъ пишетъ ему вторично, упоминая при этомъ, что въ первый разъ онъ не имѣлъ свѣдѣній о тѣхъ важныхъ дѣлахъ, которыя его теперь сильно волнуютъ; объ этихъ дѣлахъ и о мѣрахъ, необходимыхъ для устраненія или исправленія подобныхъ случаевъ, ему доложатъ епископы, съ этою цѣлью посланные за̀-море. Августинъ же не хотѣлъ упустить случая снестись съ нимъ при помощи священника, который былъ принужденъ, для блага одного изъ своихъ согражданъ, отправиться въ столицу среди самой зимы; этотъ священникъ былъ направленъ своимъ епископомъ черезъ Гиппону (на берегу моря), такъ какъ Августинъ, претерпѣвая большія волненія и непріятности по дѣламъ церкви, желалъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Олимпія и не находилъ оказіи.— О чемъ же проситъ Августинъ?—о томъ, чтобы Олимпій принялъ, какъ можно скорѣе, мѣры для освѣдомленія враговъ церкви, что присланные, еще при жизни Стилихона, въ Африку законы о разрушеніи идоловъ и исправленіи еретиковъ „были изданы по волѣ благочестивѣйшаго и благовѣрнѣйшаго императора“—для того, чтобъ эти враги не хвастали, будто бы это было сдѣлано безъ его вѣдома или противъ его воли, и сами бы этому не вѣрили, смущая и возбуждая этимъ неопытныхъ людей и вызывая такимъ способомъ сильную вражду противъ церкви и большую для нея опасность. Августинъ настаиваетъ на томъ, что отнюдь не слѣ-

дуетъ откладывать объявленія въ провинціи, что законъ въ защиту церкви есть дѣло сына Θеодосія, чѣмъ Стилихона, и, въ виду этого, Августинъ проситъ Олимпія издать подобный указъ еще до пріѣзда въ столицу отправившихся туда епископовъ.

Изъ анализа этого письма вытекаетъ, что оно, ни хронологически, ни по своему содержанію, не стоитъ въ связи съ сожженіемъ язычниками церкви въ Каламѣ. Событіе это произошло уже 1 іюня — слухи о возвышеніи Олимпія должны были дойти до Гиппоны не позднѣе сентября,—а между тѣмъ Августинъ, въ написанномъ тогда первомъ письмѣ къ Олимпію, не жалуется на язычниковъ Каламы; тогда—какъ сказано во второмъ письмѣ—онъ еще не получилъ свѣдѣній о тѣхъ дѣлахъ, которыя его встревожили. Слѣдовательно, эти дѣла не имѣли отношенія къ Каламѣ.

Во второмъ письмѣ также не упоминается о Каламѣ. Цѣль его ясна: если и справедливо, что заговорщики, чтобы привлечь на свою сторону императора, приписывали Стилихону и его сыну Евхерію намѣреніе произвести реставрацію язычества, то объ этомъ въ Африкѣ не знали, а наоборотъ,—тамъ смерть Стилихона возбудила среди язычниковъ и донатистовъ надежду, что вмѣстѣ съ нимъ пали и изданные при немъ суровые противъ нихъ законы. Августинъ же проситъ Олимпія не о какихъ-либо репрессивныхъ мѣрахъ, а объ объявленіи, что изданные при Стилихонѣ законы сохраняютъ свою прежнюю силу.

Для того, чтобы вѣрно оцѣнить отношеніе Августина къ язычникамъ, не слѣдуетъ опредѣлять ихъ только на основаніи его писемъ по поводу языческихъ насилій въ Суфектанѣ и Каламѣ. У насъ для этого есть другой обильный источникъ—проповѣди Августина и его поученія на псалмы. Тѣ и другіе занимаютъ по два тома въ изданіи „Патрологіи" Минье, т.-е. составляютъ около третьей части всѣхъ сочиненій Августина. Нельзя не подивиться при громадномъ количествѣ поученій и проповѣдей—первыхъ 150, вторыхъ дошло до насъ 396—тому, что въ нихъ такъ рѣдко идетъ рѣчь о язычникахъ. Изъ этого можно, кажется, заключить, что въ самой Гиппонѣ язычниковъ осталось немного,—но во всякомъ случаѣ относящагося къ язычникамъ матеріала въ проповѣдяхъ Августина достаточно для сужденія о его отношеніяхъ къ нимъ. Прежде всего нужно отмѣтить то, что Августинъ, въ своихъ проповѣдяхъ и поученіяхъ никогда не возбуждаетъ слушателей противъ язычниковъ—на подобіе нѣкоторыхъ изъ своихъ совре-

менниковъ. Чрезвычайно рѣдко касается онъ нареканій, возводившихся язычниками на христіанство и оскорблявшихъ христіанъ. Такъ напр., онъ упоминаетъ объ утвержденіи язычниковъ, что Христосъ для совершенія чудесъ пользовался магіей. Августинъ опровергаетъ это ссылкой на пророчества о Христѣ до его появленія, и спрашиваетъ: „Развѣ эти пророчества также плодъ магіи? если это такъ, то нужно думать что Христосъ былъ магомъ еще до своего рожденія"! Въ поученіи на 80-ый псаломъ Августинъ опровергаетъ „злословіе" язычниковъ, утверждавшихъ, что бѣдствія стали изобиловать со времени христіанства,—и указываетъ, что среди язычниковъ давно уже установилась поговорка: „Господь не даетъ дождя, веди насъ на христіанъ".

„Предки ихъ такъ вопили,—восклицаетъ Августинъ,—а они продолжаютъ такъ кричать даже когда Богъ посылаетъ дождь" и исполняются еще бо̀льшей „гордыней вмѣсто того, чтобы глубже смириться".

Чаще, чѣмъ язычниковъ Августинъ обличаетъ языческихъ боговъ и идоловъ. Подводя язычниковъ подъ текстъ: „Гнѣвъ Господенъ постигнетъ нечестивыхъ", Августинъ спрашиваетъ: „За что же? вѣдь имъ не былъ данъ законъ, какъ евреямъ, которые имъ пренебрегли! Но,—возражаетъ на это Августинъ,—имъ была дана возможность познать Господа изъ природы. „Воззри,—восклицаетъ онъ,—на плодородную землю, воззри на море обильное жизнью, воззри на воздухъ, полный птицъ, на блескъ звѣздъ—и развѣ ты не спросишь, чье это дѣло? Ты скажешь мнѣ:—я все это вижу, но не вижу того, чье это дѣло.—Но, чтобы все это видѣть, Господь далъ тебѣ глаза, а чтобы узрѣть Его самого—Онъ далъ тебѣ разумъ. Если бы язычники такъ поступили и смиренно пребывали въ блаженномъ созерцаніи Господа, они имѣли бы оправданіе. Но они возгордились, и тогда ихъ ввелъ въ искушеніе лживый гордецъ и сдѣлалъ ихъ поклонниками демоновъ. Отсюда возникли обряды, совершаемые язычниками, необходимые, по ихъ словамъ, для очищенія ихъ души. Отсюда же произошли и идолы, не только въ образѣ бреннаго человѣка, но, какъ у египтянъ, въ образѣ животнаго, птицы и змѣя. Они скажутъ намъ: мы не идоламъ поклоняемся, а тому, что̀ они изображаютъ. Но кто почитаетъ идола, тотъ божественную истину подмѣниваетъ ложью: ибо море существуетъ по истинѣ, Нептунъ же—ложный вымыселъ человѣка. Господь сотворилъ море, человѣкъ же—идола Нептуна. Что̀ такое Юнона?—говорятъ: воздухъ; намъ предлагали почитать море въ образѣ Нептуна, а теперь—

воздухъ въ образѣ Юноны. Но все это лишь стихіи, составляющія міръ, сотворенный Господомъ. Пусть же намъ не говорятъ:—мы поклоняемся не идоламъ, а тому, что̀ они изображаютъ.—Но это значитъ поклоняться твореніямъ—паче Творца“.

Въ поученіи на 134-ый псаломъ самый текстъ наводитъ Августина на обличеніе идоловъ: „идолы язычниковъ—серебро и золото,—дѣло рукъ человѣческихъ; есть у нихъ уста, но не говорятъ, есть у нихъ глаза, но не видятъ“.—„Духъ Божій,—объясняетъ Августинъ,—поноситъ идоловъ и глумится надъ ними; но надъ идолами смѣются уже сами поклонники ихъ“. Августинъ обращаетъ вниманіе на то, что текстъ не говоритъ объ идолахъ изъ камня или дерева, изъ гипса или глины или подобнаго малоцѣннаго матеріала. Нѣтъ, рѣчь идетъ объ идолахъ изъ золота и серебра, т.-е. изъ того, что̀ люди считаютъ наиболѣе цѣннымъ. Но и такіе идолы—не что̀ иное, какъ дѣло рукъ ремесленника. Развѣ вы не видите,—обращается Августинъ къ язычникамъ,—что тѣ, кого вы возвели въ боги, ничего не видятъ; что имъ сдѣланы уши, но они не слышатъ? О, человѣкъ! ты безъ сомнѣнія смѣялся бы надъ дѣломъ рукъ своихъ, еслибы позналъ, чьею рукою ты самъ сотворенъ“!..

Одно изъ замѣчательныхъ проявленій Августиновскаго краснорѣчія—это слова, въ которыхъ онъ противопоставляетъ ничтожеству прославленныхъ на весь міръ языческихъ боговъ величіе слабыхъ тѣломъ христіанскихъ мучениковъ, своими страданіями побѣдившихъ могущество языческаго міра. Эти слова находятся въ проповѣди Августина въ день памяти епископа Фруктуоза и дьяконовъ Аугурія и Эвлогія, пострадавшихъ въ 259 г., при императорѣ Галліенѣ въ Тарраконѣ.

Ставши на точку зрѣнія тѣхъ язычниковъ, которые видѣли въ богахъ—обоготворенныхъ людей, Августинъ восклицаетъ: „что̀ же сказать о людяхъ, которыхъ язычники почитаютъ за боговъ, которымъ они строютъ храмы, алтари, ставятъ жрецовъ, приносятъ жертвы? Я скажу, что ихъ нельзя и равнять съ нашими мучениками, даже самое сопоставленіе съ ними обидно для мучениковъ. Не будемъ поэтому сравнивать нечестивыхъ боговъ съ самыми слабыми изъ вѣрующихъ, даже съ тѣми, которые еще живутъ во плоти и не достигли зрѣлости. Что̀ значитъ Юнона въ сравненіи съ какой-нибудь вѣрующей христіанской старушкой? чего сто̀итъ Геркулесъ противъ слабаго и дрожащаго всѣмъ тѣломъ старца-христіанина? Геркулесъ побѣдилъ Кака, убилъ льва, одолѣлъ пса Цербера—Фруктуозъ же побѣдилъ цѣлый міръ! тринадцатилѣтняя дѣвочка Агнеса побѣдила дьявола; это

дитя одолѣло того, кто именемъ Геркулеса многихъ ввелъ въ обманъ".

Съ такимъ же торжествомъ прославляетъ Августинъ совершавшееся на его глазахъ обращеніе язычниковъ.

„Сколько языковъ,—восклицаетъ Августинъ, — пришло къ намъ съ вѣрою; изъ сколькихъ помѣстій, изъ сколькихъ пустынь приходятъ они! приходитъ ихъ оттуда, невѣдомо сколько, искать вѣры. Мы говоримъ имъ: чего вамъ надо?—они отвѣчаютъ:—хотимъ познать славу Божію.—Мы удивляемся и радуемся этимъ словамъ сельчанъ. Приходятъ они, неизвѣстно откуда, невѣдомо, по чьему зову.—Нѣтъ, я знаю, по чьему зову! Вѣдь сказано:—Никто не приходитъ ко Мнѣ, кого Отецъ не позвалъ.—Приходятъ они къ церкви изъ лѣсовъ, изъ пустынь, съ отдаленнѣйшихъ и недоступныхъ горъ, и всѣ почти говорятъ одно. Чего вамъ надо?—спрашиваемъ мы ихъ. А они:—хотимъ видѣть славу Божію. Они вѣрятъ, идутъ подъ благословеніе и требуютъ, чтобы имъ поставили священниковъ". Иногда у Августина къ этому торжеству примѣшивается горечь сознанія, что оно стоило такъ дорого, и нѣкоторое пренебреженіе къ бывшимъ врагамъ: „Гдѣ теперь тѣ, кто кричалъ: да исчезнетъ съ земли имя христіанъ? Одни изъ нихъ обратились, другіе погибли, немногіе остались и робѣютъ. Какъ свирѣпствовала ненависть враговъ нашихъ, когда они проливали кровь мучениковъ! А теперь тѣ самые, кто преслѣдовалъ мучениковъ, разыскиваютъ ихъ могилы, чтобы имъ поклониться, или чтобы на нихъ упиться допьяна!" (ubi se inebrient).

Никогда, однако, въ торжествующихъ кликахъ побѣды не слышится у Августина фанатизмъ: его радуетъ не столько пораженіе враговъ и ненавистниковъ христіанъ, сколько проявленіе Божьяго промысла. Паденіе языческихъ царствъ было предсказано пророками. Августинъ вспоминаетъ о видѣніи Даніила, о камнѣ, который былъ свергнутъ съ горы безъ рукъ человѣческихъ и разбилъ всѣ царства земныя. Этотъ камень—Христосъ. А какія же это царства земныя разбиты Христомъ?—Это царство идоловъ, царство демоновъ. „Царствовалъ Сатурнъ (африканскій Ваалъ) во многихъ сердцахъ: гдѣ же теперь его царство? Царствовалъ Меркурій надъ многими людьми; гдѣ его царство? Оно разбито, а тѣ, надъ которыми онъ царствовалъ, покорились царству Христа. Какъ величественно было царство Целесты (Астарты) въ Карѳагенѣ! Куда дѣлось теперь царство Целесты"?

Такія торжествующія заявленія у Августина, какъ и у современныхъ ему христіанскихъ писателей, не слѣдуетъ понимать

буквально. Закрытіе храмовъ и запрещеніе жертвоприношеній еще не означало гибели язычества. Подавляемое въ городахъ, язычество крѣпко держалось въ деревняхъ и усадьбахъ (откуда и названіе: pagani—сельчане). Въ проповѣдяхъ самого же Августина мы находимъ этому подтвержденіе и притомъ интересное указаніе на то, какъ онъ относился къ вопросу объ уничтоженіи идоловъ въ частныхъ владѣніяхъ,—къ вопросу, такъ сказать, индивидуальной религіозной свободы.

„Язычники,—говоритъ Августинъ въ 62-ой проповѣди,—называютъ насъ врагами идоловъ своихъ. Да поможетъ намъ Господь и дастъ ихъ намъ во власть, какъ отдалъ тѣхъ, которые уже разбиты. Но вотъ что̀ я скажу вамъ, любезные братья: не дѣлайте этого, пока не получите на это власть. То — обычай дурныхъ людей, бѣшеныхъ циркумцелліоновъ, свирѣпствовать тамъ, гдѣ они не имѣютъ на то права. Мы же, когда не имѣемъ на то власти, не дѣлаемъ этого; когда же получимъ ее, то никогда, не упустимъ случая. Многіе язычники хранятъ эту мерзость въ усадьбахъ своихъ; развѣ мы проникаемъ туда, чтобы разбивать идоловъ? Наша главная забота въ томъ, чтобы разбить идоловъ въ ихъ *сердцахъ*. Когда они станутъ христіанами, они или пригласятъ насъ на это хорошее дѣло, или сами предупредятъ насъ. Только молиться нужно за нихъ, а не гнѣваться на нихъ. Мы испытываемъ особенное скорбное чувство, но оно направлено противъ христіанъ, противъ братьевъ нашихъ, которые желаютъ быть членами церкви, но такъ, чтобы тѣло ихъ принадлежало церкви, сердце же было бы не тамъ“.

Воздерживая христіанъ отъ истребленія идоловъ въ частныхъ владѣніяхъ, Августинъ въ то же время защищаетъ ихъ отъ несправедливыхъ нареканій. „Еретики, евреи и язычники,—говоритъ Августинъ,—соединились противъ единой церкви (unitatem fecerunt contra unitatem). Если случится, что гдѣ-нибудь евреи понесутъ наказаніе за какую-нибудь свою неправду, они обвиняютъ насъ и подозрѣваютъ, и воображаютъ, что мы всегда противъ нихъ замышляемъ. Если случится, что еретики подвергнутся карѣ законовъ за свое нечестіе или насиліе, они говорятъ, что мы только и хлопочемъ о ихъ истребленіи. Когда издается законъ противъ язычниковъ — еслибы они были благоразумны, то поняли бы, что онъ изданъ на *пользу* имъ,—они полагаютъ, что мы вездѣ ищемъ идоловъ, и гдѣ находимъ, тамъ разбиваемъ ихъ. Зачѣмъ ихъ искать? Развѣ не на лицо мѣста̀, гдѣ находятся идолы? Развѣ мы не знаемъ, гдѣ они? И все-таки мы этого не дѣлаемъ, такъ какъ Господь не предоставилъ намъ власти на

это. Когда же Господь дастъ намъ эту власть? Тогда, когда владѣлецъ имѣнія сдѣлается христіаниномъ... Развѣ въ томъ, что̀ стало достояніемъ церкви, могутъ оставаться идолы? Братья, вотъ что̀ и не нравится язычникамъ: имъ мало того, что мы изъ ихъ усадебъ не удаляемъ идоловъ, не разбиваемъ ихъ; они хотятъ, чтобы мы сохранили идоловъ и въ христіанскихъ имѣніяхъ. Мы проповѣдуемъ противъ идоловъ, мы удаляемъ ихъ изъ сердецъ, мы преслѣдуемъ идоловъ!—я признаюсь въ этомъ. Намъ ли охранять ихъ? Но я не уничтожаю идоловъ тамъ, гдѣ не могу, тамъ, гдѣ владѣлецъ будетъ этимъ недоволенъ; тамъ же, гдѣ онъ самъ этого пожелаетъ, гдѣ онъ поблагодаритъ за это,—я былъ бы виновенъ, еслибъ этого не сдѣлалъ".

Отсюда видно, что, какъ ни страстно Августинъ желалъ уничтоженія идолопоклонства, онъ воздерживалъ христіанъ отъ поголовнаго истребленія идоловъ.. Для него главнымъ дѣломъ было не насильственное уничтоженіе презрѣнныхъ изображеній, а обращеніе самого язычника, которое повлекло бы за собой и уничтоженіе идола. Этотъ взглядъ свой онъ облекъ въ замѣчательную, безсмертную формулу въ своемъ поученіи на 80-ый псаломъ:

„Многіе еретики и язычники выдумали и натворили себѣ разныхъ боговъ, и воздвигли ихъ, если не въ храмахъ, то—что̀ еще хуже—въ сердцѣ своемъ, такъ что сами превратились въ обиталища ложныхъ и смѣхотворныхъ идоловъ. Поэтому великое дѣло—разбивать этихъ идоловъ въ сердцахъ" (magnum opus est intus haec idola frangere)... Паденіе язычества должно сопровождаться нравственнымъ подъемомъ христіанъ: „Взгляните, братія,—восклицаетъ Августинъ въ одной изъ своихъ проповѣдей,—какъ улучшается наша земля: одни изъ языческихъ храмовъ сами разрушаются, другіе—разбиваются, иные—обращены на лучшее дѣло; такъ должно быть и съ нами". Затѣмъ перечисливъ рядъ пороковъ, Августинъ провозглашаетъ: „все это должно, подобно идоламъ, быть уничтожено въ насъ".

Августину пришлось поэтому продолжать свою борьбу съ язычествомъ на почвѣ христіанства. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Африкѣ, переходъ, иногда и вынужденный, языческихъ массъ въ христіанство порождалъ извѣстнаго рода *двоевѣріе*: сдѣлавшись христіанами, многіе продолжали молиться своимъ прежнимъ богамъ... У Августина встрѣчаются интересныя въ этомъ отношеніи указанія, подтверждающія политическія обвиненія пресвитера Сальвіана противъ африканскихъ христіанъ. Такъ, Августинъ убѣждаетъ въ одномъ поученіи своихъ слуша-

телей, что „даже тогда, когда плоть ощущаетъ въ чемъ-либо нужду, надо это испрашивать молитвою у Бога, а не у демоновъ и идоловъ, или иныхъ какихъ-либо силъ сего міра. Ибо бываютъ такіе люди, которые, когда голодаютъ, покидаютъ Бога и молятъ Меркурія или Юпитера, чтобы послалъ имъ хлѣба, или ту, кого они называютъ *Небесною* (матерью), или какихъ-нибудь подобныхъ демоновъ—плоть ихъ не алчетъ Господа".

Изъ словъ Августина видно, что среди полуязыческихъ христіанъ сложилась даже какая-то теорія, признававшая извѣстное раздѣленіе труда между христіанскимъ богомъ и языческими, и утверждавшая, что отъ Бога зависитъ все необходимое для вѣчной жизни, демонамъ же нужно поклоняться ради благъ земныхъ. „Не хочетъ Господь, чтобы имъ поклонялись вмѣстѣ съ Нимъ, хотя бы Его чтили гораздо больше ихъ. Но ты спросишь, неужели демоны не нужны для земной жизни?—Нѣтъ!—А развѣ не слѣдуетъ опасаться прогнѣвить ихъ?—Нѣтъ; они не могутъ повредить, если Господь того не допуститъ. Демоны всегда полны желанія вредить,—хотя бы ихъ умилостивляли, хотя бы ихъ умоляли, они никогда не перестанутъ желать вреда людямъ".

Въ порокахъ ложныхъ христіанъ Августинъ видитъ главное препятствіе къ обращенію язычниковъ. Примѣняя къ нимъ слова 30-го псалма, Августинъ восклицаетъ: „Какъ велико число тѣхъ, которые пожелали быть христіанами, но оскорблены дурными нравами христіанъ? Это—тѣ *сосѣди,* о которыхъ сказано, что они приблизились къ намъ, но мы стали страшилищемъ для нихъ". Поэтому Августинъ восклицаетъ: „Кто враги церкви? язычники, евреи?—Нѣтъ, хуже всѣхъ худые христіане! Сколько дурного говорится о дурныхъ христіанахъ, а всѣ проклятія противъ нихъ падаютъ на всѣхъ христіанъ. Главные гонители церкви тѣ христіане, которые не хотятъ жить по-христіански".

Изъ приведенныхъ нами справокъ видно, насколько неосновательно обвиненіе Августина въ какомъ-то *двуличіи* [1]) въ его борьбѣ съ язычествомъ. Указавъ на письма его къ Олимпію, съ просьбой о мѣрахъ противъ идоловъ, Шульце прибавляетъ: „Въ другой же разъ Августинъ воздерживалъ пламенное рвеніе своимъ увѣщаніемъ, что идолы должны сначала быть ниспровергнуты въ сердцахъ. Этотъ двойной совѣтъ сообразовался съ обстоятельствами. Гдѣ въ городахъ магистраты и руководящія фамиліи пользовались своимъ вліяніемъ для поддержанія стараго культа, тамъ онъ находилъ нужнымъ обращаться за помощью къ государствен-

[1]) Schultze. Gesch. d. Untergangs d. gr. röm. Heidenthums. II, 161.

ной власти. Гдѣ у язычниковъ не было этой заручки, тамъ Августинъ считалъ возможнымъ расправиться собственными силами".

Такая характеристика дѣлаетъ изъ знаменитаго христіанскаго богослова и моралиста какого-то кардинала-дипломата временъ реформаціи. Августинъ, конечно, пламенно желалъ паденія язычества и сверженія идоловъ. Онъ видѣлъ въ идолопоклонствѣ не только *суевѣріе*, почитаніе твореній вмѣсто творца, но поклоненіе демонамъ, т.-е. отпавшимъ отъ Бога нечистымъ и злымъ духамъ. Августинъ, современникъ императоровъ Граціана и Ѳеодосія, горячо привѣтствовалъ всѣ государственныя мѣры, направленныя къ уничтоженію язычества, и опасался всяческихъ колебаній въ этой политикѣ, такъ какъ они поддерживали язычество;—отсюда и его письмо къ Олимпію. Но Августинъ, въ отличіе отъ такихъ епископовъ, какъ современные ему Ѳеофилъ Александрійскій и Маркелъ Апамейскій, которые во главѣ фанатизированной толпы шли на бой съ язычниками, воздерживалъ толпу отъ самоуправства, ссылаясь на текстъ „Второзаконія", и убѣждалъ своихъ слушателей воздерживаться отъ разбиванія идоловъ, пока они не получатъ на это разрѣшенія. Отъ кого? Отъ самихъ владѣльцевъ, которые, сдѣлавшись христіанами, или сами разобьютъ идоловъ, „или васъ пригласятъ на доброе дѣло".

Къ чему же обвинять въ жалкомъ оппортунизмѣ именно того, кто призналъ „великимъ дѣломъ разбивать идоловъ прежде всего въ самомъ человѣкѣ"?

В. Герье.

БРАТЬЯ

ПОВѢСТЬ.

I.

Одинъ изъ швейцаровъ, въ поддёвкѣ съ голубымъ воротомъ рубашки, поднялъ кверху голову и. крикнулъ коридорному:

— Бабичевъ дома—въ семнадцатомъ номерѣ?

— Дома!—донесся голосъ корридорнаго.—Только они приказывали до завтрака не принимать.

— Карточку возьми... доложи... Можетъ, и примутъ!

Въ сѣняхъ „Большой Московской гостинницы" остался дожидать отвѣта господинъ въ котиковой шапкѣ и пальто съ мѣховымъ воротникомъ—средняго роста, очень худощавый. Подстриженная борода и черные глаза съ густыми бровями придавали ему видъ скорѣе иностранца, чѣмъ русскаго.

Но онъ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ спросилъ швейцара:

— Иванъ Степановичъ давно здѣсь стоитъ?

— Никакъ съ недѣлю,—отвѣтилъ тотъ.

— Просятъ!—раздался сверху голосъ корридорнаго.

— Пожалуйте!—пригласилъ швейцаръ.—Налѣво, по корридору, семнадцатый номеръ. Тамъ укажутъ. Одёжу здѣсь оставите?—предложилъ онъ.—Подниматься слободнѣе будетъ.

Безъ пальто, въ темно-сѣромъ пиджакѣ, гость смотрѣлъ еще худощавѣе.

Онъ сталъ быстро подниматься по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступеньки. На носу его уже сидѣло pince-nez, въ золотой оправѣ.

— Третья дверь налѣво,—указалъ ему коррпдорный.

Гость постучалъ въ дверь. Оттуда очень звонкій голосъ тотчасъ же отвѣтилъ:—Прошу!

— Руженцовъ! Ты ли это?—встрѣтилъ его Бабичевъ, подходя къ нему съ раскрытыми широко руками. — Дай обнять и облобызать.

Въ Бабичевѣ его товарищъ по университету—Руженцовъ—нашелъ только одну перемѣну: онъ пополнѣлъ и въ лицѣ, и въ станѣ, но такой же все свѣжій, видный изъ себя блондинъ, съ лихими усами и густой бородой, съ блескомъ голубыхъ глазъ, съ тѣмъ же молодымъ высокимъ голосомъ и легкой картавостью.

Онъ былъ уже одѣтъ, какъ всегда, старательно, но безъ франтовства, въ темную пару.

— Садись, садись! Дай на тебя взглянуть.

Бабичевъ усадилъ гостя на диванъ, не выпуская его руки изъ своей.

— Неказистъ, а?—спросилъ своимъ хриповатымъ, низкимъ голосомъ Руженцовъ и улыбнулся, показавъ твердые, но пожелтѣлые зубы.—Особенно теперь! Всю осень провалялся въ инфлуэнціи.

— Откуда ты?

— Съ юга.

— Работалъ тамъ? по своей части?

— Ха, ха! Ты это такъ сказалъ, Бабичевъ, точно я коммивояжеръ по части устройства новѣйшихъ газовыхъ кухонныхъ плитъ?

— У тебя была... какая-то заминка? Ты тогда писалъ мнѣ. Но ты вѣдь не долго находился безъ мѣста?

— Все это, братецъ мой, не суть важно! Неизбѣжный ходъ вещей: ежели ты самъ не желаешь быть щукой—поступай въ караси! Состоялъ въ услуженіи у тамошнихъ кошатниковъ...

— Какъ ты называешь — „кошатники“? — перебилъ Бабичевъ. — Это какъ наши мужики называютъ мелкихъ прасоловъ и барышниковъ?

— Тѣ—другихъ размѣровъ! А теперь я попалъ въ услуженіе къ здѣшнему паевому товариществу... уже настоящихъ московскихъ идоловъ. И вотъ меня сюда вытребовали... форменной бумагой... за такимъ-то номеромъ.

— Ты вѣдь все по той же спеціальности—химикъ?

— Пачкунъ. Химія самая низменная. Краски придумывать для ихъ степенствъ.

Бабичевъ также не нашелъ сильной перемѣны въ своемъ товарищѣ, Викторѣ Руженцовѣ, кромѣ еще бо̀льшей худобы. Такъ же

онъ прищуривалъ глаза, изъ-за стеколъ pince-nez, и встряхивалъ головой съ жесткими, торчащими вверхъ волосами. Тонъ его былъ все съ тѣми же нотами человѣка, находящагося всегда „при особомъ мнѣніи".

Онъ и въ студентахъ считалъ Руженцова „башкой"—и думалъ, что изъ него пожалуй выйдетъ ученый европейской репутаціи. Но тогда, тотчасъ по выходѣ, съ Руженцовымъ случилась серьезная „заминка"—его любимое слово,—и онъ оставался нѣсколько лѣтъ „подневольнымъ обывателемъ" какой-то сѣверной трущобы.

— Что же! Ты будешь, стало быть, почаще наѣзжать сюда? А по дорогѣ и ко мнѣ?

Бабичевъ назвалъ губернскій городъ южнѣе отъ Москвы.

— Ужъ не знаю, другъ! Видѣть тебя всегда душевно радъ. Читаемъ про тебя, читаемъ... Дѣлаешься всероссійскимъ земцемъ! А?

— Ужъ и всероссійскимъ?!

— Не унываешь! На что-то надѣешься! Чего-то взыскуешь!..

И, перебивая себя, Руженцовъ всталъ, весь какъ-то передернулся и прищурился вбокъ на Бабичева.

— Ты въ которомъ часу пріемлешь пищу?

— Завтракаю въ полдень.

— А теперь уже половина двѣнадцатаго, кажется? Я съ утра въ разговорахъ съ ихъ степенствами. Приглашали они меня въ „Славянскій", да мнѣ хотѣлось поскорѣе тебя видѣть.

— Превосходно! Мы прямо пройдемъ въ ресторанъ, на галерею. Тамъ свободно.

— Чисто по-московски! Безъ трактира нѣтъ разговора по душѣ... Я, быть можетъ, помѣшалъ тебѣ... если что спѣшное?

— Ничего нѣтъ! До трехъ я свободенъ.

— А въ Москвѣ долго ли пробудешь?

— Еще съ недѣлю.

— Съ такими же, какъ ты, ретивыми земцами?

Бабичевъ ничего не отвѣтилъ и только тихо разсмѣялся.

— Ну, такъ идемъ,—ѣсть смертельно хочется!

Они вышли на площадку лѣстницы и оттуда поднялись наверхъ и заняли одну изъ арокъ съ видомъ на большую залу, въ два свѣта, въ этотъ часъ еще почти пустую.

Половые — кучками и въ одиночку—бѣлѣли на фонѣ стѣнъ и мебели, между рядами столовъ.

Бабичеву пріятно было видѣть передъ собою, черезъ столъ, такого товарища, какъ Руженцовъ, умницу, убѣжденнаго, безусловно честнаго.

Какъ бы онъ былъ доволенъ, еслибъ ему удалось перетащить его въ свои края и сдѣлать изъ него мѣстнаго дѣятеля. Сколько бы они вмѣстѣ надѣлали хорошаго дѣла! И какъ такіе люди нужны именно теперь!..

Но онъ не сталъ сразу говорить съ Руженцовымъ на эту именно тему.

Тотъ успѣлъ выпить рюмку рябиновки и вкусно закусывалъ провѣсной бѣлорыбицей. Завтракъ былъ уже заказанъ.

Заглянувъ внизъ, въ залу, Руженцовъ повелъ на особый ладъ губами.

— Все та же Орда и Византія!

— Много и новаго есть,—мягко замѣтилъ Бабичевъ.

— Чтò ново — такъ только для близиру... а внутри все та же червоточина.

Бабичевъ зналъ давно, что его товарищъ „во все извѣрился". Не одна только та „заминка", которая вышибла его изъ колеи,—сдѣлала это.

На свою личную судьбу онъ всегда смотрѣлъ довольно-таки равнодушно. Съ тѣхъ поръ онъ много жилъ „на міру", и его огорченность происходила вовсе не отъ личныхъ неудачъ.

И точно въ подтвержденіе его мысли, Руженцовъ, мѣняя тонъ, выговорилъ спокойнѣе и съ юморомъ:

— Ты, пожалуйста, не думай, Бабичевъ, что я тебѣ съ днѝка буду въ жалобномъ тонѣ про себя разсказывать? Какъ видишь, выплылъ. И еслибъ хотѣлъ измѣнить тактику, то лѣтъ черезъ пять былъ бы директоромъ или членомъ того паеваго товарищества, гдѣ принципальствуетъ нѣкоторый архикультурный купецъ Хаевъ...

— Хаевъ?—остановилъ Бабичевъ.—Захаръ Захарычъ?..

— Несомнѣнно!

— Да это мой сосѣдъ. У него прекрасная усадьба, въ десяти верстахъ. Бывшее имѣніе графа Кудашева...

— Онъ, онъ! Представляетъ своей персоной эволюцію перетасовки двухъ сословій.

— И жену его знаешь?—спросилъ Бабичевъ.

— Не имѣю удовольствія.

— Особа оригинальная.

— Не спорю. Такъ вотъ, другъ, я и говорю, что жалиться на свою судьбу не стану; что, собственно, она нисколько не повліяла на мои итоги... не какъ обывателя, которому надо пить-ѣсть, а какъ сына своей родины, какъ человѣка, который не перестаетъ размышлять о томъ, чтò вокругъ него дѣлается

и силится дать отвѣтъ на тотъ же избитый и неотразимый вопросъ: куда идемъ?

— Во всякомъ случаѣ, куда-то идемъ.

И тихая усмѣшка появилась на полныхъ, свѣжихъ губахъ Бабичева.

— Въ лѣсную дичь или въ затяжное болото? — подсказалъ Руженцовъ.

— Зачѣмъ такія сказочныя прибаутки?

— Не нравится?

— А все-таки идемъ!—повторилъ Бабичевъ.

— Да вѣдь и все идетъ! И процессъ гніенія имѣетъ свои законы. Безъ ферментовъ и онъ не происходитъ!..

— Оставь, Руженцовъ, твою химическую номенклатуру!

Тонъ у Бабичева оставался все такимъ же благодушнымъ и даже ласковымъ; и это начинало раздражать Руженцова.

— И ты вотъ—Иванъ Степановичъ Бабичевъ, мой коллега и однолѣтокъ, жившій не въ щели, а на міру, не менѣе меня,— мнишь, что ты представляешь собою какое-то... какъ бы это сказать... начало?...

— Прекрасно сказано, Викторъ Павловичъ! Именно начало. Я не представляю его собою—такой у меня претензіи нѣтъ,—но я его держусь, я его исповѣдую.

— И оно называется?

— Хоровое начало.

— Ха, ха!

Смѣхъ Руженцова раздался по галереѣ.

— Чтò же тутъ особенно смѣшного?—сказалъ Бабичевъ, и его красивые голубые глаза взглянули съ выраженіемъ тихаго упрека на пріятеля.

— Я вспомнилъ... Мы уже съ тобой были первокурсниками. Хоронили того старца, который выдумалъ это самое „хоровое начало". Помнишь, у насъ былъ одинъ медикъ. Мы съ нимъ посѣщали пивную, тамъ, на Никитской... Онъ удивительно передразнивалъ старца... хаживалъ въ одно семейство, куда тотъ часто ѣзжалъ и произносилъ свои монологи до разсвѣта.

Руженцовъ взъерошилъ и безъ того торчащіе, уже сѣдѣющіе волосы, опустилъ подбородокъ и, поведя какъ-то бровями, произнесъ хриплымъ басомъ:

— Вселенское чувство... хоровое начало...

Потомъ опустилъ сначала кисть правой руки подъ столъ, повернулъ ладонь, поднялъ ее изъ-подъ стола, указательнымъ пальцемъ вверхъ, и еще гуще протянулъ:

— Идея!

И Бабичевъ разсмѣялся.

— Такихъ старцевъ уже нѣтъ!—выговорилъ онъ грустно.— У нихъ были идеалы. И въ томъ, что онъ такъ часто повторялъ,—сидитъ великая идея.

— Это твой конёкъ!—остановилъ Руженцовъ.

— Не конекъ, — отвѣтилъ еще серьезнѣе Бабичевъ, а коренное и руководящее вѣрованіе.

Тонъ у него былъ особенный—мягкій и проникновенный. Чувствовалась привычка складно и красиво говорить. Высокій голосъ пріятно вибрировалъ.

Но Руженцовъ и прежде находилъ, что у его пріятеля есть наклонность къ „лирическому доктринерству", къ хорошимъ словамъ и пріемамъ краснорѣчія.

— Ну, да... Я тебя узнаю, Бабичевъ! Но скажи мнѣ, другъ, неужели ты желалъ бы кончить жизнь свою въ роли этого запоздалаго славянофила съ безконечными варіаціями на одну и ту же тему? Что̀ отъ всего этого осталось, скажи на милость? Шумиха словъ! И неужели кто-нибудь изъ насъ, знающихъ жизнь, способенъ на такое словоизверженіе?

— Позволь! И про этого старца грѣшно было бы сказать, что онъ только говорилъ—сегодня на Плющихѣ, завтра на Чистыхъ-Прудахъ. Онъ и дѣйствовалъ, какъ писатель и другъ просвѣщенія, журналистъ и защитникъ дорогихъ для него принциповъ.

— Но что̀ же осталось изъ его хорового начала, которое ты желаешь теперь воскресить изъ мертвыхъ, какъ нѣкоторую драгоцѣнную мумію?

На высокомъ и бѣломъ лбу Бабичева намѣтилась морщина.

Тонъ Руженцова ему не нравился, больше, чѣмъ когда-либо. Онъ не ожидалъ даже, чтобы такой умный и испытанный жизнью человѣкъ могъ держаться такого тона.

— Оставимъ мы того старца,—заговорилъ онъ еще искреннѣе, сдерживая самый звукъ голоса.—Но его пароль, его обобщающую идею—нельзя, ни подъ какимъ видомъ, считать пустой фразой и еще менѣе муміей, которую я желаю гальванизировать! Ты считаешь это старьемъ? А какая идея лежитъ въ заглавіи романа, которымъ мы съ тобой зачитывались студентами: „In Reih' und Glied" Шпильгагена, такъ неудачно переведенное: „Одинъ въ полѣ не воинъ"?

— А ты господина Шпильгагена не сдавалъ еще въ архивъ?

— Его самого мы оставимъ.

— Другими словами: ты признаешь, что его пѣсенка спѣта?

— Прекрасно. Но что это такое за изреченіе: „In Reih' und Glied"? Откуда оно взято?

— Отъ солдатчины.

— Это—символъ такого строя, такого уклада жизни, при которомъ все ладится и вершится только общей работой.

— Новое открытіе... нечего сказать!

— Прошу тебя, Руженцовъ, не возражай мнѣ въ такомъ тонѣ. Ты не можешь же не признавать, что безъ этого начала хоровой, т.-е. мірской солидарности немыслимо общественное возрожденіе.

— Блаженъ, кто вѣруетъ!

Руженцовъ выпилъ рюмку вина и махнулъ рукой.

— Говори! Говори! Ты привыкъ на засѣданіяхъ къ монологамъ.

— Не студентомъ, а уже сложившимся умомъ и характеромъ ты любилъ приводить въ нашихъ спорахъ формулы и оцѣнки Огюста Конта. Ты этого не станешь отрицать?...

— Ну и что же?

— А что̀ онъ считалъ самымъ образцовымъ, въ смыслѣ общаго лада, идеаломъ соціальнаго устройства?

Руженцовъ прищурилъ одинъ глазъ.

— Мало ли онъ что̀ изрекъ!

— Однако... ты знаешь, да не хочешь сказать.

— Скажи за меня, если у тебя память свѣжѣе.

— Такой идеалъ—военный строй... полкъ.

— Какой... пѣшій или конный?

— Оставь свои прибаутки, Викторъ! Или прекратимъ разговоръ на эту тему.

— Вонъ ты какой строгій сдѣлался... Привыкъ предсѣдательствовать! Смотри, Бабичевъ, какъ разъ въ генералы отъ земства попадешь.

— Прекрасно; но Огюстъ Контъ все-таки находитъ, что военный строй—символъ общественной организаціи, гдѣ каждый сознательно и добровольно служитъ коллективному дѣлу. А что̀ же это такое, какъ не Шпильгагенское заглавіе: „In Reih' und Glied"?

— И тебѣ надо непремѣнно, чтобы я согласился?—спросилъ въ шутливомъ тонѣ Руженцовъ.

— Нельзя не считаться съ очевидностью.

— Я и не спорю. Но все это одно прекраснословіе, другъ Иванъ Степановичъ! Чтобы идти „In Reih' und Glied",—„нога въ ногу", нуженъ строй, фаланга, рота тамъ что-ли... А гдѣ

онъ у насъ—этотъ строй? Побойся Бога! Не то, что фаланги—взвода не наберешь, которымъ командуетъ субалтернъ-офицеръ.

— Онъ *долженъ* быть! — съ мягкой убѣжденностью вскричалъ Бабичевъ.

— Долженъ! Такъ?! По щучьему велѣнью, по моему прошенью?

— Все дѣло въ насъ, въ каждой отдѣльной личности,—заговорилъ Бабичевъ, не горячась, тономъ оратора, который попадаетъ на свою любимую тему. — Ни въ чемъ и ни въ комъ больше! Пускай каждый изъ насъ—какое бы ни занималъ скромное положеніе—забудетъ о своихъ личныхъ притязаніяхъ, перестанетъ возиться съ своимъ „я" и пойдетъ нога въ ногу съ товарищами, вправо и влѣво.

— Не спрашивая, куда они идутъ... на бой? Съ кѣмъ? Или на собственную бойню? Ха, ха!

— Оставь свои софизмы. Разъ отдѣльная личность поставитъ себя въ добровольное подчиненіе къ цѣлому—идея образуется сама собою.

— Ой-ли?—вырвалось у Руженцова, и онъ началъ закуривать сигару.

— Не нужно ее выдумывать—она для всѣхъ ясна и у всѣхъ на виду. Никакого особаго уговора или еще менѣе комплота не надо. Но чего не хватаетъ и не хватало, это—строевого чувства, болѣе живого сознанія, что тамъ, гдѣ кто въ лѣсъ, кто по дрова—тамъ не будетъ ничего, кромѣ неурядицы и жалкой траты силъ.

— Но вѣдь это *буки-азъ-ба*... то, что ты проповѣдуешь, милѣйшій Иванъ Степановичъ?

— Нужды нѣтъ.

— И ты прекрасно знаешь, что въ вашей фагангѣ, или даже въ вашемъ взводѣ, такихъ, какъ ты—два-три и обчелся. Нельзя же, другъ, въ наши съ тобой годы предаваться иллюзіи, впадать въ маниловщину? Ну, ты будешь преисполненъ предâнности афоризму: „in Reih' und Glied", ну, ты возведешь въ догматъ оцѣнку, сдѣланную основателемъ позитивизма военному строю, какъ высокому прототипу общественнаго лада, но ты-то и окажешься одинъ въ полѣ воинъ! Или, много-много, васъ будетъ трое-четверо... а противъ васъ десять, двадцать, сто обывателей, у которыхъ одинъ принципъ—шкурное чувство и вѣковое наслѣдство — холопство во всемъ: во взглядахъ, привычкахъ, нравахъ, складѣ натуры, во всемъ!

Все это Руженцовъ выговорилъ съ особой внутренней горечью, но безъ задора, замедляя обычный темпъ своей рѣчи.

Бабичевъ слушалъ съ опущенной головой, отпивая маленькими глотками изъ чашки съ кофеемъ.

Въ лицѣ его было такое выраженіе: „слыхали-молъ мы эти возраженія десятки разъ, и новаго ты ничего, любезный другъ, не сказалъ“!

— Ты не такъ смотришь на вещи,—промолвилъ онъ съ той же убѣжденностью.

— Надо имѣть особые очки, чтобы иначе смотрѣть. Или у тебя явился другой аршинъ, другіе вѣсы? Тогда—дѣло десятое!

— Вовсе нѣтъ... Если ты думаешь, что я подамся въ сторону, намъ съ тобой антипатичную — ты глубоко ошибаешься.

Выраженіе глазъ Бабичева измѣнилось и въ голосѣ зазвучали другія ноты.

— Это—дѣло твоей совѣсти, Бабичевъ!.. И я не хочу и не считаю себя вправѣ исповѣдывать тебя. Но если ты все еще такой, какимъ я тебя зналъ два-три года назадъ—твой оптимизмъ меня крайне изумляетъ. Ты мѣстный дѣятель, на виду теперь у всей грамотной Россіи. Превосходно! Но ты не можешь же не знать — къ чему сводится, даже и въ передовомъ уѣздѣ— число людей, съ которыми бы ты пошелъ „нога въ ногу“. Вокой! Тебѣ и книги въ руки! А я послушаю.

— Ты берешь вопросъ слишкомъ прямолинейно, Викторъ. Это—нетерпимость, это—если позволишь другое слово — якобинство!

— Якобинцемъ никогда не бывалъ!

— Да, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но я называю „якобинствомъ“ всякую непримиримость въ общественныхъ дѣлахъ. Какъ будто всѣ должны быть одного credo? Это—дѣтство! Это прилично дикимъ. Да и у дикихъ такой нетерпимости нѣтъ.

— Вижу, куда ты пробираешься. Путь скользкій. Онъ ведетъ...

— Къ чему?—живо остановилъ Бабичевъ.

— Да къ оппортунизму,—ужъ если держаться французскаго жаргона.

— Нисколько!—такъ же живо воскликнулъ Бабичевъ.—Не поступайся тѣмъ, что̀ для тебя дорого. Одни—свободные мыслители, другіе—вѣрующіе...

Взглядъ Руженцова остановилъ его.

— Да, вѣрующіе... Но есть оттѣнки: одни—вѣрные сыны господствующей церкви... другіе...

— А мы всегда были склонны къ нѣкоторому россійскому протестантству, — перебилъ съ юморомъ Руженцовъ, не отводя отъ пріятеля своего прищуреннаго косвеннаго взгляда.

— Мои вѣрованія—тутъ ни при чемъ! Но я беру то, что̀ для человѣка—самое дорогое.

— Не для всякаго, другъ.

— Положимъ. Но тогда онъ—свободный мыслитель.

— И эту формулу пора бы бросить; очень она обща̀.

— Я продолжаю! Позволь мнѣ досказать. Вижу, что ты совсѣмъ не признаешь порядка преній.

— А въ тебѣ уже черезчуръ чувствуется и ораторъ, и предсѣдатель.

— Можетъ быть. Но, съ твоего позволенія, я все-таки докажу мои доводы. Итакъ, въ извѣстной группѣ есть оттѣнки взглядовъ, отвѣчающихъ различію лагерей.

— Партіи ты—небось—не признаешь? Это вѣдь наша россійская прибаутка. У гнилого Запада—тамъ партіи; а у насъ нѣтъ. У насъ—хоровое начало. Вѣдь ты, до сихъ поръ, еще не отдѣлался отъ славянофильскаго привкуса.

— Меня пока оставимъ, умоляю тебя, Викторъ. Партіи! Я ихъ не отвергаю. И у насъ складываются двѣ главныхъ партіи—какъ я ихъ разумѣю.

— Любопытно послушать!

— Одна смотритъ впередъ; другая — назадъ. Онѣ рѣзко очерчены; отрицать это нелѣпо, и смѣшно повторять прибаутку о томъ, что у насъ, видите ли, нѣтъ партій.

— А твое хоровое начало?

— Оно должно объединять людей съ однимъ главнымъ credo. Но въ предѣлахъ одной партіи—положимъ, той, что̀ глядитъ впередъ—есть десятокъ оттѣнковъ. И вотъ тутъ-то оно и спасительно, то начало, надъ которымъ ты такъ жестоко прохаживаешься. Вотъ передъ нами X или Y. Иксъ—дворянинъ съ извѣстными традиціями, но честный и благожелательный, способный нести хорошую земскую службу. Неужели я буду его раздражать, тыкать ему въ глаза: „ты дворянинъ, а я—демократъ, ты—аглицкихъ идей, а я—французскихъ“. Я его привлеку къ общему дѣлу: вотъ мой долгъ и моя душевная отрада. Полажу и съ Игрекомъ. Онъ—купецъ, нынѣшній коммерсантъ, съ образованіемъ...

— Какъ мой Хаевъ?

— Именно, какъ твой Хаевъ! Лучше примѣра ты не могъ привести. Я знаю, что ихъ степенства считаютъ себя теперь царями положенія, что охранительныя пошлины раздули ихъ мошну; но назадъ ходу уже нѣтъ. У него нѣсколько тысячъ душъ рабочихъ въ моемъ уѣздѣ. Онъ—крупнѣйшій землевладѣ-

лецъ, у него образцовый хуторъ; онъ пожертвовалъ капиталъ на ремесленное училище.

— Да! но, какъ главный пайщикъ, онъ выжимаетъ сокъ изъ своихъ ткачей и присучальщиковъ, и не уступитъ имъ копѣйки мѣдной на кускѣ миткаля, и чуть что—военную команду!

— Совершенно вѣрно! Но нелѣпо было бы требовать, чтобы онъ, какъ ты говоришь, по щучьему велѣнью превратился въ соціаль-демократа, въ высокаго альтруиста. Какъ обыватель, какъ крупная единица въ уѣздѣ—онъ можетъ быть пріуроченъ къ общему дѣлу. Изъ самолюбія, изъ чванства, или чего другого, но онъ дѣлается членомъ того меньшинства, которое глядитъ впередъ. И я его не пріобрѣту для моего лагеря? И я буду тыкать ему въ носъ, что онъ въ сущности...

— Дворянящійся купчикъ!

— Именно! И позволь мнѣ сказать тебѣ, Викторъ, по-товарищески, что ты поступишь крайне легкомысленно и вредно, въ нашемъ съ тобою смыслѣ, если ты, состоя на его заводѣ главнымъ химикомъ, не съумѣешь довести своихъ пайщиковъ до тѣхъ уступокъ въ интересахъ рабочихъ, какія ты считаешь нужными...

— Ни въ какіе компромиссы съ этимъ народомъ входить не желаю!

— Твое дѣло!

— И рабочіе—кто поумнѣе—не очень-то поддаются на разныя подачки и лакомства, которыя ихъ степенства удѣляютъ имъ изъ ихъ же каторжнаго труда. Всѣ эти школы, больницы, клубы, театры, азили и кассы! Въ прошломъ году я ѣздилъ въ Англію и завернулъ въ Шеффильдъ. Не мало я походилъ по рабочимъ и нашелъ тамъ настоящее, здоровое и боевое отношеніе къ патронамъ. Тамъ они не желаютъ принимать отъ нихъ никакихъ благодѣяній. Слышишь, *никакихъ*! Плати мнѣ задѣльную плату. А не хочешь—мы заставимъ! И патроны, по крайней мѣрѣ, не ломаютъ комедіи, а аттестуютъ себя какъ заядлые представители капитала.

— Это—другой вопросъ. Но все-таки твой Хаевъ—у насъ, въ хорошемъ углу нашей земской избы, выражаясь символически, — и ужъ конечно не я буду его отваживать изъ-за неумѣстной прямолинейности.

Бабичевъ посмотрѣлъ на часы.

— А который? — спросилъ его Руженцовъ, кладя окурокъ сигары въ пепельницу.

— Четверть второго.

— Вонъ сколько времени. Вѣдь мнѣ, какъ разъ, пора въ

амбаръ, гдѣ я буду бесѣдовать еще разъ съ твоимъ передовымъ земцемъ.

— И мнѣ пора. Но мы видимся не въ послѣдній разъ?

— Еще бы! Боюсь только, Иванъ Степановичъ, какъ бы намъ съ тобой не побраниться.

— Съ моей стороны опасности не будетъ.

— Въ добрый часъ. Ты больше по вечерамъ свободенъ?

— Всего лучше, въ часъ обѣда... по-московски.

— А позволь спросить: кто же это будетъ твой *Иксъ*? Благожелательный дворянинъ? Секретъ? Или ты такъ привелъ, какъ въ алгебраической задачѣ?

— Нѣтъ, это нашъ предводитель, князь Мироновъ. Онъ теперь, какъ разъ, въ Москвѣ. И я у него сегодня обѣдаю.

— Онъ только начинаетъ службу?

— Да, онъ всего второй годъ.

— А вотъ посмотримъ, чѣмъ кончитъ. Эволюція такихъ земцевъ извѣстна, при нынѣшнемъ фарватерѣ. Ха, ха!

Они вмѣстѣ сошли и на площадкѣ дружески обнялись. Руженцовъ сбѣжалъ въ швейцарскую; Бабичевъ вернулся въ свой номеръ.

II.

Часа черезъ два съ половиной—на дворѣ уже стояли сумерки—Руженцовъ вошелъ въ большую галерею „Верхнихъ-Рядовъ“, идущую параллельно фасаду, по Красной площади.

Онъ попадалъ сюда едва ли не въ первый разъ.

Пустили электрическій свѣтъ.

Руженцовъ остановился и сталъ глядѣть и на верхъ, гдѣ высился стеклянный сводъ, и вдаль.

Виднѣлось немного народу. Нѣсколько низменные створы лавокъ освѣщались неярко. Снаружи видно было, что и въ лавкахъ пустовато.

Руженцовъ не любилъ толпы, и этотъ просторъ ему нравился. Въ самой галереѣ было что-то величавое, совсѣмъ не отвѣчающее той мелкой торговлѣ, какая ведется въ ней съ утра до вечера.

Тутъ можно было уйти отъ того, чѣмъ живетъ весь этотъ „городъ“—отъ ненавистной ему торгашеской и кулаческой суетни,—все равно на рубли или на милліоны рублей.

Вотъ сейчасъ, въ великолѣпныхъ чертогахъ паеваго товарищества, съ мраморными лѣстницами и обшивками стѣнъ изъ

маіолики, въ кабинетѣ, какихъ не мало и на *Чипсайдѣ* въ Лондонѣ, и на *Бродуэй* въ Нью-Іоркѣ, со всевозможными тонкостями дѣлового комфорта,—онъ прощался съ Хаевымъ, фабрикантомъ-землевладѣльцемъ, котораго милѣйшій Бабичевъ—доктринеръ и оптимистъ, съ своимъ „хоровымъ началомъ" думаетъ завербовывать въ „партію смотрящихъ впередъ, а не назадъ".

И сколько разъ, во время дѣловой конференціи съ его степенствомъ, у него внутри закипала желчь.

Насквозь видѣлъ онъ всю психологію такого представителя третьяго сословія самоновѣйшей формаціи.

Кто бы сказалъ, что онъ—внучекъ того Захара Евстигнѣева Хаева, который тутъ же на Варваркѣ, но въ дѣдовскомъ невзрачномъ амбарѣ, пилъ чай, держа стаканъ безъ блюдечка и подувая, въ сапогахъ бутылками, въ потертой сибиркѣ и съ серьгой въ правомъ ухѣ?

А его принципалъ! Фу, ты, Боже мой! Не то молодой лордъ, не то англійскій актеръ, не то англизированный баринъ, берущій милліонные куши на эпсомскихъ скачкахъ и на парижскихъ Grand Prix. Весь бритый, съ хохолкомъ рыжеватыхъ волосъ, съ вылощеннымъ лицомъ и колеромъ щекъ, какой дается только отъ особой холи, гимнастики и ежедневыхъ душей, въ шевьётовомъ сьютѣ—разумѣется, отъ Pool'я, въ узѣйшихъ брюкахъ и ботинкахъ съ завязушками, въ высочайшихъ воротникахъ, съ маленькимъ бантикомъ внизу ихъ.

И что за тонъ! И что за прононсъ! Тоже—съ англійскимъ сюсюканьемъ. И какая тонкость обращенія—нестерпимо вѣжливаго, подъ которымъ есть что-то мерзостно-высокомѣрное.

Ни къ чему нельзя было придраться—и это вливало лишнюю каплю горечи въ „фіалъ гнѣва",—такъ Руженцовъ самъ выражался,—заполнившій его грудь въ этотъ послѣдній „коллоквій".

Ни къ чему!

Руженцова вызвали въ Москву, потому что въ ближайшемъ совѣщаніи пайщиковъ—ихъ счетомъ пятеро, въ томъ числѣ и супруга Хаева — будетъ рѣшаться капитальный вопросъ: расширять ли химическое отдѣленіе, т.-е. строить ли совсѣмъ новое зданіе, или сдѣлать только пристройку? Онъ стоялъ за коренную перестройку.

Хаевъ выслушалъ его доводы—все время молчалъ, сидѣлъ съ опущенными рѣсницами своего актерскаго лица и сказалъ въ видѣ заключенія:

— Весьма радъ. Это была и моя мысль. Детали—уже ваше дѣло, Викторъ Павловичъ.

Другими словами: „и безъ тебя мы все это разсудимъ, а ты только нашъ приказчикъ, и твое дѣло—детали".

И въ деталяхъ онъ выказывалъ себя европейцемъ, самъ подсказалъ нѣкоторыя новыя приспособленія, въ смѣтѣ попросилъ „не стѣсняться", давая понять, что онъ—самый образованный и самой широкой натуры изъ всѣхъ пайщиковъ.

Строить будетъ архитекторъ ихъ семейства, тотъ самый, который вывелъ для него хоромину въ новомъ стилѣ, не виданную даже на Москвѣ. Разумѣется, архитектору отъ подрядчиковъ будетъ хорошій процентъ, кромѣ того, что̀ онъ затребуетъ съ товарищества.

Руженцову придется провести все лѣто на фабрикѣ, не воспользуясь и ежегоднымъ отпускомъ, который выговоренъ въ контрактѣ.

И тутъ опять Хаевъ далъ ему почувствовать, что этотъ дополнительный трудъ будетъ оплаченъ „соотвѣтственно". Но вся эта комедія корректности такъ мозжила его, что онъ довольно безцеремонно заявилъ: при расширеніи дѣла и такомъ „закабаленіи" себя на все лѣто, его гонораръ долженъ быть вообще повышенъ—и въ значительной мѣрѣ.

Тотъ даже не поморщился, а выговорилъ съ кончика губъ:

— Я самъ думалъ сдѣлать предложеніе моимъ сотоварищамъ въ такомъ точно смыслѣ.

Ни къ чему не придерешься!

А Бабичевъ все-таки провалится съ своимъ „хоровымъ началомъ", если онъ будетъ вдаваться въ благородныя иллюзіи.

Всѣ—одного поля ягода, и хозяева, и приказчики, и рабочіе, и чиновники, и разночинцы, включая въ нихъ и тѣхъ, что причисляють себя къ „интеллигенціи".

Вотъ какая мысль являлась у него каждый разъ, когда онъ резюмировалъ какое-нибудь впечатлѣніе отъ настоящей, *ходовой* жизни. И это чувство было въ немъ не итогомъ личнаго раздраженія, не ворк͏отней и злобой неудачника, а глубоко печальнымъ и все разростающимся чувствомъ.

И ему стало полегче оттого только, что онъ—въ этой мягкоосвѣщенной галереѣ—могъ уйти немножко отъ своихъ назойливыхъ итоговъ.

Не заходя никуда, прохаживался онъ такъ изъ одной галереи въ другую, потомъ вышелъ на площадь, гдѣ вдоль фасада уже выплывали изъ вечерней мглы шары нѣсколькихъ столбовъ.

Но эти шары тотчасъ же напомнили ему такіе же точно, тамъ, на мануфактурѣ паеваго товарищества, гдѣ на дворѣ, всю

ночь, горитъ электричество и ряды оконъ въ пяти этажахъ главнаго зданія точно манятъ въ чертогъ, гдѣ все сіяетъ, зоветъ на пиръ ихъ степенствъ.

„А гдѣ теперь Сундучный рядъ?"—спросилъ онъ себя, присѣвъ на диванчикъ. Онъ еще помнилъ, въ студенческія времена, знаменитую квасную лавку въ старомъ Гостиномъ дворѣ.

Кажется, съ тѣхъ поръ онъ больше не попадалъ сюда.

Слышалъ отъ кого-то, что внизу, въ подвальномъ этажѣ, есть цѣлый ресторанъ; сохранилась и квасная лавка.

Идти туда одному не хотѣлось, да и жажды не было. Время близилось къ обѣденному часу. У себя, на фабрикѣ, онъ привыкъ обѣдать не позднѣе пяти. Обѣдать гдѣ-нибудь надо. Въ Москвѣ не обойтись безъ усиленной трактирной ѣды.

Вечеромъ онъ попадетъ къ своему пріятелю — такому же близкому, какъ и Бабичевъ; но ѣхать къ нему обѣдать запросто— рискованно. Тотъ стѣснится. Живетъ онъ бѣдно. Хозяйство у него, навѣрно, плохое, съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣлъ.

Руженцовъ сообразилъ, что онъ—въ двухъ шагахъ отъ ресторана „Славянскаго Базара", и вспомнилъ, что тамъ обѣдаетъ всегда мало народу, а цѣна обѣда дешевле, чѣмъ въ другихъ трактирахъ.

Ему будетъ гораздо пріятнѣе сидѣть въ огромной храминѣ, на полномъ просторѣ. Обывательская толпа дѣлалась для него, съ годами, все противнѣе. Ѣсть надо; но слушать вокругъ чавканье и пошлые разговоры, смотрѣть на повальное „жранье" и „опрокидыванье" рюмокъ водки — отъ всего этого не уйдешь здѣсь, въ другихъ бойкихъ трактирахъ.

По Никольской ѣзда еще не ослабѣвала. Пѣшеходы шлепали по мокрому снѣгу троттуаровъ. Рѣзкія полосы свѣта отъ магазиновъ пересѣкали улицу. Лихачи, начиная съ дома синодальной типографіи, съ его ярко-зеленой краской—ждали тароватыхъ сѣдоковъ, въ своихъ армякахъ, съ косонашитыми на спинахъ рядами пуговицъ, по московской модѣ. Нищенки останавливали его; зазывали разносчики съ яблоками и сластями.

Все та же купецкая суетня, та же смѣсь азіатчины съ грубыми приманками рекламы на американскій манеръ. Никакой связи не чувствовалъ Руженцовъ съ этимъ городомъ, гдѣ когда-то онъ такъ многому вѣрилъ въ ближайшемъ будущемъ, такъ гордился тѣмъ, что онъ учится въ старѣйшей русской „alma mater".

Вотъ это только и осталось: купля-продажа, захватъ рынковъ, усиленное производство, прибираніе къ своимъ рукамъ всѣхъ окраинъ, насажденіе культуры, въ видѣ дешевыхъ ситцевъ...

„Вотъ оно — хоровое начало!" — почти вслухъ выговорилъ Руженцовъ передъ подъѣздомъ ресторана.

И опять швейцаръ въ шапочкѣ, поддёвкѣ и высокихъ сапогахъ—нѣчто неизбѣжное и символическое.

— Много обѣдаетъ?—спросилъ Руженцовъ.

— Нѣтъ-съ... не больше, какъ человѣкъ десять. У насъ завтраки процвѣтаютъ.

Слабовато освѣщенный залъ стоялъ совсѣмъ почти пустой. Оффиціантъ предложилъ Руженцову занять одинъ изъ среднихъ дивановъ, около колоннъ.

Въ одной изъ боковыхъ нишей, куда Руженцовъ поглядѣлъ, въ эту минуту сидѣлъ кто-то одинъ.

— Корневъ! — окликнулъ онъ, узнавъ молодого мужчину, только-что сѣвшаго за столъ.

— Викторъ Павловичъ!—отозвался тотъ, тотчасъ же всталъ и вышелъ изъ-за стола.—Какъ я радъ!

Они обнялись.

— Давно ли?—возбужденно спрашивалъ Руженцова красивый брюнетъ, высокаго роста, съ тонкими усами и бородой, не похожій ни на купца, ни на чиновника, ни на молодого барина.

— Вчера пріѣхалъ.

— А мнѣ не дали знать!

— Да вѣдь я думалъ, что вы, голубчикъ, еще за границей.

— Я уже читаю съ осени.

— Доцентствуете?

— Да, Викторъ Павловичъ. Дерзаю. По нынѣшнимъ временамъ и на это надо имѣть порядочную смѣлость.

Корневъ молодо разсмѣялся и показалъ свои крупные и бѣлые зубы.

— Вы сбираетесь обѣдать?—спросилъ Руженцовъ.

— Поджидаю одного пріятеля.

— Не хочу вамъ мѣшать.

— Помилуйте! Будетъ очень радъ!

— Коллега?

— Нѣтъ... онъ работаетъ въ газетѣ, публицистъ,—съ юморомъ выговорилъ Корневъ.—Садитесь, пожалуйста... Еще приборъ!—крикнулъ онъ лакею.

Никакъ не ждалъ Руженцовъ этой встрѣчи съ своимъ „ученикомъ", когда онъ еще проживалъ въ мѣстахъ „не столь отдаленныхъ". Коля Корневъ былъ гимназистъ, по болѣзни оставшійся на второй годъ въ пятомъ классѣ, и Руженцовъ репетировалъ съ нимъ по математикѣ.

А теперь онъ—уже магистрантъ, кончилъ курсъ, года два тому назадъ по физико-математическому факультету и выбралъ себѣ

спеціальностью одну изъ самыхъ интересныхъ областей. Они видѣлись здѣсь, въ Москвѣ, когда Корнева оставили при университетѣ и онъ готовился къ поѣздкѣ за границу.

— Такъ вотъ какъ, Коля... Вы позволите такъ звать васъ?

— Помилуйте! Это замолаживаетъ. А то какъ разъ состаришься, попавъ въ „господина профессора". Вѣдь нынче всякій первокурсникъ, какъ только изъ гимназической блузы облекся въ тужурку, не иначе величаетъ другихъ такихъ же юнцовъ, какъ—*коллега*.

Руженцову пріятно было, что его бывшій ученикъ сохранилъ свой молодой тонъ и не напускалъ на себя ничего профессорскаго.

— А вашъ пріятель... котораго поджидаете... изъ университетскихъ?

— Да!.. Юристъ! Толкнулся въ адвокатуру; да скоро его стало „воротить съ души". У него бойкое перо, есть задоръ, сталъ заработывать хорошія деньги. Я ему даже завидую.

— Будто?

— Конечно!.. Чистая наука?! Согласитесь, Викторъ Павловичъ, такое ли теперь время, чтобы предаваться ей?

Руженцовъ посмотрѣлъ на него искоса.

— Развѣ вы не знаете, чтò у насъ творится?

— Какъ не знать!

— Какъ-то даже и смѣшно дѣлается: залѣзать на возвышеніе, раскладывать свои конспекты, отпивать изъ стакана казенной воды и, откашлявшись, начинать: „Милостивые государи"! Даже это сакраментальное слово: „милостивый государь" превратилось теперь въ прибауточное. Кончится тѣмъ, что мы всѣ-то будемъ на себя смотрѣть, какъ на милостивыхъ государей—въ такомъ вотъ жаргонномъ смыслѣ. И все перемѣшалось! Нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ, ни руководителей, ни руководимыхъ. Каша какая-то и сумбуръ.

Руженцовъ взялъ Корнева за локоть и подмигнулъ ему.

— И это слышу я отъ молодого ученаго?

— Ну, ужъ и ученаго! Пощадите!

— А какъ же назвать? Магистранта, занявшаго каѳедру?

— Не каѳедру, Викторъ Павловичъ, а помѣщеніе, называемое аудиторіей; да и слово это соотвѣтствуетъ только четыремъ стѣнамъ и старымъ изрѣзаннымъ скамейкамъ и партамъ, а не собранію вибрирующихъ съ вами въ униссонъ слушателей.

Тонъ Корнева, игра его темныхъ, очень красивыхъ глазъ, игра лица, все это говорило Руженцову о чемъ-то совершенно

новомъ, о раннемъ скептицизмѣ такихъ вотъ питомцевъ средней и высшей школы, какъ Корневъ—несомнѣнно способный малый, не даромъ пошедшій по „ученой“ дорогѣ.

Но въ немъ—какъ будто—нѣтъ уже вѣры въ то, что онъ призванъ къ этой дорогѣ. И не столько онъ извѣрился въ себя, сколько все вокругъ него настроиваетъ его на этотъ разъѣдающій складъ мыслей и выраженій.

И дѣйствительно, какъ-то смѣшно дѣлалось говорить въ подвинченномъ тонѣ объ „alma mater“, о высокихъ университетскихъ идеалахъ, о тѣхъ душевныхъ силахъ, какія сладко и доблестно было бы положить на своемъ посту.

„Такъ и должно быть“,—подумалъ безъ горечи, но почти злорадно Руженцовъ. И въ то же время ему страстно захотѣлось уйти отъ всей этой „злободневности“—хотя бы и самой интеллигентной — въ тѣ сферы знанія, откуда можно посмотрѣть на все чисто земное, человѣческое, временное и безцѣльно-тревожное, какъ на микроскопическую величину, какъ на незамѣтную дробь въ бытіи великаго космическаго цѣлаго.

На вопросъ о темѣ его диссертаціи Корневъ сначала отвѣчалъ нѣсколькими шуточками въ томъ же тонѣ; но не выдержалъ его и сталъ óбразно и блестяще излагать два объекта, положенные имъ въ основу его изслѣдованія.

И черезъ пять минутъ Руженцовъ очутился въ надзвѣздныхъ сферахъ, гдѣ дѣйствуютъ однѣ энергіи, гдѣ рѣютъ безконечные міры, гдѣ изъ хаоса могучихъ силъ слагаются вѣчные законы міровой эволюціи.

А кругомъ была почти полная тишина; гдѣ-то, съ другой стороны колоннъ, легко постукивали посудой и беззвучно пробѣгалъ лакей... И врядъ ли эта трактирная зала, съ размѣрами желѣзнодорожнаго вокзала, слышала когда-либо такія рѣчи.

— Прости, голубчикъ! Запоздалъ!—раздался молодой голосъ за спиной Руженцова.

— А! Это ты!.. Садись!

Оба они привстали. Къ столу подходилъ короткими шажками коренастый блондинъ, средняго роста, на полголовы ниже Корнева, бритый, съ усами, остриженный подъ гребенку, въ смокингѣ и съ широкимъ вырѣзомъ жилета.

— Вотъ мой коллега, Тороповъ! — выговорилъ дурачливо Корневъ, представляя его Руженцову.

— Каллега!—подхватилъ тотъ.

— Руженцовъ... когда-то мой репетиторъ. О немъ ты не мало слыхалъ отъ меня.

— Какъ же, какъ же! Прошу у Виктора Павловича извиненія. Задержала корректура воскреснаго фельетона. А вы еще не начинали обѣдать, господа? Неужели изъ-за меня?

— Вашъ пріятель увлекъ меня въ міровыя пространства.

— Ой-ли! Правда, Николай? Это на него не похоже. Онъ, въ нормальномъ настроеніи, стѣсняется своего оффиціальнаго званія. Мы вѣдь съ нимъ—только любители жизни, и никакого ни доктринерства, ни мандаринства не признаемъ.

Корневъ кивнулъ головой въ сторону Руженцова и потише прибавилъ:

— Носимъ, Викторъ Павловичъ, особую кличку: *филозди!*

— Какъ? Какъ? Я по-гречески давно забылъ; да и въ студенты-то поступилъ съ тройкой.

— Мудрость не большая! — пояснилъ въ тонъ пріятелю Тороповъ.—*Филео* —люблю, *зоэ*—жизнь. Ergo—жизнелюбы.

— По нынѣшнимъ временамъ—довольно трудная спеціальность!—замѣтилъ, поводя плечами, Руженцовъ.

— Очень ужъ намъ обоимъ опротивѣло всеобщее нытье... гнилой, пустяковый пессимизмъ...

— А чѣмъ же подбадривать себя?—остановилъ Руженцовъ.—Такимъ же пустяковымъ натаскиваньемъ себя на сверхчеловѣковъ или на идеализацію молодцовъ съ Хитрова рынка?

— Ни того, ни другого, Викторъ Павловичъ, — вмѣшался Корневъ. — Ни того, ни другого! Брать жизнь, какъ она есть, ловить моментъ, ничего не бояться и ничего не ждать, ни отъ кого и ни отъ чего. А главное—никакихъ прописей.

— Штука не новая, друзья мои! Это—варіантъ на измышленія все того же нѣмца, кончившаго безуміемъ.

— Нѣтъ-съ!—громко вскрикнулъ Тороповъ.—Мы съ Николаемъ все это сдали въ архивъ. Мы только *филозди*. Никакой проповѣдью не зашибаемся. Не хотимъ коверкать свою жизнь изъ-за разныхъ глупыхъ прописей и добродѣтельныхъ общихъ мѣстъ и сентенцій. Вотъ и все!

— Филозди, филозди!—выговорилъ раздѣльно Руженцовъ.—Были когда-то „филареты" въ виленскомъ университетѣ. Мицкевичъ принадлежалъ къ этому сорту.

— Ха, ха!—раздался смѣхъ Торопова.—Мы въ праведники не лѣземъ... А это прозвище не отъ слова *зоэ* — жизнь; а отъ слова *аретэ* — добродѣтель. Мы—грѣшники и думаемъ, что всѣ такъ называемыя добродѣтели—при ближайшемъ анализѣ—окажутся минусами... отрицательными величинами. Это — любимая формула Корнева.

Руженцовъ взглядывалъ на обоихъ и прислушивался къ ихъ рѣчамъ, безъ удивленія и безъ горечи. Они оба, какъ очень молодые люди, съ талантомъ, знающіе себѣ цѣну,—тѣшили себя; но въ ихъ отношеніи къ жизни было нѣчто, отвѣчающее и на его итоги.

Иначе и быть не можетъ. Такъ *должно* было выйти!

Съ какой стати будутъ тѣ, кто изъ нихъ умнѣе и даровитѣе — надѣвать на себя иго разныхъ воздержаній, строгихъ правилъ и безусловныхъ принциповъ, когда они знаютъ, что они — въ концѣ концовъ—останутся въ дуракахъ, что жизнь подсидитъ ихъ, что ни на что твердое, цѣнное, настоящее они разсчитывать не могутъ?

И начни онъ самъ и ему подобные—изъ его поколѣнія—съ такого же болѣе смѣлаго критицизма—онъ не нажилъ бы въ себѣ такого душевнаго маразма, какой сидитъ въ немъ.

— Вы, быть можетъ, и правы, по своему, друзья мои, — началъ онъ, къ половинѣ обѣда, и, поднимая стаканъ, добавилъ:— Пью за успѣхъ вашей новой философіи!

Всѣ трое чокнулись.

— Только,—продолжалъ онъ, — нуженъ все-таки основной камертонъ. Точное знаніе, анализъ, законы природы и общества! А всякая метафизика—бунтъ противъ науки, подогрѣтыя блюда моднаго идеализма!

— Мы ничему этому не подвержены, Викторъ Павловичъ,— отвѣтилъ за двоихъ Корневъ.—Все это не суть важно! Изъ-за направленій, лозунговъ, формулъ измѣняютъ жизни и одуряютъ себя куревомъ, который годенъ только на то, чтобы раздувать свою личность, не видѣть того, что̀ дѣлается кругомъ васъ, воображать себя идеалистомъ, какъ дѣти воображаютъ себя атаманами разбойниковъ или фельдмаршалами. Все это для насъ съ Тороповымъ—жалкій водевиль съ переодѣваньемъ.

Прежде, лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ, Руженцовъ огорчился бы, услыхавъ такія рѣчи, и отъ кого!—отъ молодого ученаго и его единомышленника, журналиста съ университетскимъ образованіемъ!

Но теперь все это не только возможно, но и понятно. И юнцы „поумнѣли", и у нихъ спали съ глазъ всѣ плёнки. Они, навѣрное, еще въ студенческіе годы, уже познали тщету всѣхъ самообольщеній и иллюзій насчетъ того, что̀ зовется „обществомъ" и „интеллигенціей".

— Что̀ же, господа,—спросилъ Руженцовъ,—у васъ цѣлый уставъ что ли?

— Wein, Weib und Gesang!—пѣвуче выговорилъ Тороповъ.— На то мы и философы.

— А на женщинъ не распространяете вашего ранняго критицизма?

— Не идеализируемъ ихъ. О, нѣтъ!—сказалъ Корневъ.— Мы въ рыцари не мѣтимъ. Тѣ, вѣдь, были продукты средневѣкового христіанства, а мы—язычники или, если хотите, послѣдователи пророка, бѣжавшаго изъ Мекки въ Медину.

— Единобрачія не признаете?

— Ха, ха! пока нѣтъ!—откликнулся дурачливо Тороповъ.— Человѣкъ, должно быть, не созданъ для моногаміи.

— Другими словами,—остановилъ Руженцовъ,—вы признаете себя женолюбами?

Впадать въ серьезный тонъ Руженцовъ уже не хотѣлъ. Подъ этимъ отрезвленнымъ отношеніемъ къ жизни обоихъ молодыхъ людей онъ не чуялъ ничего злобно-задорнаго или банальнаго виверства, желанія развязать себѣ руки во всемъ, что̀ отзывается какимъ-нибудь запретомъ. Но они хотѣли жить *по своему*, и онъ ихъ оправдывалъ.

— Что̀ же новаго въ университетѣ, въ городѣ?—спросилъ онъ, чувствуя, однако, потребность перемѣнить разговоръ.

— Насчетъ города, Викторъ Павловичъ, его спросите! — указалъ Корневъ на пріятеля, съ той же вышучивающей миной.— Онъ у насъ злобистъ.

— Какъ?—переспросилъ Руженцовъ.

— Это ихъ жаргонное слово въ газетныхъ лавочкахъ: грамотный злободневникъ.

— А вотъ готовится грандіозная банковая Панама, — сказалъ Руженцовъ и назвалъ банкъ.

— Теплые ребята! — добавилъ онъ. — И всѣ ваши звѣзды адвокатуры будутъ ихъ, конечно, обѣлять, какъ нѣмцы выражаются: „gegen mässiges Honorar"?.

— Почему же и не обѣлять?—возразилъ серьезно Корневъ. — Чѣмъ же они хуже тѣхъ милостивыхъ государей, которые скупаютъ теперь, на милліоны, полетѣвшія книзу акціи? Все одно и то же хищничество! Да и что̀ въ теперешнемъ обществѣ называть честнымъ и что̀—жульническимъ?

— Этотъ вопросъ мы съ Николаемъ рѣшили признать лишнимъ—все равно, что метафизическую проблему о свободѣ воли.

— Да-а?—нѣсколько недоумѣвающе выговорилъ Руженцовъ.

— А насчетъ того, что̀ дѣлается въ дорогой „alma mater" — Тороповъ указалъ головой на пріятеля—онъ больше въ курсѣ, чѣмъ я.

— Завели говорильни по всѣмъ спеціальностямъ.

— Студенческія общества съ рефератами?—подсказалъ Руженцовъ.

— Да-съ, добрѣйшій Викторъ Павловичъ. Знаете, я вамъ что̀ скажу... Навѣрно, вы помните, лѣтъ этакъ шесть-семь тому назадъ, въ газетахъ безпрестанно появлялась переводная реклама, съ французскаго, такой спецификумъ: „замѣненное средство трескового жира“.

— Это надо записать!—вскричалъ Тороповъ.

— То-есть средство, замѣняющее жиръ?—спросилъ Руженцовъ.

— Конечно! Ну, такъ всѣ эти говорильни, по моему, тоже немножко—замѣненное средство трескового жира,—предохранительный клапанъ.

— Однако, любезный другъ,—возразилъ построже Руженцовъ,—это все-таки лучше, чѣмъ сидѣть въ пивной или на Тверскомъ бульварѣ ловить дѣвицъ...

— Не знаю,... ничего не знаю, Викторъ Павловичъ! Все это—игра, забава, суррогатъ, отъ котораго настоящей жизни ни въ научномъ, ни въ философскомъ смыслѣ быть не можетъ. Все тоже топтанье на одномъ мѣстѣ.

— И тоже показыванье либеральнаго кукиша въ карманѣ!—прибавилъ Тороповъ.

— Знаете...—нервно продолжалъ Корневъ:—я съ этого сезона пересталъ бывать гдѣ бы то ни было, гдѣ говорятся спичи... особенно на юбилейныхъ обѣдахъ и на всякихъ годовщинахъ.

— И я не бываю,—добавилъ Тороповъ,—ибо могу, сидя въ редакціи или у себя въ комнатѣ, изобразить всякое меню здравицъ и рѣчей, съ сохраненіемъ, для каждаго оратора, особенностей стиля, жестикуляціи и интонаціи.

— А вы здѣсь поживете, Викторъ Павловичъ?—спросилъ вдругъ Корневъ.

— Можетъ, съ недѣльку.

— Такъ, вѣроятно, не уйдете отъ какой-нибудь годовщины. Нынче вѣдь десять лѣтъ есть уже время для чествованія заслугъ. Если попадете—попомните меня. И хоть бы что-нибудь свѣжее, талантливое! Все тѣ же клишѐ, которыя завязли у всѣхъ въ зубахъ... тотъ же самообманъ и дѣтскій задоръ намэковъ и упрэковъ—выговорилъ онъ по-московски, съ открытымъ „э“.

— И съ тѣмъ же символическимъ жестомъ трехъ пальцевъ въ карманѣ!—подтвердилъ Тороповъ.

Обѣдъ, между тѣмъ, близился къ концу. Онъ прошелъ очень

быстро. Руженцовъ старался не перебивать своихъ собесѣдниковъ; изрѣдка только ставилъ какой-нибудь вопросъ.

Все, *что̀* и *ка̀къ* они говорили, и раньше, и подъ конецъ—было дѣльно, часто ново. Рисовки онъ въ нихъ не подмѣчалъ. Не хотѣлъ онъ думать—особенно о своемъ бывшемъ ученикѣ,—что этотъ складъ ума и житейскихъ наблюденій идетъ отъ сухости сердца, отъ склонности къ тому, что̀ въ его время называли презрительно „безпринципіемъ".

Развѣ онъ самъ не то же чувствуетъ—правда, послѣ многихъ лѣтъ опыта? А они—еще юнцы. Корневу не можетъ быть больше двадцати-пяти лѣтъ, и его товарищу также; а ему стукнетъ уже сорокъ, постомъ. Но личный опытъ—это ариѳметическія цифры; а опытъ собирательный—алгебраическія величины. Съ каждымъ поколѣніемъ люди умнѣютъ, и то, что бралъ на вѣру кончавшій курсъ въ университетѣ—теперь каждый гимназистъ старшаго класса разгрызаетъ, какъ орѣхъ, и показываетъ, что онъ—пустышка.

Тороповъ торопилъ лакея съ кофеемъ и раза два посмотрѣлъ на часы.

— Вы спѣшите?—спросилъ Руженцовъ.

— Мы съ нимъ—Тороповъ кивнулъ на пріятеля—присутствуемъ сегодня на большомъ торжествѣ—на премьерѣ...

Онъ назвалъ театръ.

— Попасть невозможно!—подумалъ вслухъ Руженцовъ.

— Помилуйте!—воскликнулъ Тороповъ.—Безъ ночевки на улицѣ нечего и думать. Или барышнику два золотыхъ за стулъ.

— И скажите,—обратился Руженцовъ къ Корневу,—вы, господа филозои... подвержены тому же стихійному увлеченію?

— Не зашибаемся этого вида хмельной горечью!—откликнулся первый Корневъ.—Мы съ нимъ вообще не выносимъ толпы, стадныхъ движеній, хотя бы они исходили и отъ молодой интеллигенціи.

Его пріятель подался впередъ, и его глаза заискрились.

— И̓ ты увидишь сегодня,—заговорилъ онъ въ сторону Корнева,—что̀ это будетъ за гоготанье послѣ третьяго акта. Безъ настоящихъ двухъ истерикъ въ зрительной залѣ также не обойдется.

— Вы знаете пьесу?—спросилъ его Руженцовъ.

— Читали... мы оба. И то, что̀ для насъ нестерпимо—слащавыя прибаутки въ лже-евангельскомъ тонѣ, то зала, охваченная запойнымъ исканіемъ вѣщихъ словъ, будетъ ѣсть, какъ манну небесную.

— И такъ пойдетъ еще долго.

— Выдохнется одинъ флаконъ—объявится другой,—продолжалъ за пріятеля Корневъ.—Какая-то куриная слѣпота мѣшаетъ видѣть, что вѣдь все это—поддѣлка. Исходите вы всѣ трущобы Хитрова рынка—вы не найдете такихъ поддѣльныхъ резонеровъ, за которыхъ авторъ говоритъ, какъ въ театрѣ маріонетокъ. Но если толпа увѣровала — вы безсильны! Перемѣните мѣсто дѣйствія. Вотъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. До города Казани все идетъ нормально. Но тутъ — чистая перемѣна декораціи. „Батюшка Петръ Ѳедоровичъ" сидитъ за столомъ съ своими министрами и чинитъ расправу. Да вѣдь это яицкій казакъ Емельянъ Пугачевъ? Какъ бы не такъ!—А вонъ въ андреевской лентѣ, съ платкомъ поперекъ лица... Вѣдь это бѣглый каторжный? Нѣтъ, это графъ Чернышевъ! Попробуйте усомниться!

— Вы, кажется, голубчикъ, хватили черезъ край, въ вашемъ сравненіи,—остановилъ Корнева Руженцовъ.

— Сравненіе рѣзкое, но чрезвычайно мѣткое. И я у тебя его возьму, Николай, смягчивъ немножко!

И, обращаясь къ Руженцову, Тороповъ прибавилъ:

— Вотъ попадете, можетъ быть, на одно изъ слѣдующихъ представленій, отпустивъ должную мзду барышнику. Но разница, беря сравненіе Николая—та, что тамъ, на засѣданіяхъ военнаго совѣта Пугачева, его подручные были переряжены въ фельдмаршала и министровъ, а тутъ интеллигенція переряжена въ хитровцевъ. Но правда и иллюзія—для насъ однѣ и тѣ же!

Кофе былъ допитъ. Руженцовъ пожалъ имъ обоимъ руки и сказалъ Корневу, идя съ нимъ рядомъ къ передней:

— Мы не въ послѣдній разъ видимся?

— Если хотите меня застать, — завтракаю я здѣсь почти-что каждый день—вотъ съ Тороповымъ.

Всѣ трое вышли вмѣстѣ въ сѣни. Молодые люди поспѣшно спустились къ входной двери, и Корневъ, обернувшись, еще разъ поклонился, на ходу, своему бывшему учителю.

Тихо было въ просторныхъ сѣняхъ. Сквозь стекла подъѣзда мелькали ѣздоки, и фигуры пѣшеходовъ двигались взадъ и впередъ по троттуару.

Возбужденно настроенъ былъ Руженцовъ, послѣ разговора за обѣдомъ, и вдругъ—точно у него внутри что̀ перевернулось и острое чувство одиночества заныло въ груди.

Эти „филозды" чужды ему, и онъ имъ чуждъ. Некуда ему съ ними идти и нечего звать ихъ ни на какое общее дѣло. А

вѣдь они точно его духовныя дѣти. То, чѣмъ онъ кончаетъ, тѣмъ они начали.

III.

Когда Руженцовъ ѣхалъ на Патріаршіе-Пруды къ своему давнишнему пріятелю Мосягину — „горе-педагогу“, — какъ онъ его звалъ, — другой его пріятель, Бабичевъ, сидѣлъ въ гостяхъ, въ угловой маленькой гостиной деревяннаго особняка, въ приходѣ Успенья-на-Могильцахъ.

Чета Мироновыхъ — предводитель его уѣзда съ женой — гостила у родственниковъ княгини, уѣхавшихъ на нѣсколько недѣль въ Петербургъ.

За обѣдомъ была еще какая-то молодая дама и тотчасъ послѣ обѣда уѣхала на то же первое представленіе, что и оба „филозоя“.

Княгиня Марья Ѳедоровна второй день, какъ не выѣзжала — оступилась и еще прихрамывала на ходу.

Она сидѣла у камина въ глубокомъ креслѣ — съ лѣвой ногой, положенной на высокую табуретку.

Ее укутывало платье, сшитое какъ длинный мѣшокъ, съ кружевной широкой полосой, цвѣта морской воды.

Княгинѣ не больше двадцати-восьми лѣтъ. У нея всего одинъ ребенокъ, оставленный въ деревнѣ, при боннѣ-англичанкѣ. Княгиня очень большого роста, почти такого же, какъ князь, а въ шляпѣ и выше. Лицо крупное, съ длиннымъ оваломъ, лицо-маска, красивое и очень значительное, безъ гримировки. Многіе считаютъ ее красавицей, и дѣйствительно, она, — одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ въ губерніи, можетъ быть — и во всей Москвѣ.

Но въ этомъ крупномъ лицѣ, съ черными бархатными глазами и тонкими дугами приподнятыхъ бровей, съ бѣлымъ высокимъ лбомъ — есть что-то негармоничное книзу, къ подбородку. Ротъ свѣжій; но улыбка немного вбокъ и на щекахъ появляются не ямочки, а складки, которыя къ ней не идутъ, — и она это знаетъ.

Матовый блескъ густыхъ, совсѣмъ черныхъ волосъ еще больше оттѣняетъ бѣлизну лба и шеи. Вокругъ головы точно цѣлый тюрбанъ волосъ. Прическа эта напомнила Бабичеву статую одной изъ Агриппинъ. Сидя глубоко въ креслѣ, княгиня держится головой впередъ. И при ходьбѣ она какъ бы немного гнется. Грудь у нея низкая и менѣе роскошная, чѣмъ бы можно было ждать отъ ея фигуры и роста.

Ея гость сидѣлъ болѣе въ тѣни, чѣмъ она. Свѣтъ лампы подъ длиннымъ абажуромъ шелъ ему въ спину. На немъ былъ сюртукъ. Мироновы принимали его за-просто. Съ княземъ они были съ прошлаго года „на *ты*", пили брудершафтъ на обѣдѣ, который давали тому, послѣ его выбора въ уѣздные предводители.

— Вамъ очень хотѣлось на этотъ вечеръ, княгиня?—спросилъ Бабичевъ, улыбнувшись слегка.

Онъ держался съ ней самаго простого тона, который ей не особенно нравился. Въ немъ не было тѣхъ нотъ, къ какимъ она давно привыкла, съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ.

Вотъ уже сколько лѣтъ съ того времени, какъ Бабичевъ живетъ въ провинціи, у себя въ имѣніи и въ губернскомъ городѣ, за нимъ установилась репутація „charmeur"'а. И этого charmeur'а она, до сихъ поръ, не можетъ притянуть къ себѣ.

— Очень ли хотѣлось на раутъ?—переспросила она своимъ лѣнивымъ, низковатымъ голосомъ, съ особой какой-то вибраціей. Не скажу. Жаль только, что туалетъ остался... im Stiche!..

Княгиня любитъ нѣмецкія выраженія. Дѣвицей она нѣсколько сезоновъ провела съ матерью въ Висбаденѣ.

— За Борисомъ, кажется, очень ухаживаютъ теперь въ Москвѣ?—съ той же тихой усмѣшкой выговорилъ Бабичевъ.

— Ничего особеннаго.

Она выпятила немного красивыя губы, какъ будто чуть-чуть подведенныя, и съ родинкой на верхней губѣ.

— Я его буду торопить домой. Время горячее... А здѣсь проходитъ день за днемъ.

— Еще успѣется. Вы, Бабичевъ, слишкомъ уже усердствуете.

Она закурила папиросу и стала щурить глаза, выпуская струи дыма.

— Такъ ли еще работаютъ?!—возразилъ Бабичевъ.

— Ахъ, Боже мой! Все придетъ въ свое время... и дѣло, и отличія... Борисъ совсѣмъ не честолюбивъ. Если онъ будетъ имѣть не сегодня-завтра ce qu'on lui doit—это вполнѣ естественно... съ его именемъ.

— То-есть, что же это: „ce qu'on lui doit"?

Княгиня чуть замѣтно повела плечами.

— Enfin, une charge honorifique.

— Не думаю, чтобы онъ ея добивался.

— Кто говоритъ: „добивался"!

— И совсѣмъ бы не желательно было этихъ примановъ.

— Какъ вы сказали?

— Примановъ. Съ такой системой немыслима никакая самостоятельность. Въ той или иной степени это—подкупъ.

— Allons donc!

Бабичевъ тотчасъ же сдѣлалъ себѣ внутренній выговоръ. Зачѣмъ онъ ей—или даже въ ея присутствіи — высказывается? Онъ желалъ бы своему молодому пріятелю совсѣмъ не такую подругу. Такая женщина, какъ Марья Ѳедоровна, плохая поддержка человѣку, способному служить общественному дѣлу, безъ всякихъ примановъ и подачекъ.

— Знаете, что̀ я вамъ скажу, Бабичевъ...—начала княгиня, повернувъ голову въ его сторону и продолжая курить.—Борису нельзя и, по-моему, не слѣдуетъ увлекаться вашимъ примѣромъ. Pardon за откровенность,—но мы вѣдь друзья.

И свободную руку—бѣлую, съ крупными пальцами, въ перстняхъ—она протянула ему.

Онъ слегка пожалъ.

Ея глаза, можетъ быть противъ воли, выговорили:

„И съ какой стати ты играешь роль прекраснаго Іосифа“?

— Борисъ и не думаетъ подражать мнѣ,—замѣтилъ Бабичевъ.

— Да и не долженъ,—значительно выговорила княгиня.—У него нѣтъ вашихъ талантовъ. Вы теперь извѣстный дѣятель, у васъ бойкое перо, вы можете играть роль... d'un chef de parti. А ему не слѣдуетъ быть никакой партіи.

— Значитъ, оставаться чѣмъ-то безличнымъ, или стоять на недосягаемой высотѣ? Полноте, княгиня!

Этотъ возгласъ Бабичева задѣлъ княгиню, какъ женщину, сильнѣе всего остального.

Такъ воспитанный человѣкъ можетъ воскликнуть только тогда, если *женщина* не имѣетъ для него ни малѣйшаго обаянія. И это не игра, не фатовство?

Точно будто онъ говоритъ съ ея мужемъ или съ первымъ попавшимся мужчиной? Раньше, въ первые мѣсяцы ихъ знакомства, онъ былъ съ ней любезенъ на извѣстный манеръ; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ считается другомъ ея мужа и немного руководителемъ, она для него—все равно, что младшій пріятель —не болѣе.

— Повторяю... ему этого ничего не надо.

Бабичевъ чуть слышно разсмѣялся.

— А мнѣ что̀ же надо, княгиня?

— Вы... имѣете право быть честолюбивымъ... мечтать... que sais-je...

— О министерскомъ портфелѣ, выражаясь по-западному?

— Обо всемъ. Но Борисъ просто—un gentilhomme campagnard. Онъ попалъ въ предводители — прекрасно. Выслужитъ свое трехлѣтіе. Можетъ быть, попадетъ и въ губернскіе, со временемъ, но все это безъ всякихъ особыхъ заслугъ. И ему нечего ни предъ кѣмъ краснѣть. Ce qu'on lui doit — on le doit.

— Другими словами, — шутливо замѣтилъ Бабичевъ, взглянувъ на ея туалетъ, — княгинѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ желательно поскорѣе надѣть кокошникъ.

— Нисколько! Если буду имѣть право—надѣну.

Помолчавъ, она сдунула пепелъ съ папиросы и продолжала другимъ тономъ:

— Мнѣ и васъ часто жаль, Бабичевъ. Простите, не обижайтесь.

— Меня?

— Разумѣется. Одно изъ двухъ: или вы не уйдете отъ того же... какъ бы это сказать... engrenage... назовите это какъ вамъ угодно: приманками, подачками, подарками,—или васъ съумѣютъ ограничить.

— На здоровье!

— Полноте! Къ чему это фрондёрство? Мой Борисъ можетъ, пожалуй, потянуться за вами. И конечно, его вызовутъ для разговора. А если онъ начнетъ что-нибудь противъ шерсти, ему скажутъ; „Князь, я вашего тона не понимаю!" N'est-ce pas la formule consacrée par le temps qui court?

— Лично меня это мало интересуетъ.

— Но все-таки оно *такъ* будетъ? Зачѣмъ стали бы вы втягивать Бориса въ то, къ чему онъ совсѣмъ не призванъ?

Бабичевъ такъ же тихо разсмѣялся. Княгиня оглянула его.

— По совѣсти,—выговорилъ онъ въ полголоса,—я былъ бы радъ, еслибы вашему Борису выпало что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Изъ духа... интриги, Бабичевъ?

— Есть и другія страшныя слова, Марья Ѳедоровна.

Ей пріятно было слышать, какъ онъ произноситъ ея имяотчество; но онъ все-таки ускользалъ отъ нея.

И она, точно вслухъ думая, выговорила, съ другимъ выраженіемъ:

— Vous m'échappez!

— Въ какихъ смыслахъ?—произнесъ онъ съ извѣстной интонаціей, которую употреблялъ еще въ студенческія времена.

— Вы прекрасно понимаете, въ какихъ.

— Другими словами... я въ родѣ апокалипсической книги за семью печатями? Въ первый разъ слышу это. Довольно мнѣ

приходилось выслушивать разныхъ, несовсѣмъ пріятныхъ вещей... и прямо въ упоръ; но лукавымъ царедворцемъ или фальшивымъ мужичёнкой, смотря по жаргону, никто еще не называлъ меня.

— И вы думаете, Бабичевъ, что вы весь какъ на тарелкѣ, поставленной подъ стеклянный колпакъ? Ничего на душѣ?

— Вы чуть не сказали: за душой!

— Вы начинаете придираться!

Она повела своими тонкими, красивыми бровями. И все это была игра—игра очень неглупой, избалованной и холодной по натурѣ женщины, которой съ ея Борисомъ уже давно становилось скучно. Но еще сильнѣе дѣйствовалъ инстинктъ привлеченія подъ свою холеную и крупную руку, изукрашенную кольцами.

Сколько лѣтъ Бабичевъ, которымъ увлечены всѣ ихъ дамы и въ губернскомъ городѣ, и въ уѣздѣ, знакомъ съ нею, въ послѣдній годъ сошелся съ мужемъ, они „на *ты*", онъ считается другомъ дома. Можетъ быть, всѣ и считаютъ его уже въ ея власти; но она-то прекрасно знаетъ, что этого нѣтъ.

До сихъ поръ княгиня не вѣрила, что этотъ „beau blond" живетъ такъ, въ полномъ одиночествѣ. Слышала она, что по сосѣдству у него завелась какая-то „интересная" молодая женщина, пріѣхала прямо изъ-за границы, кажется—„разводка". Но это только съ осени. А раньше?

Не можетъ быть, чтобы онъ такъ „соблюдалъ" себя, цѣлыми годами. И окажется на повѣрку, что есть что-нибудь весьма „низменное" здѣсь, въ Москвѣ, куда онъ часто наѣзжаетъ, или въ деревнѣ.

Есть такая легенда, что будто онъ, больше десяти лѣтъ назадъ, потерялъ любимую женщину, въ родѣ какъ у Тургеневскаго Павла Кирсанова.

Это ее не трогало, а напротивъ, раздражало. Она, за глаза, позволяла себѣ слегка подсмѣиваться надъ нимъ—въ разговорахъ съ мужемъ. Она, полегонечку, работала надъ тѣмъ, чтобы престижъ Бабичева—прежде всего на ея Бориса—въ чемъ только возможно—посбавлять.

— Вы все ищете какой-то воображаемый Иксъ, княгиня,— сказалъ Бабичевъ,—и понапрасну теряете время.

Это отзывалось уже дерзостью, на ея оцѣнку. Подъ такими словами можно было подписать двоякое толкованіе: „напрасно, молъ, уловляете меня, княгиня, я врядъ-ли поддамся".

Изъ гостиной, по ковру, раздались мягкіе и скорые шаги.

Въ дверяхъ стоялъ князь Борисъ Кирилловичъ, въ вицмундирномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и жилетѣ, съ значкомъ

подъ лацканомъ, бывшаго слушателя одной изъ академій. Его тонкая и чрезвычайно стройная фигура выплывала на темномъ фонѣ двери, драппированной съ обѣихъ сторонъ портьерами.

Онъ смотрѣлъ моложе жены, а былъ на два года старше. Небольшая голова, съ гладко причесанными темнорусыми волосами, некрупныя черты красиваго военнаго лица, разрѣзъ большихъ глазъ—вся его наружность была вылита по очень знакомой и благообразной модели. Представительность породистаго дворянина и воспитанность еще недавно блестящаго гвардейца отнимали у него всякую своеобразность, но дѣлали чрезвычайно пріятнымъ всѣмъ, кто его зналъ.

— Ты уже на отлётъ?—спросила его княгиня.—Развѣ пора?

— Пора, мой другъ. Неловко опоздать.

И голосъ у него былъ вполнѣ гармониченъ съ лицомъ, станомъ, походкой и жестами.

Онъ подошелъ къ нимъ и на минутку присѣлъ на уголъ дивана.

— А ты еще посидишь?—спросилъ онъ Бабичева.—Мэри... бѣдная... должна быть въ одиночествѣ...

— Ко мнѣ хотѣла завернуть Ольга.

— Я уже извинился передъ княгиней,—отвѣчалъ Бабичевъ: —У меня тоже вечеръ... хоть и совсѣмъ не такой, какъ у тебя.

— Тайное совѣщаніе?—спросилъ князь, подмигнувъ ему.

— Почему же непремѣнно тайное?

— Твой пріятель Бабичевъ,—заговорила княгиня, вытягивая ногу, лежавшую на табуретѣ—и въ Москвѣ не хочетъ терять времени на такой вздоръ, какъ всѣ мы, профаны. У него все какіе-то кружки. Интеллигенція!

— И онъ гораздо разнообразнѣе и толковѣе живетъ, чѣмъ всѣ мы,—отозвался князь, ласково взглянувъ на пріятеля.

„И какъ онъ передъ нимъ млѣетъ! Точно передъ особой какой!"—сказала про себя княгиня, и ей захотѣлось сейчасъ же обдать холодной водой этотъ смѣшной—на ея оцѣнку—лиризмъ.

Но мужъ ея всталъ, быстро подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ такимъ же ласковымъ тономъ:

— Бѣдная ты моя Мэри!

Обернувшись къ пріятелю, онъ прибавилъ:

— Ты не уходи... до Ольги.

И, крѣпко пожавъ ему руку, такъ же быстро вышелъ.

Когда легкіе и скорые шаги смолкли въ гостиной, княгиня, повернувъ голову къ Бабичеву,—спросила, кидая слова:

— Vous accepterez une tasse de thé?

— Я тоже боюсь запоздать.

— Куда? Ахъ!.. Я и забыла—на тайное совѣщаніе.

— Почему же непремѣнно тайное? Это, княгиня, языкъ изъ „Горе отъ ума". Репертуарныхъ традицій хорошо держаться, но не въ такомъ смыслѣ.

— Это уже иронія, Бабичевъ?—остановила она.

— Только цитата. Репетиловъ говоритъ: „по четвергамъ—секретнѣйшій союзъ".

— Merci... Очень польщена сравненіемъ.

— Вы сами его вызвали, княгиня.

— Еще немножко, и я попаду — какъ бишь ее... старуха, свояченица Фамусова?

— Хлестова.

— Вотъ! Вотъ! Васъ сравнивали у насъ, тамъ, съ Гамбеттой. Это льститъ вамъ, скажите?—спросила княгиня.

— Я не слыхалъ.

— Будто?

— Увѣряю васъ.

— Но все-таки пріятно щекочетъ?

— Прозвище совершенно нелѣпое.

— Вы сердитесь?

— Чтò же общаго между нами? Тотъ—трибунъ, диктаторъ во время войны, глава цѣлой партіи, первый министръ, президентъ, политикъ. А вашъ сосѣдъ—просто земецъ, который, какъ всѣ мы, поворачивается въ нашей клѣткѣ.

— Гамбетта—по вашему цвѣту.

— Какому?

— Красному Чтò это вы нынче, Бабичевъ,—точно въ бирюльки играете?

— Красный... Надо бы что-нибудь поновѣе. Такія прозвища были хороши тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ... когда дѣйствовали губернскіе комитеты, а потомъ посредники перваго призыва. Только и тогда красные стояли за великую реформу, данную свыше.

Она немного снизу поглядѣла на него.

— Можно вамъ правду говорить?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Зачѣмъ вы употребляете нѣкоторыя громкія слова? Обидно слушать, право... Вотъ какъ сейчасъ: „великая реформа"? Просто —отмѣна крѣпостныхъ. Этакъ гораздо проще и вѣрнѣе.

— А у васъ такой тонъ, княгиня, точно будто вы, до сихъ поръ, по атавизму, жалѣете объ этомъ.

— По атавизму!.. И вотъ еще страсть къ ученымъ словамъ.

— De père en fils... или, лучше, отъ дѣдовъ, какъ и показываетъ самый звукъ.

— Благодарю за объясненіе.

— Вашъ отецъ не былъ крѣпостникомъ; но дѣдъ—конечно.

— И вы хотите сказать, что это на мнѣ отразилось?

— Нисколько. Объ *этомъ*, дорогая княгиня, намъ нечего говорить.

— То-есть, какъ же это нечего?

— Это разговоръ... почти что неприличный или, по крайней мѣрѣ, запоздалый до жалости,—возразилъ Бабичевъ.

Она тихо захлопала въ ладони.

— Ха, ха! Какъ я рада, какъ я рада!

— Чему?

— Вы разозлились, Бабичевъ! Сошли съ вашего пьедестала. А то мой Борисъ безпрестанно все повторяетъ, когда читаетъ вамъ акаѳисты,—и это бываетъ по три раза на дню: „Посмотри, какое у него самообладаніе! Никогда онъ не измѣнитъ себѣ! И что̀ за терпимость къ людямъ противной стороны! Идеальный предсѣдатель! А произноситъ рѣчь—никогда не горячится, не позволитъ себѣ ни малѣйшей колкости; но говоритъ всегда съ чувствомъ, увлекаетъ собраніе“. Et patati, et patata!

— Попрошу Бориса и даже поставлю ему условіемъ нашего пріятельства: никогда, въ вашемъ присутствіи, ничего не говорить обо мнѣ.

— Хорошо, хорошо! Вы все сводите къ шуткѣ. А еще правду дозволили говорить!

— Безъ всякаго ограниченія.

— Ваши рѣчи и статьи, когда онѣ появляются въ печати —стали слишкомъ... какъ бы это сказать... trop fleuris. Все торжественныя и кудрявыя слова. Когда вы говорите—это не замѣтно; а на бумагѣ это въ родѣ... Все равно, я скажу —обижайтесь или нѣтъ—точно проповѣди.

Бабичевъ опустилъ голову.

— За это спасибо!

— Искренно?

— Совершенно. Я самъ это чувствую, Марья Ѳедоровна. Все, что̀ записывается съ экспромпта—выходитъ гораздо проще; но надъ чѣмъ я сижу,—то тяжело, витіевато.

— Бросьте эту манеру!

— Легко сказать! Мнѣ ужасно трудно дается писаніе фразы.

Я сижу-сижу надъ ней. Хочется все выразить какъ можно убѣдительнѣе.

— И красивѣе?

— Нѣтъ, увѣряю васъ,—а сильнѣе или вразумительнѣе. И получается...

— Des guirlandes!

Онъ добродушно разсмѣялся.

Княгиня приласкала его взглядомъ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, умѣете выслушивать правду. Другой бы обидѣлся... съ вашей славой.

— Полноте,—остановилъ онъ ее нервнѣе и даже слегка покраснѣлъ.—Не употребляйте, пожалуйста, этого слова!

— Какъ же сказать?

— Никакъ! Какая слава можетъ быть у насъ съ нашими порядками... при вѣчномъ топтаньи на одномъ мѣстѣ?

— Ну, хорошо! Ну, хорошо! У каждаго свой конекъ.

— У меня?

— Скромность! А все-таки вы не хотите просидѣть съ калѣкой какихъ-нибудь два-три часа... Вамъ до зарѣзу нужно куда-то... навѣрное въ какой-нибудь кружокъ, гдѣ будутъ говорить въ извѣстномъ тонѣ или читать что-нибудь такое...

— Успокойтесь... дозволенныя вещи.

— Рефератъ? Непремѣнно рефератъ.

— Повѣрьте, княгиня, еслибъ меня не ждали, еслибъ я не далъ слова... Бориса я еще вчера предупредилъ.

— Не буду больше приставать.

Игривый тонъ ей всегда удавался; но этотъ „образцовый гражданинъ"—она такъ звала его за глаза—оставался все въ тѣхъ же чувствахъ къ ней.

Немножко она было-разсердилась; но тотчасъ же опять овладѣла собою. Да и зачѣмъ же она будетъ дразнить его? Это было бы безтактно. Ссорить съ нимъ мужа—тоже не слѣдуетъ, до поры до времени.

Но вѣдь и у нея не мало выдержки—можетъ быть больше, чѣмъ у этого губернскаго Гамбетты. Или онъ разссорится съ нею, или будетъ сидѣть вотъ такъ около нея, но уже въ другой позѣ и говорить съ другими вибраціями голоса.

— Вы меня хотите сдать съ рукъ на руки Ольгѣ Хлёстиной?

— Если позволите.

— Впрочемъ... вамъ было бы рискованно долго оставаться... вдвоемъ... При ея темпераментѣ. Elle est tout ce qu'il y a de plus intraitable! Развѣ вы не встрѣчали ее и ея сестеръ?

— Сивцевъ-Вражекъ и Поварскую я очень мало знаю.

— Онѣ отсюда, съ Молчановки...

— Одна фамилія чего стоитъ. Это уже по звуку прямо напоминаетъ belle-soeur Фамусова, Хлестову.

— Ха, ха! Пожалуй! Ихъ три сестры—и всѣ дѣвы. Старшая уже, какъ Борисъ выражается, „пàла на ноги“. Принимаетъ, но почти никуда не выѣзжаетъ. Эта... Ольга... она еще не очень стара. Ей лѣтъ подъ сорокъ. Типъ! И какой! Вотъ уже ни передъ кѣмъ не пассуетъ! Я думаю, она въ раю у любого угодника табачку попроситъ.

— Какъ она вамъ приходится?

— Что-то въ родѣ тетки... троюродной.

— За себя я ручаюсь.

— О! Вы себѣ не измѣните. Но васъ она, конечно, знаетъ по репутаціи. И... хотите маленькую военную хитрость?

— Какую?

— Когда она войдетъ, я васъ представлю и скажу: другъ моего мужа, а фамилію проглочу.

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Авось и пронесетъ! А то можетъ быть непріятность.

— Развѣ уже до этого дошло въ старо-московскихъ сферахъ?

— А вы думаете, что всѣ васъ такъ обсахариваютъ, какъ мой Борисъ?

— Что-жъ! Это—хорошій камертонъ. Это въ родѣ сигналовъ или того градусника, который показываетъ силу давленія въ паровозѣ.

— Сравненіе—удачно. Вы настоящій импровизаторъ; также вамъ нужно и писать, совершенно такъ.

— Легко сказать!

Княгиня слегка прислушалась.

— Звонокъ. Это навѣрное Ольга. Мы еще отсюда услышимъ ея низкій, совсѣмъ мужской голосъ. Она, навѣрное, сдѣлаетъ замѣчаніе человѣку.

И менѣе чѣмъ черезъ минуту, хриповатый, баритонный голосъ загудѣлъ уже при входѣ въ гостиную.

— C'est elle, c'est elle!—полушопотомъ доложила княгиня.

Бабичевъ всталъ и повернулся къ двери въ гостиную.

Дѣвица Хлёстина что-то говорила, на ходу, человѣку.

— Не надо докладывать! — донесся уже явственно ея зычный, хотя и хриповатый голосъ.

Лакей во фракѣ приподнялъ съ одного бока портьеру.

— Bonjour, chérie, bonjour!—забáсила Хлёстина и, не дѣ-

лая знаковъ препинанія, продолжала говорить:—Какъ вы себя чувствуете? Этакое contretemps! Надо же было случиться наканунѣ сегодняшняго раута... On en mourrait de dépit! будь кто на вашемъ мѣстѣ. Но я уже ушла отъ всѣхъ выѣздовъ.

И тутъ только княгиня успѣла, указывая на Бабичева, который уже два раза поклонился гостьѣ, сказать:

— Другъ моего Бориса.

Фамиліи и не нужно было *отчетливо* произносить. Гостья поклонилась ему въ полоборота, протянула руку рѣзкимъ движеніемъ, потрясла ее на аглицкій манеръ и тутъ же опустилась въ то кресло, гдѣ онъ сидѣлъ до того.

Бабичевъ нигдѣ не встрѣчалъ эту „москòвку". А она была настоящая, коренная московка—изъ того общества, которое теперь уже доживаетъ свой вѣкъ, хотя ей было на видъ не больше сорока.

Очень высокая, худая, плоскогрудая, въ прическѣ—десять лѣтъ назадъ — она пріѣхала „посидѣть" безъ шляпы, въ шолковомъ платьѣ неопредѣленнаго цвѣта, между песочнымъ и „масакà". Оно казалось еще суше и жестче отъ высокаго темнаго ошейника въ видѣ галстуха. Черные волосы съ легкой просѣдью лежали челкой на лбу. Лицо подвижное, смуглое, съ узкими, немного калмыцкими глазами — безпрестанно мѣняло выраженіе. Большой ротъ, съ выдавшимися—немного по-англійски—передними зубами, постоянно двигался, какъ бы отражая артикуляцію каждаго слова. А слова вылетали безостановочно, все тѣми же низкими, хриповатыми, нервными звуками, опредѣленно, увѣренно и съ оттѣнкомъ чисто-московскаго дворянскаго юмора.

Бабичевъ, и безъ предостереженія княгини, съ первыхъ же словъ гостьи, распозналъ бы—какого она „лагеря", но онъ все-таки не ожидалъ чего-то до такой степени „самодовлѣющаго",—какъ онъ тутъ же мысленно выразился. Такая точно особа, лѣтъ двадцать назадъ, была бы все-таки поосторожнѣе, позволяла бы себѣ разные намеки и шпильки, но не плавала бы такъ во вновь проснувшихся застарѣлыхъ повадкахъ, обличеніяхъ, разносахъ и сентенціяхъ, какіе въ такихъ вотъ особнякахъ полнымъ букетомъ распускались когда-то, къ шестидесятымъ годамъ.

Его это начало даже забавлять, и еслибъ не слово быть не позднѣе десяти тамъ, гдѣ его уже ждали,—онъ бы посидѣлъ еще.

— Вашъ мужъ, я слышу, chérie,—продолжала, безъ знаковъ препинанія, дѣвица Хлѣстина,—очень нравится тамъ,—она подняла руку. — Въ добрый часъ! Вы его немного подтягивайте. Мнѣ Мишель Проскуринъ говоритъ на дняхъ: „Мироновъ—ми-

лѣйшій малый... только онъ, кажется, немножко заигрываетъ съ господами либералами".

Княгиня мелькомъ взглянула на Бабичева. Онъ сидѣлъ въ тѣни и вбокъ отъ гостьи.

— Я всѣмъ и каждому говорю: надо взяться за дѣло женамъ, какъ это дѣлается вездѣ... за границей. Въ Парижѣ... въ салонахъ, высшая политика... проводитъ и въ академики. Пора нашимъ свѣтскимъ женщинамъ сказать свое слово. Онѣ образованнѣе парижанокъ, и нѣмокъ... и англичанокъ...

И безъ всякаго переходнаго мостика перескочила она къ тому, что теперь готовится въ Москвѣ.

— Я бы просто-на-просто запретила всякія совѣщанія, съѣзды, конгрессы. Это только одинъ предлогъ. Чистая комедія! Вотъ и теперь готовится что-то... ужъ не знаю—у ветеринаровъ или лекарей, или что-то въ этомъ родѣ. И графъ Дубасовъ... знаете—Витя... тотъ, что пріѣхалъ изъ Америки... какъ я его называю, шалый Витя... готовитъ какой-то докладъ.

Бабичевъ чуть-чуть воздержался, чтобы не взглянуть на хозяйку. На слушаніе этого самаго доклада графа Дубасова его и ждутъ. Но онъ не хотѣлъ уходить, не дослушавъ.

— О чемъ?—остановила княгиня.

— Est-ce que je sais?! Все одно и то же фрондёрство... чтобы какъ-нибудь, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, поиграть въ радикалы и народники. Они—друзья съ однимъ вашимъ... какъ, бишь, его фамилія.

Рѣчь, очевидно, шла о немъ. Княгиня, съ тихой улыбкой, поглядѣла на него.

Пора было уходить. Имя его не было еще произнесено.

— Вы скрываетесь, Иванъ Степановичъ,—нарочно по имени и отчеству назвала княгиня.

— Пора!

Гостья, выпрямившись, опять встряхнула его руку.

Проходя гостиной, Бабичевъ вспомнилъ Руженцова. Какую бы онъ пустилъ ноту, спрашивая его:

„И тутъ ты будешь насаждать твое хоровое начало"?

IV.

Тѣ же колонны подъ мраморъ и бѣлыя стѣны, и обивка мебели, и огромныя канделябры на столахъ, поставленныхъ покоемъ,—ничто не измѣнилось.

И рой бѣлорубашныхъ половыхъ, разсыпанныхъ по залѣ.

Затуманенные глаза Руженцова смотрѣли на все это, и въ памяти его проходили другіе банкеты, въ той же, съ бѣлыми колоннами залѣ. И дальше, въ студенческіе годы, когда въ Татьянинъ день, они, подвыпивъ, вторгались сюда, хватали любимыхъ профессоровъ и качали ихъ.

Особенно памятно ему было качанье одного толстяка—всеобщаго любимца, даже и студентовъ другихъ факультетовъ. Его огромное тѣло взлетало на воздухъ, руки и ноги—въ разныя стороны, и онъ начиналъ съ громкимъ смѣхомъ упрашивать:

— Пожалуйста, господа, не такъ сильно! Довольно! Довольно!

Все это *было*. И эти воспоминанія не тѣшили его. Въ немъ уже давала себя знать—тяжесть отъ полдюжины рюмокъ водки, неизвѣстно зачѣмъ проглоченныхъ за безконечной закуской, въ сосѣднемъ кабинетѣ.

Всѣ чокаются этой самой водкой. И зачѣмъ?

„Почему, — спрашивалъ онъ себя съ все возростающей горечью,—интеллигенція должна непремѣнно заявлять себя поголовно алкоголиками? Неужели нужно непремѣнно влить въ себя добрыхъ два стакана всякой водки: очищенной, и горько-шпанской, рябиновой и англійской горькой, и накидываться на всѣ холодныя и горячія закуски? И жевать, жевать—добрыхъ полчаса, запуская въ ротъ всевозможныя соленья, копченья, сыры, рыбы, сосиски, пельмени, почки въ соусѣ—всего не перечтешь?!

И съ перваго же блюда сидятъ они уже осоловѣлые отъ всей этой „жратвы и питьвы"—Руженцовъ мысленно употребилъ оба эти слова студенческаго жаргона.

Разговоры, правда, гудятъ; но лица уже сонныя, или возбужденныя отъ духоты, закусокъ, тѣхъ блюдъ, которыя уже появились, до этой минуты, за столомъ, и отъ всего выпитаго при закускѣ и тутъ.

Не ушелъ онъ отъ юбилейной трапезы, какъ грозили ему молодые *филозöи*. Ни одинъ изъ нихъ не явился. Они слишкомъ хорошо знаютъ цѣну такимъ обѣдамъ. Они еще ни передъ кѣмъ не обязаны надѣвать на себя личину. Гдѣ имъ скучно—тамъ они не бываютъ.

А зачѣмъ онъ подписался на этотъ обѣдъ? Юбиляра онъ, правда, когда-то знавалъ, до своего удаленія въ сѣверный захолустный городишко. Теперь онъ уже почти „маститый". Его любятъ на Москвѣ, считаютъ однимъ изъ тѣхъ, которые высоко носятъ „стягъ" и пр.

Уговорилъ его подписаться Мосягинъ, горе-педагогъ, задавленный жизнью, что сидитъ рядомъ съ нимъ, съ чѣмъ-то въ родѣ мяздры на голомъ черепѣ, зеленый, долговязый, съ кадыкомъ.

Для него этотъ обѣдъ — родъ „бани пакибытія". Онъ такъ себя мизерабельно чувствуетъ, такъ истязуемъ и начальствомъ, и непомѣрной обувой часовъ греческагѣ и латыни, и семьей, и безсодержательной жизнью, и неизлечимымъ катарромъ желудка!

Въ тотъ вечеръ, который Руженцовъ провелъ у него, послѣ обѣда съ „филозѳями"—Мосягинъ цѣлыми часами плакался ему, называлъ себя клячей, которую надо поскорѣе на живодерню, съ жестокимъ самобичеваніемъ говорилъ о полной неспособности на какой-либо „поступокъ", издѣвался—безпощаднѣе тѣхъ „филозѳевъ—надъ показываніемъ „кукиша въ карманѣ", считая себя и на это неспособнымъ въ нормальномъ ходѣ своей каторжной и безсмысленной жизни.

И вотъ, на такихъ юбилейныхъ обѣдахъ, гдѣ онъ пилъ безъ удержу и проглатывалъ рюмки водки и стаканы бѣлаго и краснаго,—послѣ чего всегда свалится въ постель,—онъ опьянялъ себя и физически, и душевно. Самъ онъ не могъ говорить публично, страдая чѣмъ-то въ родѣ косноязычія, но онъ слушалъ, заставлялъ говорить, жалъ руки, пилъ здравицы, ходилъ, безъ умолку, отъ „виновника торжества" къ тѣмъ, кто его прославлялъ. И со всѣми цѣловался и, слезливо улыбаясь, повторялъ:

— Спасибо! Спасибо! Вѣщія слова!

И все время онъ испытывалъ уколы въ свою подоплёку, приступы „шкурнаго чувства". На такихъ юбилеяхъ ему не слѣдуетъ бывать. Начальство будетъ еще сильнѣе коситься. И ничего онъ не получаетъ отъ такихъ юбилейныхъ сборищъ, кромѣ плохихъ отмѣтокъ въ „кондуитномъ спискѣ", желудочныхъ припадковъ и сильныхъ прорѣхъ въ своемъ скудномъ бюджетѣ.

Вотъ и сегодня обѣдъ обойдется по восьми рублей съ человѣка, да еще будетъ какая-нибудь складчина. Меньше зелененькой не отвертишься.

Руженцовъ обернулся къ нему лицомъ и въ упоръ спросилъ его:

— Зачѣмъ ты притащилъ меня сюда, Мосягинъ? Если такъ пойдетъ,—я сбѣгу!

А было уже съ полдюжины рѣчей. И по части краснорѣчія—все осталось по старому, что-то роковое, тяготѣющее надъ говорящей интеллигенціей. Если кто дѣйствительно говоритъ экспромптомъ, то и его рѣчь кажется заученной и пропитанной тономъ доклада въ ученомъ обществѣ или чтенія протокола въ судѣ.

— Господи! Какъ мямлитъ!..

Этотъ возгласъ вырвался у Руженцова – правда, въ полголоса.

По срединѣ залы, между двумя колѣнами большого „покоя“, журналистъ изъ провинціи, въ очкахъ, съ добродушнѣйшей наружностью—силится, отъ лица какой-то редакціи или какого-то кружкà, выразить юбиляру весь тотъ порывъ чувства, которымъ онъ охваченъ въ день его чествованія.

Одинъ періодъ, съ двумя вводными предложеніями, оказался до такой степени для него непролазнымъ, что онъ растерялся, помоталъ головой и чуть не расплескалъ вино на прическу одной изъ дамъ, сидѣвшихъ противъ юбиляра.

— Довольно! — закричали изъ одного угла. — Прекрасно! Браво!

Раздалось хлопанье, совсѣмъ не двусмысленнаго характера.

— Чтò за шутовство!—вырвалось опять у Руженцова.

— Газета честная. Онъ, сейчасъ видать, хорошій парень,—бормоталъ около него Мосягинъ.—А не всѣмъ дано... Вотъ я бы еще выскочилъ!

И онъ снялся съ мѣста, подбѣжалъ къ злосчастному оратору и сталъ съ нимъ чокаться.

— Этому конца не будетъ!—выговорилъ уже погромче Руженцовъ.—Хоть бы поскорѣе юбиляръ отвѣтилъ.

Зазвенѣли вилки и ножи о стаканы и тарелки. Половые, только-что было двинувшіеся въ два ряда съ блюдами мороженаго, по знаку распорядителя, остановились за колоннами.

— Слушай... онъ—мастеръ,—шепталъ Мосягинъ, ёрзая по стулу.—Своя манера.

Юбиляръ усмѣхнулся глазами, полуопущенными въ бокалъ шампанскаго. Его голову Руженцовъ только и видѣлъ. Грудь и бѣлый жилетъ застилались вазой съ цвѣтами.

Началъ онъ очень тихо звукомъ и замедленнымъ темпомъ, но увѣренно въ себѣ, слегка подчеркивая нѣкоторыя слова и дѣлая короткія, но частыя паузы.

— Небось, не скажешь, что вызубрилъ?—задорно шепнулъ Мосягинъ на ухо Руженцову.

Выходило складно, тонко, съ обиліемъ прозрачныхъ намековъ, съ разными „забытыми словами“, впущенными кстати въ ткань рѣчи. Они вызвали сочувственный гулъ.

Но для Руженцова и это было „все то же“. Произнося свои „забытыя слова“, юбиляръ очень хорошо и самъ сознавалъ, что все это—„мѣдь звенящая“, какой-то спортъ, скачка съ препятствіями.

— Ничего этого не надо!—повторялъ про себя Руженцовъ.

— Что скажешь? — крикнулъ Мосягинъ. — Какъ ловко! Въ самую точку!

А Руженцову захотѣлось крикнуть:

„Довольно! Все это—водевиль съ переодѣваньемъ"!

Мосягинъ уже летѣлъ къ тому мѣсту, гдѣ ваза съ цвѣтами, и лѣзъ чокаться съ юбиляромъ, который только-что кончилъ свою отповѣдь, среди раскатовъ рукоплесканій.

Вернувшись на свое мѣсто, Мосягинъ нагнулся къ нему и взялъ за плечи.

— А! Каково?! Врядъ-ли потягается съ нимъ твой губернскій Златоустъ...

— Кто такой?—почти гнѣвно окликнулъ Руженцовъ.

— Какъ кто... Бабичевъ!

— Да развѣ онъ здѣсь?

— А то какъ же? Вонъ тамъ, на правомъ крылѣ; за колонной его не видно.

Руженцовъ привсталъ. Онъ не видалъ Бабичева ни у закусокъ, ни здѣсь. Должно быть, тотъ пришелъ прямо въ залу, когда всѣ сидѣли.

„Ну, разумѣется,—тотчасъ подумалъ онъ.—Ему нельзя было отказаться. Гдѣ же, какъ не на этихъ говорильняхъ, предаваться закрѣпленію хорового начала"?

Ему было досадно, что Бабичевъ найдетъ его здѣсь. Но не могъ же онъ уклониться отъ встрѣчи съ нимъ.

— Крикни ему, чтобы говорилъ!—подзадоривалъ Мосягинъ.

— Съ какой стати! Найдутся и безъ меня!

Не прошло и двухъ минутъ послѣ того, какъ разнесли сладкое блюдо—съ того колѣна стола, гдѣ сидѣлъ Бабичевъ, начали раздаваться все громче и громче слова:

— Иванъ Степановичъ! Бабичевъ! Просимъ! Просимъ!

И разомъ всѣ головы обернулись въ тотъ конецъ.

„Ну, да, это—онъ!"—говорилъ Руженцовъ, глядя въ ту сторону. Онъ повернулся вмѣстѣ со стуломъ и сѣлъ вбокъ, взявшись обѣими руками за уголъ спинки.

Ему и хотѣлось послушать пріятеля, и какъ бы досадно было за него: зачѣмъ онъ поддается приманкамъ своей популярности? Развѣ что-нибудь серьезное есть въ такихъ застольныхъ словоизверженіяхъ? Только поводъ къ разной болтовнѣ, а главное—все то же показыванье... кое-чего въ карманѣ.

„Эхъ, Гамбетта!"—прошепталъ онъ и взъерошилъ себѣ волосы.

Но какъ же можетъ быть иначе? Вѣдь милѣйшій Иванъ Степановичъ всюду ищетъ упора въ своей общественной дѣятельности. Онъ уважаетъ прессу, у него водятся связи съ честно думающими журналистами. Навѣрное, онъ давно знакомъ съ юбиляромъ. Этотъ обѣдъ, если не протестъ, то нѣкоторымъ образомъ—символъ.

И всѣ тутъ, и дамы, и мужчины—всѣ просятъ, стучатъ о тарелки и стаканы. Всѣмъ лестно послушать Бабичева, всѣ знаютъ Бабичева, „земца à la mode“.

Все это бурлило въ возбужденной головѣ Руженцова въ тѣ секунды, когда его пріятель поднимался и, кланяясь въ разныя стороны, собирался начать свой спичъ:

— На средину! На средину!—закричали съ разныхъ пунктовъ стола.—Слышнѣе будетъ. На средину!

Уже цѣлая кучка повскакавшихъ съ своихъ мѣстъ выбѣжала на средину каре́, образованнаго колѣнами стола.

Бабичевъ долженъ былъ протискаться сквозь эту группу, подошелъ къ срединѣ и, стоя въ полоборота, обратился, въ одно и то же время, и къ юбиляру, и ко всему собранію.

Завибрировалъ по большой залѣ его высокій, молодой голосъ съ чуть слышной картавостью—и всѣ притихли.

Руженцовъ—все въ той же перекошенной позѣ—не поворачивалъ голову въ его сторону, а напротивъ, опустилъ ее на крѣпко стиснутыя кисти рукъ.

— Ну, да, ну, конечно, — бормоталъ онъ, — такъ и надо было начать. Всѣхъ обласкать и привлечь, чтобы образовать сразу хоръ. Ха, ха!

Придраться было не къ чему: все выходило такъ искренно, сильно, такъ кстати и такъ благородно.

— А! А!—вскрикивалъ Мосягинъ.—Вотъ это—настоящій спичъ! Этотъ не мямлитъ! Пойдемъ поближе, Руженцовъ!

— Оставь меня!

Мосягинъ убѣжалъ, протискался въ группу, сплоченную вокругъ Бабичева, и сталъ тутъ же неистово хлопать.

— Тсс!—зашикали на него.

Руженцовъ, не мѣняя позы, слушалъ, продолжая бормотать, поводилъ глазами, вытягивалъ шею. На своемъ углу стола онъ остался почти одинъ. Но на него никто не обращалъ вниманія. Всѣ были захвачены импровизаціей Бабичева.

Это была, дѣйствительно, экспромптомъ сказанная рѣчь. Мотивомъ ея послужили слова, оброненныя юбиляромъ,—извѣстное старо-русское изреченіе, которое когда-то любили приводить

славянофилы: „отъ міра я не прочь; но міру я—не челобитчикъ“.

Бабичевъ переставилъ половины изреченія и сталъ говорить на тему, что міру каждый долженъ быть „челобитчикомъ“, даже если міръ и не во всемъ бываетъ правъ.

— Поѣзди, голубчикъ, на своемъ конькѣ!—уже громче проговорилъ, на своемъ стулѣ, Руженцовъ. Въ головѣ его начало шумѣть сильнѣе, чѣмъ въ началѣ обѣда.

Рѣчь лилась уже болѣе пяти минутъ. Ее сопровождали перекаты сочувственнаго гула. Врывались и „браво“, и аплодисменты.

Въ одномъ мѣстѣ, выше всѣхъ, пустилъ фистулой Мосягинъ:

— *Хиръ! хиръ!*

На каждомъ обѣдѣ онъ, дойдя до „градуса“, прибѣгалъ къ англійскому возгласу: „hear, hear!“, получавшему у него русскую окраску.

— Оттого мы и не умѣемъ ладить,—доносилась до Руженцова рѣчь Бабичева,—что свое „я“ слишкомъ часто поднимаемъ надъ общимъ хоромъ...

— „Мы слышали это, голубчикъ! Что-нибудь поновѣе“!—вырвалось у Руженцова.

Въ головѣ его туманъ какъ будто проходилъ; но его замѣняло все приливавшее къ головѣ раздраженіе.

Кругомъ уже никого не было за этимъ колѣномъ стола, и того, какъ онъ держалъ себя, никто не могъ видѣть. Всѣ стояли стѣной, къ нему спинами.

Его повлекло также въ толпу, въ ненавистную ему, съ извѣстныхъ поръ, толпу, изъ кого бы она ни состояла—изъ мужиковъ, рабочихъ, „буржуевъ“, молодежи или сливокъ образованнаго общества.

А голосъ Бабичева, высокій и пріятно вибрирующій, и голова его, съ волнистыми волосами, немного откинутая назадъ, поднимались надъ толпой, и благообразный профиль вырѣзывался на фонѣ противоположной стѣны.

— „Трибунъ! Гамбетта! Нечего сказать!“—почти уже крикнулъ Руженцовъ.

— Поднимемъ же бокалы,—текли послѣднія фразы рѣчи,—поднимемъ, господа, бокалы,—выше нотой повторилъ Бабичевъ,—за все, что „міръ“ стяжалъ въ жизни плодотворнаго и, главное, за то, чтобы каждый изъ насъ, въ самомъ скромномъ дѣлѣ, былъ за него челобитчикомъ!

6*

— Ура!—загремѣло со всѣхъ сторонъ.

— Урра! - гаркнулъ и Руженцовъ—и такъ, что многіе обернулись.

Его никто почти не зналъ, и многіе разсмѣялись, увидѣвъ, что онъ „готовъ“ или, пожалуй, близокъ къ извѣстному „градусу“.

Но звукъ его „урра“ былъ вызывающій, саркастическій, почти шутовской.

Онъ вернулся къ столу, схватилъ рюмку, налилъ ее чѣмъ попало, перебѣжалъ опять залу и втиснулся въ ту кучку, которая обступила оратора, чокалась съ нимъ, кричала. Нѣкоторые лѣзли цѣловать и обнимать Бабичева.

— Коллега! Достолюбезный Иванъ Степановичъ!—раздался хриплый баритонъ Руженцова.—Значитъ, за хоровое начало? А! ха, ха!

Бабичевъ обернулся и развелъ руками, уже свободными.

— Ты? Здѣсь? А я и не зналъ.

— Такъ за хоровое начало? Чокнись, чокнись, душа моя! Видишь, и я тутъ случился. Какъ разъ попалъ на твой бенефисъ!

„Какъ онъ, бѣдный, однако угостился!“—сказалъ, про себя, Бабичевъ.

Впрочемъ, на такихъ обѣдахъ принято позволять себѣ всякія излишества ѣды и питья.

— Изволь, изволь!—широко улыбаясь, отозвался онъ и чокнулся съ нимъ своимъ бокаломъ шампанскаго.

Цѣлый хвостъ потянулся къ герою обѣда съ бокалами, рюмками, стаканами, кто съ чѣмъ, и Руженцова оттѣснили.

Онъ опять широко махнулъ рукой и еще довольно твердой походкой вернулся на свое мѣсто, покрикивая, въ перемежку со смѣхомъ:

— За хоровое начало!

Кто-то еще говорилъ, предлагалъ здравицы. Пили за дамъ, за какихъ-то отсутствующихъ, еще три раза за юбиляра.

— Здоровье преосвященнаго!—крикнулъ Руженцовъ и такъ, что всѣ расхохотались.

Кто знавалъ Горбунова—вспомнили его.

Стали разносить кофе. Руженцовъ налилъ себѣ рюмку ликера и сталъ его пить маленькими глотками.

Тотъ же особый задоръ и покалыванье въ рукахъ не покидали его. Голова все прояснялась, а не тяжелѣла, какъ бы слѣдовало ожидать. Теперь былъ онъ на настоящемъ „взводѣ“, чтобы произнести громовую рѣчь.

Около него опять сидѣлъ Мосягинъ, красный, потный, въ какомъ-то блаженномъ млѣніи.

— А! Каковъ твой пріятель! Онъ вѣдь и мой коллега. Мы одного времени. Я на одинъ годъ только старше васъ выпускомъ. Пойдемъ просить его еще что-нибудь сказать.

— Иди!.. Представитель добровольныхъ клячъ!

— Что̀ ты такъ!

— Ухъ... какъ бы слѣдовало пустить на васъ душъ!

— Какой душъ! Руженцовъ, ты до чертиковъ дошелъ!

— Душъ! Въ пять градусовъ по Реомюру... или паровую баню въ пятьдесятъ градусовъ. И сдѣлать это никто изъ васъ не въ состояніи. Есть одинъ человѣкъ во всей залѣ...

— И это?

— Я!

— Что-жъ! Иди! Дѣйствуй! Но только въ униссонъ. Не умничай! Я тебя знаю!

„Говорить или не говорить?"—спрашивалъ себя Руженцовъ. —„Развѣ я трушу? Кого? Не того ли земскаго Златоуста—милѣйшаго Ивана Степановича"?

Но всѣ они, и весь этотъ банкетъ, и онъ самъ — показались ему такъ ничтожны и смѣшны, что „связываться" было бы дѣтскимъ задоромъ.

Неужели онъ уподобится имъ всѣмъ, съ Бабичевымъ во главѣ, которые вѣрятъ въ дѣйствіе... чего? Слова? т.-е. словъ, звуковъ, членораздѣльныхъ вибрацій воздуха. И всякихъ словъ, и устныхъ, и письменныхъ, и печатныхъ.

— Пускай ихъ!—вслухъ выговорилъ онъ и всталъ.—Мосягинъ, по домамъ!

— Зачѣмъ, голубчикъ! Теперь только самый разгаръ.

— Домой!—повторилъ Руженцовъ.

И несовсѣмъ уже твердой поступью онъ сталъ пересѣкать пространство залы.

— Куда ты, милый?—остановилъ его возгласъ Бабичева.

— Домой!

— Да я тебя совсѣмъ не видалъ. А завтра ѣду. Вотъ, меня зовутъ туда, въ гостиную. Хочешь присоединиться къ намъ?

Бабичева позвали въ это время къ юбиляру.

— Уволь! Довольно! Всѣ въ восторгѣ. Чего же больше?

— Пойдемъ! — Бабичевъ взялъ Руженцова подъ-руку.

— Куда?

— Въ гостиную.

— Довольно было ѣды и возліяній!

Но Руженцовъ все-таки поплелся подъ-руку съ Бабичевымъ.

Они вошли въ гостиную, гдѣ, за первымъ же столомъ, помѣщались кружкомъ человѣкъ пятнадцать мужчинъ и дамъ.

По срединѣ—юбиляръ, окруженный дамами. Три были уже почтенныя матроны, двѣ помоложе—кажется, изъ пишущихъ женщинъ.

Руженцова никто лично не зналъ, и онъ никого.

Но юбиляръ послѣ вспомнилъ, что онъ, когда-то, еще студентомъ четвертаго курса—онъ юристомъ, а Руженцовъ естественникомъ—были членами одного кружка, вскорѣ распавшагося.

— Мой пріятель, Руженцовъ, Викторъ Павловичъ!—громко представилъ Бабичевъ.

Юбиляръ поднялся и сейчасъ же протянулъ руку.

— Мы тоже были коллеги. Помните кружокъ... въ Аѳанасьевскомъ переулкѣ? Давненько?

— Ein кружокъ!—отвѣтилъ Руженцовъ съ комическимъ жестомъ.—Что-то помню.

— Милости прошу... вотъ сюда.

Кто-то изъ мужчинъ уступилъ мѣсто Руженцову. Онъ очутился по срединѣ круга, рядомъ съ Бабичевымъ.

— А что̀, коллега?—спросилъ его юбиляръ и ласково подмигнулъ на Бабичева:—Иванъ-то Степановичъ? Какъ говоритъ! А?

— Златоустъ!—Одно слово!—выговорилъ тѣмъ же тономъ Руженцовъ и взъерошилъ ладонью свои и безъ того торчавшіе волосы.

Дамы переглянулись съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Одна изъ нихъ, изъ тѣхъ, что помоложе, кажется—беллетристка, въ свѣтломъ туалетѣ и старательно причесанная, приняла только-что отъ юбиляра стаканчикъ шампанскаго и стала, обращаясь больше къ Бабичеву, высказывать тѣ чувства, какія въ ней „поднялъ“ этотъ обѣдъ, то, что̀ говорилъ юбиляръ и—въ особенности—„глубоко уважаемый и дорогой Иванъ Степановичъ“.

Всѣ дамы протянули свои стаканы къ Бабичеву. Въ ихъ глазахъ, въ раскраснѣвшихся лицахъ, все было полно восхищенія.

— Не правда ли, — заговорилъ Руженцовъ, подвигаясь къ дамѣ, говорившей свой лирическій спичъ,—нельзя устоять передъ обаяніемъ... нашего земскаго трибуна?

— Викторъ Павловичъ!—полушопотомъ вырвалось у Бабичева.

— Чего? Униженіе паче гордости, голубчикъ! Одно слово: лидэръ и надежда всей россійской интеллигенціи, помнящей такъ называемыя забытыя слова!

— А вы ихъ помните?—спросила не безъ ироніи одна изъ пожилыхъ дамъ.

— Забылъ. Каюсь! Ничего не помню. Особливо въ настоящую минуту. Но вѣдь это все равно. Вѣдь вы всѣ только воображаете, что въ словахъ—сила! Въ какихъ бы то ни было! И ты... жрецъ чистѣйшаго прекраснодушія... безцѣнный мой Иванъ Степановичъ... надежда и краса и прочее, и прочее, и прочая,—протянулъ онъ протодьяконскимъ басомъ,—той же наивной вѣры. И все будешь, какъ неутомимая труженица-пчела собирать медъ съ цвѣтовъ россійскаго радикализма, народолюбія, историческихъ судебъ и иныхъ матеріаловъ,—протянулъ онъ опять.—Потѣшай себя, душенька! Но знай, что это—мельница безъ помолу, эксперименты въ торичелліевой пустотѣ! Такъ-то!

Глаза Руженцова блестѣли, лицо было блѣдно. Онъ выговаривалъ отчетливо и громко. Изъ залы набралось еще человѣкъ двадцать. Всѣ слушали и не могли понять: въ чемъ дѣло.

Юбиляръ хотѣлъ „спасти положеніе“ и, протянувъ свой стаканъ Руженцову, сказалъ съ усмѣшкой въ умныхъ глазахъ:

— Мы стоимъ за свободу всякихъ искреннихъ мнѣній.

— Иванъ Степановичъ! Чего тебѣ еще?—крикнулъ Руженцовъ, тяжело поднимаясь.—Это ли не хоровое начало? Наше, братецъ, мнѣніе—номеръ второй; а меня уволь. Пора домой.

V.

У себя, въ „губерніи“—по туземному обывательскому термину, т.-е. въ своемъ губернскомъ городѣ,—Бабичевъ занималъ небольшой особнякъ, доставшійся ему отъ родителей, послѣ смерти матери. Домъ былъ ея, и она его завѣщала ему одному.

Черезъ два-три дня по возвращеніи изъ Москвы, онъ работалъ въ кабинетѣ, занимающемъ весь фасадъ особняка. Это обширное помѣщеніе онъ передѣлалъ изъ двухъ комнатъ. Внизу были еще столовая и билліардная, а наверху, въ мезонинѣ—двѣ спальни и уборная.

По всѣмъ угламъ шли дубовые шкапы съ книгами. Письменное бюро стояло по срединѣ, между двумя бюстами на тумбахъ, драпированныхъ темносинимъ плюшемъ.

День выдался свѣтлый, морозный. Узоры на окнахъ красиво переливались на солнцѣ.

Бабичевъ, и зимой, и лѣтомъ, вставалъ въ семь часовъ, даже когда возвращался домой поздно, что̀ случалось часто, и

здѣсь, и въ Москвѣ. Только въ деревнѣ, особенно лѣтомъ, онъ могъ входить въ „норму"—ложиться не позднѣе одиннадцати, когда не было гостей.

На службу онъ ходилъ послѣ завтрака. По утрамъ являлся секретарь, но не каждый день. Онъ этого не любилъ. Принималъ просителей тоже въ управѣ, а не на дому. Исключенія дѣлалъ чрезвычайно рѣдко, за что, разумѣется, многіе были на него въ претензіи, называли даже „педантомъ" и „чинушкой".

Сегодня надо было приготовиться къ важному засѣданію. Предложеніе, съ которымъ онъ лично войдетъ, вызоветъ отпоръ въ авторѣ докладной записки, которую будутъ читать. Ее составилъ одинъ изъ губернскихъ гласныхъ, бывшій агрономъ, теперь директоръ отдѣленія мѣстнаго банка, Шестковъ.

У него съ нимъ, до сихъ поръ, еще не доходило – ни на съѣздахъ, ни на выборахъ, ни въ клубѣ—до настоящей схватки; но Бабичевъ чувствовалъ, что его объективность—уже на волоскѣ.

И этотъ господинъ настоялъ на томъ, чтобы онъ принялъ его именно днемъ, въ одиннадцатомъ часу, у себя, а не въ управѣ.

Отказать было рѣшительно неловко, тѣмъ болѣе, что никакого дѣлового мотива Шестковъ не предъявлялъ.

Его разбирало даже раздумье—ужъ не очень ли онъ прямолинеенъ, не впадаетъ ли онъ въ своего рода „якобинство"?

Есть вѣдь въ губерніи экземпляры куда хуже этого Шесткова во всѣхъ смыслахъ; но и они имѣютъ право играть роль, занимать мѣста. И съ ними надо находить „modus vivendi", не изъ соображеній оппортунизма, а оттого, что необходимо жить „на міру".

Этотъ визитъ Шесткова сегодня—былъ ему особенно не по вкусу. Онъ вышибалъ его изъ того настроенія, въ какомъ онъ былъ со вчерашняго дня—съ полученія депеши отъ брата своего, меньшого и единственнаго—изъ Петербурга.

Тотъ только пересядетъ въ Москвѣ въ поѣздъ и будетъ сюда въ первомъ часу.

Пріѣздъ „Пітэра"—такъ его звали въ домѣ съ дѣтства—„скоропалительный", какъ впрочемъ всегда, сразу какъ-то замолодилъ его.

Питэръ совсѣмъ ушелъ и отъ него, и отъ русской жизни. Онъ наѣзжаетъ изрѣдка, больше лѣтомъ. На этотъ разъ Питэръ ѣдетъ по дѣлу. Но Бабичевъ никакъ не ожидалъ, что онъ явится такъ скоро,—до поста.

Предлагаетъ онъ ему соглашеніе по двумъ „пустошамъ", которыя, до сихъ поръ, онъ бралъ у него въ аренду.

Питэръ совсѣмъ не занимался своимъ имѣніемъ, получалъ арендныя деньги—съ брата аккуратно, съ другого крупнаго арендатора—не очень; съ крестьянъ, въ послѣдніе тяжелые годы, терпѣлъ долгъ.

Ему хватало... И даже очень. Въ послѣдній годъ онъ сразу, въ одинъ театральный сезонъ, сдѣлался извѣстнымъ въ обоихъ полушаріяхъ композиторомъ. Питэръ давно занимается музыкой и попробовалъ свои силы въ опереткѣ, съ англійскимъ текстомъ. И въ первый же годъ эта вещь была дана въ Англіи и въ Америкѣ—сотни разъ и принесла ему тысячи фунтовъ и долларовъ.

Но онъ готовитъ нѣчто въ серьезномъ родѣ...

И Питэръ будетъ здѣсь, въ кабинетѣ, черезъ какихъ-нибудь два часа.

До тѣхъ поръ, надо „принадлежать своимъ обязанностямъ“.

Мальчикъ, въ черной курточкѣ, внесъ, на маленькомъ серебряномъ подносѣ, утреннюю почту: кромѣ газетъ, пакетъ и частную корреспонденцію.

Наверху почты лежало письмо въ конвертѣ большого формата съ напечатанной сверху строкой: „Товарищество Захаровской Мануфактуры“.

Вскрывая, Бабичевъ не сразу сообразилъ, отъ кого это можетъ быть, и, только всмотрѣвшись, узналъ почеркъ Руженцова.

Тотъ писалъ съ своей фабрики.

Съ юбилейнаго обѣда, послѣ котораго вышла полушутовская сцена, они не видались. Руженцовъ уѣхалъ изъ Москвы на другой же день; Бабичевъ уже не нашелъ его въ той гостинницѣ, гдѣ тотъ стоялъ.

Ему было немножко совѣстно за товарища передъ тѣми, кто тамъ былъ; но за себя онъ не обидѣлся.

Подвыпившій человѣкъ мало ли какихъ можетъ наговорить глупостей?! Но въ задорно-ироническихъ тирадахъ Виктора онъ отлично распознавалъ извѣстный камертонъ. Онъ и въ трезвомъ видѣ, еслибы дошелъ до высшей взвинченности — говорилъ бы почти-что въ такомъ духѣ.

Этотъ разъѣдающій процессъ скептицизма огорчалъ Бабичева. И безъ того его товарищъ ведетъ жизнь одиночнаго брюзги; а съ такимъ отношеніемъ къ жизни, ко всему, что̀ они когда-то вдвоемъ считали общимъ „credo“ — онъ кончитъ безотраднымъ пессимизмомъ.

Въ конвертѣ оказался листъ большого формата и также съ бланкомъ „Товарищества“.

„Любезный другъ Иванъ Степановичъ,—разбиралъ онъ мел-

кую и связную руку Руженцова,—ты теперь навѣрно уже дома и предаешься общественному служенію.

„Чувствую, что на той юбилейной говорильнѣ я повелъ себя съ тобою какъ перепустившій мѣру спирта мастеровой. Ты вправѣ поставить на мнѣ крестъ и даже отрѣшить меня отъ своей особы.

„Тому интеллигентному народу, который тебя чуть не качалъ, могло показаться, что во мнѣ закипѣла самая гнусная зависть. Два товарища... Одинъ—безвѣстный батракъ ихъ степенствъ и сочиняетъ рецепты красокъ для издѣлій Захаровской мануфактуры; а другой—звѣзда, свѣточъ, Гамбетта-Златоустъ! Словомъ, разыгралась сцена: „Моцартъ и Сальери", но въ совершенно россійскомъ вкусѣ, т.-е. пьяно и, въ концѣ концовъ, глупо. Это я сознаю и... представь себѣ — прощенія у тебя не прошу.

„Я не выставляю даже главнаго смягчающаго обстоятельства, т.-е. того, что я подпилъ, какъ послѣдній изъ нашихъ кочегаровъ".

Бабичевъ остановился и приложилъ палецъ къ щекѣ. Вѣдь это какъ разъ то, что̀ онъ сейчасъ думалъ.

„Ты слишкомъ большая умница, любезнѣйшій Иванъ Степановичъ, чтобы не распознать въ моихъ выходкахъ основныхъ мотивовъ этой увертюры. Я и въ эту минуту, когда сижу у себя одинъ и кляну себя внутренно — способенъ былъ бы отчитать тебя такъ же, только въ другихъ нотахъ.

„Мнѣ тебя жаль, глубоко жаль,—не обижайся этимъ! Ты не можешь лишить меня права жалѣть тебя, какъ добрый товарищъ. Тебѣ, вѣдь, уже никто такихъ вещей не будетъ говорить. Ты теперь идешь по восходящей кривой. Не стану банально предостерегать тебя отъ нашихъ обывательскихъ и даже общероссійскихъ овацій; у тебя врядъ ли сильно закружится голова. Не этого бойся... а самообмана и самовнушенія, въ особенности послѣдняго. Вѣрь мнѣ, пока въ тебѣ еще будетъ копошиться, хоть чуточку, тотъ червячокъ, который подъѣлъ во мнѣ всякія иллюзіи,—ничто еще не пропало!

„А впрочемъ, въ накладѣ изъ насъ двоихъ останешься не ты, а я. Если тебѣ удастся дожить до старости въ томъ убѣжденіи, что ты служишь своему пресловутому „хоровому началу"—чего же больше?

„Но изъ этого не вытекаетъ, что внѣ тебя, въ жизни, и нашей, и всемірной, нѣтъ тѣхъ неизбытныхъ противорѣчій, той фальши, того зла и насилія, которыя тебѣ не удастся и на десятимилліонную устранить!

„Прощай, Бабичевъ! Или, лучше, до свиданія! Вѣдь еслибъ ты со мной такъ обошелся,—я бы все-таки пришелъ къ тебѣ. Вотъ подползетъ весна. Можетъ, увидимся въ твоихъ родовыхъ палестинахъ — это всего вѣдь двадцать-пять верстъ отъ мануфактуры.

„Твой Руженцовъ“.

„Онъ жалѣетъ меня,—думалъ Бабичевъ,—а я—его, и сильнѣе, если не искреннѣе, чѣмъ онъ меня. Какъ тутъ разсудить“?

Письмо онъ положилъ въ ящикъ и сталъ просматривать почту: дѣловыя письма пробѣгалъ тотчасъ же, пакеты съ печатными листами откладывалъ. Изъ газетъ развернулъ одну—московскую, и только-что прочелъ тамъ передовую статью, какъ мальчикъ, показавшись въ портьерѣ, доложилъ:

— Господинъ Шестковъ. Вы имъ назначили къ одиннадцати.

— Проси!

Бабичевъ поморщился. Въ настроеніи, какое навело на него письмо Руженцова и все, чѣмъ оно вызвано, ему всего менѣе пріятно было хотя бы и чисто дѣловое объясненіе съ этимъ Шестковымъ.

Въ дверь больше ввалился, чѣмъ вошелъ ожирѣлый, съ бѣлымъ, обрюзглымъ лицомъ, брюнетъ, лысый, въ очкахъ, съ большимъ животомъ, въ сѣромъ пиджакѣ, лѣтъ сильно за сорокъ, похожій на подрядчика гораздо больше, чѣмъ на крупнаго чиновника.

Черты лица были мясистыя, особенно носъ и нижняя губа, подъ которой торчала подбритая эспаньолетка, какія были въ модѣ лѣтъ сорокъ назадъ.

— Весьма признателенъ за то, что позволили себя побезпокоить, многоуважаемый Иванъ Степановичъ.

Голосъ у него былъ низкій, сиповатый, съ московскимъ àканьемъ и звукомъ, совсѣмъ не барскій, хотя Шестковъ весьма кичился своимъ „столбовымъ“ родомъ, тѣмъ, что онъ записанъ въ „шестой книгѣ“ мѣстнаго дворянства.

— Милости прошу!—указалъ Бабичевъ на кресло, стоявшее на углу бюро, подъ однимъ изъ бюстовъ.

Гость, грузно опустившись въ него, скосилъ свои круглые глаза съ толстоватыми вѣками на заглавіе того листа газеты, который Бабичевъ только-что положилъ на письменный столъ.

И въ этихъ подхихикающихъ глазахъ можно было прочесть:

„Ну, конечно, читаетъ каждое утро разглагольствованія профессорскаго òргана“!

— Я къ вашимъ услугамъ, Константинъ Леонтьевичъ.

Съ такими господами, какъ этотъ Шестковъ, у Бабичева тонъ дѣлался до-нѐльзя вѣжливымъ, и его, обыкновенно, добродушная улыбка застывала на губахъ съ безстрастнымъ выраженіемъ.

Эту вѣжливость господа того лагеря, къ которому принадлежалъ Шестковъ, считали „высшаго сорта дерзостью", и вездѣ кричали, что Бабичевъ корчитъ изъ себя „премьера".

— Да я хотѣлъ, безъ помѣхи, объяснить вамъ нѣчто въ моемъ проектѣ, что̀ на засѣданіи могло бы вызвать пререканія. Все дѣло въ томъ, ка̀къ посмотрѣть на мою идею.

— Я внимательно прочиталъ вашу записку... цѣлыхъ три раза.

— Вотъ какъ! Мерси! Не ожидалъ! Но все-таки поддерживать ее не будете?

— Позвольте, Константинъ Леонтьевичъ, зачѣмъ же намъ объ этомъ уговариваться... съ глазу на глазъ?

— Вы считаете это не корректнымъ? Ась?

Шестковъ часто употреблялъ эту мужицкую прибаутку: „ась".

Отъ этого „руссака", какъ онъ называлъ самъ себя, Бабичева всего больше отталкивали складъ натуры и весь его пошибъ: языкъ, пріемы, грубость и безцеремонность, выдаваемыя за что-то коренное, настоящее, истинно-русское.

И такихъ Шестковыхъ развелось, въ послѣдніе годы, много, очень много. Прежде они были просто кулаки или „держиморды", или шелопаи; а теперь у нихъ явилась нѣкоторая подкладка.

Они подобрали крохи съ славянофильской трапезы, съ понадерганными у московскихъ корифеевъ хлёсткими словами, особенно о „средостѣніи", и тому подобными формулами.

— Не корректнымъ?—повторилъ Бабичевъ.—Не знаю. Во всякомъ случаѣ, я буду имѣть достаточный поводъ высказаться.

— Батюшка, Иванъ Степановичъ, многоуважаемый предсѣдатель!.. Да вы все въ вицмундирномъ тонѣ. А какъ будто двумъ русскимъ людямъ, преданнымъ земскому дѣлу,— нельзя столковаться? Неужели мнѣ это дѣло не близко къ сердцу? Что̀ я — мѣчу во что-нибудь? Благодареніе Создателю, имѣю кое-какія животишки, и если состою на службѣ, то какой? Самой безобидной. И не собственную ба̀нку содержу,— выговорилъ онъ по-мужицки слово „банкъ".—Вы думаете, что мы такъ-таки ни въ чемъ не сойдемся? Первое — столь любезная сердцу вашему и вашихъ, такъ сказать, единомышленниковъ мелкая тамъ, что-ли, земская единица... Экое, подумаешь, пугало! Для меня совсѣмъ не страшно. Не менѣе васъ, господа честные, мы не жалуемъ бюрократическую опеку...

— Я не имѣю повода сомнѣваться... Константинъ Леонтьевичъ.

— Да полноте! Вы все въ вицмундирномъ тонѣ. Что жъ! Насильно милъ не будешь! Одначе, если вы удостоили не одинъ разъ пробѣжать мою немудрую записку—что же, такъ сказать, принципіально не вызываетъ вашего одобренія?

— Мы—въ основномъ и главномъ—люди, стоящіе на разныхъ берегахъ.

Только-что эти слова слетѣли съ его губъ, какъ Бабичевъ спросилъ себя:

„Нужно ли было, вотъ тутъ, такъ категорически высказываться? Не лишняя ли это была бравада“?

Рѣчи Руженцова—на юбилеѣ тамъ, на галереѣ „Московскаго трактира“—заслышались ему.

Ну, можно ли ему, въ чемъ-нибудь, идти съ этимъ яко бы защитникомъ земскихъ интересовъ? Если бъ они очутились съ нимъ въ такомъ собраніи, гдѣ каждый выступилъ бы съ своимъ словомъ и дѣломъ передъ лицомъ всей націи,— развѣ они не сидѣли бы—онъ, Бабичевъ—на лѣвой, а этотъ защитникъ „древне-русскихъ устоевъ“—на самой крайней правой?

И будь у него, Бабичева, желчный темпераментъ того же Руженцова,—быть можетъ, пошли бы въ ходъ и пюпитры, и чернильницы?..

Съ каждымъ годомъ онъ видитъ — и не одинъ онъ,— какъ такіе Шестковы чувствуютъ подъ собою все болѣе твердую почву. Всѣ они,—выражаясь ихъ жаргономъ,—*прутъ*. У нихъ теперь вѣчный праздникъ. Они всѣ—собирательно—изображаютъ собою торжествующее четвероногое, о которомъ такъ любилъ упоминать русскій сатирикъ.

— Тэкъ-съ...—оттянулъ Шестковъ уже съ умышленно-купеческой интонаціей.—Это маленько слишкомъ общо, многоуважаемый Иванъ Степановичъ,—то, что вы вотъ сейчасъ изволили сказать.

— Извините, Константинъ Леонтьевичъ, было бы не ко времени, откровенно говоря, пространно излагать свои коренные принципы. Если у насъ найдутся пункты, по которымъ мы очутимся въ единомысліи,— буду сердечно этому радъ. Раздора я уже, во всякомъ случаѣ, не внесу ни въ какое начинаніе, ни въ какіе дебаты.

— Знаю, знаю! Вы у насъ миротворецъ. Вотъ я читалъ вчера отчетъ о московскомъ одномъ юбилеѣ среди интеллигенціи самой чистой воды. Вы тамъ изволили какъ разъ говорить такъ

краснорѣчиво объ этомъ самомъ хоровомъ началѣ. Весьма пріятно, что вы берете формулы у презираемыхъ вами поборниковъ древне-русскихъ началъ. И то изреченіе, которое вы такъ пылко и образно изволили защищать, а именно: „міру челобитчикъ"—это тоже не господа космополиты выдумали, ась?

Гость посмотрѣлъ на часы.

Бабичевъ ничего не отвѣтилъ на эту тираду и сидѣлъ съ полуопущенными рѣсницами.

— Значитъ... „Заутра—бой"?—спросилъ Шестковъ, такъ же грузно снимаясь съ кресла.

— Зачѣмъ же непремѣнно бой, Константинъ Леонтьевичъ?

— Дипломатическій! Съ вами какъ же иначе?

Взявшись за мѣсто бокового кармана, Шестковъ сказалъ:

— Надо бы папиросу выкурить, да боюсь. Вы вѣдь какъ красная дѣвица, ни курева, ни спиртнаго.

— Почему же... дозволяю себѣ и то, и другое.

— Поди, и вегетарьянецъ?

— Мяса не люблю, это правда.

— Одно къ одному. И въ другомъ прочемъ... лестно пойти по стопамъ одного изъ великихъ писателей земли русской. Ха, ха!

Онъ какъ-то затоптался на одномъ мѣстѣ, протягивая Бабичеву свою жирную руку съ пальцами, точно перевязанными на суставахъ.

Его смѣшокъ былъ Бабичеву особенно непріятенъ. Въ немъ слышалась одна и та же нота:

„Мы-де у праздника; а васъ только терпятъ. И всѣ вы только кажете кукишъ въ карманѣ и разводите антимонію на водѣ".

Тѣ обѣ фразы, особенно первая, изъ жаргона Руженцова—какъ бы прозвучали у него въ ушахъ, когда онъ провожалъ гостя до двери въ переднюю.

— Не безпокойтесь пожалуйста... Извините, что отнялъ у васъ полчаса вашего драгоцѣннаго времени. А вы въ Москвѣ загостились! Все по умственной части?.. Не такъ, какъ мы, грѣшные, когда урвемся.

Поборникъ древнерусскаго уклада жизни извѣстенъ былъ, какъ усердный посѣтитель Омона, загородныхъ ресторановъ съ пѣвичками и другихъ „злачныхъ" мѣстъ, какъ онъ самъ называлъ. Жену его—больную женщину—никто никогда не видитъ. Дѣти воспитываются дома.

На Шесткова мальчикъ натягивалъ шубу, когда раздался звонокъ.

— Это Питэръ!—радостно вскричалъ Бабичевъ, увѣренный, что это братъ съ желѣзной дороги.

Питэръ просилъ, въ депешѣ, не выѣзжать его встрѣчать. Онъ не любилъ этого.

Мальчикъ бросился отворять.

Въ заграничномъ пальто съ мѣховой отторочкой и въ какой-то странной шапкѣ стоялъ Питэръ.

— Братъ мой!—указалъ Шесткову Бабичевъ.

— Братецъ? Семейная радость! Имѣю честь кланяться!

Дверь захлопнулась за гостемъ.

Братья молча пожали другъ другу руку, а потомъ обнялись.

— Вотъ это славно, что ты самъ пожаловалъ!—радостно и тихо воскликнулъ старшій братъ, осматривая меньшого.

VI.

Угли потрескивали въ каминѣ. Въ кабинетѣ стояли полусумерки. Только изъ столовой достигалъ свѣтъ.

Братья пили кофе. Питэръ лежалъ на кушеткѣ съ ногами; Иванъ глубоко опрокинулся въ большое кресло.

— Развѣ ты, Jean, отказался отъ куренья?—спросилъ меньшой братъ, закуривая длинную и толстую, очень дорогую сигару.

— Да, отстаю.

— Tolstoï!—съ юморомъ воскликнулъ Питэръ.

— Пожалуй... Въ этомъ, да и не въ одномъ этомъ, онъ безусловно правъ.

— Не знаю,—протянулъ Питэръ.—Смыслъ жизни, ея краса и суть—не въ упрощеніи, а въ осложненіи; другимъ словомъ: въ дифференціаціи—это внѣ всякаго сомнѣнія!

Онъ говорилъ по-русски свободно, но съ какимъ-то трудно уловимымъ акцентомъ—полу-англійскимъ, полу-нѣмецкимъ.

Дикція была отчетлива, но суховатая, нѣсколько однообразная; иной сказалъ бы: „скрипучая“.

— Не знаю,—помолчавъ, выговорилъ Иванъ, вообще не любившій споровъ съ своимъ братомъ...

Ихъ отношеніе къ жизни было совсѣмъ не одного сорта; но Иванъ любилъ брата, каковъ онъ есть; искренно признавалъ его умственное превосходство, его яркую даровитость, оригинальность всего склада души, необычайную начитанность, вкусъ, знаніе жизни, хотя онъ и слылъ вѣчнымъ дилеттантомъ.

Ему хотѣлось теперь же начать съ братомъ дѣловой разго-

воръ насчетъ имѣнія. Онъ зналъ, что Питэра надо захватывать на первыхъ порахъ, а то онъ вдругъ „улетучится", или увлечется разговоромъ на свои любимыя темы.

Съ братомъ Иванъ посовѣтовалъ бы дѣйствовать съ такимъ натискомъ, разъ дѣло идетъ о матеріальныхъ выгодахъ; но онъ хотѣлъ предложить ему: уступить ему, по справочной цѣнѣ, урочище, межа съ межой съ его усадьбой, гдѣ онъ могъ завести земледѣльческую школу съ фермой для женщинъ, преимущественно изъ крестьянства.

На „феминизмъ" у Питэра свой взглядъ, мало похожій на то, что̀ въ ходу въ передовыхъ кружкахъ русскаго общества; но враждебно онъ не можетъ быть настроенъ противъ такой „затѣи" своего брата.

По его главной формулѣ—жизнь есть осложненіе, дифференціація; стало быть, и тутъ женщина, выросшая въ деревнѣ, не должна оставаться съ тѣми же скудными знаніями и навыками.

— Такъ какъ же, Питэръ?—мягко заговорилъ Иванъ, вглядываясь въ лицо брата, лежавшаго къ нему вбокъ.—Прости, что я тебѣ тотчасъ послѣ обѣда хочу надоѣдать дѣловой бесѣдой.

— Если нужно... я готовъ,—съ комическимъ вздохомъ сказалъ Питэръ и вытянулъ ноги.

— Ты знаешь, въ чемъ дѣло. Твое урочище Власово запущено, хотя оно у тебя въ большой твоей арендѣ. И твой арендаторъ пользуется ею совершенно даромъ, да и самъ ничего особенно нужнаго изъ нея не дѣлаетъ.

— Пускай его!

Питэръ махнулъ свободной рукой.

— Срокъ аренды, если не ошибаюсь, подойдетъ черезъ два года.

— Кажется.

— Но если земля или часть ея будетъ отчуждена?..

— Отчуждена,—повторилъ Питэръ:—какое красивое слово!

— Дѣйствіе контракта прекращается. Вѣроятно, такъ?

— Право, не знаю. Но я захватилъ бумаги.

— Положимъ, что такъ.

— Все это для меня,—ка̀къ это говорилъ отецъ дьяконъ у насъ въ Пузихѣ, который обучалъ меня первоначально азбукѣ?..

И Питэръ сталъ припоминать.

— Темна вода... темна вода...

— Во о̀блацѣхъ...

— Да, да! Такъ и для меня... вся эта дѣловая часть.

Онъ подложилъ одну ногу подъ другую, поднявшись туловищемъ на подушкахъ, и выпустилъ струю благовоннаго дыма.

— Kurz und gut... my dear fellow?

Иванъ особенно любилъ, когда Питэръ называлъ его, по своей оксфордской привычкѣ: „my dear fellow“—мой дорогой товарищъ.

— Какъ видишь, я предлагаю тебѣ продать мнѣ урочище. Но я бы не сталъ приставать къ тебѣ, милый Питэръ, еслибъ не цѣль этой покупки.

— Цѣль? У тебя не можетъ быть никакихъ цѣлей, кромѣ альтруистическихъ.

— Спасибо! Я еще съ прошлаго года живу идеей—построить училище съ фермой для женщинъ.

— Для дамъ или дѣвицъ, не нашедшихъ счастья въ гименеѣ или потерявшихъ надежду на оный?

— Ни того, ни другого. Просто для крестьянокъ. Или дочерей бывшихъ дворовыхъ... мѣщанокъ... въ видѣ исключенія.

— Это оригинально. Что-жъ! Душевно радъ!

Питэръ перемѣнилъ позу и отложилъ сигару на столикъ.

— Ты ничего не имѣешь противъ такой продажи?

— Но зачѣмъ продавать? Прими отъ меня въ даръ это... какъ, бишь, оно называется? Квасово...

— Власово,—поправилъ Иванъ.

— Власово, а далѣе? Есть какая-то прибавка...

— Займище, то-есть урочище.

— Какія все вкусныя и звонкія слова!

— Съ какой же стати ты будешь дарить мнѣ такой клинъ?

— Вѣдь все равно... Ты самъ же говоришь, что онъ мнѣ ничего не приноситъ.

Иванъ задумался и не сразу заговорилъ.

— Въ такомъ случаѣ, если ты хочешь сдѣлать это пожертвованіе, я желалъ бы, чтобы школа носила твое имя.

— Почему мое? Вѣдь ее надо содержать.

— Это ужъ мое дѣло!

— Ха, ха! — тихо разсмѣялся Питэръ. — Еслибъ мы были съ тобой спириты и допускали присутствіе духовъ, то какой-нибудь духъ—Александра Македонскаго или философа Канта—подумалъ бы: какое трогательное единоборство двухъ родныхъ братьевъ! одинъ былъ великодушнѣе другого; другой былъ еще великодушнѣе одного.

— Милый Питэръ!

Иванъ подсѣлъ на край кушетки и потрепалъ брата по колѣну.

— Все со своими шуточками... Но подъ этимъ душа есть.

— Не знаю,—все такъ же дурачливо протянулъ Питэръ.— Не вѣдаю, да и все тутъ. Дѣлай какъ знаешь! Но зачѣмъ намъ купчую, когда я отдаю такъ? А если ты непремѣнно хочешь, чтобы школа носила имя, назови ее: „Братьевъ Бабичевыхъ". Это все равно, что на чашкахъ и блюдечкахъ: „Фабриканты братья Корниловы" или на шеффильдскихъ ножахъ: „Smith brothers"—„Братья Смитъ".

— Ну хорошо, ну хорошо! Merci, l'affaire est baclée. Спасибо, милый!

Иванъ наклонился и поцѣловалъ брата.

Тотъ не любилъ вообще „нѣжничать", но Иванъ зналъ, что онъ чувствительнѣе къ ласкѣ, чѣмъ это кажется.

— Ну вотъ... мы тебя здѣсь и задержимъ, Питэръ. Вѣдь это требуетъ нѣкоторыхъ формальностей. А то ты—фюить, и былъ таковъ!.. Поживешь? Хочешь пожить?

— Поживу. Я думаю даже, что я здѣсь поработаю.

— Возьми мою спальню... Та комната, гдѣ мы тебя устроили —мала. Но вѣдь все въ твоемъ распоряженіи. Я—съ завтрака до обѣда—въ управѣ. И нѣсколько вечеровъ въ недѣлю также уходитъ на дѣла...

— Мнѣ твой домъ...

— *Нашъ* домъ,—поправилъ Иванъ.

— Опять... Одинъ былъ великодушнѣе другого...

— Ну, хорошо.

— Этотъ мамашинъ особнякъ очень симпатиченъ, и ты прекрасно сдѣлалъ, что сломалъ стѣну. У тебя цѣлый hall—зало. Здѣсь можетъ прекрасно писаться.

— Конечно, конечно!

Иванъ, все еще сидя на краю кушетки, не отнималъ руки отъ плеча Питэра. Ему опять стало немного стыдно, что онъ не далъ ему говорить о себѣ, о своей оперѣ, о заграничныхъ успѣхахъ.

Въ городѣ никто еще не зналъ, что онъ, Петръ Степановичъ Бабичевъ, прогремѣлъ на оба полушарія, въ Англіи и Америкѣ, какъ композиторъ „фурорной" оперетки, которая еще не была переведена по-русски. О ней появлялись только извѣстія въ газетахъ. Какъ композиторъ, Питэръ взялъ псевдонимъ: „Питэръ Бичъ" — съ англизированнымъ окончаніемъ своей русской фамиліи.

Когда онъ ее ставилъ—это было прошлой весной въ Англіи,— онъ писалъ брату, что желалъ бы остаться для своихъ „компа-

тріотовъ", какими считалъ и москвичей—нѣкоторымъ „таинственнымъ незнакомцемъ". О томъ же просилъ онъ его и послѣ того, какъ сразу добился самаго громкаго успѣха.

„Не изъ дворянскаго гонора не желаю я разоблачать свой псевдонимъ Питэра Бича,—писалъ онъ ему,—а потому что хочу быть свободнымъ, какъ дикій бедуинъ во всемъ томъ, чтò связано съ репутаціей, какой бы то ни было. Публика глупа—вездѣ и всегда! Я не удержу за собою этого псевдонима, когда выступлю съ моей серьезной оперой".

Иванъ былъ и самъ радъ, что Питэръ не хотѣлъ являться сюда какъ опереточный композиторъ съ англизированнымъ псевдонимомъ.

Зондируя свою совѣсть и въ этомъ, Иванъ сознавалъ, что ему было бы чувствительно хоть въ чемъ-нибудь замѣтить—какъ „прохаживаются" надъ опереточной славой его брата.

— Прости, милый Питэръ!—заговорилъ Иванъ.—Я ничего не спросилъ тебя о твоемъ главномъ дѣтищѣ? Какъ оно подвинулось?

— Еще многое не стоитъ на своихъ ногахъ.

— Но какъ говоритъ тебѣ внутренній голосъ... въ этомъ высшемъ родѣ труда нашелъ ли ты свой истинный путь?

— Это все очень громко, my dear fellow. Видишь... три года назадъ, когда я принялся за теорію, въ особенности за фугу—я еще колебался. Были и разные литературные замыслы... Тянуло и туда, и сюда. Музыкальную муштру́ я сталъ проходить какъ искусъ. Если мнѣ вся эта цыфирь не опротивѣла хуже горькой рѣдьки,—выкрикнулъ онъ,—значитъ, меня тянетъ къ композиторству. Оперетта вылилась, какъ проба пера. Посыпались мелодіи, оркестръ не Богъ-знаетъ какой. Но и въ немъ я уже пускалъ болѣе сложные пріемы, старался придавать всему извѣстный складъ... пошибъ—какъ у васъ теперь любятъ выражаться. Но во мнѣ еще шла борьба. Знаешь, какъ нашъ дядюшка Осту́шевъ любилъ декламировать...

— Помню, помню,—весело подхватилъ Иванъ.

— „То сей, то оный на бокъ гнется"?

— Да, да! И конецъ я вспомнилъ:—„Крутятся—и Ермакъ сломилъ"!

Питэръ долго хохоталъ. Смѣхъ у него былъ совершенно дѣтскій.

— Не хочешь ли ликеру? Я совсѣмъ забылъ.

— Нѣтъ... лучше зельтерской воды.

— Съ чѣмъ? Съ вйски? Прости, я не могъ достать здѣсь.

— Довольно и брàнди, alias: коньяку.

Иванъ всталъ, позвонилъ, распорядился, когда вошелъ мальчикъ,—вернулся въ свое кресло, сѣлъ еще удобнѣе, протянулъ ноги и сталъ съ особымъ чувствомъ душевной отрады слушать Питэра.

У него всегда было къ нему нѣчто въ родѣ отеческой и даже материнской нѣжности. Отецъ ихъ умеръ, когда Питэру было всего девять лѣтъ. Матери они лишились—шесть лѣтъ назадъ. Между ними было около девяти лѣтъ разницы, и старшій Бабичевъ привыкъ еще до смерти матери—она въ послѣдніе годы почти не вставала съ постели — смотрѣть на меньшого брата какъ на свое кровное „чадо", быть его попечителемъ, заниматься его дѣлами, высылать ему деньги за границу, гдѣ Питэръ съ перерывами пробылъ около десяти лѣтъ.

Съ этой осени ему пошелъ уже тридцать-четвертый годъ. Ивану было сорокъ-три.

— Итакъ, Питэръ: Ермакъ сломилъ?

— Да. Сломилъ. Но тотъ... какъ бишь его, сибирскаго-то царя, звать?..

— Кажется, Кучумъ.

— Кучумъ не сдавался. Особенно—страстишка къ стихоплётству... Погоня за формой.. въ связи съ нѣкоторымъ философскимъ дилеттантствомъ.

— Будто ты забросилъ эту область, Питэръ?—уже серьезнѣе спросилъ Иванъ.

— My dear fellow, мыслителемъ надо родиться. Это все равно, какъ во французской поговоркѣ: „on devient patissier, on naît rotisseur". Я это распозналъ. Да и прославленные нѣмецкіе профессора?.. Когда-то я—какъ ты помнишь— вмѣстѣ съ моими пріятелями изъ англичанъ и американцевъ увлекался старикомъ Куно-Фишеромъ. Виноватъ! Excellenz Cuno-Fischer! И вотъ, въ прошломъ году, заѣхалъ я, по старой памяти, въ Гейдельбергъ. Остановился въ томъ же пансіонѣ... помнишь, гдѣ ты у меня былъ... недалеко отъ того дома, гдѣ когда-то жилъ профессоръ Куссмауль?

— Онъ, кажется, умеръ?

— Да. Послѣ Либрейха, у него всегда толкались русскіе.

— Ну, и что̀ же?

— Пошелъ къ Excellenz на лекцію, въ ту старую большую аудиторію. Онъ разбиралъ библіографію подлинныхъ сочиненій Аристотеля... навѣрное, уже разъ въ тридцатый на своемъ вѣку,

если не больше. Но это не бѣда. Очень отчетливо, сочно, съ прекрасной дикціей—„за первый сортъ", какъ наши пузихинскіе мужички говорятъ... Для старца подъ-восемьдесятъ лѣтъ—даже изумительно! Но,—Питэръ высоко поднялъ указательный палецъ,—on naît rotisseur. „Excellenz"—профессоръ философіи, древней и новой, но не мыслитель. Гдѣ же у него *система*... какъ у Гегеля, какъ у Огюста Конта, какъ у Шопенгауэра, даже какъ у Гартмана? А безъ этого ты весь свой вѣкъ будешь только комментаторомъ, гелертеромъ. Ими я никогда не мечталъ быть. Дилеттантство въ философіи—это уже самое послѣднее дѣло.

— А твой интересъ къ психологіи?

— Онъ не заглохъ, нѣтъ. Но психологія, мой милый Jean, это—хлѣбъ насущный! Это въ родѣ камертона, безъ котораго нельзя сдѣлать шагу ни въ инструментальной, ни въ вокальной музыкѣ. У меня, до сихъ поръ, личная связь съ разными психологами больше въ Англіи. У Сэлли бываю всегда на лекціяхъ. Есть нѣсколько интересныхъ французовъ. Разработка идетъ по всѣмъ частямъ. Но это—повторяю—хлѣбъ насущный, все равно какъ изученіе красоты.

Иванъ зналъ, что еще недавно Питэра считали „отчаяннымъ декадентомъ", хотя самъ онъ находилъ, что это—преувеличенная репутація. Но ему не хотѣлось ставить брату слишкомъ категорически такого рода вопросъ.

— Въ искусствѣ все держится одно за другое,—выговорилъ онъ въ неопредѣленномъ тонѣ.—Ты остановился на такой его формѣ, какъ музыка,—истинное искусство нашего вѣка,—вѣчное и безпредѣльное...

Въ этихъ словахъ послышались даже лирическія ноты.

— Да, но съ жестокой цыфирью тамъ, внутри... въ томъ, что̀ французскіе скульпторы называютъ: „les dessous",—съ той разницей, что эти „dessous" въ скульптурѣ должно чувствовать, а въ музыкѣ—ни-ни! Вся цыфирь, вся суть фуги, контрапункта и всякихъ пріемовъ гармонизаціи и оркестровки должна быть переварена, превращена въ питательный сокъ, которому слѣдуетъ свободно течь по жиламъ и тканямъ организма.

— Браво, Питэръ! Это удачное сравненіе!

— Но и тутъ... on naît rotisseur... А иначе и бу̀дешь производить то, что называется капельмейстерской музыкой. Это рѣшительно все равно, что философъ и профессоръ философіи.

— Какъ язвительно сказалъ, первый, Фейербахъ, если не ошибаюсь!

Въ такихъ разговорахъ Иванъ, хотя и былъ очень начи-

танъ и съ прекрасной памятью, всегда оговаривался, точно онъ говоритъ съ авторитетнымъ ученымъ.

— Идея! Чувство того, что̀ можно и должно передавать звуками и ничѣмъ больше.

— Будто у Вагнера это всегда такъ?

Питэръ, не мѣняя позы, поглядѣлъ на него искоса.

— Мой культъ творца „Парсифаля"—уже въ прошломъ,— выговорилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ и сдѣлалъ маленькую паузу.—Черезъ Вагнера должно было пройти музыкальное творчество. Но онъ воображалъ себя великимъ драматургомъ... трагикомъ, ставилъ этого трагика выше музыканта. На это есть подлинные факты. А драмы свои—хотя онъ и былъ великій франкофобъ—строилъ, какъ блаженной памяти трагедіи Расина.

— Будто?

— А какъ же? Возьми „Тристана и Изольду". Что̀ это? Герой, героиня, царь, наперсникъ и наперсница. И цѣлый актъ мы должны слушать мелодекламацію Изольды, всякія изліянія передъ ея Kammerjungfrau. И каждому, не одержимому вагнеробѣсіемъ— хочется крикнуть: „да позвольте вы этой Амальхенъ подойти къ борту корабля, подышать свѣжимъ воздухомъ"!

— Ха, ха! А вѣдь это въ самомъ дѣлѣ немножко такъ?

— Я теперь уже не могу бывать въ Байрейтѣ... и слушать все ту же болтовню разныхъ салонныхъ caillettes... въ Лондонѣ, Ниццѣ, Римѣ, Вѣнѣ, гдѣ хочешь. Это сдѣлалось банально. Это *экспортъ*, какъ шампанское „Cristal", какъ прически à la Micado, какъ таблетки Maggi—универсальная приправа суповъ!

— Вотъ ты какъ?

— Но не думай, что я ренегатъ. Вовсе нѣтъ! Огромный, если хочешь, геніальный талантъ сказалъ свое слово. Но то, что̀ для него было идеаломъ—уже позади. Онъ—послѣдній могиканъ нѣмецкаго романтизма. У насъ—другая душа, другія упованія, другіе протесты. По крайней мѣрѣ для меня музыка— тотъ чудный даръ небесъ, который долженъ освѣщать будущее, а не возвращать къ легендамъ и миѳамъ, главное же—не долженъ унижать себя звукоподражаніемъ, не смѣть — скажу я продерзостно—умышленно производить гипнозъ на мою барабанную перепонку десятками тактовъ трескотни духовыхъ или пиликанья скрипокъ, какъ бы это ловко и даровито ни было!..

Въ это время вошелъ въ кабинетъ мальчикъ и прервалъ бесѣду братьевъ, тихо окликнувъ:

— Иванъ Степановичъ!

— Что̀ нужно?

— Записку принесли. Ждутъ отвѣта.

— Подай.

— Прикажете пустить лампу?

— Пусти.

Мальчикъ щелкнулъ кнопкой одной изъ электрическихъ лампъ.

— Отъ кого?—спросилъ мальчика старшій Бабичевъ.

— Человѣкъ принесъ отъ госпожи Сулиной.

— А-а! Хорошо. Сейчасъ.

Иванъ раскрылъ цвѣтной надушённый конвертъ, прочелъ и сейчасъ же отвѣтилъ.

П. Д. Боборыкинъ.

А. П. ЧЕХОВЪ
и
ЕГО РАЗСКАЗЫ.

ЭТЮДЪ.

I.

А. П. Чеховъ своими многочисленными сочиненіями давно уже овладѣлъ общественнымъ вниманіемъ. Его разсказы и повѣсти вызвали значительную критическую литературу, стали предметомъ горячихъ споровъ и самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко діаметрально противоположныхъ сужденій. Эпитетъ „чеховскій" сдѣлался нарицательнымъ именемъ для извѣстнаго рода умственныхъ и душевныхъ состояній и настроеній. Пьесы Чехова не сходятъ съ репертуара театровъ, ставящихъ своей задачей преслѣдованіе новѣйшихъ теченій въ искусствѣ и жизни. Произведенія Чехова переведены на иностранные языки и за границею привлекаютъ вниманіе критики. Нельзя потому не признать, что, судя по всѣмъ такимъ внѣшнимъ признакамъ, мы имѣемъ дѣло съ писателемъ далеко не зауряднымъ, хотя и не „великимъ" и не „европейскимъ", какъ его величаютъ у насъ не въ мѣру усердные отечественные хвалители.

Интересно и необходимо разобраться въ основныхъ причинахъ такого успѣха, насколько онѣ освѣщены критикой и обнаруживаются въ идейномъ и художественномъ содержаніи произведеній. Въ данномъ очеркѣ мы ограничиваемъ свою задачу

указаніемъ существенныхъ чертъ, образующихъ индивидуальность этого своеобразнаго писателя, въ связи съ господствующими тонами его міровоззрѣнія и значеніемъ его общественнаго вліянія. Соглашаясь далеко не со всѣми выводами предшествующей критики, мы понимаемъ всю трудность предпринимаемой нами работы, и если и беремся за нее, то лишь потому, что постановка вопроса о пересмотрѣ литературныхъ сужденій о Чеховѣ представляется намъ своевременной и важной.

Но прежде—нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Давно уже признано ходячей истиной, что писатель есть явленіе общественное, и что сужденіе о немъ должно имѣть въ виду, съ одной стороны, объемъ и характеръ его таланта, а съ другой— вліяніе идейной и художественной стороны этого таланта на дальнѣйшее развитіе общества въ томъ или другомъ отношеніи. Это и образуетъ два главныхъ направленія въ изученіи литературныхъ явленій и два метода критической разработки.

Изученіе таланта въ его сущности, какъ онъ создаетъ и вынашиваетъ образы въ себѣ, какъ ассоціируетъ внѣшнія впечатлѣнія жизни, внося въ нихъ гармонію и стройность, является всегда необходимою ступенью для опредѣленія безотносительной цѣнности писателя съ точки зрѣнія глубины производимыхъ имъ художественныхъ эмоцій и вѣрности и тонкости художнической кисти. Можно остановиться на этомъ первомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ важнѣйшемъ шагѣ изслѣдованія, можно безконечно любоваться произведеніемъ и не идти дальше лирическаго изліянія восторга передъ вдохновеннымъ созданіемъ художника, явившаго непонятную, чудодѣйственную власть надъ нашей душой. Можно признать божественное откровеніе въ искусствѣ, которое, кромѣ себя, кромѣ своей свыше одухотворенной красоты, не знаетъ иной цѣли; можно, не боясь шаблонныхъ обвиненій, допустить и даже поклониться таланту ради таланта, искусству— ради искусства, за тѣ волшебные краски и звуки изъ какого-то другого міра, которые обаятельно прекрасны, хотя не передаваемы на языкѣ будничной рѣчи людской, какъ пѣсни моря или ласкающій шопотъ цвѣтовъ.

Тончайшія краски
Не въ яркихъ созвучьяхъ,
А въ еле замѣтныхъ
Дрожаніяхъ струнъ,—
Въ нихъ зримы сіянья
Планетъ запредѣльныхъ,
Непознанныхъ свѣтовъ,
Невидимыхъ лунъ.

И если, въ минуты
Глубокаго чувства,
Мы смотримъ безгласно
И любимъ безъ словъ,
Мы видимъ, мы слышимъ,
Какъ свѣтятъ намъ солнца,
Какъ дышатъ намъ блески
Нездѣшнихъ міровъ...

Но чтò бы ни изображалъ современный поэтъ,—пышныя ли картины природы или убогій пейзажъ, потрясающую драму или унылую, жалкую дѣйствительность пошлаго прозябанія, можно признать за нимъ право свободно, безотчетно отдаваться порыву творческой кисти, изображать все, чтò подвернется подъ руку,—и затѣмъ оцѣнивать его творенія съ точки зрѣнія вѣрности рисунка, изящества и тонкости штриха. Можно не идти въ своихъ требованіяхъ дальше непосредственнаго импрессіонизма, и задача искусства будетъ исполнена, если созданіе художника вызоветъ впечатлѣніе глубокое, яркое, хотя и не влекущее къ размышленію и разгадкѣ.

Искусство давно уже перестало пониматься какъ пріятная забава, какъ возвышенное занятіе, которымъ можно наполнить часы отдыха и досуга, какъ соловьиная пѣснь безъ значенія словъ, рождающая влюбленныя грёзы и томные вздохи. Отжило свой вѣкъ и то воззрѣніе, когда на искусство смотрѣли какъ на помощь наукѣ въ ея стремленіяхъ раскрыть и освѣтить истинно полезное въ мірѣ, заставляя искусство служить посредникомъ между все новыми и новыми завоеваніями отвлеченной науки и мало развитой, но страждущей толпой. Теперь искусство—могучая свободная стихія человѣческаго духа, рождающаяся на тѣхъ же глубинахъ, откуда берутъ начало побужденія разума и вѣры и любви къ жизни, та высшая степень творческой дѣятельности, которая является однимъ изъ величайшихъ средствъ общественнаго прогресса.

Въ этомъ смыслѣ выраженіе „искусство для искусства“ не заключаетъ въ себѣ ничего ужаснаго. Пусть художникъ не скажетъ намъ, зачѣмъ онъ создалъ свое произведеніе; пусть онъ сумѣетъ зажечь огонь на маякѣ скалы, не заботясь о томъ, кто будутъ тѣ пловцы на кораблѣ, которымъ онъ пошлетъ свои лучи въ непроглядную бурную ночь... Новѣйшіе художники на Западѣ любятъ разгадывать сумерки, любятъ ловить фантастическія тѣни лунныхъ ночей; они хотятъ прокрасться въ таинственные шорохи темной человѣческой души, трепетно колеблемой неустанной борьбой мгновеній, мелькающихъ въ сознаніи, и вѣч-

ности, поглощающей ихъ. У Метерлинка и Ибсена, у Родэна и Бёклина были великіе предки по духу, изображавшіе могучія, но ясныя движенія души, какъ Шекспиръ, Гёте и Байронъ, и сумѣвшіе выразить высочайшую и въ то же время доступную людскому сердцу красоту и гармонію,—напримѣръ, Рафаэль и Бетховенъ. Тамъ, на Западѣ, оставленные ими величайшіе дары духовной культуры давно уже сдѣлались общимъ достояніемъ, вошли въ плоть и кровь общественнаго самосознанія, и художественная пытливость, не останавливаясь на этихъ ступеняхъ, стремится къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ и обращается, въ новѣйшихъ теченіяхъ, къ еще невыраженному словомъ, не схваченному мыслью. Для человѣчества, только небольшая часть котораго живетъ относительно сознательной жизнью, напрягая всѣ усилія, чтобы осмыслить основныя формы стихійнаго жизненнаго процесса, такое направленіе, идущее на встрѣчу загадочнымъ символамъ, неяснымъ представленіямъ, всему, что усыпляетъ здоровое чувство реальной жизни, но будитъ своеобразныя поэтическія настроенія, можетъ показаться возвратомъ къ тѣмъ отдаленнымъ вѣкамъ, когда люди ожидали спасенія не отъ своей культурной предпріимчивости и изощренности мысли, но отъ мистическихъ откровеній и глаголовъ свыше. Но кто скажетъ, къ чему приведетъ это направленіе?

Но есть страны и эпохи, гдѣ особенно цѣнными являются тѣ стремленія художественной мысли, которыя облегчаютъ людямъ борьбу за ближайшіе идеалы свободнаго и осмысленнаго существованія. Когда зажигаютъ огонь на высотахъ мысли, какъ на высокомъ холмѣ, не съ тѣмъ, чтобы онъ озарялъ безразличныя пучины моря, но чтобы онъ служилъ знаменательнымъ лозунгомъ и, можетъ быть, боевымъ сигналомъ идущихъ сражаться и умирать, — то важно, чтобы этотъ огонь горѣлъ яркимъ свѣтомъ надъ дорогой, по которой идутъ и падаютъ люди. Чѣмъ ярче, тѣмъ знаменательнѣе будетъ этотъ огонь; чѣмъ выше вздуется пламя костра отъ горнаго вѣтра, тѣмъ ярче вспыхнетъ надежда въ душѣ сомнѣвающихся и малодушныхъ.

Литература должна не только отражать, но и освѣщать, и совершенствовать жизнь. Этотъ процессъ приведенія жизни въ болѣе совершенный видъ не заключается, какъ думали прежде, въ отысканіи новыхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ тѣ или другія явленія представлялись бы сознанію въ блескѣ поэзіи и красоты. Онъ долженъ состоять для всякаго, сочетающаго запросы совѣсти съ исканіемъ смысла въ бытіи, въ улучшеніи самыхъ формъ его, въ усовершенствованіи тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ то,

что одни люди чувствуютъ себя въ жизни такъ дурно, что имъ ничего не стоитъ отказаться отъ нея; другіе—дурно, но лучше первыхъ; третьи—еще лучше, а четвертые—сносно, или, пожалуй, хорошо. Литература должна изучать жизнь не потому только, что ея процессъ представляетъ высокій интересъ для объективнаго наблюдателя въ безконечномъ количествѣ отношеній; не потому только, что въ ней есть прекрасное и безобразное, зло и добро, что весною поютъ соловьи, а зимою бываетъ и холодно, и не на всѣхъ людей хватаетъ пріюта и хлѣба. Литература нужна жизни не потому только, что ея выраженіемъ служитъ чудодѣйственное слово, могущее охватить тончайшіе оттѣнки мысли и чувства, могущее двигать горами, созидать и разрушать реальные и волшебные міры; но литература тѣмъ дорога жизни, что она въ лучшихъ своихъ представителяхъ, помимо своего художественнаго наслажденія, заставляетъ насъ глубоко вникать въ причины нашихъ страданій, вооружаетъ насъ противъ этихъ причинъ, какъ противъ злѣйшихъ враговъ, возбуждая въ нашей душѣ протестъ, сначала пассивный, потомъ активный, и доводитъ насъ до яснаго сознанія невозможности жить безъ борьбы. Но страданія бываютъ разныя, разная бываетъ и борьба. Не дѣло литературы художественной вызывать человѣка на борьбу съ природой въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ естествоиспытатели и врачи. Не ей указывать способы вызова дождя или средства продленія жизни. Но въ ея власти то, чтобы люди, чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникались идеями правды, трудовой и общественной солидарности и добра. Сообразно съ этимъ литература должна напрягать всѣ усилія, чтобы обезпечить всѣми доступными ей способами торжество этихъ идей, но такъ, чтобы отъ этого торжества, хотя бы въ идеальномъ будущемъ, была видимая польза, становилось бы меньше людей страдающихъ, угнетенныхъ и оскорбленныхъ внѣшнимъ, отъ людей зависящимъ, укладомъ жизни. И потому, насколько былъ бы безплоденъ протестъ противъ стихійныхъ явленій жизни, не поддающихся учету человѣческаго разума, настолько великъ и благотворенъ возбуждаемый ею протестъ противъ тѣхъ внѣшнихъ условій, измѣненіе которыхъ находится во власти человѣческихъ массъ. Нельзя не бороться человѣку за признаніе той объединяющей идеи, что солнце всѣмъ равно свѣтитъ, а земля предлагаетъ свои дары всѣмъ людямъ безъ ограниченій и жизнь можетъ быть прекрасной, если люди перестанутъ держать другъ друга за горло и обратятъ свободныя руки на общую, а стало быть, и свою собственную пользу. Развитіе этого рода идей, восходящихъ къ радостному культу

разумно-свободной и духовно-просвѣтленной жизни, идей, содѣйствующихъ реальному благу человѣчества,—является прямою обязанностью литературы въ обширномъ значеніи этого слова. Въ частности, у каждой изъ литературъ, создаваемыхъ геніемъ различныхъ народовъ, есть свои особыя спеціальныя обязанности, и въ ряду нихъ едва ли не самыя трудныя и отвѣтственныя задачи взяла на себя наша русская литература.

Судьба русской литературы замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Длинный рядъ вѣковъ прошелъ въ мучительныхъ попыткахъ освободиться отъ чуждыхъ путь, навязанныхъ ей роковою игрою историческихъ условій, и сбросить съ глазъ пелену, мѣшавшую ей вглядѣться въ дѣйствительность, кипучую, яркую, полную своеобразнаго драматизма, пестрѣвшую могучими характерами и умами. Бредя ощупью, съ трудомъ разбираясь въ элементарныхъ вопросахъ общественнаго и народнаго самосознанія, она уже съ самаго начала историческаго существованія должна была стать добрымъ геніемъ нашего младенческаго просвѣщенія и культуры. Ставъ, наконецъ, самобытною по кореннымъ источникамъ своего содержанія и національной по духу, она расцвѣла дивными художественными дарованіями и не уклонилась въ сторону отъ исторически завѣщанныхъ цѣлей, принимая подъ свою охрану все болѣе и болѣе широкіе круги интересовъ гуманной мысли и общественнаго улучшенія, являясь геніальной проповѣдницей равенства людей, любви и правды. Учительный и проповѣдническій тонъ лучшихъ представителей нашей литературы прошлаго вѣка, столь органически связанной подготовительными умственными теченіями съ произведеніями Л. Н. Толстого, во второй періодъ его творчества, явился въ семьѣ европейскихъ литературъ даже отличительнымъ признакомъ, объясняемымъ изъ расовыхъ особенностей славянскаго духа. Объясняется это, можетъ быть, и тѣмъ, что наша литература, въ отличіе отъ европейской, по тѣмъ элементамъ знанія, которые входили въ нее, шла впереди русской науки, и многія отрасли историческихъ и гуманитарныхъ изученій исходятъ корнями своими изъ общаго содержанія литературы въ прошломъ.

Но съ развитіемъ русской науки, когда литература въ собственномъ смыслѣ опредѣлилась въ границахъ своего содержанія и поставила вопросы историческаго смысла и цѣли литературнаго развитія, передъ ней сама собой, благодаря постепенному сближенію съ жизнью, опредѣлялась величайшая задача служить освободительнымъ идеаламъ въ самомъ широкомъ значеніи. Пониманіе этой задачи вошло, съ одной стороны, въ служеніе вы-

сочайшимъ общечеловѣческимъ принципамъ добра, любви и правды, а съ другой—въ страстное желаніе блага многомилліонной народной массѣ. Аннибалова клятва, которую давали благородные идеалисты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, посвящая свои силы служенію закрѣпощенной родинѣ, стала къ шестидесятымъ годамъ лозунгомъ честно выполняемаго гражданскаго долга русскаго писателя, воплотившаго въ звукахъ и образахъ прекрасной русской рѣчи завѣтнѣйшіе идеалы русскаго общественнаго блага. Безконечными звеньями уходя въ историческую даль, развивалась общественная стихія въ литературѣ, сверкая блёстками вольнодумной сатиры въ Екатерининскую эпоху, развертываясь во всю ширину народной мысли и чувства у Пушкина, уходя въ глубину въ исканіяхъ идеальныхъ путей у Бѣлинскаго, Тургенева, Некрасова, Добролюбова, Толстого. Въ шестидесятые и семидесятые годы, все глубже и глубже проникая въ тайники русской жизни, уяснялась та историческая преемственность литературно-общественныхъ явленій, которая съ положительностью закона открывала скрытый ходъ развитія, предшествовавшаго появленію того или другого писателя; всякій изъ нихъ естественно укладывался въ одно изъ направленій, обусловленныхъ историческимъ ходомъ и современными формами русской жизни. Литературныя случайности, которыя попытались бы создавать новыя направленія, не имѣвшія связей съ интересами реальной жизни, были бы столь же непонятны въ ту эпоху, какъ существа четвертаго измѣренія, какъ онѣ непонятны теперь съ ихъ потугами проникнуть путемъ поэтическихъ галлюцинацій въ потусторонній міръ.

Теперь уже можно судить по историческимъ итогамъ о томъ, какую роль сыграла литература въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Но этимъ освободительная задача ея еще далеко не кончена; продолжая бороться за идеи справедливости и личной свободы, за принципы общественнаго достоинства и равноправности, литература вложила много участія въ созданіе того высокаго типа интеллигенціи, основнымъ признакомъ котораго явилось такое горячее рвеніе къ вопросамъ общественнаго и народнаго блага, готовность жертвовать собою за меньшого брата во имя протеста противъ всяческаго стѣсненія и произвола. Въ современной неразборчивой прессѣ зачастую можно встрѣчать недостойныя и пошлыя выходки противъ русской интеллигенціи, упреки ея въ равнодушіи и оппортунизмѣ. Голоса эти принадлежатъ или представителямъ низкихъ общественныхъ побужденій, или невѣждамъ, которые не видали истинной русской интеллигенціи

и приняли за нее столь расплодившееся въ наше смутное время интеллигентное „мѣщанство“. Истинная интеллигенція—та, въ которой сосредоточивается фокусъ нашей общественной совѣсти, которую уважаютъ даже ея враги, но о которой нельзя говорить, прежде чѣмъ дѣянія ея не отойдутъ въ область историческихъ фактовъ. Эта интеллигенція, болѣе чувствуемая по своему вліянію, чѣмъ играющая роль на поверхности моря житейскаго, была создана по преимуществу освободительной литературой шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Въ ней чувствовалась сдавленная мощь, крѣпкая убѣжденность и непоколебимая вѣра въ лучшее будущее.

Обстоятельства 80-хъ годовъ оказались сильнѣе вліянія этой интеллигенціи. Начался разбродъ общественной мысли, яркіе идеалы задернулись мутной пеленой безвременья и безвѣрья. Жизнь словно остановилась въ своемъ теченіи, запросы просвѣщенія не получали исхода, запросамъ художественной мысли недоставало простора и свѣта. Голоса интеллигентовъ предыдущаго десятилѣтія естественно и неестественно замолкали, въ литературѣ водворялась анархія въ смыслѣ руководящихъ политическихъ и общественныхъ принциповъ. Голосами въ обществѣ и литературѣ завладѣли новые люди, отрекшіеся отъ литературныхъ традицій отцовъ и дѣдовъ и водворившіе въ литературѣ торжество новыхъ вѣяній въ сферѣ пониманія искусства, его общественной роли, содержанія и формы.

Къ концу 80-хъ годовъ, когда разрывъ литературы съ жизнью сдѣлался фактомъ, на литературномъ поприщѣ появился А. П. Чеховъ.

II.

Какъ мы уже замѣтили выше, произведенія Чехова вызвали обширную критическую литературу. Эта литература поражаетъ больше количествомъ, чѣмъ глубиной, обстоятельностью и разнообразіемъ сужденій. Почти всѣ критики сходятся на признаніи Чехова великимъ, даже европейскимъ писателемъ, придаютъ ему высокое идейное и художественное значеніе, какъ художнику сѣрыхъ, безпросвѣтныхъ сторонъ русской дѣйствительности, слагающихся въ общую картину такой томительной скуки и безъисходной пошлости,. обывательскаго переползанія изо дня въ день, которое совершенно поглощаетъ личность и дѣлаетъ безплодными ея попытки вырваться изъ заколдованнаго круга.

Въ частности же для характеристики Чехова интересны

два-три мнѣнія, касающіяся вопроса по существу и сдѣлавшіяся исходными пунктами для большинства журнальныхъ статей, принадлежащихъ авторамъ, которые пуще всего боятся упрека въ отсталости и въ непониманіи новѣйшихъ литературныхъ теченій.

По мѣткости и сжатости опредѣленія основныхъ свойствъ Чеховскаго таланта первое мѣсто занимаетъ, по нашему мнѣнію, статья Н. К. Михайловскаго по поводу сборника разсказовъ Чехова, подъ заглавіемъ: „Хмурые люди". Писатель, художественная прозорливость котораго можетъ не признаваться только тѣми, кто не читалъ его блестящихъ статей, отмѣтилъ въ Чеховѣ его несомнѣнную талантливость, берущую свои соки изъ того литературнаго поколѣнія, для котораго власть дѣйствительности была выше всего. Дѣйствительность не вообще, въ міровомъ или философскомъ смыслѣ, но ея сегодняшній день, ея конкретная сущность, потому что даже ближайшее прошлое этой дѣйствительности уже не удостоивалось признанія со стороны людей этого поколѣнія, заявлявшихъ, что идеалы отцовъ и дѣдовъ были надъ ними безсильны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикъ указывалъ въ этой статьѣ, что, исключая „Скучной Исторіи", прочіе разсказы этого сборника отличаются случайностью въ выборѣ темъ и отсутствіемъ жизни и теплоты въ содержаніи. Г. Михайловскій поставилъ бы, по его словамъ, въ заглавіи сборника не „хмурыхъ людей", но „холодную кровь": это символизировало бы, что Чеховъ съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ его. Жизненность „Скучной исторіи", въ противоположность прочимъ разсказамъ, г. Михайловскій объясняетъ тѣмъ, что въ него вложена „авторская боль". Г. Чеховъ талантливъ, а талантъ долженъ время отъ времени съ ужасомъ ощущать тоску и тусклость дѣйствительности, долженъ ущемляться тоской по тому, „что̀ называется общей идеей или богомъ живого человѣка". И критикъ высказываетъ пожеланія, что если Чеховъ не можетъ выработать своей собственной общей идеи, то пусть онъ останется хотя поэтомъ тоски по общей идеѣ, поэтомъ мучительнаго сознанія ея необходимости.

„Палата № 6" и такіе разсказы, какъ „Черный монахъ", „О любви", показали г. Михайловскому, что поэзія тоски возобладала въ Чеховѣ, произведенія котораго начинаютъ возбуждать другое чувство, далекое отъ прежняго добродушно-веселаго смѣха, чувство вдумчивой грусти или досады на нескладицу жизни, въ которой нѣтъ „ни нравственности, ни логики".

Гораздо рѣшительнѣе становится на сторону Чехова г. Ска-

бичевскій. Онъ сосредоточиваетъ вниманіе преимущественно на художественной сторонѣ произведеній г. Чехова и приходитъ къ выводу, что это—писатель замѣчательный по глубинѣ и художественности таланта. Онъ горячо защищаетъ г. Чехова отъ упрека въ томъ, будто г. Чеховъ увлекался, подчасъ, „лазурью небесъ“ или „соловьиными трелями“, а главное, будто у него нѣтъ идеаловъ. Такое обвиненіе по отношенію къ писателю представляется г. Скабичевскому отрицаніемъ „святая святыхъ“ человѣка, всего его внутренняго содержанія,—отрицанію самого человѣка.

Г-ну Скабичевскому кажется невозможнымъ даже сомнѣваться въ отсутствіи идеаловъ у г. Чехова. „У г. Чехова,—говоритъ онъ,—найдете вы свои фальшивыя страницы, каковы, напримѣръ, концы его произведеній „Дуэль“ и „Жена“, но эти концы страдаютъ вовсе не художественнымъ индифферентизмомъ и эпикурействомъ и не отсутствіемъ идеаловъ, а напротивъ того, тѣмъ крайнимъ идеализмомъ, который полагаетъ, что вѣра и любовь въ буквальномъ смыслѣ двигаютъ горами, и что самому отпѣтому негодяю ничего не стоитъ, подъ ихъ вліяніемъ, обратиться въ рыцаря безъ страха и упрека“.

Утверждая крайній идеализмъ г. Чехова, г. Скабичевскій не столько доказываетъ, сколько пространно цитируетъ его произведенія, чтобы заставить читателя прочувствовать и понять, что подобныхъ страницъ не могъ написать писатель безъ идеаловъ. Но какимъ бы восторженнымъ поклонникомъ г. Чехова ни являлся г. Скабичевскій, самая возможность постановки вопроса о томъ, есть или нѣтъ идеалы у писателя, ясно показываетъ, что по этому вопросу у г. Чехова не все обстоитъ благополучно. Вѣдь кому же придетъ въ голову сомнѣваться въ отсутствіи идеаловъ у Гоголя или Салтыкова? И не представляетъ ли опасности вообще возможность двоякаго отношенія къ идеализму г. Чехова? Вѣдь безотносительная цѣнность идеаловъ въ томъ и заключается, что писатель дѣлаетъ ихъ яркими какъ солнце, разгоняетъ передъ ними туманъ и тучи, застилающіе ихъ блескъ въ глазахъ обыкновеннаго человѣка. Къ чему они, если они не ясны, не свѣтятъ намъ и не грѣютъ, не поднимаютъ нашего взора къ далекимъ, пусть даже недостижимымъ, небесамъ, гдѣ бы духъ нашъ, хотя бы на время, озарился вѣчнымъ сіяніемъ красоты и стряхнулъ съ себя томленіе и копоть повседневной обывательской жизни? Къ чему они, если они не освѣтятъ передъ нами ни одной пяди земли, которую мы не могли бы отвоевать у темныхъ силъ жизни, чтобы положить на нее хотя бы одинъ камень для будущаго маяка человѣческаго счастья,—мы гово-

римъ—маяка, потому что людямъ самимъ, не разсчитывая на помощь извнѣ, приходится устроивать свою жизнь, а солнце попрежнему недосягаемо высоко, а тучи будутъ попрежнему надолго скрывать его отъ нашего взора, и вселенной, съ ея миріадами звѣздъ и міровъ, попрежнему не будетъ никакого дѣла до того, какія страданія разрываютъ человѣческое сердце, какая братоубійственная война ведется на убогомъ, удаленномъ отъ источника жизни, грязномъ комочкѣ земли! И, наконецъ, дѣло вовсе не въ томъ, есть или нѣтъ идеалы у писателя, а въ томъ, какія идеальныя стремленія, сознательно или безсознательно, вызываетъ онъ своими произведеніями въ душѣ читателя. Онъ—одинъ, а читателей—тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ. И если окажется, что—никакихъ, или неясныя, двойственныя, ведущія чувство жизни къ ущербу, то это значитъ, что такой писатель не нуженъ или мало нуженъ для общества, что его вліяніе поверхностно, скоропреходяще, а успѣхъ основанъ на неразборчивости читателей.

Критикамъ приходилось возводить, по поводу идеализма г. Чехова, сложныя и затѣйливыя построенія. Г-нъ Волжскій, въ своей интересной книгѣ о г. Чеховѣ, потратилъ много таланта и вдумчивости на изученіе внутренняго смысла его произведеній. Г-нъ Волжскій признаетъ г. Чехова тоже крайнимъ идеалистомъ, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ полагаетъ г. Скабичевскій. По терминологіи г. Волжскаго, г. Чеховъ не оптимистическій идеалистъ, а пессимистическій, или, какъ бы сказалъ г. Андреевичъ, „героическій пессимистъ“. Лучшія произведенія г. Чехова представляются г. Волжскому глубоко проникнутыми настроеніемъ безнадежнаго идеализма, который признаетъ нравственную цѣнность идеала, но не находитъ путей къ его осуществленію въ дѣйствительной жизни. „Еслибы у Чехова не было этого чрезвычайно высокаго идеала, съ недосягаемой высоты котораго онъ расцѣниваетъ дѣйствительность, онъ не могъ бы видѣть всей пошлости, тусклости, сѣрости, всей мизерности ея. Поэтому, вполнѣ правъ Скабичевскій, когда онъ говоритъ: „подумайте, развѣ есть какая-нибудь возможность выставить всѣ безобразія какихъ-либо явленій и вопіющее отступленіе ихъ отъ идеаловъ, разъ художникъ не хранитъ этихъ идеаловъ въ душѣ своей, не проникнутъ ими?“

Это говоритъ г. Волжскій и, вслѣдъ за г. Скабичевскимъ, указываетъ у г. Чехова на „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“, какъ на одно изъ лучшихъ произведеній, въ которомъ сказался этотъ пессимистическій идеализмъ. Прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ мы-

слей г. Волжскаго. По его словамъ, г. Чеховъ не выдерживаетъ своего пессимистическаго идеализма, и настроеніе это очень часто смѣняется у него прямо противоположнымъ. Непримиримый идеализмъ, протестующій противъ пошлости дѣйствительности, переходитъ у него въ пантеизмъ, рабски поклоняющійся ей. Оба настроенія уживаются рядомъ въ г. Чеховѣ и, по своей рѣзкой противоположности, сказываются то борьбой, то возобладаніемъ одного настроенія надъ другимъ. Пантеистическое оправданіе дѣйствительности критикъ отмѣчаетъ у г. Чехова и въ болѣе позднихъ произведеніяхъ, причемъ выражается оно не только уже въ безразличіи темъ, на что указывалъ еще г. Михайловскій, называвшій по этому поводу г. Чехова „даромъ пропадающимъ талантомъ", но—„чтò гораздо важнѣе, въ общемъ тонѣ разсказовъ, заключительныхъ авторскихъ вставкахъ, раскрывающихъ основные мотивы настроенія писателя, наконецъ, въ многочисленныхъ тирадахъ героевъ, представляющихъ собой подчасъ цѣлые гимны во славу всеоправдывающаго пантеизма".

Въ подтвержденіе этого пантеистическаго теченія въ міросоверцаніи г. Чехова авторъ приводитъ нѣсколько цитатъ и, между прочимъ, изъ монолога „Чайки"—одно изъ наиболѣе фантастическихъ мѣстъ. Тамъ Чайка говоритъ о себѣ: „тѣла живыхъ существъ исчезли въ прахѣ, и вѣчная матерія обратила ихъ въ камни, въ воду, въ облака, а души ихъ всѣхъ слились въ одну. Общая міровая душа—это я... я... Во мнѣ душа и Александра Великаго, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и послѣдней піявки. Во мнѣ сознанія людей слились съ инстинктами животныхъ, и я помню все, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой я переживаю вновь..." Заключительныя слова Сони („Дядя Ваня"), въ послѣднемъ актѣ, о томъ, что слѣдуетъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя: „а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ, и тамъ, за гробомъ, мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалился надъ нами...",—эти слова критикъ разсматриваетъ точно также, какъ доказательство авторскаго пантеизма, съ точки зрѣнія котораго въ природѣ нѣтъ ничего лишняго, все имѣетъ смыслъ и нравственную цѣнность. Отсюда и вся пошлость и безсмыслица жизни, всѣ жестокости, и страданія, и обиды—все находитъ себѣ моральное оправданіе. Но время отъ времени,—такъ думаетъ г. Волжскій,—въ г. Чеховѣ просыпается обостренный героическій пессимизмъ, поднимается протестъ противъ власти дѣйствительности, является тоска по далекому, но безсильному богу. Такимъ образомъ, „скептикъ по

натурѣ, онъ (Чеховъ) все время колеблется между двухъ смутныхъ идеаловъ, то отдаваясь крайнему идеализму своего непримиримаго протеста противъ дѣйствительности, то увлекаясь радостнымъ пантеистическимъ поклоненіемъ существующему. Обѣ крайнія точки, два нравственныхъ полюса, между которыми варьируетъ общій тонъ повѣстей, разсказовъ и драмъ г. Чехова, образуютъ какъ бы его десницу и шуйцу, подобно десницѣ и шуйцѣ, указанной г. Михайловскимъ у гр. Л. Н. Толстого. Десница—это пессимистическій идеализмъ г. Чехова; но даже и десница его безсильна и безпомощна; идеалъ г. Чехова, „живой богъ" его—недосягаемо высокъ, потому-то и дѣйствительность, изображаемая въ произведеніяхъ г. Чехова, такъ ничтожна — жалка, убога, сѣра и безцвѣтна. Ее обезцвѣчиваетъ, обезцѣниваетъ именно высокій идеалъ, въ виду котораго она кажется такой жалкой и убогой..." Словомъ, г. Чеховъ десницы имѣетъ идеалъ, но не вѣритъ въ его фактическое могущество.

Всеоправдывающій пантеизмъ г. Чехова, являющійся его шуйцей, вызывалъ, однако, иное отношеніе со стороны другихъ критиковъ. Г-нъ Оболенскій видѣлъ въ этой сторонѣ творчества г. Чехова величайшее достоинство художника, который любитъ и жалѣетъ все и вся на свѣтѣ: изображаетъ, молъ, Чеховъ все мелкое, маленькое, обыденно-страждущее, неслышно-плачущее—и испытываетъ самъ любящую жалость ко всему на свѣтѣ, а глядя на него, и мы жалѣемъ и любимъ это. Но любить всѣхъ—значитъ—не любить никого, и г. Волжскій справедливо замѣчаетъ, что эта любящая жалость ко всему на свѣтѣ весьма часто переходитъ просто въ нравственное равнодушіе, къ которому такъ примѣнимы слова Писанія: „Знаю твои цѣли, что ни холоденъ ты, ни горячъ. О, еслибы ты былъ или холоденъ, или горячъ. Но такъ какъ ты тепловатъ, и ни горячъ, ни холоденъ,—извергну тебя изъ устъ моихъ".

Этюдъ г. Волжскаго написанъ, повторяемъ, вдумчиво и увлекательно, но мы не будемъ слѣдить за ходомъ его мыслей въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ не будемъ останавливаться на многочисленныхъ оцѣнкахъ другихъ критиковъ, такъ какъ онѣ не даютъ для нашей цѣли ничего особенно существеннаго. Не легко разобраться и въ этихъ положеніяхъ. А разобраться нужно, чтобы подойти, наконецъ, къ г. Чехову безъ предубѣжденія и апріорныхъ взглядовъ. Итакъ, за исключеніемъ сдержаннаго отзыва г. Михайловскаго, послѣдующая критика дружно и съ разныхъ сторонъ вознесла Чехова на завидную для писателя высоту. Г-нъ Чеховъ—великій писатель обыденной, пошлой дѣйствитель-

пошлости, картины которой такъ неотразимо дѣйствуютъ на читателя въ извѣстномъ направленіи, что онъ, въ конечномъ итогѣ, неминуемо долженъ воскликнуть: „нѣтъ, больше такъ жить невозможно!“ Такихъ картинъ не можетъ создавать художникъ, не имѣющій въ душѣ высокихъ идеаловъ,—слѣдовательно, эти идеалы у него есть. Они проявляются въ томъ теченіи творчества г. Чехова, которое исключаетъ возможность пантеистическаго примиренія съ жизнью и проникнуто глубокимъ „героическимъ“ пессимизмомъ. Источникъ его кроется въ безсиліи того живого бога, въ котораго вѣритъ г. Чеховъ...

Критика построила прекрасное зданіе, но едва-ли оно продержится долго. Главная техническая ошибка этой критики заключается въ томъ, что она примѣнялась къ тому матеріалу, который давалъ ей писатель, а не исходила изъ общихъ требованій искусства, соціологіи, этики, прогресса. Не положивъ основанія, она занялась отдѣлкой фасада и устремилась вверхъ, вслѣдъ за воздушными башнями, готовыми убѣжать въ небеса... И незамѣтно для себя она стала частной, „чеховской“ критикой, утративъ точку зрѣнія широкаго историко-литературнаго изслѣдованія и сопоставленія.

Критика эта говоритъ: г. Чеховъ написалъ поразительную (пусть такъ) картину пошлости и скуки, слѣдовательно—у него есть идеалы въ любомъ пониманіи этого слова. Безусловенъ ли этотъ выводъ? Едва ли. Вѣдь если разсуждать такъ, то придется, во всякомъ творчествѣ, отбросить ту часть, которая относится на долю непосредственнаго отраженія дѣйствительности, того подражанія природѣ, которое находится въ прямой зависимости отъ наблюдательности художника и нерѣдко сказывается безсознательнымъ техническимъ мастерствомъ. Чѣмъ обыденно-реальнѣе изображенія, чѣмъ ближе охватываютъ они конкретныя формы жизни, чѣмъ тоньше техническіе навыки, тѣмъ труднѣе становится наблюдать высоту духовнаго подъема въ творчествѣ художника. Иногда о ней можно судить еще по степени типичности, какъ, напримѣръ, у Гоголя, Диккенса, Салтыкова; но мы затруднились бы сказать это относительно г. Чехова, изображенія котораго конкретно-жизненны, но въ поражающемъ большинствѣ случаевъ отнюдь не типичны. Развѣ большей невѣроятностью будетъ допустить, что процессъ творчества г. Чехова напоминаетъ собою, mutatis mutandis, то, какъ создавалъ Обломова или Сашеньку Адуева Гончаровъ, рисовавшій просто потому, что рисовалось, не задумываясь надъ тѣмъ, что̀ изъ этого выйдетъ? И когда выходило то, чего не ожидалъ художникъ, когда получалась произвольно выли-

вавшаяся и не менѣе „чеховской“ (во всякомъ случаѣ) поразительная картина пошлости и скуки, то о чемъ должна была прежде всего подумать критика: о самой картинѣ, идейномъ и общественномъ значеніи ея, объ особенностяхъ таланта, или же о томъ, были ли въ душѣ художника идеалы, *которыми онъ мучился*, и если были, то каковы? Кажется, двухъ отвѣтовъ тутъ быть не можетъ, и въ частности, на примѣрѣ Гончарова, можно наглядно убѣдиться, насколько предпочтительнѣе заниматься его картинами, оставивъ въ покоѣ тѣ изъ его идеаловъ, которые были неразборчивы, неясны и, можетъ быть, весьма непривлекательны при ближайшемъ знакомствѣ. И всѣ ли писатели, изображающіе пошлость жизни, мучаются своими идеалами, т.-е. ихъ несоотвѣтствіемъ съ изображеніемъ дѣйствительности, какъ мучился когда-то Гоголь? Мы не побоимся спросить: напримѣръ, г. Лейкинъ, писатель, безспорно, умный и не безъ таланта, мучится ли онъ „конфликтомъ идеала съ дѣйствительностью“, и почему не возникаетъ вопроса объ его идеалахъ? А что, если онъ отъ души самъ же смѣется надъ своими изображеніями и думаетъ больше о мѣткости и остротѣ, чѣмъ объ идеалахъ, что̀ весьма похоже на правду?

Нѣтъ, лучше оставить въ покоѣ душу художника съ ея идеалами, которые не раскрываются отчетливо и самопроизвольно уму и сердцу читателя. Лучше, не мудрствуя лукаво, вглядѣться въ конкретную сущность его произведеній, вдуматься въ жизнь и людей, изображенныхъ имъ, и дать себѣ посильный отвѣтъ: чѣмъ являются эти произведенія въ художественномъ отношеніи и каково заключающееся въ нихъ зерно нравственнаго и общественнаго прогресса?

III.

Итакъ, рѣчь пойдетъ о художественномъ и общественномъ достоинствѣ произведеній г. Чехова.

Охватить содержаніе его произведеній нелегко. Чѣмъ бы это ни объяснялось,—миніатюрностью ли изображеній, или монотонностью колорита, но разсказы г. Чехова, если ихъ читать подрядъ, сливаются, въ концѣ концовъ, въ одно сѣрое пятно, безъ опредѣленныхъ очертаній, безъ рельефныхъ образовъ, безъ волнующихъ настроеній и неожиданно вдохновенныхъ штриховъ. Нужно большое усиліе памяти, чтобы запомнить огромную галерею портретовъ и удержать въ головѣ хотя бы наиболѣе характерныя черты изъ внутреннихъ и внѣшнихъ положеній, сюжетовъ

и деталей обстановки. Критики любятъ сравнивать г. Чехова съ Мопассаномъ. Мопассанъ любилъ прибѣгать къ формѣ новеллъ, говорятъ они, между прочимъ; новелла же является и излюбленной формой литературнаго повѣствованія у Чехова. Но за этой внѣшней чертой, которая, сама по себѣ, слишкомъ ничтожный мотивъ для сопоставленія, критики упускаютъ другую, которая дѣлаетъ это сопоставленіе невозможнымъ. У Мопассана, въ прямую противоположность г. Чехову, несмотря на единство настроенія, разсказы никогда не сливаются въ одну общую массу, образы колоритны и ярки, положенія индивидуальны, и обстановка настолько тѣсно сливается съ героями разсказовъ, что воспоминаніе о нихъ даетъ не одинокіе портреты, но цѣльныя картины жизни съ мельчайшими подробностями, которыя какъ бы составляютъ часть ихъ самихъ. О г. Чеховѣ этого нельзя сказать.

Одинъ изъ критиковъ, говоря о г. Чеховѣ, употребилъ выраженіе: „мягкій карандашъ“. Удачнѣе этой характеристики трудно что-нибудь придумать. Этимъ выраженіемъ опредѣлилась вся литературная манера Чехова—мягкость тоновъ, неясность контуровъ, тщательная отдѣлка однѣхъ деталей, капризная незаконченность другихъ, и все это тонетъ въ столь же мягкой дымкѣ какой-то необъяснимой меланхоліи и безразличія, которая забирается въ душу читателя, какъ вечернія сумерки крадущейся осени, какъ напоминаніе о неизбѣжной старости и смерти...

Это—первое свойство таланта г. Чехова, таланта, отрицаніе котораго было бы такимъ же заблужденіемъ, какъ и господствующее въ настоящее время неумѣренное преувеличеніе его размѣровъ. Въ образованіи этого таланта на долю органической способности, самородной артистической „жилки“ приходится, кажется, столько же, сколько нужно отнести къ изумительной выработкѣ, упорному многолѣтнему труду въ опредѣленномъ направленіи, въ тщательной заботѣ о томъ, чтобы придать штрихамъ законченность и округлость. И каждый новый томъ произведеній Чехова доказываетъ, что эта работа еще продолжается, что техника владѣетъ еще писателемъ больше, чѣмъ писатель ею, и только съ того момента, когда она перестанетъ стоять между художникомъ и жизнью, его талантъ и міросозерцаніе свободно и всесторонне выльются въ искусствѣ.

Этотъ моментъ еще, кажется, не наступилъ, но онъ приближается, судя по тому, насколько г. Чеховъ ушелъ впередъ отъ первоначальныхъ, можно сказать—ученическихъ набросковъ и рисунковъ. Къ настоящему же моменту, почти всѣ произведенія г. Чехова,

не исключая и самыхъ прославленныхъ, представляются намъ массой эскизовъ, среди которыхъ есть превосходно сдѣланные, но ни одинъ еще не перешелъ въ законченную художественную картину. Мы сказали бы, что талантъ Чехова эскизенъ по самой природѣ своей, еслибы не придавали этому эпитету его буквальнаго значенія, естественно понижающаго качество таланта до невозможности вывести писателя на дорогу настоящаго художественнаго мастерства, и еслибы не предполагали, что такое опредѣленіе могло бы оказаться преждевременнымъ, и потому невѣрнымъ.

Въ этомъ отношеніи г. Чеховъ далеко не единственное явленіе въ русской литературѣ, но онъ счастливѣе многихъ изъ своихъ современниковъ. Уже при самомъ появленіи своемъ на литературномъ поприщѣ, онъ встрѣтилъ внимательную и снисходительную критику своихъ произведеній, которая должна была помочь ему глубже вникнуть въ свои изображенія и свойства таланта. Но самому писателю слѣдовало быть строже къ себѣ при изданіи впослѣдствіи полнаго собранія своихъ сочиненій и многое изъ первыхъ томиковъ оставить на долю литературной извѣстности г. Антона Чехонте. Г-нъ Чеховъ не могъ бы сказать, относя къ себѣ слова Пушкина о художественномъ твореніи:

„Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ"...

Разница слишкомъ большая въ исторической обстановкѣ читателей и художниковъ. Въ наши дни толпу скорѣе можно обвинять въ большой подчасъ неразборчивости художественныхъ вкусовъ, а художниковъ — въ излишнемъ самодовольствѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ признаніемъ своихъ заслугъ въ знаменитой Гораціевой одѣ.

Но, какъ бы ни было, изъ полнаго собранія г. Чехова нельзя выбросить тѣхъ разсказовъ, наполняющихъ первые томы, которые съ несомнѣнной наглядностью убѣждаютъ, что юморъ и остроуміе не подъ силу таланту г-на Чехова. Мы могли бы привести сотню примѣровъ, насколько тяжеловѣсенъ и зачастую грубъ юморъ г. Чехова, насколько его стремленіе быть остроумнымъ оказывалось безсильной и жалкой претензіей. Но раньше насъ это было уже указано въ превосходной статьѣ К. К. Арсеньева, напечатанной на страницахъ „Вѣстника Европы" при появленіи первыхъ сборниковъ разсказовъ г-на Чехова. Въ ней былъ отмѣченъ преимущественно анекдотическій элементъ „Пестрыхъ раз-

сказовъ", легковѣсность, неправдоподобіе. „Невозможное бываетъ иногда смѣшнымъ—и ради смѣшного г. Чеховъ не отступаетъ передъ невозможнымъ,—говоритъ г. Арсеньевъ.—Понятно, что комизмъ получается въ такихъ случаяхъ очень невысокій". Главное—комизмъ не внутренній, а чисто внѣшній. Товарищъ прокурора, надѣвшій въ потемкахъ вмѣсто халата шинель пожарнаго, котораго спрятала кухарка; ораторъ, произносящій надгробную рѣчь, не зная, кто лежитъ въ гробу, и называя его именемъ присутствующаго здѣсь сослуживца покойнаго; пресловутый пошлый романъ съ контрабасомъ; бракъ по разсчету; „Канитель", „Произведеніе искусства", „Средство отъ запоя",—безполезно пересказывать ихъ сюжеты,—вотъ тотъ комизмъ, которымъ заявилъ себя г. Чеховъ въ первоначальной своей литературѣ.

Убѣдившись, вѣроятно, въ отсутствіи глубокаго и тонкаго юмора, какимъ долженъ быть истинно художественный юморъ, г. Чеховъ перешелъ къ другому, прямо противоположному освѣщенію изображаемыхъ сторонъ жизни, сосредоточивъ свое вниманіе на ея унылыхъ и скучныхъ явленіяхъ. Разсказъ за разсказомъ, повѣсть за повѣстью стали раскрывать гнетущія картины безпросвѣтныхъ будней человѣческой души, гдѣ страданія и радости, стремленія и интересы—все мелко, пошло,—и отъ картинъ этихъ повѣяло на читателя дѣйствительно невыносимымъ уныніемъ и скукой. Но въ этой спеціальной „чеховской" скукѣ слились нераздѣльно два начала, которыя давно слѣдовало разграничить для пониманія писателя: скуку жизни въ качествѣ объекта художественнаго наблюденія—въ сферѣ самой сущности жизненныхъ явленій, и скуку, такъ сказать, самого художника, соединеніе его личнаго пессимизма съ извѣстнымъ направленіемъ художнической кисти и сознательнымъ подборомъ красокъ.

Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду изображенія жизни русской интеллигенціи, которыхъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ чисто-бытовыми картинами. О нихъ будетъ рѣчь особо.

Итакъ, извѣстная группа разсказовъ г. Чехова повела къ образованію особаго литературно-общественнаго понятія — „чеховской" скуки. И для этого были свои мотивы. Конечно, изображать скуку жизни еще не значитъ изображать ее скучно. У Чехова же это именно такъ. Изображаетъ ли онъ несчастнаго гимназиста, кончающаго самоубійствомъ, доктора ли, который ударилъ фельдшера и мучится противорѣчіями жизни; описываетъ ли тягучій степной пейзажъ, рисуетъ ли вздорную свѣтскую куклу,—ото всего вѣетъ на читателя не скукой самихъ описаній и картинъ, не апатіей безлюдья и холодомъ безвѣрья, но тяжестью рамъ, сдавившихъ

картины, уныніемъ авторскаго настроенія, существующаго какъ-то отдѣльно, и потому не мотивированнаго, и тяжелой тучей висящаго надъ описаніемъ. Оттого самыя картины кажутся читателю далекими, безжизненными и холодными. Въ пейзажѣ нѣтъ движенія, человѣческія фигуры остановились, застыли въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ оставилъ художникъ, и не оживаютъ въ душѣ читателя, не вмѣшиваются властно въ міръ его чувствъ и идей, а мыслятся имъ какъ-то отдѣльно, теоретично, безъ участія сердца. Мертвенность жизни, пошлость и скуку можно изображать жизненно. Русская литература знаетъ примѣры, когда художники неистово смѣялись надъ своими произведеніями, хохотали надъ тѣмъ, что̀ составляло предметъ ихъ изображенія, но послѣ въ душѣ читателя ихъ смѣхъ отдавался горькими слезами: передъ читателями выступала изъ рамокъ авторскаго смѣха горькая правда жизни, поражавшая трагизмомъ, своей безнадежной удаленностью отъ идеала. И чѣмъ глубже вдумывался читатель въ эту жизненную правду, тѣмъ больше видѣлъ въ ней недававшійся ему, какъ отдѣльной личности, философскій смыслъ жизни и тѣмъ болѣе забывалъ о присутствіи автора, сближая разстояніе, при которомъ творчество переходитъ въ жизнь.

Таковы послѣднія произведенія Толстого. Но далеко не то у г. Чехова: въ изображаемой имъ скукѣ не чувствуется того высшаго трагизма, который призываетъ къ суду человѣческую совѣсть; жизнь рисуется передъ нимъ не въ своей непосредственной сущности, но сквозь густую сѣть личнаго унынія. Конечно, и само по себѣ грустно, когда г. Чеховъ напоминаетъ намъ, что на свѣтѣ есть много обездоленныхъ и нищихъ духомъ, что въ жизни бываетъ много огорченій и неудачъ, что есть въ ней неумные и пошлые люди, циники и черствые эгоисты, но за ихъ черствость, пошлость, глупость, за ихъ страданія, за ихъ тоску и уныніе намъ не становится совѣстно передъ самими собою, мы отвлеченно страдаемъ отъ обще-мірового несовершенства вещей, но не отъ того ближайшаго, частнаго, которое было создано нашими руками, за которое мы могли бы считать себя повинными, которое мы хотѣли бы исправить.

Этого высшаго трагизма нѣтъ въ мотивахъ творчества г. Чехова, какъ не было и истиннаго юмора,—и это коренная черта.

Возьмемъ одно изъ произведеній г. Чехова, которое въ этомъ отношеніи должно быть самымъ яркимъ—по замыслу автора. Это—„Скучная исторія“, изъ записокъ стараго человѣка. Старый человѣкъ—здѣсь разсказъ ведется отъ его имени—лѣтъ тридцать профессорствовалъ въ столичномъ университетѣ, пріобрѣлъ популяр-

ное имя въ Россіи и заграницей, былъ счастливъ въ своей дѣятельности, увлекался наукой и чтеніемъ лекцій, но на старости лѣтъ съ нимъ произошло нѣчто для него странно-непонятное. „Во мнѣ происходитъ нѣчто такое,—жалуется онъ своей воспитанницѣ Катѣ,—что̀ прилично только рабамъ: въ головѣ моей день и ночь бродятъ злыя мысли, а въ душѣ свили себѣ гнѣздо чувства, какихъ я не зналъ раньше. Я и ненавижу, и презираю, и негодую, и возмущаюсь, и боюсь. Сталъ не въ мѣру строгъ, требователенъ, раздражителенъ, нелюбезенъ, подозрителенъ. Даже то, что̀ прежде давало мнѣ поводъ сказать лишній каламбуръ и добродушно посмѣяться, родитъ теперь тяжелое чувство. Измѣнилась во мнѣ и моя логика: прежде я презиралъ только деньги, теперь же питаю злое чувство не къ деньгамъ только, а къ богачамъ, точно они виноваты; прежде ненавидѣлъ насиліе и произволъ, а теперь ненавижу людей, употребляющихъ насиліе, точно виноваты они одни, а не всѣ мы, которые не умѣемъ воспитывать другъ друга. Что̀ это значитъ? Если новыя мысли и новыя чувства произошли отъ перемѣны убѣжденій, то откуда могла взяться эта перемѣна? Развѣ міръ сталъ хуже, а я лучше, или раньше я былъ слѣпъ и равнодушенъ? Если же эта перемѣна произошла отъ общаго упадка физическихъ и умственныхъ силъ — я вѣдь боленъ и каждый день теряю въ вѣсѣ,—то положеніе мое жалко: значитъ, мои новыя мысли ненормальны, нездоровы, я долженъ стыдиться ихъ и считать ничтожными“...

Старый профессоръ добирается до истины: онъ утомленъ жизнью, недугъ овладѣлъ имъ, существованіе окрашивается мрачнымъ цвѣтомъ, появляется старческое брюзжаніе: „мнѣ кажется почему-то,—говоритъ онъ,—что если я поропщу и пожалуюсь, то мнѣ станетъ легче“.

Всѣ признаки на лицо, но Катя успокоиваетъ его: по ея мнѣнію—болѣзнь тутъ ни при чемъ, у Николая Степановича про́сто открылись глаза на то, что̀ творится у него въ семьѣ. Она ненавидитъ его жену и дочь и совѣтуетъ окончательно порвать съ семьей. Николай Степановичъ резонно возражаетъ ей, что она говоритъ нелѣпость, но не замѣчаетъ, что нелѣпости эти не случайны, и что Катя, вообще говоря, и сама человѣкъ не особенно умный. Послушайте, что̀ она говоритъ объ университетѣ человѣку, который сроднился съ нимъ и тридцать лѣтъ чувствовалъ себя въ немъ полезнымъ и счастливымъ: „Что̀ онъ вамъ? Все равно никакого толку. Читаете вы уже тридцать лѣтъ, а гдѣ ваши ученики? Много ли у васъ знаменитыхъ ученыхъ?

Сочтите-ка. А чтобы размножать этихъ докторовъ, которые эксплоатируютъ невѣжество и наживаютъ сотни тысячъ, для этого не нужно быть талантливымъ и хорошимъ человѣкомъ. Вы лишній". По отношенію къ старому профессору эти слова безсмысленны и жестоки, если только говорящій ихъ не отрицаетъ въ корнѣ науку, врачей, пользу общественной дѣятельности. Но Катя, взбалмошная и нервозная бездѣльница, далека отъ общаго отрицанія, какъ и утвержденія чего-нибудь; она просто не отдаетъ себѣ отчета и говоритъ, что̀ взбредетъ въ голову, чаще всего недоброе и злобное, потому что сама она нездорова и озлоблена пустотой и безцѣльностью своей, Катиной, жизни.

Разсказъ продолжается неровно, съ отвлеченіями въ сторону; интересъ основной темы не можетъ угнаться за внѣшнимъ ходомъ повѣствованія. Старый профессоръ продолжаетъ анализировать себя, но, не добираясь до причинъ, проявляетъ все болѣе и болѣе признаки болѣзненнаго старческаго недовольства. Современная литература представляется ему не литературой, а своего рода кустарнымъ промысломъ, будто бы существующимъ для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его издѣліями. Французскія книжки лучше, но и въ нихъ рѣдко можно найти главный элементъ творчества—чувство личной свободы. „Одинъ (авторъ) боится говорить о голомъ тѣлѣ, другой связалъ себя и по рукамъ, и по ногамъ психологическимъ анализомъ, третьему нужно теплое отношеніе къ человѣку, четвертый нарочно цѣлыя страницы размазываетъ описаніями природы, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ тенденціозности"... Николай Степановичъ не замѣчаетъ, насколько неопредѣленны и безпочвенны эти обвиненія, подсказанныя болѣзненной тревогой души, готовой предъявить къ литературѣ невозможное требованіе—вернуть ему здоровье, силы и молодость. Лѣтъ двадцать-пять назадъ Николай Степановичъ съ удовольствіемъ бы прочелъ у одного изъ писателей о голомъ тѣлѣ, другого похвалилъ бы за психологическій анализъ; теперь же все это не нужно ему, а то, что̀ ему нужно—чувство здоровой жизни—это ускользаетъ отъ него. Недоволенъ Николай Ивановичъ былъ и „*теперешними* своими учениками". Ему не нравилось, что они курятъ табакъ, употребляютъ спиртные напитки и поздно женятся; что поддаются вліянію писателей новѣйшаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно равнодушны къ такимъ классикамъ, какъ Шекспиръ, Маркъ Аврелій, Эпиктетъ, Паскаль. Всѣ затруднительные вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе общественный характеръ (напр. переселенческій), они, эти ученики его, рѣшаютъ—кажется Ни-

колаю Степановичу—только подписными листами, но не путемъ научнаго изслѣдованія и опыта,—хотя послѣдній путь находится въ полномъ ихъ распоряженіи...

Требуя такого серьезнаго образованія отъ молодыхъ людей, заслуженный профессоръ, нѣсколькими страницами ниже, даетъ поводъ предположить, что его собственное общее образованіе находится въ большомъ противорѣчіи съ этими требованіями. Онъ, видите ли, испытывалъ съ ранняго дѣтства неопредѣленный страхъ передъ „серьезными статьями“ по соціологіи, искусству и т. д., а въ старости находилъ оправданіе въ томъ, что „русскія“ серьезныя статьи, безъ всякихъ оговоровъ, казались ему невозможными для чтенія, потому что онѣ всѣ, будто бы, пишутся въ высокомѣрномъ и вообще въ дурномъ тонѣ, напоминавшемъ профессору швейцаровъ и театральныхъ капельдинеровъ, надменныхъ и величаво невѣжливыхъ. Уже эта ассоціація идей, соединявшая въ чувствѣ непонятнаго страха злополучныхъ русскихъ авторовъ съ театральной челядью, говорила за то, что если Николай Степановичъ и читалъ, по его собственному заявленію, „французскія книжки“, то эти книжки не относились ни къ соціологіи, ни къ искусству, ни къ наукамъ общеобразовательнымъ въ широкомъ смыслѣ. Напротивъ, въ немъ можно видѣть довольно заурядную личность узкаго спеціалиста, предпочитавшаго всѣмъ остальнымъ сочиненія писателей врачей и естествоиспытателей,—между прочимъ потому, что имъ были, будто бы, исключительно присущи скромность и джентльменскій покойный тонъ. Такимъ образомъ, и въ этихъ огульныхъ обвиненіяхъ представителей русской науки несомнѣнны признаки того же болѣзненнаго старческаго брюзжанія, которое стремится перенести причины своего пессимизма на окружающій міръ и получить отъ того облегченіе.

И вотъ въ этомъ состояніи, когда къ человѣку подкрадывается смерть, онъ забываетъ все, что̀ у него было хорошаго въ жизни, трудъ и успѣхъ, т.-е. нравственное удовлетвореніе, благопріятныя внѣшнія условія и счастливые годы семейной жизни, и ему начинаетъ казаться, что прежніе шестьдесятъ-два года нужно считать пропащими, что въ его пристрастіи къ наукѣ, въ его стремленіяхъ (немножко запоздалыхъ) познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ не было чего-то общаго, что̀ связало бы все это въ одно цѣлое. И онъ формулировалъ это такъ: „каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое

воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что̀ называется общей идеей, или богомъ живого человѣка.

„А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего“.

Вѣренъ ли этотъ выводъ не только абсолютно, но даже по отношенію къ Николаю Степановичу? Конечно, нѣтъ. Что̀ въ самомъ дѣлѣ перевернуло вверхъ дномъ міросозерцаніе стараго профессора, то, въ чемъ онъ многіе годы видѣлъ смыслъ и радость своей жизни? Какая-нибудь новая идея, или извнѣ возбужденная нравственная причина, или, наконецъ, разочарованіе, вызванное сильной работой критическаго ума? Нѣтъ, исканія новой идеи, можетъ быть къ счастью Николая Степановича, не было въ его жизни, и міровой вопросъ наивно и логически-неумѣло ставился слишкомъ поздно. Вопросъ о смыслѣ жизни могъ показаться безсмысленнымъ передъ раскрытой могилой, но едва ли эту постановку вопроса должны и захотятъ принять тѣ, которые живутъ и хотятъ жить во имя чего бы то ни было.

Пока у нихъ есть силы и сознаніе жизни, они не скажутъ, что пока нѣтъ *этого*, т. е. бога живого человѣка, то, значитъ, нѣтъ ничего. Они будутъ искать, сомнѣваясь и надѣясь, вѣря и разочаровываясь, и не всѣ придутъ къ тому отрицательному выводу, къ которому пришелъ изнервничавшійся, больной старикъ.

Конечно, грустно видѣть, какъ на вашихъ глазахъ мучается и умираетъ человѣкъ, но смыслъ поставленнаго Чеховымъ вопроса — не въ трагизмѣ смерти, а напротивъ, въ *трагизмѣ жизни*.

Но глубокъ ли этотъ трагизмъ, прочно ли онъ обоснованъ, абсолютенъ ли и обязателенъ ли для насъ? И можно ли выводить какое-либо общее заключеніе изъ того, что умирающій Николай Степановичъ на дикіе вопли Кати о томъ, что̀ ей дѣлать и какъ жить дальше, отвѣчаетъ конфузливо, но по совѣсти: „не знаю“. Отвѣтъ на наши вопросы могли бы намъ дать только тѣ, кто не на порогѣ смерти, а всю жизнь искали истины и наконецъ — нашли, а найдя, перестали жить такъ, какъ они прежде жили.

Еслибы Катя обратилась не къ Николаю Степановичу, а къ кому-нибудь изъ этихъ людей, то кто-нибудь, можетъ быть, отвѣтилъ бы ей такъ же, какъ отвѣчалъ всѣмъ ищущимъ истины удивительный старецъ нашихъ дней, повѣдавшій объ этой истинѣ всему міру. Онъ сказалъ бы Катѣ, что жизнь есть благо, что свѣтъ жизни находится въ ней самой, что все ея несчастье заключается въ ея исключительности, замкнутости, въ отсутствіи живыхъ органическихъ связей съ безконечнымъ міромъ человѣческихъ существъ. Онъ могъ бы указать ей на свое рѣшеніе

вопроса, и въ этомъ рѣшеніи Катя могла бы увидѣть, еслибы захотѣла понять, нѣчто невольно подчиняющее, нѣчто абсолютное, нужное и важное для жизни. „Я оглянулся шире вокругъ себя. Я вглядѣлся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я видѣлъ такихъ, понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, не трехъ, не десять, а сотни, тысячи, милліоны. И всѣ они, безконечно различные по своему нраву, уму, образованію, положенію, всѣ одинаково и совершенно противоположно моему невѣдѣнію знали смыслъ жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишенія и страданія, жили и умирали, видя въ этомъ не суету, а добро".

И дальше онъ могъ бы сказать Катѣ: „Но тутъ я оглянулся на самого себя, на то, что̀ происходитъ во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: сто̀итъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; сто̀итъ забыть, не вѣрить въ него, и я умираю".

И,—кто знаетъ,—можетъ быть, Катя пошла бы за нимъ?

А старый профессоръ, вмѣсто всякаго отвѣта на запросы взбаламученной души, могъ предложить Катѣ только „завтракать". Мертвый онъ былъ человѣкъ.

IV.

Интеллигенты у г. Чехова—умирающіе и мертвые люди не потому, что они много страдаютъ и не находятъ ничего радостнаго въ своемъ существованіи, но потому, что у нихъ нѣтъ именно этой общей идеи, что они сами заслоняютъ отъ себя истинное понятіе о жизни и даже въ яркіе дни не могутъ оторваться отъ своей тѣни, чтобы хоть на мигъ взглянуть на ясное, всѣмъ равно улыбающееся солнце. Всѣ они—близкіе родственники Николаю Степановичу, который, по словамъ г. Чехова, принадлежалъ къ поколѣнію не восьмидесятниковъ, а шестидесятниковъ, дружилъ съ Пироговымъ, Кавелинымъ, Некрасовымъ, а на дѣлѣ ничѣмъ не отличается отъ всей сѣренькой галереи „чеховскихъ" портретовъ: безхарактернаго, но черстваго инженера спеціалиста Павла Андреевича, доктора, который, ударивъ фельдшера, никакъ не справится съ своимъ настроеніемъ и повторяетъ только, что—„все устроено глупо, глупо, глупо", даже студента Васильева, умѣвшаго отражать въ своей душѣ чужую боль, но дальше припадковъ и слезъ не шедшаго въ своемъ

протестѣ. И снова г. Михайловскій былъ тысячу разъ правъ, когда указывалъ, что имена знаменитыхъ шестидесятниковъ ничего не объясняли въ Николаѣ Степановичѣ. Стòитъ только, дѣйствительно, припомнить автобіографію Пирогова, литературную дѣятельность Кавелина, Некрасова, біографіи другихъ русскихъ людей того завѣтнаго времени—Бѣлинскаго, Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, чтобы видѣть, что отсутствіе общей идеи было для нихъ всего менѣе характернымъ. „Люди—всегда люди,—писалъ по этому поводу г. Михайловскій.—Они и въ тѣ времена падали, уклонялись отъ своего бога, становились въ практическое противорѣчіе сами съ собой, но они всегда, по крайней мѣрѣ, искали „общей идеи", и никоимъ образомъ нельзя сказать о нихъ, какъ говоритъ о себѣ Николай Степановичъ, — что они только передъ смертью опомнились. Пусть ихъ общія идеи, эти нынѣ по-дѣтски отвергаемые идеалы отцовъ и дѣдовъ были на тотъ или другой взглядъ ложны, неосновательны, недостаточно выработаны, все, чтò хотите, но они были или же составляли предметъ жадныхъ поисковъ". Итакъ, напрасно Чеховъ старческимъ возрастомъ Николая Степановича думаетъ скрасить преждевременную хилость мысли и чувства тѣхъ современниковъ автора, которые являются излюбленными героями его произведеній. Изображенія ихъ раннихъ старческихъ немощей, ихъ преждевременныхъ умираній, вѣроятно, весьма любопытны для медицинской и, въ частности, психіатрической науки, но для дѣла жизни, для раскрытія основныхъ нравственныхъ пружинъ нашего существованія они едва ли нужны, потому что эти люди думали не о томъ, какъ жить, но о томъ, какъ они будутъ умирать и, такимъ образомъ, облегчали работу не жизни, а смерти.

Вѣроятно, превосходный психіатрическій анализъ представляетъ собою столь прославленная „Палата № 6". Въ ней много грустнаго, но ничего трагическаго въ смыслѣ столкновенія идеала съ дѣйствительностью. Гнетущее впечатлѣніе производитъ больница для сумасшедшихъ, описанная съ такой обстоятельностью и даже любовью, какъ это можетъ сдѣлать только писатель-врачъ. Въ эту больницу попадаетъ страдающій маніею преслѣдованія чиновникъ Иванъ Дмитріевичъ Громовъ. Шагъ за шагомъ, мелочь за мелочью, разсказываетъ г. Чеховъ о томъ, какова была обстановка, предшествовавшая болѣзни—вырождающаяся семья, наслѣдственное предрасположеніе,—затѣмъ первыя проявленія, затѣмъ дальнѣйшее развитіе, дѣлавшее пребываніе Громова среди здоровыхъ людей невозможнымъ. Въ этомъ разсказѣ, методичномъ и дѣловито послѣдовательномъ, для врача драгоцѣнна, по

всей вѣроятности, всякая подробность: и то, что братъ Ивана Дмитріевича, Сергѣй, умеръ отъ скоротечной чахотки, и то, какъ появились первые признаки болѣзни, когда онъ встрѣтилъ закованныхъ арестантовъ въ сопровожденіи конвойныхъ съ ружьями, и ему вдругъ почему-то показалось, что и его тоже могутъ, ни съ того, ни съ другого, заковать въ кандалы и отвести въ тюрьму, —но для обыкновеннаго читателя этотъ, въ своемъ родѣ превосходный, разсказъ не заключаетъ такого спеціальнаго интереса, и, читая его, онъ можетъ безконечно жалѣть бѣднаго Ивана Дмитріевича и думать вслѣдъ за поэтомъ: „не дай мнѣ Богъ сойти съ ума: нѣтъ, легче посохъ и сума, нѣтъ, легче трудъ и гладъ"...

На свѣтѣ бываетъ не мало странныхъ совпаденій; одно изъ нихъ имѣло мѣсто и въ томъ городишкѣ, гдѣ была описанная больница, съ палатой № 6 и съ Иваномъ Дмитріевичемъ въ этой палатѣ. Лечившій Ивана Дмитріевича врачъ Андрей Ефимовичъ сходитъ и самъ съ ума и самъ попадаетъ въ ту же палату. Опять-таки, врачамъ не безъинтересно прослѣдить разновидность психической болѣзни Андрея Ефимовича и то, насколько мастерски разсказаны ея проявленія и развитіе. Дѣтство у него было „противное"; готовясь поступить въ духовную академію, онъ уже тогда, можетъ быть, носилъ въ себѣ скрытые задатки тихой меланхоліи. Отецъ заставилъ его измѣнить дорогу, и Андрей Ефимовичъ вошелъ въ жизнь съ званіемъ врача, которое было ему не подъ силу, съ больною душой и явнымъ ущербомъ нормальнаго чувства жизни. Объ этомъ говорила уже его наружность: суровое лицо, неуклюжее мужицкое сложеніе, громадныя руки и ноги. Но, вопреки ожиданіямъ, поступь у него была тихая, походка осторожная, вкрадчивая, голосъ тонкій и мягкій, характеръ безвольный, конфузливый и ко всему апатичный. Но еще больше объ этомъ ущербѣ чувства жизни говорила его страсть къ резонерству и къ отысканію оправдательныхъ мотивовъ собственной бездѣятельности и тряпичности. Это оправданіе было нужно ему, потому что онъ любилъ умъ и честность; оно давалось ему безъ труда, потому что основной и характерной для такихъ субъектовъ чертой міросозерцанія являлось убѣжденіе, что все въ мірѣ вздоръ и чепуха, что „на землѣ нѣтъ ничего такого хорошаго, что̀ въ своемъ первоисточникѣ не имѣло бы гадости".

Сообразно съ этимъ, разсужденія его были послѣдовательны и логичны. Когда Андрей Ефимовичъ охладѣлъ къ медицинской практикѣ, онъ сталъ думать о томъ, что дѣятельность его была безполезна или ничтожна сравнительно съ ежедневнымъ числомъ

больныхъ: сегодня примешь тридцать больныхъ, а завтра ихъ придетъ тридцать-пять, послѣ-завтра сорокъ—и такъ круглый годъ... Выходитъ одинъ обманъ. Не стоитъ серьезно относиться и къ больнымъ въ палатахъ, такъ какъ, все равно, заниматься ими по правиламъ науки нельзя, потому что правила есть, а науки нѣтъ: „если же оставить философію и педантически слѣдовать правиламъ, какъ прочіе врачи, то для этого, прежде всего, нужны чистота и вентиляція, а не грязь,—здоровая пища, а не щи изъ вонючей кислой капусты, и хорошіе помощники, а не воры".

Андрей Ефимовичъ не замѣчаетъ, что изъ его разсужденій ускользаетъ одна весьма существенная черта—его собственная роль, какъ человѣка, на обязанности котораго и лежитъ устранять эти элементарные недостатки больницы, а не разводить въ нихъ грязь, грубость и воровство, — и продолжаетъ философствовать дальше: „да и къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Чтò изъ того, что какой-нибудь торгашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лекарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершенству, и во-вторыхъ, если человѣчество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно забросить религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ не только находило защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ передъ смертью испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; почему же не поболѣть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матренѣ Савишнѣ, жизнь которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амебы, еслибы не страданія?"

Убогая патологическая мудрость подобныхъ умствованій, напоминавшая собою классическія слова Гоголевскаго Артемія Филипповича, что больныхъ лечить нечего: „если умретъ, то и такъ умретъ, если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ", являлась исконнымъ оправданіемъ россійской распущенности и халатности. Но можно ли извлекать отсюда какую-либо „общую идею", можно ли и стòитъ ли оспаривать выводы Андрея Ефимовича о томъ, что все вздоръ и суета на томъ основаніи, что если онъ и представляетъ собою зло въ томъ уголкѣ жизни, куда онъ заброшенъ судьбой, то виноватъ въ этомъ не онъ, а время; что въ конечномъ итогѣ разницы между лучшею вѣнскою клиникою и его

больницей, въ сущности, нѣтъ никакой, и что родись онъ двумя стами лѣтъ позже, онъ былъ бы другимъ?

Иванъ Дмитричъ, котораго Андрей Ефимовичъ столь часто посѣщаетъ въ палатѣ № 6, далъ ему на эти разсужденія основательную и вполнѣ здравую отповѣдь: „Во всю вашу жизнь,—говорилъ Иванъ Дмитричъ,—до васъ никто не дотронулся пальцемъ, никто васъ не запугивалъ, не забивалъ; здоровы вы, какъ быкъ. Росли вы подъ крылышкомъ отца и учились на его счетъ, а потомъ сразу захватили синекуру. Больше двадцати лѣтъ вы жили на безплатной квартирѣ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, съ прислугой, имѣя притомъ право работать, какъ и сколько вамъ угодно, хоть ничего не дѣлать. Отъ природы вы человѣкъ лѣнивый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь такъ, чтобы васъ ничто не безпокоило и не двигало съ мѣста. Дѣла вы сдали фельдшеру и прочей сволочи, а сами сидѣли въ теплѣ да въ тишинѣ, копили деньги, книжки почитывали, услаждали себя размышленіями о разной возвышенной чепухѣ и (Иванъ Дмитричъ посмотрѣлъ на красный носъ доктора) *выпивахомъ*. Однимъ словомъ—жизни вы не видѣли, не знаете ея совершенно, а съ дѣйствительностью знакомы только теоретически. А презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: суета суетъ, внѣшнее и внутреннее презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо, все это философія, самая подходящая для россійскаго лежебоки“. Но эта отповѣдь пропала даромъ, потому что Андрей Ефимычъ уже не могъ разсуждать здраво.

Опять-таки, какъ психіатрическій этюдъ, разсказъ объ Андреѣ Ефимычѣ производитъ впечатлѣніе тонкой и глубоко-аналитической работы. Андрей Ефимычъ, философствуя съ Иваномъ Дмитричемъ на тему о томъ, что между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и палатой № 6 нѣтъ никакой разницы, что покой и довольство человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ, или воображая, какъ черезъ милліонъ лѣтъ мимо земного шара пролетитъ въ пространствѣ какой-нибудь духъ и увидитъ только глину и голые утесы, приходилъ къ заключенію, что и культура, и нравственный законъ, и долгъ лавочнику, и человѣческая дружба — все это вздоръ и пустяки. Но скоро и такія разсужденія уже не помогали. Въ немъ началось уже разобщеніе со средой, можетъ быть, ничтожной и пошлой, но здравомыслящей. Когда почтмейстеръ посовѣтовалъ ему лечь въ больницу, Андрей Ефимычъ сталъ разувѣрять его въ своей болѣзни: „Болѣзнь моя только въ томъ,—говорилъ онъ,—что за двадцать лѣтъ я нашелъ во всемъ

городѣ одного только умнаго человѣка, да и тотъ сумасшедшій"... Ему казалось, что болѣзни не было никакой, а просто онъ попалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. О дѣйствительности Андрей Ефимычъ подумалъ только тогда, когда его посадили въ больницу, и ему стало страшно. Когда стало вечерѣть, онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на больничный заборъ, на тюрьму, на то, какъ всходила на небо холодная, багровая луна,— и все это было страшно. „Сзади послышался вздохъ. Андрей Ефимычъ оглянулся и увидѣлъ человѣка съ блестящими звѣздами и съ орденами на груди, который улыбался и лукаво подмигивалъ глазомъ. И это показалось страшнымъ.

„Андрей Ефимычъ увѣрялъ себя, что въ лунѣ и въ тюрьмѣ нѣтъ ничего особеннаго, что и психически здоровые люди носятъ ордена и что все со временемъ сгніетъ и обратится въ глину, но отчаяніе вдругъ овладѣло имъ, онъ ухватился обѣими руками за рѣшетку и изо всей силы потрясъ ее. Крѣпкая рѣшетка не подалась.

„Потомъ, чтобы не такъ было страшно, онъ пошелъ къ постели Ивана Дмитрича и сѣлъ.

„— Я палъ духомъ, дорогой мой,—пробормоталъ онъ, дрожа и отирая холодный потъ.—Палъ духомъ.

„— А вы пофилософствуйте,—сказалъ насмѣшливо Иванъ Дмитричъ.

„— Боже мой, Боже мой!.. Да, да... Вы какъ-то изволили говорить, что въ Россіи нѣтъ философіи, но философствуютъ всѣ, даже мелюзга. Но, вѣдь, отъ философствованія мелюзги никому нѣтъ вреда, — сказалъ Андрей Ефимычъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ заплакать и разжалобить"...

Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда читаешь этотъ діалогъ двухъ сумасшедшихъ, когда входишь въ ихъ положеніе и думаешь, что никто не поручится за то, что съ тобою самимъ, или съ кѣмъ-нибудь изъ твоихъ близкихъ, не сдѣлается того же. Это жестоко, это, можетъ быть, безсмысленно посылать такія страданія міру, которыя не зависятъ отъ сознанія и воли человѣка, корни которыхъ уходятъ въ такія глубины человѣческаго прошлаго, передъ которыми блѣднѣетъ сама библейская древность. Въ сочиненіяхъ Гаршина и Достоевскаго, въ „Запискахъ Сумасшедшаго" Гоголя—литература наша имѣетъ превосходнѣйшіе образцы произведеній этого рода, но съ тою огромною разницею, что у Гаршина подобныя произведенія проникнуты обаяніемъ дивной художественности, Достоевскій въ галлюцинаціяхъ безумнаго человѣка ищетъ откровеній, у Гоголя въ сумасшед-

шемъ Фердинандѣ VIII мы видимъ тысячи живыхъ, настоящихъ, не сумасшедшихъ Поприщиныхъ, жизнь которыхъ даже не скрашивается и безумною грезою. У г.-же Чехова находимъ холодный, спокойный анализъ болѣзни, посѣщающей человѣка, но самого человѣка подъ этимъ анализомъ не видимъ.

Разница тутъ и въ томъ, между прочимъ, что Гоголь, Достоевскій и Гаршинъ—громадные художники, постигшіе чувство жизни до высшихъ предѣловъ сознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ душевно-надломленные люди, а г. Чеховъ—наблюдательный и вдумчивый врачъ, тонкій изслѣдователь и уже затѣмъ — художникъ. Онъ можетъ превосходно описать ходъ разсужденій больного Андрея Ефимыча, разсказать, какъ его ударилъ Никита, какъ онъ потомъ умеръ и его хоронили, но никогда онъ не могъ бы вложить въ слова Андрея Ефимыча такой сверхчеловѣческой муки и дьявольской насмѣшки надъ всей міровой жизнью, какою отравляетъ читательскую душу послѣдній вопль несчастнаго Фердинанда VIII, когда въ вихрѣ горячешныхъ мыслей передъ нимъ мелькало и море, и родимый домъ, и матушка, которой уже не спасти своего бѣднаго сына: „Посмотри, какъ мучатъ они его. Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку. Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ, его гонятъ. Матушка, пожалѣй о своемъ бѣдномъ дитяткѣ...

„А знаете ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка?“

Трагизмъ художественный тѣмъ и отличается отъ трагизма житейской прозы, къ которому мы всѣ такъ привыкли, что онъ не только поражаетъ и ужасаетъ, но и трогаетъ, умиляетъ до слезъ и этими слезами смываетъ съ нея грязную накипь жизни. До этихъ слезъ трагизму разсказовъ г. Чехова, какъ до неба, далеко.

V.

Нетрудно замѣтить, что интеллигенты произведеній г. Чехова весьма родственны между собою. Роднитъ ихъ прежде всего то, что̀ мы назвали ущербомъ нормальнаго чувства жизни. Они не живутъ полною жизнью — не потому, что не могутъ жить при тѣхъ или иныхъ общественныхъ условіяхъ, не потому, чтобы имъ было совѣстно жить во всю ширь своей натуры, когда рядомъ умираютъ отъ голода и холода, но просто потому, что они или больны, или настолько наслѣдственно слабы и неспособны, что борьба за существованіе является для нихъ совершенно не по силамъ. „Нехорошій, жалкій и ничтожный я человѣкъ,—го-

воритъ Ивановъ, одинъ изъ „чеховскихъ“ интеллигентовъ.—Какъ я себя презираю, Боже мой! Какъ глубоко ненавижу я свой голосъ, свои шаги, свои руки, свою одежду, свои мысли. Ну, не смѣшно ли, не обидно ли? Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ добръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что̀ такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ, или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о Боже мой, утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги“... Въ другомъ мѣстѣ Ивановъ разсказываетъ, что онъ испытываетъ такое чувство, какъ будто онъ надорвался въ родѣ рабочаго Семена, взвалившаго во время молотьбы себѣ на спину непосильную тяжесть.

Подобныя разсужденія чрезвычайно характерны для „чеховскихъ“ неврастениковъ, а таковыми неизмѣнно являются у этого писателя всѣ интеллигенты. Одни изъ нихъ страдаютъ поражающей слабостью воли, но эта слабость нисколько не похожа на ту, которая отличала Шекспировскаго Гамлета или нашихъ Тентетникова и Обломова. У послѣднихъ болѣзнь воли сводилась скорѣе къ ея переутомленію, реакціи, которая сказывалась на потомкѣ вслѣдъ за періодомъ могучихъ волевыхъ аффектовъ у избалованныхъ жизнью отцовъ и дѣдовъ. Эта слабость воли была, если можно такъ о ней выразиться, психологическая, и бороться съ ней можно было духовнымъ возбужденіемъ, призывомъ къ идеалу, возвышенной одухотворенной любовью, въ которой была бы поэзія, и лунный блескъ, и романтическое томленіе. Но болѣзнь воли „чеховскихъ“ героевъ (надо признаться, къ нимъ мало подходитъ это слово) возникаетъ на почвѣ физіологической: въ большинствѣ случаевъ отцы и дѣды ихъ либо безнадежные алкоголики, либо отъ разныхъ прочихъ причинъ физически и нервно расшатанные люди, и не удивительно, что дѣтища ихъ не дѣйствуютъ, т.-е. не живутъ, а только ноютъ въ своемъ безсиліи справиться съ жизнью и просятся не на арену жизненной борьбы, а въ больницу. И потому ихъ столь же безполезно звать на подвиги, на сознаніе долга, даже на пиръ жизни, на глубокую, сильную страсть, какъ пораженныхъ неизлечимымъ ревматизмомъ или параличемъ звать къ утопающему на помощь, или танцовать. Тѣмъ не помогутъ ни добрый конь, ни мечъ-кладенецъ, ни

Офелія, ни Іоанна д'Аркъ, кому нужны больничная рѣшетка, сидѣлка да хорошій врачъ.

Ставить эту интеллигенцію въ связь съ интеллигенціей шестидесятыхъ годовъ по крайней мѣрѣ смѣшно. Еслибы представить себѣ, что именно имъ, этимъ безумнымъ и больнымъ людямъ, достались по наслѣдству огромныя умственныя и нравственныя сокровища, накопленныя лучшими умами и идеальнѣйшими натурами своего вѣка, то пришлось бы признать, что въ двадцать или тридцать лѣтъ все такъ измѣнилось на Руси, а можетъ быть, и въ цѣломъ мірѣ, что здравый умъ можно найти только за больничной рѣшеткой, и только сумасшедшіе пользуются свободой. А признавъ это, можно будетъ, конечно, впасть въ самый идеальный пессимизмъ и разсуждать съ точки зрѣнія какого-нибудь духа, которому вздумается пролетѣть, милліонъ лѣтъ спустя, мимо земного шара и улыбнуться самой мефистофелевской улыбкой, не увидѣвъ на ней и слѣда человѣческаго существованія.

Но если взять вопросъ съ простой человѣческой точки зрѣнія, то дѣло съ интеллигенціей обстоитъ совсѣмъ не такъ плохо. Она далеко не укладывается своими идеалами, мыслями и настроеніями въ тѣ рамки, въ которыя пытается уложить ее г. Чеховъ. Дѣло въ томъ, что у насъ, когда рѣчь заходитъ объ интеллигенціи, на сцену выступаютъ тѣ „независящія" обстоятельства, благодаря которымъ ряды ея настолько рѣдѣютъ, что является рѣшительно невозможно говорить о ней, какъ о чемъ-то единомъ и цѣльномъ. Очевидно, что эта часть интеллигенціи, весьма разнообразная по происхожденію и степенямъ образованія, которая не поддается оффиціальному признанію, являясь законнѣйшимъ дѣтищемъ поколѣнія шестидесятыхъ годовъ,—никоимъ образомъ, однако, не можетъ быть поставлена въ связь съ измельчаніемъ того поколѣнія, къ которому принадлежитъ писатель. Въ то время, какъ отличительнымъ признакомъ тѣхъ невидимыхъ силъ ума и таланта являлись несомнѣнно широкія альтруистическія побужденія и вытекающій изъ нихъ обостренный борьбою идеализмъ, герои г. Чехова, наоборотъ, цѣпко держатся за блага растительной жизни, совершенно индифферентны къ стремленіямъ общественнаго характера и страдаютъ не отъ невозможности вырваться на свободу, не отъ сознанія безплодности борьбы, но отъ собственной дрянности, вырожденія и болѣзней. Эта интеллигенція патологическая, судьбой обреченная на преждевременное умираніе, и свобода ей такъ же ненужна, какъ зеркало—пребывающимъ во мракѣ. Можно какъ угодно относиться къ стремленіямъ тѣхъ рядовъ интеллигенціи, дѣятельность которыхъ

происходитъ гдѣ-то вдали, и въ глубинѣ, куда не достигаетъ нашъ глазъ, но едва ли кто-либо подыщетъ основаніе, по которому можно было бы не считаться съ ихъ наличностью и игнорировать ихъ, устанавливая связь одного поколѣнія съ другимъ. Даже той ничтожнѣйшей частицы восьмидесятниковъ, которой удалось вернуться къ прерванной общественной дѣятельности и проявить себя стойкостью прежняго убѣжденія на различныхъ поприщахъ умственной, художественной и чисто-практической жизни, слишкомъ достаточно, чтобы снять съ поколѣнія восьмидесятниковъ огульный упрекъ въ индифферентизмѣ и измельчаніи.

Такимъ образомъ, приходится съузить тотъ кругъ явленій, который подходитъ подъ понятіе „чеховской интеллигенціи". Въ нее войдутъ люди, которыхъ нельзя приписать какой-нибудь опредѣленной эпохѣ, они существовали всегда и вездѣ на земномъ шарѣ. Ихъ недовольство въ жизни объясняется столько же, какъ мы видѣли, ихъ слабостью въ общей борьбѣ за существованіе, сколько и болѣзненными претензіями, которыя они предъявляютъ къ жизни. Они смотрятъ на нее какъ на что-то организованное, что̀ должно одѣвать, кормить и развлекать ихъ, и если это „что-то" исполняетъ по отношенію къ нимъ свои обязанности дурно, они жалуются и хнычутъ, или же свыкаются и окончательно опошляются. Они забываютъ главное, — что сами они призваны быть не зрителями, но устроителями жизни, которымъ слѣдовало бы раньше общихъ нападокъ на жизнь оглянуться на себя и отнестись критически къ собственному „я". Герои г. Чехова весьма мало вносятъ въ жизнь не только радости или красоты, но даже просто поступковъ, а между тѣмъ, посмотрите, сколько предъявляютъ они требованій къ ней. Жизнь для нихъ не просто человѣческое существованіе въ союзѣ себѣ подобныхъ, гдѣ во всякой средѣ, независимо отъ сословія или образованія, можно найти и душевный интересъ, и осмысленную работу, и — открой сердце только — глубокій родникъ живого участія и добрыхъ чувствъ, но непремѣнно жизнь столицъ, большихъ городовъ, съ суетой, шумомъ и всякаго рода столичными затѣями. Докторъ, попавшій въ провинціальную глушь, непремѣнно клянетъ свое существованіе, потому что эта глушь оказалась несоотвѣтствующей той дѣйствительности, о которой онъ мечталъ въ университетѣ. Въ университетѣ же онъ мечталъ не о помощи ближнимъ, но о театрахъ, вечерахъ, карточной игрѣ и пирушкахъ. Чиновникъ или слѣдователь будутъ бранить провинцію за то, что въ ней изъ рукъ вонъ скверныя дороги, на земскихъ станціяхъ клопы, среди населенія воры и убійцы. Инженеръ,

наживающій капиталъ на постройкѣ дороги, станетъ брюзжать о томъ, что на глухой станціи его заѣдаетъ тоска одиночества и что за порядочнымъ шампанскимъ ему приходится посылать за нѣсколько сотъ верстъ. И г. Чеховъ, къ примѣру скажемъ, любовно займется анализомъ настроеній и доктора, и чиновника, и инженера, но совершенно не обратитъ вниманія на то, каково живется населенію съ докторомъ, который опустился до послѣдней степени, съ чиновникомъ, каждый проѣздъ котораго сопровождается большими и малыми жертвами въ честь ненасытнаго Молоха, объ инженерѣ же и говорить нечего: обывателю не высчитать, насколько лучше жилось бы ему въ его родной излюбленной глуши, еслибы подобныхъ инженеровъ было, вообще говоря, поменьше... Замѣтимъ кстати, — рисуя своихъ интеллигентовъ, г. Чеховъ обнаруживаетъ большое пристрастіе къ врачамъ: послѣдніе фигурируютъ у него во многихъ разсказахъ; назовемъ, напримѣръ: „Непріятность“, „Дуэль“, „Іонычъ“, „Бабье царство“, „Скучная исторія“, „Случай изъ практики“, „По дѣламъ службы“ и др. Изображенія врачей въ этихъ разсказахъ, въ общемъ, довольно сходны между собой: ихъ занятіе является для нихъ не любимымъ живымъ дѣломъ, но ремесломъ или служебнымъ орудіемъ. Къ человѣческимъ страданіямъ они совершенно равнодушны, никакимъ высшимъ интересамъ не служатъ и на окружающую среду не оказываютъ никакого вліянія.

Отсутствіе высшихъ умственныхъ интересовъ въ „чеховскихъ“ интеллигентахъ нельзя считать чѣмъ-то органическимъ, фатально падающимъ на русскую общественную почву. Оно—явленіе, вызванное внѣшними обстоятельствами, явленіе если и не случайное, то, хочется думать, временное; по крайней мѣрѣ, по отношенію къ ближайшимъ поколѣніямъ въ настоящемъ и прошломъ оно имѣетъ опредѣленныя историческія причины. Въ Россіи такъ или иначе приходится въ общемъ понимать подъ интеллигенціей, не исключительно, но главнымъ образомъ, ту массу дѣятелей, которая прошла сквозь строй университетской науки, даже не столько науки, сколько идейнаго возбужденія и гуманитарнаго вліянія. Но на пути университета стоитъ—horribile dictu—такъ называемая классическая школа, созданная для того, какъ это уже обнаружилось въ исторіи, чтобы остановить слишкомъ большой ростъ умственнаго возбужденія въ русской молодежи и отвлечь молодую мысль отъ настоятельныхъ запросовъ русской жизни къ красотамъ той рѣчи, на которой изъяснялся въ древности величавый, мужественный Римъ и прекрасная, женственная Эллада. Параллельно съ этой спеціальной подготовкой бу-

дущихъ слушателей университета въ составѣ университетскихъ преподавателей совершался обусловленный тѣми же причинами процессъ обнищанія духовныхъ силъ, ряды профессоровъ гуманистовъ рѣдѣли все больше и больше. Послѣ Грановскихъ, Кудрявцевыхъ, Буслаевыхъ, Кавелиныхъ оставались лишь ихъ каѳедры, какъ послѣ славныхъ пировъ старые кубки, что хранятъ еще память о драгоцѣнномъ винѣ, бившемъ изъ нихъ черезъ край, но сдѣлать дурное вино хорошимъ они не въ силахъ. Университетское образованіе, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по существу, стало нуждаться въ значительныхъ дополненіяхъ, которыя пришлось заимствовать со стороны, иногда издалека. Дополненія эти и составляли именно тѣ порыванія къ общимъ вопросамъ жизни и духа, которыхъ не возбуждало програмное чтеніе лекцій, ударившихся, за немногими счастливыми исключеніями, въ узкую спеціализацію и мелкое, но въ то же время умѣренно аккуратное буквоѣдство.

Страждущіе и ноющіе интеллигенты г. Чехова — подлинныя дѣтища „толстовско-катковской" ложно-классической системы, безъ общихъ идей, безъ идеаловъ и вѣры. Если лучшіе изъ нихъ и томятся по тому, что̀ писатель удачно назвалъ „богомъ" живого человѣка, то преобладающее большинство—или самодовольные потребители жизни, или люди съ непомѣрно развитыми аппетитами, или же просто ограниченные и тупые люди. Ихъ, положительно, вѣрнѣе было бы назвать представителями интеллигентнаго „мѣщанства", потому что въ нихъ нѣтъ основныхъ признаковъ истинно-интеллигентнаго человѣка—сочетанія ума, благородства и общественной совѣсти.

Не угодно ли взглянуть на типичнѣйшаго разночинца „чеховской интеллигенціи" — Лаевскаго изъ „Дуэли", или, пожалуй, даже лучше — Іоныча. Въ нѣсколько растянутомъ и скучноватомъ, несмотря на хорошенькія отдѣльныя мѣста, разсказѣ того же имени изображается молодой врачъ Дмитрій Іонычъ Старцевъ, который поселяется въ провинціи, въ глуши, и постепенно врастаетъ въ эту глушь всѣми интересами своего ума и сердца. О немъ нельзя сказать, что онъ опускается въ тины провинціальной обыденщины, что среда заѣдала его. Входя въ эту среду, онъ не вносилъ съ собою никакого идейнаго подъема, или какихъ бы то ни было общественныхъ стремленій, и если заговаривалъ иногда, уже раздобрѣвши на городской практикѣ, о политикѣ или наукѣ, то случалось это при закускѣ или между двумя роберами винта. Пытался еще Старцевъ заводить разговоры на ту тему, что человѣчество, слава Богу, идетъ впередъ

и скоро будутъ обходиться безъ паспортовъ и смертной казни, а за ужиномъ или чаемъ проповѣдывалъ, что нужно трудиться, что безъ труда жить нельзя,—и этимъ истощались всѣ рессурсы его образованія, если не считать его медицинскаго ремесла, доставлявшаго ему по вечерамъ удовольствіе вынимать изъ кармана бумажки, добытыя практикой, затѣмъ закуски, лафитъ № 17, карты—вотъ и вся жизнь „заѣденнаго средою" и въ то же время отъѣвшагося на счетъ этой среды человѣка.

Въ этой жизни было одно маленькое романическое приключеніе. Оно не оставило почти никакого слѣда на деревянной душѣ Іоныча, но зато показало его во весь его дрянненькій ростъ. Романическое приключеніе его вначалѣ ничѣмъ не отличалось отъ тысячи подобныхъ же романическихъ приключеній. Зажиточная провинціальная семья съ претензіей на литературные и артистическіе вкусы, а въ семьѣ, какъ водится, дочь, и тоже съ претензіей на музыкальный талантъ. Іонычъ не то, что влюбился въ нее, но не прочь жениться. И онъ мечтаетъ,—но не такъ, какъ мечтали когда-то при соловьяхъ и лунѣ, а иначе, по своему: „Если ты женишься на ней,—размышлялъ онъ,—то ея родня заставитъ тебя бросить земскую службу и жить въ городѣ. Ну, что же,—думаетъ онъ:—въ городѣ, такъ въ городѣ. Дадутъ приданое, заведемъ обстановку"...

Но ни романа, ни свадьбы не вышло. „Котикъ" уѣхала въ консерваторію, а когда вернулась, Іонычъ вошелъ уже въ ту колею, когда устройство семейнаго очага понимается исключительно какъ безпокойство, и похвалилъ себя за то, что не женился прежде.

Разсказано такъ, что читатель рѣшительно не можетъ понять: радоваться ли ему вмѣстѣ съ Іонычемъ, что все обошлось благополучно и человѣкъ остался жить, хотя и по прежнему скучновато, но безъ семейнаго безпокойства, или горевать о томъ, что Іонычъ и провинціальная среда оказались безъ вліянія другъ на друга, или же покорно склонить голову передъ властью дѣйствительности, съ которой ничего не подѣлаешь... Можно морализировать на эту тему во всѣхъ трехъ направленіяхъ вмѣстѣ и порознь, и все-таки не добраться до той простой истины, что въ созданіи Іонычей, этой одной изъ многочисленныхъ разновидностей „чеховскаго интеллигента", играютъ роль не столько роковыя обстоятельства, протестъ противъ которыхъ безплоденъ, сколько разныя другія условія и, на первомъ планѣ, нашими же руками заботливо устроенныя особенности нашей школы, словно спеціально направленной на выработку ту-

пыхъ, самодовольныхъ и пошлыхъ потребителей жизни. Эту сторону Чеховъ совершенно опускаетъ изъ виду, сваливая все въ одну кучу, за счетъ якобы мудреной, сложной и стихiйно-непонятной жизни. Оттого-то и поднимается такой протестъ въ душѣ противъ общей картины жизни у г. Чехова, что пессимизмъ его не объективный, не вытекающiй изъ цѣльнаго философскаго мiросозерцанiя, а какой-то смутный, частичный, едва ли не объясняемый во многихъ случаяхъ преобладанiемъ унылыхъ настроенiй въ душѣ автора. И потому иной разъ самого писателя какъ-то скорѣе хочется пожалѣть, чѣмъ тѣхъ, кто страдаетъ въ его разсказахъ отъ нескладицы и жестокости жизни.

Въ то время, какъ все вниманiе разсказа сосредоточивается на томъ, какъ Іонычъ толстѣетъ и откладываетъ деньги въ банкъ (мы бы сказали—пошлѣетъ, еслибы авторъ далъ намъ понятiе о томъ, что въ молодости у Іоныча были задатки высшихъ стремленiй), г. Чеховъ проходитъ мимо двухъ страшныхъ драмъ, которыя должны были разыграться въ семьѣ Туркиныхъ: одна—въ эпизодѣ борьбы за обманчивый призракъ музыкальной славы, другая—въ послѣдней попыткѣ вернуть утраченный идеалъ семейнаго счастiя. Но г. Чеховъ указываетъ на нихъ вскользь, мимоходомъ,—и то какими-то жесткими и сухими чертами. Блѣдно и шаблонно очерчены фигуры отца и матери Котика. Мать на протяженiи всего разсказа, съ промежутками по нѣскольку лѣтъ, только и дѣлаетъ, что читаетъ романы собственнаго сочиненiя; у отца авторъ подмѣтилъ только одну черту—коверканье языка: „здравствуйте, пожалуйста“, „не дурственно“, „бонжурте“, „это съ вашей стороны весьма перпендикулярно“...

Личность дѣвушки намѣчена самыми общими штрихами.

VI.

Въ художественномъ отношенiи въ произведенiяхъ г. Чехова много недостатковъ, и рѣдкiе изъ нихъ не бросаются въ глаза читателю при мало-мальски внимательномъ чтенiи. Если не останавливаться на мелочахъ въ родѣ не разъ уже отмѣчавшейся критикой недостаточной мотивировки сюжета, неестественности внѣшнихъ положенiй и манерности языка, то едва ли не самыми крупными отрицательными свойствами явятся крайняя сухость, почти протоколизмъ изложенiя и полное отсутствiе жизненной типичности въ изображенiяхъ фигуръ. Оба эти недо-

статка выражаются преимущественно въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ г. Чеховъ является не столько художникомъ, сколько публицистомъ русской интеллигенціи, какъ бы задавшимся цѣлью доказать на массѣ примѣровъ ея безсодержательность, пошлость и тупость.

Отчасти эти недостатки объясняются тѣмъ особымъ свойствомъ таланта г. Чехова, которое открываетъ въ его натурѣ наблюдательность особаго рода. Мы бы назвали ее *наблюдательностью логической*, выражающейся въ томъ, что писателю свойственно умѣнье входить не въ чувства и ощущенія, но въ мысли другого человѣка. Еслибы у г. Чехова была способность оріентироваться, такъ сказать, въ психологической обстановкѣ, угадывая то, что̀ чувствуютъ его герои, то его разсказы не были бы такъ утомительно бѣдны настроеніями, зависящими не только отъ общаго угла зрѣнія писателя, но и отъ возможнаго разнообразія чувствъ и ощущеній созданныхъ имъ людей. Однако то, что̀ мы называемъ логической наблюдательностью, достигало во многихъ разсказахъ г. Чехова высокихъ степеней развитія; оно выражалось у него нерѣдко въ искусной, чрезвычайно отчетливой формулировкѣ различныхъ сложныхъ жизненныхъ явленій. Сто̀итъ вспомнить, напримѣръ, какими тонкими штрихами передаетъ старый профессоръ чтеніе лекціи, цѣлью которой является, по его словамъ, побѣдить многоголовую гидру, сидящую передъ нимъ. Безподобно также сдѣлана характеристика Ивана Ивановича въ разсказѣ „Жена“, этого человѣка, который всюду, куда ни войдетъ, вноситъ съ собою какую-то духоту, гнетъ, что-то въ высшей степени оскорбительное и унизительное, который ненавидитъ вѣрующихъ, на томъ основаніи, что вѣра есть выраженіе неразвитія и невѣжества, и въ то же время ненавидитъ и невѣрующихъ за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеаловъ. Но лучше всего г. Чеховъ ведетъ разсужденія о слабыхъ, безвольныхъ и тряпичныхъ людяхъ. Иногда эта наблюдательность переходитъ у г. Чехова въ такія сплошныя разсужденія, всегда безотносительно вѣрныя, но слишкомъ ужъ отвлеченныя, что люди начинаютъ казаться какими-то мыслящими аппаратами, подъ умственностью которыхъ совершенно исчезаютъ самопроизвольные инстинкты жизни. Въ разсказѣ „Княгиня“ г. Чеховъ набрасываетъ эскизъ пустой и богатой свѣтской барыни, ни дурной, ни хорошей, но влюбленной въ самоё себя. У г. Чехова явилось намѣреніе высказать рядъ весьма поучительныхъ и не лишнихъ для нашего времени соображеній, какъ отзываются на маленькихъ людяхъ богатство и исключительное положеніе избранниковъ судьбы. Для этой цѣли онъ сопоставилъ съ фигурой княгини фигуру служив-

шаго у нея когда-то доктора, въ уста котораго вложилъ длиннѣйшій и мѣстами сильный монологъ на тему о скудости и богатствѣ. Публицистическій замыселъ настолько овладѣлъ авторомъ, что онъ не замѣтилъ крайней неестественности сцены разговора доктора съ княгиней, предъ которой расточать перлы краснорѣчія было немногимъ больше, чѣмъ метать бисеръ по извѣстному евангельскому изреченію. Фигура доктора осталась совершенно въ тѣни, и разсказъ много потерялъ въ своей художественности, но это не помѣшало морали остаться моралью, весьма полезной для тѣхъ, кто и въ наши дни забываетъ притчу о „Богатомъ и Лазарѣ".

Въ зависимости отъ указаннаго нами свойства наблюдательности г. Чехова, находится и преобладаніе описательнаго элемента надъ драматическимъ и субъективно-лирическимъ, и выборъ признаковъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ *разсказываетъ* о жизни, людяхъ, природѣ, какъ о чемъ-то, что̀ по отношенію къ разсказчику уже отошло на извѣстное, болѣе или менѣе далекое разстояніе, и онъ вспоминаетъ не самыя картины жизни, но то, какъ онъ ихъ наблюдалъ. Разсказываетъ г. Чеховъ въ „Степи", какъ везутъ девятилѣтняго Егорушку отдавать въ гимназію. Этотъ Егорушка ничѣмъ не отличается отъ десятковъ и сотенъ дѣтскихъ типовъ, изображенныхъ у различныхъ писателей; его можно было бы очертить нѣсколькими характерными штрихами, но это не входитъ въ планы писателя: онъ посвятитъ два-три штриха Егорушкѣ и затѣмъ сольетъ его со степью, съ загорѣлыми холмами, съ знойнымъ небомъ, съ полетомъ коршуна, который останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлой несется надъ степью, и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что̀ ему нужно... Потомъ Егорушка появляется снова на мгновеніе и снова уступаетъ мѣсто развертывающейся картинѣ степного пейзажа, и такъ много разъ, словно съ намѣреніемъ показать читателю, что Егорушка нуженъ здѣсь лишь какъ подробность, идущая къ изображенію степи. И въ самомъ дѣлѣ, благодаря вольному или невольному подбору чертъ, которыми характеризуется въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ эта наблюдательность, теченіе мыслей Егорушки, дѣтскій мірокъ послѣдняго такъ и не раскрывается передъ читателемъ—такъ, какъ онъ могъ бы раскрыться подъ перомъ Тургенева или г. Короленки. Это потому, что г. Чеховъ не былъ въ душѣ у Егорушки, а только мелькомъ взглядывалъ на него, любуясь привольной, но однообразной картиной степи. Возьмемъ наудачу нѣсколько признаковъ, относя-

щихся къ Егорушкѣ. „Бричка бѣжитъ, а Егорушка видитъ все одно и то же небо, равнину, холмы“... „Егорушка нѣхотя глядѣлъ впередъ на лиловую даль, и ему уже начинало казаться, что мельница, машущая крыльями, приближается“... „Егорушка, задыхаясь отъ зноя, который особенно чувствовался теперь послѣ ѣды, побѣжалъ къ осокѣ и отсюда оглядѣлъ мѣстность. Увидѣлъ онъ то же самое, что̀ видѣлъ и до полудня: равнину, холмы, небо, лиловую даль“... И такъ много разъ Егорушка глядитъ то зоркими, то сонными глазами и видитъ передъ собой не болѣе того, что̀ видитъ самъ художникъ. Когда же послѣдній пытается передавать внутреннее созерцаніе Егорушки, попытки эти терпятъ нерѣдко полнѣйшую неудачу. Судите сами: „въ то время, какъ Егорушка смотрѣлъ на сонныя лица“, вдали послышалось тихое пѣніе. И вотъ Егорушкѣ „стало казаться, что это пѣла трава; въ своей пѣснѣ она полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красива, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя...“ „И въ торжествѣ красоты,— говоритъ онъ далѣе,—въ излишкѣ счастья чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока, что богатство ея и вдохновеніе гибнутъ даромъ для міра, никѣмъ не воспѣтыя и никому ненужныя, и сквозь радостный гулъ слышишь ея тоскливый, безнадежный призывъ: пѣвца! пѣвца!“ Все это могло и должно было казаться художнику. Но едва ли подобныя представленія могли рождаться въ головѣ маленькаго степного дикаря: что-то ужъ очень неестественно.

Мало естественнымъ является и тотъ пріемъ, при помощи котораго, г. Чеховъ пытается иногда изображать природу, стараясь навязать ей отдѣльныя человѣческія настроенія, не стоящія ни въ какой связи съ олицетвореніемъ. Г-нъ Чеховъ создаетъ иногда такіе нехудожественные образы: „Но, вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, степь, холмы и воздухъ не выдержали гнета и, истощивши терпѣніе, измучившись, попытались сбросить съ себя иго“. Или: „вся степь пряталась во мглѣ, какъ дѣти Моисея Моисеича подъ одѣяломъ“. Но рядомъ съ этими несообразностями встрѣчаются описанія, проникнутыя нѣжной и грустной поэзіей.

У г. Чехова есть еще одинъ искусственный пріемъ, мѣшающій внутренней цѣльности и сжатости впечатлѣнія. Онъ выбираетъ

одну какую-либо черту, часто несущественную, но почему-либо полюбившуюся ему, и начинаетъ повторять ее въ разныхъ сочетаніяхъ съ другими мелкими и, зачастую, нехарактерными чертами. Онъ такъ заботится о томъ, чтобы окрасить этою чертою впечатлѣнія читателя, что не замѣчаетъ, насколько получающіяся при этомъ повторенія и задержки становятся утомительны и прямо не нужны. Наименѣе требовательные изъ нашихъ критиковъ, подмѣтивъ этотъ пріемъ г. Чехова, увидѣли въ немъ новый поводъ къ восхваленію писателя и рѣшили, что индивидуальность творческой манеры г. Чехова въ томъ-то именно и состоитъ, чтобы изучать не цѣлаго человѣка, но опредѣленную черту въ немъ, чтобы въ этой чертѣ отразилась вся человѣческая душа. Этотъ пріемъ давно былъ извѣстенъ міру: имъ пользовались трагики античной жизни, къ нему обращался геніальный Шекспиръ, утрировали лже-классики, у Гоголя онъ достигалъ высочайшаго совершенства; но разница между ними и г. Чеховымъ та, что предшественники его дѣйствительно умѣли уловить наиболѣе характерныя черты человѣческой души и умѣли находить для нихъ естественныя и въ высшей степени жизненныя выраженія, а г. Чеховъ останавливается на чертахъ случайныхъ, мало характерныхъ для того или иного ббраза.

Мы понимаемъ всю высшую самволичность образа Отелло, который въ то же время не перестаетъ быть для насъ живымъ человѣкомъ, безъ малѣйшаго ущерба для своей внутренней цѣльности; мы понимаемъ, что одной фразой:—„прошу,—сказалъ Собакевичъ—и наступилъ гостю на ногу"—можно до конца исчерпать внѣшнюю типичность образа. Но намъ непонятно, какое значеніе имѣютъ банальныя повторенія одного и того же штриха въ большинствѣ „чеховскихъ произведеній".

Это сказывается не только на какихъ-нибудь мелочахъ, въ родѣ того, напримѣръ, какъ, въ разсказѣ „Степь", гдѣ „лиловая даль" въ описаніяхъ повторяется, по крайней мѣрѣ, разъ десять; „три бекаса" попадаются навстрѣчу путникамъ цѣлыхъ три раза; комната на постояломъ дворѣ дважды названа мрачной; злополучная поговорка: „хоть прудъ пруди"—повторяется чуть не въ каждомъ разсказѣ; или же—Ольга Ивановна Рябовская, въ разсказѣ „Попрыгунья", по волѣ автора, если и выходитъ изъ дому на протяженіи довольно долгихъ промежутковъ времени, то лишь затѣмъ, чтобы съѣздить къ портнихѣ или къ знакомой актрисѣ, похлопотать насчетъ билета, или еще Иванъ Петровичъ (въ „Іонычѣ") выступаетъ съ своимъ „недурственно" всякій разъ, какъ на него обратитъ свое благосклонное вниманіе художникъ.

Есть цѣлый рядъ произведеній, гдѣ такой основной чертой, своего рода лейтмотивомъ, является настолько не-типичная черта, что она дѣлаетъ даже подробное описательное изображеніе мало понятнымъ. Въ разсказѣ „Холодная кровь", прозаическомъ донѣльзя и словно спеціально написанномъ для путейскаго вѣдомства, купецъ Малахинъ везетъ съ товарнымъ поѣздомъ гуртъ быковъ. Оберъ-кондукторъ съ машинистомъ, съ цѣлью поприжать купца и поживиться на его счетъ, везутъ быковъ настолько уже по-россійски—то съ безконечными остановками, то съ такими рѣзкими толчками, что быки рискуютъ разстаться съ жизнью раньше, чѣмъ прибудутъ по назначенію. Начинается тягучій разсказъ о томъ, какъ на каждой остановкѣ купецъ вынимаетъ деньги и безъ всякаго сожалѣнія, не только внѣшняго, но и внутренняго, даетъ въ качествѣ взятки то оберъ-кондуктору, то начальнику станціи, то смазчику, и испытываетъ при этомъ даже какъ будто удовольствіе. Послѣ „подмазки" начальника станціи, „старикъ очень доволенъ только-что бывшимъ разговоромъ; онъ улыбается и оглядываетъ все зало, какъ бы ища, нѣтъ ли тутъ еще чего-нибудь пріятнаго?" Такъ же неестественно разсказывается сцена о томъ, какъ хладнокровный Малахинъ составляетъ съ хладнокровнымъ жандармомъ протоколъ о хладнокровіи желѣзнодорожныхъ служащихъ, благодаря которому долготерпѣніе хладнокровныхъ быковъ можетъ истощиться и нанести убытокъ хозяйскому карману. Но быки выдерживаютъ испытаніе, и Малахинъ продаетъ ихъ, хотя несетъ при этомъ по четырнадцати рублей убытка. Но онъ такъ хладнокровенъ, что самъ же подшучиваетъ надъ своей неудачей и по всему видно,—говоритъ писатель,—что понесенный имъ убытокъ мало волнуетъ его... Эта послѣдняя черточка такъ же неестественна въ россійскомъ купцѣ, какъ неестественен и весь подборъ чертъ для характеристики роли этой „холодной крови" въ различныхъ сферахъ обывательской жизни.

Тенденціознымъ подборомъ чертъ, весьма мало типическихъ, отличается и разсказъ „Человѣкъ въ футлярѣ". Учитель греческаго языка, Бѣликовъ, выказывалъ „постоянное непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ внѣшнихъ вліяній". Какъ же это выражалось у него помимо внѣшности, въ которой онъ, очевидно, былъ неповиненъ? Боясь дѣйствительности, онъ хвалилъ прошлое, разсказываетъ г. Чеховъ: „О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ!—говорилъ онъ (Бѣликовъ), со сладкимъ выраженіемъ; и, какъ бы въ доказательство

своихъ словъ, прищуривъ глазъ и поднявъ палецъ, произносилъ:— антропосъ".

Этого Бѣликова, несмотря на его явную ограниченность, переходившую въ прямую глупость, будто бы всѣ боялись въ гимназіи, такъ какъ онъ угнеталъ всѣхъ своей мнительностью и соображеніями о томъ, какъ бы чего не вышло; подъ его вліяніемъ учителя, „все мыслящіе, глубоко порядочные, воспитанные на Тургеневѣ и Щедринѣ" люди, сбавляли ученикамъ баллы за поведеніе, сажали подъ арестъ и даже исключали... Бѣликова боялась не только гимназія, но и весь городъ, въ которомъ людей, подобныхъ Бѣликову, было нѣсколько: боялись громко говорить, посылать письма, читать книги, помогать бѣднымъ, учить грамотѣ.

Экая напасть этотъ Бѣликовъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, и питавшійся судакомъ на коровьемъ маслѣ на томъ основаніи, что постное ѣсть вредно, а про скоромное, пожалуй, скажутъ, что Бѣликовъ не исполняетъ постовъ,—экое горе принесъ онъ городу! Ни писемъ не пишутъ, ни грамотѣ не учатъ, еще немного—и чего добраго, разучились бы говорить по-русски и стали бы выражать свои мысли въ прекрасныхъ звукахъ греческаго языка... Однако, читатель, мыслимо ли это? Возможно ли, чтобы педагогическая корпорація, состоявшая изъ людей развитыхъ и въ особенности читавшихъ Щедрина, да еще во главѣ съ директоромъ, могла пятнадцать лѣтъ подчиняться вліянію этой каррикатуры на тѣнь Щедринскаго Іудушки? И можно ли допустить, чтобы люди, подобные Бѣликову, держали въ осадѣ весь городъ, не будучи ни помпадурами, ни агентами прежняго третьяго отдѣленія?

Дальнѣйшее теченіе разсказа проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на фигуру Бѣликова. „Ложась спать,—разсказываетъ г. Чеховъ отъ лица товарища Бѣликова по гимназіи,—онъ (Бѣликовъ) укрывался съ головой; было жарко, душно, въ закрытыя двери стучался вѣтеръ, въ печкѣ гудѣло, слышались вздохи изъ кухни, вздохи зловѣщіе...

„И ему было страшно подъ одѣяломъ. Онъ боялся, какъ бы чего не вышло, какъ бы его не зарѣзалъ Аѳанасій, какъ бы не забрались воры, и потомъ всю ночь видѣлъ тревожные сны, а утромъ, когда мы вмѣстѣ шли въ гимназію, былъ скученъ, блѣденъ и было видно, что многолюдная гимназія, въ которую онъ шелъ, была страшна, противна всему существу его, и что идти рядомъ со мной ему, человѣку по натурѣ одинокому, было тяжко". Очевидно, Бѣликовъ былъ боленъ: въ скрытомъ видѣ у

него была манія преслѣдованія. Человѣкъ онъ былъ вообще хилый и слабый, и умеръ онъ, если повѣрить автору, отъ того, что на него нарисовали „пасквиль“, изъ-за котораго онъ поссорился съ товарищемъ. Стало быть, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ патологическимъ, которое уже по одному этому не можетъ имѣть обобщающаго типическаго значенія.

Повидимому, и самъ писатель чувствовалъ это, и, боясь, что читатели не поймутъ истинной тенденціи, вложенной въ разсказъ, принялся разъяснять ее самъ устами нѣкоего Ивана Ивановича: „а развѣ то, что мы живемъ въ городѣ, въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ?“

Несомнѣнно, мы дѣлаемъ много ненужнаго, лишняго, и не дѣлаемъ того, что̀ нужно и важно для жизни, мы теряемъ дорогое время, но, право же, не такъ, какъ изображаетъ это г. Чеховъ своимъ Бѣликовымъ. Мы, наоборотъ, слишкомъ, можетъ быть, жалуемся на футляръ, который давитъ насъ откуда-то извнѣ, но, порываясь сбросить его, мы не дѣлаемъ достаточно усилій, опускаемъ руки и только думаемъ мучительную Гамлетовскую думу, которой мучился еще Илья Ильичъ Обломовъ на своемъ диванѣ. Дальнѣйшія разсужденія Чеховскаго резонера нехарактерны даже для Бѣликова: „видѣть и слышать, какъ лгутъ, и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться и все это—изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно“.

VII.

Нѣтъ, больше жить такъ невозможно! —таковъ рецептъ г. Чехова современному читателю. Это онъ, современный читатель, насмотрѣвшись разныхъ несчастныхъ случаевъ, бывающихъ въ жизни, и наслушавшись разсказовъ о душевныхъ и нервныхъ болѣзняхъ, поражающихъ человѣчество, долженъ вдругъ остановиться и сказать: нѣтъ, больше жить такъ невозможно. И сказавъ,—или повѣситься на первомъ попавшемся крюкѣ, или обратиться къ г. Чехову и спросить: а какъ жить, уважаемый

маэстро? Неизвѣстно, какъ бы отвѣтилъ этому читателю г. Чеховъ, еслибы тотъ на дѣлѣ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ; но въ сочиненіяхъ своихъ онъ этого отвѣта не даетъ...

И что̀ дѣлать бѣдному читателю, котораго судьба не создала ни неврастеникомъ, ни душевнобольнымъ, и который ищетъ смысла и разумной цѣли въ жизни, если г. Чеховъ отвѣтитъ ему, подобно старому профессору въ „Скучной исторіи": „не знаю", и, чтобы замять непріятный разговоръ, предложитъ позавтракать?

Это будетъ, дѣйствительно, скучная, очень скучная исторія... Писатель безъ міросозерцанія, относительно котораго самые благожелательные цѣнители не могутъ столковаться, есть или нѣтъ у него идеалы... куда онъ поведетъ за собой, когда онъ самъ не знаетъ истинной дороги? Раскроетъ ли онъ глубину испытанія жизни? Обнаружитъ ли онъ тѣ внутреннія общія причины, которыя отражаются на поверхности безпорядочнымъ разнообразіемъ явленій?

Да и отраженія эти являются у г. Чехова неполными, односторонними, часто невѣрными, и этими отраженіями, нигдѣ не сведенными въ одно, нигдѣ не достигающими той высоты художественности, за которую ему можно было бы простить все остальное, г. Чеховъ хочетъ заставить читателя самого додуматься до коренныхъ основъ жизни. И читатели додумываются —до той мысли, что въ основѣ и „героическаго пессимизма", и „примиряющаго пантеизма" лежитъ одно: все скверно; Богъ хоть есть, но Онъ безсиленъ; дѣйствительности не побѣдишь, а стало быть, желать, стремиться, бороться, вѣрить и любить—все напрасно.

Неврастеники и вырождающіеся, конечно, примутъ этотъ выводъ, и, въ частности, разсказы г. Чехова будутъ доставлять имъ удовольствіе еще на томъ основаніи, что больные любятъ, когда съ ними говорятъ о болѣзняхъ. Но безъ идеаловъ оздоровленія это вѣчное изображеніе болѣзней и страданій можетъ только усилить и безъ того повышенную мнительность больного, а инымъ можетъ показаться тою проповѣдью отвращенія къ жизни, о которой говорилъ, устами своего Заратустры, философъ, постигшій всѣ язвы современнаго человѣчества.

„Есть проповѣдники смерти,—говорилъ онъ,—и земля полна людьми, которымъ нужна проповѣдь отвращенія къ жизни.

„Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмѣрнымъ множествомъ людей. О, еслибы можно было „вѣчной жизнью" сманить ихъ изъ этой жизни!

„Вотъ они—эти чахоточные душою: едва родились они, какъ

уже начинають умирать и мечтають объ ученіи, которое проповѣдывало бы усталость и отреченіе.

„Имъ встрѣчается или больной, или старикъ, или трупъ, и они тотчасъ же говорятъ: „жизнь опровергнута".

„Но опровергнуты только они и глаза ихъ, видящіе только одну сторону въ бытіи"...

О, какъ мы понимаемъ страстное восклицаніе современнаго критика, обращенное ко всѣмъ „чеховцамъ": „Лжете вы, слышите, вы лжете! Свѣтлая, прекрасная жизнь существуетъ, но ея условіемъ является борьба! Готовность рисковать, бороться—вотъ ключъ, котораго у васъ нѣтъ, жалкіе вы людишки. Не смѣйте клеветать на жизнь!" [1])

И по истинѣ г. Чеховъ былъ бы этимъ проповѣдникомъ смерти, еслибы въ творчествѣ его не было стихіи, которая самобытнѣе и шире тенденціи изображать безцвѣтными тонами сѣрую и вялую жизнь интеллигентнаго мѣщанства. Стихія эта—подлинная десница г. Чехова: къ ней мы теперь и обратимся.

VIII.

Итакъ, мы видѣли, что въ тѣхъ разсказахъ, сюжеты которыхъ основывались на тенденціозномъ изображеніи жизни русской интеллигенціи, не было многихъ данныхъ, характеризующихъ то соотвѣтствіе между талантомъ и предметомъ изображенія, которое свидѣтельствуетъ, что талантъ нашелъ самого себя и находится на вѣрномъ пути: не было истиннаго комизма, страдало чувство художественной мѣры, не было яркости красокъ и свободнаго розмаха кисти. На разсказахъ отражалась та особая вымученность, когда художникъ пишетъ больше отзываясь больными нервами на тревожные запросы жизни, чѣмъ повинуясь влеченію творческой натуры. Не образами мыслитъ г. Чеховъ, но больными вопросами современной жизни, и это отразилось въ его разсказахъ упомянутой категоріи слишкомъ большой отвлеченностью задуманныхъ фигуръ. Внимательно вчитываясь въ нихъ, можно замѣтить постоянную борьбу между стремленіемъ къ образу, къ законченности сюжета,—и настойчивымъ, иногда почти страстнымъ желаніемъ высказаться по поводу тѣхъ или другихъ темныхъ сторонъ современной дѣйствительности. Иногда тяготѣніе къ образу брало верхъ, и тогда творчество

[1]) Луначарскій, „Русская Мысль", 1903, февраль.

стремилось безъ всякой тенденціи отражать дѣйствительность, подобно фотографической камерѣ, равнодушно схватывающей все, на что направляется объективъ: въ этомъ видѣ творчество Чехова соотвѣтствовало тому опредѣленію, которое выражалось формулой: „всепримиряющая, всеоправдывающая власть реальной жизни“ или „пессимистическаго пантеизма“. Въ другихъ случаяхъ выступало на первый планъ стремленіе высказаться, порывъ, исходившій изъ возвышеннаго альтруистическаго начала уяснить людямъ то, что̀ имъ непонятно, обнажить явленіе, обнаружить его скрытые мотивы. Сильнѣйшія по впечатлѣнію въ этомъ смыслѣ произведенія отличаются явнымъ сатирическимъ характеромъ. Таковъ, напримѣръ, „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“. Орловъ—не только психологическая задача, подобно „неизвѣстному человѣку“, но и петербургскій чиновникъ, со всѣми свойствами черстваго столичнаго бюрократа. Несмотря на то, что обрисовка характера Орлова удалась Чехову гораздо лучше многихъ изъ его попытокъ и отъ разсказа вѣетъ живой душой, сатира, независимо отъ того, насколько она входила въ планы художника, вышла блѣдной и не вносила въ литературныя изображенія петербургскихъ чиновниковъ ни одной новой черты. Можно думать, что въ этомъ жанрѣ творчества сатира не въ числѣ лучшихъ средствъ Чеховскаго таланта.

Но въ чемъ же съ наибольшей полнотой выразился талантъ г. Чехова?

По нашему мнѣнію, истинный жанръ г. Чехова—бытовой разсказъ безъ всякой тенденціи или, лучше сказать, претензіи на философскую глубину смысла. Какъ ни наблюдателенъ г. Чеховъ, но наблюдательность эта, какъ мы уже замѣтили выше,—свойство тонко мыслящаго человѣка, но не психолога,—для этого она слишкомъ холодна. Отсюда понятно, отчего г. Чехову сравнительно лучше удаются тѣ фигуры, въ которыхъ душевныя движенія проявляются внѣшнимъ, легко поддающимся описанію, образомъ; напротивъ, драматизмъ состоянія, скрытая мощь духа или глубокая внутренняя борьба требуютъ отъ г. Чехова большого и неблагодарнаго труда. Это преобладаніе описательной стороны творчества надъ психологической наглядно выражается въ одной изъ лучшихъ повѣстей г. Чехова—„Въ оврагѣ“. Здѣсь вполнѣ обнаружилось и глубокое знаніе Чеховымъ различныхъ сторонъ мѣщанскаго и народнаго быта.

Передъ нами—семья сельскаго богача и мѣстнаго кулака Григорія Цыбукина: въ живо переданной обстановкѣ полу-мѣщанскаго, полу-купеческаго быта живутъ и дѣйствуютъ нѣсколько

человѣкъ, изъ которыхъ одни такъ и врѣзываются въ память; другіе же, дѣйствія которыхъ должны были основываться на душевныхъ движеніяхъ, остаются блѣдны и не вполнѣ понятны. Изъ числа первыхъ, невѣстка Цыбукина, Аксинья,—лучшій бытовой типъ повѣсти; живо нарисованъ и старикъ, и старшій сынъ его, Анисимъ. Старикъ—типичный деревенскій торговецъ всѣмъ, что̀ ему можетъ дать выгоду, но съ большой склонностью къ семейной жизни, выражавшейся въ томъ, что онъ любилъ свое семейство больше всего на свѣтѣ, особенно старшаго сына, Анисима, и невѣстку. Народъ называлъ его кровопійцей за тотъ постоянный обманъ, который сдѣлался обычнымъ въ его торговлѣ. „Ужъ очень народъ обижаемъ, — говоритъ по этому поводу жена его, Варвара,—сердце мое болитъ, обижаемъ какъ—и, Боже мой. Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что̀, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ—горькое, тухлое, у людей—деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?“—На это Анисимъ, служившій въ сыщикахъ и почитавшій себя чѣмъ-то въ родѣ философа, можетъ только отвѣтить: „кто къ чему приставленъ, мамаша“.

Но въ семьѣ своей старикъ Цыбукинъ—добрый или, пожалуй, безвольный человѣкъ. Когда Варвара, это страшное существо съ односторонней совѣстью, добрая и ограниченная женщина, стала помогать мужикамъ деньгами, хлѣбомъ, старой одеждой, а потомъ начала таскать и изъ лавки, старикъ какъ будто понялъ, что̀ у нея таилось въ душѣ. „Разъ глухой (сынъ Цыбукиныхъ) видѣлъ, какъ она унесла двѣ осьмушки чаю,—и это его смутило.

„— Тутъ мамаша взяли двѣ осьмушки чаю,—сообщилъ онъ потомъ отцу.—Куда это записать?

„Старикъ ничего не отвѣтилъ, а постоялъ, подумалъ, шевеля бровями, и пошелъ наверхъ къ женѣ.

„— Варварушка, если тебѣ, матушка,—сказалъ онъ ласково,—понадобится что̀ въ лавкѣ, то ты бери. Бери себѣ на здоровье, не сомнѣвайся.

„И на другой день глухой, пробѣгая черезъ дворъ, крикнулъ ей:

„— Вы, мамаша, ежели что̀ нужно,—берите.

„Въ томъ, что она подавала милостыню, было что-то новое, что-то веселое и легкое, какъ въ лампадкахъ и красныхъ цвѣточкахъ“.

Но дальше милостыни, вздоховъ и аховъ протестъ ея не шелъ, а между тѣмъ въ семьѣ Цыбукина творились по истинѣ возму-

тительныя вещи; Варвара даже ни словомъ не перечитъ Аксиньѣ, которая стала главнымъ рычагомъ обманной торговли Цыбукина. Почти на ея глазахъ происходитъ дикая сцена, въ которой разъяренная Аксинья обвариваетъ кипяткомъ ребенка своей снохи Анны, но Варвара только стонетъ и ничѣмъ не высказываетъ своего отношенія ни къ самому факту преступленія, ни къ участи несчастной Липы.

Аксинья—сама жизнь: жестокая, злобная, страстная, бойкая той особой смышлёностью русскаго ума, которая вооружаетъ человѣка для борьбы хитростью лисицы и наглостью волка; зоркостью, съ которой она умѣла намѣчать и вырывать лакомые кусочки жизни, она могла напомнить хищнаго ястреба. Наружность ея была замѣчательна: „У Аксиньи были сѣрые, наивные глаза, которые рѣдко мигали, и на лицѣ постоянно наивная улыбка. И въ этихъ немигающихъ глазахъ, и въ маленькой головѣ на длинной шеѣ, и въ ея стройности было что-то змѣиное; зеленая съ желтой грудью, съ улыбкой она глядѣла, какъ весной изъ молодой рѣки глядитъ на прохожаго гадюка, вытянувшись и поднявъ голову". Старику любо-дорого было видѣть, какъ она торговала въ лавкѣ, смѣялась и кричала, какъ вела тайную торговлю водкой и какъ сердились покупатели, которыхъ она обижала. Впослѣдствіи она, сдѣлавшись уже вліятельнѣйшей купчихой въ околоткѣ, будетъ выгонять его изъ собственнаго дома и не давать ему ѣсть, и за спиной глухого мужа не постѣснится принимать „пожилого щеголя" изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Все это естественно, жизненно такъ, какъ понимаютъ эту жизненность герои Максима Горькаго; все это идетъ къ мастерски очерченному образу красивой и счастливой „гадюки". Но психологія Варвары мало обоснована и не вполнѣ понятна, какъ при всемъ строѣ жизни, заведенномъ Анисьей, Варвара могла „еще больше пополнѣть и побѣлѣть" и попрежнему творить добрыя дѣла. Еще болѣе удивительно, какъ могла Аксинья помириться съ ея присутствіемъ въ домѣ. Образъ Липы едва намѣченъ. Въ мало-естественной сценѣ, гдѣ убиваютъ ея ребенка, она не бросается на Аксинью, какъ разъяренная львица, у которой отняли дѣтеныша, а только вскрикиваетъ такъ, какъ никогда еще не кричали въ Уклеевѣ. И вся она какая-то „окаменѣлая" во всей пьесѣ.

Несообразность сюжета, столь обычная у г. Чехова, въ родѣ эпизода съ фальшивыми деньгами, которыя развелъ въ Уклеевѣ сыщикъ Анисимъ, или та сценка, гдѣ Анисимъ проявляетъ свои сыскныя способности у себя же на свадьбѣ, совершенно пропа-

даютъ въ превосходной картинѣ Цыбукинскаго быта. Читая ихъ, не замѣчаешь, какъ натянуты разсужденія Анисима о совѣсти и Богѣ, насколько самъ Анисимъ является искусственнымъ, несмотря на то, что замыселъ этого образа съ точки зрѣнія художественной техники былъ весьма удаченъ. При иной постановкѣ онъ долженъ былъ бы столкнуться съ Аксиньей и или вступить съ нею въ борьбу, или заключить съ ней союзъ на томъ основаніи, что имъ обоимъ была присуща чуткость и зоркость низменныхъ животныхъ тварей. Если въ разсужденіяхъ Анисима о совѣсти сдѣлать необходимую постановку понятій, опредѣляемыхъ его профессіей, ему можно повѣрить, когда онъ говоритъ, что видитъ и понимаетъ „насквозь". „Ежели у человѣка рубаха краденая, я вижу. Человѣкъ сидитъ въ трактирѣ, и вамъ такъ кажется, будто онъ чай пьетъ и больше ничего, а я, чай-то чаемъ, вижу еще, что въ немъ совѣсти нѣтъ. Такъ цѣлый день ходишь и ни одного человѣка съ совѣстью. И вся причина потому, что не знаютъ, есть ли Богъ или нѣтъ"... Такой же прозорливостью отличалась и Аксинья.

Не станемъ подробно останавливаться на характеристикѣ всѣхъ разсказовъ, гдѣ бытовая сторона и бытовые типы обличаютъ въ г. Чеховѣ настоящаго, а иногда и превосходнаго художника; для этого нужно было бы написать не одну, а нѣсколько статей. Если такой разсказъ его, какъ „Бабье царство", можетъ быть разсматриваемъ рядомъ съ предыдущимъ въ томъ отношеніи, что въ немъ изъ-за попытки, довольно наивной, раскрыть ложную психологію молодой купчихи-милліонерши выглядываетъ яркая картина купеческаго быта, то, напримѣръ, такіе разсказы, какъ „Бабы" или „Мужики", обличаютъ въ г. Чеховѣ уже настоящаго мастера и, несмотря на нѣсколько однотонное освѣщеніе, производятъ впечатлѣніе истинно-художественныхъ произведеній. Въ этихъ разсказахъ все естественно, живо, все бываетъ и можетъ быть; образы запоминаются сразу и цѣльности впечатлѣнія не мѣшаетъ никакой скучающій или умствующій интеллигентъ. Въ разсказѣ „Бабы" два дѣйствія, и оба глубоко интересны съ чисто человѣческой точки зрѣнія. На постоялый дворъ Кашина, по прозванію „Дюдя", заѣзжаетъ какой-то мѣщанинъ съ мальчикомъ, и вотъ между хозяиномъ и проѣзжимъ завязывается разговоръ. Проѣзжій разсказываетъ любовный эпизодъ изъ своего прошлаго, въ который заключена была потрясающая драма съ гибелью молодой жизни, страданіями и слезами, мѣщанской моралью догматичной, жестокой и темной. Онъ полюбилъ жену своего сосѣда, когда того забирали въ солдаты, и

до такой степени привязалъ къ себѣ молодую женщину, что та на всю жизнь отдала ему свое сердце. Между тѣмъ приходитъ вѣсть о возвращеніи мужа. Письмо развязываетъ руки мѣщанину, ему становится выгодно стать на сторону своей мѣщанской морали, но въ душѣ его любовницы поднимается страшная борьба. „Она побѣлѣла, какъ снѣгъ, а я ей говорю:—Слава Богу, теперь, говорю, значитъ, ты опять будешь мужняя жена.—А она мнѣ: „Не стану я съ нимъ жить".—Да вѣдь онъ тебѣ мужъ? говорю—„Легко ли... я его никогда не любила и неволей за него пошла. Мать велѣла".—Да ты, говорю, не отвиливай, дура, ты скажи: вѣнчалась ты съ нимъ въ церкви или нѣтъ?—„Вѣнчалась, говоритъ, но я тебя люблю и буду жить съ тобой до самой смерти. Пускай люди смѣются... Я безъ вниманія"...—Ты, говорю, богомольная и читаешь писаніе, что̀ тамъ написано?"

Ссылка на писаніе весьма характерна. Никто такъ часто не хватается за него, какъ тѣ, которые вольно или невольно искажаютъ его истинный смыслъ и прикрываютъ имъ свои скверные поступки, заплаты на рубищѣ своей совѣсти.

Но баба, по выраженію мѣщанина, не слушаетъ, уперлась на своемъ и хоть ты што: „тебя люблю"—и больше ничего. Пріѣхалъ мужъ, она и мужу заявила, что ему не жена, что съ нимъ не хочетъ жить—„и всякія глупости". Мѣщанинъ увѣрялъ тогда, что дѣло не ладно, поклонился мужу въ ноги, повинился передъ нимъ, а Машенькѣ прочиталъ въ его присутствіи по внушенію отъ ангела небеснаго такое чувствительное наставленіе, что самого даже слеза прошибла. И мужъ, Вася, простилъ и его, и жену. И простилъ такъ, какъ только умѣютъ прощать истинные самородные христіане изъ здоровой крестьянской среды. Особымъ прозрѣніемъ любви взглянулъ онъ на происшедшее: „Я, говоритъ, прощаю, Матюша, и тебя, и жену, Богъ съ вами. Она солдатка, дѣло женское, молодое, трудно себя соблюсти. Не она первая, не она послѣдняя. А только, говоритъ, я прошу тебя жить такъ, какъ будто между вами ничего не было, и виду не показывай, а я, говоритъ, буду стараться ей угождать во всемъ, чтобы она меня опять полюбила". Руку мнѣ подалъ, чайку попилъ и ушелъ веселый". И мѣщанину стало весело, что все обошлось такъ хорошо. Но не тутъ-то было: Машенькѣ не давали проходу. Ее выгоняли, били и мужъ, и бывшій любовникъ; читали ей наставленія и стращали геенной огненной, куда Машенькѣ предстояло идти заодно со всѣми блудницами... И въ концѣ концовъ—Вася заболѣлъ и померъ, а по мѣщанству пошли разговоры, что Вася померъ не своей смертью, что извела его

Машенька. Машеньку судили и сослали въ каторгу на тринадцать лѣтъ. На судѣ она не признавалась, но мѣщанинъ въ свидѣтеляхъ былъ и объяснилъ все по совѣсти: „ея, говорю, грѣхъ. Скрывать нечего, не любила мужа, съ характеромъ была"... Но она не дошла до Сибири, а умерла гдѣ-то по дорогѣ въ тюрьмѣ. Дюдя, слушающій его разсказъ, весь на сторонѣ мѣщанина: „Собакѣ собачья смерть", говоритъ онъ по поводу смерти Машеньки. Послѣ Машеньки остался трехлѣтній Кузька, и вотъ въ душѣ мѣщанина зашевелилось какое-то жесткое и, нѣкоторымъ образомъ, профессіональное чувство жалости: онъ рѣшилъ взять къ себѣ это „арестантское отродье". Этотъ Кузька и былъ тѣмъ мальчикомъ, съ которымъ мѣщанинъ заѣхалъ на постоялый дворъ. Не трудно себѣ представить, каково жилось сиротѣ подъ опекой милосерднаго дяденьки.

И въ то время, какъ мѣщанинъ и Дюдя обмѣнивались впечатлѣніями по поводу разсказаннаго эпизода и житейской морали вообще, за ними жизнь вышивала на той же канвѣ новый узоръ, исполненный глубокаго драматизма и неразрѣшимыхъ противорѣчій. Молодая, красивая Варвара, сноха Дюди, слышала повѣсть мѣщанина, но отнеслась къ ней совершенно иначе: у нея былъ свой „грѣхъ". Она „гуляетъ" съ поповичемъ и на замѣчаніе другой снохи, Софьи, говоритъ: „А пускай... Чего жалѣть? Грѣхъ, такъ грѣхъ, а лучше пускай громъ убьетъ, чѣмъ такая жизнь. Я молодая, здоровая, а мужъ у меня горбатый, постылый, крутой, хуже Дюди проклятаго. Въ дѣвкахъ жила, куска не доѣдала, босая ходила и ушла отъ тѣхъ злыдней, польстилась на Алешкино богатство—и попала въ неволю, какъ рыба въ вершу".

Въ это время гдѣ-то за церковью запѣли печальную пѣсню, отъ которой потянуло свободной жизнью, и сама Софья стала смѣяться: „ей было и грѣшно, и страшно, и сладко слушать"...

Здѣсь дана только завязка новой драмы, но она и не нуждается въ развитіи: одна изъ вѣроятныхъ развязокъ ея уже разсказана въ повѣсти мѣщанина. Пьеса заканчивается грустнымъ эпизодомъ: у Кузьки пропала шапка, дяденька его „осерчалъ" и погрозилъ „оборвать уши поганцу". У Кузьки уже перекосило лицо отъ ужаса, но, къ счастью, шапка нашлась на днѣ повозки. „Кузька рукавомъ стряхнулъ съ нея сѣно, надѣлъ и робко, все еще съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, точно боясь, чтобы его не ударили сзади, полѣзъ въ повозку".

Правдивымъ бытовымъ реализмомъ проникнута и повѣсть г. Чехова „Мужики". Въ ней нѣтъ яркихъ, типичныхъ фигуръ,

нѣтъ сложныхъ психологическихъ узоровъ, краски во многихъ мѣстахъ сильно сгущены, но, въ общемъ, отъ картины мужицкаго житья-бытья, которое развертывается въ этой повѣсти, вѣетъ такой жизненной правдой, передъ которой не можетъ не остановиться въ раздумьи самый равнодушный человѣкъ. Такое впечатлѣніе получается больше отъ цѣлой картины, отъ общаго фона, чѣмъ отъ конкретнаго изображенія дѣйствующихъ лицъ,— послѣднія слабо выдѣляются на общемъ фонѣ: Ольга и Саша обрисованы нѣсколько слащаво. Николай едва намѣченъ, Кирьякъ появляется на сцену только затѣмъ, чтобы крикнуть свое „Ма-арья", съ намѣреніемъ прибить ее; мало типичнаго и въ остальныхъ образахъ. Все происходитъ въ какихъ-то сгущенныхъ сумеркахъ невыносимой тяготы, фатальной жестокости жизни, и только прорывающіяся тамъ и сямъ картинки деревенской природы въ мягкихъ и нѣжныхъ тонахъ смягчаютъ это впечатлѣніе и вносятъ въ разсказъ оживляющую и примиряющую струю.

Когда Николай умеръ, Ольга съ дочерью разстались съ деревней и пошли въ городъ. Она шла исполненная самыхъ грустныхъ впечатлѣній отъ пережитаго, она припоминала такіе часы и дни, когда казалось, что всѣ эти люди, которыхъ она оставила, живутъ хуже скотовъ: они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, ссорятся, дерутся, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. По ея мнѣнію, жить среди мужиковъ было страшно, хотя и они были люди, страдали и плакали, изнемогали отъ тяжкаго труда и совершенно оставались безъ помощи. Но непосредственнымъ виновникомъ этой нескладицы жизни является, по мнѣнію Ольги, только мужикъ. „Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя и церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджогъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ". Наѣзжающіе изъ города интеллигенты—сами люди корыстолюбивые, жадные, развратные, лѣнивые, которые и въ деревню являются лишь за тѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать,—какая отъ нихъ можетъ быть польза?

Читатель такъ и разстается съ разсказомъ на этихъ грустныхъ мысляхъ Ольги, и авторъ ни однимъ штрихомъ не обнаруживаетъ ихъ наивности и односторонности, конечно, вполнѣ простительной и понятной съ точки зрѣнія бывшей горничной меблированныхъ комнатъ. Отъ этого выигрываетъ, можетъ быть, внѣшняя объективность разсказа, но зато несомнѣнно проигрываетъ „общая идея". Въ данномъ случаѣ „общая идея"—не въ

смыслѣ идеала, но въ смыслѣ того пониманія общаго порядка вещей, которое, разсуждая о видимостяхъ, принимаетъ въ соображеніе и тѣ причины, вліяніе которыхъ отразилось на нихъ. Вѣдь не мужикъ держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ, а что-то другое, какая-то отвлеченность, которую трудно выразить русскимъ словомъ: не то схема, не то система, не то эксплоатація. Не мужикъ растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія деньги, а скорѣе наоборотъ—мужицкія деньги идутъ на потребы, ничего общаго съ нимъ, мужикомъ, не имѣющія. А мужику изъ этихъ денегъ достаются то вершки, то корешки, по извѣстной сказкѣ о томъ, „какъ мужикъ съ медвѣдемъ пшеницу и рѣпу сѣяли", съ тою лишь разницею, что въ сказкѣ существо мужику доставалось, а медвѣдь оставался въ дуракахъ, въ жизни же какъ будто наоборотъ выходитъ. Что̀ и говорить, случается мужику украсть у сосѣда, поджечь или дать ложную клятву, но вѣдь на то онъ темный, неразвитой человѣкъ, у котораго ни въ душѣ, ни за душой ничего нѣтъ такого, за что онъ могъ бы держаться, какъ за ясно сознаваемый принципъ: религія, вѣра? Но развѣ онъ не видитъ, что люди, которыхъ онъ считаетъ вѣрующими и религіозными, прикрываютъ формулами этой вѣры ту же сущность: обкрадыванье, бездушіе, черствый эгоизмъ? Винить въ этомъ интеллигенцію было бы и неправильно, и безсмысленно, но заставить читателя пофилософствовать на кое-какія жизненныя темы бываетъ, право, не лишнее... художники умѣютъ это дѣлать безъ всякаго насилія съ ихъ стороны. Какой-нибудь штрихъ, точка—и толчокъ данъ. Г-ну Чехову это рѣшительно не удается.

IX.

Мы ограничимся этими повѣстями, совершенно достаточными для того, чтобы показать лучшія свойства таланта г. Чехова, какъ бытописателя. Нужно ли говорить, что это мѣстами тонкое художественное мастерство проявляется вездѣ, гдѣ разсказъ переноситъ читателя въ обстановку давно сложившейся, отстоявшейся жизни, преимущественно въ области народнаго и мѣщанскаго быта? Мы останавливались на примѣрахъ съ сюжетами глубоко драматическими, но у г. Чехова не мало произведеній, проникнутыхъ грустной задумчивостью, красотой осеннихъ сумерекъ въ мягкихъ очертаніяхъ родного русскаго пейзажа. Изъ такихъ произведеній отмѣтимъ, напримѣръ, „Счастье" и „Свирѣль", гдѣ импрессіонизмъ творческой манеры г. Чехова достигаетъ высокой степени

развитія. Какъ и слѣдуетъ ожидать, природа даетъ богатыя средства для выраженія этого импрессіонизма, но сама она въ рукахъ художника—послушное орудіе, отражающее всѣ оттѣнки его настроеній. „Мелитонъ плелся къ рѣкѣ и слушалъ — такъ кончается разсказъ „Свирѣль",—какъ позади него мало-по-малу замирали звуки свирѣли. Ему все еще хотѣлось жаловаться. Печально поглядывалъ онъ по сторонамъ, и ему невыносимо становилось жаль и небо, и землю, и солнце, и лѣсъ, и свою Дамку, а когда самая высокая нотка свирѣли пронеслась протяжно въ воздухѣ и задрожала, какъ голосъ плачущаго человѣка, ему стало чрезвычайно горько и обидно на непорядокъ, который замѣчался въ природѣ.

„Высокая нотка задрожала, оборвалась—и свирѣль смолкла".

Въ другихъ, позднѣйшихъ разсказахъ, эта тихая грусть соединяется съ такой теплотой души, что изъ-за эпическаго спокойствія пробиваются струйки задушевнаго мечтательнаго лиризма, и въ бытовую картину вплетаются, лаская и украшая ее, искреннія поэтическія нотки. Такова маленькая пьеска „Архіерей", заканчивающаяся трогательнымъ описаніемъ смерти преосвященнаго, послѣ котораго осталась старушка-мать; она стѣснялась его при жизни, но потомъ любила „разсказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ... И ей въ самомъ дѣлѣ не всѣ вѣрили".

Удаются г. Чехову и маленькія картинки изъ дѣтской жизни, въ родѣ разсказовъ: „Гриша", „Событіе" или „Ванька", хотя и въ этомъ жанрѣ, рядомъ съ ними, встрѣчаются разсказы натянутые и грубоватые, какъ „Дѣтвора" или „Кухарка женится". Въ разсказѣ „Ванька" трогательно изображена непривѣтная жизнь сиротки-мальчика въ подмастерьяхъ; онъ самъ разсказываетъ ее въ письмѣ къ дѣдушкѣ. „Пріѣзжай, милый дѣдушка,—писалъ Ванька,—Христомъ-Богомъ тебя молю, возьми меня отсюда. Пожалѣй ты меня, сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ, и кушать хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А намедни хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Аленѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка, пріѣзжай"... Окончивъ письмо, Ванька вложилъ его въ конвертъ, написалъ адресъ: „На деревню дѣдушкѣ" и опустилъ письмо въ ящикъ. Безъискусственная, милая повѣстушка эта возбуждаетъ чувство живѣйшаго участія къ бѣдному маль-

чику и серьезную, заботливую думу о тысячахъ такихъ мальчиковъ, ежегодно забрасываемыхъ народной нуждой въ гибельныя городскія трущобы.

Лучше дается Чехову и юморъ въ бытовыхъ разсказахъ, но мы ихъ характеризовать не будемъ—пора кончать, да и говорить о нихъ не особенно хочется, хотя среди этихъ разсказовъ есть несомнѣнно забавные, отразившіе на себѣ тонкую бытовую наблюдательность автора, а порой и такіе, которые возбуждаютъ грусть, въ родѣ разсказа „Злоумышленникъ", о мужичкѣ, отвинчивавшемъ гайки съ рельсъ, нужныхъ ему въ качествѣ грузилъ при рыбной ловлѣ. Особо пришлось бы говорить и о пьесахъ, которыя было бы односторонне разсматривать независимо отъ ихъ сценическаго исполненія, тѣмъ болѣе, что образовалась особая труппа, сдѣлавшая исполненіе пьесъ Чехова какъ бы своей спеціальностью. Кое-гдѣ мы отмѣтили, впрочемъ, что по настроеніямъ онѣ не вносятъ новыхъ чертъ въ общее пессимистическое, мрачное и тусклое освѣщеніе жизни.

Пора кончать... но, разставаясь съ писателемъ, хотѣлось бы найти въ его настроеніяхъ какой-нибудь свѣтлый лучъ, хотя слабую надежду на то, что жизнь не всегда будетъ казаться ему непобѣдимо-властной и безъисходно-мрачной; хотѣлось бы вѣрить, что она улыбнется ему, какъ художнику, одной изъ тѣхъ обольстительныхъ улыбокъ, которыя разливаются въ творчествѣ солнечнымъ свѣтомъ радости жизни во имя жизни, радости борьбы во имя высшихъ идеаловъ человѣчества. И, намъ кажется, такіе проблески есть у г. Чехова. Въ одномъ изъ разсказовъ, сюжетъ котораго взятъ, какъ и слѣдовало ожидать, изъ области народнаго быта, мы встрѣчаемъ здоровое отношеніе къ жизни, съ которой люди борются, которую побѣждаютъ сильнымъ духомъ и бодрою мыслью. Въ разсказѣ „Въ ссылкѣ" перевозчикъ Семенъ, по происхожденію дьячковскій сынъ, совѣтуетъ татарину, своему товарищу, отказаться отъ матери и жены, отъ всего человѣческаго. Семенъ довелъ себя, по его собственнымъ словамъ, до такой „точки", что можетъ „голый на землѣ спать и траву жрать: и дай Богъ всякому". И онъ приводитъ случай изъ своихъ житейскихъ наблюденій, какъ одинъ господинъ, изъ ссыльныхъ, изводитъ себя изъ-за больной любимой женщины—изводить, по его мнѣнію, напрасно, потому что она все равно помретъ. А помретъ она,—продолжаетъ Семенъ,—человѣкъ этотъ повѣсится съ тоски, или въ Россію убѣжитъ, а тамъ его, дѣло извѣстное, поймаютъ, судить будутъ, каторга, плетей попробуетъ... Но татарина не убѣдить этимъ примѣромъ. Пусть каторга, пусть

тоска, за то господинъ этотъ живетъ, какъ человѣкъ; у него есть жена и дочь, онъ знаетъ, зачѣмъ живетъ. Какъ разъ во время этой бесѣды съ противоположнаго берега раздается требованіе перевоза; оказывается, что это ѣдетъ въ поиски за докторомъ тотъ самый ссыльный, о которомъ разсказывалъ Семенъ. Когда тарантасъ перевезли и проѣзжій ускакалъ, Семенъ пустилъ ему въ догонку насмѣшку: ищи, молъ, настоящаго доктора, догоняй вѣтра въ полѣ... Но татарину эти слова показались уже слишкомъ отвратительными, и онъ далъ Семену такую отповѣдь на своемъ ломаномъ языкѣ: „Онъ хорошо... хорошо, а ты—худо. Ты худо. Баринъ хорошая душа, отличный, а ты звѣрь, ты худо. Баринъ живой, а ты дохлый... Богъ создалъ человѣка, чтобъ живой былъ, чтобъ и радость была, и горе было, а ты хочешь ничего, значитъ, ты не живой, а камень, глина. Камню надо ничего и тебѣ ничего... Ты камень—и Богъ тебя не любитъ, а барина любитъ".

Чеховскій татаринъ оказывается на сторонѣ дѣятельной любви къ жизни, вѣрности нравственнымъ устоямъ. И въ пьесѣ М. Горькаго („На днѣ") подобный же татаринъ является живымъ воплощеніемъ народнаго здраваго смысла и здороваго отношенія къ упорядоченной внутреннимъ закономъ жизни. Это случайное совпаденіе довольно любопытно. Отъ него одинъ шагъ къ признанію этихъ чертъ въ русскомъ мужикѣ, которому онѣ болѣе къ лицу, при всемъ хаосѣ его понятій и безтолковости въ жизненномъ укладѣ. Въ таинственной глубинѣ темнаго народнаго чувства сверкаютъ искры глубокой любви къ жизни и вѣра въ возможность ея совершенства. Богъ народныхъ массъ—Богъ живой, жизнедѣятельный, Богъ труда, терпѣнія и любви. Подъ какой бы грубой оболочкой ни теплилась эта вѣра, она не вызываетъ отчаянья и безнадежной скорби у того, кто сочувственнымъ и непредубѣжденнымъ взоромъ вглядывается въ сложныя извилины народной души. Онъ самъ проникнется этой вѣрой и скажетъ, что у такого народа есть будущее, ради котораго стоитъ помочь ему выйти изъ темноты и убожества...

Мы должны вернуться къ той исторической перспективѣ, въ которой г. Чеховъ занялъ по настоящее время, волею судебъ русской литературы и своего таланта, свое особое мѣсто. Сильнѣйшая—бытописательная—сторона этого таланта заставляетъ скорѣе отнести г. Чехова къ тому направленію, которое до него и при немъ создавалось художниками, посвящавшими свои силы изобра-

женіямъ различныхъ сторонъ жизни народнаго и народно-буржуазнаго быта. Не говоря о давнихъ попыткахъ, направленіе это, сказавшись высокими образцами живописи у Тургенева, Некрасова, Льва Толстого, мрачными красками у Григоровича и Никитина, перешло въ новую фазу своего развитія въ произведеніяхъ Глѣба Успенскаго, Рѣшетникова, Златовратскаго, Левитова, Петропавловскаго, подчинявшихъ свое творчество идеямъ о народномъ благѣ и о путяхъ къ его достиженію; наконецъ, безъ крайнихъ увлеченій народнической тенденціей, въ смягченной формѣ болѣе непосредственной художественности оно вылилось въ группѣ такихъ писателей, какъ Короленко, Маминъ-Сибирякъ, г-жа Дмитріева, и продолжаетъ законно существовать въ жизни, вѣрное старымъ завѣтамъ добра, свободы и правды. Г-нъ Чеховъ принадлежитъ къ этой послѣдней группѣ писателей, но и здѣсь у него особое положеніе. Его дарованіе по блеску, конечно, никто не станетъ сравнивать съ талантомъ Тургенева или Льва Толстого. По глубинѣ вдумчивости въ народную жизнь его едва ли можно ставить на одну доску съ Глѣбомъ Успенскимъ; по части знанія быта онъ, конечно, уступитъ мѣсто и Рѣшетникову, и Левитову, хотя обоихъ далеко превосходитъ чувствомъ художественной мѣры и изяществомъ кисти. Своими наблюденіями надъ жизнью низшихъ слоевъ русской интеллигенціи онъ возбуждаетъ много вопросовъ, если можно такъ выразиться, интимно-общественнаго свойства, но среди нихъ едва ли найдутся такіе вопросы, которыхъ не ставила бы предшествовавшая г. Чехову публицистика въ обобщенныхъ или конкретныхъ формахъ. Достаточно указать на одного Салтыкова,—въ колоссальномъ наслѣдствѣ котораго мы не разобрались до сихъ поръ,—чтобы видѣть, какъ мало новаго вноситъ г. Чеховъ, въ этомъ публицистическомъ смыслѣ, своими изображеніями всяческаго убожества, худосочія, разныхъ золъ и бѣдъ нашей общественной жизни. Даже изображенія процессовъ различныхъ душевныхъ болѣзней и всяческихъ видовъ неврастеніи и безволія, обусловленнаго чаще физіологическими, чѣмъ иными причинами, г. Чеховъ далеко не представляетъ собою исключительнаго явленія, такъ какъ и въ этомъ отношеніи у него были предшественники, гораздо дальше его ушедшіе—Достоевскій и Гаршинъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, уступая каждому изъ этихъ писателей порознь въ основномъ мотивѣ ихъ дѣятельности, г. Чеховъ каждому изъ нихъ отвѣтилъ той или иной стороной своего таланта, душевныхъ симпатій, склонностей и общечеловѣческихъ стремленій. Однако, оставаясь вполнѣ самостоятельнымъ въ своемъ творчествѣ, г. Чеховъ почти не коснулся тѣхъ мучительныхъ

вопросовъ общественной совѣсти, которыми болѣли его могучіе духомъ предшественники, и то настроеніе, которое господствуетъ въ его поэзіи, далеко не явилось итогомъ, подведеннымъ (какъ полагали нѣкоторые) ихъ мучительнымъ и страстнымъ попыткамъ приблизиться къ идеалу общественнаго блага. Лишь въ одномъ случаѣ можно признать въ г. Чеховѣ—„уже историческое явленіе",—если понимать творчество его какъ фокусъ, вобравшій въ себя косые лучи разочарованія, сомнѣнія, утомленія русской прогрессивной мысли.

Въ такомъ случаѣ это историческое явленіе, этотъ фокусъ—только этапъ для больныхъ, малодушныхъ и отставшихъ, и мы на немъ не остановимся долго. Жизнь ушла впередъ, и волны ея начинаютъ безпокойно биться о прибрежные камни. Подъ грозой и непогодой, онѣ поютъ бурную пѣсню борьбы и приволья, поютъ о томъ, что въ нихъ много несокрушимой мощи, и что мертвая зыбь вчерашняго штиля прошла навсегда безвозвратно...

Не устоять „чеховскимъ" настроеніямъ передъ этимъ порывомъ жизненныхъ силъ, окрыленныхъ надеждой, озаренныхъ блѣдными лучами занимающейся зари.

Евг. Ляцкій.

СЕРЬГИ

Парижскій разсказъ.

Les Boucles d'Oreilles, conte parisien.

Изъ Франсуа Коппé.

I.

Поденщица-швея, вставъ на зарѣ съ постели,
Въ туманѣ утреннемъ по улицѣ спѣшитъ
Къ привычному труду у герцога въ отэлѣ,
Гдѣ грифы у воротъ съ короной держатъ щитъ.
Въ дешевомъ платьицѣ, богатомъ вкусомъ женскимъ,
Въ перчаткахъ, съ зонтикомъ, летитъ она стрѣлой
Среди мастеровыхъ, предмѣстьемъ Сэнжерменскимъ
Идущихъ медленно тяжелою стопой.
Вотъ во дворѣ она. Скрипитъ подъ каблучками
Сырой песокъ. Въ верблюжьей курткѣ грумъ,
Съ собакой на цѣпи, съ сигарой межъ зубами,
Ей улыбается; но не идутъ на умъ
Ребенку скромному любезности и взгляды
Нахаловъ конюховъ, и не тая досады,
Не глядя на него, съ разсерженнымъ лицомъ
Поденщица шаги къ подъѣзду ускоряетъ.

Здѣсь мѣсяцъ шьетъ она и, право, не желаетъ
Условій выгоднѣй... Три франка со столомъ!
Въ отдѣльной комнатѣ, съ глядящимъ въ садъ окномъ,
Работа ждетъ ее и кофе ароматный.

Все здѣсь ей говоритъ о жизни благодатной,
Не знавшей бѣдности, не вѣдавшей тоски.
Въ каминѣ огонекъ. На мраморѣ доски
Красуется фарфоръ китайскихъ бездѣлушекъ.
Въ багетахъ золотыхъ на расписныхъ панò
Съ цвѣтами пастушкѝ у ногъ своихъ пастушекъ.
Обои бѣлые. Глядитъ весна въ окно.
Конецъ пришелъ зимѣ. Ужъ молодой травою
Украсился лужокъ. Сквозь сѣть нагихъ вѣтвей
Приходскій виденъ храмъ, вознесшійся стрѣлою,
И носятся надъ нимъ десятки голубей.
Все свѣтитъ дѣвочкѣ улыбкой и привѣтомъ,
Когда она сидитъ съ иголкой за столомъ,—
Все свѣтитъ въ комнатѣ, включительно съ портретомъ:
  Носатымъ предкомъ, скачущимъ верхомъ,
Въ кирасѣ, съ лентою, и золотымъ жезломъ
  Какъ бы войскамъ дающимъ повелѣнье—
Побѣдой завершить немедленно сраженье!

  А были для нея крутыя времена!
Работа долго ей нигдѣ не находилась.
  Какъ хорошо, что наконецъ рѣшилась
Поговорить съ сестрой Агатою она!
  Пришлось имъ исповѣдоваться вмѣстѣ.
Она повѣдала свою нужду сестрѣ;
Та видѣла швею не разъ въ монастырѣ,
Прослушала ее. И вотъ—она на мѣстѣ.
Уже съ второго дня ей велѣно ходить
На ежедневную работу къ герцогинѣ.
  Какъ къ ней добры! Какъ стали съ нею нынѣ
Здѣсь, въ мірѣ роскоши, богатства, говорить:
Словами „барышня" и „если вамъ угодно"!
Въ ней робости ужъ нѣтъ, ей хорошо, свободно
Въ просторной комнатѣ, у этого окна.
По временамъ на садъ, на церковь взоръ бросая,
Погружена въ свой трудъ, шьетъ ревностно она,
  Наперсткомъ иглы тонкія ломая.
  Къ ней герцогиня входитъ иногда
И дочери ея, бывающія въ свѣтѣ,
Другъ съ другомъ схожія, готовыя всегда—
  Поговорить съ швеей о туалетѣ.
Простушка бѣдная—въ восторгѣ отъ господъ.

„А, здравствуйте, Эмэ!.. Ну, какъ шитье идетъ?
Что, подвигается отдѣлка пенюара?“
И, заколовъ иглу въ ткань блѣднаго фуляра,
Двумъ сестрамъ-барышнямъ, склоненнымъ надъ столомъ,
Дать объясненіе готовится гризетка,
Какъ рюшкой обошьетъ имъ пенюаръ кругомъ.
И увлекаются бесѣдою нерѣдко
О женскихъ тряпкахъ дѣвушки втроемъ.
Съ любовью барышенъ гризетка ожидаетъ.
И тонкій ароматъ ихъ дорогихъ духовъ,
И нѣжный цвѣтъ лица, и звукъ ихъ голосовъ—
Все нѣжитъ вкусъ ея и чувства услаждаетъ.
А сестры говорятъ: „Она—искуснѣй фей!
Мамаша, посмотри! Вотъ—прелесть! И какъ скоро!“
Тепломъ согрѣтое привѣтливаго взора,
Дитя работаетъ все лучше, все быстрѣй.
Вниманье и любовь портниху окружаютъ.
Съ прислугою ее на кухнѣ не сажаютъ.
Въ ливреѣ и чулкахъ со скатертью лакей
Въ часъ завтрака несетъ треножникъ круглый ей.
Сѣвъ за накрытый столъ съ гербами на приборѣ,
Здѣсь ѣстъ она на дорогомъ фарфорѣ;
И вкусная ѣда, и крупныхъ фруктовъ видъ
Удвоиваютъ въ ней здоровый аппетитъ.
Ей хорошо. Она довольства цѣну знаетъ.
Бездѣлка всякая и каждый уголокъ
Въ палатахъ роскоши простушку занимаетъ.
Такъ въ темной комнатѣ хирѣющій цвѣтокъ,
Лишь солнце видѣвшій весною въ отдаленьи,
Когда іюньскій лучъ въ окошко на мгновенье
Въ полдневный часъ его обитель навѣститъ,
Изъ мрачнаго угла улыбкою даритъ.

II.

Но вечеръ подошелъ. Отложена работа.
Пора въ обратный путь поденщицѣ домой.
Пройдя съ гербомъ и грифами ворота,
Она смѣшалась вновь съ шумящею толпой.
Газъ въ фонаряхъ зажженъ; въ зеленоватомъ небѣ
Легъ желто-розовый заката нѣжный тонъ.
Спѣшатъ прохожіе къ домамъ со всѣхъ сторонъ
Съ мечтой объ очагѣ, объ ужинѣ, о хлѣбѣ.
Она торопится,—далекъ ея конецъ,
Не меньше мили ей до бѣднаго жилища,
Гдѣ ждетъ изъ школы мальчиковъ отецъ
И незатѣйливо состряпанная пища.
Швея задумалась объ общемъ ихъ отцѣ,
Двухъ женъ во цвѣтѣ лѣтъ утратившемъ вдовцѣ.
Подъ лямкой станъ его немолодой согнулся.
Да дома ль онъ теперь? Не пьяный ли вернулся?
Какъ бы опять дѣтей-малютокъ не побилъ!
Онъ буенъ во хмелю. Сегодня день получки.
Не разъ случалось съ нимъ—по двое сутокъ пилъ!..
И, выбраться стремясь скорѣе изъ толкучки,
Въ заботахъ о семьѣ идетъ швея домой,
Похвалъ красѣ своей не слыша за собой.
У погребка замѣтивъ на порогѣ
Гуляку, на ногахъ нетвердаго, она
Спѣшитъ испуганно сойти съ его дороги,
Внизъ опустивъ глаза, вся въ мысль погружена.
Впередъ бѣжитъ дитя средь общаго движенья,
Солидностью къ себѣ внушая уваженье.
Пяти-этажный домъ въ концѣ ея пути;
На отдаленной онъ окраинѣ столицы,
Гдѣ у людей—разбойничія лица.
Взбѣжавъ на самый верхъ, она спѣшитъ войти
Къ себѣ. Ну, такъ и есть! Тревожила забота
Не даромъ дѣвушку. Справлялась вновь суббота
Ея отцомъ, столь падкимъ на вино!
Изъ школы мальчики, которымъ замѣняла
Сестра ихъ мать, вернулися давно,
И одиночество въ квартирѣ ихъ страшило.

Она управилась поспѣшно съ очагомъ
И, успокоивъ братьевъ, столъ накрыла,
Дала поѣсть и лампу имъ зажгла.
Когда, насытясь поздно, у стола
Они надъ школьными тетрадями заснули,
Эмэ задумалась...

О, Боже, какъ скучна
Ей эта комната! Пропитана она
Вся ѣдкимъ запахомъ плохого керосина.
Оборванное кресло у камина
Съ торчащимъ волосомъ; на немъ—облѣзлый котъ;
Съ отодраннымъ угломъ дешевая картина,
Къ стѣнѣ прибитая: Гамбетта-патріотъ
Въ одеждѣ мѣховой, съ открытой головою,
Ведетъ войска въ аттаку за собою.
Въ лохмотьяхъ дѣти спятъ. Какая нищета!
Къ роскошному дворцу влечетъ ее мечта,
Къ просторной комнатѣ изъ атмосферы душной,
Къ прекраснымъ завтракамъ, къ заманчивымъ сластямъ,
Къ супругѣ герцога любезной и радушной,
Къ ея молоденькимъ, прелестнымъ дочерямъ,
Входящимъ весело, держась за талью,
Не озабоченнымъ до вечера съ утра,
Не ознакомленнымъ съ нуждою и печалью,
Счастливымъ нынче, завтра и вчера.
Сравнить ихъ жизнь съ ея существованьемъ!
Какъ будто зависть въ ней! Гризетка съ содроганьемъ
Изъ сердца гонитъ это чувство прочь...
Усталость голову къ плечу ея склоняетъ.
Такая тишина Эмэ здѣсь окружаетъ,
Что долѣе со сномъ бороться ей—не въ мочь...
Она проснулася отъ грохота паденья:
То пьянаго отца свершалось возвращенье.

III.

Недѣля протекла въ трудѣ безъ перемѣнъ.
Вокругъ Эмэ, какъ прежде, все сіяетъ.
Весна въ саду въ права свои вступаетъ.
Все тѣ же пастушки въ цвѣтахъ глядятъ со стѣнъ

И въ лентахъ розовыхъ ихъ бѣлыя овечки,
И предокъ, приподнявъ высоко на уздечкѣ
Ретиваго коня, какъ прежде, надъ врагомъ
Побѣду одержать приказъ даетъ жезломъ.

Швея работаетъ. Къ ней въ новомъ туалетѣ
Заходятъ барышни. Какъ сестры эти
Другъ съ другомъ схожи платьемъ и лицомъ!
„Мы вамъ подарокъ маленькій несемъ",—
Съ улыбкой говоритъ ей старшая:—„мы носимъ
Все одинаково, какъ знаете, съ сестрой
И раздаемъ бездѣлицы порой.
Одну изъ паръ серегъ принять васъ просимъ,
Другую пару мы ужъ отдали Жюли".
И на щекахъ Эмэ піоны расцвѣли;
Въ смущеніи она еще похорошѣла;
Не знаетъ, что сказать, не вѣря и глазамъ.
Но прежде, чѣмъ найти слова она успѣла,
Онѣ ей говорятъ: „Отдайте ушки намъ!"
Шалуньи милыя готовы въ восхищеньи
Отъ выдумки своей скакать до потолка.
Вотъ покраснѣвшія, какъ пурпуръ, два ушка
Счастливой дѣвушки—въ ихъ временномъ владѣньи.
Въ одно мгновеніе, какъ ни была сложна,
Задача ихъ успѣшно рѣшена.
Гдѣ было стеклышко, товаръ дешевый рынка,—
Голубоватою сіяющей звѣздой
Дрожалъ сапфиръ на вѣткѣ золотой.

„Какъ ей къ лицу! Восторгъ! Она—блондинка!
Скорѣе зеркало! Пусть смотрится сама!".
И бѣдное дитя не сходитъ чуть съ ума:
Во снѣ-ль она иль въ мірѣ дивныхъ сказокъ?
Себя-ль гризетка видитъ предъ собой?
Какъ блещетъ свѣтъ каменьевъ голубой
Вблизи сіяющихъ лазурью неба глазокъ!
Глядитъ изъ зеркала дѣйствительно она!
Ей отъ волненія—то холодно, то жарко.
А для виновницъ этого подарка—
Ему такая же дешевая цѣна,
Какъ вишнямъ, собраннымъ въ саду фруктовомъ лѣтомъ
И на уши дѣтьми взамѣнъ серегъ надѣтымъ.

IV.

Подходитъ ночь. Прошло еще семь дней.

Эмэ идетъ домой поспѣшными шагами.
Сегодня сестры надавали ей
Коробокъ, свертковъ разныхъ со сластями.
Ихъ младшая съ крестинъ богатыхъ принесла.
Однако бѣдная швея не весела.
Ея отецъ исчезъ на трое сутокъ
И пропилъ все, чтò въ домъ успѣлъ принесть.
Она оставила сегодня двухъ малютокъ,
Не зная, будетъ ли имъ къ ночи чтò поѣсть.
Пропойца—такъ къ стыду она отца ругаетъ—
Просить на фабрикѣ въ счетъ будущихъ работъ
Хотѣлъ хозяина. Получитъ ли? Кто знаетъ!
Пришла домой—отца не застаетъ.
Ахъ, онъ неисправимъ! Безъ хлѣба—мальчуганы,
Въ холодной комнатѣ. А у нея карманы
Конфектами полны. Эмэ, открывъ буфетъ,
Глядитъ въ него напрасно: хлѣба нѣтъ.
„Мы ѣсть хотимъ!"—ей старшій заявляетъ.
Уныло ждетъ голодный младшій братъ.
Случайно въ зеркало разбитое бросаетъ
Она растерянный въ безпомощности взглядъ
И видитъ, какъ горятъ въ ушахъ ея сережки,
А мальчикамъ на ужинъ нѣтъ ни крошки!
Ломбардъ открытъ еще... Она бѣжитъ за дверь.
Не лягутъ дѣти спать голодными теперь.

Но ей—какая ночь! Сна не было въ поминѣ!
Чтò дѣлать дѣвочкѣ? Какъ по утру идти
Рѣшится безъ серегъ бѣдняжка къ герцогинѣ!
Какъ взгляды барышенъ швеѣ перенести!
Все что-ли высказать? Признаться имъ въ закладѣ?
Повѣдать о нуждѣ голодныхъ богачамъ,
О пьяницѣ-отцѣ, о всемъ домашнемъ адѣ!
Вдругъ вѣры не дадутъ они ея словамъ!
А коль повѣрятъ ей,—пожалуй, хуже будетъ!
Ей подаянье вдругъ предложатъ! Никогда!

Нѣтъ, нѣтъ! Эмэ дорогу навсегда
Въ радушный домъ скорѣе позабудетъ,
Но въ добрыя сердца сестеръ, такъ милыхъ къ ней,
Принявъ въ нуждѣ отъ нихъ благотворенье,
Боится заронить къ себѣ пренебреженье...
О, выносите ей, счастливцы, приговоръ!
Не въ мѣру гордою, до крайности стыдливой
Швею признайте вы,—народъ счастливый!
А я ее люблю, жалѣю безъ конца.—
Для мальчиковъ-сиротъ, для пьянаго отца,
Какъ тò еще зимой холодною бывало,
Когда ей продавать матрацъ и одѣяло
Случалось для семьи, увидите ее
Вновь шьющею за франкъ солдатское бѣлье!

V.

Съ сестрой Агатою пришлося герцогинѣ
За мессой встрѣтиться вчера въ монастырѣ.
При дочеряхъ она передала сестрѣ,
Что по невѣдомой ни для кого причинѣ
Ея любимица покинула ихъ домъ,
Гдѣ были къ ней добры и, кажется, ласкали.
Сестра отвѣтила въ смущеніи большомъ:
„О, какъ неблагодарны люди стали!"

Перев. Н. Б. Хвостовъ.

ИЗЪ
АМЕРИКИ ВЪ ЯПОНІЮ

I.

На Сандвичевы острова.

13 мая 189... года мы вышли изъ Санъ-Франциско на пароходѣ „Gaelic", принадлежащемъ извѣстной компаніи „Пиэндо" (P. and O.), какъ сокращенно называется „Peninsula and Oriental Company". На „Gaelic" намъ предстояло переплыть Тихій океанъ, съ заходомъ на Сандвичевы острова и въ нѣсколько портовъ Японіи. „Gaelic" дѣлался нашимъ жилищемъ почти на мѣсяцъ. Поэтому, только-что скрылась изъ глазъ земля, пассажиры начинаютъ устроиваться и знакомиться съ пароходомъ.

Несмотря на то, что, по размѣрамъ своимъ, пароходъ нашъ гораздо меньше пассажирскихъ гигантовъ Атлантическаго океана, несмотря на то, что обстановка пассажирскихъ помѣщеній далека отъ пресловутой роскоши „Lucania" и другихъ подобныхъ плавучихъ отелей Атлантическаго океана, „Gaelic" производитъ на насъ пріятное впечатлѣніе, которое лишь усиливается и дѣлается болѣе сознательнымъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ нимъ. Его умѣренные размѣры исключаютъ необходимость тщательной изоляціи пассажировъ отъ судовой службы, которая проходитъ на „Gaelic"'ѣ на глазахъ публики. Невольно у пассажировъ является интересъ ко всему, что̀ касается парохода, и процессъ плаванія становится для пассажира болѣе или менѣе сознательнымъ. Капитанъ и офицеры не имѣютъ особой жилой

палубы и, за исключеніемъ вахтеннаго времени, находятся все время среди пассажировъ.

Внимательное отношеніе къ пассажирамъ пошло дальше заботъ о комфортѣ данной минуты: для спасенія пассажировъ, на случай аваріи, на „Gaelic“ приняты такія разумныя мѣры, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ. На второй день плаванія, капитанъ и офицеры предупреждаютъ пассажировъ, каждаго отдѣльно, что черезъ часъ будетъ произведена пожарная тревога и спускъ спасательныхъ ботовъ, и затѣмъ предлагаютъ, если угодно, принять участіе въ маневрѣ; при этомъ раздаютъ списокъ всѣхъ шлюпокъ на пароходѣ, списокъ офицеровъ и матросовъ по каждой шлюпкѣ; пассажиры также расписаны по шлюпкамъ. Послѣ маневра, въ которомъ охотно всѣ приняли участіе, каждый пассажиръ уже точно зналъ шлюпку, въ которой ему пріуготовлено мѣсто, зналъ офицера—командира своей шлюпки, и даже матросовъ. Маневръ среди плаванія былъ повторенъ, причемъ пассажиры ознакомлены съ мѣстами нахожденія пожарныхъ крановъ, рукавовъ, спасательныхъ круговъ, буйковъ и т. п. Ничего подобнаго нѣтъ на пароходахъ Атлантическаго океана, да и не можетъ быть при нынѣшнемъ положеніи вещей, такъ какъ на пароходахъ-гигантахъ нѣтъ и не можетъ быть спасательныхъ средствъ въ количествѣ, достаточномъ для поднятія многотысячной толпы. Помимо того, что пассажиры большихъ пароходовъ, въ случаѣ аваріи съ пароходомъ, лишены возможности спастись внѣ своего парохода, громадная опасность грозитъ имъ даже въ случаѣ ложной тревоги отъ паники, неизбѣжной въ скученной толпѣ самихъ пассажировъ.

Тотчасъ по отходѣ парохода, раздаютъ списки пассажировъ. Съ нами ѣдутъ 65 пассажировъ перваго класса, изъ нихъ 46—до Гонолулу. Относительная немногочисленность общества, съ другой стороны—продолжительность плаванія по неволѣ заставляютъ всѣхъ перезнакомиться. Въ противоположность нивеллированной толпѣ пассажировъ между Европой и Америкой, общество „Gaelic“'а отнюдь нельзя назвать безцвѣтнымъ: попадаются весьма яркіе оригиналы мѣстныхъ типовъ. Такъ, напр., недалеко отъ меня за обѣденнымъ столомъ сидитъ обитатель Гонолулу, m-r N. Разговоръ съ нимъ, по началу, идетъ туго, такъ какъ онъ говоритъ на такомъ исковерканномъ англійскомъ языкѣ, что его съ трудомъ понимаетъ сосѣдъ мой, m-r M., прирожденный англичанинъ, занимающій на пароходѣ должность завѣдывающаго грузовой частью. Напротивъ насъ сидитъ супруга m-r'a N., молодая дама, еще не утратившая цвѣтной окраски

кожи, съ курчавыми, черно-синяго цвѣта, волосами, со сверкающими бѣлками глазъ, съ ослѣпительно-бѣлыми зубами, въ общемъ представляющая яркій типъ уроженки Сандвичевыхъ острововъ. Для перваго дня, пока общество еще не перезнакомилось, разговоръ за столомъ не клеится; разговариваютъ больше офицеры парохода и добродушный, симпатичный капитанъ. Разговаривая съ капитаномъ, я задаю ему, очевидно, животрепещущій вопросъ: какой національности нашъ пароходъ? „О, англійскій, конечно; въ случаѣ войны, мы дѣлаемся транспортомъ англійскаго военнаго флота". Всѣ офицеры сочувственно киваютъ головами, кромѣ одного, m-r Ch., который, послѣ обѣда, отведя меня въ сторону, говоритъ: „Пароходъ принадлежитъ акціонерной компаніи, въ которой преобладаютъ американцы, и, въ случаѣ войны, онъ будетъ американскимъ, а не англійскимъ транспортомъ".

Среди пассажировъ много молодежи, ѣдущей на вакантное время въ Гонолулу, и они шумятъ не мало, и шумомъ своимъ вносятъ не мало оживленія въ монотонную пароходную жизнь. По утрамъ всѣ они одѣты въ разныя фуфайки своихъ колледжей и клубовъ и усиленно занимаются гимнастикой и спортомъ. Здоровая, толстощекая дѣвочка, лѣтъ дьѣнадцати, одѣта въ синюю фуфайку, съ громадными бѣлыми буквами ABC на груди. На вопросъ, какъ называется школа, форму которой она носитъ, она отвѣчаетъ, что носитъ форму гребного клуба, членомъ котораго она состоитъ.

Самымъ оригинальнымъ пассажиромъ, безспорно, является master Max A. L., четырехъ лѣтъ отъ роду, ѣдущій самостоятельно изъ С.-Франциско въ Іокогаму и гуляющій по палубѣ съ вагончикомъ на веревочкѣ. Ему купили билетъ и сдали его на пароходъ въ С.-Франциско, а въ Іокогамѣ его встрѣтятъ родители. Конечно, капитанъ и горничныя присматриваютъ за нимъ, но избѣгаютъ дѣлать это очень открыто, такъ какъ самостоятельный джентльменъ при этомъ сердится. Какъ-то попросили его уйти изъ курительной комнаты, сказавъ, что мальчикамъ тутъ не мѣсто. Выйдя изъ курительной, онъ сейчасъ же предупредилъ другого карапуза: „Не ходите въ курительную комнату, тамъ можете имѣть непріятности".

Пассажирская жизнь на пароходѣ начинается рано; ежедневно, въ семь часовъ, надъ головами пассажировъ убираютъ палубу, обильно поливая ее водой и вытирая гравіемъ. Все это съ шумомъ стекаетъ по наружнымъ стѣнамъ каюты; швабры и щетки, которыми при этомъ энергично вытираютъ палубу, на-

столько жестки, что, съ непривычки, при первомъ пробужденіи, намъ грезились петербургскіе дворники, сгребающіе съ панелей снѣгъ. Временемъ до восьми съ половиной часовъ, когда подается первый завтракъ, пассажиры пользуются, чтобы взять морскую ванну. До перваго завтрака у англичанъ постановлено не быть знакомыми съ дамами; поэтому, не взирая на присутствіе дамъ, по палубѣ проходятъ босикомъ мужскія фигуры, завернутыя въ простыни или купальные халаты, идущія купаться или возвращающіяся изъ купальни къ себѣ въ кабины. При этомъ предполагается, что босые кавалеры не видятъ встрѣчающихся въ корридорахъ дамъ, не должны видѣть, а тѣмъ болѣе замѣчать, узнавать и здороваться. Этотъ англо-американскій порядокъ наблюдался нами и въ Атлантическомъ океанѣ, и на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ онъ весьма существенно восполнялъ неудобства спальныхъ вагоновъ.

На нижней палубѣ устроенъ водяной резервуаръ изъ парусовъ. Длина бассейна около трехъ саженъ, ширина—тоже, глубина—по плечи взрослому человѣку. Надъ бассейномъ устроенъ трамплинъ для ырянія. Вода постоянно пополняется сильнымъ насосомъ прямо изъ океана. Едва проснувшись, еще не совсѣмъ проснувшись, вы вскакиваете съ постели, натягиваете на себя купальную фуфайку, набрасываете халатъ и босикомъ бѣжите черезъ весь пароходъ на трамплинъ, и только въ водѣ просыпаетесь окончательно. Надо оговориться, что не вездѣ близъ тропиковъ возможно такое купанье. Въ Индійскомъ океанѣ, даже въ Красномъ морѣ, при высокой температурѣ воздуха, такое купанье въ холодной морской водѣ не только не освѣжаетъ, но, по мнѣнію врачей, вредитъ. На тѣхъ же широтахъ въ Тихомъ океанѣ, при умѣренной температурѣ воздуха, благодаря вѣчному ровному бризу, купанье—очаровательно. Въ восемь съ половиною часовъ всѣ собираются въ столовой; всѣ одѣты, поэтому всѣ видятъ другъ друга и здороваются между собою. Завтракомъ оффиціально начинается день на пароходѣ. Послѣ перваго завтрака на палубѣ большой шумъ: пассажиры занимаются играми и гимнастикой. Приборовъ для игръ и гимнастики много. Есть качели, трапеціи, висячія кольца, резиновые шнуры для вытягиванія. Рядомъ съ пожилымъ пассажиромъ, съ серьезнымъ видомъ методически вытягивающимъ резиновые шнуры, еще болѣе пожилой пассажиръ съ еще болѣе сосредоточеннымъ видомъ накидываетъ веревочныя кольца на шестъ. Подъ низкимъ потолкомъ коротко подвѣшенъ крѣпко надутый кожаный мячъ, величиною больше человѣческой головы, для упражненія

въ боксѣ. Нѣкоторые студенты очень ловко дерутся съ этимъ мячомъ, для чего надѣваютъ на кулаки особыя перчатки; стукъ при этомъ поднимается страшный.

Ко второму завтраку всѣ переодѣваются изъ гимнастическихъ фуфаекъ въ обыкновенные „тропическіе" костюмы. Послѣ завтрака на палубѣ тише. Большинство погружено въ чтеніе. Подъ вліяніемъ попутнаго легкаго бриза, голубого моря и синяго неба, а иногда синяго моря и голубого неба, около двухъ часовъ дня, замѣчаются усиленное дремота и сонъ пассажировъ на верхней палубѣ.

Иногда, передъ обѣдомъ, устроиваются общественныя состязанія на скорость бѣга, на ловкость. Особенно большое веселье доставляетъ такъ называемый „обезьяній бѣгъ" (monkey race). Съ потолка надъ палубой спущены двѣ веревочныя петли, не доходящія до полу вершка на четыре. Состязающіеся становятся на четвереньки, вкладываютъ ноги въ петли и, пятясь на рукахъ, должны провести мѣломъ на полу черту. Выигрываетъ тотъ, кто дальше проведетъ черту. Обыкновенно, какъ подниметъ такая „обезьяна" руку, такъ ее и повернетъ ногами впередъ.

Затѣмъ слѣдуетъ „картофельный бѣгъ" (potatoes-race). Ставятъ рядомъ столько ведеръ, сколько состязающихся, и отъ каждаго ведра, въ разстояніи двухъ шаговъ одна отъ другой, раскладываютъ десятка полтора картофелинъ. Надо собрать ихъ въ ведро, но нельзя приносить болѣе одной картофелины за-разъ.

Въ программу obstacle-race входятъ разныя препятствія, напр., въ одномъ мѣстѣ каждый состязающійся долженъ остановиться, откупорить лежащую бутылку лимонада, изъ горлышка выпить весь лимонадъ, и только тогда продолжать путь; въ другомъ мѣстѣ состязающійся долженъ пролѣзть сквозь положенную для того на палубѣ полотняную вентиляціонную трубу, длиною до пяти саженъ, далѣе—сквозь желѣзную трубу, на ходу откусить кусокъ отъ подвѣшенной на высотѣ рта булки, пролѣзть сквозь подвѣшенный спасательный кругъ и окончить состязаніе прыжкомъ въ бассейнъ для купанья. Состязаніямъ предшествуютъ выборы комитета и предсѣдателя, обсуждается программа, которая затѣмъ печатается; вечеромъ, послѣ состязаній, устроивается собраніе, говорятся спичи, раздаются призы.

Остановившись такъ подробно на описаніи этихъ игръ, я имѣлъ въ виду отдать хотя нѣкоторую дань уваженія той серьезности, съ которой здѣсь относятся къ организаціи общественныхъ игръ и непосредственные участники, и зрители.

Всякій веселится по своему. На нижней палубѣ въ III-мъ классѣ

съ утра до вечера идетъ азартная игра въ кости. Банкъ держатъ китайцы. Иногда,—должно быть, когда какой-нибудь обыгрываемый ими „бѣлый дьяволъ" начинаетъ находить, что его проигрышъ требуетъ объясненія,—среди играющихъ поднимаются шумъ и драка. При крупной дракѣ въ дѣло вмѣшивается пароходная администрація и разгоняетъ игроковъ,—иногда помпой. Въ нашей курительной комнатѣ тоже образовалась постоянная игра въ кости. Компанію, очевидно, обыгрываетъ банкометъ, но здѣсь обыгрываемые довольствуются своимъ проигрышемъ, и дѣло обходится безъ вмѣшательства пароходной администраціи.

Ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ подается обѣдъ, проходящій неизмѣнно въ одной и той же обстановкѣ, съ одними и тѣми же сосѣдями, съ однообразными консервами, съ неизмѣнно подаваемыми тропическими дессертами изъ разныхъ lychees-nuts и alligators-pears и, наконецъ, съ неизбѣжными цыплятами-акробатами, прозываемыми такъ за мускулатуру, развитую ими за счетъ мяса, подъ вліяніемъ акробатическихъ упражненій въ клѣткахъ во время качки.

Послѣ обѣда на палубѣ образуются разныя группы; слышны молодые голоса въ дружныхъ хоровыхъ пѣсняхъ; поются серенады подъ аккомпаниментъ разныхъ бандуръ, сандвичевыхъ балалаекъ. Иногда появляется граммофонъ и организуются танцы; въ вечерней обстановкѣ Тихаго океана веселье молодежи пріобрѣтаетъ какой-то особый, поэтическій оттѣнокъ.

Послѣдній вечеръ наканунѣ прихода въ Гонолулу былъ особенно хорошъ и подарилъ насъ сначала двойной полной радугой, а затѣмъ картиной пурпурныхъ облаковъ, кидавшихъ красные рефлексы на черно-синее море. Вмѣстѣ съ быстро наступившей ночью вызвѣздилось южное небо, и мы до глубокой ночи оставались на носу парохода, любуясь фосфоресценціей воды и самосвѣтящимися моллюсками; иногда точно электрическій фонарь плыветъ мимо парохода громадная медуза; иногда точно ракета изъ-подъ носа парохода разсыплются сотни искръ въ морской бѣлой пѣнѣ; иногда же—кто знаетъ, почему—загорается прозрачнымъ зеленоватымъ свѣтомъ гребень волны безъ пѣны и зигзагомъ убѣгаетъ въ море, какъ прозрачная, блестящая змѣя...

II.

День въ Гонолулу.

Раннимъ утромъ пароходъ нашъ медленно движется между бѣлыми бурунами рифовъ, проходитъ мимо прибрежнаго маяка и, миновавъ буруны, вступаетъ на рейдъ города Гонолулу, расположеннаго на островѣ O-a-hu Гавайскаго архипелага. На пристани, къ которой мы причаливаемъ, насъ ожидаетъ разноплеменная толпа: англичане, американцы, темнокожіе туземцы, канаки, китайцы и японцы.

Практика путешествій научаетъ многому; еще вчера я воспользовался бесѣдой съ однимъ изъ пассажировъ нашего парохода, мѣстнымъ сахарнымъ плантаторомъ, mr. Sch. Вооруженные почерпнутыми изъ бесѣды съ нимъ немногими, но практическими указаніями, мы смѣло сошли съ парохода, получивъ „отпускъ" до десяти часовъ вечера, когда пароходъ долженъ былъ уйти изъ Гонолулу. Аттакованные мѣстными извозчиками, мы говоримъ имъ нашъ маршрутъ и, поглядывая въ свою записную книжку, не сходимся съ ними въ цѣнѣ, такъ какъ извозчики требуютъ 15 долларовъ и приходятъ въ ужасъ отъ предлагаемыхъ 5-ти долларовъ. Mr. Sch. предвидѣлъ этотъ случай, рекомендовалъ намъ не смущаться и пройти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Тотчасъ около пристани мы проходимъ мимо крытаго базара, пріятно поражающаго своей чистотой. Мѣстныя темнокожія матроны, очевидно, лишь подъ давленіемъ полицейскихъ требованій, имѣютъ на себѣ широчайшія бѣлыя кисейныя блузы-капоты; кромѣ того, у нѣкоторыхъ въ рукахъ вѣеръ. Къ мужскому костюму полиція относится, очевидно, менѣе требовательно; мы встрѣчаемъ мѣстныхъ джентльменовъ, единственный костюмъ которыхъ состоялъ изъ купальной culotte. Нѣсколько такихъ босыхъ кавалеровъ очень умѣло пользуются велосипедами, исполняя обязанности посыльныхъ. Среди этой полу-райской обстановки мы идемъ по улицамъ, придерживаясь конножелѣзныхъ рельсъ. Первый же попавшійся намъ извозчикъ соглашается исполнить требуемую отъ него экскурсію за 5 долларовъ. Экипажъ—четырехмѣстный шарабанъ съ зонтикомъ, запряженный долговязой гнѣдой клячей; кучеръ—китаецъ, говорящій на такъ называемомъ „pigeon-englisch", представляющемъ исковерканный англійскій языкъ, исковерканный при томъ настолько, что англичане, слышащіе его въ первый разъ, не сразу понимаютъ. Но въ то же время pigeon-english

является вполнѣ установившимся однообразнымъ языкомъ для всего Востока, отнюдь не допуская разнообразія въ способѣ коверкать англійскій языкъ. Существуютъ даже путеводители съ вокабулами на pigeon-english, ставшемъ натуральнымъ воляпюкомъ Дальняго Востока. Разсказываютъ, что къ помощи pigeon-english прибѣгаютъ китайцы даже для взаимнаго объясненія между собою, такъ какъ различныя нарѣчія китайскаго языка настолько отличаются другъ отъ друга, что китайцы сѣверныхъ провинцій плохо понимаютъ китайцевъ съ юга.

Утро жаркое, немного душное. Начинается не то что дождикъ, а что-то въ родѣ тумана. По городу дорога сносная, но тотчасъ за городомъ мостовая кончается; дорога чѣмъ дальше, тѣмъ больше начинаетъ напоминать наши степные проселки; кляча едва вытягиваетъ легкій шарабанъ изъ распустившейся глины. Вѣтеръ усиливается, съ каждымъ порывомъ нагоняя туманъ, заволакивающій кругомъ насъ виды на окрестности. Иногда порывъ вѣтра разорветъ туманную завѣсу, предъ нами откроется на минуту уголокъ окружающаго пейзажа, но слѣдующій порывъ вѣтра нагоняетъ опять туманъ. Мы, очевидно, въ центрѣ циклона. Кучеръ въ отчаяніи. По его словамъ, такая погода была здѣсь десять лѣтъ тому назадъ. На какомъ-то небольшомъ подъемѣ рвется упряжь. Кое-какъ связываемъ ее веревкой, пробуемъ ѣхать дальше; кляча не тянетъ на гору, пятится, и мы рискуемъ быть опрокинутыми въ придорожную канаву. Кучеръ заявляетъ, что надо вернуться, прибавляя, для вящшаго соблазна, что онъ готовъ за это уступить намъ долларъ. Мимо насъ, совершенно какъ тюль въ театрѣ, несутся по землѣ облака. Порывъ вѣтра приподнимаетъ кусочекъ этого занавѣса и показываетъ заманчивый видъ на горы, куда мы стремимся. Мы забываемъ всѣ дорожныя невзгоды, забываемъ, что на насъ нѣтъ сухой нитки, что насъ обдуваетъ при этомъ вѣтеръ, забываемъ, что кучеръ соблазняетъ насъ возможностью нажить долларъ, — и распоряжаемся ѣхать впередъ. Еще часъ мученія, и мы пріѣзжаемъ въ Pali. Кучеръ останавливается у скалы и говоритъ, что дальше онъ не можетъ ѣхать, такъ какъ вѣтеръ можетъ перевернуть экипажъ. Идемъ провѣрить его. Вѣтеръ сшибаетъ съ ногъ, но что ни шагъ впередъ, тѣмъ интереснѣе. Обогнувъ скалу, вы вдругъ видите океанъ на большой глубинѣ подъ вами; на громадное разстояніе вы видите разбросанные по океану острова архипелага; на нѣкоторыхъ дымятся вулканы. Кругомъ тѣснятся высокія, причудливыхъ формъ, скалы; въ дикихъ пропастяхъ и ущельяхъ клёкчутъ орлы. При безоблачномъ небѣ

надъ океаномъ реветъ буря. Въ тѣсную долину, по которой мы проѣхали, бѣшено врывается холодный вѣтеръ, сталкивается съ теплымъ воздухомъ, и съ нашей открытой площадки, залитой солнечнымъ свѣтомъ, мы любуемся пляской облаковъ въ долинѣ.

Назадъ мы ѣдемъ гораздо веселѣе, безъ пререканій съ кучеромъ: и дорога идетъ подъ гору, и вѣтеръ дуетъ попутно, да и погода улучшается; при подъѣздѣ къ городу вѣтеръ стихаетъ, туманная завѣса испаряется. Долина, по которой мы ѣдемъ, вся разработана подъ плантаціи. Культивируются, главнымъ образомъ, кофе и сахаръ, но попадаются и бананы, и кокосовыя пальмы, и прочіе представители мѣстной флоры. Въ городъ мы въѣзжаемъ уже при совершенно ясномъ небѣ и легкомъ тепломъ бризѣ, среди ярко сверкающей, только-что напоенной субтропической растительности. Проѣхавъ городомъ нѣсколько кварталовъ, мы круто сворачиваемъ влѣво и, выѣхавъ изъ города, начинаемъ подниматься на потухшій вулканъ Punsh-bow-hill. Довольно пологая и отлично укатанная дорога нѣсколько разъ винтомъ огибаетъ песчаный холмъ. Панораму, открывающуюся съ вершины кратера на утопающій въ зелени городокъ, на дикое ущелье Pali, на гору Diamond-Head, на океанъ и архипелагъ—трудно забыть тому, кто ее видѣлъ. Въ порту и на рейдѣ, за бѣлой линіей буруновъ, видно много судовъ и пароходовъ. Городокъ—какъ на ладони. Примирившійся со мною кучеръ разсказываетъ намъ всѣ достопримѣчательности и указываетъ нынѣшнее мѣсто пребыванія ех-королевы.

По той же дорогѣ, кружась около вершины кратера, спускаемся въ городъ и ѣдемъ завтракать въ „Hawaian-Hôtel". Завтракъ происходитъ въ изысканной, не лишенной своеобразности, обстановкѣ. Многіе джентльмены—въ черныхъ визиткахъ, но въ бѣлыхъ панталонахъ. Дамы—въ легкихъ лѣтнихъ туалетахъ, но въ громадныхъ шляпахъ, которыя, очевидно, не могутъ быть легкими. Прислуга, вся въ бѣломъ, не служитъ, а священнодѣйствуетъ. Maître-d'hôtel — индусъ, въ богато расшитой шелками фескѣ. Вездѣ масса цвѣтовъ. Надъ головами, подъ потолкомъ, летаютъ легкіе вращающіеся вѣера, напоминающіе стрекозиныя крылья.

Послѣ luncheon мы пошли по городу пѣшкомъ. Главныя улицы города застроены чудесной архитектуры церквами, дворцами, школами. Всѣ зданія стоятъ особнячками и окружены садами. Металлическія рѣшетки садовъ щеголяютъ изысканностью рисунковъ и исполненія; цвѣтники за рѣшетками стоятъ рѣшетокъ. Особенно красиво смотрятъ пальмовыя аллеи: стройные, бѣ-

лые стволы красавицъ пальмъ, разсаженныхъ симметричными рядами, образуютъ величественную колоннаду съ естественнымъ полупрозрачнымъ сводомъ изъ зеленыхъ гигантскихъ листьевъ. Вообще, съ внѣшней стороны городъ безукоризненъ. Въ теченіе двѣнадцати часовъ не пришлось, конечно, познакомиться съ организаціей городского общественнаго хозяйства, но нельзя обойти молчаніемъ впечатлѣнія отъ случайнаго посѣщенія пожарнаго депо. Признавъ въ насъ иностранцевъ, остановившихся передъ открытыми дверями пожарнаго депо, одинъ изъ агентовъ депо весьма любезно показываетъ намъ его устройство. Въ случаѣ тревоги электрическій проводъ освобождаетъ одну скобку съ пружиной, вслѣдствіе чего всѣ лошади автоматически выводятся изъ стойлъ, автоматически подводятся къ дышламъ, сбруя автоматически запрягается на лошадяхъ—и обозъ готовъ къ выѣзду.

Чтобы добраться до общественнаго парка, „Ка-пі-о-ла-ни", мы сѣли въ вагонъ, запряженный ослами. Въ вагонѣ нѣсколько цвѣтныхъ дамъ въ широчайшихъ капотахъ, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ пальцы ногъ—большею частью босыхъ. Дамы преуморительно жестикулируютъ, съ весьма выразительной мимикой. Сидящая напротивъ насъ дама оживленно бесѣдуетъ съ такимъ же, какъ она, цвѣтнымъ кавалеромъ, на непонятномъ для насъ языкѣ. Но вдругъ эта дама сгребла свой носъ въ кулакъ, опустила голову на бокъ и стала конфузливо пофыркивать; кавалеръ ея въ то же время, запрокинувъ назадъ голову, весьма самодовольно хохоталъ, испуская отрывистые гортанные звуки. И весь вагонъ принялъ участіе въ мимической сценѣ,—нельзя было не понять ея.

Пара осликовъ бодрой рысью катитъ нашъ вагонъ по рельсамъ Nu-u-a-nu Avenue. Кондукторъ вагона предупредительно указываетъ намъ зданіе бывшаго дворца, занятое нынѣ присутственными мѣстами. Нѣсколько далѣе мы проѣзжаемъ мимо резиденціи нынѣшняго американскаго генералъ-губернатора. Площадь передъ этимъ дворцомъ украшена черной статуей короля Ka-me-ha-me-ha, изображеннаго въ туземномъ нарядѣ; такъ какъ черное тѣло короля изображается черной бронзой, и только одежды условно изображены золоченой бронзой, то статуя въ общемъ не грѣшитъ избыткомъ позолоты. На выѣздѣ изъ города расположено зданіе больницы, окруженное пальмовой рощей, лучшей изъ видѣнныхъ нами. Непосредственно за городомъ мы проѣзжаемъ черезъ обширную болотистую мѣстность, обращенную въ плантацію банановъ. Среди плантаціи виднѣются шалаши сторожей; иныхъ жилищъ нѣтъ. За этой, очевидно, нездоровой мѣст-

ностью, дорога выходитъ на благоустроенное прибрежье, застроенное виллами и дачами. Вагонъ останавливается у общественнаго парка Ka-pi-a-la-ni; пассажиры оставляютъ вагонъ и спѣшно направляются въ паркъ. Пѣшеходовъ обгоняютъ нарядные экипажи, управляемые бо̀льшею частью дамами, иногда и темнокожими; среди экипажей галопируютъ на великолѣпныхъ лошадяхъ всадники, одѣтые въ рубашки, большія соломенныя шляпы, широкіе кушаки и бѣлые ботфорты со шпорами. Увлекаемые общимъ потокомъ, торопимся и мы вмѣстѣ со всѣми по этому тропическому парку съ гигантской растительностью, но съ умѣреннымъ климатомъ, благодаря вѣчному бризу. Попадаемъ на скаковой кругъ, врядъ ли имѣющій въ свѣтѣ соперниковъ по красотѣ обстановки. Еще пять минутъ—и мы радуемся, что не опоздали, пріѣхавъ какъ разъ во̀-время — къ началу. Выѣзжаютъ два жокея: нарядный, въ красномъ, на красивой, нарядной, горячащейся гнѣдой лошади; второй — жокей въ зеленомъ — на рыжей лошади. Дистанція—3/4 мили, около версты. Зеленый разъ десять останавливается передъ стартомъ, истомляетъ краснаго и затѣмъ приходитъ первымъ въ 1 минуту 18 3/4 секунды. Скачки окончены безъ протестовъ со стороны публики, при шумныхъ аппплодисментахъ зеленому побѣдителю. Толпа стремится къ выходу; мы рѣшаемъ сдѣлать прогулку по парку. Паркъ тщательно содержится и изобилуетъ водой, но на всѣ многочисленные островки можно попасть по изящнымъ мостикамъ. На берегу одного изъ озерковъ, поближе къ выходу изъ парка, мы присаживаемся въ ожиданіи вагона. Въ неподвижныя, тихія воды задумчиво смотрятся плакучія ивы. Въ отличіе отъ сѣверныхъ, мѣстныя ивы отличаются особенно тонкими побѣгами, отчего очертанія ихъ гораздо легче и воздушнѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Надъ всѣмъ тихимъ пейзажемъ сквозь кружево листвы сіяетъ ярко-синее небо; не жарко, вѣтеръ дуетъ мягко, безъ толчковъ. Не хотѣлось уходить изъ этого мирнаго, поэтическаго уголка, но пришелъ вагонъ; исполняя программу, заданную намъ m-r Sch., мы ѣдемъ на морскія купанья въ мѣстность, называемую Wai-ki-ki-Beach. Выйдя изъ вагона противъ Wright's Villa, мы входимъ въ ворота виллы и, пройдя черезъ садъ и террасу, попадаемъ на великолѣпный песчаный берегъ, о который тихо плещется океанъ; далѣе, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега, ревутъ буруны. Берегъ и тихія воды до буруновъ оживлены купающимися; на берегу подъ тѣнью пальмъ раскиданы кабины; между ними возвышается терраса ресторана, по мѣстному—lanais. Слѣва берегъ круто загибаетъ, и на мысу виденъ паркъ Ka-pi-o-la-ni,

въ которомъ мы только-что были. Среди купающихся и зрителей много пріѣзжихъ американцевъ и даже европейцевъ, отдыхающихъ и набирающихся силъ въ этомъ курортѣ, въ которомъ лечебный сезонъ продолжается круглый годъ.

Послѣ купанья, причемъ, конечно, мы держались въ приличномъ разстояніи отъ буруновъ, мы садимся на террасѣ lanais'а пить чай и смотримъ, какъ вѣчно ревущіе бѣлые буруны эксплоатируются купающимися для оригинальнаго спорта. Мѣстная молодежь, канаки, бросается на бурунъ, имѣя въ рукахъ нѣчто въ родѣ гладильной доски; бурунъ съ головокружительной быстротой несетъ ихъ нѣсколько десятковъ саженей и бережно выбрасываетъ въ тихія прибрежныя воды. Эта игра съ океанскимъ буруномъ такъ соблазнительна, что является желаніе снова раздѣться и принять въ ней участіе. Но это мѣстное народное катаніе съ горъ требуетъ очевидно особой сноровки и ловкости: нѣсколько „бѣлыхъ“ джентльменовъ своими неудачными попытками избавили насъ отъ желанія попробовать это удовольствіе и доставили большое удовольствіе толпѣ зрителей. Вообще, на берегу царятъ веселье и непринужденность: въ этой обстановкѣ не мѣсто сплину и чопорности.

Послѣ обѣда мы провели вечеръ въ „Hawaian-Hôtel“ на концертѣ, даваемомъ мѣстнымъ правительствомъ. На громадной эстрадѣ-галереѣ гостинницы, весьма комфортабельно обставленной разноцвѣтными электрическими лампіонами, мы встрѣтили двухъ нашихъ спутницъ-американокъ, пріѣхавшихъ провести два-три мѣсяца въ Гонолулу. Встрѣча съ обѣихъ сторонъ была искренно радостная; вотъ что̀ значитъ встрѣча послѣ совмѣстной продолжительной скуки при сознаніи, что врядъ ли эта совмѣстная скука можетъ повториться. Оркестръ игралъ на особой эстрадѣ городского сада въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей галереи. Среди тропическаго сада, подъ темнымъ, ярко вызвѣздившимся тропическимъ небомъ, великолѣпный оркестръ артистически исполнилъ „Ночь“ Рубинштейна. Опять не хотѣлось уходить отъ этой „Ночи“, но намъ пора на пароходъ. Ночь такъ хороша, что я устроился на палубѣ, проспалъ нашъ отходъ отъ пристани и проснулся уже въ открытомъ морѣ.

III.

Въ Японію.—Нагасаки.

Утромъ слѣдующаго дня пароходъ нашъ шелъ еще среди архипелага, и мы любовались островомъ Ka-u-a-i; затѣмъ вышли

въ океанъ на двѣнадцатидневное плаваніе на томъ же „Gaelic“, въ той же обстановкѣ, которая достаточно пріѣлась намъ за семидневный переходъ изъ С.-Франциско въ Гонолулу. Число пассажировъ поубавилось, такъ какъ взамѣнъ сорока-шести, оставшихся въ Гонолулу, вновь сѣло человѣкъ десять. Нѣкоторое развлеченіе внесъ англичанинъ m-r M., недурной пѣвецъ-любитель, успѣвшій заявить намъ, что его мать—русская графиня М. Такъ ли это—остается на совѣсти m-r M. Но поспѣшность его заявленія еще показала, что—какъ пришлось наблюдать за все время пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ—къ Россіи тамъ относятся далеко не съ презрѣніемъ, и если не съ любовью, даже далеко не съ любовью, то съ большою боязнью и даже съ уваженіемъ, насколько уваженіе можетъ проистекать изъ боязни.

Параллельно поспѣшности англичанина m-r M. приписаться въ родство къ русской націи, умѣстно привести разговоръ, который мнѣ пришлось имѣть въ тотъ же день вечеромъ. Облокотившись на бортъ, я засмотрѣлся на море. Со мной заговариваетъ сосѣдъ, сѣвшій на пароходъ въ Гонолулу. На мой вопросъ, не англичанинъ ли онъ, судя по его выговору, онъ отвѣчаетъ, что онъ британецъ, но не англичанинъ, а шотландецъ.

Вскорѣ послѣ отхода изъ Гонолулу, умеръ китаецъ-пассажиръ третьяго класса. Вопреки нашимъ ожиданіямъ, его не похоронили въ морѣ, а запаковали въ одну изъ пароходныхъ шлюпокъ и повезли на родину въ Шанхай. Китайцы такъ дорожатъ погребеніемъ на родинѣ, что изъ Америки періодически отправляются въ Китай пароходы, наполненные тѣлами китайцевъ.

Самымъ выдающимся событіемъ монотоннаго плаванія была пропажа цѣлаго дня. На четвертый день плаванія полуденный бюллетень показываетъ 176°46′ западной долготы отъ Лондона и 29°14′ широты. До завтрашняго полудня мы должны пересѣчь 180° меридіанъ отъ Лондона и перейти съ учета западной долготы на учетъ восточной. На этомъ меридіанѣ англійскіе пароходы, плывущіе на западъ, теряютъ день; поэтому на лѣстницѣ, ведущей въ салонъ, вывѣшено слѣдующее объявленіе: „Пароходъ Gaelic. Понедѣльникъ 5 іюня 189*. Завтра будетъ Среда 7 іюня“. Объявленіе подписано командиромъ парохода.

По мѣрѣ приближенія къ Японіи, мы выходимъ изъ области ровнаго бриза. Становится жарко, иногда слишкомъ вѣтрено и начинаетъ покачивать. Наканунѣ подхода къ Японіи ко всей духотѣ и скукѣ прибавился еще и дождь. Но зато въ четыре часа изъ-за вдругъ прояснившагося тумана мы увидали берега Японіи.

Первый разъ намъ пришлось побывать въ Японіи четыре года ранѣе описываемаго путешествія на „Gaelic". Въ послѣднихъ числахъ декабря, на четырнадцатый день бурнаго плаванія изъ Сингапура, на добровольцѣ „Владиміръ", причемъ насъ особенно трепало около Формозы, насъ разбудили извѣстіемъ, что виденъ берегъ острова Кіу-Сіу и входъ въ Нагасакскую бухту. Несмотря на декабрь, на палубѣ всѣ пассажиры—безъ пальто. За скучное плаваніе перечитано объ Японіи все, что было подъ рукой, пересмотрѣны всѣ гравюры. Большинство находится подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ описанія Японіи Pierre Loti въ его „M-me Chrysanthème". Впечатлѣнія отъ окружающей насъ оригинальной обстановки являются поэтому какъ бы предчувствованными, но дѣйствительность все-таки превосходитъ ожиданія. Глубоко вдающаяся въ материкъ, въ очень крутыхъ берегахъ извилистая Нагасакская бухта усыпана миніатюрными гористыми островками вулканическаго происхожденія. Чѣмъ дальше идемъ по заливу, чѣмъ ближе подходимъ къ Нагасаки, тѣмъ оживленнѣе становятся и рейдъ, и берега. Безжалостный судовой режимъ требуетъ въ одиннадцать часовъ къ завтраку. Но никто не высиживаетъ за столомъ до конца завтрака, такъ какъ нельзя же пропустить миніатюрный островокъ-горку Pappenberg, съ котораго когда-то топили въ морѣ христіанъ. Островокъ оригиналенъ своей компактностью, своими рѣзкими формами и темной, почти до черноты, листвой ростущихъ на немъ деревьевъ. Въ общемъ островокъ не лишенъ своеобразной прелести.

Едва пароходъ нашъ отдалъ якорь среди какъ бы закрытаго озера, со всѣхъ сторонъ окруженнаго панорамой горъ, на палубу полѣзли японцы, облѣпившіе пароходъ своими „фунэ", т.-е. лодками, съ крошечными каютами, какъ у венеціанскихъ гондолъ. Приводится въ движеніе такая фунэ однимъ весломъ, причемъ гребецъ, стоя на кормѣ, не вынимаетъ весла изъ воды, а дѣйствуетъ имъ на подобіе пароходнаго винта, отчего на ходу лодки сильно раскачиваются. За это раскачиваніе русскіе матросы мѣтко прозвали ихъ „юли-юли". Капитанъ парохода объявляетъ намъ, что предполагаетъ сняться съ якоря не ранѣе, какъ завтра вечеромъ, и мы съѣзжаемъ на берегъ, имѣя въ своемъ распоряженіи тридцать-шесть часовъ на знакомство съ Японіей. На пристани мы садимся въ кресла-одноколки (дженерикши), которыя мчатъ рысью люди, взявшись за оглобли. Послѣ пяти минутъ ѣзды рысью, причемъ въ Японіи всѣ держатся лѣвой стороны, мы пріѣхали въ „Hôtel Belle-Vue", содержимый какой-то француженкой. За двухдневное пребываніе въ Нагасаки, только съ этой

француженкой, да въ парикмахерской, пришлось говорить по-французски; во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Нагасаки международнымъ языкомъ былъ русскій языкъ, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ англійскому. И на рейдѣ— по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту—между военными судами преобладалъ русскій андреевскій флагъ.

Дорожа каждой минутой, отпущенной намъ на Японію, мы заняли въ гостинницѣ номеръ и тотчасъ же, всей съѣхавшей на берегъ компаніей пассажировъ, поѣхали на дженерикшахъ за двѣнадцать верстъ отъ Нагасаки, въ рыбацкую деревню Моги, дорога въ которую славится своей красотой. Проѣзжать пришлось черезъ весь городъ, который въ этотъ день имѣлъ праздничный видъ, такъ какъ японцы праздновали Новый годъ, такъ называемый „gan-jitzu". Японцы чтутъ пять большихъ праздниковъ въ году: 1, 3, 5, 7 и 9 числа 1, 3, 5, 7 и 9 мѣсяцевъ; изъ этихъ праздниковъ первое число перваго мѣсяца чтится наиболѣе.

Странно, непривычно чувствуемъ мы себя. Гуськомъ тянется нашъ поѣздъ; всѣ восемь дженерикши бѣгутъ въ ногу, налегая на оглобли, согнувшись; на всѣхъ одѣты одинаковыя бѣлыя грибообразныя шляпы, съ черными нумерами. Бѣлый грибъ шляпы на четырехъ стойкахъ прикрѣпленъ къ обручу, надѣваемому на голову; такимъ образомъ, между головой и шляпой свободно циркулируетъ воздухъ. Извиваясь змѣей, пробѣгаемъ мы по европейскому предмѣстью и далѣе катимся по узкимъ улицамъ торговыхъ кварталовъ. Всѣ лавки помѣщаются въ первыхъ этажахъ; во вторыхъ этажахъ лѣпятся японцы, задвинувшись отъ холода своими бумажными ширмами: это и есть стѣны домовъ. По случаю праздниковъ карнизы свѣсовъ надъ лавками украшены соломенными жгутами, съ которыхъ свѣшиваются, на аршинъ одна отъ другой, соломенныя метелки, придавая однообразный видъ всему городу. На соломенныхъ же жгутахъ, перекинутыхъ черезъ улицы, развѣваются національные японскіе флаги: бѣлое поле съ краснымъ шаромъ, изображающимъ восходящее солнце. Такіе же флаги украшаютъ двери и окна зданій; древки флаговъ—изъ легкихъ бамбуковыхъ тростей. Въ каждомъ домѣ, въ каждой лавкѣ выставлена новогодняя японская „ёлка", т.-е. два хлѣба, одинъ на другомъ, окруженные разными эмблемами, деревцо съ бонбоньерками и японскими фонариками, уродцами, свѣжія вѣтки съ какими-то красными ягодами, такія же вѣтки съ мандаринами и обязательно вездѣ красный ракъ, обозначающій, будто бы, престарѣлый возрастъ. Вездѣ праздничное настроеніе, праздничныя рожицы, очевидно, принаряженныхъ японцевъ и японокъ;

чудесный безоблачный день и чисто японскій пейзажъ мѣстности, очень живописный, но точно сокращенный, миніатюрный, вполнѣ отвѣчаютъ и толпѣ, и настроенію. Среди оживленной толпы поминутно встрѣчаются „батюшки" съ причтомъ, ходящіе съ новогодними поздравленіями изъ дома въ домъ, причемъ рѣзко отличаются своими рясами представители религій „синто" и „будда". У всѣхъ веселыя лица, какъ это и должно быть въ Японіи, въ Новый годъ. Дѣти японцевъ-куколъ смотрятъ еще болѣе куклами — маленькими куклами, одѣтыми совсѣмъ такъ же, какъ и взрослые, и замѣчательно ловко играютъ въ мячъ, въ воланъ и запускаютъ змѣя. Дѣвочки съ шести-семи лѣтъ напудрены, затѣйливо причесаны и ловко обмахиваются вѣеромъ; еще бы, и пора: въ двѣнадцать лѣтъ онѣ выходятъ замужъ за шестнадцатилѣтнихъ японцевъ, чѣмъ нѣкоторые и объясняютъ миніатюрность, въ которую выродилась японская нація. Вотъ среди такой обстановки, слегка покачиваемые нашими рысаками, мчимся мы за городъ, гдѣ красота, а главное оригинальность пейзажа превосходятъ самыя сильныя ожиданія. Приходится подниматься по отличному, но очень узкому шоссе, что̀, впрочемъ, не представляетъ неудобствъ, такъ какъ въ Нагасаки иныхъ экипажей, кромѣ дженерикши, нѣтъ. Попадаются по дорогѣ свирѣпые на видъ бычки, занузданные кольцомъ черезъ ноздри, и низкорослыя лошадки, но исключительно какъ вьючныя животныя; очень рѣдко можно видѣть верховую лошадь. Всѣ эти животныя не подкованы, но зато обуты въ соломенныя сандаліи. При каждомъ поворотѣ дороги открывается новый видъ, но всегда безъ особыхъ далей: то на городъ, то на рейдъ, то на рисовыя плантаціи, то на гору, съ боками чуть не отвѣсными, но разработанными террасами подъ рисовыя плантаціи, какъ не всегда въ Европѣ раздѣлываются и виноградники. Вообще каждый крошечный кусочекъ земли разработанъ и утилизированъ. Даже кладбища занимаютъ, по возможности, мало мѣста, для чего японцевъ хоронятъ въ сидячемъ положеніи.

На выѣздѣ изъ города, у подножія крутой каменной лѣстницы, ведущей въ буддійскую па̀году, кортежъ нашъ остановился принанять припряжку, т. е. по японцу на кресло, чтобы подталкивать кресла въ гору и придерживать ихъ на веревкѣ при крутыхъ спускахъ. Пользуясь остановкой, всѣ отправляются въ пагоду. Отъ этого намѣренія меня отклоняетъ одинъ изъ пароходныхъ нашихъ, японецъ Иванъ Акимовичъ К—асо̀, окончившій курсъ въ духовной академіи въ Россіи и направляющійся въ Токіо, чтобы занять мѣсто „профессора нравственности" въ та-

мошней духовной семинаріи. По мнѣнію Ивана Акимовича, пагоду я могу видѣть и завтра, а сегодня надо воспользоваться праздникомъ Новаго года и сдѣлать визитъ въ первый попавшійся домъ, что будетъ очень „по-японски“. Подъ предводительствомъ профессора нравственности я вошелъ въ ближайшія ворота, прошелъ черезъ миніатюрный садикъ съ карликовыми деревьями и попалъ въ гости къ кому-то: хозяйка, очевидно замужняя женщина, такъ какъ зубы у нея вычернены, а брови выбриты, въ отвѣтъ на нашъ поклонъ очень радушно присѣла-сложилась, вынула изъ-за кушака и подала намъ свои визитныя карточки, потребовавъ отъ насъ—наши; повертѣвъ мою карточку въ рукахъ, поудивлявшись на непонятные для нея іероглифы, японка, съ поклонами, положила наши карточки на блюдо передъ домашнимъ алтаремъ. Вся сцена происходила какъ въ театрѣ: хозяйка была въ домѣ, какъ на эстрадѣ; передняя стѣна дома, какъ театральная занавѣсь, была раздвинута; мы стояли въ саду, какъ въ партерѣ. Щадя безукоризненную чистоту домовыхъ циновокъ, мы не рѣшились подняться на нихъ въ обуви, несмотря на любезныя приглашенія хозяйки, которая сама ходила по циновкамъ, снявъ сандаліи.

За городомъ, по дорогѣ въ Моги, мы проѣзжали мимо чайныхъ домовъ, мимо бамбуковыхъ рощъ, мимо миніатюрныхъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе миніатюрнымъ ручейкомъ. Черезъ часъ съ чѣмъ-то пріѣхали въ Моги, проѣхали черезъ рыбацкую деревню и остановились у японскаго ресторана. Зданіе ресторана, какъ и всякій японскій домъ, состоитъ изъ деревяннаго, покрытаго циновками, пола, изъ столбовъ, поддерживающихъ потолки и крышу, и изъ потолка и крыши. Всѣ наружныя и внутреннія стѣны состоятъ изъ легонькихъ деревянныхъ рамъ, обтянутыхъ бумагой. Всю меблировку одного изъ отдѣльныхъ кабинетовъ, куда мы заглянули, составляли циновки на полу и жаровня съ углями. Забравшись въ такой кабинетъ, чувствуешь себя какъ въ шкатулкѣ; войти и выйти можно черезъ любое мѣсто въ любой стѣнкѣ,—стоитъ только отодвинуть раму, ходящую въ пазахъ, расположенныхъ на полу и по потолку. Впрочемъ, для европейцевъ въ ресторанѣ въ Моги сдѣлана большая уступка: имѣется комната со столомъ и стульями. За завтракомъ прислуживали двѣ японки, непрерывно кланявшіяся и безъ устали присѣдавшія. Какъ европейскій завтракъ, подали намъ огромныхъ, невкусныхъ устрицъ съ апельсинами, вмѣсто лимоновъ, что, впрочемъ, оказалось безразличнымъ, такъ какъ и апельсины, и лимоны лишены въ Японіи какого бы то ни было вкуса.

Какъ будто и справедливо замѣчаніе объ Японіи, что „цвѣты тамъ безъ запаха, фрукты—безъ вкуса"... Профессоръ-японецъ спросилъ себѣ національный обѣдъ. Ему подали теплую рисовую водку, сàкки, которую онъ пилъ изъ маленькой фарфоровой чашки. Затѣмъ подали уху въ мисочкѣ, но безъ ложки: уху полагалось пить изъ миски; для кусочковъ же рыбы, плавающихъ въ ухѣ, подали двѣ тоненькія точеныя палочки, замѣняющія наши ножикъ и вилку. Послѣ ухи внесенъ былъ большой подносъ, уставленный маленькими тарелками, которыя предлагаются въ извѣстной постепенности: за котлетой изъ рѣпы съ сахаромъ слѣдуютъ строганная сырая рыба, леденецъ, лукъ, котлета изъ рыбы, просахаренные бобы, цыпленокъ и т. д., безъ конца. Отдохнувъ и полюбовавшись, какъ ловко Иванъ Акимовичъ управлялся при помощи двухъ палочекъ съ рисомъ, который онъ ѣлъ сначала со сладкими бобами, потомъ—съ соей и, наконецъ, съ ухой, мы отправились обратно въ Нагасаки, причемъ почти всю первую половину дороги, идущую въ гору, съ удовольствіемъ прошли пѣшкомъ. Обогнали какую-то японку-крестьянку съ ребенкомъ за спиной, какъ принято здѣсь носить дѣтей; только-что мы взглянули на нее, тотчасъ же на лицѣ ея показалась привѣтливая улыбка, и, пріостановившись, она сдѣлала намъ граціозный поклонъ-книксенъ.

Всѣ японки, безъ различія классовъ общества и состоянія, весьма замысловато причесаны и шляпъ не носятъ. Чтобы не портить прическъ, онѣ спятъ на особыхъ подставкахъ, съ крошечной, вогнутой по формѣ шеи, подушкой, на которую онѣ и опираются затылкомъ, голова—на-вѣсу. Не носятъ шляпъ и мужчины; бо̀льшая часть японцевъ низшаго класса выходитъ на улицу безъ шляпъ, волоса на головѣ острижены бобромъ, физіономіи гладко выбриты, въ глазахъ свѣтятся юморъ и добродушіе; въ общемъ получается большое сходство съ французскими актерами-комиками. Но если такой японецъ одѣнетъ шляпу, то ужъ непремѣнно европейскій котелокъ; при этомъ на ногахъ у него бѣлые короткіе чулки, сшитые съ выдѣленнымъ большимъ пальцемъ, которымъ онъ держитъ перевязь отъ уродливыхъ деревянныхъ сандалій на высокихъ подставкахъ; надѣтый прямо на тѣло, узкій халатъ, стянутый кушакомъ и доходящій до щиколотки, оставляетъ открытой волосатую грудь. Сверхъ халата иногда одѣвается пиджачокъ съ широкими рукавами-мѣшками, въ которые японецъ прячетъ свои руки, широко разставляя локти и растопыривая на нихъ рукава. Нельзя не признать въ этой фигурѣ большого сходства съ вороньимъ пугаломъ. Объ-

европеивающійся японецъ охотно украшаетъ себя очками, и такая фигура медленно идетъ, подвигаясь мелкими шажками, громко стуча по мостовой шлепающими сандаліями и не стѣсняясь тѣмъ, что изъ-подъ полъ узкаго „киримона" мелькаютъ голыя колѣни.

Обѣдъ въ „Hôtel Belle-Vue" былъ подань по принятому въ экзотическихъ странахъ обычаю, т.-е. состоялъ изъ полутора десятка микроскопическихъ блюдъ. Рисъ и ѣдкія приправы играли существенную роль.

Послѣ обѣда намъ не повезло: пошелъ дождь—и не состоялся вечерній праздникъ на набережной, знаменитая новогодняя иллюминація нагасакскаго рейда. Чтобы какъ-нибудь убить время, поѣхали по магазинамъ, гдѣ разсматривали всякую японщину. Нѣсколько крупныхъ магазиновъ существуютъ, очевидно, лишь безпошлиннымъ ввозомъ во Владивостокъ. Особенно въ спросѣ дешевая деревянная мебель, покрытая блестящимъ японскимъ лакомъ. Мебель эта прекрасно выдерживаетъ сырое владивостокское лѣто, но съ наступленіемъ зимы, отличающейся во Владивостокѣ особой сухостью, всѣ японскіе драконы и цвѣты вздуваются и отваливаются, и пресловутая японская лакировка оказывается лакированнымъ картономъ, наклееннымъ на дерево. Весь этотъ товаръ, на языкѣ бывалыхъ людей, окрещенъ „японскими дровами". Несмотря на предупрежденія, и между нашими спутниками нашлись люди, увлекшіеся блескомъ этой дряни.

Вечеромъ, ложась спать, пришлось затопить чугунную печурочку, чтобы поднять температуру въ комнатѣ хотя до десяти градусовъ по Реомюру. Къ утру печурочку выдуло, оставивъ немножко угару и еще меньше тепла. Открывъ настежь дверь на балконъ, мы впустили въ комнату болѣе теплаго воздуха и наслаждались видомъ на рейдъ.

Послѣ завтрака, состоявшаго изъ чашки кофе и семи блюдъ, въ сущности изъ семи маленькихъ тартинокъ, мы поѣхали по городу исполнять программу туристовъ. Сегодня не праздникъ, всѣ лавки открыты и городъ имѣетъ совсѣмъ другой, чѣмъ вчера, видъ. Намъ особенно рекомендовали посѣтить японскій базаръ Хакусанба, на которомъ, по установленнымъ цѣнамъ, продается всякая дрянь на половину европейскаго происхожденія. Зубочистки — по копѣйкѣ десятокъ, почтовая бумага — по пятачку сотня, деревянные подстаканники — по двугривенному дюжина, раскупаются на-расхватъ. Судя по покупателямъ, которыхъ мы видѣли, базаръ живетъ, главнымъ образомъ, матросами иностранныхъ судовъ. Побывали мы, затѣмъ, и въ лучшихъ магазинахъ, и во очію убѣдились,—о чемъ, впрочемъ, насъ предупреждали,—что въ Нагасаки нельзя найти истинно-хорошихъ

японскихъ произведеній. Исключеніе составляетъ лишь Іезаки, такъ называемый „черепаха-человѣкъ", артистическія издѣлія котораго изъ черепахи и слоновой кости имѣютъ чуть не всесвѣтную извѣстность.

Благодаря любезности одного изъ членовъ русской колоніи, для насъ былъ заказанъ обѣдъ съ гейшами въ японскомъ чайномъ домѣ „Мару́-я́му". Не довѣряя японскимъ обѣдамъ, мы пообѣдали у себя въ гостинницѣ, и затѣмъ отправились въ „Мару́-я́му". Съ нами были супруги Т. и двое молодыхъ людей, спутниковъ нашихъ по пароходу. Хозяинъ празднества уѣхалъ, по дѣламъ службы, въ Токіо, и, вмѣсто себя, прикомандировалъ къ намъ европейски-образованнаго молодого японца, сына одного изъ своихъ мѣстныхъ пріятелей. Хотя къ „Мару́-я́му" мы подъѣхали еще засвѣтло, но двухъ-этажный домикъ былъ обвѣшенъ уже зажженными фонариками. При входѣ насъ попросили снять сапоги, и вся компанія прослѣдовала по циновкамъ, въ носкахъ и чулкахъ, въ назначенную намъ комнату, гдѣ мы встрѣчены были хозяйкой и прислужницами чуть не земными поклонами. Въ нѣкоторую уступку европейскимъ обычаямъ, на полу разложены семь подушекъ, на которыхъ мы усѣлись полукругомъ. Вслѣдъ затѣмъ, вышли семь гейшъ, отчетливо продѣлали церемонію привѣтствія съ боковыми, низкими поклонами и усѣлись передъ нами на корточкахъ. Всѣ гейши одѣты были однообразно въ шолковые свѣтло-голубые халаты (киримоны) съ широкими, яркими куша́ками, завязанными сзади громадными бантами. Всѣ вычурно причесаны, всѣ напоминали немножко куколъ съ оригинальными, но симпатичными рожицами. Внесли въ комнату и поставили на полъ, по угламъ, четыре высокихъ подсвѣчника съ нагорающими пальмовыми свѣчами, зажгли электрическую лампочку въ потолочномъ фонарѣ—и началось угощеніе. Обѣдъ вносили встрѣтившія насъ служанки и ставили его на маленькіе, круглые столики, между каждымъ гостемъ и его хозяйкой-гейшей. Каждое блюдо намъ подавали гейши, дѣлавшія очень огорченный видъ, если гость не до чиста справлялся съ блюдомъ. Остатки угощенія гейши завертывали въ мягкую японскую бумагу, которую онѣ доставали изъ широкихъ рукавовъ своихъ киримо́нъ и передавали гостю; этикетъ не позволялъ отказываться, и я привезъ къ себѣ почти весь обѣдъ, кромѣ ухи и сакки. Нѣкоторые спутники наши доставляли видимое удовольствіе гейшамъ, съѣдая весь обѣдъ дочиста и громко хваля и уху, и карамель, и строганную сырую рыбу, и маринованную рѣдьку. На дессертъ былъ поданъ рисъ, подававшійся, впрочемъ, ко

всѣмъ блюдамъ, какъ у насъ подается хлѣбъ, и совершенно несъѣдобныя конфекты, имѣющія видъ рыбъ, птицъ, драконовъ, цвѣтовъ. Сервировка, т.-е. палочки и бумажныя салфетки, тоже переданы намъ въ собственность. Разговоръ во время обѣда шелъ при помощи нашего японца. Если при этомъ недостаточно выяснялась степень умственнаго развитія гейшъ—на выясненіе чего, впрочемъ, мы и не разсчитывали,—всѣ мы единогласно признали благовоспитанность гейшъ и ихъ свѣтскій тактъ, обличавшіе принадлежность ихъ, до извѣстной степени, къ культурѣ. Наконецъ, обѣдъ кончился; всѣ чашечки, мисочки, бутылочки и подносики убраны, гейши разсаживаются по стѣнкѣ, между нами; три изъ нихъ берутъ свои трехструнныя гитары (самусѝнь) и настроиваютъ ихъ, ударяя костяными лопаточками (бàти). Двѣ маленькія дѣвочки-гейши берутъ барабанъ (цузумѝ), и начинается концертъ; поютъ гейши сквозь зубы и въ носъ; музыкальныя фразы очень коротки и однообразны. Послѣ двухъ-трехъ пѣсенъ начинаются танцы. Самая маленькая гейша, Томикò, дѣвочка лѣтъ десяти, одѣтая, конечно, какъ взрослая, причесанная также съ шиньономъ и шпильками, съ серьезной, набѣленной рожицей, начинаетъ какой-то пластическій танецъ, становясь въ чисто японскія, на нашъ взглядъ, уродливыя позы. Но, вглядываясь въ эти позы, мы начинаемъ находить въ нихъ какую-то своеобразную грацію, несмотря на вывернутые внутрь носки. Танецъ полонъ мимики, только рожица остается неподвижной. Поглядѣли мы на танецъ, и въ одинъ голосъ рѣшили, что передъ нами танцуетъ дитя, замаскированное взрослой дамой. Но то же впечатлѣніе осталось, когда вмѣсто десятилѣтней Томикò стала танцовать шестнадцатилѣтняя Кукихà, изображая ссору ревниваго мужа съ оправдывающейся женой, кончающуюся примиреніемъ супруговъ, благодаря вмѣшательству молодого друга дома. Всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ изображала одна и та же гейша, передъ началомъ всякой отдѣльной сцены становившаяся спиной къ зрителямъ и мѣнявшая въ это время характерныя маски. Затѣмъ двѣ гейши изображали бѣленье холстовъ, искусно работая полотенцами на подобіе серпантинъ. Гейши проводили насъ до прихожей, и пока мы обувались, предварительно подогрѣвая обувь на жаровняхъ, гейши оставались колѣнопреклоненными въ прощальномъ привѣтствіи.

Возвратясь домой, получили извѣстіе, что „Владиміръ“ на сутки откладываетъ свой отходъ.

Утромъ мы поѣхали въ японскій театръ „Сибайя“. Весь партеръ раздѣленъ невысокими стѣнками на небольшіе квадратики, въ

которыхъ и помѣщаются зрители, сидящіе на корточкахъ по четыре человѣка въ ложѣ. Въ отличіе отъ китайскаго театра, гдѣ преобладаетъ пѣвучая декламація, актеры японскаго театра играютъ весьма реально, за исключеніемъ суфлёра, перебѣгающаго по сценѣ за спинами актеровъ, но въ знакъ невидимости одѣтаго въ черное платье. Въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ, когда актеры замерли въ своихъ позахъ, изъ особой ложи рядомъ со сценой раздается гнусавый речитативъ, очевидно поясняющій душевное состояніе героевъ. На сцену актеры появляются не изъ-за кулисъ, а изъ зрительнаго зала, двигаясь черезъ весь партеръ по особымъ мосткамъ, двигаясь каждый традиціоннымъ, присущимъ роли шагомъ. Въ сильные моменты раздается звукъ какого-то деревяннаго инструмента. Перемѣна декорацій производится безъ опусканія занавѣса, поворачиваніемъ всей сцены на извѣстную часть окружности. Зрители ведутъ себя непринужденно: ходятъ, ѣдятъ, поправляютъ лампы.

Изъ театра мы поѣхали въ буддійскую пагоду Оссува. Къ храму ведетъ широкая, но очень крутая каменная лѣстница въ нѣсколько сотъ ступеней. У подножія лѣстницы и на всѣхъ площадкахъ ея стоятъ характерной формы ворота—безъ полотнищъ, съ приподнятыми кверху концами верхней перекладины. Около воротъ помѣщаются разныя выставки съ молитвенными дощечками, разные каменные и бронзовые чудища и идолы. На среднихъ площадкахъ появляются японки, всучающія свои визитныя карточки. Чѣмъ ближе къ храму, тѣмъ этихъ японокъ больше: храмъ окруженъ чайными домиками, расположенными въ священной рощѣ. Чѣмъ выше, тѣмъ очаровательнѣе видъ на городъ, рейдъ и горы. На послѣдней площадкѣ стоитъ знаменитая бронзовая статуя коня въ натуральную величину, отвратительно отлитая. Около ногъ коня лежитъ громадное ядро—трофей послѣдней японо-китайской войны. Поднимаемся по лѣстницѣ пагоды вплоть до того мѣста, гдѣ надо снимать обувь. Передъ нами площадка, за площадкой—алтарь подъ вычурной крышей. Мы останавливаемся у края площадки среди японскихъ сандалій. Здѣсь японцы снимаютъ обувь, въ однихъ носкахъ входитъ на площадку и, приблизившись къ пагодѣ, хлопаютъ въ ладоши; разбудивъ спящаго бога, кидаютъ ему мѣдную монетку черезъ всю комнату въ ящикъ. На наше счастье появляется жрецъ, весь въ бѣломъ, съ фригійскимъ колпачкомъ на головѣ; за нимъ двое ребятъ, тоже въ бѣломъ. Жрецъ благоговѣйно распростирается передъ алтаремъ, одинъ ребенокъ бьетъ въ тамъ-тамъ, другой марширует справа налѣво и обратно, очень серьезный

и позванивая побрякушками. Одинъ изъ спорныхъ религіозныхъ вопросовъ, на какомъ языкѣ совершать богослуженіе, на понятномъ для паствы, или на непонятномъ, у японцевъ разрѣшенъ блистательно: у нихъ богослуженіе нѣмое, пантомимное.

Кругомъ пагоды и выше ея раскинута тѣнистая роща камфорныхъ деревьевъ со стволами въ нѣсколько обхватовъ. Среди рощи около пагоды тѣснятся чайные дома. Выше чайныхъ домовъ камфорная роща имѣетъ нѣсколько видъ вѣкового, заброшеннаго парка, въ которомъ мы почти не встрѣчали гуляющихъ, хотя трудно придумать лучшія условія для санитарной станціи: роща расположена почти внѣ жилья, вблизи моря, на большой высотѣ надъ нимъ, со всѣхъ сторонъ прикрыта горами отъ сильныхъ вѣтровъ; подъ раскидистыми вѣтвями камфорныхъ деревьевъ всегда можно укрыться отъ солнца.

Только при спускѣ познали мы, насколько крута лѣстница, ведущая въ пагоду. Надо положительно удивляться ловкости японцевъ, спускающихся съ этой лѣстницы на сваливающихся съ ногъ высокихъ сандаліяхъ, да еще иногда съ ребенкомъ на спинѣ.

Смотрѣть въ Нагасаки, кажется, болѣе нечего. Но въ нашемъ распоряженіи еще нѣсколько часовъ. Открываемъ записную книжку, находимъ запись: „Эноси“. Наши дженерикши что-то намъ говорятъ, но мы ихъ не понимаемъ, упорно повторяемъ:—„Эноси“; они покорно становятся въ оглобли, привозятъ насъ на какую-то небольшую пристань и садятся съ нами въ лодку, оставивъ кресла на набережной; мы переплываемъ рейдъ и причаливаемъ у ресторана „Ойе-асанъ“, расположеннаго въ предмѣстьѣ Нагасаки—Эноси. Послѣ сквернаго „русскаго“ чая мы идемъ прогуляться по Эноси и сейчасъ же натыкаемся на цѣлый рядъ русскихъ вывѣсокъ, весьма откровенно перечисляющихъ все, что̀ можно получить гдѣ за тридцать, гдѣ за сорокъ копѣекъ. Тутъ даже русскія деньги въ ходу. На встрѣчу намъ движется толпа пьяненькихъ „иностранцевъ“ въ сапогахъ бутылками и въ мѣховыхъ шапкахъ. Не признавъ въ насъ русскихъ, компанія пускаетъ по нашему адресу задорное: „и чего это иностранцы шляются въ русскую Яносў“. Съ открытія Нагасакскаго порта иностраннымъ судамъ матросики размежевали себѣ городъ, и такъ какъ-то само собой, по молчаливому соглашенію командировъ судовъ, установилось, что русскіе матросы съѣзжаютъ только въ Эноси, и больше въ Нагасаки никуда. Французы имѣютъ свое мѣсто для съѣзда, и т. д. Въ Эноси, разсказываютъ, основались нѣсколько бѣглыхъ русскихъ матросовъ, которые затѣмъ

поженились на японкахъ и обзавелись хозяйствомъ; на улицахъ Эноси можно видѣть дѣтей русско-японскаго типа, свободно болтающихъ на обоихъ языкахъ. Только-что мы отвалили отъ пристани, сокративъ нашу прогулку по Эноси, съ берега раздалась лихая хоровая; пѣли не японцы, пѣли не черезъ зубы, а прямо горломъ, какъ поютъ гуляющіе россіяне. По возвращеніи на бортъ „Владиміра", выслушавъ отъ бывалыхъ людей разсказы объ Эноси, мы особенно оцѣнили деликатность и предусмотрительность нашихъ дженерикши, по собственному почину сопровождавшихъ насъ и неотступно, какъ тѣлохранители, ходившихъ за нами по пятамъ во время рискованнаго визита нашего въ Эноси.

Разбираясь въ „японскихъ" впечатлѣніяхъ послѣ перваго посѣщенія Нагасаки, мы не могли не придти къ заключенію, что по Нагасаки настолько же можно судить объ Японіи, насколько по С.-Франциско можно было бы судить объ Америкѣ, или насколько Портъ-Саидъ изображаетъ Египетъ. Въ Нагасаки, какъ во всякомъ большомъ портовомъ городѣ, „интернаціональные" нравы порта затираютъ, затушевываютъ мѣстную жизнь страны. Взаимное сходство между большими международными портами— большее, чѣмъ сходство между такимъ портомъ и его страной. Впрочемъ, изъ трехъ перечисленныхъ портовъ пальму первенства въ этомъ отношеніи по справедливости надо отдать египетскому Портъ-Саиду, не даромъ прозванному мусорнымъ ящикомъ всего свѣта.

Ѳ. Кнорингъ.

ВЪ
ИЗБРАННОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Когда Анна Дмитріевна Вязмина овдовѣла, ей было уже за пятьдесятъ. Она расплылась, посѣдѣла и начала испытывать ревматизмъ. Отъ ея былой выдающейся красоты осталась только горделивая осанка, капризное очертаніе губъ, властный холодный взглядъ свѣтлыхъ глазъ и привычка повелѣвать, распоряжаться...

Первые дни она была огорчена, много плакала, ходила немного сгорбившись, съ покраснѣвшими, точно испуганными глазами. Видѣть кого бы то ни было она не желала.

— Какое мнѣ до нихъ дѣло!—говорила она:—у меня свое горе.

Было отдано распоряженіе никого не принимать. При случаѣ швейцаръ передавалъ цѣлыя груды карточекъ, оставленныхъ посѣтителями, пріѣзжавшими выразить свое сочувствіе.

Вдова внимательно перебирала карточки съ строгимъ, пренебрежительнымъ лицомъ, точно провѣряла списокъ своихъ должниковъ.

— Князь Медынскій не былъ!—удивленно спрашивала она дочь.

— Не знаю, maman.

— Я тебѣ говорю: не былъ,—раздраженно подтверждала старуха.—А не мѣшало бы, кажется... И еще не были Пазухинъ и Завидловъ.

— Все равно—вѣдь вы никого не принимаете.

— Это мое дѣло. А пріѣхать—ихъ дѣло. Они должны были быть! О чемъ ты разсуждаешь?

Дочь умолкала, и обѣ онѣ часто подолгу сидѣли другъ противъ друга, ничего не дѣлая, безмолвныя, почти неподвижныя. Лицо вдовы было раздраженно и капризно, лицо дѣвушки—вяло и апатично. Быть можетъ, онѣ долго, мѣсяцами, могли бы жить въ этомъ оцѣпенѣніи, каждая съ своими думами, обособленныя отъ всего міра, но такъ какъ онѣ все-таки жили, то жизнь стала напоминать имъ о себѣ. Предстояли хлопоты о введеніи въ права наслѣдства, объ усиленной пенсіи. Ея превосходительство Анна Дмитріевна Вязмина ровно ничего не понимала въ дѣлахъ.

— Мнѣ надо самой, что-ли, думать обо всемъ этомъ?.. хлопотать?.. быть можетъ—прикажете даже—просить!..—широко раскрывая свои свѣтлые холодные глаза, спрашивала она знакомаго ей юриста.

— Да... кое-что... придется,—съ замѣшательствомъ отвѣтилъ ей молодой человѣкъ, съ которымъ она совѣтовалась, такъ какъ онъ былъ юристъ и казался Аннѣ Дмитріевнѣ подходящей партіей для ея дочери.

— Но я не могу... Я не хочу!

— Пугаться особенно нечего. Вы возьмете повѣреннаго...

— А если онъ меня обманетъ и обворуетъ? Я никогда не имѣла дѣла съ этими людьми. Скажите, неужели нѣтъ никакого закона, охраняющаго права женщинъ въ моемъ положеніи?

— Законъ всегда охраняетъ права...—началъ-было объяснять юристъ.

— Ахъ, нѣтъ! вы меня не понимаете,—перебила его Анна Дмитріевна.—Что мнѣ ваши законы! Они не избавляютъ меня отъ хлопотъ и безпокойствъ. Для „насъ“ можно было бы устроить все это какъ-нибудь иначе.

И она сама постаралась устроить свои дѣла такъ, какъ считала это возможнымъ и справедливымъ. Она рѣшила написать нѣкоторымъ, самымъ сановнымъ, знакомымъ и пріятелямъ мужа, и заставить ихъ похлопотать за себя.

Она усѣлась за свой миніатюрный письменный столикъ, вынула изъ кармана платокъ и положила его рядомъ съ собой. Потомъ она позвонила и приказала подать стаканъ воды и позвать барышню.

Barbe, вялая и апатичная, сейчасъ же пришла и сѣла.

— Ты знаешь, что мнѣ приходится просить о томъ, чтобы намъ дали кусокъ хлѣба?—строго спросила Анна Дмитріевна.

— Какой кусокъ хлѣба?—слегка удивилась Barbe.

— Тотъ, на который мы имѣемъ право,—съ горькой усмѣшкой объяснила мать.—„Мы имѣемъ право", но мы, все-таки, должны кланяться и просить. По завѣщанію мужа я—его полная наслѣдница, но для нихъ это еще ничего не значитъ. Нужны какія-то формальности.

— Для кого „для нихъ"?—равнодушно спросила дѣвушка.

— Для какихъ-то чиновниковъ, у которыхъ мы теперь въ полной зависимости. Какіе-то чиновники!.. Да, они чиновники, мелкія сошки, а я, жена генерала, должна у нихъ заискивать. Развѣ это не возмутительно?

Она стукнула кулачкомъ по столу, выпила глотокъ воды и вытерла платкомъ глаза.

— Maman,—нерѣшительно сказала дѣвушка,—можетъ быть, вы преувеличиваете. Хлопотать и заискивать—разница. Отцу тоже иногда приходилось хлопотать.

— Что?—спросила генеральша и широко раскрыла свои свѣтлые глаза, устремивъ на дочь холодный, властный взглядъ.

— Я говорю, что отцу...

— Отцу!—чуть не крикнула Анна Дмитріевна.—Отецъ былъ мужчина, а я... Женщина въ моемъ положеніи могла бы быть избавлена отъ удовольствія имѣть дѣло со всякими учрежденіями, гдѣ сидятъ люди... люди не нашего круга. И вотъ я обязана съ ними разговаривать. За что?

Barbe вздохнула и замолчала.

— Я могу уйти?—немного спустя, спросила она.

— Не стѣсняйся!—сердито отвѣтила мать.—Я тебя не задерживаю. Конечно, у тебя болѣе важныя дѣла...

Дѣвушка опять вздохнула, но не ушла. Она глядѣла, какъ Анна Дмитріевна нервно писала что-то на гладкихъ, небольшихъ листкахъ почтовой бумаги съ широкими черными каймами, какъ она отхлебывала воду и вытирала платкомъ сухіе глаза.

— Они обязаны для меня это сдѣлать,—наконецъ громко заключила она, надписывая конверты.

— Ты даже не интересуешься знать, кому я пишу?

Barbe думала о постороннемъ и невольно вздрогнула.

— Вы могли бы мнѣ отвѣтить, что это не мое дѣло.

Старуха встала, закутала одну руку шерстянымъ вязаннымъ платкомъ, такъ что она стала похожа на куклу, и потомъ, при-

жавъ эту руку къ груди и слегка покачивая ее, начала ходить по комнатѣ.

— Болитъ?—спросила дочь. Она не отвѣтила.

Губы ея горько улыбались, но осанка опять приняла прежній горделивый, величественный видъ.

„У меня своя забота, свое горе, своя боль. Что̀ мнѣ до другихъ!“—ясно говорило выраженіе ея лица.

Вскорѣ швейцару было отдано приказаніе: докладывать о посѣтителяхъ. Вязмина рѣшила, что будетъ принимать тѣхъ, кого ей пріятно или нужно видѣть. Съ нѣкоторыхъ поръ ей перестали подавать визитныя карточки, и это немного сердило ее.

— Мужъ умеръ, но я-то жива,—разсуждала она.—Не мѣшало бы навѣдаться... Естественно, что я не приняла. Теперь естественно, что я буду принимать.

Долго ждать ей не пришлось.

— Дорогая Annette! — стремительно говорила маленькая, круглая дама, вкатываясь въ гостиную въ сопровожденіи двухъ дочерей:—дорогая... Какъ только мнѣ сказали, что ты рѣшилась открыть свои двери... Ты, конечно, не сомнѣваешься... Богъ послалъ тебѣ крестъ. Онъ всѣмъ посылаетъ.

Анна Дмитріевна подняла плечи и слегка закатила глаза, а гостья, видимо очень довольная своимъ вступленіемъ, сперва притворилась, что едва удерживается отъ слезъ, потомъ сѣла на диванъ и съ нескрываемымъ любопытствомъ оглянула хозяйку.

— Ну, скажи же: внѣшнимъ образомъ въ твоей жизни ничего не должно измѣниться? Я хочу сказать: съ матеріальной стороны, по крайней мѣрѣ, все попрежнему, не правда ли?

— Развѣ я что-нибудь знаю? Развѣ мужъ когда-нибудь говорилъ мнѣ о всѣхъ этихъ мелочахъ?..—презрительно гримасничая, сказала генеральша.

— Ахъ, Annette, а вѣдь теперь тебѣ необходимо...

Вошла Barbe, и гостьи опять стали притворяться, что едва удерживаются отъ слезъ. Дѣвицы цѣловались и жали другъ другу руки, какъ послѣ очень долгой разлуки. Наконецъ, всѣ сѣли.

— Тебѣ теперь необходимо...—продолжала маленькая круглая дама.

— „Насъ“ могли бы избавить... Пусть мнѣ дадутъ то, что̀ мое, на что̀ я имѣю право... Если это мое право, мое имущество, то что̀ мнѣ за дѣло до „ихъ“ формальностей?

— О! вполнѣ, вполнѣ съ тобой согласна, Но, chère...

Обѣ дамы незамѣтно перешли на французскій языкъ. Дѣвицы сидѣли и слушали.

— И въ оперѣ не будете бывать?—тихо спросила старшая дочь круглой дамы.

— Не думаю... Развѣ это принято?—нерѣшительно отвѣтила Barbe.

— О, едва ли! Но у васъ абонементъ. Если захотите передать, передайте намъ. Непремѣнно намъ!

Въ гостиную вошла новая посѣтительница.

Анна Дмитріевна встала ей на встрѣчу, но та сдѣлала испуганное лицо, остановилась и замахала руками.

— Я не вѣрю, что „его" нѣтъ! я не вѣрю, что вижу васъ въ траурѣ! Я еще ничему не вѣрю! я не успѣла опомниться!—быстро, скороговоркой затараторила она.

— И все-таки это такъ. Это такъ!—съ величавой покорностью отвѣтила ей Вязмина.

Она, повидимому, вполнѣ допускала, что со дня смерти ея мужа эта барыня еще не пришла въ себя и все время держала себя такъ же странно, какъ теперь.

— Ну, да... Всѣ говорятъ: „это такъ", а я не хочу вѣрить, не хочу! Потому что это жестоко и несправедливо...

Она, наконецъ, рѣшилась поздороваться съ хозяйкой, съ Варей, быстро пожала руки гостямъ и упала въ кресло.

— Онъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы жить!—заявила она.—О, я всегда говорила: такіе люди не живутъ. Но вѣдь онъ выслужилъ пенсію, Анна Дмитріевна? Я ужасно безпокоилась. Я даже надоѣла мужу; все спрашивала: да неужели Николай Ивановичъ не выслужилъ пенсіи?

— Но вѣдь онъ былъ генералъ,—снисходительно напомнила Вязмина.

— Ну, еще бы! развѣ я этого не знаю! Но я ужасно безпокоилась... Пенсіи бываютъ разныя. Я все спрашивала мужа: сколько можетъ получать Анна Дмитріевна?

— Я только-что говорила Annette, что ей теперь необходимо...—вмѣшалась маленькая круглая дама.

— А я говорю, что если это мое право, то... Vous comprenez, Наталья Алексѣевна: я согласна, я готова просить людей, стоящихъ по своему положенію выше меня. Да, я согласна ихъ просить, хотя... хотя... Но не заставляйте меня имѣть дѣло съ какими-то мелкими чиновниками, ходить по какимъ-то учрежденіямъ...

— Но что же дѣлать! Конечно, въ этомъ случаѣ наше положеніе прямо ужасно. Я вполнѣ понимаю, но... enfin, Анна Дмитріевна...

— Vous comprenez, Наталья Алексѣевна...

— Enfin, Анна Дмитріевна...

— Chère Annette...

Дамы наговорились и разошлись, очень довольныя собой и другъ другомъ. Въ гостиной сразу стало очень тихо, точно оттуда вынесли нѣсколько клѣтокъ съ канарейками. Становилось темно, но Анна Дмитріевна не приказала зажигать лампъ и, повидимому, собиралась вздремнуть, удобно усѣвшись въ большое, мягкое кресло. Barbe постояла передъ окномъ, пощипала листъ финиковой пальмы и незамѣтно выскользнула изъ комнаты.

Варварѣ Николаевнѣ Вязминой было подъ тридцать лѣтъ. Она знала, что уже не молода, не красива и ей было очень скучно жить. По воскресеньямъ она ходила съ матерью въ церковь, въ удѣлѣ, дѣлала глубокіе реверансы знакомымъ дамамъ, выслушивала восторги по поводу прекрасныхъ проповѣдей священника, во время которыхъ многія дамы, и въ томъ числѣ ея мать, часто прикладывали платки къ сухимъ глазамъ. Тутъ же, въ церкви, Зуевы напоминали имъ о томъ, что ждутъ ихъ къ себѣ вечеромъ, такъ какъ воскресенье было ихъ пріемный день. Зуева была та самая маленькая, круглая дама, которая находила, что „Богъ всѣмъ посылаетъ свой крестъ“. Она приходилась дальней родственницей Вязминой. Ея крестомъ были, по всей вѣроятности, ея двѣ дочери, обѣ высокія, худыя и некрасивыя. Онѣ упорно не выходили замужъ и всюду слѣдовали за матерью, такъ что могло казаться, будто madame Зуева показывается въ гостиныхъ не иначе, какъ подъ конвоемъ. Какъ-то одинъ острякъ замѣтилъ при ея появленіи:

— Вѣра Петровна Зуева и ея жандармы.

Шутка была признана дурного тона, но прозвище „жандармовъ“ за дѣвицами Зуевыми осталось.

Всѣ знали и говорили о необычайныхъ стараніяхъ матери выдать дочерей замужъ.

— Вы знаете, она иногда доходитъ до... до крайнихъ предѣловъ,—перешептывались ея пріятельницы,—но надо войти въ ея положеніе: двѣ! Чтобы ѣхать куда-нибудь, имъ надо нанимать двухъ извозчиковъ или четырехмѣстную карету. C'est ridicule!

Но тѣ же пріятельницы очень охотно возили къ Зуевымъ, по воскресеньямъ, своихъ взрослыхъ дочерей и объясняли свое усердіе тѣмъ, что молодежь нигдѣ не веселится такъ, какъ на этихъ вечеринкахъ.

— Откуда только Вѣра Петровна добываетъ молодыхъ людей?—удивлялись онѣ.—У нея всегда цѣлый ассортиментъ хо-

лостыхъ мужчинъ, молодыхъ и пожилыхъ. Исчезаютъ одни—появляются другіе... Только... увѣнчаются ли всѣ эти труды успѣхомъ? Богъ вѣсть!

Въ этихъ замѣчаніяхъ всегда слышалась легкая иронія, но „трудами“ Вѣры Петровны пользовалась не она одна: всѣ маменьки особенно тщательно наряжали и прихорашивали своихъ дочерей, когда везли ихъ, къ Зуевымъ, а вечеромъ, въ будуарѣ хозяйки, почти непрерывно велись такіе разговоры:

— ...Вотъ этотъ, съ бородкой à la Henri IV?

— Штатскій, или военный?

— Штатскій.

— Такъ это же Любавинъ. Хорошаго рода, но... Отецъ—уѣздный предводитель. Есть имѣніе...

— Отчего же „но“?

— Семья—шесть человѣкъ дѣтей, изъ нихъ четыре брата. Земля заложена.

— Найдите мнѣ незаложенную землю!

— Да... И найдите мнѣ человѣка, про котораго нельзя было бы сказать „но“.

— Вамъ не кажется, что въ наше время они были?

— О, несомнѣнно! Люди удивительно мельчаютъ. Приходится учиться быть необычайно снисходительной. Взгляните, chère... Этотъ толстякъ... Эта фигура еще допустима въ гостиной Вѣры Петровны при ея... жаждѣ новизны. И то я бы сказала: едва допустима, едва.

— А вы знаете, кто это? Макуринъ. Нефтепромышленникъ. Вѣра вывезла его откуда-то... чуть не изъ самаго Баку. Сорокъ тысячъ годового дохода, excusez du peu.

— Ah... Я еще никогда не возила свою дочь въ Баку. А это, должно быть, интересно. Эти фонтаны... Почему мнѣ его не представили? Надо сказать Нетѣ, чтобы она разспросила его. Она такая любознательная.

Въ то время, какъ въ будуарѣ, превращавшемся въ воскресные вечера въ своего рода справочную контору, мирно бесѣдовали матери, гостиная предоставлялась въ полное распоряженіе молодежи.

— Ну, веселитесь!—простодушно рекомендовала имъ Вѣра Петровна. А сама убѣгала въ столовую и разсылала оттуда подносы съ чаемъ, печеньемъ, тортами и фруктами. Комната была слишкомъ мала, чтобы звать туда гостей.

Въ гостиной совершенно не знали, что̀ дѣлать. Смотрѣли альбомы, проглядывали ноты. Потомъ пили чай, ѣли фрукты.

Разговаривали только въ полголоса, но зато громко смѣялись, чтобы не оставалось сомнѣнія, что все-таки очень весело.

Дѣвицы Зуевы, Маня и Катя, обѣ одинаково одѣтыя, одинаково улыбались, стараясь казаться очень оживленными. Онѣ подходили къ подругамъ и спрашивали:

— Хотите винограду? А еще чаю?

Потомъ пожимали имъ руки и освѣдомлялись:

— Не скучно?

Кавалеры сидѣли около барышенъ и „занимали" ихъ. Дѣлать это было чрезвычайно легко. Стоило только сказать нѣсколько словъ, какъ барышня оживлялась и начинала громко смѣяться.

— Ну, вотъ и прекрасно! Веселитесь! — подбодряла Вѣра Петровна, перебѣгая изъ столовой въ будуаръ.

Ея мужъ, Евгеній Сергѣевичъ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, и туда тоже посылался подносъ съ чаемъ, такъ какъ тамъ же находили себѣ пріютъ болѣе солидные или женатые мужчины. Въ кабинетѣ играли въ карты. Когда отворяли двери этой комнаты, оттуда доносились непринужденные возгласы и смѣхъ и цѣлые клубы табачнаго дыма. Если Вѣра Петровна была неподалеку, она морщилась, пожимала плечами и говорила:

— Удивительно!

Случалось, что въ гостиной кто-нибудь присаживался за рояль. Немножко играли, немножко пѣли. Иногда вечеръ заканчивался танцами. Тогда всѣ матери скучивались въ дверяхъ будуара, сочувственно улыбались и зорко наблюдали за тѣмъ, съ кѣмъ именно танцуютъ ихъ дочери. Изрѣдка одна изъ нихъ, съ озабоченнымъ видомъ, поспѣшно выходила въ гостиную и оправляла платье или прическу на танцующей дѣвицѣ. Ужинъ подавался à la fourchette. Кавалеры прислуживали дамамъ. Въ столовой становилось невозможно тѣсно. Евгеній Сергѣевичъ и его партнёры занимали главную позицію у стола и, не обращая вниманія ни на кого, пили водку и закусывали. Пробираясь куда-нибудь мимо мужа, Вѣра Петровна бросала ему негодующій взглядъ, пожимала плечами и шептала:

— Удивительно!

Около двухъ часовъ гости шумно расходились. Дѣвицы Зуевы стискивали руки своихъ пріятельницъ, порывисто цѣловали ихъ и говорили имъ на ухо:

— Ты не знаешь... Ахъ, ты не знаешь... Я безумно счастлива! Ты не замѣтила?..

Бѣдняжкамъ скоро самимъ приходилось замѣтить, что онѣ

опять ошиблись. И на средахъ Вязминыхъ или на пятницахъ у Вельшиныхъ онѣ шептали тѣмъ же пріятельницамъ:

— О, какъ я разочарована! Какой ударъ! Никогда не вѣрь мужчинамъ. Если бы ты знала, что̀ я пережила!..

Varie теперь вспоминала эти воскресенья, среды, пятницы. Всѣ долгія недѣли, всѣ долгіе годы своей молодости. Она даже никогда не обманывала себя и ни на мигъ не чувствовала себя безумно счастливой. Ей всегда было скучно. Она любила отца. Отецъ умѣлъ доставлять ей удовольствіе: бралъ ее съ собой, когда ѣздилъ въ деревню, училъ ее верховой ѣздѣ. Онъ одинъ зналъ, что̀ надо было сдѣлать, чтобы стряхнуть ея вялость и апатію, онъ одинъ видѣлъ свою Варю веселой и оживленной и онъ одинъ жалѣлъ Varie въ салонахъ,—жалѣлъ эту некрасивую, жалкую фигуру:

„Повернулъ бы я ее по своему!"—думалъ онъ тогда.

Но ни о какомъ вліяніи на судьбу дочери онъ не смѣлъ и мечтать: Анна Дмитріевна такъ тонко понимала требованія воспитанія молодой дѣвушки „изъ свѣта", что всякое вмѣшательство было немыслимо.

— Дѣвочка не любитъ танцовать,—говорилъ онъ женѣ,—зачѣмъ же ты принуждаешь ее, другъ мой? Дѣвочка не любитъ выѣзжать...

Анна Дмитріевна широко раскрывала свои свѣтлые глаза.

— Она должна,—говорила она.—Кто же не танцуетъ?

— Прости меня, другъ мой, но ей 25 лѣтъ. Это возрастъ... Не пора ли дать ей руководствоваться собственными вкусами? Она беретъ уроки пѣнія, рисуетъ по фарфору. Все это очень мило, но ее это не забавляетъ.

— Ее это должно забавлять. Пока она не замужемъ, она должна руководствоваться только тѣмъ, что̀ ей прилично, что̀ принято.

— Я не понимаю, другъ мой... Мы точно придерживаемся какого-то устава. Почему?

— А потому что мы не кто-нибудь. Дочь Вязмина должна вести себя такъ, какъ подобаетъ.

— Дочь Вязмина... — съ недоумѣніемъ бормоталъ отецъ.

Вязминъ—это былъ онъ. Ему очень весело жилось въ молодости. Не мало интереснаго могъ бы онъ разсказать и изъ того періода жизни, когда онъ былъ уже женатъ. Только, конечно, Боже сохрани, чтобы эти разсказы дошли до свѣдѣнія Анны Дмитріевны! Никогда онъ не подозрѣвалъ, что его фамилія къ чему-нибудь обязываетъ. Фамилія, правда, дворянская, старинная.

Но почему Варѣ приходится расплачиваться за нее? Почему она обязываетъ ее пѣть, танцовать, рисовать по фарфору?

Когда Николай Ивановичъ чего-нибудь не могъ понять, онъ считалъ себя некомпетентнымъ и покорялся.

— Видишь, дѣвочка: ты, оказывается, не кто-нибудь. Ты— Вязмина,—шутливо передавалъ онъ дочери о своемъ неудачномъ ходатайствѣ.—И съ этимъ, дружокъ, уже ничего не подѣлаешь. Мы съ тобой, значитъ, люди „изъ общества" и должны соблюдать уставъ. А какое это „общество" и какой уставъ — этого ты ужъ у меня не спрашивай. Это ужъ дѣло матери.

Варѣ не разъ приходилось замѣчать, что въ ихъ кругу, въ „обществѣ", о которомъ такъ сбивчиво говорилъ отецъ, мужчины играли какую-то странную роль. Жены съ гордостью носили ихъ имена, выставляли на видъ ихъ общественное положеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, личность этихъ мужей отодвигалась куда-то далеко на второй планъ. Если бы было возможно, онѣ охотно носили бы всѣ ихъ ордена и знаки отличія и считали бы это только справедливымъ: развѣ не онѣ однѣ еще высоко держатъ знамя родовитости, старыхъ традицій, условностей, нетерпимости? Развѣ не онѣ однѣ еще умѣютъ создать какую-то особую атмосферу неуязвимаго приличія? благовоспитанной посредственности? Отдай онѣ свое представительство въ руки мужей, что̀ бы это было, Боже великій! Да вѣдь они способны были бы не понять собственнаго значенія! Традиціонный духъ могъ бы показаться имъ затхлымъ воздухомъ и они принялись бы вывѣтривать его разсужденіями, нововведеніями. Мужчины! Да это тѣ же дѣти въ своихъ понятіяхъ о томъ, какъ надо себя поставить, съ кѣмъ и какъ себя держать. Исключенія среди нихъ есть, но только исключенія. Остальные годны только на то, чтобы работать, служить, думать надъ отвлеченными вопросами. Варя хорошо знала эту точку зрѣнія на мужчинъ, такъ какъ мать ея, Анна Дмитріевна, придерживалась именно ея.

— Что̀ это будетъ, если я умру!—иногда съ ужасомъ восклицала она, обращаясь къ Николаю Ивановичу.

— Нѣтъ, Аничка, ты ужъ не умирай, сдѣлай милость! — шутливо просилъ старикъ, чувствуя свою полную некомпетентность въ вопросахъ знамени, традицій и приличій, о которыхъ постоянно заботилась его жена. Какой это былъ бы непосильный трудъ для этого веселаго, добродушнаго и все еще легкомысленнаго человѣка!

Но умерла не Аничка. Умеръ онъ самъ, такъ и не пости-

гнувъ обязательствъ, связанныхъ съ его именемъ, которое ему самому казалось совершенно ни къ чему не обязывающимъ.

Теперь Варя осталась совершенно одинокой. Съ матерью у нея была только внѣшняя связь. Ихъ отношенія болѣе походили на то же обязательство, чѣмъ на родственную или дружескую привязанность. Мать и дочь постоянно исполняли свой долгъ. Долгъ матери былъ воспитывать, наблюдать, направлять; долгъ дочери—повиноваться, преклоняться и оказывать знаки уваженія и преданности.

Въ то время, какъ Анна Дмитріевна дремала въ гостиной, Варя сидѣла въ своей комнатѣ и думала. Никогда еще ея собственная жизнь не казалась ей такой пустой и безотрадной.

„Отца нѣтъ... — думала она. — Не забыть сказать maman, что Зуевы просили нашъ абонементъ. Теперь мы уже не будемъ у нихъ бывать по воскресеньямъ. И средъ не будетъ? Ахъ, дай-то Богъ! А что̀ будетъ? Если бы хотя на этотъ годъ траура уѣхать въ деревню! Нѣтъ, мать не поѣдетъ. Будемъ такъ жить... Такъ и будемъ. Отца нѣтъ“...

Она сидѣла неподвижно и думала.

Стало совсѣмъ темно. Короткіе, безсвязные обрывки мыслей, въ которыхъ, въ каждомъ въ отдѣльности, не было ничего ужаснаго, складывались въ мучительное, безотрадное настроеніе. Каждое воспоминаніе о прошломъ, каждое напоминаніе о будущемъ казались тяжелыми, болѣзненными, какъ кошмаръ. А Варя даже не понимала, что̀ дѣлалось съ ней. Она видѣла горе въ слезахъ, въ крепѣ, въ вычурныхъ фразахъ, и она не узнала его въ темнотѣ, въ тишинѣ, въ собственномъ одинокомъ чувствѣ.

Друзья и знакомые покойнаго Николая Ивановича Вязмина почти оправдали ожиданія Анны Дмитріевны и помогли ей устроить ея дѣла. Но вдова все-таки была недовольна.

— Меня хотятъ принудить жить на гроши, — съ горечью говорила она.—Если бы не имѣніе, я бы осталась чуть не нищей. А что̀ я буду дѣлать съ имѣніемъ? Надо держать управляющаго, или сдавать землю арендаторамъ. Конечно, меня будутъ обманывать, обирать...

Эти разсужденія раздражали ее, и она вымещала свою досаду на дочери.

„Выходятъ же другія замужъ,—думала она.—Будь у меня зять, мнѣ бы не пришлось возиться со всѣми этими дѣлами“.

Варя выносила раздражительныя выходки матери и отмалчивалась.

— Будь я одна, я бы уѣхала за границу, — обиженнымъ

тономъ часто говорила старуха, — въ Дрезденъ, напримѣръ... Жила бы въ отелѣ. Спокойно, удобно. Тамъ прекрасная прислуга, хорошій столъ. Никакихъ заботъ, никакихъ безпокойствъ.

— Мнѣ все равно, гдѣ жить: здѣсь или въ Дрезденѣ, — апатично замѣчала дочь.

— Тебѣ-то, конечно, все равно, но мнѣ не все равно—съ тобой или безъ тебя. Ради тебя я обязана жить въ Петербургѣ.

Варя хотѣла возразить, но мать презрительнымъ жестомъ остановила ее.

— Ужъ не думаешь ли ты меня учить?

Дни тянулись безконечно долго. Приходили гости, сидѣли въ гостиной, сострадательно и участливо выслушивали жалобы генеральши, давали совѣты... Если это были дамы, разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ, слышались восклицанія ужаса и негодованія. Анна Дмитріевна десятый разъ разсказывала исторію о томъ, какъ въ одномъ учрежденіи ей не повѣрили на слово, что она—вдова генерала Вязмина, а требовали удостовѣренія ея личности.

— Они мнѣ не повѣрили. Да, да. Они мнѣ не повѣрили!..— повторяла она, очевидно считая такой фактъ совершенно невѣроятнымъ.

— Они больше вѣрятъ какому-нибудь околоточному!—иронизировала одна изъ дамъ.

— Мнѣ все равно, кому они вѣрятъ, но я была принуждена безпокоиться вторично: я отвезла имъ какой-то неопрятный лоскутъ бумаги, который мнѣ далъ дворникъ.

— Какіе у насъ порядки! Это удивительно, удивительно...

— Ахъ, chère Annette! Ахъ, я вполнѣ понимаю... Ты мученица.

Варя слушала. Мать требовала, чтобы она всегда выходила къ гостямъ и принимала участіе въ общемъ разговорѣ. Это участіе иногда выражалось одной мимикой, но и для такой нѣмой роли требовалось не мало вниманія и находчивости: надо было уловить на себѣ взглядъ гостя и отвѣтить ему, сообразуясь съ обстоятельствами, улыбкой или тѣмъ или инымъ выраженіемъ лица. Если же говорили о дѣлахъ и мученическомъ вѣнцѣ Анны Дмитріевны, необходимо было, кромѣ мимики, пустить въ ходъ нѣсколько сочувственныхъ фразъ. Тогда дѣвушка обыкновенно говорила:

— О, да! Это ужасно!

Или:

— Maman совершенно измучена!

Этого было достаточно, чтобы гости не считали ее безучастной дочерью и чтобы сама Анна Дмитріевна не сдѣлала ей строгаго выговора за то, что „она имѣетъ такой видъ, будто мать преувеличиваетъ".

Послѣднее время Анна Дмитріевна почувствовала особенное расположеніе къ Натальѣ Алексѣевнѣ Петровой, той знакомой дамѣ, которая ни за что не хотѣла вѣрить, что Николай Ивановичъ умеръ, но затѣмъ объяснила себѣ это обстоятельство тѣмъ, что хорошіе люди не жильцы на землѣ. Николай Ивановичъ недолюбливалъ Наталью Алексѣевну и держался съ ней такъ сухо и холодно, что Анна Дмитріевна, у которой никогда не было личныхъ привязанностей, съ своей стороны нѣсколько небрежно относилась къ знакомству съ ней и не оборвала его окончательно только потому, что встрѣчалась съ Натальей Алексѣевной въ другихъ домахъ. Когда-то онѣ были подругами по институту, потомъ потеряли другъ друга изъ вида лѣтъ на двадцать, а когда встрѣтились вновь, Вязмина была уже генеральшей, а Наталья Алексѣевна — женой отставного маіора; Вязмина жила въ прекрасной квартирѣ, ѣздила въ собственной каретѣ и казалась еще молодой, красивой женщиной; Наталья Алексѣевна никогда не давала своего точнаго адреса, приходила на вечера пѣшкомъ, въ смѣшныхъ, старомодныхъ туалетахъ и прикрывала пестрыми наколками свою совершенно сѣдую и полулысую голову. Словомъ, между бывшими подругами образовалась такая пропасть, что ни той, ни другой не пришло въ голову говорить другъ другу попрежнему „ты".

— Узнаете меня?—спросила смиренная Наталья Алексѣевна великолѣпную Анну Дмитріевну.

— Ната Борская!—съ удивленіемъ вскрикнула Вязмина.— Замужемъ, конечно? Ну, какъ? чтò?

Пока выяснялось, какъ и чтò, выяснилось и будущее отношеніе подругъ: тонъ Натальи Алексѣевны становился все льстивѣе и подобострастнѣе, тонъ Анны Дмитріевны — все болѣе снисходительнымъ.

— Одна дочь? и такая же красавица, какъ вы? О, я уже слышала, слышала! — восторженно восклицала Наталья Алексѣевна.

— А у васъ?

— Два сына и дочь. Собственно, дочерей тоже двѣ, но я отъ одной отреклась. Я прямо сказала: ты мнѣ не дочь! нѣтъ, нѣтъ!..

— Ахъ, Боже мой! Но какая же причина?

— Вы меня поймете,—торжественно заявила Наталья Алексѣевна.—Женщина изъ порядочнаго круга, свѣтская женщина, какой я всегда была и продолжаю быть, меня пойметъ. Я вамъ все разскажу.

И она разсказала. Она начала съ собственнаго замужества. Несомнѣнно, это была крупнѣйшая ошибка въ ея жизни. Фамилія ея мужа—Петровъ. Это даже не имя. Но она принесла себя въ жертву. Ахъ, молодость и наивность!—онѣ на все способны. И что̀ же? Мужъ понялъ? оцѣнилъ? Ничуть не бывало! Онъ даже не сдѣлалъ карьеры, хотя она всегда говорила ему: „ты долженъ сдѣлать карьеру ради меня". Онъ ничего не сдѣлалъ. Онъ даже не съумѣлъ составить себѣ состоянія. Но оригинальнѣе всего—это то, что этотъ ничтожный человѣкъ постоянно вмѣшивался во всѣ семейныя дѣла. Спрашивается: развѣ это дѣло мужчины? Порядочный семьянинъ всегда такъ занятъ службой, дѣлами, что ему некогда думать о всѣхъ этихъ пустякахъ. Его обязанности—зарабатывать какъ можно больше. Остальное его не касается. Этотъ, неблагодарный, взялся, буквально, воспитывать свою жену. И надо было слышать, какія дикія вещи онъ проповѣдывалъ! Маленькій примѣръ: скажите, что̀ можно читать, кромѣ французскихъ романовъ? Ну, такъ онъ, вообразите, кинулъ одинъ volume въ каминъ. Это былъ романъ Анатоля Франсъ. Къ счастью, перевоспитать жену онъ не могъ, но дѣтей... Боже, что̀ онъ дѣлалъ съ дѣтьми! Кто можетъ ихъ любить больше матери? Но мать, сознавая ихъ пользу, не задумается надъ жертвой. Извѣстно, что лучшее воспитаніе для молодой дѣвушки несомнѣнно даетъ институтъ. Если родители не достаточно богаты, чтобы предоставить дочерямъ все необходимое въ смыслѣ требованій свѣта, лучшее, что̀ можно сдѣлать — это отдать ихъ въ институтъ. Онъ, онъ одинъ даетъ еще въ образѣ дѣвушки идеалъ чистоты, поэтичности, наивности. Манеры... Кто не угадаетъ институтку по однѣмъ манерамъ? Каждый жестъ изученъ, изысканъ. Школа—во всемъ. Ничего спроста. Она знаетъ только то, что̀ ей прилично знать; говоритъ только о томъ, о чемъ ей прилично говорить. Ея высшая забота быть привлекательной, плѣнять. Развѣ это не очаровательно, когда взрослая дѣвушка, невѣста, умѣетъ производить впечатлѣніе такой невинности... ну, такой невинности, будто она убѣждена, что между ей и ея женихомъ только та разница, что у него есть растительность на лицѣ, а у нея нѣтъ; что онъ шьетъ платье у портного, а она—у портнихи. Ахъ, не говорите! Въ наше время настоящія женщины такъ рѣдки!.. „Неблагодарный" не захотѣлъ отдать

дочерей въ институтъ. Онъ, можете себѣ вообразить, заставилъ ихъ ходить въ гимназію. И плоды сейчасъ же оказались на лицо: у старшей, Антонины, очень, очень ощутительно измѣнился pro-попсе, можетъ быть, вслѣдствіе хроническаго насморка. Вѣдь онѣ тамъ всѣ простужаются; это не чудное зданіе милаго института... А у младшей, Викторіи, явились какіе-то странные вкусы: ни за что не хотѣла покупать себѣ башмаки на французскихъ каблукахъ. Обувь безъ каблуковъ увеличиваетъ и безобразитъ ногу. Ну, заупрямилась. А отецъ поддержалъ. „Хочу, — говоритъ, —твердо держаться на ногахъ. Глупо торчать на подставочкахъ". Дальше—хуже: сняла серьги. И, конечно, кончилось тѣмъ, что она стала бредить самостоятельностью. Гдѣ для дѣвушки начинается самостоятельность, тамъ кончается благопристойность. Пошли курсы, лекціи, бѣганіе въ публичную библіотеку... Носить имя „Викторія" и бѣгать въ публичную библіотеку!—прямо нелѣпо. Ну, и что же вышло? Надо удивляться, что она не подурнѣла. Совсѣмъ хорошенькая. Гораздо красивѣе сестры Антонины. Приложи она хотя нѣкоторое стараніе, чтобы сдѣлать хорошую партію... Но не тутъ-то было! Антонина вышла замужъ, а Викторія наняла себѣ комнату, живетъ отдѣльно отъ родителей и служитъ въ управѣ. Отецъ очень доволенъ.

— А я ей сказала: ты мнѣ не дочь. Нѣтъ, нѣтъ!—закончила свой разсказъ Наталья Алексѣевна.

— И вы не видитесь съ ней?—спросила Анна Дмитріевна.

— Я бы не хотѣла видѣться, но отецъ... Она приходитъ къ нему чуть не каждый день.

Петрова тревожно слѣдила за выраженіемъ лица Анны Дмитріевны: можно было подумать, что она ждала суда надъ собой и надъ своей преступной дочерью.

— Дорогая моя,—снисходительно сказала Вязмина,—вы сами признали, что ваше замужество было самой крупной ошибкой вашей жизни. Мы всегда платимся за наши ошибки. Вы поплатились дочерью. Она не вашего круга, точно также какъ и вашъ мужъ. Вотъ и все.

— О, да, да! Они не нашего круга!—радостно подхватила Наталья Алексѣевна, счастливая тѣмъ, что за ней признавали какое-то смутное превосходство.—Я хотѣла ихъ поднять до себя. Я говорила мужу: „ты долженъ ради меня"... Я сдѣлала все, что могла. Я умываю руки.

Николай Ивановичъ не любилъ Петрову за ея льстивость и за ея манеры.

— Это удивительно, душа моя,—говорилъ онъ женѣ:—вѣдь

она хочетъ увѣрить всѣхъ, что она еще совсѣмъ дѣвочка. А она была вмѣстѣ съ тобой въ институтѣ. У нея бѣлые волосы, а она, намедни, подобрала какъ-то юбки и побѣжала мнѣ за спичками. Вѣдь побѣжала! Положимъ, она суха, какъ вобла... И что̀ за вѣчныя представленія! То она въ восторгѣ, то она въ отчаяніи, то она въ экстазѣ, то она еще въ чемъ-нибудь... Конца нѣтъ крикамъ, гримасамъ. Избавь ты меня отъ нея, Бога ради! Увѣряю тебя, что она со мной заигрываетъ.

— Она всегда была очень экспансивна и очень женственна, —оправдывала Вязмина свою бывшую подругу.

Теперь она почувствовала къ ней особенное расположеніе, потому что никто не умѣлъ, или не хотѣлъ такъ шумно и картинно входить въ ея положеніе, какъ дѣлала это Наталья Алексѣевна. Она, такъ сказать, иллюстрировала каждый ея разсказъ. Она наглядно выражала скорбь, безпомощность, негодованіе, точно сама переживала тѣ чувства, о которыхъ говорила Анна Дмитріевна.

Стоило генеральшѣ сказать: „я боялась"..., какъ Петрова уже стучала зубами, производя звукъ: брр... брр...

Вязмина повѣствовала:—Они—всегда чиновники—хотѣли заставить меня унизиться до просьбы...

А Петрова уже гордо выпрямлялась, поднимая вверхъ острый желтый подбородокъ.

— Я вся измучена!—говорила вдова. И тогда Наталья Алексѣевна внезапно поникала, руки ея безсильно падали на колѣни, глаза закатывались, цвѣтные банты старомодной наколки качались сверху внизъ, отвѣчая скорбному, молитвенному наклоненію головы.

— Она впечатлительна и отзывчива, — говорила про нее Анна Дмитріевна.

— Вы не находите, что она, все-таки, немного... раздражаетъ?—робко освѣдомилась какъ-то Варя.

— Я нахожу, что она любезнѣе и внимательнѣе моей родной дочери,—строго отвѣтила ей мать.—Нѣтъ никакой заслуги быть истуканомъ.

Вмѣстѣ съ матерью приходила иногда къ Вязминымъ и Антонина, жена доктора Решкова. Она была очень похожа на мать и, какъ и та, отличалась странными, претенціозными костюмами, которые она носила такъ развязно, какъ будто они были послѣднимъ словомъ моды. У нея уже было четверо дѣтей, ожидался пятый ребенокъ, но, здороваясь и прощаясь съ генеральшей, она дѣлала глубокіе реверансы, вскакивала поднимать упавшій пла-

токъ, придвинуть скамейку. Анна Дмитріевна покровительственно называла ее „моя милочка“ и снабжала ее нѣсколькими бисквитами, оставшимися отъ чая, для передачи малюткамъ, которыхъ она никогда не видала, но которыя, она была увѣрена, прелестны! Сама она не бывала ни у Натальи Алексѣевны, ни у Антонины Львовны; но когда ея благосклонность къ Натальѣ Алексѣевнѣ дошла до максимума, она послала Варю сдѣлать визитъ Решковой.

— Это ее обрадуетъ и сдѣлаетъ большое удовольствіе ея матери,—объяснила она.—Купи дѣтямъ фунтъ мармеладу. Всѣ дѣти любятъ сладкое.

Когда Варвара Николаевна вошла къ Решковымъ, въ гостиной сидѣло нѣсколько молчаливыхъ фигуръ. Однѣ изъ нихъ читали, другія безцѣльно глядѣли вверхъ или внизъ. Варя вспомнила, что мужъ Антонины—докторъ. Ее провели черезъ корридоръ въ маленькій, тѣсный будуаръ съ задернутой занавѣской, за которой, вѣроятно, стояли кровати. Изъ смежной комнаты слышались звонкіе дѣтскіе голоса и чья-то тихая, монотонная пѣсня. Пѣсня вдругъ сразу оборвалась, и почти сейчасъ же изъ дверей дѣтской вышла незнакомая молодая дама.

— Вы меня не знаете,—сказала она Варѣ,—я сестра Тони, Викторія. Она очень извиняется: нянька ушла на чердакъ за бѣльемъ. Она сейчасъ вернется и возьметъ ребенка. Такой капризникъ! Я хотѣла его взять, такъ ни за что!

— Ахъ, мнѣ очень совѣстно, что я безпокою вашу сестру,—сказала Варя.

Она, дѣйствительно, чувствовала себя неловко. Когда въ ихъ большой гостиной сидѣли праздные люди и вели праздные разговоры, это выходило вполнѣ естественно, такъ какъ и комната, и люди существовали только для этого. Никому изъ нихъ не пришло бы въ голову, что странно и неприлично являться къ людямъ безъ всякой цѣли, отрывать ихъ отъ дѣла для того, чтобы сказать нѣсколько незначительныхъ, пустыхъ фразъ, никому не интересныхъ, и уйти съ такимъ видомъ, какъ будто сдѣлано очень нужное дѣло, исполненъ какой-то долгъ... Здѣсь, въ этой тѣсной комнатѣ, Варя испытала совершенно новое чувство: ей стало ясно, что она мало того, что не дѣлаетъ никакого дѣла, но мѣшаетъ другимъ; что она очень безцеремонна. Хуже всего было то, что она даже не знала, о чемъ она будетъ говорить, когда Антонина сдастъ ребенка и выйдетъ къ ней. Визитъ нисколько не обязываетъ къ содержательному разговору, но надо, чтобы люди обставляли его надлежащимъ образомъ.

— Вы любите своихъ племянниковъ? Они, вѣроятно, очень милы?—совершенно растерянно заговорила она только для того, чтобы не молчать. Она привыкла думать, что молчать въ обществѣ гораздо хуже, чѣмъ говорить пустяки.

Викторія засмѣялась.

— Очень милы,—подтвердила она. — Я ихъ очень люблю. Только ихъ слишкомъ много. Это глупо.

— Да?—удивленно замѣтила Варя.

— На мой вкусъ.

— А я ужасно люблю дѣтей!—заявила Вязмина.

— Любите ихъ цѣловать? Забавляться ихъ болтовней? Любите ихъ издали?

— Конечно, пока... мнѣ приходилось только такъ...—сказала Варя и вдругъ сильно покраснѣла.

Ей показалось, что въ темныхъ глазахъ ея собесѣдницы вспыхнулъ насмѣшливый огонекъ. Но та заговорила совершенно серьезно и спокойно:

— Тонѣ трудно. Помѣщеніе, какъ видите, маленькое, слѣдовательно и средства небольшія. Нянька одна. Надо знать, какъ сестра дорожитъ каждой свободной минутой! Когда я свободна, я даю ей отпускъ, и, увѣряю васъ, мнѣ доставляетъ большое удовольствіе думать, что она сидитъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ. У васъ, напримѣръ...

— О, это случается такъ рѣдко... и у насъ такъ невесело!..

— Это ничего. Одно то, что это даетъ ей случай заняться своимъ туалетомъ.—Викторія засмѣялась.—Вѣдь у насъ Тоня и мама—двѣ аристократки. У нихъ непреодолимое влеченіе къ „свѣту“, къ французскому языку... Ихъ хлѣбомъ не корми, а дай подышать этимъ специфическимъ воздухомъ вашихъ салоновъ. Конечно, больше всего мама...

— Вы сказали: специфическій воздухъ. Почему?

— А вы не находите? Мнѣ кажется, что вы не можете не чувствовать себя обособленными, немножко кастой, что-ли. Да, именно кастой, духовной кастой, на которую вы имѣете права по рожденію, или по положенію мужа, но къ которой вы причисляетесь только по личному вкусу. И удивителенъ мнѣ больше всего этотъ вкусъ. Какъ можно любить напыщенность, неискренность? Какъ можно довольствоваться внѣшней формой, когда знаешь, что за ней—пустота или ложь?

Варя опять покраснѣла.

— Почему же вкусъ?—пробормотала она.—То-есть, я хочу сказать: отчего вы думаете, что мы должны любить пустоту и

ложь? Съ ними, мнѣ кажется, можно только мириться, но любить ихъ...

— Нельзя? Ну, такъ смѣю увѣрить васъ, что вы ошибаетесь! Существуетъ не только любовь ко лжи, но и непримиримая ненависть къ правдѣ. И въ вашемъ обществѣ эти два чувства особенно развиты. Вы не сéрдитесь, что я это говорю вамъ—одной изъ представительницъ этого общества?

Вязмина собиралась отвѣтить, но въ это время изъ дѣтской вышла Антонина, облеченная въ торжественный пестрый капотъ.

— Простите, дорогая Barbe, что я заставила васъ ждать,—поспѣшно заговорила она по-французски. — Скажите же, какъ здоровье вашей maman? какъ ея бѣдная рука?

При первыхъ звукахъ ея голоса Вязмина почувствовала громадное облегченіе. Все, что было неловкаго и безцеремоннаго въ ея появленіи, сразу стушевалось, исчезло. Казалось, даже стѣны темнаго будуарчика раздвинулись, дѣлая его похожимъ на всѣ салоны въ мірѣ, гдѣ можно безъ угрызеній совѣсти болтать о пустякахъ.

— Maman вамъ очень кланяется. Она опять немного простужена.

— Да, эта петербургская погода... Мы никогда не видимъ солнца. Я желала бы жить на югѣ...

— Да, югъ. Берегъ Крыма... Очаровательно!...

Онѣ стали говорить о югѣ, о солнцѣ, о морѣ, какъ будто онѣ только и дѣлали, что мечтали о нихъ, и теперь радовались возможности высказать свои мечты вслухъ.

— Ялта? нѣтъ, Ялта слишкомъ заселена и тамъ много больныхъ. Лучше жить въ Алуштѣ.

— А мнѣ казалось, что Гурзуфъ...

Обѣ никогда въ Крыму не были, не собирались ѣхать и ровно ничего не знали о томъ, гдѣ лучше, почему лучше, и зачѣмъ этотъ вопросъ надо было обсуждать въ квартирѣ доктора Решкова въ то время, какъ нянькѣ надо было гладить бѣлье.

Когда вопросъ былъ, наконецъ, исчерпанъ, стали говорить о тѣснотѣ въ вагонахъ желѣзной дороги, и Barbe сообразила, что ей уже можно уходить.

— Я принесла немного сластей для малютокъ, — сказала она, передавая Антонинѣ коробку съ мармеладомъ.—Но вы не хотите показать мнѣ свои сокровища?

— О, вы слишкомъ добры! Вы ихъ такъ балуете! вы и ваша maman. Они этого совсѣмъ, совсѣмъ не заслуживаютъ. Конечно, я съ удовольствіемъ покажу ихъ вамъ.

Она быстро прошла въ сосѣднюю комнату, и черезъ минуту вернулась, окруженная тремя чисто вымытыми, выглаженными и причесанными дѣтьми. Всѣ они были не въ духѣ, стѣснялись незнакомаго лица и энергично протестовали противъ желанія матери подвести ихъ къ нему какъ можно ближе.

— Что за прелесть! что за ангелочки!—восхищалась Barbe.

Антонина сіяла и все уговаривала двухъ старшихъ быть любезнѣе съ гостьей. Она была бы чрезвычайно удивлена, еслибы дѣти дѣйствительно оказались не только любезными, но мало-мальски сносными, но она дѣлала видъ, что недоумѣваетъ, сердится и даже не узнаетъ своихъ дѣтей.

— Очень, очень милы!—продолжала восхищаться Варя, хотя ей не удалось разглядѣть ни одного изъ лицъ: два старшихъ были спрятаны въ складкахъ торжественнаго капота Тони; младшее ютилось на ея плечѣ, упорно поворачиваясь къ гостьѣ затылкомъ.

— Ну, я не буду васъ любить! — сказала имъ мать и отвела ихъ назадъ, въ дѣтскую.

— А бэби спитъ,—извинилась она за свое послѣднее произведеніе.

Во все это время Викторія не сказала ни одного слова, но Вязмина чувствовала на себѣ ея внимательный, любопытный взглядъ. Прощаясь, онѣ протянули другъ другу руки.

— А есть жизнь безъ лжи и безъ притворства? — неожиданно спросила Варвара Николаевна и сейчасъ же сильно смутилась.

— Не знаю,—серьезно отвѣтила Викторія.—Болѣе или менѣе, вѣроятно...

— Да, конечно... Болѣе или менѣе...

Она хотѣла еще что-то сказать, но смутилась еще больше и быстро пошла въ переднюю.

Молчаливыя фигуры все еще томились въ своихъ выжидательныхъ позахъ. Одѣваясь и разговаривая съ Тоней, которая вышла проводить гостью, Варя невольно замѣшкалась. Въ то же время маленькая, плотно закрытая дверь съ шумомъ растворилась, и въ переднюю вышелъ еще молодой, средняго роста мужчина, лысый, съ острой черной бородкой и въ золотыхъ очкахъ. Онъ хотѣлъ пройти въ противоположную дверь, но Антонина остановила его.

— Michel,—шопотомъ сказала она, — это—Варвара Николаевна Вязмина. Barbe!—обратилась она къ гостьѣ,—позвольте вамъ представить моего мужа.

— Но я въ эту минуту совершенно не представителенъ,— пошутилъ Решковъ, раскланиваясь издали.—Не смѣю даже подать вамъ руки. Надѣюсь имѣть честь въ другое время...

Онъ быстро прошелъ дальше. А когда, минуты черезъ двѣ, онъ шелъ обратно, его жены и гостьи уже не было въ передней.

Обыкновенно, въ день св. великомученицы Варвары, въ именины Barbe, у Вязминыхъ было большое торжество. Приглашали тапёра, двухъ оффиціантовъ съ бакенбардами, накупали нѣсколько тортовъ. Николай Ивановичъ самъ заказывалъ ужинъ и выбиралъ вина и закуски, причемъ онъ всегда обманывалъ Анну Дмитріевну и сбавлялъ сумму расходовъ ровно на половину.

— Надо все дѣлать умѣючи, и тогда выйдетъ и дешево, и сердито,—еще поучалъ онъ, зная, что жена никогда не простила бы ему такого безразсуднаго мотовства. Старикъ любилъ и поѣсть, и угостить, и всегда возмущался, когда на званыхъ вечерахъ подавали чай съ однѣми „бездѣлушками".

— Разставятъ тарелочекъ, наложатъ салфеточекъ,—разсказывалъ онъ,—купятъ колбасы на двугривенный, а серебра выставятъ—цѣлое приданое. Глядѣть—красиво, а ѣсть—нечего. Теперь и на сценѣ эта бутафорія совсѣмъ вывелась: и ѣдятъ, и пьютъ по настоящему. Нѣтъ! ужъ ежели ты зовешь гостей, то не срамись, не отъѣзжай на однѣхъ бездѣлушкахъ. Гостю голодно, а тебѣ совѣстно.

Но Анна Дмитріевна совсѣмъ не раздѣляла взглядовъ мужа и считала издержки на угощеніе брошенными деньгами.

— У насъ—не ресторанъ,—разсуждала она,—было бы все прилично.

И она считала приличнымъ съэкономить на фруктахъ и купить такихъ грушъ, въ которыхъ было столько же соку и нѣжности, какъ въ бильярдныхъ шарахъ. Или пріобрѣсти, спеціально для гостей, такой ананасъ, что о немъ умышленно приходилось забывать. Онъ оставался нетронутымъ, но онъ все-таки былъ, онъ украшалъ вазу своимъ зеленымъ султаномъ. Это было прилично.

Въ этотъ годъ, по случаю траура, Вязмины не дѣлали никакихъ приглашеній; но такъ какъ предполагалось, что всѣ знакомые все-таки захотятъ поздравить Варю, то Анна Дмитріевна распорядилась сварить шоколадъ.

Первыми явились Зуевы: Вѣра Петровна и ея двѣ дочери. Вслѣдъ за ними почти непрерывно входили другіе поздравители,

и гостиная Вязминыхъ приняла свой шаблонно-оживленный, праздничный видъ. Каждому новому гостю предлагалось на выборъ: чашку шоколада, или чашку чая? Двое молодыхъ людей во фракахъ, оба какіе-то разслабленные, безцвѣтные и близорукіе, „вазелиновые", — съострилъ кто-то, — ухаживали за барышнями, сохраняя на своихъ лицахъ выраженіе самой безъисходной скуки. Можно было думать, что они находятся при исполненіи сильно наскучившихъ имъ обязанностей. Барышни, поразвязнѣе, подсмѣивались надъ ними, пытались острить, но у всѣхъ былъ, по отношенію къ нимъ, одинъ и тотъ же тонъ жеманной кокетливости и снисходительнаго пренебреженія. Виртуозно владѣла этимъ тономъ Зина Вельшина, дѣвица двадцати-трехъ лѣтъ, съ очень дурнымъ цвѣтомъ лица и замѣчательно громкимъ голосомъ. Она держала себя съ молодыми людьми какъ милостивая повелительница съ вѣрными подчиненными и, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, видимо причисляла ихъ къ роду своихъ поклонниковъ. Она постоянно что-то разрѣшала, за что-то прощала или наказывала.

— Разрѣшаю вамъ очистить для меня мандаринъ...

— Вы немного разсѣянны, но я васъ прощаю, въ виду вашего раскаянія...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволяю вамъ сидѣть рядомъ со мной: вы наказаны за ослушаніе.

— До чего она мила! — говорили дамы ея матери, Софьѣ Григорьевнѣ. А та не сводила съ дочери глазъ, громко смѣялась каждому ея слову, откровенно любовалась ею и постоянно повторяла:

— Ахъ, эта Зина! она у меня еще совсѣмъ глупенькая!

Но подразумѣвалось, что Зина не только не глупа, но что у нея оригинальный, смѣлый умъ, несмотря на ея крайнюю молодость.

— Она у меня еще совсѣмъ ребенокъ! — говорила мать, руководясь какими-то понятными ей одной соображеніями, ничего общаго не имѣющими съ цифрами и метрикой. И всѣ съ готовностью соглашались съ ней, такъ какъ она съ такой же легкостью относилась къ возрасту другихъ дѣвицъ.

Было принято считать, что madame Вельшина — очень умная и обаятельная женщина, и она сама держала себя такъ, какъ будто она была вполнѣ убѣждена въ этомъ, и даже нѣсколько стѣснялась своимъ превосходствомъ надъ другими. Чтобы доказать, что она нисколько не гордится имъ, она усвоила себѣ простой, чуть-чуть грубоватый тонъ, употребляла выраженія, за

которыя считала нужнымъ извиняться, и съ чрезвычайной снисходительностью относилась къ чужимъ недостаткамъ, которые осуждались или осмѣивались при ней. Но зато никто, какъ она, не умѣлъ показать себя съ казовой стороны: начиная съ горделивой, эффектной наружности и кончая изысканнѣйшимъ французскимъ языкомъ, она могла произвести впечатлѣніе настоящей grand'-dame. Соперничать съ ней могла одна Анна Дмитріевна Вязмина. Обѣ были вдовы, обѣ—„превосходительныя", у обѣихъ было много родственниковъ и знакомыхъ генераловъ, сенаторовъ, губернаторовъ. Но Вельшина была гораздо моложе и отдавала дань времени легкимъ либерализмомъ, котораго совсѣмъ не было у Вязминой. Она ни на минуту не могла забыть о томъ, что отецъ тетки ея матери былъ министромъ, и умѣла напомнить и сообщить объ этомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда говорили о погодѣ или о Троицкомъ мостѣ, но никакого поклоненія предъ чинами или орденами она никогда не обнаруживала и даже нерѣдко выказывала къ нимъ полное презрѣніе.

— Милый старикашка, — говорила она про какое-нибудь „лицо", но, съ позволенія сказать, труха... Да у него и съ молоду въ головѣ многихъ винтиковъ не хватало. Какой же онъ администраторъ? Даже Зина, этотъ ребенокъ, по поводу одного его распоряженія, сказала мнѣ: „мама, а вѣдь нашъ дѣдко сбрендилъ".

По ея словамъ, можно было думать, что не было ни одного вопроса внѣшней и внутренней политики, о которыхъ у нея съ Зиной не было бы опредѣленнаго взгляда, причемъ этотъ взглядъ всегда оказывался самымъ мѣткимъ и благоразумнымъ.

— Чтò „они" дѣлаютъ? чтò „они" дѣлаютъ! — восклицала она.—Я говорю Зинѣ: „куда мы идемъ"? А она мнѣ отвѣчаетъ: „мамочка, мы обращаемся вспять".

Въ настоящую минуту умная Зина ѣла виноградъ, изящно оттопыривъ мизинецъ правой руки и насмѣшливо-лукаво поглядывая на молодыхъ людей.

— Я давно не видала тебя,—сказала она только-что появившейся Антонинѣ Решковой.—Скажи, чтò твоя сестра? упорствуетъ въ своемъ протестантизмѣ?

Антонина не отличалась догадливостью, и поглядѣла на подругу съ полнымъ недоумѣніемъ.

— Но вѣдь она же протестуетъ противъ обыкновеннаго порядка вещей,—пояснила Зина.—Она эмансипировалась. Ты знаешь, ты ей скажи, что это теперь старо. Теперь женщины уже не эмансипируются. Au rebours, mesdames! Стриженые волосы, очки,

ременные пояса—все это уже давно кануло въ Лету. Манекенъ эмансипаціи, на который было примѣрено столько костюмовъ, задвинутъ въ уголъ, забытъ и запыленъ. Скажи ей это. Можетъ быть, она еще внемлетъ голосу разсудка. Я очень жалѣю, что не могу поговорить съ ней сама.

— Съ кѣмъ бы ты желала поговорить, Зина?—громко освѣдомилась Софья Григорьевна, которая всегда прислушивалась однимъ ухомъ къ тому, что̀ говорила дочь.

— Съ сестрой Тони, Витой, maman. Я прошу ей передать, что она очень отстала въ своемъ протестантствѣ.

— Ха, ха, ха! — неудержимо расхохоталась Софья Григорьевна.—Теперь я все понимаю... Я не могла сообразить, о какомъ „манекенѣ эмансипаціи“ ты говорила. Задвинутъ въ уголъ... запыленъ... Ха, ха! И ты совершенно права. Эмансипированная женщина—не живое явленіе, а манекенъ въ модномъ нарядѣ. Вотъ почему она задвинута въ уголъ и вотъ почему женщинѣ-женѣ, женщинѣ-матери отведено первое почетное мѣсто. Потому что она живая, потому что безъ нея не могла бы существовать основа государства—семья.

— И я думаю, maman, что женщина-жена, женщина-мать можетъ разсуждать не глупѣе другихъ, не видаясь каждый день съ чиновниками городской управы, хотя они, вѣроятно, очень остроумны.

— Ахъ, Зина! Ахъ, глупенькая! — захлебываясь отъ смѣху, говорила Вельшина. — Чиновники управы. . Охъ, уморишь!

Антонина густо покраснѣла.

— О, я совсѣмъ не сочувствую сестрѣ! Ничуть, ничуть...

— Мы въ этомъ убѣждены, душечка,—успокоила ее Вельшина.—Я первая глубоко уважаю всякій трудъ. Но пусть трудятся тѣ, кому это необходимо. У насъ другія обязанности... Какая польза, если я скажу своей прачкѣ: „пусти, я за тебя стану къ корыту и буду стирать бѣлье“? Развѣ это не то же самое? Я лишу прачку заработка и испорчу свои руки. А согласитесь, что прачкѣ не нужны бѣлыя руки, а мнѣ не нужны шесть гривенъ, которыя я съэкономлю своей личной работой. Всякому свое: бѣднякамъ—честный, уважаемый трудъ; намъ, избранному сословію—умственная и духовная работа, культъ высокихъ идеаловъ, служеніе искусству, поддержаніе всего возвышеннаго и красиваго въ жизни.

— Совершенно вѣрно!—согласилась Вязмина. – Вотъ именно поддержаніе. . Я сколько разъ думала: неужели мы дошли до такой утонченности чувства, до такой... изысканности вкусовъ,

впечатлѣній, только для того, чтобы стараться огрубѣть, опуститься? Неужели та культура, которая такъ дорого стоила, безполезна и не заслуживаетъ не только уваженія, но даже вниманія? А между тѣмъ, можетъ казаться, что это именно такъ. Меня увѣряютъ, что жизнь повернула въ какую-то другую сторону. Какую? Я не читаю русскихъ современныхъ романовъ, я ихъ нахожу грубыми и... простите... глупыми. Но я читала Тургенева: его поэзія въ прозѣ прямо мила. Теперь, говорятъ, модный писатель Горькій, булочникъ или сапожникъ. Его герои дерутся, плюются и пьютъ горькую. Конечно, я не стала читать, но онъ имѣетъ успѣхъ, и я нахожу, что это какъ бы знаменіе времени. Мы становимся одинокими. Мы должны крѣпко держаться другъ за друга, чтобы защитить себя и наше положеніе отъ людей другихъ понятій, другой культуры.

— А куда дѣнемъ мы нашихъ дочерей?—спросила Зуева.

Анна Дмитріевна не поняла.

— Я спрашиваю: за кого выдадимъ мы нашихъ дочерей? За кого? Если мы захотимъ ограждаться отъ людей другихъ понятій, другой культуры?

— Однако, вы обижаете насъ! — въ одинъ голосъ заявили разслабленные молодые люди.—Почему, позвольте, мы не одной культуры?

Вѣра Петровна только мелькомъ оглянулась на нихъ разсѣяннымъ, возбужденнымъ взглядомъ. Она знала, что оба вмѣстѣ не могли бы составить мало-мальски приличной партіи для одной изъ ея дочерей. Оба они принадлежали къ разряду тѣхъ жениховъ, у которыхъ, кромѣ ихъ фрака, были только очень хорошіе аппетиты и никакихъ надеждъ удовлетворить ихъ. До ихъ культуры ей не было никакого дѣла.

— Кто поручится вамъ,—продолжала она,—что эти чужіе намъ люди не войдутъ силой въ наши семьи, не возьмутъ у насъ нашихъ дочерей и не будутъ перевоспитывать ихъ на свой ладъ? Мы не ищемъ ихъ, мы не зовемъ ихъ, но они, все-таки, придутъ и оградиться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности.

— Я бы вышла только за человѣка своего круга!—увѣренно сказала Зина.

— Тебѣ еще рано объ этомъ говорить и думать, — съ напускной строгостью замѣтила ей мать.

— Но, дорогая Вѣра Петровна, я думаю, что Зина все-таки отчасти разрѣшила нашъ вопросъ. Она сказала: „я выйду только за человѣка своего круга". Такъ скажутъ и ваши дочери, и наша Варя... Такъ скажетъ всякая дѣвушка, воспитанная

своей средой. Она ни за что не спустится, чтобы стать равной своему мужу, ни за что! А если она подниметъ мужа до себя, то тѣмъ лучше, тѣмъ больше ей заслуги.

— Поднять мужа до себя?—возбужденно повторила Зуева.— Нѣтъ! Сейчасъ Annette удивлялась, что мы становимся одинокими, что наша утонченность, изысканность чувствъ не находитъ не только поощренія, но даже уваженія. Такъ я могу васъ увѣрить, что меньше всего понимаютъ насъ наши мужья и еще меньше будутъ понимать мужья нашихъ дочерей. Мы, какъ весталки, хранимъ священный для насъ огонь, но стóитъ намъ отвернуться, наши мужья забудутъ о немъ, даже постараются затушить его нарочно...

— Ай, ай! А вотъ мы разскажемъ Евгенію Сергѣевичу...

— Пусть это правда,—съ многозначительной улыбкой сказала Анна Дмитріевна,—это только лишній поводъ еще болѣе стойко стоять на своемъ, не уступать ни одной пяди. Лишній поводъ не допускать нашихъ дѣтей общаться съ людьми другихъ взглядовъ. Жизнь повернула въ другую сторону, а намъ чтó за дѣло? Мы будемъ идти своимъ путемъ. Насъ будутъ презирать, но кто? Кто? Тѣ, кто даже не стóитъ нашего презрѣнія.

Она съ гримасой отряхнула платье и пальцы, какъ будто одно упоминаніе объ „этихъ людяхъ“ могло оставить на нихъ какіе-то слѣды.

— А я думаю, что мы не только пойдемъ вмѣстѣ съ жизнью, но даже во главѣ ея,—немного торжественно заговорила Софья Григорьевна.—И даже непремѣнно во главѣ. Замѣтьте: если идетъ какая-нибудь процессія, все равно какая... Я видѣла простые сельскіе крестные ходы и видѣла два въѣзда Государя въ Москву на коронацію... Такъ я говорю: если идетъ какая-нибудь процессія, впереди нея непремѣнно пробѣжитъ группа мальчишекъ. Непремѣнно пробѣжитъ и непремѣнно впереди. Такъ развѣ они что-нибудь значатъ? Развѣ въ нихъ сила и интересъ? По моему, впереди насъ, если считать, что мы подвигаемся въ жизни впередъ, выбѣжали какіе-то мальчишки и дѣвчонки и кричатъ, что мы отстали. Ихъ сейчасъ же уберутъ за крикъ и безобразіе, а мы пойдемъ. И куда бы мы ни шли, впереди насъ будутъ бѣжать и кричать, что мы отстали. А держать путь, направлять его будемъ только мы, только мы!

— Мамочка, это хорошо!—сказала Зина.—Мнѣ это нравится. Благодарю тебя.

Вельшина не съумѣла окончательно скрыть самодовольной улыбки и встала прощаться.

— Но въ такомъ случаѣ... вы думаете, что мы сами идемъ къ огрубѣнію, къ опрощенію?—дѣлая круглые глаза, спросила Анна Дмитріевна.—Сами идемъ?

— Успокойтесь!—цѣлуя ее на прощанье, сказала Софья Григорьевна:—мы не потеряемъ въ пути ни одного изъ нашихъ украшеній. Моя Зина (такая еще, право, глупенькая!) какъ-то говоритъ мнѣ: „Мамочка, отчего я не мужчина? Мы, женщины, совсѣмъ устранены отъ общественной дѣятельности!“ А я ей говорю: „Зина, твой дѣдъ былъ министромъ. Онъ не „исполнилъ“ ни одной бумаги, а дѣла его министерства процвѣтали. Ты устранена отъ исполненія бумагъ, но твой умъ всегда отведетъ тебѣ должную роль въ жизни. Къ чему это я вела?.. Ахъ, да... Опростимся ли мы? Нѣтъ. Мы захотимъ только той роли, которая присуща намъ по воспитанію, но и она будетъ велика. Идемъ же, Зина, у насъ еще два визита.

— Varfe!—сказала Маня Зуева, незамѣтно отводя Варю въ сторону.—Пройдемъ въ твою комнату; мнѣ надо сказать тебѣ кое-что.

— Неужели опять влюблена?—удивилась Вязмина.

— Ну, пойдемъ. Необходимо. Очень важно.

Онѣ прошли въ комнату Варвары Николаевны и закрыли за собой дверь.

— Ну, что же?—улыбаясь, спросила Варя.

Но Маня молча припала къ ея плечу и зарыдала.

— Я пропала!—говорила она.—Пропала... пропала...

— Что съ тобой?—испугалась Вязмина.—Маня!.. Маня!..

— Я пропала, Varfe! Знаешь... ты видала у насъ? Такой толстый, противный. Макуринъ его фамилія. Онъ—нефтепромышленникъ.

— Ну, ну...

— Maman хочетъ, чтобы я вышла за него замужъ. Онъ очень богатъ, очень. Она говоритъ, что если я не выйду, она оставитъ меня на будущую зиму въ деревнѣ у бабушки. А каково мнѣ... каково! Вѣдь ты знаешь, что я люблю другого...

— Такъ Макуринъ дѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Макуринъ? Нѣтъ.

— Такъ какъ же ты говоришь, что maman требуетъ, чтобы ты вышла за него замужъ?

— Ну, да. Maman непремѣнно требуетъ.

— А Макуринъ не хочетъ жениться?

Маня вытерла слезы и удивленно взглянула на Варю.

— Ахъ, какая ты смѣшная, право!—сказала она.—Развѣ я у него спрашивала? Развѣ о такихъ вещахъ спрашиваютъ?

Варвара Николаевна засмѣялась.

— Значитъ, ты не хочешь, онъ не хочетъ, а только одна maman хочетъ. О чемъ же ты плачешь?

— Ты не хочешь понять! Я не люблю Макурина, я люблю Любавина. О, я была бы безумно счастлива...

Въ дверь постучали.

— Маня! Maman собирается уѣзжать!—послышался тонкій голосокъ Кати.

— Иду, сейчасъ иду!—заторопилась Маня и бросилась къ зеркалу оглядывать свое лицо.

— Ахъ, какая я несчастная!—продолжала жаловаться она.— И быть вынужденной казаться веселой и оживленной... Ты счастлива, Barbe: ты не любишь и ты не принуждена выходить за Макурина.

— А Любавинъ тебя любитъ?

Маня сдѣлала серьезное, печальное лицо и опустила глаза.

— Открыть тебѣ мою тайну?—сказала она.—Такъ знай же: онъ меня любитъ. Ужасно, ужасно! Но онъ ни за что, никогда не признается. У него на это есть причины.

— Причины?

— Да. Какая-то тайна. Ахъ, если бы ты знала, какъ это интересно! Я непремѣнно вырву у него эту тайну, и тогда я буду безумно счастлива!

— Маня!—опять позвалъ голосокъ Кати за дверью.

Въ гостиной всѣ стояли, собираясь уѣзжать. У молодыхъ людей былъ еще болѣе изломанный и полинявшій видъ. Казалось, ноги отказывались имъ служить и подгибались подъ ними, спины горбились, какъ у стариковъ.

— Вотъ онѣ!—сказала Вѣра Петровна, когда Barbe и Маня вошли.

— Васъ ждали! — строго, но тихо замѣтила Анна Дмитріевна дочери.

Двинулись въ переднюю, и когда, наконецъ, входная дверь закрылась за послѣднимъ гостемъ, Вязмина нетерпѣливо дернула плечами и головой.

— Уфъ! — сказала она. — Наконецъ-то! Надо тебѣ отдать справедливость, Barbe: ты вела себя прямо неприлично. Скажи на милость, отчего это Зина Вельшина можетъ разговаривать, а ты только умѣешь шептаться по угламъ? Заперлась съ этой индюшкой... Ты заставляешь меня краснѣть! Зина трещитъ, какъ

сорока, а ты молчишь. Значитъ, ты глупа? Значитъ, всѣ мои труды, всѣ мои заботы, жертвы, все пропало даромъ? Или ты думаешь, что я принесла мало жертвъ для тебя? И принесла, и приношу.

Она закатила глаза, глубоко вздохнула и, завернувъ руку въ платокъ, стала ходить по комнатѣ между столиковъ съ пустыми, грязными чашками изъ-подъ шоколада. Варя остановилась въ дверяхъ и прислонилась къ притолокѣ.

— Maman,—сказала она чуть-чуть дрожащимъ голосомъ,— мнѣ жертвъ не надо. Для такой жизни, какъ сейчасъ... зачѣмъ жертвы? Мнѣ все равно. Умоляю васъ, дѣлайте такъ, какъ вамъ лучше. Думайте только о себѣ.

Генеральша круто повернулась къ ней лицомъ.

— Это ты говоришь мнѣ? Мнѣ?—не вѣря своимъ ушамъ, переспросила она и широко раскрыла глаза.—Тебѣ жертвъ не надо? Ты недовольна своей жизнью? Можетъ быть, я виновата, что ты некрасива и глупа? Что никто не хочетъ жениться на тебѣ?

— Maman!.. Зачѣмъ?..

— Ты недовольна... Ты позволяешь себѣ совѣтовать мнѣ думать только о себѣ. Я знаю, что когда ты шепчешься по угламъ, ты жалуешься на меня. Ты жаловалась на меня своему отцу. Но я... я? Что̀ я видѣла отъ тебя кромѣ горя, униженія, холодности? Вѣдь ты статуя. Твоя мать страдаетъ и мучается, а тебѣ нѣтъ до этого никакого дѣла. Я принесла тебѣ въ жертву всю свою жизнь...

Варя стояла и слушала. Со смерти отца ей постоянно приходила въ голову одна мысль: зачѣмъ жить такъ, какъ она живетъ? Кому это нужно?

И теперь она думала о томъ же. Тоскливое, горькое чувство переполняло ея душу. Кому нужно, чтобы она всю жизнь ломала и коверкала себя? Чтобы она была связана съ этой женщиной, которая называла себя ея матерью, но не скрывала, какъ она всю жизнь тяготилась ею? Уйти... какъ Викторія. Искать—если не счастья, то хотя бы чего-нибудь, что̀ могло бы его замѣнить: свободы, личнаго мѣста въ жизни, права любить то, что̀ нравится, избѣгать того, что̀ противно. Но куда уйти? Ей, ни къ чему не подготовленной, ни къ какой работѣ не годной... Ее нарочно воспитали такъ, что она была умѣстна только среди подобныхъ себѣ.

— Позвони!—рѣзко приказала мать.

Она пошла и нажала кнопку. Ей показалось, что голосъ

Анны Дмитріевны вернулъ ее къ дѣйствительности изъ какого-то далекаго, запрещеннаго міра грёзъ.

— Отчего здѣсь не уберутъ?—гнѣвно спросила Анна Дмитріевна явившуюся на звонокъ прислугу.

Варя поняла, что разговоръ конченъ, и съ облегченіемъ удалилась въ свою комнату.

Съ Антониной Решковой случилось несчастіе: она оступилась и упала такъ неудачно, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней ея жизнь была въ серьезной опасности. Наталья Алексѣевна бѣгала ко всѣмъ своимъ знакомымъ и съ широкими драматическими жестами разсказывала о своемъ горѣ.

— Она умретъ, и ея убійцей будетъ ея мужъ!—восклицала она, яростно потрясая сжатыми кулаками.—Я ему говорила: не надо больше дѣтей! не надо, не надо! Онъ меня не послушался.

Если разговоръ происходилъ у Вязминыхъ, Варю предварительно высылали изъ комнаты.

— Незачѣмъ посвящать дѣвочку въ эту печальную сторону жизни,—объясняла Анна Дмитріевна.

— О, она у васъ ангелъ невинности!—восторженно заявляла Наталья Алексѣевна.

Вязмина посылала справляться о здоровьѣ Тони, но не скрывала своего брезгливаго, презрительнаго отношенія къ ея болѣзни.

— Какая несправедливость, какая насмѣшка судьбы—природа!—часто говорила она. — Женщина... молодая женщина — такое нѣжное, поэтическое существо. И вотъ именно на ея долю выпалъ весь ужасъ материнства. Боже! чтò мы терпимъ! Въ самый расцвѣтъ нашей красоты мы обязаны уродовать нашу фигуру, подчиняться необходимости переживать грубый, жестокій, безобразный процессъ... Въ награду мы получаемъ дѣтей, которыя портятъ намъ жизнь, требуютъ заботъ, жертвъ, а затѣмъ еще судятъ насъ...

Генеральша язвительно засмѣялась.

— Да, судятъ. А мы стараемся. Въ сорокъ лѣтъ мы почти старухи, тогда какъ наши мужья нисколько не считаются съ годами. Они не смѣшны, когда молодятся и даже мечтаютъ о побѣдахъ чуть не въ шестьдесятъ лѣтъ. Нѣтъ, природа жестока! —съ горечью заключала она. — Зачѣмъ старость? зачѣмъ утрата красоты? Жизнь длится шесть-семь десятковъ лѣтъ, а изъ нея мы пользуемся только одной незначительной частью.

Наталья Алексѣевна энергично выражала свое сочувствіе каждому ея слову.

Когда Вязмина говорила о мужчинахъ, она подбоченилась, присвистнула и молодцовато топнула ногой.

Наконецъ, Тоня стала поправляться, но у нея были такъ разстроены нервы, что Наталья Алексѣевна рѣшила, что ей необходимо развлеченіе.

— Она просто скучаетъ, эта дѣвочка! — увѣряла она.—О, на ея мѣстѣ я бы давно кусалась отъ скуки. Я помню, когда я бывала въ интересномъ положеніи и мой мужъ хотѣлъ запретить мнѣ танцовать и выѣзжать, я пускалась на всякіе фокусы: одинъ разъ я притворилась сумасшедшей. Это былъ дивный припадокъ умопомѣшательства! Онъ такъ испугался, что потомъ долго не противорѣчилъ мнѣ ни въ чемъ. И знаете, когда я потомъ увѣряла его, что это было хитрость, игра, онъ не вѣрилъ. Онъ утверждалъ, что нормальная женщина не была бы способна на такую выходку.

Она объяснила, что Тоня скучаетъ, потому что ея мужъ и всѣ его друзья—настоящіе бурбоны, а она привыкла къ болѣе изысканному обществу.

— Признаюсь, что я сама не могу выдержать болѣе получаса около постели моей больной дочери. Впрочемъ, она теперь уже не въ постели.. Но это все равно. Всѣ эти люди, которые окружаютъ ее—бурбоны, бурбоны!..

Анна Дмитріевна давно знала, что мужъ Антонины несомнѣнный бурбонъ, такъ какъ онъ даже ни разу не счелъ нужнымъ пріѣхать къ ней съ визитомъ. Встрѣтиться съ нимъ въ его собственной квартирѣ она не желала, но рѣшила принести жертву своей подругѣ и объявила Варѣ, что она должна навѣстить больную. Варя не привыкла выказывать матери какія-либо чувства и совершенно спокойно и равнодушно выслушала ея приказаніе, но почему-то сердце ея забилось сильнѣе обыкновеннаго, и мысль, что она, вѣроятно, опять встрѣтится съ Викторіей, преслѣдовала ее, какъ какое-то смутное указаніе судьбы.

„Еслибы сойтись съ ней!—мечтала дѣвушка.—Еслибы найти въ ней поддержку, помощь“!

Но она сейчасъ же возвращалась къ печальной оцѣнкѣ своей личности:

„Я ни къ чему не годна. Я ничего не умѣю, ничего не знаю“...

Вернулась она отъ Решковыхъ разочарованная: никого, кромѣ Антонины и дѣтей, она не видала. Больная производила жалкое впечатлѣніе. Разсказывая о томъ, какъ у нея стали падать волосы, она разрыдалась почти до истерики. По ея усиленной просьбѣ, Варвара Николаевна обѣщала вскорѣ опять навѣстить ее.

— Попросите maman отпустить васъ къ намъ вечеромъ,— просила Тоня.

Дома Варвару Николаевну ожидалъ сюрпризъ.

На своемъ письменномъ столѣ она нашла распечатанное и развернутое письмо, адресованное на ея имя и подписанное: „твоя Зина Вельшина". Зина сперва выражала увѣренность въ искренней дружбѣ Вари, и на основаніи этой дружбы сообщала, что она только-что рѣшила свою судьбу и дала слово князю Медынскому.

„Я хочу, чтобы ты узнала объ этомъ одна изъ первыхъ,— писала она,—и чрезвычайно жалѣю, что ты и твоя maman, по случаю траура, не будете на нашемъ вечерѣ, на которомъ будетъ оффиціально объявлено о моей помолвкѣ".

Варвара Николаевна равнодушно прочла записку, бросила ее обратно на столъ и пошла къ матери.

Анна Дмитріевна лежала въ своей комнатѣ на кушеткѣ и нюхала спиртъ.

— Антонина васъ очень благодаритъ...—начала-было Варя, но мать кинула на нее такой гнѣвный, сверкающій взглядъ, что она невольно остановилась.

— Читала?—спросила она.

— Чтò? Письмо Зины? Да.

— И, конечно, не поняла, почему она тебѣ первой сообщаетъ объ этой радостной новости? Княгиня Медынская!.. Но вѣдь она здѣсь, у насъ познакомилась съ нимъ. Еще бы не поспѣшить обрадовать насъ... Изъ-подъ твоего носа...

Она такъ волновалась, что не могла говорить.

— Онъ мнѣ не нравился, — сказала Варя и вспыхнула.— Я отъ души рада за Зину.

— Ну, и будешь радоваться! За всѣхъ будешь радоваться! —крикнула генеральша. — О, Боже! за что мнѣ Богъ послалъ такой крестъ! Онъ идіотъ, этотъ князь. А Софья Григорьевна и ея дочка — двѣ сороки. Вздумала утверждать, что мы куда-то идемъ. Куда мы идемъ? Къ чему намъ идти? Вѣдь это противно слушать! А завтра надо ѣхать поздравлять. Благодарю тебя за такое удовольствіе!

Извѣстіе объ этой свадьбѣ взволновало весь кружокъ. Всѣ маменьки единогласно рѣшили, что ни за что не рѣшились бы выдать одну изъ дочерей за такого человѣка, какъ князь Медынскій.

— Это какое-то ничтожество... Вы видѣли его глаза? Взгляните на его глаза—никакого выраженія.

— Кто говорилъ, что онъ богатъ? Это его отецъ богатъ, а у отца четверо дѣтей и, говорятъ, вторая, тайная семья. И онъ эту семью особенно любитъ.

— А что онъ нашелъ въ Зинѣ? Очевидно, здѣсь какой-то разсчетъ.

— Никакого разсчета! Просто его поймали.

— Вотъ чего я никогда не могла понять, это—желанія выдать дочь замужъ во что бы то ни стало.

Маня Зуева написала Варварѣ Николаевнѣ отчаянное письмо.

„Мама болѣе чѣмъ когда-нибудь настаиваетъ на моей свадьбѣ съ Макуринымъ. Я пробовала выпытать у Любавина его тайну, но онъ пересталъ бывать у насъ. Помолись за меня“.

Анна Дмитріевна не переставала безъ всякой причины сердиться и дуться на дочь. Варварѣ Николаевнѣ стало такъ скучно и тоскливо, что она искренно обрадовалась повторному приглашенію Антонины, и рѣшила, что непремѣнно пойдетъ къ ней въ тотъ вечеръ, который она назначала. Такъ какъ нельзя было и тутъ обойтись безъ разрѣшенія матери, то она показала ей приглашеніе Решковой.

— Дѣлай, какъ хочешь!—сухо сказала генеральша.

Варвара Николаевна чувствовала себя очень нервной и взволнованной, когда поднималась по высокой лѣстницѣ къ квартирѣ доктора. Она боялась, что опять не увидитъ Викторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣча съ ней пугала ее. Она припоминала чувство робости и неловкости, которое она испытывала въ ея присутствіи послѣдній разъ, припоминала ея рѣшительный, немного рѣзкій тонъ, и та слабая, смутная, но настойчивая надежда, которая влекла ее къ этой смѣлой дѣвушкѣ, постепенно превращалась въ гнетущую душевную боль. Почему она вообразила, что можетъ сойтись съ Викторіей? заинтересовать ее? вызвать ея участіе къ себѣ? Какъ будто она не знала, что у нея никогда не найдется достаточно рѣшимости и умѣнья сбросить съ себя свою внѣшнюю оболочку сдержанности, вялости. Въ теченіе всей ея молодости, всю жизнь ея душу сковывала наростающая кора вынужденной скрытности, постояннаго одиночества. Эта душа привыкла молчать, и у нея не было способности проявляться внѣшними способами: ее уже не выдавали ни выраженіе лица, ни звукъ голоса. Почему бы она могла сойтись съ Викторіей? чѣмъ бы она могла привлечь ее на свою сторону?

Она уже протянула руку къ звонку, но вдругъ остановилась: у Решковыхъ играли на роялѣ. Варя была плохая музыкантша и не съумѣла бы объяснить, что именно поразило ее въ этой

игрѣ; но, слушая, она испытывала удивленіе, и это удивленіе относилось не къ невидимому, неизвѣстному исполнителю и не къ той вещи, которую онъ исполнялъ, а къ собственному впечатлѣнію, къ новизнѣ чувства, которое какъ-то разомъ пробудила эта игра. И какъ хорошо было слушать ее не на людяхъ, не думая ни о себѣ, ни о другихъ! На лѣстницѣ и на площадкѣ было тихо и свѣтло...

Когда невидимый музыкантъ кончилъ, Варя съ сожалѣніемъ вздохнула и нажала кнопку звонка.

Антонина сидѣла въ большомъ креслѣ и порывисто протянула ей руки.

— Какъ мило съ вашей стороны... — заговорила она по-французски.

— Но какіе же у васъ были трефы?!—крикнулъ сердитый голосъ изъ сосѣдней комнаты. — Я вамъ прислалъ два онера. Прислалъ, или не прислалъ?

— Michel! — позвала Тоня:—это m-lle Вязмина.

Въ открытую дверь кабинета Варя увидѣла ломберный столъ, мужскую спину и лысину; въ профиль къ двери сидѣлъ другой мужчина и тасовалъ карты.

— Какіе же у васъ были трефы? — продолжалъ сердитый голосъ. — И на кой чортъ вы не оставили ихъ на пяти безъ козырей?

— Michel! —опять позвала Антонина.

— Я его сейчасъ позову; у нихъ катастрофа, надо имъ дать опомниться.

Варя увидала Викторію и слегка смутилась.

— Это вы играли?—спросила она, здороваясь.

— Нѣтъ, это не я, это онъ,—сказала дѣвушка.

Изъ-за рояля всталъ высокій молодой человѣкъ съ волосами бобрикомъ, съ маленькими рыжеватыми усиками и блѣднымъ красивымъ лицомъ.

— Николай Николаевичъ Стружковъ,—отрекомендовала Антонина.—Варвара Николаевна Вязмина.

Молодой человѣкъ сощурилъ глаза, медленно и лѣниво сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и пожалъ протянутую ему руку.

— Я знаю васъ,—сказалъ онъ.

— Почему вы меня знаете?

— Я нѣсколько разъ сидѣлъ, въ оперѣ, въ ложѣ рядомъ съ вашей. Я обратилъ на васъ вниманіе, потому что вы, по правдѣ сказать, ужасно мѣшали мнѣ. Не вы лично... Съ вами была какая-то дѣвица, которую я возненавидѣлъ. Ей-Богу: точно

въ оперу ѣздятъ для того, чтобы обращать на себя вниманіе и болтать. Какъ ее? Я даже узналъ ея фамилію.

— Вельшина?

— Да, да. Скажите ей, пожалуйста, что она рискуетъ, что я буду въ нее стрѣлять. Обѣ онѣ съ маменькой всегда опаздываютъ, входятъ въ ложу съ шумомъ и шуршаніемъ шелковъ, и затѣмъ начинается болтовня, смѣхъ... Точно онѣ недостаточно наговорились дома.

— Онѣ никогда не могутъ достаточно наговориться!—язвительно замѣтила Викторія.

— Но онѣ такія милыя!—заступилась Антонина.

— Я ихъ ненавижу!—повторилъ Стружковъ.—Еслибы я познакомился съ ними, я сталъ бы нарочно говорить имъ рѣзкости и даже дерзости. Мнѣ было бы пріятно, чтобы онѣ хоть отъ кого-нибудь слышали, что онѣ вовсе не такъ интересны, какъ это имъ кажется, и что вниманіе, которое онѣ на себя привлекаютъ, для нихъ далеко не лестно. На какомъ основаніи вся эта самоувѣренность и самовлюбленность?

— Ахъ, Николай Николаевичъ! Развѣ въ оперу ѣздятъ только для того, чтобы слушать музыку?—взволнованно запротестовала Антонина.—Это своего рода genre... Гдѣ и показаться свѣтской женщинѣ, какъ не въ своей ложѣ? Каждая ложа—это маленькая сцена. Такихъ фанатиковъ музыки, какъ вы, очень мало.

— А я стою на томъ, что никто не имѣетъ права мѣшать тѣмъ, кто хочетъ слушать музыку. И я опять буду имъ шикать.

Вышелъ Михаилъ Викторовичъ и поздоровался съ Варей.

— Вы не прекратите вашу игру?—съ легкимъ раздраженіемъ спросила его жена.

— Почему?—удивился тотъ.—Мы только-что сѣли.

— Но я думаю, что Варѣе было бы гораздо пріятнѣе...

— Нѣтъ, Бога ради... не нарушайте своихъ привычекъ для меня!—взмолилась Вязмина.

Нѣсколько вытянувшаяся физіономія доктора сразу просіяла.

— Да мы это очень скоро...—сказалъ онъ.

Изъ сосѣдней комнаты уже слышались нетерпѣливые призывные голоса.

Михаилъ Викторовичъ быстро исчезъ. Николай Николаевичъ и Викторія отошли къ роялю, а Варя сѣла около Тони.

— А я все еще больна...—заговорила хозяйка.

„Вотъ такъ и будетъ!—съ отчаяніемъ думала Вязмина:—я не съумѣю сказать ни одного слова, которое измѣнило бы отношеніе ко мнѣ, какъ къ церемонной, досадной гостьѣ. Тоня вол-

нуется, что со мной еще недостаточно церемонны... Когда я уйду, про меня будутъ говорить, какъ про Вельшину".

По привычкѣ думать и говорить о разномъ одновременно, Варя съ условнымъ оживленіемъ поддерживала разговоръ съ хозяйкой и слѣдила за Викторіей и Стружковымъ.

„Пусть бы онъ еще съигралъ!—мечтала она.—Мнѣ кажется, это придало бы мнѣ храбрости. Но если онъ будетъ играть, Тоня все-таки не перестанетъ разговаривать. Выйдетъ еще неловкость".

— А скоро чай?—крикнулъ изъ кабинета Михаилъ Викторовичъ.

— Сейчасъ,—отвѣтила Викторія и вышла изъ гостиной.

Николай Николаевичъ подошелъ къ Антонинѣ и нагнулся, заглядывая ей въ лицо своими близорукими глазами.

— Устали?—спросилъ онъ.

— Нисколько!

— Ну, да; разсказывайте! Сейчасъ же послѣ чая мы васъ отправимъ спать, и я съиграю вамъ „Berceuse."

— M-r Стружковъ самъ сочиняетъ,—сообщила Тоня гостьѣ,—и его вещи такъ прелестны!

— Какая вы сегодня смѣшная!—сказалъ Николай Николаевичъ и ласково засмѣялся:—„такъ прелестны"! Мнѣ показалось, что это сказали не вы, а ваша мать. Отчего вы такая?

Решкова вспыхнула, и на глазахъ ея показались слезы.

— Я такая же, какъ всегда. Вы любите смѣяться надо мной.

— А вы говорите, что вы не устали,—мягко упрекнулъ ее Стружковъ, замѣтивъ, что она готова заплакать.

Онъ взялъ ея руку и, погладивъ ее, поцѣловалъ.

„Неужели я не съумѣю съ нимъ заговорить?" — мучилась Варя, съ ненавистью представляя себѣ какъ бы со стороны всю свою фигуру съ изученной улыбкой, которую она чувствовала на своемъ лицѣ. Она быстро перебрала въ умѣ съ десятокъ фразъ, которыми она начинала разговоръ съ мало знакомыми ей людьми, и убѣдилась, что въ этомъ случаѣ онѣ ровно никуда не годны.

— А m-lle Вязмина поетъ,—сказала Антонина.

— Я не пою!—почти съ отчаяніемъ возразила дѣвушка.—Maman непремѣнно хотѣла, чтобы я училась, но у меня нѣтъ никакихъ данныхъ.

„До сихъ поръ я дѣлала только то, что̀ хотѣла maman, я была ея безгласной, покорной рабой, но теперь я рѣшила, что лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ сейчасъ",—про-

должала она мысленно, и сейчасъ же поняла, что ни за что не произнесетъ вслухъ этихъ словъ, что они у нея не выйдутъ.

Позвали пить чай. Изъ кабинета шумной, веселой группой вышли партнёры и, поздоровавшись съ Вязминой и немного присмотрѣвшись къ ней, очевидно рѣшили, что обращать на нее вниманія не стòитъ. Въ маленькой столовой застучали ножи и вилки, зазвенѣла посуда и немолчно зазвучали веселые, оживленные голоса. Всѣ мужчины, кромѣ Стружкова, были доктора. Они стали говорить о какомъ-то случаѣ въ больницѣ, постоянно упоминая имя извѣстнаго профессора. Варя не знала, въ чемъ дѣло, и никто не нашелъ нужнымъ объяснить ей. Ея сосѣдъ, большой, толстый докторъ съ лысиной во всю голову, обернулся къ ней спиной и толкалъ ее локтемъ, такъ что ей нужно было отодвинуться отъ него. Съ другой стороны сидѣлъ Стружковъ и сосредоточенно ѣлъ ветчину. Тоня угощала ее черезъ столъ, поминутно окликала мужа и приказывала ему предложить m-lle Вязминой то одного, то другого. Викторія разливала чай.

— Онъ женатъ на бывшей сестрѣ милосердія,— замѣтилъ одинъ изъ докторовъ.

— Послушайте, нельзя ли мнѣ записаться въ „сестры“? — спросила Викторія.

— Вы думаете, что всѣ выходятъ замужъ?— пошутилъ маленькій, худенькій докторишко съ рюмкой водки въ рукѣ.—Ваше здоровье, Викторія Львовна!

— А вы думаете, я непремѣнно хочу замужъ? Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я бы пошла въ сестры милосерія, если бы я могла выбирать больныхъ: за кѣмъ я хочу ухаживать, а за кѣмъ не хочу. И чтобы я могла уходить на то время, когда у меня нѣтъ ни милосердія, ни состраданія къ людямъ, когда всѣ мои добрые источники изсякаютъ.

— Это что же за время? И развѣ бываетъ оное: когда у васъ есть милосердіе и состраданіе? никогда не подозрѣвалъ!

— А я серьезно говорю, что я бы пошла.

— Но вы представьте себѣ такой случай: вамъ довѣрили больного, ему, положимъ, надо дать лекарство, а вы вдругъ почувствовали, что у васъ больше нѣтъ ни милосердія, ни состраданія и что вашъ источникъ изсякъ. Какъ же быть?

— Вы все шутите,—серьезно сказала Викторія,—а развѣ вы сами никогда не испытали такого чувства, будто въ васъ разомъ душа стала холодной, равнодушной, неспособной откликнуться на чужое горе или страданіе? Будто потухъ какой-то внутренній огонь. Не испытали? Не можетъ быть! А я такъ признаюсь,

что временами становлюсь прямо безсердечной и жестокой. И еслибы мнѣ тогда пришлось притворяться, было бы еще хуже: я бы возмутилась и стала бы настоящимъ чудовищемъ.

— И все-таки говорите, что хотѣли бы быть сестрой милосердія?

— И не только говорю, а дѣйствительно хочу. Я объ этомъ уже не разъ думала. И увѣряю васъ, я была бы не хуже другихъ. Я любила бы свое дѣло... Да, я увѣрена, что я бы любила его. А во время тѣхъ приступовъ человѣконенавистничества я уходила бы куда-нибудь подальше...

— Ахъ, Витя,—сказала Тоня,—какія у тебя всегда фантазіи! То управа, то теперь...

— Управа! — со злобой вскрикнула дѣвушка.—Управа не фантазія, а необходимость. Чтò же мнѣ дѣлать, если мнѣ нуженъ заработокъ? Предложили управу,—пошла въ управу. Но развѣ такое дѣло можетъ удовлетворить? Мнѣ сперва казалось, что мнѣ нужны только свобода и самостоятельность, а теперь я вижу, что вовсе не то нужно.

— А найдете что-нибудь другое, и опять будетъ не то,—смѣясь, замѣтилъ докторъ и махнулъ рукой.—Извѣстная исторія!

— Значитъ, и не искать?—упрямо спросила Викторія.

Она облокотилась о столъ и разсѣянно размѣшивала ложечкой чай.—Нѣтъ, буду искать. Я считаю, что я въ исключительно выгодномъ положеніи: одна, здорова, сильна. Чего мнѣ бояться? Отчего мнѣ не дѣлать всякіе опыты надъ своей жизнью? Вѣдь она принадлежитъ только мнѣ. И, слава Богу, мнѣ кажется, что я не люблю и не хочу ни спокойствія, ни личнаго счастья, такимъ, какъ его принято понимать...

— Да, вамъ кажется. Вамъ, именно, только кажется.

— Не думаю. У меня нѣтъ непреодолимыхъ привязанностей, какой-нибудь исключительной любви къ людямъ, къ вещамъ, къ мѣсту... И поэтому я думаю, что интересная, разнообразная жизнь для меня доступнѣе, чѣмъ для другихъ.

— Для равнодушныхъ людей не можетъ быть интересной жизни! — вдругъ отрывисто и быстро сказалъ Николай Николаевичъ.

Викторія подняла голову и пристально поглядѣла ему въ лицо.

— У меня нѣтъ исключительныхъ привязанностей, исключительныхъ вкусовъ,—повторила она,—но я не равнодушна. И въ жизни я люблю жизнь.

— Да вѣдь это фраза! — снисходительно замѣтилъ толстый

докторъ, сосѣдъ Вари, и вытеръ лысину платкомъ.—Въ жизни любятъ не жизнь, а что-нибудь одно, то-есть, такое, чтò можно опредѣлить другими словами: любятъ жить, любятъ деньги, карты, вино, колбасу...

Для большей наглядности онъ приподнялъ бутылку и стукнулъ ею о столъ, и потомъ, взявъ въ руку колбасу, подумалъ и отрѣзалъ отъ нея толстый кусокъ.

— А жизни въ отвлеченномъ смыслѣ нѣтъ. Жизнь любить нельзя.

Но съ нимъ не согласились.

— Ну, батенька, нѣтъ. А инстинктъ жизни? Инстинктъ—та же любовь.

— Это, знаете, будто слишкомъ матеріально...

Поднялся шумъ и споръ.

Викторія нагнулась къ Стружкову и стала говорить что-то ему одному.

— И вотъ не могу я забыть этого утра,—вдругъ ясно послышался ея голосъ среди случайно водворившейся тишины,—вышла я на берегъ рѣки...—Она немного смутилась, замѣтивъ, что всѣ ее слушаютъ, но все-таки продолжала:—Столько простора, столько солнца, столько блеску, свѣта, переливовъ, звуковъ! Такъ все прекрасно, широко и полно жизни... И тогда точно какое-то откровеніе осѣнило меня: чтò мы дѣлаемъ? за чтò мы губимъ себя въ узкихъ, шаблонныхъ рамкахъ, когда весь міръ для насъ—одна чудесная загадка, когда даже въ собственной душѣ можно найти столько неожиданнаго, заглушеннаго... Зачѣмъ одна узкая, проторенная тропинка, затоптанная, заплеванная, когда вся красота, вся свѣжесть и прелесть жизни—тамъ, гдѣ еще все ново, гдѣ люди не хватались руками за каждый придорожный кустъ, не испошлили и не изгадили все, чтò встрѣчается на пути. И вотъ тогда я почувствовала, что я не знаю, совсѣмъ не знаю красоты, свѣжести и прелести жизни, но что она есть, непремѣнно есть, потому что міръ великъ и широкъ и душа глубока и неизвѣдана. И такъ мнѣ захотѣлось этой жизни!.. жизни!..

— Это сонъ?—спросилъ маленькій, худенькій докторишко.

Викторія не отвѣтила.

И вдругъ послышался какой-то странный, сдавленный звукъ, и не успѣлъ еще никто сообразить, чтò случилось, какъ Антонина тяжело упала головой на плечо сосѣда и забилась въ истерикѣ.

— Не хочу умирать! Не хочу... болѣзни!—кричала она.—

жизни!.. ахъ!.. да что же это?.. да что?.. вѣдь я... измучена... Ха, ха, ха... Это ничего... ха, ха... Красоты!.. жизни!..

Ее подняли и унесли на рукахъ въ спальню. Въ столовой сразу стало пусто и тихо.

Варя убѣжала въ гостиную и, вся взволнованная, дрожащая, остановилась у окна и стала глядѣть на темную улицу.

„Уйти?—думала она.—Да. Конечно уйти. Я здѣсь лишняя, чужая. Я могу только стѣснять“.

Но она не уходила и ждала чего-то, напряженно прислушиваясь къ заглушеннымъ закрытыми дверями звукамъ.

Въ комнату кто-то вошелъ; она оглянулась и увидѣла Стружкова.

— Ну, что?—робко спросила она.—Она еще не успокоилась?

— А, вы здѣсь?—удивился Николай Николаевичъ.—Она думала, что вы уѣхали... Да, она почти успокоилась. Я видѣлъ, что она страшно утомлена. Она еще до вашего прихода все волновалась, что всѣ мы будемъ шокировать васъ своей невоспитанностью. Она все время была въ тревогѣ.

— О! — вырвалось у Вари съ искреннимъ отчаяніемъ, но сказать она ничего не съумѣла. Ей было только горько и больно.

Стружковъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Значитъ, мнѣ лучше уйти?—тихо замѣтила Вязмина.

— Нѣтъ. лучше подождите. Лучше, если вы проститесь съ ней, когда она совсѣмъ оправится. Она увидитъ, что вы не обижены и не разсержены. Она такъ дорожитъ вашей дружбой. Вамъ это не трудно?

— Нѣтъ, я съ радостью!.. Я такъ и хотѣла!.. Но я боялась.

Стружковъ удивленно поглядѣлъ на нее и продолжалъ ходить.

— Странная женщина!—заговорилъ онъ, немного спустя.— Странная! Добрая, милая и помѣшанная на какомъ-то grand mond'ѣ, на манерахъ, на приличіяхъ.

— Это не ея вина,—сказала Варя.

— Да, я знаю. Это—воспитаніе ея маменьки, жалкое, уродливое.

Въ его тонѣ слышались злоба и презрѣніе.

— Это не ея вина,—повторила дѣвушка,—и... я думаю, она, все-таки, счастливѣе другихъ... Это воспитаніе не испортило ей жизни, не... не...

Она такъ волновалась, что не находила больше словъ, чтобы выразить дальше свою мысль.

— Нѣтъ, испортило!—увѣренно сказалъ Стружковъ.—Она ужасно любитъ и мужа, и дѣтей, но спросите ее! она постоянно

недовольна, постоянно „оскорблена" жизнью и окружающимъ. У нея какіе-то феерическіе идеалы, гдѣ люди едва касаются земли, а женщины похожи на райскихъ птичекъ. Теперь ея болѣзнь угнетаетъ ее до крайности. Когда Викторія говорила, она не поняла ея. Она услыхала слова: „красота, свѣжесть, прелесть жизни"... Она уловила въ голосѣ, въ тонѣ сестры безконечную тоску по этой жизни, красивой, полной прелести, и вотъ... бацъ! истерика. А почему вы рѣшили, что она счастливѣе другихъ? На вашу оцѣнку, я, думаю, ея жизнь ужасна?

Вязмина быстро подняла голову.

— Ея? О, еслибы вы знали!.. Но у васъ столько презрѣнія къ намъ! Развѣ вы поймете? развѣ вы повѣрите?

— Я выказалъ вамъ презрѣніе?—спросилъ Николай Николаевичъ и остановился передъ дѣвушкой. — Я не знаю васъ лично. И, если хотите, меня даже удивило, что вы... вы... сравнительно такъ просты. Насъ всѣхъ такъ муштровали въ виду вашего появленія. Насъ такъ приготовляли... И, признаюсь, меня это такъ злило!..

Варя опустила глаза, и губы ея слегка подергивались, когда она заговорила вновь.

— Вотъ какъ легко быть несправедливымъ... даже... жестокимъ! Но, видите ли, я не умѣю говорить... выразить... Я такъ не привыкла...

Въ это время въ гостиную вошли другіе мужчины.

— Что же, еще одинъ роберикъ?—спросилъ толстый докторъ.

— Николай Николаевичъ!—сказалъ Михаилъ Викторовичъ:—жена говоритъ, что вы ей обѣщали „Berceuse". Она теперь требуетъ обѣщаннаго Вы извините, — обратился онъ къ Варварѣ Николаевнѣ,—Тоня прямо въ отчаяніи!..

— А вы скажите ей, что Варвара Николаевна желаетъ ей покойной ночи, но что я уговорилъ ее остаться и беру на себя ее занять,—быстро отвѣтилъ Стружковъ.—Подите, скажите, и я буду играть.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ на ломберномъ столѣ горѣли свѣчи, и въ двери изъ гостиной можно было видѣть двѣ фигуры: одну спиной, другую—въ профиль.

Стружковъ игралъ.

При первыхъ звукахъ рояля вошла Викторія и молча сѣла въ уголъ дивана, подобравъ подъ себя ноги. Она слушала, не спуская глазъ съ исполнителя, и лицо ея приняло строгое и печальное выраженіе. Вязмина сидѣла противъ нея на низкомъ мягкомъ креслѣ. Но она плохо слушала. Она никогда не съумѣла

бы припомнить, что̀ именно игралъ въ этотъ вечеръ Николай Николаевичъ. Опять то же удивленіе, то же чувство новизны и тревоги охватило ее. Неясныя мысли, похожія на мечты, на движущіяся, расплывающіяся видѣнія, возникали и пропадали безслѣдно... Всѣ впечатлѣнія вечера... всѣ затаенныя надежды, желанія, обиды судьбы... И вдругъ она увидала себя на берегу рѣки, прекрасной, широкой, сверкающей на ослѣпительномъ солнцѣ. Волны катились и шумѣли.

„Это Викторія говорила про нее,—думала Варя.—И про жизнь, и про то, что душа такъ глубока и неизвѣданна. Это правда. Развѣ я узнаю себя сегодня? развѣ это я? Душа глубока, а жизнь давитъ и душитъ. Дать волю душѣ! Убѣжать изъ тѣсноты и духоты на свободу, на волю"...

Волны катились и шумѣли. Жадно и тревожно раскрывалась душа новымъ, захватывающимъ впечатлѣніямъ. Варя подняла глаза и увидала строгое, печальное лицо Викторіи. Еще недавно она мечтала о встрѣчѣ съ ней, она отчаявалась, что не съумѣетъ заслужить ея расположеніе. Въ теченіе всего вечера она не сказала съ ней двухъ словъ, а теперь, почему-то, она сама не хотѣла бы ни дружбы, ни ея сочувствія. Какая-то необъяснимая враждебность зародилась незамѣтно и сказалась легкимъ, непріятнымъ чувствомъ. Она отвела глаза и стала глядѣть на Стружкова. И опять возникали и расплывались мечты, душа точно ширилась и росла...

Когда Варвара Николаевна въ эту ночь вернулась домой и вошла въ свою комнату, ей показалось, что ее окружили знакомыя и ненавистныя ей стѣны тюрьмы. И, медленно раздѣваясь передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, она думала о томъ, что она ошиблась... Она ошиблась! Ничего новаго, глубокаго, удивительнаго не нашла она въ своей душѣ. Она вернулась такой же, какъ ушла: безсильной, безпомощной, робкой. Единственное, что̀ осталось отъ всѣхъ впечатлѣній вечера, это было новое чувство враждебности къ Викторіи,—легкой, но несомнѣнной.

„Я ошиблась, — думала Варя. — Это Стружковъ... это его игра опьянила меня. Я больше никогда не увижу и не услышу его. И пусть они, онъ и Викторія, презираютъ меня. Богъ съ ними! Богъ съ ними"!

Е. Авилова.

НАШИ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ

и

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

— А. А. Радцигъ. Финансовая политика Россіи съ 1897 г. Сборникъ статей. Спб., 1903.

— М. С. Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва, 1903.

I.

Постепенный хозяйственный упадокъ крестьянства составляетъ наиболѣе характерную черту новѣйшей экономической исторіи Россіи. Такъ какъ обнищаніе сельскаго населенія идетъ рядомъ съ значительнымъ ростомъ крупной промышленности и съ огромнымъ увеличеніемъ финансовыхъ средствъ государства, то въ результатѣ получается нѣчто парадоксальное: народъ бѣднѣетъ, а казна обогащается избытками взимаемыхъ съ него денежныхъ суммъ, которыми дѣлится отчасти съ представителями излюбленныхъ отраслей отечественной промышленности. За десять лѣтъ, съ 1893 до 1903 года, государственное казначейство получило съ населенія на 1.300 милліоновъ рублей больше, чѣмъ слѣдовало по смѣтнымъ исчисленіямъ, и эти излишне поступавшія суммы брались не изъ доходовъ, а изъ имущества народа, который систематически пріучался жить впроголодь. Соблазняясь возможностью располагать неограниченными свободными средствами сверхъ установленныхъ бюджетныхъ нормъ, финансовое вѣдомство отступало отъ элементарныхъ правилъ разум-

ной финансовой политики, предписывающей прежде всего щадить платежныя силы населенія и не разорять народнаго хозяйства для обогащенія казны.

Въ оцѣнкѣ экономическихъ послѣдствій дѣйствовавшей у насъ до сихъ поръ финансовой системы сходятся всѣ знатоки и изслѣдователи нашихъ государственныхъ финансовъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали. Въ этомъ смыслѣ кажется намъ очень поучительнымъ сборникъ спеціальныхъ статей А. А. Радцига, осторожнаго и благонамѣреннаго статистика, котораго никто не заподозритъ въ тенденціозности. Г. Радцигъ приводитъ множество фактовъ и цифръ, доказывающихъ ненормальность нашего экономическаго положенія. Косвенные налоги составляли въ семидесятыхъ годахъ около 3 р. на душу населенія, а въ 1901 году они превысили 5 р.; цѣны всѣхъ товаровъ, покупаемыхъ сельскимъ населеніемъ, искусственно подняты пошлинами, а цѣны земледѣльческихъ продуктовъ значительно ниже прежнихъ; количество крестьянскаго рабочаго скота уменьшается въ громадныхъ размѣрахъ, образуется обширный сельскій пролетаріатъ, народное земледѣліе подрывается въ самыхъ своихъ основаніяхъ, и между тѣмъ съ народа добываются какіе-то излишки государственныхъ доходовъ, въ размѣрѣ болѣе полутораста милліоновъ въ годъ, которые щедро тратятся на поддержку частныхъ металлургическихъ предпріятій, на постройку убыточныхъ желѣзныхъ дорогъ, на пріобрѣтеніе акцій машиностроительныхъ заводовъ и т. п. Благополучіе роскошныхъ бюджетовъ и затратъ никого не должно вводить въ заблужденіе. „И во времена крѣпостного права,—замѣчаетъ г. Радцигъ,—помѣщики жили богато и весело, тогда какъ ихъ крестьяне часто недоѣдали. Но и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ были помѣщики, понимавшіе, что нельзя рѣзать курицу, несущую золотыя яйца"... Такихъ „понимающихъ" мало и въ настоящее время, если судить по способу обычныхъ финансовыхъ воздѣйствій на сельское населеніе.

Высокія покровительственныя пошлины и акцизы, которыми обложены многіе необходимые предметы потребленія и хозяйства, налагаютъ на страну тяжелую дань, невыгодную и для казны; устраненіе или стѣсненіе иноземнаго привоза каменнаго угля, хлопка, желѣзныхъ орудій и машинъ чрезмѣрно удорожаетъ производство и ставитъ предѣлы развитію той именно крупной промышленности, которая служитъ предметомъ правительственныхъ заботъ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ,—говоритъ между прочимъ г. Радцигъ,—наше правительство удовлетворяло всѣ ходатайства углепромышленниковъ, часто въ ущербъ интересамъ осталь-

ного населенія; пошлина на уголь, привозимый въ черноморскіе порты, увеличиваетъ стоимость вывоза нашего хлѣба за границу, такъ какъ суда, прибывающія къ намъ за хлѣбными продуктами, не могутъ привозить уголь вмѣсто балласта и должны брать съ хлѣбныхъ экспортеровъ фрахты за оба конца; поэтому доставка хлѣба на европейскіе рынки изъ Аргентины обходится дешевле, чѣмъ изъ Россіи. Добиваясь устраненія конкурренціи иностраннаго угля, наши углепромышленники въ то же время не въ состояніи обезпечивать правильное снабженіе отечественнаго рынка туземнымъ углемъ даже по повышеннымъ цѣнамъ, вслѣдствіе чего уголь замѣняется дровами и истребленіе лѣсовъ усиливается. Таможенная охрана поддерживаетъ лишь техническую отсталость русскихъ угольныхъ копей, съ ихъ первобытными способами эксплуатаціи простого физическаго труда рабочихъ. Точно такъ же не можетъ быть оправдано и одностороннее покровительство желѣзодѣлательнымъ заводамъ, путемъ ограниченія привоза соотвѣтственныхъ иностранныхъ товаровъ. И въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ г. Радцигъ,—зачѣмъ желѣзозаводчикамъ заботиться о сбытѣ своихъ произведеній, если, при цѣнѣ стальныхъ болванокъ на югѣ по 85 коп. за пудъ, казна за рельсы, стоимость которыхъ должна быть почти одинаковая, платитъ по 1 р. 25 коп. за пудъ, причемъ заказы даны на три года,—и это при самомъ дешевомъ чугунѣ на свѣтѣ? Въ Англіи, при сравнительной дороговизнѣ чугуна, рельсы стоятъ лишь 84 коп., въ Америкѣ—88 коп.; у насъ же заводы смѣло назначаютъ цѣны въ полтора раза выше, опираясь на запретительныя пошлины. Оттого и барыши заводчиковъ оказываются часто ненормальными: такъ, южно-днѣпровское металлургическое общество, на капиталъ въ пять милліоновъ рублей, выплатило въ одно пятилѣтіе, по 1900 г., десять милліоновъ рублей дивиденда; такимъ образомъ акціонеры въ пять лѣтъ два раза вернули свой капиталъ и имѣютъ громадный заводъ, стоимость котораго почти погашена. И однако до сихъ поръ, послѣ многолѣтняго существованія охранительныхъ пошлинъ, заводчики не думаютъ о производствѣ дешеваго желѣза. Пошлины „даютъ имъ возможность взимать съ населенія двойныя цѣны за желѣзо, и было бы странно ожидать, чтобы заводчики согласились продавать свои издѣлія по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Заставить ихъ продавать желѣзо дешевле—есть лишь одинъ способъ, а именно—пониженіе пошлинъ“. Высокія цѣны на желѣзо „удорожаютъ постройку желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ, мостовъ, водопроводовъ въ городахъ и самыя орудія для обра-

ботки земли". Дороговизна угля и желѣза, между прочимъ, вліяетъ и на наши желѣзнодорожные тарифы, которые во многихъ случаяхъ значительно выше заграничныхъ; напр. перевозка хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ стоитъ у насъ вдвое дороже, чѣмъ въ Америкѣ, въ виду необходимости возмѣщенія желѣзнодорожныхъ переплатъ въ цѣнахъ угля и желѣза,—и за эти переплаты приходится отвѣчать нашимъ сельскимъ хозяевамъ, тогда какъ покровительствуемые горнозаводскіе грузы перевозятся чуть ли не даромъ. Сотни милліоновъ рублей, собранныхъ съ сельскаго населенія, употреблены на постройку желѣзныхъ дорогъ, и потому,—разсуждаетъ г. Радцигъ,—было бы справедливо, чтобы дороги возили по дешевымъ тарифамъ сельскохозяйственные продукты; между тѣмъ въ дѣйствительности дешевле всего перевозятся грузы тѣхъ промышленниковъ, которые получаютъ отъ дорогъ наибольше переплатъ въ видѣ искусственно повышенныхъ цѣнъ за свои товары.

Ложно направленный протекціонизмъ, сокращая привозъ изъ-за границы, ограничиваетъ и вывозъ, и приводитъ вообще къ постоянному стѣсненію и сокращенію торговыхъ оборотовъ; наша внѣшняя торговля стоитъ теперь на томъ же уровнѣ, какъ двадцать лѣтъ назадъ, несмотря на постройку цѣлой сѣти новыхъ дорогъ. Неумѣренное таможенное покровительство обогащаетъ отдѣльныхъ производителей на счетъ населенія, но рѣшительно препятствуетъ развитію отечественной промышленности. Пошлина на хлопокъ, доведенная до 4 рублей 15 копѣекъ съ пуда, составляетъ налогъ на потребителей въ размѣрѣ 60 милліоновъ въ годъ, и значительная доля этихъ милліоновъ достается не только средне-азіатскимъ и закавказскимъ, но и персидскимъ хлопководамъ, безъ малѣйшей къ тому надобности; русскіе же потребители переплачиваютъ на хлопчатобумажныхъ издѣліяхъ около двухсотъ милліоновъ рублей въ годъ, чѣмъ задерживается увеличеніе спроса на продукты бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ. Хлопковыя плантаціи процвѣтали въ Средней Азіи и въ Закавказьѣ, когда пошлина не превышала 25 коп. съ пуда; расширить производство хлопка настолько, чтобы мы не нуждались въ привозѣ его изъ Америки,—невозможно по естественнымъ причинамъ, такъ какъ безъ орошенія хлопокъ не ростетъ, а орошаемыхъ земель у насъ мало; тѣмъ не менѣе, русскій потребитель вынужденъ платить двойныя цѣны за необходимыя хлопчатобумажныя издѣлія подъ предлогомъ покровительства отечественной промышленности. Благодаря установленной у насъ высокой пошлинѣ на американскій хлопокъ, персы увеличили вывозъ къ

намъ своего хлопка по возвышеннымъ цѣнамъ и стали получать съ русскихъ потребителей до трехъ милліоновъ рублей лишнихъ въ годъ. Почти всѣ предметы потребленія непомѣрно дороги у насъ: керосинъ недоступенъ большинству населенія, такъ какъ обложенъ слишкомъ высокимъ акцизомъ (60 коп. на пудъ!); сахаръ втрое дороже у насъ, чѣмъ въ Англіи, и для поддержанія этихъ высокихъ цѣнъ въ Россіи сахарозаводчики сбываютъ свободные запасы продукта на лондонскій рынокъ по англійскимъ же цѣнамъ, въ убытокъ себѣ, лишь бы не допустить пониженія цѣнъ для русскихъ потребителей; пошлина на чай превышаетъ въ полтора раза его стоимость, и потому фунтъ чаю, стоющій въ Англіи около 85 коп., обходится намъ въ два рубля; кофе тоже обложено пошлиною въ 100%, какъ и рисъ, сельди и т. п.; обыкновенная водка продается въ винныхъ лавкахъ по семи или восьми рублей за ведро, тогда какъ при прежнихъ нормахъ акциза ведро водки стоило не болѣе пяти рублей. Въ концѣ концовъ все населеніе, преимущественно сельское, чувствуетъ на себѣ гнетъ искусственнаго промышленнаго протекціонизма. „Косвенные налоги и покровительственная политика удорожили жизнь въ Россіи въ такой степени, что пришлось повысить жалованье чиновникамъ во всѣхъ министерствахъ, такъ какъ при теперешней дороговизнѣ прежніе оклады оказались слишкомъ низкими. Но тогда какъ заработки чиновниковъ могли быть повышены, люди, работающіе въ сельско-хозяйственной промышленности, не получили компенсаціи: расходы ихъ увеличились, а доходы остались прежніе;—въ результатѣ произошло обѣднѣніе коренного населенія Россіи“ [1]).

II.

Само собою разумѣется, что обѣднѣніе главной массы народа не могло быть сознательною цѣлью финансовой политики, и если таковъ результатъ дѣйствующей системы, то послѣдняя должна быть соотвѣтственнымъ образомъ измѣнена. Въ литературѣ иногда высказывается мнѣніе, что хозяйственный упадокъ крестьянства есть неизбѣжное условіе общаго экономическаго прогресса, и что народное разореніе служитъ симптомомъ или послѣдствіемъ необходимой прогрессивной перемѣны въ общемъ строѣ народнаго хозяйства,—перемѣны, заключающейся въ насажденіи и развитіи промышленнаго капитализма взамѣнъ уста-

[1]) Радцигъ, стр. 27.

рѣлыхъ первобытныхъ формъ экономическаго быта. Но, конечно, стихійный процессъ разложенія и преобразованія крестьянскаго хозяйства могъ бы вызывать и оправдывать только извѣстныя охранительныя мѣры, а никакъ не разрушительныя;—и если суждено народному земледѣлію подвергаться тяжелымъ ударамъ судьбы, то во всякомъ случаѣ эти удары не должны исходить отъ государства. Очевидно, финансовая политика, подрывающая интересы сельскаго населенія, не можетъ быть причислена къ тѣмъ роковымъ, естественнымъ причинамъ, дѣйствія которыхъ нельзя ни устранить, ни ограничить; напротивъ, финансовое вѣдомство имѣло всѣ основанія къ тому, чтобы стремиться къ поднятію, а не къ подрыву крестьянскаго хозяйства, и оттого коренной поворотъ въ экономической политикѣ государства вполнѣ соотвѣтствовалъ бы природѣ вещей. Настоятельная необходимость такого поворота составляетъ обычную тему многочисленныхъ разсужденій и ходатайствъ, касающихся мѣстной жизни; эта тема возбуждала наименьше разногласій и въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, заключенія которыхъ по данному вопросу отличаются вообще особенною опредѣленностью.

Въ вышедшей недавно книгѣ г. Толмачева мы находимъ интересный сводъ мнѣній земскихъ и мѣстныхъ людей о крестьянскомъ вопросѣ, начиная съ губернскихъ совѣщаній 1894 года и кончая работами комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Въ этихъ мнѣніяхъ и отзывахъ мѣстныхъ людей рисуется печальная картина непрерывнаго ухудшенія быта крестьянъ подъ вліяніемъ причинъ и условій, создаваемыхъ или подерживаемыхъ одностороннею финансовою политикою. Повсюду повторяются жалобы на непосильную тягость платежей и повинностей, на несоразмѣрное обложеніе косвенными налогами предметовъ первой необходимости для народа и на усиливающееся вслѣдствіе этого разстройство крестьянскаго хозяйства. Въ тульской губерніи, напримѣръ, за послѣднее двадцатипятилѣтіе количество недоимокъ въ сельскихъ обществахъ возросло съ 3% до 244%, безлошадныхъ дворовъ—съ 18 до 35%; около 37% взрослаго мужского населенія вынуждено искать работы на сторонѣ, для пополненія хроническихъ дефицитовъ. При постоянномъ недоѣданіи, при частыхъ заболѣваніяхъ отъ голода и дурной пищи, нельзя и думать о сбереженіяхъ и серьезныхъ улучшеніяхъ. Въ московской губерніи всевозможные платежи, падающіе на крестьянскую землю, составляютъ не менѣе половины максимальнаго чистаго дохода. Въ лохвицкомъ уѣздѣ

полтавской губерніи изъ всего числа земельныхъ хозяйствъ почти четвертая часть уже отказалась отъ обработки своей полевой земли, за неимѣніемъ скота и по отсутствію матеріальныхъ средствъ; шесть седьмыхъ населенія „не извлекаютъ достаточныхъ средствъ изъ собственнаго хозяйства для сколько-нибудь сноснаго существованія; три четвертыхъ находятся въ положеніи крайне бѣдственномъ, несомнѣнно недоѣдаютъ, при существующей фискальной системѣ и широкомъ примѣненія косвеннаго обложенія платятъ еще значительныя суммы въ видѣ акцизовъ, таможенныхъ пошлинъ, государственнаго и земскаго поземельнаго налога, мірскихъ сборовъ и выкупныхъ платежей". Въ воронежской губерніи „чистый доходъ съ крестьянскихъ земель равняется въ среднемъ 3 р. 62 к. на десятину, а однихъ прямыхъ платежей, казенныхъ, земскихъ, волостныхъ и мірскихъ, падаетъ на ту же десятину 2 р. 55 к., или 70%". Только ничтожная доля собираемыхъ налоговъ идетъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей. Такъ, изъ поступившихъ въ 1901 году по воронежской губерніи $17\frac{1}{2}$ милліоновъ было 11 милліоновъ рублей только по управленію неокладныхъ сборовъ, т.-е. главнымъ образомъ съ водки, сахара и табака. На прямыя нужды сельскаго хозяйства и косвенно съ нимъ связанныя, по министерствамъ земледѣлія, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія, по почтово-телеграфному вѣдомству и по государственному коннозаводству, расходъ по губерніи составляетъ менѣе 5% взимаемыхъ налоговъ. На такую важную потребность, какъ народное образованіе, затрачивается всего $1\frac{1}{3}$% поступающихъ сборовъ, и притомъ преимущественно на городскія школы; сельскіе же плательщики податей „остаются коснѣющими въ невѣжествѣ и нуждѣ". Въ нижегородской губерніи средняя доходность съ десятины опредѣлена въ 3 р. 21 к., и точно такую же сумму составляютъ налоги, падающіе на десятину надѣла; на дворъ приходится платежей 22 р., въ томъ числѣ 10 р. выкупныхъ; безлошадныхъ хозяевъ болѣе 40%; задолженность почти удвоилась за десять лѣтъ. Налоги съ крестьянъ часто поглощаютъ весь ихъ чистый доходъ и взыскиваются также въ тѣхъ случаяхъ, когда никакого дохода нѣтъ.

Почти всѣ сельско-хозяйственные комитеты отмѣчаютъ вредное вліяніе протекціонизма на земледѣльческую промышленность. Крестьяне-землевладѣльцы „не только обречены содержать изъ своихъ скудныхъ средствъ небольшую горсть крупныхъ промышленниковъ, но, благодаря этому, должны съуживать свой потребительный бюджетъ до минимума"; не могутъ также „проникнуть

въ земледѣльческія массы сельско-хозяйственныя орудія, такъ какъ производство ихъ обходится у насъ дорого, и покупательная способность обѣднѣвшаго, голодающаго населенія низка, а это отражается на техникѣ земледѣлія, понижаетъ производительность сельско-хозяйственнаго промысла". Всѣ выгоды и преимущества покровительственной системы „принадлежали крупной фабрично-заводской промышленности, всѣ тяготы ложились на сельское хозяйство". Изъ общей суммы прямыхъ налоговъ болѣе половины уплачивается исключительно земледѣльческимъ классомъ; сверхъ того, мірскіе расходы крестьянъ идутъ почти цѣликомъ на содержаніе сельской администраціи, которая служитъ интересамъ всего населенія. Однако,—какъ резюмируетъ г. Толмачевъ заключенія комитетовъ,—болѣе всего обременяютъ сельское хозяйство налоги косвенные и высокія ввозныя пошлины. „Облагая въ цѣляхъ фиска и поощренія отечественной промышленности самонужнѣйшіе предметы общаго потребленія, правительство переноситъ всю или наибольшую тяжесть этого обложенія на земледѣльческіе классы, которые уже по одной своей численности являются преобладающими потребителями обложенныхъ продуктовъ; между тѣмъ крупная обработывающая промышленность и торговля обложены сравнительно легко: промысловое обложеніе даетъ только 65 милл. р., тогда какъ акцизные доходы исчисляются въ суммѣ не менѣе 600 милліоновъ рублей". Нѣкоторые комитеты обращали особенное вниманіе на то, что слишкомъ малая часть государственныхъ доходовъ возвращается населенію путемъ удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. По мнѣнію балашовскаго комитета, „необходимо уменьшить централизацію доходовъ, получаемыхъ съ населенія въ формѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, такъ какъ, благодаря этой централизаціи, все усиливающейся, провинція одичала и оскудѣла. Культурнаго роста въ странѣ, при всемъ желаніи, трудно ожидать, когда центры поглощаютъ большую часть народныхъ средствъ". Елецкій комитетъ напоминаетъ, что налоги можно брать только съ чистаго дохода, а у насъ этотъ основной принципъ явно нарушается относительно крестьянъ: для государственныхъ надобностей сельское населеніе должно растрачивать свой основной капиталъ. „Нужды нашей сельско-хозяйственной промышленности приносятся въ жертву индустріи. Никакія улучшенія въ области сельскаго хозяйства невозможны, если не будутъ приняты коренныя реформы въ упомянутыхъ сторонахъ государственной жизни. Необходимо измѣненіе финансовой политики,—измѣненіе, которое равномѣрно распредѣлило бы налоговое бремя между разными

экономическими группами населенія". Лохвицкій комитетъ находитъ, что всѣ щедрыя траты казны на развитіе крупной промышленности покрываются главнымъ образомъ земледѣльческимъ населеніемъ. „Если къ тѣмъ милліардамъ, которые были взяты у сельскаго хозяйства на этотъ предметъ, прибавить тѣ траты и переплаты, которыя вызваны привилегіями и затрудненіями, удороженнымъ устройствомъ (въ видахъ того же покровительства промышленности желѣзодѣлательной) огромной сѣти желѣзныхъ дорогъ, и присчитать тѣ капиталы, которые накоплены были раньше и еще накопляются на счетъ земледѣлія акціонерными и другими частными кредитными учрежденіями, благодаря ограниченности государственнаго кредита, то станетъ ясно, что̀ именно послужило основной причиной деревенскаго разоренія". Большинство комитетовъ формулируетъ свои пожеланія въ томъ смыслѣ, что для подъема сельско-хозяйственной промышленности необходимо, во-первыхъ, прекращеніе односторонней покровительственной политики по отношенію къ фабрично-заводскимъ предпріятіямъ; во-вторыхъ, облегченіе податного бремени съ крестьянъ, преимущественно выкупныхъ платежей и косвенныхъ налоговъ; и въ-третьихъ, постепенное введеніе подоходнаго налога [1].

Когда говорятъ о мѣрахъ къ подъему сельско-хозяйственной промышленности, то прежде всего надо имѣть въ виду, что подъемъ разумѣется здѣсь не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ: не поднимать приходится слабѣющее земледѣліе, а только способствовать уменьшенію лежащаго на немъ гнета прямыхъ и косвенныхъ обязательныхъ платежей, идущихъ отчасти на поддержаніе крупныхъ капиталистическихъ предпріятій. Сельское хозяйство не требуетъ отъ государства никакихъ особыхъ льготъ или привилегій; оно требуетъ только равноправности съ другими отраслями производительной дѣятельности, — тогда какъ въ настоящее время оно поставлено въ служебное, подчиненное положеніе относительно фабрично-заводской промышленности, пользующейся спеціальной охраной и покровительствомъ. Если денежные капиталисты-предприниматели не довольствуются своими законными выгодами и барышами, а нуждаются еще въ искусственномъ поощреніи, то это поощреніе они не могутъ и не должны добывать съ бѣднѣйшей части населенія; — по крайней мѣрѣ государство не имѣетъ основанія налагать дань на крестьянъ и землевладѣльцевъ въ пользу промышленниковъ, какъ это установлено нашими таможенными и желѣзнодорожными та-

[1]) Толмачевъ, стр. 145—154.

рифами и всею системою нашего протекціонизма. Простая равноправность съ торгово-промышленнымъ классомъ въ отношеніи повинностей предъ государствомъ была бы уже большимъ пріобрѣтеніемъ для крестьянства: прекратилось бы взиманіе съ сельскихъ обывателей значительной доли ихъ скуднаго заработка или имущества въ видѣ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, и крестьяне платили бы въ казну, подобно другимъ сословіямъ, только при извѣстной степени достатка, безъ ущерба для своего хозяйственнаго существованія. Это былъ бы первый необходимый шагъ къ возстановленію нормальнаго положенія земледѣльческой промышленности. Снявши непосильное бремя съ крестьянъ и возложивъ его на болѣе зажиточные классы промышленныхъ хозяевъ и капиталистовъ, мы сдѣлали бы возможнымъ правильное развитіе народнаго хозяйства и подготовили бы почву для будущаго культурнаго подъема, о которомъ пока безполезно и думать при данныхъ условіяхъ. Рядомъ съ финансовою равноправностью должна идти и юридическая: нельзя оставить массу крестьянства въ положеніи паріевъ, лишенныхъ права свободнаго передвиженія и тѣлесной неприкосновенности и зависящихъ всецѣло отъ произвола многочисленныхъ мѣстныхъ властей, выборныхъ и административныхъ. Отдавая огромную часть своего бюджета государству, крестьяне, сверхъ того, въ лицѣ своихъ волостныхъ правленій, несутъ на себѣ разнообразныя исполнительныя обязанности для пользы всего населенія; взамѣнъ же они едва допускаются къ участію въ выгодахъ тѣхъ общихъ учрежденій, которыя создаются и содержатся народными средствами. Устраненіе этой неправильности должно быть положено въ основу предстоящей реформы мѣстнаго деревенскаго строя.

Большинство сельско-хозяйственныхъ комитетовъ указываетъ на приниженное, „пригнетенное" положеніе крестьянства, выдѣленное въ какое-то особое сословіе, лишенное общихъ гражданскихъ правъ. Самая принадлежность къ этому сословію „признается настолько унижающею человѣка", что ее нельзя совмѣстить ни съ полученіемъ образованія, ни съ занятіемъ какого-либо мѣста на низшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы,— причемъ изъ крестьянской среды систематически удаляются мало-мальски выдающіеся и образованные элементы. Единственно справедливымъ и цѣлесообразнымъ выходомъ изъ такого положенія, какъ заявляетъ, напр., елецкій комитетъ, было бы уравненіе крестьянъ съ лицами другихъ сословій. По мнѣнію орловскаго уѣзднаго комитета, необходимо предоставить крестьянамъ право поступать въ любое учебное заведеніе, не выходя изъ со-

словія, а также свободно избирать тотъ или другой родъ занятій, включая и государственную службу. Свобода передвиженія исключается или стѣсняется для крестьянъ спеціальными правилами; получившій паспортъ крестьянинъ, какъ говоритъ нижегородскій комитетъ, „не можетъ быть увѣренъ," что его не потребуютъ въ деревню для исправленія какой-либо должности, отъ чего онъ отказаться не въ правѣ"; паспортъ отбирается полиціей при неуплатѣ недоимки; для переселенія крестьянъ въ другія губерніи требуется разрѣшеніе административныхъ властей. „Въ интересахъ преимущественно фискальнаго свойства,— по словамъ елецкаго комитета,—дѣйствующее положеніе о видахъ на жительство ставитъ выдачу паспорта крестьянину въ зависимость отъ согласія на то хозяина крестьянскаго двора и разрѣшенія сельскаго общества, къ которому приписанъ проситель, если за нимъ числится недоимка государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ. Эти условія настолько стѣснительны, что отъ строгаго ихъ соблюденія неминуемо должны страдать тѣ же фискальные интересы, которые они призваны охранять. Дѣйствительно, плательщикъ налоговъ, почему-либо ставшій неисправнымъ, матеріальное положеніе котораго пошатнулось, можетъ быть лишенъ возможности поправить свое положеніе заработками на сторонѣ и вновь сдѣлаться исправнымъ плательщикомъ налоговъ. Реформа паспортной системы настоятельно необходима, въ смыслѣ предоставленія крестьянамъ одинаковыхъ правъ съ другими сословіями на полученіе паспортовъ"...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по общему признанію, все сельское управленіе должно быть преобразовано кореннымъ образомъ. Многіе комитеты единогласно утверждаютъ, что „существующая сословная организація сельскаго управленія крайне неудовлетворительна, такъ какъ, возлагая на крестьянъ всѣ тягости и заботы по удовлетворенію общественныхъ нуждъ и общегосударственныхъ потребностей, она не предоставляетъ ему ни потребныхъ матеріальныхъ средствъ, ни соотвѣтственныхъ личныхъ силъ и надлежащей компетенціи въ завѣдываніи дѣлами. Лишенное силъ и авторитета, крестьянское сельское управленіе не имѣетъ возможности ни оказывать надлежащую помощь и защиту жителямъ, ни завѣдывать общественнымъ хозяйствомъ. Сельское управленіе необходимо преобразовать на началѣ всесословности, что̀ соотвѣтствовало бы всесословному городскому и земскому управленію и восполнило бы то недостающее звено, которое теперь неудовлетворительно замѣняется сельскимъ и волостнымъ управленіемъ". По отзыву каменецъ-подольскаго губернскаго коми-

тета, нынѣшній строй узко-сословнаго самоуправленія, съ судомъ, совершенно не отвѣчающимъ своему назначенію, личная зависимость крестьянина отъ міра и паспорта, парализующихъ всякую иниціативу, создаютъ изъ крестьянъ ту рутинную и инертную толпу, которая при благопріятныхъ условіяхъ легко приходитъ въ броженіе, угрожающее государственной безопасности. Изолированность и замкнутость этого сословія, противопоставляющія его другимъ классамъ населенія, болѣе полноправнымъ, вырабатываетъ въ крестьянствѣ особую, вредную для общественной жизни этику, построенную на недовѣріи и непріязненномъ отношеніи къ другимъ сословіямъ государства". Притомъ „въ порядкѣ управленія крестьянская волость, оффиціально сохраняя искусственный сословный характеръ, въ дѣйствительности давно уже получила характеръ безсословный, а между тѣмъ волостное управленіе всею тяжестью своей стоимости лежитъ на однихъ крестьянахъ"; поэтому, рядомъ съ отмѣною тѣхъ правовыхъ особенностей, которыя ограничиваютъ и уничтожаютъ личность крестьянина, предлагается учрежденіе всесословной волости, вѣдающей всѣ хозяйственные интересы своего района.

Съ той же точки зрѣнія признается желательнымъ введеніе мелкой земской единицы, въ связи съ усиленіемъ представительства крестьянъ въ земствѣ и съ упраздненіемъ должности или ограниченіемъ функцій земскихъ начальниковъ. Чтобы создать настоящіе органы крестьянскаго самоуправленія, нужно, по мнѣнію воронежскаго уѣзднаго комитета, освободить выборныхъ должностныхъ лицъ сельскихъ обществъ отъ исполненія полицейскихъ обязанностей, предоставить мелкой земской единицѣ право организовать подчиненную ей стражу мѣстной безопасности, ограничить сферу крестьянскаго самоуправленія исключительно спеціальными хозяйственными дѣлами и нуждами, обезпечить населенію полную свободу какъ по выбору сельскихъ должностныхъ лицъ, такъ и по веденію дѣлъ самоуправленія, и оградить закономъ крестьянскіе земельные порядки отъ всякаго вмѣшательства административныхъ лицъ и учрежденій, будетъ ли тамъ общинное землевладѣніе или подворное. Точно такъ же другіе комитеты высказались за то, чтобы съ сельскаго управленія и выборнаго сельскаго старосты были сняты фискальныя и полицейскія обязанности, и чтобы сельскіе сходы были всесословные; чтобы низшія полицейскія обязанности въ селахъ были возложены на особыхъ, выбираемыхъ сельскимъ обществомъ лицъ, съ подчиненіемъ ихъ общей уѣздной полиціи и отнесеніемъ содержанія ихъ на счетъ казны, и чтобы управленіе всесословной

волости состояло изъ волостного собранія и волостной управы. Что касается должностныхъ лицъ и учрежденій, вѣдающихъ крестьянскія дѣла,—земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ и др.,— то въ нихъ не будетъ надобности при равноправности крестьянъ съ лицами другихъ сословій; да и при существующемъ порядкѣ, какъ показалъ десятилѣтній опытъ, „примѣненіе на практикѣ закона 12 іюля 1889 года, — по свидѣтельству елецкаго комитета,—не принесло съ собою улучшенія крестьянскаго быта въ сферѣ имущественныхъ и общественныхъ отношеній". Самоуправленіе сельскихъ общинъ превратилось въ фикцію съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. „Выборы должностныхъ лицъ и волостныхъ уполномоченныхъ, общинноземельные порядки, назначеніе писарей, открытіе школъ и библіотекъ, даже почтовыхъ отдѣленій, всякія вообще хозяйственныя дѣла, — говорится въ запискѣ предсѣдателя воронежской земской управы,— все это подпало опекѣ, личному усмотрѣнію, приказу и вліянію со стороны". Сельскій административный персоналъ набирается изъ самыхъ худшихъ элементовъ, развращенныхъ безправіемъ и произволомъ; волостной судъ оказывается ниже всякой критики, и „надъ всѣмъ этимъ царитъ опека земскаго начальника, который можетъ каждую минуту по своему личному усмотрѣнію посадить народнаго судью въ арестантскую. Прежде крестьянскія должностныя лица гарантированы были отъ административнаго произвола коллегіальными крестьянскими присутствіями, относившимися болѣе или менѣе корректно къ дѣйствіямъ непремѣннаго члена. Теперь же земскій начальникъ самолично можетъ временно устранить отъ должности старшину и старосту, наказать ихъ и сдѣлать представленіе съѣзду объ окончательномъ удаленіи отъ должности, а писаря можетъ уволить безъ постановленія съѣзда и безъ объясненія причинъ. Естественно, что лучшіе изъ крестьянъ бѣгутъ отъ выборныхъ должностей; на службу идутъ худшіе люди, способные на угодничество и униженіе передъ начальствомъ. Однимъ словомъ, безправіе въ деревнѣ не имѣетъ границъ, законъ обращенъ въ мертвую букву, а чувство законности совершенно вытравлено въ населеніи".

Для крестьянъ установленъ цѣлый рядъ отступленій отъ общихъ законовъ и даже отъ основныхъ началъ гражданскаго и уголовнаго законодательства; такъ, комитеты отмѣчаютъ „уголовное преслѣдованіе крестьянъ за нарушеніе договорныхъ условій о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы, вопреки гражданскому закону, по которому за такія нарушенія примѣняется только гра-

жданская отвѣтственность; особое уголовное наказаніе за мотовство и пьянство, хотя эти проступки не караются у другихъ сословій; установленіе для сельскаго населенія особаго вида ареста на хлѣбѣ и водѣ; установленіе особой облегченной уголовной отвѣтственности за преступленія противъ права собственности, съ примѣненіемъ ареста и розогъ, тогда какъ тѣ же преступленія у другихъ сословій караются тюремнымъ заключеніемъ". Почти всѣ комитеты рѣшительно отвергаютъ тѣлесное наказаніе, „самое больное мѣсто современныхъ условій крестьянской жизни", „случайный пережитокъ отмѣненнаго крѣпостного права, сильно принижающій достоинство человѣка, надъ которымъ совершается это позорящее насиліе", „имѣющее вредное и растлѣвающее вліяніе, тѣмъ болѣе ужасное, что позоръ наказанія падаетъ на всю семью наказаннаго" и т. д. Въ вологодскомъ комитетѣ выражено было убѣжденіе, что „пока жизнь крестьянина не устроена на общихъ всѣмъ сословіямъ началахъ законности и равноправности, пока административная опека не будетъ ослаблена, пока личность крестьянина не проникнется сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей, и не освободится отъ косности, апатіи и невѣжества, до тѣхъ поръ всѣ постороннія усилія къ подъему сельско-хозяйственной промышленности крестьянъ будутъ безплодны"; согласно съ этимъ, комитетъ постановилъ: „для возможности проведенія въ крестьянскую среду мѣропріятій по улучшенію сельскаго хозяйства необходимо поднять самосознаніе и самодѣятельность крестьянъ путемъ освобожденія ихъ отъ постоянной административной опеки и предоставленія имъ правъ и обязанностей, общихъ всѣмъ прочимъ сословіямъ". Самодѣятельности и почину крестьянина, — говорилось въ смоленскомъ уѣздномъ комитетѣ — негдѣ проявиться: даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своею надѣльною землею крестьяне связаны по рукамъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица, не говоря уже о томъ, что такія явленія, какъ семейный раздѣлъ и уходъ членовъ семьи на сторону, подлежатъ контролю. При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ о подъемѣ хозяйственной дѣятельности. Самодѣятельность, починъ, широкій кругозоръ, смѣлая инціатива и увѣренность въ своихъ силахъ, — всѣ эти условія, столь необходимыя для развитія хозяйственной дѣятельности,—могутъ ли они имѣть мѣсто при современномъ положеніи!" Тульская губернская управа находитъ, что „обособленное законодательство, въ которомъ до сихъ поръ

удерживается тѣлесное наказаніе,—шаткость и неопредѣленность имущественныхъ правъ, полная безотвѣтственность въ обязательныхъ отношеніяхъ, множество начальствъ своихъ и назначенныхъ, которыя далеко не всегда опекаютъ его въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ,—все это создаетъ обстановку, дѣйствующую на правовое міросозерцаніе народа совершенно деморализующимъ образомъ, принижаетъ въ немъ чувство личности, подавляетъ иниціативу и самодѣятельность. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ поднята личность крестьянина, всякія заботы объ улучшеніи его матеріальнаго благосостоянія и о развитіи русской сельско-хозяйственной промышленности останутся слабо дѣйствующимъ палліативомъ; а потому совершенно необходимо ускорить коренной пересмотръ всего крестьянскаго законодательства, пригласивъ къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ людей, близко знающихъ крестьянскую среду, и пересмотръ этотъ вести въ цѣляхъ возможнаго освобожденія крестьянъ отъ административной опеки и уравненія ихъ въ правахъ и обязанностяхъ съ лицами другихъ сословій" [1]).

Подобныя же требованія выставлялись еще двадцать лѣтъ тому назадъ Высочайше учрежденною коммиссіею статсъ-секретаря Каханова, труды которой были, однако, похоронены въ министерскихъ канцеляріяхъ; коммиссія предлагала отдѣлить общественно-административныя функціи отъ хозяйственныхъ дѣлъ сельскихъ обществъ, устранить сословность въ сельскомъ и волостномъ управленіи, отказаться отъ обложенія однихъ только крестьянъ мірскими сборами и уравнять въ этомъ отношеніи всѣхъ живущихъ въ волости и пользующихся ея услугами; допустить свободный выходъ и пріемъ членовъ въ сельскія общества, предоставить всѣмъ жителямъ въ селеніи право участія въ выборѣ должностныхъ лицъ и въ дѣлахъ сельскаго управленія. Тѣ же указанія и ходатайства повторялись и въ матеріалахъ губернскихъ совѣщаній, собранныхъ въ 1894 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и тѣ же старые, давно назрѣвшіе вопросы, осложненные неудачною законодательно-административною практикою позднѣйшихъ лѣтъ, вновь выступили во всей своей полнотѣ передъ Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Такъ медленно, годами и десятилѣтіями, идетъ движеніе законодательства, вращаясь около насущныхъ потребностей народныхъ и государственныхъ, подъ покровомъ негласнаго канцелярскаго дѣлопроизводства.

---

[1]) Толмачевъ, стр. 106—127.

Въ основѣ всѣхъ реформъ и улучшеній крестьянскаго быта и хозяйства лежитъ, безъ сомнѣнія, вопросъ о народномъ образованіи. „Главнѣйшая причина упадка благосостоянія крестьянскаго сословія,—говорилось въ костромскомъ уѣздномъ комитетѣ, —заключается въ народномъ невѣжествѣ, о которое разбиваются всякія попытки земства и интеллигенціи содѣйствовать улучшенію экономическаго состоянія. Легко создать программу экономическихъ мѣропріятій, легко давать совѣты, но вопросъ въ томъ, какъ осуществить ихъ, какъ перенести ихъ изъ канцеляріи въ жизнь, имѣя предъ собою такого врага, какъ народное невѣжество. Для этого нужно учрежденіе необходимаго для всеобщаго обученія количества народныхъ школъ, расширеніе въ нихъ общеобразовательной програмы, широкая организація внѣ-школьнаго образованія, учрежденіе среднихъ и высшихъ школъ, общеобразовательныхъ и спеціальныхъ, въ такомъ количествѣ, чтобы онѣ могли вмѣстить всѣхъ желающихъ, и устраненіе всѣхъ ограниченій и излишнихъ формальностей, стѣсняющихъ распространеніе просвѣщенія". Въ настоящее время, какъ напоминаетъ александровскій комитетъ, екатеринославской губерніи, „идетъ борьба на міровомъ рынкѣ между государствами, и тяжело положеніе того народа, который выступаетъ на арену этой борьбы съ неравнымъ орудіемъ — съ низкимъ уровнемъ умѣній и знаній, съ низкимъ уровнемъ общаго образованія, съ низкой производительностью труда". Невѣжество крестьянъ является главнымъ и постояннымъ тормазомъ къ улучшенію ихъ хозяйства и положенія; попытки земства въ распространеніи полезныхъ сельско-хозяйственныхъ нововведеній могутъ имѣть успѣхъ только среди грамотныхъ или при ихъ содѣйствіи. Поэтому „самая первая, основная, насущная потребность—народное образованіе и просвѣщеніе, и безъ удовлетворенія этой потребности не можетъ быть достигнуто улучшеніе народной жизни". Правительство, въ лицѣ министерства финансовъ, не жалѣло средствъ для насажденія общаго и спеціальнаго образованія, приспособленнаго къ нуждамъ фабрично-заводской и горной промышленности; оно тратило милліоны на устройство роскошныхъ политехническихъ институтовъ, основывало коммерческія училища, торговыя школы, учебныя мастерскія и ремесленные классы. Справедливость требуетъ, чтобы соотвѣтственная щедрость проявлялась и въ учрежденіи и распространеніи школъ для земледѣльческаго населенія. Слѣдуетъ, во-первыхъ, назначать на нужды начальнаго образованія несравненно больше средствъ, чѣмъ это дѣлается теперь; во-вторыхъ, — что еще важнѣе— „надо измѣнить законодательство,

касающееся народнаго образованія, въ такомъ направленіи, чтобы въ этой сферѣ возможно было самое широкое примѣненіе частной и общественной инціативы". „Существеннѣйшимъ и краеугольнымъ вопросомъ въ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ—повторяетъ съ своей стороны предсѣдатель рузскаго комитета князь П. Д. Долгоруковъ — является вопросъ о поднятіи культурности русскаго населенія: необходимо значительное увеличеніе бюджета министерства народнаго просвѣщенія для достиженія всеобщаго начальнаго обученія и для поднятія средняго и высшаго, какъ общаго, такъ и профессіональнаго образованія" [1]). Въ этой области нѣтъ разногласій между сельско-хозяйственными комитетами, какъ нѣтъ ихъ и во всемъ русскомъ обществѣ.

Поднятіе культурности населенія не достигается, конечно, одними внѣшними средствами; оно даже немыслимо при отсутствіи надлежащаго законнаго простора для личной и общественной инціативы въ мѣстныхъ дѣлахъ, при господствѣ мертвящаго бюрократизма, заглушающаго самые источники жизни подъ предлогомъ неусыпныхъ заботъ о правительственномъ авторитетѣ. Нужно сдѣлать жизнь въ провинціи болѣе сносною и привлекательною не только съ матеріальной стороны, но и въ общественномъ и нравственномъ отношеніяхъ; а для этого требовалась бы коренная перемѣна во взглядахъ на задачи и роль администраціи, на значеніе и дѣятельность земства и на развитіе умственныхъ и культурныхъ центровъ въ провинціальной глуши. Внести жизнь въ унылое прозябаніе безотрадно скучныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ Россіи — было бы дѣломъ величайшей государственной и національной пользы; стоило бы только открыть клапаны, закупоривающіе мѣстныя общественныя силы, и наша провинція совершенно преобразилась бы въ теченіе одного поколѣнія.

Общественное и нравственное оскудѣніе несравненно важнѣе матеріальнаго; оно губитъ задатки національнаго подъема и роста, парализуетъ жизненную энергію націи и создаетъ въ обществѣ то настроеніе безнадежной пустоты и скуки, которое выражается въ разнообразныхъ печальныхъ признакахъ и фактахъ. Эта „скука жизни", отличающая насъ отъ бодрыхъ, неудержимо стремящихся впередъ народовъ Запада, имѣетъ свои причины, вполнѣ достойныя вниманія и изученія со стороны государственныхъ людей, законодателей и публицистовъ.

Л. Слонимскій.

---

[1]) Тамъ же, стр. 129—133.

„СОЮЗЪ ДУШЪ“

„*Souls*“. A Comedy of intentions. By „Rita“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Развѣ можетъ быть сказано что-нибудь слишкомъ рѣзкое въ осужденіе современнаго свѣтскаго общества въ Англіи? Газеты безпрестанно сообщаютъ о новыхъ скандалахъ изъ великосвѣтской жизни; въ бракоразводныхъ процессахъ раскрывается позорный образъ жизни англійской аристократіи. Что англійская знать, мужчины и женщины, проводятъ все время на скачкахъ, за азартной игрой и въ погонѣ за извращенными удовольствіями, которыя одни только и удовлетворяютъ ихъ пресыщенному вкусу—стало теперь общепризнаннымъ печальнымъ фактомъ. Каждую недѣлю чье-нибудь громкое имя публично закидывается грязью. Съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что свѣтскіе браки приводятъ только къ разводу или скандальнымъ процессамъ. Распущенность и пресыщенность свѣтскаго общества въ Англіи дошли до того, что для привлеченія аристократической паствы въ церковь пускаются въ ходъ разныя рекламныя средства. Когда вестъ-эндскій пасторъ превращаетъ свою церковь въ концертную залу, куда молящіеся являются въ бальныхъ туалетахъ (или, вѣрнѣе, въ бальномъ дезабильѐ), то казалось бы, что это—предѣлъ безвкусія. Когда одна изъ видныхъ газетъ печатно обращается къ свѣтскимъ дамамъ съ просьбой снабжать ее свѣдѣніями о скандалахъ, происходящихъ въ ихъ фешенебельномъ кругу, то можно было бы ожидать, что дерзость прессы переступила границы дозволеннаго, и что такое воззва-

ніе вызоветъ общее возмущеніе, погубитъ газету въ глазахъ свѣтскаго общества. Но въ дѣйствительности происходитъ совершенно обратное. Общество какъ бы гордится вниманіемъ прессы, и еще смѣлѣе проявляетъ свою невоспитанность, вырожденіе своихъ вкусовъ. Нужно ли искать болѣе яркаго доказательства паденія нравовъ, чѣмъ поведеніе великосвѣтскихъ женщинъ во время прошумѣвшаго недавно бракоразводнаго процесса: онѣ явились толпой въ залу засѣданія, чтобы слушать непристойныя подробности, обсуждаемыя на судѣ. И какое удручающее впечатлѣніе производили всѣ свидѣтели по этому дѣлу! Все это были свѣтскіе люди, образованіе которыхъ стоило очень дорого; у нихъ не было недостатка въ средствахъ и въ досугѣ, чтобы пополнить свое образованіе,—а между тѣмъ ихъ письма, ихъ манера выражаться поражали полной безграмотностью и тупостью. Современное высшее общество въ Англіи, повидимому, освободило себя отъ всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ порядочностью и благовоспитанностью, и желаетъ жить въ свое удовольствіе, не чувствуя никакой нравственной отвѣтственности за свое поведеніе.

Однимъ изъ самыхъ явныхъ признаковъ вырожденія свѣтскаго общества является тотъ фактъ, что дамы изъ высшаго общества ничего не имѣютъ противъ рекламы, которую имъ устроиваютъ газеты извѣстнаго рода. О нихъ часто говорятъ на столбцахъ этихъ газетъ, называя ихъ фамильярно ихъ уменьшительными именами, описываютъ ихъ туалеты и брилліанты, критикуютъ ихъ иногда очень беззастѣнчиво. Когда случайно ихъ видятъ гдѣ-нибудь въ сопровожденіи самаго неподходящаго по моднымъ понятіямъ кавалера—ихъ мужа, то этотъ фактъ отмѣчается какъ нѣчто заслуживающее особаго вниманія. И дѣйствительно, при современномъ паденіи нравовъ, это достойно быть отмѣченнымъ.

Спрашивается—какъ все это попадаетъ въ газеты? Неужели фешенебельныя дамы сами посылаютъ описанія своихъ туалетовъ или свѣдѣнія о друзьяхъ, которые сопровождаютъ ихъ въ театры и рестораны? Или, быть можетъ, фешенебельные рестораны и отели посѣщаются репортерами? Въ противномъ случаѣ очевидно, что въ каждомъ видномъ аристократическомъ домѣ имѣется оплачиваемый газетой тайный соглядатай, доставляющій свѣдѣнія, или же газета подкупаетъ прислугу и довѣренныхъ лицъ видныхъ членовъ аристократіи, и добываетъ такимъ образомъ свѣдѣнія о закулисныхъ тайнахъ свѣтской жизни.

Если въ книгѣ, которой я предпосылаю эти замѣчанія, что-нибудь можетъ показаться невѣроятнымъ или преувеличеннымъ, то я могу только сказать въ свое оправданіе, что большинство описываемыхъ мною фактовъ взято изъ реальной дѣйствительности. Это, конечно, слабое оправданіе для вымысла, потому что истина часто превосходитъ своей невѣроятностью всякій вымыселъ.

Выведенныя мною лица—не портреты, а типы, хорошо знакомые по газетамъ, которыя передаютъ свѣтскія сплетни, а также по многочисленнымъ судебнымъ процессамъ, по описаніямъ скандаловъ, героями которыхъ становятся члены аристократическихъ клубовъ. Я только изображаю ихъ какъ представителей секты—теперь уже, къ счастью, не существующей — и какъ участниковъ драмы, которая только репетировалась. — Авторъ.

I.

Въ ярко освѣщенной гостиной одного изъ домовъ на Пондъ-Стритѣ нѣсколько дамъ и мужчинъ сидѣли съ чашками чая въ рукахъ и говорили тихимъ, томнымъ голосомъ о предметахъ, не представлявшихъ большого общечеловѣческаго интереса. Отъ времени до времени они отпивали чай маленькими глотками или небрежно вертѣли въ рукахъ изящныя чайныя ложечки въ стилѣ Георга IV-го. Иногда они глядѣли другъ на друга, склоняя голову на бокъ, и въ ихъ взглядахъ выражалось взаимное и тайное пониманіе чего-то несказуемаго. Все это были очень странные люди, и многое, о чемъ они думали, было дѣйствительно несказуемо. Поэтому они и старались придать особую выразительность своимъ взглядамъ.

Общество, собравшееся въ гостиной, состояло изъ маркизы Бодезаръ, актрисы Гидеонъ Ли, одной свѣтской красавицы и двухъ мужчинъ, членовъ самыхъ фешенебельныхъ лондонскихъ клубовъ. Хозяйка дома, м-ссъ Вандердекенъ, была высокая, тонкая женщина съ моложавымъ лицомъ и старыми, выражавшими большую усталость, глазами. Всѣ присутствующіе называли ее уменьшительнымъ именемъ „Тротти“. Маркиза Бодезаръ и м-ссъ Вандердекенъ были очень дружны; обѣ онѣ пренебрегали общественнымъ мнѣніемъ и дѣлали все, что хотѣли, избѣгая только открытаго скандала. Онѣ принадлежали къ новой сектѣ, членами которой были скучающіе свѣтскіе люди, пресыщенные своимъ безцѣльнымъ существованіемъ и лихорадочной смѣной развлече-

ній, жаждавшіе покоя и возможности доставлять себѣ и другимъ тѣ немногія удовольствія, которыя ихъ еще занимали. Однимъ изъ такихъ удовольствій было исканіе родственныхъ душъ—единомышленниковъ по чувствамъ и желаніямъ,—и въ этомъ именно состояла цѣль новой секты. Въ нее могли вступать — на извѣстныхъ условіяхъ—люди, связанные общностью взглядовъ и питавшіе другъ къ другу непреодолимую симпатію.

Первымъ и главнымъ требованіемъ отъ членовъ секты было соблюденіе строгой тайны относительно ритуала тайныхъ собраній. Кандидатура людей, которые могли бы отнестись скептически къ своимъ сочленамъ, или на скромность которыхъ нельзя было безусловно положиться, безпощадно отвергалась. Въ члены принимались одинаково мужчины и женщины, молодые или старые, но отъ всѣхъ требовалось главнымъ образомъ умѣнье хранить въ тайнѣ все, что̀ происходило и говорилось на собраніяхъ.

Таинственность секты и составляла главную причину возбуждаемаго ею интереса. Она имѣла большія средства и процвѣтала, несмотря на то, что забаллотировала многихъ американскихъ милліонеровъ, добивавшихся доступа въ нее. Секта не нуждалась въ богатыхъ ничтожествахъ. Ее интересовали только самыя высокія и благородныя стремленія духа; она жаждала самыхъ изысканныхъ ощущеній и недоступной для обыкновенныхъ смертныхъ чистоты. Отдѣленія секты существовали во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Имя основателя держалось въ глубокой тайнѣ, но были слухи, что въ жилахъ его течетъ царственная кровь. О собраніяхъ, дѣятельности и внутренней жизни секты ничего точнаго, конечно, не было извѣстно.

Общество, собравшееся въ гостиной м-ссъ Вандердекенъ въ пасмурный ноябрьскій день, восторженно внимало хозяйкѣ, говорившей очень изысканно и туманно. М-ссъ Гидеонъ Ли, мрачная, таинственная особа, обладательница недостаточно оцѣненнаго публикой таланта, казалась зачарованной словами м-ссъ Вандердекенъ. Но другая изъ присутствующихъ женщинъ, молодая, очень красивая, со злымъ лицомъ и ослѣпительными голубыми глазами, стала возражать своей пріятельницѣ.

— Зачѣмъ слѣдовать какимъ бы то ни было принципамъ, Тротти?—сказала она.—Для оригинальности нужна полная независимость воззрѣній. Внутреннее удовлетвореніе достигается лишь тогда, когда отдаешься вполнѣ своимъ настроеніямъ. Вѣдь мы всѣ это рѣшили, не правда ли?

Шопотъ одобренія пронесся по комнатѣ, какъ слабое дуно-

веніе вѣтра, которому вторило, какъ эхо, шуршаніе шолковыхъ юбокъ.

— А всякое насиліе надъ настроеніемъ или подчиненіе чужому настроенію... — Она остановилась. — Ахъ, да, я забыла параграфъ XV-й! Конечно, настроенію родственной души можно подчиниться, или, вѣрнѣе, оно такъ входитъ въ собственное настроеніе, что перестаетъ быть отдѣльнымъ. Родственныя души сливаются во едино.

— Совершенно вѣрно,—подтвердила м-ссъ Вандердекенъ.— Мысль никогда не должна быть сознательной. Непосредственное выраженіе желанія или чувства претворяетъ ихъ въ новыя ощущенія, а вѣдь только въ этомъ, въ томъ, чтобы испытывать новыя ощущенія—цѣль и стремленіе нашего союза. Конечно, создать новое ощущеніе очень трудно. Оно можетъ явиться въ очень различной формѣ—въ реальной или воображаемой,—можетъ быть вызвано матеріальнымъ фактомъ или же только духовнымъ процессомъ. Но для того, чтобы возможны были новыя ощущенія, нужна полная, безграничная свобода!

Двое мужчинъ, находившихся среди присутствующихъ, наклонились впередъ и внимательно глядѣли на м-ссъ Вандердекенъ. Одинъ изъ нихъ только недавно вступилъ въ секту и не нашелъ еще родственной души. Другой былъ уже полноправнымъ членомъ „Союза душъ“.

— Будьте добры пояснить свою мысль, — попросилъ новообращенный.

М-ссъ Вандердекенъ сдѣлала отстраняющій жестъ своей бѣлой рукой.

— Всякое объясненіе банально,—сказала она.—Постарайтесь запомнить то, что̀ вы слышите, и уяснить это себѣ при свѣтѣ собственнаго пониманія. Мы больше всего стремимся отстоять свою индивидуальность. Въ мірѣ подражателей и плагіаторовъ нужно стараться проявить хоть какую-нибудь самобытность.

— Но вѣдь нѣтъ ничего новаго подъ луной, —сентенціозно заявила лэди Бодезаръ.

— Я полагаю, что есть,—возразила актриса тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ.—Когда, напримѣръ, я исполняю какую-нибудь роль по-своему, то я какъ бы облекаю ее въ совершенно новое одѣяніе, созданное мною. И пока я не увижу совершенно такого же исполненія, какъ мое, я имѣю право считать свою игру оригинальной.

— Этого вы никогда не увидите, милая Юдиѳь, — сказала

м-ссъ Вандердекенъ, ласково взглянувъ на мрачное лицо и странный нарядъ актрисы.—Никогда, я увѣрена. Или, во всякомъ случаѣ, не въ наше время.

— Можетъ быть, вы правы, — согласилась м-ссъ Гидеонъ Ли.—Моя оригинальность признана всей прессой.

— Чего же еще желать?—замѣтилъ молчавшій до тѣхъ поръ второй молодой человѣкъ. Онъ былъ самымъ младшимъ членомъ герцогской семьи и считался геніальнымъ писателемъ. Онъ издалъ странную книгу въ какомъ-то удивительномъ переплетѣ, сдѣланномъ по его собственному рисунку, и книга эта разошлась уже въ сотнѣ экземпляровъ.

М-ссъ Вандердекенъ вдругъ поднялась съ мѣста и постучала ложечкой въ стилѣ Георга IV-го.

— Удѣлите мнѣ, пожалуйста, нѣсколько минутъ вниманія,—сказала она.—Я хочу подѣлиться съ вами сдѣланнымъ мною открытіемъ. Это—дивный сюжетъ для поэтическаго произведенія, милый Тони, еслибы вы дали себѣ трудъ разработать его. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я открыла въ глуши венгерскихъ лѣсовъ удивительную дѣвочку-сиротку. Ея родители погибли во время какой-то катастрофы—настоящей катастрофы. Я заинтересовалась ея печальнымъ положеніемъ, и когда оказалось, что у нея есть только дальніе родственники, которымъ нѣтъ никакого дѣла до нея, я занялась ея воспитаніемъ и помѣстила ее въ школу—конечно, не въ обыкновенное учебное заведеніе, а въ основанную мною „Свободную школу“. Тамъ она училась, и теперь оказалось, что она не только очень талантлива, но и поразительно красива. Я рѣшила, поэтому, показать ее Лондону.

— Какъ это интересно!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ дамы, и ихъ томныя лица оживились.

— Она несомнѣнно произведетъ сенсацію, — продолжала м-ссъ Вандердекенъ, — но мы должны удержать ее въ нашемъ кругу. Она можетъ оказаться очень полезной для насъ. Вы согласитесь со мной, когда увидите ее. Странно, что ея еще нѣтъ. Она должна была придти уже съ полчаса тому назадъ, но...

Рѣчь м-ссъ Вандердекенъ прервана была появленіемъ лакея, который назвалъ съ англійскимъ выговоромъ имя, прозвучавшее какъ „фролингъ Эберррддъ“.

М-ссъ Вандердекенъ быстро поднялась и протянула обѣ руки вошедшей дѣвушкѣ. На всѣхъ лицахъ выразилось сдержанное удивленіе. Высокая, статная дѣвушка совершенно не походила на нѣмку, какъ это предполагали гости м-ссъ Вандердекенъ, по ея разсказу. Она не была блондинкой, не была ни толста, ни

неуклюжа. Ея туалетъ и манеры были изящны, но, помимо этого, въ оригинальной красотѣ ея большихъ темныхъ глазъ, ея свѣжихъ алыхъ губъ и въ прозрачной матовой бѣлизнѣ лица было какое-то таинственное очарованіе. Бѣлизна лица казалась почти неестественной на фонѣ тяжелыхъ черныхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ шляпы и прикрывавшихъ на половину ея уши.

— Я, кажется, немного запоздала,—сказала она, и легкій иностранный акцентъ придавалъ особую прелесть ея глубокому голосу.—Меня задержали послѣ урока.

— Я познакомлю тебя съ моими друзьями,—сказала м-ссъ Вандердекенъ, и назвала имена присутствующихъ съ быстротой опытной свѣтской хозяйки.—Хочешь чаю? Нѣтъ? Ну, такъ сядь подлѣ меня. Ты сегодня въ голосѣ? Нужно быть осторожной въ такую туманную погоду.

— Да, я очень берегу себя,—natürlich! Ужасная у васъ здѣсь погода. Да и вообще этотъ Лондонъ...

— Мы скоро уѣдемъ,—сказала м-ссъ Вандердекенъ.—Сейчасъ же послѣ твоего дебюта, Зара.

Она обернулась къ своимъ гостямъ.

— Фрейлейнъ Эбергардъ, какъ я вамъ только-что хотѣла сказать, рѣшилась выступить во время короткаго осенняго сезона. Мы какъ разъ воспользуемся тѣмъ временемъ, когда всѣ возвращаются изъ зàмковъ въ городъ, проѣздомъ на югъ. Я наняла для концерта маленькую залу въ Queen's Hall, потому что есть что-то безотрадное въ St.-James's Hall, гдѣ выступаютъ всѣ обыкновенные концертанты.

— Такъ вотъ на чей концертъ вы убѣждали насъ покупать билеты,—замѣтилъ новообращенный.

Онъ не спускалъ глазъ съ загадочнаго лица дѣвушки—страстнаго и въ то же время одухотвореннаго. Какое удивительное сочетаніе огня и холода! Кто она? Почему Тротти такъ неожиданно ввела ее въ ихъ общество? Она, конечно, поразительно хороша, но... Тутъ онъ погрузился въ мысли, которыхъ еще никогда ни съ кѣмъ не дѣлилъ—вѣдь онъ еще не обрѣлъ родственной души—и забылъ о поразившей его дѣвушкѣ. Онъ снова сталъ сознавать ея присутствіе только тогда, когда она приблизилась къ роялю, чтобы пѣть.

Его очень непріятно поразило это нововведеніе. На интимныхъ собраніяхъ у м-ссъ Вандердекенъ музыка допускалась только въ исполненіи любителей. Самоувѣренность и авторитетность настоящихъ артистовъ казались вульгарными членамъ секты. Они возводили въ принципъ какой-то туманный идеализмъ, и потому

любили во всемъ неопредѣленность и незаконченность. „Лордъ Криссъ“, какъ его звали друзья, написалъ нѣсколько романсовъ, и они исполнялись нѣкоторыми его сочленами; но теперь Тротти навязывала утонченному вниманію любителей настоящую концертную дебютантку. Это приводило его въ содроганіе. Настоящій талантъ обыкновенно замѣтенъ, а все замѣтное раздражаетъ дилеттанта, какъ слишкомъ рѣзкій свѣтъ или какъ уличный шумъ. Лордъ Криссъ сѣлъ на самый конецъ залы, но все-таки подумалъ о томъ, нельзя ли включить въ програму предстоящаго концерта задуманный имъ романсъ „Бѣлый, бѣлый мотылекъ“.

М-ссъ Вандердекенъ сыграла, слегка фальшивя, интродукцію. Дѣвушка, которая стояла, наклонясь къ нотамъ, вдругъ повернулась, послѣ окончанія интродукціи, лицомъ къ слушателямъ, сжала руки за спиной и, поднявъ голову, запѣла странную венгерскую мелодію. Изумленные слушатели почувствовали странное безпокойство, когда дикіе, страстные звуки наполнили комнату. Они никогда не слышали ничего подобнаго въ салонахъ. Въ пѣніи дѣвушки звучали отголоски горъ и потоковъ, дикой природы и дикой любви, и среди всего этого одна, все время повторяющаяся, нота казалась стономъ разбитаго сердца.

Они затаили дыханіе, слушая пѣніе. Какой странный, страстный голосъ и какъ лицо дѣвушки соотвѣтствуетъ ему! Откуда она явилась? У нея былъ видъ предводительницы какого-нибудь дикаго племени, цыганской королевы, но, во всякомъ случаѣ, не концертной пѣвицы, которая собирается дебютировать передъ равнодушной англійской публикой.

Пѣсня закончилась дикимъ взрывомъ смѣха, прозвучавшимъ какъ дорого доставшаяся побѣда надъ страданіемъ; но смѣхъ былъ до того трагиченъ, что слушателямъ стало жутко. Пѣвица застыла на минуту, потомъ руки ея опустились, лицо снова приняло холодное выраженіе, и, медленно поклонившись въ отвѣтъ на апплодисменты, она спокойно сѣла на свое мѣсто.

М-ссъ Вандердекенъ обернулась къ гостямъ:

— Ну что, говорила я вамъ? Правда, что она чудесно поетъ? - воскликнула она.—А теперь, когда вы слышали ея пѣніе, я объясню вамъ планъ концерта.

Она встала изъ-за рояля и опустилась на кресло.—Помните, что она выступитъ только одинъ разъ. Нѣтъ ничего труднѣе, чѣмъ открыть нѣчто дѣйствительно новое. Но я льщу себя надеждой, что Зара произведетъ небывалую еще до сихъ поръ сенсацію. Меня осѣнила счастливая мысль. Я всегда удивлялась,

почему на сценѣ артистки мѣняютъ туалеты въ каждомъ актѣ, а концертныя пѣвицы поютъ весь вечеръ въ одномъ и томъ же платьѣ. Оригинальность концерта Зары будетъ заключаться въ томъ, что онъ будетъ раздѣленъ на двѣ части, и вторую половину программы она исполнитъ въ совершенно другомъ костюмѣ, чѣмъ первую. Вы можете себѣ представить, до чего публика будетъ поражена! Я пока еще не хочу говорить о выборѣ пѣсенъ и о костюмахъ. Скажу только, что Зара одна выполнитъ всю программу. Можно, впрочемъ, пригласить еще піаниста. Онъ будетъ играть въ промежуткѣ между двумя частями концерта. Піанисты очень полезны въ подобныхъ случаяхъ. Такъ вотъ... но что̀ съ вами, Крисси?

Лордъ Криссъ подошелъ къ ней съ взволнованнымъ выраженіемъ лица.

— Свершилось!—пробормоталъ онъ.—Наконецъ-то!

М-ссъ Вандердекенъ слегка поблѣднѣла и встала съ мѣста.

— Неужели вы нашли?..—она не могла продолжать отъ волненія.

Но онъ не обратилъ на нее никакого вниманія. Его восхищенный взоръ былъ устремленъ на матово-блѣдное лицо и алыя губы Зары Эбергардъ, и онъ подошелъ къ ней.

— Геніальное дитя,—сказалъ онъ, обращаясь къ ней,—я покоренъ вами! Молнія прозрѣнія соединила наши души. Чары вашего голоса пробудили мое вдохновеніе, и вашъ голосъ дастъ ему форму и жизнь. Я приношу вамъ его въ даръ. Я кладу мое искусство на алтарь вашего генія. Вы споете романсъ „Бѣлый, бѣлый мотылекъ“, и весь міръ наполнится нашей славой—вашей и моей. Я повторяю—вашей и моей, потому что я чувствую, что вы—родственная мнѣ душа.

Никто не былъ удивленъ словами лорда Крисса. Признаніе родства душъ считалось священнодѣйствіемъ, и могло происходить или на глазахъ у всѣхъ, или тайно. Только сама дѣвушка, очевидно, не поняла лорда Крисса. Она съ изумленіемъ взглянула на него своими большими темными глазами, пробормотала: „Ach, so!“—и взглянула на свою покровительницу, какъ бы прося у нея объясненія.

М-ссъ Вандердекенъ смотрѣла на лорда Крисса. Она дрожала всѣмъ своимъ хрупкимъ тѣломъ, и ея усталые глаза засвѣтились страннымъ блескомъ.

— Какъ это изумительно!—сказала она и, сѣвъ къ чайному столику, снова прошептала:—Какъ изумительно!

Гости поднялись и собирались уходить. Каждый по очереди подходилъ къ хозяйкѣ, и выражалъ свое мнѣніе о талантѣ Зары.

— Вы сдѣлали удивительное открытіе—это несомнѣнно,—сказала лэди Бодезаръ.—Конечно, мы постараемся наполнить залу. Хотите, чтобы пришли рецензенты? Я вѣдь это могу устроить. Я такъ рада, что концертъ состоится вечеромъ. У меня какъ разъ есть прелестный туалетъ изъ сѣраго газа, вышитый серебромъ. Прощайте, дорогая. Изумительно, изумительно!

М-ссъ Вандердекенъ очень гордилась своей побѣдой. Она, конечно, знала заранѣе, что Зара произведетъ сенсацію, но ей было пріятно, что ея ожиданія оправдались. Всѣ гости ушли, и въ комнатѣ остались только хозяйка, Зара и лордъ Криссъ. Онъ продолжалъ стоять около дѣвушки, мечтательно глядя на ея нѣжное, блѣдное лицо и алыя губы. Вдругъ онъ опустилъ руку въ карманъ и вынулъ маленькую записную книжку.

— Я долженъ сейчасъ же воспользоваться моимъ вдохновеніемъ,—сказалъ онъ.—Слова и музыка вотъ здѣсь.

Онъ коснулся пальцемъ лба и подошелъ къ роялю. Сѣвъ на табуретъ, онъ сталъ медленно брать аккорды, звучавшіе очень странно и нѣсколько фальшиво. Дѣвушка быстро поднялась и подошла къ м-ссъ Вандердекенъ, которая усѣлась въ низкое, глубокое кресло и подложила себѣ подъ голову мягкую шолковую подушечку золотистаго цвѣта.

— Тс... помолчи!—сказала она.—Онъ теперь пишетъ музыку. Это по истинѣ изумительно. Онъ совершенно отчаявался, у него не было идеи.

Она взяла дѣвушку за руку и отъ времени до времени смотрѣла ей въ лицо, по мѣрѣ того какъ подвигалась работа композитора. Несмѣлыя и неправильныя сочетанія звуковъ постепенно становились болѣе опредѣленными, слова и музыка сливались въ странную гармонію.

Зара тоже заинтересовалась, и стала вслушиваться въ пѣсню о бѣломъ мотылькѣ, который кружится вокругъ горящей свѣчи, привлеченный губительнымъ для него пламенемъ, какъ чистая душа, которая жаждетъ пламенныхъ поцѣлуевъ, приносящихъ ей смерть. Пламя сжигаетъ и мотылька, и чистую душу.

Проигравъ законченную имъ композицію и прочтя слова пѣсни, лордъ Криссъ обернулся къ своимъ слушательницамъ.

— Это озарило меня какъ молнія сверкающей радугой гармоній! Я увидѣлъ передъ собой нѣчто, состоящее изъ облачно-бѣлой чистоты и гранатно-алой страсти. Я посвящаю мое твореніе вамъ, о, волшебница! Вы будете пѣть эту пѣсню. Спойте

ее теперь же, въ волшебный часъ ея зарожденія, вдали отъ слѣпого и глухого міра, не знающаго, чѣмъ обновить свою тоскливую жизнь.

— Пойди, Зара, — сказала м-ссъ Вандердекенъ, выпуская руку дѣвушки.—Лордъ Криссъ объяснитъ тебѣ свою музыку, и ты исполнишь его романсъ на твоемъ концертѣ.

Дѣвушка нѣсколько неохотно подошла къ роялю.

— Я несовсѣмъ поняла мелодію вашей пѣсни, mein Herr,— сказала она.—А слова, какой ихъ смыслъ?

Онъ передалъ ей записную книжку со словами и музыкой, и пока она вчитывалась въ то, чтò тамъ было написано, онъ сыгралъ интродукцію.

Ей трудно было сразу пѣть съ нотъ мало понятныя слова, и она попросила позволенія пропѣть музыку безъ словъ, какъ сольфеджіо.

— Нѣтъ, пойте непремѣнно со словами!—воскликнулъ композиторъ.—Они важнѣе всего. Я прочту ихъ вамъ медленно. Въ нихъ очень изысканная образность, я знаю, но технически они не трудны... Повторяйте за мной:

О, бѣлый мотылекъ!
О, чистая душа!

М-ссъ Вандердекенъ тихо поднялась и вышла изъ комнаты. Она обѣдала въ этотъ день въ гостяхъ, въ восемь часовъ, и ей необходимо было прилечь, прежде чѣмъ приступить къ сложному и трудному вечернему туалету.

Лордъ Криссъ и Зара не замѣтили ея исчезновенія; они заняты были судьбой мотылька, охваченнаго безуміемъ.

— Ну, теперь прочтите стихи сами,—попросилъ лордъ Криссъ,—продекламируйте ихъ. У васъ удивительный голосъ. Я бы изъ-за васъ хотѣлъ быть нѣмцемъ, хотя моя душа ненавидитъ Вагнера и его произведенія. Васъ совсѣмъ не нужно учить. Будьте вѣрны себѣ, дитя мое. Пусть міръ узнаетъ, что искусство не нуждается въ учителяхъ, что оно должно быть свободно, что оно совершенно въ своихъ вдохновеніяхъ.

Дѣвушка смотрѣла на него, совершенно не понимая смысла его словъ. Ей казалось, что онъ лишился разсудка. Онъ такъ странно глядѣлъ на нее, такъ странно улыбался. Онъ былъ необычайно красивъ и нравился ей,—но почему онъ такъ непонятно говоритъ? Его музыка противорѣчила всѣмъ установленнымъ правиламъ, но въ ней была какая-то своеобразная красота, привлекавшая Зару. Она нѣсколько разъ повторила за-

труднявшія ее мѣста, потомъ, усвоивъ мелодію и слова, пропѣла всю пѣсню полнымъ голосомъ подъ аккомпаниментъ автора.

— Теперь вѣрно, nicht wahr?—спросила она.—Я спою вашъ романсъ на моемъ концертѣ, какъ говорила м-ссъ Вандердекенъ.

— Я самъ буду вамъ аккомпанировать,—сказалъ лордъ Криссъ, поднимаясь и откидывая голову. Онъ протянулъ обѣ руки дѣвушкѣ, и она дала ему свои. Но когда онъ сдѣлалъ попытку привлечь ее къ себѣ, она воспротивилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, это совершенно лишнее.

— Такъ принято въ нашей сектѣ,—сказалъ онъ.

— Въ какой сектѣ?—спросила она.—Я не знаю ни о какой сектѣ.

— Но вы узнаете,—сказалъ онъ страстно.—Вы должны вступить въ секту. Вы покорили меня, Зара, и потому примкнете къ этой дивной общинѣ, которая стремится къ великимъ цѣлямъ и удивитъ еще міръ въ будущемъ. Почему у васъ такой изумленный видъ, дикое дитя горъ? Я вамъ не причиню зла. Вѣдь *вы* навѣрное чувствуете то же, что̀ *я*? Не можетъ быть, чтобы моя душа тщетно призывала вашу!

— Душа?—проговорила она, глядя на его взволнованное лицо.—Я ничего не знаю о душѣ. Меня этому не учили. Я училась только музыкѣ, моему искусству, и люблю во всемъ красоту. А что̀ же такое душа, которую вы призываете?

Лордъ Криссъ замолчалъ на минуту. Онъ почувствовалъ себя въ положеніи охотника, передъ которымъ очутилось дикое и безстрашное лѣсное существо; охотникъ знаетъ, что оно въ его власти, но озадаченъ его полнымъ непониманіемъ опасности своего положенія. Онъ посмотрѣлъ на Зару, машинально приводя въ порядокъ свои спутавшіеся золотистые волосы.

— Что̀ такое душа?—переспросилъ онъ, и снова замолчалъ.—Есть вещи, которыя трудно выразить словами,—и трезвое объясненіе казалось ему грубымъ сравнительно съ неопредѣленной полнотой ощущеній. А къ тому же эта дѣвушка была такая странная; ея большіе дикіе глаза проникали ему въ душу и въ то же время удаляли его отъ себя. Его охватило желаніе понять эту сложную натуру, и кромѣ того красота Зары опьяняла его.

— Хорошо,—сказалъ онъ наконецъ,—я вамъ отвѣчу на вашъ вопросъ. Но только сядемъ. Объясненіе будетъ длинное.

— Я ненавижу сидѣть,—рѣзко сказала она.—Начните объяснять.

— Душа,—началъ онъ,—это обладаніе способностью понимать и цѣнить то, что невѣдомо внѣшнему міру. Мы окружены грубыми, пошлыми, почти циничными трагедіями, разыгрываемыми съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ эффектомъ. Это называется жизнью. Отдѣляя себя отъ грубой реальности такихъ драмъ, погружаясь въ полусознательный трансъ самобытныхъ художественныхъ ощущеній, мы тѣмъ самымъ удаляемся отъ житейской пошлости и живемъ въ своемъ собственномъ храмѣ,—куда открытъ доступъ только родственной душѣ, которая думаетъ какъ мы, которая раздѣляетъ наши вѣрованія и наши экстазы. Таинственное сродство двухъ душъ соединяетъ духовнымъ бракомъ жизнь видимую съ невидимой. И никто третій не можетъ помѣшать ихъ союзу, никакой глупый человѣческій законъ не можетъ расторгнуть этотъ бракъ. Я становлюсь своимъ собственнымъ закономъ, и душа, съ которой я вступаю въ бракъ, служитъ тому же закону. Чисто личная, но изысканно прекрасная жизнь наполняетъ наши тихіе часы, и самая волшебная изъ тайнъ открывается намъ во внутреннемъ сознаніи. Мы окружаемъ себя ощущеніями и съ презрѣніемъ относимся ко всему реальному. Нѣтъ ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ ощущенія. Мы созерцаемъ себя, и зрѣлище нашего внутренняго міра болѣе увлекательно, чѣмъ „Гедда Габлеръ". У васъ такой удивленный видъ... Можетъ быть, я слишкомъ неопредѣленно выражаюсь? Можетъ быть, вы никогда не слыхали о Генрикѣ Ибсенѣ?

— Никогда,—отвѣтила дѣвушка.

— Какъ вы оригинальны! Культурность и образованность современныхъ людей—пустыня сравнительно съ нетронутой простотой вашей души. Вы—дикая птица, созданіе лѣсовъ и рѣкъ, безстрашное горное существо. Моя душа взываетъ къ вамъ. Слышите вы ея голосъ?

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтила она.—И вы, mein Herr, все-таки не объяснили мнѣ словами, что̀ такое душа; я слышу только слова, лишенныя всякаго смысла.

— Вы жестоки, волшебное дитя, или, можетъ быть, недостаточное знаніе англійскаго языка ограничиваетъ ваше пониманіе.

— Нельзя ли... говорить попроще, яснѣе?—замѣтила она.

Онъ слабо улыбнулся.

— Ясная рѣчь неэстетична—какъ уродливая женщина. Я бы никогда не рѣшился прибѣгнуть къ ней,—но повѣрьте, дорогая фрейлейнъ Зара, что придетъ день, когда вы будете чувствовать,

а не спрашивать, и поймете все безъ словъ. Ощущенія и влеченіе—пробный камень вдохновенія—будутъ вашими учителями, и я...

Глубокіе дикіе глаза опять пытливо устремились на него, и на минуту лицо его поблѣднѣло; какая-то невѣдомая сила остановила потокъ его претенціозныхъ рѣчей.

— Я,—пробормоталъ онъ,—буду у вашихъ ногъ, или вы—у моихъ.

II.

Зара Эбергардъ вошла въ спальню м-ссъ Вандердекенъ за нѣсколько минутъ до того, какъ ей доложили, что карета подана.

Камеристка стояла, держа въ рукахъ нарядную sortie de bal, и оправляла складки платья, которое подчеркивало чрезвычайную тонкость фигуры м-ссъ Вандердекенъ. М-ссъ Вандердекенъ никогда не позволяла себѣ казаться старше тридцати лѣтъ по вечерамъ—ни лицомъ, ни фигурой, но она еще не открыла средства придать молодость выраженію глазъ, а поэтому и вечеромъ не казалась моложе, чѣмъ при рѣзкомъ дневномъ освѣщеніи.

Она ласково обернулась къ своей protégée.

— Ты будешь обѣдать у себя въ комнатѣ,—сказала она по-нѣмецки.—Займись музыкой, или почитай что-нибудь. Я вернусь не поздно. Ты подождешь меня?

— Конечно,—отвѣтила дѣвушка.—Время быстро пройдетъ; мнѣ нужно выучить романсъ вашего друга, — я не могу запомнить его имя. Онъ очень странный молодой человѣкъ.

— Что же въ немъ страннаго?—спросила м-ссъ Вандердекенъ, накидывая на свои тонкія плечи мантò изъ кружева и мѣха. Но вѣдь ты до сихъ поръ не встрѣчала мужчинъ, mein Liebling, кромѣ своихъ учителей; а всѣ они—старики. Послѣ концерта ты вступишь въ жизнь, и сможешь лучше судить о мужчинахъ. Мой пріятель занимаетъ очень видное положеніе въ обществѣ. Онъ чрезвычайно талантливъ—прямо на рѣдкость.

— Какъ это вы его зовете?

— Крисси. Его настоящее имя—Христофоръ Камелотъ, но у насъ принято называть другъ друга уменьшительными именами. Ну, а теперь мнѣ пора. Я ненавижу обѣды, потому что нужно являться вò-время. Ну, прощай, дорогая.

Она послала воздушный поцѣлуй Зарѣ и вышла изъ комнаты, окруженная облакомъ кружевъ и душистаго шолковаго газа. Зара промедлила нѣсколько минутъ въ роскошной спальнѣ и съ любопытствомъ оглядѣла ее. Все въ этой комнатѣ казалось

ей чудомъ красоты. Блѣдно- и темно-розовые тона составляли основной цвѣтъ мебели. Пологъ надъ большой постелью, также какъ и покрывало на ней, были изъ шолка и кружева. На туалетѣ сверкали серебряныя и хрустальныя принадлежности, на полу лежали мягкіе бѣлые ковры. Въ каминѣ горѣли дрова, и электрическій свѣтъ нѣжно озарялъ комнату изъ-подъ причудливыхъ блѣдно-розовыхъ абажуровъ. Черезъ раскрытую дверь видна была уборная, гдѣ помѣщались шкафы съ пышными туалетами и роскошной lingerie. Дверцы шкафовъ и ящики шифоньерокъ были раскрыты, и оттуда виднѣлись кружева, дорогіе мѣха и удивительные пеньюары—все, что̀ необходимо для свѣтской женщины, тратящей много тысячъ на свой туалетъ. Зара въ первый разъ въ жизни видѣла такую роскошь. Она недавно пріѣхала въ Лондонъ и жила тамъ очень замкнуто, выходя изъ дому только для ежедневныхъ прогулокъ въ отдаленныхъ частяхъ Гайдъ-Парка или отправляясь къ музыканту-венгерцу, который училъ ее пѣть національныя пѣсни. Роскошь и красота открывавшейся ей теперь новой жизни производили на нее сильное впечатлѣніе.

Вернувшись въ свою комнату, она была еще подъ обаяніемъ всего видѣннаго. Она подошла къ роялю и стала наигрывать мелодію пѣсни лорда Христофора. Какія странныя слова онъ говорилъ, и какъ странны его стихи! „Мотылекъ и душа“—трепещущее насѣкомое, которое бьется крылышками вокругъ манящаго его пламени, и страстная душа, сгорающая отъ напрасной любви,—что̀ это,—аллегорія? Зарѣ приходилось много пѣть о любви и страсти, но душа ея была невинна. Любовь была для нея чѣмъ-то смутнымъ, не-реальнымъ. Можетъ быть, когда-нибудь она все узнаетъ и испытаетъ, но она ждала этого безъ всякаго нетерпѣнія. Она была увѣрена, что дѣйствительность не такъ волшебна, какъ рисуется воображенію.

Лакей принесъ обѣдъ; она машинально съѣла его и принялась изучать новую оперу, отдавшись всей душой музыкѣ. Она рада была провести вечеръ въ одиночествѣ, и немного жалѣла свою покровительницу, которую навѣрное утомитъ длинный парадный обѣдъ и непрерывное стараніе сказать что-нибудь новое и интересное.

Но на этотъ разъ нечего было жалѣть м-ссъ Вандердекенъ. Она наслаждалась сознаніемъ своего сенсаціоннаго открытія. Среди гостей на обѣдѣ она обратила особое вниманіе на очень красивую, блестящую женщину, въ возрастѣ между тридцатью и сорока годами,—настолько живую и остроумную, что ею заинтересовался даже лордъ Христофоръ. Сначала м-ссъ Вандерде-

кенъ приняла ее за иностранку по необыкновенной звучности голоса, не свойственной англичанкамъ. Когда послѣ обѣда дамы перешли въ гостиную, оставивъ мужчинъ за дессертомъ, она подошла къ хозяйкѣ дома, лэди Бодезаръ, и спросила ее, кто эта интересная женщина. Лэди Бодезаръ иногда, по своему легкомыслію, вводила въ ихъ кругъ очень странныхъ людей.

— Вы спрашиваете, кто она?—отвѣтила лэди Бодезаръ.— Ахъ, милая, это цѣлая исторія! Я горю нетерпѣніемъ разсказать вамъ ее. Я вчера зашла купить перчатки, и со мной былъ Омаръ Хаямъ—моя черная собачка. Она усѣлась на стулѣ, съ своимъ очаровательно кроткимъ видомъ, и ждала, пока я кончу свои покупки. Вдругъ я слышу голосъ, который говоритъ: „Ахъ, какая дивная душа у этого существа!“ Я обернулась. Какая-то женщина съ восторгомъ глядѣла на моего любимца. Наши глаза встрѣтились.

— Вы принадлежите къ нашему союзу?—спросила я.—„Да“, —отвѣтила она. Мы сейчасъ же вступили въ разговоръ. Она сказала мнѣ, что у нея есть прелестная ангорская кошка. Я отправилась посмотрѣть на нее. Она хороша, какъ мечта! Моя новая знакомая угостила меня чаемъ, и я пригласила ее сегодня къ обѣду, чтобы познакомить ее со всѣми вами. Вотъ и все.

— Все?—повторила м-ссъ Вандердекенъ.—Да этого болѣе чѣмъ достаточно, милая. Неужели, Адель, вы дѣйствительно пригласили къ обѣду и ввели въ нашъ кругъ женщину, о которой вы ничего не знаете?

— Но, милая Тротти, вѣдь мы всѣ ищемъ новыхъ ощущеній—это одно изъ нашихъ правилъ. А она мнѣ доставила, по истинѣ, новое и пріятное ощущеніе. Она очаровательна. И напрасно вы думаете, что я не знаю, кто она, хотя насъ оффиціально и не представляли другъ другу. Она—тетка Джоржа Морфи.

М-ссъ Вандердекенъ поблѣднѣла,—насколько это позволяли румяна на ея лицѣ.

— Вы съ ума сошли, Адель!—сказала она.—Вы знаете, что я никогда не довѣряла этому молодому человѣку. Я увѣрена, что онъ насъ вышучиваетъ. На нашемъ послѣднемъ собраніи онъ надѣлалъ столько непріятностей своими нелѣпыми вопросами. Да и вообще, совершенно достаточно съ насъ одного ирландскаго сочлена,—напрасно вы вводите къ намъ еще одного.

— Ахъ, милая,—возразила лэди Бодезаръ,—вы сами будете очарованы, когда познакомитесь съ ней. Позвольте представить ее вамъ прежде, чѣмъ придутъ мужчины.

— Хорошо,—со вздохомъ сказала м-ссъ Вандердекенъ,—я поговорю съ ней. Но я совершенно увѣрена, что она не принадлежитъ къ сектѣ. Вы введены въ заблужденіе. Какъ ея фамилія?

— Кажется, О'Бради—или, можетъ, быть О'Конноръ. Во всякомъ случаѣ, она—тетка Джоржа Морфи. Какъ жаль, что онъ сегодня не пришелъ—онъ приглашенъ въ другое мѣсто. Вѣдь все-таки, Тротти, онъ очаровательный представитель своей несчастной родины. Долли безумно влюблена въ него, а что касается Крисса...

М-ссъ Вандердекенъ нетерпѣливо остановила свою пріятельницу.

— Познакомьте меня съ этой женщиной, Адель,—сказала она.—Я вижу, что вы увлеклись ею. Жаль, что наша предсѣдательница уѣхала. Она бы намъ сказала, дѣйствительно ли эта ирландка—нашъ сочленъ. Во всякомъ случаѣ, я все выясню въ разговорѣ съ нею.

Адель Бодезаръ направилась къ группѣ дамъ, смѣявшихся громче, чѣмъ полагалось возвышеннымъ душамъ. Она тоже стала улыбаться, приближаясь къ нимъ: веселость такъ заразительна. Потомъ она коснулась ослѣпительнаго плеча м-ссъ Бради.

— Я хочу познакомить васъ съ одной моей пріятельницей,—сказала она.—Можно увести васъ на минуту?

— Конечно.—М-ссъ Бради поднялась и весело кивнула головой сидѣвшимъ около нея дамамъ. — Я сейчасъ вернусь къ вамъ,—сказала она,—и разскажу еще одну исторію.

Лэди Бодезаръ взяла подъ руку свою новую пріятельницу и увела ее.

— Кто эта дама, съ которой вы хотите меня познакомить?—спросила м-ссъ Бради съ нѣкоторой тревогой.—Она тоже членъ?

Адель кивнула головой.

— Разумѣется; она, кажется, собирается допрашивать васъ.

М-ссъ Бради нагнулась, чтобы поднять упавшій на полъ носовой платокъ, кружево на ея юбкѣ зацѣпилось за блестки пышнаго платья маркизы Бодезаръ.

— Осторожно, милая, вы разорвете вашъ воланъ,—сказала Адель, когда м-ссъ Бради стала отдергивать свое платье.—Это, кажется, старое ирландское кружево?

— Да; оно переходитъ въ нашей семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе,—отвѣтила м-ссъ Бради, забывъ о дублинскомъ магазинѣ, которому еще не уплатила за это кружево.—А какъ зовутъ вашу пріятельницу?—спросила она.

— М-ссъ Вандердекенъ-Тротти. Вѣдь вы слыхали о Тротти?

— Конечно,—поспѣшила отвѣтить м-ссъ Бради.—Она вѣдь очень замѣчательная особа.

— О, да. Она занимаетъ второе мѣсто послѣ предсѣдательницы. Онѣ обѣ и основали секту.

— А есть у нея любимая собачка?—спросила м-ссъ Бради.

— Есть: удивительный молдавскій пудель. Онъ имѣетъ отдѣльную комнату, отдѣльную прислугу—и поразительный гардеробъ. Моя бѣдная собачка не можетъ соперничать съ нимъ. Даже его носовые платочки заказываются въ Парижѣ. А что касается дорожныхъ костюмовъ, то никакой принцъ не имѣетъ болѣе роскошныхъ, чѣмъ „Эльдорадо".

Онѣ подошли къ низкому дивану, на которомъ полулежала м-ссъ Вандердекенъ, прислонивъ къ мягкимъ шолковымъ подушкамъ свою великолѣпно-убранную голову. Лицо ея казалось очень свѣжимъ, благодаря нѣжности искусственнаго румянца и тщательно разглаженной массажемъ кожѣ; но тѣмъ болѣе выдѣлялось на этомъ фонѣ старое выраженіе глазъ, когда она пристально взглянула въ улыбающіеся, вызывающіе голубые глаза ирландки. Она томно протянула руку, которую м-ссъ Бради пожала съ большой сердечностью.

— Я такъ счастлива, такъ польщена,—проговорила она.

М-ссъ Вандердекенъ указала ей мѣсто около себя на диванѣ.

— Вы принадлежите къ нашему союзу?—спросила она.

— Да, всѣмъ сердцемъ и всей душой, — прошептала м-ссъ Бради.—Какая удивительная идея, и какъ она выполнена!

— Да, я горжусь удачей нашего предпріятія, — отвѣтила м-ссъ Вандердекенъ. — Его не легко было осуществить. Нужно было придумать, какимъ образомъ посвященные могли бы всегда узнать другъ друга, при какихъ бы обстоятельствахъ и гдѣ бы они ни встрѣтились. Кстати,—съ кѣмъ вы состоите въ духовномъ союзѣ?

— Въ духовномъ союзѣ?—переспросила упавшимъ голосомъ м-ссъ Бради. — Вы, надѣюсь, не осудите меня, если я признаюсь...

Она скромно опустила глаза.

— Что вы нашли родственную душу въ мужчинѣ? Ничуть. Вы говорите, конечно, о Жоржѣ? Я такъ и подумала, когда узнала, что вы—его тетка.

— Да, о Жоржѣ, — сказала м-ссъ Бради. — Какъ онъ талантливъ! Его послѣдняя рѣчь въ этомъ ужасномъ процессѣ произвела сенсацію.

М-ссъ Вандердекенъ оживилась, услышавъ свое любимое слово.

— Да, онъ теперь очень на виду,—сказала она.—Надѣюсь только, что успѣхъ не испортитъ его. Но зачѣмъ онъ живетъ въ Тэмплѣ и такъ обременяетъ себя работой? Онъ, кажется, готовится къ парламентской карьерѣ? Надѣюсь, что онъ откажется отъ этой мысли. Вы должны употребить свое вліяніе на него.

— Я, конечно, постараюсь отговорить его,—сказала м-ссъ Бради.—Я имѣю нѣкоторое вліяніе на Жоржа.

— Жаль, что вы не привели его сегодня съ собой,—сказала м-ссъ Вандердекенъ. — Но вы, вѣроятно, не живете въ Тэмплѣ?

— Нѣтъ, я наняла квартиру въ Моунтъ-Стритѣ. Мое ирландское помѣстье, увы, въ очень плохомъ положеніи. Вы едва ли представляете себѣ, до чего теперь разорены всѣ земельные собственники въ Ирландіи!

— Адель, навѣрное, выручитъ васъ,—сказала м-ссъ Вандердекенъ.— Она замѣчательно умѣетъ устроивать базары и сборы для нуждающихся.

М-ссъ Бради покраснѣла до корней своихъ черныхъ волосъ.

— Чтò вы? Я вовсе не въ такой крайности,—сказала она.

— А я полагала... Адель мнѣ намекала... но вѣдь вы знаете, какъ она увлекается и все преувеличиваетъ. Она вдругъ привязывается къ людямъ и не чаетъ въ нихъ души, а черезъ недѣлю забываетъ о нихъ и переноситъ свои симпатіи на другихъ. У меня совсѣмъ другой характеръ. Я очень постоянна. Любовь для меня важнѣе всего на свѣтѣ!

— Какъ счастливъ долженъ быть вашъ мужъ, — сказала умиленнымъ голосомъ м-ссъ Бради.

— Мой мужъ?

Если бы она сказала: „мой лакей", то не могла бы выговорить это слово болѣе презрительно.

— У меня нѣтъ мужа. Онъ умеръ три года тому назадъ. Мнѣ казалось, что всѣ это знаютъ.

— Ахъ, да, простите, я и забыла. Я спутала васъ съ Аделью.

— Съ Аделью?—М-ссъ Вандердекенъ приподнялась съ кушетки, и ея усталые глаза сверкнули.—Да вѣдь она развелась со своимъ мужемъ!

Въ эту минуту открылась дверь и вошли мужчины.

„Слава Богу!—подумала м-ссъ Бради.—Они меня спасутъ".

III.

Мужчины, во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, вошли въ залу, слегка возбужденные отъ выпитаго вина и развеселенные пикантными анекдотами, разсказанными за дессертомъ. Лордъ Криссъ направился къ Адель, а вошедшій рядомъ съ нимъ высокій, красивый человѣкъ сѣлъ рядомъ съ м-ссъ Вандердекенъ. За обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ м-ссъ Бради, и она показалась ему интересной.

— Хотѣлъ бы я знать, о чемъ женщины говорятъ послѣ обѣда,—сказалъ онъ.

— Мы хотѣли бы это знать и относительно васъ,—быстро возразила м-ссъ Бради.—Признаніе за признаніе, м-ръ Варендеръ. Если вы намъ скажете, о чемъ вы, мужчины, бесѣдуете за виномъ, я открою вамъ содержаніе нашихъ разговоровъ за чашками кофе.

Базиль Варендеръ слабо улыбнулся.

— Кто бы изъ насъ посмѣлъ?

— Это очень характерно для вашихъ разговоровъ. Я бы не боялась разсказать про насъ.

— Я бы тоже не боялся,—отвѣтилъ онъ,—если бы у насъ съ вами были одинаковые взгляды.

— А можетъ быть оно и такъ, — сказала м-ссъ Бради. — Чувствовать себя достойной откровенности очень пріятно.

Онъ быстро взглянулъ на нее.

— Это что же, вызовъ? Тротти, вы слышите, что говоритъ эта предательница? Неужели женщины говорятъ о такихъ невинныхъ предметахъ? Вы не боитесь выдать себя?

М-ссъ Вандердекенъ томно обмахивалась большимъ вѣеромъ изъ перьевъ.

— Вы требуете, чтобы я отвѣтила за другихъ или за себя?

— Конечно, за другихъ. Развѣ можно просить женщину, чтобы она сказала правду о самой себѣ.

— Мы обыкновенно бесѣдуемъ объ искусствѣ въ связи съ новыми модами, или ругаемъ мужей за ихъ мелочность.

— Но если у васъ нѣтъ мужей?

— То мы радуемся своей свободѣ, возможности дѣлать все, что вздумается, и тратить—сколько хочется.

— Это звучитъ слишкомъ невинно для того, чтобъ быть правдой,—сказалъ Базиль Варендеръ. Онъ былъ знаменитый художникъ, и за нимъ очень ухаживали свѣтскія дамы, желавшія,

чтобы потомство восторгалось ими. — Но вы правы, — продолжалъ онъ:—пріятно, должно быть, не стѣсняться въ расходахъ и не бояться разсчетныхъ дней. Сроки платежей страшны только для художниковъ и ирландскихъ помѣщиковъ—не правда ли, м-ссъ Бради?

— Что касается послѣднихъ, — простодушно созналась ирландка,—то это совершенная правда. И вѣдь намъ приходится имѣть въ виду не только своихъ кредиторовъ, м-ръ Варендеръ, но и арендаторовъ, которые могутъ платить, но не хотятъ, а также бѣдняковъ, которые хотѣли бы заплатить, да не могутъ.

— Я люблю ирландцевъ,—сказалъ Варендеръ.—Они такъ очаровательны своей непослѣдовательностью. Поэтому они, вѣроятно, такъ часто бываютъ хорошими адвокатами.

— Да и англичане тоже склонны рѣшать каждый вопросъ на-двое—сказала м-ссъ Бради,—и дѣлать тѣ выводы, которые имъ наиболѣе удобны.

— Вы дѣлаете намъ большой комплиментъ,—сказалъ онъ.— Но мнѣ хотѣлось бы узнать конецъ исторіи, которую вы начали мнѣ разсказывать за столомъ. Послушайте и вы, Тротти, вамъ это будетъ особенно интересно. Вотъ у васъ есть знаменитая собачка, а героиня м-ссъ Бради избрала своимъ любимцемъ поросенка, будто бы поразительно умнаго.

— Поросенка?—съ удивленіемъ спросила м-ссъ Вандердекенъ.

— Да, у старой лэди Деланэ былъ любимый поросенокъ,— отвѣтила м-ссъ Бради. — Она взяла его къ себѣ, какъ только онъ родился, и онъ оказался удивительно смышлёнымъ, благовоспитаннымъ и очень разборчивымъ въ ѣдѣ. Ему отведена была особая комната, онъ спалъ на мягкой, нарядной постели, съ полотняными простынями, подъ шолковымъ одѣяломъ и на подушкахъ, которымъ могъ бы позавидовать не одинъ человѣкъ. Всѣ приходили любоваться имъ, когда онъ спалъ, положивъ голову на бѣлоснѣжную наволочку, обшитую кружевами. Его отправляли два раза въ день гулять по парку въ сопровожденіи ливрейнаго лакея. Это былъ очень аристократическій поросенокъ; онъ зналъ всѣхъ членовъ семьи и ложился спать въ опредѣленное время; лэди Деланэ сама обмывала ему мордочку на ночь, укладывала его въ постель, прощалась съ нимъ, и онъ спокойно лежалъ, пока она утромъ не будила его. Но когда онъ выросъ, то очень облѣнился, и его трудно было заставить ходить гулять.

— А что̀ сталось потомъ съ этимъ интереснымъ животнымъ?—спросилъ Базиль Варендеръ.

— Насколько я помню, кто-то имѣлъ жестокость донести о затѣѣ лэди Деланэ обществу покровительства животнымъ, и оно потребовало, чтобы поросенка вернули къ тому, что они называютъ „естественными условіями его жизни".

— Бѣдное животное!—воскликнула м-ссъ Вандердекенъ.— Я бы ни за что не разсталась съ нимъ. Такого рода привязанности не могутъ сообразоваться ни съ какими законами. Подумайте, какъ бы я возмутилась, еслибы какой-нибудь дерзкій представитель закона пришелъ ко мнѣ справляться объ Эльдорадо.

— Эльдорадо вѣдь будетъ поменьше поросенка, — замѣтилъ Базиль Варендеръ.

— Ахъ, я слышала, что это очаровательное животное! — воскликнула м-ссъ Бради:—самый прелестный изъ всѣхъ пуделей на свѣтѣ. Вы, кажется, устроиваете дневные пріемы для него во время сезона, м-ссъ Вандердекенъ?

— Да; два очень торжественныхъ пріема въ годъ,—сказала м-ссъ Вандердекенъ съ воодушевленіемъ. — О нихъ бываютъ отчеты въ газетахъ. Ко мнѣ приходятъ въ эти дни всѣ члены „Кеннель-Клуба". Но меня очень заинтересовала ваша исторія, м-ссъ Бради. Какъ странно избрать своимъ любимцемъ поросенка!

— Въ Ирландіи это не кажется страннымъ,—замѣтилъ Базиль Варендеръ.—Тамъ эти животныя поразительно умны и очень цѣнятся.

— Вотъ какъ!—проговорила м-ссъ Вандердекенъ.—Значитъ, мы просто не привыкли къ этому, т.-е. не привыкли видѣть поросятъ у себя въ комнатахъ, а потому и удивляемся. Я вѣдь никогда не была въ Ирландіи,—такъ что ужъ вы меня простите.

Она поднялась.

— Я должна переговорить съ Криссп о нашемъ вечерѣ для бѣдныхъ уличныхъ торговцевъ, — объяснила она. — Мы хотимъ устроить вечеръ въ ихъ пользу на Рождествѣ. Можетъ быть, и вы примете участіе, м-ссъ Бради?

— Съ наслажденіемъ, — отвѣтила ирландка, хотя въ сущности не знала, въ чемъ могло бы выразиться ея участіе.

„Значитъ, они занимаются тоже благотворительностью,—подумала она,—а не только заботами о нелѣпыхъ и дорогихъ собачкахъ".

Базиль Варендеръ откинулся въ креслѣ и посмотрѣлъ на нее смѣющимися глазами.

— Все это нѣсколько ново для васъ, я полагаю,—сказалъ

онъ.—Я, кажется, не встрѣчалъ васъ до сихъ поръ на этихъ собраніяхъ.

— Можетъ быть, вы не на всѣхъ бываете,—отвѣтила она, не желая выдать себя.

— Это правда; а знаете ли, я уже нѣсколько минутъ думаю о томъ, могу ли я предложить вамъ одинъ вопросъ?

— Вы, кажется, любите предлагать вопросы,—значитъ, любопытство свойственно не однимъ только ирландцамъ.

— Вы такъ умѣете заинтересовывать собой. Я хотѣлъ бы узнать, что̀ вы думаете о сродствѣ душъ... Оно играетъ большую роль въ организаціи vie intime.

— Я полагаю, что это—вопросъ времени и естественнаго подбора.

— По-моему, скорѣе—неестественнаго.

Онъ сказалъ это какимъ-то особеннымъ тономъ, и она удивленно взглянула ему въ лицо, но ничего не смогла прочесть на немъ.

— Встрѣча съ вами въ этомъ обществѣ даетъ право говорить откровенно, не обижая васъ этимъ, — продолжалъ онъ.— Вѣдь вы здѣсь только зрительница,—я въ этомъ не сомнѣваюсь. Что касается сродства душъ, то я надѣюсь, что ваши привязанности будутъ болѣе разумны, чѣмъ у большинства этихъ женщинъ. Онѣ такъ увлечены своей страстью къ необычайному, что доходя̀тъ до положительнаго уродства. Не могу себѣ представить, чѣмъ это все кончится.

М-ссъ Бради такъ покраснѣла, когда онъ это сказалъ, что ея собесѣдникъ нѣсколько удивился.

— Надѣюсь, вы не обидѣлись?—спросилъ онъ.

— Ничуть, ничуть!—быстро сказала она. — Но почему вы осуждаете другихъ, хотя сами ведете такую же жизнь, какъ они?

— Почему?.. Потому что и я только зритель. Они ухаживаютъ за мной, какъ за ихъ излюбленнымъ портретистомъ; мои портреты льстятъ ихъ тщеславію, хотя, съ чисто художественной точки зрѣнія, они неинтересны.

— Такіе портреты хорошо оплачиваются, я полагаю.

— Очень хорошо. А такъ какъ жизнь намъ навязывается безъ нашего согласія, то мы должны вознаграждать себя, какъ умѣемъ.

— И вознагражденіе, кажется, не дурное, — сказала она, медленно обводя взоромъ группу дамъ, собравшихся вокругъ Адель Бодезаръ.

— Да. Я имѣю возможность нанимать мастерскую въ Лонъ-

Стритѣ, и располагать всѣми удобствами жизни. За это я пишу портреты. Они не имѣютъ художественной цѣнности, но даютъ мнѣ возможность очень хорошо обѣдать.

— А вы—не членъ ихъ секты?—спросила она съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Нѣтъ, и если меня не обманываетъ мое психологическое чутье,—и вы не принадлежите къ ней.

— Но они васъ считаютъ своимъ сочленомъ?—спросила она, избѣгая прямого отвѣта на его вопросъ.

— Конечно, и они думаютъ, что я только жду появленія кого-нибудь, съ кѣмъ я вступлю въ „интимный союзъ“, выражаясь на ихъ языкѣ. Это слово, кстати сказать, очень растяжимо. Но я не думаю, что это когда-нибудь случится, и даже не особенно желаю этого.

— Но вѣдь они занимаются не только пустяками? У нихъ есть, кажется, и серьезныя задачи?

— О, да, они увлекаются благотворительностью. Но больше всего имъ хочется быть оригинальными. Они вѣчно толкуютъ о красотѣ и искусствѣ, хотя ничего въ этомъ не смыслятъ. Вотъ, напримѣръ, лордъ Криссъ: его считаютъ геніальнымъ музыкантомъ, но, Боже, что̀ это за музыка и что̀ за стихи! А вотъ еще одна знаменитость,—Тони Шевени, который написалъ книгу, вдохновившись скандальнымъ процессомъ, и выпустилъ теперь второе изданіе въ ста экземплярахъ. Это совсѣмъ свихнувшійся юноша. Его родители имѣютъ прекрасную виллу за-городомъ; туда гости пріѣзжаютъ по субботамъ и остаются до понедѣльника. Я тоже разъ былъ у нихъ. Тони явился къ обѣду, на которомъ присутствовало человѣкъ двадцать, въ женскомъ бальномъ платьѣ. И никто не возмутился. Они всѣ заняты только потворствомъ своимъ капризамъ, и не признаютъ законовъ совѣсти — и даже простого приличія. Все прощается во имя сенсаціонности и новизны ощущеній.

— О, да, я это знаю. Въ этомъ—основа ихъ ученія. Для нихъ ощущенія гораздо важнѣе поступковъ.

— Мы, кажется, будемъ ладить съ вами,—сказалъ Базиль Варендеръ, улыбаясь.—Но такъ какъ вы пустились плавать по этимъ темнымъ водамъ, то позвольте напомнить вамъ, что въ нихъ есть опасныя теченія и мели, и что можно потерпѣть крушеніе.

Онъ всталъ, и она послѣдовала его примѣру. Ей становилось не по себѣ въ этомъ странномъ мірѣ, куда ее завелъ случай, и хотѣлось поскорѣе уѣхать домой.

Группа, обсуждавшая благотворительный вечеръ съ большимъ оживленіемъ, распалась при ея приближеніи. Къ ней подошелъ лордъ Криссъ.

— Вы вѣдь согласны читать на вечерѣ?—спросилъ онъ.—Тротти сказала, что вы обѣщали. Я собираюсь написать разсказъ изъ жизни уличныхъ торговцевъ—болѣе трагичный и болѣе правдивый, чѣмъ все, что было написано до сихъ поръ.

— Но вѣдь вы навѣрное понятія не имѣете объ ихъ жизни! —воскликнула м-ссъ Бради.

— Я погружусь въ глубины народной жизни для наблюденій,—отвѣтилъ онъ.—Истинный художникъ всегда готовъ приносить жертвы. Вы улыбаетесь, Базиль? Но вѣдь и вы, достигшій славы, которая прельщаетъ пошлую толпу,—и вы приносили жертвы.

— Да, но не такія, о какихъ вы говорите, Крисси.

Лордъ Криссъ поглядѣлъ на него съ тихой грустью. Онъ былъ въ нѣжномъ поэтическомъ настроеніи, навѣянномъ музыкой „Мотылька и души“.

— Какъ люди насъ не понимаютъ!—сказалъ онъ.—Я иногда страстно жажду жертвы, и хотѣлъ бы найти алтарь для самопожертвованія.

— Въ такомъ случаѣ,—холодно сказалъ Варендеръ,—я бы на вашемъ мѣстѣ, дѣйствительно, отправился въ бѣдные кварталы. Тамъ вы найдете алтарь.

— И сможете насытиться самопожертвованіемъ,—прибавила м-ссъ Бради.

— Кто хочетъ насытиться?—спросила Адель, быстро оборачиваясь къ говорящимъ. — Вы голодны, Крисси? Съѣшьте поджаренныя телячьи ножки передъ уходомъ; я велѣла подать ихъ въ столовую. Хотите, мы всѣ закусимъ вмѣстѣ съ вами.

— Что касается меня, Адель, то я благодарю, — сказала усталымъ голосомъ м-ссъ Вандердекенъ. — Я всегда выпиваю чашку бульона передъ сномъ, и не могу заснуть всю ночь, если съѣмъ что-нибудь другое.

— А я пойду смотрѣть, какъ поднимается заря надъ Уайтчэпелемъ,—сказалъ лордъ Криссъ. — Едва ли поджаренныя телячьи ножки приведутъ меня въ подходящее для этого настроеніе.

— Съѣшьте лучше простой бифштексъ и выпейте стаканъ пива для разнообразія, Крисси,—предложилъ ему Базиль Варендеръ. — Это гораздо питательнѣе. Кстати, когда этотъ вечеръ долженъ состояться?

— Въ сочельникъ,—сказала лэди Бодезаръ.—Запишите это

себѣ на память, Базиль. У васъ удивительная способность все забывать. Я три раза назначала часъ, когда приду къ вамъ въ мастерскую, и васъ каждый разъ не было тамъ, или вы были чѣмъ-нибудь заняты.

— Простите, вы каждый разъ являлись не въ назначенный день.

— Неужели? Ахъ, вы не знаете, сколько времени отнимаютъ массажистка, manicure и pedicure, портные и все, что нужно дѣлать и видѣть; не успѣваешь управиться въ теченіе всего дня.

— Почему бы не превратить два дня въ одинъ и спать только разъ въ два дня?—предложилъ лордъ Криссъ.

— Со мной это случалось,—сказала м-ссъ Бради,—но это было въ Ирландіи, за игрой въ карты. Мы начинали съ вечера, и продолжали играть цѣлый день и слѣдующую ночь, вообразивъ, что это одинъ и тотъ же вечеръ. Только такъ и пріятно играть.

— Теперь я понимаю, почему ирландскимъ помѣщикамъ приходится уѣзжать иногда въ Англію, — замѣтилъ Базиль Варендеръ.

IV.

— Милая тетя, что васъ привело ко мнѣ въ такой ранній часъ? Вы завтракали?

— А почему ты, Жоржъ, не явился ко мнѣ вчера вечеромъ, несмотря на мою телеграмму?—Нѣтъ, я не завтракала; я только выпила чашку чая. Ахъ, ты, лѣнтяй! Теперь десять часовъ, а ты только-что всталъ. Какъ же ты справляешься съ своей работой?

— Приблизительно такъ, какъ вы справляетесь съ жизнью, тетя,—я полагаюсь на свое счастье и на милость Господню. Но что васъ привело ко мнѣ? Не пытайтесь сдѣлать у меня заемъ, потому что у меня нѣтъ ни гроша, и я не знаю, придется ли мнѣ сегодня обѣдать.

— Ну, это ужъ совсѣмъ глупо, Жоржъ. Кажется, тебѣ нечего безпокоиться объ обѣдѣ. Весь свѣтъ теперь у твоихъ ногъ, а ты живешь затворникомъ. Почему ты такъ непрактиченъ? Почему ты не пришелъ вчера къ лэди Бодезаръ? Она такая очаровательная женщина и такая хорошенькая. Всѣ ея гости справлялись о тебѣ.

— А позвольте мнѣ спросить васъ, тетя Перенна, какъ это вы попали къ лэди Бодезаръ?

— Мы случайно познакомились въ перчаточномъ магазинѣ. Я ей, кажется, понравилась, и она пригласила меня къ обѣду. Я встрѣтила тамъ очень фешенебельное общество, Жоржъ, и мнѣ было досадно, что ты не пріѣхалъ. Адель Бодезаръ такъ просила меня привезти тебя съ собой, а другая дама—ее зовутъ, кажется, Долли Лодердаль—была очень разстроена твоимъ отсутствіемъ.

— Я именно изъ-за нея не поѣхалъ. Я ее терпѣть не могу.

М-ссъ Бради широко раскрыла глаза.

— Какъ это глупо! Она красива, богата и могла бы во многомъ оказать тебѣ поддержку.

— Отъ такой поддержки избави меня Господь! Я вообще не люблю пользоваться протекціей женщинъ, — холодно сказалъ молодой адвокатъ.—Но позвольте предложить вамъ чашку кофе; эти поджаренныя почки тоже, кажется, недурны. А теперь скажите мнѣ, какъ вы попали въ Лондонъ въ такое время года?

— Ты хочешь, чтобы я тебѣ сказала правду, Жоржъ?

— Конечно; мы всегда откровенны другъ съ другомъ.

— Я пріѣхала изъ-за тебя. Ты не писалъ, я стала безпокоиться. До меня дошли слухи, которые меня тревожили. Да, кромѣ того, я часто собиралась побывать въ Лондонѣ въ осенній сезонъ,—продолжала она; — говорятъ, что онъ болѣе интересенъ, чѣмъ главный лѣтній сезонъ, а расходовъ вчетверо меньше. Я знала, что на іюнь и іюль не попаду въ этомъ году, и случайно узнала о дешево сдающейся меблированной квартирѣ на два мѣсяца; я ее наняла и пріѣхала.

— Но какъ же это вы попали къ лэди Бодезаръ? Неужели она не знала ничего о васъ до знакомства у перчаточника?

— Ничего. Я сама завязала знакомство,—то-есть, собственно, насъ познакомила ея собачка, а потомъ мы разговорились. Она принадлежитъ къ какому-то странному тайному обществу, и вообразила себѣ, что я тоже состою тамъ членомъ. Такъ началось наше знакомство. Вчера вечеромъ я встрѣтила у нея даму, которая, кажется, нѣчто въ родѣ верховной жрицы у нихъ—м-ссъ Вандердекенъ. Она сказала мнѣ, что знакома съ тобой. Да и всѣ они встрѣтили меня съ раскрытыми объятіями, когда узнали, что ты—мой племянникъ.

— Вы знаете что-нибудь о прошломъ лэди Бодезаръ?

— Нѣтъ. Я думала, что у нея есть мужъ. Вообще, я попалась относительно мужей. Оказалось, что м-ссъ Вандердекенъ—вдова, а Адель Бодезаръ—въ разводѣ со своимъ мужемъ.

— Да, она настояла на разводѣ. Это былъ очень скандаль-

ный процессъ, который разбирался при закрытыхъ дверяхъ. До его окончанія мужъ лэди Бодезаръ умеръ. Это спасло ея репутацію и ея состояніе, но, кажется, отразилось на ней самымъ пагубнымъ образомъ. Она стала теперь самой эксцентричной женщиной въ Лондонѣ.

— Она очень красива и, кажется, очень добра.

— Какъ бы она удивилась, что ей приписываютъ такую буржуазную добродѣтель! Весь ихъ кругъ хочетъ казаться необычайно порочнымъ.

— Но вѣдь они на самомъ дѣлѣ лучше, чѣмъ кажутся.

— Это дѣйствительно ихъ нѣсколько оправдываетъ; но они хотѣли бы, чтобы это не было извѣстно.

— Разскажи мнѣ еще что-нибудь о нихъ. Кто этотъ лордъ Крисси и молодой поэтъ, Тони Шевени, съ лицомъ молодой дѣвушки? Ты слыхалъ, что онъ явился на парадный обѣдъ въ дамскомъ туалетѣ? Мнѣ объ этомъ разсказывалъ м-ръ Варендеръ. Неужели это правда, Жоржъ? Неужели они способны на такія выходки?

— Они способны еще на гораздо большее легкомысліе,— отвѣтилъ онъ.—Поэтому, можетъ быть, нечего удивляться, что они всѣ почувствовали симпатію къ вамъ, тетя Перенна.

— Ты не особенно любезенъ, Жоржъ, и въ виду дружбы, которую я всегда выказывала тебѣ...

— Знаю, тетя, знаю. Не считайте меня неблагодарнымъ. Я хочу только предостеречь васъ. Вы сразу окунулись въ жизнь общества, о которомъ вы ничего не знаете. Конечно, въ этомъ сказалось ваше обычное легкомысліе. Но вопросъ въ томъ, куда это васъ влечетъ. Дѣло не только въ матеріальныхъ средствахъ, въ возможности тратить деньги безъ счета на эксцентричныя моды и капризы, но, говоря откровенно, — и въ нравственной распущенности всѣхъ этихъ господъ.

Она весело разсмѣялась.

— Неужели ты думаешь, милый другъ, что я прожила на свѣтѣ вотъ уже около сорока лѣтъ, совершенно не зная жизни? Нѣтъ, Жоржъ, меня не пугаетъ распущенность этихъ людей. А что касается расточительности, то она у насъ въ крови, и нужно только получить возможность не отставать отъ другихъ. Весь этотъ кругъ гонится за новизной и за всѣмъ сенсаціоннымъ, и повѣрь, что я способна на разныя выдумки не хуже ихъ. Но...

— Все дѣло въ этомъ „но“,—сказалъ Жоржъ, вставая изъ-за стола.—Въ наше время ничего нельзя добиться безъ денегъ.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ большими шагами.—Чѣмъ

можно быть, что̀ можно предпринять, не имѣя достаточно средствъ? Вы думаете, что мнѣ пріятно вращаться среди этихъ безсмысленныхъ, пустыхъ людей? Я попалъ въ ихъ компанію черезъ лорда Христофора Камелота. Онъ восхищался моими, по его словамъ, блестящими способностями, и обѣщалъ мнѣ свою протекцію. Вы знаете, что меня привлекала парламентская дѣятельность,—и мнѣ казалось, что все, къ чему я стремился, достижимо. Но для медленной и упорной работы, для долгаго выжиданія, я не созданъ. Мнѣ хотѣлось быстро добиться успѣха, и я пользовался всѣми средствами, какими могъ располагать. Я—пользовался помощью лорда Крисса, и очень многимъ ему обязанъ. А онъ вовсе не особенно пріятный кредиторъ. Ахъ, Господи, какое истинное проклятіе деньги! Подумайте—я работаю какъ волъ, и затѣмъ еще долженъ дрожать надъ каждымъ золотымъ. У меня хорошее положеніе въ обществѣ,—и я не имѣю средствъ поддержать его. Вотъ въ чемъ мое несчастіе.

— И мое тоже, Жоржъ!—горестно воскликнула м-ссъ Бради.

— Я знаю, а потому и сожалѣю о томъ, что вы попали въ этотъ кругъ. Будьте увѣрены, что этимъ людямъ что-нибудь нужно отъ васъ, иначе они бы никогда не звали васъ къ себѣ. Скажите, лэди Бодезаръ очень любезна?

— Чрезвычайно. Она вчера всячески за мной ухаживала, а сегодня утромъ я опять получила приглашеніе пріѣхать къ ней къ lunch'у. Они устроиваютъ какой-то благотворительный вечеръ, и хотятъ меня привлечь. Я никогда въ жизни не читала съ эстрады, но вѣроятно съумѣю прочесть не хуже другихъ. Они, кажется, дѣлаютъ много добра, Жоржъ?

— Да, они прикрываютъ благотворительностью разные свои грѣхи,—отвѣтилъ онъ.—И вы увидите, какъ они рекламируютъ себя. Ну, да что̀ объ этомъ говорить! Вы не дурочка, тетя Перенна, и меня тоже не легко провести. Будемъ же бороться, какъ съумѣемъ, съ этими притворщицами. Что касается „нерва войны"...

— Я полагала, что ты теперь много зарабатываешь, Жоржъ?

— Ахъ, тетя, на адвокатскіе доходы можно купить корку хлѣба уже тогда, когда не останется зубовъ, чтобы грызть ее.. Иногда я жалѣю, что избралъ свободную профессію. Въ наше время можно сдѣлать карьеру только финансовой дѣятельностью. Теперь все подчинено власти денегъ. Деньги въ бо̀льшей силѣ, чѣмъ талантъ и умъ. Ничего нельзя достигнуть, не имѣя состоянія, и ничѣмъ нельзя бороться противъ всемогущества богатства. Мои жалкія сотни фунтовъ или даже ваши тысячи—

ничто съ точки зрѣнія милліонера. Вамъ приходится жить весь годъ въ Ирландіи, чтобы имѣть возможность провести осенній сезонъ въ Лондонѣ. А я—не могу даже сдѣлать себѣ два вечернихъ костюма въ годъ.

— Это очень печально, я знаю,—сказала со вздохомъ м-ссъ Бради. — Но вѣдь держались же мы кое-какъ до сихъ поръ, Жоржъ; авось и теперь устоимъ. Вѣдь ты можешь найти себѣ богатую невѣсту.

— Нѣтъ, тетя,—прервалъ онъ ее,—такъ низко я еще не палъ. Я не продавалъ своей совѣсти и не собираюсь продавать себя. Я, конечно, очень легкомысленъ — это черта у меня наслѣдственная,—но на гадость я не способенъ, чье бы благополучіе отъ этого ни зависѣло.

— Твое благородство дѣлаетъ тебѣ честь, Жоржъ, и я очень горжусь тобой. Но все-таки высокія чувства не помогутъ тебѣ въ твоемъ теперешнемъ положеніи. А съ финансовой стороны оно, кажется, весьма плохое.

— Да, хуже не бываетъ,—сказалъ онъ со смѣхомъ.—Но вѣдь это вѣрный знакъ близкой перемѣны къ лучшему,—весело прибавилъ онъ, видя, что у м-ссъ Бради на глазахъ слезы.— Не тужите же, милая тетя. Вы хотите попытать счастья въ этомъ кругу:—я помогу вамъ, насколько смогу. Было бы забавно, еслибы мы одурачили всѣхъ этихъ людей и потомъ объяснили, зачѣмъ это сдѣлали.

— Но не нужно наживать себѣ враговъ, Жоржъ,—возразила м-ссъ Бради.—Мы не можемъ позволить себѣ такой роскоши. Ты говорилъ о силѣ денегъ. Но кромѣ того есть еще сила общественнаго положенія. Передъ нею чувствуешь особенно свою безпомощность.

— Куда дѣвалась ваша ирландская стойкость, тетя? Трудность борьбы должна дѣйствовать возбуждающимъ образомъ.

— Да я ничего не боюсь. Мнѣ почти нечего терять. Но ты, Жоржъ?..

— А я еще меньшимъ рискую, чѣмъ вы.

V.

М-ссъ Вандердекенъ сняла свой вечерній туалетъ и надѣла шолковый капотъ, отороченный бѣлымъ мѣхомъ. Она легла передъ каминомъ на низкой кушеткѣ и отпивала меленькими глотками бульонъ изъ тонкой фарфоровой чашки. Рядомъ съ ней, на ни-

зенькой табуреткѣ сидѣла у камина Зара Эбергардъ. На ней былъ широкій красный капотъ, такого цвѣта, какъ ея алыя губы, и распущенные черные волосы покрывали ее какъ мантія. Она сидѣла, опершись щекой на руку, и съ выраженіемъ досады въ большихъ темныхъ глазахъ смотрѣла на горящія дрова. М-ссъ Вандердекенъ читала ей наставленія, а она этого не любила. У нея была сильная, свободолюбивая душа, а въ словахъ м-ссъ Вандердекенъ ей слышалась угроза ея независимости; она чувствовала, что на нее хотятъ наложить какія-то цѣпи, поработить ее.

— Вы мнѣ говорили, что мой голосъ прославитъ меня,— сказала она, — что я могу зарабатывать много денегъ и жить самостоятельно. Почему же вы не позволяете мнѣ переговорить съ этимъ импрессаріо?

— Нѣтъ, милая, — сладкимъ голосомъ возразила ей м-ссъ Вандердекенъ, — тебѣ нѣтъ никакой надобности вести съ нимъ переговоры. Я не могу *отдать* тебя свѣту — или, во всякомъ случаѣ, пока еще не уступлю тебя. Я хочу только показать тебя, чтобы возбудить общее любопытство.

— Но вѣдь я пріѣхала сюда, въ этотъ огромный, туманный городъ, чтобы выступать передъ публикой. Иначе я бы ни за что не перемѣнила вольную жизнь въ лѣсахъ и горахъ на все, что̀ можетъ дать городская жизнь.

— Ты такъ говоришь, потому что въ своей очаровательной простотѣ совершенно не знаешь жизни. Въ этомъ большомъ мрачномъ городѣ спрятанъ, какъ въ шкатулкѣ, драгоцѣнный, дивный алмазъ. Никто не владѣетъ этимъ сокровищемъ, также какъ короли или королевы этой страны не владѣютъ неограниченно королевской короной. Но всѣ знаютъ о существованіи сокровища, видятъ лучи, исходящіе отъ него. Наша корона— наслажденіе, и невзрачность шкатулки усиливаетъ красоту и блескъ заключеннаго въ ней сокровища.

— Ахъ, Господи! опять непонятныя слова!—Дѣвушка нетерпѣливымъ жестомъ откинула свои тяжелые волосы.—Почему вы всѣ такъ странно говорите? Ich kann nicht verstehen.

— Ты когда-нибудь поймешь,—томно сказала м-ссъ Вандердекенъ.—Не торопись жить, Зара. Молодость и красота быстро проходятъ;—не успѣешь оглянуться, какъ ихъ не станетъ. Блескъ твоихъ волосъ, яркость твоихъ алыхъ губъ, сіяніе твоихъ чудныхъ глазъ—все это потускнѣетъ или исчезнетъ, а вѣдь это— неоцѣнимыя сокровища. Ты думаешь, твой талантъ имѣлъ бы какое-либо значеніе, еслибы ты не была такъ красива? Никакого.

На тебя никто бы не обратилъ вниманія. Красота безъ таланта въ десять разъ больше цѣнится, чѣмъ талантъ безъ привлекательной внѣшности. Но тотъ, кто владѣетъ и тѣмъ, и другимъ — и красотой, и талантомъ — можетъ достигнуть вершинъ славы.

Она выпила бульонъ и отставила чашку на маленькій мозаичный столикъ.

— Есть много выдающихся людей, которые сразу покоряютъ міръ, но ты, Зара, выше ихъ всѣхъ, потому что у тебя непроснувшаяся душа, потому что ты чужда всякой культуры — и только твой талантъ получилъ полное развитіе. Я бы опасалась за успѣхъ моего начинанія, еслибы ты не была такъ удивительно хороша и еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ твое сердце не было такъ холодно. Единственное, чего я боюсь, это — непосредственности твоей натуры.

— Непосредственности? — иронически повторила Зара. — Впрочемъ, вы правы. Сердце у меня не деревянное и не каменное. У меня есть чувства, я знаю, чего хочу, — и съумѣю найти пути къ достиженію моихъ желаній.

— Но чего же ты хочешь, mein Liebling? — ласково спросила м-ссъ Вандердекенъ. — Неужели чего-нибудь, чего бы я не могла тебѣ доставить? Развѣ ты теперь не счастлива, развѣ твоя теперешняя жизнь не удовлетворяетъ тебя?

— Нѣтъ, — рѣзко отвѣтила дѣвушка.

— Подожди немного, — всѣ твои желанія исполнятся со временемъ.

Зара встала и стала быстро ходить по комнатѣ, заплетая свои роскошные волосы въ двѣ косы. Глаза ея сверкали на матово-блѣдномъ лицѣ.

„Еслибы кто-нибудь изъ мужчинъ увидѣлъ ее теперь!“ — подумала слѣдившая за ней взоромъ м-ссъ Вандердекенъ. И при этой мысли лицо ея вспыхнуло; что-то жестокое мелькнуло у нея въ глазахъ. — „Но никто ее не увидитъ, — закончила она свою мысль, — если мнѣ только удастся предотвратить это“.

Дѣвушка вдругъ остановилась и взглянула въ лицо своей покровительницѣ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, — спросила она, — что̀ значитъ имѣть душу?

М-ссъ Вандердекенъ опустила глаза и стала разглядывать драгоцѣнныя кольца на своихъ пальцахъ. Наступила короткая пауза.

— Почему ты это спрашиваешь? — сказала она наконецъ. — Что̀ ты такое слышала?

— Я не поняла всего, что мнѣ говорили. Одинъ изъ вашихъ друзей, тотъ, который сочинилъ для меня пѣсню, разсказалъ мнѣ о вашемъ ферейнѣ. Что̀ это собственно такое?

— Это вовсе не ферейнъ,—отвѣтила м-ссъ Вандердекенъ,—и тебѣ еще рано знать про это. Такъ вотъ о чемъ Крисси говорилъ съ тобой. Надѣюсь, онъ не объяснялся тебѣ въ любви?

— Въ любви?—медленно спросила Зара.

— Ахъ, дитя, не можетъ быть, чтобъ ты была до того невинна. Даже въ тиши, гдѣ ты жила, иногда слышится голосъ природы. Тебѣ скоро и, вѣроятно, очень часто будутъ говорить о любви, Зара,—но ты не слушай, не вѣрь. Пусть восторгаются твоей красотой, но ты оставайся безстрастной. Любовь прекрасна, пока она—мечта, грёза о чувствахъ, еще замкнутыхъ въ тайникахъ души. Когда эта грёза осуществляется, чары ея исчезаютъ на вѣки,—и вся красота любви гибнетъ.

— Вы все говорите о красотѣ. Но я хочу жить, чувствовать, знать.

— Неужели ты этого такъ хочешь, Зара?—спросила м-ссъ Вандердекенъ. — Вѣдь ты еще такъ недавно была ребенкомъ, любила только лѣса и воды. Неужели же ты хочешь идти по той же дорогѣ, какъ и я, извѣдать то, что̀ я извѣдала, испытать такія же тяжелыя мýки разочарованій?

Въ голосѣ ея слышалась глубокая печаль. М-ссъ Вандердекенъ никого такъ не жалѣла, какъ самоё себя, и на этотъ разъ ей было особенно тяжело, потому что она говорила о страданіяхъ, которыя приноситъ утрата молодости, и о мукахъ ревности.

— Но вѣдь вы счастливы, nicht wahr?—спросила Зара.— Въ вашей жизни столько красоты, у васъ много друзей и вы можете дѣлать все, что̀ хотите.

— Да, я могу дѣлать все, что̀ хочу, Зара, не спрашивая ни у кого позволенія и не боясь ничьего осужденія. Но я все-таки не удовлетворена, потому что я слишкомъ критически ко всему отношусь. Я познала всѣ глубины жизни, всѣ ея тайны, вкусила весь ея тонкій ядъ—и знаю всѣ противоядія. Но все же я не нашла, чего искала. Я пережила всѣ свои желанія, и теперь жажду только ощущеній, чтобы все-таки чувствовать, что я еще жива. Мнѣ не нужно болѣе личныхъ ощущеній. Я хочу только возбуждать восторги въ другихъ. Моя душа загорается, когда я вижу отраженіе созданнаго мною восторга въ глазахъ другихъ людей. Вотъ, напримѣръ, я ожила съ тѣхъ поръ, какъ знаю тебя. Я привезла тебя сюда, чтобы снова пережить свои

прежніе успѣхи, свои прежнія радости. Я тоже пережила краткія минуты торжества, Зара, я была красива когда-то.

— Вы и теперь красивы,—сказала дѣвушка.

— Ты очень добра, дорогая. Но, увы, это уже не красота чистой, неприкрашенной юности. Мнѣ уже не предстоитъ ничего радостнаго въ жизни. А у тебя—все впереди.

— Но вы все говорите, что еще не пришло время...

На блѣдныхъ губахъ м-ссъ Вандердекенъ показалась загадочная улыбка.

— Подожди, пока пройдетъ твой концертъ. Подожди, пока ты вкусишь первую радость успѣха, пока обращенные на тебя взоры мужчинъ будутъ полны любви, а женщины будутъ завистливо хвалить тебя,—пока имя твое будетъ на всѣхъ устахъ. Но это будетъ только начало. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда восторги передъ толпой достигнутъ высшаго предѣла, ты исчезнешь. Самые блестящіе метеоры—мимолетны. Нужно сначала возбудить любопытство, а затѣмъ удивить всѣхъ своимъ исчезновеніемъ. Все это будетъ, Зара, и я буду гордиться тѣмъ, что открыла тебя. Это удовлетворитъ меня.

Зара быстро подошла къ м-ссъ Вандердекенъ и обняла ее.

— Вы такъ много сдѣлали для меня,—воскликнула она,—и я не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность и любовь! Не думайте, что я неблагодарна, хотя я и кажусь неудовлетворенной. Вы всегда требовали отъ меня откровенности,—поэтому я и говорю вамъ о томъ, что̀ думаю и чувствую.

Усталые глаза м-ссъ Вандердекенъ пристально глядѣли на красивое лицо молодой дѣвушки.

— Долго ли ты будешь такъ искренна со мной, Зара? Мнѣ, конечно, тяжело разстаться съ тобой. Когда ты прославишься, я потеряю тебя. Ты такъ обаятельна, что всѣ будутъ поклоняться тебѣ. Зачѣмъ же мнѣ уступать тебя другимъ?

Она приподнялась на кушеткѣ, и лицо ея странно поблѣднѣло. Дѣвушка отступила, изумленная этой блѣдностью и страннымъ выраженіемъ въ глазахъ м-ссъ Вандердекенъ.

— Но вы должны это сдѣлать,—сказала она.—Вы обѣщали. Довольно съ меня призраковъ. Я хочу дѣйствительности. Я хочу жить,—хочу все знать.

Она стала ходить по комнатѣ, вся дрожа отъ волненія.

М-ссъ Вандердекенъ снова улыбнулась.

— О, дочь Евы! — проговорила она. — Значитъ, и ты засмотрѣлась на запрещенный плодъ,—и рай закроется для тебя. Ты не избѣжишь ни змѣи, ни пламеннаго меча, какъ и я, какъ

и всѣ женщины. Ну, что̀ же, благодари меня—или, можетъ быть, прокляни. Я не поставлю стражей у твоего невѣдѣнія. Иди, узнай, что̀ такое жизнь. Но помни, что твои иллюзіи разобьются и что дни твоего спокойствія сочтены!

Она сказала эти слова безъ своей обычной напыщенности. Она убѣдилась, глядя въ лицо Зары, что, несмотря на свое знаніе жизни и на свое разочарованіе въ ней, въ душѣ ея еще не умерло влеченіе къ тому, что̀ жизнь можетъ дать и чего она уже ей никогда не дастъ.

VI.

М-ссъ Бради завтракала у Адель Бодезаръ и оживленно говорила съ нею о разныхъ пустякахъ. Лэди Бодезаръ не напускала на себя важности, и старалась казаться забавной, считая это болѣе интереснымъ, чѣмъ притворяться разсудительной и серьезной. Ей очень нравилась м-ссъ Бради, и она съ интересомъ слушала ея разсказы о свѣтской жизни въ Ирландіи. Ей казалось удивительнымъ, что въ Ирландіи можетъ существовать свѣтская жизнь. Она путешествовала по всему міру, но ей никогда не приходила въ голову мысль побывать въ столь близкой и столь не-фешенебельной странѣ, какъ Ирландія.

Послѣ искусныхъ разспросовъ, м-ссъ Бради пришла къ заключенію, что лэди Бодезаръ почти такъ же мало освѣдомлена о сущности новой секты, какъ и она сама. Насколько она могла убѣдиться, обязанность членовъ заключалась въ томъ, чтобы любоваться собой и отыскивать родственную душу для взаимнаго обожанія. Никто не имѣлъ права критиковать какія бы то ни было проявленія родства душъ. Тѣхъ, кто имѣлъ безтактность констатировать факты, всѣ избѣгали, если только они не были необычайно богаты. Всякія эксцентричности требуютъ большихъ расходовъ,—и кто-нибудь долженъ же былъ оплачивать ихъ.

— Какъ бы ни быть богатымъ, все-таки не хватаетъ денегъ,—жаловалась лэди Бодезаръ, когда онѣ сѣли пить кофе въ ея будуарѣ, около камина.

День былъ пасмурный, холодный и туманный, но въ комнатѣ было тепло и уютно. Лэди Бодезаръ рѣшила не выѣзжать днемъ и не отпускала м-ссъ Бради.

— Да, это правда,—сказала со вздохомъ красивая ирландка.—Все такъ дорого сто̀итъ.

— А богатые люди—дѣйствительно богатые—такъ несносны. Хотѣлось бы съ ними не знаться, но это, къ несчастію, невоз-

можно. Поэтому, пріятно хоть иногда быть подальше отъ этихъ ужасныхъ людей, которые считаютъ себя столпами общества. Мы должны принимать ихъ въ нашихъ гостиныхъ, но не пускаемъ ихъ въ будуаръ.

— Я очень польщена, — проговорила м-ссъ Бради, оглядывая изящный, обитый шолкомъ будуаръ и не понимая, почему Адель такъ необычайно любезна съ нею.

— Вы мнѣ понравились съ первой минуты, — продолжала хорошенькая mondaine. — Кстати, какъ ваше имя? Такъ глупо постоянно говорить „миссисъ“ и „лэди“. Зовите меня Адель. А мнѣ какъ васъ звать?

— Мое имя—Перенна. Но меня обыкновенно зовутъ „Перъ“. Жоржъ всегда...

— Ахъ, какой онъ милый, Жоржъ! Какъ жаль, что ему приходится съ такимъ трудомъ пробивать себѣ дорогу! Крисси говоритъ, что это потому, что онъ не любитъ женщинъ. Но я этому не вѣрю.

— Дѣйствительно, онъ бы не былъ настоящимъ ирландцемъ, еслибы не любилъ женщинъ! — воскликнула м-ссъ Бради. — Но онъ очень гордъ и хочетъ сдѣлать свою карьеру безъ посторонней помощи.

— Но все-таки я не понимаю, зачѣмъ ему такъ много работать?—сказала лэди Бодезаръ, гладя свою собачку. — Всегда можно найти кого-нибудь, кто поможетъ пробиться въ жизни. А онъ, къ тому же, такъ красивъ. Вотъ, напримѣръ, Базиль Варендеръ. Онъ былъ бѣденъ, какъ церковная мышь, до тѣхъ поръ, пока Долли Лодердаль не занялась имъ и не стала рекламировать его. Она—милліонерша и очень вліятельная особа. Она бы съ радостью сдѣлала то же самое и для Жоржа, но онъ почему-то избѣгаетъ ея. Вы бы повліяли на него.

— Я постараюсь,—сказала м-ссъ Бради; она не могла понять, почему Жоржъ говорилъ съ такой ненавистью о расположенной къ нему вліятельной дамѣ.

— Интересно знать, видалъ ли онъ эту пѣвицу, которую открыла Тротти,—продолжала Адель Бодезаръ.—Она, дѣйствительно, очень мила и достаточно оригинальна, чтобы расшевелить стоячія воды лондонскаго музыкальнаго міра. Вѣдь англичане, по моему, не понимаютъ музыки, и, къ тому же, ужасно консервативны. Одно и то же поется и исполняется на всѣхъ концертахъ изъ сезона въ сезонъ. Постоянно приходится слушать тѣ же оперы, тѣхъ же старыхъ пѣвцовъ. Мнѣ все это страшно надоѣло. Кстати, я открыла удивительнаго пьяниста.

Я хочу, чтобы Тротти пригласила его въ концертъ, который она устроиваетъ. Но она такая эгоистка, и я никакъ не могу добиться ея согласія. Хорошо, еслибы онъ сегодня зашелъ сюда. Я предоставила ему свободный входъ въ мой домъ, и онъ иногда проводитъ цѣлые дни въ залѣ за роялемъ, а затѣмъ исчезаетъ на цѣлую недѣлю. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ играетъ Шопена... Это—истинное откровеніе. Кстати, видѣли вы эту молодую венгерку?

— Нѣтъ. Я еще не была съ визитомъ у м-ссъ Вандердекенъ.

— Такъ поѣдемъ къ ней какъ-нибудь вмѣстѣ. А какъ она вамъ нравится?

— Она, кажется, очень умна. Вы съ ней въ большой дружбѣ?

— Такъ себѣ. Мы вѣчно ссоримся. Она такая странная. Она ничего такъ не любитъ, какъ удивлять людей чѣмъ-нибудь. Мы всѣ не понимали, почему она такъ убѣждала насъ покупать билеты на концертъ, а потомъ, вдругъ, на своемъ пріемѣ, она показала намъ эту дѣвушку. Оказывается, что она открыла ее уже много лѣтъ тому назадъ и воспитывала ее. въ своей школѣ, въ Шварцвальдѣ; эту школу она содержитъ исключительно на свои средства для бездомныхъ, одинокихъ дѣвушекъ, которыя имѣютъ возможность готовиться тамъ къ какой угодно профессіи. До сихъ поръ эта школа не дала блестящихъ результатовъ. Но Зара Эбергардъ, повидимому, составляетъ исключеніе. Она, дѣйствительно, очень красива. Въ ней есть какое-то особое очарованіе; мужчины, навѣрное, будутъ съ ума сходить по ней. Вы должны пойти на этотъ концертъ и привезти Жоржа. Надѣюсь, однако, что онъ не влюбится въ эту замѣчательную нѣмку.

— Вы, кажется, сказали, что она венгерка?

— Развѣ? Ну, да это все равно. Она говоритъ по-англійски съ иностраннымъ акцентомъ. У меня еще есть нѣсколько билетовъ, которые Тротти поручила мнѣ продать. Возьмите два. Я дамъ вамъ мѣстà около меня.

Она поднялась и подошла къ письменному столику. Въ эту минуту раскрылась дверь и вошла м-ссъ Вандердекенъ.

— Адель, милая!—воскликнула она.—Мнѣ сказали, что васъ нѣтъ дома, но я знала, что вы здѣсь. А, здравствуйте, м-ссъ— простите, я забыла ваше имя. Но я такъ взволнована. Знаете, чтò случилось, Адель? Вышло какое-то недоразумѣніе, зала въ Queen's Hall занята, и я должна или отложить концертъ Зары, или дать его въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Я сейчасъ же

рѣшила обратиться къ вамъ, дорогая; я знаю, какая вы добрая. Разрѣшите устроить этотъ концертъ въ вашемъ домѣ. Особенно большой возни у васъ не будетъ. Я ограничу число билетовъ, и рецензентовъ мы не позовемъ.

— У меня! — воскликнула Адель. — Ахъ, Тротти, вѣдь это ужасно хлопотливо! А почему вы не хотите, чтобы концертъ былъ у васъ?

— Паркъ-Лэнъ гораздо аристократичнѣе Лонъ-Стрита, и ваши комнаты втрое больше моихъ. Согласитесь, милая, не будьте такой эгоисткой! Нужно сейчасъ же рѣшить, чтобы успѣть всѣмъ написать. Къ счастью, у меня есть списокъ тѣхъ, кому я давала билеты, и если вы согласитесь, то сейчасъ же все будетъ сдѣлано.

— Что же дѣлать—придется согласиться,—сказала Адель. — Только помните, Тротти, — не болѣе двухсотъ человѣкъ. И кромѣ того, мой піанистъ долженъ сыграть нѣсколько пьесъ.

М-ссъ Вандердекенъ задумалась.

— Но вѣдь программы уже отпечатаны,—сказала она.

— Ничего, онъ будетъ играть сверхъ программы. Еслибы вы слышали его, Тротти,—вы были бы въ безумномъ восторгѣ. Его игра не уступаетъ голосу вашей Зары.

— Но я вовсе не желаю, чтобы у нея былъ соперникъ при первомъ же дебютѣ.

— Онъ ей не повредитъ, и кромѣ того вечеръ будетъ теперь имѣть частный характеръ,—рецензентовъ не будетъ. Мой юноша не стремится играть передъ большой публикой; для него гораздо важнѣе понравиться родственнымъ душамъ.

— Развѣ онъ дѣйствительно хорошо играетъ?

— Я говорю вамъ, что онъ великолѣпенъ.

— Хорошо, я готова вѣрить вамъ, — хотя вы часто увлекаетесь.

Адель Бодезаръ засмѣялась.

— На этотъ разъ я не ошибаюсь. Билеты, конечно, по гинеѣ?

— Конечно. Кто не можетъ столько платить, пусть не приходитъ.

— М-ссъ Бради взяла два билета. Она приведетъ Жоржа.

— Помните, что Зарѣ нужна уборная. Она мѣняетъ туалетъ для второй половины концерта. Первый циклъ пѣсенъ — „Невинность“; второй — „Страсть“. Я увѣрена, что это будетъ имѣть большой успѣхъ. Вашъ піанистъ можетъ сыграть свой нумеръ въ промежуткѣ между двумя частями. Я хотѣла пригласить мало-

лѣтняго скрипача, но это уже надоѣло; теперь развелось слишкомъ много „вундеркиндовъ".

— Ребенокъ, который былъ бы просто ребенкомъ, можетъ быть, показался бы теперь оригинальнымъ,—замѣтила м-ссъ Бради.

М-ссъ Вандердекенъ задумчиво склонила голову набокъ.

— Вы, можетъ быть, правы,—сказала она.—Нужно объ этомъ подумать. Спасибо, Адель, что вы меня выручили. А какъ же насчетъ рояля?

— Я предоставлю вамъ мой Стэнвей. Оскаръ къ нему привыкъ.

— Вы позволяете ему всегда играть на вашемъ роялѣ?—спросила м-ссъ Вандердекенъ съ удивленіемъ.

— Почему же нѣтъ? онъ страшно бѣденъ, а я обожаю геніевъ, преслѣдуемыхъ судьбой.

— Какъ его имя?

— Его настоящее имя—Оскаръ Джонсъ, но онъ выступаетъ какъ Негг Позеревичъ. Это имя выдумала я.

— Я такъ и думала. Оно звучитъ по иностранному, а это самое важное. А всѣ геніи болѣе или менѣе позёры,—по необходимости; иначе никто не станетъ вѣрить въ нихъ.

— А что, если оба генія влюбятся другъ въ друга?—сказала м-ссъ Бради.—Это было бы очень романтично.

М-ссъ Вандердекенъ быстро взглянула на нее и перевела взглядъ на Адель Бодезаръ.

— Это было бы очень нелѣпо, — холодно сказала она.— Артисты никогда не должны вступать въ бракъ. Это ихъ портитъ.

— Но если ваша protegée такъ красива и талантлива, то въ нее навѣрное будутъ влюбляться,—продолжала м-ссъ Бради.

— Зара ненавидитъ мужчинъ,—раздраженно сказала м-ссъ Вандердекенъ.—Она предана всей душой искусству, и ни о чемъ другомъ не думаетъ.

— Оскаръ такой же,—сказала Адель.—Онъ живетъ въ мірѣ грёзъ, и ничто грубое или пошлое не интересуетъ его. Его слѣдовало бы помѣстить въ большомъ прохладномъ храмѣ—бѣломъ съ золотомъ—и чтобы онъ игралъ тамъ за стеклянной ширмой. Онъ весь такой свѣтлый, и у него прелестныя бѣлыя, нѣжныя руки—точно лиліи. Можетъ быть, нехорошо съ моей стороны, что я позволяю ему выступать, но вѣдь, все равно, его когда-нибудь откроютъ,—почему же не мнѣ первой создать ему успѣхъ?.. Ахъ, милая Перъ, я навѣрное надоѣла вамъ своей болтовней. Знаете, Тротти, м-ссъ Бради и я поклялись другъ другу въ вѣч-

ной дружбѣ. Ее зовутъ Переннои. Правда, красивое и оригинальное имя?

— Мнѣ пора идти,—сказала м-ссъ Вандердекенъ, очевидно совершенно равнодушная къ красивымъ ирландскимъ именамъ вообще и къ ирландкѣ, носящей имя Перенны, въ частности...

— Отчего вы такъ торопитесь, милая? Посидите съ нами;— вы ужъ слишкомъ отдаетесь заботамъ о концертѣ.

Но м-ссъ Вандердекенъ не захотѣла долѣе оставаться. Послѣ ея ухода, Адель облегченно вздохнула, снова сѣла на свое кресло у камина и взяла на колѣни собачку.

— Я сама не могу рѣшить, люблю ли я Тротти, или нѣтъ,— сказала она.—А какого вы о ней мнѣнія? Вы умѣете судить о людяхъ? Удивительно, до чего вы не похожи на ирландку. Я сначала думала, что вы—иностранка. Да и Жоржъ ничѣмъ не проявляетъ своего ирландскаго происхожденія и говоритъ безъ всякаго акцента.

— Онъ уже давно живетъ въ Англіи,—сказала м-ссъ Бради.

— А вы давно здѣсь?

— Нѣтъ. Я пріѣзжаю только на время сезона. Теперь я останусь два мѣсяца. Я хотѣла бы, чтобы Жоржъ жилъ со мной, но онъ не хочетъ оставить комнатъ въ Тэмплѣ.

— Я ненавижу Лондонъ зимой,—воскликнула Адель.—Мы всѣ уѣдемъ сейчасъ же послѣ Рождества, а нѣкоторые изъ насъ— еще раньше. Тротти уѣзжаетъ въ Каиръ, а я собиралась-было на Ривьеру, но раздумала. Всѣ теперь туда ѣдутъ. Въ сущности, если хотѣть быть оригинальной, слѣдовало бы оставаться у себя дома.

— Я часто это дѣлаю,—созналась м-ссъ Бради,—по необходимости. Я очень мало путешествовала, — за недостаткомъ средствъ.

— Какъ хорошо бы было, еслибы вы поѣхали со мной въ Египетъ,—сказала лэди Бодезаръ.—Съ вами навѣрное интересно путешествовать. Вы, кажется, никогда не скучаете?

— Никогда,—сказала она.

— Боже-мой, какъ я вамъ завидую! Вы вѣроятно никогда не загромождали свой умъ ненужными знаніями и сохраняли душу для впечатлѣній.

— Да, это вѣрно,—сказала м-ссъ Бради очень убѣжденнымъ тономъ, хотя въ дѣйствительности никогда не заботилась о свѣжести впечатлѣній.

— Какъ это мудро съ вашей стороны! А я получила слишкомъ хорошее образованіе, и не могу отъ этого отдѣлаться. Я

хотѣла бы опорожнить свою душу отъ всего усвоеннаго, но это мнѣ не удается. Я съ первой же минуты нашей встрѣчи подумала, что вы—самая оригинальная женщина изъ всѣхъ, кого я знаю. Я предвижу, что мы будемъ большими друзьями.

— Надѣюсь,—сказала м-ссъ Бради.—Но я не такая идеалистка, какъ вы.

— Ахъ, милая Перъ, какая я идеалистка! Я только слѣдую модѣ. Въ сущности же я ни во что не вѣрю. Да развѣ можно во что-нибудь вѣрить послѣ всего, что̀ я испытала въ замужествѣ! Вы, конечно, знаете исторію моего брака?

— Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я жалѣю васъ!

— Не жалѣйте, милая. Самый счастливый моментъ въ моей жизни былъ тотъ, когда я освободилась отъ Бодезара.

VII.

Вернувшись домой, м-ссъ Бради стала размышлять о новомъ положеніи, въ которомъ она очутилась. У нея была любовь къ приключеніямъ; до сихъ поръ она испытала больше неудачъ, чѣмъ заслуживала, но относилась къ нимъ съ большимъ легкомысліемъ. Недостатокъ средствъ сильно ее стѣснялъ, но она старалась все-таки пользоваться жизнью и, извлекая пользу изъ другихъ людей, пробивать себѣ путь въ обществѣ. Теперь у нея опять складывался цѣлый планъ кампаніи, и ея удачный дебютъ въ новой средѣ удвоилъ ея энергію. Ей казалось, что на этотъ разъ счастье ей улыбается.

Сидя въ своей удобной спальнѣ, м-ссъ Бради углубилась въ свои планы на будущее. Она привезла съ собой горничную-ирландку — очень смышлёную и находчивую особу, которую называла французскимъ именемъ. М-ссъ Бради знала по опыту, что всякая особенность произношенія сходитъ въ Англіи за иностранный выговоръ, и потому выдавала свою горничную за француженку.

Эжени Флавенъ привыкла къ тому, что ее называли „mademoiselle“, и, чтобы еще болѣе казаться француженкой, часто вставляла въ разговоръ усвоенныя ею французскія слова и фразы. Она была очень предана своей госпожѣ, была посвящена во всѣ ея дѣла и тайны, принимала живое участіе во всѣхъ ея попыткахъ создать себѣ общественное положеніе, утѣшала ее въ тяжелыя минуты и радовалась ея удачамъ.

Въ этотъ вечеръ она вошла въ спальню, чтобъ причесать

волосы м-ссъ Бради на ночь и выслушать отчетъ обо всемъ, чтò произошло за день.

— Не очень мнѣ все это нравится, ma'am,—замѣтила она, когда м-ссъ Бради разсказала ей о завтракѣ, о бесѣдѣ въ будуарѣ и о приходѣ м-ссъ Вандердекенъ.—И чтò это за странное имя у нея! Дѣйствительно ли она аристократка?

М-ссъ Бради разсмѣялась.

— На этотъ счетъ не сомнѣвайтесь, Эжени. А что касается лэди Бодезаръ, то она очаровательна, и такая удивительно добрая женщина!

— Она вдова, ma'am? Можетъ быть, она годится для мистера Жоржа?

— Онъ съ ней знакомъ, но почему-то не любитъ ни ее, ни все это общество.

— Это на него похоже,—съ досадой сказала Эжени.—Его трудно будетъ женить и поставить на ноги. А вы, ma'am, послушайтесь моего совѣта: воспользуйтесь знакомствомъ съ этими знатными господами и устройте, наконецъ, прочно свои дѣла. Если одна изъ этихъ графинь привязалась къ вамъ, такъ вы ужъ не выпускайте ее изъ рукъ. Докажите ей, что вы ни въ чемъ ей не уступаете. Нужно дѣйствовать на людей смѣлостью и апломбомъ. Вы говорите, что въ этомъ обществѣ больше всего цѣнится оригинальность—будьте оригинальны; вамъ это будетъ не трудно. Для этого нужно только дѣлать какъ разъ противоположное тому, чтò они дѣлаютъ. Эти графини и герцогини устроиваютъ ужины при ослѣпительномъ свѣтѣ, а вы устройте имъ вечеръ въ полутемной комнатѣ. У нихъ сервируютъ на фарфорѣ, а у васъ пусть ѣдятъ на глиняныхъ тарелкахъ. У нихъ угощаютъ шампанскимъ, а вы предложите имъ молочный пуншъ. Увѣряю васъ, что всѣ будутъ въ восторгѣ.

М-ссъ Бради разсматривала въ зеркалѣ свое хорошенькое личико.

— А это хорошая мысль, Эжени. Имъ, навѣрное, надоѣли подражанія и подражатели. Вотъ, напримѣръ, чтò я могу устроить. Адель (такъ зовутъ лэди Бодезаръ) сказала мнѣ, что теперь въ модѣ устроивать обѣды и завтраки не дома, а въ ресторанѣ. Эта глупая мода пришла изъ Америки. Ну, а я устрою обѣдъ у себя дома. Приглашу небольшое, но самое избранное общество. Но главное, чтобы все, до малѣйшей подробности, отличалось новизной и шикомъ. Это будетъ стоить дорого, но щедрость становится иногда очень цѣннымъ качествомъ.

Эжени въ глубинѣ души пожелала, чтобы эта щедрость про-

явилась и относительно жалованья, которое она получала, но она была искренно предана своей госпожѣ, и утѣшалась тѣмъ, что еслибы она на другомъ мѣстѣ и получала большее жалованье, то была бы менѣе свободна, и ей не жилось бы такъ весело.

— Да, щедрость—дѣло хорошее; противъ этого не сталъ бы спорить ни одинъ ирландецъ и ни одна ирландка,—сказала она.

— Я хочу попытать счастья въ этотъ сезонъ. Еслибы мнѣ только удалось женить Жоржа, то все было бы хорошо, и я была бы довольна.

— Нѣтъ; вполнѣ довольной вы никогда не будете, ma'am. Вамъ всегда захочется чего-нибудь новаго. Но если вы такъ хотите женить м-ра Жоржа, то почему бы вамъ самой тоже не подыскать себѣ мужа? Можетъ быть, случится хорошая партія.

— Глупости, Эжени. Я не хочу выходить замужъ. Я хочу быть свободной. Къ тому же, мнѣ нуженъ былъ бы богатый мужъ. А богачи обыкновенно стары и ищутъ молодыхъ женъ.

— Почему же вамъ не влюбить въ себя молодого человѣка, и притомъ богатаго? Вы такая умница, что кого хотите поймаете въ свои сѣти.

— Оставьте говорить вздоръ, Эжени. Кончайте скорѣе чесать волосы. Мнѣ ужасно хочется спать. Я сейчасъ лягу и буду обдумывать планъ обѣда.

Эжени ушла. Въ противоположность своей госпожѣ, ей совсѣмъ не хотѣлось спать; она была возбуждена перспективой предстоящихъ семейныхъ удачъ. Она вооружилась цѣлой грудой еженедѣльныхъ газетъ, посвященныхъ свѣтской жизни, и усѣлась читать ихъ въ своей маленькой комнатѣ. Это было ея любимымъ чтеніемъ, и она сейчасъ же погрузилась въ описанія того, что̀ происходитъ въ высшемъ обществѣ. Она обратила вниманіе на то, что сообщаемыя свѣдѣнія относились часто къ подробностямъ частной жизни аристократическихъ дамъ. „Какъ это все попадаетъ въ печать?"—подумала она. Она встрѣтила нѣсколько разъ имена лэди Бодезаръ и м-ссъ Вандердекенъ. Ей хотѣлось бы видѣть и имя своей госпожи на ряду съ ихъ именами, но она его не находила.

Уставъ, наконецъ, читать о томъ, что лэди А. имѣла изящный видъ въ такомъ-то костюмѣ, а м-ссъ Б. въ другомъ, что эти дамы дѣлали покупки на Бондъ-Стритѣ въ такой-то день, или посѣтили такой-то вечеръ, или же ужинали въ „Карльтонъ-Отелѣ", или же что ихъ замѣтили выходящими изъ знаменитаго косметическаго магазина, она стала разсматривать объ-

явленія. Вдругъ ее что-то поразило, и она нѣсколько разъ перечла одно объявленіе.

— Ахъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло!—воскликнула она и вскочила въ необычайномъ волненіи.—Такъ вотъ въ чемъ ихъ секретъ! Что жъ, и я попытаюсь играть въ ту же игру. Это, навѣрное, очень выгодно.—Но вѣдь выдумаютъ же!..

Она снова сѣла и перечла поразившее ее слѣдующее объявленіе:

„*Требуются свѣдѣнія о свѣтской жизни.* Приглашаютъ дамъ, имѣющихъ хорошія связи, собирать свѣдѣнія о жизни въ свѣтскихъ кругахъ. Не нужно никакой опытности. Эта работа можетъ быть исполнена всякой дѣвушкой лѣтъ двадцати, которая хочетъ заработать лишнія деньги на булавки. Обращаться со вложеніемъ конверта съ маркой къ гг. Ф. и В., на Трафальгеръ-Сквэрѣ“.

— Я предложу имъ свои услуги! — воскликнула Эжени. — Когда м-ссъ Бради ближе сойдется со всѣми этими графинями и герцогинями, я буду все знать изъ первыхъ рукъ. При помощи французскаго словаря, я отлично съумѣю все описать,— да къ тому же въ объявленіи сказано, что опытности не требуется. Каждую недѣлю могу посылать имъ самыя свѣжія новости. Жаль, что сегодня слишкомъ поздно послать письмо, но я пошлю его завтра и сообщу всѣ подробности о предстоящемъ концертѣ. Вотъ благодать-то! Вѣдь этимъ можно нажить груду денегъ,—а моя семья всегда отличалась литературными вкусами. Дѣдъ мой умеръ съ газетой въ рукахъ, а дядя Денисъ О'Ги, братъ матери, сдѣлалъ надпись въ стихахъ на могилѣ солдатъ своего полка, убитыхъ въ Индіи. Я сама всегда отличалась умѣньемъ писать, когда училась въ деревенской школѣ. Напишу письмо сегодня, и отошлю его завтра утромъ. Да здравствуетъ старая Ирландія и миссъ Эжени Флавенъ, сотрудница фешенебельныхъ лондонскихъ газетъ!

Письмо, надъ составленіемъ котораго она провела болѣе получаса, было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь! Нижеподписавшаяся, mademoiselle Эжени Флавенъ, имѣла удовольствіе прочесть ваше объявленіе въ „Осѣ“. Она готова сообщать вамъ новости о свѣтской жизни и о всѣхъ, кто принимаетъ въ ней участіе. Мадемуазель Флавенъ можетъ упомянуть, en passant, что въ высшемъ свѣтѣ много говорятъ о концертѣ, который долженъ состояться черезъ недѣлю, въ одномъ частномъ домѣ на Паркъ-Лэнѣ, а также объ удивительной молодой пѣвицѣ иностраннаго происхожденія, ко-

торая будетъ пѣть на этомъ концертѣ. Всякія свѣдѣнія такого рода могутъ быть доставлены вашему журналу нижеподписавшейся, которая проситъ извѣстить ее объ условіяхъ. Съ почтеніемъ—Эжени Флавенъ".

— Чудесно! — воскликнула Эжени, перечитывая свое произведеніе.—Если я не получу приглашенія со вложеніемъ банковаго билета въ пять фунтовъ стерлинговъ, то Лондонъ не таковъ, какъ имъ я его себѣ представляю.

VIII.

Со свойственнымъ ирландскому характеру оптимизмомъ, Эжени Флавенъ не сомнѣвалась въ успѣхѣ своего предпріятія, и когда черезъ два дня получилось письмо съ приглашеніемъ явиться въ контору „Гг. Ф. и В.", она отнеслась къ этому очень спокойно. Она легко получила у м-ссъ Бради позволеніе отлучиться, и явилась въ назначенный часъ по указанному адресу. Ей пришлось подождать нѣсколько минутъ, потому что, какъ ей сообщилъ клэркъ, мистеръ Ф. былъ занятъ, а мистера В. не было дома.

Когда дверь въ кабинетъ, наконецъ, открылась, оттуда вышелъ стройный молодой человѣкъ, съ длинными вьющимися свѣтлыми волосами; его внѣшность сразу обличала профессіональнаго артиста. Онъ прошелъ черезъ контору, направляясь къ выходу, и бѣгло оглядѣлъ изящно одѣтую молодую даму, которая тамъ ждала своей очереди. Молодая дама тоже взглянула на него острыми, проницательными глазами, которые много видятъ и мало выдаютъ.

„Я его гдѣ-то видѣла,—подумала Эжени,—но не помню, гдѣ".

— Пожалуйте, миссъ!—пригласилъ ее клэркъ.

И она, въ свою очередь, проникла въ кабинетъ, за дверями котораго занимались раскрытіемъ свѣтскихъ тайнъ. Эжени твердо рѣшила скрывать свой ирландскій акцентъ, маскируя его полуфранцузскимъ жаргономъ. Она была одѣта по послѣдней модѣ, такъ какъ пользовалась гардеробомъ своей хозяйки, и вполнѣ полагалась на свое умѣнье держаться. Единственной трудностью новой роли, которую она взяла на себя, была необходимость сдерживать свою національную экспансивность.

М-ръ Ф., молодой человѣкъ съ длиннымъ, худощавымъ лицомъ, внимательно взглянулъ ей въ лицо и пригласилъ ее сѣсть.

— Миссъ Флавенъ, я полагаю?

— Madermerselle,—поправила Эжени, искусственно мѣняя свой голосъ.

— Простите, я забылъ.

Онъ указалъ на письмо, лежавшее на столѣ, и внимательно посмотрѣлъ на Эжени изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ. — Вы француженка?

— Mais wee, certainmang,—сказала Эжени съ достоинствомъ истой парижанки.—Mongsure получилъ мое письмо?

— Да,—сказалъ редакторъ,—получилъ. Вы, вѣроятно, камеристка?

— Companong,—поправила Эжени. —Companong de voyage и довѣренный другъ madame де Бради, у которой много знакомыхъ среди дамъ de la monde aristocratick; напримѣръ madame де-Бодезаръ и madame де-Вандердекенъ.

Мистеръ Ф. взглянулъ ей прямо въ лицо.

— Вы знаете этихъ дамъ?—спросилъ онъ.

— Конечно!—величественно отвѣтила Эжени.

— Вы знаете Адель Бодезаръ?

— Ну, да; она—armée particulaire madame де-Бради.

— Послушайте, не лучше ли намъ говорить прямо по-англiйски, — замѣтилъ редакторъ. — Мнѣ время дорого, и я бы хотѣлъ скорѣе столковаться. Я готовъ покупать у васъ свѣдѣнiя, если вы можете предложить ихъ мнѣ. Но говорите прямо. Я предложу вамъ нѣсколько вопросовъ, и вы отвѣчайте только „да“ или „нѣтъ“.

— Daymanday dong!—произнесла Эжени трагическимъ голосомъ.

— Во-первыхъ, у кого вы въ услуженiи, т.-е. при комъ вы состоите?

— При madame де-Бради. У нея есть помѣстья въ Ирландiи и peed de terre—въ Лондонѣ, гдѣ мы теперь и живемъ.

— Она знакома съ лэди Бодезаръ и м-ссъ Вандердекенъ?

— Wee, wee. Я вѣдь вамъ уже это сказала.

— Могли бы вы черезъ вашу бар... т.-е., я хочу сказать, черезъ м-ссъ Бради, доставлять мнѣ свѣдѣнiя объ этихъ дамахъ, объ ихъ туалетахъ, образѣ жизни, о томъ, съ кѣмъ онѣ видятся и т. д.

— Конечно.

— Но могу ли я положиться на достовѣрность вашихъ сообщенiй? Какiя ручательства вы можете мнѣ представить?

— Боже мой! почему вы мнѣ не вѣрите? Развѣ я сама не внушаю вамъ довѣрiя?

— Вы говорите не особенно правильно по-англiйски, —сухо замѣтилъ молодой человѣкъ. — Ну, да это не важно. Адресъ

м-ссъ Бради вы сообщили вѣрный. Чтò жъ, я попробую. Мнѣ нужны непосредственныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дамахъ изъ общества, т.-е., вѣрнѣе, объ извѣстномъ кругѣ общества. Ваше письмо обѣщаетъ эти свѣдѣнія. Мое изданіе выходитъ по понедѣльникамъ, и мнѣ нужны въ субботу вечеромъ послѣднія новости относительно этихъ дамъ и ихъ друзей. Сообщайте все до мелочей. Я буду платить вамъ по десяти шиллинговъ за каждое сообщеніе. Многое мнѣ, вѣроятно, придется пропустить, потому что нужно остерегаться быть привлеченнымъ къ суду за клевету. Мнѣ нужны также точныя описанія драгоцѣнностей, имѣющихся у этихъ дамъ... Это иногда очень полезно. Вы знаете, часто случаются кражи брилліантовъ у этихъ графинь и герцогинь, причемъ не всегда извѣстія о кражѣ вѣрны. Иногда кражу выдумываютъ для сенсаціи, для того, чтобы дать публикѣ описаніе драгоцѣнностей той или другой дамы; вѣдь потомъ всегда можно помѣстить опроверженіе. Во всякомъ случаѣ, намъ нужны перечни драгоцѣнностей аристократическихъ дамъ. Можете вы намъ доставить это?

— Я это не считаю невозможнымъ,—съ важностью сказала Эжени.

— Ну, и отлично, — сказалъ редакторъ. — Въ моемъ объявленіи я, конечно, имѣлъ въ виду не такую особу, какъ вы. Но я вижу, что вы можете доставлять свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ людей, которыми я особенно интересуюсь. М-ссъ В., какъ мы будемъ ее называть, знаменита своей эксцентричностью, и въ обществѣ очень интересуются ею и основаннымъ ею обществомъ. А лэди Б. считается законодательницей модъ и славится своимъ шикомъ. Свѣдѣнія о нихъ могутъ быть очень полезны моей газетѣ. Онѣ очень осторожны и мало кого посвящаютъ въ свои тайны; но можетъ быть, если м-ссъ Бради ихъ интимный другъ, то она можетъ все вывѣдать, а черезъ нее и вы сможете давать намъ интересныя свѣдѣнія. Я буду увеличивать вашъ гонораръ, сообразно съ интересомъ сообщаемыхъ вами фактовъ. Ну, чтò же, вы согласны?

— Согласна,—сказала Эжени, послѣ короткаго размышленія,—если предложенныя вами условія только временныя. Сознаюсь, что я ожидала болѣе значительнаго гонорара, суммы plus агргорро для газеты, распространенной въ bow monde; но когда mongsure увидитъ, какія важныя свѣдѣнія я могу доставить, то я надѣюсь, что мой трудъ будетъ лучше оплачиваться.

— Конечно, — отвѣтилъ онъ, — все зависитъ отъ цѣнности доставляемаго вами матеріала. А теперь—честь имѣю кланяться.

Эжени поднялась и граціозно раскланялась.

— Кстати,—сказала она на прощанье,—слыхали вы о большомъ концертѣ, который состоится въ домѣ лэди Бодезаръ?

— Какъ, развѣ онъ состоится не въ Queen's Hall?

— Lays arrangeymans теперь измѣнились,—сказала новая сотрудница „Осы“. — Всѣ подробности относительно концерта и програмы, также какъ и лицъ, принимающихъ участіе въ концертѣ, можетъ вамъ доставить одна особа.

— Кто же это?

— Та, которая теперь даетъ вамъ возможность получить эти свѣдѣнія... посредствомъ... нѣкотораго аванса.

— Ахъ, вотъ какъ!—сказалъ онъ со смѣхомъ.—Да вы молодецъ, какъ я вижу! Хорошо. Продиктуйте мнѣ нѣсколько строкъ о томъ, чтò вы знаете.

Онъ вынулъ изъ кошелька банковый билетъ и, развернувъ его, положилъ около себя, на столъ. Лицо Эжени выражало проснувшійся интересъ къ литературной дѣятельности.

Редакторъ взялъ листъ бумаги и сказалъ:

— Говорите, чтò знаете.

Когда Эжени Флавенъ вышла изъ редакціи черезъ четверть часа, она стала богаче на банковый билетъ въ пять фунтовъ стерлинговъ.

IX.

Лордъ Криссъ и Базиль Варендеръ курили въ мастерской художника. Базиль стоялъ передъ мольбертомъ съ кистью въ рукахъ, а его другъ критиковалъ его работу.

Мастерская была изящно убрана восточными коврами, японскими драпировками и множествомъ оригинальныхъ художественныхъ предметовъ. На мольбертѣ стоялъ полуоконченный портретъ м-ссъ Вандердекенъ, написанный со свойственнымъ Базилю умѣньемъ льстить своимъ заказчицамъ. Художникъ изобразилъ на лицѣ состарившейся красавицы то выраженіе, которое она хотѣла бы имѣть, но въ дѣйствительности не имѣла, т.-е. странную смѣсь одухотворенности и чувственности.

Теперь онъ заканчивалъ свою работу, смягчая рѣзкія линіи щекъ, и съ улыбкой выслушивалъ замѣчанія лорда Крисса.

— Правда въ искусствѣ! Ахъ, милый Криссъ, вѣдь вы сами знаете лучше, чѣмъ кто бы то ни было, что искусство очень далеко отъ правды. Кто бы посмѣлъ изобразить на полотнѣ грубыя, рѣзкія краски природы, какова она въ дѣйствительности?

Получилось бы нѣчто ужасное. Какъ бы критика ни ругала импрессіонистовъ, но они, по крайней мѣрѣ, не такъ вульгарны, какъ реалисты.

— Все теперь становится вульгарнымъ, — сказалъ лордъ Криссъ, закуривая папиросу.—Газеты вполнѣ правы, утверждая это. Всѣ мы слишкомъ шумны, слишкомъ занимаемъ собой общественное мнѣніе. Насъ бы больше уважали, еслибъ не такъ часто читали о насъ въ газетахъ.

— Эти проклятыя газеты виноваты во всѣхъ нелѣпостяхъ, которыя говорятъ о насъ,—ворчливо сказалъ Базиль Варендеръ.— Живешь точно за стеклянными стѣнами. Все, что̀ мы говоримъ или думаемъ, сейчасъ же узнается по телефону или телеграфу и попадаетъ въ газеты. Кто насъ предаетъ? Я положительно этого не понимаю.

— Наши ближайшіе друзья и наши домашніе,—медленно произнесъ лордъ Криссъ. — Я, напримѣръ, увѣренъ, что мой слуга Траверсъ сотрудничаетъ въ газетахъ. Онъ всегда набрасывается на нихъ, какъ только приходитъ почта. И у него при этомъ всегда самодовольный видъ журналиста, пользующагося успѣхомъ. Вы, вѣроятно, наблюдали такое выраженіе на лицахъ мелкихъ журналистовъ?

— Еще бы!—сердито сказалъ Варендеръ.—Но почему вы посвящаете Траверса въ свои дѣла?

— Что̀ за наивный вопросъ!—сказалъ лордъ Криссъ, чуть не уронивъ папиросу отъ изумленія.—Да развѣ можно скрыть что-нибудь отъ домашнихъ шпіоновъ? Кто открываетъ наши письма и знаетъ ихъ содержаніе прежде, чѣмъ мы сами? Кто роется въ нашихъ бумагахъ, знаетъ о нашихъ дѣлахъ и нашихъ долгахъ столько же, сколько мы сами; кто, какъ не шпіоны, которыхъ мы сами содержимъ для домашнихъ услугъ? Это—безсердечные предатели, для которыхъ мы только безразличные аттрибуты избранной ими профессіи. Какъ бы газеты узнавали подробности о бракоразводныхъ процессахъ и о разныхъ скандалахъ, еслибы наша прислуга не доставляла имъ свѣдѣній? Принцы, милліонеры, аристократы и проходимцы—всѣ раздѣляютъ ту же участь. Всѣхъ насъ пресса выставляетъ на-показъ для забавы публики. Неудивительно поэтому, что мы притворяемся еще болѣе нелѣпыми, чѣмъ мы въ дѣйствительности. Это—единственный способъ мстить за вниманіе, удѣляемое намъ.

— Я, къ счастью, не окруженъ свитой скрытыхъ газетныхъ репортеровъ,—замѣтилъ Базиль.

— Однако о васъ говорятъ въ газетахъ?

— Этимъ я, вѣроятно, обязанъ камеристкамъ моихъ прекрасныхъ заказчицъ.

— Не будьте на это въ претензіи,—замѣтилъ лордъ Криссъ въ утѣшеніе ему.—Газетныя сплетни, въ наше время,—самый вѣрный путь къ славѣ. Гораздо выгоднѣе, чтобы васъ назвали въ числѣ гостей на свѣтскомъ обѣдѣ, чѣмъ чтобы „Times“ посвятилъ цѣлый столбецъ разбору вашихъ картинъ.

— Это совершенно вѣрно,—сказалъ Базиль.—Я въ этомъ убѣдился. Никакой художественный критикъ не можетъ ни создать, ни уничтожить моей славы. Мое положеніе создалось помимо ихъ, и мнѣ нѣтъ надобности посылать картины на выставки, хотя я все-таки это дѣлаю.

— А это вы пошлете?—спросилъ лордъ Криссъ, указывая на портретъ м-ссъ Вандердекенъ, изображенной въ своей любимой позѣ, полулежащею на тигровой шкурѣ, съ подушечками золотистаго цвѣта, подложенными подъ ея тщательно убранную голову, съ блѣднымъ, загадочнымъ лицомъ.

— Нѣтъ... Она не хочетъ.

— Странно. Тротти обыкновенно любитъ обращать на себя вниманіе общества. Кстати: видѣли вы открытое ею новое чудо?—спросилъ лордъ Криссъ.

— Венгерскую пѣвицу? Нѣтъ. Я слышалъ о ней, конечно. Но я уже давно не былъ у Тротти, а сюда она приходитъ всегда одна. Что же, это, дѣйствительно, чудо?

— Дѣйствительно,—медленно отвѣтилъ лордъ Криссъ,—и, къ тому же, красавица, какой я еще никогда не видалъ.

— Похвала женщинѣ—изъ вашихъ устъ?

— Это рѣдкій случай, сознаюсь. Но похвала, на этотъ разъ, вполнѣ заслуженная. Эта дѣвушка не только прекрасна, но имѣетъ поразительный голосъ.

Базиль оставилъ работу и пристально поглядѣлъ на своего пріятеля.

— Что̀ она собирается предпринять съ этой дѣвушкой?—спросилъ онъ.

— Она, кажется, хочетъ удивить ею міръ. Зара выступитъ въ концертѣ, который состоится у Адель. Она будетъ пѣть, между прочимъ, пѣсню, которую я написалъ для нея. Она поетъ ее какъ истинная художница.

— Женщины никогда не бываютъ истинными художницами,—возразилъ Базиль.—Онѣ слишкомъ заняты собой и обращаютъ слишкомъ много вниманія на декоративную сторону въ искусствѣ. Выступая на эстрадѣ, женщина больше занята своимъ туалетомъ, чѣмъ программой, которую она исполняетъ. Муж-

чина—другое дѣло. У него нѣтъ выбора въ костюмѣ, и его духъ свободенъ. Онъ одѣваетъ фракъ—и дѣло съ концомъ. Если онъ настоящій артистъ, то можетъ даже носить потертый фракъ, потому что таланту прощается бѣдность. Но представьте себѣ женщину, выступающую въ первый разъ передъ публикой въ поношенномъ платьѣ. Пусть она поетъ какъ ангелъ—никто не повѣритъ ея таланту. Туалетъ рѣшаетъ на половину ея судьбу. Онъ даже можетъ оправдать фальшивую ноту или выборъ слишкомъ вольнаго романса въ современномъ духѣ.

— Мои композиціи всѣ въ современномѣ духѣ, Базиль.

— И та, которую вы написали для этой чудо-дѣвицы?

— О, это—возвышенно-чистая пѣснь. Ее могутъ слушать, не краснѣя, наши бабушки.

Базиль Варендеръ разсмѣялся.

— Кажется, наши бабушки однѣ только еще и умѣютъ краснѣть. Барышни, въ наше время, уже не обладаютъ этой способностью.

— Вотъ вы услышите, сколько возвышенной чистоты можетъ быть въ пѣніи современной дѣвушки, на концертѣ Зары. Когда она пропѣла мнѣ мою balladine, мнѣ казалось, что мечта о родственной душѣ осуществилась для меня. Но она такъ холодна и сдержанна; она избѣгаетъ меня. Можетъ быть, Тротти оберегаетъ ее, а можетъ быть она просто занята предстоящимъ концертомъ.

— Я не хочу видѣть ее до концерта,—сказалъ Варендеръ.

— Это, можетъ быть, благоразумно съ вашей стороны.

Наступила короткая пауза; Базиль продолжалъ работать.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—вдругъ спросилъ лордъ Криссъ.

— Что̀ я сдѣлалъ?

— Вы коснулись кистью глазъ—и измѣнили выраженіе.

Художникъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и посмотрѣлъ издали на портретъ.

— Странно, что случай сдѣлалъ именно то, чего я добивался. Я одинъ только разъ подмѣтилъ это выраженіе въ ея глазахъ.

— Такое выраженіе въ глазахъ есть еще у одной женщины,—сказалъ лордъ Криссъ.—Я видѣлъ такіе глаза на старомъ портретѣ, въ какомъ-то римскомъ дворцѣ.

— Чей это былъ портретъ?—спросилъ Базиль.

Лордъ Криссъ посмотрѣлъ на него съ загадочной улыбкой.

— Императрицы Поппеи,—сказалъ онъ.

Съ англ. З. В.

АМАЛІЯ РИЗНИЧЪ

въ

ПОЭЗІИ А. С. ПУШКИНА.

Изслѣдователи и любители поэзіи Пушкина обратили, конечно, вниманіе на вышедшую недавно книгу проф. И. А. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина". Эта книга даетъ много новаго и для Пушкинскаго текста, и для біографіи поэта; ей принадлежитъ видное мѣсто въ Пушкинской литературѣ. Правда, выводы и сообщенія проф. И. А. Шляпкина не всегда могутъ быть приняты спеціальной критикой и нуждаются въ исправленіяхъ и дополненіяхъ. Въ нашемъ очеркѣ мы касаемся лишь одного недоумѣнія, возбуждаемаго трудомъ проф. И. А. Шляпкина и связаннаго съ важнымъ вопросомъ о біографическомъ элементѣ въ стихахъ Пушкина, съ вопросомъ о правильности нашихъ утвержденій о посвященіи тому или другому лицу различныхъ стиховъ Пушкина. Это—одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Пушкинскаго творчества.

I.

„Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье—бурная мечта
Ожесточеннаго страданья".

Этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ открывается книга проф. И. А. Шляпкина. До сихъ поръ мы знали изъ него только четыре первыхъ строки; издатели относили ихъ къ 1826 году. На автографѣ этого стихотворенія, принадлежащемъ проф. И. А. Шляпкину, находимъ точную дату: „1825 Триг. 23. Тригорск. 22“.

Къ кому относится это стихотвореніе? Чьей памяти поэтъ приноситъ въ жертву всѣ драгоцѣнные порывы своей души? П. А. Ефремовъ, въ изданіи 1882 года (т. II, стр. 398) высказалъ предположеніе, что эти стихи вызваны воспоминаніемъ объ одесской знакомой Пушкина, г-жѣ Ризничъ. Проф. И. А. Шляпкинъ полагаетъ, что въ виду даты: „1825 годъ“, раньше неизвѣстной, окончательно падаетъ предположеніе П. А. Ефремова, и высказывается положительно за то, что оно относится къ извѣстной Аннѣ Петровнѣ Кернъ. То или иное рѣшеніе вопроса о томъ, къ кому относятся различныя стихотворенія Пушкина, имѣетъ важное значеніе для біографіи поэта. Несомнѣнными являются указанія его самого, но они рѣдки, и приходится дѣлать одни предположенія,—а между тѣмъ, въ собраніяхъ сочиненій, даже самыхъ новѣйшихъ, мы встрѣчаемъ не мало такихъ догматическихъ „усвоеній“ стихотвореній Пушкина тому или другому лицу,—усвоеній, которыя какимъ-то невѣдомымъ путемъ повысились изъ догадокъ на степень достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Въ особенности мало достовѣрны и спутанны указанія при стихотвореніяхъ, связанныхъ съ семьей Раевскаго и съ пребываніемъ Пушкина на югѣ, при посланіяхъ кн. М. А. Голицыной, урожд. Суворовой, при стихахъ, посвященныхъ Амаліи Ризничъ. Попытаемся разобраться въ томъ, кому же именно посвящено стихотвореніе: „Все въ жертву памяти твоей“, и т. д.

Относится ли оно къ А. П. Кернъ? Объ ея отношеніяхъ къ Пушкину, по крайней мѣрѣ, въ тотъ 1825-ый годъ, къ которому относятъ это стихотвореніе, мы можемъ судить по письмамъ къ ней А. С. Пушкина, напечатаннымъ во всѣхъ изданіяхъ. Не вдаваясь въ подробности этихъ отношеній, отмѣтимъ только общій, чувственный характеръ увлеченія Пушкина. Невозможно допустить, чтобы Пушкинъ и „мщенье — бурная мечта ожесточеннаго страданья“—принесъ въ жертву той, которую онъ называлъ „вавилонской блудницей“, которой онъ писалъ въ такомъ легкомъ тонѣ: „Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! Divine!.. et puis: „ахъ, мерзкая“! Pardon, belle et douce, mais c'est comme ça“, и т. д. Врядъ ли бы сталъ Пушкинъ выражаться: „все въ жертву *памяти твоей*“, въ то время, какъ Кернъ была такъ недалеко отъ него, въ Тригор-

скомъ, или въ Ригѣ, или въ С.-Петербургѣ (съ момента встрѣчи въ 1825 году, Кернъ только въ этихъ мѣстахъ и была въ этотъ годъ). Всѣ эти соображенія приводятъ къ слѣдующему выводу отрицательнаго характера: предположеніе о посвященіи стихотворенія А. П. Кернъ не можетъ быть допущено. И этотъ выводъ имѣетъ свое значеніе.

Прежде, чѣмъ обратиться къ предположенію П. А. Ефремова, остановимся на комментаріяхъ проф. И. А. Шляпкина, которые могутъ послужить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать комментаріи. Разборъ ихъ поможетъ намъ вникнуть въ содержаніе стихотворенія, а выясненіе содержанія имѣетъ существенное значеніе для нашей цѣли. Высказавшись предположительно о посвященіи стиховъ А. П. Кернъ, проф. И. А. Шляпкинъ безъ оговорокъ распредѣляетъ партіи: „на Е. Н. Вульфъ намекаетъ поэтъ, когда говоритъ о слезахъ воспаленной дѣвы. „Трепетъ ревности моей"—конечно, намекъ на А. Н. Вульфа, уѣхавшаго съ А. П. Кернъ въ Ригу". Необходимо указать, что подобные комментаріи могутъ опошлять стихи Пушкина и лишать ихъ всякаго художественнаго смысла. Стихотвореніе прекрасно именно по глубокому чувству, его проникающему: поэтъ приноситъ въ жертву памяти о любимой женщинѣ все самое цѣнное для его души, и слезы воспаленной любовью дѣвушки, всякой дѣвушки, и мученія ревности, всякія мученія, и блескъ славы и т. д. И. А. Шляпкинъ низводитъ стихотвореніе почти до эпиграммы:—увы, поэтъ готовъ пожертвовать памяти любимой имъ только слезы Евпраксіи Николаевны Вульфъ; поэтъ готовъ ради памяти отказаться ревновать ее къ Алексѣю Николаевичу Вульфу.

Но правъ ли П. А. Ефремовъ, утверждая, что это стихотвореніе относится къ Ризничъ? Эпизодъ одесскаго увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ принадлежитъ къ интереснѣйшимъ и запутаннѣйшимъ пунктамъ біографіи поэта.

Всѣ фактическія данныя о г-жѣ Ризничъ исчерпываются всего двумя сообщеніями. Первое принадлежитъ проф. К. П. Зеленецкому, и оно появилось въ 1856 году въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" и тогда же было перепечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ" [1]). Проф. Зеленецкій заявилъ себя какъ осторожный изслѣдователь, и на достовѣрность его сообщеній можно полагаться, но необходимо обратить вниманіе на особенность источника его свѣдѣній: онъ разузналъ о Ризничъ отъ одесскихъ старожиловъ,—а слѣ-

[1]) Перепечатано въ книгѣ проф. В. А. Яковлева: „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи". Одесса, 1887. Добавленіемъ къ этой статьѣ являются нѣкоторыя данныя въ „Замѣткѣ о Пушкинѣ" въ „Библіографическихъ Запискахъ", 1858, стр. 137.

довательно, узналъ то, что̀ *говорилось* о ней въ Одессѣ. Второе сообщеніе принадлежитъ проф. Халанскому: оно появилось въ „Харьковскомъ университетскомъ Сборникѣ“ 1899 года. Со словъ проф. Стечковича, г. Халанскій передаетъ разсказы мужа Ризничъ. По этимъ двумъ сообщеніямъ исторія Ризничъ выясняется въ слѣдующихъ чертахъ.

Иванъ Ризничъ, сынъ богатаго сербскаго купца, человѣкъ отлично образованный въ итальянскихъ университетахъ, сначала имѣлъ банкирскую контору въ Вѣнѣ, а потомъ переселился въ Одессу и занялся хлѣбными операціями. Съ Ризничемъ Пушкинъ познакомился въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Одессу изъ Кишинева. Въ 1822 году, Иванъ Ризничъ уѣхалъ въ Вѣну жениться и весной 1823 года возвратился съ молодой женой. Въ началѣ іюня этого года Пушкинъ переселился на жительство въ Одессу. Тогда же начинается его знакомство съ женой негоціанта. Кто же была она? Пушкинъ и его одесскіе современники считали ее итальянкой; проф. Зеленецкій сообщаетъ, что она—дочь вѣнскаго банкира Риппа, полунѣмка, полуитальянка, съ примѣсью, быть можетъ, еврейской крови. Стечковичъ со словъ мужа Ризничъ утверждаетъ, что она была итальянка, родомъ изъ Флоренціи. Нѣтъ основаній не вѣрить словамъ Стечковича. Относительно необыкновенной красоты г-жи Ризничъ всѣ современники согласны: высокаго роста, стройная, съ пламенными очами, съ шеей удивительной формы, съ косой до колѣнъ. Она ходила въ необыкновенномъ костюмѣ: въ мужской шляпѣ; въ длинномъ платьѣ скрывались большія ступни ногъ. Среди одесскихъ женщинъ она была поразительнымъ явленіемъ. Д. И. Туманскій писалъ въ 1824 году изъ Одессы своей пріятельницѣ объ одесскихъ дамахъ: „недостатокъ свѣтскаго образованія чувствителенъ въ одесскихъ дамахъ. Женщины—первыя создательницы и истинныя подпоры обществъ. Слѣдовательно, имъ непростительно упущать всякую малость, способствующую выгодамъ сего новаго отечества. Всѣ приманки ума, ловкости просвѣщенія должны быть употреблены, дабы внушить въ мужчинѣ и охоту къ свѣтскимъ удовольствіямъ, и сердечную признательность къ дамамъ. У насъ ничего этого нѣтъ,—замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичатся людей“, и т. д. Ризничъ, очевидно, подходила къ тому идеалу женщины, который рисуетъ Туманскій. Амалія Ризничъ не была принята въ высшемъ одесскомъ обществѣ, которое и сосредоточивалось-то въ одномъ домѣ графини Воронцовой. Что̀ преграждало ей доступъ въ высшій свѣтъ: эксцентричность одежды,

необыкновенность поведенія или соціальное положеніе, или, наконецъ, другія обстоятельства, о которыхъ глухо говоритъ проф. Зеленецкій? На этотъ вопросъ мы отвѣтить не можемъ. Поклонники ея собирались въ домѣ Ризничъ. Ихъ было не мало: среди нихъ особенно настойчивымъ былъ Пушкинъ. По выраженію мужа Ризничъ, Пушкинъ увивался около Амаліи, какъ котенокъ (као маче,—по-сербски). Одесскіе старожилы передавали проф. Зеленецкому, что Пушкинъ встрѣтилъ соперника въ польскомъ шляхтичѣ Собаньскомъ. Иванъ Ризничъ называетъ князя Яблоновскаго. Пользовался ли Пушкинъ взаимностью Амаліи Ризничъ? Молва утверждаетъ, а Ризничъ, приставившій къ женѣ для наблюденія стараго своего слугу, отрицаетъ. Ризничъ пробыла въ Одессѣ недолго; мужъ говоритъ, что она разстроила свое здоровье и уѣхала лечиться. 30 апрѣля 1824 года, изъ одесскаго городского магистрата было выдано свидѣтельство на право выѣзда за границу г-ну Ивану Ризничу съ семействомъ, а въ первыхъ числахъ мая г-жа Амалія Ризничъ, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ Александромъ, слугою и двумя служанками выѣхала въ Австрію, Италію и Швейцарію. 30-го іюня Пушкинъ уѣхалъ въ Михайловское. Въ Одессѣ разсказывали, что вскорѣ послѣ отъѣзда Ризнича выѣхалъ и соперникъ Пушкина, Собаньскій; за границей онъ догналъ ее, проводилъ до Вѣны и бросилъ. Мужъ Ризничъ говоритъ, что за Ризничъ послѣдовалъ во Флоренцію князь Яблоновскій и здѣсь добился ея довѣрія. Ризничъ недолго прожила на родинѣ. По всей вѣроятности, въ началѣ 1825 года, она умерла, „кажется, въ бѣдности, призрѣнная матерью мужа", какъ говорили въ Одессѣ. Но, по словамъ мужа, она не получала отъ него отказа въ денежныхъ средствахъ во время жизни въ Италіи. Этимъ ограничиваются всѣ наши фактическія свѣдѣнія объ Амаліи Ризничъ.

Амалія Ризничъ имѣетъ всѣ права на вниманіе по тому вліянію, которое оказала она на душу поэта и, слѣдовательно, на его творчество. Быть можетъ, когда-нибудь мы будемъ имѣть настоящую біографію поэта,—не фактическую исторію внѣшнихъ событій его жизни, а исторію сокровенныхъ движеній его души, ея жизни. И будущій біографъ долженъ будетъ опредѣлить, что̀ внесла въ эту жизнь Ризничъ, и выяснить, въ чемъ была индивидуальность этой любви Пушкина. Первый вопросъ, на которомъ нужно остановиться—вопросъ о томъ, какія же произведенія Пушкина вызваны этой женщиной. Тутъ царитъ большая путаница: съ именемъ Ризничъ связываютъ различныя стихотворенія, иногда прямо противоположныя по со-

держанію: Анненковъ создалъ даже „трехчленную лирическую пѣснь“ изъ стихотвореній: Элегія 1825 („Подъ небомъ голубымъ“), „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальной“—и связалъ эту пѣснь съ именемъ Ризничъ. Впрочемъ, онъ осторожно замѣтилъ, что трехчленная лирическая пѣснь обращена къ одной или двумъ особамъ, умершимъ за границей. Осторожныя замѣчанія Анненкова были расширены и перетолкованы позднѣйшими изслѣдователями, и Амалія Ризничъ получила исключительное значеніе въ жизни Пушкина; комментаторы и біографы стали принимать ее за ту таинственную женщину, которая внушила Пушкину вѣчную любовь къ ней. Для рѣшенія поднятаго въ началѣ нашей замѣтки вопроса о томъ, можно ли отнести къ Ризничъ отрывки „Все въ жертву памяти твоей“,—необходимо разобраться въ путаницѣ различныхъ пріуроченій поэтическаго матеріала къ Амаліи Ризничъ. Намъ представляется далеко не лишней попытка опредѣлить характеръ отношеній поэта къ женѣ одесскаго негоціанта и выяснить, какія именно стихотворенія Пушкина запечатлѣны ея вліяніемъ.

II.

Намъ кажется, что внимательный анализъ стихотвореній Пушкина поможетъ намъ разобраться въ біографическихъ вопросахъ, вызываемыхъ ими. Начнемъ съ элегіи: „Подъ небомъ голубымъ“; относительно этого стихотворенія можно съ достовѣрностью сказать, что оно относится къ Амаліи Ризничъ. Обратимъ вниманіе на обстоятельства, при которыхъ оно написано.

Амалія Ризничъ выѣхала изъ Одессы за границу въ первыхъ числахъ мая 1824, а Пушкинъ отправился въ ссылку 30 іюля,—должно быть, раньше, чѣмъ распространились слухи о томъ, что вслѣдъ за Ризничъ отправился его соперникъ. Послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Одессѣ мысли Пушкина были заняты другой женщиной. Въ стихотвореніи „Къ морю“, написанномъ непосредственно передъ отъѣздомъ, въ іюлѣ, поэтъ обращается къ морю:

„Ты ждалъ, ты звалъ... Я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я“.

Эти строки никакъ нельзя считать свидѣтельствомъ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которая въ это время была за грани-

цей: еслибы онъ былъ окованъ могучей страстью къ Ризничъ,—незачѣмъ было бы оставаться у береговъ! Изъ этого можно было бы сдѣлать слѣдующій выводъ: увлеченіе Ризничъ нужно отнести къ начальному періоду пребыванія Пушкина въ Одессѣ. Въ стихотвореніяхъ 1830 года „Заклинаніе" и „Для береговъ отчизны дальной" поэтъ рисуетъ слѣдующими чертами разлуку съ неизвѣстной намъ женщиной, въ которой комментаторы видятъ Ризничъ.

„Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой". („Заклинаніе".)

„Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой,
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой;
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страстнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала", и т. д.

Но если принять во вниманіе, что поэтъ въ это время былъ очарованъ могучей страстью, приковывавшей его къ берегамъ Чернаго моря, если вспомнить, что вслѣдъ за Ризничъ уѣзжали и соперники поэта, то придется усомниться въ томъ, что оба эти стихотворенія вызваны воспоминаніемъ о разлукѣ съ Ризничъ.

Еслибы моментъ разставанія поэта съ Ризничъ соотвѣтствовалъ описанному въ этихъ строкахъ, то мы вправѣ были бы предположить, что и въ Михайловскомъ въ своихъ воспоминаніяхъ поэтъ обращался все къ той же Амаліи Ризничъ, страсть къ которой была такъ могуча. Но въ это время,—пишетъ Анненковъ,—настоящая мысль поэта постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ—далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ: Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы „Онѣгина" онъ дѣлаетъ приписку: „1 сентября 1824 года—Une lettre de***. Сестра поэта, О. С. Павлищева, разсказывала Анненкову, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата,—послѣдній за-

пирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ стихотвореніе „Сожженное письмо“, 1825 года. Къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Михайловскомъ относится элегія „Ненастный день потухъ“. Она и самимъ поэтомъ отнесена, въ изданіи стихотвореній 1826 года, къ 1823 году—и всѣми издателями печатается подъ этимъ годомъ, но анализъ содержанія даетъ несомнѣнныя указанія на то, что элегія написана въ Михайловскомъ. Въ первой строфѣ поэтъ рисуетъ обстановку, которая окружаетъ его:

„Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой,
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
 Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ“.

Пейзажъ, несомнѣнно, сѣверный, и въ 1823 году поэтъ не могъ видѣть его передъ своими глазами. Этому пейзажу поэтъ противополагаетъ слѣдующую картину:

„Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
 Подъ голубыми небесами...
Вотъ *время*: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами,
 Тамъ, подъ *завѣтными* скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна“...

Нѣкоторые комментаторы относили эти стихи къ Ризничъ, но это невѣрно, потому что Ризничъ въ это время была въ Италіи, въ странѣ, въ которой не было для Пушкина „завѣтныхъ“ скалъ. Рѣчь идетъ, конечно, объ Одессѣ, и подъ скалами тутъ нужно понимать не скалы горъ, а скалы гротовъ. Г-нъ Морозовъ дѣлаетъ совершенно неосновательное предположеніе, что „она“—это Марія Николаевна Раевская, та Раевская, о которой 18 октября 1824 года кн. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, декабристъ, писалъ изъ Петербурга Пушкину: „имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ пріятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Маріей Николаевной Раевскою. Не буду вамъ говорить о моемъ счастіи“. Врядъ ли можетъ быть отнесено къ М. Н. Раевской это стихотвореніе, въ особенности заключительныя его строки:

„Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна...
Одна... Никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... Ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда-ль: ты одна? ты плачешь? Я спокоенъ.
. . . .
Но если. . . . .“

Точки поставлены самимъ Пушкинымъ; рукопись этого стихотворенія намъ неизвѣстна. Итакъ, этой элегіи нельзя отнести ни къ М. Н. Раевской, ни къ Амаліи Ризничъ; относится она къ той особѣ, о которой такъ туманно говоритъ Анненковъ.

Среди стихотвореній, написанныхъ въ Михайловскомъ, мы встрѣтили еще одно, которое также даетъ доказательство того, что не Ризничъ владѣла мыслью поэта въ его уединеніи, что не она была могучей страстью Пушкина въ Одессѣ. Это — „Желаніе славы“ (7 іюля 1825 года); лицо, къ которому обращено это стихотвореніе, опять-таки мы должны искать не въ Тригорскомъ, а тамъ, гдѣ поэтъ былъ до ссылки въ Михайловское; стихотвореніе заключаетъ, по нашему мнѣнію, важное автобіографическое свидѣтельство, указаніе на обстоятельства, сопровождавшія разлуку поэта съ этой особой, и намекъ на какую-то связь этой любви поэта съ его высылкой изъ Одессы.

„Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ призваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: „Скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?“
А я стѣсненное молчаніе хранилъ;
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ; я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... *И что же? Слезы, муки,*
Измѣны, клевета, — все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,

Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья".

Не объ этой ли минутѣ разлученья идетъ рѣчь въ отрывкѣ, который находится въ одесской тетради Пушкина среди набросковъ писемъ начала 1824 года и который, слѣдовательно, можетъ быть датированъ вообще 1824 годомъ, безъ ближайшаго опредѣленія?

„Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни
Произношу я горестныя пени.
Все кончено, я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя (роптаніемъ) преслѣдовать не буду
(И невозвратное), быть можетъ, позабуду.
(Я зналъ: не для меня) блаженство,
Не для меня сотворена любовь...
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты"...

И въ этомъ, и въ предъидущемъ стихотвореніи любовная связь прекращается въ силу какихъ-то неясныхъ для насъ, внѣшнихъ обстоятельствъ. „Послѣднія моленья въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья" перваго стихотворенія („Желаніе славы") напоминаютъ „горестныя пени" отрывка. Въ стихотвореніи взаимная горячая любовь гибнетъ отъ неожиданныхъ внѣшнихъ событій... „Слезы, муки, измѣны, клевета", все вдругъ обрушилось на голову поэта. Въ отрывкѣ, тоже по какимъ-то причинамъ, любимая поэтомъ разрываетъ свои интимныя отношенія съ нимъ.

Та особа, къ которой летѣла мысль поэта въ Михайловскомъ и о которой такъ туманно говоритъ Анненковъ,—жена начальника по одесской службѣ Пушкина, графиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова; отношенія ея къ Пушкину совершенно не обслѣдованны біографами поэта. Такому разслѣдованію долго мѣшало, конечно, то обстоятельство, что графиня была жива и умерла только въ 1880 году. „Преданія эпохи, — писалъ въ 1874 году Анненковъ, — упоминаютъ еще о женщинѣ, превос-

ходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой она управляла мыслью и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головки, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни". Особа, многочисленные портреты которой находятся въ тетрадяхъ Пушкина, — гр. Е. К. Воронцова [1]). Вотъ о комъ вспоминалъ Пушкинъ въ Михайловскомъ. Изъ написанныхъ въ Михайловскомъ въ 1824—1825 гг. стихотвореній Пушкина къ ней нужно относить „Сожженное письмо", и врядъ ли къ кому-либо другому—элегію „Ненастный день потухъ", стихотвореніе „Желаніе славы" и отрывокъ. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ одновременно лелѣялъ дорогія ему воспоминанія о двухъ женщинахъ.

III.

Одесскія новости доходили до Пушкина очень туго; онъ постоянно жалуется въ своихъ письмахъ изъ Михайловскаго на ихъ отсутствіе и проситъ ихъ. Не много зналъ онъ и о Ризничъ. 21 августа 1824 года, А. Н. Раевскій сообщалъ Пушкину о мужѣ Ризничъ, о томъ, что онъ „опять принялъ бразды театральнаго правленія, и актрисы ему одному повинуются". Профессору Зеленецкому разсказывали люди, близкіе къ Ивану Ризничу, что онъ былъ въ перепискѣ съ Пушкинымъ; трудно повѣрить этому извѣстію: что̀ же было общаго между обманутымъ мужемъ и любовникомъ его жены? Не къ кому другому, какъ къ Амаліи Ризничъ, можетъ быть отнесенъ отрывокъ изъ описанія Одессы въ „Евгеніи Онѣгинѣ":

„А только ль тамъ (въ Одессѣ) очарованій?
А розыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ, красой блистая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,

[1]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова. 1903, т. II, стр. 356.

И шуткѣ съ лестью пополамъ...
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ „фора!“ закричитъ,
Зѣвнетъ — и снова захрапитъ“ [1]).

Съ этимъ-то мужемъ врядъ ли бы сталъ переписываться Пушкинъ, и не изъ его писемъ узналъ Пушкинъ о смерти Амаліи Ризничъ за границей. Ризничъ умерла въ первой половинѣ 1825 года: во всякомъ случаѣ, къ іюлю 1825 года въ Одессѣ уже знали о ея смерти и объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти: говорили и о томъ, что Иванъ Ризничъ предоставилъ ей умереть въ нищетѣ (мы видѣли, что самъ Ризничъ, въ разговорѣ съ Стечковичемъ, отрицалъ это). Подпись: „іюль 1825“, мы встрѣчаемъ подъ сонетомъ одного изъ поклонниковъ Ризничъ, В. И. Туманскаго: „На кончину Р.“ Этотъ сонетъ напечатанъ въ альманахѣ Раича и Ознобишина: „Сѣверная лира на 1827 годъ“ (цензурное разрѣшеніе на печатаніе дано 1 ноября 1826 года) съ посвященіемъ А. С. Пушкину. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ прочелъ этотъ сонетъ только въ печати. Пушкинъ переписывался съ В. И. Туманскимъ: до насъ дошло по нѣскольку писемъ того и другого, между прочимъ, и письмо Пушкина къ Туманскому, отъ 13 августа 1825 года. Анализируя содержаніе этого письма, мы не найдемъ въ немъ ни одной фразы, которая обнаруживала бы, что это письмо Пушкина къ Туманскому—не первое, имъ писанное. Между прочимъ, Пушкинъ писалъ въ немъ [2]): „Объ Одессѣ, кромѣ газетныхъ извѣстій, я ничего не знаю, напиши мнѣ что-нибудь“. Послѣдняя фраза даетъ основаніе думать, что отвѣтъ Туманскаго былъ первымъ его письмомъ къ Пушкину. Вполнѣ естественно предположить, что Туманскій подѣлился съ Пушкинымъ своимъ стихотвореніемъ,

---

[1]) Совершенно не понимаемъ, на основаніи какихъ данныхъ г. Брюсовъ въ своей статьѣ „Изъ жизни Пушкина“ („Новый Путь“, 1903, іюнь) сообщаетъ: „Когда въ Михайловскомъ приходили письма отъ Ризничъ, Пушкинъ запирался у себя въ кабинетѣ и старался весь день не видаться ни съ кѣмъ“. Не приписываетъ ли тутъ г. Брюсовъ—совершенно ошибочно—Ризничъ тѣхъ писемъ, которыя Пушкинъ получалъ отъ графини Воронцовой?

[2]) Первыя строки этого письма (Сочин. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. III, стр. 206) для насъ несовсѣмъ понятны: „буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда“. Замѣчательно, что эти строки дословно совпадаютъ съ началомъ черноваго наброска письма къ Княжевичу, написаннаго въ концѣ ноября, въ началѣ декабря 1824 года. Это письмо тамъ же, стр. 136. И въ этомъ наброскѣ поэтъ жадно проситъ вѣстей изъ Одессы: „Объ Одессѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами“ и т. д.

написаннымъ на смерть Ризничъ и посвященнымъ Пушкину. Свое стихотвореніе онъ долженъ былъ сопроводить нѣкоторыми фактическими разъясненіями, безъ которыхъ не все въ немъ было бы понятно Пушкину. Вотъ что̀ писалъ Туманскій о Ризничъ:

„Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
Горѣла страсть, блистало небо юга.

Къ твоимъ стопамъ съ горячностію друга
Склонялся міръ — твои оковы несъ,
Но Гименей, какъ сѣверный морозъ,
Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луга.

И гдѣ жъ теперь поклонниковъ твоихъ
Блестящій рой? Гдѣ страстныя рыданья?
Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья.

Ужъ новый огнь волнуетъ души ихъ;
И для тебя *сей голосъ струнъ чужихъ* —
Единственный завѣтъ воспоминанья!"

Посвящая Пушкину это стихотвореніе, не думалъ ли о немъ Туманскій, когда писалъ о разсѣявшихся поклонникахъ, которыхъ уже къ другимъ красавицамъ влекутъ желанья, и души которыхъ волнуетъ новый огнь? Если думалъ, то вѣдь онъ разумѣлъ подъ новыми увлеченіями поэта не увлеченія сельца Михайловскаго, а одесскія увлеченія, которыя одни только и могли быть ему извѣстны. Въ стихахъ Туманскаго необходимо отмѣтить легкій оттѣнокъ сожалѣнія, укора, обращеннаго къ умершей.

Отвѣтомъ на извѣстіе о смерти Ризничъ, полученное поэтомъ или отъ Туманскаго въ концѣ 1825 года, или отъ кого-либо другого (мы больше склонны къ первому предположенію), была извѣстная, прекрасная элегія: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной она томилась, увядала". Уже первыя строки показываютъ, что поэту была извѣстна одесская версія разсказа о смерти Ризничъ, въ бѣдности, брошенной и любовникомъ, и мужемъ.

„Увяла, наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть;
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я".

Намъ необходимо запомнить то впечатлѣніе, съ которымъ

поэтъ принялъ извѣстіе о смерти когда-то любимой имъ женщины. Онъ былъ равнодушенъ; въ его сердцѣ уже не было любви къ ней. Въ этихъ стихахъ обращаетъ вниманіе выраженіе: „изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть"; эти слова хочется сопоставить съ той характеристикой, которую даетъ своему сонету Туманскій: „сей голосъ струнъ чужихъ". Но откуда же такое полнѣйшее равнодушіе у Пушкина, который когда-то былъ страстно увлеченъ Ризничъ? Ея образъ запечатлѣлся въ его представленіи; не затмили ли его тѣ свѣдѣнія, которыя сообщилъ ему или Туманскій, или кто-нибудь изъ одесскихъ пріятелей, по слухамъ, циркулировавшимъ въ Одессѣ?

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени".

Какое тяжелое осужденье тому, кто былъ такъ любимъ прежде! Бѣдная легковѣрная тѣнь! Легковѣрная, потому что легко вѣрила въ клятвы любви... Трудно повѣрить, что на Пушкина такъ подѣйствовало только одно сообщеніе о томъ, что его соперникъ уѣхалъ вслѣдъ за Ризничъ: было что-то и другое, для насъ исчезнувшее.

Итакъ, эта элегія, несомнѣнно относящаяся къ Ризничъ, даетъ немногочисленныя, правда, но опредѣленныя указанія на характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ и свидѣтельство о судьбѣ его отношеній къ ней послѣ отъѣзда изъ Одессы. Опираясь на эти данныя, можно уже прямо выбрасывать изъ цикла Ризничъ тѣ стихи, въ которыхъ мы найдемъ противорѣчащую характеристику Ризничъ; но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору, остановимся еще на разобранной элегіи. Когда написана она? Въ изданіи 1829 года элегія отнесена самимъ поэтомъ къ 1825 году; драгоцѣнныя указанія поэта можно измѣнять только съ вѣскими фактическими данными въ рукахъ, а между тѣмъ положительно во всѣхъ новѣйшихъ изданіяхъ (во всѣхъ изданіяхъ подъ ред. П. А. Ефремова и г. Морозова и др.) элегія помѣщается подъ 1826 годомъ. Издатели относили элегію къ этому году, очевидно, на основаніи сообщаемыхъ Анненковымъ свѣдѣній о рукописи этого стихотворенія, до насъ не дошедшей; они приняли за дату имѣющуюся на рукописи помѣту

„26 іюля 1826 года“ [1]). Но дѣло все въ томъ, что эту помѣту нельзя считать датой. Помѣта находится не подъ стихотвореніемъ, а надъ стихотвореніемъ (Анненковъ даже называетъ ее оглавленіемъ). А это—два разныхъ дѣла; во всякомъ случаѣ, безъ всякихъ оговорокъ выдавать эту помѣту за дату, и, на этомъ основаніи, печатать элегію подъ 1826 годомъ, тогда какъ самъ Пушкинъ напечаталъ ее подъ 1825 годомъ, не представляется необходимымъ. Мы предпочитаемъ оставить безъ объясненій эту помѣту, тѣмъ болѣе, что въ рукописи Пушкинъ нерѣдко отмѣчаетъ дни, чѣмъ-нибудь для него замѣчательные. Въ рукописи этого стихотворенія находятся еще двѣ помѣты: „Усл. о см. 25“ и „У. о с. П. Р. М. М. К. Б. 24“. Послѣдняя читается слѣдующимъ образомъ: „Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 іюля“; первая помѣта читалась и какъ „услышалъ о смерти (Ризничъ) въ 1825 году“, и какъ „услышалъ о смерти 24 іюля“. Приведенныя выше данныя не допускаютъ предположенія о томъ, что Пушкинъ до іюля 1826 года ничего не зналъ о смерти Ризничъ, даже отъ Туманскаго. Наконецъ, самъ онъ печаталъ элегію подъ 1825 годомъ. Поэтому, первую помѣту можно читать только въ одной редакціи: „услышалъ о смерти Ризничъ въ 1825 году“. Чтобы покончить съ исторіей этого стихотворенія, нужно указать, что Пушкинъ въ рукописи сообщилъ его Туманскому; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 2 марта 1827 года, В. И. Туманскій писалъ Пушкину: „Одна изъ нашихъ новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнича на сестрѣ Собаньской, Виттовой любовницѣ. Въ приданое за ней получилъ Ризничъ въ будущемъ 6000 черв., а въ настоящемъ—Владимірскій крестъ за услуги, оказанныя одесскому лицею. Надобно знать, что онъ въ лицеѣ никогда ничего не дѣлалъ. Новая м-мъ Ризничъ, вѣроятно, не заслужитъ ни твоихъ, ни моихъ стиховъ по смерти: это—малютка съ большимъ ртомъ и съ польскими ухватками“ [2]). Очевидно, тутъ говорится объ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“, потому что никакихъ другихъ мы не знаемъ. А эта элегія появилась въ печати лишь въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826 годъ“. Пушкинъ отослалъ ее Дельвигу только при письмѣ отъ 31 іюля 1827 года. (Соч., ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 280). А то, что Туманскому была извѣстна эта элегія въ рукописи, не

---

[1]) Анненковъ не совсѣмъ точно прочелъ помѣту: во II-мъ томѣ своего изданія (стр. 409) онъ сообщаетъ „26 іюля 1826“, а въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ (Спб., изд. 2-е, 1873, стр. 188)—даетъ другую дату.

[2]) А. С. Пушкинъ. Изд. Бартенева, II, М. 1885, стр. 127.

служитъ ли косвеннымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что и сонетъ Туманскаго былъ извѣстенъ Пушкину тоже въ рукописи.

IV.

Еще разъ остановимся на той строфѣ элегіи, которая рисуетъ характеръ увлеченія Пушкина Ризничъ. Въ 1828 году Пушкинъ писалъ о себѣ:

„Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой!“

Но всякая любовь индивидуальна.

Какой же характеръ нашла любовная схватка Пушкина въ 1823 году? Страсть къ Ризничъ оставила глубокій слѣдъ въ сердцѣ Пушкина своею жгучестью и муками ревности.

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ.
Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!“

Тяжелое напряженье любви, нѣжная, томительная тоска, безумство и мученье—вотъ характерные признаки увлеченія Пушкина, его страсти.

Послѣднее—вѣрнѣе. Современники разсказывали проф. Зеленецкому, что Ризничъ любила быть окруженной толпой поклонниковъ, что Пушкину приходилось соперничать изъ-за ея любви. Яркое изображеніе своихъ мукъ Пушкинъ оставилъ въ элегіи: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“. Многочисленные намеки на дѣйствительность объясняются только при предположеніи, что элегія обращена къ Ризничъ; проф. Зеленецкій въ своей статьѣ доказалъ это вполнѣ убѣдительно [1]).

---

[1]) Г. Морозовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. I, стр. 652) отказывается признать это стихотвореніе относящимся къ Ризничъ, на томъ основаніи, что въ немъ говорится о матери той особы, къ которой обращено стихотвореніе, а г-жа Ризничъ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ. Какъ разъ это обстоятельство и даетъ лишній мотивъ относить элегію къ Ризничъ, потому что, какъ указываетъ проф. Зеленецкій, первые шесть мѣсяцевъ по отъѣздѣ въ Россію при Ризничъ находилась ея мать. Кстати, это сообщеніе даетъ указаніе и на время страсти Пушкина къ Ризничъ.

„Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой
И всѣхъ даритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
Мной овладѣвъ, мой разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣдѣ чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
Что жъ онъ тебѣ? Скажи: *какое право*
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?..
Въ нескромный часъ, межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?..
Но я любимъ... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю".

Это стихотвореніе было написано въ 1823 году и напечатано въ „Полярной Звѣздѣ" на 1824 годъ, съ многочисленными опечатками, заставившими Пушкина напечатать его вновь у Булгарина, въ „Литературныхъ Листкахъ" (февр. 1824 г., № 4, стр. 134). Здѣсь были исправлены ошибки, но зато исчезли строки, имѣющія автобіографическое значеніе и набранныя у насъ курсивомъ. Въ черновой рукописи подробнѣе обрисованъ соперникъ:

„Предательски тобой ободренный
Соперникъ мой надменный,

Всегда, всегда преслѣдуетъ меня.
Онъ вѣчно тутъ, колѣна преклоня.
Являюсь я—блѣднѣетъ онъ...
Иль иногда предупрежденный мной"....

И въ самомъ стихотвореніи, и въ набросках — яркая картина мукъ ревности, мукъ томительной и жгучей чувственной любви... Эта картина и изображеніе страсти въ элегіи „Подъ небомъ голубымъ" набросаны однѣми и тѣми же красками. Въ нашемъ воображеніи вырисовывается образъ обольстительной женщины, которая приковывала къ себѣ властью своей красоты и чувственнаго влеченія. Она умѣла возбуждать чувства ревности, могла измучить человѣка и хотѣла овладѣть всѣми. Первые мѣсяцы пребыванія Пушкина въ Одессѣ ознаменовались „безумными волненьями" любви къ Амаліи Ризничъ, и только подъ конецъ его пребыванія новая страсть, непохожая на эту, вытѣснила образъ Ризничъ изъ сердца Пушкина. Но періодъ увлеченія Ризничъ остался памятнымъ. Въ 1826 году Пушкинъ окончилъ въ Михайловскомъ шестую главу „Онѣгина"; въ ней мы находимъ слѣдующія строфы, въ печати выброшенныя. XV-я строфа ясно рисуетъ отношенія Пушкина къ чувству ревности:

„Да, да, вѣдь ревности припадки—
Болѣзнь, такъ точно, какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадки,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣетъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ, кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ, конечно, безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонитъ подъ топоръ".

Это описаніе ревности говоритъ о томъ, что поэту были хорошо знакомы ея муки. Слѣдующая строфа посвящена памяти той, которая заставила поэта перенесть всѣ терзанія, всю болѣзнь ревности:

„Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ, о, ты, которой
Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ!..

Какъ учать слабое дитя,
Ты, душу нѣжную мутя,
Учила горести глубокой;
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
Почій, мучительная тѣнь!"

Эта строфа является какъ бы комментаріемъ къ элегіи 1823 года: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты". Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что эти строфы вызваны воспоминаніями о Ризничъ.

V.

Къ Ризничъ принято относить стихотвореніе „Иностранкѣ" (Въ альбомъ):

„На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу,
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну
Въ разлукѣ, чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя!
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая".

Подъ этими стихами въ рукописи стоитъ слѣдующая помѣта: „Veux-tu m'aimer? 18, 19 mai 1824 Pl. s. D'.". Ризничъ получила заграничный паспортъ 30 апр. 1824 года и, по справкѣ проф. Зеленецкаго, выѣхала въ первыхъ числахъ мая. Съ нѣкоторой натяжкой можно было бы первыя числа мая дотянуть до 18, 19 мая для того, чтобы имѣть возможность относить эти стихи къ Ризничъ. Но этому мѣшаетъ, главнымъ образомъ, то, что первый его набросокъ мы находимъ въ записной книжкѣ 1820—21 года, т.-е. того времени, когда о Ризничъ Пушкинъ не имѣлъ никакого представленія. Другой черновой набросокъ этого стихотворенія мы встрѣчаемъ въ кишиневской тетради 1822 года. Во всякомъ случаѣ, первоначально Пушкинъ предназначалъ стихи для иностранки, намъ неизвѣстной; быть можетъ, въ окончательной редакціи онъ посвятилъ его Ризничъ, но тогда, конечно, на это стихотвореніе можно смотрѣть только

какъ на альбомную замѣтку, не болѣе, а не какъ на искреннее выраженіе глубокаго чувства; въ послѣднемъ случаѣ поэтъ не сталъ бы приспособлять къ моменту свои старые стихи. Вѣрнѣе всего относить эти стихи не къ Ризничъ, а къ особѣ, имя которой намъ неизвѣстно [1]).

Намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ опредѣлился совершенно ясно. Можемъ ли мы относить къ Ризничъ стихотворенія 1830 года: „Заклинаніе", элегію „Для береговъ отчизны дальной" и „Разставаніе"? Всѣ эти произведенія написаны Пушкинымъ осенью 1830 года, когда поэтъ сидѣлъ, окруженный карантинами, въ своемъ Болдинѣ, вдали отъ своей невѣсты, Н. Н. Гончаровой. Настроеніе Пушкина въ этотъ періодъ было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что передъ свадьбой онъ обращался мыслью не къ будущей своей женѣ, а къ памяти другой, умершей женщины. Несомнѣнно, по психологическимъ соображеніямъ, что всѣ три стихотворенія обращены къ одному лицу и составляютъ превосходную лирическую трилогію. „Заклинаніе" написано 17 октября; элегія—27 ноября; „Разставаніе", представляющее по содержанію своему какъ бы эпилогъ къ двумъ первымъ, имѣетъ помѣту 5 (8?) октября 1830; но есть нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ пріурочивать созданіе этого стихотворенія къ ноябрю [2]). Первая строфа „Разставанія" рисуетъ отношеніе поэта къ неизвѣстной намъ женщинѣ, вдохновившей его на трилогію:

„Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать".

Нечего и говорить о томъ, что тутъ поэтъ говоритъ не о Ризничъ. Никоимъ образомъ не могъ Пушкинъ вспоминать съ нѣгой робкой и унылой опустошительную страсть къ Ризничъ. „Заклинаніе" и элегія—изображеніе мистической, загробной любви Пушкина:

„О, если правда, что въ ночи
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,

---

[1]) Соч. Пушкина, ред. Морозова, 1903, т. I, стр. 656—658.
[2]) Сочиненія Пушкина, ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 503.

О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы—
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!
. . . .
Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять того . . . . .
. . . .
. . . . но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что я все твой.
(„Заклинаніе".)

Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ—за тобой!.."
(„Для береговъ отчизны дальной".)

Возвышенный и мистическій оттѣнокъ этой любви Пушкина никакъ не подходитъ къ той совершенно опредѣленной характеристикѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которую мы выше сдѣлали. Кромѣ того, признаніе этихъ стихотвореній за посвященныя Ризничъ прямо противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы получили, на основаніи анализа элегіи 1825 года „Подъ небомъ голубымъ". Въ послѣдней поэтъ говоритъ о своемъ равнодушіи къ памяти этой женщины, а въ стихахъ 1830 года—о своей любви, которой не уничтожила сама смерть. Наконецъ, мы уже указывали, что описанія разлуки въ „Заклинаніи" и элегіи „Для береговъ отчизны дальной" совершенно не соотвѣтствуютъ моменту разставанія въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ Ризничъ и Пушкина. Если вѣрно предположеніе, что замѣтка „Иностранкѣ" находится въ альбомѣ Ризничъ, то это только подкрѣпляетъ наше мнѣніе. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отрицать мнѣніе объ отношенія этой поэтической трилогіи 1830 года къ Амаліи Ризничъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго о характерѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, мы можемъ придти къ тому выводу, что и стихотвореніе, которымъ начинается

---

[1]) Нѣкоторое основаніе относить къ Ризничъ элегію „Для береговъ отчизны дальной ты покидала край чужой" даютъ первыя строки стихотворенія. Извѣстно, что Пушкинъ, отдавая въ печать свои стихи, всегда стремился уничтожить всѣ намеки, которые могли бы помочь добраться до дѣйствительности. Поэтому чрезвычайно любопытно указаніе Анненкова на то, что рукопись элегіи начиналась такъ: „Для береговъ чужбины дальной ты покидала край родной".

наша замѣтка, „Все въ жертву памяти твоей“, написанное въ 1825 году, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ Амаліи Ризничъ [1]).

Остается еще сказать объ одномъ стихотвореніи, которое связываютъ съ именемъ Ризничъ. Это—извѣстное „Воспоминаніе“ (1828), доставляющее много хлопотъ біографамъ поэта. Поэтъ съ грустью и тоской вспоминаетъ свои „утраченные годы“:

„Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые.
Но оба съ крыльями и пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!..“

Біографамъ поэта хочется во что бы то ни стало разузнать, кто эти двѣ тѣни. Если понимать стихотвореніе, какъ поэтическую метафору, то, пожалуй, поиски за мстящими тѣнями оказываются лишними. Анненковъ считаетъ весьма правдоподобнымъ, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ госпожу Ризничъ. Мы знаемъ, чему научила Ризничъ поэта: ее-то онъ ужъ ни въ какомъ случаѣ не могъ взять въ ангелы-хранители. Но кто же все-таки, спроситъ читатель, если не эти тѣни, то та умершая особа, которая вдохновила Пушкина на трилогію 1830 года и которая и за гробомъ владѣла мыслями поэта? При современномъ состояніи нашихъ данныхъ о Пушкинѣ, мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, это далеко не единственный вопросъ въ исторіи внутренней жизни поэта, который мы не можемъ рѣшать.

---

[1]) Въ своихъ замѣчаніяхъ объ этомъ стихотвореніи П. А. Ефремовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. VII, стр. 150) пишетъ: „мое будто бы „падающее“ мнѣніе основано на замѣчаніяхъ Анненкова, *знавшаго* дату 1825 (а не 1826 г.) и, тѣмъ не менѣе, отнесшаго стихи къ трилогіи: „Подъ небомъ голубымъ“, и т. д. Тутъ кроется недоразумѣніе: Анненковъ не высказывался по поводу отрывка „Все въ жертву памяти“. На стр. 347 перваго изданія „Матеріаловъ“, на которую ссылается П. А. Ефремовъ, Анненковъ предположительно относитъ къ трилогіи не этотъ отрывокъ, а другой (XII): „Все кончено“, и т. д. Мы видѣли, насколько справедливо мнѣніе Анненкова.

Подводя итоги нашимъ разысканіямъ, мы можемъ утверждать, что циклъ Ризничъ въ творчествѣ Пушкина обнимаетъ слѣдующія произведенія поэта: элегію 1823 года („Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“); элегію 1825 года („Подъ небомъ голубымъ“) и XV—XVI строфы шестой главы „Онѣгина“, оставшіяся въ рукописяхъ. Всѣ же остальныя стихотворенія, связывавшіяся съ именемъ Ризничъ, не могутъ быть относимы къ ней.

П. Щеголевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—ПѢСНИ ВЪ КАМЫШАХЪ.

Изъ Ленау.

1.

Солнце красное зашло,
Засыпаетъ день тоскливо;
Тамъ, гдѣ тихій прудъ глубокъ—
Надъ водой склонилась ива.

Какъ безъ милой тяжело!
Лейтесь, слезы, молчаливо,
Грустно шепчетъ вѣтерокъ,
Шелестятъ камышъ и ива.

Грусть—тиха и глубока,
Свѣтитъ образъ мнѣ далекій:
Такъ звѣзду межъ ивняка
Отражаетъ прудъ глубокій.

2.

Сумракъ, тучи... Гнется ива,
Дождь шумитъ среди вѣтвей,
Плачетъ вѣтеръ сиротливо:
— Гдѣ же свѣтъ звѣзды твоей?—

Ищетъ онъ звѣзды сіянья
Глубоко на днѣ морей.
Не заглянетъ въ глубь страданья
Кроткій свѣтъ любви твоей.

3.

Къ берегамъ тропой лѣсною
Я спускаюсь въ камыши,
Озаренные луною,—
О тебѣ мечтать въ тиши.

Если тучка набѣгаетъ—
Вѣтра вольнаго струя
Въ камышахъ въ тиши вздыхаетъ
Такъ, что плачу, плачу я...

Мнится мнѣ, что въ дуновеньѣ
Слышу голосъ твой родной,
И твое струится пѣнье,
И сливается съ волной.

4.

Заклубились тучи
Солнечный закатъ...
Вѣтеръ убѣгаетъ.
Трепетомъ объятъ.

Свѣтомъ блѣдныхъ молній
Сводъ изборожденъ,
Образъ ихъ летучій
Влагой отраженъ.

Мнится, что стоишь ты
Смѣло подъ грозой,
И играетъ вѣтеръ
Длинною косой...

5.

Надъ прудомъ луна сіяетъ,
И въ вѣнокъ изъ камышей
Розы блѣдныя вплетаетъ
Серебро ея лучей.

То оленей вереница
Пробѣжитъ въ ночной тиши,
То, проснувшись, вздрогнетъ птица
Тамъ, гдѣ гуще камыши...

Тихій трепетъ умиленья
И покорности судьбѣ,
Какъ вечернее моленье,
Въ сердцѣ—память о тебѣ.

II.—ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ.

1.

Отъ стужи воздухъ весь застылъ,
Хрустѣнье снѣга—подъ ногами,
Морозъ дыханье захватилъ,
Иду—поспѣшными шагами.

Молчитъ торжественно просторъ,
И—словно самъ себя хоронитъ—
При лунномъ свѣтѣ старый боръ
Къ землѣ устало вѣтви клонитъ.

Морозъ, мнѣ сердце остуди
Съ его волненіемъ и зноемъ!—
Пускай заснетъ оно въ груди,
Объято мертвеннымъ покоемъ.

2.

Чу! Воетъ волкъ въ лѣсной глуши.
Какъ дѣти—мать въ родномъ жилищѣ,
Онъ будитъ ночь въ ея тиши
И требуетъ кровавой пищи.

Отчаянно, чрезъ ледъ и снѣгъ,
Несутся вѣтры въ вихрѣ дикомъ,
Какъ будто бы ихъ грѣетъ бѣгъ...
Проснись, о, сердце, съ дикимъ крикомъ!

Пускай мученій темный рой,
Пусть призраки твои проснутся
И съ вьюгой сѣверной несутся—
Безумной тѣшиться игрой!

III.—ИЗЪ ЛИЛІЕНКРОНА.

1. Различными путями.

Мы разошлись не съ нынѣшнихъ временъ,
Твой стягъ—иной: я добивался съ бою
Лишь обладанья вражескихъ знаменъ,
Ты—благъ мірскихъ, и міръ—одно съ тобою.
Ты праотцевъ оберегаешь сонъ,
А я судьбу кую своей рукою,
Ты—вѣтеркомъ, я—бурей вдохновленъ,
Моя—борьба, ты обреченъ покою.

2. Послѣдній призывъ.

Изъ-подъ десятковъ копій, пронзившихъ грудь героя,
Роландъ освобождаетъ одну изъ мощныхъ рукъ
И рогъ къ устамъ подноситъ, и здѣсь, въ долинѣ боя,
Предсмертною мольбой несется рога звукъ...

Но нѣтъ вождю отвѣта: всѣ выбыли изъ строя...
И падаетъ онъ снова среди предсмертныхъ мукъ.
Такъ гибнущимъ я видѣлъ не одного героя,
И слышался изъ мрака послѣднiй рога звукъ.

3. Крикъ.

О, еслибы теперь, въ глухую осень,
Умчаться въ лѣсъ, гдѣ свищетъ ураганъ,
Гдѣ на меня изъ-за кольчуги соcенъ
Несется въ пѣнѣ загнанный кабанъ!

О, еслибъ я на кораблѣ корсаровъ
Былъ рулевымъ при шумѣ волнъ ночныхъ!
Блеститъ гарпунъ, готовый для ударовъ,
И ждетъ толпа товарищей моихъ...

О, еслибъ я, рукою стягъ сжимая,
На взмыленномъ конѣ былъ впереди,
Побѣдный путь свободѣ пролагая,
Хотя стрѣла дрожитъ уже въ груди!

Какъ тягостно мнѣ пѣть, какъ безполезно
Для мелкихъ душъ, погрязшихъ въ суетѣ!
Пусть жаворонокъ рвется къ высотѣ,—
Могилою поэта будетъ бездна.

4. Мертвая зыбь.

До самыхъ нѣдръ пучину ураганъ
Перевернулъ,
До тѣхъ высотъ, гдѣ—звѣздный караванъ,
Волной плеснулъ.

Вихрь-исполинъ лишь слабымъ вѣтеркомъ
Съ зарею сталъ,
И отъ него зыбь ходитъ ходуномъ,
Какъ прежде—валъ...

Безумствовалъ отъ счастья иль тоски
Морской просторъ?
„Зыбь мертвая“—такъ молвятъ рыбаки
Съ давнишнихъ поръ.

Въ тебѣ, поэтъ, покуда кровь кипитъ
И жгутъ тебя
Восторгъ, любовь, отчаянье иль стыдъ—
Ты—внѣ себя.

Но пылъ и гнѣвъ съ ихъ бурною волной—
Смѣняетъ дрожь...
Въ крови волненье стихнетъ, и покой
Ты обрѣтешь.

Какъ садоводъ, лелѣять станешь ты
Цвѣтовъ ростки,
Твоихъ поэмъ волшебные листы—
Твои вѣнки.

О. Михайлова.

ЗАДАЧИ
ГОРОДСКОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА
въ Западной Европѣ.

Всякій городъ, претендующій на репутацію благоустроеннаго, долженъ выполнить цѣлый рядъ требованій, разрѣшить нѣсколько трудныхъ задачъ, отъ которыхъ зависятъ здоровье и благоденствіе гражданъ; всѣ эти задачи давно и благополучно разрѣшены городами на Западѣ. Въ настоящее время, когда въ столицѣ, начиная съ Новаго года, вводится новое Положеніе 8 іюня 1903 г., съ цѣлью, надобно думать, оживленія самодѣятельности городского общественнаго управленія,—будетъ не излишне перечислить тѣ главнѣйшія задачи, которыя предстоитъ рѣшить ему и которыя такъ долго и напрасно ожидали своего разрѣшенія при порядкахъ, установленныхъ—особенно послѣднимъ Городовымъ Положеніемъ 1892 года. Съ другой стороны, небезполезно будетъ показать, какъ разрѣшались и какъ теперь уже разрѣшены такія задачи въ западно-европейскихъ городахъ.

I.

Наиболѣе элементарнымъ изъ всѣхъ требованій, какимъ должны удовлетворять города, является устройство мостовыхъ и уходъ за ними. Вопросъ, изъ какого матеріала дѣлать мостовыя, несмотря на свою кажущуюся простоту, не можетъ быть рѣшенъ однообразно даже для одного города. Не говоря уже о состояніи финансовъ, величины города, интенсивности движенія по той или другой улицѣ, даже го-

родской климатъ заставляетъ выбирать для мостовыхъ различные матеріалы. Такъ, въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ значительная часть мостовыхъ сдѣлана изъ литого асфальта. Такая мостовая на ряду съ торцовой производитъ мало шума. Но торцовая мостовая на Западѣ распространяется и вытѣсняетъ каменныя мостовыя медленнѣе, чѣмъ асфальтовыя, ибо лѣсъ тамъ сравнительно дорогъ. Наиболѣе же распространеннымъ матеріаломъ для мостовыхъ до сихъ поръ еще является граненый камень, имѣющій передъ нашимъ булыжникомъ преимущество правильной и ровной формы. Хотя мостовая изъ граненаго камня обходится дешево, тѣмъ не менѣе она считается на Западѣ невыносимо шумной и изнашивающей массу шинъ и обуви. Потому она, какъ мы уже замѣтили, вытѣсняется другимъ матеріаломъ, кромѣ асфальта и торца—еще слѣдующимъ. Съ недавняго времени въ Соединенныхъ-Штатахъ стали распространяться травяныя мостовыя. Трава, употребляемая для производства мостовой, собирается на солончаковыхъ лугахъ, составляющихъ побережье Атлантическаго океана. Она насыщается смолистымъ масломъ и камедью и, образовавъ плотную массу, рѣжется на небольшіе пласты. Такая мостовая эластична, ни жары, ни дожди не оказываютъ на нее вліянія, и ремонтировать ее приходится только черезъ пять лѣтъ.

Однако, недостаточно выбрать и построить мостовую, нужно также умѣть уничтожать ложащуюся на нее пыль. Борьба съ пылью—боевой лозунгъ почти всѣхъ городовъ Россіи. Самымъ распространеннымъ средствомъ противъ нея, какъ въ Россіи, такъ и за границей, является поливка улицъ водой. Но даже за границей, гдѣ, вслѣдствіе обилія зелени и частоты дождей, въ общемъ гораздо меньше пыли, чѣмъ у насъ,—одной водой не удовлетворяются. Въ небольшихъ городахъ, деревняхъ и на большихъ дорогахъ, гдѣ мостовыя обыкновенно состоятъ изъ битаго камня, ихъ стали поливать разжиженной смолой. Такъ, во Франціи, въ департаментѣ Гаронны, осмаливаніе улицъ шириною въ четыре метра обходится въ 300 франковъ за километръ, что̀ не дорого, если принять во вниманіе рѣдкость такой поливки. Въ Женевѣ и Монако нѣкоторыя улицы поливаются разъ въ мѣсяцъ дегтярнымъ растворомъ. Послѣдняго достаточно тамъ для того, чтобы не было пыли и мостовыя не впитывали въ себя дождевой воды. Во многихъ городахъ Калифорніи улицы поливаютъ нефтью. Этотъ способъ поливки оказался тамъ выгоднымъ: онъ даетъ экономію до 40% по сравненію съ расходами на поливку улицъ водой. Поливка нефтью производится въ Калифорніи по мѣрѣ возникновенія пыли: въ общемъ не часто. Нефти требуется до 5.000 литровъ на одинъ километръ. Ясно, что поливка такого рода примѣнима только тамъ, гдѣ нефть добывается или крайне дешева.

Однако, на городскихъ улицахъ лежитъ не только пыль, но и мусоръ. Для уничтоженія уличнаго, двороваго и домашняго мусора придумано новое средство, Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ городахъ не ограничиваются только вывозомъ его за предѣлы города, а строятъ мусоросжигательные заводы, которые болѣе распространены въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ. Въ виду новизны и значенія этихъ заводовъ остановимся на нихъ нѣсколько дольше.

Мусоросжигательные заводы открыты въ четырехъ частяхъ Лондона. Населеннѣйшею изъ нихъ является Уайтчэпель—293.548 жителей. Заводъ Уайтчэпеля сжигаетъ мусоръ не всего населенія, а лишь 80.000 жителей. Печь имѣетъ 12 отдѣленій, сжигающихъ девяносто возовъ мусора въ день. Вышина трубы равняется 130 футамъ. Теплота, получающаяся при сжиганіи, утилизируется въ качествѣ силы, двигающей двумя вентиляторами. Электрическій заводъ для освѣщенія также пользуется частью этой силы. Другой приходъ—Уандсвортъ (232.032 жителя) имѣетъ мусоросжигательный заводъ съ печью въ четыре отдѣленія. Она сжигаетъ мусоръ 73.000 жителей въ количествѣ 340 тоннъ еженедѣльно. Теплота отъ сжиганія превращается въ электричество, которое приводитъ въ движеніе вентиляторъ и освѣщаетъ заводъ съ прилегающими къ нему улицами. Труба возвышается на 150 футовъ. Приходъ Фельгэмъ, насчитывающій 137.285 жителей, сжигаетъ ежедневно до 120 возовъ мусора. Теплота идетъ на производство электричества. Лондонскій же приходъ Шордичъ—118.705 жителей—сжигаетъ въ своей печи съ двѣнадцатью отдѣленіями около 90 тоннъ мусора въ день. Ежедневный расходъ на рабочихъ, служащихъ и починку достигаетъ 2 шиллинговъ 7 пенсовъ съ тонны мусора. Къ этому нужно еще прибавить $11\frac{1}{2}$ пенсовъ на тонну для погашенія долга и для процентовъ на капиталъ. Оцѣнивая тонну каменнаго угля въ 28 шиллинговъ 6 пенсовъ, высчитываютъ, что экономія отъ сжиганія мусора равняется въ годъ 5.578 фунтамъ стерлинговъ. Теплота, развиваемая мусоромъ, идетъ на производство электрической силы и свѣта и равняется приблизительно 112 лошадинымъ силамъ на тонну сжигаемаго мусора. Муниципальныя бани, прачешныя и библіотеки Шордича освѣщаются и отапливаются этимъ электричествомъ.

Въ дѣлѣ утилизаціи мусора нѣкоторые другіе муниципалитеты мало уступаютъ столицѣ. Ливерпуль сжигаетъ на своемъ заводѣ мусоръ 150.000 жителей. Сила, получающаяся отъ этого, идетъ главнымъ образомъ на электрическіе трамваи. Утверждаютъ, что сжиганіе мусора вмѣсто угля даетъ ежегодное сбереженіе въ 2.500 фунтовъ стерлинговъ. Другой большой городъ, Бирмингэмъ, сжигаетъ на своемъ заводѣ около 60 тоннъ мусора въ день. Теплота идетъ на паровую

машину, двигающую вентиляторъ, ускоряющій сжиганіе, и въ генераторы электричества для освѣщенія завода и конюшенъ.

На континентѣ Европы мусоросжигательные заводы имѣются только въ Брюсселѣ, Гамбургѣ и Монако. Въ Цюрихѣ такой заводъ строится стараніями извѣстнаго намъ проф. Ѳ. Эрисмана. Брюссель даетъ, въ среднемъ, за годъ около пятидесяти милліоновъ пудовъ всякихъ отбросовъ. До постройки печи всѣ эти отбросы частью зарывались за городомъ въ землю, частью служили удобреніемъ для городскихъ полей орошенія, частью же продавались на удобреніе. Въ настоящее время почти всѣ городскіе отбросы сжигаются. Остатки отъ сжиганія городское управленіе намѣрено утилизировать такимъ образомъ, чтобы печь не только окупалась, но даже приносила городу доходъ. Остатки эти являются въ видѣ акалины, содержащей въ себѣ известь и другія вещества. Ихъ размельчаютъ и приготовляютъ изъ этого цементъ. Въ Гамбургѣ, гдѣ уже сравнительно давно дѣйствуетъ мусоросжигательный заводъ, городъ не въ силахъ удовлетворить всѣ поступающія требованія цемента. Брюссельскій мусоросжигательный заводъ обошелся, на наши деньги, въ 450.000 рублей.

II.

При изложеніи сущности раціональнаго уничтоженія сухихъ отбросовъ, настойчиво просится на очередь вопросъ объ удаленіи жидкихъ отбросовъ. Это — коренной вопросъ городского хозяйства и разрѣшается только путемъ устройства канализаціи. Какъ бы великолѣпенъ ни былъ городъ, но если въ немъ нѣтъ канализаціи, онъ не имѣетъ права считаться благоустроеннымъ. Канализація—это основа здоровья гражданъ. Многочисленныя наблюденія показали, что, по введеніи канализаціи, смертность стала сразу понижаться. Наиболѣе здоровымъ въ Германіи городомъ считается, помимо небольшого предмѣстья Берлина, Шёнеберга,—Шарлоттенбургъ. Шарлоттенбургъ—самый здоровый городъ; несмотря на то, что онъ самъ значителенъ,—онъ слился съ еще болѣе значительнымъ, міровымъ городомъ Берлиномъ. На тысячу жителей въ Шарлоттенбургѣ умерло за 1900 годъ 15,1, а за 1902—только 13,1. Смертность въ Шарлоттенбургѣ такъ низка отъ того, что онъ является однимъ изъ самыхъ чистыхъ городовъ въ Германіи, обладая, какъ и Берлинъ, отличной канализаціей. Послѣ Шарлоттенбурга меньше всего смертность (14,3 на тысячу за 1902 г.) наблюдается во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, обладающемъ одною изъ лучшихъ канализацій. Въ Гамбургѣ смертность на тысячу равнялась за 1902 годъ 16,4; въ 1900 году она равнялась 17,5. Въ Берлинѣ умирало въ 1900 г. 19 человѣкъ изъ тысячи, а въ 1902 г.—только

16,1 [1]). Благодаря хорошему устройству (поля орошенія и густота сѣти) канализаціи, столица Германіи здоровѣе многихъ небольшихъ городовъ и деревень. Наибольшею смертностью отличаются въ Германіи — Регенсбургъ, Гейдельбергъ, Боннъ, Бойтенъ, Кёнигсгютте, Кёнигсбергъ и Бреславль. Смертность въ этихъ городахъ колеблется между 26,1 и 22,4. До устройства канализаціи въ Мюнхенѣ, т.-е. въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, смертность равнялась тамъ, въ среднемъ, 38 на тысячу; въ 1882 году она понизилась до 30,3, въ 1885 г.—29,1, въ 1890—27 и, наконецъ, въ 1902 году—дошла до 21,4. Въ Лондонѣ, несмотря на его гигантскую величину, за 1902 годъ приходилось только 17,1 смертей на тысячу, между тѣмъ какъ за предъидущій годъ ихъ было 18,6. Въ томъ же 1902 году смертность была среди столицъ ниже лондонской только въ Амстердамѣ, Брюсселѣ, Стокгольмѣ и Берлинѣ. Изъ значительныхъ городовъ Италіи низкою смертностью отличается хорошо канализированный Туринъ (20,4 на тысячу за 1900 г.), между тѣмъ какъ лишенныя правильной канализаціи Флоренція (24,1) и Генуя обладаютъ высокою смертностью [2]).

Наиболѣе совершенной канализаціей является и болѣе предпочитаемая канализація съ полями орошенія. До признанія ея наиболѣе совершенной—практически дошли еще римляне. Устройство подземной канализаціи въ Римѣ было начато при Тарквиніѣ Древнемъ. Почвенныя воды и городскія нечистоты вмѣстѣ съ атмосферными осадками стекали по сѣти подземныхъ каналовъ въ главный коллекторъ—Cloaca maxima, а изъ него въ Тибръ. Однако городскіе отбросы скоро настолько загрязнили рѣку, что вызвали въ высшей степени важное, съ санитарной точки зрѣнія, измѣненіе въ удаленіи нечистотъ, а именно употребленіе ихъ на поливку садовъ и окружающихъ городъ полей. Германскій городъ Бунцлау обладалъ сплавной канализаціей еще въ XVI-мъ столѣтіи. Поля орошенія занимали 15 гектаровъ и на нихъ росли кормовыя травы и овощи [3]). Въ настоящее время изъ всѣхъ городовъ континентальной Европы наиболѣе обширной канализаціей съ полями орошенія обладаютъ Парижъ и Берлинъ. Послѣдній купилъ для своихъ полей орошенія 10.000 гектаровъ земли. На нихъ произрастаютъ травы, рожь, овесъ, свекла, клубника и пр. Почва берлинскихъ полей, состоящая главнымъ образомъ изъ песка, мѣстами изъ глины, очень подходяща для орошенія, такъ какъ легко пропускаетъ воду и воздухъ, вслѣдствіе чего грязныя воды очищаются

---

[1]) Geburten und Sterbefälle in deutschen Städten. München. Statistisches Amt, 1903.

[2]) Resoconto dell' aministrazione communale. Milano, 1901; стр. 168.

[3]) Dr. von Kahlden. Die Verwärtung städtischer Abfalstoffe in der Landwirthschaft. Dresden, 1903, стр. 5.

быстрѣе и лучше. Есть значительные и вмѣстѣ съ тѣмъ чистые города, которые обладаютъ хорошей сплавной канализаціей и направляютъ нечистоты не на поля орошенія, а въ рѣки. Такіе города—мы имѣемъ въ виду нѣкоторые прирейнскіе, затѣмъ Мюнхенъ и Туринъ,—загрязняя рѣки, подвергаютъ большой опасности здоровье всѣхъ прибрежныхъ жителей. Благодаря жалобамъ многихъ прирейнскихъ городовъ и деревень, германское правительство обязало Кельнъ, Дюссельдорфъ, Майнцъ, Мангеймъ и Франкфуртъ освѣтлять нечистоты до спуска ихъ въ рѣку. Но приборы для освѣтленія грязныхъ водъ при своей дороговизнѣ плохо справляются со своей задачей. Мюнхенъ и Туринъ, ссылаясь на быстроту теченія Изара и По, спускаютъ свои нечистоты неосвѣтленными, чѣмъ уничтожаютъ рыбное богатство рѣкъ, дѣлаютъ воду вредною для питья и опять-таки распространяютъ заразу. Доказано, что бациллы тифа, въ огромномъ количествѣ спускаемыя въ воду вмѣстѣ съ нечистотами, очень долго не умираютъ, уносимыя далеко теченіемъ рѣкъ. Такимъ путемъ, наиболѣе чистыя, наиболѣе многоводныя рѣки быстро подвергаются загрязненію, и вода ихъ становится негодной не только для питья, но и для купанья. Къ счастью, въ Западной Европѣ коллективное чувство самосохраненія, стремленіе къ чистотѣ, съ одной стороны, и законодательство, съ другой—положило и кладетъ конецъ дальнѣйшему загрязненію рѣкъ всякими отбросами. Не далѣе какъ въ серединѣ прошлаго столѣтія Темза была такъ загрязнена, что парламентъ прерывалъ свои засѣданія отъ зловонія. Почти такъ же загрязнена была до устройства полей орошенія Сена. Теперь Темза, несмотря на то, что на ней стоитъ величайшій городъ міра Лондонъ, не будетъ грязнѣе нашей Волги, въ которую совершенно свободно и въ огромномъ количествѣ валятъ всякую гадость.

III.

Загрязненіе рѣкъ и было главной причиной проведенія водопроводовъ изъ озеръ, ключей и подпочвы внѣ предѣловъ города. Какъ рѣчная вода, такъ и подпочвенная въ чертѣ города почти всегда загрязнена; потому рѣчные водопроводы, а тѣмъ болѣе колодцы сплошь и рядомъ являются источниками болѣзней, а городу очень важно имѣть чистую питьевую воду. Хорошій водопроводъ такъ же необходимъ, какъ чистый воздухъ. И вотъ за границей въ послѣднее время почти всѣ значительные города покинули рѣчные водопроводы, а если не совсѣмъ покинули, то на ряду со старыми рѣчными водопроводами провели воду изъ горныхъ источниковъ. Такъ сдѣлали Кёльнъ и Парижъ. Но наиболѣе благоустроенные города берутъ воду или изъ гор-

ныхъ источниковъ, или изъ большихъ, чистыхъ озеръ. Провели воду изъ горныхъ источниковъ большіе города: Вѣна, Мюнхенъ, Туринъ, Цюрихъ; изъ озеръ берутъ ее—Берлинъ, Ливерпуль и Гласго. Миланъ получаетъ подпочвенную воду при помощи электрическихъ машинъ, качающихъ воду за городской чертой на глубинѣ въ 30 саженъ. Интересно водоснабженіе въ сициліанскомъ городѣ Термини-Имерезе. Этотъ городъ издревле снабжался водой посредствомъ римскаго водопровода, полуразрушеннаго въ 1338 году. Обновленный муниципальный водопроводъ устроенъ въ 1866 году. Вода проведена изъ горныхъ источниковъ Брукато и настолько здорова, что въ холерный 1885 годъ, когда въ сосѣднемъ Палермо умерло около 1.000 человѣкъ, въ Термини-Имерезе насчитывалось всего пять случаевъ зараженія. Вода, проведенная изъ горъ, отличаясь бо̀льшей чистотою, чѣмъ озерная, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ истощаться, и потому, пожалуй, правильнѣе проводить воду изъ озеръ, особенно если они велики. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Петербургъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, можетъ получать воду изъ огромнаго Ладожскаго озера.

Въ связи съ обиліемъ чистой воды находится устройство муниципальныхъ бань и купаленъ. Не достаточно очищать городскія улицы, дворы и дома,—нужно, чтобы и сами граждане могли часто мыться и купаться. А это возможно только тогда, когда имѣются дешевыя бани и купальни. Въ этомъ отношеніи, кромѣ англійскихъ городовъ, особенно отличаются Мюнхенъ, Туринъ и Цюрихъ. Входная плата въ бани и купальни колеблется въ этихъ городахъ между 2½ и 20 копѣйками. Въ мюнхенской купальнѣ можно купаться и даромъ. Муниципальныя бани въ Миланѣ, Болоньѣ, Феррарѣ ничего не берутъ со школьниковъ, а въ Термини-Имерезе и въ Кальяно-ди-Баньи—съ бѣдныхъ. Въ Германіи бани устроиваются при самихъ народныхъ школахъ и безвозмездно предоставляются учащимся. Такія безплатныя бани встрѣчаются такъ же часто, какъ и кормленіе бѣдныхъ дѣтей въ школахъ завтраками. Чудными купальнями обладаютъ еще Вѣна и Кёльнъ. Въ Англіи мало купаленъ, но зато очень много муниципальныхъ бань, иногда соединенныхъ съ городскими прачешными.

IV.

Послѣ воды, снабженіе горожанъ доброкачественнымъ мясомъ является столь важной общественной службой, что на Западѣ городъ почти всегда самъ устроиваетъ бойни. Образцовыми бойнями считаются въ Европѣ мюнхенскія. На бойняхъ города Мюнхена скотъ убивается электричествомъ. При бойнѣ имѣется огромный ледникъ, гдѣ мясники сни-

мають отдѣленія для продолжительнаго храненія своего мяса. Вообще, устройство и чистота мюнхенскихъ боенъ—удивительная. Разъ городъ имѣетъ бойню, то вполнѣ естественно, что онъ строитъ и рынокъ. Но мало убивать скотъ и строить помѣщенія для продажи мяса и другихъ продуктовъ,—въ интересахъ гражданъ нужно также контролировать торговлю съѣстными припасами. Для этого въ благоустроенныхъ городахъ учреждаютъ лабораторіи для изслѣдованія доброкачественности пищевыхъ продуктовъ, назначаютъ спеціальную инспекцію, устанавливаютъ таксы на хлѣбъ и на мясо. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ и это оказывается недостаточнымъ для уничтоженія злоупотребленій торговцевъ. Поэтому, нѣкоторые города сами взялись за торговлю важнѣйшими жизненными припасами: хлѣбомъ, мясомъ и молокомъ. Примѣры муниципальной торговли хлѣбомъ и мясомъ имѣются также въ Россіи. Одесса открыла нѣсколько хлѣбныхъ лавокъ, Тифлисъ и Батумъ завели мясныя. Особенно же распространены хлѣбныя лавки въ Италіи. Городъ Катанія въ Сициліи захватилъ въ свои руки чуть ли не всю торговлю хлѣбомъ. Муниципальныя хлѣбныя лавки открыты, кромѣ того, въ Римини, Мантуѣ, Кремонѣ и въ нѣсколькихъ другихъ, менѣе значительныхъ пунктахъ. Въ Англіи—Честерфильдъ и Гласго торгуютъ хлѣбомъ. Манчестеръ торгуетъ и хлѣбомъ, и мясомъ. Гёддерсфильдъ продаетъ одно мясо. Города С.-Эленсъ, Ливерпуль, Нотингемъ, Вестъ-Гемъ, Гейтъ, Аштонъ, Эдинбургъ и, наконецъ, Гласго стали торговать стерилизованнымъ молокомъ, исключительно для того, чтобы уменьшить дѣтскую смертность.

V.

Всякій согласится, что чрезвычайно важно предоставлять людямъ чистый воздухъ, воду и пищу,—но необходимъ также и свѣтъ, раціональное освѣщеніе городскихъ улицъ и домовъ. Тьма содѣйствуетъ преступленіямъ, а потому нужно бороться и съ нею. Но тутъ возникаетъ вопросъ, какое освѣщеніе наиболѣе полезно? Несомнѣнно—электрическое и ацетиленовое. Газовое тоже во много разъ превосходитъ устарѣвшее керосиновое. Газовое освѣщеніе держится въ многочисленныхъ городахъ Европы, потому что въ нѣкоторыхъ городахъ муниципальный газъ служитъ не только для освѣщенія улицъ и домовъ, но и для отопленія. Въ Брюсселѣ, Женевѣ, Берлинѣ и во многихъ англійскихъ городахъ муниципальный газъ отпускается на нужды освѣщенія и кухни по очень дешевой цѣнѣ. Въ Брюсселѣ кубическій метръ газа стоитъ 10 (въ среднемъ) сантимовъ ($3^1/_2$ коп.). Но несомнѣнно, что газу не подъ силу долго конкуррировать съ болѣе ра-

ціональнымъ и даже практичнымъ — электричествомъ. Извѣстно, что газъ добывается изъ каменнаго угля,—между тѣмъ, есть страны (достаточно указать на Швейцарію, Данію, Италію), гдѣ каменнаго угля почти нѣтъ, или гдѣ онъ, какъ въ Россіи, дорогъ. Въ то же время большинство этихъ странъ обладаетъ горными рѣчками и водопадами, какъ бы напрашивающимися на эксплоатацію электрической силы для освѣщенія и приведенія въ движеніе трамваевъ и фабрикъ. Даже въ Англіи, гдѣ каменноугольныя копи разбросаны повсюду, а горныхъ потоковъ мало, многіе городскія управленія, послѣ газоваго освѣщенія, ввели электрическое. Бредфордъ, Манчестеръ, Ливерпуль, Больтонъ, Эдинбургъ, Гласго, Гёддерсфильдъ, Дублинъ и до двухсотъ другихъ городовъ построили электрическія станціи. Недалеко то время, когда послѣднихъ будетъ въ Англіи больше, чѣмъ газовыхъ заводовъ. Разъ въ Англіи электрическое освѣщеніе встрѣчается, то еще болѣе открыта ему дорога въ Швейцаріи, Италіи, Австріи, Франціи и южной Германіи, гдѣ масса горныхъ потоковъ и рѣкъ. Особенно отличается въ этомъ направленіи городское управленіе Женевы. При помощи своихъ быстро текущихъ рѣкъ Роны и Арвы, она добываетъ массу электрической силы, идущей на освѣщеніе, мастерскія, фабрики и заводы. Электрической силой Женевы пользуются въ качествѣ свѣта еще 17 сосѣднихъ коммунъ. Въ Германіи болѣе сорока городовъ воздвигли собственныя электрическія станціи. Производство электричества при помощи горныхъ рѣкъ въ Австріи распространеннѣе многихъ другихъ муниципальныхъ предпріятій. Оно встрѣчается въ городахъ: Амштеттенѣ, Цнаймѣ, Прерау, Готчекъ, Иббсъ, Клостернейбургъ. Городскія управленія Боцена и Мерана совмѣстно потратили въ 1897 году одинъ милліонъ гульденовъ на постройку общей электрической станціи. Но еще болѣе, если не практически, то пока теоретически, занимаетъ вопросъ объ эксплоатаціи гидравлической силы Италіи. „Бѣлый уголь", т.-е. вода, долженъ замѣнить черный, т.-е. каменный—вотъ лозунгъ итальянскихъ городскихъ и общественныхъ дѣятелей. Вычислено, что если эксплоатировать теченіе всѣхъ горныхъ рѣкъ Италіи, то получится 5 милліоновъ лошадиныхъ силъ, изъ которыхъ въ настоящее время утилизируются частными фабриками, заводами и городскими управленіями только 300.000 силъ. Лошадиная сила, произведенная углемъ, обходится въ Италіи, среднимъ числомъ, въ 1.000 лиръ (франк.), лошадиная же сила, произведенная паденіемъ воды, стоитъ, по крайней мѣрѣ, вдвое дешевле [1]). Этою дешевизною уже пользуются нѣкоторыя городскія управленія врозь и вмѣстѣ. Примѣръ совмѣстнаго устройства электрической станціи представляютъ небольшіе города Ананьи

---

[1]) P. Ghio. Notes sur l'Italie. Paris, 1901, стр. 45.

и Пальяно, эксплоатирующіе рѣчку Аньене для полученія свѣта и двигательной силы.

VI.

Удобные пути сообщенія теперь почти такъ же необходимы, какъ освѣщеніе. Значеніе ихъ все увеличивается съ ростомъ городовъ. Дешевые и быстрые трамваи и метрополитэны являются однимъ изъ способовъ разрѣшенія квартирнаго вопроса. Съ проведеніемъ трамваевъ уничтожается необходимость селиться въ переполненномъ и дорогомъ центрѣ города. Разъ окраины соединены съ центромъ трамвайными линіями, то люди недостаточные занимаютъ болѣе дешевыя квартиры вдали отъ центральной части и живутъ лучше. Городъ получаетъ еще бо̀льшую возможность расширяться, массовая же постройка новыхъ домовъ на окраинахъ часто ведетъ къ удешевленію небольшихъ квартиръ. Изъ значенія трамвая, какъ регулятора квартирныхъ цѣнъ, вытекаетъ то, что онъ, также какъ вода и свѣтъ, долженъ находиться въ собственности городского управленія [1]). Мюнхенскіе трамваи, приводимые въ движеніе муниципальнымъ электричествомъ, являются одними изъ самыхъ дешевыхъ и удобныхъ въ Германіи. Любой конецъ, съ одной или даже съ двумя пересадками, стоитъ 10 пфенниговъ, т.-е. 5 копѣекъ. Миланскій трамвай еще дешевле: конецъ стоитъ 10 чентезимовъ (сантим.), а съ 6 до 8 часовъ утра—5 чентезимовъ, т.-е. 2 копѣйки: утренніе часы удешевлены ради рабочихъ и служащихъ. Въ Туринѣ трамваи принадлежатъ двумъ акціонернымъ компаніямъ, изъ которыхъ одна—бельгійская. Несмотря на это, городское управленіе принудило ихъ понизить цѣны до 10 и 5 (утромъ) чентезимовъ. Примѣръ Милана увлекъ не только Туринъ, но и Марсель, гдѣ трамвай — частный. Бывшій соціалистическій магистратъ заставилъ марсельскую трамвайную компанію ввести однообразный тарифъ въ 10 сантимовъ. Низкій тарифъ обыкновенно не понижаетъ доходности трамваевъ. Вообще, изъ всѣхъ городскихъ службъ трамваи даютъ, пожалуй, наибольшую прибыль. Потому можно сказать, что городскія управленія Петербурга и Москвы съ пріобрѣтеніемъ трамваевъ могутъ много выиграть. Желательно только, чтобы они обставили ихъ такъ же хорошо, какъ въ Мюнхенѣ или въ англійскихъ городахъ.

Недавно въ руки нѣкоторыхъ муниципалитетовъ стало переходить другое средство сношенія—телефонъ, ставшій для многихъ почти столь же нужнымъ, какъ трамвай. Въ Англіи до десяти городовъ, въ

---

[1]) Къ сожалѣнію, даже въ Англіи, этой классической странѣ муниципализаціи, огромное большинство трамваевъ принадлежитъ и управляется частными компаніями.

числѣ которыхъ находятся Гласго, Гернси и Гёддерсфильдъ, муниципализировали телефонъ съ цѣлью пониженія стоимости пользованія имъ. Это не мѣшаетъ муниципалитетамъ получать съ телефоновъ значительную прибыль. Амстердамъ, Роттердамъ и Арнгемъ въ Голландіи, Христіанія и Трондгеймъ въ Норвегіи тоже имѣютъ дешевые городскіе телефоны. Плата за годичное пользованіе телефономъ колеблется въ Гернси между 14 рублями 50 копѣйками и 47 рублями, а въ Трондгеймѣ цѣна однообразная—33 рубля.

VII.

Мы только-что указали на то, что трамвайный вопросъ тѣсно связанъ съ квартирнымъ. И дѣйствительно, развитая сѣть трамваевъ регулируетъ до нѣкоторой степени квартирныя цѣны. Но еще болѣе понижающе на квартирныя цѣны дѣйствуетъ постройка домовъ самимъ городомъ. Она особенно въ ходу въ Англіи, гдѣ муниципалитеты содержатъ даже собственные отели. Муниципальные дома обыкновенно сдаются въ наемъ недостаточнымъ или малоимущимъ. Въ Гласго одно муниципальное зданіе предназначено для сдачи исключительно вдовамъ съ дѣтьми. Казалось бы, что дома съ дешевыми квартирами устраняютъ необходимость строить ночлежные дома, а на самомъ дѣлѣ не такъ. Въ томъ же благоустроенномъ Гласго—7 ночлежныхъ домовъ, изъ которыхъ одинъ исключительно для женщинъ. Эти ночлежные дома или, если хотите, отели, ибо они совершенно непохожи на наши „ночлежки“, снабжены всѣми удобствами. При нихъ имѣются бани, общія столовыя и читальни. Плата колеблется между 3 и $4^1/_2$ пенсами въ сутки, т.-е. между 12 и 18 копѣйками въ сутки. Манчестеръ построилъ нѣсколько зданій для рабочихъ. Одно изъ этихъ зданій, въ пять этажей, раздѣлено на массу маленькихъ квартиръ, въ двѣ комнаты каждая, и вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 800 душъ. Въ томъ же зданіи устроены баня, прачешная и сушильня. Въ настоящее время до 50 англійскихъ муниципалитетовъ построили дома для рабочихъ, что̀ не мало содѣйствовало разрѣшенію квартирнаго вопроса. Въ дѣлѣ постройки домовъ для рабочихъ нѣкоторое сравненіе съ Англіей могутъ выдержать только Германія и Швейцарія. Къ сожалѣнію, многіе германскіе города строятъ небольшіе дома для того, чтобы дать рабочимъ возможность пріобрѣсти ихъ въ собственность путемъ взносовъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Это ведетъ часто къ спекуляціи и другимъ злоупотребленіямъ со стороны пріобрѣтателей домовъ, построенныхъ муниципалитетами. Къ такого рода городамъ принадлежитъ Ульмъ, построившій наибольшее количество домовъ въ собствен-

ность рабочимъ, но имѣющій также неотчуждаемое зданіе, въ которомъ живутъ муниципальные рабочіе и служащіе. Квартира въ три комнаты стòитъ въ этомъ домѣ максимумъ 240 марокъ въ годъ. За подобныя же квартиры городское управленіе Нюрнберга взимаетъ максимумъ 260 марокъ, а Карлсруэ—200 марокъ, т.-е. менѣе 100 рублей въ годъ за три комнаты съ кухней, водой, газовымъ освѣщеніемъ, теплымъ клозетомъ, погребомъ и чердакомъ. Такія удобства, при очень низкой платѣ, не слыханы у насъ въ Россіи.

Англійскіе муниципалитеты, строя новые дома для неимущихъ, предварительно покупаютъ наиболѣе старые, тѣсные и грязные кварталы и разрушаютъ ихъ. Этимъ городскія управленія „убиваютъ сразу двухъ зайцевъ“: понижаютъ квартирныя цѣны и дѣлаютъ городской воздухъ болѣе чистымъ. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно назначать квартирныя инспекціи, предписывать высоту и вообще величину комнатъ, ширину дворовъ и улицъ, а нужно, по мѣрѣ средствъ, вырывать зло съ корнемъ. Разрушить грязный кварталъ—это значитъ спасти жизнь сотнямъ человѣческихъ существъ. Иногда бываетъ такъ, что на мѣстѣ разрушеннаго квартала разводится садъ, расширяются „легкія“ города, ибо развести садъ—это не значитъ только украсить городъ, а и очистить его воздухъ. Тутъ мы видимъ, какъ важно имѣть городу свою свободную землю, на которой можно построить и дома, и которую можно обсадить деревьями. Покупка земли обходится англійскимъ муниципалитетамъ въ милліоны, русскія же городскія управленія, имѣющія массу своей земли, вовсе не строятъ на ней домовъ, и лишь изрѣдка разводятъ сады.

VIII.

Очень важною областью дѣятельности является забота нѣкоторыхъ городовъ о безработныхъ, о людяхъ, ищущихъ занятій. Муниципальныя бюро для прiисканія занятій—явленіе очень распространенное въ Германіи и Швейцаріи. Частная дѣятельность въ этой области служитъ обыкновенно цѣлямъ эксплоатаціи, и тамъ, гдѣ она распространена (Россія, Франція), можно желать только ея скорѣйшаго уничтоженія. Можетъ быть, бюро для найма прислуги въ Петербургѣ—первый шагъ для устраненія частныхъ предпринимателей,—шагъ, за которымъ скоро послѣдуютъ другіе. Не ограничиваясь пріисканіемъ занятій, нѣкоторые швейцарскіе города, напримѣръ Бернъ, дѣлаютъ попытки страхованія отъ безработицы. Германскіе же города обыкновенно затѣваютъ въ этомъ случаѣ общественныя работы, давая такимъ образомъ возможность существовать страдающимъ отъ

кризиса и безработицы. То же дѣлаютъ многіе города въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ. Въ такомъ же зачаткѣ, какъ страхованіе отъ безработицы, находится городское страхованіе отъ пожаровъ. Первый примѣръ этого рода подалъ Гласго, рѣшившій самъ застраховать себя и избавиться отъ частныхъ компаній. За нимъ послѣдовалъ Рочдэль [1].

Ясно, что недостаточно еще заботиться вообще о рабочихъ,—муниципалитетъ долженъ ставить въ благопріятныя условія и тѣхъ, руками которыхъ поддерживается порядокъ въ городѣ, т.-е. муниципальныхъ рабочихъ и служащихъ. Такихъ рабочихъ съ каждымъ днемъ становится все больше и больше, ибо число городскихъ службъ все увеличивается и увеличивается. Нѣкоторые города начали уже строить дома съ дешевыми квартирами для своихъ рабочихъ и служащихъ. Швейцарскія и англійскія городскія управленія не только дѣлаютъ это, но и сокращаютъ рабочій день и увеличиваютъ заработную плату. Восьмичасовой трудъ введенъ въ Цюрихѣ. Въ Лозаннѣ установленъ минимумъ заработной платы въ 5 франковъ въ день. Въ Цюрихѣ этотъ минимумъ равняется 4 франкамъ. Минимумъ заработной платы установленъ еще въ Винтертурѣ и Билѣ. Въ Гёддерсвильдѣ и другихъ англійскихъ городахъ трамвайные служащіе пользуются восьмичасовымъ рабочимъ днемъ. Въ Германіи мюнхенскій муниципалитетъ опредѣлилъ максимумъ рабочаго дня въ $9^1/_2$ часовъ. Вспомогательныя и пенсіоньыя кассы для муниципальныхъ рабочихъ и служащихъ имѣются въ 40 городахъ Германіи.

Всѣ вышеприведенныя службы и предпріятія такъ важны, что должны вестись самимъ городомъ. Исключеніе могутъ составлять хлѣбныя и мясныя лавки, но не потому, что они хорошо ведутся частными предпринимателями. Они ведутся частными предпринимателями сносно только тогда, когда есть сдерживающее начало, конкуррентъ-регуляторъ. Такимъ конкуррентомъ, и притомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ муниципалитетъ, являются потребительныя общества, занимающіяся производствомъ и продажей хлѣба, мяса и другихъ продуктовъ первой необходимости. Предпріятія потребительныхъ обществъ, во-первыхъ, распространеннѣе муниципальныхъ, а во-вторыхъ, они не носятъ бюрократической окраски, болѣе гибки и жизненны. Они лучше конкуррируютъ съ частными предпріятіями, а если рискуютъ, то за страхъ группы гражданъ, добровольно образовавшихъ потребительное общество. Городское же управленіе отвѣтственно за убытки передъ всѣми гражданами и имѣетъ слишкомъ много дѣлъ для того, чтобы успѣвать и въ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ, упомянутыя торговыя предпріятія

[1] „Municipal Journal“. London, отъ 12 января 1900 года.

не имѣютъ по природѣ своей монопольнаго характера: это не водопроводъ, не освѣщеніе, не трамвай. Двухъ трамваевъ на одной и той же улицѣ не проведешь, и потому, когда трамвай находится въ рукахъ частной компаніи, послѣдняя чувствуетъ себя единственнымъ хозяиномъ положенія и дѣлаетъ болѣе или менѣе все, что хочетъ. Въ торговлѣ же мясомъ, напримѣръ, конкуррируетъ между собой масса мясниковъ, и если съ ними, въ свою очередь, конкуррируетъ потребительное общество, то можно быть увѣреннымъ, что цѣны не поднимутся выше нормальнаго. Другое дѣло—когда хлѣбныя и мясныя лавки открываются городомъ съ чисто благотворительною цѣлью, какъ въ Италіи. Тогда они имѣютъ полное право на существованіе рядомъ съ потребительными обществами, которыя не могутъ отпускать хлѣба въ убытокъ или даромъ. Даже нѣкоторыя изъ другихъ муниципальныхъ предпріятій должны въ ближайшемъ будущемъ превратиться въ даровыя. Въ Англіи огромная прибыль, получаемая городами съ муниципальныхъ промышленныхъ предпріятій, идетъ пока на сокращеніе налоговъ, и только Гласго достигъ того, что тамъ совсѣмъ нѣтъ муниципальныхъ налоговъ. Со временемъ же, когда города избавятся отъ огромныхъ долговъ и уничтожатъ налоги, можно будетъ сдѣлать даровыми сначала канализацію и воду, а затѣмъ—освѣщеніе и т. д. Вѣдь уже теперь въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи и Италіи бани и купальни предоставляются публикѣ даромъ. Кромѣ бань, какъ мы уже упомянули, въ Италіи, Франціи и Германіи практикуется кормленіе завтраками въ народныхъ школахъ. Отъ безвозмездности для нѣкоторыхъ категорій лицъ до общей безвозмездности предметовъ первой необходимости разстояніе не особенно великое. Въ Италіи это уже начинаютъ понимать. Вода отпускается всѣмъ жителямъ почти задаромъ въ городѣ Нарни, гдѣ водопроводъ былъ построенъ еще римлянами. Въ Беневенто и Губбіо она предоставляется совсѣмъ даромъ. Мессина открыла въ январѣ 1901 года помѣщенія въ шести частяхъ города, гдѣ можно было даромъ насыщаться хлѣбомъ. Но такихъ примѣровъ пока еще очень мало. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ муниципалитеты могутъ теперь только понижать цѣны. Примѣровъ пониженія, напротивъ, много. Въ Англіи, сравнительно, подешевѣли вода, освѣщеніе и трамвай съ тѣхъ поръ, какъ городскія управленія стали или выкупать эти службы у частныхъ компаній, или строить сами. Во Франціи городъ Туркуэнъ понизилъ цѣну газа, послѣ его выкупа у частной компаніи, съ 22½ до 12 сантимовъ за кубическій метръ. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ электричество отпускается муниципалитетомъ на 20% дешевле, чѣмъ въ Гамбургѣ, гдѣ хозяйничаетъ акціонерная компанія. Въ Барменѣ рабочимъ трамвай обходится только въ 5 пфенниговъ, т.-е. 2 копѣйки, между тѣмъ какъ цѣны на част-

ныхъ трамваяхъ никогда не бываютъ ниже 10 пфенниговъ за самый маленькій конецъ.

Изъ нашего очерка явствуетъ одно, что примѣромъ городского благоустройства и сложными соціальными экспериментами нынѣ отличаются Англія, Швейцарія, Германія и Италія; мы же стоимъ далеко, далеко ниже ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Гдѣ же искать причину такого отсутствія благоустройства русскихъ городовъ? Она заключается, главнымъ образомъ, въ коренномъ юридическомъ различіи между заграничнымъ *самоуправленіемъ* и нашимъ городскимъ *управленіемъ*. Тамъ избирательными правами пользуются всѣ неопороченные граждане, и такимъ образомъ городское хозяйство безъ труда направляется въ интересахъ городскихъ массъ. У насъ же городское управленіе—до самаго послѣдняго времени—было въ рукахъ небольшой части населенія, огромная же масса горожанъ оставалась, да и теперь еще остается вовсе лишенною избирательнаго права. Первый шагъ къ допущенію пока небольшой части обывателей (такъ-называемыхъ квартирантовъ, живущихъ по крайней мѣрѣ въ тысячной квартирѣ) только-что сдѣланъ въ Петербургѣ, и надобно думать, что онъ послужитъ къ дальнѣйшему расширенію избирательнаго права—и къ дальнѣйшему распространенію послѣдней реформы городского самоуправленія на всѣ, безъ исключенія, города имперіи.

В. Тотоміанцъ.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ

и

ЕГО СУДЬБЫ

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Выпускъ V и VI. Изданіе департамента окладныхъ сборовъ. Спб. 1903.

„Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи“ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о продажѣ и куплѣ земли въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи, составленныя на основаніи оглашеній переходовъ имуществъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“.

Выпускъ I „Матеріаловъ“, заключающій въ себѣ данныя за 1893 г., изданъ былъ въ 1896 г.[1]); затѣмъ вышли выпуски II и III (свѣдѣнія за 1894 и 1895 гг.)—въ 1898 г., и вып. IV—въ 1901 г.; въ послѣднемъ сгруппированы данныя за тридцатилѣтіе 1863—92 гг., т.-е., начиная со времени учрежденія въ Россіи нотаріата. Первые четыре выпуска, составленные по порученію министра финансовъ, вышли подъ редакціей члена совѣта министерства финансовъ А. Е. Рейнбота; при этомъ, начиная съ II-го выпуска, при обработкѣ данныхъ были введены нѣкоторыя улучшенія, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ томъ, что сдѣлки о продажѣ и куплѣ земель, группировавшіяся въ I-мъ выпускѣ по срокамъ оглашенія,—начиная съ II-го стали разработываться по годамъ утвержденія ихъ старшими нотаріусами. Для большей сравнимости данныхъ за 1893 годъ съ таковыми за остальные годы, вы-

---

[1]) Отзывы о выпускѣ I „Матеріаловъ“ былъ помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европы“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

пускъ I-ый въ переработанномъ видѣ изданъ въ 1903 г. (вып. V); наконецъ, въ VI-мъ выпускѣ, вышедшемъ также въ нынѣшнемъ году, помѣщены свѣдѣнія за 1896 годъ. Разработка свѣдѣній, помѣщенныхъ въ послѣднихъ двухъ выпускахъ, производилась сначала подъ руководствомъ того же А. Е. Рейнбота, затѣмъ—В. В. Святловскаго. Такимъ образомъ, выпуски II-ой—VI-ой „Матеріаловъ" заключаютъ въ себѣ данныя по движенію земельной собственности въ Россіи за 34 года, т.-е. почти за весь пореформенный періодъ. Это одно уже дѣлаетъ изданіе „Матеріаловъ" не только интереснымъ, но и весьма важнымъ для цѣлей какъ научныхъ, такъ и практическихъ.

Обращаясь къ содержанію „Матеріаловъ", видимъ, что въ большинствѣ выпусковъ (во II, III и VI) случаи продажи-купли земель, количество самыхъ земель и стоимость ихъ—распредѣлены по размѣрамъ продаваемыхъ имѣній, по продавцамъ, покупателямъ, по губерніямъ и уѣздамъ. Такимъ образомъ пользующійся „Матеріалами" имѣетъ возможность прослѣдить движеніе землевладѣнія и стоимость земли по каждому виду владѣнія (дворянскаго, купеческаго, крестьянскаго и др.) и по каждой губерніи (въ поуѣздныхъ таблицахъ приводятся основныя данныя, сгруппированныя только по размѣрамъ проданныхъ участковъ). Къ сожалѣнію, при разсмотрѣніи своднаго (IV-го) выпуска, такой полной картины не получается, такъ какъ въ немъ приведена группировка данныхъ не по каждой губерніи, а по группамъ губерній. Самыя же группы губерній (районы), принятыя въ IV-мъ выпускѣ, на нашъ взглядъ, не вполнѣ удачно составлены. Такъ въ одну группу соединены губерніи: псковская, с.-петербургская, новгородская, олонецкая, вологодская, вятская и пермская, т.-е. вся сѣверная полоса Европейской Россіи (исключая архангельской, свѣдѣнія о которой совсѣмъ не вошли въ „Матеріалы"). Одинъ этотъ перечень губерній уже указываетъ на неприменимость соединенія данныхъ экономическаго характера, каковымъ является и движеніе земельной собственности, по столь разнороднымъ въ географическомъ, климатическомъ, этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ мѣстностямъ, какъ Пріуралье и Сѣверо-западъ коренной Россіи — Псковской край. Думается—пополнить IV-ый выпускъ погубернскими свѣдѣніями не представитъ затрудненій въ техническомъ отношеніи; если же работа эта уже произведена при подсчетѣ порайонныхъ итоговъ, то весь вопросъ сводится къ размѣру самаго выпуска, который, вмѣсто 133 страницъ настоящаго своего объема, разроссся бы до 500 страницъ, т.-е. былъ бы нѣсколько полнѣе обычнаго размѣра остальныхъ погодныхъ выпусковъ.

Въ выпускѣ V-мъ (передѣлка свѣдѣній за 1893 г.) имѣются однѣ сводныя погубернскія таблицы; отсутствуютъ же подробности какъ

по каждой губерніи въ отдѣльности, такъ и по уѣздамъ, что не даетъ возможности сравнивать данныя за этотъ годъ съ данными за послѣдующіе 1894—96 гг. Будетъ ли выпускъ V-й дополненъ и сравненъ по объему содержанія съ остальными погодними выпусками—изъ предисловія къ нему не видно.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній объ исполненіи самыхъ „Матеріаловъ" приведемъ нѣкоторые выводы, которые можно получить при разсмотрѣніи ихъ.

За 34-лѣтній періодъ—съ 1863 по 1896 г.—въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи (въ „Матеріалы" не вошли данныя о губерніяхъ царства польскаго, прибалтійскихъ, кавказскихъ, архангельской и астраханской, а также по вел. княж. финляндскому) поступило въ продажу свыше 93 милліоновъ десятинъ земли, что составляетъ, въ среднемъ, около 3 милл. десятинъ въ годъ. Особенной напряженности продажа земель достигла въ десятилѣтіе 1873—82 гг., когда, въ среднемъ, ежегодно продавалось свыше 3.300.000 десятинъ; въ 1879 г. цифра эта достигла 4.600.000. Въ общемъ, за 34 года, результатѣ, около 70% всѣхъ обращенныхъ въ продажу земель—свыше 65 милліоновъ десятинъ — принадлежало дворянамъ; изъ этого количества вновь куплено дворянами же 37½ милліоновъ десятинъ, а остальные почти 28 милліоновъ перешли къ владѣльцамъ-недворянамъ [1]). Убыль дворянскаго землевладѣнія, въ среднемъ, составляетъ 818 тыс. десятинъ въ годъ; менѣе чѣмъ на полмилліона десятинъ сокращалось дворянское землевладѣніе въ 1863, 1864, 1866 и 1877 гг. (въ 1877 г. оно сократилось всего на 266 тыс. десятинъ); свыше милліона десятинъ дворянство утрачивало въ 1865, 1879, 1880, 1881, 1884, 1885 и 1893 гг.; при этомъ необходимо оговориться относительно 1879 г., когда убыль достигла громадной цифры 2½ милліоновъ десятинъ, тогда какъ слѣдующія максимальныя цифры (въ 1865 и 1885 гг.) не превышаютъ 1½ милліона десятинъ. Въ 1879 году, за счетъ дворянскаго землевладѣнія особенно сильно возросла группа разносословныхъ совладѣльцевъ, въ число которыхъ вошли и дворяне; группа эта пріобрѣла свыше 1.600.000 десятинъ, которыя цѣликомъ падаютъ на пять сдѣлокъ въ районѣ сѣверныхъ губерній и, судя по низ-

---

[1]) Въ дѣйствительности убыль дворянскаго землевладѣнія нѣсколько меньше, такъ какъ нами не принята въ разсчетъ группа разносословныхъ союзовъ и товариществъ, въ составъ которыхъ входятъ и дворяне. Эта группа за разсматриваемый 34-хъ-лѣтній періодъ пріобрѣла свыше одного милліона десятинъ. Какая доля этого количества приходится дворянамъ—опредѣлить нельзя. Во всякомъ случаѣ, при исключеніи этихъ данныхъ изъ разсчета, ошибка составитъ не болѣе 4%,—слѣдовательно, не измѣнитъ общаго характера движенія землевладѣнія среди различныхъ группъ владѣльцевъ.

кой продажной цѣнѣ (20 руб. за 1 десятину), — въ какой-либо изъ окраинъ Европейской Россіи—въ какой именно—изъ выпуска IV опредѣлить нельзя, по причинамъ, выясненнымъ выше. Если считать, что ко времени уничтоженія крѣпостного права во владѣніи дворянъ, за вычетомъ площади, отошедшей въ надѣлъ крестьянамъ, было 79 милліоновъ десятинъ земли [1]), то оказывается, что въ пореформенный періодъ (не считая первыхъ двухъ лѣтъ послѣ 19 февраля) по 1896 г., за 34 года, сословіе это утратило около 35%, или болѣе одной трети своего земельнаго богатства.

Недворянскаго землевладѣнія въ дореформенное время, можно сказать, совсѣмъ не существовало—оно цѣликомъ выросло въ четыре послѣднія десятилѣтія и притомъ цѣликомъ за счетъ землевладѣнія дворянскаго. За разсматриваемые 34 года, 28 милліоновъ десятинъ отошедшей отъ дворянъ земли куплены были, главнымъ образомъ, крестьянами и купцами. Крестьяне (считая въ томъ числѣ казаковъ и другихъ „сельскихъ обывателей“) за 34 года пріобрѣли около 12½ милліоновъ десятинъ, что̀, въ среднемъ, составляетъ по 366 тысячъ десятинъ въ годъ. Купцы скупили за то же время свыше 10 милліоновъ десятинъ, или по 300 тысячъ въ годъ; остальные пять съ небольшимъ милліоновъ десятинъ бывшей дворянской земли перешли во владѣніе различныхъ учрежденій и лицъ другихъ сословій (почетныхъ гражданъ, мѣщанъ, разносословныхъ товариществъ и др.).

Въ первые годы разсматриваемаго въ „Матеріалахъ“ періода за счетъ дворянства развивалось, главнымъ образомъ, землевладѣніе купцовъ, ростъ котораго, въ среднемъ, равнялся 400 тыс. десят. въ годъ, тогда какъ крестьянское увеличивалось всего по 155 тыс. десятинъ. Затѣмъ, скупка земель крестьянами, возростая количественно, почти сравнялась съ купеческою, и во второе десятилѣтіе, въ среднемъ, ими прикупалось (считая окончательный результатъ движенія землевладѣнія, т.-е. разницу между куплей и продажей) по 340 тыс. десятинъ въ годъ; купцы же за это десятилѣтіе увеличивали свое землевладѣніе по 380 тыс. десятинъ. Въ третье десятилѣтіе (1883—1892 гг.) крестьяне, по количеству пріобрѣтаемой земли, заняли первое мѣсто—свыше 550 тыс. десятинъ ежегодно, противъ 172 тыс.—прироста купеческаго землевладѣнія [2]).

---

[1]) А. А. Рихтеръ: „Цифровыя данныя о поземельной собственности въ Европ Россіи“. Спб. 1897.

[2]) На усиленіе роста крестьянскаго землевладѣнія до нѣкоторой степени вліяло открытіе въ 1883 г. крестьянскаго банка. При содѣйствіи этого учрежденія въ первое десятилѣтіе его существованія пріобрѣтено крестьянами 1.891.000 дес. земли (см. отчеты крестьянскаго банка за разные годы), что̀ составляетъ 34% всего роста крестьянскаго землевладѣнія за тотъ же періодъ (5.542.000 дес.).

Въ годы особенно сильной убыли дворянскаго землевладѣнія (исключая 1879 годъ, о которомъ сказано выше) главными покупщиками являлись въ первое время купцы, а впослѣдствіи—крестьяне, что̀, какъ мы уже видѣли, совпадаетъ съ общимъ движеніемъ роста того и другого владѣнія. Такъ, въ 1865 г. изъ 1.496.000 десятинъ земли, отчужденной путемъ продажи отъ дворянъ, пріобрѣтено купцами 1.278.000 дес., крестьянское же землевладѣніе за этотъ годъ увеличилось всего на 43 тыс. дес. Черезъ 20 лѣтъ, въ 1885 г., изъ 1.415.000 дес. отчужденной отъ дворянъ земли перешло къ купцамъ 329 тыс., къ крестьянамъ же—704 тыс. дес.; наконецъ, въ 1893 г. изъ 1.131.010 дес. убыли дворянскаго — увеличилось землевладѣніе купцовъ всего на 148 тыс., крестьянское же—на 602 тысячи десятинъ.

Нотаріальныя данныя о продажныхъ цѣнахъ на землю принято у насъ, въ Россіи, считать за малодостовѣрныя. Лица, совершающія сдѣлки на земли, обыкновенно, въ видахъ сокращенія расходовъ по утвержденію крѣпостныхъ актовъ, уменьшаютъ продажную цѣну противъ дѣйствительной, вслѣдствіе чего и среднія цѣны на землю по даннымъ нотаріата выходятъ преуменьшенными. Замѣчено также, что преуменьшеніе это почти всегда стоитъ въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными цѣнами данной мѣстности; вслѣдствіе этого, нотаріальныя данныя, мало достовѣрныя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, все-таки представляютъ если не прямой, то относительный интересъ, особенно при изученіи движенія цѣнъ на землю за различные періоды времени и при сравненіи цѣнъ одной мѣстности съ цѣнами другой.

Въ „Матеріалахъ" вообще не имѣется выводныхъ данныхъ; нѣтъ въ нихъ и среднихъ продажныхъ цѣнъ на землю, но они даютъ возможность вычислить послѣднія за нѣкоторые годы по каждой губерніи и даже по уѣздамъ, для большинства же (за тридцатилѣтіе 1863—1892 гг.)—по районамъ, состоящимъ, какъ было замѣчено выше, изъ ряда губерній. Пользуясь этими данными, видимъ, что средняя по Россіи (для 45 губерній) продажная цѣна одной десятины земли въ первое десятилѣтіе (1863—72 гг.) равнялась 17 руб., во второе (1873—82 гг.)—21 руб., въ третье (1883—92 гг.)—36 руб., и наконецъ, за послѣдніе 4 года (1893—96 гг.), входящіе въ изслѣдованіе, она колеблется между 41 и 44 рублями. Цѣны обнаруживаютъ склонность рости изъ года въ годъ: въ первое десятилѣтіе слабѣе, чѣмъ во второе и послѣдующіе годы. Такъ, въ первый годъ введенія нотаріата, въ 1863 г., средняя продажная цѣна одной десятины рав-

нялась 20 руб.; затѣмъ она колеблется между 10 (въ 1865 г.) [1] и 17 руб., въ 1869 г. снова достигаетъ 20 руб. и держится на этой нормѣ до конца десятилѣтія. Во второмъ десятилѣтіи (1873—82 гг.) средняя цѣна 1 дес. возросла до 26—28 руб.; въ третьемъ (1883—1892 гг.) она ни разу не падала ниже 29 руб., и къ концу десятилѣтія достигла 43 руб. (въ 1889 г.) и 42 руб. (въ 1892 г.) [2]; на той же высотѣ она держалась и въ послѣднее четырехлѣтіе разсматриваемаго періода (41—44 руб.).

Просматривая „Матеріалы", можно привести изъ нихъ еще немало интересныхъ данныхъ и, на основаніи заключающихся въ нихъ свѣдѣній, сдѣлать много выводовъ, но для ознакомленія съ самымъ изданіемъ, думаемъ, и сказаннаго достаточно.

Оканчивая настоящую замѣтку, позволимъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы департаментъ окладныхъ сборовъ (къ которому перешло завѣдываніе изданіемъ „Матеріаловъ") позаботился о скорѣйшемъ выходѣ въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ за ближайшій къ нашему времени періодъ. Это особенно важно, во-первыхъ, потому, что данныя „Матеріаловъ" могутъ пролить свѣтъ на процессъ, совершающійся на нашихъ глазахъ—на необычайный ростъ цѣнъ на землю въ Россіи. Во-вторыхъ, выходъ дальнѣйшихъ выпусковъ весьма желателенъ и какъ матеріалъ для работающей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте (иниціатора и самого изданія „Матеріаловъ") Высочайше учрежденнаго Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. Наконецъ, желательно, чтобы выпуски IV (сводный за 30 лѣтъ) и V (за 1893 г.) были расширены въ указанномъ выше смыслѣ, что̀, выражаясь словами предисловія къ VI выпуску, сдѣлало бы всю массу свѣдѣній, собранную въ „Матеріалахъ", „вполнѣ сравнимыми, а слѣдовательно, и пригодными для статистическихъ цѣлей",—чего, къ сожалѣнію, о нихъ нельзя сказать въ настоящее время...

---

[1]) Низкая цѣна на землю въ 1865 г. (въ среднемъ 10 руб. за 1 дес.) особенно выступаетъ, потому что за всѣ остальные годы она ни разу не падаетъ ниже 15—17 рублей. Паденіе средней цѣны въ 1865 г. объясняется заключеніемъ крупныхъ сдѣлокъ (свыше 1 милл. дес.) на дешевыя земли (въ среднемъ—по 70 коп. за 1 дес.) въ сѣверной полосѣ Россіи. Исключая эти сдѣлки изъ разсчета, средняя цѣна 1 дес. земли за 1865 годъ повысится до 16 рублей.

[2]) На ростъ нотаріальныхъ цѣнъ, начиная съ 1883 г., должна была повліять дѣятельность открытаго въ этомъ году крестьянскаго банка, среднія цѣны по сдѣлкамъ котораго имѣютъ бо̀льшую достовѣрность сравнительно съ остальными нотаріальными данными. При сравненіи цѣнъ по покупкамъ при помощи банка (взятыхъ изъ отчетовъ этого учрежденія) съ средними нотаріальными, первыя, за исключеніемъ нѣсколькихъ годовъ, вообще выше вторыхъ, и разница эта достигаетъ почти 80% (въ 1883 и 1885 гг.).

PS.—Настоящая замѣтка была уже сдана въ печать, какъ вышли еще два выпуска „Матеріаловъ"—VII и X. Выпускъ VII составляетъ 2-ю часть выпуска IV-го и содержитъ въ себѣ группировку сдѣлокъ за 1863—1892 гг. по ихъ размѣрамъ, по годамъ совершенія и по принятымъ въ вып. IV группамъ губерній. Выпускъ X заключаетъ въ себѣ болѣе подробныя, чѣмъ въ прежнихъ выпускахъ, данныя объ отчужденіяхъ подъ желѣзныя дороги за 1897 и 1898 гг. Кромѣ того, выпускъ VII снабженъ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ, кромѣ краткаго обзора „Матеріаловъ", приведены нѣкоторые выводы общаго характера. Выпуски VII и X состоятъ частью изъ разработки данныхъ, помѣщенныхъ въ прежнихъ выпускахъ, частью изъ новыхъ свѣдѣній по отчужденіямъ подъ желѣзныя дороги за годы, по которымъ основныя данныя еще не опубликованы, и которыя по своимъ незначительнымъ размѣрамъ (въ 1897 г. подъ желѣзныя дороги отчуждено всего 8.393 дес., а въ 1898 г.—7.554 дес.) не могутъ оказать существеннаго вліянія на общіе выводы по мобилизаціи земельной собственности въ Россіи. Въ виду всего вышесказаннаго, вновь вышедшіе выпуски не могутъ измѣнить тѣхъ замѣчаній, которыя высказаны нами по поводу ранѣе вышедшихъ „Матеріаловъ".—Д. Р.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1904.

Начало новаго періода преобразованій.—Отношеніе ихъ къ общественному настроенію.—Типичныя черты двухъ главныхъ законопроектовъ.—Составъ губернскихъ совѣщаній.—Способы опроса крестьянъ.—Гласные отъ сельскихъ обществъ и земскіе начальники. — Земскій избирательный цензъ. — Земскія ходатайства. — Датскій законопроектъ, возбуждающій ликованіе реакціонной прессы. — Двѣ правительственныя мѣры.

Минувшій годъ ознаменованъ приступомъ къ двумъ преобразованіямъ, настоятельная необходимость которыхъ давно уже стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ законченъ пересмотръ законодательства о крестьянахъ и намѣчены основныя черты новаго строя губернскихъ учрежденій. Проектъ крестьянскаго положенія предполагается внести на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, при участіи выборныхъ отъ земства и дворянства. Весьма вѣроятно, что по тому же пути будетъ направленъ и проектъ губернской реформы. Отъ того или иного разрѣшенія поставленныхъ на очередь вопросовъ зависитъ, въ значительной степени, ближайшее будущее Россіи. Аналогичные моменты русское общество, за послѣднее полустолѣтіе, переживало два раза: въ эпоху „великихъ реформъ“ (1861—65) и, двадцать-пять лѣтъ спустя, въ эпоху ихъ коренной передѣлки (1884—94). Реформы императора Александра II-го были велики именно потому, что онѣ отвѣчали несомнѣннымъ, вполнѣ назрѣвшимъ потребностямъ народа, вели его впередъ, къ самодѣятельности и свободѣ, разсчитывали на его здравый смыслъ, на его способность къ быстрому развитію и, сообразно съ этимъ, уменьшали различіе между сословіями, замѣняли обветшалыя рамки новыми, благопріятствующими движенію. Правительственныя мѣры находили одобреніе и поддержку въ широкихъ кругахъ; недовольныхъ было сравнительно мало, и неудовольствіе чаще коренилось въ недостаточности, чѣмъ въ чрезмѣрной смѣлости преобразованій. Перемѣны восьмидесятыхъ годовъ происходили

при условіяхъ прямо противоположныхъ. Сочувственно отнеслось къ нимъ только небольшое меньшинство, разсматривавшее ихъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія личныхъ или корпоративныхъ интересовъ. Другое меньшинство, также небольшое, но чуждое сословныхъ тенденцій, видѣло въ „контръ-реформахъ" глубоко прискорбное возвращеніе къ прошлому, осужденному опытомъ. Между обѣими крайними группами стояла индифферентная, апатичная толпа, удрученная предшествовавшими событіями и потерявшая, на время, всякую отзывчивость на общее дѣло. Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ—и среди не всегда замѣтной, но упорной и непрерывной борьбы мнѣній выросло и окрѣпло настроеніе, напоминающее, отчасти, эпоху великихъ реформъ. Мы говоримъ: *отчасти*, потому что рядомъ съ сходствомъ существуетъ и различіе, выражающееся всего яснѣе въ степени распространенности настроенія. Несравненно шире теперь кругъ лицъ, слѣдящихъ за ходомъ государственной машины, понимающихъ смыслъ ея оборотовъ и принимающихъ къ сердцу ея направленіе. Несмотря на всѣ задержки и преграды, толчокъ, данный въ шестидесятыхъ годахъ, не прошелъ безслѣдно. Въ инертную и темную массу внесенъ свѣтъ, пока еще слабый, но позволяющій ей видѣть путь, по которому она идетъ, и обстановку, которая ее окружаетъ. Народъ продолжаетъ быть *объектомъ* заботъ и думъ—но становится, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ихъ *субъектомъ*: онъ самъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ элементовъ, выступаетъ на историческую сцену. Болѣе чѣмъ когда-либо, поэтому, прочный успѣхъ преобразованій, непосредственно касающихся народной массы, возможенъ лишь подъ условіемъ ея сочувствія къ нимъ, согласія ихъ съ ея взглядами, все болѣе и болѣе вырисовывающимися на фонѣ прежняго безразличія и равнодушія. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что эти взгляды совпадаютъ, въ существенномъ и главномъ, съ стремленіями, господствующими среди образованнаго общества. Какъ ни несовершенна была форма „народнаго опроса", произведеннаго, въ 1902 г., чрезъ посредство уѣздныхъ и губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, общій смыслъ отвѣта опредѣлился съ достаточною ясностью. Возможно бо̀льшая равноправность сословій, возможно бо̀льшая обезпеченность правъ, основанныхъ на законѣ, возможно бо̀льшій просторъ для личной и общественной иниціативы—таковы пожеланія, высказанныя въ самыхъ различныхъ сферахъ на всемъ пространствѣ государства. Они повторяются каждый разъ, когда къ тому дается поводъ; новое выраженіе ихъ мы видѣли еще недавно, въ запискѣ земскихъ членовъ „коммиссіи о центрѣ".

Въ другую сторону—насколько можно судить по свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать—идутъ законопроекты, упомянутые нами выше. Пересмотръ положеній о крестьянахъ не уменьшаетъ, а увеличиваетъ

юридическую обособленность народной массы; реформа губернскаго управленія несетъ съ собою расширеніе дискреціонной административной власти. Остановимся на нѣкоторыхъ характерныхъ деталяхъ, по которымъ можно стоставить себѣ понятіе о цѣломъ. Если вѣрить „Новому Времени" (№ 9974), преобразованіе волостного суда намѣчено въ слѣдующемъ видѣ: члены суда, въ числѣ четырехъ, назначаются уѣзднымъ съѣздомъ, по выслушаніи заключенія мѣстнаго земскаго начальника, на три года, изъ числа избираемыхъ сельскими обществами кандидатовъ. Ближайшій и непосредственный надзоръ за движеніемъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ и отправленіемъ судьями ихъ обязанностей возлагается на земскихъ начальниковъ, которые, наравнѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и членами губернскаго присутствія, имѣютъ и право ревизіи волостныхъ судовъ. Второй инстанціей является особый волостной судъ, составленный изъ предсѣдателей мѣстныхъ волостныхъ судовъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго земскаго начальника или уѣзднаго предводителя дворянства. Третьей инстанціей по прежнему служитъ губернское присутствіе. Итакъ, громадное большинство крестьянскихъ дѣлъ остается изъятымъ изъ вѣдѣнія общихъ судовъ, а слѣдовательно, по всей вѣроятности, не подлежащимъ дѣйствію общихъ законовъ. Зависимость волостныхъ судей не уменьшается, а увеличивается, такъ какъ выборъ ихъ уступаетъ мѣсто назначенію, а надзору земскаго начальника прямо подчиняется „отправленіе судьями ихъ обязанностей", т.-е. вся судейская ихъ дѣятельность. „Особый волостной судъ", образующій вторую инстанцію, еще меньше гарантируетъ правосудное рѣшеніе дѣлъ, чѣмъ нынѣшняя вторая инстанція—уѣздный съѣздъ: въ составъ послѣдняго входятъ лица юридически образованныя и независимыя отъ мѣстной администраціи (уѣздный членъ окружного суда, городской судья), а особый волостной судъ предполагается составить изъ тѣхъ же волостныхъ судей, самостоятельности которыхъ присутствіе въ ихъ средѣ земскаго начальника благопріятствовать, безъ сомнѣнія, не будетъ. Мысль объ апелляціонной инстанціи, составленной изъ волостныхъ судей, заимствована, по всей вѣроятности, изъ прежнихъ земскихъ проектовъ или изъ узаконеній, дѣйствующихъ въ остзейскомъ краѣ: но въ послѣднемъ предсѣдателемъ верхняго крестьянскаго суда состоитъ юристъ, не имѣющій никакой власти надъ членами суда, а земскими проектами предсѣдательство предоставлялось мировому судьѣ, т.-е. опять-таки лицу, не облеченному начальническими правами по отношенію къ волостнымъ судьямъ. Прибавимъ къ этому, что кассаціонной инстанціей надъ верхними крестьянскими судами является въ остзейскомъ краѣ съѣздъ мировыхъ судей, черезъ посредство котораго въ общую судебную іерархію вво-

дятся и волостные суды—а „особые волостные суды" предполагается оставить подчиненными губернскому присутствію, стоящему совершенно внѣ судебнаго вѣдомства и отводящему очень мало мѣста судебнымъ элементамъ. Сохраненіе, въ главныхъ чертахъ, нынѣ дѣйствующей организаціи крестьянскаго суда равносильно сохраненію для крестьянъ особыхъ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права, особыхъ проступковъ, особыхъ наказаній—другими словами, сохраненію одной изъ главныхъ перегородокъ, отдѣляющихъ народную массу отъ высшихъ, привилегированныхъ общественныхъ классовъ. Менѣе чѣмъ когда-либо такое рѣшеніе вопроса можетъ быть признано цѣлесообразнымъ въ настоящее время, послѣ обнародованія новаго уголовнаго уложенія, наканунѣ завершенія новаго гражданскаго кодекса, въ составъ котораго ничто не мѣшало бы включить все, что есть цѣннаго въ такъ-называемомъ обычномъ крестьянскомъ правѣ.

На сколько типичны для проекта новаго законодательства о крестьянахъ правила о волостномъ судѣ, на столько же знаменательны двѣ особенности проекта губернской реформы: предоставленіе губернатору права производить нѣкоторые обязательные, по его мнѣнію, расходы за счетъ общественныхъ установленій и введеніе архивныхъ коммиссій въ составъ губернскихъ правленій. Первая изъ этихъ мѣръ равносильна, de facto, увеличенію, властью губернатора, земскихъ или городскихъ расходовъ, которое, по дѣйствовавшимъ до сихъ поръ законамъ, можетъ быть допущено только государственнымъ совѣтомъ. Единоличное распоряженіе мѣстнаго администратора ставится, такимъ образомъ, на одинъ уровень съ рѣшеніемъ высшаго коллегіальнаго учрежденія имперіи. Вторая мѣра замѣняетъ свободную научную дѣятельность канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ [1]). Обѣ одинаково проникнуты недовѣріемъ къ самостоятельной работѣ, личной и коллективной. Отмѣтимъ еще одну отличительную черту проекта—стремленіе къ такому сосредоточенію власти, которое, превосходя способности и силы одного лица, неминуемо должно понизить или обезцвѣтить результаты, достигаемые спеціальными отраслями администраціи. Какими послѣдствіями грозитъ даже неполное подчиненіе фабричной инспекціи губернатору—объ этомъ мы имѣли случай говорить еще недавно [2]); понятно, что къ обращенію фабричной инспекціи въ отдѣленіе губернскаго правленія все сказанное нами примѣнимо въ еще бо̀льшей мѣрѣ. Столь же опасно было бы расширеніе губернаторской власти въ другихъ обла-

---

[1]) Губернскія ученыя архивныя коммиссіи, учрежденныя въ 1884 г. по мысли директора археологическаго института, Н. В. Калачова, состоятъ до сихъ поръ въ вѣдѣніи института; губернаторы считаются только ихъ попечителями, а предсѣдателя коммиссія выбираетъ изъ своей среды.

[2]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

стяхъ, теперь подвѣдомственныхъ министерству финансовъ, напримѣръ — созданіе въ составѣ губернскаго присутствія должности непремѣннаго члена по дѣламъ крестьянскаго банка или усиленіе вліянія губернатора на податное дѣло. Изъ любопытной статьи г. Еропкина: „Проектъ губернской реформы“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 337) мы узнаемъ, что между прямолинейными сторонниками полновластія циркулируетъ даже мысль о совершенномъ изъятіи податного дѣла изъ вѣдѣнія податной инспекціи и о передачѣ его всецѣло земскимъ начальникамъ. Признавая неудобства двойственности, внесенной въ эту сферу закономъ 1898-го года, г. Еропкинъ совершенно правильно стоитъ за разрѣшеніе вопроса въ смыслѣ прямо противоположномъ, т.-е. за устраненіе земскихъ начальниковъ отъ всякаго участія въ податномъ дѣлѣ.

Мѣсяцъ тому назадъ, заканчивая нашу „Общественную Хронику“, мы успѣли только упомянуть о губернскихъ совѣщаніяхъ, на предварительное разсмотрѣніе которыхъ предположено внести проектъ новаго положенія о крестьянахъ. Вѣрная своей привычкѣ одобрять, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, рѣшенія власти, реакціонная печать, еще недавно такъ горячо стоявшая за *приглашеніе* свѣдущихъ людей [1]), не возражаетъ противъ *избранія* земскихъ членовъ совѣщаній, разъ что оно допущено правительствомъ, но старается доказать, что самый выборъ долженъ быть предоставленъ не губернскимъ, а уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Аргументы, приводимые въ пользу этой мысли, давно извѣстны: это все та же „неблагонадежность“ губернскихъ гласныхъ, все то же недостаточное, будто бы, ихъ знакомство съ мѣстными людьми и мѣстными дѣлами, все та же односторонность ихъ состава. Другая, также не новая пѣснь реакціонныхъ сиренъ указываетъ на необходимость введенія въ губернскія совѣщанія крестьянскаго элемента—введенія не только факультативнаго, т.-е. зависящаго отъ усмотрѣнія губернатора, но безусловно обязательнаго. Чѣмъ объяснить такую заботливость о крестьянахъ со стороны людей, систематически враждебныхъ интересамъ массы? Какъ совмѣстить довѣріе къ здравому смыслу и дѣловитости крестьянъ съ проповѣдью вѣчной надъ ними опеки? Можно ли въ одно и то же время отстаивать зависимость цѣлаго сословія отъ усмотрѣнія должностныхъ лицъ—и ожидать отъ его представителей полезныхъ совѣтовъ по одному изъ самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ? Всѣ эти противорѣчія разрѣшаются, въ сущности, очень просто. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ голоса крестьянъ, надлежащимъ образомъ дисциплинированыхъ и направлен-

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ предъидущей книжкѣ нашего журнала.

ныхъ, могутъ обезпечить большинство за „благонадежными“ кандидатами въ свѣдущіе люди; въ губернскихъ совѣщаніяхъ извнѣ внушенныя или навязанныя положенія, пройдя черезъ уста крестьянъ, удобно могутъ быть выдаваемы за народную мудрость, „за гласъ народа“. Иными словами, крестьяне и тамъ, и тутъ могутъ стать орудіемъ оптическаго обмана, крайне желаннаго для престидигитаторовъ съ Страстного бульвара. При другихъ условіяхъ—напр. при дѣйствіи Положенія 1864-го года,—обращеніе къ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ имѣло бы за себя очень многое; теперь оно представляется намъ до крайности опаснымъ, въ особенности какъ *замѣна* обращенія къ губернскимъ собраніямъ. Не даромъ же послѣднихъ такъ боится реакціонная печать: она знаетъ, что именно въ нихъ—хотя не всегда и не вездѣ—находятъ лучшее свое выраженіе общественныя силы созрѣвшей и широко развившейся провинціи.

Въ одномъ лишь отношеніи — по совершенно другимъ, конечно, мотивамъ—мы приходимъ къ тому же выводу, какъ и „Московскія Вѣдомости“: мы также признаемъ желательнымъ *обязательное* участіе крестьянъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ, если только удастся установить такія условія, которыя обезпечивали бы дѣйствительное представительство ими крестьянскихъ интересовъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что всего проще и правильнѣе было бы предоставить гласнымъ отъ сельскихъ обществъ (отдѣльно по каждому уѣзду) избрать изъ своей среды—или вообще изъ среды мѣстныхъ крестьянъ-домохозяевъ—одного члена губернскаго совѣщанія. На самомъ дѣлѣ, однако, такой способъ разрѣшенія вопроса едва ли могъ бы привести къ желанной цѣли. Кандидатами въ гласные отъ сельскихъ обществъ избираются, въ большинствѣ случаевъ, лица, угодныя земскому начальнику, отъ котораго, de facto, зависитъ и призывъ тѣхъ или другихъ изъ ихъ числа въ составъ земскаго собранія (припомнимъ, что число гласныхъ отъ крестьянъ почти всегда меньше числа волостей, изъ которыхъ каждая выбираетъ одного кандидата въ гласные). Сплошь и рядомъ, притомъ, въ гласные попадаютъ волостные старшины, сугубо зависимые отъ начальства. Такіе гласные, хотя бы и выдѣленные въ особую группу и, слѣдовательно, изъятые изъ-подъ непосредственнаго вліянія земскаго начальника, все-же, за рѣдкими исключеніями, будутъ творить волю пославшаго ихъ или выражать свои собственныя мнѣнія „съ оглядкой“, съ опасеніемъ за послѣдствія полной откровенности. Примѣры этому мы видѣли въ совѣщаніяхъ уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, практика которыхъ удостовѣряетъ, что съ бо̀льшей или меньшей свободой крестьяне говорили только тамъ, гдѣ имѣли основаніе разсчитывать на безпристрастіе и поддержку уѣзднаго предводителя дворянства. Всего лучше, поэтому, было бы въ

каждомъ уѣздѣ предоставить каждому волостному сходу избрать, *не изъ числа должностныхъ лицъ* и не въ присутствіи земскаго начальника, по одному уполномоченному, съ тѣмъ, чтобы всѣ избранные, собравшись въ уѣздномъ городѣ подъ предсѣдательствомъ одного изъ ихъ среды и потолковавъ между собою, послали отъ себя одного представителя въ губернское совѣщаніе. Зависимость крестьянъ отъ власти въ настоящее время такъ велика, что вполнѣ устранить ея результаты не могъ бы и предлагаемый нами порядокъ; но только при немъ была бы хоть сколько-нибудь вѣроятна смѣлая и правдивая рѣчь крестьянъ въ защиту дѣйствительныхъ интересовъ народной массы. Меньше всего достигло бы этой цѣли *приглашеніе* крестьянъ, отъ кого бы изъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ оно ни исходило.

Еслибы въ сказанномъ нами о зависимомъ положеніи гласныхъ отъ крестьянъ кто-нибудь усмотрѣлъ ошибку или преувеличеніе, мы могли бы подтвердить наше мнѣніе ссылкою на „достовѣрное свидѣтельство" одного изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей". Вотъ что̀ пишетъ въ этой газетѣ (№ 325) графъ Павелъ Камаровскій: „приходится признать фактъ, что присутствіе гласнаго волостного старшины рядомъ съ гласнымъ земскимъ начальникомъ крайне неудобно; невольно первый находится подъ вліяніемъ своего прямого начальника". Правда, дѣйствіе яда, заключающагося въ этихъ словахъ, редакція „Московскихъ Вѣдомостей" спѣшитъ парализовать противоядіемъ, увѣряя, въ передовой статьѣ, что вліяніе земскаго начальника на гласныхъ-крестьянъ ничѣмъ не отличается отъ вліянія всякаго другого „просвѣщеннаго помѣщика" и коренится исключительно въ „довѣріи и уваженіи крестьянъ къ представителямъ помѣстнаго дворянства"; но развѣ можно отнестись серьезно къ подобнымъ увѣреніямъ? Развѣ для всякаго, даже самаго наивнаго читателя не очевидно, что вліяніе, основанное на довѣріи и уваженіи и принадлежащее, поэтому, не цѣлому сословію, а отдѣльнымъ лицамъ, заслужившимъ его всею своею жизнью, не имѣетъ ничего общаго съ вліяніемъ, основаннымъ на страхѣ передъ дискреціонною властью? Никому не приходитъ на мысль утверждать, что независимости гласныхъ крестьянъ вообще и волостныхъ старшинъ въ особенности угрожаетъ всякій сидящій рядомъ съ ними представитель помѣстнаго дворянства — но всякому безпристрастному наблюдателю ясна степень свободы подчиненныхъ, дѣйствующихъ подъ надзоромъ „отца-командира". Скажемъ болѣе: еслибы между гласными отъ сельскихъ обществъ не было ни одного волостного старшины, еслибы они вступали въ собраніе исключительно путемъ выбора, а не назначенія, еслибы даже доступъ въ гласные былъ закрытъ для земскихъ начальниковъ (какъ онъ закрытъ для полицейскихъ чиновниковъ), то и тогда независимость

гласныхъ-крестьянъ была бы ограждена далеко не вполнѣ, пока за стѣнами собранія оставалось бы въ прежней силѣ полновластіе земскихъ начальниковъ.

Сторонникамъ рутины и регресса, охотно прикрывающимъ свои настоящія вожделѣнія благозвучнымъ словомъ *порядокъ* и не чуждающимся слова *право*, когда оно означаетъ преимущество или привилегію, ужасно не нравится соединеніе этихъ двухъ словъ: *правопорядокъ*. И это понятно: *правопорядокъ* предполагаетъ господство порядка, въ поддержаніи котораго никакой роли не играетъ произволъ, и права, которое не составляетъ монополію меньшинства. Особенно непріятно поражаетъ нашихъ „охранителей“ примѣненіе ненавистнаго слова къ деревнѣ, которую они взяли подъ свою спеціальную опеку и тщательно ограждаютъ отъ новыхъ вѣяній, идущихъ въ разрѣзъ съ традиціями безвозвратно миновавшей „патріархальной“ эпохи. Какіе софизмы пускаются въ ходъ противъ нарушителей мнимой святыни—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ [1]). „Для деревни требуютъ права, т.-е. закона; но развѣ деревня не имѣетъ закона? Развѣ мы живемъ въ безсудной странѣ“? Здѣсь смѣшиваются, прежде всего, два различныхъ понятія: законъ и право. Законъ создаетъ объективное право — но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ отказывать въ субъективныхъ правахъ, самыхъ существенныхъ и важныхъ. Крѣпостное право было въ свое время основано на законѣ—но кто же сомнѣвается въ томъ, что оно никогда не было *правомъ* въ истинномъ смыслѣ этого слова? Конечно, деревня *отчасти* управляется закономъ; но слѣдуетъ ли отсюда, что ея обитатели, въ отдѣльности взятые, обладаютъ хотя бы минимумомъ правъ, свойственныхъ совершеннолѣтнему гражданину культурнаго государства, и что аналогичными правами облечена деревня, разсматриваемая какъ одно цѣлое? Закономъ ли, далѣе, регулируются имущественныя отношенія крестьянъ? Обычай, во многомъ заступающій мѣсто закона, отличается ли достаточною точностью и опредѣленностью, устанавливается ли, въ каждомъ данномъ случаѣ, съ достаточною осмотрительностью и безпристрастіемъ? Подсудность волостному суду не равносильна ли иногда фактической „безсудности“? На всѣ эти вопросы едва ли могутъ быть два различныхъ отвѣта... „Законы“—читаемъ мы дальше въ той же газетной статьѣ,—„законы, создающіе семью, ограждающіе честный трудъ и собственность, устанавливающіе гражданскую свободу, личную и имущественную безопасность, въ основѣ своей въ деревнѣ такіе же, какъ и въ городѣ“. Нужно ли доказывать, что эти слова далеки отъ

---

[1]) См. передовую статью въ № 317 „Московскихъ Вѣдомостей“.

истины? Развѣ семейные раздѣлы подчинены въ городахъ тѣмъ же стѣсненіямъ, какъ и въ деревнѣ? Развѣ зависимость сыновей отъ отца и въ городахъ продолжается послѣ достиженія ими гражданскаго совершеннолѣтія? Развѣ личность крестьянина, котораго земскій начальникъ можетъ безъ суда арестовать и оштрафовать, ограждена въ той же мѣрѣ, какъ и личность живущаго въ деревнѣ помѣщика или купца? Развѣ дворянское общество имѣетъ надъ своими членами такую же власть, какъ сельское общество—надъ принадлежащими къ нему крестьянами?... Утверждая, что подъ защитой правопорядка скрывается, въ сущности, не что иное, какъ походъ противъ института земскихъ начальниковъ, московская газета пугаетъ своихъ читателей картиной безобразій, господствовавшихъ въ деревнѣ до 1889-го года—безобразій, возстановленіе которыхъ и составляетъ, будто бы, затаенную цѣль земской агитаціи. Да, институтъ земскихъ начальниковъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, несовмѣстимъ съ истиннымъ правопорядкомъ; но это еще не значитъ, чтобы рѣчь шла только о возвращеніи къ порядку, созданному въ шестидесятыхъ годахъ. Этотъ порядокъ, имѣвшій, съ самаго начала, лишь временное значеніе, санкціонировалъ обособленность крестьянъ, создавалъ для нихъ отдѣльное управленіе и отдѣльный судъ, сохранялъ въ ихъ средѣ своеобразныя нормы права. Теперь, по убѣжденію, все болѣе и болѣе распространяющемуся въ ширь и глубь, настало время для сліянія народной массы съ остальными классами общества, для дарованія ей настоящаго суда, для замѣны крайне несовершенныхъ формъ волостного и сельскаго самоуправленія другими, обнимающими собою цѣлую территоріальную единицу, изъ кого бы населеніе ея ни состояло... „Пускай въ деревнѣ"—такъ резюмируютъ „Московскія Вѣдомости" пожеланія своихъ противниковъ—„опять царствуютъ волостные и сельскіе писаря, пусть творитъ судъ и расправу прежній кабацкій волостной судъ"! Въ этихъ словахъ добросовѣстность нашихъ газетныхъ реакціонеровъ проявилась въ полномъ блескѣ. Они знаютъ какъ нельзя лучше, что не о господствѣ писарей и кабацкихъ судей мечтаютъ сторонники мирового суда и мелкой земской единицы—и знаютъ также, что такое господство сплошь и рядомъ идетъ рука объ руку съ порядкомъ, нынѣ дѣйствующимъ въ деревнѣ.

Большой интересъ возбуждалъ и возбуждаетъ въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ вопросъ о пониженіи избирательнаго ценза. Многія земства широко раздвинули его рамки, указавъ на общее несовершенство дѣйствующей избирательной системы. Земскія собранія не всегда шли, въ этомъ отношеніи, такъ далеко, какъ зем-

скія управы и спеціально выбранныя коммиссіи. Въ симбирской губерніи, напримѣръ, губернская земская управа предлагала понизить земельный избирательный цензъ до ста десятинъ (въ настоящее время онъ составляетъ, смотря по уѣздамъ, отъ 200 до 250 дес.), соединить всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ въ одно избирательное собраніе, безъ различія сословій, предоставить сельскимъ обществамъ право избранія хотя бы по одному гласному отъ волости, съ устраненіемъ существующаго порядка назначенія гласныхъ, крестьянъ, и опредѣлить число уѣздныхъ гласныхъ въ зависимости отъ числа владѣльцевъ, количества земли и цѣнности другихъ недвижимыхъ имуществъ. Голоса въ собраніи раздѣлились почти поровну: значительное меньшинство высказалось за возвращеніе, въ главныхъ чертахъ, къ Положенію 1864-го года, но большинство отклонило предложенія управы, ограничившись пожеланіемъ, чтобы по отношенію къ цензовымъ земельнымъ нормамъ были приняты во вниманіе постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній (изъ которыхъ одни стояли за сохраненіе прежнихъ нормъ, а другія находили цѣлесообразнымъ пониженіе ихъ до 100 или даже до 75 десятинъ). Консерватизмъ, выказанный большинствомъ симбирскаго губернскаго земства, составляетъ, однако, далеко не общее правило. Итоги послѣдней сессіи еще не подведены, не вездѣ даже она закончена; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что на сторонѣ застоя окажется меньшая часть собраній. Слишкомъ ясно, что повсемѣстному, иногда весьма сильному повышенію цѣнъ на землю должно соотвѣтствовать пониженіе земельнаго ценза. Та степень обезпеченности, которую представляло собою, въ началѣ шестидесятыхъ или даже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, владѣніе, напримѣръ, 200—250 десятинами, достигается теперь при владѣніи гораздо меньшемъ. Значительно увеличившійся, несмотря на рестриктивныя мѣры, кругъ земской дѣятельности требуетъ привлеченія къ ней значительно бо̀льшаго числа дѣятелей [1]). Усиливающійся абсентеизмъ грозитъ уменьшить и безъ того уже крайне ограниченное число лицъ, являющихся на земскіе выборы. Что̀ же противопоставляется, обыкновенно, всѣмъ этимъ безспорнымъ фактамъ, такъ громко говорящимъ за пониженіе ценза? Указываютъ, иногда, что мелкіе землевладѣльцы не вовсе отстранены отъ участія въ земской жизни, такъ какъ могутъ являться на избирательные съѣзды и посылать своихъ уполномоченныхъ въ избирательное собраніе; но кому же неизвѣстно, что такіе косвенные выборы, при которыхъ каждому избирателю принадлежитъ

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что на земскія должности, по ст. 116 Полож. о земск. учр. 1890-го года, могутъ быть избираемы, кромѣ гласныхъ, только лица, имѣющія право голоса на земскихъ избирательныхъ собраніяхъ (но не на избирательныхъ съѣздахъ).

только дробь, иногда небольшая дробь голоса, не имѣютъ притягательной силы, и съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ именно потому посѣщаются весьма слабо? Говорятъ, далѣе, что земское дѣло и при нынѣшнемъ составѣ избирателей идетъ хорошо и не нуждается въ новыхъ силахъ; но развѣ оно не могло бы идти еще лучше? Кто рѣшится утверждать, что ему не вредятъ такія явленія, какъ признаніе гласными, безъ выборовъ, всѣхъ явившихся въ избирательное собраніе, или избраніе въ гласные все однихъ и тѣхъ же лицъ, за невозможностью освѣжить составъ собранія? Отъ времени до времени слышится повтореніе старой пѣсни, признающей степень интереса къ земскому дѣлу прямо пропорціональной высотѣ платимаго земскаго сбора; но опытъ показалъ уже давно, что индифферентизмъ особенно распространенъ между крупными землевладѣльцами. Влечетъ и привязываетъ къ земской дѣятельности сознаніе ея важности, подкрѣпляемое непосредственнымъ ощущеніемъ ея хорошихъ и дурныхъ сторонъ — ощущеніемъ, особенно острымъ именно у людей небогатыхъ. Въ послѣднее время пущенъ въ ходъ еще одинъ доводъ: земства, высказываясь за расширеніе избирательнаго права, этимъ самымъ, будто бы, провозглашаютъ свою несостоятельность, свою неспособность справиться съ возложенной на нихъ задачей. Изобрѣтатели этого довода упускаютъ изъ виду, что существуетъ чувство долга—могущественное чувство, вынуждающее и отдѣльныхъ лицъ, и учрежденія дѣйствовать вопреки собственному интересу или внушеніямъ самолюбія. Подъ вліяніемъ этого чувства земскіе дѣятели, обсуждая занимающій насъ теперь вопросъ, думаютъ, бóльшею частью, не о томъ, какой аттестатъ они подпишутъ самимъ себѣ, если выскажутся за пониженіе ценза, а о томъ, соотвѣтствуетъ ли такая мѣра правильно понятымъ интересамъ мѣстнаго населенія. И аттестатъ, впрочемъ, получается вовсе не столь дурной, какъ насъ хотятъ увѣрить. Признать, что другой можетъ исполнить извѣстную задачу не хуже, чѣмъ *я*, вовсе не значитъ выдать самому себѣ testimonium paupertatis: это значитъ только быть безпристрастнымъ. Признаніями или „уступками“ этого рода полна исторія: ихъ требуетъ на каждомъ шагу простая справедливость—и пониманіе новыхъ условій, создаваемыхъ теченіемъ жизни.

Наряду съ пониженіемъ ценза выдающееся мѣсто среди земскихъ пожеланій занимаетъ коренное измѣненіе порядка крестьянскихъ выборовъ и тѣсно связанное съ нимъ увеличеніе числа гласныхъ отъ крестьянъ. О необходимости и первостепенной важности этой мѣры мы говорили часто и много. Положеніе 1890-го года уничтожило, фактически, *представительство* крестьянъ въ земскомъ собраніи; гласныхъ, свободно избранныхъ населеніемъ, замѣнили ставленники администраціи, и притомъ въ числѣ совершенно несоотвѣтствующемъ раз-

мѣрамъ крестьянскаго землевладѣнія и значенію крестьянъ для земства и земства для крестьянъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, большой перемѣной къ лучшему было бы даже простое возвращеніе къ положенію 1864-го года. Стремленіе назадъ, равносильное, въ данномъ случаѣ, стремленію впередъ, заставило вспомнить объ одной особенности прежняго положенія, уничтоженной въ 1890-мъ году. Не только передовые земскіе дѣятели (какъ напр. Н. Н. Львовъ, бывшій предсѣдатель саратовской губернской земской управы), но и сотрудники „Московскихъ Вѣдомостей" (упомянутый нами выше гр. П. Камаровскій) высказываются за предоставленіе крестьянамъ избирать гласныхъ не изъ своей среды. Правда, въ воображеніи гр. Камаровскаго рисуется при этомъ совершенно фантастическая картина представительства отъ крестьянъ, составленнаго исключительно изъ не-крестьянъ—но характерно уже и то, что въ перегородкѣ, раздѣляющей сословія, старается пробить брешь сторонникъ сословности [1]). Болѣе послѣдовательная, редакція московской газеты спѣшитъ выразить свое несогласіе съ мнѣніемъ гр. Камаровскаго—и, по обыкновенію, не стѣсняется при этомъ въ выборѣ аргументовъ. Она утверждаетъ, что при дѣйствіи положенія 1864-го года въ гласные отъ сельскихъ обществъ весьма часто попадали наименѣе достойные изъ среды личныхъ землевладѣльцевъ, забаллотированные на своемъ избирательномъ съѣздѣ—и попадали, притомъ, съ помощью недостойныхъ пріемовъ (напр. спаиванія водкой). Возможность такихъ случаевъ мы не отрицаемъ—но рядомъ съ ними встрѣчались явленія противоположнаго свойства, тщательно замалчиваемыя московской газетой: въ гласные отъ крестьянъ избирались вполнѣ достойные дѣятели, забаллотированные на землевладѣльческомъ съѣздѣ только потому, что интересы массы были, въ ихъ глазахъ, важнѣе интересовъ привилегированнаго меньшинства. Таково, напримѣръ, было избраніе (въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи) барона Н. А. Корфа, пораженіе котораго на землевладѣльческомъ съѣздѣ было вызвано именно тѣмъ, что̀ доставило ему всероссійскую славу—энергичной и умѣлой работой на пользу начальной школы. Немало шуму надѣлалъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, выборъ въ гласные на крестьянскомъ съѣздѣ двухъ землевладѣльцевъ елецкаго уѣзда (орловской губерніи), въ то время не нравившихся своему сословію. Изъ-за него возникъ судебный процессъ, направленный не противъ самихъ избранниковъ, но противъ крестьянъ, наиболѣе способствовавшихъ ихъ побѣдѣ. Чтобы избавиться отъ гласныхъ, не-

---

[1]) Крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ гр. Камаровскій предлагаетъ включить въ число гласныхъ „по праву", т.-е. помимо выборовъ.

желательныхъ для господствовавшей землевладѣльческой партіи, было пущено въ ходъ обвиненіе въ подкупѣ избирателей; но, благодаря защитѣ В. Д. Спасовича, оно блистательно провалилось на судѣ. Немало было и другихъ случаевъ, въ которыхъ избиратели-крестьяне возстановляли справедливость, сознательно нарушенную личными землевладѣльцами. И все-таки мы не рѣшились бы, *въ настоящую минуту*, подать голосъ за возвращеніе къ порядку, существовавшему при дѣйствіи положенія 1864-го года. Слишкомъ велика теперь зависимость крестьянъ отъ своего начальства; слишкомъ незначительны, поэтому, шансы такого исхода крестьянскихъ выборовъ, къ какому они нерѣдко приводили двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ. Избраніе, номинально идущее отъ крестьянъ, на самомъ дѣлѣ слишкомъ легко могло бы оказаться предписаннымъ извнѣ и направленнымъ къ цѣли, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительными интересами народной массы. Расширенію, въ указанномъ выше смыслѣ, избирательнаго права сельскихъ обществъ долженъ предшествовать общій подъемъ юридическаго положенія крестьянъ, сближающій или уравнивающій ихъ съ другими сословіями.

Какъ и слѣдовало ожидать, губернскія земскія собранія не остались безучастными зрителями работы, совершающейся въ правительственныхъ сферахъ. Тверское губернское земское собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ четырехъ (двухъ гг. Трубниковыхъ, г. Столпакова [1]) и представителя духовнаго вѣдомства), постановило возбудить ходатайство о томъ, чтобы проектъ законоположеній о крестьянахъ, прежде, чѣмъ онъ станетъ закономъ, былъ переданъ на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній. За возбужденіе аналогичнаго ходатайства высказалось единогласно и черниговское губернское земское собраніе. Нижегородское губернское собраніе, выслушавъ докладъ „о командировкахъ предсѣдателя и членовъ губернской управы по вызову высшаго правительства“, выразило пожеланіе, чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, сообщались предварительно земскимъ собраніямъ, мнѣніе которыхъ и было бы, затѣмъ, поддерживаемо вызванными въ Петербургъ представителями земства. Орловское губернское земское собраніе единогласно постановило ходатайствовать, чтобы впредь, при вызовѣ въ правительственныя коммиссіи представителей земствъ, таковые вызывались отъ всѣхъ земствъ и избирались земскими собраніями, которымъ предварительно сообщался бы

[1]) Эти три лица съиграли главную роль въ извѣстномъ постановленіи тверского уѣзднаго земства, направленномъ противъ земской начальной школы.

предметъ совѣщанія. Такія же, приблизительно, постановленія состоялись въ губернскихъ собраніяхъ курскомъ и тамбовскомъ. Въ средѣ газетныхъ добровольцевъ, мнящихъ себя охранителями благочинія и порядка, по этому поводу поднята тревога. „Что значатъ"—восклицаетъ одинъ изъ нихъ—„эти одновременныя ходатайства, далеко выходящія изъ отмежеванной земствамъ сферы дѣятельности? Ужъ не возвратъ ли это къ эпохѣ несбыточныхъ мечтаній, разъ навсегда осужденной съ высоты престола?.. Всѣ земскія попытки въ этомъ родѣ должны быть разъ навсегда пресѣчены". Не слишкомъ ли усердствуетъ литературная полиція, не беретъ ли она на себя роль, не предусмотрѣнную уставомъ о пресѣченіи преступленій? Ходатайства о передачѣ того или другого вопроса на обсужденіе земскихъ собраній или о привлеченіи земскихъ дѣятелей къ участію въ подготовкѣ того или другого законопроекта—далеко не новое, не исключительное явленіе въ земской жизни. Въ данномъ случаѣ одновременное возбужденіе ихъ многими земствами свидѣтельствуетъ о томъ, что очень ужъ близко затрогиваютъ земство преобразованія, поставленныя на очередь. И дѣйствительно, можетъ ли земство оставаться равнодушнымъ къ преобразованію губернскаго управленія, неминуемо влекущему за собою перемѣны въ организаціи и компетенціи земскихъ учрежденій,—къ пересмотру положеній о крестьянахъ, т.-е. къ установленію новыхъ условій народной жизни, такъ неразрывно связанной съ земскою? Кого, кромѣ боязливыхъ рутинеровъ или закоснѣлыхъ враговъ общественной дѣятельности, можетъ устрашить рядъ ходатайствъ, вызванныхъ неизбѣжнымъ въ проснувшемся обществѣ желаніемъ сказать свое слово о важномъ для всѣхъ дѣлѣ?... Попытка затормазить движеніе вноситъ новую постыдную страницу въ столь богатую ими лѣтопись реакціонной печати.

Привыкнувъ вторить только другъ другу и нигдѣ, кромѣ своего тѣснаго круга, не находить сочувствія и поддержки, наши газетные реакціонеры ликуютъ, встрѣтивъ неожиданнаго союзника... въ *радикальномъ* министерствѣ! Это министерство—датское, внесшее въ парламентъ, при всеобщемъ, будто бы, одобреніи, законопроектъ о введеніи тѣлеснаго наказанія за „уличный разбой". Не зная текста законопроекта, мы не можемъ опредѣлить, какъ широка сфера предусматриваемыхъ имъ преступленій: распространяется ли онъ на всѣ проявленія такъ называемаго „хулиганства", т.-е. на всѣ ничѣмъ не вызванные проступки противъ личности, театромъ которыхъ служатъ улицы и вообще публичныя мѣста, или только на болѣе важныя преступленія, въ родѣ „гарротерства", за которое въ Англіи въ шестидеся-

тыхъ годахъ установлено наказаніе плетьми. Если и допустить, что рѣчь идетъ только о послѣднихъ, примѣръ Данія отнюдь не можетъ быть признанъ заслуживающимъ подражанія. Недалеко еще то время, когда у насъ широко примѣнялась плеть, а розга была самымъ обычнымъ орудіемъ кары, исправленія, внушенія, не только въ области судебно-уголовной, не только въ сферѣ дисциплинарныхъ взысканій, но и въ педагогическомъ мірѣ. Кто же изъ помнящихъ это время рѣшится утверждать, что нравы были тогда менѣе грубы, права личности цѣнились выше и ограждались лучше? Кто рѣшится утверждать, что теперь личная неприкосновенность больше защищена въ деревнѣ, гдѣ еще возможно тѣлесное наказаніе по судебному приговору, чѣмъ въ городѣ, гдѣ оно, de jure, недопустимо? Западно-европейскія государства—за исключеніемъ Англіи, гдѣ еще недавно плеть свободно гуляла по спинамъ солдатъ и матросовъ, а въ школахъ до сихъ поръ не вывелось сѣченіе,—успѣли забыть, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ господство тѣлесныхъ наказаній. До извѣстной степени, поэтому, понятны—хотя и неизвинительны—надежды, возлагаемыя тамъ на возстановленіе старинныхъ каръ. Иное дѣло—у насъ, въ Россіи, гдѣ онѣ только недавно, и то не вполнѣ, вышли изъ употребленія. Другое различіе между Россіей и западной Европой заключается въ томъ, что въ послѣдней тѣлесное наказаніе, еслибы оно было вновь введено, примѣнялось бы только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и только по суду, т.-е. съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ гарантій, ограждающихъ права подсудимаго,—а у насъ увѣренности въ соблюденіи закона быть не можетъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что тѣлесное наказаніе, однажды внесенное въ уголовный кодексъ, быстро выступило бы за его предѣлы и вошло бы въ обиходъ полицейской практики, которой оно, какъ извѣстно, не чуждо и въ настоящее время. Не даромъ же „Гражданинъ“, громче всѣхъ проповѣдующій сѣченіе „хулигановъ“, предоставляетъ эту функцію полицейскому суду; не даромъ же „Московскія Вѣдомости“, въ статьѣ о „коллективныхъ преступленіяхъ“, предлагаютъ включить ихъ въ кругъ дѣйствій „административно-карательной“ власти губернатора. Замѣчательно, что вожделѣнія этихъ газетъ встрѣтили отпоръ даже со стороны единомышленнаго съ ними обыкновенно „Свѣта“. „Мы не можемъ“—читаемъ мы въ газетѣ г. Комарова—„отрѣшиться отъ своей ненависти къ попранію тѣлесной неприкосновенности лица. Насиліе не лечится насиліемъ. Безобразіе не искореняется безобразіемъ. Датскій законъ доказываетъ только озлобленную потугу исправить горькое настоящее и опасное будущее возвратомъ къ забытому прошлому, но законъ этотъ руководствомъ служить не можетъ“... Въ на-

шихъ глазахъ эти слова имѣютъ тѣмъ бо́льшее значеніе, чѣмъ менѣе симпатиченъ, вообще, источникъ, изъ котораго они исходятъ.

28-го ноября Высочайше повелѣно приступить къ пересмотру положенія о промысловомъ налогѣ. Нужно надѣяться, что при этомъ будетъ исполнена задача, болѣе пяти лѣтъ тому назадъ возложенная государственнымъ совѣтомъ на министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ—усиленіе мѣстнаго обложенія промышленности и торговли, въ видахъ увеличенія средствъ земскихъ и городскихъ учрежденій и облегченія податного бремени, тяготѣющаго на поземельной собственности. Кругъ дѣйствій земскаго и городского самоуправленія постоянно растетъ, а источники доходовъ, предоставленные въ ихъ распоряженіе, остаются неподвижными или даже изсякаютъ: на недвижимыхъ имуществахъ, въ особенности земельныхъ, накопляются недоимки, болѣе или менѣе, по разнымъ причинамъ, безнадежныя ко взысканію. *Въ принципѣ* давно уже рѣшено предоставить земствамъ и городамъ участіе во всѣхъ видахъ государственнаго промысловаго налога. Осуществленіе этого принципа позволило бы отмѣнить предѣльность обложенія, такъ тяжело отзывающуюся на земской дѣятельности.

8-го декабря Высочайше утверждено положеніе Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, которымъ опредѣлено: „1) разослать труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ полныхъ экземплярахъ министрамъ и главноуправляющимъ, генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, губернскимъ предводителямъ дворянства и губернскимъ земскимъ управамъ, а равно въ высшія государственныя учрежденія, министерства и главныя управленія, въ числѣ экземпляровъ, опредѣляемомъ предсѣдателемъ Особаго совѣщанія; систематическіе же своды трудовъ послать, кромѣ перечисленныхъ учрежденій и лицъ, также уѣзднымъ предводителямъ дворянства и въ уѣздныя земскія управы. 2) Предоставить предсѣдателю Особаго совѣщанія, по ближайшему его усмотрѣнію, разсылать труды комитетовъ и своды ихъ въ высшія учебныя заведенія, главнѣйшія ученыя общества и установленія, въ библіотеки, отдѣльнымъ ученымъ и изслѣдователямъ и другимъ, не поименованнымъ въ пунктѣ первомъ, учрежденіямъ и лицамъ". Чтобы дать понятіе объ объемѣ работъ, доводимыхъ, этимъ путемъ, до свѣдѣнія общества, достаточно замѣтить, что подлинные труды комитетовъ составляютъ 58 томовъ (около 1.800 печатныхъ листовъ, свыше 28 тыс. страницъ), а систематическіе своды—18 томовъ. Печатаніе первыхъ почти закончено; печатаніе послѣднихъ будетъ приведено къ концу въ началѣ 1904-го года. Въ 49 губернскихъ и 482 уѣздныхъ коми-

тетахъ участвовало, какъ видно изъ постановленія Особаго совѣщанія, до 11 тысячъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстной администраціи, дворянамъ-землевладѣльцамъ, земскимъ дѣятелямъ, крестьянамъ и другимъ общественнымъ группамъ. По словамъ совѣщанія, „значительное большинство членовъ комитетовъ состояло изъ лицъ, по своему служебному положенію или по роду своей дѣятельности близко знакомыхъ съ вопросами, касающимися положенія и нуждъ нашей сельско-хозяйственной промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда, благодаря чему труды комитетовъ пріобрѣтаютъ большую цѣнность какъ для Особаго совѣщанія, такъ и для всѣхъ учрежденій и лицъ, которымъ приходится заниматься указанными вопросами. Комитеты, въ общемъ, съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ возложенной на нихъ задачѣ и по многимъ вопросамъ представили цѣнный матеріалъ. Такимъ образомъ, независимо отъ того значенія, которое имѣютъ работы комитетовъ для Особаго совѣщанія въ смыслѣ согласованія его трудовъ съ дѣйствительными условіями жизни, работы эти получаютъ большое практическое и научное значеніе; поэтому весьма желательно, чтобы данными, собранными усиліями мѣстныхъ людей, могли воспользоваться интересующіяся экономическою жизнью нашего отечества учрежденія и отдѣльныя лица“. Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ Особаго совѣщанія позволяетъ надѣяться, что отъ его вниманія не ускользнетъ ни одна сторона дѣятельности комитетовъ.

СЕЛЬСКАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ СТРАЖА.

Письмо въ Редакцію.

Новый законъ о сельской полицейской стражѣ съ одной стороны—новое пріобрѣтеніе для провинціи. Для улучшенія порядка и безопасности въ сельскихъ мѣстностяхъ правительство не остановилось передъ столь большой жертвой, какъ 10 милліоновъ ежегоднаго расхода. Но и само правительство не увѣрено, что его заботы вылились въ безошибочную форму. Новая стража вводится только временно до вновь возвѣщенной реформы мѣстнаго управленія. Именно въ виду возможности перемѣнъ въ этомъ законѣ и подвергается здѣсь критикѣ начало, положенное въ его основаніе.

Улучшить въ сельскихъ мѣстностяхъ порядокъ и безопасность—у правительства было два пути. Оно могло: или устроить казенную сельскую стражу, или поручить полицейскую дѣятельность на мѣстахъ организованнымъ мѣстнымъ силамъ, превративъ нынѣшнюю крестьянскую волость, уже обладающую полицейскими обязанностями, во всесословную. Общественное мнѣніе, поднявшее въ послѣдніе годы вопросъ объ этой волости, подъ названіемъ — мелкой земской единицы, очевидно работало въ этомъ направленіи. Если же въ первоначальныхъ проектахъ объ этихъ земскихъ единицахъ полицейская власть имъ не присвоивалась, и онѣ оставались внѣ связи съ общей администраціей, то это объяснялось не существомъ дѣла,—обществу казалось трудно придумать такую комбинацію правительственной администраціи съ общественнымъ учрежденіемъ, которая гарантировала бы послѣднему самостоятельность.

Завѣдываніе порядкомъ и безопасностью на мѣстахъ самими организованными мѣстными людьми было исконнымъ, живымъ явленіемъ на Руси. Не говоря уже объ удѣльномъ періодѣ, когда общественныя учрежденія были *всѣ* на мѣстахъ; даже централистическое московское правительство губными грамотами и введеніемъ земскаго самоуправленія—взамѣнъ намѣстническаго кормленія—предоставляло обществу широкую полицейскую власть:—сыскъ воровъ и разбойниковъ, огражденіе себя отъ нихъ и даже ихъ казнь. Въ петербургскомъ періодѣ то же явленіе продолжало выражаться въ возложеніи на дворянство функцій уѣздной полиціи, полицейской же стражи (сотскіе, организованные Екатериной и теперь уничтоженные) — на крестьянство.

Сюда же принадлежало право сельскихъ общинъ ссылать своихъ порочныхъ членовъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе всей исторіи Россіи мы видимъ, что полицейская власть оставалась въ рукахъ самого населенія, и фактически порядокъ въ деревенской Руси поддерживался не номинальными органами правительства, а самимъ обществомъ, а потому послѣднее надо считать достаточно опытнымъ и умѣлымъ въ этой отрасли управленія.

Однако порабощеніе однихъ классовъ другими, сословность общества, а потому его разрозненность и весь крѣпостной его строй—мѣшали правильной дѣятельности полицейскихъ органовъ населенія. Помѣщики, какъ полицейскіе начальники, эксплоатировали власть въ своихъ интересахъ и въ лучшемъ случаѣ дѣйствовали односторонне; тѣмъ же грѣшили капитанъ-исправники и нижніе земскіе суды. Крестьянская же полицейская стража, оторванная отъ культурнаго воздѣйствія другихъ сословій, задохлась въ своей ограниченности и приниженности, и превратилась въ крѣпостныхъ домашнихъ слугъ казенныхъ полицейскихъ чиновъ.

Видя такую неудовлетворительную дѣятельность общества и не будучи въ состояніи дѣйствовать въ корень, возсоединить разрозненное общество,—правительство стало понемногу отнимать полицейскую власть у общества. Такъ, въ 1837 г. учреждаются становые, коронные пристава, хотя участіе дворянства въ ихъ назначеніи остается. Въ 1861 году—коронные исправники и ихъ помощники; въ 1878 году—урядники; въ этомъ же году реформа довершается казенной сельской стражей.

Замѣчательно, что всѣ эти реформы общество встрѣчало несочувственно, хотя всѣ онѣ клонились къ водворенію лучшаго порядка и безопасности, т.-е. первѣйшей потребности самого же общества. Въ этомъ настроеніи можетъ быть смутно выражалось сознаніе, что правительсто идетъ не по историческому пути. Однако разъ былъ сдѣланъ шагъ и въ послѣднемъ направленіи. По Положенію 19 февраля 1861 г. волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ была дана полицейская власть, и новые полицейскіе начальники стали гораздо дѣйствительнѣе и дѣятельнѣе предупреждать преступленія и охранять безопасность, чѣмъ спеціальные полицейскіе чины. Можно даже сказать, что въ современной деревнѣ земскій миръ поддерживается именно первыми, а не послѣдними. Такимъ образомъ удалась скромная попытка общественной полиціи, предпринятая въ эпоху паденія главнаго тормаза общественнаго единенія, тогда какъ учрежденія Екатерины потерпѣли неудачу.

Полицейская власть у общественныхъ крестьянскихъ властей

остается и при новомъ законѣ; оставлены и десятскіе, оставлена и специальная общественная полиція—торговая. Все это показываетъ, что при русскихъ условіяхъ невозможно послѣдовательно провести принципъ казенной полиціи. При невозможности же разграничить компетенцію общественныхъ и правительственныхъ агентовъ, ихъ отвѣтственность раздѣляется, а потому ослабляется.

Одна изъ ближайшихъ причинъ трудности подобрать у насъ удовлетворительную казенную стражу въ селахъ, это—плохой составъ ея непосредственнаго начальства. Въ деревнѣ понятіе станового чаще связывается съ злоупотребленіемъ, чѣмъ съ понятіемъ водворенія порядка. Это—мелкій русскій уѣздный чиновникъ, имѣющій всѣ знакомыя намъ его свойства, т.-е. менѣе всего думающій о дѣйствительномъ дѣлѣ. Какое воздѣйствіе и какой контроль можетъ онъ имѣть на подначальную стражу?

Къ этой обычной некультурности уѣздныхъ полицейскихъ чиновъ надо присоединить фактическую ихъ безнаказанность. Губернаторы слишкомъ отъ нихъ далеки и обременены дѣлами. Они могутъ только наружно казаться грозными и требовательными. Правителей уѣздовъ—предводителей дворянства, при переживаемомъ этою должностью кризисѣ, во многихъ уѣздахъ не оказывается на лицо.

При осложнившихся условіяхъ жизни, скученности населенія въ городахъ, капиталистическомъ строѣ и розни классовъ, когда общественныя связи порываются, коронная полицейская стража имѣетъ преимущества передъ мѣстной; но не таковы условія Россіи съ простотой ея сельскаго быта и легкою возможностью возстановить прежнюю связь всѣхъ классовъ для общей работы [1]).

Отъ нашихъ историческихъ и современныхъ условій переходимъ къ общимъ соображеніямъ.

Если даже идея отдѣленія судебной отъ административной властей въ кругу мелкихъ дѣлъ обыденной жизни можетъ быть оспариваема, то такія возраженія еще болѣе усиливаются при отдѣленіи заботъ благосостоянія отъ заботъ о безопасности. Проф. М. Свѣшниковъ въ своемъ сочиненіи „Предѣлы и основы самоуправленія" (стр. 219) говоритъ по этому вопросу слѣдующее:

„Переберемъ всѣ категоріи дѣлъ, входящихъ въ компетенцію общины и земства, и мы увидимъ, что созданіе особой сѣти органовъ полиціи безопасности совершенно отдѣльно отъ органовъ полиціи благосостоянія, каковыми являются органы самоуправленія,—является весьма вреднымъ для успѣшности дѣйствій администраціи. Пять глав-

[1]) Во всякомъ случаѣ, для такой бѣдной страны, какъ Россія, культурныя требованія которой не находятъ средствъ для удовлетворенія, коммунальная стража во всякомъ случаѣ имѣетъ громадное преимущество—дешевизну.

нѣйшихъ категорій дѣлъ обыкновенно считаются входящими въ компетенцію самоуправленія,—это забота о живни и здоровьѣ, питаніи, призрѣніи, духовной жизни населенія и о путяхъ сообщенія. Въ общепринятой терминологіи это будетъ народное здравіе, продовольствіе, общественное призрѣніе, образованіе и дорожная часть. Если теперь мы возьмемъ какой-либо предметъ, входящій въ область заботъ о народномъ здравіи, напр. принятіе различныхъ санитарныхъ мѣръ, то сейчасъ же увидимъ, что на ряду съ попеченіемъ о благосостояніи является настоятельная необходимость въ охраненіи безопасности. При полномъ раздѣленіи полиціи безопасности и благосостоянія—выходитъ, что органы первой не въ силахъ ни остановить, ни задержать нарушителя порядка, а должны отправляться къ органу полиціи безопасности. Подобный порядокъ не въ состояніи привести къ благотворнымъ результатамъ; то же самое можно сказать о заботахъ по народному продовольствію, ибо трудно рѣшить, къ какой отрасли полиціи благосостоянія или безопасности принадлежитъ охрана хлѣбнаго магазина. Еще труднѣе это раздѣленіе провести въ области общественнаго призрѣнія, такъ какъ тамъ, гдѣ общественное призрѣніе попадало въ свѣтскія руки, вездѣ оно возникало благодаря, главнымъ образомъ, требованію безопасности. Точно такъ же при заботахъ о народномъ образованіи, при охранѣ школы, при наблюденіи за обязательною присылкою учениковъ въ школу, мы не въ состоянія отдѣлить заботы благосостоянія отъ нѣкоторой доли принудительности, которая должна быть у органовъ школьнаго дѣла; другими словами, и эти органы не въ состояніи обойтись безъ полицейской власти. Наконецъ, послѣдняя изъ намѣченныхъ нами отраслей вѣдомства, дорожная часть, въ вопросахъ объ охранѣ дорогъ, заставъ, водныхъ путей и т. п., вызываетъ еще чаще на практикѣ необходимость прибѣгать къ органамъ полиціи безопасности, что было бы проще возложить на органы самоуправленія, заботящіеся объ этомъ"...

И проф. Свѣшниковъ приходитъ къ общему заключенію, что тамъ, гдѣ правительство выдѣляетъ полицію безопасности изъ-подъ власти органовъ самоуправленія,—тамъ это происходитъ не ради административныхъ соображеній, а ради политическихъ.

У насъ въ Россіи такія соображенія понятны для окраинъ, но не для центра, особенно для деревенскаго центра. Здѣсь союзъ общества и государства не только крѣпокъ, но государство и общество—почти синонимы, такъ какъ тѣхъ же началъ, которыя должны охранять правительство, держится здѣсь и общество.

Явленія нѣкоторой смуты, переживаемыя нами въ настоящее время, не представляютъ также достаточнаго основанія къ существованію особой правительственной полиціи. Эти явленія развиваются у насъ,

благодаря нравственнымъ пустырямъ нашего быта, и не полиція можетъ съ ними бороться. Напротивъ, первые шаги къ связности всего общества и къ органическому соединенію его съ правительствомъ должны способствовать ихъ исчезновенію.

Но именно потому, что передача полиціи безопасности будущимъ органамъ нашего самоуправленія дастъ имъ большую интенсивность, такая передача не должна совершиться безъ установленія контроля, и даже контроля административнаго, разъ имъ передается часть административныхъ функцій. Эти органы должны быть поставлены въ условія, обезпечивающія какъ интересы отдѣльныхъ лицъ, такъ и само государство и общество, отъ всякихъ посягательствъ и незаконныхъ дѣйствій. Поэтому можетъ быть допущено оставленіе казеннаго исправника, не только какъ полицейскаго начальника всего уѣзда, но и какъ инспектора будущихъ общинныхъ полицій. Мы пошли бы дальше—по старому нашему началу передачи губныхъ правъ самимъ общинамъ только по ихъ челобитьямъ—мы бы предложили такую систему и теперь. Условія Россіи многообразны. Такъ, въ иныхъ мѣстахъ, какъ исключеніе, могутъ сложиться болѣе благопріятныя условія для казенной стражи, чѣмъ для общинной, тѣмъ болѣе, что, будучи общественною, она во многихъ мѣстахъ останется наемною.

Л. Дашкевичъ.

Кирсановъ, тамб. г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1904.

Политическія событія истекшаго года. — Роль Японіи, какъ великой державы.— Восточно-азіатскій кризисъ.—Македонскій вопросъ и балканскія государства.—Политическія дѣла Автро-Венгріи, Германіи, Франціи и Англіи.

Общее международное положеніе измѣнилось къ худшему въ теченіе послѣдняго года, и предъ нами все рѣзче выступаютъ опасности, которыя еще недавно казались почти невозможными. Годъ тому назадъ не было и рѣчи о войнѣ, и политическія обстоятельства были для насъ безусловно благопріятны; въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ замѣчалось раздраженіе противъ Германіи, которая вовлекла лондонскій кабинетъ въ крайне непопулярное предпріятіе противъ Венецуэлы,—и англійская печать, какъ и американская, настойчиво поддерживала мысль о прочномъ соглашеніи съ Россіею по всѣмъ спорнымъ вопросамъ текущей политики. Теперь и въ Англіи, и въ Америкѣ, повторяются толки о предстоящихъ, будто бы, кровавыхъ событіяхъ на дальнемъ Востокѣ; англійскія и американскія газеты ведутъ дѣятельную агитацію противъ Россіи, обвиняя ее въ завоевательныхъ планахъ, въ недобросовѣстности и лицемѣріи. Какъ и почему произошла эта метаморфоза — понять трудно. Русская дипломатія осталась прежняя; цѣли и пріемы ея не могли сдѣлаться другими, чѣмъ они были раньше; извѣстное всему свѣту миролюбіе Россіи не имѣло повода уступать мѣсто воинственнымъ порывамъ, и тѣмъ не менѣе существовавшее довѣріе къ нашей политикѣ ввезапно пошатнулось, или даже смѣнилось враждебнымъ чувствомъ, насколько можно судить по отзывамъ иностранныхъ газетъ.

Самое любопытное въ новѣйшемъ восточно-азіатскомъ кризисѣ— это роль Японіи, какъ великой державы, отъ голоса которой зависитъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Общественное мнѣніе Европы и Америки съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за извѣстіями о томъ, что̀ думаютъ въ Токіо и какія рѣшенія ожидаются отъ японскихъ министровъ и японскаго парламента. Переговоры съ Россіею о Кореѣ и Манчжуріи тянулись довольно долго, безъ опредѣленнаго результата; говорятъ, что задержки происходили больше съ нашей стороны, и будто мы вообще не торопились отвѣчать на предложенія или требованія Японіи. Японцы стали обнаруживать нетерпѣніе и нервность, которыя усиливались по мѣрѣ того, какъ приближался моментъ откры-

тія парламентской сессіи. Парламентъ собрался 10 декабря (нов. стиля) въ помѣщеніи верхней палаты; императоръ лично прочелъ тронную рѣчь, въ которой, по обыкновенію, обрисовано положеніе дѣлъ въ оптимистическомъ тонѣ. Относительно внѣшняго кризиса было упомянуто только, что „министрамъ поручено заботливо вести важные переговоры для обезпеченія мира и для поддержанія правъ имперіи". Парламентъ не удовлетворился такимъ заявленіемъ, и тотчасъ по уходѣ микадо состоялось засѣданіе нижней палаты для принятія соотвѣтственной резолюціи. Единогласно одобренъ былъ палатою проектъ отвѣтнаго адреса, заключавшій въ себѣ прямое осужденіе политики правительства. „Въ такое критическое время, какъ настоящее, когда рѣшается судьба имперіи, — говорилось въ этомъ отвѣтѣ на тронную рѣчь,—мѣропріятія министровъ не отвѣчаютъ важности обстоятельствъ, такъ какъ кабинетъ занятъ только внутренними дѣлами и упускаетъ благопріятные случаи во внѣшнихъ отношеніяхъ. Дипломатія кабинета ошибочна, и мы усердно просимъ ваше величество обратить на этотъ предметъ свое просвѣщенное вниманіе". На слѣдующій же день, 11 декабря, было объявлено о распущеніи палаты, и назначены новые выборы на 1 марта. Очевидно, настроеніе парламента представлялось опаснымъ для мира, сохраненіемъ котораго было озабочено правительство микадо, и послѣднее предпочло довести до конца начатые переговоры безъ участія и контроля народныхъ представителей. Министрамъ ставилось въ упрекъ, что они не воспользовались благопріятнымъ случаемъ разрѣшить спорные вопросы силою, пока Россія не успѣла еще докончить свои военныя приготовленія на дальнемъ Востокѣ; но японское правительство не имѣло въ виду воевать, и потому не считало возможнымъ предпринимать такія дѣйствія, которыя привели бы къ столкновенію съ Россіею, хотя бы для этого существовали благопріятные моменты съ точки зрѣнія японскихъ патріотовъ. Серьезный разладъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Японіи по вопросу о войнѣ и мирѣ избавилъ страну отъ рискованнаго шага и въ то же время предупредилъ или отсрочилъ катастрофу, которую съ упорною настойчивостью возвѣщали англійскія и американскія газеты. Однако тотъ фактъ, что миръ на дальнемъ Востокѣ зависитъ уже не только отъ Англіи или Россіи, но еще и отъ Японіи, сохраняетъ все свое политическое значеніе для настоящаго и еще болѣе для будущаго. Японія чего-то требуетъ отъ Россіи, добивается отъ нея какихъ-то уступокъ, говоритъ и дѣйствуетъ какъ могущественная держава, располагающая достаточными силами для подкрѣпленія своихъ требованій; она имѣетъ внушительный военный флотъ и огромную армію, отлично вооруженную и дисциплинированную по европейскому образцу; она пользуется притомъ поддерж-

кою Англіи, съ которою находится въ формальномъ союзѣ, и британскіе имперіалисты охотно берутъ на себя роль закулисныхъ подстрекателей по отношенію къ японскимъ шовинистамъ. Всего нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Японія вступила на путь своего національнаго пробужденія и обновленія; еще недавно она вызывала лишь снисходительное любопытство иностранныхъ путешественниковъ, а теперь приходится считаться съ нею, какъ съ равноправнымъ культурнымъ государствомъ. Для Японіи шестидесятые годы дѣйствительно были началомъ новой эры, а не только свѣтлымъ эпизодомъ, о которомъ принято съ грустью вспоминать въ позднѣйшую эпоху реакціи; японскіе правители не останавливались на полдорогѣ и не обращались пугливо вспять при первой вспышкѣ оппозиціоннаго духа въ населеніи; они сознательно и твердо шли впередъ, не смущаясь временными недоразумѣніями и противорѣчіями,—такъ какъ дѣло шло о всей будущности Японіи, а не объ интересахъ и чувствахъ того или другого общественнаго класса, той или другой придворной или общественной группы. Японія не уклонялась отъ избранной разъ дороги и послѣдовательно преобразовывала весь свой политическій бытъ сообразно условіямъ и потребностямъ современной культурной жизни; и въ сравнительно короткій періодъ достигнуты были поразительные результаты, важность которыхъ лучше всего опредѣляется новѣйшею ролью Японіи въ восточно-азіатскомъ кризисѣ. Англичане, необыкновенно чуткіе къ вопросамъ о національной выгодѣ, отбросили свою традиціонную гордость въ сношеніяхъ съ чужими расами и не усомнились вступить въ близкія политическія связи съ новою японскою державою; а теперь печать всего міра прислушивается къ тому, что̀ скажетъ правительство или парламентъ Японіи. Этотъ быстрый прогрессивный ростъ японской націи не могъ не повліять на умы ея патріотовъ, возбудивъ въ нихъ склонность къ преувеличенному самомнѣнію и задору; это самомнѣніе японцевъ, быть можетъ, даетъ себя чувствовать русскимъ дипломатамъ, дѣйствующимъ на дальнемъ Востокѣ, и служитъ отчасти матеріаломъ для рѣзкихъ практическихъ выводовъ въ нѣкоторой части нашей печати,—но оно, конечно, не должно отражаться на характерѣ и направленіи нашей политики. Принципы миролюбія и разсчетливости не позволяютъ намъ ссориться съ Японіею изъ-за пустыхъ пререканій и придирокъ; мы можемъ совершенно не обращать вниманія на тонъ японскихъ публицистовъ и стоящихъ за ними англо-американскихъ друзей, если у насъ нѣтъ намѣренія тратить народныя силы и средства на безцѣльную борьбу изъ-за китайскихъ земель. Въ подобныхъ случаяхъ высказывается иногда желаніе „проучить“ задорныхъ сосѣдей,—хотя мнимый урокъ былъ бы въ то же время тяжелымъ наказаніемъ для

самихъ учителей. Международные уроки, принимающіе форму войны, имѣютъ, къ сожалѣнію, особое свойство—вредить одинаково обѣимъ сторонамъ. Было бы слишкомъ нелѣпо—проливать свою кровь только для того, чтобы пріучить другихъ къ скромности. Не дѣло государства—брать на себя учебно-карательную миссію относительно чужихъ народовъ; и само собою разумѣется, что наша дипломатія смотритъ на возникшій конфликтъ исключительно съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, безъ всякой примѣси международной педагогіи.

Обстоятельства, приведшія къ обостренію восточно-азіатскаго кризиса, намъ въ точности неизвѣстны; никакихъ авторитетныхъ разъясненій по этому предмету сдѣлано не было, а иностранные источники оказываются черезчуръ пристрастными и несправедливыми. Повидимому, сначала происходили споры по поводу ограниченія торговыхъ правъ иностранцевъ въ занятой нами Манчжуріи, причемъ главными нашими оппонентами были англичане и американцы; потомъ, лѣтомъ истекшаго года, выступила на первый планъ Японія, и разногласія касались уже не только Манчжуріи, но и Кореи; постепенно корейскій вопросъ дѣлался все болѣе жгучимъ и запутывалъ также манчжурскія дѣла; удаленіе русскихъ войскъ изъ Манчжуріи становилось все болѣе проблематичнымъ, чѣмъ настойчивѣе требовали этого противники и чѣмъ сильнѣе обнаруживались японскія притязанія на Корею. Крайняя трудность вопроса заключается именно въ томъ, что дѣло сводится къ требованію односторонней уступки или даже отступленія Россіи; а добровольно уступать или отступать не принято между великими державами, да и невозможно въ томъ случаѣ, когда уступчивость служитъ предметомъ враждебныхъ домогательствъ и угрозъ. Въ свое время наше правительство оффиціально заявило о своемъ намѣреніи очистить Манчжурію и возвратить ее Китаю при соблюденіи извѣстныхъ условій; что же касается Кореи, то она торжественно признана была независимой имперіей, на которую никакія посторонніе державы не могутъ заявлять свои притязанія. Обязательство относительно Манчжуріи осталось неисполненнымъ и превратилось въ ядовитое оружіе иностранной дипломатіи противъ Россіи; объ очищеніи китайской территоріи хлопочетъ уже не Китай, а Японія, и та же Японія претендуетъ на преобладаніе въ Кореѣ, гдѣ и у насъ нашлись какіе-то важные промышленные интересы. Какимъ образомъ манчжурскій вопросъ подвергся столь радикальному превращенію, и почему Корея, объявленная независимымъ государствомъ, сдѣлалась объектомъ формальнаго спора между Японіею и Россіею,—это остается неяснымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дипломатія прошла длинный и сложный путь, прежде чѣмъ дошла до нынѣшней печальной путаницы, и на этомъ сложномъ пути допущено было, по всей вѣроятности, не

мало ошибокъ, которымъ суждено занять свое опредѣленное мѣсто въ ряду интересныхъ дипломатическихъ тайнъ. Въ японскомъ парламентѣ говорилось о японскихъ ошибкахъ, но едва ли пришлось бы упоминать о нихъ, еслибы имъ не предшествовали погрѣшности и упущенія съ нашей стороны. Можно надѣяться, что русскимъ представителямъ на дальнемъ Востокѣ удастся найти мирный выходъ изъ существующихъ затрудненій, не связанныхъ вообще съ жизненными политическими нуждами Россіи.

Другое печальное наслѣдіе истекшаго года—македонскій вопросъ, еще болѣе далекій отъ разрѣшенія, чѣмъ манчжурскій. Противъ скромной программы турецкихъ реформъ, предложенной Австро-Венгріею и Россіею, вооружились мусульманскіе фанатики, преимущественно албанцы, пользовавшіеся издавна особымъ благоволеніемъ Порты; они долго совершали разныя безчинства и насилія надъ христіанскимъ населеніемъ, отчасти въ союзѣ и при содѣйствіи регулярной арміи, подъ предлогомъ усмиренія непокорныхъ. Убійство турецкими солдатами двухъ русскихъ консуловъ, Щербины и Ростковскаго, въ мартѣ и іюлѣ, нисколько не повліяло на политику державъ относительно Турціи и турецкаго режима. Отъ имени Европы продолжала говорить и дѣйствовать Австро-Венгрія, опираясь на дипломатическое соглашеніе съ Россіею. Австрійскіе принципы примѣнялись въ балканскихъ дѣлахъ съ суровою прямолинейностью: всѣ права были на сторонѣ турокъ, какъ полноправныхъ распорядителей страны; имъ предоставлено было безпощадно расправляться съ отрядами возставшихъ македонцевъ и собирать войска противъ Болгаріи для удержанія ея отъ скрытаго или явнаго содѣйствія бѣдствующимъ соплеменникамъ; главнѣйшія дипломатическія усилія и заботы кабинетовъ направлены были не къ тому, чтобы побудить Порту сдѣлать какія-либо уступки въ пользу христіанъ, а къ тому, чтобы обезпечить Турцію отъ вмѣшательства Болгаріи и помѣшать послѣдней оказывать помощь и поддержку злосчастнымъ македонцамъ.

Вѣнскій кабинетъ постоянно выставлялъ болгарское княжество, какъ главный источникъ броженія и безпорядковъ въ Македоніи, и тотъ же рутинный взглядъ высказанъ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Голуховскимъ, въ недавнемъ годичномъ обзорѣ внѣшней политики, въ засѣданіи венгерской делегаціи, 16 декабря (нов. ст.). Послѣ тѣхъ исключительныхъ мѣръ, которыя приняты были державами и Портою съ цѣлью изолировать и парализовать Болгарію, дальнѣйшія обвиненія противъ нея представлялись бы уже въ сущности неумѣстными, такъ какъ княжество фактически вы-

нуждено было соблюдать строгій нейтралитетъ и рѣшительно не допускало организаціи вооруженныхъ отрядовъ на своей территоріи. Но если возможно было заставить софійское правительство держаться спокойно, то никакая дипломатія не могла достигнуть той же безучастности со стороны болгарскаго населенія. Говоря о Болгаріи, австрійскій министръ, очевидно, имѣетъ въ виду болгарскій народъ, который, вопреки всѣмъ оффиціальнымъ преградамъ и запрещеніямъ, стремился въ той или другой формѣ помочь или выразить сочувствіе освободительному движенію въ Македоніи. Многія тысячи македонскихъ болгаръ, спасшихся отъ турецкой расправы и нашедшихъ пріютъ въ предѣлахъ княжества, были живыми свидѣтелями неразрывной стихійной связи, соединяющей Болгарію съ родственнымъ ей населеніемъ Македоніи. Свѣдѣнія и разсказы объ этихъ „бѣженцахъ" естественно возбуждали раздраженіе болгаръ противъ европейской дипломатіи, защищающей турецкое владычество, и враждебное чувство къ Австро-Венгріи невольно переносилось и на ея союзниковъ. Старые противники Россіи, бывшіе сотрудники и единомышленники Стамбулова, воспользовались угнетеннымъ настроеніемъ болгаръ, чтобы вернуть себѣ власть и популярность, вытѣснить со сцены руссофильскую партію и пріобрѣсть большинство въ народномъ собраніи; министерство Петрова-Петкова, которое, впрочемъ, не можетъ быть названо руссофобскимъ, укрѣпило свое положеніе, но не успѣло убѣдить публику въ превосходствѣ своей программы. Болгарія должна пока отказаться отъ самостоятельной активной политики, въ ожиданіи дальнѣйшаго развитія балканскаго кризиса. Возстаніе въ Македоніи подавлено и почти прекратилось. Державы расширили кругъ своихъ реформаторскихъ предположеній и включили въ нихъ установленіе международнаго надзора за проведеніемъ реформъ; при генеральномъ инспекторѣ Хильми-пашѣ будутъ состоять два иностранныхъ ассистента, австрійскій и русскій, для наблюденія и контроля; во главѣ мѣстной жандармеріи предполагается иностранный генералъ; но дѣйствительная правительственная власть останется за турецкими начальниками, администрація не выйдетъ изъ турецкихъ рукъ, войско сохраняетъ свой особый мусульманскій характеръ, и христіанское населеніе получитъ только возможность надѣяться на болѣе правильное и постоянное заступничество иноземныхъ представителей. Такого рода гарантія едва ли достаточна для обезпеченія мѣстныхъ христіанъ отъ беззаконій, присущихъ турецкому режиму. Даже и эти результаты были достигнуты съ большимъ трудомъ, послѣ упорныхъ и продолжительныхъ переговоровъ съ Портою; македонскій вопросъ не разрѣшенъ, а отложенъ на неопредѣленное время,

Національныя стремленія болгаръ потерпѣли неудачу, но болгары

могутъ по крайней мѣрѣ сознавать, что они съ своей стороны сдѣлали все зависѣвшее отъ нихъ для возбужденія и защиты македонскаго дѣла. Сербіи не привелось играть такую же активную роль при охранѣ интересовъ сербской народности въ пограничныхъ турецкихъ земляхъ. Сербское королевство держалось въ сторонѣ отъ общаго балканскаго кризиса, подчиняясь всецѣло руководству и покровительству вѣнскаго кабинета; австрійское вліяніе утвердилось особенно съ конца семидесятыхъ годовъ, при королѣ Миланѣ, и сдѣлалась уже обязательной традиціей для дома Обреновичей при королѣ Александрѣ. Сербія переживала тяжелый внутренній кризисъ въ то время какъ происходили волненія въ Македоніи и Старой Сербіи. Король Александръ все болѣе замыкался въ свой особый міръ, избѣгалъ общенія съ народомъ, обнаруживалъ подозрительность и недовѣріе къ окружающимъ, удивлялъ страну своими неожиданными и непонятными рѣшеніями, частыми государственными переворотами и министерскими перемѣнами, и наконецъ оттолкнулъ отъ себя армію неумѣреннымъ возвеличеніемъ братьевъ королевы, простыхъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ готовился даже получить титулъ наслѣдника престола. Въ мартѣ король внезапно отмѣнилъ конституцію, чтобы измѣнить личный составъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и вслѣдъ затѣмъ возстановилъ ту же отвергнутую конституцію, съ новымъ штатомъ сановниковъ; эти перемѣны, какъ предполагалось, должны были способствовать осуществленію страннаго проекта, относившагося къ брату королевы Драги, поручику Никодиму Луневицѣ. Престолонаслѣдіе не было, однако, утверждено за фамиліей Луневицы, такъ какъ въ ночь на 29 мая король Александръ и его супруга погибли подъ ударами офицеровъ-заговорщиковъ. Домъ Обреновичей окончилъ свое существованіе; погибли также оба брата королевы, нѣкоторые изъ министровъ и приближенныхъ. Назначенное заговорщиками временное правительство, съ бывшимъ министромъ Авакумовичемъ во главѣ, тотчасъ приняло мѣры для призванія на престолъ князя Петра Карагеоргіевича, проживавшаго въ Женевѣ. Новый король съ самаго же начала очутился въ крайне щекотливомъ положеніи: обязанный своимъ трономъ офицерамъ-заговорщикамъ, онъ не могъ отдѣлиться отъ нихъ и вынужденъ былъ мириться съ фактическимъ господствомъ ихъ въ высшей администраціи и при дворѣ, а между тѣмъ иностранные кабинеты требовали или ожидали отъ него не только удаленія, но и формальнаго осужденія убійцъ. Министръ-президентъ, генералъ Савва Груичъ, съумѣлъ во многомъ облегчить трудную задачу короля Петра; но виновники кроваваго переворота опираются на патріотическое чувство, не допускающее иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла страны, и съ этой точки зрѣнія всякая попытка устранить за-

говорщиковъ была бы истолкована въ смыслѣ трусливаго подчиненія иноземнымъ вліяніямъ. Такъ какъ Сербія есть самостоятельное королевство, а не вассальное княжество, подобно Болгаріи, то требованія чужихъ правительствъ, хотя бы и самыхъ дружественныхъ, не могутъ быть исполнены безъ ущерба для національнаго достоинства и для авторитета короны; оттого упомянутые офицеры до сихъ поръ занимаютъ видныя оффиціальныя должности, и вызванный этимъ обстоятельствомъ демонстративный отъѣздъ иностранныхъ дипломатовъ изъ Бѣлграда въ отпускъ на неопредѣленное время остался также безъ серьезныхъ практическихъ послѣдствій. Развязка этого своеобразнаго кризиса достигнется вѣроятно сама собою, когда она перестанетъ занимать иностранные кабинеты.

Австро-Венгрія представляетъ собою наглядное опроверженіе того стараго правила, что для хорошей внѣшней политики требуется благополучіе во внутреннихъ дѣлахъ. Австрійская дипломатія дѣйствуетъ образцово, преслѣдуетъ свои цѣли съ замѣчательною настойчивостью и достигаетъ блестящихъ результатовъ, безъ всякихъ жертвъ и безъ риска; она одновременно опирается на союзъ съ Германіею и Италіею для поддержанія своего престижа, пользуется содѣйствіемъ Россіи для неуклонной охраны своихъ интересовъ и своего первенствующаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, прочно водворяетъ австрійское господство въ Босніи и Герцеговинѣ, успѣшно проводитъ свои требованія въ Константинополѣ, рѣшительно поднимаетъ свой голосъ въ Бѣлградѣ и въ Софіи,—и все это при самомъ запутанномъ внутреннемъ состояніи австро-венгерской монархіи.

Безнадежный хроническій кризисъ былъ прежде удѣломъ только одной изъ половинъ имперіи, Цислейтаніи, гдѣ непримиримая національная борьба между нѣмцами и славянами тянется однообразно изъ года въ годъ, охватывая всѣ стороны политической жизни и не давая правильно дѣйствовать парламенту; казалось, что Венгрія избавлена отъ этихъ непрерывныхъ волненій и замѣшательствъ, что она образуетъ болѣе цѣльное и сплоченное государство, и что сознательная мадьярская энергія справится и съ оппозиціею непримиримыхъ націоналистовъ, и съ недовольнымъ населеніемъ Хорватіи. Въ послѣдніе годы обѣ части монархіи сравнялись по части кризисовъ; но кабинеты чаще мѣняются и министерскіе посты труднѣе замѣщаются въ Венгріи, чѣмъ въ Австріи, такъ какъ венгерскіе министры больше зависятъ отъ парламента, чѣмъ австрійскіе; въ обоихъ представительныхъ собраніяхъ, въ Вѣнѣ и въ Будапештѣ, практикуется въ широкихъ размѣрахъ обструкція. Цислейтанскій министръ-президентъ,

въ качествѣ довѣреннаго органа и совѣтника короны, можетъ управлять и помимо парламентскаго большинства; поэтому глава министерства, фонъ-Керберъ, держится на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вопреки оппозиціи, тогда какъ его венгерскій коллега, графъ Кюнъ-Гедервари, назначенный преемникомъ Селля, долженъ былъ отказаться отъ принятой на себя миссіи, подъ напоромъ враждебныхъ парламентскихъ группъ. Однимъ авторитетомъ короны нельзя ничего достигнуть въ Будапештѣ; напротивъ, личное оффиціальное вмѣшательство императора Франца-Іосифа въ возбужденные спорные вопросы наиболѣе обострило кризисъ и сдѣлало невозможнымъ положеніе правительства, обязаннаго считаться съ общественнымъ мнѣніемъ страны, —ибо по конституціи венгерскій король руководствуется совѣтами мадьярскихъ министровъ и сообразуется съ желаніями національнаго парламента, а не высказывается подъ вліяніемъ чужихъ совѣтниковъ, пребывающихъ въ Вѣнѣ. Венгрія не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы мадьярскія войска подчинялись нѣмецкой командѣ, а единство нѣмецкихъ командныхъ словъ составляетъ для австрійцевъ и для императора Франца-Іосифа необходимое условіе внѣшняго единства имперской арміи. Въ сущности употребленіе нѣмецкаго языка въ австрійскихъ войскахъ сохранилось только по традиціи и потеряло разумный смыслъ со времени образованія особой германской имперіи, имѣющей свою нѣмецкую армію и производящей почти неодолимое притягательное дѣйствіе на родственные нѣмецкіе элементы австрійскихъ земель; трудно также предположить, чтобы полезнымъ объединяющимъ началомъ служилъ языкъ, вызывающій непріятныя и тяжелыя воспоминанія среди различныхъ крупныхъ и мелкихъ народностей, которыя нѣкогда чувствовали на себѣ гнетъ нѣмецкихъ централистовъ. Единство арміи зависитъ отъ ея духа и отъ общаго характера государственной жизни, и, конечно, духъ австрійской арміи не можетъ поддерживаться тѣмъ, что̀ раздражаетъ главнѣйшія племенныя массы, входящія въ ея составъ,—славянъ и мадьяръ. Этотъ споръ о языкѣ военной команды связывается венгерскими патріотами съ общимъ вопросомъ о болѣе полной политической самостоятельности мадьярскаго государства. Партія независимыхъ, во главѣ которыхъ стоитъ сынъ знаменитаго революціоннаго диктатора, Францъ Кошутъ, пользуется большою популярностью въ странѣ; она допускаетъ извѣстные компромиссы только подъ условіемъ признанія основныхъ національныхъ требованій мадьяръ, и только на этой почвѣ могъ образоваться новый кабинетъ графа Стефана Тиссы.

Венгерское министерство, каково бы оно ни было, всегда имѣетъ несравненно болѣе общаго съ своими парламентскими противниками, чѣмъ съ австрійскими оффиціальными дѣятелями. Антагонизмъ между

Австріею и Венгріею ярко освѣщается любопытнымъ обмѣномъ публичныхъ заявленій между обоими министрами-президентами, фонъ-Керберомъ и графомъ Тиссой. Керберъ въ австрійскомъ парламентѣ коснулся вопроса объ единствѣ арміи и выразилъ мнѣніе, что не можетъ быть рѣчи объ уступкахъ, нарушающихъ это единство; вслѣдъ затѣмъ, въ венгерской палатѣ графъ Тисса объяснилъ, что отзывъ фонъ-Кербера о мадьярскихъ требованіяхъ есть только сужденіе „знатнаго иностранца", не имѣющее никакого значенія для Венгріи, и вся палата съ восторгомъ встрѣтила эти слова министра-президента, который такимъ образомъ неожиданно привлекъ на свою сторону оппозицію и упрочилъ свое положеніе въ парламентѣ. Керберъ вторично произнесъ рѣчь въ австрійской верхней палатѣ, гдѣ доказывалъ, что соглашеніе 1867 года съ Венгріею сохранило единство имперіи; графъ Тисса опять-таки возражалъ въ венгерскомъ парламентѣ, ссылаясь на тотъ общеизвѣстный фактъ, что сдѣлка 1867 года замѣнила прежнее единство системою дуализма, въ которой Австрія и Венгрія въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ суть совершенно независимыя государства. Очевидно, австрійскій министръ проникнутъ еще иллюзіями стараго централистическаго режима, давно уничтоженнаго для Венгріи и тщетно пытающагося удержаться въ Австріи хотя бы въ болѣе мягкихъ либеральныхъ формахъ. Чехи по прежнему борются противъ притязаній австрійскихъ нѣмцевъ и прибѣгаютъ къ парламентской обструкціи для противодѣйствія враждебнымъ правительственнымъ начинаніямъ; въ другихъ областяхъ имперіи волнуются итальянцы, румыны, хорваты, требующіе также автономіи и равноправности, и всѣ эти составныя части монархіи или расползутся въ разныя стороны, или же организуютъ федерацію, о которой пока еще не думаютъ такіе государственные люди, какъ фонъ-Керберъ.

При полномъ внутреннемъ разбродѣ національностей нынѣшняя Австро-Венгрія сохраняетъ все свое политическое вліяніе во внѣшнихъ отношеніяхъ именно потому, что отдѣльные ея народы и элементы свободно пользуются всѣми благами разумнаго законнаго управленія, подлежащаго гласному общественному контролю и отвѣтственности; и если различныя племена ведутъ между собою мирную легальную борьбу въ парламентахъ и въ печати, то это происходитъ въ силу стихійныхъ причинъ и условій, которыя при другомъ режимѣ прорывались бы наружу иначе, въ болѣе грубыхъ и рѣзкихъ фактахъ. Монархія не отвѣчаетъ за то, что̀ дѣлаютъ подвластные ей народы, свободные отъ всякихъ ненужныхъ стѣсненій; и она можетъ открыто смотрѣть на міръ, съ поднятымъ челомъ, не опасаясь ни скрытыхъ уколовъ, ни неудобныхъ разоблаченій.

Въ Германіи отчасти улеглось увлеченіе отдаленными колоніальными предпріятіями; экспедиція въ Венецуэлу, затѣянная совмѣстно съ Англіею, возбудила сильное неудовольствіе въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и закончилась февральскимъ соглашеніемъ, которое, конечно, далеко не соотвѣтствовало первоначальнымъ замысламъ нѣмцевъ. Потребовалось много усилій, чтобы положить конецъ непріятнымъ англо-американскимъ нападкамъ на нѣмецкую внѣшнюю политику; вскорѣ газетныя обвиненія направились въ другую сторону, противъ Россіи, и грѣхи германскихъ предпринимателей были забыты. Предпріимчивость ослабѣла или пріостановилась, отчасти, быть можетъ, по случайнымъ причинамъ, въ виду болѣзни императора Вильгельма II.

Внутренняя политическая жизнь Германіи движется по широкому національному пути, при обстановкѣ, внушающей бодрую вѣру въ будущее. Въ іюнѣ происходили парламентскіе выборы, доставившіе крупный успѣхъ соціально-демократической партіи, которая все болѣе теряетъ свой сектантскій характеръ и становится самою дѣятельною активною силою имперскаго сейма. Энергическій старый вождь этой партіи, Бебель, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ германскаго парламента, выступаетъ часто съ горячими филиппиками противъ правительства, призывая къ отвѣту отдѣльныхъ министровъ и самого канцлера; и каждая рѣчь его привлекаетъ общее вниманіе, даетъ поводъ къ полезнымъ фактическимъ разъясненіямъ и комментаріямъ, а иногда позволяетъ и противникамъ одерживать легкія побѣды, въ родѣ тѣхъ, которыя недавно еще приписывались графу Бюлову расположенными къ нему газетами. По меньшей мѣрѣ два раза въ годъ происходятъ интересные парламентскіе турниры между представителями двухъ противоположныхъ міросозерцаній—имперскимъ канцлеромъ, просвѣщеннымъ консерваторомъ по натурѣ и положенію, и предводителемъ германской соціальной демократіи, убѣжденнымъ выразителемъ идей и надеждъ трехъ милліоновъ нѣмецкихъ интеллигентныхъ рабочихъ. Въ январѣ Бебель и Бюловъ столкнулись въ парламентѣ по поводу вопросовъ общей политики; въ концѣ года, въ декабрѣ, они вновь доставили публикѣ удовольствіе своими взаимными словесными нападеніями и изобличеніями. Бебель не любитъ красивыхъ фразъ; онъ сыплетъ фактами, приправленными ядовитымъ и отчасти угловатымъ остроуміемъ; онъ называетъ вещи по именамъ, ставитъ ребромъ самые щекотливые вопросы, не избѣгаетъ рѣзкихъ и грубыхъ эпитетовъ, и дѣлаетъ парадоксальные выводы изъ положеній и обстоятельствъ, признаваемыхъ и оппонентами. На этотъ разъ онъ осуждалъ и безпринципную полицейскую услужливость правительства по отношенію къ нѣкоторымъ иностраннымъ кабинетамъ, и чрез-

мѣрную расточительность военнаго вѣдомства, и замкнутый сословный характеръ прусскаго офицерства, и страшныя систематическія насилія и злоупотребленія относительно солдатъ; онъ указывалъ на странную угодливость властей при встрѣчѣ такихъ лицъ, какъ американскій миллiардеръ, Вандербильтъ, рядомъ съ полнымъ невниманіемъ или пренебреженіемъ къ массѣ скромныхъ тружениковъ, своихъ и иностранныхъ. Графъ Бюловъ подробно отвѣчалъ Бебелю, пользуясь слабыми сторонами его рѣчи, недосказанностью или неполнотою нѣкоторыхъ его доводовъ, неясностью или кажущеюся противорѣчивостью его требованій,—и изящныя, плавныя разсужденія канцлера имѣли обычный успѣхъ. Въ засѣданіи 14 декабря Бебель говорилъ вторично, чтобы опровергнуть отдѣльныя замѣчанія противника; затѣмъ опять говорилъ Бюловъ, и по увѣренію многихъ, превосходство краснорѣчія и убѣдительности осталось за канцлеромъ. Военный министръ, генералъ фонъ-Эйнемъ, защищалъ свое вѣдомство отъ обвиненій Бебеля, но въ дѣйствительности не отрицалъ справедливости этихъ обвиненій, обѣщая непремѣнно уничтожить всякіе поводы къ нимъ въ будущемъ.

Такого рода ораторскіе турниры носятъ уже нѣсколько другой характеръ во Франціи: принципіальные дебаты по общимъ вопросамъ возбуждаются довольно рѣдко, не приковываютъ къ себѣ общаго интереса и ведутся вообще съ чувствомъ невольной скуки, такъ какъ при республикѣ заступаются за свободу и справедливость представители наименѣе популярныхъ общественныхъ элементовъ, сторонники клерикальной и всякой иной реакціи, бонапартисты и іезуиты. Горячая защита духовныхъ конгрегацій во имя свободы и справедливости никого не соблазняла, потому что всѣ отлично понимали, какую цѣну имѣютъ эти громкія слова въ устахъ клерикаловъ. Министерство Комба исполняло свое назначеніе съ холодною прямолинейностью, истребляя цѣлую массу религіозно-воспитательныхъ учрежденій среди общаго равнодушія, при слабыхъ и отчасти фиктивныхъ протестахъ набожной части населенія. Борьба съ клерикализмомъ вступила какъ будто въ періодъ рутины; правительство и оппозиція повторяли давно извѣстные аргументы, и практическія мѣры слѣдовали одна за другою, вызывая обычную безплодную критику. Парламентскія засѣданія оживлялись, когда говорилъ Жоресъ объ эльзасскомъ вопросѣ или о дѣлѣ Дрейфуса, или когда Делькассé давалъ отчетъ о блестящемъ ходѣ и положеніи внѣшней французской политики. Иностранныя дѣла Франціи процвѣтали, какъ это доказывалось и пріѣздами королей Англіи и Италіи въ Парижъ, и заключеніемъ съ этими государствами новыхъ конвенцій о международномъ третейскомъ судѣ.

Для Англіи главнымъ политическимъ событіемъ истекшаго года было удаленіе Чемберлена изъ состава кабинета и превращеніе его въ дѣятельнаго вольнаго проповѣдника новаго таможеннаго союза съ цѣлью упроченія единства великой британской имперіи. Поразительный ростъ имперіалистскаго движенія въ Англіи и перспектива кровавыхъ конфликтовъ на дальнемъ Востокѣ при усердномъ участіи англо-американскихъ вдохновителей Японіи—обѣщаютъ намъ мало хорошаго въ ближайшемъ будущемъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1904.

I.

— **Великій Князь Николай Михаиловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи Императора Александра I. Томъ третій. Спб. 1903.**

Мы говорили уже о замѣчательномъ трудѣ великаго князя Николая Михаиловича, вносящемъ въ высокой степени любопытныя и важныя данныя въ историческую разработку эпохи императора Александра I. Этотъ трудъ законченъ въ настоящемъ третьемъ томѣ. Мы говорили раньше, какъ важно было—не всѣмъ доступное—изученіе, кромѣ государственнаго, и фамильныхъ архивовъ, которые дѣйствительно доставили множество интересныхъ матеріаловъ, содѣйствующихъ болѣе точному и многостороннему объясненію эпохи, которая, при всей важности ея историческаго значенія, въ прежнее время была, къ сожалѣнію, слишкомъ долго закрыта отъ безпристрастнаго изслѣдованія.

Наибольшая доля настоящаго тома занята историческими документами. Здѣсь находятся—въ продолженіе второго тома—отдѣлъ XV: дипломатическая переписка по Лондонской миссіи гр. П. А. Строганова, изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ; отдѣлъ XVI: письма графовъ С. Р. и М. С. Воронцовыхъ гр. П. А. Строганову, изъ Строгановскаго архива; отдѣлъ XVII: письма Н. Н. Новосильцова гр. Строганову, изъ того же архива; отдѣлъ XVIII: письма гр. В. П. Кочубея, ему же, изъ того же архива; отдѣлъ XIX: переписка гр. Строганова съ женой, изъ того же и Марьинскаго архива кн. Голицыныхъ; отдѣлъ XX: письма кн. П. И. Багратіона гр. Строганову, изъ Строгановскаго архива; отдѣлъ XXI заключаетъ изложеніе военныхъ подвиговъ Строганова (въ войнѣ съ Франціею въ 1806—1807 г., въ шведской войнѣ 1808—1809, въ турецкой войнѣ 1806 — 1812, въ отече-

ственной войнѣ 1812, въ войнѣ 1813 и 1814 годовъ) по оффиціальнымъ донесеніямъ, изъ военно-ученаго архива главнаго штаба.

Въ началѣ книги обширное предисловіе, гдѣ авторъ, отчасти резюмируя выводы о характерѣ и дѣятельности гр. Строганова, дѣлаетъ также цѣнныя историческія замѣчанія. Такъ, благодаря обильнымъ архивнымъ источникамъ, авторъ могъ обнародованіемъ ихъ „разоблачить досадную напраслину“, которая взведена была на имп. Александра по поводу заключенія парижскаго мира 1806 года и, оставаясь неопровергнутой, получила уже право гражданства въ исторической литературѣ,—напр. даже въ книгѣ Шильдера.

Весьма цѣнныя замѣчанія авторъ дѣлаетъ о двѣнадцатомъ годѣ, „кульминаціонномъ пунктѣ въ исторіи того времени“.

„Славная эпопея „священной памяти двѣнадцатаго года“ произвела значительно бо̀льшій переворотъ въ умахъ и чувствованіяхъ современниковъ, чѣмъ въ государственномъ и военномъ строѣ европейскихъ державъ. Этотъ внутренній переворотъ менѣе замѣтенъ, труднѣе поддается опредѣленію, чѣмъ чисто внѣшній передѣлъ странъ, произведенный вѣнскимъ конгрессомъ. Вѣроятно этимъ именно объясняется многосторонняя и во многихъ отношеніяхъ довольно полная разработка „войны 1812 года“, между тѣмъ какъ умственный переворотъ, произведенный нашествіемъ „двунадесяти языкъ“, до настоящаго времени мало еще изслѣдованъ.

„Современники видѣли, чувствовали, страдали отъ военной грозы, разразившейся надъ Россіею и такъ или иначе откликнувшейся во всей Европѣ. Они не только наблюдали, они сами переживали всѣ „ужасы войны“... Они не могли, однако, сознавать, тѣмъ менѣе оцѣнить смыслъ тѣхъ внѣшнихъ явленій, которыя вызывали и содѣйствовали внутреннему перерожденію общества, отъ государей до поселянъ. Переворотъ, произведенный 1812 годомъ даже въ императорѣ Александрѣ I, до настоящаго времени еще не опредѣленъ, несмотря на многіе труды, посвященные этому вопросу; о впечатлѣніи же, сдѣланномъ этою войною на народныя массы, историки 1812 года почти не упоминаютъ. Между тѣмъ, данныя для обрисовки этого впечатлѣнія заключаются въ тѣхъ же источникахъ—въ показаніяхъ современниковъ,—изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія для опредѣленія внѣшняго хода войны. Собрать данныя, рисующія этотъ переворотъ, конечно, труднѣе, чѣмъ опредѣлить марши и контрмарши отдѣльныхъ частей арміи; но несомнѣнно, что данныя этого рода освѣтили бы въ значительной степени и исторію самой войны.

„Читая записки и письма современниковъ, даже участниковъ войны 1812 года, какъ бы присутствуешь при этомъ внутреннемъ перерожденіи автора, мѣняющаго мало-по-малу, по мѣрѣ развитія военныхъ

дѣйствій, свои взгляды и, сообразно этому, свой языкъ. Сравнивая первое письмо гр. П. А. Строганова, отъ 30 іюля (1812), съ однимъ изъ послѣднихъ, отъ 17-го декабря, трудно думать, что они писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Въ третьемъ томѣ Mémoires du général Marbot, посвященномъ 1812 году, послѣднія страницы настолько разнятся отъ первыхъ, что происшедшая въ авторѣ перемѣна бросается въ глаза. Ярче всего, однако, эта перемѣна сказывается въ дипломатической перепискѣ, особенно же шифрованной.

„Для изученія той нравственной революціи, которою сопровождалась Отечественная война, могутъ послужить матеріалы, помѣщенные въ этомъ томѣ. Невоенная сторона войны 1812 года, полной контрастовъ и въ своемъ ходѣ, и въ своихъ послѣдствіяхъ, особенно поучительна какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ“.

Авторъ говоритъ далѣе:

„Лѣтомъ 1812 года Наполеонъ перешелъ границы Россіи, ведя за собою необозримое войско... Въ началѣ сентября по Европѣ пробѣжала вѣсть о пожарѣ Москвы—въ Берлинѣ и Вѣнѣ ее поняли въ томъ смыслѣ, что французы разрушили побѣжденную столицу Россіи. Затѣмъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ни слуха, ни вѣсти. 2-го декабря Наполеонъ появился въ Дрезденѣ, одинъ, безъ полководцевъ, безъ войска, и спѣшилъ въ Парижъ... Совершился небывалый Божій судъ надъ страшною армадою...

„За громкими военными побѣдами, одержанными народнымъ воодушевленіемъ, вскорѣ послѣдовало политическое пораженіе, олицетворенное тупою реакціею. За Лейпцигской bataille des géants, въ которой гр. Строгановъ принималъ участіе, за взятіемъ Парижа послѣдовали, одно вслѣдъ за другимъ, такія печальныя явленія, какъ Священный союзъ и конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ, Веронѣ, съ ихъ неестественною système de stabilité.

„Графъ П. А. Строгановъ не дожилъ до этихъ печальныхъ событій. Онъ умеръ въ 1817“...

Въ концѣ, авторъ отвѣчаетъ на замѣтку г. Бартенева, написанную по поводу первыхъ двухъ томовъ книги. „Надѣюсь, что по прочтеніи настоящаго третьяго тома, авторъ замѣтки сознаетъ всю легкомысленность своего увѣренія, ни на чемъ не основаннаго, будто гр. П. А. Строгановъ былъ „своей землѣ чужеземцемъ“.

Какъ мы указывали раньше, говоря о первомъ томѣ этой книги, авторъ ея точно предвидѣлъ подобныя, будто бы патріотическія, нареканія противъ П. А. Строганова съ его „французскимъ воспитаніемъ“, и достаточно объяснилъ, что это воспитаніе нимало не помѣшало (въ дѣйствительности, въ тѣхъ условіяхъ даже способствовало) развиться у гр. Строганова самой преданной любви къ отечеству: въ

самомъ дѣлѣ, воспитаніе сообщило ему только болѣе широкій идеалистическій взглядъ и на нравственныя и матеріальныя нужды отечества, и на требованія нравственно-національнаго достоинства...

Одинъ нѣмецкій историкъ выражалъ недавно удовольствіе, что благодаря новымъ пристальнымъ изысканіямъ, широкимъ и детальнымъ (emsige Klein- und Grossarbeiten), „становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе въ обстановкѣ великихъ дѣятелей исторіи". Для русской исторіографіи мы можемъ очень порадоваться появленію настоящей біографіи гр. П. А. Строганова, которая есть вмѣстѣ и детальная и общая работа. Большой заслугой былъ здѣсь уже подборъ множества документовъ изъ государственныхъ и фамильныхъ архивовъ,—послѣдніе до сихъ поръ оставались почти недоступными. Было исполнено интереса и лицо, которому посвящена біографія, до сихъ поръ мало выясненная личность одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ имп. Александра I, въ первые годы его царствованія. Многое въ этихъ первыхъ годахъ царствованія получаетъ здѣсь впервые яркое освѣщеніе и раскрываетъ иногда очень привлекательныя черты эпохи. Біографія, трудъ обыкновенно детальный, становится и Grossarbeit, такъ какъ дѣйствительно даетъ много любопытнѣйшаго матеріала для историческаго изслѣдованія эпохи императора Александра I. Приведенныя выше замѣчанія автора о нравственномъ значеніи двѣнадцатаго года, очень вѣрныя, привлекутъ вниманіе читателя съ серьезнымъ историческимъ интересомъ, и можно желать, чтобы привлекли также вниманіе людей, спеціально работающихъ надъ вопросами русской исторіи: это—важная и очень любопытная задача.

Наконецъ, колоритъ эпохи переданъ въ книгѣ цѣлымъ рядомъ фамильныхъ портретовъ, прекрасно воспроизведенныхъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.—А. П.

II.

— К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Книгоиздательство Скорпіонъ. М. 1903.

— Онъ же. Только любовь. Книгоиздательство Грифъ. М. 1903.

Воспитавшись дома на поэзіи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, я пріобрѣлъ великое довѣріе къ родному художественному слову. Въ твореніи истиннаго поэта (такъ думалъ я раньше) это слово являлось могучимъ средствомъ, во-первыхъ, *правдиво* отражать жизнь и, во-вторыхъ, призывать общественную мысль и чувство къ работѣ по ея послѣдовательному усовершенствованію и просвѣтлѣнію. Въ задачу послѣдняго входило, думалось мнѣ, какъ непремѣнное условіе, посте-

ненное *очеловѣченіе* общества въ томъ смыслѣ, чтобы облегчать ему борьбу съ атавистическими проявленіями низменныхъ животныхъ страстей и звѣрскихъ инстинктовъ.

Изъ этого читатель можетъ судить, насколько взгляды мои были противоположны нынѣ господствующимъ, и какимъ бы я былъ уродомъ, съ современной точки зрѣнія, еслибы продолжалъ держаться ихъ и теперь.

Но, къ счастію, этого не случилось. Хвала г. Бальмонту, завершившему выработку моего нѣсколько запоздавшаго міросозерцанія, а также и тѣмъ обстоятельствамъ моего развитія, которыя подготовили въ моей душѣ торжество идей моего „великаго", „свѣтлаго бога".

Такихъ обстоятельствъ было довольно много, но я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ, внутренняя связь которыхъ съ благотворнымъ вліяніемъ Бальмонтовской поэзіи несомнѣнна. Какъ водится у порядочныхъ людей, меня отдали, послѣ патріархальной домашней „учёбы", въ катковско-толстовскую гимназію. Въ ней, благодаря усердію учителя словесности, моя любовь къ Пушкину подверглась сильной опасности превратиться въ непримиримую ненависть, какъ и къ другимъ наукамъ этого заведенія, гдѣ девизомъ учебной мудрости было— „то хорошо, что скучно и ненужно". Въ университетѣ было вольнѣе, а главное — являлась возможность почти ничего не дѣлать, что я, по мѣрѣ силъ, и исполнялъ, исходя изъ принципа, что, по словамъ одного профессора, которому я не имѣлъ причины не вѣрить, наука несовершенна, а съ несовершенствомъ не могъ примириться мой идеально настроенный духъ. Но, чтобы не показаться отсталымъ, я разсуждалъ съ большимъ жаромъ о марксизмѣ по Вересаеву, о Нитцше—по Максиму Горькому... когда же приходилось говорить о современныхъ событіяхъ, я принималъ грустно-озабоченный видъ и говорилъ, что дѣйствительность тускла, сѣра, и что мастерское изображеніе ея можно найти у Чехова. Профессора финансоваго права не соглашались съ моими опредѣленіями экономическихъ теченій, но въ средѣ своихъ пріятелей я слылъ передовымъ. Въ то же время я былъ истинный спортсменъ въ душѣ и на экзаменахъ бралъ препятствія съ такимъ успѣхомъ, какъ будто подо мной былъ не жесткій стулъ, поставленный у экзаменаціоннаго стола, а рѣзвый скакунъ благородной арабской крови. Стоило только зажмуриться и представить себѣ, что я на ипподромѣ, какъ рука сама собой тянулась къ одному изъ первыхъ билетовъ, бывшему предѣломъ моего познанія. Побивъ рекордъ на всѣхъ энциклопедіяхъ и философіяхъ права, я съ гордостью могу заявить, что не вынесъ изъ университета никакихъ опредѣленныхъ принциповъ, замороженныхъ категорій и неизмѣнныхъ (ибо это вздоръ!) убѣжденій. Было удобно: не предви-

дѣлось никакой ломки и перемѣны взглядовъ, и я, подобно многимъ любезнымъ моимъ современникамъ, вступалъ въ жизнь съ трогательной кротостью невиннаго агнца, которому равно прекрасны всѣ впечатлѣнія бытія.

Могу сказать—съ тѣхъ поръ „я не жилъ—я горѣлъ". Много испыталъ увлеченій современными теоріями: вчера потрясалъ основы, сегодня утверждалъ, горячился на тему о значеніи мелкой земской единицы въ педагогическомъ отношеніи, доказывалъ, вопреки Дарвину, что не человѣкъ отъ обезьяны, но обезьяна произошла отъ человѣка въ эпоху одичанія...

Но случилось одно неожиданное обстоятельство. Спустивъ свое состояніе, я принужденъ былъ, по волѣ рока, искать легкой, но денежной службы. Друзья, зная мои художественныя наклонности, живо устроили меня въ новоорганизованное, по почину одного писателя-народолюбца, акціонерное общество по изготовленію механическихъ дѣятелей печатнаго слова. То-то забилась во мнѣ исконная литературная жилка! Я былъ и редакторомъ, и вдохновителемъ, и убѣжденнымъ плагіаторомъ, и собственнымъ критикомъ, словомъ—душой всего дѣла. Успѣхъ необычайный. Привѣтствія, улыбки, адресы, деньги,—все падало къ моимъ ногамъ, какъ невольная дань признательности и удивленія. Вѣсъ я пріобрѣлъ необычайный и уже начиналъ говорить символами. Когда спрашивали у меня, читалъ ли я Софокла, я говорилъ: „О, что̀ Софоклъ! вы въ душу мнѣ взгляните: тамъ весь античный міръ покоится на днѣ". Когда совѣтовались, что̀ дать изъ Боккаччіо прочесть подростающей дѣвицѣ, я наставительно произносилъ: „Мудра природы книга,—ее прочесть сумѣетъ и безъ книгъ"... И всѣ восхищались мной.

Но съ нѣкоторыхъ поръ, должно быть, отъ переутомленія, во мнѣ стало образовываться какое-то странное раздвоеніе. Образы и впечатлѣнія далекаго дѣтства стали приходить на память, и по временамъ я началъ испытывать нѣчто въ родѣ укоровъ со стороны—странно сказать—нѣкогда горячо любимыхъ мною писателей. Дѣло доходило до галлюцинацій, я слышалъ голоса, шумные споры, перемежаемые бранью и скрежетомъ зубовъ. И однажды—это было такъ недавно—я понялъ, что въ моей душѣ шла непримиримая борьба „старыхъ" и „новыхъ" боговъ, и я узнавалъ ихъ голоса: Тургеневъ не мирился съ Чеховымъ, Салтыковъ не выносилъ Максима Горькаго, Достоевскій съ ненавистью отворачивался отъ напрасныхъ потугъ Леонида Андреева. Я понялъ, что эта борьба „двухъ міровъ"—болѣзнь, и рѣшился вылечиться безъ врачей, которымъ, послѣ извѣстной книги Вересаева, конечно, не могъ довѣрять. Закрывъ свои блѣдныя ноги, по указанію г. Валерія Брюсова, я сталъ вводить въ себя, съ осторожностью увели-

чивая дозу, сладострастные стихи нашихъ дорогихъ поэтессъ и, питаясь исключительно разсказами г. Андреева, достигъ, наконецъ, того, что вытравилъ безповоротно въ своей душѣ слѣды „звуковъ сладкихъ и молитвъ“, и привелъ себя въ состояніе того особаго ожиданія, въ какомъ чувствовали себя герои въ періодъ Овидіевыхъ превращеній: меня не удивило бы, еслибы я превратился въ какого-нибудь козла, осла, фіалку иль сардинку...

Настроенная столь символически, душа моя ждала... и дождалась. Сошелъ мой богъ въ чертогъ мой златотканный, и сѣверныхъ цвѣтовъ разнессяароматъ... Появились стихи г. Бальмонта и сразу стали катехизисомъ моей жизни. Я не разставался съ ними, цѣловалъ книги, молился имъ,—и, наконецъ, прозрѣлъ, и восхотѣлъ, чтобъ было явнымъ все тайное, что въ жизни дѣлалъ я (простите, рѣчь моя сбивается невольно на бѣлые и блѣдные стихи)...

Я захотѣлъ быть какъ солнце, а раньше, читая Чехова, я думалъ, что я—ничтожный и жалкій червякъ. Я захотѣлъ быть какъ солнце,— и сталъ какъ солнце. Дѣлалъ все, что велѣлъ мнѣ вдохновенный поэтъ, и друзья вскорѣ не узнали меня: одни говорили, что я началъ жить „по-Бальмонту“, другіе,—что „по-скотски“. Но что мнѣ за дѣло было до ихъ отзывовъ! Мой высшій судъ и авторитетъ былъ онъ, сладкогласный, солнцемъ вѣнчанный пѣвецъ.

„Будемъ какъ солнце!“—о, сколько смѣлости и счастья звучало для меня въ этомъ призывѣ! Будемъ какъ солнце, повторялъ и я, будемъ непосредственны, наивны и наги, какъ боги... Будемъ какъ солнце... и тогда? Согрѣемъ и оживимъ міръ? создадимъ золотой вѣкъ на землѣ?.. О, нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ: „плюнемъ“ на идеалы и преданія отцовъ и станемъ служить любви, „одной любви“, перестанемъ бояться быть чревоугодными, распутными, наглыми, нашу волю, инстинкты поставимъ выше всего...

Сѣмена упали на добрую почву. Скоро я зналъ оба сборника наизусть и руководствовался ими при всякомъ случаѣ жизни. Когда со мной заговаривали о людяхъ и родинѣ, я надменно отвѣчалъ:

„Я ненавижу человѣчество,
Я отъ него бѣгу, спѣша.
Мое единое отечество—
Моя пустынная душа...“
(*Только любовь*, *стр. 108*).

Чтобы не отстать отъ философическаго духа времени, я создалъ свою философію и назвалъ ее „бальмонтизмомъ“. Она представляла собой утонченный синтезъ двухъ основныхъ системъ—„оргіазма“ и „вакхизма“, которымъ суждено было сыграть столь роковую роль въ исторіи человѣчества. И когда, проповѣдуя ее, я сталъ проводить

мою систему въ жизнь, весь міръ для меня измѣнился и ожилъ. Все опрокинулось вверхъ дномъ: боги, бѣсы, люди, скоты—все завертѣлось въ какомъ-то калейдоскопѣ. Окруженный вѣчностью, я плавалъ въ безконечности, вокругъ плясали млечности, и я визжалъ въ безпечности, а друзья мои хоромъ пѣли торжественную кантату.

„Есть безгласность и тишь у преддверія Вѣчности.
Есть слова, что живутъ, *но* безъ рѣчи, *не* тутъ.
Есть полетъ облаковъ, переливы ихъ млечности.
Есть минутный восторгъ, есть покой Безконечности,
И красивы цвѣты, что весною цвѣтутъ“.
(Только любовь, стр. 151).

Потомъ начиналась общая пляска, въ которой все смѣшивалось: голубыя вѣдьмы и желтые альковы, и „зловонно-мягкія тѣла“, и „чуждыя голубоглазья вѣры—односторонне-зрячія химеры“, и демоны всевозможныхъ видовъ и названій и—„ласки, мысли, звуки и цвѣты“. Пляска переходила въ какой-то вихрь, съ воемъ и визгомъ, и всѣ, кто могъ, бросались тушить огни, въ то время, какъ другіе пѣли:

„Я помню, Огонь,
Какъ сжигалъ ты меня,
Межъ колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки огня.
Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночнаго шабаша,
Но увидѣвшимъ то, что̀ мы видѣли,
Былъ не страшенъ Огонь“.
(*Будемъ какъ солнце, стр. 11*).

Наконецъ, все исчезало... до завтра. Божественное солнце снова давало мнѣ силы, и къ вечеру я опять повторялъ дивный завѣтъ моего маэстро:

„Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
Изъ сочныхъ гроздій вѣнки свивать,
Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать“.
(*Будемъ какъ солнце, стр. 158*).

Я привелъ бы и дальше это безподобное, по истинѣ музыкальное стихотвореніе, но, говорятъ, цитировать его здѣсь, въ здравомъ умѣ, неудобно. О, люди, люди! не есть ли то, что̀, по вашему, здравый умъ—по моему—глупость? И что̀ такое—глупость? что̀ такое ваша мораль, какъ не боязнь тайное сдѣлать явнымъ, не ширмы вашего фарисейскаго благодушія? „Будьте какъ солнце“—вотъ завѣтъ, будьте открыты—вотъ мудрое правило, которому училъ меня великій учитель, когда говорилъ:

„Я полюбилъ свое безпутство,
Мнѣ сладко падать съ высоты.
Въ глухихъ провалахъ безразсудства
Цвѣтутъ безумные цвѣты".
(*Будемъ какъ солнце, стр. 76*).

Я слѣдовалъ его завѣтамъ. Но соціальныя условія нашего времени не такъ удобны для служенія культу безпутства, какъ это было, напримѣръ, въ древней Греціи или и теперь кое-гдѣ на Востокѣ, гдѣ рабынь можно покупать, смотря по надобности, и однажды, сдѣлавъ попытку сорвать одежды съ одной горожанки, не раздѣлявшей воззрѣній моего культа, я подвергся жестокимъ палочнымъ ударамъ и даже заключенію въ части. Это было, конечно, непріятно, но я утѣшалъ себя прелестными стихами моего несравненнаго:

„Переломаны кости мои.
Я въ застѣнкѣ. Но чу! Въ забытьи,
Слышу, гдѣ-то стремятся ручьи..."
(*Будемъ какъ солнце, стр. 79*).

Въ другой разъ мнѣ пришлось быть жестоко избитымъ, когда, презирая брачные уставы, мѣшавшіе любви, я заявилъ женѣ своего сосѣда:

„Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья въ одно сольемъ"...
(*Будемъ какъ солнце, стр. 158*).

Она же пожаловалась мужу, а мужъ привелъ меня въ такое состояніе забытья своими побоями, что я только черезъ двѣ недѣли post factum могъ декламировать:

„Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы стояли зловѣщей горой,
И, горячею кровью облитъ,
Я еще и еще былъ избитъ"...
(*Будемъ какъ солнце, стр. 78*)

Послѣ этихъ попытокъ я оставилъ тѣхъ, кого брачные уставы держатъ въ неволѣ, и обратился къ прелестнымъ и милымъ созданіямъ, которыхъ люди въ своей зачерствѣлой мѣщанской морали называютъ падшими. Онѣ свободно открыли передо мной свои багряно-пышные и свѣтло-пурпурные альковы, и не прошло двухъ недѣль, какъ я имѣлъ уже полное нравственное право повторять:

„Есть поцѣлуи — какъ сны свободные,
Блаженно-яркіе, до изступленія,
Есть поцѣлуи — какъ снѣгъ холодные,
Есть поцѣлуи — какъ оскорбленіе".
(*Будемъ какъ солнце, стр. 153*).

И какихъ только сладкихъ грезъ не рождалось въ головѣ у меня въ это время! То мнѣ казалось, что я, какъ нѣкій духъ, перелетаю съ планеты на планету, то я умилялся при мысли, что я цвѣтокъ, которому „счастье аромата“ самой судьбою суждено, то иногда, въ чаду изступленія, я видѣлъ себя огнепоклонникомъ на Лысой горѣ, и я лепеталъ въ бреду несвязныя рѣчи, которыхъ, къ сожалѣнію, не позволяютъ здѣсь привести...

Или же, пресытившись, я отдыхалъ въ сладкой истомѣ и, чтобы заглушить нѣчто похожее на совѣсть, что̀ поднималось во мнѣ всякій разъ, когда я приходилъ въ себя, я говорилъ въ философическомъ духѣ:

„Отпаденія въ міръ сладострастія
Намъ самою судьбой суждены.
Намъ невѣдомо высшее счастіе.
И любить, и желать — мы должны“.
(Будемъ какъ солнце, стр. 141).

Но всякая иная философія, кромѣ моей собственной, служила мнѣ въ моемъ положеніи весьма одностороннимъ утѣшеніемъ. Она врачевала душу, но была совершенно безсильна уврачевать тѣло, которое начало приходить въ нѣкоторый упадокъ. Тутъ я увидѣлъ, что недуги бываютъ плѣнительными только у поэтовъ, на дѣлѣ же они далеко не такъ сладки. Порою доходило до того, что мысли о смерти являлись сами собой, и я уже рисовалъ картины загробнаго міра. Тамъ, вѣроятно, со мной распорядились бы, не особенно справляясь съ моими желаніями, но я, боясь, чтобы меня не отправили въ рай, тѣмъ не менѣе повторялъ:

„Я ненавижу всѣхъ святыхъ,
Они заботятся мучительно
О жалкихъ помыслахъ своихъ,
Себя спасаютъ исключительно.
    За душу страшно имъ свою,
    Имъ страшны пропасти мечтанія,
    И ядовитую Змѣю
    Они казнятъ безъ состраданія.
Мнѣ ненавистенъ былъ бы Рай
Среди тѣней съ улыбкой кроткою,
Гдѣ вѣчный праздникъ, вѣчный май
Идетъ размѣренной походкою“.
(Будемъ какъ солнце, стр. 180).

Подчасъ мнѣ казалось, что я царствую, блаженствую, горю; я впадалъ въ жаръ и въ холодъ, падалъ и поднимался, леталъ и плавалъ, смѣялся и плакалъ, метался и кусался, и все забывалъ на свѣтѣ, кромѣ божественныхъ стиховъ моего неподражаемаго Виргилія:

„Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на Міръ. Не помню ни о чемъ.
Я вижу свѣтъ, и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пьянъ".
(Только любовь, стр. 13).

Послѣ этого я въ одно прекрасное утро исчезъ для самого себя, и долго меня не было. Когда я очнулся, мнѣ показалось, что я плаваю въ эѳирѣ, но затѣмъ, мало-по-малу, я пришелъ въ себя и увидѣлъ, что я—въ больницѣ. Надъ постелью висѣла дощечка съ угрюмой надписью: „Decadentemania, № 6.666". Сталъ я припоминать, что̀ было со мной въ этотъ промежутокъ времени, и не могъ вспомнить ровно ничего, кромѣ смутнаго напѣва на слова вакхическаго гимна:

И вѣдьма разсмѣялася своимъ беззубымъ ртомъ:
„На морѣ жить нельзя тебѣ, а здѣсь твой вѣрный домъ".
И вѣдьма разсмѣялася, какъ дьяволъ егозя:
„Вода морская горькая, и пить ее — нельзя".
(*Будемъ какъ солнце, стр. 186*).

Вошелъ лекарь и сталъ задавать вопросы. Я рѣшилъ выдержать роль до конца и отвѣчалъ, стихами маэстро, что я—„безчувственное великое ничто", и богъ и дьяволъ, что „моя душа—глухой, всебожный храмъ". Лекарь качалъ головой и спрашивалъ, не помню ли я чего о своемъ дѣтствѣ. И я открылъ ему:

„Я не былъ никогда такой, какъ всѣ.
Я въ самомъ дѣтствѣ былъ уже бродяга,
Не могъ застыть на узкой полосѣ".
(Будемъ какъ солнце, стр. 240).

Тогда лекарь позвалъ служителя, и когда тотъ подходилъ ко мнѣ, чтобы вылить на голову ушатъ холодной воды, я гордо продолжалъ:

„Не для меня законы, разъ я геній.
Тебя я видѣлъ, такъ на что мнѣ ты?
Для творчества мнѣ нужно впечатлѣній"...
(Будемъ какъ солнце, стр. 241).

Прошелъ мѣсяцъ, можетъ быть годъ, можетъ быть даже нѣсколько вѣчностей, которыми умѣлъ мгновенья я считать, а я все еще былъ въ больницѣ. Однажды лекарь пришелъ ко мнѣ и, положивъ руку на плечо, повелъ такую рѣчь:

— Вы были очень больны, милый другъ, но теперь вамъ лучше. Взглянувъ въ зеркало, вы будете поражены перемѣной. Вы слишкомъ служили любви, она же — „какъ демонъ, коварна и зла". Волосики ваши — вонъ, посмотрите—вылѣзли, зубки расшатались, сами — какъ мертвецъ. Не удивляйтесь, если иной, встрѣтившись съ вами, скажетъ:

„старый распутникъ"... Но все еще это поправимо, если вы одумаетесь и встряхнетесь. Болѣзнь ваша извѣстна: вы слишкомъ упились обаяніемъ Бальмонтовскихъ стиховъ, не замѣтивъ, какой ядъ и разложеніе внесли они, подъ внѣшней красивостью формы, въ ваши мысли и чувства. Я не отрицаю въ немъ поэтическаго таланта, но надѣюсь, что теперь вы сами понимаете, что его поэзія не будитъ ни одного возвышеннаго порыва, и въ общественномъ смыслѣ значеніе ея сводится къ нулю. Ея роль—вызывать улыбку на заплывшемъ лицѣ пресыщеннаго сластолюбца; тѣхъ же, кто дѣйствительно томится духовной жаждой или неустойчивъ, какъ вы, она отравляетъ ароматомъ своихъ ядовитыхъ чаръ...

И пока онъ говорилъ это, я думалъ, съ грустью, прелестными стихами моего наставника:

„Я былъ, какъ всѣ, красивъ и молодъ,
Но торжествующій цвѣтокъ
Въ свой должный мигъ воспринялъ холодъ,
И больше нѣжнымъ быть не могъ".

(Только любовь, стр. 148).

— Обращали ли вы вниманіе, — продолжалъ лекарь, — насколько безсодержательна и безжизненна его поэзія? Напримѣръ:

„Все счастіе, вся сладостная ложность
Живыхъ цвѣтовъ и травъ
Въ безмолвную замкнулась невозможность,
Блаженство потерявъ".

(Только любовь, стр. 87).

Или:

„Я чувствую какія-то прозрачныя пространства,
Далеко въ безпредѣльности, свободной отъ всего;
Въ нихъ нѣтъ ни нашей радуги, ни звѣзднаго убранства,
Въ нихъ все хрустально-призрачно, воздушно и мертво.
Безмѣрными провалами небеснаго эѳира
Они какъ бы оплотами отъ насъ ограждены
И, въ центрѣ мірозданія, они всегда внѣ міра,
Свѣтлѣй снѣговъ нетающихъ нагорной вышины.
Нѣжнѣй, чѣмъ ночью лунною дрожанье паутины,
Нѣжнѣй, чѣмъ отраженіе перистыхъ облаковъ,
Чѣмъ въ замыслѣ художника рожденіе картины,
Чѣмъ даль навѣкъ утраченныхъ родимыхъ береговъ.
И только тѣ, что въ сумракѣ скитанія земного
Объ этихъ странахъ помнили, всегда лишь ихъ любя,
Оттуда въ міръ пришедшіе, туда вернутся снова,
Чтобъ въ царствіи Безвѣтрія навѣкъ забыть себя".

(Будемъ какъ солнце, стр. 40).

— Нужно особое искусство—не правда ли?—чтобы заключить въ шестнадцать звучныхъ строкъ столько всевозможныхъ безграничностей, обрывковъ неуловимыхъ образовъ, намековъ на нѣчто непостигаемое, и не сказать при этомъ ровно ничего, обманувъ и воображеніе, и чувство! Объять необъятное невозможно, и поэтическій порывъ превращается въ смѣшной и жалкій мыльный пузырь: глазу мелькнетъ на мгновеніе, а въ душу не проникнетъ. И такихъ стиховъ много въ сборникахъ г. Бальмонта. Если ихъ читать подрядъ (отчего очень остерегаю людей слабонервныхъ и расшатанныхъ), то можетъ, дѣйствительно, показаться, что г. Бальмонтъ владѣетъ какимъ-то особеннымъ прозрѣніемъ, что ему вѣдомы міровыя тайны, и что онъ—братъ солнца и луны, племянникъ вѣтра, правнукъ океана"...

Я слушалъ его молча и думалъ: какъ мелки и ничтожны ваши нападки, что онѣ значатъ для поэта, царящаго на неприступныхъ высотахъ! Не вамъ ли онъ бросилъ свое вѣщее слово:

„Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой, радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко... Видите: плыву
И зову мечтателей... Васъ я не зову!"
(*Только любовь, стр. 48*).

Но развѣ вразумишь людей, не желающихъ понять, что значитъ „быть какъ солнце"! Ихъ застарѣлые предразсудки говорятъ имъ, что писать стихи затѣмъ только, чтобы влагать въ нихъ „мимолетности",—занятіе недостойное общественнаго вниманія,—они все еще ставятъ какія-то жизненныя задачи поэзіи, какъ будто и сама жизнь есть что-то серьезное... Отсталые чудаки!

III.

— Хохловъ, Г. Т. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство". Съ предисловіемъ В. Г. Короленко. Спб. 1903.

Это путешествіе, совершенное въ послѣдніе годы XIX в., съ цѣлью найти миѳическое „Бѣловодское царство", открываетъ новую и весьма любопытную страничку исторіи нашего старообрядчества. У одной изъ мелкихъ отраслей его, называющихъ себя „никудышниками", т.-е. не принадлежащими ни къ одному изъ „поповскихъ" старообрядческихъ согласій, живетъ наивная вѣра, что гдѣ-то на востокѣ суще-

ствуетъ христіанское Бѣловодское царство, въ которомъ сохранилась особенная, „настоящая“ іерархія, съ благодатью, преемственной отъ самихъ апостоловъ, и догматами и обрядами „древняго“, до-никоновскаго православія. Исканія этой іерархіи восходятъ къ первымъ же десятилѣтіямъ послѣ начала раскола, когда не принявшее „никоніанской прелести“ населеніе стало оставаться безъ паствы и должно было такъ или иначе рѣшать вопросы іерархической преемственности, что̀ и повело къ дробленію старообрядчества на различныя теченія. Одни изъ старообрядцевъ, „бѣлопоповцы“, стали „окормляться“ священниками, переманенными отъ той же „никоніанской ереси“, но надлежащими мѣрами очищенными отъ налета „никоніанской прелести“. Другіе, послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ „правильной церкви“, согласились принять и признать законною іерархію поставленія бывшаго босно-сараевскаго митрополита Амвросія, который самъ былъ „исправленъ“ въ бѣлокриницкомъ старообрядческомъ монастырѣ по чину „принятія отъ ереси“, черезъ миропомазаніе. Такъ возникла бѣлокриницкая или австрійская іерархія, наиболѣе распространенная среди раскольниковъ. Третьи, находя и тотъ, и другой источникъ іерархіи „мутнымъ и исполненнымъ скверны“, идутъ подъ крыло греко-россійской церкви, оставляя за собою право употреблять при богослуженіи свои обряды и старопечатныя книги; это — единовѣрцы. Но значительная часть (хотя далеко не самая многочисленная — вопреки предположенію г. Короленко) раскольниковъ осталась, при всемъ разнообразіи толковъ, вѣрна прежнему отрицанію іерархіи и надеждамъ на какія-то идеальныя, „чистыя“ іерархическія формы.

Именно эта вѣра отличаетъ уральскихъ „никудышниковъ“. „На почвѣ этой жгучей духовной жажды,—говоритъ г. Короленко въ предисловіи,—которой, при всей ея исключительности, нельзя отказать въ большой искренности и глубинѣ, и возникла легенда о сказочномъ „Бѣловодскомъ царствѣ“, въ которой пламенная мечта непримиримаго старообрядческаго міра получила якобы осуществленіе въ качествѣ живой дѣйствительности“.

И вотъ, въ 1898 г. состоялся въ Кирсановскомъ поселкѣ съѣздъ „никудышниковъ“ и постановилъ отправить трехъ человѣкъ для отысканія „этихъ странъ, процвѣтающихъ древнимъ благочестіемъ“. На расходы было собрано 2.600 р., и выборные отправились. Они проѣхали чрезъ Одессу въ Константинополь, гдѣ подали прошеніе константинопольскому патріарху съ вопросными пунктами, оттуда въ Палестину, Коломбо, Сингапуръ, Сайгонъ, Гонгъ-Конгъ („Бѣлая вода въ морѣ и новыя гаданія о Бѣловодіи“), Нагасаки, Владивостокъ, Айгунъ, Благовѣщенскъ и вернулись домой чрезъ Читу, Иркутскъ, Красноярскъ. Объ этомъ путешествіи узналъ, въ бытность свою на Уралѣ, В. Г. Ко-

роленко и предложилъ одному изъ участниковъ, казаку Г. Т. Хохлову, описать его, тѣмъ болѣе, что у Хохлова сохранился веденный имъ краткій дневникъ.

Такъ создалось описаніе, напечатанное, въ настоящемъ изданіи, въ XXVIII т. Записокъ И. Русскаго Географическаго Общества. Нѣкоторыя страницы этой любопытной работы живо передаютъ настроеніе убѣжденныхъ, но постигнутыхъ разочарованіемъ искателей миѳическаго царства.

Въ Сингапурѣ послѣ долгихъ поисковъ путешественники нашли русскихъ, которымъ и стали объяснять цѣль своего странствія. „Мы разыскиваемъ,—говорили они,—русскій народъ, который вышелъ изъ Россіи давнымъ-давно, ста два лѣтъ и болѣе тому назадъ. Нѣтъ ли гдѣ на этихъ островахъ русскаго православнаго народа?“

— „Я въ этой странѣ нахожусь уже семь лѣтъ, — сказала женщина,—получаю свѣдѣнія и вѣдомости съ прочихъ островов, но не слыхала, чтобы здѣсь, на островахъ, проживали русскіе, кромѣ того, какъ и мы, гдѣ двое, гдѣ трое. Не токмо быть здѣсь православнымъ, но даже нѣтъ и вѣрующихъ въ Распятаго, кромѣ острова... (названіе ему я запамятовалъ). На немъ есть армяне. А вотъ гдѣ есть православные: противъ Адена,—зашедшіе лѣтъ пять тому назадъ, объ нихъ у насъ есть свѣдѣнія. Этимъ христіанамъ доставлены были изъ Россіи церковныя принадлежности.

— „Мы разыскиваемъ не тѣхъ людей, которые изъ Россіи вышли по одиночкѣ лѣтъ 10—20 тому назадъ, но мы хотимъ напасть на слѣдъ тѣхъ людей, о которыхъ въ Россіи между старообрядцами распространенъ слухъ, будто бы уже два вѣка и болѣе тому назадъ вышедшія изъ Россіи сотни людей съ духовными лицами теперь обитаютъ на восточныхъ индо-китайскихъ островахъ и имѣютъ до сорока церквей русскихъ. На этихъ-же-де островахъ находится на сирскомъ языкѣ множество народу и церквей; имѣютъ епископовъ даже и патріарха антіохійскаго постановленія.

— „Чего вы разыскиваете, здѣсь этого нѣтъ,—отвѣчали имъ собесѣдники. — Не токмо 40 церквей, — если бы была одна церковь православная, и о той было бы извѣстно. Если на которомъ островѣ мы сами не были, то людей со всѣхъ островов часто видимъ и спрашиваемъ, какіе люди тамъ проживаютъ и какихъ вѣроисповѣданій. Если на какомъ островѣ есть одинъ человѣкъ русскій, и онъ намъ извѣстенъ. Развѣ, какъ вы объясняете, что уже два вѣка тому назадъ зашедшіе, то изъ нихъ уже старые померли, а молодые соединились въ одинъ типъ съ мѣстными жителями и теперь признать ихъ невозможно“.

— „А религія и церкви-то гдѣ?“—сказали мы.

— „Да, это должно быть при нихъ... Но нѣтъ, о православныхъ здѣсь и слуху нѣтъ“.

Конечно, наблюдательность казаковъ направлялась преимущественно на то, что̀ совпадало съ ихъ собственными исканіями. Въ этомъ отношеніи ихъ замѣчанія не лишены интереса; они показываютъ, какъ много сравнительно вынесли эти неученые люди изъ своего путешествія въ чуждую далекую страну. Остановимся на описаніи религіи китайцевъ.

„По религіознымъ вѣрованіямъ китайцы—буддисты; религія ихъ признаетъ сотни боговъ.

„Китайскіе боги — это тѣ же люди, но живущіе въ загробномъ мірѣ, люди со всѣми достоинствами и недостатками. Китайцы говорятъ, что здѣсь не люди созданы по подобію божію, но боги — по образу и по подобію людей. Въ губернскихъ городахъ Китая есть храмы богу солнца, небу, землѣ, но простому народу до нихъ нѣтъ дѣла,—имъ служатъ чиновники. Боги простого народа—это духи его отцовъ и дѣдовъ; въ загробномъ мірѣ они исполняютъ тѣ же должности, что и люди; ихъ можно подкупать и задабривать, имъ приносятъ въ жертву деньги (бумажки подъ видомъ денегъ), сожигая ихъ на блюдѣ. Деньги не настоящія, но китайцы вѣрятъ, что, сожженныя съ должными обрядами, въ загробномъ мірѣ эти деньги превратятся въ истинныя. Есть боги шпіоны, какъ и на землѣ,—гдѣ за дѣятельностью каждаго чиновника слѣдитъ шпіонъ. Каждый околодокъ имѣетъ такого бога, который доноситъ старшему богу обо всемъ происходящемъ.

„Есть богъ, который управляетъ дождемъ. Когда бываютъ засухи, китайцы начинаютъ молиться и просить его, чтобы далъ дождя и влажности. Если въ продолжительное время просьба не ублаготворяется, тогда всходятъ къ нему въ кумирницу, берутъ бога за шею, вытаскиваютъ изъ кумирницы на площадь, сѣкутъ его плетьми и обратно втаскиваютъ въ кумирницу, но ставятъ его уже не на почетное мѣсто. Такъ стоитъ безъ призрѣнія, пока не будетъ дождя; послѣ дождя его снова становятъ на возвышенное мѣсто и жгутъ передъ нимъ хлопокъ, чтобы обратилъ на нихъ вниманіе.

„Есть богъ и въ кухнѣ каждаго домохозяина, только кухонный богъ большой ябедникъ: онъ доноситъ обо всемъ, происходящемъ въ семьѣ. Каждый новый годъ, чтобы онъ не болталъ слишкомъ много, ему передъ отправленіемъ (?) ротъ замазываютъ кашей; послѣ новаго года кашу отмываютъ теплой водой, а когда нужно обратить на себя его вниманіе, передъ нимъ тоже жгутъ хлопокъ.

„Невѣжественный и дикій, полный суевѣрія, деревенскій народъ соблюдаетъ всѣ эти церемоніи“.

На островѣ Сайгонѣ путники долго не могли найти человѣка, который могъ бы поговорить съ ними и сообщить свѣдѣнія о миѳическомъ городѣ Левекѣ. Встрѣчные туземцы смотрѣли на нихъ, какъ на какихъ-то чудовищъ; нѣкоторые „осмѣливались“, подходили, щупали бороды, оглядывали со всѣхъ сторонъ—„и дивились“. За городомъ встрѣтили обезьяну, въ которую одинъ изъ казаковъ бросилъ грецкимъ орѣхомъ. Обезьяна схватила, стала разгрызать, не могла, попробовала разбить камнемъ, но орѣхъ все не поддавался. Тогда обезьяна положила его въ воду, чтобы размочить, и, вынувъ затѣмъ, стала грызть. „Подивились мы ея смыслу,—пишетъ Хохловъ,—и пошли своимъ путемъ“...

Наконецъ, нашли на пароходѣ русскаго, который зналъ французскій языкъ и могъ навести справки; но то, что̀ онъ сообщилъ казакамъ, было неутѣшительно. „Куликовскій былъ радъ намъ, такъ какъ русскихъ давно не видалъ. Спросили мы, какъ страна эта называется и народы какого вѣроисповѣданія. Страна эта называется въ простомъ нарѣчіи: Восточно-Китайскій полуостровъ, мѣстные жители—малаккцы, буддійскаго вѣроисповѣданія. Мы обрадовались. Думаемъ себѣ, что достигли до Бѣловодіи, на которую мѣстность указывали часть рукописныхъ маршрутовъ, и Аркадій, архіепископъ, въ своемъ разсказѣ упоминалъ этотъ полуостровъ.

„— Есть ли здѣсь городъ Левекъ?—спросили мы.

„— Не слыхалъ я названія такого города. На что̀ же онъ вамъ?

„— Мы ѣздимъ, разыскиваемъ русскихъ людей, по распространившимся между старообрядцами рукописнымъ маршрутамъ, подъ именемъ инока Марка (Топозерской обители). Онъ, будто бы, съ двумя товарищами путешествовалъ на востокъ, черезъ Сибирь, въ Китайскую имперію. Пройдя городъ Пекинъ, достигъ страны Восточно-Индокитайскаго полуострова, гдѣ и находится Бѣловодія, по островамъ большимъ и малымъ, въ окрестностяхъ Японіи. На тѣхъ островахъ народы обитаютъ христіанскаго вѣроисповѣданія, частью отъ проповѣди апостола Ѳомы, но есть и выходцы изъ Сиріи, зашедшіе отъ гоненія папы римскаго и бѣжавшіе изъ Россіи отъ временъ патріарха Никона. Всѣ эти народы имѣютъ епископовъ и архіепископовъ, до сорока церквей русскихъ, а сирскихъ—до семидесяти церквей, и имѣютъ патріарха антіохійскаго поставленія. Двое спутниковъ инока Марка пожелали остаться навсегда въ этой странѣ, а Маркъ возвратился въ Россію и свое путешествіе подтверждаетъ съ клятвою. На эту же страну указываетъ и Аркадій архіепископъ, подъ названіемъ Бѣловодскій, который явился въ Россію лѣтъ тридцать-пять тому назадъ, принявъ архіепископство отъ тамошняго патріарха. Мы проѣхали острова Цейлонъ, Суматру, Сингапуръ и проч., обогнули Ма-

лаккскій полуостровъ, но не только русскихъ сорока церквей, но даже и людей русскихъ мало видали, и тѣ лѣтъ семь выѣхали изъ Россіи. Спрашивали ихъ мы о русскихъ людяхъ и какіе люди находятся на Филиппинскихъ островахъ. Они намъ сказали, что-де нѣтъ на этихъ островахъ православнаго народа, ни церквей, ни русскихъ людей. Теперь, гдѣ же городъ Левекъ и гдѣ православный народъ съ духовенствомъ и церквами?

„— Я вамъ истинно говорю: нѣтъ здѣсь города Левека, и не бывали православно-русскіе народы. Не желаете ли посмотрѣть карту въ пространной чертѣ этого полуострова?

„— Очень желаемъ,—отвѣтили мы и пошли вмѣстѣ съ г. Куликовскимъ смотрѣть карту, на которой надписи по-французски. Куликовскій прочиталъ всѣ города и урочища. Нѣтъ города Левека.

„— Не вѣрно ли говорилъ я вамъ, что города Левека нѣтъ, и въ этой мѣстности никогда не бывали русскіе люди? И теперь русскіе пароходы сюда не заходятъ, и здѣшніе народы русскихъ никогда не видали.

„— Что̀ же такое? Неужели это все ложное?—сказалъ Максимычевъ:—какъ письменные маршруты подъ именемъ инока Марка, такъ, въ особенности, архіепископъ Аркадій? Этотъ человѣкъ и теперь живъ и находится въ Пермской губерніи, временно пріѣзжалъ и къ намъ на Уралъ. Что̀ же заставляетъ его врать и носить на себѣ чинъ самозванства?

„— Это очень просто, — говорилъ Куликовскій. — Однажды ему взбрела дурная такая мысль принять на себя чинъ самозванный, и онъ выдалъ себя ложно за бѣловодскаго архіепископа. Теперь ему уже трудно говорить правду, когда онъ привыкъ врать".

Въ Гонгъ-Конгѣ у казаковъ въ послѣдній разъ мелькнула надежда найти Бѣловодію: они увидѣли, что цвѣтъ морской воды сдѣлался бѣлый и непрозрачный. Имъ объяснили, что бѣлая вода идетъ „отъ великой рѣки Кіанга", но что ни православныхъ христіанъ, ни русскихъ людей тамъ не было. Мечта оказалась мечтой, наступило разочарованіе, едва-ли, впрочемъ, способное погасить тревожную работу пытливой мысли въ средѣ, гдѣ люди не могутъ жить безъ вѣры...

IV.

— К. І. Храневичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. Спб. 1904. Изданіе товарищества „Литература и наука".

Послѣднія десятилѣтія выдвинули въ польской литературѣ цѣлый рядъ крупныхъ талантовъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе далеко за

предѣлами своей родины. Многочисленные переводы служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что и въ русскомъ обществѣ пробудился интересъ къ польской литературѣ, особенно если принять во вниманіе популярность среди русскихъ читателей такихъ именъ, какъ Сенкевичъ, Ожешко, Пржибышевскій, Конопницкая и др. Въ своихъ очеркахъ г. Храневичъ дѣлаетъ интересную попытку охарактеризовать тѣ общественныя и художественныя направленія, къ которымъ принадлежатъ наиболѣе видные польскіе писатели.

Сдѣлавъ краткій очеркъ того, чѣмъ была польская литература въ періодъ отъ 63-го до 80-хъ годовъ, когда, послѣ крайняго нервнаго напряженія, въ польскомъ обществѣ наступила реакція съ своими обычными спутниками, апатіей и уныніемъ, авторъ переходитъ къ послѣдующей, позднѣйшей эпохѣ и останавливается на появленіи въ литературѣ положительныхъ результатовъ. Въ общественномъ настроеніи укрѣпилась та мысль, вселяющая энергію и бодрость, что бытіе народа утверждается не только политической самостоятельностью, но и культурной работой на поприщѣ развитія духовныхъ силъ и способностей до высочайшей, доступной ему ступени. „Cogito, ergo sum"—стало девизомъ „молодой" Польши. Авторъ такъ характеризуетъ интересы выдающихся дѣятелей этого періода: „То поколѣніе, которое выступило на поприще дѣятельности съ начала 80-хъ годовъ, выросло подъ впечатлѣніемъ разочарованія, овладѣвшаго „отцами", въ виду неосуществившихся надеждъ въ 60-е годы. Разочарованные „отцы" старались внушить идущему на смѣну поколѣнію, что позитивизмъ въ наукѣ, утилитаризмъ въ практической жизни—вотъ основы програмы, внѣ которой нѣтъ спасенія. Програма эта имѣла нѣкоторыя видоизмѣненія въ Варшавѣ, Краковѣ и Львовѣ, но сущность осталась одинаковою: всякій полетъ духа считался крайне вреднымъ, а благословлялся трезвый практицизмъ. Однако, нигдѣ еще не бывало такъ, чтобы „дѣти" съ слѣпымъ послушаніемъ стали исполнять програму, завѣщанную отцами. Не замедлилъ обнаружиться разладъ между „отцами и дѣтьми" и въ Польшѣ. Окрѣпнувшій къ 80-мъ годамъ капитализмъ (въ Привислянья—фабрично-заводскій, въ Галиціи—земледѣльческій), сопровождавшійся параллельнымъ возрастаніемъ пролетаріата, далъ мыслямъ молодежи направленіе совсѣмъ не въ ту сторону, куда тянули ее отцы. Со стороны молодежи начинаетъ выростать протестъ противъ клерикализма, узкаго націонализма и пр., нарождаются въ Краковѣ два изданія—„Nowa Reforma" (1882 г.) и „Przyszłość" (1883 г.) съ програмой не вполнѣ ясной, но, безспорно, оппозиціонной. На настроеніе впечатлительнаго молодого поколѣнія не безъ вліянія остаются струйки, просачивающіяся въ Польшу отъ сосѣдей".

Очерки г. Храневича не могутъ претендовать на исчерпывающую полноту и глубину историко-литературнаго изслѣдованія; они разсчитаны на широкую публику и первоначально были помѣщены въ „Новомъ журналѣ иностранной литературы". Но они съ успѣхомъ могутъ дать читателю общее понятіе о писателяхъ упомянутаго періода и вызвать желаніе познакомиться съ ними поближе. Клеменсъ Юнôша (Шанявскій) введетъ читателя въ среду сѣренькихъ, будничныхъ людей, мелкопомѣстныхъ шляхтичей, юркихъ евреевъ съ ихъ гешефтами и гандлемъ: въ этомъ мірѣ онъ—свой человѣкъ, и разсказъ его нарисуетъ вѣрную, хотя подчасъ и грустную картину дѣйствительности. Буржуазія и средній помѣщичій классъ дали разнообразный матеріалъ художнической наблюдательности Михаила Балуцкаго, драматическія произведенія котораго обошли всѣ польскія сцены и до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Въ очеркѣ о Маріи Конопницкой читатель встрѣтитъ характеристику основныхъ мотивовъ ея поэзіи, которая вся проникнута вѣрою въ конечное торжество знанія и правды. Затѣмъ, очерки г. Храневича посвящены Казиміру Тетмайеру, который является выразителемъ современнаго нервнаго поколѣнія, съ его скорбями и тоской объ исчезнувшемъ счастьи, Артуру Грушецкому, изобразителю страстной политической борьбы между славянствомъ и силезскими нѣмцами, вліятельному публицисту и драматургу Александру Свентоховскому. Но характеристики Генрика Сенкевича и Пржебышевскаго страдаютъ значительной неполнотой, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ ихъ имена, изъ числа польскихъ писателей, принадлежатъ къ наиболѣе популярнымъ въ настоящее время.

V.

— Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Вып. I. Второе исправленное изданіе. М. 1903.

Второе изданіе цѣнной библіографической работы г. Языкова встрѣтитъ несомнѣнное сочувствіе со стороны всѣхъ, кому приходится работать по историческимъ и историко-литературнымъ вопросамъ. Полнота и точность, составляющія основныя качества всякаго библіографическаго труда, были причинами, почему первое изданіе „Обзора" быстро разошлось и давно уже сдѣлалось библіографической рѣдкостью. Настоящій выпускъ посвященъ русскимъ писателямъ и писательницамъ, умершимъ въ 1881 году. „Эта первая часть нашего труда,—говоритъ авторъ по поводу предъидущаго изданія (1885 г.),—была задумана по самому широкому плану: съ одной стороны, мы

внесли въ свой „Обзоръ“ по возможности всѣхъ русскихъ авторовъ, умершихъ въ означенномъ году, хотя бы они участвовали только въ періодическихъ изданіяхъ; съ другой стороны, отмѣтили не только отдѣльно изданныя ими книги или брошюры, но также журнальныя и даже газетныя статьи; наконецъ—главное—при послѣдующихъ выпускахъ своего труда мы указывали всѣ дополненія къ первому изъ нихъ, такъ что нашъ „Обзоръ“ до послѣдняго времени давалъ самыя подробныя свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности каждаго, названнаго нами, покойнаго писателя“.

Читатели найдуть въ этомъ „Обзорѣ“, между прочимъ, обстоятельную хронологическую канву творчества Достоевскаго съ литературой о немъ, доведенной до 1902 г., затѣмъ Н. И. Пирогова, А. Ѳ. Писемскаго, археолога и этнографа кн. Кострова, но—что̀ важнѣе—свѣдѣнія о такихъ писателяхъ, память о которыхъ затерялась бы въ безконечномъ бумажномъ морѣ безъ кропотливой работы библіографа. — Евг. Л.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алибеговъ, И. Г.—Народное образованіе на Кавказѣ. Тифл. 903.

Андреевъ, В.—Шарлатанство въ бухгалтеріи. Необходимая книга для тѣхъ, кто имѣетъ какое-либо отношеніе къ счетоводству, или желаетъ слышать о немъ правдивое слово. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Анучинъ, В.—По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ искателей приключеній въ Сибири. Спб. 904. Ц. 60 к.

Блиновъ, Н. Н.—На нивѣ народной. Разсказъ съ 7 рис. 3-е изд. М. 903. Цѣна 10 к.

——— Для воскресныхъ школъ. Букварь. М. 903. Ц. 15 к.

Божерякновъ, И. Н.—Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Т. I. Вып. 2. Спб. 904. Ц. за 8 вып., по подпискѣ, 12 руб.

Брусянинъ, Вл.—Ни живые—ни мертвые. Очерки петербургской жизни. Кн. II. Спб. 904. Ц. 1 р.

Вальтеръ, В.—Опера М. И. Глинки: „Русланъ и Людмила“. Съ портрет. М. Глинки. Спб. 903. Ц. 80 к.

Вандервельде, Э.—Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Съ франц., п. р. Д. Горшкова, съ предислов. проф. А. Фортунатова. М. 904. Ц. 1 р.

Величко, В. Л.—Арабески. Новыя стихотворенія. Съ портретомъ автора. Спб. 904. Ц. 2 р.

Готлибъ, Ал.—Начатки геометріи. Составл. по Кэру. М. 903. Ц. 75 к.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Томъ девятый: Начало русскаго государственнаго права. Ч. III. Органы мѣстнаго управленія. Съ біографическимъ очеркомъ и съ портретомъ автора. Спб. 904. Ц. 4 р.

Гривскій, И.—Записки рабочаго. Спб. 904. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я.—Философія и общія ея задачи. Сборникъ статей. П. р. Московск. психол. общества. Спб. 904. Ц. 2 р.

Додель, А.—Жизнь и смерть (Aus Leben und Wissenschaft). Съ нѣм. П. Быстрицкій. Съ 51 рис. Сарат. 904. Ц. 1 р.

Ждановъ, Левъ.—Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ 3-хъ частяхъ. Спб. 904.

——— Санкт-Питербурхъ. Историческая пьеса въ 5 д. и 10 карт. Спб. 904. Ц. 50 к.

Зѣлинскій, Ѳ.—Древній міръ и мы. Лекціи, читанныя ученикамъ выпускныхъ классовъ спб. гимназій и реальныхъ училищъ, весной 1903 г. Спб. 903. Ц. 80 к.

Илличъ-Свитычъ, В. С.—Старый молитвенникъ. Повѣсть. Владив. 903.

Іонинъ, А.—По Южной Америкѣ. Въ обработкѣ для юношества. Е. Лазаревской. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

Кабардинъ, Н. К.—Уставъ-образецъ для трудовыхъ артелей. 3-е изд. Спб. 903. Ц. 20 к.

Карасевъ, А. Н.—Безплатныя вечернія школы хорового пѣнія. Вятка. 903.

Киштенинъ, И.—Смыслъ пьесы Горькаго „На днѣ". Криминальные намеки въ пьесѣ „На днѣ". Од. 903. Ц. 20 к.

Коварскій, Г.—Какъ защитить себя отъ заразныхъ болѣзней? Вильна. 903. Ц. 25 к.

Компейре, Г.—Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. Перев. Л. В. Степановой („Педагог. Библ.", п. р. А. П. Нечаева, вып. 1). Спб. 903. Ц. 50 к.

Краинскій, В. Е.—Экономическія и техническія основы для организаціи среднихъ и мелкихъ хозяйствъ. Ч. II: Техника организаціи. Черниг. 903.

Ландэзенъ, фонъ-, Э. Э.—Борьба съ огнемъ. Руководство для устройства пожарныхъ обществъ, дружинъ и командъ и способы тушенія пожаровъ. Съ 308 рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 1 р.

——— „Къ вопросу о борьбѣ съ пожарами въ Имперіи. Спб. 902. Ц. 45 к.

Левенстинъ, А. А.—Харьковскій судебный округъ. 1867—1902. Харьк. 903.

Лика.—Гирлянда розъ и др. разсказы. М. 903. Ц. 50 к.

Лохвицкая (Жиберъ), М. А.—Стихотворенія. Т. V: 1902—1904. Спб. 904. Ц. 2 р. 40 к.

Луговой, Ал.—Безумная. Пьеса въ 4 д. Спб. 903. Ц 1 р.

Марксъ.—Большой Всемірный настольный Атласъ, подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго. 62 главныхъ и 148 дополнительныхъ картъ и 53 большихъ двойныхъ таблицы in-folio. Всего 12 вып., ц. 12 р. Выпускъ I. Спб. 904.

Мартинъ, Ф.—Три царства природы: Зоологія—Ботаника—Минералогія. Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Перев. съ нѣм. И. Эйзена, п. р. проф. А. М. Никольскаго, съ 54 табл., печатанн. красками и содержащ. 1.125 рис. и 305 гравюръ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Стр. 1167, ц. 8 руб.

Маршаль, М., и *Герсть*, Г.—Младшій курсъ практической зоологіи. Съ англ. перевелъ Н. Богоявленскій. М. 903. Ц. 65 к.

Минцловъ, С. Р.—Въ грозу. Историческая повѣсть изъ эпохи Петра Великаго. Спб. 903. Ц. 1 р.

Могилянскій, Мих.—Тина. Драма въ 3 д. Спб. 903.

Монковскій, С. А.—Объ отвѣтственности строителей и домовладѣльцевъ за поврежденіе сосѣднихъ построекъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Нансенъ, Фритьофъ.—На крайнемъ Сѣверѣ. Сокращ. перев. О. Н. Поповой. Спб. 903. Ц. 30 к.

Н., К.—Помяловскій и Горькій. Критическая параллель. Спб. 903. Ц. 15 к.

Петровская, В. И.—Дѣти-герои. Разсказы—быль. Съ рис. Спб. 902.

Потонье, Г.—Палеонтологія растеній или палеофитологія. Перев. съ нѣм. М. Залѣсскаго. Екатериносл. 903. Ц. 1 р.

Пріютянинъ, Ѳ. Г.—Счастье и горе сѣренькихъ людей. Вып. I. Херс. 904. Ц. 8 к.

Пругавинъ, А. С.—Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. Вып. 1 и 2. Спб. 904. Ц. 1 р.

Рагозина, З. А.—Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Мидіи, второго Вавилонскаго царства и возникновенія Персидской державы. Съ 90 рис. и 1—5 картами. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Рафаловичъ, Сергѣй.—Противорѣчія (разсказы). Спб. 903.

Реклю, Элизе.—Исторія горы. Перев. Д. Коропчевскаго. М. 903. Ц. 50 к.

Риккертъ, Г.—Границы естественно-научнаго образованія понятій. Логическое введеніе въ историческія науки. Съ нѣм. А. Воденъ. Спб. 904. Ц. 3 р.

Ристори, Аделаида.—Этюды и воспоминанія. Перев. Ек. Б—вой. Спб. 903. Ц. 1 р.

Риттихъ, А. А.—Зависимость крестьянъ отъ общины и міра. Спб. 903.

Рункъ, Г. Б.—Обученіе первоначальной геометріи и составленіе несложныхъ проекцій и ремесленныхъ чертежей, при помощи техническаго рисованія и рѣшенія графическимъ способомъ геометрическихъ задачъ. М. 903. Цѣна 1 р. 50 к.

Саблеръ, С. В., и *Сосновскій*, П. В.—Къ десятилѣтію Комитета Сибирской желѣзной дороги: 1893—1903. Сибирская желѣзная дорога въ ея прошломъ и настоящемъ. Историческій очеркъ. Подъ гл. ред. ст.-секрет. Куломзина. Съ 9 фототип., 32 автотип., 2 карт., 6 діаграм. профил. пути и графиками. Спб. 903. Ц. ? р.

Сергѣевскій, Н. Д.—Русское право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изд. 5-е, съ дополненіями проф. А. А. Жижиленко. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Сили, проф., Дж. Р.—Расширеніе Англіи. Два курса лекцій въ Кембриджскомъ университетѣ. Перев. съ англ. В. Я. Герда. Спб. 904. Ц. 2 р.

Соболевъ, И.—Популярный очеркъ системы вотчинныхъ книгъ. Радомъ. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Срезневскій, В. И.—Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1902 г. Спб. 903.

Столпянскій, П. И.—Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Вып. I: Опытъ библіографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствов. имп. Екатерины II. Оренб. 903.

Страсбургеръ, Эд.—Краткій практическій курсъ практической гистологіи. Руководство для самостоятельнаго изученія микроскопической ботаники и введеніе въ микроскопическую технику. Съ 128 рис. Перев. съ 4-го нѣм. изд. В. Буткевича, съ предисловіемъ К. Тимирязева. М. 904. Ц. 3 р.

Танонъ, Э.—Эволюція права и общественное сознаніе. Перев. бар. А. П. Фитингофъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Тарновскій, А.—Учительница народнаго училища. Оренб. 903.

Темниковскій, Евг.—Къ вопросу о канонизаціи святыхъ. Яросл. 903. Ц. 50 к.

Тищенко, Ѳ. Ѳ.—Какъ учитъ писать графъ Л. Н. Толстой? Съ 6-ью новыми письмами Л. Н. Толстого о писательствѣ. М. 903. Ц. 20 к.

Толстой, гр., Л. Н. I. Ассирійскій царь Ассархадинъ. II. Три вопроса. Двѣ сказки. Съ 9 илл. Н. И. Живаго. М. 904. Ц. 20 к.

Турутинъ, С.—О значеніи и дѣятельности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Курганъ. 903. Ц. 20 к.

Уайзменъ, кардин.—Фабіола или Церковь въ Катакомбахъ. Съ англ. пер. А. Каррикъ. Ц. 80 к.

Фридманъ, М.—Общества сельскихъ хозяевъ въ деревнѣ. П. р. Озерова. М. 903. Ц. 6 к.

Циммерманъ, Э. Р.—Путешествіе вокругъ свѣта. Для русскаго юношества. 2-е изд. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Шмейль, проф., О.—Человѣкъ. Основы ученія о человѣкѣ и его здоровьѣ. Съ нѣм., п. р. В. Н. и В. В. Половцовыхъ. Съ 31 рис., изъ нихъ 8 въ краскахъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Шмидтъ, П. Ю.—Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Сказка. Съ 28 рис. Спб. 904. Ц. 40 к.

Шницлеръ, Артуръ.—Пьесы: Въ погонѣ за легкой добычей.—Завѣщаніе.—Съ нѣм., перев. О. Н. Поповой. Спб. 903. Ц. 2 р.

Щегловъ, Ив.—Въ защиту народнаго театра. Замѣтки и впечатлѣнія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Энгельгардтъ, Н.—Очеркъ исторіи русской цензуры, въ связи съ развитіемъ печати 1703—1903 г. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

Якорь.—Воспоминанія давнихъ лѣтъ. Сызрань. 903. Ц. 50 коп.

A. S.—Uebungsstoffe für technische Uebersetzungen. St.-Petersb. 904.

De Roberty, Eugène.—Nouveau programme de Sociologie. Esquisse d'une Introduction générale à l'étude des sciences du monde surorganique. Par. 904. Pr. 5 frcs.

Frey, H., général.—L'Armée chinoise: l'armée ancienne; l'armée nouvelle; l'armée chinoise dans l'avenir. Avec une carte en couleur des régions d'l'Extrême-Orient. Par. 904.

— Варшавское семиклассное Коммерческое Училище. Warszawska sedmioklassowa Skoła Handlowa. Составилъ Директ. Уч. Ю. Ю. Цвѣтковскій и Секр. Педаг. Комит. Ѳ. Ф. Никлевскій. Варш. 903.

— Всемірные свѣточи. Разсказы изъ жизни великихъ людей. Шекспиръ и его время. Составлено по Тику и Беккеру. М. Гранстремъ. Съ 68 рис. Спб. 903.

— Изданія кн. магазина П. В. Луковникова: 1) Актея, повѣсть изъ древней римской и греческой жизни. Ц. 50 к. 2) Сервантесъ, Донъ-Кихотъ, сокращ. переводъ для юношества. Ц. 50 к. 3) Необыкновенная исторія о воскресшемъ Помпейцѣ, В. Авенаріуса. Ц. 60 к. 4) Его же, Создатель русской оперы, М. И. Глинка. Съ 20-ю портр. и рис. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 903.

— Земскій Сборникъ Черниговской губерніи. 1903. Октябрь-Ноябрь. Черниг. 903.

— Къ завѣтной цѣли. Литературный сборникъ. Изд. кружка писателей изъ народа. М. 904. Ц. 75 к.

— Къ 25-лѣтію Глазовской женской гимназіи. 1876—1901 г.г. Вятка. 902.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VII: Купля-продажа земель въ Европейской Россіи. 1853—1892 г.г. Вып. X: Отчужденія и продажи желѣзнымъ дорогамъ въ 1897 и 1898 г.г. Спб. 903.

— Народное образованіе въ Глазовскомъ уѣздѣ, со времени введенія земскихъ учрежденій по 1901 годъ. Вятка. 903.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи, по сообщеніямъ корреспондентовъ, за 1902 годъ. Съ 6-ю картограм. Годъ XVII. Полт. 903.

— Отчетъ государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ за 1902 годъ. Спб. 903.

— Отчетъ Общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губерніи за 1902 годъ. Тамб. 903.

— Оцѣнка земель Моложскаго уѣзда (Ярослав. губ.). Яросл. 903.

— Памяти М. В. Духовского. М. 903.

— Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей. Спб. 904. Цѣна 1 р. 50 к.

— С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе курсы—за 25 лѣтъ: 1878—1903 г.г. Очерки и матеріалы. Съ планами зданій курсовъ, видами аудиторій, кабинетовъ, библіотеки, обсерваторіи, комнатъ въ общежитіи, столовой и пр. Спб. 903.

— Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ 1901 г. Спб. 903.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи. Вып. 12. Яросл. 903.

— Тысяча-903-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV: Урожай хлѣбовъ; урожай фруктовъ. Съ 2 раскраш. картинами. Спб. 903.

ЗАМѢТКА.

Индивидуализмъ и творчество.

— „Когда мы мертвые пробуждаемся“, драма Г. Ибсена.

Въ настроеніи, которымъ отмѣчено все новое символическое направленіе въ искусствѣ, есть что-то мистическое; оно сказывается въ неясности и блѣдности формы, въ культѣ молчанія, зловѣщаго, холоднаго молчанія, ограждающаго одиночество души, въ загадочности и мрачности символовъ.

Такимъ же настроеніемъ проникнуты почти всѣ символическія произведенія Ибсена, и въ его послѣдней драмѣ: „Когда мы мертвые пробуждаемся“,—оно воплощается въ символѣ смерти, выражающемъ въ то же время идею драмы.

Чувство страха является передъ тайной всего неизвѣстнаго и непознаваемаго; смерть—самая глубокая и страшная тайна, и, объединяя идею драмы съ символомъ смерти, Ибсенъ раскрываетъ источникъ того мистическаго ужаса, который воплощается и въ опредѣленныхъ образахъ, и въ неуловимомъ настроеніи современнаго искусства. Этотъ источникъ кроется въ тяжеломъ сознаніи душевной пустоты и холодности, въ стремленіи замѣнить живую дѣйствительность мертвеннымъ міромъ призраковъ, въ признаніи истины, что мертвые въ этомъ мірѣ не пробуждаются.

Въ послѣднемъ актѣ на сценѣ—ночь, гроза и буря въ горахъ. Молнія, вспыхивая, ежеминутно озаряетъ бѣлую снѣговую вершину, глубокую черную разселину въ скалахъ и перекинутый черезъ нее мостикъ. На мостикѣ, прижавшись къ скаламъ, стоятъ двѣ человѣческія фигуры. Они пришли сюда въ тайной надеждѣ, что эта ночь возвратитъ имъ силу любви и жизни; они пришли ждать своего воскрешенія изъ мертвыхъ. Ирена не вѣритъ: „Мы умерли оба. И ты, и я. Умерла любовь, воплощающая въ себѣ земную жизнь, чудесную, восхитительную земную жизнь, таинственную земную жизнь. Жажда жизни умерла во мнѣ, Арнольдъ“.

Но онъ полонъ этой жажды, онъ вѣритъ, что для нихъ наступила минута пробужденья, и зоветъ Ирену „на верхъ, на свѣтъ, на вершину горъ, къ яркимъ солнечнымъ лучамъ, для жизни и счастья“.

Эта минута не могла наступить для нихъ, и въ ту же ночь, спѣша на встрѣчу жизни, они навсегда разстаются съ нею, погребенные подъ снѣгомъ обрушившейся лавины.

Мертвая снѣговая глыба выростаетъ на мѣстѣ обвала, когда по мостику, висящему надъ пропастью, пробѣгаетъ черная тѣнь діакониссы. Она пришла за Иреной и не дала бы совершиться ея обновленію, еслибы Ирена не ушла теперь въ недоступный для нея міръ. Гроза утихаетъ. На снѣжныхъ вершинахъ загораются первые солнечные лучи, которые озаряютъ одинокую темную фигуру на воздушномъ мостикѣ.

Это—земная тѣнь Ирены, тѣнь всего скорбнаго и мрачнаго, которую она оставляетъ на землѣ, „чтобы пробудиться въ день воскрешенія въ высшихъ, свободныхъ, свѣтлыхъ областяхъ, послѣ долгаго сна смерти безъ сновидѣній". Такъ представляетъ себѣ день воскрешенія профессоръ Рубекъ, и своимъ художественнымъ произведеніемъ отвѣчаетъ на вопросъ... „когда мы мертвые пробуждаемся"... Онъ изобразилъ воскрешеніе въ образѣ чистой дѣвушки, которая пробуждается отъ смертнаго сна преображенная и просвѣтленная, но не измѣнившаяся. Въ созданіи этой картины успокоилась его жажда творчества, воплотились его душевныя силы. Но это было воскрешеніе въ далекомъ будущемъ, воскрешеніе въ мечтахъ, воскрешеніе для невѣдомой жизни.

„Ты поэтъ, Арнольдъ,—говоритъ Ирена,—ты убилъ мою душу и создалъ картину. Но я была человѣкомъ тогда. И у меня также открывалась впереди жизнь, которую я должна была прожить, человѣческая судьба, которую я должна была выполнить". Но профессоръ Рубекъ боялся, что соприкосновеніе съ жизнью осквернитъ чистоту мечты. Любовь подняла ихъ на высоту новыхъ чувствъ, страданья, счастья и вдохновенья, и съ той высоты ей уже не было возврата на землю.

Эта мысль часто встрѣчается у Ибсена. Въ „Комедіи любви", Свангильда говоритъ, разставаясь съ Фалькомъ: „Мы дѣти весны, пусть за ней никогда не приходитъ осень... Пусть счастье рушится, пусть оно потонетъ въ глубинѣ пучины. Наша любовь будетъ, слава Богу, спасена и избѣгнетъ крушенія"... И Фалькъ отвѣчаетъ ей: „Да, только этимъ путемъ я могу приблизиться къ тебѣ. Подобно тому, какъ къ утренней зарѣ жизнь ведетъ черезъ могилу, такъ и любовь только тогда обручается съ жизнью, когда, избавившись отъ всякихъ страстей и желаній, она погружается, освобожденная, въ духовный міръ воспоминаній. Ирена отдала Рубеку свою душу, и, исчезнувъ изъ его жизни, отняла у нея все содержаніе; но онъ утѣшаетъ себя мечтою, что, потерявъ свое временное счастье, они пріобрѣли его въ вѣчности. И

только тогда, когда профессоръ Рубекъ встрѣчаетъ Ирену—и въ его душѣ поднимаются живыя, а не призрачныя чувства волненія и воспоминанія, это утѣшеніе теряетъ всю свою силу, и они пробуждаются оба на одинъ мигъ, но только для того, чтобы сознать свою душевную пустоту. „Когда мы, мертвые, пробуждаемся,—говоритъ Ирена,—мы замѣчаемъ, что никогда не жили". И они, дѣйствительно, никогда не жили, а только жаждали жить, и если день воскрешенія и наступитъ когда-нибудь для нихъ, то, во всякомъ случаѣ, та жизнь, о которой говоритъ Ирена, „чудесная, восхитительная земная жизнь, таинственная земная жизнь" прошла вдали отъ нихъ и навсегда утрачена ими.

Блеснувшая гдѣ-то въ далекомъ прошломъ, искра жизни разгорѣлась въ одно яркое воспоминаніе, въ которомъ слились всѣ ихъ мысли, чувства, страданія и порывы къ счастью. Но каждый разъ, когда Ирена и Рубекъ готовы отдаться ему, появляется черная тѣнь діакониссы, какъ роковой символъ ихъ духовной смерти.

Жена профессора Рубека, Майя, и охотникъ на медвѣдей вносятъ въ это мертвое оцѣпенѣніе сна не струю жизни, а только струю житейской пошлости и грубаго стремленія къ свободѣ.

Идея Ибсена выражена вполнѣ опредѣленно и ясно. Профессоръ Рубекъ предпочелъ свою поэтическую фантазію дѣйствительному чувству и, воплотивъ въ Иренѣ свой идеалъ художника, пренебрегъ ею, какъ живымъ человѣкомъ. Отказавшись изъ эгоистическаго заблужденія отъ призыва жизни и любви Ирены, Рубекъ убилъ въ ней жизнь сердца, а въ себѣ самомъ—способность творчества, такъ какъ, разставшись съ Иреной, онъ испортилъ свое лучшее произведеніе и не создалъ ни одного новаго. Въ этой идеѣ нѣтъ ни отрицанія свободы искусства, ни подчиненія его чувству любви. Идея Ибсена заключается только въ неразлучной связи искусства и жизни, въ единствѣ жизненныхъ и творческихъ силъ.

Но, кромѣ этой идеи, въ драмѣ Ибсена есть еще другая, которая является самой глубокой отличительной идеей времени; Рубекъ самъ сознательно убиваетъ въ себѣ живое чувство любви къ Иренѣ, и драма Ибсена интересна и характерна тѣмъ, что въ этой сознательной духовной смерти выражена та связь, которая объединяетъ все современное направленіе искусства и философіи и заключается въ нарушеніи жизненной гармоніи мысли и чувства. Душевная пустота и холодность не убиваютъ еще жажды чувства и стремленія къ нему; желаніе охватить жизнь какъ можно шире и полнѣе остается и выражается въ крайнемъ развитіи идеи индивидуализма, которая создаетъ новыя, искусственно-утонченныя ощущенія.

Отказываясь отъ любви Ирены съ тѣмъ, чтобы сохранить всю

яркость и красоту своего чувства, Рубекъ является представителемъ этой идеи и ея требованій.

Идея индивидуализма есть стремленіе къ безконечной полнотѣ жизни, и такъ какъ свобода и сила—главныя условія духовнаго развитія и счастья, то первая цѣль этого стремленія — неограниченная свобода личности. Достиженіе этого идеала свободы, счастья и красоты жизни представляется, по теоріи индивидуализма, въ полномъ обособленіи своего личнаго міра. Связь съ жизнью остается, но отношеніе къ ней мѣняется. Человѣкъ хочетъ взять отъ жизни все, что она можетъ дать, и сдѣлать ее источникомъ личной силы и личнаго развитія, не отдаваясь ей въ чувствѣ любви и состраданія, а подчиняя ее своимъ эгоистическимъ цѣлямъ и стремленіямъ. Эта идея убиваетъ душу Ирены и Рубека, убиваетъ его творческій даръ и проявляется въ странномъ безуміи Ирены. Профессоръ Рубекъ жертвуетъ всѣмъ ради полной свободы души, ради красоты личной духовной жизни, въ которой онъ надѣется найти постоянный источникъ вдохновенія для своей работы.

Ирена протестуетъ своею страдающею и неудовлетворенной любовью противъ такого духовнаго одиночества, но сама увлекается мечтами Рубека, восторженно говоритъ о его скульптурѣ „Воскрешеніе", какъ о живомъ созданіи ихъ любви, и дѣйствительно достигаетъ желанной духовной свободы, освобождаясь порой отъ своихъ страданій, но только въ ложномъ мірѣ своей безумной фантазіи. Стремленіе къ сознательному и утонченному развитію личной жизни приводитъ только къ экзальтаціи мысли и чувства, такъ какъ одна эгоистическая цѣль наслажденія не имѣетъ еще въ себѣ необходимаго содержанія ни для жизни, ни для художественнаго произведенія, которое является ея отраженіемъ. Развивая въ себѣ искусственное возбужденіе, съ цѣлью найти въ немъ постоянный источникъ красоты и вдохновенія, художникъ теряетъ дѣйствительную искренность чувства, необходимую для творческой работы. Искусство требуетъ всей полноты душевныхъ силъ, культъ же индивидуализма, какъ полное ограниченіе личной жизни, неизбѣжно является въ искусствѣ началомъ смерти; безмѣрная сосредоточенность на своемъ внутреннемъ мірѣ воплощается въ блѣдности настроенія, гордость мысли—въ безуміи фантазіи. Въ признаніи духовной смерти Ирены и Рубека Ибсенъ выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и осужденіе идеи индивидуализма, которая погружаетъ человѣка въ мертвое духовное одиночество и не можетъ быть источникомъ художественнаго творчества и вдохновенія.

Но это осужденіе выражено именно въ такой формѣ, которая носитъ въ себѣ всѣ отличительные признаки современнаго искусства и того разъединенія съ жизнью, которое мѣшаетъ художнику воплотить

свою идею въ живые и яркіе образы. Вліяніе индивидуализма чувствуется не только въ образахъ Ирены и Рубека, но и въ безсознательной близости художника къ этимъ образамъ и въ его невольномъ сліяніи съ поэтическими фантазіями своихъ героевъ.

Фантазіи Ирены и Рубека достигаютъ иногда такой силы и яркости, что онѣ замѣняютъ имъ отчасти недостатокъ жизни и пополняютъ ея пустоту. Ирена изображена безумной, но даже и это безуміе нисколько не раздѣляетъ ее съ Рубекомъ и не мѣшаетъ ихъ взаимному пониманію, такъ какъ такой эгоистическій культъ своей внутренней жизни, нарушающій чувство связи съ другими людьми, какъ у профессора Рубека, есть уже своего рода безуміе. Но духовное одиночество не отдѣляетъ людей отъ всего остального міра, потому что оно создаетъ новый источникъ страданія, въ которомъ заключается хотя и неполное, но самое глубокое познаніе жизни. Эта послѣдняя связь съ жизнью почти совершенно исчезаетъ въ томъ ложномъ, призрачномъ мірѣ, которымъ окружены герои Ибсена и въ которомъ живыя чувства Ирены и Рубека борются съ ихъ отвлеченными разсужденіями. Рисуя образы мертвыхъ людей, Ибсенъ не раскрываетъ ихъ мучительную душевную драму; она только слегка намѣчена въ рѣдкихъ моментахъ борьбы, столкновенія чистой мечты художника съ эгоистическимъ разсчетомъ наслажденія, стремленія къ жизни—съ непобѣдимымъ душевнымъ одиночествомъ. Но отъ этихъ моментовъ герои Ибсена постоянно переходятъ къ холодной и болѣзненной экзальтаціи и дѣлаются безжизненными и блѣдными призраками. Въ сознаніи душевной пустоты и холодности—та единственная капля жизни, которая согрѣваетъ Ирену и Рубека, но она не можетъ оживить ихъ, потому что надъ этимъ сознаніемъ постоянно торжествуетъ чувство фантазіи, которое гораздо живѣе въ нихъ стремленія къ истинной жизни.

Чтобы жить въ мірѣ фантазіи, находить въ немъ полное удовлетвореніе и забвеніе всего окружающаго, нужна постоянная сосредоточенность на своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ, которая охраняетъ отъ всякаго сильнаго чувства и вполнѣ гармонируетъ съ идеей индивидуализма, требующей такого же исключительнаго самоуглубленія. Эта идея очень часто отражается въ содержаніи современной литературы, въ формѣ философскаго міросозерцанія, въ появленіи новаго типа героевъ и въ откровенной проповѣди индивидуализма, но вліяніе его кроется гораздо глубже—въ холодности настроенія, въ отвлеченности образовъ, въ преобладаніи идеи и фантазіи надъ жизнью и дѣйствительностью. Въ этой же формѣ выразилось вліяніе этой идеи и у Ибсена—въ формѣ холодной символичности его драмы и въ его отношеніи къ той жизни, которую онъ изображаетъ и которою онъ

живетъ не какъ художникъ, отражающій въ ней свою душу, а какъ мечтатель, воплощающій въ ней свои фантазіи и пренебрегающій, какъ профессоръ Рубекъ, красотою жизни ради красоты мечты.

Изображая своихъ героевъ, Ибсенъ не даетъ полнаго развитія ихъ характеровъ, а выбираетъ только извѣстное душевное настроеніе, которое находитъ откликъ въ его собственной душѣ, и, отдаваясь этому настроенію, онъ создаетъ изъ жизни красивую фантастическую сказку. Психологическій анализъ съуживается, и чтобы сохранить интересъ своего произведенія, художникъ долженъ перенести его изъ внутренняго міра своихъ героевъ въ идеальный міръ своей поэтической фантазіи. Въ драмахъ Ибсена также ярко выступаетъ этотъ идеальный міръ самого художника, проявляясь не въ силѣ созданныхъ имъ образовъ, а въ глубинѣ мысли, въ утонченной сложности чувствъ и въ красотѣ символовъ и настроеній.

Такимъ образомъ, сила Ибсена заключается, главнымъ образомъ, въ развитіи той идеи, которую онъ проводитъ въ своихъ пьесахъ, и весь интересъ его драмъ сосредоточивается не на психологіи дѣйствующихъ лицъ, а на тѣхъ моментахъ, гдѣ особенно ярко выступаетъ глубина затронутаго имъ вопроса, гдѣ этотъ вопросъ близится къ своему разрѣшенію, и гдѣ живые люди стушевываются и становятся символами для выясненія основной идеи.

Но ни глубина идеи, ни оригинальность сюжета, не могутъ замѣнить въ драмѣ отсутствіе живыхъ дѣйствующихъ лицъ, и, несмотря на свои поэтическія красоты, драма Ибсена производитъ весьма смутное и странное впечатлѣніе, какъ будто и надъ ней тяготѣетъ тотъ же символъ смерти, та же черная тѣнь діакониссы, какъ и надъ душою Ирены и Рубека.—О. П.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

M. Maeterlinck. Joyzelle. Pièce en 5 actes. Paris, 1903 (Librairie Fasquelle).

Послѣдняя драма Метерлинка, „Жуазель“, ближе подходитъ къ типу его прежнихъ произведеній, чѣмъ „Монна Ванна“, въ которой Метерлинкъ сдѣлалъ попытку—и весьма удачную—создать реальную психологическую драму. Въ „Жуазели“ Метерлинкъ возвращается къ сказочнымъ сюжетамъ, но вноситъ въ фантастическій замыселъ болѣе опредѣленную, осязательную идею, чѣмъ въ свои прежнія символическія пьесы. Начиная съ своей второй философской книги „Sagesse et Destinée“ (первой была „Trésor des humbles“, гдѣ поэтъ былъ далекъ отъ реальной дѣйствительности и видѣлъ истину только въ самопознаніи), Метерлинкъ сталъ моралистомъ, проповѣдникомъ активной любви, служенія добру и справедливости, жизни не созерцательной, а дѣятельной, ведущей къ просвѣтлѣнію и счастью людей. Источникомъ силы, которая можетъ преобразовать жизнь людей и водворить счастье на землѣ, онъ считаетъ внутренній міръ человѣка, и учитъ пользоваться мудростью, почерпнутой изъ самопознанія, для цѣлей самой жизни. Общій характеръ морали Метерлинка—оптимистическій, какъ это ни странно послѣ его первыхъ символическихъ драмъ, рисующихъ грозную и таинственную власть судьбы надъ человѣкомъ. Но путь, которымъ онъ пришелъ къ болѣе свѣтлому и гармоничному пониманію жизни, вполнѣ ясный. Углубляясь въ изученіе внутренняго міра человѣка, онъ пришелъ къ заключенію, что, упражняя свою способность пониманія и воздѣйствія на жизнь, человѣкъ можетъ побѣдить ужасъ передъ судьбой и исключительно своей волей создать себѣ свѣтлую и радостную жизнь. Совершенствуясь въ пониманіи логичности всего совершающагося въ мірѣ и—главное—внося въ жизнь любовь и вѣру въ достижимость счастья и радости, человѣкъ становится какъ бы выше судьбы и выходитъ побѣдителемъ изъ всѣхъ ея испытаній.

Эта мысль лежитъ въ основѣ новой драмы Метерлинка. Сюжетъ ея—сказочный, и нѣсколько напоминаетъ „Бурю“ Шекспира. Событіями, происходящими въ драмѣ, управляетъ, какъ и въ „Бурѣ“, добрый волшебникъ, привлекающій на свой островъ людей, судьбу

которыхъ онъ хочетъ направить къ благу. Роль Шекспировскаго Просперо и его служебнаго духа Аріеля играетъ въ „Жуазели“ Мерлинъ и облеченный въ женскій обликъ духъ Arielle. Но Метерлинкъ ограничиваетъ элементъ чудеснаго въ своемъ вымыслѣ, и обставляетъ своего волшебника ясными для разума основами власти надъ людьми. Мерлинъ только кажется кудесникомъ, внушая страхъ своимъ могуществомъ. На самомъ же дѣлѣ онъ—мудрецъ, познавшій силы, которыя, по словамъ Метерлинка, „спятъ въ душѣ всякаго человѣка, невѣдомо для него“. Силы эти—власть просвѣтленнаго разума надъ порабощающими человѣка инстинктами. Мерлинъ побѣдилъ инстинкты и сталъ властелиномъ надъ судьбой. Его внутренняя сила представлена для большей наглядности въ фантастическомъ образѣ служебнаго духа, печальной и покорной его волѣ Аріэли. Прежде, когда Мерлинъ былъ самъ во власти инстинктовъ, Аріэль вела его за собой, куда хотѣла, т.-е., другими словами, онъ слѣпо повиновался капризу чувствъ и былъ въ зависимости отъ случая, приносящаго или радость, или горе. Но, умудренный разумомъ, онъ разбудилъ въ себѣ спящую силу—и Аріэль повинуется ему, исполняетъ его велѣнія, помогаетъ ему осуществить высшіе законы жизни, составляющіе источникъ счастья людей. Аріэль неотступно находится при Мерлинѣ, но она незрима для другихъ, ибо она—только образъ его просвѣтленнаго разума. Силу, которая ему дана, или, вѣрнѣе, которую онъ самъ завоевалъ, прозрѣвъ духовно, Мерлинъ направляетъ на то, чтобы создать счастье своего любимаго сына Лансеора. Онъ знаетъ, что счастье достигается путемъ любви, но что любовь спасительна лишь тогда, когда она такъ вѣритъ въ ожидающее ее, незримое для другихъ, таинственное счастье, что чужда всякихъ сомнѣній и колебаній, не допускаетъ мысли объ измѣнѣ, не видитъ ея тамъ, гдѣ она кажется очевидной другимъ, а идетъ съ улыбкой на встрѣчу счастью, готовая даже достигнуть его путемъ преступленія. Тотъ, кто такъ любитъ и такъ любимъ, будетъ жить счастливой и прекрасной жизнью, побѣдивъ всѣ злыя и враждебныя силы судьбы. Другими словами, воля къ счастью служитъ залогомъ его достиженія. Счастье было бы удѣломъ всѣхъ людей, еслибы они познали этотъ законъ всевластной, увѣренной въ себѣ героической любви, но счастье рѣдко на землѣ, потому что немногіе умѣютъ такъ любить. Мерлинъ знаетъ, что его самого ждетъ печаль, потому что онъ не исполнилъ закона любви, и мудрость его заключается только въ примиреніи съ неизбѣжнымъ, въ пониманіи законности имъ самимъ созданныхъ страданій. Но для сына его счастье возможно, если въ его жизнь войдетъ любовь, способная преодолѣть всѣ испытанія, восторжествовать надъ всѣми препятствіями и сомнѣніями. Мерлинъ считаетъ Жуазель способной на

такую любовь, и устроиваетъ встрѣчу между нею и Лансеоромъ съ цѣлью дать имъ возможность проявить чувство, которое должно опредѣлить ихъ судьбу. По волѣ Мерлина Аріэль поднимаетъ на морѣ бурю, выбрасывающую сначала Жуазель, а потомъ Лансеора на берега пустыннаго острова, подвластнаго Мерлину. Они встрѣчаются, и съ первой минуты любятъ другъ друга. Рѣшительный характеръ Жуазель проявляется съ первыхъ же ея словъ. Она разсказываетъ Лансеору, что родители предназначали ее въ жены человѣку, котораго она не любитъ, и на вопросъ юноши, покорится ли она все-таки волѣ родныхъ, она просто и рѣшительно отвѣчаетъ: „нѣтъ". Лансеоръ не такъ твердъ. Онъ покоренъ волѣ отца, котораго считаетъ умершимъ, и цѣль его путешествія—найти дѣвушку, которую отецъ предназначилъ ему передъ смертью. Лансеоръ выросъ вдали отъ отца и никогда его не видѣлъ, но волю мертвыхъ онъ считаетъ священной—и потому поѣхалъ исполнять свой долгъ. Буря его сбила съ пути, и онъ очутился на невѣдомомъ островѣ, о властелинѣ котораго Жуазель разсказываетъ ему, какъ о заботливомъ и добромъ старикѣ, который, однако, внушаетъ ей необъяснимый страхъ. Сцену первыхъ нѣжныхъ признаній между Жуазель и Лансеоромъ прерываетъ своимъ появленіемъ Мерлинъ, который сразу входитъ въ свою роль разлучника. Онъ обвиняетъ Лансеора въ коварствѣ, въ томъ, что крушеніе его было только мнимое, а на самомъ дѣлѣ онъ явился соглядатаемъ, съ цѣлью передать островъ во власть враговъ. Мерлинъ убѣждаетъ Жуазель не довѣрять обманчивой наружности чужеземца и остерегаться его, какъ злѣйшаго врага, но Жуазель твердо заявляетъ, что она вполнѣ вѣритъ Лансеору и любитъ его. Тогда Мерлинъ говоритъ Лансеору, что ему отведена башня съ прилегающимъ къ ней садомъ, изъ-за рѣшетки котораго онъ не долженъ выходить подъ страхомъ величайшихъ бѣдствій для себя и для Жуазель. Такъ какъ дѣло идетъ объ опасности для Жуазель, то Лансеоръ обѣщаетъ повиноваться Мерлину, но на вопросъ волшебника, подчинится ли она его рѣшенію, Жуазель отвѣчаетъ: „нѣтъ". Первое, сравнительно легкое, испытаніе Жуазель сдѣлала съ непоколебимой твердостью. Ея любовь преисполнена вѣры, которую не могутъ поколебать клеветы Мерлина на ея избранника. Но ей предстоятъ болѣе тяжелыя сомнѣнія и печали. Жуазель видитъ Лансеора за рѣшеткой его тюрьмы; не взирая на его опасенія, она открываетъ рѣшетку и впускаетъ юношу въ дикій садъ, гдѣ она бродитъ одна, предаваясь своей печали. Забывъ волшебника, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, Жуазель и Лансеоръ полны радостью свиданія и говорятъ нѣжныя слова любви. Но садъ, въ которомъ они очутились,—волшебный садъ любви; онъ расцвѣтаетъ, когда любящіе говорятъ въ немъ

о своихъ чувствахъ, и они къ ужасу своему видятъ, что, вмѣсто прежнихъ заглохшихъ и дикихъ растеній, ихъ окружаютъ пышно расцвѣтшіе кусты и деревья, на вѣтвяхъ которыхъ поютъ райскія птицы. Они понимаютъ, что тайна ихъ раскрыта, и ими овладѣваетъ страхъ предъ неизбѣжной карой. Издали появляется Мерлинъ, и Ласеоръ прячется за высокій цвѣтущій кустъ. Но Жуазель напрасно пытается скрыть отъ Мерлина присутствіе Лансеора. Расцвѣтшій садъ любви и пѣніе птицъ выдаютъ ея тайну, и Мерлинъ обличаетъ ее, обѣщая ей, однако, простить ея ослушаніе. Лансеоръ же уже наказанъ. Раздается крикъ изъ-за кустовъ, и Лансеоръ появляется съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ; его ужалила змѣя, скрывавшаяся въ кустахъ. Жуазель въ ужасѣ; она молитъ Мерлина спасти ея возлюбленнаго, который впалъ въ забытье и лежитъ безъ движенья на скамьѣ. Мерлинъ говоритъ, что ядъ, попавшій въ его кровь, очень опасный, но что онъ постарается спасти юношу; онъ требуетъ, чтобы Жуазель удалилась, предоставивъ Лансеора его попеченіямъ. Послѣ ея ухода Мерлинъ готовитъ ей новое испытаніе. Онъ мѣняетъ на время любящую душу Лансеора, наводитъ на него туманъ слѣпыхъ инстинктовъ и отдаетъ его во власть чарамъ Аріэли. Лансеоръ просыпается отъ забытья и видитъ вдали, у ручья, Аріэль, принявшую образъ прекрасной дѣвушки, распустившей свои длинные золотые волосы; онъ бѣжитъ къ ней, увлекаетъ ее за собой въ садъ, говоритъ ей о ея красотѣ и объ охватившей его любви къ ней и цѣлуетъ ее. Она въ эту минуту исчезаетъ, но передъ Лансеоромъ появляется Жуазель. Она видѣла, какъ онъ поцѣловалъ невѣдомую женщину, и у нея вырывается мучительный крикъ. Лансеоръ сначала лжетъ, отрицая свою явную измѣну, потомъ еще болѣе терзаетъ Жуазель, отрицая и свою любовь къ ней, и ея любовь къ нему. Жуазель не понимаетъ перемѣны въ Лансеорѣ, но не упрекаетъ его, и говоритъ, что чѣмъ бы ни было вызвано его поведеніе и его ложь, она во всякомъ случаѣ ему прощаетъ. Явная измѣна не поколебала ее. Она вѣритъ въ „таинственное, скрытое счастье любви“ и идетъ къ нему, не останавливаясь передъ непонятными препятствіями. Только послѣ ея ухода, Лансеоръ приходитъ въ себя; онъ въ ужасѣ отъ своего мгновеннаго ослѣпленія, которое, какъ онъ думаетъ, отняло у него Жуазель, и падаетъ на землю, охваченный раскаяніемъ, не понимая самъ, какая сила вовлекла его въ преступленіе противъ святости любви.

Лансеоръ не можетъ оправиться отъ своихъ душевныхъ мукъ. Онъ страшно измѣнился; волосы его посѣдѣли, лицо утратило свою юность, и онъ лежитъ въ зàмкѣ Мерлина, обезсиленный и мрачный. Около него — Жуазель, озабоченная только его болѣзнью, которую она считаетъ слѣдствіемъ укуса змѣи. Она говоритъ ему, что никогда не

сомнѣвалась въ его любви, и продолжаетъ любить его по прежнему, такъ какъ для любви нѣтъ сомнѣній и никакая видимость не можетъ разрушить ея упованій. Но Лансеоръ не можетъ успокоиться, говоритъ своей возлюбленной, что онъ тогда обманывалъ ее, что онъ дѣйствительно цѣловалъ невѣдомую женщину и забылъ о Жуазель въ эту минуту. Вѣрность Жуазель ободряетъ его, и Жуазель надѣется на его спасеніе. Но Мерлинъ продолжаетъ испытывать твердость любви Жуазель. Говоря съ ней въ саду, онъ доказываетъ ей, что Лансеоръ—измѣнникъ и что, несмотря на свое мнимое раскаяніе, онъ продолжаетъ быть ей невѣрнымъ. Жуазель твердо говоритъ: „нѣтъ“; она не хочетъ вѣрить въ измѣну, и потому измѣны нѣтъ. Мерлинъ настаиваетъ, увѣряетъ дѣвушку, что стòитъ ей обернуться, чтобы увидѣть, какъ, въ кустахъ, Лансеоръ снова говоритъ о любви той же невѣдомой женщинѣ и обнимаетъ ее. Но Жуазель говоритъ: „нѣтъ, это—неправда“, и не поворачиваетъ голову. Она не хочетъ видѣть того, что̀ видятъ люди; вся ея воля направлена на незримое для другихъ счастье любви, и на всѣ убѣжденія Мерлина убѣдиться самой въ измѣнѣ, она отвѣчаетъ: „нѣтъ“. Мерлинъ говоритъ, что понимаетъ высоту и святость ея чувства, спасающагося въ своей вѣрѣ отъ разочарованій, но что это не измѣняетъ факта измѣны. Жуазель еще разъ говоритъ: „нѣтъ“, настаивая на вѣрности своего возлюбленнаго; она уходитъ, не повернувъ головы, измученная борьбой противъ сомнѣній, но твердая и свѣтлая. Она выдержала одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, но ей предстоитъ еще самое тяжкое.

Лансеоръ смертельно боленъ и лежитъ въ тяжкомъ забытьи. Мерлинъ предупреждалъ, что ядъ дѣйствуетъ медленно, но вѣрно, и Жуазель увѣрена теперь въ гибели возлюбленнаго. Она умоляетъ Мерлина спасти его, и тогда онъ предлагаетъ ей страшное условіе: онъ спасетъ Лансеора, но только въ томъ случаѣ, если Жуазель согласится отдаться ему, такъ какъ онъ любитъ ее грѣховной страстью. Жуазель—въ ужасѣ. Она теперь понимаетъ свой инстинктивный страхъ предъ старикомъ, который, казалось, относился къ ней съ нѣжностью отца. Она умоляетъ его о пощадѣ, но, въ виду его непреклонности и въ виду того, что каждая минута промедленія увеличиваетъ опасность для Лансеора, она даетъ согласіе явиться въ тотъ же вечеръ къ Мерлину. Онъ предупреждаетъ ее, что если она не исполнитъ своего слова, то Лансеоръ погибнетъ, и, пробудивъ отъ тяжкаго забытья юношу, уходитъ. Лансеоръ, къ радости Жуазель, просыпается съ воскресшими силами, юный и прекрасный, какимъ былъ до болѣзни; въ первую минуту она забываетъ о томъ, какой цѣной куплено его спасеніе и раздѣляетъ его свѣтлую радость. Она говоритъ ему, кому онъ обязанъ своимъ спасеніемъ, и только когда онъ въ своемъ

невѣдѣніи восхваляетъ безкорыстную доброту властителя острова, она вспоминаетъ о данномъ ею обѣщаніи, и уже не можетъ улыбаться въ отвѣтъ Лансеору. Онъ не можетъ понять, чѣмъ вызвана ея неожиданная печаль, и уходитъ отъ нея, чтобы пойти принести благодарность своему спасителю.

Въ послѣднемъ актѣ Жуазель даетъ послѣднее доказательство своей героической любви; она готова на преступленіе въ своемъ неуклонномъ стремленіи достичь счастья, въ которое она вѣритъ наперекоръ всѣмъ превратностямъ судьбы. Жуазель идетъ къ Мерлину, выполняя данное ею слово,—но идетъ съ кинжаломъ въ рукахъ. Убить его ей кажется меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ осквернить святыню любви. Мерлинъ ждетъ ее, притворяясь спящимъ; Жуазель, подошедшая къ нему съ твердой рѣшимостью убить его, останавливается въ ужасѣ. Она не предвидѣла этого,—убить спящаго почти выше ея силъ. Въ ней происходитъ душевная борьба, но она убѣждаетъ себя, что всякое колебаніе малодушно, что ничто не должно стоять на ея пути къ счастью любви. Она вторично подходитъ съ кинжаломъ къ Мерлину,—но онъ встаетъ радостный, славитъ ее за неуклонность ея любви и объявляетъ ей, что всѣ испытанія кончились. Жуазель такъ поражена неожиданными словами Мерлина, что никакъ не можетъ понять переворота въ своей судьбѣ, пока не приходитъ Лансеоръ, которому Мерлинъ уже объяснилъ до того цѣль своихъ мнимыхъ преслѣдованій. Жуазель узнаетъ, что Мерлинъ—не злой волшебникъ, а любящій отецъ Лансеора, и что, испытывая любящихъ, онъ только хотѣлъ ихъ счастья. Лансеоръ, однако, не знаетъ, въ чемъ состояло послѣднее испытаніе, и спрашиваетъ объ этомъ Жуазель и отца; но Мерлинъ ничего не говоритъ, а Жуазель, проснувшаяся отъ тяжкаго кошмара, утверждаетъ, что она все забыла, и знаетъ только, что она теперь счастлива. Мерлинъ благословляетъ восторжествовавшую надъ всѣми испытаніями любящую чету на долгую и прекрасную, свѣтлую жизнь, и прощается съ ними. Онъ долженъ слѣдовать зову своей печальной спутницы Аріэли и разстаться съ своими дѣтьми.

Эта сказка о любви, торжествующей надъ судьбой, нѣсколько наивна по конструкціи; въ ней все совершается такъ, какъ по писанному; психологія дѣйствующихъ лицъ прямолинейна, и эксперименты Мерлина, играющаго роль строгаго, но справедливаго рока, лишены для зрителя и читателя всякаго трагизма, благодаря своей придуманности. Но эти недостатки искупаются въ значительной степени поэтичностью замысла, прекрасно задуманнымъ образомъ героини, нѣжной и въ то же время непреклонно стойкой Жуазель, а также глубокими мыслями о любви и о судьбѣ, высказываемыми въ пьесѣ. Избравъ любовь, какъ пробный камень душевной силы, отъ

которой зависитъ счастье, Метерлинкъ изобразилъ дѣйствительно героическую любовь, тѣмъ болѣе привлекательную, что она не сознаетъ величія своихъ подвиговъ, а съ полной простотой слѣдуетъ только своимъ влеченіямъ, которыя и ведутъ ее къ торжеству.

II.

Henri de Regnier. Les Vacances d'un jeune homme sage. Стр 276. Paris, 1903. (Société du Mercure de France)

Анри де-Ренье—одинъ изъ наиболѣе выдающихся французскихъ поэтовъ младшаго поколѣнія. Въ его поэзіи эстетизмъ настроеній преобладаетъ надъ лиризмомъ жизненныхъ страстей и чувствъ; живое и неживое, природа и искусство, прошлое и настоящее человѣчества, впечатлѣнія минуты и созерцаніе мертвой старины сливаются для него въ общую симфонію формъ и красокъ, возбуждающихъ въ немъ только художественныя эмоціи. Его поэзія въ значительной степени описательная, и пластичностью, красочностью, также какъ изысканностью описаній, Ренье сродни поэтамъ парнасской школы, въ особенности Леконту-де-Лилю. Но въ немъ нѣтъ холодной объективности парнассцевъ. Арабески бытія, въ которыя живое и неодушевленное, настоящее и минувшее вплетаютъ свои краски и свои формы, вызываютъ въ немъ смѣну разнообразныхъ ощущеній, и эти чисто субъективныя настроенія онъ передаетъ въ своей поэзіи. Поэзія изысканныхъ ощущеній вполнѣ въ духѣ современныхъ французскихъ символистовъ, и Ренье признанъ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей этой школы. Но онъ отличается отъ другихъ модернистовъ строгой выдержанностью традиціоннаго французскаго стиха. Онъ не вводитъ никакихъ новшествъ въ стихосложеніе, не пользуется вольнымъ стихомъ, какъ другіе; оставаясь въ предѣлахъ правильнаго французскаго стиха, онъ придаетъ ему, однако, большую выразительность и пластичность. Нѣкоторыя его стихотворенія, какъ, напр., „Надписи къ семи воротамъ города", считаются классическими по формѣ, будучи въ то же время глубокими и оригинальными по содержанію. Эта вѣрность духу національной поэзіи и выработаннымъ вѣками формамъ привлекаетъ на сторону Ренье симпатіи даже такихъ ортодоксальныхъ критиковъ, какъ Брюнетьеръ.

За послѣдніе годы Ренье составилъ себѣ также большую извѣстность своей прозой, романами и повѣстями. Общій характеръ его прозы—такой же, какъ и его поэзіи. Ренье описываетъ то современную дѣйствительность, то эмоціональную жизнь старой Франціи, вель-

можъ XVIII-го вѣка, анализируя различныя формы жизни и разнообразныя проявленія чувства любви въ разныя эпохи. Ренье относится съ такимъ же интересомъ къ легкомысленному донъ-жуанству вельможъ старой Франціи, для которыхъ любовь сводилась къ забавѣ, къ тому, что̀ они называли „le bon plaisir“, какъ и къ болѣе сложнымъ проявленіямъ того же чувства въ другія времена, къ психологіи современныхъ людей, то разочарованно-порочныхъ, то чистыхъ и ожидающихъ отъ любви высшихъ радостей, душевнаго обновленія. Ренье не отдаетъ предпочтенія какой-либо изъ этихъ формъ любви, не учитъ, чѣмъ любовь должна была бы быть, а только разсказываетъ, какъ люди жили и живутъ, какъ любили и любятъ, какъ всякая эмоція кажется безконечно важной въ данную минуту и утрачиваетъ свою значительность въ воспоминаніи. Ренье не оцѣниваетъ поступковъ и влеченій съ точки зрѣнія морали, и въ его повѣстяхъ было бы лишнимъ искать опредѣленныхъ взглядовъ на цѣли жизни и на нравственный долгъ человѣка; но какъ художникъ, умѣющій мастерски возсоздавать самые различные états d'âme, Ренье очень интересенъ.

Изъ его чисто психологическихъ повѣстей, несмотря на всю ихъ кажущуюся объективность, выясняется, однако, философское отношеніе автора къ жизни,—примиренно-скептическое. Онъ—пессимистъ, и не вѣритъ въ святость и правоту человѣческихъ поступковъ, какими бы побужденіями они ни были вызваны; поэтому разнообразіе жизни сводится для него къ разнообразію ощущеній, и въ чемъ бы эти ощущенія ни проялялись, они для него равноцѣнны. Онъ возсоздаетъ узоры жизни, ея минутныя радости, съ грустной улыбкой сожалѣнія о томъ, что внѣ ускользающихъ формъ нѣтъ ничего оправдывающаго „трудъ жизни“. При такомъ міросозерцаніи не можетъ быть трагическаго отношенія къ чему бы то ни было: если мимолетны ощущенія радости и наслажденія, то столь же недолговѣчны печали, и то, что̀ волнуетъ въ данную минуту, остается въ воспоминаніи какъ слѣдъ ощущенія, вплетающагося въ узоръ жизни. Ренье говоритъ въ своихъ повѣстяхъ о жизни безпечальныхъ людей, занятыхъ впечатлѣніями минуты,—но въ его разсказахъ чувствуется грусть и разочарованность въ жизни. Это роднитъ Ренье отчасти съ Мопассаномъ, отчасти съ Анатолемъ Франсомъ. Пессимизмъ Мопассана, конечно,—болѣе глубокій, такъ какъ онъ всесторонне обнимаетъ жизнь; Ренье же прячетъ свое основное настроеніе за снисходительностью ко всякаго рода безпечному коротанію жизни; но впечатлѣніе отъ его слегка гривуазныхъ разсказовъ—такое же печальное, какъ отъ Мопассановскихъ описаній житейской грязи и человѣческихъ страданій.

Главное достоинство повѣстей и разсказовъ Ренье—художественность ихъ изложенія. Ренье хочетъ воскресить искусство старыхъ

французскихъ conteurs'овъ, художниковъ слова, не задававшихся никакой нравоучительной цѣлью, а увлекавшихъ только самимъ повѣствованіемъ. Ренье не обладаетъ ихъ жизнерадостностью, дѣйствительность не удовлетворяетъ, не радуетъ его, но то, что̀ онъ въ ней наблюдаетъ, онъ передаетъ съ тонкостью, художественностью и спокойствіемъ разсказчиковъ стараго времени. Какъ и въ техникѣ стиха, Ренье вѣренъ національнымъ традиціямъ и въ своей прозѣ, въ манерѣ и тонѣ своихъ повѣстей.

Новый романъ Ренье, „Les Vacances d'un jeune homme sage", такъ же типиченъ для его художественной манеры, какъ и предъидущіе, „Le bon plaisir", „Mariage de Minuit" и др. Цѣльной фабулы нѣтъ въ этомъ разсказѣ объ испытаніяхъ юноши за нѣсколько мѣсяцевъ лѣтнихъ каникулъ. Въ романѣ почти ничего не происходитъ, ничто не мѣняетъ жизнь героя—и даже всѣ его переживанія происходятъ какъ бы на порогѣ возможныхъ, но не осуществляющихся событій. А между тѣмъ въ душѣ его накопляются ощущенія, которыя и составляютъ для Ренье содержаніе жизни. Интересъ романа не исчерпывается психологіей героя. Вокругъ него группируется цѣлый рядъ людей, старыхъ и молодыхъ, и каждый изъ нихъ представляетъ своимъ образомъ жизни, своими интересами, занятіями, своей особой манерой воспринимать явленія, ярко опредѣленную индивидуальность; контрасты всѣхъ этихъ существованій, различныхъ, хотя и сливающихся въ однообразной сѣрости провинціальной жизни, составляютъ главный сюжетъ романа.

Юный Жоржъ Делонъ не выдержалъ экзамена на баккалавра, и смущенъ своей неудачей, которая лишаетъ его возможности предаваться полному досугу лѣтомъ, — ему придется готовиться во время каникулъ ко вторичному экзамену въ ноябрѣ. Самый экзаменъ описанъ въ романѣ особой манерой, составляющей отличительное свойство художественныхъ пріемовъ Ренье. Онъ говоритъ только объ ощущеніяхъ дѣйствующихъ лицъ—о мысляхъ, мелькающихъ въ головѣ Жоржа за экзаменаціоннымъ столомъ, объ его вѣрѣ въ примѣты, объ усталости экзаменаторовъ, которымъ хочется скорѣе пойти домой завтракать, но всѣ эти подробности очень жизненно возсоздаютъ картину провала Жоржа и чувство обиды, съ которымъ онъ уходитъ изъ Сорбонны. Неудача не представляетъ для него ничего трагичнаго — Ренье описываетъ всегда жизнь не со стороны ея трагизма, а какъ смѣну разнородныхъ ощущеній, одинаково суетныхъ въ перспективѣ времени, какъ бы они ни волновали радостью или печалью въ самый моментъ переживанія. Жоржъ идетъ домой, обдумывая послѣдствія своей неудачи, но его мысли принимаютъ вскорѣ другое направленіе. Проходя мимо одного изъ кафѐ Латинскаго квартала, онъ видитъ сво-

его товарища, Максима Плантэля, который подзываетъ его къ себѣ. Максиму судьба благопріятствовала—онъ наканунѣ удачно выдержалъ экзаменъ, и теперь празднуетъ свое торжество. Онъ знакомитъ Жоржа съ молодой, красивой женщиной, сидящей рядомъ съ нимъ; это—подруга его старшаго брата, офицера. Жоржъ чувствуетъ себя неловко въ присутствіи Нини, которая ему кажется необыкновенно красивой и шикарной, и удивляется развязному обращенію съ ней своего товарища. Оказывается, что полкъ Фернанда, брата Максима, стоитъ лѣтомъ вблизи того мѣста, гдѣ Жоржъ проведетъ лѣто у своей старой тетки, и что онъ сможетъ такимъ образомъ встрѣтиться опять лѣтомъ съ очаровательной Нини, которая очень любезна съ робкимъ школьникомъ. Вниманіе Нини льститъ самолюбію Жоржа; ему пріятно, что къ нему относятся какъ къ взрослому юношѣ, несмотря на неудачу въ Сорбоннѣ. Онъ возвращается домой въ болѣе приподнятомъ настроеніи, и отношеніе родителей къ его провалу еще болѣе примиряетъ его съ судьбой. Мать увѣрена, что ему помѣшала только его излишняя скромность и застѣнчивость,— въ знаніяхъ же его она не сомнѣвается. Отецъ Жоржа слишкомъ занятъ своими дѣлами, чтобы входить въ интересы сына, и очень равнодушно принимаетъ извѣстіе о его неудачѣ. Жоржъ поэтому быстро забываетъ о пережитыхъ непріятныхъ впечатлѣніяхъ, и радъ предстоящему отъѣзду въ провинцію и свободѣ отъ занятій на нѣкоторое время. Онъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ матерью къ старикамъ де-ла-Булери, въ Ривpэ, маленькій городокъ близъ Валена, и попадаетъ тамъ въ общество провинціальныхъ аристократовъ; они описаны Ренье́ съ большимъ умѣньемъ индивидуализировать людей, ничѣмъ, казалось бы, не выдѣляющихся въ окружающей ихъ сѣрой жизни, ведущихъ мирное, однообразное существованіе, не нарушаемое никакими событіями. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ характеровъ въ романѣ—старикъ Ла-Булери, представитель отжившихъ традицій французскаго дворянства прежнихъ временъ. Въ немъ нѣтъ чванства своимъ знатнымъ происхожденіемъ, нѣтъ презрѣнія къ „черной кости“, но знатность рода ему все-же кажется самымъ цѣннымъ даромъ судьбы, и потому онъ посвятилъ свою жизнь геральдическимъ изысканіямъ, изученію генеалогіи аристократическихъ семей своей провинціи. Свой родъ онъ прослѣдилъ до половины XVI вѣка, и сокрушается, что не смогъ, при всемъ стараніи, найти болѣе отдаленныхъ предковъ; крайне добросовѣстный въ своихъ изслѣдованіяхъ, онъ никогда бы не рѣшился присвоить своему роду сомнительныя связи съ болѣе древними домами. Но зато онъ съ любовью собралъ всѣ архивныя свѣдѣнія о каждомъ изъ членовъ своей все-же очень старинной семьи. Всѣ эти точныя фамильныя данныя собраны имъ въ его книгѣ, надъ

которой онъ трудился много лѣтъ, и которую дополняла столь же обстоятельная генеалогія семейства его жены, принадлежащей къ знатной авиньонской семьѣ. Закончивъ этотъ трудъ, онъ занялся изученіемъ другихъ аристократическихъ родовъ въ своей провинціи. Онъ счастливъ, если ему удается прослѣдить исторію каждаго изъ нихъ, какъ можно далѣе углубляясь въ глубь вѣковъ, и его печалить нравственный долгъ—не исполнить его онъ не считаетъ себя въ правѣ—сообщить одному изъ своихъ пріятелей, графу де-ла-Виньере, что въ его гербѣ неправильно изображены фамильные знаки другого знатнаго рода, съ которымъ, по точнымъ изслѣдованіямъ старика, Виньере не состоялъ въ родствѣ. Никакого практическаго значенія всѣ эти геральдическія тонкости не имѣютъ, но Ла-Булери живетъ всецѣло этими отжившими свой вѣкъ интересами. Живая дѣйствительность только пугаетъ его; онъ видитъ всюду опасности, думаетъ, что буржуазное общество преслѣдуетъ его, какъ потомка древняго рода, не выѣзжаетъ изъ своего городка, боится желѣзныхъ дорогъ, не ѣздитъ въ колясках, безпокоится за каждаго члена семьи, выходящаго изъ дому, вѣчно рисуя себѣ въ воображеніи всякія катастрофы,—живая жизнь его страшитъ; онъ весь принадлежитъ прошлому, стариннымъ привычкамъ спокойной, степенной и простой жизни. Его жена тоже патріархальна въ своихъ жизненныхъ привычкахъ, но безъ аристократическихъ причудъ. Она враждебно относится къ „теперешнимъ людямъ“ не потому, что въ нихъ нѣтъ уваженія къ родовитости, а потому, что ихъ жизнь кажется ей ненужно сложной, преждевременно подтачивающей здоровье и нарушающей душевное спокойствіе. Зачѣмъ бѣдному хилому Жоржу мучить себя работой и добиваться университетскаго диплома? Вѣдь Ла-Булери не баккалавръ,—а чѣмъ его жизнь не образцовая? Она пытается убѣдить мать Жоржа въ томъ, что здоровье мальчика важнѣе всего другого, и протестуетъ противъ всякихъ занятій Жоржа. И другимъ она тоже проповѣдуетъ простую и здоровую жизнь, подавая сама примѣръ не утраченной среди безмятежнаго существованія жизнерадостности. Каждый изъ другихъ членовъ общества, въ которое попали Жоржъ и его мать, имѣетъ свои обособленныя радости, интересы и вкусы. Одинъ любитъ ѣзду на велосипедѣ и коллекціонируетъ чучела птицъ и звѣрей. Эти разнородныя занятія настолько его поглощаютъ, что онъ разсѣянно относится ко всему окружающему, и такъ смотритъ на людей, разговаривающихъ съ нимъ, точно соображаетъ, не могли ли бы они пригодиться для его коллекціи. Кромѣ того, онъ не можетъ никакъ объединить свои двѣ причуды—и когда съ нимъ говорятъ о велосипедномъ спортѣ, думаетъ о своихъ чучелахъ, и наоборотъ. Другой стремится прослыть донъ-Жуаномъ, имѣющимъ успѣхъ у жен-

щинъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ немолодъ, очень непривлекателенъ, и всѣ его галантныя приключенія—мнимыя. Онъ нарочно уѣзжаетъ каждую недѣлю въ опредѣленный день въ сосѣдній большой городъ, и доволенъ, что объ этихъ поѣздкахъ всѣ говорятъ съ особой усмѣшкой. Манія донъ-жуанства обуреваетъ и другихъ мирныхъ отцовъ семейства въ городкѣ, описываемомъ въ романѣ. Всѣ они на самомъ дѣлѣ въ подчиненіи у своихъ строгихъ женъ, но по четвергамъ отправляются вмѣстѣ въ извѣстный часъ въ Валенъ—и тамъ расходятся на вокзалѣ въ разныя стороны, чтобы придать таинственность своимъ отлучкамъ, по существу очень невиннымъ. Эти люди по своему правы, слѣдуя своимъ вкусамъ и капризамъ, и создавая себѣ тѣ ощущенія, которыя дѣлаютъ имъ жизнь пріятной. Авторъ не отдаетъ предпочтенія никому изъ нихъ, считая образъ жизни каждаго изъ нихъ равноцѣннымъ, т.-е. одинаково суетнымъ.

Жоржу скучно среди этихъ старыхъ людей. Онъ бродитъ по городу, читаетъ книги, раздобытыя тайкомъ у школьныхъ товарищей, и питаетъ ими свое любопытствующее отношеніе къ возможнымъ радостямъ жизни. Онъ ближе сходится съ однимъ изъ друзей своего дяди, де-Гальбансомъ, занимающимъ мѣсто въ городской администраціи, часто бываетъ у него, и тотъ ведетъ съ нимъ довольно легкомысленные разговоры. Жоржъ знакомится понемногу съ городскимъ обществомъ, встрѣчается съ молодыми дѣвушками и, участвуя въ ихъ шалостяхъ и играхъ, безотчетно радуется жизни. Среди лѣта онъ начинаетъ учиться, сначала поступаетъ въ школу рисованія, въ виду проявленныхъ имъ художественныхъ способностей, но долженъ оставить школу: она посѣщается преимущественно дѣвицами, и мать одной изъ нихъ, вліятельная дама въ городѣ, считаетъ безнравственнымъ общеніе барышенъ во время уроковъ съ взрослымъ юношей. Жоржъ гордится до нѣкоторой степени тѣмъ, что его общество считаютъ опаснымъ, и не печалится о прерванныхъ урокахъ. Ему нужно готовиться къ осеннему экзамену, и ему находятъ репетитора въ Валенѣ; онъ ѣздитъ туда каждый день, къ ужасу дяди, который боится несчастныхъ случаевъ. Старикъ также противъ того, чтобы оставлять мальчика безъ присмотра, и ему мерещатся всякія опасности. Жизнь въ домѣ Ла-Булери становится болѣе оживленной съ пріѣздомъ ихъ родственницы, молодой вдовы, о красотѣ которой уже заранѣе много разсказывалъ Жоржу Гальбансъ. Мадамъ д'Эскларагъ очень привѣтлива съ Жоржемъ, беретъ его съ собой на прогулки, причемъ Жоржъ нѣсколько удивляется тому, что куда бы они ни пошли, они какъ бы нечаянно встрѣчаютъ Гальбанса. Но Жоржъ не задумывается объ этихъ встрѣчахъ, и не замѣчаетъ также флирта молодой вдовы съ другими членами городского общества, потому что онъ занятъ другимъ. Отправ-

ляясь ежедневно въ Валенъ, онъ ждетъ встрѣчи тамъ съ Нини, и дѣйствительно встрѣчаетъ ее однажды на улицѣ. Она узнаетъ его, разсказываетъ, что Фернанда нѣтъ въ городѣ—онъ уѣхалъ на маневры,—и приглашаетъ его зайти къ себѣ. Предстоящій визитъ къ молодой женщинѣ очень волнуетъ Жоржа, и онъ готовится къ нему съ замираніемъ сердца, стараясь придать какъ можно больше изящества своей внѣшности. Попросивъ учителя отпустить его раньше обыкновеннаго, чтобы успѣть побывать у Нини до поѣзда, съ которымъ онъ долженъ вернуться домой, Жоржъ отправляется къ ней въ назначенный часъ. Но ему приходится долго сидѣть одному въ гостиной, потому что Нини занята примѣркой платья. Наконецъ она выходитъ къ нему въ шляпѣ и накидкѣ, извиняется за то, что заставила его ждать, и предлагаетъ ему пойти погулять вмѣстѣ въ городской садъ. Жоржъ смущенно соглашается, и они, мирно бесѣдуя, отправляются гулять. Но, къ несчастью Жоржа, его видитъ сидящимъ на скамейкѣ въ дружеской бесѣдѣ съ Нини одинъ изъ знакомыхъ его дяди; на слѣдующій же день онъ приходитъ къ старику и сообщаетъ ему о позорномъ поведеніи его племянника. Ла-Булери—въ ужасѣ. Онъ увѣренъ, что мальчикъ погибъ, что онъ уже такъ рано началъ вести порочный образъ жизни, и съ отчаяніемъ разсказываетъ собравшейся семьѣ о томъ, что онъ узналъ. Его жена не такъ трагично относится къ происшедшему, но матери Жоржа становится грустно. Она много страдала отъ легкомыслія своего мужа, и теперь ей тяжело думать, что сынъ пошелъ по слѣдамъ отца, и что уже такъ рано у него есть тайны отъ нея. Но всѣхъ ихъ успокоиваетъ м-мъ д'Эскларадъ, говоря, что она поговоритъ съ мальчикомъ и наставитъ его на путь истины. Она уводитъ къ себѣ Жоржа—и такъ убѣдительно говоритъ съ нимъ, что онъ сначала исповѣдуется передъ ней, а потомъ обѣщаетъ не возвращаться къ Нини, такъ какъ молодая вдова съумѣла доказать ему, что ея общество сулитъ ему больше удовольствія, чѣмъ знакомство съ подругой Фернанда. Всѣ въ домѣ успокаиваются, считая, что опасность соблазна миновала съ отмѣной поѣздокъ въ Валенъ,—и никто не подозрѣваетъ, что теперь только эта опасность и наступила.

На этомъ заканчивается романъ; его интересъ—не въ развитіи цѣльной фабулы, а въ изображеніи всякаго рода ощущеній, переживаемыхъ различно настроенными людьми въ ихъ незамѣтной жизни, заполняемой каждымъ по своему. Въ описаніяхъ Ренье много жизненной правды и тонкихъ психологическихъ наблюденій. Какъ ни суетна жизнь, которую онъ описываетъ,—въ ней столько же внутреннихъ переживаній, какъ и въ болѣе сложномъ существованіи людей, живущихъ широкими интересами,—и въ художественномъ разсказѣ Ренье мелодія жизни звучитъ очень полно—и очень печально. – З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1904.

Предстоящее открытіе новой с.-петербургской городской думы.—Вѣроятный исходъ выборовъ на городскія должности.—Настоящая и будущая группировка гласныхъ.—Дѣленіе избирателей на разряды и на участки.—Тверское губернское земство въ его отношеніяхъ къ уѣздному.—На чьей сторонѣ справедливость и забота о народномъ благѣ?— В. Н. Герардъ и А. В. Евреиновъ †.

Черезъ нѣсколько дней откроются засѣданія новой с.-петербургской городской думы. Пройдетъ не менѣе мѣсяца, пока закончатся выборы на различныя должности, и дума получитъ возможность приступить къ завѣдыванію городскими дѣлами. Отъ замѣщенія должностей —въ особенности тѣхъ, которыя имѣютъ наиболѣе важное значеніе (предсѣдателя думы и его замѣстителя, городского головы и его товарища или товарищей)—зависитъ, конечно, очень многое; но большой ошибкой было бы считать его рѣшающимъ моментомъ въ дѣятельности думы. Весьма возможно, что первыя мѣста въ новомъ городскомъ управленіи достанутся на долю лицъ, имена которыхъ, извѣстныя изъ лѣтописей прежней думы, не предвѣщаютъ, сами по себѣ, перемѣны къ лучшему въ ходѣ дѣла; но отсюда нельзя еще будетъ заключить, что такая перемѣна, при настоящемъ составѣ думы, не состоится вовсе. Раздѣленіе избирателей, по количеству платимыхъ ими сборовъ, на два разряда, привело къ тому, что побѣду на выборахъ одержало сначала одно, потомъ другое теченіе. Выборы по первому разряду, на которыхъ *двумъ-стамъ восьмидесяти-шести* лицамъ предстояло избрать цѣлую треть общаго числа гласныхъ (54 изъ 162), провели въ думу многихъ изъ числа старыхъ дѣятелей, вмѣстѣ съ тѣсно примкнувшими къ нимъ новичками. Наоборотъ, выборы по второму разряду,—на которыхъ *двѣнадцать-тысячъ* лицъ должны были избрать остальныя двѣ трети, т.-е. сто-восемь гласныхъ,—въ восьми частяхъ города (изъ двѣнадцати) дали большинство элементамъ, вновь введеннымъ въ составъ избирателей; но меньшинство здѣсь настолько велико, что, въ соединеніи со всѣми или почти всѣми избранниками перваго разряда, оно легко можетъ составить больше половины общаго числа гласныхъ и, слѣдовательно, предрѣшить исходъ выборовъ. Движеніе впередъ будетъ этимъ значительно затруднено, но не перестанетъ быть возможнымъ. При извѣстной выдержкѣ и настойчивости меньшинства гласныхъ, во всякомъ случаѣ весьма значительнаго, при неустанномъ его вниманіи ко всѣмъ отраслямъ городского управленія,

при готовности его членовъ нести безвозмездный трудъ въ подготовительныхъ и исполнительныхъ коммиссіяхъ, оно можетъ предупреждать нежелательныя рѣшенія, проводить отдѣльныя мѣры, согласныя съ дѣйствительными интересами населенія, регулировать, путемъ контроля, дѣятельность городской управы. Скажемъ болѣе: оно можетъ, мало-по-малу, обратиться въ большинство, сначала случайное, потомъ постоянное. Для него, поэтому, нѣтъ надобности стремиться къ немедленному участію въ исполнительныхъ ὀрганахъ, если такое участіе можетъ быть пріобрѣтено только цѣною компромиссовъ. Оно не должно слѣдовать девизу мольеровскихъ докторовъ: „passez-moi la rhubarbe, je vous passerai le séné",—не должно вступать въ соглашенія, имѣющія цѣлью распредѣленіе должностей между различными группами гласныхъ. Лучше полное пораженіе, чѣмъ такая частичная побѣда, налагающая тяжелыя обязательства и грозящая цѣлымъ рядомъ фальшивыхъ положеній. Намъ случалось слышать разсужденія въ родѣ слѣдующаго: новые избиратели послали въ думу новыхъ гласныхъ не для отстаиванья, на словахъ, необходимыхъ хозяйственныхъ мѣропріятій, а для активнаго участія въ нихъ; нужно, слѣдовательно, обезпечить за собою во что бы то ни стало возможность такого участія, т.-е. извѣстное число мѣстъ въ городской управѣ и исполнительныхъ коммиссіяхъ. Отвѣтъ на это разсужденіе очень простой: не вина новыхъ элементовъ, если вліяніе, предоставленное закономъ прежнимъ избирателямъ [1]), оказалось на столько сильнымъ, что парализовало собою, на первое время, дѣйствіе новизны; искусственными сдѣлками помочь дѣлу нельзя, а повредить можно, съ самаго начала поколебавъ общественное довѣріе, особенно цѣнное именно для меньшинства.

Есть ли, однако, основаніе говорить о двухъ группахъ въ средѣ думы, только-что избранной и ни въ чемъ еще себя не проявившей? Намъ кажется, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ заранѣе данъ предвыборнымъ движеніемъ. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, составлялись кандидатскіе списки, взаимно исключавшіе другъ друга; не на личной почвѣ велась борьба, захватившая не маленькіе кружки, а цѣлыя сотни избирателей. Правда, программы различныхъ группъ не во всемъ рѣзко отличались одна отъ другой — но даже повторяя, повидимому, одно и то же, онѣ имѣли, въ сущности, далеко не одинъ и тотъ же смыслъ. Главное различіе между ними, не всегда прямо выраженное, но стоящее внѣ всякихъ сомнѣній, коренилось въ отношеніи къ старой думѣ — отношеніи, дружественномъ у однихъ, рѣшительно неблагопріятномъ у другихъ. Держаться традицій, про-

---

[1]) Въ составъ избирателей перваго разряда вошли исключительно лица, и прежде обладавшія избирательнымъ правомъ.

битыхъ путей, испытанныхъ пріемовъ—къ этому сводилось настроеніе одной группы; отличительною чертою другой была вражда къ рутинѣ, къ тому, что̀ нѣмцы называютъ „der alte Schlendrian". Само собою разумѣется, что этого мало для образованія партій, хотя бы въ самомъ скромномъ смыслѣ слова; но этого вполнѣ достаточно для предупрежденія коалиціи, которая была бы, въ сущности, отреченіемъ отъ предвыборнаго образа дѣйствій новой группы. Агитація была одинаково сильна въ средѣ обѣихъ группъ; но одна изъ нихъ, которую мы, для краткости, назовемъ отходящимъ въ прошлое именемъ „стародумской", работала, бо̀льшею частью, въ тайнѣ и тишинѣ, вербуя сторонниковъ путемъ личныхъ сношеній, уговоровъ, вліяній [1]), а другая—сразу вышла на свѣтъ, созывала собранія (на которыя, обыкновенно, приглашала сначала *всѣхъ* избирателей даннаго участка, безъ различія партій), установляла кандидатскіе списки путемъ предварительной баллотировки, охотно допускала оглашеніе ихъ въ печати. Послѣдовательный со стороны „стародумцевъ", закулисный союзъ съ противниками на предметъ выборовъ былъ бы совершенно не къ лицу новой группѣ.

Та демаркаціонная черта между группами, которая оказалась достаточною во время предвыборной агитаціи и можетъ сослужить такую же службу при выборахъ на должности по городскому общественному управленію,—неизбѣжно должна уступить мѣсто другой,

---

[1]) Напомнимъ, въ видѣ примѣра, что въ одномъ участкѣ избирателямъ разсылался, наканунѣ выборовъ, списокъ кандидатовъ вмѣстѣ съ визитной карточкой одного лица, выдающагося по своему богатству и общественному положенію. А вотъ что̀ сообщалось въ „Свѣтѣ" (органѣ г. Комарова, одного изъ избранниковъ перваго разряда) о составленіи стародумскаго кандидатскаго списка перваго разряда, *при пособіи* управленій обществъ взаимнаго кредита (городского и уѣзднаго), камсковолжскаго банка и городского кредитнаго общества: „Изъ городского кредитнаго общества вступили: Н. А. Тарасовъ, В. Ѳ. Пруссакъ, К. С. Строгоновъ, А. И. Ковшаровъ; отъ уѣзднаго земскаго кред. общ.— И. П. Рыбкинъ, И. И. Пироговъ; отъ камско-волжскаго банка — И. А. Костылевъ, И. Ф. Мухинъ; отъ с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита—А. Н. Никитинъ. Этотъ союзъ пригласилъ изъ крупнаго петербургскаго купечества Г. Г. Елисѣева, В. А. Ратькова-Рожнова, И. С. Крючкова, Н. И. Брусницына, П. П. Лелянова, М. С. Самсонова, П. И. Глазунова и др.; отъ дѣловой думской интеллигенціи—П. П. Дурново, В. В. Комарова, П. А. Рѣзцова, В. А. Тройницкаго, И. П. Медвѣдева, графа А. А. Бобринскаго, А. Н. Кабата и др. Союзъ пригласилъ большинство представителей министерствъ, какъ серьезную связь будущей думы съ серьезными сферами: И. Н. Азарьева (отъ морского м—ва), К. А. Митинскаго (отъ Ал.-Невской лавры), Ѳ. Э. Ландезена (отъ м—ства вн. дѣлъ), В. И. Шемякина (отъ св. синода). Остальныя мѣста заполнились избирателями перваго разряда, изъ которыхъ каждый, конечно, принесъ свой голосъ, а нѣкоторые и два".– Откровенность „Свѣта" тѣмъ болѣе похвальна, чѣмъ меньше она соотвѣтствуетъ общему характеру „стародумской" предвыборной агитаціи.

когда настанетъ моментъ организаціи болѣе прочныхъ, болѣе постоянныхъ партій. Какъ онѣ сложатся, сколько ихъ будетъ, какимъ образомъ распредѣлятся между ними гласные—этого теперь нельзя предвидѣть. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что произойдетъ перегруппировка: шедшіе вмѣстѣ во время городскихъ выборовъ могутъ разойтись въ разныя стороны, бывшіе противники могутъ оказаться союзниками.

Поводомъ къ „новообразованіямъ" легко можетъ послужить, прежде всего, вопросъ объ увеличеніи какъ числа платныхъ должностей, такъ и размѣровъ связаннаго съ ними содержанія. Худшаго начала для дѣятельности новой думы мы не могли бы себѣ и представить. Суммы, получаемыя теперь городскимъ головою и членами городской управы, вовсе не такъ незначительны, чтобы можно было ставить на первый планъ ихъ возвышеніе. Умноженіе числа платныхъ должностей было бы, по меньшей мѣрѣ, преждевременно; новая дума должна сначала ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ городской управѣ и выяснить возможность или невозможность такого сокращенія дѣлопроизводства (въ особенности бумажнаго), которое позволило бы управѣ, безъ увеличенія ея состава, правильно исполнять лежащія на ней обязанности. Яблокомъ раздора, съ той же точки зрѣнія, можетъ стать и вознагражденіе членовъ исполнительныхъ коммиссій. Дальнѣйшій ходъ занятій думы не можетъ не вызвать новыхъ принципіальныхъ разногласій, какъ въ опредѣленіи ближайшихъ, наиболѣе неотложныхъ задачъ городского самоуправленія, такъ и въ выборѣ способовъ ихъ осуществленія. Придется рѣшить, можно ли, и въ какой степени, заботиться о пріятномъ, пока нѣтъ необходимаго—производить, напримѣръ, расходы на украшеніе города, пока не удовлетворены насущныя нужды массы городского населенія. Легко могутъ возникнуть, далѣе, недоразумѣнія между городскимъ общественнымъ самоуправленіемъ и администраціей — недоразумѣнія, къ которымъ едва ли будутъ одинаково относиться всѣ члены думы. Все это вмѣстѣ взятое вызоветъ тотъ процессъ разъединенія и объединенія, результатомъ котораго явится новая группировка гласныхъ, существенно отличная отъ неопредѣленныхъ очертаній, наблюдавшихся до и во время городскихъ выборовъ.

Въ исторіи петербургской думы нетрудно замѣтить одну оригинальную черту: существованіе партійной дисциплины—при отсутствіи партій. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это—самый худшій видъ дисциплины. Единство дѣйствій, достигаемое путемъ постоянно возобновляющихся соглашеній или даже путемъ добровольнаго подчиненія свободно избраннымъ вождямъ—явленіе понятное въ широко развитой политической жизни. Ради высокой, важной цѣли можно пожертвовать нѣкоторой долей личной свободы — но при отсутствіи

такой цѣли самоограниченіе слишкомъ легко можетъ обратиться въ самоуниженіе. Организація, существовавшая въ Петербургѣ лѣтъ 10—15 тому назадъ и руководившая, въ значительной степени, дѣятельностью думы, не имѣла никакой raison d'être, потому что не преслѣдовала никакихъ серьезныхъ задачъ и интересовалась исключительно личными вопросами. Въ началѣ 90-хъ годовъ она исчезла, но не исчезли ея традиціи: не прекратились частныя совѣщанія, рѣшенія которыхъ, хотя и не объединенныя общимъ стремленіемъ, общею мыслью, считались болѣе или менѣе обязательными для участниковъ. Отголоскомъ такихъ совѣщаній является, повидимому, тотъ „союзъ", о которомъ мы, со словъ „Свѣта", упомянули выше. Союзъ этотъ — читаемъ мы въ газетѣ г. Комарова, — „настолько силенъ, что пригласилъ въ составъ думы извѣстнѣйшаго ретрограда, за которымъ почему-то неправильно установилось понятіе, какъ о консервативномъ столпѣ, князя В. П. Мещерскаго, который не внесъ въ списокъ ни своего голоса, ни своего авторитета. Тѣмъ не менѣе товарищество союза было столь прочно, что прошелъ и князь Мещерскій и ради него *никто* не передѣлалъ своего списка". *Никто*—это, кажется, сказано слишкомъ сильно: редакторъ „Гражданина" получилъ значительно меньше голосовъ, чѣмъ почти всѣ его товарищи по „стародумскому" списку; тѣмъ не менѣе избраніе его несомнѣнно служитъ яркимъ доказательствомъ сплоченности и дисциплинированности „союза". Для новыхъ гласныхъ или для новой партіи это можетъ, однако, послужить урокомъ только—a contrario, показавъ еще разъ, какъ *не* слѣдуетъ дѣйствовать. Уже во время предвыборной агитаціи въ средѣ новой группы было заявляемо неоднократно, что кандидатскіе списки, составленные разными бюро и одобренные большинствомъ на предварительныхъ собраніяхъ, не должны стѣснять ничьей свободы и имѣютъ только значеніе коллективныхъ указаній, принятіе или непринятіе которыхъ зависитъ всецѣло отъ каждаго отдѣльнаго избирателя. Между лицами, совмѣстно и согласно дѣйствующими въ думѣ, можетъ, конечно, установиться болѣе тѣсная связь, чѣмъ между избирателями, сходящимися на предвыборныя собранія; но эта связь, въ особенности въ первое время, не должна налагать на нихъ никакихъ обязательствъ. Пускай они собираются для предварительнаго обсужденія очередныхъ вопросовъ—это полезно, это даже необходимо; но пускай каждый, въ концѣ концовъ, подаетъ голосъ по собственному убѣжденію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это было бы не столько твердостью, сколько упрямствомъ. Поясним нашу мысль примѣромъ. На вакантную должность или для исполненія какой-нибудь работы извѣстная группа имѣетъ въ виду двухъ вполнѣ подходящихъ, одинаково достойныхъ кандидатовъ.

Большинство группы, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, останавливается на одномъ изъ нихъ. Едва ли правильно поступитъ тотъ изъ среды меньшинства, который все-таки подастъ голосъ за излюбленнаго имъ кандидата, рискуя тѣмъ самымъ доставить побѣду противной сторонѣ.

Все это—вопросы будущаго. Оглядываясь на прошедшее, мы видимъ въ немъ яркія указанія на несовершенства избирательной системы, созданной положеніемъ 8-го іюня 1903-го года. Главное изъ нихъ — обособленіе крупныхъ плательщиковъ городского сбора, съ предоставленіемъ имъ громаднаго и трудно уравновѣшиваемаго вліянія на выборы, а слѣдовательно, отчасти, и на дальнѣйшій ходъ дѣла. Неудобства такой системы выяснились съ достаточною ясностью еще при существованіи трехъ разрядовъ, перенесенныхъ къ намъ изъ Пруссіи городовымъ положеніемъ 1870-го года. Уменьшеніе числа разрядовъ (городовымъ положеніемъ 1892-го года совершенно отмѣненныхъ) нѣсколько смягчило эти неудобства, но не могло ихъ уничтожить. Съ полною увѣренностью можно сказать, что привилегированное положеніе крупныхъ плательщиковъ оказалось несовмѣстнымъ съ видами законодателя. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ послужило непосредственнымъ поводомъ къ изданію закона 8-го іюня? Убѣжденіе въ несостоятельности прежней думы, въ необходимости существенно обновить ея составъ. И что̀ же? Если это обновленіе, отчасти, и состоялось, то исключительно благодаря выборамъ второго разряда. Большинство избирателей перваго разряда выдало похвальный аттестатъ руководителямъ прежней думы, присоединивъ къ нимъ ими же, бо̀льшею частью, указанныхъ новыхъ дѣятелей. Во время предвыборной агитаціи цѣлесообразность такой политики мотивировалась, какъ мы слышали, слѣдующимъ образомъ. Явясь въ думу, представители новаго элемента (т.-е. квартиронанимателей), неопытные, мало заинтересованные въ сбереженіи городскихъ средствъ, полные желанія проявить свою иниціативу, неизбѣжно будутъ расположены къ быстрому и сильному увеличенію городскихъ расходовъ. И вотъ, полезнымъ противовѣсомъ этому стремленію явятся старые, опытные гласные, избранные по первому разряду. Для особенно важныхъ рѣшеній думы требуется большинство двухъ третей голосовъ—большинство, достигнуть котораго новаторамъ будетъ крайне трудно, развѣ что цѣлая треть гласныхъ будетъ избрана подъ флагомъ экономіи и замедленнаго движенія. Нужно ли доказывать всю искусственность такого объясненія? Гдѣ основаніе думать, что новымъ гласнымъ будетъ свойственна расточительность во что бы то ни стало, а *разумная* бережливость думскихъ старожиловъ не будетъ имѣть ничего общаго съ неумѣстною скупостью? Гдѣ гарантія въ томъ, что систематическое противо-

дѣйствіе увеличенію смѣты не повлечетъ за собою застоя въ городскомъ хозяйствѣ? Можно ли ставить на первый планъ интересы плательщиковъ городскихъ сборовъ, когда такъ много еще остается сдѣлать для массы городского населенія?

Второй практическій выводъ, подсказываемый послѣдними выборами, заключается въ томъ, что нецѣлесообразно ограничивать свободу избирателей, допуская избраніе въ гласные такихъ только лицъ, которыя приписаны къ данному участку. Каждому наблюдавшему за предвыборнымъ движеніемъ случалось видѣть, до какой степени это требованіе затрудняло избирателей, не знавшихъ, сплошь и рядомъ, почти никого на всемъ пространствѣ своего участка. Приходилось, въ такихъ случаяхъ, принимать почти на вѣру указанія того или другого кандидатскаго списка—или, что̀ еще хуже, писать подъ диктовку отдѣльныхъ лицъ, агитировавшихъ, по старинному, съ глаза на глазъ, путемъ упрашиванья и уговора... Съ неменьшей ясностью выборы обнаружили чрезмѣрную высоту ценза, установленнаго для квартиронанимателей. Въ отдаленныхъ, бѣдныхъ частяхъ города (выборгской, рождественской, александро-невской) послѣдніе оказались совершенно безсильными, такъ какъ сравнительно дорогихъ квартиръ тамъ очень мало. Отсюда рѣзкая противоположность между результатами выборовъ на окраинахъ города и въ такихъ центральныхъ его частяхъ, какъ московская, литейная, казанская. Еще важнѣе то, что высокій квартирный цензъ устранилъ отъ участія въ выборахъ множество людей развитыхъ, обладающихъ тѣми или другими полезными знаніями и горячо интересующихся общественными дѣлами. Человѣку небогатому, да еще, въ добавокъ, живущему гдѣ-нибудь въ глухой мѣстности, пробѣлы и недочеты городского хозяйства даютъ себя знать еще чувствительнѣе, чѣмъ обитателю дорогой квартиры. Не говоримъ уже о совершенномъ устраненіи отъ выборовъ громаднаго большинства, живущаго изо дня въ день, перебивающагося съ хлѣба на квасъ. Чтобы ввести его въ сферу городского самоуправленія, для него особенно важнаго, нужна мѣра болѣе рѣшительная, чѣмъ пониженіе избирательнаго ценза, связаннаго съ платежемъ квартирнаго налога [1]).

О многомъ другомъ, связанномъ съ городскими выборами и городской думой, мы поговоримъ въ слѣдующей хроникѣ.

Чрезвычайно интересны и характерны съ одной стороны поста-

---

[1]) При квартирной платѣ, составляющей менѣе 300 рублей, квартирный налогъ, какъ извѣстно, не взыскивается.

новленія тверского губернскаго собранія, вызванныя проектомъ передачи земскихъ школъ тверского уѣзда въ духовное вѣдомство [1]), съ другой—комментаріи, посвящаемые этому инциденту въ реакціонной печати. Установимъ сначала, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, сообщенныхъ въ газетѣ „Право“ (№ 50), самое содержаніе предложеній, внесенныхъ въ тверское губернское собраніе редакціонною его коммиссіей и всецѣло принятыхъ собраніемъ. Вотъ буквальный ихъ текстъ: „1) если передача земскихъ школъ тверского уѣзда состоится, прекратить, съ момента такой передачи, всякаго рода кредитъ тверской уѣздной управѣ—за медикаменты, учебныя пособія, за стипендіатовъ и т. п. На 1 января 1903 г. состояло въ долгу за уѣздной кассой 64.171 р.; 2) предложить тверскому уѣздному земству, съ момента передачи школъ, возвратить немедленно полностью всѣ ссуды изъ школьно-строительнаго капитала. Договоръ по каждой такой ссудѣ былъ заключенъ между земствами, причемъ уѣздное земство гарантировало какъ исправность поступленія платежей отъ сельскихъ обществъ, такъ и употребленіе ссуды по ея назначенію—на постройку земской школы. Передачей школъ въ постороннее вѣдомство уѣздное земство нарушитъ свое обязательство и тѣмъ создастъ для губернскаго земства право требовать досрочнаго погашенія; 3) возбужденное нынѣ тверскимъ уѣздомъ ходатайство о ссудѣ для постройки школьныхъ зданій въ размѣрѣ 13 тыс. руб. удовлетворить лишь въ томъ случаѣ, если уѣздное собраніе отмѣнитъ свое постановленіе 9 ноября; 4) сообщить тверскому уѣздному земству, что школы имени императора Александра II и А. М. Унковскаго, возведенныя на средства губернскаго земства, безъ разрѣшенія послѣдняго передаваемы быть не могутъ; 5) предложить уѣздному земству принять на себя уплату эмеритальныхъ взносовъ за всѣхъ учащихъ, которые, по передачѣ школъ, будутъ уволены или перейдутъ на службу въ школы духовнаго вѣдомства“. Итакъ, ни одно изъ этихъ постановленій не вступаетъ въ силу немедленно и безусловно, какъ можно было бы заключить изъ изложенія ихъ въ шумящихъ и негодующихъ газетахъ (напр. въ № 339 „Московскихъ Вѣдомостей“). Исполненіе ихъ поставлено въ зависимость отъ того, осуществится ли планъ, пока еще только намѣченный тверскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Губернское земство ограничилось указаніемъ уѣзду на возможныя послѣдствія его рѣшенія. Посмотримъ теперь, имѣло ли оно къ тому законное основаніе.

Въ самомъ собраніи законность мѣръ, предложенныхъ коммиссіей, оспаривалась представителемъ духовнаго вѣдомства въ слѣдующей

---

[1]) См. „Обществ. Хронику“ въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1903 г.

формѣ: „покажите статью, въ силу которой губернское собраніе можетъ пересматривать проекты уѣзднаго". Такое требованіе было бы понятно, еслибы рѣчь дѣйствительно шла о *пересмотрѣ*—т.-е. о возможномъ измѣненіи или отмѣнѣ—постановленія уѣзднаго земства; но ничего подобнаго губернское собраніе не имѣло въ виду и не допустило. Сущность рѣшенія, принятаго тверскимъ уѣздомъ, осталась неприкосновенной: губернское собраніе признало его не подлежащимъ исполненію только по отношенію къ *двумъ* школамъ (изъ *ста тринадцати*), устроеннымъ на губернскія средства. Какъ въ этой части, такъ и во всѣхъ остальныхъ, постановленіе собранія касается исключительно предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствій губернскаго земства. Нарушеніе *закона* возможно, однако, и помимо нарушенія *предѣловъ вѣдомства*. Пробѣлъ въ аргументаціи представителей меньшинства гласныхъ пытается восполнить реакціонная печать. „На какомъ основаніи"- вопрошаетъ она—„губернское земство можетъ отказать уѣздному въ существующихъ ассигнованіяхъ, въ то время какъ уѣздное земство несло и несетъ отбытіе повинностей губернскому? Можетъ ли губернское земство вдругъ, безъ всякихъ предупрежденій, потребовать возврата выданной ссуды—выданной, очевидно, на извѣстныхъ условіяхъ уплаты? Еслибы, паче чаянія, такихъ условій и не было, ужели либеральное тверское земство рѣшится поставить себя въ положеніе ростовщика, требующаго возврата денегъ за непочтительное отношеніе заемщика"? Въ другомъ мѣстѣ та же газета сравниваетъ тверское губернское земство уже не съ ростовщикомъ, а съ *грабителемъ*, усматривая въ постановленіи собранія намѣреніе- „собирать налоги въ тверскомъ уѣздѣ, а расходовать ихъ внѣ его, не давая ему ни копѣйки". Всѣ эти обвиненія - не что иное, какъ рядъ вольныхъ или невольныхъ недоразумѣній. Въ практику губернскихъ земствъ давно уже вошло оказаніе пособій уѣзднымъ земствамъ (въ области медицины, народнаго образованія, агрономическихъ мѣропріятій, дорожнаго дѣла и др.), при соблюденіи послѣдними заранѣе опредѣленныхъ условій, которыя уѣздъ можетъ принять или не принять, но, однажды принявъ, долженъ считать для себя обязательными. Выдаются, напримѣръ, пособія на устройство заразныхъ бараковъ, но съ тѣмъ, чтобы они соотвѣтствовали утвержденному губернскимъ земствомъ плану; выдаются пособія на содержаніе школъ, но съ тѣмъ, чтобы школьныя зданія удовлетворяли важнѣйшимъ требованіямъ гигіены, а учащіе обладали спеціально педагогическимъ образованіемъ. Препятствій къ установленію такихъ отношеній между губернскимъ земствомъ и уѣздными до сихъ поръ, за рѣдкими исключеніями, не возникало; встрѣчавшіеся иногда губернаторскіе протесты не имѣли, обыкновенно, принципіальнаго характера

и были направлены только противъ чрезмѣрной, будто бы, величины затратъ, принимаемыхъ на себя губернскимъ земствомъ. Между тѣмъ, условное соглашеніе, нарушенное одною стороною, перестаетъ, по общему правилу, быть обязательнымъ для другой. Губернское земство, въ приведенныхъ выше случаяхъ, имѣетъ полное право отказаться отъ выдачи субсидій на постройку барака, если онъ возведенъ съ отступленіями отъ утвержденнаго плана, прекратить уплату пособія на школу, если вновь назначенный учитель не имѣетъ надлежащей педагогической подготовки. Совершенно аналогичны отношенія, установившіяся между тверскими земствами губернскимъ и уѣзднымъ при выдачѣ первымъ послѣднему ссудъ на постройку школьныхъ зданій. Въ этихъ зданіяхъ должны были помѣщаться *земскія* школы; только для *земскихъ* школъ производилась ассигновка *земскихъ* денегъ. Если на этотъ счетъ и не было сдѣлано оговорки, то, очевидно, лишь потому, что она разумѣлась сама собою: земство заключало договоръ съ земствомъ о *земскомъ дѣлѣ*, и ни одной изъ договаривающихся сторонъ не приходило на мысль, что это дѣло можетъ перестать быть земскимъ. Если, вопреки смыслу соглашенія и волѣ заключавшихъ его сторонъ, невѣроятное и именно потому непредусмотрѣнное становится дѣйствительнымъ, это должно вести къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и нарушеніе прямо выраженнаго условія. Одно изъ такихъ послѣдствій — обязанность нарушителя возвратить условно выданную ссуду, какъ только того потребуетъ кредиторъ; прежде установленные сроки уплаты теряютъ силу съ самаго момента нарушенія условія. Совершенно законнымъ представляется, поэтому, постановленіе губернскаго собранія, относящееся къ возврату уѣздомъ ссудъ на постройку школьныхъ зданій. Говорить о ростовщичествѣ здѣсь просто смѣшно, какъ потому, что оно предполагаетъ личный интересъ, совершенно отсутствующій у губернскаго земства, такъ и потому, что заемщикъ призывается къ расплатѣ не за непочтительность къ кредитору, а за уклоненіе съ пути, вѣрность которому была одною изъ главныхъ основъ соглашенія. Еще менѣе сомнѣній возбуждаютъ остальные пункты постановленія, отказывающіе уѣздному земству въ новыхъ ссудахъ на школьныя зданія и предупреждающіе его о возможномъ закрытіи кредитовъ, которыми до сихъ поръ пользовался уѣздъ. Совершенно невѣрна, наконецъ, предпосылка, изъ которой выводится обвиненіе губернскаго земства въ „грабительствѣ" (!); изъ губернскихъ средствъ удовлетворяются, въ большей или меньшей степени, разныя нужды уѣздовъ, не входящія въ сферу народнаго образованія—и въ этомъ отношеніи постановленіе губернскаго земства ничего не измѣняетъ. Участіе губерніи въ леченіи боль-

ныхъ, въ содержаніи путей сообщенія и т. п. для тверского уѣзда, какъ и для другихъ, остается прежнее.

Какъ бы предвидя слабость аргументовъ, приводимыхъ въ доказательство *незаконности* постановленія, реакціонная печать спѣшитъ перенести атаку на другую почву и предъявить къ тверскому губернскому земству,—а заодно, и къ либераламъ вообще, — обвиненіе въ фарисействѣ, въ равнодушіи къ народному благу. Насъ увѣряютъ, что постановленіе губернскаго земства можетъ „остановить весь ходъ школьнаго дѣла въ тверскомъ уѣздѣ" или, по меньшей мѣрѣ, привести къ закрытію части школъ, къ оставленію части крестьянскихъ дѣтей безграмотными. Всѣ эти „жалкія слова", въ устахъ завѣдомыхъ враговъ народнаго образованія производящія впечатлѣніе рѣзко-фальшивой ноты, лишены всякаго основанія. Земскія школы тверского уѣзда содержались и содержатся на уѣздныя средства, остающіяся неприкосновенными и послѣ постановленія губернскаго земства. Отклонена губернскимъ собраніемъ (условно) только ссуда на постройку новыхъ школьныхъ зданій; на близкую очередь поставленъ (также условно) возвратъ ссудъ на тотъ же предметъ. Ни то, ни другое не касается текущихъ расходовъ на школьное дѣло, которые если и уменьшатся, то единственно по доброй волѣ уѣзднаго земства (въ виду сравнительной дешевизны церковно-приходскихъ школъ). По доброй волѣ уѣзднаго земства ухудшится, быть можетъ, и постановка школьнаго дѣла, которая именно въ земскихъ школахъ тверского земства достигала значительной высоты. Уѣздное земство въ правѣ находить, что церковно-приходская школа—а можетъ быть и школа грамоты—лучшая форма начальнаго обученія; но столь же безспорно право губернскаго собранія держаться противоположнаго мнѣнія и отказываться отъ участія въ расходахъ на дѣло, во всякомъ случаѣ находящееся внѣ вѣдѣнія и вліянія земства.

Само собою разумѣется, что тверской инцидентъ послужилъ для реакціонной печати поводомъ къ возобновленію кампаніи противъ двухъ ненавистныхъ ей учрежденій: губернскаго земства и земской школы. Старыя выходки повторяются въ болѣе обостренной формѣ, съ ожесточеніемъ, не знающимъ мѣры и предѣла. Съ торжествующимъ видомъ дѣлаются ссылки на недавно объявившагося союзника—профессора Бориса Станкевича, помѣстившаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, письмо о современной сельской школѣ. Чтобы оцѣнить значеніе новой опоры, пріобрѣтенной нашими „охранителями", достаточно привести небольшую выписку изъ письма г. Станкевича: „отвращеніе къ крестьянскому труду и притязаніе на барство; непочтительность къ родителямъ, къ духовенству, къ представителямъ власти, къ заслуженнѣйшимъ изъ дворянъ-

землевладѣльцевъ; равнодушіе къ Церкви и неуваженіе къ закону; наклонность къ сутяжничеству и подстрекательству односельчанъ на все недоброе,—вотъ характерныя черты, отличающія окончившихъ сельскія школы, или учившихся въ нихъ молодыхъ крестьянъ". Какимъ образомъ сельская школа, помѣщеніе которой сплошь и рядомъ не лучше обыкновенной крестьянской избы, школа часто тѣсная и темноватая, иногда холодная и сырая, въ лучшемъ даже случаѣ дающая учащимся самыя скромныя удобства, не разлучающая ихъ съ семьей, не измѣняющая ихъ домашней обстановки, можетъ возбудить „притязаніе на барство"—это секретъ автора. Столь же непонятно и то, какимъ образомъ она можетъ развить „отвращеніе къ крестьянскому труду" въ дѣтяхъ, которыхъ она, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не отрываетъ отъ сельской работы, доступной ихъ возрасту. Изслѣдованія, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, показали, что даже изъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ многіе ученики возвращаются въ свою деревню и остаются земледѣльцами; гдѣ же поводъ думать, что обыкновенная начальная школа, съ своимъ трехлѣтнимъ курсомъ, не идущимъ дальше элементарной грамотности, открываетъ горизонты, въ виду которыхъ бѣдною и скучною кажется деревенская жизнь? Мыслимо ли, чтобы цѣлыя поколѣнія охладѣвали къ труду, которымъ жили ихъ предки въ теченіе столѣтій? Когда начальныхъ школъ было мало, когда окончившіе ихъ курсъ были едва замѣтными единицами въ темной массѣ, тогда можно было, пожалуй, думать, что грамотные, рѣзко отличаясь отъ безграмотныхъ, не захотятъ слиться съ ними въ одномъ общемъ дѣлѣ; но болѣе чѣмъ странно утверждать что-нибудь подобное теперь, когда во многихъ мѣстахъ молодежь грамотна почти поголовно. Неужели, наконецъ, въ возрастѣ 11—12 лѣтъ, въ которомъ крестьянскія дѣти заканчиваютъ, обыкновенно, свое ученье, возможно усвоеніе всѣхъ тѣхъ чувствъ и взглядовъ, которые г. Станкевичъ съ такою увѣренностью приписываетъ бывшимъ ученикамъ начальной школы? Безспорно, въ современной деревнѣ далеко не все обстоитъ благополучно: грубость нравовъ еще велика, отходъ на фабрику или въ городъ часто становится источникомъ нравственной порчи, пьянство скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ; но при чемъ же тутъ начальная школа? Можетъ ли ея вліяніе, ограниченное немногими и, притомъ, ранними годами, успѣшно противодѣйствовать массѣ другихъ неблагопріятныхъ условій? Можетъ ли оно предупредить неизбѣжныя послѣдствія перехода отъ одного строя къ другому—перехода, всегда болѣзненнаго и труднаго?.. Верхомъ несправедливости, граничащей съ нелѣпостью, является попытка связать начальную школу съ ростомъ преступности и замѣнить извѣстную формулу: „чѣмъ больше вы

построите школъ, тѣмъ меньше придется вамъ строить тюремъ"—другою, гласящею такъ: „чѣмъ больше вы будете множить такія школы, какъ подавляющее большинство земскихъ народныхъ школъ, тѣмъ больше придется вамъ строить тюремъ!" [1]) Это—просто клевета, не требующая и не заслуживающая опроверженія. Не ближе къ истинѣ и другое увѣреніе, идущее изъ того же источника—увѣреніе, что тверское уѣздное земское собраніе „своимъ смѣлымъ (!?) постановленіемъ передать школы изъ рукъ *безпринципнаго, безотвѣтственнаго земства въ отвѣтственное духовное вѣдомство* доказало свою истинную заботу о благѣ народа". Безотвѣтственное земство, безотвѣтственная земская школа! Да развѣ есть учрежденія, надъ которыми былъ бы установленъ болѣе строгій, болѣе разносторонній надзоръ, которыя легче было бы привлечь къ отвѣтственности, въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ? За земскими школами наблюдаютъ и инспекція, и духовенство, и земскіе начальники, и полиція, и должностныя лица крестьянскаго управленія—наблюдаютъ иногда не безъ предвзятаго желанія найти что-нибудь требующее неблагосклоннаго вмѣшательства власти. Гораздо больше закрыты для постороннихъ глазъ школы духовнаго вѣдомства, хотя учащіе въ нихъ выходятъ, обыкновенно, изъ тѣхъ же сферъ, какъ и преподаватели земскихъ школъ. Роль священника въ церковно-приходской школѣ ничѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, не отличается отъ роли его въ земской школѣ: и тамъ, и тутъ онъ только законоучитель. Его вліяніе на религіозно-нравственное образованіе учащихся зависитъ отъ его личныхъ качествъ, а не отъ принадлежности школы къ тому или другому вѣдомству. Меньше всего, поэтому, побудительною причиной ломки, задуманной тверскимъ уѣзднымъ земствомъ, можно признать „истинную заботу о народномъ благѣ" [2]).

Безвременная, неожиданная смерть В. Н. Герарда оставляетъ большой пробѣлъ въ рядахъ нашей присяжной адвокатуры. Одинаково сильный въ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ, глубоко преданный своему сословію, которому онъ служилъ почти непрерывно, въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ, какъ членъ, товарищъ предсѣдателя и, наконецъ, предсѣдатель совѣта, онъ не замыкался, однако, въ рамки

[1]) См. передовую статью въ № 332 „Московскихъ Вѣдомостей".

[2]) Любопытна справка, приведенная въ докладѣ тверской губернской управы: до сихъ поръ земствъ, передавшихъ свои школы духовному вѣдомству, было только *семь* (хвалынское и вольское—въ саратовской губерніи; одоевское и чернское—въ тульской; сольвычегодское, яренское и велико-устюжское—въ вологодской). Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. вольское) измѣнили, если мы не ошибаемся, свой взглядъ на дѣло и опять стали открывать земскія школы.

профессіональной работы и именно въ послѣдніе годы жизни очень много трудился для симпатичнаго дѣла защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Вѣрный лучшимъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, онъ поддерживалъ ихъ вездѣ, гдѣ только могъ, своимъ краснорѣчивымъ, искреннимъ словомъ — и самъ оставался до конца убѣжденнымъ ихъ представителемъ. Такимъ онъ будетъ жить въ памяти всѣхъ его знавшихъ и въ исторіи русскаго суда.

Менѣе широка, по самому характеру и мѣсту его дѣятельности, была извѣстность скончавшагося на-дняхъ А. В. Евреинова, много лѣтъ сряду бывшаго суджанскимъ (курской губерніи) уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Добрымъ словомъ помянуть его, однако, всѣ тѣ, кто слѣдилъ, въ 1902-мъ году, за работой уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Суджанскій комитетъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые всего шире поняли и всего успѣшнѣе исполнили свою задачу—и этимъ онъ былъ обязанъ въ особенности двумъ лицамъ: своему предсѣдателю, А. В. Евреинову, и бывшему предсѣдателю суджанской уѣздной земской управы, кн. П. Д. Долгорукову. Еще раньше соединенными ихъ усиліями земское хозяйство въ суджанскомъ уѣздѣ было доведено до такой высоты, которой оно достигаетъ не часто. Свои досуги А. В. посвящалъ иногда составленію статей, проникнутыхъ духомъ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Градовскій, А. Д. — Собраніе сочиненій. Томъ девятый, ч. III. Спб. 904. Ц. 4 р.

Девятою частью заключается собраніе сочиненій покойнаго профессора здѣшняго университета, А. Д. Градовскаго. Въ ней содержится третья и послѣдняя часть русскаго государственнаго права; она, какъ то видно изъ предисловія къ изданію, была въ первый разъ издана въ 1881 году его слушателями, а затѣмъ, два года спустя,—самимъ авторомъ. Содержаніе третьей части составили „Органы мѣстнаго управленія“. Къ девятому тому приложены слѣдующія статьи: „Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи“; „Проектъ губернской реформы“ и „Реформа губернаторской должности“. Особо приложенъ къ тому краткій біографическій очеркъ А. Д. Градовскаго, съ приложеніемъ къ нему четырехъ статей его же: „Значеніе знанія въ общественной жизни“; „Задача русской молодежи“; „Памяти Ю. Ѳ. Самарина“ и „Графъ Кавуръ“. Въ предисловіи самого автора (1883 г.) высказывалось, что предложенный трудъ, безъ сомнѣнія, представляетъ много несовершенствъ, но онъ у насъ является первою попыткою привести въ нѣкоторую научную систему наши мѣстныя установленія“; несмотря на прошедшее съ того времени двадцатилѣтіе, эта „попытка“ не утратила однако своего значенія въ нашей ученой литературѣ.

Большой Всемірный настольный Атласъ Маркса, подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго. 62 главныхъ и 148 дополнительныхъ картъ на 53-хъ большихъ двойныхъ таблицахъ in-folio. Вып. 1. Подписн. ц. за 12 выпусковъ *безъ* доставки—12 руб., съ дост. и пересылкою—14 руб.

Въ Германіи, Франціи, Англіи, давно существуютъ большіе настольные географическіе атласы, но у насъ до настоящаго времени не было ничего подобнаго, такъ какъ имѣющіеся учебные атласы не могутъ идти въ сравненіе съ ними: въ самомъ *обширномъ* учебномъ атласѣ, на каждомъ линейномъ дюймѣ карты помѣщается около 240 верстъ, а въ появившемся нынѣ большомъ „Всемірномъ Атласѣ Маркса“ каждый дюймъ соотвѣтствуетъ всего 47—48 верстамъ. Въ такомъ масштабѣ составлена и самая важная для насъ карта Европейской Россіи, надъ которой пришлось составителямъ ея понести наибольшій трудъ. Благодаря такому размѣру карты, можно было занести на нее массу подробностей и пунктовъ, какъ напримѣръ: мѣстечки, слободы, села, деревни и т. д.,—а потому этотъ Атласъ справедливо названъ настольнымъ — справочнымъ, когда, при чтеніи газетъ, встрѣтятся извѣстія изъ мѣстностей мало извѣстныхъ. Вышедшій нынѣ въ свѣтъ выпускъ первый содержитъ въ себѣ: 1) Западныя и восточныя полушарія; 2) Карту Европейской Россіи, л. 1-й: Ботническій заливъ и л. 5-ый: Прибалтійскій край; 3) Францію; 4) Балканскій полуостровъ. Внѣшняя сторона изданія можетъ быть поставлена наряду съ лучшими заграничными изданіями того же рода.

Пругавинъ, А. С. — Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. Вып. 1 и 2. Спб. 904. Ц. 2 р.

„Всѣмъ извѣстно—говоритъ авторъ въ предисловіи,—какою тяжкою болѣзнью нашей церковной жизни являются разнаго рода секты“,—и присовокупляетъ къ этому весьма справедливо: „Для уврачеванія тѣлесной болѣзни крайне необходимъ предварительный діагнозъ ея, точно также и при борьбѣ съ церковно-религіозными недугами полезенъ возможно тщательный ихъ анализъ“. Будучи отличнымъ знатокомъ этого рода предмета, авторъ собралъ нынѣ вмѣстѣ собственныя наблюденія надъ многими изъ нашихъ сектъ. Въ первыхъ двухъ выпускахъ мы находимъ, между прочимъ, нижеслѣдующія секты: Сютаевцы, Немоляки, Медальщики „вредныя секты“, Штунда среди великороссовъ, Бѣлоризцы, Интеллигентная секта. О важности предмета изслѣдованій автора можно судить уже потому, что предполагаемая цифра старообрядцевъ и вообще сектантовъ достигаетъ до 20 милліоновъ. Въ литературѣ сектантства до сихъ поръ останавливались преимущественно на догматической сторонѣ сектантскихъ движеній,—авторъ, въ противоположность этому, старается познакомить насъ съ психологическими, общественными, бытовыми, этнографическими и другими факторами, играющими немаловажную роль въ исторіи зарожденія и неуклоннаго развитія сектантства.

Всемірные светочи, разсказы изъ жизни людей. Шекспиръ и его время. Составлено, по Тэку и Беккеру, М. Гранстремъ. Спб. 904.

Разсказу изъ жизни Вильяма Шекспира предпосланъ краткій біографическій очеркъ великаго всемірнаго поэта. Самый разсказъ составленъ довольно подробно и возбудитъ несомнѣнно интересъ въ юныхъ читателяхъ. Текстъ украшенъ многочисленными, изящно выполненными рисунками, и книжка продается въ готовомъ роскошномъ переплетѣ.

А. Шерадамъ. Европа и австрійскій вопросъ на рубежѣ XX столѣтія. Спб. 903.

Французскій публицистъ, г. Андре Шерадамъ, собралъ въ своей книгѣ большое количество разнороднаго матеріала для доказательства той идеи, что Европѣ угрожаетъ великая опасность въ случаѣ распаденія Австріи, и что Россія и Франція должны совмѣстно принять мѣры для охраны имперіи Габсбурговъ отъ прусско-австрійскаго пангерманизма, подготовляющаго включеніе нѣмецкихъ земель Австріи въ составъ Германіи. Авторъ вдается также въ подробныя военно-стратегическія соображенія относительно будущей войны, направленной къ обузданію германскаго честолюбія, причемъ Россіи отводится довольно жалкая роль самоотверженной защитницы чужихъ и отчасти враждебныхъ ей интересовъ. По мнѣнію г. Шерадама, для русскаго народа и русской арміи нѣтъ болѣе почетнаго призванія, чѣмъ возстановленіе могущества Франціи посредствомъ совмѣстной борьбы съ Германіею; эта перспектива военныхъ подвиговъ для пользы Европы показалась почему-то очень соблазнительною бывшему редактору „Русскаго Вѣстника“, г. В. Величко, который и напечаталъ въ журналѣ переводъ сочиненія г. Шерадама и затѣмъ издалъ его отдѣльною книгою, безъ достаточной къ тому надобности.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1904.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1904-го года
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ЯЗЫЧНИКАМИ.

II *).

Всѣ изложенныя нами до сихъ поръ данныя изображали Августина въ его борьбѣ съ язычниками и выясняли его отношеніе къ жгучему въ то время вопросу о сверженіи идоловъ. Но кромѣ этой практической стороны, борьба съ язычествомъ представляла еще другую, теоретическую. И послѣ уничтоженія идоловъ язычество продолжало жить въ умахъ и сердцахъ своихъ поклонниковъ: образы языческихъ боговъ не покидали ихъ воображенія, и доводы ихъ философовъ противъ христіанскихъ вѣрованій и таинствъ не утрачивали для нихъ своей убѣдительности.

Признавъ великимъ дѣломъ ниспроверженіе идоловъ *внутри* человѣка, Августинъ не упускалъ случая вступать въ сношеніе съ выдающимися или вліятельными язычниками, чтобы опровергнуть ихъ доводы въ пользу язычества или устранить ихъ сомнѣніе относительно христіанства. То онъ отвѣчалъ на обращенные къ нему запросы, то самъ вызывалъ противника или с[illegible]ка на обмѣнъ мысли. Кромѣ значенія, которое имѣетъ эта п[illegible]ска для исторіи христіанской догматики, она интересна д[illegible]актеристики язычества въ эпоху его паденія и для во-

---

*) См. выше: янв., 5 стр.

проса о вліяніи христіанства на паденіе римской имперіи. Самый ранній образчикъ такой переписки представляютъ собой письма, которыми обмѣнялись Августинъ и старецъ Максимъ, грамматикъ (литераторъ) въ Мадаурѣ, гдѣ учился Августинъ. Письма эти относятся къ 390 году, когда Августинъ еще не принималъ священства и жилъ въ Тагастѣ, по сосѣдству съ Мадаурой. Это было еще до суровыхъ законовъ Валентиніана II и Ѳеодосія, поставившихъ язычество въ положеніе гонимой религіи, что и отразилось на самоувѣренномъ и ироническомъ тонѣ восьмидесятилѣтняго старца, взявшагося защищать вѣрованія своей юности, которымъ онъ не хочетъ измѣнить.

Изъ письма Максима видно, что Августинъ уже не разъ къ нему обращался, обличая языческихъ боговъ и призывая ученаго старца къ вѣрѣ единому Богу. Максимъ отвѣчаетъ для того, чтобы его „молчаніе не было принято за отреченіе“. Онъ готовъ отказаться отъ миѳологическихъ бредней, надъ которыми, повидимому, глумился Августинъ, но существованіе и благой промыслъ боговъ его родного города—для него реальный фактъ. „Греція,—пишетъ Максимъ Августину,—съ сомнительной достовѣрностью баснословила, что боги проживаютъ на горѣ Олимпѣ: мы же утверждаемъ и *знаемъ*, что на форумѣ нашего города обрѣтается не мало спасительныхъ боговъ“. Но вѣра въ нихъ не препятствуетъ Максиму признавать надъ ними того же Бога, о которомъ ему писалъ Августинъ: ибо кто же настолько „безуменъ, настолько лишенъ здраваго смысла, чтобы не считать несомнѣннымъ существованіе единаго, верховнаго Бога, безначальнаго и бездѣтнаго, но отца величайшаго. Его свойства, проявляющіяся въ міротвореніи, мы величаемъ разными именами, потому что никто изъ насъ не вѣдаетъ настоящаго его имени. Ибо Богъ (Deus) есть имя общее всѣмъ религіямъ. Такимъ образомъ, взывая къ нему различными мольбами, мы почитаемъ его въ его цѣлости и единствѣ“.

Затѣмъ Максимъ изъ оборонительнаго положенія переходитъ въ наступательное и возвращаетъ христіанамъ упрекъ въ многобожіи: „кто,—восклицаетъ онъ,—можетъ стерпѣть, чтобы Юпитеру-громовержцу предпочитали какого-то *Мигдона* [1]), Юнонѣ, Минервѣ, Венерѣ и Вестѣ—какую-то *Санаю*, а всѣмъ безсмертнымъ богамъ—о, ужасъ!—архимученика *Нимфаніона* и безчисленныхъ другихъ, съ ихъ ненавистными богамъ и людямъ именами,

---

[1]) Мигдонъ или Мигикъ—имя одного изъ африканскихъ мучениковъ, неточно сохранившееся въ рукописяхъ.

—которые въ сознаніи нагроможденныхъ ими нечестивыхъ преступленій, потерпѣли—подъ видомъ славной смерти — конецъ, достойный ихъ скверныхъ нравовъ и дѣйствій. Ихъ-то пепелища, покинувши храмы, забывъ могилы своихъ предковъ, глупые люди посѣщаютъ... И мнѣ представляется, какъ будто въ наше время вновь возгорѣлась война у Акціума, и что египетскія чудища снова дерзаютъ потрясать копьемъ, грозя римскимъ богамъ—впрочемъ ненадолго".

Языческій риторъ, сравнившій поклоненіе мученикамъ съ нашествіемъ варварскихъ восточныхъ суевѣрій, чувствовалъ, однако, не малое смущеніе передъ духовнымъ оружіемъ христіанскаго апологета: „Объ одномъ прошу тебя, мудрѣйшій мужъ, — продолжалъ Максимъ,—чтобы ты, отложивъ въ сторону силу краснорѣчія, которымъ ты всѣмъ извѣстенъ, а также Хризипповы доводы, которыми ты привыкъ сражаться, и ту діалектику, которая старается ухищреніями уничтожить всякую твердую точку опоры,—показалъ намъ того Бога, котораго вы, христіане, присвоиваете себѣ, какъ бы вашего собственнаго Бога, притворяясь, что вы видите его наяву въ скрытыхъ мѣстахъ. Мы же явно возсылаемъ нашимъ богамъ благочестивыя молитвы и во всеуслышаніе и на глазахъ у всѣхъ смертныхъ пытаемся умилостивить ихъ угодными имъ жертвами, стараясь, чтобы всѣ это видѣли и знали".

Уклоняясь по дряхлости отъ продолженія полемики съ человѣкомъ, принадлежавшимъ не къ его толку, Максимъ выражаетъ опасеніе, что его письмо будетъ предано пламени, но прибавляетъ, что если это случится, то погибнетъ только бумага, а не оригиналъ письма, которое онъ сохранитъ навсегда для всѣхъ религіозныхъ людей. Въ заключеніе, Максимъ выражаетъ желаніе, чтобы боги охраняли Августина, тѣ боги, черезъ посредство которыхъ совокупность людей на землѣ почитаетъ, въ согласномъ разногласіи, на тысячи ладовъ общаго своего отца.

Письмо Максима давно обратило на себя вниманіе историковъ, но нужно замѣтить, что многіе изъ нихъ влагали въ него тотъ смыслъ, который подходилъ къ проводимой ими точкѣ зрѣнія на дѣло. Вольтеръ въ своей борьбѣ съ католицизмомъ идеализировалъ язычество эпохи паденія и видѣлъ въ Максимѣ представителя широкаго философскаго деизма. Возражая противъ этого, Буассье усматриваетъ въ письмѣ Максима идеи и языкъ тѣхъ *умѣренныхъ* язычниковъ, которые мечтали о примиреніи язычества съ христіанствомъ, или, по крайней мѣрѣ, о способахъ обезпечить имъ мирное сосуществованіе. Ферреръ также

видитъ въ письмѣ Максима „драгоцѣнное свидѣтельство тѣхъ попытокъ къ примиренію, которыя тогда предпринимались", но не хочетъ, какъ Буассье, считать Максима *мудрецомъ*, а съ своей апологетической точки зрѣнія ставитъ на видъ язычнику Максиму всю „тщету его усилій". Письмо Максима изъ Мадауры для насъ любопытный образчикъ настроенія языческой *интеллигенціи* въ IV-мъ вѣкѣ. Какъ въ самомъ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ, она крѣпко держится за *мѣстную* святыню, за боговъ своего форума, или куріи, но она не даромъ проникнута римскимъ образованіемъ: она почитаетъ своихъ мѣстныхъ боговъ въ *греко-римскомъ* обликѣ, и ея отчужденіе отъ національнаго, варварскаго элемента характерно проявляется у Максима въ непониманіи именъ мѣстныхъ христіанскихъ мучениковъ. Тѣсная связь этой интеллигенціи съ языческимъ Римомъ особенно проявляется въ ея монотеистическихъ представленіяхъ. Римъ объединялъ „языки" (gentes), соединяя ихъ боговъ въ своемъ пантеонѣ. Это политическое объединеніе боговъ въ общемъ отечествѣ представляло благопріятную почву для духовной реформы политеизма, для философскаго объединенія боговъ въ идеѣ общаго божественнаго начала или единаго, верховнаго Бога, безначальнаго и бездѣтнаго. Но этотъ политеистическій деизмъ далекъ отъ строгаго монотеизма, который проводитъ Августинъ. Кромѣ того, Максимъ выставляетъ свой деизмъ не для того, чтобы найти въ немъ примиреніе съ Августиномъ, а чтобы оправдать многобожіе, которое по его мнѣнію и есть единственно возможное поклоненіе единому, но невѣдомому Богу. Примиренія съ христіанами Максимъ вовсе не желаетъ. Завзятый врагъ іезуитовъ былъ совершенно правъ, когда въ этомъ отношеніи увидѣлъ единомышленника въ Максимѣ. Для послѣдняго христіане гораздо дальше отъ почитанія единаго Бога, чѣмъ язычники, ибо вмѣсто „безсмертныхъ боговъ" они покланяются безсчетному числу „смертныхъ",— „потерпѣвшихъ справедливую казнь за свои злодѣянія въ жизни".

Чтò же отвѣтилъ Августинъ на эти обвиненія?

Трудно сказать, чѣмъ Августинъ былъ болѣе возмущенъ, содержаніемъ или тономъ письма Максима? Въ своемъ отвѣтѣ онъ дѣйствительно опустилъ обычное въ письмахъ того времени обращеніе съ цѣлымъ рядомъ почтительныхъ или любезныхъ эпитетовъ въ превосходной степени: „Серьезное ли между нами обсуждается дѣло,—спрашиваетъ онъ Максима,—или тебѣ угодно шутить? Не знаю, по причинѣ ли твоей немощи, о которой ты упоминаешь, или изъ любезности ты обнаруживаешь больше игривости, чѣмъ дѣльности. Ты начинаешь сравненіемъ Олимпа

съ вашимъ форумомъ; къ чему это—не понимаю: для того развѣ, чтобы напомнить мнѣ, что на той горѣ Юпитеръ снаряжался въ походъ противъ своего отца, какъ гласитъ исторія, которую ваши люди тоже называютъ священной; или же чтобы напомнить мнѣ, что на этомъ форумѣ два идола Марса, одинъ нагой, другой вооруженный, и что поставленная напротивъ его человѣческая статуя съ протянутыми къ нему тремя пальцами сдерживаетъ этого враждебнаго гражданамъ демона“ [1])... Все это хорошо для шутки, но такъ какъ ты этихъ боговъ величаешь частицами единаго великаго Бога, то я очень прошу тебя воздерживаться отъ такихъ кощунственныхъ остротъ... Я многое еще могъ бы сказать по этому предмету: ты самъ понимаешь, сколько укоровъ вызываютъ твои слова, но я воздержусь, чтобы ты не подумалъ, что я въ бесѣдѣ съ тобой болѣе прибѣгаю къ реторикѣ, чѣмъ ищу правды“.

Переходя къ нареканіямъ на христіанъ со стороны Максима, Августинъ выражаетъ изумленіе, что этотъ „африканецъ, въ письмѣ къ африканцу“, могъ избрать предметомъ насмѣшекъ пунійскія имена. И чтò же смѣшного въ имени Нимфаніона? Вѣдь оно обозначаетъ человѣка, у котораго „счастливая нога“, т.-е. приходъ котораго приноситъ счастье; и у Виргилія Эвандръ приглашаетъ Геркулеса прибыть на жертвоприношеніе „pede secundo“! Августинъ всегда охотно прибѣгалъ для обличенія языческаго ученаго къ авторитетамъ языческой литературы. Такъ, въ томъ же письмѣ онъ снова ссылается на стихи Виргилія и на Цицерона, доказывая, что почитаемые язычниками боги были также когда-то людьми. Воздавая за насмѣшку насмѣшкой, Августинъ перечисляетъ цѣлый рядъ римскихъ божествъ, надъ которыми предлагаетъ Максиму насмѣяться—бога Стеркуція, Венеру Клоацину, Венеру Лысую, бога *Страха*, богиню Лихорадку, которымъ римляне строили храмы; „если ты надъ ними поглумишься, то пренебрежешь *римскими* божествами, а между тѣмъ, смѣясь надъ пунійскими именами, ты выдаешь себя за почитателя римской святыни“.

По поводу обвиненія, что богослуженіе у христіанъ совершается тайно, Августинъ напоминаетъ Максиму о культѣ Вакха, на мистеріи котораго немногіе допускаются. А публичность языческаго культа, которою хвастается Максимъ, въ чемъ же она заключается, какъ не въ томъ, что декуріоны и аристократы

---

[1]) И въ настоящее еще время въ Италіи тремя протянутыми пальцами предотвращаютъ вражескую силу.

города, „бѣснуясь“, проносятся по улицамъ города? „Если это бѣснованіе ниспосылается божествомъ, то вы сами знаете,—говоритъ Августинъ, — какое божество лишаетъ людей разсудка! Если же это напускное бѣснованіе, то что̀ сказать о такомъ позорномъ обманѣ“?

Въ самомъ концѣ письма, Августинъ касается вскользь главнаго обвиненія Максима, что христіане замѣнили поклоненіе богамъ культомъ своихъ мучениковъ. Предостерегая Максима отъ кощунственной напраслины и ссылаясь на христіанскую общину въ самой Мадаурѣ, Августинъ заявляетъ, что христіане не почитаютъ ни одного покойника, не возводятъ въ божество ни одно твореніе, а покланяются лишь единому Богу, который все сотворилъ. Объ этомъ Августинъ согласенъ побесѣдовать въ другой разъ, если убѣдится, что Максимъ желаетъ къ этому серьезно отнестись.

На этомъ, нужно думать, переписка между Августиномъ и Максимомъ прекратилась. Совсѣмъ иной характеръ носитъ отрывочная переписка между Августиномъ и другимъ языческимъ философомъ, Лонгиніаномъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ и жреческія должности. Въ сохранившемся до насъ письмѣ, Августинъ приглашаетъ его высказаться, какимъ способомъ слѣдуетъ почитать Бога (изъ котораго духъ человѣка почерпаетъ возможность быть праведнымъ). Августинъ ставитъ этотъ вопросъ, зная, что относительно необходимости почитать Бога Лонгиніанъ не сомнѣвается. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Августинъ какъ бы влагаетъ въ уста Лонгиніану отвѣтъ, котораго онъ отъ него ожидаетъ. Онъ напоминаетъ ему изреченіе Сократа, что тому, кто ничего другого не желаетъ, какъ быть праведнымъ человѣкомъ, вся прочая мудрость легко дается. Но есть,—прибавляетъ Августинъ,—другое, болѣе древнее пророческое слово, не только предписывающее человѣку быть прежде всего праведнымъ, но и указывающее, какимъ образомъ этого достигнуть. И Августинъ приводитъ ветхозавѣтные тексты: „Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣми силами твоими и люби ближняго какъ самого себя“. Кто усвоилъ себѣ это слово, тому не только вся прочая мудрость легка, но тотъ уже и обладаетъ всею спасительной мудростью. Августинъ еще спрашиваетъ у Лонгиніана, что̀ онъ думаетъ о Христѣ; ему извѣстно, что онъ его высоко цѣнитъ; но онъ хочетъ знать, считаетъ ли Лонгиніанъ путь, указанный Христомъ, единственнымъ путемъ къ блаженной жизни, хотя бы онъ еще и не собрался пойти по немъ;

или же ему извѣстенъ другой и лучшій путь? Августинъ ставитъ ему этотъ вопросъ изъ любви къ нему!

Отвѣтъ Лонгиніана представляетъ собой другой любопытный образчикъ религіозныхъ понятій образованнаго язычника въ эпоху отживавшаго свой вѣкъ политеизма. Онъ отвѣчаетъ, что Августинъ задалъ ему тяжелую задачу, обратившись съ такими вопросами и въ такое время къ язычнику. Онъ, однако, не скрываетъ, что для разрѣшенія обсуждаемыхъ между ними вопросовъ существуютъ не только изреченія Сократа и немногія ветхозавѣтныя, но гораздо болѣе древнія—*орфическія и трисмегистическія* изреченія, возникшія въ вѣка еще грубые подъ наитіемъ боговъ, въ то время, когда Европа и Азія еще не получили своего имени, а Африка еще не обладала человѣкомъ, подобнымъ Августину. Лонгиніанъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы высказать, что онъ никогда не встрѣчалъ въ книгахъ, не видалъ и не слыхалъ отъ другихъ о человѣкѣ, который бы, подобно Августину, такъ всецѣло стремился постигнуть Бога, былъ бы такъ способенъ на это, благодаря чистотѣ душевной, и уже обладалъ познаніемъ Бога въ такой степени—не въ шаткой вѣрѣ, а въ надеждѣ на совершенное познаніе.

Такому человѣку,—продолжаетъ Лонгиніанъ,—лучше извѣстно, какой путь ведетъ къ Богу; но и онъ готовъ сказать, что самъ объ этомъ думаетъ, держась священнаго преданія. Лучшій путь—тотъ, по которому грядетъ благочестивый человѣкъ, чистый, справедливый и правдивый въ словахъ и дѣйствіяхъ, заслужившій покровительство боговъ, т.-е. силъ (potestates) единаго, міровою, непостижимаго, невыразимаго, неустаннаго творца, „которыя вы, христіане, справедливо называете ангелами". Здѣсь мы опять видимъ, что какъ „грамматикъ" Максимъ, такъ и жрецъ Лонгиніанъ опредѣленно выражаютъ свое намѣреніе совокупить самый возвышенный монотеизмъ съ своимъ традиціоннымъ политеизмомъ. И какъ будто Лонгиніану было мало такого признанія въ политеизмѣ,—онъ прибавляетъ: „это тотъ путь, по которому грядутъ люди сильные духомъ и тѣломъ, очищенные по благочестивымъ предписаніямъ древнихъ обрядовъ святыми искупительными жертвами и строгимъ соблюденіемъ воздержанія". Это значитъ, что Лонгиніанъ признавалъ необходимымъ для человѣка, вѣрующаго въ единаго Бога, не только поклоненіе языческимъ богамъ, но и соблюденіе языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній.

Отъ отвѣта же на второй вопросъ, что онъ думаетъ о Христѣ, Лонгиніанъ уклонился, считая „слишкомъ труднымъ говорить о томъ, что невѣдомо".

Августинъ не былъ возмущенъ отвѣтомъ языческаго жреца; онъ даже похвалилъ его за умѣренность, побудившую „язычника" воздержаться отъ какого-либо отрицанія Христа. Августинъ выражаетъ свою готовность выслать Лонгиніану свои сочиненія, касающіяся этого вопроса, и дать ему всѣ нужныя разъясненія, но предварительно требуетъ устраненія противорѣчія, въ которое впалъ Лонгиніанъ относительно языческихъ обрядовъ и жертвъ. Для чего же нужно человѣку, грядущему по истинному пути къ Богу, очищеніе посредствомъ этихъ обрядовъ и жертвъ? Если оно ему нужно, то это значитъ, что онъ еще не чистъ; а если это такъ, то нельзя сказать, что онъ ведетъ образъ жизни благочестивый, справедливый и цѣломудренный! Въ виду этого Августинъ ставитъ Лонгиніану четыре вопроса: долженъ ли человѣкъ жить хорошо, чтобы очищаться обрядами и жертвоприношеніями, или онъ очищается, чтобы жить хорошо; далѣе, достаточно ли праведной жизни для блаженства въ Богѣ безъ помощи обрядовъ и жертвоприношеній, или же праведная жизнь уже включаетъ въ себѣ жизнь обрядовую? Августинъ ждалъ на эти вопросы скораго отвѣта, но отвѣтъ, если и былъ посланъ, до насъ къ сожалѣнію не дошелъ. Сожалѣть объ этомъ можно потому, что Августинъ, очевидно, собирался въ своемъ отвѣтѣ не только доказывать безполезность *языческихъ* обрядовъ и жертвоприношеній, но, какъ вѣрно замѣтилъ Вильменъ [1]), коснуться вопроса о значеніи обрядовъ въ религіозной жизни вообще.

Не всѣ язычники, однако, такъ осторожно обходили вопросъ о Христѣ, какъ Лонгиніанъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ переписка Августина съ Волузіаномъ, которую издатели относятъ къ 412 году. Переписка представляетъ еще тотъ интересъ, что знакомитъ насъ съ умственными интересами и отношеніемъ къ христіанству извѣстной части высшихъ сановниковъ въ римской имперіи. Несмотря на явное недоброжелательство императоровъ, Граціана и Өеодосія I, къ язычеству, многіе сенаторы и государственные сановники въ Римѣ всѣми силами поддерживали языческую традицію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ неоднократныя ихъ попытки добиться возстановленія въ сенатѣ статуи Викторіи, отзывы современныхъ имъ христіанъ и недавно открытыя въ Римѣ надписи, упоминающія о возстановленіи языческихъ храмовъ и культовъ. Къ этой языческой служебной аристократіи принадлежалъ и Волузіанъ. По своей матери онъ былъ въ близкомъ родствѣ съ родомъ Цеіоніевъ-Албиніевъ, которые произ-

[1]) Villemain. L'éloquence chrétienne au IV sc., p. 470.

водили свой родъ отъ Клодія Албина, соперника императора Септимія Севера. И императоръ Юліанъ по матери былъ въ родствѣ съ этой фамиліей. Изъ стихотворенія поэта Рутилія можно заключить, что Волузіанъ былъ проконсуломъ Африки; въ 423 г. онъ былъ префектомъ Рима, т. е. занималъ самую почетную должность въ западной части римской имперіи. По просьбѣ матери Волузіана, Августинъ писалъ ему, приглашая его читать Священное Писаніе и, если встрѣтитъ при этомъ затрудненія, обращаться къ нему за разъясненіями. Въ отвѣтъ на это Волузіанъ сообщаетъ Августину о кружкѣ друзей, въ чьихъ собраніяхъ онъ участвуетъ, и перечисляетъ вопросы, которые тамъ поднимаетъ каждый „сообразно съ своими занятіями и вкусами". На первомъ мѣстѣ поставлены вопросы, относящіеся къ главному предмету тогдашняго образованія—къ риторикѣ; другіе вопросы касаются поэзіи, въ особенности метрики, или различныхъ философскихъ школъ и ихъ направленій. Среди такой бесѣды однимъ изъ присутствовавшихъ, ко всеобщему изумленію, было высказано желаніе, чтобы ему разъяснили его сомнѣнія относительно христіанскаго ученія о воплощеніи: какъ Господь, котораго вселенная не можетъ объять, могъ укрыться въ тѣльцѣ плачущаго младенца? Какъ могъ правитель міра ограничить свою заботу о немъ одною его частицею? Въ чемъ же проявились въ то время признаки воплощенной божественности?— Вѣдь излеченіе больныхъ, возвращеніе къ жизни умершихъ—дѣла не великія для Господа. Прося разрѣшить эти сомнѣнія, Волузіанъ прибавлялъ, что если невѣдѣніе другихъ священниковъ по этимъ вопросамъ не можетъ послужить къ ущербу христіанства, то этого нельзя сказать въ тѣхъ случаяхъ, когда обращаешься къ такому святителю, какъ Августинъ. Отклонивъ отъ себя похвалы Волузіана и сославшись на неисчерпаемую глубину христіанской литературы, Августинъ отвѣчаетъ ему обстоятельнымъ посланіемъ. Онъ доказываетъ Волузіану, что высказанныя имъ сомнѣнія основаны на слишкомъ матеріалистическомъ пониманіи природы и божества и напоминаетъ ему Цицероновское слово—„дѣло великаго ума — подняться духомъ надъ чувствами (sevocare mentem a sensibus). Вѣра открываетъ разуму путь къ этой цѣли, невѣріе его заграждаетъ. Развѣ вся природа не полна чудесъ? Сколько на свѣтѣ такихъ чудесъ, которыя мы, привыкнувшіе къ ихъ виду, попираемъ ногами и которыя привели бы насъ въ изумленіе, еслибы мы ближе къ нимъ присмотрѣлись"! Для примѣра Августинъ указываетъ на чудесную силу произрастанія, заключающуюся во всѣхъ сѣменахъ; затѣмъ—на

чудо, представляемое союзомъ души съ тѣломъ: недоумѣваютъ, какъ божественное соединилось въ Христѣ съ человѣческимъ; но развѣ не соединяется ежедневно душа съ тѣломъ, образуя единую личность въ человѣкѣ?

Невѣрующимъ мало чудесъ, совершенныхъ Христомъ; они пренебрегаютъ меньшими, а главныя отвергаютъ; они вѣрятъ, что Христосъ возвращалъ къ жизни покойниковъ, потому что приписываютъ это и другимъ; но въ воскресеніе Христа и вознесеніе къ вѣчной жизни не вѣрятъ на томъ основаніи, что ничего подобнаго еще не бывало.

Но чудесность христіанства находитъ подтвержденіе не только въ природѣ, а также и въ самой исторіи. Августинъ вкратцѣ излагаетъ исторію божественнаго промысла въ судьбѣ еврейскаго народа и затѣмъ въ судьбѣ христіанства. Въ послѣдней главѣ, особенно назидательной для римскаго сановника, Августинъ поднимается до высокаго, увлекающаго краснорѣчія, трудно передаваемаго на другомъ языкѣ.

Скудные числомъ христіане разсыпаются по міру, съ поразительной легкостью обращаютъ народы, среди враговъ умножаются, отъ преслѣдованій крѣпнутъ; тѣснимые и гонимые распространяются до края свѣта... Изъ среды невѣжественныхъ и опозоренныхъ христіанъ возникаютъ, просвѣщаются и пріобрѣтаютъ славу великіе умы, образованные ораторы; умныхъ, краснорѣчивыхъ и ученыхъ язычниковъ они подчиняютъ игу Христову и обращаютъ на проповѣдь благочестія и спасенія... Отверженный за невѣріе еврейскій народъ изгоняется изъ своей колыбели и разсѣевается по міру, чтобы повсюду разнести Священное Писаніе и свидѣтельства пророковъ... Храмы и идолы демоновъ и кощунственные обряды постепенно одинъ за другимъ, согласно предсказанію пророковъ, уничтожаются.

И развѣ не говоритъ въ пользу христіанства его торжество надъ язычествомъ на благо міра? „Какія разсужденія любыхъ философовъ,—продолжаетъ Августинъ,—какіе законы любыхъ государствъ могутъ идти въ сравненіе съ двумя предписаніями, которыя, по словамъ Христа, заключаютъ въ себѣ весь законъ и пророковъ: — Возлюби Господа всѣмъ сердцемъ твоимъ и полюби ближняго, какъ самого себя“... „Въ этомъ суть физики, ибо причина всѣхъ причинъ въ Господѣ-творцѣ; въ этомъ вся этика и въ этомъ вся логика, ибо истина и свѣтъ разумной души заключаются въ Богѣ. Въ этомъ и спасеніе государства, ибо лучшія основанія и охрана его—въ вѣрѣ, въ твердомъ согласіи, въ любви къ общему благу; а эта любовь не что иное, какъ

истинный Богъ, въ которомъ *тогда* искренно другъ друга любятъ, когда любятъ ради Него".

Волузіанъ не рѣшился отвѣтить на это письмо; но по его просьбѣ одинъ изъ близкихъ ему людей, императорскій трибунъ Марцеллинъ, обратился къ Августину съ новыми недоумѣніями и возраженіями язычниковъ противъ христіанства. Это былъ тотъ самый Марцеллинъ, который былъ предсѣдателемъ на съѣздѣ православныхъ и донатистскихъ епископовъ въ Карѳагенѣ и игралъ видную роль въ преслѣдованіи донатистовъ. Августинъ высоко цѣнилъ Марцеллина и старался спасти его, когда онъ сдѣлался жертвой политической интриги. Марцеллинъ былъ христіанинъ, и ему также мать Волузіана поручила своего сына. Они ежедневно видались и бесѣдовали; предметомъ этихъ бесѣдъ были главнымъ образомъ философскіе и религіозные вопросы. По этому примѣру можно судить, что еще въ началѣ V вѣка между христіанами и язычниками существовали самыя дружескія отношенія и обмѣнъ мыслей безъ всякаго фанатизма. Желая извлечь Волузіана изъ подъ вліянія смущавшихъ его язычниковъ, Марцеллинъ сообщаетъ Августину новыя недоумѣнія и проситъ ихъ устранить.

Эти недоумѣнія выразились въ трехъ вопросахъ: почему Господь отрекся отъ Ветхаго Завѣта и, пренебрегая прежними жертвоприношеніями, пожелалъ новыхъ? Не есть ли это признакъ непостоянства и непослѣдовательности? Второе возраженіе заключалось въ томъ, что христіанское ученіе о невоздаяніи зломъ за зло несогласно съ „обычаемъ" государства,—и наконецъ, что христіанскіе императоры причинили государству большой вредъ.

Замѣна Ветхаго Завѣта Новымъ, какъ доказательство несостоятельности перваго, было любимымъ аргументомъ манихеевъ, и потому отвѣта Августина на первый изъ сдѣланныхъ ему вопросовъ можно здѣсь не касаться; тѣмъ болѣе, что его отвѣты на остальные два вопроса заслуживаютъ особеннаго вниманія. Соображенія, высказанныя по этому поводу Августиномъ, имѣютъ значеніе не только для одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи римской имперіи,—но и для нашего времени, такъ какъ неправильное пониманіе евангельскаго „непротивленія злу" и теперь еще многихъ смущаетъ.

Приводя возраженіе язычниковъ, какъ дозволить врагу безнаказанно себя обижать и не отплатить войной за опустошеніе римской провинціи,—Августинъ замѣчаетъ, что, имѣя дѣло съ образованными собесѣдниками, онъ можетъ кратко на это отвѣтить. Онъ ограничивается вопросомъ, какъ же могли управлять республикой и расширять ея предѣлы тѣ, кто, по свидѣтельству

Саллюстія, предпочитали прощать, а не преслѣдовать; какъ могъ Цицеронъ восхвалять Цезаря словами, что онъ ничего не забывалъ, кромѣ обидъ [1])?

Въ устахъ Цицерона это была великая похвала или великая лесть; если похвала,—значитъ это была правда; если только лесть, то Цицеронъ, ложно приписывая Цезарю незлобивость, хотѣлъ этимъ сказать, что таковымъ *долженъ* быть глава государства. Но что̀ же собственно значитъ не воздавать зломъ за зло, какъ не отказываться отъ того удовольствія, какое доставляетъ месть?

Когда язычники встрѣчаютъ этотъ принципъ у своихъ авторовъ, они приходятъ въ восторгъ; когда встрѣчаютъ его у христіанъ, какъ божественное предписаніе, они толкуютъ, что оно приноситъ вредъ государству. Но еслибы,—восклицаетъ Августинъ,—они слѣдовали этому предписанію, то лучше бы устроили, укрѣпили и увеличили государство, чѣмъ это сдѣлали Ромулъ, Нума, Брутъ и всѣ прочіе великіе люди Рима.

Ссылаясь на опредѣленіе государства, какъ „сонмъ людей, связанныхъ общимъ согласіемъ", Августинъ доказываетъ, какъ много евангельское предписаніе содѣйствуетъ такому необходимому согласію. Имъ достигается то, что въ дурномъ человѣкѣ зло побѣждается добромъ и человѣкъ освобождается отъ зла не внѣшняго, а скрытаго въ немъ самомъ.

Такое внутреннее перевоспитаніе должно быть соблюдаемо даже тогда, когда приходится фактически прибѣгать къ насилію. Еслибы земное государство соблюдало христіанскій завѣтъ, самыя войны велись бы съ бо̀льшимъ милосеріемъ. Этотъ завѣтъ не воспрещаетъ войны, ибо въ этомъ случаѣ въ Евангеліи было бы сказано воинамъ, чтобы они побросали оружіе. Между тѣмъ (Лук. III, 14) Христосъ приказалъ воинамъ лишь никого не обижать, не клеветать и довольствоваться жалованьемъ.

„Поэтому,—заключаетъ Августинъ,—пусть тѣ, кто утверждаетъ, что ученіе Христа враждебно государству, дадутъ намъ такихъ воиновъ, какими они должны быть по словамъ Христа; дадутъ такихъ подданныхъ, такихъ мужей, такихъ женъ, такихъ родителей и дѣтей, такихъ господъ и рабовъ, такихъ царей и судей, такихъ плательщиковъ податей и такихъ сборщиковъ, какими велитъ имъ быть христіанское ученіе; и пусть они тогда дерзнутъ сказать, что оно враждебно государству! Пусть тогда сомнѣваются, что это ученіе, если ему станутъ слѣдовать, будетъ спасеніемъ для государства"!

---

[1]) Въ рѣчи за Лигарія.

Въ такомъ же смыслѣ Августинъ писалъ около 418 года Бонифацію, который въ качествѣ военнаго трибуна усмирилъ африканскихъ варваровъ: „Не думай, чтобы военный человѣкъ не могъ быть угоденъ Господу". Августинъ указываетъ на примѣръ Давида въ Ветхомъ Завѣтѣ, а въ Новомъ—на капернаумскаго центуріона и на Корнелія, къ которому былъ посланъ ангелъ. Замѣтивъ, что Богу угоднѣе, конечно, люди, отрѣшившіеся отъ всякой земной дѣятельности и служащіе ему въ воздержаніи, Августинъ продолжаетъ: „и такъ, другіе ратуютъ за васъ молитвою противъ невидимыхъ враговъ, вы же трудитесь за нихъ, сражаясь противъ враговъ видимыхъ. Такъ какъ въ этомъ вѣкѣ граждане царства небеснаго поневолѣ обрѣтаются среди заблуждающихся и нечестивыхъ, то не слѣдуетъ до времени желать общенія съ одними святыми и праведными. Когда будешь вооружаться на войну, думай прежде всего о томъ, что твоя тѣлесная сила—даръ Божій. Желать надо мира, но война нужна для того, чтобы Господь сохранилъ миръ. Поэтому пораженіе вооруженнаго врага проистекаетъ изъ необходимости, а не по охотѣ. Но если бунтующему и сопротивляющемуся врагу отплачивается насиліемъ, то побѣжденный или плѣненный имѣетъ право на милосердіе".

Обращаясь къ третьему замѣчанію Волузіана, что нѣкоторые христіанскіе императоры сдѣлали много вреда Риму, Августинъ возражаетъ, что это—клевета. Можно было бы привести многое и изъ исторіи языческихъ императоровъ въ доказательство того, что вредъ происходитъ по винѣ людей, а не ихъ вѣры; происходитъ часто по винѣ не императоровъ, а тѣхъ, безъ помощи которыхъ не могутъ управлять императоры. Августинъ ссылается на Саллюстія, чтобы доказать, какъ давно пороки проникли въ римское общество, и ссылается на Ювенала, противопоставлявшаго честные нравы бѣдной старины своему времени, когда „одолѣлъ развратъ и отомстилъ (римлянамъ) за порабощеніе міра".

Изъ этого омута міръ былъ выведенъ и спасенъ крестомъ Христовымъ, подъ сѣнью котораго вновь процвѣли добродѣтели. На примѣрѣ же богатой и славной имперіи римской Господь хотѣлъ показать, какое значеніе имѣютъ гражданскія доблести хотя бы и безъ истинной вѣры, съ появленіемъ которой люди становятся гражданами другого царства, которое имѣетъ своимъ царемъ истину, своимъ закономъ – любовь, а удѣломъ—вѣчность.

Въ письмѣ къ Августину Марцеллинъ просилъ также обратить вниманіе на возраженіе язычниковъ, что Аполлоній и Апулей

съ своей магіей превзошли чудеса Христа. Августинъ отвѣчаетъ, „что это сопоставленіе достойно лишь смѣха; но оно все-таки предпочтительнѣе сопоставленія Христа съ языческими богами, ибо надо признаться, что Аполлоній много достойнѣе того развратника, котораго язычники называютъ Юпитеромъ". Подробнѣе Августинъ распространяется объ Апулеѣ, который какъ „африканецъ болѣе извѣстенъ африканцамъ". Напомнивши обстоятельства его жизни, Августинъ указалъ, что Апулей при всей своей магіи ни до чего не дошелъ. Впрочемъ онъ самъ краснорѣчиво защищалъ себя противъ обвиненія въ магіи. „Такъ пусть же тѣ, кто на него ссылается, поразмыслятъ, они ли даютъ ложное показаніе, или онъ ложно защищалъ себя"?

Августину приходилось и кромѣ приведенныхъ случаевъ полемизировать противъ возраженій язычниковъ. Такъ, по его словамъ, однимъ изъ его „друзей", котораго онъ хотѣлъ обратить въ христіанство, ему были присланы изъ Карѳагена, въ 408 или 409 г., для разрѣшенія шесть вопросовъ, поставленныхъ философомъ Порфиріемъ. Августинъ полагалъ, что это не тотъ Порфирій изъ Сициліи, который прославился, какъ неоплатоникъ и отъявленный противникъ христіанства. Эти вопросы, или вѣрнѣе недоумѣнія, касались воскресенія Христова и его слишкомъ поздняго для спасенія людей появленія на землѣ; почему христіане осуждаютъ приношеніе язычниками въ жертву животныхъ и ѳиміама, когда самъ Господь установилъ такія жертвы въ Ветхомъ Завѣтѣ? Какъ понимать текстъ: какою мѣрою мѣрите—и вамъ будутъ мѣрить"? Дѣйствительно ли Соломонъ сказалъ, что Господь не имѣетъ сына?—Послѣдній вопросъ касался судьбы пророка Іоны, которая всегда возбуждала глумленіе среди язычниковъ.

Изъ объясненій, данныхъ Августиномъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ отвѣтъ на второй вопросъ: въ немъ проявляется замѣчательная широта не только историческаго, но и богословскаго взгляда. Почему Христосъ пришелъ такъ поздно? Почему Римъ столько вѣковъ пребывалъ въ невѣдѣніи Его закона? Что̀ сталось съ душами тѣхъ римлянъ, которые до самыхъ временъ императора Калигулы были лишены Христовой благодати?

Отвѣчая на это, Августинъ ставитъ вопросъ: была ли людямъ какая-нибудь польза отъ языческихъ боговъ? Если они были безполезны для спасенія души, то пусть язычники признаютъ это и вмѣстѣ съ христіанами разрушатъ храмы ихъ. Если же язычники захотятъ ихъ защищать, то онъ спроситъ, что̀ же сталось съ тѣми людьми, которые жили до установленія языче-

скаго культа? И если тѣ люди инымъ способомъ спасались, то почему этотъ способъ не сохранился; почему явилась необходимость установить новую святыню? Если же противники скажутъ, что языческіе боги всегда существовали, но только, сообразуясь съ различными условіями времени и мѣста, требовали себѣ поклоненія въ различныхъ формахъ, то почему язычники не примѣнятъ такое разсужденіе и къ христіанской религіи? Почему они не признаютъ, что различіе религіозныхъ формъ несущественно, если только то свято, что̀ составляетъ предметъ почитанія, — подобно тому, какъ безразлично, какими звуками на разныхъ языкахъ выражается одна и та же истина? Такъ, независимо отъ обрядовъ, которыми они почитали божество, праведники исполняли волю Божію. А воля Божія всегда была достаточно извѣстна для обезпеченія праведности и благочестія смертныхъ. Поэтому, заключаетъ свое разсужденіе Августинъ, съ самаго возникновенія человѣческаго рода тѣ, кто вѣрили въ Бога и жили праведно и благочестиво, согласно съ Его предписаніями,—когда бы и гдѣ бы то ни было,—безъ сомнѣнія, Имъ спасены. „Вѣдь мы же,—возвращается къ своей мысли Августинъ,—не укоряли язычниковъ за то, что Нума Помпилій ввелъ почитаніе новыхъ боговъ, или что во времена пиѳагорейцевъ появилась новая мудрость, ранѣе невѣдомая или скрывавшаяся среди немногихъ посвященныхъ, но державшихся разныхъ обрядовъ; споръ у насъ съ ними идетъ о томъ, истинные ли ихъ боги и слѣдуетъ ли имъ покланяться, и о томъ, полезна ли ихъ философія для спасенія души? Вотъ въ чемъ мы сомнѣваемся, вотъ что̀ мы нашими возраженіями хотимъ опровергнуть. Такъ пусть же они перестанутъ ставить намъ въ укоръ то, что̀ можетъ быть сказано о всякомъ толкѣ, о всякой религіи. Вѣдь извѣстно, что вѣка чередуются не случайно, а по волѣ Провидѣнія: но знать то, что̀ пригодно для каждаго вѣка, превышаетъ разумѣніе человѣка.

Однако же, съ самаго начала жизни человѣчества возникали, по усмотрѣнію Божественнаго Промысла, пророчества, то болѣе, то менѣе явственныя, и появлялись праведники, вѣровавшіе въ Бога,—какъ въ самомъ народѣ израильскомъ, такъ и у другихъ народовъ до воплощенія Христа. Вѣдь въ священныхъ книгахъ еврейскихъ упоминаются уже во времена Авраама таковые праведники, не принадлежавшіе ни къ его племени, ни къ пришельцамъ, принятымъ еврейскимъ народомъ; такъ почему бы намъ не вѣрить, что такіе же праведники бывали тутъ и тамъ у различныхъ другихъ народовъ, хотя о нихъ и не упоминаютъ

ихъ писанія? Итакъ, спасеніе въ нашей вѣрѣ, въ которой обѣщано истинное спасеніе, всегда бывало удѣломъ тѣхъ, кто былъ его достоинъ; а если не было, то потому, что не было достойныхъ его.

Въ связи съ этимъ, чтобы объяснить позднее появленіе Христа, Августинъ высказываетъ мысль, недостаточно отмѣченную писателями, касавшимися его философіи исторіи. Тотъ фактъ, что ученіе Пиѳагора было не всегда и не вездѣ извѣстно, язычники объясняютъ тѣмъ, что Пиѳагоръ былъ человѣкъ. Но еслибы Пиѳагоръ и обладалъ способностью являться на землѣ, гдѣ и когда бы ни захотѣлъ, и еслибы, при этомъ, онъ обладалъ предвѣдѣніемъ, то, конечно, появился бы лишь тогда и тамъ, гдѣ нашелъ бы людей, готовыхъ принять его ученіе. Согласно съ этимъ, Августинъ,—оговариваясь, впрочемъ, что можетъ быть за этимъ кроется и другая тайна Божьяго Промысла, и что можетъ быть мудрые люди найдутъ и иное объясненіе,—высказываетъ предположеніе, что Христосъ сошелъ на землю тогда и тамъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, найдетъ людей, которые увѣруютъ въ него. Если и теперь еще на свѣтѣ много людей, которые не хотятъ въ него вѣрить, несмотря на то, что съ такою очевидностью исполнились относящіяся къ нему пророчества,—что же мудренаго, если въ вѣка, предшествовавшіе Христу, міръ былъ такъ полонъ невѣрующими, что Христосъ не захотѣлъ явиться тѣмъ, о которыхъ зналъ, что они не повѣрятъ ни его словамъ, ни его чудесамъ.

Слова эти особенно замѣчательны тѣмъ, что Августинъ здѣсь какъ будто признаетъ самостоятельность человѣческой воли въ дѣлахъ вѣры и спасенія. Ими, поэтому, и воспользовались семипелагіанцы города Марсели въ защиту своего ученія, и Августину пришлось, когда это дошло до его свѣдѣнія, истолковывать свои слова въ томъ смыслѣ, что пришествіе Христа совершилось тогда, когда онъ зналъ, что найдетъ „избранныхъ“, предназначенныхъ стать вѣрующими, еще до сотворенія міра.

Въ то время, пока Августинъ велъ борьбу съ язычествомъ въ своей провинціи, совершилось событіе, побудившее его перенести борьбу на другую почву и повести ее на глазахъ всего міра. Это событіе—взятіе и разореніе Рима, въ 410 г., готскимъ конунгомъ Аларихомъ [1]).

[1]) См. „Вѣстн. Европы“ за январь 1891 г.

Неожиданное паденіе царствующаго града, которому его поэты сулили вѣчное владычество надъ міромъ, произвело на этотъ міръ потрясающее впечатлѣніе. Тому содѣйствовало еще участіе, какое вызывали страданія римскаго населенія и личная судьба нѣкоторыхъ знатныхъ жертвъ. Но дѣло не могло ограничиться жалобами и соболѣзнованіями. Разореніе города, создавшаго римскую имперію, казалось нарушеніемъ мірового порядка и должно было вызвать вопросы и разсужденія о томъ, почему это случилось,—въ особенности со стороны язычниковъ, тѣснѣе связанныхъ съ прошлымъ величіемъ Рима. Приписывая паденіе Рима христіанству и ниспроверженію идоловъ, язычники стали съ „бо̀льшимъ, противъ обычнаго, ожесточеніемъ и горечью хулить истиннаго Бога". Но и христіане недоумѣвали: слишкомъ многіе изъ нихъ пострадали и были оскорблены въ самыхъ чистыхъ своихъ чувствахъ.

Августину, стоявшему, по своему авторитету и краснорѣчію, во главѣ западнаго христіанства, нельзя было оставить безъ отвѣта ни эти укоры, ни эти сомнѣнія, и онъ принялся за поставленную себѣ задачу обдуманно и систематично, соотвѣтственно важности вопроса. На этотъ разъ было недостаточно краснорѣчиваго посланія съ діалектической полемикой противъ язычниковъ и съ патетическимъ воззваніемъ къ вѣрующимъ. На очереди стоялъ міровой вопросъ, и для разрѣшенія его Августинъ далъ міровое, по своему вліянію, твореніе. Онъ далъ въ немъ первую монотеистическую тэодицею, во всякомъ случаѣ превзошелъ первыя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи. А такъ какъ онъ имѣлъ дѣло съ историческимъ фактомъ и сталъ разыскивать его корни въ отдаленнѣйшемъ прошломъ, то въ своей тэодицеѣ онъ далъ и первую философію исторіи.

Надо было дать отпоръ язычникамъ и утѣшить христіанъ. Августинъ искусно избралъ своей исходной точкой одинъ фактъ, который могъ ему послужить одновременно для обѣихъ цѣлей. Когда Аларихъ предоставилъ своимъ готамъ на разграбленіе богатую столицу древняго міра, онъ, помня свое христіанство, приказалъ пощадить всѣхъ, кто сталъ бы искать убѣжища въ базиликахъ апостоловъ Петра и Павла и въ „мѣстахъ мучениковъ". Такимъ образомъ, тысячи римлянъ спаслись отъ смерти, увѣчій и оскорбленій, и даже отъ потери своихъ драгоцѣнностей. Въ ихъ числѣ были и язычники, которые „не избѣгли бы гибели, еслибы не притворились слугами Христа".—„Такъ спаслись многіе, которые теперь поносятъ наступленіе христіанскаго вѣка и

свои бѣдствія приписываютъ Христу; добро же и спасеніе жизни, которое получили во славу Христа, не ему приписываютъ".

Укоряя ихъ въ неблагодарности, Августинъ предлагаетъ имъ привести изъ исторіи другой такой примѣръ, когда побѣдитель приказалъ пощадить побѣжденныхъ, искавшихъ убѣжища въ храмѣ своихъ боговъ. Съ своей стороны онъ приводитъ стихи Виргилія, изображавшіе разореніе Трои, и указываетъ, что тамъ храмъ Юноны послужилъ не убѣжищемъ для троянцевъ, а складочнымъ мѣстомъ награбленныхъ греками имуществъ. Онъ приводитъ также изъ Саллюстія слова Катона, изобразившаго въ сенатѣ страшную картину того, что̀, по обычаю, всегда происходитъ въ городѣ, который взятъ приступомъ. Августинъ не умалчиваетъ и о гуманномъ Марцеллѣ, который оплакивалъ судьбу осажденнаго имъ города Сиракузъ и запретилъ своимъ солдатамъ касаться *свободныхъ* женщинъ. Если римская исторія сохранила въ памяти этотъ фактъ, то она, конечно, не преминула бы упомянуть и о запрещеніи римскихъ полководцевъ убивать или забирать плѣнныхъ въ храмахъ. Но если выразившееся въ распоряженіи Алариха благотворное вліяніе христіанства могло служить утѣшеніемъ для христіанъ, то не для всѣхъ. Велико было число тѣхъ, которые не успѣли укрыться въ базиликахъ; многіе изъ нихъ претерпѣли мученія, увѣчья и смерть; еще больше было число потерявшихъ все свое добро и ставшихъ нищими; нѣкоторые изъ нихъ умерли съ голода; иные потерпѣли оскорбленія, которыя представлялись тяжелѣе самой смерти. Августинъ взялъ на себя нелегкую задачу сказать всѣмъ имъ слово утѣшенія; входя въ подробности, онъ впадалъ въ казуистику; но все-таки его страницы многимъ принесли утѣшеніе и удовлетворили всеобщей потребности въ христіанской тэодицеѣ.

Принципъ этой тэодицеи былъ высказанъ еще апостоломъ Павломъ: „Любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу". Не трудно было, съ этой точки зрѣнія, утѣшить тѣхъ, которые при разореніи Рима потеряли свои земныя богатства. Если они пользовались ими такъ, какъ будто они не имъ принадлежали, то и утрата ихъ не могла ихъ огорчить; если они пристрастились къ нимъ, то ихъ утрата должна была научить ихъ, насколько въ этой страсти было грѣха. Но нѣкоторые христіане были подвергнуты пыткѣ и мученіямъ для того, чтобы заставить ихъ выдать свои сокровища. Если они предпочли пытку выдачѣ нечестивой маммоны, то они не были добрыми христіанами. Имъ пытка была полезна; пусть претерпѣвшіе ради золота тѣ муче-

нія, которыя слѣдовало бы понести изъ-за Христа, научатся цѣнить блага нетлѣнныя.

Но пыткѣ подвергались и такіе, которымъ нечего было выдать; можетъ быть они были бѣдны, но не по волѣ своей; въ такомъ случаѣ ихъ страданія были искупленіемъ ихъ алчности; если же они были бѣдны потому, что не искали богатствъ, то, исповѣдуя въ мученіяхъ святую бѣдность, они исповѣдовали Христа.

Иные потерпѣли смерть отъ голода; голодъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій земной жизни, какъ смерть избавила бы ихъ отъ какой-нибудь болѣзни; тѣхъ же, которыхъ голодъ не довелъ до смерти, онъ научилъ жить скромнѣе и дольше поститься.

Много распространялся по этому поводу Августинъ о смерти, доказывая, что она предпочтительнѣе жизни, постоянно обуреваемой смертью: смерть въ безчисленныхъ видахъ ежеминутно угрожаетъ человѣку; не лучше ли претерпѣть ее одинъ разъ, чѣмъ постоянно опасаться ея?

При такомъ множествѣ убитыхъ при взятіи Рима многіе остались непохороненными. Августинъ приводитъ въ утѣшеніе стихъ Лукана, что небо служитъ покровомъ тому, кому не досталась погребальная урна.

Многіе христіане были уведены въ плѣнъ: Августинъ указываетъ на примѣры чудеснаго спасенія изъ плѣна въ Священномъ Писаніи. Судьба Іоны вызываетъ насмѣшки язычниковъ, и потому Августинъ заставляетъ ихъ смолкнуть указаніемъ на честнаго Регула, котораго боги не спасли изъ плѣна, хотя онъ былъ усердный ихъ почитатель. Регулъ въ плѣну лишился отечества; христіане же, считая себя скитальцами въ своемъ отечествѣ, и въ плѣну живутъ въ ожиданіи своего небеснаго отечества.

Наиболѣе толковъ и сомнѣній вызвала судьба женщинъ и дѣвушекъ, которыя, при взятіи Рима, подверглись насиліямъ,—многія изъ нихъ были инокинями. Августинъ, въ утѣшеніе имъ, утверждаетъ, что чужой грѣхъ не можетъ быть имъ вмѣненъ въ вину, и отсюда выводитъ, что онѣ не должны изъ-за этого лишать себя жизни. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ наперекоръ традиціонному римскому понятію о женской чести, которое находило себѣ выраженіе и поддержку въ прославленіи Лукреціи. Разбирая поступокъ Лукреціи, Августинъ замѣняетъ этическій идеалъ язычниковъ христіанскимъ. Обобщая затѣмъ осужденіе самоубійства, Августинъ и по отношенію къ Катону разбиваетъ языческій идеалъ, доказывая несостоятельность Катона, который считалъ

для себя позорнымъ жить подъ властью побѣдителя - Цезаря; сыну же своему приказалъ жить и надѣяться на милосердіе Цезаря. Августинъ строго осуждаетъ даже самоубійство, совершаемое христіаниномъ съ тѣмъ, чтобы предупредить какое-нибудь преступленіе или спастись отъ грѣха. Въ этомъ нравоученіи его нѣсколько стѣсняетъ примѣръ женщинъ, которыя, въ эпоху преслѣдованій, желая избавиться отъ грозившихъ имъ насилій, бросались въ рѣку и за это почитались въ церкви мученицами. „Можетъ быть,—говоритъ онъ,—церковь, признавая ихъ мученицами, руководилась какими-нибудь божественными указаніями; можетъ быть, онѣ сами совершили это не по человѣческому заблужденію, а по божественному наущенію, подобно тому, какъ то нужно предположить относительно самоубійства Самсона.

Отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ бѣдствій, постигавшихъ христіанъ при разграбленіи Рима, Августинъ поднимается къ разрѣшенію общей моральной проблемы, которую выдвигало это плачевное событіе, почему несчастія обрушиваются на людей, не взирая на то, заслужены ли они, или нѣтъ. Подвергаются бичеванію и праведные, поясняетъ Августинъ, когда Господу угодно покарать нечестивыхъ земною карою; подвергаются они этому бичеванію не потому, чтобы ихъ жизнь была въ такой же степени нечестива, но за то, что и они любятъ земную жизнь, которую имъ слѣдовало бы презирать. Но на самомъ дѣлѣ вѣрующихъ и благочестивыхъ ничто дурное не можетъ постигнуть, ибо все дурное обращается имъ на благо, если они исправляются и удостоиваются жизни вѣчной?

Въ этихъ словахъ заключается оправданіе зла въ мірѣ или тэодицея Августина; въ нихъ же заключается залогъ новаго воззрѣнія на міръ и на исторію человѣчества. Утѣшеніе поклонниковъ истиннаго Бога не обманчивое, но оно не заключается въ надеждѣ на блага непрочныя или увядающія; земными благами они пользуются, какъ скитальцы, не привязываясь къ нимъ, а несчастія обнаруживаютъ ихъ добродѣтель или ихъ исправляютъ. Вотъ почему они никогда и не ропщутъ на мірскую жизнь, такъ какъ она служитъ имъ *наставленіемъ* для жизни вѣчной (vita temporalis, in qua eruditur ad æternam).

Утѣшивъ христіанъ, Августинъ отвѣчаетъ на обвиненіе язычниковъ, что всѣ эти бѣдствія, происшедшія при взятіи Рима готами, не представляютъ собою ничего новаго: то же самое совершалось сотни разъ, ибо вытекаетъ изъ обычая войны, а что̀ ново и необычно — это гуманность дикихъ варваровъ относительно пощаженныхъ: „Кто не видитъ, что это нужно вмѣнить

въ заслугу Христу и христіанскимъ временамъ, тотъ слѣпъ; кто это видитъ и не прославляетъ — тотъ неблагодаренъ; тотъ, кто возражаетъ противъ прославленія—безуменъ". И Августинъ съ гордостью отмѣчаетъ аналогію между этимъ событіемъ, ознаменовавшимъ начало христіанскаго періода въ исторіи Рима и начальнымъ событіемъ его языческой исторіи. И Ромулъ, и Ремъ, устроили убѣжище, гдѣ всякій преступникъ могъ найти себѣ пріютъ. То, что тогда сдѣлали строители города, то же самое сдѣлали и разрушители его. Но тѣ поступили такъ, чтобы умножить число своихъ гражданъ, а эти — чтобы сохранить число своихъ враговъ.

Этотъ отвѣтъ „клеветникамъ христіанства" былъ лишь вступленіемъ къ обширному труду, предпринятому Августиномъ для посрамленія язычества. Въ началѣ этого труда, получившаго потомъ названіе: 22 книги о „Божьемъ градѣ", Августинъ задался двумя цѣлями: опровергнуть мнѣніе, что многобожіе нужно для благоденствія Рима, а запрещеніе его вызвало бѣдствія, обрушившіяся на римскую имперію, и затѣмъ доказать ошибочность мнѣнія тѣхъ, кто соглашается, что бѣдствія всегда бывали на землѣ и въ самое время процвѣтанія язычества, но что почитаніе боговъ необходимо въ интересахъ загробной жизни.

Простая мысль, что и прежде бывали бѣдствія, оказалась плодотворна послѣдствіями: она преобразила традиціонную исторію Рима, создала новую философію римской исторіи и вызвала полную переоцѣнку римскихъ гражданскихъ и политическихъ идеаловъ. Работая надъ этой задачей, Августинъ хотѣлъ руководиться систематическимъ планомъ; но на самомъ дѣлѣ онъ его не придерживался и постоянно отъ него отступалъ. Эпизодическій характеръ его сочиненія, однако, ему не повредилъ, а напротивъ, облегчилъ современникамъ его чтеніе и увеличилъ интересъ къ нему. Намъ понятно, что викарій Африки, Македоній, получивъ первыя три книги сочиненія Августина, писалъ ему: „Я прочелъ твои книги: онѣ такъ живы и интересны, что не позволили мнѣ предаться другимъ занятіямъ: онѣ захватили меня, оторвали отъ всѣхъ другихъ заботъ, приковали мое вниманіе, и я не знаю, чему болѣе удивляться, совершенству ли богословскаго знанія, философской учености, обилію историческихъ свѣдѣній или достоинствамъ изложенія, которое такъ увлекаетъ даже малообразованныхъ, что они не могутъ оторваться отъ книги, пока ея не кончатъ, а когда кончатъ, начинаютъ перечитывать".

Къ этимъ достоинствамъ, которыми Македоній объясняетъ

успѣхъ сочиненія Августина, нужно прибавить еще одно его свойство—новизну проводимой имъ мысли. Для образованныхъ людей того времени римская исторія была повѣстью о величіи римскаго народа, о его тріумфальномъ шествіи на протяженіи вѣковъ: если въ ней и встрѣчались пораженія, то они бывали только поводомъ къ новымъ побѣдамъ. Августинъ изображаетъ римскую исторію въ новомъ освѣщеніи, болѣе гармонировавшемъ съ подавленнымъ настроеніемъ, какое вызвало вездѣ паденіе Рима. Для него это паденіе не единичная, небывалая катастрофа: оно только послѣднее звено въ цѣломъ рядѣ бѣдствій, составляющихъ римскую исторію. Эта исторія излагается, чтобы доказать три положенія, одно съ другимъ тѣсно связанныя: бѣдствія постигали Римъ и до воспрещенія идолопоклонства; языческіе боги всегда были безполезны для римлянъ по своему безсилію: „не идолъ охранялъ своихъ поклонниковъ, а поклонники должны были охранять идола“. Наконецъ боги приносили вредъ римлянамъ, внося въ ихъ жизнь безнравственность. Перечисленіе бѣдствій, постигавшихъ Римъ, и доказательства безсилія боговъ сливаются у Августина въ одно повѣствованіе. Онъ начинаетъ его издалека—съ легендарнаго происхожденія римской святыни. Среди римлянъ давно укоренилось преданіе, что ихъ предки происходятъ отъ выходцевъ изъ Трои, и этимъ преданіемъ воспользовался для прославленія первой императорской династіи знаменитый поэтъ, котораго еще во время Августина учили наизусть во всѣхъ латинскихъ школахъ. Августину оно послужило средствомъ для посрамленія римскихъ боговъ, ибо римляне имѣли неблагоразуміе перенести къ себѣ троянскихъ боговъ, не съумѣвшихъ отстоять Трою, и расчитывали, что они будутъ оплотомъ Рима. Стихами самого Виргилія Августинъ изображаетъ, какъ Понтъ, жрецъ Аполлона, вынося на рукахъ „побѣжденныхъ боговъ“, съ безумной поспѣшностью спасался съ ними изъ храма.

Гибель Трои представляетъ Августину еще другой поводъ поглумиться надъ вѣрованіями язычниковъ. Почему,—спрашиваетъ онъ,—боги, которымъ одинаково поклонялись и греки, и троянцы, допустили разрушеніе Трои? Говорятъ, что Пріамъ поплатился за грѣхи своего отца Лаомедонта, не отдавшаго Аполлону и Нептуну условленной между ними платы за постройку этими богами стѣнъ Трои. Августинъ выражаетъ удивленіе, что Аполлонъ, котораго чтутъ какъ прорицателя, принялъ на себя такую тяжелую работу, не предвидя, что ничего за это не получитъ! Да и Нептуну какъ Гомеръ, такъ и Виргилій приписываютъ

способности прорицанія. Августинъ думаетъ, что обманывать такихъ боговъ, можетъ быть, менѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ вѣрить въ нихъ. Впрочемъ, едва ли Гомеръ считалъ причиной разрушенія Трои клятвопреступленіе Лаомедонта, такъ какъ у него Аполлонъ сражается за троянцевъ. Какъ бы то ни было, тотъ, кто вѣритъ въ эти басни, долженъ стыдиться такихъ слѣпыхъ боговъ, а тотъ, кто имъ не вѣритъ, не можетъ объяснять гнѣвъ боговъ клятвопреступленіемъ троянцевъ. Иначе ему пришлось бы изумляться, почему боги троянцевъ покарали за клятвопреступленіе, римлянъ же за это поощряли? По этому поводу Августинъ напоминаетъ и о заговорѣ Катилины, и о томъ, сколько римскихъ сенаторовъ, и какъ часто, оказывались клятвопреступниками; какъ часто весь народъ грѣшилъ тѣмъ же, нарушая клятву при подачѣ голоса на форумѣ и на судѣ. Древній обычай присяги сохранялся въ Римѣ не для того, чтобы удерживать людей отъ преступленій страхомъ боговъ, но чтобы къ числу прочихъ преступленій прибавилось еще клятвопреступленіе.

„Впрочемъ,—продолжаетъ Августинъ,—разрушеніе Трои объясняютъ также преступленіемъ Париса, похитившаго Елену у Менелая. Если это такъ, то богамъ слѣдовало бы строже отнестись къ римлянамъ, чѣмъ къ троянцамъ, такъ какъ сама Венера, мать Энея, совершила такое же преступленіе. Или развѣ разница въ томъ, что въ первомъ случаѣ Менелай пришелъ въ озлобленіе, Вулканъ же отнесся равнодушно къ невѣрности жены, такъ какъ боги, повидимому, не ревнуютъ своихъ женъ къ людямъ? Мнѣ замѣтятъ, что я смѣюсь надъ языческими баснями! Я готовъ не считать Энея сыномъ Венеры, но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ и Ромула признавать сыномъ Марса и считать основателя города Рима полубогомъ. Если же мы откажемся вѣрить въ то, что Марсъ былъ отцомъ Ромула, у насъ не будетъ никакого предлога оправдывать мать Ромула, такъ какъ она была весталка, и богамъ слѣдовало бы строже покарать римлянъ за совершенное ею святотатство, чѣмъ троянцевъ за преступленіе Париса. Вѣдь сами древніе римляне виновныхъ весталокъ заживо погребали, виновныхъ же въ нарушеніи брака женъ хотя и наказывали, но не смертью“...

Такъ пользовался Августинъ преданіями о Троѣ, чтобы наносить римской святынѣ ударъ за ударомъ. Онъ вспомнилъ, что Троя еще разъ была разрушена, и на этотъ разъ самими римлянами подъ командой маріянца Фимбріи. Это разрушеніе было еще бѣдственнѣе, чѣмъ первое: въ первый разъ многимъ троянцамъ удалось бѣжать изъ города; Фимбрія же приказалъ никого

не щадить и сжегъ городъ со всѣми его жителями. Троя потерпѣла это не отъ грековъ, которыхъ она раздражила своей неправдой, но отъ Рима, которому дала начало своимъ паденіемъ. Итакъ, троянскіе боги, которыхъ приняли къ себѣ римляне, опять оказались безсильными помочь Троѣ! Или же всѣ боги, „покинувъ храмы и алтари, удалились", какъ гласитъ не разъ приводимый Августиномъ стихъ? Если удалились, то почему? Они имѣли на это тѣмъ менѣе права, чѣмъ болѣе правы были жители второй Трои, затворившіе ворота передъ Фимбріей, чтобы сохранить городъ Суллѣ, который стоялъ во главѣ лучшей части Рима.

Въ другомъ мѣстѣ Августинъ, по поводу этого вторичнаго разоренія Трои, замѣчаетъ, что кто-нибудь, пожалуй, захочетъ объяснить это тѣмъ, что троянскіе боги проживали въ Римѣ. Такъ можетъ быть, — возражаетъ Августинъ,—эти боги проживали въ Троѣ, когда Римъ былъ взятъ и сожженъ галлами? А такъ какъ у нихъ очень тонкій слухъ, то они на голосъ гуся быстро вернулись, чтобы, по крайней мѣрѣ, спасти Капитолій? Конечно, въ другихъ случаяхъ ихъ слишкомъ поздно приглашали возвратиться для защиты!

Не менѣе, чѣмъ отецъ и мать Ромула, послужилъ Августину поводомъ къ обличенію языческихъ боговъ и самъ Ромулъ—въ особенности его братоубійство. Если бы боги карали людей за преступленія, убіеніе Ромуломъ брата должно было сильнѣе озлобить ихъ противъ римлянъ, чѣмъ обманъ Елены противъ троянцевъ. Августинъ не хочетъ входить въ разсмотрѣніе того, было ли это убійство совершено по приказанію Ромула или самимъ Ромуломъ, что̀ „многіе безстыдно отрицаютъ, многіе изъ стыда подвергаютъ сомнѣнію, многіе со скорбью скрываютъ". Даже если это всѣмъ вѣдомое убійство чуждо самому Ромулу, то виновна въ немъ вся община, умертвившая своего отца и основателя города; во всякомъ случаѣ приходится недоумѣвать, почему это преступленіе вызвало не гнѣвъ боговъ, какъ въ Троѣ, а ихъ благосклонное попеченіе о Римѣ?

Братоубійство сближаетъ Ромула съ Каиномъ, строителемъ перваго на землѣ „града"—„архитипа", какъ выражается Августинъ, того города, который сталъ столицей и властителемъ надъ народами. Самъ Ромулъ сдѣлался черезъ это первообразомъ земного владыки, исполненнаго тщеславія и властолюбія. Оба брата искали славы въ основаніи города, одинаково полагая, что эта слава можетъ достаться лишь тому, кто останется одинъ. Ища славы во власти, каждый изъ нихъ желалъ имѣть

всю совокупность власти, и для этого Ромулъ устранилъ своего брата и товарища. То, что̀ случилось съ Ремомъ и Ромуломъ, показываетъ, какъ неизбѣжны раздоръ и междоусобія въ земномъ государствѣ. Такъ продолжалось и въ Римѣ. Не желавшій допустить совладычества родного брата, Ромулъ былъ потомъ принужденъ принять въ товарищи на царство царя сабиннянъ, Тита Тація; но могъ ли онъ стерпѣть его, если не стерпѣлъ соправителемъ брата и близнеца? И онъ снова, посредствомъ убійства, обезпечилъ себѣ единодержавіе. Такъ же искусно освѣщены Августиномъ и прочія событія изъ жизни Ромула, чтобы усилить впечатлѣніе насилій и неправдъ, совершенныхъ при возникновеніи Рима. Онъ упоминаетъ о томъ, какой *народъ* Ромулъ собралъ въ построенныхъ имъ стѣнахъ—то были люди, которыхъ страхъ наказаній за совершенныя ими дѣла побуждалъ на дальнѣйшія преступленія. Подробно останавливается Августинъ на томъ, какимъ способомъ римляне добились браковъ, и съ драматическимъ паѳосомъ описываетъ положеніе похищенныхъ сабиннянокъ, которыя должны были ласкать побѣдителей, обрызганныхъ кровью ихъ отцовъ, братьевъ и мужей.

Какъ происхожденіе Ромула, такъ и конецъ его становится для Августина поводомъ къ обличенію языческаго Рима. Оффиціальное преданіе о принятіи Ромула на небо въ число боговъ Августинъ считаетъ басней, вызванной лестью. Для доказательства онъ ссылается на извѣстный разсказъ о томъ, что сенаторы, убившіе Ромула, успокоили роптавшій противъ сената народъ вымысломъ о его обожествленіи и воспользовались для этого солнечнымъ затменіемъ, которое народъ приписывалъ заслугамъ Ромула. Какъ будто, прибавляетъ Августинъ, такое затменіе, если бы оно случилось, не служило бы подтвержденіемъ того, что Ромулъ на самомъ дѣлѣ былъ убитъ и „плачъ солнца" былъ вызванъ отвращеніемъ свѣтила къ преступленію. Августинъ ссылается также на разныя мѣста Цицерона, изъ которыхъ можно было заключить, что и по его мнѣнію обожествленіе Ромула скорѣе повѣрье, чѣмъ фактъ. Но съ другой стороны Августинъ порицаетъ юриста Лабеона, который причислялъ Платона къ полубогамъ, наравнѣ съ Геркулесомъ и Ромуломъ. Августинъ находитъ, что Платона слѣдовало бы поставить выше не только полубоговъ, но и самихъ боговъ, за его нерасположеніе къ поэтамъ—хотя мы, прибавляетъ онъ, не только не считаемъ Платона богомъ, но не приравниваемъ его даже ни къ ангеламъ, ни къ пророкамъ, ни къ мученикамъ, ни даже къ простому христіанину.

Впрочемъ, „чудесный“ конецъ Ромула до извѣстной степени тревожилъ Августина, какъ апологета христіанства, въ виду аналогій между основателемъ Рима и созидателемъ Царства Божія, на которыя наводило это преданіе. Такъ Цицеронъ, обсуждая преданіе о вознесеніи Геркулеса и Ромула на небо, пояснилъ, что тѣло ихъ осталось на землѣ, такъ какъ было бы противно природѣ, если бы то, что взято отъ земли, не осталось на землѣ. На это Августинъ возражаетъ, что еще бо̀льшее чудо представляетъ въ природѣ тѣсная, взаимная связь между духомъ и тѣломъ. Въ другомъ мѣстѣ Цицеронъ видитъ поводъ къ прославленію Ромула въ томъ, что вѣра въ его обожествленіе утверждалась не въ отдаленное время, когда люди были невѣжественны и легко вѣрили въ вымыслы, а менѣе, чѣмъ шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, въ эпоху, когда люди были высоко образованы (docti) и нерасположены вѣрить въ басни. Августинъ ничего не имѣлъ возразить противъ такой оцѣнки эпохи Ромула; онъ самъ держался мнѣнія, что Ѳалесъ былъ современникъ Ромула, и дѣлалъ отсюда заключеніе, что въ эпоху основанія Рима людское общество было гораздо болѣе культурно, чѣмъ въ эпоху Гомера, когда слагались и распространялись басни о богахъ.

Но за то Августинъ старается умалить значеніе обожествленія Ромула. „Кто же внѣ Рима считалъ Ромула богомъ?—спрашиваетъ онъ; а Римъ былъ тогда совсѣмъ не великъ“. А потомъ суевѣріе это впитывалось римлянами съ молокомъ матери и съ ростомъ Рима охватило, подъ вліяніемъ страха, и другіе народы. И хотя Августинъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ самъ оговаривается, что „смѣшно вспоминать о ложномъ обожествленіи Ромула, когда идетъ рѣчь о Христѣ“, онъ, однако, не отказывается сопоставить основателя языческаго Рима и Христа — основателя „вѣчнаго и небеснаго града“. Въ проводимой между ними параллели указывается, что Римъ уже послѣ построенія сталъ почитать своего основателя въ храмѣ; небесный же Іерусалимъ основанъ на *вѣрѣ* въ своего основателя, Бога-Христа, и въ этой вѣрѣ будетъ рости. Ромулъ не былъ предсказанъ пророками; литературные памятники говорятъ о вѣрѣ въ его обожествленіе, но не удостовѣряютъ самаго факта. Христосъ же предвѣщенъ цѣлымъ сонмомъ божественныхъ пророчествъ и пришествіе его удостовѣрено длиннымъ рядомъ чудесъ. Кто когдалибо предпочелъ смерть отреченію отъ вѣры въ божественность Ромула?—божественность же Христа *удостовѣрили* толпы свидѣтелей-мучениковъ по всему земному кругу; ихъ „заключали въ

оковы и въ темницы, били, мучили, жгли, терзали, умерщвляли,— а они все размножались".

На другого рода соображенія наводитъ Августина преданіе о второмъ римскомъ царѣ, Нумѣ Помпиліи. Римляне чтили этого царя—въ противоположность Ромулу,—какъ свѣдущаго въ божественныхъ дѣлахъ устроителя религіозныхъ учрежденій и какъ миролюбца, затворившаго ворота Януса и поддерживавшаго миръ съ сосѣдями во время всего своего 43-лѣтняго правленія. Августинъ съумѣлъ найти въ благочестіи и миролюбіи Нумы новый поводъ къ обличенію языческой старины. Пользуясь долголѣтнимъ миромъ и не вѣдая истиннаго Бога, Нума сталъ, по словамъ Августина, на досугѣ раздумывать, какихъ бы еще боговъ привлечь для охраны Рима, и придумалъ ихъ такое множество, что по смерти своей самъ не удостоился обожествленія, такъ какъ въ этой толпѣ боговъ для него самого не оказалось мѣста. Августинъ укоряетъ Нуму за губительную любознательность и въ подтвержденіе приводитъ извѣстный разсказъ, что когда на Яникулѣ была впослѣдствіи найдена гробница Нумы и оттуда извлечены древнія книги этого царя, въ которыхъ были объяснены причины установленныхъ имъ обрядовъ, то сенатъ приказалъ сжечь ихъ. Эта суетная любознательность только отвлекла Нуму отъ исканія истиннаго Бога. Такимъ образомъ, миръ Нумы ни къ чему не послужилъ. Конечно, миръ—великое благодѣяніе, но это благодѣяніе истиннаго Бога, который ниспосылаетъ это благо, какъ солнечный свѣтъ, дождь и прочія блага жизни, безразлично и неблагодарнымъ, и негоднымъ людямъ. Языческіе же боги тутъ были ни при чемъ; ибо если бы это зависѣло отъ нихъ, то почему они никогда не давали Риму мира до эпохи Августа, за исключеніемъ одного года, послѣ первой пунической войны, когда ворота Януса были заперты?

За долгимъ миромъ снова послѣдовала кровавая сѣча. Римъ посягнулъ на Альбу, которая была ему матерью и ближе, чѣмъ сама Троя. Вопросъ былъ рѣшенъ единоборствомъ трехъ Гораціевъ и Куріяціевъ. Въ трагическомъ столкновеніи патріотизма и родственнаго чувства, побудившаго побѣдителя Горація убить сестру за то, что она оплакала побѣжденнаго врага, который былъ ея женихомъ, Августинъ беретъ сторону сестры, восклицая, что ему „человѣчное чувство этой женщины симпатичнѣе чувства всего римскаго народа"; ея слезы не были преступны. Онъ ссылается на Виргилія, у котораго Эней жалѣетъ объ убитомъ его рукою врагѣ, и на консула Марцелла, проливавшаго при осадѣ Сиракузъ слезы при мысли, что этотъ красивый и

славный городъ будетъ обращенъ имъ въ развалины. Но почему пала Альба? Паденіе Трои пытаются объяснять прелюбодѣяніемъ Париса; но тутъ ничего подобнаго не было. Августинъ приводитъ слова Саллюстія, объяснявшаго войны, которыя вели персы и греки, „властолюбіемъ“. Такъ было и въ Римѣ. Побѣжденный этою страстью къ власти, Римъ гордился своей побѣдой надъ Альбой и называлъ своею славой то, что̀ было его преступленіемъ. „Но пусть мнѣ не говорятъ: великъ тотъ или этотъ, потому что онъ побѣдилъ такого-то! Побѣждаютъ и гладіаторы; восхваляются также и ихъ изувѣрства! Но почему же боги остались равнодушными зрителями и убійства сестры Горацiемъ, и разрушенія Альбы“? Отвѣчая на это, Августинъ еще разъ глумится надъ богами, мѣнявшими свое мѣстожительство и бѣжавшими изъ Трои въ Лавиніумъ, а оттуда въ Альбу; но надоѣла имъ, должно быть, и Альба, и понравился Римъ, гдѣ Ромулъ убилъ своего брата; и вотъ они снова — въ третій разъ — „покинули всѣ храмы и алтари и направились въ Римъ, чтобы принять его въ свое попеченіе“.

Не останавливаясь на дѣяніяхъ другихъ царей, Августинъ касается только „ужаснаго конца“ Тулла Гостилія, Тарквинія старшаго и особенно Сервія. Послѣдній былъ убитъ своимъ зятемъ, Тарквиніемъ Гордымъ. Но за это страшное преступленіе его не покарали ни люди, ни боги. Напротивъ, римляне сдѣлали его своимъ царемъ, и если они его потомъ изгнали, то не за отцеубійство, а за преступленіе, совершенное его сыномъ безъ его вѣдома и въ его отсутствіе, и даже не узнавши, какъ онъ отнесется къ преступленію сына. Римляне прозвали Тарквинія не жестокимъ и не преступнымъ, а *гордымъ*, изъ чего Августинъ заключаетъ, что причиной его изгнанія была скорѣе всего *гордыня* римлянъ, вслѣдствіе которой для нихъ стало нестерпимо высокомѣріе этого царя.

Что же касается до боговъ, то они не побрезгали капитолійскимъ храмомъ, который былъ выстроенъ Юпитеру отцеубійцей на средства, добытыя войной; развѣ кто-либо скажетъ въ ихъ защиту, что они остались въ Римѣ для наказанія римлянъ, искушая ихъ суетными побѣдами и изводя ихъ тяжелыми войнами! Впрочемъ, по разсчету Августина, въ хваленое время царей, Римъ сдѣлалъ мало успѣховъ; за 243 года римскія побѣды, купленныя такою кровью и такими бѣдствіями, расширили область Рима не болѣе, какъ на разстояніе 20 миль отъ города, такъ что она не можетъ идти въ сравненіе по объему даже съ областью какихъ-нибудь африканскихъ гетуловъ. Политическій пе-

реворотъ, имѣвшій послѣдствіемъ установленіе римской республики, не вызываетъ со стороны Августина никакого сочувствія; съ своей религіозно-нравственной точки зрѣнія онъ равнодушенъ къ формамъ правленія. Онъ руководится отзывомъ Саллюстія, что въ Римѣ господствовала справедливость и умѣренность только пока тамъ опасались возвращенія Тарквинія и продолжалась война съ его союзниками, этрусками. Съ своей стороны, онъ называетъ первый годъ республики „похороннымъ“ годомъ, въ виду того, что въ теченіе его перебывало во власти пять консуловъ. Особенно нерасположенъ Августинъ къ національному герою римлянъ, Юнію Бруту. Августинъ ставитъ ему въ вину изгнаніе его товарища, Луція Тарквинія Коллатина, участвовавшаго въ изгнаніи Тарквинія Гордаго. Его можно бы было, по мнѣнію Августина, заставить отречься отъ рода Тарквиніевъ, но несправедливо было лишать его консульскаго сана и отечества. Подвигъ Брута, казнившаго сыновей за участіе въ заговорѣ въ пользу Тарквинія Гордаго, Августинъ не одобряетъ. Онъ ссылается на самого Виргилія, который хотя и почтилъ Брута стихомъ въ похвалу за то, что онъ покаралъ сыновей ради „прекрасной свободы“, однако же призналъ его „несчастнымъ“ и объяснялъ его поступокъ любовью къ отечеству и безмѣрной страстью къ похвалѣ. Въ гибели Брута Августинъ видитъ возмездіе за его „непохвальную неправду“.

Слѣдующая за смертью Тарквинія эпоха характеризуется у Августина словами Саллюстія, что съ этой поры патриціи стали порабощать плебеевъ, расправляться съ ними по способу царей, отнимать у нихъ земли, разорять ростовщичествомъ, отягощать податями и постоянными войнами, пока наконецъ плебеи, вооружившись, не ушли на священную гору или на Авентинъ и не добились трибуновъ и иныхъ правъ; послѣ чего начались взаимные раздоры, окончившіеся лишь во время второй пунической войны. „Для чего же,—восклицаетъ Августинъ,—терять мнѣ время на описаніе этой эпохи и утомлять читателя“! И дѣйствительно, онъ почти всю эту эпоху обходитъ молчаніемъ, лишь вскользь вопрошая: Гдѣ же были боги, когда изгнанниками и рабами былъ занятъ Капитолій? когда городъ страдалъ отъ голода и Спурій Мелій, прокормившій голодающую толпу былъ убитъ Кв. Сервиліемъ“? Гдѣ они были, когда римляне десять лѣтъ осаждали Веи, когда галлы взяли, ограбили и сожгли Римъ? когда два консульскихъ войска прошли подъ игомъ въ Кавдинскихъ ущельяхъ; когда Римъ такъ пострадалъ отъ моровой язвы, что былъ принужденъ привести изъ Эпидавра Эскулапа—въ виду того,

что Юпитеру, такъ давно возсѣдавшему на Капитоліи, грѣхи юности помѣшали научиться врачеванію? Однако во время войны съ Пирромъ опять пошелъ моръ на беременныхъ женщинъ, и Эскулапъ, вѣроятно, оправдывался тѣмъ, что онъ архіатеръ, а не повивальная бабка".

Переходя къ эпохѣ пуническихъ войнъ и напоминая, сколько за это время погибло городовъ, армій, кораблей и людей, Августинъ не хочетъ входить въ подробности, чтобы „не сдѣлаться простымъ историкомъ". Для него интереснѣе выставить на видъ, къ какимъ пустымъ и смѣшнымъ средствамъ обращалась смущенная бѣдствіями римская республика и какъ мало пользы принесли ей боги. Онъ разсказываетъ между прочимъ о большомъ пожарѣ, когда огонь охватилъ храмъ Весты, гдѣ почитался „неугасаемый огонь". Испуганныя весталки не были въ состояніи спасти тѣхъ роковыхъ боговъ, которые погубили уже три города, и лишь первосвященнику Метеллу удалось вынести ихъ изображенія, причемъ онъ самъ на половину обгорѣлъ; такимъ образомъ человѣкъ больше сдѣлалъ для богини Весты, чѣмъ она для него.

Изъ фактовъ гражданской исторіи этой эпохи Августинъ выставляетъ судьбу Сагунта и Сципіона. Трагическая участь, о которой страшно читать, а еще ужаснѣе писать, постигла сагунтинцевъ за то, что они остались вѣрны союзу съ Римомъ. Такъ пусть же не говорятъ, что боги спасли Римъ отъ Ганнибала, напугавши его грозой и молніями, когда онъ подошелъ къ стѣнамъ его. Почему же эти защитники Рима не помогли Сагунту и дали ему погибнуть изъ-за союза съ Римомъ? Что-нибудь одно: если боги гнѣваются на тѣхъ, кто сохраняетъ вѣрность союзу, то пусть ихъ считаютъ клятвопреступниками; если же при ихъ расположеніи могутъ погибать люди и цѣлые города, то почитаніе ихъ безполезно для благоденствія. Подобнымъ образомъ и печальная судьба Сципіона, принужденнаго уйти въ добровольное изгнаніе и не захотѣвшаго даже быть похороненнымъ въ „неблагодарномъ отечествѣ", ставится у Августина въ укоръ богамъ, храмы которыхъ спасъ Сципіонъ; они не отблагодарили его, хотя ихъ чтутъ только ради земного счастья.

Слѣдуя вообще Саллюстію въ его пессимистическомъ изображеніи римской исторіи, Августинъ критикуетъ его вездѣ, гдѣ имѣетъ случай представить положеніе дѣла въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ. Такъ Саллюстій восхвалялъ „добрые нравы и согласіе римлянъ" въ эпоху между второй и третьей пунической войной. Августинъ возражаетъ, что, однако, именно въ это время

проникла въ Римъ азіатская роскошь, которая была хуже всякаго врага. Онъ напоминаетъ, что послѣ тріумфа Манлія надъ галлами въ Римѣ появились бронзовыя кровати и дорогія настилки, танцовщицы, плясавшія во время обѣда, и подобная развращенность. Тогда же былъ изданъ законъ Воконія, воспрещавшій по завѣщанію назначать женщину полной наслѣдницей, хотя бы она была единственной дочерью. „Не знаю, что можно признать или придумать болѣе несправедливаго“,—восклицаетъ Августинъ. Въ виду этого онъ полагаетъ, что похвала Саллюстія имѣла только относительный смыслъ по сравненію съ другими эпохами Рима.

Какъ и для языческихъ историковъ Рима, такъ и для Августина, началомъ гражданскихъ бѣдствій были смуты, вызванныя аграрными законами Гракховъ. Августинъ одобряетъ намѣренія братьевъ: они хотѣли раздѣлить между народомъ земли, которыми владѣлъ нобилитетъ, не имѣя на нихъ права. „Но,—прибавляетъ онъ,—весьма опасно стремленіе устранить уже укоренившуюся неправду, а какъ оказалось на самомъ дѣлѣ, оно было даже гибельно для Рима. На томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ Кай Гракхъ, сенатъ постановилъ соорудить храмъ „Согласія“. Но развѣ это не насмѣшка надъ богами,—спрашиваетъ Августинъ,—ставить храмъ этой богинѣ, при которой, еслибы она на самомъ дѣлѣ была въ Римѣ, республика не была бы растерзана раздорами? Или же, виновная въ томъ, что покинула души гражданъ, Конкордія была, въ наказаніе за это, заключена въ своемъ храмѣ, какъ въ темницѣ? Болѣе соотвѣтственно положенію дѣла было бы соорудить храмъ Дискордіи. Вѣдь римляне ставили же храмы „лихорадкѣ“, на ряду съ храмомъ „здоровья“. Августинъ не даромъ выставилъ на видъ неумѣстность сооруженія храма Согласія; за этимъ послѣдовали „еще худшія времена — самыя худшія въ римской исторіи“ и цѣлый рядъ гражданскихъ войнъ. Изъ событій этой эпохи Августинъ отмѣчаетъ роковой для римлянъ приказъ Митридата убить всѣхъ находившихся въ то время въ Азіи безчисленныхъ римскихъ гражданъ. „Къ чему убитымъ послужили боги, которыхъ они вопрошали авгуріями, передъ тѣмъ какъ отправиться по дѣламъ въ Азію? Вѣдь тогда вопрошать боговъ не было воспрещено закономъ! Но это не помогало. Почему же теперь жаловаться на это воспрещеніе“?

Кратко касается Августинъ войны союзнической, когда всѣ почти италійскіе народы, которымъ римская держава особенно обязана своей силой, были сокрушены подобно дикимъ племенамъ. Подробнѣе изображаетъ Августинъ войны и проскрипціи

Марія и Суллы, когда продавались съ аукціона, подобно частнымъ вилламъ, цѣлые города, а одинъ изъ нихъ былъ, какъ обреченный на казнь преступникъ, уничтоженъ со всѣми жителями. И это было сдѣлано *послѣ* войны, по наступленіи мира. Римскій миръ состязался въ жестокости съ войной и превзошелъ ее. „Какая ярость чужеземныхъ народовъ,—спрашиваетъ Августинъ,—какое изувѣрство варваровъ можетъ быть уподоблено этимъ побѣдамъ гражданъ надъ гражданами? Что̀ было для Рима горше, ужаснѣе, пагубнѣе—вторженіе галловъ и недавній набѣгъ готовъ, или ярость Марія и Суллы и другихъ прославленныхъ мужей ихъ партіи? Галлы избили тѣхъ сенаторовъ, которыхъ нашли внѣ Капитолія; готы даже не *ограбили* столько сенаторовъ, сколько было загублено проскрипціей Суллы".

Послѣднюю эпоху республики Августинъ изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, ссылаясь на авторитетъ жившаго тогда Цицерона и на отзывъ Саллюстія, который назвалъ республику того времени „негоднѣйшей и преступнѣйшей". Что же касается до Цицерона, то Августинъ приводитъ то мѣсто изъ „Республики", гдѣ авторъ, сравнивъ современное ему римское государство съ превосходной, но поблекшей отъ давности картиной, жалуется, что его вѣкъ не заботился не только о томъ, чтобы освѣжить ея краски, но даже и о сохраненіи ея очертаній. „Мы сохранили,—заключилъ Цицеронъ,—только имя республики, на самомъ же дѣлѣ давно ее утратили". Еслибы, прибавляетъ къ этому Августинъ, въ то время, когда это сужденіе было произнесено, уже существовала христіанская вѣра, то кто изъ язычниковъ не сталъ бы ей приписывать этихъ бѣдствій?

Такъ продолжалось дѣло до цезаря Августа, который исторгъ у римлянъ, по ихъ собственному признанію, не увѣнчанную славой свободу, а буйную, пагубную и увядавшую,—все подчинилъ царской волѣ и обновилъ изнемогавшее отъ дряхлости государство.

Обзоръ римской исторіи долженъ былъ убѣдить читателей Августина въ безсиліи языческихъ боговъ—предохранить своихъ поклонниковъ отъ голода, мора, плѣна, избіенія и вообще отъ такихъ золъ (mala), которыя, по выраженію Августина, дурными (malis) людьми считаются единственнымъ зломъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ обзоръ служилъ основаніемъ и для другого обвиненія боговъ: они не охраняли языческіе народы отъ нравственнаго зла. „Гдѣ, — спрашиваетъ Августинъ, — слышали римляне какія-либо предписанія боговъ о сдержкѣ жадности, объ обузда-

нія тщеславія, о стѣсненіи разврата; гдѣ эти несчастные научились тому, чему училъ Персій"? [1])

„Можетъ быть, кто-нибудь укажетъ намъ, по этому случаю, на школы и диспуты философовъ; но все это,—возражаетъ Августинъ,—не римское, а греческое; и если даже считать это римскимъ на томъ основаніи, что Греція стала римской провинціей, то все-же это—человѣческіе помыслы, а не божественныя предписанія.

„Если же философы,—продолжаетъ Августинъ,—сдѣлали что-нибудь для установленія нравственной жизни, то насколько было бы справедливѣе оказывать *имъ* самимъ божескія почести! Насколько было бы лучше и честнѣе читать въ храмѣ Платона его сочиненія, чѣмъ въ храмахъ демоновъ увѣчить жрецовъ (Gallos), посвящать увѣченныхъ, проливать кровь изступленныхъ и совершать обряды жестокіе или позорные, или же и жестокіе, и позорные?

„Еслибы боги,—замѣчаетъ Августинъ въ другомъ мѣстѣ,—дали римлянамъ какія-либо правила жизни и нравственности, имъ не пришлось бы заимствовать законы у аѳинянъ"! При этомъ Августинъ хвалитъ римлянъ за то, что они не приняли законовъ Ликурга; хотя послѣдній и увѣрилъ лакедемонянъ, что изданные имъ законы внушены ему Аполлономъ,—римляне благоразумно этому не повѣрили.

„Но, можетъ быть,—спрашиваетъ Августинъ,—боги потому не дали римлянамъ законовъ, что, по словамъ Саллюстія, правда (jus) и добро господствовали у нихъ не въ силу законовъ, а были имъ прирождены"? Августинъ отвѣчаетъ на это перечисленіемъ цѣлаго ряда неправдъ, совершенныхъ римлянами: похищеніе сабинянокъ, изгнаніе Коллатина, неблагодарность къ Камиллу, завоевателю Вей. Ему не трудно было привести рѣзкіе отзывы о нравахъ римлянъ и изъ самого Саллюстія, который объяснялъ добрые нравы и согласіе между римлянами въ эпоху между второй и третьей пунической войной—ихъ страхомъ передъ Карѳагеномъ.

Въ особенности нуждались римляне въ божественныхъ правилахъ для жизни и нравовъ въ ту эпоху, когда, по указанію историковъ, римская республика погибала отъ пороковъ. Что же сдѣлали тогда для римлянъ боги-хранители, которые почитались ими въ стольkихъ храмахъ, съ такимъ количествомъ жрецовъ разныхъ разрядовъ и жертвоприношеній, съ такими многочислен-

[1]) См. стихи Персія: „Discite, o, miseri" и т. д.

ными празднествами и роскошными зрѣлищами? Демоны, однако, ничего для нихъ не сдѣлали, помышляя лишь о своемъ интересѣ, нисколько не заботясь объ образѣ жизни своихъ поклонниковъ, даже стараясь, чтобы они хуже жили, лишь бы подъ вліяніемъ страха оказывали имъ всякаго рода почести. „Если же боги дали римлянамъ какія-либо правила жизни и законы, то пусть мнѣ покажутъ, — восклицаетъ Августинъ, — тѣ данные богами законы, коими пренебрегли Гракхи, вызвавшіе всеобщую смуту, или Марій и Цинна, когда изъ-за самыхъ несправедливыхъ причинъ начали междоусобную войну, или же Сулла, жизнь и дѣянія котораго — въ описаніи Саллюстія и другихъ историковъ — кого не приводятъ въ ужасъ“?

Судьба Марія и Суллы вообще служитъ Августину поводомъ къ обличенію безнравственности языческихъ боговъ. „Оба они являются любимцами боговъ и доказательствомъ того, что боги потворствуютъ дурнымъ страстямъ, а не обуздываютъ ихъ. Марію, человѣку безродному, кровожадному, виновнику гражданскихъ войнъ, боги помогли сдѣлаться семь разъ консуломъ, и на седьмомъ консульствѣ дали спокойно умереть отъ старости, чтобы онъ не попалъ въ руки побѣдителя Суллы. Если же не они ему помогли, тогда станетъ очевиднымъ, что такой человѣкъ, какъ Марій, можетъ достигнуть высшаго въ глазахъ язычниковъ земного счастья, пользоваться богатствомъ, почестями и долговѣчностью, имѣя противъ себя боговъ; а достойный человѣкъ, какъ Регулъ, можетъ подвергнуться плѣну, рабству, страданіямъ и мучительной смерти при полномъ къ нему расположеніи боговъ. Что же касается до Суллы, то потворство боговъ въ его жизни всѣмъ извѣстно. Уже когда въ первый разъ онъ повелъ войско противъ Марія, ему во время жертвоприношенія, по свидѣтельству Ливія, было послано такое благопріятное знаменіе, что гаруспексъ Постумій ручался жизнью, что всѣ желанія Суллы будутъ, съ помощью боговъ, исполнены. Затѣмъ, въ Азіи, Юпитеръ два раза предупреждалъ Суллу, черезъ воиновъ, которымъ являлся, что онъ побѣдитъ Митридата и своихъ враговъ въ Италіи. Въ Тарентѣ его ожидало новое, необыкновенное знаменіе. Наконецъ, къ нему явился „глашатай Беллоны“, предсказывая побѣду и пожаръ Капитолія, — и на третій день, дѣйствительно, получилось извѣстіе, что Капитолій сгорѣлъ. Демону легко было и предвидѣть это, и быстро объ этомъ извѣстить Суллу. Но демонъ этотъ не потребовалъ отъ Суллы, чтобы онъ воздержался отъ преступленій, которыя тотъ совершилъ послѣ побѣды; ибо боги болѣе опасались исправленія Суллы, чѣмъ пораженія его;

поэтому они старались, чтобы побѣдитель гражданъ былъ побѣжденъ и заполоненъ непотребными пороками и черезъ это еще болѣе подчиненъ демонамъ".

Для доказательства того, что языческіе боги не только относились равнодушно къ порокамъ и преступленіямъ людей, но и намѣренно портили ихъ своимъ примѣромъ, Августинъ разсказываетъ слѣдующее происшествіе, которое, какъ ему передавали, случилось въ Кампаніи во время гражданскихъ войнъ. Началось съ того, что въ воздухѣ послышался сильный шумъ, затѣмъ многіе видѣли въ теченіе нѣсколькихъ дней сражающіяся двѣ арміи, а по окончаніи сраженія можно было усмотрѣть слѣды людей и коней, какъ послѣ большого сраженія. Если то было сраженіе между богами, то этимъ оправдываются междоусобныя войны людей; но каковы же въ этомъ случаѣ злоба или бѣдственное положеніе такихъ боговъ! Если же боги только притворялись, что сражаются, то какая могла у нихъ быть иная цѣль, какъ не убѣдить римлянъ своимъ примѣромъ, что междоусобная война—не преступленіе! Незадолго передъ этимъ, въ началѣ междоусобныхъ войнъ, произвелъ сильное впечатлѣніе слѣдующій случай: воинъ, снимавшій въ сраженіи доспѣхи съ убитаго врага, узналъ въ немъ родного брата и, проклиная междоусобныя войны, закололся надъ трупомъ брата. Для того, чтобы сгладить произведенное этимъ впечатлѣніе, преступные демоны, которыхъ язычники почитаютъ богами, и захотѣли освятить человѣческую неправду божественнымъ примѣромъ.

Особенно богатый матеріалъ для темы, что боги развращали людей своимъ примѣромъ, представляла, конечно, греческая миѳологія. Нужно, однако, сказать, что Августинъ пользовался этимъ арсеналомъ довольно умѣренно. Онъ приводитъ стихи Теренція о юношѣ, который, при видѣ изображенія Данаи, пришелъ въ восторгъ отъ Юпитера. Но для обличенія безнравственнаго вліянія языческаго культа Августину не нужно было заходить такъ далеко назадъ. Онъ описываетъ, по собственнымъ воспоминаніямъ, зрѣлище, которымъ онъ самъ въ юности наслаждался, —торжественное омовеніе „небесной богини" въ Карѳагенѣ: во время этой церемоніи „безпутные актеры" распѣвали такія слова, которыя, какъ онъ выражается, „не слѣдовало слушать не только матери боговъ, но и матери любого сенатора или порядочнаго человѣка; не слѣдовало слышать даже родной матери самихъ этихъ пѣвцовъ". У себя дома эти самые актеры постыдились бы произносить такія слова и представлять такія сцены, какія они разыгрывали въ присутствіи матери боговъ и огромной толпы

обоего пола. Какія же еще могутъ быть святотатства,—спрашиваетъ Августинъ, — если этотъ обрядъ надо считать священнодѣйствіемъ; какое еще можетъ быть оскверненіе, если то признавать омовеніемъ?

Это совершалось въ Карѳагенѣ; но нѣчто подобное происходило въ самомъ Римѣ, съ тѣхъ поръ, какъ во время второй пунической войны тамъ былъ введенъ культъ Кибелы, азіатской матери боговъ. Сенатъ тогда избралъ для этой цѣли „лучшаго человѣка", тогдашняго первосвященника, Сципіона Назику, который собственноручно принялъ и привезъ въ Римъ идола. Этотъ Сципіонъ, конечно, былъ бы очень доволенъ, еслибы его родной матери за какія-нибудь заслуги оказали божескія почести. Но еслибы его спросили, желаетъ ли онъ, чтобы ее чтили подобнымъ способомъ, какъ матерь боговъ, онъ, конечно, воскликнулъ бы, что предпочелъ бы смерть матери, чѣмъ вѣчную жизнь ея въ видѣ богини, принужденной слушать такія слова, отъ которыхъ она при жизни заткнула бы уши и бѣжала, чтобы не заставить краснѣть за себя родственниковъ, и мужа, и дѣтей.

Августинъ не допускаетъ возраженія, что языческіе боги, хотя въ публичномъ культѣ и допускали безнравственныя слова и церемоніи, въ тайномъ ученіи наставляли людей честной жизни. Онъ не хочетъ прислушиваться къ „шопоту", который достигаетъ слуха немногихъ посвященныхъ, не хочетъ знать о „притворномъ цѣломудріи избранныхъ", когда кругомъ и открыто происходитъ соблазнъ и совращается толпа. Въ тайной проповѣди языческой морали Августинъ видитъ обманъ и коварство со стороны демоновъ. Такъ велика сила нравственной чистоты, что природа человѣка ей охотно поддается, и не настолько эта природа порочна, чтобы утратить всякое чувство порядочности; поэтому, въ язычествѣ,—восклицаетъ Августинъ:— „decus latet et dedecus patet"—позорное выставляется наяву, а приличіе держится въ тайнѣ. Послѣднее дѣлается для того, чтобы привлечь порядочныхъ людей, которыхъ немного, а первое—ради того, чтобы негодное большинство не исправлялось. Обвиненіе языческихъ боговъ въ совращеніи людей у Августина основано въ особенности на сценическихъ представленіяхъ въ честь боговъ. Объ этомъ Августинъ говоритъ такъ, какъ будто содержаніемъ всѣхъ трагедій и комедій было изображеніе распутства боговъ. „Въ театрѣ (ludis) гнуснѣйшіе актеры воспѣвали и представляли совратителя стыдливости, Юпитера, который былъ хуже любого римлянина, не одобрявшаго его продѣлокъ".

Августинъ, правда, приводитъ слова Цицерона, „что всѣ про-

дѣлки боговъ—вымыслы Гомера, который переносилъ на боговъ людскіе нравы, а лучше было бы, еслибы онъ божественное переносилъ къ намъ". На это Августинъ возражаетъ, что еслибы это были вымыслы, Юпитеръ гнѣвался бы за нихъ; если же онъ наслаждался представленіемъ даже вымышленныхъ своихъ преступленій, то кому онъ служилъ, какъ не дьяволу? „Такъ пусть,— обращается онъ къ Цицерону,—почтенный мужъ вооружается не противъ вымысловъ поэтовъ, а противъ предковъ, которые ввели въ культъ боговъ сценическія представленія"... Что это совершилось по настоятельному требованію боговъ—для Августина не подлежитъ сомнѣнію. Для доказательства этого онъ приводитъ то, что во время моровой язвы боги приказали устроить для нихъ театральныя представленія, а также извѣстный разсказъ изъ преданія о Коріоланѣ, что боги внушили крестьянину Титу Латину, которому три раза являлись, пойти въ сенатъ и заявить, что они требуютъ *инставраціи* (возобновленія) игръ. То, что сценическія представленія не были изобрѣтены римлянами, а заимствованы у грековъ, не побуждаетъ Августина къ снисходительности. Онъ, напротивъ, къ римлянамъ строже, чѣмъ къ грекамъ, ставя имъ въ упрекъ ихъ непослѣдовательность относительно театра. Греки, допуская на сценѣ безцеремонное отношеніе къ богамъ, дозволяли то же самое и относительно людей, и не только такихъ политическихъ дѣятелей сомнительнаго достоинства, какъ Клеонъ, Клеофонтъ и т. п., но и по отношенію къ Периклу. Древніе же римляне запрещали на сценѣ всякую похвалу или хулу современника, и законъ 12-ти таблицъ въ числѣ немногихъ преступленій, за которыя полагали смертную казнь, включалъ сочиненіе стиховъ къ безчестію другого лица, а между тѣмъ тѣ же римляне допускали на сценѣ свободное издѣвательство надъ богами. Затѣмъ, греки чтили актеровъ наравнѣ съ жрецами и допускали ихъ къ высшимъ почестямъ въ государствѣ, римляне же считали занятіе актеровъ безчестнымъ и исключали ихъ изъ трибъ, т.-е. лишали гражданскихъ правъ. „Это истинно-римское постановленіе,—замѣчаетъ Августинъ,— достойное народа, жаднаго до славы; но какой же смыслъ въ томъ, что лицедѣи не допускались къ гражданскимъ почестямъ, а самое лицедѣйство происходило въ честь боговъ? Пусть этотъ споръ разсудятъ между собой греки и римляне. Греки станутъ доказывать, что если боги достойны почитанія, то почтенны и люди, участвующіе въ ихъ культѣ; римляне будутъ утверждать, что такіе люди, какъ актеры, ни въ какомъ случаѣ не достойны почета. Изъ этихъ посылокъ христіане выведутъ заключеніе:

„слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ боги не достойны почитанія“.

Въ виду строгаго осужденія театра, особеннымъ благоволеніемъ Августина пользуется первосвященникъ Сципіонъ Назика, который, при введеніи въ Римѣ сценическихъ игръ, не допустилъ постройки для нихъ постояннаго театра, и убѣждалъ сенатъ не дозволять греческой развращенности губить стойкіе нравы отцовъ, вслѣдствіе чего сенатъ запретилъ ставить скамейки въ театрѣ, которыя уже издавна тамъ допускались. „О, какъ охотно,—восклицаетъ Августинъ,—этотъ достойный мужъ отмѣнилъ бы и самыя театральныя представленія, еслибы дерзалъ противиться авторитету тѣхъ, кого считалъ богами, не понимая, что это—вредные демоны, а если и понималъ, то думалъ, что лучше ихъ умилостивлять, чѣмъ пренебрегать ими.

Августинъ находитъ, что римлянамъ скорѣе слѣдовало бы оказывать этому Сципіону божескія почести, чѣмъ самимъ богамъ, ибо онъ много ихъ лучше. Боги потребовали для прекращенія чумы, губившей тѣло, введенія сценическихъ представленій; первосвященникъ же воспротивился построенію театра, чтобы воспрепятствовать чумѣ охватить людскія души. „Но коварство нечестивыхъ духовъ, предвидя, что плотская чума скоро прекратится своимъ чередомъ, наслали на людей другую, болѣе тяжкую язву, которая такою тьмою ослѣпила души несчастныхъ римлянъ и осквернила ихъ такою скверной, что даже теперь,—это покажется невѣроятнымъ нашимъ потомкамъ,—по разграбленіи города Рима, бѣжавшіе оттуда въ Кароагенъ, ежедневно безумствуютъ въ театрѣ, споря изъ-за актеровъ“. Послѣдняя черта, выхваченная изъ жизни, придаетъ реальность и жизненность часто весьма риторическимъ филиппикамъ Августина противъ языческихъ боговъ. Жертвоприношенія имъ были давно запрещены, храмы ихъ стояли пустые, но идеи, образы и страсти языческой эпохи еще господствовали въ душѣ многихъ, называвшихъ себя христіанами.

На ряду съ обличеніемъ боговъ проходитъ черезъ весь обзоръ римской исторіи у Августина принципъ новой культуры, новаго міровоззрѣнія, выражающагося въ переоцѣнкѣ римскихъ гражданскихъ и политическихъ идеаловъ. Мы уже имѣли случай упомянуть, какъ съ этой точки зрѣнія утрачивали свое значеніе Лукреція, идеальный типъ честной римской матроны, и Катонъ, идеалъ свободолюбиваго республиканца, не пожелавшіе пережить крушеніе своего личнаго или общественнаго идеала. Болѣе высокое представленіе о грѣхѣ и равнодушіе къ полити-

ческимъ формамъ побудили Августина предпочесть имъ смиреннаго христіанина, который не дерзаетъ въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ покончить съ своею жизнью, дарованной ему Богомъ. Съ новой точки зрѣнія теряетъ свою цѣну и Цицеронъ, знаменитый „академикъ", за то, что онъ отрицалъ существованіе несомнѣнныхъ истинъ,—и высоко возрастаетъ значеніе Сципіона Назики, противника театральныхъ зрѣлищъ.

Но измѣняется не только освѣщеніе отдѣльныхъ личностей,—весь римскій народъ въ его исторической дѣятельности подвергается переоцѣнкѣ. Та національная черта, которую римляне считали высшею доблестью своего народа, которую они называли любовью къ отечеству и признавали причиной достигнутыхъ Римомъ успѣховъ,—становится поводомъ къ осужденію римлянъ. По мнѣнію Августина, столь часто восхвалявшіеся „старые добрые нравы" римлянъ не выдерживаютъ этической критики; въ самомъ основаніи римской доблести уже лежитъ порокъ, а именно—властолюбіе (libido dominandi). Помимо другихъ человѣческихъ пороковъ,—говоритъ Августинъ,—этотъ порокъ глубоко коренился во всемъ римскомъ народѣ: послѣ того какъ властолюбіе обуяло немногочисленныхъ вельможъ, оно овладѣло всѣми остальными римлянами и поработило ихъ себѣ. И какъ могло оно угомониться въ душѣ горделивыхъ людей, пока они поднимались по лѣстницѣ почестей до народной власти? Самая возможность добиваться почестей не установилась бы въ Римѣ, еслибы тамъ не господствовало честолюбіе. Честолюбіе же не могло бы такъ развиться, еслибы народъ не былъ испорченъ корыстью и распущенностью; а корыстенъ и распущенъ сталъ римскій народъ вслѣдствіе успѣха и счастья. Такимъ образомъ, римскій народъ, съ точки зрѣнія Августина, находился съ самаго начала въ безвыходномъ кругѣ: властолюбіе толкало его на путь завоеваній, а завоеванія питали властолюбіе и другіе пороки.

Августинъ, правда, въ другомъ мѣстѣ отличаетъ отъ властолюбія любовь къ славѣ, какъ бы допуская, что не всѣ римляне руководились однимъ властолюбіемъ. Любовь къ славѣ благороднѣе и можетъ служить нравственною сдержкой; ибо тотъ, кто дорожитъ людской похвалою, старается не навлекать на себя осужденія людей; тотъ же, кто безъ любви къ славѣ и уваженія къ мнѣнію людей алчетъ власти, тотъ большею частью стремится достигнуть цѣли, хотя бы и открытыми преступленіями.

Но и любовь къ славѣ ненадежна, ибо тотъ, кто слишкомъ ею увлекается, стремится весьма часто къ господству надъ людьми.

Затѣмъ, хотя тотъ, кто дорожитъ славою людскою, идетъ часто „путемъ правды", но иногда онъ только притворяется добрымъ. А такъ какъ тотъ, кто искренно ищетъ славы, не можетъ въ этомъ увѣрить людей, которые захотѣли бы заподозрить его намѣренія, то истинно доблестный человѣкъ пренебрегаетъ и славой. Но тотъ, кто пренебрегаетъ славой и въ то же время алчетъ власти, тотъ превосходитъ даже животныхъ жестокостью или распущенностью. „Таковы были римляне". Съ осужденіемъ властолюбія, коренного мотива политической дѣятельности римлянъ, въ глазахъ Августина теряетъ всякую цѣну и плодъ этой дѣятельности—римское государство. Это государство было въ двухъ отношеніяхъ предметомъ гордости римлянъ и изумленія другихъ народовъ—какъ политическое учрежденіе и какъ всемірная держава—въ видѣ республики и въ видѣ имперіи. Августинъ порицаетъ съ своей этической точки зрѣнія римское государство и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Представитель побѣжденной Греціи, Полибій, восхищался мудростью политической организаціи Рима,—тѣмъ болѣе имѣли поводъ ею дорожить римскіе патріоты, какъ Цицеронъ, въ глазахъ которыхъ республика была на самомъ дѣлѣ „res publica"—общее *дѣло* и общее благо, которому граждане желали служить. Августинъ ссылается на того же Цицерона, чтобы обличить несостоятельность политическаго идеала римскихъ патріотовъ. Онъ пользуется для этого политическими разсужденіями Цицерона, вложенными въ уста Сципіона Африканскаго и его друзей. По поводу высказаннаго однимъ изъ собесѣдниковъ мнѣнія, что государствомъ нельзя управлять безъ несправедливости (geri sine injuria non posse), Сципіонъ доказывалъ, что слово республика означаетъ *дѣло* народа (res publica—res populi), народъ же есть „общество людей, связанныхъ общимъ правомъ и общимъ интересомъ",—поэтому тамъ, гдѣ народъ несправедливъ и нарушаетъ общее право, тамъ нѣтъ народа, нѣтъ, слѣдовательно, и республики. Присоединяясь къ этимъ разсужденіямъ, Августинъ дѣлаетъ выводъ, что римская республика не только была, по отзыву ея историка, государствомъ плохимъ и преступнымъ (pessima ac flagitiosissima), но и, по мнѣнію лучшихъ политическихъ людей ея, вовсе не заслуживала названія государства (omnino nulla erat).

Въ этомъ знаменитомъ мѣстѣ Августинъ противополагаетъ идеальному принципу античнаго государства—справедливости—другой, высшій идеалъ—„истинную справедливость" (праведность), которая можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ основателемъ и правителемъ государства—самъ Христосъ. Это—то государство,

о которомъ гласитъ Священное Писаніе въ словахъ псалма: „Славное возвѣщается о тебѣ, градъ Божій“. Съ точки зрѣнія этой „высшей правды“ теряютъ свое значеніе и цѣну интересы земныхъ государствъ. Земное государство, стремящееся ко власти и къ порабощенію народовъ, само порабощено порокомъ властолюбія. И какое же преимущество представляетъ государство, далеко расширившее свои предѣлы кровопролитіемъ, передъ государствомъ мелкимъ по объему? Августинъ, напротивъ, отдаетъ предпочтеніе послѣднему, то приводя въ параллель, что человѣкъ средняго сложенія крѣпче человѣка ненормальнаго роста, то указывая на преимущество среднягo достатка передъ громаднымъ состояніемъ, влекущимъ за собой постоянныя заботы и потери. Такъ и римское государство, несмотря на свою обширность, никогда не могло быть спокойно.

Поэтому Августинъ возбуждаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли вообще „честнымъ людямъ“ радоваться обширности государства? Вѣдь ростъ его обусловливался неправдою тѣхъ народовъ, которые были побѣждены въ вызванной ими войнѣ, такъ что, еслибы сосѣди всегда соблюдали миръ и справедливость, никакое государство не могло бы рости. Августинъ отсюда выводитъ, что еслибы человѣчество находилось въ благопріятныхъ условіяхъ, то существовали бы только мелкія государства, которыя наслаждались бы миромъ съ сосѣдями, и на свѣтѣ было бы много государствъ различныхъ народностей, подобно тому, какъ въ городѣ находится много домовъ, принадлежащихъ разнымъ гражданамъ. Поэтому воевать и расширять государство на счетъ побѣжденныхъ народовъ только дурными людьми признается за счастье, хорошими же—за печальную необходимость.

Августинъ приходитъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что только тамъ, гдѣ почитается истинный Богъ и гдѣ ему служатъ истинными таинствами и добрыми нравами, — тамъ полезна обширная и продолжительная власть добрыхъ правителей, ибо она полезна не столько имъ самимъ, сколько управляемымъ.

Тамъ же, гдѣ нѣтъ *правды*, государства—не что̀ иное, какъ большіе разбойничьи станы (latrocinia), ибо и разбойничьи станы—не что̀ иное, какъ мелкія государства! Вѣдь и такой станъ представляетъ толпу людей, управляемыхъ властью атамана, связанныхъ извѣстнымъ уговоромъ, раздѣляющихъ добычу на основаніи извѣстныхъ условій. Если такая шайка настолько возрастетъ отъ примкнувшихъ къ ней забубенныхъ людей, что займетъ крѣпкое мѣсто, начнетъ брать города и покорять народы, то она принимаетъ названіе царства. Августинъ припоминаетъ „прекрас-

ный и справедливый отвѣтъ", данный Александру Великому взятымъ имъ въ плѣнъ морскимъ разбойникомъ. Когда царь его спросилъ, чтò это ему вздумалось нарушать миръ на морѣ?— тотъ возразилъ: „А ты самъ зачѣмъ нарушаешь его на всемъ земномъ кругѣ? Я это дѣлаю на маленькомъ суднѣ,—и потому меня зовутъ разбойникомъ; ты же—съ большимъ флотомъ, и потому тебя величаютъ императоромъ".

Такъ же мѣтко привелъ Августинъ изъ самой римской исторіи фактъ, обличавшій, что побѣдоносная республика не далеко ушла отъ разбойничьяго стана. Онъ напомнилъ, какъ горсть бѣглыхъ гладіаторовъ выросла въ огромное войско и жестоко опустошила на большомъ пространствѣ Италію. Съ немалымъ трудомъ справилась съ ними грозная для многихъ народовъ римская держава, которую они едва не одолѣли.

Въ подтвержденіе своей обидной для римской республики аналогіи, Августинъ приводитъ и первое на землѣ по времени великое царство—ассирійское. Ссылаясь на всеобщую исторію Юстина, Августинъ разсказываетъ, что въ глубокой древности господствовалъ миръ и каждое государство держалось своихъ предѣловъ.

Первый изъ царей нарушилъ этотъ исконный и прадѣдовскій обычай Нинъ Ассирійскій, замѣнивъ его новой страстью къ завоеваніямъ. Но нападать войной на сосѣдей и изъ одного властолюбія сокрушать и покорять мирные народы—какъ иначе это назвать, какъ не великимъ разбоемъ! Однако, какъ бы то ни было, языческій Римъ сталъ великимъ государствомъ, превзошедшимъ всѣ прежнія своей обширностью. Такой фактъ требовалъ объясненія. Пытаясь его объяснить, Августинъ положилъ начало философіи исторіи. Въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, можетъ быть рѣчь о философіи исторіи и у римлянъ. Историки и государственные люди языческаго Рима сами пытались объяснить его успѣхъ и извлекать изъ его исторіи руководящіе принципы для настоящаго. Отвергая идеалы языческихъ римлянъ, опровергая ихъ міровоззрѣніе, Августинъ долженъ былъ отвергнуть и мораль, которую они выводили изъ своей исторіи.

Философію исторіи римлянъ можно свести къ двумъ положеніямъ, другъ друга восполняющимъ. Римъ сталъ великъ благодаря богамъ, и Римъ процвѣлъ благодаря доблестнымъ нравамъ своихъ гражданъ. Оба положенія проходятъ черезъ всю исторію Рима у Тита Ливія. Побѣды римлянъ объясняются помощью боговъ, ихъ пораженія — пренебреженіемъ, оказаннымъ богамъ. Такъ, пораженіе галлами при Алліи Ливій объяснялъ тѣмъ, что

консулы передъ сраженіемъ не испросили посредствомъ ауспицій указаній боговъ; тотъ же упрекъ дѣлаетъ у Ливія римлянамъ Фабій по поводу пораженія Ганнибаломъ при Тразименскомъ озерѣ.

Ничто, конечно, не могло быть противнѣе Августину, чѣмъ такая философія исторіи. Изъ его возраженій противъ нея ясно выступаетъ мысль, что многобожіе несовмѣстимо съ представленіемъ о божественномъ промыслѣ въ исторіи. Августинъ сопоставляетъ съ римскимъ государствомъ ассирійское; если приписывать обширность и долговѣчность перваго богамъ, то и славу ассирійскаго государства слѣдуетъ также объяснять помощью боговъ. Но какихъ же боговъ?—спрашиваетъ Августинъ:—конечно, не боговъ тѣхъ народовъ, которые были побѣждены Ниномъ! Если же у ассирійцевъ были *свои* боги, особенно искусные въ устроеніи и охраненіи государства, то развѣ они умерли, или, не получивъ должной мзды и польстившись на болѣе щедрую мзду, перешли къ мидійцамъ, а оттуда къ персамъ по приглашенію Кира? Если это такъ, то боги, покидающіе своихъ почитателей и переходящіе къ другимъ, недобросовѣстны или настолько безсильны, что могутъ быть побѣждены человѣческимъ разумомъ и силами; или же боги воюютъ между собою и побѣждаютъ другъ друга?—въ такомъ случаѣ ни одно государство не должно почитать своихъ боговъ больше, чѣмъ чужихъ.

Итакъ,—заключаетъ Августинъ,—ассирійское царство расширялось и процвѣтало безъ всякой помощи боговъ. Если же въ Римѣ дѣло обстояло иначе, то Августинъ проситъ указать ему, какой именно, или какіе боги изъ всей толпы почитаемыхъ римлянами боговъ, занимались расширеніемъ и охраненіемъ ихъ государства? Клоацина ли, богиня подземныхъ трубъ, или Волупія, богиня удовольствія, или Ватиканъ (Вагитанъ), богъ дѣтскихъ криковъ, или Кунина, охраняющая колыбель дѣтей? И Августинъ долго еще черпаетъ изъ ученаго Варрона имена, измышленныя римскими жрецами для обозначенія отдѣльныхъ божествъ, охранявшихъ каждый шагъ въ жизни человѣка, каждый моментъ въ эволюціи произрастанія, каждое дѣйствіе земледѣльца.

„Если,—говоритъ въ заключеніе Августинъ, — каждому изъ этихъ божествъ отведена такая узкая область дѣйствія, если, напр., Сегеціи была предоставлена забота лишь о злакахъ, но не о деревьяхъ, то ни одному изъ нихъ нельзя приписать какой-либо заботы о цѣломъ“.

Но, можетъ быть, эта забота о цѣломъ есть дѣло Юпитера, котораго римляне-язычники считаютъ царемъ боговъ и богинь, и

котораго благороднѣйшій изъ ихъ поэтовъ прославляетъ словами [1]): „Весь міръ имъ полонъ". Августинъ доказываетъ, насколько этому представленію противорѣчитъ общепринятая мифологія. Если Юпитеръ наполняетъ собою міръ, то почему ему придали Юнону—не то сестру, не то супругу его? Почему море предоставили Нептуну, а подземное царство Плутону? Въ длинномъ разсужденіи Августинъ разбираетъ сбивчивыя родственныя отношенія и значенія отдѣльныхъ божествъ. Богиня земли—Церера, она же и Веста; но иные не стыдятся отождествлять Весту съ Венерой; если это такъ, то почему жрицы Весты должны воздерживаться отъ культа Венеры и сохранять дѣвственность? или же существуютъ двѣ Венеры, одна дѣвственница, другая—женщина? Но всѣ эти суевѣрія,—заключаетъ Августинъ,—упразднилъ и уничтожилъ тотъ, кто былъ рожденъ дѣвственницей!

Защитники языческой старины имѣли еще одно убѣжище,—они могли найти его въ толкованіи своихъ „ученыхъ", что всѣ эти боги представляютъ собою все одного и того же Юпитера. Августинъ доводитъ и этотъ аргументъ до абсурда перечисленіемъ цѣлой серіи мелкихъ римскихъ божествъ. Юпитеръ ли,—спрашиваетъ онъ,—въ лицѣ богини Румины, влагаетъ сосцы въ уста младенца? Юпитеръ ли, въ лицѣ божественной Нумеріи, научаетъ ребятъ считать?" и т. д. Затѣмъ, оставляя сарказмъ, онъ восклицаетъ: „Если кому не стыдно отождествлять всѣхъ этихъ боговъ и богинь съ Юпитеромъ, или думать, что они не что иное, какъ отдѣльныя его проявленія (virtutes), а онъ самъ—душа міра (какъ думаютъ многіе великіе ученые), то не лучше ли такому человѣку поклоняться единому Богу въ болѣе разумномъ представленіи"?

Прежде, однако, чѣмъ примѣнить это представленіе о единомъ Богѣ къ объясненію римской исторіи, Августинъ вооружается противъ другихъ кумировъ римлянъ. Сами язычники признавали на ряду съ богами, или выше ихъ, существованіе иныхъ маловѣдомыхъ или темныхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ судьба людей и государства. Такова „моира" или судьба у грековъ; и римляне почитали судьбу подъ разными наименованіями. Къ числу относящихся сюда понятій можно отнести и *Викторію*, судьба которой именно въ дни Августина играла такую выдающуюся роль. Ея изображеніе стояло въ римскомъ сенатѣ, и когда императоръ Граціанъ приказалъ вынести его, языческая партія въ сенатѣ усмотрѣла въ этомъ не только оскорбленіе сената, но и

---

[1]) Virg. Ecl. 3, 60. Jovis omnia plena.

ударъ величію Рима. Около этого своего палладіума язычество собрало послѣднія свои силы и вступило въ состязаніе съ правительствомъ, склонившимся окончательно на сторону христіанства. Это состязаніе составляетъ самый видный эпизодъ въ исторіи паденія язычества и потому хорошо извѣстенъ. Онъ былъ извѣстенъ, конечно, и Августину, не только какъ современнику, но какъ очевидцу во время его пребыванія въ Миланѣ, куда неоднократно ѣздилъ главный ходатай за святыню сената, знаменитый ораторъ и государственный дѣятель Симмахъ, напрасно старавшійся въ этомъ вопросѣ парализовать вліяніе на правительство миланскаго архіепископа Амвросія, крестившаго Августина.

Но, къ сожалѣнію, Августинъ ничего не прибавляетъ къ тому, что̀ мы уже знаемъ объ этомъ состязаніи язычества съ христіанствомъ; онъ даже не упоминаетъ о его развязкѣ въ 394 г., когда прославляемый Августиномъ Ѳеодосій приказалъ вынести изъ сената возстановленную при узурпаторѣ Евгеніѣ статую Викторіи, а вступившагося за нее Симмаха немедленно отправилъ на простой телѣгѣ въ ссылку, въ Миланъ. Но нужно думать, что именно борьба за Викторію въ сенатѣ побудила Августина вспомнить и о ней при опроверженіи языческаго объясненія исторіи. Зачѣмъ,—спрашиваетъ онъ,—нуженъ въ этомъ дѣлѣ Юпитеръ, если Викторія богиня и если она благосклонна къ тѣмъ и переходитъ на сторону тѣхъ, которыхъ желаетъ сдѣлать побѣдителями? Покровительствуемые ею народы были бы непобѣдимы, даже еслибы и не было Юпитера или еслибы онъ чѣмъ-нибудь былъ отвлеченъ.

Подробнѣе останавливается Августинъ на вопросѣ, не обязаны ли римляне своимъ могуществомъ *счастію*, которое можетъ быть источникомъ всякаго блага въ жизни, не исключая и самой доблести. Но если это такъ, то зачѣмъ было римлянамъ почитать такое множество боговъ, когда одна богиня счастья могла заразъ не только даровать имъ всякое благополучіе, но отвратить отъ нихъ всякое зло? Какъ же случилось, что не ей одной римляне покланялись и даже самый храмъ этой великой богини былъ построенъ лишь Лукулломъ? Почему этого не сдѣлалъ Ромулъ, почему не Нума? а царь Туллъ Гостилій, конечно, не ввелъ бы культа новыхъ боговъ—*Страха и Труса*; еслибы онъ зналъ о богинѣ *Счастья*: въ ея присутствіи не нужно было бы умилостивлять Страха и Труса, они бы и сами исчезли.

— И что̀ значитъ,—спрашиваетъ далѣе Августинъ,—что наряду съ богиней счастья, Felicitas, чтутъ и богиню Фортуну? Какая

между ними разница? Говорятъ, что Фортуна можетъ быть и добрая и недобрая; счастье же, еслибы было недоброе, вовсе не было бы счастьемъ. Мы, конечно, должны всѣхъ боговъ, несмотря на различіе пола (если существуетъ между ними такое различіе) считать милостивыми. Такъ училъ Платонъ и другіе философы; такъ утверждаютъ лучшіе правители народовъ. Какимъ же образомъ тогда утверждать, что богиня Фортуна можетъ быть немилостива и превратиться въ злого демона? Если же богиня Фортуна всегда милостива, то она и есть богиня счастья: почему же тогда у нихъ разныя имена? Съ этимъ еще можно примириться, но почему у нихъ разные храмы, разные алтари, разныя жертвоприношенія? Разницу объясняютъ тѣмъ, что счастье дается людямъ за предшествующія заслуги; Фортуна же *случайно* нисходитъ на людей и хорошихъ, и дурныхъ, почему и зовется Фортуной. Но какъ же тогда почитать ее благой богиней, если она безъ разбора награждаетъ и добрыхъ, и злыхъ? И за что же ей покланяться, если она такъ слѣпа, что большею частью обходитъ своихъ поклонниковъ и приноситъ свои дары тѣмъ, кто ею пренебрегаетъ? если же она замѣчаетъ своихъ почитателей и приноситъ имъ пользу, то она приходитъ не случайно, т.-е. она не Фортуна. Если же она не Фортуна, то нѣтъ и пользы отъ почитанія ея.

Осмѣивая поклонниковъ Фортуны, Августинъ болѣе серьезнымъ тономъ опровергаетъ и представителей лженауки, астрологовъ, или—какъ ихъ называли въ вѣкъ Августина—*математиковъ*, объяснявшихъ различную судьбу людей и народовъ положеніемъ звѣздъ въ моментъ зарожденія человѣка. Августинъ настаиваетъ на томъ, что фатализмъ вѣрующихъ въ астрологію несовмѣстимъ не только съ христіанствомъ, но и съ поклоненіемъ языческимъ богамъ, ибо онъ сводится къ тому, что нѣтъ основанія почитать какое-либо божество или обращаться къ нему съ молитвой. Главнымъ аргументомъ въ полемикѣ съ астрологами, Августинъ выставляетъ различіе въ судьбѣ близнецовъ. Въ обличеніе правдивости гороскопа Августинъ приводитъ и изъ собственныхъ воспоминаній случаи, доказывавшіе безразличіе часа рожденія или зачатія для судьбы человѣка. Что же касается до случаевъ *сходства* въ судьбѣ близнецовъ, то Августинъ становится на сторону Гиппократа, объяснявшаго, по свидѣтельству Цицерона, подобные случаи сходствомъ физическаго сложенія.

Перенося затѣмъ вопросъ на историческую почву, Августинъ сводитъ всѣ эти разсужденія къ слѣдующему итогу. Причиною величія римскаго государства является не счастіе, не случайность

и не фатумъ: ошибаются и тѣ, кто считаетъ случайнымъ все, что̀ не имѣетъ никакихъ причинъ, или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ такихъ, которыя вытекаютъ изъ разумнаго порядка вещей; ошибаются и тѣ, которые видятъ фатумъ въ томъ, что̀ совершается въ силу какой-то необходимости, помимо воли Бога и людей. И наконецъ отсюда Августинъ дѣлаетъ знаменательный выводъ: „Нѣтъ, государства человѣческія созидаются по волѣ божественнаго провидѣнія". Мы такъ привыкли къ этому афоризму, что намъ не легко теперь оцѣнить по достоинству его всемірно-историческое значеніе. Въ этой формулѣ Августина заключается новое тогда міровоззрѣніе; она представляетъ собою ту Архимедову точку, съ которой въ дѣйствительности былъ сдвинутъ съ своего мѣста древній языческій міръ; тезисъ Августина былъ новостью не только для язычниковъ, не только для евреевъ, признававшихъ волю Божію лишь въ судьбахъ своего царства, но и для христіанъ, видѣвшихъ въ языческомъ мірѣ лишь владычество демоновъ. Формула Августина соединяла въ одно разумное и благое цѣлое судьбу всего міра, всего человѣчества— она поэтому была исходной точкой новой, точнѣе сказать, *первой* философіи исторіи.

Августинъ проводитъ идею божественнаго промысла въ исторіи, какъ восторженный проповѣдникъ открытаго имъ общаго мірового порядка, охватывающаго и судьбу людей; такъ, онъ поднимается, во II гл. V кн., на высоту ветхозавѣтнаго псалмопѣвца, прославляя единаго Бога, какъ создателя всего міра и творца души и тѣла—„дающаго бытіе и праведнымъ, и злымъ людямъ, какъ и камнямъ; дарующаго имъ жизнь, какъ и растеніямъ,— ощущеніе, какъ и животнымъ, разумность, какъ и ангеламъ"... „Если Богъ установилъ соотвѣтствіе частей и гармонію ихъ не только на небѣ и на землѣ, не только въ ангелѣ и человѣкѣ, но и во внутренностяхъ мельчайшаго и презрѣннѣйшаго животнаго, въ перышкѣ птицы, въ цвѣтеніи злаковъ и въ листьяхъ дерева, то какъ допустить, чтобы государства людей, ихъ ростъ и паденіе совершались независимо отъ законовъ его разума"?

Такъ, Августинъ охватываетъ въ сжатомъ обзорѣ судьбу человѣчества отъ древнѣйшихъ монархій до перваго христіанскаго императора и указываетъ на протяженіи временъ промыслъ „единаго истиннаго Бога, который не оставляетъ рода человѣческаго ни безъ суда своего, ни безъ помощи. „Онъ далъ власть римлянамъ, когда на то была его воля и насколько была его воля; онъ далъ эту власть ассиріянамъ, далъ и персамъ, чтившимъ только двухъ боговъ, одного—благого, другого—злого, не

говоря о народѣ еврейскомъ, чтившемъ лишь единаго Бога. Онъ посылалъ персамъ обильныя жатвы безъ помощи богини жатвы, и другія земныя блага безъ многочисленныхъ боговъ, которымъ эти блага приписывались. Такъ было и съ людьми. Онъ далъ власть Марію, Онъ же—и Гаю Цезарю; Онъ далъ ее Августу и потомъ Нерону; Онъ далъ ее Веспасіану, отцу и сыну, добрѣйшимъ императорамъ, Онъ же далъ ее и жесточайшему Домиціану; и чтобы не перечислять всѣхъ—Онъ далъ власть христіанину Константину и отступнику Юліану, прекрасную натуру котораго испортило гордыней святотатственное любомудріе. Всѣмъ распоряжается и управляетъ единый и истинный Богъ, по своей волѣ, и если при этомъ руководится невѣдомыми побужденіями, то развѣ они могутъ быть несправедливы"?

Эту вѣру въ Провидѣніе Августинъ противополагаетъ убѣжденіямъ язычниковъ, искавшихъ разгадки въ судьбахъ народовъ и людей то въ случаѣ, то въ счастьѣ: „Нѣтъ, — восклицаетъ Августинъ,—счастье не божество, а само—даръ Божій; Богъ—виновникъ счастья, ибо Онъ—единый и истинный Господь; Онъ даетъ земныя царства и добрымъ, и злымъ, не зря и какъ бы случайно, а на основаніи порядка вещей и временъ, для насъ скрытаго, а Ему вѣдомаго; но Самъ Онъ этому порядку не подчиненъ, и управляетъ имъ, какъ его творецъ и располагаетъ имъ, какъ его устроитель".

Язычество было, однако, еще такъ близко и реально для Августина, что отразилось и на его провиденціальной философіи исторіи. Христіанство было несовмѣстимо съ поклоненіемъ языческимъ богамъ и даже исключало признаніе ихъ реальности; но проникшая и въ христіанскія книги вѣра въ демоновъ придавала реальность языческимъ представленіямъ, и Августинъ сводитъ многобожіе на поклоненіе демонамъ, и въ самыхъ представленіяхъ о богахъ видитъ зачастую обманъ демоновъ. Такимъ образомъ, хотя онъ и старался доказать безсиліе языческихъ боговъ и отрицалъ ихъ вліяніе на римскую исторію,—онъ, однако, допускаетъ такое вліяніе со стороны демоновъ. Мы уже упоминали о томъ, что онъ приписываетъ демонамъ развращающее вліяніе театра на нравы грековъ и римлянъ; мы упомянули о приводимомъ имъ сраженіи демоновъ ради соблазна людей; точно также онъ приписываетъ демонамъ знаменія, игравшія такую роль въ римской исторіи. Онъ приводитъ въ примѣръ необыкновенно благопріятныя знаменія, полученныя Суллой передъ тѣмъ, какъ онъ рѣшился взять Римъ силою. Уже въ этомъ заключается косвенное признаніе, что демоны могутъ непосредственно

вліять на судьбу народовъ и на исторію, но въ одномъ мѣстѣ Августинъ прямо это признаетъ. Упомянувъ, что жители Минтурнъ сжалились надъ бѣжавшимъ передъ Суллою Маріемъ и умолили свою богиню Марику въ его пользу, Августинъ объясняетъ, что онъ приписываетъ кровавый успѣхъ Марія не „какой-то Марикѣ", а тайному промыслу Божію, пожелавшему раскрыть, что „если въ такихъ дѣлахъ демоны и могутъ что-нибудь сдѣлать, то лишь столько, сколько имъ попускается волею Божіей". Итакъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Августинъ признаетъ за демонами возможность вмѣшательства въ историческія событія, онъ тутъ же ставитъ это вмѣшательство въ зависимость отъ Провидѣнія. Къ этому онъ прибавляетъ наставленіе, что этихъ нечистыхъ духовъ не слѣдуетъ ни ублажать, ни бояться, ибо, подобно злодѣямъ, и они не все, что̀ хотятъ, могутъ сдѣлать, а лишь сообразно съ распорядкомъ истиннаго Бога.

Какой же это распорядокъ? Это распорядокъ моральный, заключающій въ себѣ торжество добра надъ зломъ, и потому основанный на справедливости. Съ этой точки зрѣнія становится понятною и роль демоновъ въ исторіи. Они принадлежатъ къ падшимъ ангеламъ, отпаденіе которыхъ отъ Творца произвело зло въ мірѣ; но власть зла ограничена и цѣль міровой эволюціи—окончательное торжество добра надъ зломъ.

Эта моральная подкладка исторіи служитъ Августину ключомъ и къ исторіи Рима: успѣхъ и владычество римлянъ—награда, ниспосланная имъ Богомъ за ихъ нравственныя доблести.

Если раньше сѣтованія римскихъ моралистовъ и историковъ на развращеніе римскихъ нравовъ служили Августину средствомъ обличать безсиліе и нравственную негодность языческихъ боговъ, то теперь онъ пользуется прославленіемъ римскими моралистами древнихъ римскихъ доблестей, чтобы указать промыслъ Божій въ римской исторіи. Въ нравахъ римлянъ Августинъ усматриваетъ причину, почему истинный Господь соблаговолилъ помочь римлянамъ умножить ихъ царство. Приводя слова Саллюстія, что „древніе и первые" римляне „были жадны до похвалы, не скупы на деньги, славы желали безмѣрной, богатства же только *честнаго*"—Августинъ хвалитъ римлянъ за то, „что эту честность они пламенно любили, ради нея хотѣли жить, изъ-за нея готовы были умереть; всѣ прочія страсти они подавляли ради этой главной страсти, и такъ какъ повиноваться они считали позорнымъ, а властвовать и господствовать—достославнымъ, то они желали имѣть отечество свободное, а потомъ и властное".

Вслѣдствіе этого они пренебрегали своимъ частнымъ инте-

ресомъ ради общественнаго, т.-е. ради республики, не поддавались жадности, искренно радѣли объ отечествѣ, не увлекаясь страстями и не вредя ему тѣмъ, что̀ по ихъ законамъ было преступленіемъ.

Этимъ способомъ они шли праведнымъ путемъ, достигая почестей, власти, славы и пользуясь почетомъ народовъ; законамъ своей державы они подчинили много народовъ, и нынѣ они прославляются литературой и исторіей почти у всѣхъ народовъ. И потому они, по словамъ Августина, не имѣютъ права жаловаться на несправедливость высшаго и истиннаго Бога: ибо, какъ сказано въ Евангеліи (Матѳ. 6, 2), *они уже получаютъ награду свою*. Основываясь на этомъ текстѣ, Августинъ заключаетъ, что если Господь не имѣетъ въ виду даровать кому-либо вѣчную жизнь со своими ангелами въ небесномъ царствѣ, куда ведетъ только истинное благочестіе, обусловленное вѣрою въ единаго Бога, то Онъ даруетъ имъ земную славу и власть, ибо иначе они не пріяли бы мзды своей.

Приводя въ тѣсную связь могущество Рима съ доблестными нравами римлянъ, Августинъ подходилъ чрезвычайно близко къ точкѣ зрѣнія ихъ историковъ и моралистовъ. Еще тотъ, кого по справедливости можно признать отцомъ римской исторіографіи, поэтъ Энній, сказалъ, что Римъ „проченъ древними нравами и мужами“, въ знаменитомъ стихѣ: „Moribus antiquis res stat Romana virisque“,—который, по замѣчанію Цицерона, „какъ краткостью, такъ и вѣрностью походитъ на изреченіе оракула“.

Этой точки зрѣнія держались и продолжатели Эннія, жившіе въ менѣе доблестныя времена; мы находимъ ее у Цицерона, Саллюстія, Ливія и др., съ примѣшаннымъ къ нимъ сожалѣніемъ о лучшихъ временахъ. Августинъ, какъ мы видѣли, соглашается съ ними, но даетъ ихъ философіи исторіи христіанскую окраску. Если величіе Рима обусловливалось доблестными нравами римлянъ, то оно не было плодомъ ихъ, а наградою Бога.

Признавая такимъ образомъ земное величіе римлянъ справедливой и божественной наградой, Августинъ склоненъ оправдывать ихъ завоеванія и власть надъ другими народами: „не все ли равно для смертныхъ,—заявляетъ онъ,—жизнь которыхъ считается днями, подъ чьею властью жить, лишь бы властители не принуждали ихъ поступать нечестиво и несправедливо? И развѣ римляне принесли какой-либо вредъ покореннымъ народамъ, которыхъ они подчинили своимъ законамъ, кромѣ того, что это

подчиненіе совершилось путемъ безконечныхъ войнъ? Если бы оно состоялось по соглашенію, то было бы гораздо лучше; правда, въ этомъ случаѣ побѣдители не пріобрѣли бы славы! Было бы еще лучше,—замѣчаетъ Августинъ, — если бы то, что̀ было потомъ сдѣлано такъ гуманно, совершилось раньше, т.-е. дарованіе всѣмъ принадлежащимъ къ римской державѣ народамъ права римскаго гражданства,—и то, что̀ было удѣломъ немногихъ, стало бы достояніемъ всѣхъ; и еслибы содержаніе того плебса, который, не имѣя земли, жилъ на счетъ государства,—было обезпечено налогами съ побѣжденныхъ, добровольно платимыми подъ хорошимъ управленіемъ, а не подъ гнётомъ вымогательствъ"! Итакъ, Августинъ ничего не имѣлъ бы противъ римской всемірной державы, если бы она установилась „безъ Марса и Беллоны" и безъ помощи Викторіи; еслибы некого было побѣждать, потому что никто бы не сражался.

Но онъ тотчасъ же возвращается къ мысли о суетности римскаго величія. Къ чему же и повели римскія побѣды? Какое онѣ имѣли значеніе для установленія или сохраненія добрыхъ нравовъ? Даже почести и отличія среди людей, ими обусловленныя, не удержались. „Развѣ римляне, — спрашиваетъ Августинъ,—съ такою страстью дѣлавшіе завоеванія, не платятъ теперь сами податей съ своихъ земель? Развѣ они пользуются привилегіей просвѣщенія? Развѣ нѣтъ теперь въ другихъ областяхъ сенаторовъ, которыхъ римляне и въ лицо не знаютъ? Если оставить въ сторонѣ чванство, то что̀ же такое всѣ люди, какъ не просто люди?—Даже если бы наиболѣе почетные были и на самомъ дѣлѣ лучшіе люди,—чего не допускаетъ испорченность вѣка, — то и въ этомъ случаѣ не слѣдовало бы высоко ставить такой почетъ, ибо это дымъ, который ничего не вѣситъ.

Доблести древнихъ римлянъ получаютъ, однако, въ философіи Августина еще другое, болѣе высокое значеніе. Онѣ не только показатель божественной справедливости, наградившей за нихъ римлянъ, но придаютъ римской исторіи провиденціальное значеніе. Эта исторія становится благодѣяніемъ для человѣчества. „Воспользуемся,—восклицаетъ Августинъ,—благодѣяніемъ Господа нашего"... Благодѣяніе заключается въ назиданіи, которое должны извлечь изъ римской исторіи христіане. Съ одной стороны, подвиги языческихъ римлянъ должны служить образцами христіанамъ: „Примемъ во вниманіе, чѣмъ они пренебрегли, что̀ переносили, какія въ себѣ страсти подавляли ради людской славы",— а съ другой стороны подвиги римлянъ изъ-за земной славы и земного государства должны содѣйствовать скромности тѣхъ хри-

стіанъ, которые вздумали бы гордиться какими-либо заслугами передъ „вѣчнымъ отечествомъ". И вотъ Августинъ перебираетъ всю римскую исторію, сопоставляя патріотическіе подвиги римлянъ съ жертвами, которыя приносили христіане ради небеснаго отечества. Чтò же великаго, спрашиваетъ онъ, въ томъ, что, христіане презирали ради небеснаго и вѣчнаго отечества всѣ искушенія нынѣшняго вѣка, если Брутъ былъ въ состояніи казнить своихъ сыновей ради пользы земного и временнаго отечества, къ чему его никто не понуждалъ? И Торкватъ, казнившій сына побѣдителя за нарушеніе военной дисциплины, и Камиллъ, спасшій отечество, его изгнавшее, и Муцій Сцевола, и Курцій, бросившійся въ пропасть, и Децій, отецъ и сынъ, и Маркъ Пулвилъ, не прервавшій религіознаго обряда при оповѣщеніи о смерти сына, и Регулъ, и Валерій, и Цинциннатъ—всѣ они служатъ Августину образцами для наставленія христіанъ въ добродѣтели! Примѣръ же Фабриція, не захотѣвшаго промѣнять своей бѣдности на четвертую часть эпирскаго царства, даетъ Августину поводъ къ слѣдующему поученію христіанъ: „если они отдаютъ свое богатство, согласно съ указаніемъ въ Дѣяніяхъ апостоловъ, въ общую казну, для распредѣленія между всѣми нуждающимися, и никто не оставляетъ себѣ ничего въ собственность,—то они не должны этимъ похваляться, ибо это дѣлается для того, чтобы войти въ общеніе съ ангелами". Это нравственное назиданіе, которое христіане могутъ извлечь изъ подобныхъ образцовъ, оставленныхъ имъ римской исторіей, является у Августина новымъ оправданіемъ всемірности римской державы. Она получаетъ, какъ потомъ у Боссюэта,—провиденціальный смыслъ, ибо ея универсальность способствуетъ торжеству христіанства. „Развѣ такіе факты,—спрашиваетъ онъ,—стали бы такъ извѣстны, развѣ они имѣли бы такой авторитетъ, еслибы римская имперія не раскинулась такъ широко и не разрослась отъ цѣлаго ряда такихъ блестящихъ успѣховъ"? „Примѣру этихъ Сцеволъ, Курціевъ и Деціевъ и слѣдовали христіанскіе мученики, превосходя ихъ, однако, какъ численностью—ибо имъ не было числа,—такъ и настоящей доблестью и истиннымъ благочестіемъ, ибо они не сами причиняли себѣ муки, „но переносили тѣ, которыя имъ причиняли другіе". Превосходили они языческихъ римлянъ также побужденіями и цѣлью своего подвижничества: ибо тѣ были гражданами земного царства, и цѣлью всѣхъ ихъ трудовъ было обезпеченіе этой державы не на небѣ, а на землѣ, не въ вѣчной жизни, а въ смерти смертныхъ и въ смѣнѣ исчезающихъ поколѣній, и чтò же иное они любили, какъ не славу, благодаря

которой они разсчитывали и на мнимую жизнь послѣ смерти въ устахъ восхвалявшихъ ихъ?

Довольствуясь этой общей оцѣнкой провиденціальнаго смысла римской исторіи, Августинъ не пытается указывать подробно на проявленія Провидѣнія въ римской исторіи. Онъ оговаривается, что для него было бы непосильно обсуждать то, что̀ остается темнымъ, и точно расцѣнивать заслуги разныхъ государствъ, считая, однако, возможнымъ и указать кое-что въ этомъ отношеніи, что̀ по волѣ Божіей стало понятнымъ.

Онъ замѣчаетъ, напр., что продолжительность войнъ зависитъ отъ усмотрѣнія Господа, которому угодно въ Его справедливости или милости покарать родъ человѣческій или утѣшить его медленнымъ или быстрымъ окончаніемъ войнъ. Такъ, война противъ пиратовъ была окончена Помпеемъ, а третья пуническая война —Сципіономъ въ необыкновенно короткій срокъ, тогда какъ вторая пуническая война продолжалась 18 лѣтъ; первая же—23 года, а война съ Митридатомъ—40 лѣтъ. И чтобы не подумали, будто римляне въ древнія времена были сильнѣе и способнѣе быстро оканчивать войны, Августинъ указываетъ на самнитскія войны, продолжавшіяся почти 50 лѣтъ. „Обо всемъ этомъ я для того упоминаю,—поясняетъ онъ,—чтобы люди, несвѣдущіе въ минувшихъ временахъ, или скрывающіе свое знаніе, не нападали на христіанскую религію, если во времена христіанскія война затягивается, и не кричали, что если бы не было запрещено почитаніе демоновъ, древняя римская доблесть съ помощью Марса и Беллоны скоро бы справилась съ готами“...

Подробнѣе Августинъ касается событій своего времени. Особенно ясное проявленіе промысла Божія видитъ Августинъ въ судьбѣ язычника Радагайса, „царя готовъ“, который по разсказу Августина понесъ подъ стѣнами Рима такое пораженіе, что болѣе 100.000 его войска было побито, и самъ онъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, причемъ со стороны римлянъ не было ни одного убитаго и даже ни одного раненаго. Когда этотъ вождь варваровъ приближался къ Риму, язычники, какъ говорили Августину въ Карѳагенѣ, распространяли слухъ и хвастались, что онъ не можетъ быть побѣжденъ, такъ какъ ежедневно приноситъ жертвы языческимъ богамъ. Сопоставляя неудачу Радагайса со взятіемъ Рима Аларихомъ, Августинъ поясняетъ эти событія тѣмъ, что Господь, захотѣвъ достойно покарать римлянъ за ихъ дурные нравы, сначала наслалъ на нихъ язычника Радагайса, но допустилъ его пораженіе для смущенія язычниковъ, а затѣмъ далъ побѣду тѣмъ варварамъ, которые, щадя людей, искавшихъ убѣжища въ хри-

стіанскихъ святыняхъ, казалось, болѣе воевали съ демонами, чѣмъ съ людьми. Подобнымъ же образомъ Августинъ видитъ проявленіе промысла Божьяго въ судьбѣ императора Константина, не приносившаго жертвъ богамъ, а чтившаго истиннаго Бога. Господь вознаградилъ его такими земными благодѣяніями, какихъ никто не дерзалъ и желать. Ему удалось построить новый Римъ безъ единаго языческаго храма и идола: онъ долго царствовалъ единодержцемъ во всей римской имперіи; былъ чрезвычайно счастливъ въ управленіи и въ подавленіи соперниковъ и умеръ въ старости, оставивъ царство сыновьямъ. Но, чтобы счастье Константина никого изъ императоровъ не побудило сдѣлаться христіаниномъ — всякій долженъ быть христіаниномъ ради вѣчной жизни—Господь, по объясненію Августина, далъ Іовіану болѣе краткій срокъ царствованія, чѣмъ даже Юліану, и допустилъ убійство Граціана.

Всего дольше останавливается Августинъ на благочестіи Θеодосія; его изображеніе — это уже образчикъ панегирика съ церковной точки зрѣнія. Августинъ ставитъ ему въ заслугу то, что послѣ побѣды надъ Максимомъ, убійцей Граціана, Θеодосій не увлекся властолюбіемъ, а возстановилъ на престолѣ малолѣтняго брата Граціанова—Валентиніана; что, собираясь на опасную войну противъ Максима, Θеодосій не искалъ совѣта у нечестивыхъ предвѣщателей, а обратился къ отшельнику Іоанну въ Египтѣ, обладавшему пророческимъ даромъ; что убійцу Валентиніана, Евгенія, онъ побѣдилъ скорѣе молитвой, чѣмъ оружіемъ. „Очевидцы-солдаты,—прибавляетъ Августинъ,—мнѣ разсказывали, съ какой силой буря, поднявшаяся со стороны войска Θеодосія, вырывала у нихъ изъ рукъ копья и направляла ихъ противъ нихъ самихъ. Междоусобныя войны Θеодосій велъ не на подобіе Марія и Суллы, которые не хотѣли прекратить избіенія враговъ даже по окончаніи войны, но болѣе скорбѣлъ о ея возникновеніи, чѣмъ желалъ ее окончить пораженіемъ враговъ“. Высшую заслугу Θеодосія Августинъ видитъ въ томъ, что онъ „съ самаго начала не переставалъ приходить на помощь церкви справедливѣйшими и милостивѣйшими законами противъ нечестивыхъ, и что онъ приказалъ вездѣ низвергать языческихъ идоловъ, — болѣе наслаждаясь тѣмъ, что онъ былъ членомъ церкви, нежели своимъ царствомъ на землѣ“. Даже великое преступленіе Θеодосія, чисто языческій подвигъ его, избіеніе солдатами беззащитной толпы въ Θессаловикахъ, Августинъ съумѣлъ оправдать и обратить въ заслугу императора, восхваляя его

„смиреніе во время наложеннаго на него Амвросіемъ церковнаго покаянія“.—„Наградой за такіе подвиги служитъ Өеодосію вѣчное блаженство, которое Господь даетъ только истинно благочестивымъ“. Прочія же блага этой жизни Господь даетъ и праведнымъ и злымъ; въ числѣ этихъ благъ можетъ быть и обширная держава, которую Господь предоставляетъ во временное управленіе.

Въ той же главѣ, гдѣ Августинъ представляетъ благополучіе христіанскихъ императоровъ дѣломъ Промысла, ихъ держава является непосредственнымъ продолженіемъ языческой имперіи: христіанская и языческая эпохи Рима не отдѣлены другъ отъ друга никакой чертой: если въ христіанскую эпоху промыслъ Божій явственно выступаетъ у Августина, то это болѣе касается только жизни и судьбы самихъ императоровъ, чѣмъ имперіи. Такимъ образомъ, языческій Римъ какъ бы облагораживается тѣмъ, что увѣнчивается христіанской эпохой. Но съ другой стороны отъ этой непосредственной связи съ языческимъ прошлымъ страдаетъ оцѣнка христіанской имперіи. Несмотря на обращеніе въ христіанство, римская имперія на всемъ своемъ протяженіи является *земнымъ* государствомъ. Обѣимъ ея половинамъ, какъ языческой, такъ и христіанской, противополагается другое, не *земное* государство—истинное царство Божіе. Если обширность и могущество земного государства являются мздой за добрые нравы правителей и гражданъ, то „совершенно иного рода и высшую мзду получаютъ святые, испытывающіе позоръ изъ-за истины Божіей, которая ненавистна поклонникамъ сего міра“. Ихъ мздой является царство Божіе. „Это царство вѣчно: въ немъ никто не родится, ибо никто не умираетъ; тамъ господствуетъ истинное и полное счастье, не богиня, а даръ Божій; оттуда мы получаемъ залогъ вѣры, пока на чужбинѣ воздыхаемъ о его красотѣ; тамъ не восходитъ солнце надъ добрыми и надъ злыми, но солнце правды согрѣваетъ однихъ добрыхъ; тамъ не процвѣтаетъ искусство обогащать казну разореніемъ частныхъ людей, но тамъ обрѣтается сокровищница общей истины“. Поэтому римская имперія возвеличена Августиномъ въ людской славѣ не только для того, чтобы служить наградой гражданамъ земного государства, но и для того, чтобы граждане вѣчнаго царства, пока они здѣсь скитаются, усердно и трезво внимали ихъ примѣру и уразумѣвали, какъ сильно слѣдуетъ любить и дорожить горнимъ отечествомъ ради вѣчной жизни, если *земное* такъ было возлюблено его гражданами ради людской славы.

Такимъ образомъ, исторія государствъ получаетъ у Августина тотъ же религіозный, морально-воспитательный смыслъ, какъ и жизнь отдѣльныхъ людей. Какъ послѣдняя есть подготовленіе къ вѣчной жизни и назиданіе къ ней (eruditio in vitam aeternam), —такъ исторія земного государства служитъ наставленіемъ для уразумѣнія царства Божія.

В. Герье.

БРАТЬЯ

ПОВѢСТЬ.

VII *).

Когда мальчикъ вышелъ изъ кабинета, Питэръ спустилъ ноги съ кушетки и спросилъ брата:

— Тебѣ куда-нибудь надо?

— Не сейчасъ. Лежи, пожалуйста.

— Да вѣдь тебѣ, вѣрно, нужно ѣхать?

— Не сейчасъ. Есть очень скучное и, главное, безплодное засѣданіе... Но я раньше десяти не поѣду; а теперь еще нѣтъ и половины девятаго.

— Вотъ видишь: тебя зовутъ.

— Да это совсѣмъ не оттуда. Это отъ одной дамы.

— Дамы сердца?—съ юморомъ выговорилъ Питэръ.

— Не знаю. Но какъ, однако, все это встати!

Иванъ всталъ и заходилъ по кабинету.

— Встати—что̀?

— Что вотъ ты пріѣхалъ ко мнѣ теперь. Madame Сулина хочетъ пробыть здѣсь не больше, какъ съ мѣсяцъ.

— Какъ ты назвалъ?

— Ахъ, я и забылъ, что вѣдь ты ее не знаешь. Это наша новая сосѣдка. И твоя больше даже, чѣмъ моя, потому что она къ твоей землѣ ближе, чѣмъ я.

— Я что-то не помню такихъ сосѣдей.

---

*) См. выше: январь, 42 стр.

— Это—фамилія ея мужа. Но имѣніе—ея. Только она здѣсь не воспитывалась, Она по себѣ Вязигина.

— Помню. Были такіе помѣщики.

— Очень милая женщина.

Подойдя опять къ кушеткѣ, Иванъ провелъ рукой по своей красивой шевелюрѣ и болѣе интимнымъ тономъ сказалъ:

— Она развелась съ мужемъ.

— Красива?

— Да. Не красавица, но тонкость чертъ удивительная. Et c'est quelqu'un...

Питэръ прищурилъ глаза.

— Мы ка̀къ вообще, my dear fellow?.. Все на томъ же положеніи?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Какъ поляки говорятъ: „первшій а̀мантъ“ здѣшнихъ мѣстъ? Предметъ усиленнаго интереса губернскихъ и уѣздныхъ élégantes... дамъ, вдовъ и дѣвъ? И, до сихъ поръ, въ одиночествѣ? Прости, это... не допросъ. Я не желаю быть духовникомъ. Но ты такой квакеръ... для тебя есть только евангельскія слова: *да, да, нѣтъ, нѣтъ!* Да вотъ и я совсѣмъ уже не мѣчу въ Іосифы Прекрасные, а спроси ты меня: „Питэръ, есть у тебя кто-нибудь или что-нибудь?“—я отвѣтилъ бы въ настоящую минуту: нѣтъ.

— И я то же скажу,—проговорилъ Иванъ.

Питэръ зналъ, что репутація старшаго брата, какъ любителя женщинъ,—совершенно вздорная. Но такъ выходило: мѣстныя дамы давно избрали его предметомъ своихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ поползновеній.

Подсмѣиваться надъ цѣломудріемъ Ивана Питэръ никогда не позволялъ себѣ. Въ его прошломъ была сильная привязанность, съ долгимъ догораніемъ жизни любимой женщины. Она тоже не была свободна, но до адюльтера не доходило, такъ какъ она не жила съ мужемъ.

— И эта... какъ у васъ теперь говорятъ,—разводка?..

— Пожалуйста, милый Питэръ, не употребляй этого слова. Оно звучитъ такъ неизящно.

— Согласенъ съ тобой... Что̀ дѣлать! Столько жаргонныхъ словъ вторглось въ разговоръ. Одно изъ нихъ—„открытка“, вмѣсто открытаго письма,—еще ужаснѣе, чѣмъ „разво̀дка“ и „карбо̀лка“.

— Видишь, — заговорилъ Иванъ быстрѣе и съ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ, который не ускользнулъ отъ Питэра.—Елена

Сергѣевна... это madame Сулина—проситъ отвѣта: не могу ли я завтра у нея обѣдать? Она остановилась у своей кузины; но та—въ Москвѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось повезти тебя.

— Прямо обѣдать?

— Это—провинція, Питэръ. Она тобой очень интересуется. Но ты, пожалуйста, не думай, что я выдалъ твою композиторскую тайну...

— Ты былъ нѣмъ, какъ могила?—дурачливо спросилъ Питэръ.

— Не упирайся! Если тебя это стѣсняетъ—сдѣлай ей визитъ вмѣстѣ со мною. Она, разумѣется, пригласитъ тебя. Это будетъ для тебя большой рессурсъ.

— А внѣ этого здѣсь все то же, что̀ и прежде: нѣкоторые остатки старобарскаго общества, и потомъ: судейскіе, инженеры, интеллигенція же только поднадзорная...

— Да, рессурсы не роскошные. Но у меня слишкомъ мало свободнаго времени.

— И то, что̀ называется душа общества,—это все-таки ты?

— Не думаю. Я самъ кое-что затѣвалъ. Но ничто не прививается... кромѣ всемогущихъ картъ. Нѣтъ ни музыкальнаго кружка, никакой литературности. Дамы ничего почти не читаютъ. Зато туалеты отъ Ламановой и даже отъ Лаферьеръ.

— Вотъ какъ!

— И весьма! И не иначе, какъ то самое шампанское „Cristal", о которомъ ты упоминаешь. Одиннадцать рублей бутылка.

— И ты, по доброй волѣ, коптишь здѣсь изъ года въ годъ?.. Poor boy! Для этого надо родиться... Надо быть тобою.

— Каждому свое. Тебѣ—нетлѣнная сфера звуковъ и о̀бразовъ; мнѣ — черная работа земскаго человѣка. Пересади меня на другую почву—я захирѣю, все равно, что водная птица на сухомъ берегу.

— Можетъ быть, можетъ быть! Но я, на твоемъ мѣстѣ, все-таки не далъ бы взнуздать себя, не надѣлъ бы такого хомута. Съ твоей свѣтлой головой, my dear fellow, развѣ ты не могъ бы держаться на другихъ высотахъ?

— Какихъ же?—горячѣе возразилъ Иванъ.—Честолюбіе у насъ удовлетворяется только чиновничьей карьерой. Я ея не желаю—ты это знаешь, и вѣришь, что это не политика, не маска, чтобы не нынче—завтра frapper le grand coup, т.-е. попасть сначала въ крупные администраторы, а потомъ и въ сановники. И я строго слѣжу за самимъ собою, Питэръ.

— Испытываешь собственную совѣсть, Jean?

— Да. Не шути этимъ. Глядишь, въ два-три года, человѣкъ независимый —уже поддался... Онъ былъ непріятенъ, его боялись. Надо сдѣлать ему посулъ. Если онъ богатъ и для него окладъ въ пять, въ десять тысячъ ровно ничего—мы ему дадимъ званіе. А безъ средствъ—поманимъ его мѣстомъ администратора...

— Но позволь,—перебилъ Питэръ, всталъ и заходилъ около камина.—Разъ ты желаешь служить обществу, народу, кому тебѣ угодно... я не знаю,—тебѣ нужна власть, нужна фактическая возможность проводить въ жизнь свои идеи?

— Куда же ты хочешь придти? — горячо возразилъ Иванъ.

— Позволь докончить! Власть только у тѣхъ, кто управляетъ. Это буки-азъ-ба. И считай я своимъ призваніемъ внутреннюю политику...

— Какая тутъ политика!

Иванъ махнулъ рукой.

— Какъ же иначе назвать, по-европейски? Въ западныхъ языкахъ нѣтъ слова равнозначащаго слову: земство. Конечно, это—внутренняя политика.

— Положимъ.

— Тогда я, конечно, пошелъ бы служить, дѣлать карьеру, искать всякихъ связей, не изъ мелкаго тщеславія, а для того, чтобы имѣть власть. Все остальное — только такъ... идеологія... или самообманъ.

„То же сказалъ бы Руженцовъ“,—подумалъ Иванъ.

— Но, Богъ мой, развѣ стоитъ тратить свои душевныя силы на возню съ такимъ человѣчествомъ, съ какимъ ты имѣешь дѣло, Jean? Да и со всякимъ человѣчествомъ, т.-е. съ массой, съ толпой, съ людскимъ стадомъ?..

„Какъ бы Руженцовъ съ нимъ запѣлъ въ униссонъ!“—опять подумалъ Иванъ.

— Ты вѣдь когда-то увлекался романами Ауэрбаха и Шпильгагена, и мнѣ все подкладывалъ ихъ. Но я оставался мало чувствительнымъ къ этимъ нѣмцамъ. Но заглавіе одного изъ романовъ, кажется, Ауэрбаха, помню.

— Какое?

— „Auf der Höhe!“... На высотѣ.

— Какъ же, какъ же!

— Я и фабулы не знаю, даже если ты меня и просвѣщалъ по этой части. Но заглавіе — чудесное. „На высотѣ!“ — пѣвуче протянулъ Питэръ, остановившись спиной къ камину. —

На высотѣ... вотъ какой долженъ быть девизъ всякаго мыслящаго человѣка.

— Сверхчеловѣка, хочешь ты сказать,—выговорилъ Иванъ съ чуть слышной ироніей.

— Ахъ, полно! Вовсе нѣтъ! Неужели ты меня считаешь способнымъ ломаться, изображать изъ себя Uebermensch'а по Ницше? Все это, милый, уже до смѣшного старомодно. Это уже тѣ матерчатые жилеты, которые были въ ужасной модѣ ровно семь лѣтъ назадъ. Я—просто человѣкъ и въ основатели новой породы не мѣчу, но я не хочу, по доброй волѣ, барахтаться въ такихъ сферахъ жизни, гдѣ и безъ меня найдутся охотники справлять свою службу.

Иванъ слегка щелкнулъ языкомъ и повелъ своей красивой головой.

Ему не хотѣлось заводить принципіальнаго спора съ братомъ, да еще въ первый же день. Его братъ—не со вчерашняго дня—пребываетъ „на высотѣ", имѣетъ на это право: у него—одаренная натура художника, и его мозгъ годами питается только высшими полетами мышленія и творчества.

Пускай онъ и остается на этихъ высотахъ; но простые смертные,—такіе, каковъ онъ, безъ ложной скромности, считаетъ себя,—не могутъ держаться такихъ взглядовъ.

Будь на мѣстѣ Питэра кто-нибудь другой, даже изъ его пріятелей—онъ бы крикнулъ:

„Это проповѣдь мертвящаго дилеттантства"!

— Нельзя такъ, Питэръ,—тихо, какъ бы съ подавленнымъ вздохомъ выговорилъ онъ,—нельзя такъ относиться къ людямъ.

— Чтò же съ этимъ дѣлать, Jean? Вотъ я—такой нравственный уродъ. Человѣчеству—en bloc!—я могу желать прежде всего освобожденія отъ всѣхъ его умственныхъ и всякихъ другихъ путъ. Но толпу я все-таки не выношу и отдѣльные люди—чѣмъ больше я ихъ вижу—не вызываютъ во мнѣ особой такой эмоціи. И тутъ опять-таки я не желаю обезьянить съ Шопенгауэра, который любитъ повторять, что онъ собакъ любилъ гораздо больше людей.

— И пускай его!—вырвалось у Ивана.

— Собачонку, даже самую простую, я не могу пропустить, не приласкавъ ее, а десятки и сотни двуногихъ и даже самыхъ культурныхъ—съ трудомъ выношу. Не дѣлаю исключенія и для иностранцевъ. Англію люблю, какъ цѣлое; но табльдотныхъ англичанъ не могу выносить... какъ и все, чтò мѣшаетъ мнѣ...

— Поднявшись на высоту, оттуда смотрѣть сверху внизъ,

какъ тамъ копошатся въ муравьиной кучѣ какія-то микроскопическія существа?

— Jean! Не иронизируй! Это къ тебѣ нейдетъ. Ты—сама доброта. Это у тебя такъ же врожденно, какъ у другихъ прекрасный слухъ или склонность къ чахоткѣ или глухотѣ.

— Ну, хорошо.

— И это твое благодушіе, этотъ неисправимый альтруизмъ—служитъ тебѣ предательскую службу.

— Почему?—почти вскричалъ Иванъ.

— Онъ не даетъ ходу твоимъ высшимъ душевнымъ силамъ. Одно развѣ: сдѣлалъ изъ тебя оратора. Но на что идетъ это драгоцѣнное качество, котораго у меня, напримѣръ, совсѣмъ нѣтъ?

— Ты—отличный діалектикъ, Питэръ! Вотъ и теперь побиваешь меня.

— Въ разговорѣ, en tête-à-tête, или въ гостиной, въ спорѣ—пожалуй; но какъ только мнѣ надо, на обѣдѣ или гдѣ-нибудь, сказать публично десять словъ—я сейчасъ теряюсь, и вовсе не отъ застѣнчивости, а отъ неимѣнья какой-то внутренней мозговой дисциплины. Мысли захлестываются за слова, слова за мысли.

Питэръ подошелъ къ брату, наклонился и взялъ его за оба плеча.

— Но о чемъ долженъ ты говорить, my poor fellow? Передъ кѣмъ? Есть ли у тебя возможность достичь тѣхъ высотъ, куда ты всегда можешь подняться одинъ... съ своей внутренней работой... когда тебѣ не надо никакой толпы, ея дѣлишекъ, ея жалкихъ треволненій?

— А ты для кого же работаешь?—остановилъ Иванъ и поднялся.—Развѣ у тебя нѣтъ публики, залы?

— Клянусь, я никогда о ней не думаю. Она для меня не существуетъ. Моя проба пера—легкая вещица—пришлась по вкусу театральной публикѣ обоихъ полушарій. Очень жаль! Это меня въ сущности огорчаетъ. Но почемъ я знаю? То, что теперь назрѣло во мнѣ, можетъ постигнуть самый безобразный провалъ. Все это уже ремесло, дѣло промышленниковъ, Барнумовъ, рекламы, той американщины, которую я ненавижу всѣми фибрами моей души. Однако, тебѣ надо ѣхать. Прости за мою болтовню! И не огорчайся. Твой Питэръ не монструмъ, не пародія на императора Нерона. Онъ—такой же, какъ и ты, минусъ твое добродушіе, твоя слабость къ ближнимъ. И я опять скажу: много они тебѣ готовятъ всякихъ сюрпризовъ... особенно

съ женщинами. Я еще удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ уцѣлѣлъ.

— Богъ милостивъ!—съ тихимъ юморомъ выговорилъ Иванъ и поднялся съ кресла.

— Такъ ты желаешь везти меня къ разводкѣ?.. Прости, не буду больше употреблять этого въ самомъ дѣлѣ гадкаго слова!..

— Не къ ней одной. Вѣрь, Питэръ, это женщина совсѣмъ не то, что̀ ты думаешь.

— Я не оправдываюсь.

Ивану стоило бы большого надъ собой усилія вызвать брата на интимный разговоръ о его сердечныхъ дѣлахъ.

Все, что̀ онъ зналъ, это то, что у Питэра было не мало увлеченій, но врядъ ли есть теперь серьезная связь.

— Тебѣ надо одѣться?—спросилъ Питэръ.

— Только надѣть сюртукъ. А сегодня мы какъ? Не хочешь ли поужинать въ клубѣ? Я туда могу попасть въ первомъ часу.

— Нѣтъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ ужиновъ. Ты поѣзжай, а я пойду гулять.

— Гулять? Одинъ? По нашимъ троттуарамъ?

— Передъ сномъ это—мой единственный спортъ.

— Какъ знаешь.

Иванъ пошелъ-было наверхъ, въ свою спальню; но тотчасъ же вернулся.

— Питэръ!—крикнулъ онъ съ порога.—Я забылъ тебѣ сказать, что здѣсь Мироновы и проживутъ всю зиму.

— Какіе? Тотъ? Борисъ?

— Ну, да, товарищъ твоего дѣтства. Но, кажется, ты его не видалъ съ самой его женитьбы.

— Да. Онъ женился на Мари Кардаковой?

— Какъ же! Тоже твоя подруга.

— Мы вмѣстѣ ѣздили въ танцклассъ.

— Съ Борисомъ я, въ послѣднее время, очень сошелся. Онъ хорошій малый, только его надо направлять.

— И этимъ занимаешься ты?

— Онъ—уѣздный предводитель. На слѣдующихъ выборахъ можетъ попасть и въ губернскіе.

— А отчего же не ты?

— Я только земецъ, душа моя. На высотѣ пускай стоятъ другіе; а я—внизу, въ лощинѣ, гдѣ надо пахать.

Питэръ опять прилегъ на кушетку. Онъ слушалъ—какъ раздавались шаги брата по половику винтовой лѣстницы, ведущей въ мезонинъ.

Изъ всѣхъ ему знакомыхъ людей онъ не зналъ симпатичнѣе того, кого онъ привыкъ звать: „my poor fellow“. Въ Россіи у него не было близкихъ пріятелей. Учился онъ больше дома, только въ послѣдніе три класса ѣздилъ въ гимназію, потомъ перепробовалъ два университета, по одному курсу, и уѣхалъ за границу. Онъ—оксфордскій „master of arts“ и гейдельбергскій „докторъ философіи“. Товарищей—было достаточно; но друга—ни одного. Не можетъ онъ назвать и ни одного нѣмца, француза, англичанина, кто привлекалъ бы его, какъ избранная натура. Были даровитые ребята, съ идеями, усердные работники, съ характеромъ, съ образцовой физической выправкой—среди англичанъ; но такого, кто бы заставилъ его любить людей въ своемъ лицѣ,—такого не было и теперь нѣтъ.

О женщинахъ онъ бы многое поразсказалъ брату. Но тотъ огорчается его оцѣнками и афоризмами. „Dear fellow“ останется запоздалымъ исповѣдникомъ культа, воздаваемаго Гётевскому „Das ewig Weibliche“.

Про женщинъ его меньшой братъ не можетъ сказать, что онъ ихъ „не выноситъ“. Далеко нѣтъ! Но отсюда до преклоненія и даже до настоящей любви—огромное разстояніе.

— Ты готовъ?—раздался изъ передней голосъ Ивана.—Или еще побудешь?

— Готовъ! Мнѣ переодѣваться не надо.

На немъ былъ все тотъ же дорожный сьютъ изъ шевіота.

— Хочешь проѣхаться сначала?—спросилъ его Иванъ въ передней.

— Нѣтъ, милый, я пойду вокругъ всего города... на Дворянскую, потомъ на Козій-валъ; а тамъ на Сѣнную и къ старой Московской заставѣ.

— Не забылъ нашихъ урочищъ?

— Съ какой же стати? Могу отвѣтить на пять съ плюсомъ.

Мальчикъ подалъ ему его заграничное, слишкомъ короткое и легкое пальто, съ мѣховой опушкой рукавовъ и воротникомъ нѣсколько страннаго въ Россіи покроя.

Братья вышли на крыльцо. Стояла мягкая ночь, полусвѣтлая отъ мѣсяца, задернутаго негустыми тучами.

Иванъ сѣлъ въ сани и крикнулъ брату:

— Такъ ужинать не хочешь?

— Нѣтъ! Черезъ полтора часа я на боковую.

Питэръ зашагалъ по троттуару улицы, мимо дома Дворянскаго Собранія, гдѣ онъ, лѣтъ восемнадцать тому назадъ, танцо-

валъ въ первый разъ, какъ „большой“, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

Идти было легко, даже и послѣ ночи, проведенной въ душномъ, невозможно натопленномъ вагонѣ.

VIII.

Хозяйка помѣщалась на диванѣ, въ угловой комнатѣ, въ родѣ fumoir'а.

На столикѣ приготовленъ былъ кофе съ двумя графинами ликеровъ.

Противъ нея сидѣли оба гостя—братья Бабичевы.

Еленѣ Сергѣевнѣ Сулиной минуло недавно двадцать-восемь лѣтъ.

Она должна была сохранить фамилію своего мужа—Сулина. Это ей было очень непріятно.

Назвать ее красавицей было нельзя; но сразу каждаго мужчину привлекало къ ней что-то своеобразное и очень тонкое, вмѣстѣ съ гибкимъ, стройнымъ станомъ, роскошными волосами, миловидностью мелкихъ чертъ и, особенно, красивымъ выраженіемъ темно-сѣрыхъ глазъ. Волосы у нея темнорусые, вечеромъ совсѣмъ темные.

Маленькій носикъ и тонкій подбородокъ прекраснаго рисунка—всего больше красятъ ея наружность.

Платье безъ таліи, изъ чернаго гренадина, съ высокимъ боркомъ вокругъ шеи—придаетъ ей что-то, напоминающее женщинъ первой имперіи.

Бѣлыя, тонкія, дѣвическія руки—изъ на половину открытыхъ рукавовъ—привычны къ плавнымъ движеніямъ. На тонкихъ пальцахъ—очень холеныхъ—колецъ въ мѣру.

Въ разговорѣ она дѣлается живѣе; матовый цвѣтъ лица розовѣетъ; на щекахъ углубляется по двѣ ямочки.

Въ эту минуту она была очень хорошенькая. Обѣдъ, двѣ рюмки вина, чашка кофе и разговоръ придали большую грацію всему ея облику.

Питэра братъ завезъ къ ней въ третьемъ часу и оставилъ его у нея. Когда онъ пріѣхалъ къ обѣду—Елена Сергѣевна садилась за столъ по столичному, въ семь часовъ,—Иванъ замѣтилъ уже, что у нихъ началась какая-то игра: тонъ у обоихъ былъ мягко-ироническій.

Значитъ, Питэръ уже пустилъ свои афоризмы насчетъ жен-

щинъ вообще. И такая женщина, какъ Елена Сергѣевна, съ ея законнымъ сознаніемъ своего превосходства—разумѣется, не оставитъ это безъ реплики.

Но за обѣдомъ разговоръ перескакивалъ съ предмета на предметъ. Иванъ умѣлъ показать своего брата въ полномъ блескѣ, и Сулина часто смѣялась или слушала съ такимъ выраженіемъ лица, гдѣ можно было прочесть:

„Какой онъ умница"!

Она знала, что Питэръ—музыкантъ и „философъ"; но про то, что онъ сталъ опереточной знаменитостью—она не имѣла понятія, какъ и никто въ городѣ.

Питэръ, за столомъ, и много говорилъ, и не мало наблюдалъ, про себя.

Онъ находилъ, что эта „дамочка" и не въ провинціи была бы пріятной встрѣчей.

Женщина съ такимъ складомъ корпуса и съ такимъ типомъ миловидности была въ его вкусѣ.

„Это, пожалуй, и мой *типъ*!"—подумалъ онъ раза два, во время обѣда.

Онъ одобрилъ выборъ брата. Сулина нравилась Ивану; но до чего у нихъ дошло—сказать трудно, даже и такому наблюдателю, какъ онъ.

Увлечена ли она имъ—этого онъ тоже не могъ опредѣлить вполнѣ точно. Кажется, она больше головой преклоняется передъ тѣмъ, что̀ онъ собою изображаетъ: передъ его ролью, краснорѣчіемъ, благородствомъ поведенія.

У нихъ уже есть общіе интересы по школѣ и амбулаторіи, которую онъ недавно завелъ у себя, и еще по какимъ-то „затѣямъ",—какъ про себя называетъ ихъ Питэръ.

Онъ давно знаетъ, что русскія женщины „съ запросами" начинаютъ всегда увлекаться сначала умомъ, на почвѣ интеллигентнаго сближенія, и даже когда ихъ человѣческая природа уже вступитъ побѣдоносно въ свои права, онѣ все еще увѣряютъ себя, что ихъ сближеніе—„чисто духовное".

За кофеемъ Елена Сергѣевна стала разспрашивать Ивана о Москвѣ.

— Отчетомъ о вашемъ спичѣ, Иванъ Степановичъ, я совсѣмъ не была довольна. Какъ-то скомкано.

Голосъ ея звучалъ очень молодо, какъ у дѣвушки въ восемнадцать лѣтъ—съ отчетливой дикціей, безъ всякой манерности.

— Что̀ дѣлать! Признаюсь, я не очень былъ доволенъ этими репортерскими нескромностями.

— И вы вышли какимъ-то славянофиломъ. Что-то такое... міру челобитчикъ... и еще что-то въ такомъ же вкусѣ.

— Да вѣдь Jean немножко въ такомъ вкусѣ, — сказалъ Питэръ.

— Иванъ Степановичъ! Зачѣмъ вы позволяете вашему брату клеветать на васъ?

— Это не оскорбленіе. Такихъ людей, какъ Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ—поминать лихомъ не слѣдуетъ.

— Но все-таки я васъ славянофиломъ не считала!

— Есть разница, — въ томъ же тонѣ вставилъ Питэръ. —Насчетъ средостѣнія...

— Ну и что же?—съ особенной живостью спросила Сулина, понявъ, въ какомъ смыслѣ употребилъ Питэръ этотъ терминъ.

— Насчетъ средостѣнія онъ — западникъ. Вѣдь такъ, Jean? А то madame Сулина опять скажетъ, что я клевещу на тебя.

Иванъ ласково взглянулъ сначала на него, потомъ перевелъ свой взглядъ на Елену Сергѣевну.

„Какъ же съ нимъ быть? — говорили его большіе добрые глаза.—Онъ у меня enfant terrible".

Сулина знала, какъ Иванъ Степановичъ „влюбленъ" въ своего брата, и это ей теперь даже несовсѣмъ нравилось. Онъ слишкомъ стушевывался въ присутствіи своего „Веніамина", точно самъ онъ такъ себѣ — земецъ, а не краса и надежда не одной ихъ губерніи.

— Вы не записали своего спича?—спросила она.

— Нѣтъ. Это былъ экспромптъ, увѣряю васъ.

— Я и не сомнѣваюсь. Но, можетъ быть, послѣ... такъ, для себя?

— Угодно, чтобы я его заставилъ продиктовать себѣ на память?—предложилъ Питэръ съ полу-комическимъ жестомъ.

— Я двѣ-трети перезабылъ.

— Даже и для Елены Сергѣевны не вспомнишь?

Этотъ вопросъ также ей не понравился. Она находила, что этотъ заграничный „интеллигентъ" слишкомъ злоупотребляетъ тѣмъ, что братъ въ него влюбленъ, и въ его тонѣ сквозитъ что-то—не то что безцеремонное—онъ для этого достаточно воспитанъ,—а высокомѣрное, въ чисто мужскомъ родѣ.

Ей ужасно захотѣлось, въ ту минуту, дать ему хоть маленькій щелчокъ, даже и въ присутствіи старшаго брата.

— Петръ Степановичъ,—сказала она, прищуривая свои блестящіе глаза,—смотритъ на все это... чѣмъ мы здѣсь живемъ и волнуемся, какъ на что-то крайне низменное?

У нея вышло это нѣсколько рѣзче, чѣмъ она сама желала: вмѣсто шутливыхъ раздались немного колкія интонаціи.

— Отчего же?—поторопился откликнуться Иванъ и тотчасъ же посмотрѣлъ на брата.

— Не защищай меня, Jean! Я, право, еще ничѣмъ не провинился передъ Еленой Сергѣевной.

— Но наша прелестная хозяйка чувствуетъ въ тебѣ нѣкоторую строптивость духа... Вотъ я васъ долженъ оставить. Отчитайте его хорошенько, Елена Сергѣевна.

— Какъ?—Уже скрываетесь?

Она сдѣлала хорошенькую гримаску.

— Что̀ дѣлать!

— Патріотическій диспутъ!—тихо воскликнулъ Питэръ.

Иванъ поцѣловалъ руку хозяйки и, поднявъ голову, сказалъ такъ же весело:

— Пожалуйста... отчитайте его.

— Но, можетъ быть, Елена Сергѣевна не желаетъ этого tête à tête?—спросилъ Питэръ, вбокъ взглянувъ на нее.

— Оставайтесь! Оставайтесь! При братѣ вашемъ нельзя васъ отчитывать. Онъ слишкомъ васъ избаловалъ.

Елена Сергѣевна пошла провожать Ивана, и они еще о чемъ-то говорили у дверей передней.

Питэръ оттуда не могъ ничего разслышать. Но ему сдавалось, что это еще далеко не „Liebschaft“ — какъ онъ иногда называлъ, вспоминая свои гейдельбергскіе годы. Одно несомнѣнно: онъ больше подготовленъ къ „гименею“, чѣмъ она.

— Отчего же вы не курите?

Съ этимъ вопросомъ Елена Сергѣевна показалась въ дверяхъ.

— Я жду, чтобы вы показали мнѣ примѣръ.

— Почему? Вы, стало быть, считаете меня курильщицей, какъ подобаетъ эмансипированной женщинѣ? И представьте,—не курю и никогда не пробовала.

— Это менѣе добродѣтельно, чѣмъ теперешнее воздержаніе Жана. Хорошо, если его „толстовство“ только этимъ и ограничится,—прибавилъ онъ.

— Вашъ братъ... ничему не способенъ подражать.

— Но принять разные рецепты нравственнаго совершенства очень способенъ.

— Что̀ же въ этомъ дурного?

Не желая того, Питэръ точно умышленно повелъ разговоръ такъ, чтобы поймать ее на какой-нибудь уликѣ—женскаго интереса къ его старшему брату.

— Елена Сергѣевна! Вы мнѣ не позволяете свободно говорить о Жанѣ?

— Вовсе нѣтъ! Но... я не понимаю вашего тона.

— Позвольте! Вы это сказали, точно сановникъ, принимающій своего строптиваго подчиненнаго. Эта фраза теперь въ большомъ ходу: „я не понимаю вашего тона“!

— Ну, полноте! Вашъ братъ—такая чудная личность, что мнѣ просто больно сдѣлалось...

— Отъ моихъ шпилекъ?

— И онъ такъ васъ любитъ! Это не братъ, а мать... да, мать, влюбленная въ свое чадо.

— Если оно такъ, то напрасно Жанъ никогда меня не отчитывалъ, какъ слѣдуетъ.

— Разумѣется, напрасно!

— Но позвольте, Елена Сергѣевна, въ вашей симпатіи къ нему, въ вашемъ преклоненіи передъ его личностью нѣтъ ли и благодарности за то, что онъ... какъ бы это выразиться поделикатнѣе...

— Говорите прямо!

— Поддакиваетъ вашимъ идеямъ, вашему направленію, которое я боюсь назвать, вѣроятно, ненавистнымъ вамъ словомъ?

— Я знаю—какимъ. Не нужно его! Никакой клички я не хочу. И ни къ какому цеху себя не причисляю.

Она подалась впередъ и заговорила быстрѣе и громче.

— Чтобы намъ не вступать въ ненужную полемику, Петръ Степановичъ, я вамъ скажу про себя вотъ что̀: да, я цѣнила всегда, еще до выхода замужъ, свою свободу. Изъ-за нея я всегда билась. И не пошла на тѣ унизительные компромиссы, на какіе идутъ сотни и тысячи женщинъ.

— Это—ваше интимное дѣло.

— Нѣтъ! Вы ошибаетесь. Не одно мое лично. То, что̀ я считаю необходимымъ для женщины, какъ воздухъ,—то необходимо всѣмъ: и крестьянкѣ, и барынѣ, и работницѣ на фабрикѣ, и женщинѣ съ высшимъ образованіемъ и талантомъ. Насъ и талантъ не спасаетъ, сплошь и рядомъ, отъ унизительной роли быть или забавой, или рабой мужчины.

— Зачѣмъ такіе возгласы? Это все отзывается... добрымъ старымъ временемъ, когда madame Дюдева̀нъ начала носить панталоны и курить крѣпкія сигары.

— Можетъ быть.

Она закусила слегка нижнюю губу.

— И вы теперь достигли своего? — спросилъ Питэръ, опуская немного голову.

— Далеко нѣтъ. Да и какъ можетъ быть иначе? Развѣ женщина можетъ что-нибудь провести въ жизнь безъ содѣйствія и покровительства господъ мужчинъ?

— Многое.

— Въ чемъ?

Питэръ покачалъ головой.

— C'est pas sérieux ce que dit madame,—выговорилъ онъ съ тихимъ жестомъ правой руки.

— Съ этимъ надо, до поры до времени, помириться. И женщинѣ надо пройти долгую школу... не въ одно столѣтіе.

— Богъ мой!—воскликнулъ Питэръ.—Да отъ насъ тогда и костей не останется!

— Хорошо. Вы продолжайте въ своемъ тонѣ, а я буду въ своемъ. То, что̀ я сейчасъ скажу—совсѣмъ не въ похвалу женщинамъ. Претензій у нихъ много, но какъ говорится: „охота пущая, а участь горькая". Женщина, самая умная и смѣлая, не можетъ быть оригинальной.

— Будто?

— Вы это знаете лучше меня! Оригинальность дана мужчинамъ, потому что они цѣлые вѣка жили, какъ они хотѣли. А женщина можетъ быть только шутихой, а не настоящей оригиналкой. Вотъ позвольте... я была осенью въ Петербургѣ. Мнѣ прожужжали всѣ уши про оригинальность одной поэтессы. Мнѣ показывали ее на одной лекціи. На головѣ коробъ—у насъ бабы называютъ „лукошко", перевязанное лентами, платье съ разрѣзомъ, какъ на картинахъ Ботичелли. И что̀ же! Ни капли оригинальности! Смѣшная поддѣлка подъ модныхъ прерафаэлитовъ и подъ офицеровъ арміи спасенія, у которыхъ она и съобезьянила свое лукошко. Помните, въ Парижѣ, по вечерамъ, эти дѣвицы ходятъ по бульварамъ, по-парно, и визгливо кричатъ: „Ce soir, conférence au siége de l'armée du salut"!

„Да ты даже очень умненькая!"—вымолвилъ, про себя, Питэръ и одобрительно кивнулъ головой.

— C'est tapé!—тихо воскликнулъ онъ.

Обыкновенно, у него не было привычки „французить"; но изрѣдка онъ пускалъ маленькія фразы, которыя по-французски выразительнѣе и мягче, чѣмъ на другихъ языкахъ.

— Но я это говорю въ потуженіе...

— Какъ вы сказали?—остановилъ Питэръ.

— Такъ старушки богомолки говорятъ: „въ потуженіе“. Это меня огорчаетъ.

— И обижаетъ?

— Да, если хотите, и обижаетъ за ту долгую школу обезьянства, которую проходили женщины... да и теперь проходятъ!

— Какъ будто мужчины не обезьяны? Помилуйте! — уже серьезнѣе возразилъ Питэръ.—Подражаніе—одно изъ могучихъ средствъ цивилизаціи. На этомъ выводѣ французъ Тардъ... когда-то мой профессоръ—сдѣлалъ себѣ всемірную репутацію.

Елена Сергѣевна поглядѣла на него съ такой мимикой лица, какъ будто она что-то припоминаетъ.

— Я читала его,—очень просто сказала она.

— Простите!—Я совсѣмъ не хочу производить вамъ экзаменъ.

„Да, она очень умненькая“,—подумалъ онъ опять и поставилъ ей хорошую отмѣтку.

Ему нравился ея языкъ. Она совсѣмъ не впадала въ пересыпаніе русскихъ фразъ французскими и—какъ въ послѣдніе годы—англійскими. Видно было, что она давно привыкла говорить на родномъ языкѣ и гораздо больше съ мужчинами, чѣмъ съ женщинами.

Но онъ воздержался замѣтить ей это вслухъ.

— И главный предметъ обезьянства—*онъ*... властитель всѣхъ ея думъ!..

— Представитель яко-бы сильнаго пола, въ сущности весьма тряпичнаго!—точно про себя добавилъ Питэръ.

Елена Сергѣевна громко разсмѣялась.

— Вы правы... тряпичныхъ натуръ между этими представителями не мало. Но все таки—образчикъ: онъ! И то, что̀ онъ давно бросилъ, какъ свои обноски, то мы надѣваемъ на себя съ гордостью... Идеи, вкусы, пороки, привычки—всегда дурныя.

— Даже отвратительныя.

— Вы это серьезно?

— Вполнѣ.

— Ну, да, мы это передѣлываемъ немножко по своему; но—по той же выкройкѣ. Въ костюмахъ это всего рѣже бросается въ глаза, потому что мода всесильна! Но въ остальномъ... — она всплеснула руками—мой Богъ! Какъ онъ, такъ и мы! Вплоть до языка, до манеры говорить, жать руку, смѣяться. А въ придачу идетъ обезьянье повтореніе того, что̀ онъ намъ удѣляетъ съ своей духовной трапезы... И это мы по-

вторяемъ безъ всякаго внутренняго чувства и еще задорнѣе, чѣмъ онъ.

— Браво! Браво!

Питэръ тихо захлопалъ въ ладоши.

— Я знаю,—то, что̀ я сейчасъ говорила—для васъ старо̀... избито... точно я читаю вамъ вслухъ книжку о женщинѣ, какъ было въ модѣ лѣтъ сорокъ назадъ.

— Въ родѣ „Подчиненіе женщины" Джона Стюарта Милля?— подсказалъ Питэръ.

— Ну да, ну да!

— Но если такъ, Елена Сергѣевна,—заговорилъ онъ медленно и съ полуопущенными рѣсницами,—зачѣмъ же мечтать о томъ, чтобы быть какъ онъ во всемъ и вездѣ?

— Это великое безуміе!—воскликнула она, и вокругъ ея рта пошли нервныя струйки.

„Какая ты хорошенькая!" — поставилъ онъ про себя новую оцѣнку.—„И очень, очень умненькая"!

— Безуміе!—повторила она потише, какъ будто немного стѣснилась своего возгласа.—Равенства быть не можетъ между нами. Мы во многомъ—какъ огонь и вода. Мы—сами по себѣ. Но то, что̀ въ насъ заложено своего, то̀ мы должны развить и отстоять.

— Еслибъ зависѣло отъ меня,—подписался бы обѣими руками подъ эту „Декларацію правъ" прекраснаго пола...

— Пожалуйста, Петръ Степановичъ, не употребляйте этихъ ужасныхъ словъ! Простите... это не лучше, чѣмъ „виновникъ торжества" и „откуда мнѣ сіе". Такихъ клише вы здѣсь довольно наслышитесь.

— Прошу прощенья!

Двойственность его тона подзадоривала ее: онъ это чувствовалъ; но это выходило у него по привычкѣ.

Давно онъ не былъ въ такихъ разговорахъ съ красивой, изящной женщиной, чрезвычайно „quelqu'un", способной нравиться даже и очень взыскательному молодому мужчинѣ,—ну, хоть такому, какъ онъ.

И только въ Россіи, все равно—въ столицѣ, въ губернскомъ городѣ, въ усадьбѣ, и только съ русской образованной женщиной—въ первый день знакомства и—главное—вечеромъ, у нея, съ глазу на глазъ, возможны такіе разговоры.

Какъ бы это иначе пошло съ француженкой, съ итальянкой, испанкой, съ румынкой, даже съ англичанкой или бойкой нѣмкой!

Тамъ сейчасъ же началась бы пробная дуэль, въ родѣ первыхъ ходовъ на фехтовальныхъ бояхъ. И онъ, и она, если даже они и не заняты, не „en mains"—по выраженію французскихъ любителей женщинъ—все-таки, послѣ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ банальностей, стали бы привлекать другъ друга, охорашиваться, распускать свой хвостъ, „faire la roue".

А тутъ можно такъ проговорить до полуночи, вести родъ диспута на тему о сравнительныхъ правахъ мужчины и женщины въ современномъ культурномъ обществѣ и, въ частности, въ русскомъ.

Еще немножко, и вотъ такая пикантная и красивая дамочка стала бы приводить статьи законовъ, по которымъ женщины обижены противъ мужчинъ въ своихъ имущественныхъ и прочихъ гражданскихъ правахъ.

Елена Сергѣевна подмѣтила усмѣшку, блуждавшую на тонкихъ губахъ Питэра, повела головой и сказала гораздо спокойнѣе и съ особой интонаціей:

— Вы все это считаете ниже своего интереса, Петръ Степановичъ... Въ такихъ условіяхъ серьезный разговоръ немыслимъ.

— Серьезный?.. Милая Елена Сергѣевна... Зачѣмъ все брать въ серьёзъ? И вся-то жизнь нашей планеты есть только инцидентъ въ безконечной жизни вселенной.

— Если такъ смотрѣть,—сказала она, опуская рѣсницы и другимъ тономъ,—то все—нирвана?

— Зачѣмъ? До нирваны далеко! И—позвольте въ скобкахъ попедантствовать—ученые санскритологи находятъ, что значеніе слова *нирвана*—вовсе не уничтоженіе, ничто, полная смерть,—а только успокоеніе въ духовной святости, безъ малѣйшихъ вожделѣній! Просвѣтленное состояніе духа...

— Тѣмъ лучше! полушутливо замѣтила она.—Это менѣе безотрадно!

— У женщины,—продолжалъ онъ,—есть всегда одинъ всепоглощающій интересъ.

— О! Я знаю! Любовь!

Она почти злобно разсмѣялась.

— Другого еще не придумано, Елена Сергѣевна.

Она откинула голову на подушку и положила, быстрымъ движеніемъ, обѣ свои полуоткрытыя руки за голову.

Поза вышла очень смѣлая и красивая. Но она это сдѣлала не изъ кокетства. Она не слѣдила за собой, за своими позами и манерами.

Такъ вышло, и Питэръ нашелъ это очень привлекательнымъ и „порядочнымъ".

— Все горе женщины, вся ея печать Каина—въ этомъ ужасномъ словѣ!—вырвался у нея возгласъ.

И щеки ея еще замѣтнѣе порозовѣли.

— Ничего не имѣю противъ этого; но такъ было и будетъ... до прекращенія жизни на нашей, весьма жалкой, въ сущности, планетѣ.

— Знаете, Бабичевъ, — она въ первый разъ такъ его назвала,—было бы гораздо лучше, еслибъ у насъ, какъ на какихъ-нибудь Фиджійскихъ островахъ или въ Полинезіи какой-нибудь, выдавали замужъ десяти лѣтъ.

— Почему?—почти удивленно остановилъ Питэръ.

— Потому что тогда не было бы того искуса, черезъ который проходитъ дѣвушка въ образованныхъ странахъ. И я также заглядывала въ статистику.

— Это ужасно!

— Нѣтъ, полноте, оставьте этотъ тонъ. Мы вѣдь не флёртомъ съ вами занимаемся въ эту минуту.

„А почемъ ты знаешь, милая?"—мысленно спросилъ Питэръ.

Изъ своего опыта онъ вывелъ уже давно тотъ довольно общій фактъ, что обмѣнъ мыслей, даже споры, ссоры, а иногда и острая антипатія,—ведутъ быстрѣе къ сближенію, чѣмъ обычный флёртъ, по общеизвѣстнымъ правиламъ, даже и съ обѣихъ сторонъ разомъ.

— Вы, можетъ, и безъ меня знаете,—какая средняя цифра возраста дѣвушекъ, выходящихъ замужъ... не въ народѣ, а въ достаточныхъ классахъ?

Онъ сложилъ ладони просительнымъ жестомъ.

— Каюсь,—не знаю. Даже и приблизительно, какъ позволяется врать на экзаменахъ статистики.

— Отъ двадцати - пяти до двадцати - восьми лѣтъ—и даже больше! Вы скажете: и прекрасно, что дѣвушки не выскакиваютъ рано замужъ! Вовсе нѣтъ! Не лучше, а хуже. Но это все равно! Или вы слишкомъ долго ждали, или вы еще ничего не можете чувствовать. Не любовь вамъ нужна, а только попасть передъ аналой, на аршинъ цвѣтного атласа. И вся жизнь исковеркана!...

Питэръ отвелъ голову немного въ сторону.

Онъ зналъ, что и такой разговоръ можетъ кончиться у женщины оборотомъ на самоё себя; но не думалъ, что это случится такъ скоро.

Передъ нимъ, повидимому, совсѣмъ не сентиментальная женщина. Въ ней мозговые нервы преобладаютъ „надъ областью симпатическаго нерва“, — сказалъ бы онъ лѣтъ десять назадъ, когда увлекался физіологіей.

Но и она не можетъ остаться въ предѣлахъ объективной бесѣды.

„Чтожъ, и прекрасно!“—подумалъ Питэръ.

Тутъ онъ могъ бы сейчасъ же подтолкнуть ее къ личному изліянію. Она сдѣлала бы это не по пылкости нрава, а изъ-за того, чтобы поддержать свое мнѣніе.

„Барыня съ душкомъ“,—продолжалъ онъ давать ей отмѣтки. —„И если Jean сдѣлается ея мужемъ—онъ у нея будетъ вотъ подъ той маленькой туфлей“.

Его взглядъ прошелся, какъ разъ въ эту минуту, по концамъ ногъ, видныхъ изъ-подъ оборки. Она была въ черныхъ туфляхъ—подъ цвѣтъ платья.

— Но чувство ни въ чемъ не повинно!—замѣтилъ онъ, послѣ маленькой паузы, на которой ихъ живой разговоръ какъ бы оборвался.

— Чувство!—выговорила Сулина и перемѣнила позу—опустила руки на колѣни и довольно громко перевела духъ.

Это былъ почти вздохъ.

— Знаете, Петръ Степановичъ... одно время я не могла выносить такихъ вотъ словъ: любовь, страсть, чувство и, главное, счастье. И тутъ я вамъ головой выдамъ всякихъ женщинъ: дѣвчонокъ и зрѣлыхъ матронъ, умныхъ и глупыхъ, красавицъ и уродовъ... всякихъ!

— Въ чемъ же, Елена Сергѣевна?

— А вотъ въ этой безумной погонѣ за счастьемъ. Почему оно должно *имъ* сваливаться съ неба? Кто далъ *имъ* эту привилегію? Право, это что-то чудовищное по своей претензіи.

— И васъ считаютъ феминисткой?

— Кто?—довольно весело окликнула она.—Неужели Иванъ Степановичъ?

— Нѣтъ. Не хочу клеветать. Но я такъ предполагаю.

— Кажется! Вотъ оно—непріятное мнѣ слово, которое было уже у васъ на губахъ. Да, это чудовищная претензія!—повторила она тѣмъ же возбужденно-веселымъ тономъ.—Дѣвчонка! Вышла изъ института или только-что отъ гувернантки, и подавай ей безумнаго счастья... и непремѣнно безконечнаго!

„Приближается!—воскликнулъ про себя Питэръ.—Еще пять минутъ, и она перескочитъ къ собственному прошлому“.

Но ничего сентиментальнаго не подмѣчалъ онъ въ ней. И никакой рисовки.

— Вотъ отъ такой маніи, еслибъ я только была волшебницей... я бы освободила весь нашъ полъ.

— На это нашлось бы и теперь средство.

— Какое? Скажите!

— Внушеніе... Гипнозъ.

— Вы серьезно?

— А почему же нѣтъ, Елена Сергѣевна? Особенно съ такими податливыми субъектами, какъ женщины вообще.

— Да еще взявъ въ соображеніе,—въ томъ же веселомъ тонѣ прибавила она, — что изъ двадцати женщинъ три, а то и всѣ пять—непремѣнно истерички.

— Вотъ видите... Если отрѣшаютъ отъ пьянства, отъ страховъ, отъ нервнаго невладѣнія языкомъ, ногами, то отчего же нельзя гипнотизёру, при видѣ такой безумно жаждущей счастья дѣвы или дамы, сразу внушить ей: ты забудешь о счастьѣ!

Оии оба тихо засмѣялись.

Еленѣ Сергѣевнѣ стало какъ-то вдругъ гораздо легче и свободнѣе быть съ этимъ—на ея оцѣнку—все-таки фатоватымъ умникомъ, вѣроятно имѣющимъ о себѣ необычайно высокое мнѣніе.

— Да! Какъ бы это было хорошо, еслибы меня вó-время отдали въ руки такому гипнотизёру!

„Ça y est!"—воскликнулъ про себя Питэръ.

— И я—какъ сотни и тысячи такихъ pécores... подурухъ—говорили наши бабушки—пылала жаждой безумнаго счастья.— Ха, ха!

Въ смѣхѣ заслышались горькія нотки.

— Но никто не догадался?

— Да, никто не догадался,—повторила она медленно и съ особой интонаціей.

И тотчасъ послѣ того взялась руками за лицо, точно будто смягчая жаръ въ щекахъ.

— Это ничѣмъ не поправить,—заговорила она уже другимъ тономъ, задушевно и съ грустной игрой губъ.—Ничѣмъ! — сказала она сильнѣе.—Сначала грубый самообманъ, а потомъ пріобрѣтеніе знанія жизни... какой цѣной? Боже мой! И финалъ—неопрятная процедура, безъ которой нельзя получить... одно только благо, какое есть въ жизни... свободу!

Она опустилась на стулъ и замолчала, а когда подняла голову—протянула ему руку.

— Мнѣ не слѣдовало позволять себѣ того, что̀ я сейчасъ вотъ сказала, Бабичевъ.

— Потому что я еще не заслужилъ?

Онъ подался впередъ, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Нѣтъ, не потому! Вы—любимый братъ Ивана Степановича, а я его люблю, какъ сестра.

„Только?"—чуть не вслухъ спросилъ Питэръ.

— Вотъ вы и съёжились.

— Нисколько! Вѣдь моя исторія—только капля въ морѣ... женской глупости.

— Но у васъ свобода?

— Да... За нее можно отдать все!

— Даже и... любовь... отъ которой никто не застрахованъ?

Она опустила рѣсницы и голову.

— Даже и ее.

„Посмотримъ!"—подумалъ онъ.

— А пока... я—то̀, что̀ у насъ принято называть: „разводкой".

За портьерой послышались шаги.

Лакей, въ дверяхъ, доложилъ:

— Чай готовъ. Прикажете сюда?

— Приготовили въ столовой?

— Такъ точно.

— Пойдемте туда, Петръ Степановичъ.—Хорошо!—сказала она лакею и встала.

— Неужели уже столько времени прошло?—спросилъ онъ, останавливая на ней взглядъ, отъ котораго ей стало немножко неловко.

— Вы виноваты въ томъ!—сказала она, поправляя платье. —Идемъ.

„А „poor fellow" тутъ причемъ?"—спросилъ себя Питэръ, идя за ней въ столовую.

IX.

Изъ присутствія Иванъ Бабичевъ ѣхалъ по Дворянской улицѣ, въ концѣ пятаго.

Былъ сиверкій день, съ снѣгомъ. Фонари только-что стали зажигать.

Фонари, въ городѣ, до сихъ поръ, керосиновые. Была рѣчь объ электричествѣ; но дѣло пока лежитъ подъ сукномъ. А газъ былъ бы уже запоздалой новинкой.

Подъ стать хмурой и рѣзкой погодѣ, онъ не могъ сбросить съ себя настроеніе, какого онъ въ себѣ очень не любилъ.

Наканунѣ было засѣданіе, гдѣ Шестковъ — „націоналистъ", какъ его прозвали и здѣсь—защищалъ свою записку. Его поддержали цѣлыхъ два члена; и самъ онъ говорилъ очень много, развязно и злобно, подъ видомъ „русацкой" искренности.

Бабичевъ сдерживалъ себя, какъ только могъ, не выходилъ изъ роли предсѣдателя; но послѣ засѣданія, когда Шестковъ подошелъ къ нему съ какой-то вызывающей фразой, онъ замѣтилъ ему сухо и значительно:

— Засѣданіе кончено. Позвольте мнѣ уйти въ частную жизнь. Я усталъ.

И сегодня вышелъ кислосладкій разговоръ съ однимъ изъ его сочленовъ—завѣдомо пріятелемъ того же Шесткова.

Свой „департаментъ"—какъ у нихъ говорятъ—онъ очень запустилъ. Было нѣсколько столкновеній, въ теченіе зимы, и мелкихъ, и покрупнѣе — и Бабичевъ предвидѣлъ, что надо будетъ дѣйствовать энергичнѣе.

Ему противно вступать въ права предсѣдателя. Всѣ члены—равны, они товарищи, и дѣло у нихъ—въ общемъ—спорилось.

Но съ нѣкоторыхъ поръ онъ чувствуетъ какія-то новыя теченія, признакъ того, что противъ него ведется интрига въ разныхъ мѣстахъ. До новыхъ выборовъ остается еще годъ. За свое мѣсто онъ не цѣпляется, но дорожитъ имъ, какъ доказательствомъ довѣрія цѣлой губерніи; знаетъ, что онъ служитъ дѣлу честно, что у него нѣтъ никакихъ личныхъ разсчетовъ, плановъ и домогательствъ.

И онъ останется на своемъ посту, даже еслибъ ему сверху дали понять, что онъ — непріятенъ. Пускай смѣщаютъ, но по доброй волѣ онъ не уйдетъ.

И эти новыя направленія вѣтра зачуялъ онъ совсѣмъ недавно, съ начала зимы.

Онъ ѣхалъ къ Мироновымъ. Съ ними онъ не видался больше недѣли; къ княгинѣ завозилъ брата; но ея не было дома.

Сегодня ея день. Онъ предлагалъ Питэру заѣхать за нимъ; но тотъ просилъ его избавить.

Вѣроятно, онъ у Елены Сергѣевны.

Сулина, вчера, сказала ему, что его „Веніаминъ", какъ она назвала Питэра—„очень оригинальная личность" и, помолчавъ, прибавила:

— Но въ такихъ мужчинахъ есть что-то глубоко обидное для женщинъ.

Онъ сталъ ей говорить, что Питэръ многое въ себѣ „сдѣлалъ“ по извѣстной программѣ, и позднѣе это слетитъ съ него.

— Не знаю,—возразила она,—онъ уже совсѣмъ сложился. Такимъ онъ будетъ и черезъ десять лѣтъ.

Но тонъ ея, мимика, игра глазъ — все это показывало, что Питэръ для нея интересенъ и новъ.

Съ какимъ бы удовольствіемъ онъ завернулъ сейчасъ къ ней, гдѣ онъ навѣрное застанетъ Питэра. Они бы поболтали; можетъ быть, она бы удержала ихъ обѣдать.

А этотъ „five o'clock“ у княгини, съ неизбѣжными „общеармейскими“ разговорами, запоздалыми слухами изъ Москвы и Петербурга, разными штучками изъ ненавистныхъ ему увеселительныхъ газетъ и, главное, съ игрой въ настоящій „мондъ“, въ свой доморощенный „faubourg“.

У Мироновыхъ былъ особнякъ, наслѣдственный, съ алебастровой княжеской короной на фронтонѣ, съ парадныиъ подъѣздомъ и двумя фонарями.

Бабичевъ будетъ радъ, если Борисъ Мироновъ попадетъ въ „губернскіе“ на слѣдующихъ выборахъ. Теперешній предводитель — старый и болѣзненный человѣкъ, часто уѣзжаетъ лечиться за границу и вдобавокъ сталъ очень глухъ.

Но если это состоится,—съ идеями и поползновеніями княгини Марьи Ѳедоровны, онъ пожалуй не устойтъ—пойдетъ по той же дорожкѣ отличій, и черезъ три—четыре года очутится въ крупныхъ администраторахъ.

О пріѣздѣ Питэра княгиня уже знала и сегодня прислала французскую записку, гдѣ пеняла ему, что онъ ихъ забылъ, и даже не показываетъ брата: „la future coqueluche de nos élégantes“.

Былъ тутъ намекъ и на Сулину, потому что въ припискѣ стояло: она предполагаетъ, гдѣ онъ теперь проводитъ свои досуги.

Какъ онъ себя иначе ни настроивалъ, но сердце его не лежало къ этой женщинѣ. Не скрывалъ онъ отъ себя того, что былъ бы радъ, еслибы она хорошенько поймалась на Питэрѣ.

При ея хищности и женскомъ тщеславіи, это легко могло бы быть; но она не можетъ нравиться и Питэру. Развѣ просто какъ маленькій капризъ, чисто чувственный.

Мироновы живутъ съ „фасонами“: трое лакеевъ въ ливрейныхъ фракахъ, съ желтыми полосатыми жилетами.

— Князь дома?—спросилъ Бабичевъ въ передней.

— Сейчасъ будутъ, ваше превосходительство.

Отъ этого титула онъ нигдѣ здѣсь отдѣлаться не можетъ; только у себя въ должности формально запретилъ сторожамъ такъ его называть.

У подъѣзда стояли одиночныя и парныя сани.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ у второго лакея, стоявшаго въ залѣ.

— Господинъ Шестковъ и госпожа Мирковичъ.

Онъ не поморщился, но про себя сказалъ:

„Вотъ пріятность"!

Съ Шестковымъ онъ и вобще бы охотно не встрѣчался, особенно послѣ недавняго засѣданія коммиссіи. Да и разговоръ съ госпожей Мирковичъ для него—обуза; ему тяжело быть любезнымъ съ особой, которую онъ считаетъ совсѣмъ не тѣмъ, что она изъ себя изображаетъ. Эта Мирковичъ—уже немолодая вдова, слыветъ въ городѣ за женщину съ самыми благородными „начинаніями", устроиваетъ всякіе благотворительные вечера и лотереи, попечительница двухъ пріютовъ, а онъ отлично знаетъ, какъ ея сосѣдъ, что она—настоящая „баба-жохъ" и цѣлую округу прибрала къ рукамъ, отдаетъ мужикамъ деньги только за уборку своихъ запашекъ и выжимаетъ изъ нихъ весь сокъ.

Въ гостиной, гдѣ были уже зажжены электрическія лампочки, княгиня въ углу, подъ растеніями, принимала въ свѣтломъ туалетѣ, только-что полученномъ отъ Лаферьера. По правую руку сидѣлъ Шестковъ, по лѣвую—вдова Мирковичъ, худая, съ сѣдѣющими кòками, въ черномъ, съ лорнетомъ на золотой цѣпочкѣ и сильнымъ запахомъ духовъ, отзывающихъ мускусомъ.

— Ah! Monsieur Jean! Васъ ли я вижу?

Такъ его встрѣтила княгиня и, не поднимаясь съ мѣста, протянула руку, которую онъ долженъ былъ поцѣловать.

Вдовѣ онъ пожалъ руку; также и Шесткову.

— Мы, какъ разъ, говорили о васъ, Иванъ Степановичъ, —начала госпожа Мирковичъ. — Вотъ и Константинъ Леонтьевичъ—она указала рукой на Шесткова—сообщилъ слухъ о томъ, что вы затѣваете цѣлую агрономическую школу, тамъ, у насъ...

— А вы отъ кого это слышали? — спросилъ Бабичевъ Шесткова.

Тотъ весь покачнулся на креслѣ и пустилъ свой жирный смѣхъ, особенно противный Бабичеву.

— Слухомъ земля полнится, многоуважаемый Иванъ Степановичъ!..

— Это правда?—спросила княгиня съ усмѣшкой глазъ.

— Это еще проектъ, княгиня.

— И, кажется, это будетъ на землѣ вашего брата?

На вопросъ госпожи Мирковичъ—Бабичевъ только пожалъ плечами.

— И его вы обратили въ свою вѣру?—окликнула княгиня.

— Идея... архивеликодушная!—заговорилъ Шестковъ.—Вѣроятно, и капиталъ пожертвуете на поддержаніе школы?

— Вамъ хорошо говорить, m-r Шестковъ,—возразила вдова;—но въ нашей округѣ, если даже крестьянскія дѣвки будутъ учеными агрономами, тогда намъ хоть по міру иди!

— Почему же?—остановилъ Бабичевъ.

— Тогда онѣ научатся съ одной десятины получать самъ-десять и самъ-пятнадцать, и ихъ отцовъ, мужей и возлюбленныхъ уже не заманишь никакимъ жалованьемъ.

— Да, вотъ что̀!

Бабичевъ былъ доволенъ, что „баба-жохъ" не выдержала, и ея барышничество сказалось съ полной ясностью.

Онъ почувствовалъ въ эту минуту, какъ его терпѣть не могутъ не только такой „націоналистъ", какъ Шестковъ, но и такая лже-благодѣтельница меньшей братіи, да и такая — по старинному говоря—„львица", какъ княгиня.

Поддайся онъ на ея заигрыванья, она съумѣла бы сдѣлаться его возлюбленной, придерживая своего Бориса на томъ же любовномъ градусѣ; но онъ ей долженъ быть ненавистенъ, и она сдѣлаетъ все, что̀ нужно, чтобы отвести своего мужа отъ вліянія такого человѣка, какъ онъ.

Навѣрное, она, въ этой же гостиной, когда ее спрашиваютъ, какъ на него смотрятъ въ Москвѣ и Петербургѣ, отвѣчаетъ съ конца губъ:

— Il est très mal vu, le pauvre garçon!

Ему сдѣлалось вдругъ такъ скверно, что онъ дорого бы далъ, еслибы кто-нибудь вошелъ, и можно было перемѣнить разговоръ и благовидно удалиться.

И, какъ разъ, показался тотъ лакей, что стоялъ въ залѣ, съ маленькимъ серебрянымъ подносомъ, на которомъ лежала депеша.

— Его сіятельству!—доложилъ онъ ей въ полголоса, наклонившись немного впередъ.

Княгиня взяла депешу и кивнула ему головой.

По игрѣ лица видно было, что ей ужасно хочется вскрыть депешу.

— Можетъ быть, что-нибудь спѣшное?—подсказалъ Шестковъ, поднимаясь съ мѣста.

— Не знаю. Я по этой части педантка.

„И ты врешь,—подумалъ Бабичевъ:—если нужно, ты вскроешь и письмо“.

— Можетъ быть, что-нибудь неожиданное,—подсказала и гостья.—Тогда лучше предупредить.

— Ну, все равно!

Княгиня быстро надорвала депешу и такъ же быстро пробѣжала глазами нѣсколько строкъ.

— Ничего непріятнаго?—спросила въ полголоса гостья.

— О, нѣтъ!

Щеки ея сразу порозовѣли.

— Съ чѣмъ-нибудь поздравить прикажете?—окликнулъ Шестковъ.

— Если хотите...

Она, держа въ рукѣ листокъ депеши, сказала болѣе въ сторону Бабичева:

— Иванъ Степановичъ поздравлять врядъ ли будетъ.

— Кого, княгиня?

— Бориса... а черезъ него и меня.

— Награда?—почти въ одинъ голосъ спросили Шестковъ и вдова.

— Нашъ другъ... изъ Петербурга... извѣщаетъ, что на-дняхъ Борисъ будетъ...

И она назвала то званіе, которое онъ долженъ получить.

И вдова, и Шестковъ, зааплодировали.

Бабичевъ оставался все въ той же позѣ.

— Вы, должно быть, рады за вашего пріятеля?—спросила его госпожа Мирковичъ.

— У многоуважаемаго Ивана Степановича на все есть свое мѣрило. То, что другіе почитаютъ за большую честь, — то для него такъ... побрякушка.

На эту тираду Шесткова Бабичевъ ничего не отвѣтилъ и, обратившись къ княгинѣ, сказалъ:

— Вы, княгиня, должны быть особенно рады.

— Да, я рада!—сдержанно отвѣтила она, и ея взглядъ добавилъ: „Мой мужъ тоже... А до твоихъ взглядовъ, мой милый другъ, мнѣ—дѣла нѣтъ“.

— Да вотъ и самъ князь! — крикнулъ Шестковъ и подбѣжалъ къ двери.—Это его шаги.

Въ портьерѣ показался князь, какъ и тогда, въ Москвѣ, въ вицъ-мундирѣ, только безъ бѣлаго галстуха.

— Угадайте, съ чѣмъ мы сейчасъ поздравляли княгиню?—встрѣтилъ его Шестковъ.

— Право, не знаю.

Бабичевъ также поднялся. Князь пожалъ ему руку и спросилъ шутливо:

— Объясни мнѣ, голубчикъ, въ чемъ дѣло.

— Прочти!

Княгиня протянула ему депешу.

Онъ тоже слегка покраснѣлъ.

— Что-жъ? Надо поздравлять тебя?—сказалъ ему Бабичевъ.

— Но это, мой другъ, только слухъ. Онъ можетъ оказаться и уткой.

— Съ какой стати, Борисъ? — вскричала княгиня. — Ты знаешь, что тотъ, кто это телеграфировалъ, вздорнаго ничего не сообщитъ.

Князь все стоялъ съ депешей въ рукахъ, какъ будто немного конфузясь. — „Меня онъ стѣсняется?“ — спросилъ про себя Бабичевъ.

— Хочешь чаю, Борисъ?

— Я выпью съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ князь женѣ, сѣлъ и сейчасъ же торопливо закурилъ.

— Еще разъ отъ души поздравляю васъ, князь.

Вдова Мирковичъ потрясла свободную руку князя и хотѣла, кажется, обнять княгиню.

Та протянула ей руку и пошла проводить до двери.

Шестковъ, нагнувшись къ князю, положилъ ему руку на плечо и, подмигивая однимъ глазомъ, говорилъ:

— Теперь вотъ на слѣдующихъ выборахъ мы вамъ поднесемъ бѣленькихъ на тарелкѣ.

— Полноте, Константинъ Леонтьевичъ! И пожалуйста не распространяйте этого.

— Все равно. Слухомъ земля полнится.—Онъ кивнулъ головой на дверь. — Одна наша милѣйшая Клавдія Игнатьевна раззвонитъ съ особымъ удовольствіемъ.

И, обернувшись въ сторону Бабичева, онъ прибавилъ:

— Вотъ вашъ другъ... многоуважаемый Иванъ Степановичъ... какъ самый корректный человѣкъ въ городѣ, до поры, до времени, никому ничего не разскажетъ. А за симъ имѣю честь кланяться. Пора и честь знать. Я здѣсь съ четырехъ часовъ торчу.

Онъ потрепалъ князя по плечу, чмокнулъ, на ходу, у возвратившейся, въ эту минуту, княгини руку и, сдѣлавъ всѣмъ ручкой, выкатился изъ гостиной.

Присутствіе этого представителя „русскихъ началъ“ дѣлало для Бабичева еще тяжелѣе то, что̀ онъ теперь переживалъ.

А случилось то, чтò весьма возможно было ожидать. И болѣе, чѣмъ вѣроятно, что княгиня Марія Ѳедоровна сама отъ себя дѣйствовала въ Петербургѣ черезъ свою родню.

Вѣдь она говорила же, въ такомъ именно духѣ, въ Москвѣ, въ томъ же старомъ особнякѣ, въ приходѣ Успенья-на-Могильцахъ, послѣ чего онъ съ ней не видался.

Она молча подошла къ мужу, нагнулась и поцѣловала его въ маковку.

Князь взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

Эта сцена супружеской нѣжности въ другое время ничего бы въ немъ не вызвала неловкаго; а тутъ онъ почувствовалъ, что дѣлается чужимъ въ ихъ гостиной.

— Jean, голубчикъ... что же ты все тамъ сидишь неподвижно? —заговорилъ князь.—Придвинься, выпей со мной чаю. Marie, а ты и не предложила ему?

— Онъ только недавно вошелъ. У меня вообще нѣтъ особыхъ талантовъ дѣлать его менѣе торжественнымъ, plus dégommé... —прибавила она и, поведя головой, вернулась на свое мѣсто.

„Не лучше ли и мнѣ сейчасъ же удалиться?“ — подумалъ Бабичевъ.

Но это показалось ему слишкомъ малодушнымъ.

Одно онъ уже ясно видѣлъ: князь черезъ годъ будетъ „губернскимъ“, и его жена обработаетъ его гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ даже предполагаетъ.

Протянулось довольно многозначительное молчаніе.

— Ce cher Бабичевъ, — начала первая княгиня,—a l'air tout chose.

Въ ея тонѣ зазвучали уже новыя ноты.

Слова: „ce cher Бабичевъ“—были произнесены такъ, какъ она прежде не произнесла бы ихъ.

Ей уже представилась въ перспективѣ картина того, какъ на ней „кокошникъ“ и какъ ея Борисъ весь блещетъ отъ золотого шитья.

— Не хочешь, милый, рюмку ликеру?—какъ-то по дѣтски предложилъ князь.

Бабичевъ, въ первый разъ, подумалъ: „Да вѣдь онъ у меня... пороху не выдумаетъ“.

Неужели только добродушіемъ, манерами, пріятнымъ тономъ и покладливостью этотъ представитель „жантильомовъ“ могъ возбуждать въ немъ серьезныя надежды, что изъ него выйдетъ стойкій и убѣжденный земецъ?

И взъерошенные волосы и нервныя брови Руженцова выплыли

передъ нимъ, точно дразнили, а задорный ротъ съ нечистыми зубами спрашивалъ на своемъ жаргонѣ:

„Что̀, братецъ! Хоровое-то начало должно быть не фитўлито?“

— Merci... мнѣ пора.

— Куда же ты... бѣжишь? Это странно, право.

— Онъ не желаетъ хитрить,—отозвалась княгиня съ своего мѣста,—а поздравлять тебя не можетъ... да и не желаетъ.

— Но съ чѣмъ же поздравлять? Право... это все такъ преждевременно...

— Tout de même!

Она положила ногу на ногу и носокъ мелькалъ изъ-подъ края юбки. Да и въ голосѣ ея уже слышалась нервная вибрація.

— Ну, что жъ объ этомъ!

Князь пожалъ плечами и завозился въ креслѣ. Ему было очень не по себѣ.

— Согласись самъ, милый,—онъ повернулся лицомъ къ Бабичеву,—еслибъ это даже и состоялось,—не могу же я протестовать... enfin faire un esclandre?

— Il ne manquerait plus que cela!

Княгиня рѣзко повела головой.

— Не знаю, изъ-за чего ты волнуешься,—тихо выговорилъ Бабичевъ и взялся за свою мѣховую шапку, лежавшую рядомъ на столѣ.

— Однако, Бабичевъ,—заговорила княгиня горячѣе,—вы, въ эту минуту, даете понять Борису, что разъ онъ получитъ это званіе, онъ въ вашихъ глазахъ перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ вы его до тѣхъ поръ считали.

— Мэри... позволь...

Князь почти испуганно посмотрѣлъ сначала на нее, потомъ на Бабичева.

Онъ цѣнилъ его дружбу и, въ эту минуту, рѣшительно не зналъ, какого держаться тона и что̀ сказать, такого, что̀ сразу успокоило бы его пріятеля.

— Il n'y a pas de „mais“, mon cher!—уже рѣзче откликнулась княгиня.—Иванъ Степановичъ — выговорила она почти съ ироніей—славится своей правдивостью и смѣлостью. Зачѣмъ же не высказаться прямо?..

— Въ чемъ, княгиня?—уже гораздо суше остановилъ ее Бабичевъ.

— Полноте! Зачѣмъ эти экивоки? Я буду говорить не за

Бориса, а за себя, какъ его жена. Онъ останется такимъ же, какимъ былъ. То, чтò ему дадутъ... on lui devait cela... Я вамъ это говорила еще въ Москвѣ.

— Говорили, Марья Өедоровна,—также съ новымъ оттѣнкомъ выговорилъ Бабичевъ.

— Quoi alors? Что мой мужъ не будетъ считаться краснымъ?.. Да? Что ему надо будетъ держаться извѣстныхъ традицій? Тѣмъ лучше!

— Тѣмъ лучше,—повторилъ Бабичевъ.

Онъ всталъ, съ шапкой въ рукахъ, подошелъ къ князю, протянулъ ему руку и сказалъ:

— У тебя своя голова на плечахъ, Борисъ. Но не дурно иногда вспомнить поговорку, которую Толстой взялъ для „Власти тьмы".

— Какую это?—спросилъ князь.

— Коготокъ завязишь, и вся нога — въ капканѣ; а то и весь туда уйдешь. Это моя перифраза... До свиданія, княгиня.

Онъ поклонился ей, съ мѣста, гдѣ сидѣлъ, и вышелъ.

X.

Петру Степановичу, въ первый же вечеръ, когда онъ производилъ свою прогулку по безлюднымъ улицамъ, уже представился вопросъ:

„А долго ли я здѣсь выживу"?

Онъ, дорогой, не прочь былъ сдѣлать опытъ работы именно здѣсь, куда его ничто, кромѣ брата, не тянуло, гдѣ онъ могъ себя чувствовать въ родѣ какъ среди какихъ-нибудь туземцевъ.

Дни текли бы медленно, но незамѣтно, и Jean былъ бы доволенъ.

Сдѣлать что-нибудь пріятное старшему брату для него—всегда привлекательно. И еслибъ была его воля, онъ увезъ бы его подальше, и зажили бы они той „высшей" жизнью, которая для него только и придаетъ смыслъ „земной юдоли".

„За-граница" совсѣмъ не притягиваетъ его, какъ вѣроятно всѣ здѣсь думаютъ, въ томъ числѣ и братъ его.

Онъ готовъ бы былъ проводить, пожалуй, хоть двѣ трети года, въ деревнѣ, вдвоемъ.

Но вѣдь „Иванъ Степановичъ"—такъ онъ называлъ иногда брата про себя—и тамъ продолжалъ бы свою службу землѣ, возился бы еще больше и съ мужиками, и со школами, и съ фельдшерицами, и съ врачами.

Въ первые дни по пріѣздѣ сюда, онъ у себя на верху сидѣлъ съ нотной бумагой. Jean приготовилъ ему и піанино. Но онъ ничего не наигрывалъ прежде, чѣмъ братъ не уѣдетъ въ должность; а это не бывало раньше двѣнадцати.

Потомъ—просторъ и тишина и пользованіе обширнымъ кабинетомъ hall, гдѣ такъ много свѣта и такъ могло бы „вкусно" писаться.

Но ничего что-то не выходило.

Вотъ и сегодня, онъ сидитъ еще у себя, на верху — братъ уѣхалъ—передъ нимъ большая тетрадь нотной бумаги. Піанино раскрыто.

Рука съ перомъ лежитъ на бумагѣ. Взглядъ блуждаетъ. Изъ-за слегка затуманенныхъ стеколъ видна крыша сосѣдняго дома, вся покрытая снѣгомъ.

Идея сцены давно пришла, еще за границей, она даже записана, но развитія нѣтъ. Не играетъ голова и внутри нѣтъ того особаго ощущенія, когда въ груди начнетъ какъ бы слегка распирать и по головѣ пойдутъ мурашки.

Онъ понимаетъ—почему.

Одиночества нѣтъ, того настоящаго одиночества, когда вы наслаждаетесь полной свободой духа.

Онъ точно въ сѣткѣ съ мелкими петлями. Она не давитъ васъ, а мѣшаетъ двигаться. Каждый день около него—братъ, разговоры съ нимъ, визиты, опять разговоры, ѣда, обѣды, ужины, и въ головѣ непремѣнно что-нибудь вчерашнее.

И все—такъ чуждо и... для него низменно. Онъ почти съ ужасомъ спрашиваетъ себя: неужели и его судьба могла бы заставить проживать здѣсь, вотъ въ этомъ городѣ, цѣлыя зимы, годы, всю жизнь?

Деревня, глушь, даже ссылка, изба—такъ не страшили бы его, какъ эта яко-бы культурная провинція.

Такихъ, какъ его братъ Иванъ—два-три человѣка во всей губерніи. Но въ городѣ все, что̀ онъ знаетъ—всѣ помѣщики, судейскіе, инженеры, чиновники при губернаторѣ, разные другіе „чинуши"—все это—на его оцѣнку—было нѣчто обреченное на самое безсмысленное и пошлое отсчитываніе дней. Служба, волокитство, ѣда, сплетня, мелкая интрига, сальные анекдоты и карты, карты, карты до лютости! У тѣхъ, кто считаетъ себя высшихъ слоевъ—шампанское „Cristal", у остальной братіи—водка, пиво и русскія виноградныя вина.

Есть, кажется, нѣсколько десятковъ живущихъ здѣсь „не по своей волѣ". Они его никогда не интересовали. Можетъ быть,

между ними найдутся умные, начитанные и даже даровитые. Но онъ напередъ знаетъ—что̀ ихъ волнуетъ, о чемъ они говорятъ на своихъ вечеринкахъ, какія читаютъ книжки, что̀ признаютъ верхомъ интеллигенціи.

За границей онъ знавалъ болѣе „махровыхъ", и не могъ не только дружиться съ ними, но и въ чемъ-нибудь столковаться.

И этихъ подневольныхъ обывателей ему жаль. И они должны здѣсь глохнуть. Но ихъ поддерживаетъ сознаніе, что они—„соль земли", что они—страдальцы. Они должны находиться въ состояніи постояннаго раздраженія отъ здѣшнихъ „порядковъ"; они пишутъ корреспонденціи, они собираютъ матеріалы, они чего-то ждутъ и на что-то надѣятся.

Перо давно положено на столъ. Нотная тетрадь закрыта.

Онъ присѣлъ къ инструменту, взялъ нѣсколько аккордовъ и сталъ наигрывать мелодію.

Рисунокъ ея не поддавался обработкѣ, потому что внутри не было творческаго настроенія.

Питэръ захлопнулъ крышку и спустился внизъ. Его комната въ мезонинѣ—изъ-за этихъ потугъ работы—сдѣлалась ему почти антипатичной.

Внизу—въ кабинетѣ Ивана—онъ просматриваетъ газеты. И это—„кретинизирующее" занятіе. Когда ему пишется, онъ беретъ одну французскую и одну англійскую газету и пробѣгаетъ въ нихъ телеграммы, иногда передовую статью. На это идетъ полчаса.

А здѣсь онъ сталъ засиживаться за газетами. Братъ получаетъ ихъ чуть не дюжину, и въ томъ числѣ три-четыре русскихъ.

И этотъ видъ обывательской лѣни начинаетъ входить и въ него.

Онъ прошелся по кабинету нѣсколько разъ и, съ газетой въ рукахъ, присѣлъ не къ письменному бюро, а къ небольшому столику, гдѣ стояли разныя вещицы; обыкновенно лежала новая книжка журнала съ заложеннымъ въ нее ножемъ изъ слоновой кости.

Въ первый разъ онъ обратилъ вниманіе на плоскій футляръ изъ темной шагреневой кожи, изъ такихъ, которые служатъ складной рамкой для портрета.

Онъ взялъ его въ руки, отложивъ газету.

„Что̀ это у меня за обывательское любопытство развивается!" —брезгливо подумалъ онъ.

Но пальцемъ правой руки надавивъ маленькую металлическую пуговицу, онъ поднялъ крышку.

Это дѣйствительно былъ портретъ—ея, Сулиной.

Не дальше, какъ вчера, когда они оба говорили объ Еленѣ Сергѣевнѣ, онъ разбиралъ ея натуру, не сразу поддающуюся анализу. Братъ слушалъ его съ замѣтнымъ возбужденіемъ и многое находилъ очень мѣткимъ.

Эта женщина сама себя не знаетъ, какъ большинство особъ „женскаго пола"—такъ онъ выразился. Ей самой кажется, что она способна на глубокіе аффекты; а въ ней дѣйствуютъ гораздо болѣе нервы и мозгъ. Она можетъ быть добра, способна на прекрасные порывы, и все-таки она—„сушка".

Ивану это прозвище не особенно понравилось; но онъ тихо разсмѣялся и сказалъ ему:

— Смотри, Питэръ, какъ бы она не втянула тебя въ интересъ къ ея женской личности?..

Фотографія была слегка ретушевана и смотрѣла скорѣе акварелью.

Сулина снята въ томъ платьѣ, въ какомъ она была у себя, въ первый вечеръ, проведенный у нея Питэромъ.

Ему не понравилась ея поза; но положеніе головы и полупрофиль дѣлали ее особенно обаятельной.

И онъ долго смотрѣлъ на портретъ, медленно сложилъ его и захлопнулъ верхнюю доску футляра...

Вотъ уже больше недѣли живетъ онъ здѣсь, видаетъ брата и „сушку", чуть не каждый день, говоритъ о ней съ Иваномъ безпрестанно, и еслибъ его, какъ эксперта, спросили: есть ли между ними что-нибудь болѣе серьезное, чѣмъ „flirt"—онъ затруднился бы отвѣтить утвердительно.

Да и flirt врядъ ли такой, какой теперь за границей, въ свѣтѣ, бываетъ не только съ вдовами и съ замужними, а, сплошь и рядомъ, съ дѣвушками... особенно изъ тѣхъ, которыхъ уже вездѣ зовутъ „les demi-vierges" послѣ извѣстнаго романа.

„Сушка!"—выговорилъ онъ шопотомъ и задумался.

И она обречена на такую же обывательскую жизнь, какъ и братъ его, если его что-нибудь особенное не выбьетъ изъ его теперешней колеи.

Красива, очень умненькая, съ душкомъ, съ разными протестами женщины, съ желаніемъ имѣть свое дѣло, приносить пользу.

— Et patati, et patata!—громче воскликнулъ онъ и опять заходилъ по комнатѣ.

Мысль его стала кружиться вокругъ двухъ этихъ существъ, близкихъ ему здѣсь—брата и „сушки".

И чтеніе газетъ шло вяло.

Ему даже стало досадно, что онъ такъ много думаетъ о братѣ и этой „интересной феминисткѣ",— какъ онъ, про себя, называлъ ее.

Брата онъ любитъ, жалѣетъ его; но увезти его отсюда онъ не можетъ. Да еслибъ и могъ—Иванъ Степановичъ и за границей непремѣнно найдетъ себѣ какое-нибудь „дѣло"—въ его духѣ.

Еще, пожалуй, пустился бы въ публицистику, сталъ бы печатать брошюры и книжки... такія, послѣ которыхъ,—или ему затрудненъ былъ бы возвратъ на родину, или онъ, по возвращеніи, на чемъ-нибудь поймался бы.

Такъ же точно и эта „сушка".

Интересуетъ она его сама по себѣ, или потому, что можетъ очутиться женой брата?

Она—противъ брака. Но вѣдь это такъ только говорится, на первыхъ порахъ, послѣ неудачной супружеской экспертизы.

Или какъ возлюбленная брата?

Этотъ вопросъ вызвалъ въ немъ что-то въ родѣ не совсѣмъ пріятнаго щекотанья. „Это ихъ дѣло!" —почти вслухъ выговорилъ онъ.

Но,—какъ онъ ни досадовалъ, а все не могъ отрѣшиться отъ мысли о нихъ обоихъ.

Работу рѣшительно „заколодило".

Это выраженіе осталось у него еще изъ его гимназическихъ годовъ. Одинъ изъ его товарищей постоянно говорилъ это при рѣшеніи трудныхъ алгебраическихъ задачъ, когда ничего не выходитъ, а въ головѣ—упорная пустота.

Онъ поднялся къ себѣ наверхъ, одѣлся и пошелъ гулять.

Дѣланіе визитовъ уже тяготило его; не желая огорчать брата, онъ былъ у нѣсколькихъ господъ изъ его „партіи", какъ здѣсь называютъ. Надо было сдѣлать визитъ и начальнику губерніи.

Отъ неизбѣжныхъ приглашеній на обѣды уйти также нельзя; но пока еще это не превращается въ казенную барщину.

Совершенно незамѣтно прошелъ онъ на ту небольшую площадку, гдѣ стоитъ всегда нѣсколько извозчичьихъ саней и откуда спускъ къ городскому саду.

Это уже въ двухъ шагахъ отъ поворота въ улицу, гдѣ живетъ „сушка".

Почему-то его потянуло туда.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что она—дома; дѣлать визиты она не любитъ и вообще не очень показывается въ здѣшній „мондъ", находя, что званіе „разводки" подаетъ поводъ къ разнымъ ненужнымъ сѣтованіямъ или безтактностямъ.

И если она дома, то врядъ ли у нея сидитъ какая-нибудь барыня. „Журфиксовъ" у нея нѣтъ. Она пріѣхала всего на одинъ мѣсяцъ, и, разумѣется, ея „объектъ"—это братъ его, хотя онъ не думаетъ, что *ее* влечетъ къ нему совершенно такъ же, какъ *его* къ ней.

Сейчасъ будетъ переулокъ и второй домъ направо — это тотъ общедворянскій особнякъ, гдѣ живетъ Елена Сергѣевна.

Онъ уже безъ всякихъ колебаній остановился у подъѣзда, поднялся на крылечко и позвонилъ.

Отворила горничная и тотчасъ извинилась, сказавъ, что лакей „на минутку отлучился".

Питэръ уже видѣлъ ее разъ, вечеромъ, когда она что-то принесла барынѣ.

Елена Серѣевна водитъ ее въ черномъ платьѣ, съ большимъ мужскимъ фартукомъ, какъ въ нѣкоторыхъ кафе за границей.

— Барыня у себя?—ласково спросилъ онъ ее.

— Пожалуйте... вашъ братецъ здѣсь.

— Вотъ что̀,—промолвилъ Питэръ и вслѣдъ затѣмъ подумалъ: „что-то раненько забрался".

Не было четырехъ. Солнце еще не садилось.

— Пожалуйте. Я докладывать не стану.

Тонъ у нея былъ такой, что, молъ, вы оба—первые пріятели Елены Сергѣевны.

Но Питэръ чего-то какъ бы опасался. Онъ, однако, не сказалъ горничной, чтобы она все-таки пошла доложить. Проходя залой, онъ умышленно задѣлъ за ручку кресла.

— Это вы, Даша?—донесся голосъ Елены Сергѣевны.

И вслѣдъ зтѣмъ она сама показалась въ портьерѣ.

— Monsieur Pierre!—тихо вскрикнула она.—Какъ это кстати! Здѣсь вашъ братъ.

Когда онъ нагнулся поцѣловать ея руку, она ему сказала:

— Братъ вашъ очень взволнованъ. Подите... пристыдите его.

Она ввела его въ угловую, гдѣ было такъ уютно сидѣть по вечерамъ.

Иванъ всталъ, въ эту минуту, и повернулся къ двери.

— А! Питэръ!

Возгласъ былъ неопредѣленный.

Лицо у Ивана—блѣднѣе обыкновеннаго. Даже прядь волнистыхъ волосъ на лбу не на своемъ обычномъ мѣстѣ. Такимъ Питэръ еще не видалъ его ни въ этотъ пріѣздъ, ни раньше.

— Садитесь, садитесь!—пригласила хозяйка.

На диванчикѣ, около того мѣста, гдѣ она обыкновенно сидитъ — на половину перегнутый и довольно уже смятый листокъ какой-то газеты.

— Что̀ такое, а?—спросилъ Питэръ, садясь противъ нея на низкомъ креслецѣ.

Братъ его не садился, а напротивъ, отошелъ къ окну.

— Вы не читали сегодня?—спросила Сулина и взялась рукой за листокъ.

Она назвала заглавіе газеты.

— Кажется, Jean такой газеты не получаетъ,—отвѣтилъ Питэръ.

— Еще бы!

Глаза у нея заискрились и на щекахъ выступили даже два пятна.

— Какъ же вы хотите его успокоивать,—шутливо началъ Питэръ,—а сами какъ взволновались! Я еще васъ такой не видалъ.

— Да это гадость! Но я сейчасъ говорила вашему брату, что онъ долженъ непремѣнно отвѣчать.

— Чего братъ твой дѣлать не хочетъ!—отозвался съ своего мѣста Иванъ.

— И вы меня выбираете суперарбитромъ?—въ томъ же тонѣ выговорилъ Питэръ.

— Вотъ, прослушайте!

— Елена Сергѣевна! Зачѣмъ?..

Иванъ подошелъ къ дивану и протянулъ руку просительнымъ жестомъ.

— Позвольте... Отъ слушанія начала я васъ избавлю,—продолжала такъ же возбужденно Елена Сергѣевна.—Но вотъ съ этого мѣста.

И она стала читать отрывисто, съ трудомъ сдерживая свое волненіе.

— Позвольте...—прервалъ чтеніе Питэръ. — Jean! Вникни ты въ глубину женской логики...

— Ну, что̀ еще?—воскликнула Сулина.

— Да какъ же! Вы звали меня успокоивать брата. Но кто же въ этомъ больше нуждается: онъ или вы? Если онъ и волнуется, то не такъ, какъ вы, и категорически заявляетъ, что онъ на это отвѣчать не станетъ.

— Да вы дослушайте!—нервно крикнула она.

— Извольте.

Статья была — корреспонденція изъ ихъ города. Въ ней о братѣ его говорилось въ тонѣ сторонниковъ „охранительнаго“ лагеря, какъ о главномъ виновникѣ той „подпольной“ работы, которая ведется съ тѣхъ поръ, какъ „нашъ доморощенный Гамбетта“ сталъ играть роль вожака.

И затѣмъ шли какіе-то намеки, которыхъ и сама Елена Сергѣевна не понимала.

Не пожелалъ объяснять ихъ и старшій Бабичевъ.

— И это несомнѣнно принадлежитъ перу этого отвратительнаго Шесткова!—вскричала Сулина.

— Пускай!—отозвался Иванъ.

Онъ уже вполнѣ овладѣлъ собою.

— Развѣ можно это оставить безъ отвѣта?

Вопросъ былъ обращенъ скорѣе къ младшему брату.

— И весьма!

— Такой гнусный пасквиль!

— Въ немъ нѣтъ никакихъ фактовъ,—началъ Иванъ сдержанно, но съ замѣтной нервностью. — Ничего, въ чемъ нужно было бы оправдываться. Да еслибы и было что-нибудь, то и тогда я не сталъ бы отвѣчать на анонимную статью въ такомъ доблестномъ органѣ.

— И всѣ ваши извѣстнаго рода друзья, — возразила Елена Сергѣевна съ той же живостью,—подхватятъ эту гадость!

— Что же изъ этого?—остановилъ ее Питэръ.

— Ахъ, полноте... вы, monsieur Pierre, витаете... тамъ, въ высшихъ сферахъ, вы не знаете, что̀ такое нести общественную службу здѣсь, у насъ!..

— Не знаю, да и не желаю знать, милая Елена Сергѣевна. И вотъ, въ присутствіи вашемъ говорю, что еслибы брату поскорѣе набила оскомину вся эта возня съ обывателями—отъ мужиковъ до самыхъ культурныхъ экземпляровъ всей губерніи, да и всего отечества—я былъ бы въ восхищеніи!

— Въ самомъ дѣлѣ, Питэръ? — спросилъ Бабичевъ, присаживаясь къ нему и кладя ему руку на плечо.

Онъ сказалъ это тихо и съ усмѣшкой.

Елена Сергѣевна приложила обѣ ладони къ щекамъ и полузакрыла глаза.

— Не знаю,—начала она другимъ тономъ,—вы, можетъ быть, и правы, Jean...

Она первый разъ назвала такъ старшаго Бабичева, при его братѣ.

— И развѣ это какой-нибудь сюрпризъ?—спросилъ Иванъ.

—Было и прежде... только не въ такой... гадкой формѣ. Ты, Питэръ, не можешь взять въ серьёзъ все то, въ чемъ мы тутъ барахтаемся; но я вѣрю, милый, что ты былъ бы несказанно радъ вырвать меня отсюда...

— О, да!—воскликнулъ Питэръ.

— Никуда не уйдешь отъ жизни, — медленно выговорила Елена Сергѣевна и, когда отняла ладони отъ щекъ, привѣтливо взглянула на Питэра.

Этотъ взглядъ замѣтилъ старшій братъ.

— Вотъ Питэръ съумѣлъ создать себѣ свою жизнь изъ идей, образовъ и звуковъ.

— Хорошо уходить въ этотъ заколдованный міръ, пока творишь,—подумала она вслухъ.—А когда явится на свѣтъ то, что высиживалось годами, и поползутъ отовсюду скорпіоны... зависть, мелкая злоба и—что̀ того хуже—непониманіе и зубоскальство... Вѣдь такъ, monsieur Pierre?

— Такъ, — подтвердилъ Питэръ и сдѣлалъ жестъ правой рукой.—Но это все шлакъ.

— Шлакъ?—вопросительно повторила Сулина.

— Шлакъ жизни! Нашъ Пушкинъ любилъ повторять: „пишу для славы, для друзей". Даже и это слишкомъ. Пишу для себя, —выговорилъ онъ замедленимъ ритмомъ,—потому что есть замыслы, и они просятся наружу.

О томъ, что онъ серьезно работаетъ, какъ музыкантъ, она слышала отъ Ивана. Но самъ Питэръ еще ни разу не говорилъ съ нею о своихъ „замыслахъ" и не вводилъ ее въ свой внутренній міръ образовъ и звуковъ, и не высказывалъ того, что̀ его братъ любитъ называть „святая святыхъ".

Въ томъ, какъ онъ сейчасъ заговорилъ, она заслышала искреннія ноты, и ей стало немного завидно.

Она взглянула на старшаго брата, и ей сдѣлалось его жаль, немного въ томъ же родѣ, какъ и Питэръ жалѣлъ его.

Онъ кладетъ всю свою душу на „общее дѣло"—и кромѣ осѣчекъ, подвоховъ и разочарованій ничего не получитъ въ концѣ концовъ. Хорошо еще, если не пострадаетъ гораздо серьезнѣе.

И о себѣ она подумала въ такомъ же духѣ. Хорошо еще, что она женщина и, что ея затѣи не выходятъ изъ предѣловъ частнаго „почина". Да и то!

— Скажите, monsieur Pierre,—она протянула руку въ его сторону,—вѣдь въ музыкѣ, когда ею овладѣешь... вполнѣ...

— О! до этого еще далеко!

— Ну, да... Но когда свои мечты... идеи... Простите—у меня нѣтъ краснорѣчія вашего брата Ивана Степановича... но вы оба меня понимаете, въ эту минуту.

— Вы совершенно точно выражаете вашу мысль,—ласково откликнулся Питэръ.

— Да, когда ваши идеи просятся вылиться въ звуки,—тутъ завидно то, что вы не нуждаетесь ни въ чемъ такомъ... вотъ видите, я и запуталась.

— Вовсе нѣтъ, Елена Сергѣевна, — одобряюще замѣтилъ старшій братъ.

— Вы хотите сказать,—продолжалъ за нее Питэръ и, прикрывъ глаза своими густыми рѣсницами, сталъ говорить, подавшись назадъ; онъ взялся обѣими руками за правое колѣно и слегка покачивался.—Да! Музыка—какъ бы внѣ времени и пространства, хотя она и немыслима безъ ритма; а ритмъ есть дѣленіе времени. Она выше всякихъ ограниченій, разницы языка, быта, условій, направленій, пользы! Особенно этой ужасной пользы! Если даже у васъ и нѣтъ настоящаго таланта, но вы овладѣли формой, вы все-таки способны чуять возможность чего-то, что̀ подниметъ васъ — не сегодня-завтра — надъ мизерной жизнью, надъ унизительной борьбой съ природой и съ себѣ подобными.

— Завидно!

У нея вырвался тихій вздохъ.

— Это блаженныя минуты; но онѣ не дѣлаютъ жизни,—въ полголоса вымолвилъ Иванъ.

— Дѣлать жизнь! Оставь, my dear fellow! Не повторяй ты этой педантской формулы. Ничего не надо дѣлать... такого, что̀ съумѣютъ выполнить другіе... сотни, тысячи, милліоны другихъ. И вся ихъ суетня, изъ вѣка въ вѣкъ, будетъ только выполненіемъ того, что̀ называется закономъ развитія.

Питэръ быстро взглянулъ на брата.

— Jean, для тебя это ересь, безумное дилеттантство... пожалуй то, что̀ психіатры называютъ moral insanity... Но вѣдь я отвѣчаю только на то, съ чѣмъ ко мнѣ обратилась Елена Сергѣевна... я показываю уголокъ того, что̀ можно испытывать въ тѣхъ сферахъ, гдѣ—онъ засмѣялся — нѣтъ ни земской управы, ни милашекъ въ родѣ господина Шесткова.

— Да! Да! Это завидно!—промолвила Сулина и опустила голову.

И тутъ впервые Иванъ зачуялъ въ ней нѣчто такое, чего не замѣчалъ до пріѣзда его брата.

Онъ ничего не сталъ возражать и, какъ бы стѣсняясь, взглянулъ на ея лицо...

XI.

У себя, наверху, Питэръ сидѣлъ за столикомъ—еще изъ его юношескихъ лѣтъ—и при свѣтѣ двухъ свѣчей подъ абажурами доканчивалъ письмо одному заграничному пріятелю.

Переписка была у него небольшая; но двумъ-тремъ лицамъ, въ томъ числѣ одной женщинѣ, онъ писалъ всегда много заразъ и только чисто-интимныя вещи — о своихъ идеяхъ, вопросахъ, настроеніяхъ, книгахъ, о томъ, что̀ прочелъ, какъ ему работается, отвѣчая на такія же темы друзей.

Сегодня ему съ утра нездоровилось. Онъ сидитъ дома. Братъ звалъ его обѣдать въ клубъ; но онъ отказался, и они будутъ обѣдать дома, чему онъ радъ.

Вотъ сейчасъ онъ поставилъ въ письмѣ вопросъ: „долго ли я останусь здѣсь?“—письмо было къ одному французу-писателю—и затруднился, что̀ отвѣтить самому себѣ.

Дѣловыхъ задержекъ нѣтъ никакихъ. То, что̀ братъ его желалъ имѣть отъ него—все улажено. Онъ отдалъ свою пустошь на ихъ общую „затѣю“—учрежденіе сельско-хозяйственной школы для крестьянокъ, съ запашкой и образцовой фермой. Своихъ особенныхъ дѣлъ у него нѣтъ. Арендныя деньги далеко не всѣ еще получены; но онъ къ этому привыкъ.

Ему жаль было бы „бѣжать“ отъ брата Ивана именно теперь. Его популярность—все та же, но и каверзы его недоброжелателей все ростутъ. Пасквильная корреспонденція въ охранительной газетѣ придала храбрости такимъ господамъ, какъ его принципіальный врагъ Шестковъ.

Братъ никому не разсказывалъ про ихъ школу и ферму, кромѣ Сулиной и, можетъ быть, кого-нибудь изъ самыхъ преданныхъ ему земцевъ; но это разнеслось, и не дальше, какъ вчера, появилась въ мѣстномъ листкѣ замѣтка, въ видѣ слуха, именно объ этомъ, въ какомъ-то двойственномъ духѣ.

И брата это опять огорчило.

Его главный „другъ“—Елена Сергѣевна какъ-то умѣетъ хорошо на него вліять, въ такихъ вотъ случаяхъ. Въ ней самой нѣтъ того высшаго спокойствія, которое нужно имѣть ея другу. Она за него если не тщеславна, то слишкомъ самолюбива, мо-

жетъ посовѣтовать, какъ тогда, прямо нѣчто ниже его достоинства. Для нея онъ, прежде всего, „вожакъ“ той мѣстной партіи, гдѣ она сама хочетъ играть роль.

Не такую женскую душу ему надо.

Сама по себѣ, эта „сушка“ интересна. Ею стòитъ заняться, во многомъ: не пересоздать—этого нельзя съ женщиной!—но иначе направить.

О знакомствѣ съ нею онъ говоритъ уже во второмъ письмѣ за границу, и когда онъ сейчасъ перечиталъ, молча, то, чтò написалъ о Сулиной, то немного даже смутился.

Выходитъ, какъ будто она его немного „захлестнула“ — выраженіе изъ литературнаго жаргона, которое онъ употребляетъ, говоря о томъ, чтò другіе называютъ по-французски „une toquade“.

Признаться въ этомъ онъ не хотѣлъ бы себѣ, по многимъ причинамъ и прежде всего потому, что онъ не желалъ бы ничего такого, чтò осложнило бы его ясное, прочное, чистое и, по своему, нѣжное чувство къ старшему брату.

И выходило, что какъ ему ни жаль Ивана, а заживаться здѣсь—не слѣдуетъ уже помимо того, что его работу „заколодило“, и дни тянутся самыя „обывательскіе“.

Когда онъ доканчивалъ письмо, ему показалось, что внизу позвонили не одинъ разъ. Это могъ вернуться братъ...

Вѣроятно, это почтальонъ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Настроенный письмомъ, онъ желалъ бы приласкать брата, излиться ему насчетъ его самого, не давая ему совѣтовъ, но оцѣнивая его жизнь по-своему.

Выспрашивать его о чувствѣ къ Сулиной — онъ и на прощанье не рѣшился бы. Сказать ему: „смотри, не поймайся, та ли это женщина, какую тебѣ надо?“ —онъ не затруднился бы раньше; но теперь въ немъ сидитъ какая-то задержка.

Его все-таки потянуло внизъ. Черезъ полчаса они сядутъ за столъ. Гостей никого не будетъ. Они могутъ провести весь вечеръ вдвоемъ или хоть часть его, если у брата опять какое-нибудь засѣданіе.

Питэръ спустился внизъ, по узкой лѣстницѣ, какъ всегда очень молодо и легко.

Ему попался мальчикъ, на площадкѣ.

— Иванъ Степановичъ одинъ?—спросилъ онъ его на ходу.

— Никакъ нѣтъ... у нихъ офицеръ съ визитомъ.

— Кто такой?

— Извините, баринъ... я доложилъ фамилію, только теперь запамятовалъ...

Офицеру Питэръ почти обрадовался. Не будетъ ни дѣловыхъ разговоровъ, ни губернскихъ партійныхъ слуховъ и подвоховъ.

Изъ кабинета доносился очень молодой голосъ, съ манерой говорить, которая сейчасъ отнесла Питэра къ петербургскимъ гостинымъ, гдѣ ему бывало особенно противно.

Онъ все-таки вошелъ. Братъ сидѣлъ у бюро; а гость—противъ него, лицомъ къ входу, въ адъютантской формѣ, съ вензелями на эполетахъ, красивый брюнетъ, съ моднымъ кокомъ на подстриженныхъ по-военному волосахъ, румяный, съ длинными, разрыхленными усами, рослый, по всѣмъ статьямъ дирижеръ нарасхватъ во время танцовальнаго сезона.

— Вы не знакомы,—сказалъ ему Иванъ, немного приподнимаясь:—братъ мой Петръ... Леонидъ Өедоровичъ Кардаковъ, младшій братъ княгини Мироновой.

„А! вотъ кто ты!“—подумалъ Питэръ, подавая ему руку.

Сходство съ сестрой также стало ему ясно: тотъ же носъ, и ротъ, и оvалъ, и весь складъ рослаго тѣла. И тотъ же взглядъ крупныхъ глазъ—выспрашивающій и дерзкій подъ своей условной усмѣшкой.

— Угодно курить? — предложилъ хозяинъ и протянулъ папиросницу.

Тонъ Ивана съ этимъ молодымъ военнымъ карьеристомъ былъ вѣжливо-суховатый, что̀ Питэру понравилось.

Его самого многіе считали не только въ Россіи, но и за границей „снобомъ“; но онъ искренно презиралъ вотъ такихъ господъ, и военныхъ, и статскихъ, съ ихъ совершенной „плоскодонностью“ и обезьяньимъ изяществомъ.

— Сестра просила передать вамъ, что она на васъ сердита.

— За что?—остановилъ Иванъ.

— Вы совсѣмъ ихъ забыли. Beau-frère мой уѣхалъ, какъ вы знаете, представляться.

— Да?—вопросительно выговорилъ Иванъ.

— Какъ же... Вчера состоялось.

Онъ даже не досказалъ, что̀ состоялось.

— И сегодня онъ уѣхалъ?

— Да... такъ вышло. Иначе онъ долженъ былъ бы долго ждать своей очереди.

— Я ничего не зналъ, — повторилъ съ удареніемъ Иванъ.

— Сестра говорила мнѣ сейчасъ... „М-г Бабичевъ не хотѣлъ даже поздравить Бориса“.

— Это было немножко трудно, если братъ ничего не зналъ, —замѣтилъ, какъ бы въ сторону, Питэръ.

— Да вѣдь при васъ, кажется, получена была депеша?— спросилъ офицеръ и осклабился.

— Да... но она была отъ знакомаго.

— Marie не думаетъ, что вы за это не хотите совсѣмъ ихъ знать...

— За что же? — спросилъ Питэръ, не дожидаясь вопроса брата.

— А вотъ за то, что Борисъ получилъ такое званіе.

Иванъ только пожалъ плечами.

— У васъ такая репутація, m-r Бабичевъ. Когда о васъ зайдетъ рѣчь... а говорятъ о васъ постоянно, то васъ иначе не называютъ, какъ le chef de file... des radicaux.

— Что же, на здоровье!

— Но Marie считаетъ васъ въ сущности совсѣмъ не такимъ. Иначе вы бы не были пріятелемъ Бориса. И служа по выборамъ, вы бы давно имѣли тѣ distinctions honorifiques, какія каждый дворянинъ на виду имѣетъ шансы получить... особенно теперь.

Питэръ опустилъ глаза.

„Онъ столь же глупъ, сколь и нахаленъ", —поставилъ онъ про себя отмѣтку петербургскому адъютанту.

— Кто же отъ своего откажется? — продолжалъ гость.— Согласитесь —онъ подался впередъ своимъ стройнымъ корпусомъ, —будь вы на мѣстѣ Бориса, какіе бы тамъ ни были взгляды... развѣ мыслимо не принять то, что̀ даютъ, какъ отличіе?

Иванъ ничего не отвѣтилъ. Сквозь его условную улыбку просвѣчивало не столько раздраженіе, сколько тягость такого разговора.

— Такъ что̀ же прикажете сказать Marie?—спросилъ офицеръ, и поднялся, нагнувъ немного голову и щелкнувъ слегка шпорами.

— Я буду у Маріи Ѳедоровны и прошу ее передать мое поздравленіе Борису.

— Онъ въ „Hôtel d'Europe" и пробудетъ дней пять, можетъ быть и шесть.

— Благодарю васъ.

— А завтра пріемный день Мари. Это она просила вамъ напомнить.

Онъ еще разъ щелкнулъ каблуками, сжалъ крѣпко руку

сначала старшему, потомъ младшему брату и тронулся. Иванъ пошелъ проводить его до дверей.

Питэръ присѣлъ къ бюро и опустилъ голову въ ладонь правой руки.

То чувство жалости, какое схватило его за сердце наверху,— обострилось.

Ему стало и обидно за брата.

— Такъ мы дома обѣдаемъ, Питэръ милый?—спросилъ его Иванъ, подойдя къ его стулу и наклоняясь къ нему.—Я особенно радъ этому.

— А вечеромъ у тебя есть выѣздъ?

— Увы! Опять коммиссія и опять милѣйшій Шестковъ.

Иванъ отошелъ къ камину и сѣлъ въ мягкое, низковатое кресло.

Черезъ нѣсколько секундъ Питэръ поднялся, тихо подошелъ къ брату сзади и сбоку, и поцѣловалъ его въ лобъ.

Эта неожиданная ласка заставила Ивана встрепенуться. Онъ даже мгновенно покраснѣлъ и обнялъ брата за талію.

— Питэръ, дорогой! Что̀ это?..—не договорилъ онъ.

— Прости... Мнѣ стало нестерпимо жаль тебя.

— Почему такъ?

— Вотъ этотъ нахальный дурачокъ капнулъ послѣднюю каплю, и чаша переполнилась.

— Полно! Сто̀итъ ли онъ того!

— Однако, постой!..—Питэръ сѣлъ противъ него и подался на креслѣ. — Этотъ самый идіотикъ — онъ можетъ черезъ полгода, выйдя въ отставку, очутиться твоимъ коллегой, земцемъ? Его выберутъ въ предводители...

— Очень можетъ быть.

— И онъ на обѣдѣ гдѣ-нибудь полѣзетъ съ тобой пить брудершафтъ.

— Можетъ и это быть.

— Вѣдь его beau-frère—не такой пошлякъ, но, согласись, онъ гораздо ближе по своему складу къ женѣ и вотъ къ этому франту, чѣмъ къ тебѣ.

— Увы!

— И этотъ идіотикъ-нахалъ поставилъ тебѣ вопросъ ребромъ: занимай ты должность Бориса Миронова, развѣ ты не долженъ былъ бы принять то, съ чѣмъ ты долженъ поздравлять его и его супругу?

— Этого не будетъ.

— Почему, my poor fellow? Я—плохой обыватель; но должность

предводителя, очень вліятельная при нынѣшнихъ порядкахъ, по моему гораздо значительнѣе, чѣмъ то, въ чемъ ты долженъ... барахтаться.

— Это какъ взглянуть.

— Все равно. Ты ничего не добьешься, кромѣ развѣ того, что тебя устранятъ подъ тѣмъ или инымъ видомъ.

— Я на это иду.

— Тогда что же? Это игра какая-то, спортъ? Трата лучшихъ силъ... на что? И ты страдаешь отъ тысячи мелкихъ и крупныхъ пошлостей и гадостей, и ты, какъ бѣлка, вертишься въ колесѣ...

— И по доброй волѣ я не уйду.

— Знаешь, Jean! Я тебѣ покаюсь,—я былъ бы радъ, еслибы тебя удалили отсюда... въ имѣніе или даже въ какую-нибудь дыру... или предложили бы поѣздку на три года за границу...

— Да?—веселѣе спросилъ Иванъ.

— Каждый день, когда я просыпаюсь, мнѣ приходитъ эта мысль.

— Чѣмъ же это было бы лучше?

— Я бы тебя увезъ... Ты бы стряхнулъ съ себя это обывательское тягло.

Питэръ всталъ, подошелъ къ креслу брата и присѣлъ на его ручку.

— Тебя не будетъ тяготить одиночество... Если у тебя есть привязанность...

Онъ слегка запнулся.

— Тѣмъ лучше!—продолжалъ онъ.—Будь я на твоемъ мѣстѣ —я бы зналъ, что мнѣ дѣлать.

Это былъ первый намекъ на его отношенія къ интересной разводкѣ.

Иванъ вѣроятно его понялъ, но ничего на это прямо не отвѣтилъ.

А Питэру сдѣлалось тотчасъ же не по себѣ. Онъ упрекнулъ себя въ неделикатности.

Въ братѣ его намекъ заронилъ желаніе заговорить о своей привязанности къ той женщинѣ.

Но что-то его удержало... стыдливое чувство и еще что-то, похожее на страхъ.

— Ты не признаешь за мной права жалѣть тебя? — спросилъ Питэръ, остановившись передъ нимъ.

— Полно. Ты, милый, глубоко меня трогаешь! И мнѣ прискорбно, что никто тебя не знаетъ; считаютъ...

— Сосулькой?.. какъ мы называли въ дѣтствѣ ледяные сталактиты на крышѣ?

— Вотъ, вотъ!

У Питэра горѣлъ на губахъ вопросъ:

„И Елена Сергѣевна такъ же"?

Но онъ этого не сказалъ.

— Я смотрю на твое служеніе общему дѣлу, — заговорилъ онъ торжественно,—какъ на самый тягостный видъ самоубійства.

— Можетъ быть! — отозвался Иванъ болѣе нервной нотой. —На войнѣ—не слаще! И при побѣдѣ можно остаться калѣкой на всю жизнь, или найти вѣрную и безплодную смерть. Такъ и тутъ, милый Питэръ... уходъ для каждаго честнаго человѣка—измѣна...

— Чему? Твоему пресловутому хоровому началу?

Этотъ возгласъ зазвучалъ у него въ ушахъ, точно откликъ рѣчей Руженцова.

— А безъ него, — выговорилъ Иванъ, протягивая руку,— все рухнетъ!..

— Аминь!—докончилъ Питэръ и замолчалъ.

П. Боборыкинъ.

ИЗЪ
АМЕРИКИ ВЪ ЯПОНІЮ

Окончаніе.

IV *).

Іокогама.—Токіо.—Кобе.—Японское Средиземное море.

Итакъ—возвращаюсь къ плаванію нашему четыре года спустя на „Gaelic“ — передъ нами открылись берега Японіи. Кстати, въ это самое время разсѣялся туманъ; мы любуемся чудной панорамой солнечнаго заката за высочайшей въ Японіи и очень красивой снѣжной вершиной Фуджи-Яма. Это—любимая гора японцевъ, совершенно правильной конической формы, и изображаемая ими на всѣхъ пейзажахъ. Народъ не можетъ обойтись безъ легендъ, и про Фуджи-Яму сложилась такая легенда, будто она образовалась въ одну ночь и такъ тихо, что этого никто не замѣтилъ.

Море было гладко, какъ зеркало. Изъ безбрежнаго океана мы входимъ въ архипелагъ; кругозоръ нашъ постепенно замыкается. Стоя на лѣвомъ борту парохода, мы любуемся многочисленной рыбацкой флотиліей, за много миль отъ берега выѣхавшей въ море. Съ праваго борта зовутъ посмотрѣть на дѣйствующій вулканъ, величественно и высоко дымящій.

Чѣмъ дальше углубляемся мы въ архипелагъ, чѣмъ ближе

---

*) См. выше: янв., стр. 171.

подходимъ къ японскимъ берегамъ, тѣмъ болѣе пейзажъ становится специально японскимъ. И происходитъ это не столько отъ типа и характера жителей, построекъ и вообще культуры края, сколько отъ самой природы. Для глаза европейца, особенно послѣ широкаго размаха американской природы, есть что-то миніатюрное въ природѣ Японіи. Мнѣ кажется, что природу Японіи можно яснѣе всего представить себѣ, если рѣшить въ воображеніи слѣдующую задачу. Возьмите знакомую вамъ мѣстность со средней величины холмами и озерами и представьте себѣ, что, сохраняя всѣ высоты земной поверхности и всѣ глубины озеръ, вы сжали всю страну такъ, что всѣ горизонтальныя разстоянія уменьшились разъ въ десять. Получатся очень крутые уклоны горокъ и холмовъ. Благодаря климату Японіи, крутизна уклоновъ не мѣшаетъ имъ быть обросшими сплошь чудной густой и очень темной растительностью. Сдѣлайте тотъ же маленькій опытъ со Швейцаріей, и вы получите горную часть о. Ниппона, мимо которой и совсѣмъ вблизи которой мы плывемъ теперь. Совершенно свободно мы видимъ нѣсколько плановъ горныхъ отроговъ, разставленныхъ, подобно театральнымъ кулисамъ, одинъ за другимъ. Путь нашего парохода вьется между островками и скалами; поэтому красивые пейзажи бѣгутъ предъ нами какъ въ панорамѣ, но поэтому же и пароходъ идетъ уменьшеннымъ ходомъ. Близость остановки улучшаетъ душевное состояніе пассажировъ, и по отдачѣ якоря около семи часовъ вечера въ іокогамской бухтѣ началось трогательное прощаніе продолжающихъ плаваніе съ остающимися въ Іокогамѣ. Смѣшна эта черта морскихъ путешествій. Сначала всѣ дичатся, но стараются быть вмѣстѣ, разсматриваютъ, разглядываютъ другъ друга. Затѣмъ познакомились, бесѣдуютъ, играютъ, держатся толпой, пока не начнутъ взаимно надоѣдать. Подъ конецъ переѣзда видимо избѣгаютъ другъ друга, спортъ забытъ, рояль закрытъ; натуры непосредственныя при этомъ перепиваются и переругиваются. При разставаньи же всѣ дружески прощаются между собой и радуются при случайныхъ затѣмъ встрѣчахъ.

Паровой баркасъ, лавируя между огнями стоящихъ на рейдѣ судовъ, доставляетъ насъ на плохо освѣщенную пристань, откуда, послѣ таможеннаго осмотра, насъ везутъ дженерикши въ „Grand Hôtel“. Мы въ „сезонѣ“ въ Іокогамѣ,—поэтому въ „Grand Hôtel“ не находится свободнаго номера, и мы переѣзжаемъ въ „Occidental and Oriental Hôtel“. Тутъ тоже нѣтъ свободныхъ номеровъ, но хозяинъ гостинницы входитъ въ наше бѣдственное положеніе и предлагаетъ намъ переночевать въ читальнѣ, но не раньше

11-ти часовъ и при условіи, что мы освободимъ комнату завтра къ 10 часамъ утра. Нечего дѣлать—соглашаемся; въ ожиданіи 11 часовъ, ѣдемъ въ театръ по улицамъ, освѣщеннымъ бумажными фонариками и наполненнымъ толпой японцевъ. Среди хаоса звуковъ шумной толпы какъ основной мотивъ слышится непрерывное шлепанье деревянныхъ сандалій по каменной мостовой. Замысловатыя для непривычнаго глаза, артистическія прически женщинъ невполнѣ соотвѣтствуютъ значительной небрежности мужскихъ туалетовъ, весьма, впрочемъ, естественной въ виду климатическихъ условій теплаго вечера. Изрѣдка мелькаютъ въ толпѣ совсѣмъ обнаженные торсы.

Въ театрѣ мы застали конецъ какой-то японской комедіи, сыгранной настолько реально и хорошо, что мы съ интересомъ слѣдили за развитіемъ хода пьесы. По окончаніи дѣйствія, мы собрались-было уходить, но сидѣвшая сзади насъ японка по собственной иниціативѣ взяла на себя трудъ объяснить намъ, при помощи мимики и вѣера, что сейчасъ будетъ послѣдній актъ и притомъ, по ея мнѣнію, самый интересный. По вынутымъ мною часамъ она указала, что антрактъ продлится не долѣе четверти часа. Мы послушались и остались на своихъ мѣстахъ. Публика, сидящая во время представленія на полу на корточкахъ, во время антрактовъ ложится на полъ, покрытый бамбуковыми циновками. Прямо передъ нами сидѣли два японскихъ джентльмена, весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ узкой повязки, замѣняющей европейскіе панталоны, изъ короткихъ бѣлыхъ матерчатыхъ носковъ своеобразной формы, на манеръ рукавицъ, съ выдѣленнымъ большимъ пальцемъ для держанія сандалій, и изъ киримоно, повязаннаго кушакомъ. И по покрою, и по матеріи киримоно напоминаетъ пестрядинные халаты, въ которые когда-то ремесленники одѣвали своихъ подмастерьевъ. Въ рукахъ—вѣеръ, сандаліи оставлены при входѣ въ театръ, на головѣ—природная, остриженная бобромъ, шапка черныхъ жесткихъ волосъ. Въ виду жары, киримоно раздвинутъ на груди, а полы подоткнуты за поясъ, оставляя на виду обнаженныя ноги. Одинъ изъ этихъ джентльменовъ ложится спиной кверху, облокачивается на лѣвую руку, правой рукой обмахивается вѣеромъ и, высоко задравъ ноги, болтаетъ ими въ воздухѣ и постукиваетъ пяткой о пятку въ тактъ движенію вѣера. Собесѣдникъ его продѣлываетъ то же, но лежа на спинѣ.

Передъ началомъ дѣйствія раздается ударъ въ полъ. Зрители встаютъ съ пола и садятся на корточки. Дѣйствіе открывается арестомъ героя пьесы. Выходъ актеровъ по японскому

обычаю происходитъ черезъ весь партеръ со стороны, противоположной сценѣ. При входѣ героя въ театральный залъ, на него набрасываются актеры, изображающіе полицейскихъ, и тащатъ его въ „участокъ", изображенный на сценѣ. Но до сцены герой пьесы вступаетъ въ борьбу съ полицейскими и ведетъ ее столь реально, что одно время мнѣ казалось, что дерутся зрители. Драка достигаетъ апогея по прибытіи актеровъ на сцену и развертывается въ головокружительныя акробатическія упражненія, во время которыхъ полицейскіе летали на воздухъ съ двойными и тройными сальтомортале. Тѣмъ не менѣе, комедія кончается побѣдой полиціи надъ героемъ. Порокъ наказанъ, и театръ пустѣетъ при одобрительныхъ „кхэ, кхэ" зрителей. При выходѣ изъ театра отбираютъ билеты. Я вступаю въ коммерческую сдѣлку и послѣ небольшихъ переговоровъ дѣлаюсь обладателемъ входнаго въ японскій театръ билета: это—полудюймовой толщины дощечка, длиной въ пять вершковъ, шириною въ вершокъ, покрытая японскими надписями, сдѣланными тушью отъ руки.

Въ отель мы вернулись другой дорогой, пересѣкая кварталъ чайныхъ домовъ. По обѣимъ сторонамъ длинной улицы стоятъ двухъ- и трехъ-этажные дома, напоминающіе гигантскіе курятники, благодаря рѣшетчатымъ деревяннымъ стѣнамъ нижнихъ этажей. Въ верхнихъ этажахъ рѣшетки затянуты бумагой; оттуда слышны уныло-дикіе звуки японской музыки. Рѣшетчатыя стѣны нижнихъ этажей ничѣмъ не заставлены, и за рѣшетками, лицомъ къ улицѣ, неподвижно и молча сидятъ на корточкахъ „красавицы" съ набѣленными лицами, съ застывшимъ взглядомъ, методически обмахивающіяся вѣеромъ. Въ каждомъ домѣ—особые цвѣта платьевъ. И такихъ домовъ сплошь сотни, и такихъ красавицъ—десятки тысячъ. Прогулка по этой улицѣ вечеромъ во время выставки живыхъ куколъ, очевидно, входитъ въ обязательную программу туриста: наши дженерикши по своей иниціативѣ провезли насъ мимо чайныхъ домовъ и, пріостанавливаясь противъ нѣкоторыхъ, не безъ національной гордости обращали наше вниманіе на роскошные туалеты и иллюминаціи.

Въ столицу Японіи—Токіо—мы отправились изъ Іокогамы по желѣзной дорогѣ. Странное впечатлѣніе произвела на насъ первая видѣнная нами японская желѣзная дорога: ширина колеи на треть меньше нашей, вагончики миніатюрные, пассажиры—тоже, кондуктора, кассиры, машинисты — тоже. Въ этой обстановкѣ европейцы средняго роста чувствуютъ себя великанами: мы едва помѣщаемся на скамьяхъ и чуть не стукаемся головами о притолки вагонныхъ дверей. Въ поѣздѣ—три класса вагоновъ.

За билетъ перваго класса берутъ 81 центъ (около 80 коп.), за что везутъ довольно быстро въ теченіе около часа. Въ одинъ съ нами вагонъ, кромѣ нѣсколькихъ европейцевъ съ дамами и нѣсколькихъ японцевъ, одѣтыхъ по-европейски, сѣлъ японецъ въ національномъ костюмѣ, такъ же облегченномъ, какъ описанный выше костюмъ театральныхъ зрителей. Войдя въ вагонъ, этотъ пассажиръ чинно усѣлся на скамьѣ, оставивъ по-европейски ноги опущенными на полъ; затѣмъ, очевидно, подъ вліяніемъ духоты въ вагонѣ, онъ раздвинулъ киримоно на груди, потомъ подоткнулъ подъ себя полы киримоно и сталъ обмахивать вѣеромъ колѣни; наконецъ, рѣшительно отказавшись отъ стѣснительныхъ европейскихъ манеръ, подтянулъ подъ себя ноги и усѣлся на пяткахъ на диванѣ.

До отхода поѣзда трудно разговаривать—такой шумъ идетъ отъ толпы японцевъ-пассажировъ, шлепающихъ по платформѣ своими сандаліями. Казалось бы, и такъ трудно идти на высокихъ сандаліяхъ-ходуляхъ,—многія же японки тащатъ ребятъ, плотно притянутыхъ къ спинѣ матери. Впрочемъ способъ передвиженія на спинахъ людей практикуется въ Японіи не только дѣтьми: мимо насъ проѣхала на спинѣ японца дряхлая старуха; на лубочныхъ же картинахъ попадаются изображенія офицеровъ, верхомъ на солдатахъ, ведущихъ войска въ бой.

Между Іокогамой и Токіо поѣздъ останавливается на пятишести станціяхъ. Тотчасъ за городомъ начинаются миніатюрныя рисовыя поля на узкой площадкѣ вдоль берега моря, по которой мы ѣдемъ. Слѣва отъ насъ возвышается—нельзя сказать—хребетъ, скорѣе—хребетикъ горъ. Нигдѣ нѣтъ невоздѣланнаго, неразработаннаго кусочка земли. Деревень нѣтъ, но вся страна покрыта отдѣльными фермами, вездѣ идутъ полевыя работы. Рисъ родится здѣсь круглый годъ; поэтому изъ окна вагона мы видимъ всѣ фазисы обработки риса. Вотъ кусочки поля, заботливо огражденные земляными валиками и обработываемые подъ рисъ; люди стоятъ по колѣно въ водѣ. Вотъ ярко-зеленые свѣтлые всходы риса, вотъ уборка его. И вездѣ кипитъ работа, вездѣ копаются миніатюрные люди; а на вершинахъ хребтовъ, мѣстами и на поляхъ, стоятъ громадныя афиши и рекламы, — въ этомъ японцы превзошли американцевъ. Вездѣ—орошеніе полей; гдѣ только намекъ на горный ручеекъ—приткнулась водяная рисовая мельница; мѣстами видны низенькія вѣтряныя мельницы. Чѣмъ дальше ѣдемъ мы вглубь страны, тѣмъ натуральнѣе становятся одѣянія жителей: у женщинъ киримоно совершенно раздвинуты на груди, у кавалеровъ—совершенно голыя ноги, дѣти бѣгаютъ нагишомъ.

Даже быки одѣты больше, чѣмъ дѣти: на ногахъ у быковъ—соломенные башмаки. Послѣ минутныхъ остановокъ на станціяхъ Kanahawa, Omori и т. п., пріѣзжаемъ въ Токіо. Кондукторъ отворяетъ намъ двери вагона, и мы идемъ черезъ вокзалъ къ выходу среди толпы квакающихъ своей обувью японцевъ. Лиллипутъ-японецъ, въ громадной форменной фуражкѣ, съ очень важнымъ видомъ отбираетъ отъ насъ билеты. Мы свободны идти куда хотимъ. Но куда идти? Откровенно говоря, такъ утомительна была, при всей ея завлекательности, „работа путешествія" по Америкѣ, съ другой стороны такъ мало понятна Японія при поверхностномъ соприкосновеніи съ нею, что мы рѣшили во время кратковременнаго пребыванія въ этой странѣ ограничиться непосредственными впечатлѣніями отъ нея, не вмѣшивая сюда ни печатныхъ, ни живыхъ гидовъ. Къ намъ подбѣжали дженерикши, не говорящіе ни на какомъ изъ понятныхъ для насъ языковъ; мы сѣли въ ихъ кресла, махнули рукой и помчались по Токіо, по улицамъ спеціально японскимъ, отличающимся отъ видѣнныхъ нами въ Іокогамѣ и когда-то въ Нагасаки только тѣмъ, что мѣстами видны рельсы конножелѣзной дороги и иногда попадаются европейскіе экипажи. Черезъ полчаса ѣзды мы куда-то пріѣхали. Дженерикши опустили оглобли на землю и знаками показали намъ, что надо идти въ храмъ. Храмъ оказался типичнымъ японскимъ храмомъ, на подобіе видѣнныхъ ранѣе, но отличается нѣсколько бо̀льшими размѣрами. Нѣсколько стѣнъ окружаютъ его; дворы между стѣнами засажены кипарисами и камфорными деревьями; вымощены плитами; въ стѣнахъ и среди дворовъ стоятъ нѣсколько священныхъ воротъ; многочисленные надгробные памятники стоятъ по обѣимъ сторонамъ пѣшеходныхъ дорожекъ. Памятники всѣ—однообразной формы и величины: на постаментѣ изъ каменной плиты возвышается каменная круглая колонка въ ростъ человѣка, сверху обдѣланная въ видѣ фонаря съ отверстіями на всѣ четыре стороны свѣта. „Въ семь часовъ вечера всѣ фонари зажигаются", — говоритъ намъ бонза, очевидно, въ разсчетѣ поразить насъ грандіозностью зрѣлища. Подъ громадными камфорными деревьями, съ очень темной, почти черной зеленью, проходимъ въ храмъ. Какъ бы ни поэтизировали иностранцы Японію, есть что-то отталкивающее, непріятное во всей Японіи: и въ ея оригинальной природѣ, и въ ея тропическихъ хвойныхъ растеніяхъ, и въ ея карликовыхъ, обезьяно-подобныхъ людяхъ, „совершенно свободныхъ отъ религіи", какъ съ гордостью заявилъ японскій дипломатъ, ѣхавшій съ нами по желѣзной дорогѣ. Какъ американцы поразительны для насъ своимъ разма-

хомъ, своими широкими потребностями, своимъ бѣшенымъ денежнымъ оборотомъ, такъ японцы совершенно чужды намъ своими ограниченными потребностями, своей мелочностью и миніатюрностью. Что̀ ближе къ европейской натурѣ, а въ особенности къ нашей русской, то намъ, конечно, и понятнѣе, и симпатичнѣе. Во все время пребыванія въ Японіи вся окружающая обстановка несомнѣнно оригинальна, „невѣдома“, но эта непрерывность оригинальныхъ впечатлѣній пріѣдается, какъ все экзотическое; усталый взоръ невольно ищетъ знакомыхъ впечатлѣній—и не находитъ ихъ. Сознательное наблюденіе проходящей предъ вами жизненной картины приходится ограничить наблюденіемъ особо рѣзкихъ контрастовъ, бросающихся въ глаза. Въ домахъ у японцевъ поразительная чистота: ходятъ по полу въ чулкахъ по соломеннымъ циновкамъ. А въ городахъ—поразительная грязь. Японцы завели себѣ броненосцы, армію, строятъ корабли, желѣзныя дороги, организовали почту, телеграфъ, но все это—наносное, непродуманное, во всѣхъ этихъ пересадкахъ плодовъ европейской цивилизаціи на японскую почву не удалось подмѣтить ни одной національной японской жизненной черточки: японцы цѣликомъ копируютъ видѣнное. Изъ самостоятельныхъ изобрѣтеній японцевъ нельзя не признать самымъ геніальнымъ изобрѣтеніе японской грѣлки на животъ, которая, подобно россійскому самовару, начинаетъ получать права гражданства далеко за предѣлами своего отечества.

Съ удовольствіемъ покинули мы храмъ, такъ какъ въ немъ стояло облако душистаго дыма. Противный запахъ этого дыма отъ дерева, которое японцы употребляютъ на топливо, преслѣдуетъ васъ въ Японіи повсюду. Со словъ бонзы записываю названіе храма, что-то въ родѣ Rokudaishoimun, а можетъ быть иначе. Мѣсто слѣдующей остановки дженерикши называютъ Atainojawa. Поднявшись ступеней двѣсти чуть не по вертикальной каменной лѣстницѣ, мы круто свернули вправо передъ самымъ входомъ въ какой-то храмъ, чѣмъ очень огорчили сопровождающаго насъ дженерикшу, и остались на террасѣ полюбоваться дѣйствительно интересной панорамой на городъ, утопающій въ зелени. Среди зелени яркими пятнами просвѣчиваютъ черепичныя крыши домовъ. Мѣстами возвышаются башни пагодъ съ остроконечными крышами, углы которыхъ подняты кверху. На нѣкоторыхъ башняхъ по нѣскольку крышъ, какъ бы надѣтыхъ одна на другую. Между бамбуковыми стѣнами домовъ виднѣются гирлянды бумажныхъ фонарей. По одной изъ узкихъ улицъ бѣжитъ дженерикша и съ размаху вскакиваетъ на верхъ горба-

таго каменнаго моста; а невдалекѣ, по широкой относительно улицѣ, среди дженерикшъ и толпы пѣшеходовъ, движется по рельсамъ вагонъ трамвая. Дальше виденъ довольно большой желѣзный мостъ, построенный безъ всякой претензіи служить украшеніемъ города, и, наконецъ, за мостомъ возвышаются куполъ и колокольня православной церкви, куда мы и направились съ террасы.

При русской церкви въ Токіо имѣется русская семинарія. Нѣсколько студентовъ, къ которымъ мы обращались, не владѣли европейскими языками. Побывавъ внутри довольно помѣстительной церкви, намъ пришлось ограничиться наружнымъ осмотромъ семинаріи. Церковь и семинарія стоятъ на холмѣ, представляютъ изъ себя выдающіяся зданія города и окружены цвѣтникомъ съ прекраснымъ видомъ на городъ, лежащій подъ ними. Сейчасъ подъ террасой церкви находится японскій клубъ велосипедистовъ. При насъ учился ѣздить на велосипедѣ какой-то толстый японецъ, не снимавшій при этомъ своихъ деревянныхъ сандалій.

Изъ церкви мы проѣхали въ Uyeno-Park, о красотѣ котораго кричатъ всѣ гиды и объ обязательномъ посѣщеніи котораго мы были предупреждены еще на пароходѣ. На холмѣ раскинутъ, дѣйствительно, недурной паркъ, но зелень его непривычно темна, но подъ деревьями его слишкомъ много могильныхъ памятниковъ и чайныхъ домовъ, и тамъ, въ паркѣ, все-же пахнетъ этимъ дымомъ. Скорѣе—домой, въ Іокогаму! Попадается какой-то цивилизованный японецъ и разъясняетъ, что поѣздъ идетъ черезъ часъ, а слѣдующій—черезъ три часа. Нанимаемъ по „пристяжкѣ" дженерикши и пускаемся вскачь, обгоняя прочихъ дженерикшей, пѣшеходовъ, экипажи, конки, а иногда и велосипедистовъ. Ѣдемъ по европейской, центральной части города, мимо дворцовъ, министерствъ, посольствъ. Наше посольство имѣетъ очень внушительный видъ. Прочія зданія построены на европейскій ладъ, иногда съ претензіями. Дворецъ, насколько онъ виденъ, состоитъ изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ, относительно небольшихъ, зданій, крыши которыхъ мелькаютъ сквозь зелень обширнаго парка. Дворцовый паркъ расположенъ въ центрѣ города и обнесенъ валомъ и рвомъ съ водою. Промчавшись черезъ общественный паркъ, въ которомъ мы встрѣтили нѣсколько европейскихъ экипажей и велосипедистовъ съ ракетами lawn-tennis, мы мчимся вдоль очень длинной, очевидно—одной изъ главныхъ коммерческихъ улицъ Токіо. Улица очень широка; по срединѣ ходитъ конка. По бокамъ—легкія деревянныя строенія японскихъ лавокъ. На высотѣ немного болѣе человѣческаго роста трот-

туары обвѣшаны японскими бумажными фонарями, тянущимися непрерывной лентой, фонарь около фонаря, вдоль всей улицы. Тутъ виденъ нѣкоторый порядокъ: фонари висятъ всѣ на совершенно одинаковыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга и всѣ похожи одинъ на другой, отличаясь по кварталамъ: за кварталомъ бѣлыхъ шарообразныхъ фонарей, съ розовыми бумажными зонтиками надъ ними, слѣдуютъ цилиндрическіе пестрые фонари съ флажками и т. д. Наши рысаки домчали насъ за десять минутъ до отхода поѣзда. На платформу, какъ въ Америкѣ, откуда скопирована дорога, пускаютъ за минуту до отхода поѣзда. Сидя въ общемъ станціонномъ залѣ, мы развлекаемся разсматриваніемъ свѣтскихъ поклоновъ, которыми обмѣнивались японскій генералъ и офицеры съ провожавшими ихъ японскими дамами: стоя другъ противъ друга, кланяются низко, сгибая колѣни, облокачиваясь руками о колѣни и относя туловище въ бокъ. Тутъ же сдѣлали открытіе отступленія отъ американскаго образца желѣзной дороги примѣнительно къ японскимъ обычаямъ: на столичномъ вокзалѣ желѣзной дороги для всѣхъ пассажировъ, безъ различія пола, возраста и класса билета, имѣется одна общая туалетная комната съ желобами по стѣнамъ и съ фонтаномъ посреди комнаты для умыванья рукъ. Отъ Америки осталось здѣсь одно—обиліе воды.

Съ разсвѣтомъ „Gaelic“ снялся съ якоря и вышелъ изъ Іокогамской бухты, направляясь въ Кобе, какъ называется европейская часть города Хіого. Переходъ отъ Іокогамы до Кобе считается самымъ бурнымъ на всей линіи нашихъ пароходовъ „White-Star-Line“. Различныя морскія теченія сталкиваются здѣсь въ узкихъ проливахъ архипелага и образуютъ толчею, о которой насъ предупреждали еще въ С.-Франциско. Но нашему рейсу удача: мы плывемъ по зеркальной поверхности; пассажиры всѣ сидятъ на палубѣ и любуются японскими пейзажами, напоминающими все-таки больше песочные часы, чѣмъ природу. Мѣстность очень оживленная, на берегу вездѣ видны зданія, люди, мѣстами фабричныя трубы; на морѣ много парусныхъ судовъ съ прямыми парусами, сбирающимися въ буффы, на манеръ оконныхъ шторъ; по мнѣнію японцевъ, такая морщинистая поверхность паруса лучше ловитъ вѣтеръ, чѣмъ гладкая. Передъ завтракомъ — развлеченіе: „Gaelic“ встрѣчаетъ „сестру“ свою, „Coptic“; пароходы уменьшаютъ ходъ, взаимно салютуютъ флагами, свистками, проходятъ близко другъ отъ друга, капитаны въ рупоръ обмѣниваются привѣтствіями.

На другой день утромъ мы подошли къ Хіого (Кобе). Съѣхавъ

на берегъ, мы сейчасъ же поѣхали за городъ на водопадъ. На дженерикшахъ можно проѣхать только до начала ущелья, а дальше пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ дорога идетъ довольно крутымъ подъемомъ, обращеннымъ мѣстами въ лѣстницу. Несмотря на крутизну подъема, эта пѣшеходная прогулка по тѣсному ущелью настолько интересна, что, добравшись до водопада и немного отдохнувъ на террасѣ небольшого чайнаго домика, расположеннаго противъ водопада, мы прошли еще нѣсколько верстъ впередъ по ущелью въ совершенно непривычной для насъ обстановкѣ горъ и холмовъ, причемъ я ни за что не взялся бы опредѣлять на глазъ разстоянія—такъ чужды намъ всѣ масштабы мѣстности. Служанка-японка, подававшая намъ чай, усадивъ насъ на террасѣ, усиленно обращала наше вниманіе на водопадъ, для вида на который устроена терраса. Водопадъ не страшенъ, скорѣе забавенъ. Струя воды, аршина 2—3 шириною, катится по ущелью и затѣмъ валится со скалы высотою саженъ тридцать. Водопадъ этотъ нельзя даже хорошо сфотографировать, такъ какъ нельзя отойти отъ него на достаточное разстояніе,—такъ извилисто, тѣсно и миніатюрно ущелье.

При обратномъ выѣздѣ изъ ущелья дженерикши привезли насъ на фабрику инкрустированнаго фарфора Сатцума. Мы также подчинились этому, какъ подчиняются путешественники загону, напр., на кружевныя фабрики Венеціи; но отъ дальнѣйшихъ произвольныхъ дѣйствій дженерикшей мы отказались, разсчитывая до завтрака взять ванну. Свободной ванны на мою долю въ отелѣ не оказалось, но швейцаръ рекомендовалъ мнѣ поѣхать въ заведеніе японскихъ ваннъ, гдѣ, по его словамъ, я могу взять отличную ванну. Подъѣхавъ къ заведенію по указанному мнѣ адресу, я вошелъ и очутился среди десятковъ двухъ моющихся японцевъ и японокъ. Хотя сопровождавшій меня дженерикша настойчиво приглашалъ меня идти дальше, я вернулся; въ гостинницѣ швейцаръ выразилъ мнѣ сожалѣніе, что я усомнился въ его рекомендаціи: въ заведеніи имѣются отдѣльные номера съ ваннами, только ходъ въ нихъ черезъ общую баню.

Послѣ завтрака подъ качающимися пангами,—что невольно напоминало морскую качку,—мы поѣхали навѣстить бога Daibutzu. Это—колоссальная бронзовая статуя сидящаго бога. Внутри статуи, куда насъ впустили, помѣщается молельня. Дежурный бонза, показывавшій намъ святыни, весьма фамильярно обращался съ ними: снималъ боговъ съ жертвенниковъ, чтобы показать ихъ намъ, щелкалъ по головамъ ихъ, чтобы убѣдить насъ, что они не какіе-нибудь дутые, а настоящіе массивные. Около входа въ

статую стоитъ бронзовая ваза, поддерживаемая двумя бронзовыми же японцами. У одного изъ нихъ ярко отчищена лысина. На ломанномъ англійскомъ языкѣ бонза объясняетъ: „у бога блеститъ лысина, чтобы у японцевъ не болѣла голова". Изъ дальнѣйшаго выясняется, что этотъ лысый богъ излечиваетъ мигрени, стóитъ только прикоснуться къ его лысинѣ; вотъ эти прикосновенія вѣрующихъ и отполировали лысину бога.

Во дворѣ храма, какъ въ мѣстѣ священномъ, помѣщается нѣсколько чайныхъ домовъ. Надъ однимъ нарисованы купающіяся сирены. При проходѣ нашемъ приподнимаютъ входную занавѣску и показываютъ крошечный грязный бассейнъ съ золотыми рыбками. На отказъ выкупаться въ немъ предлагаютъ посмотрѣть, какъ будутъ купаться сидящія около бассейна японки. Рядомъ съ бассейномъ намъ указали хорошенькій домъ священника. Это все въ „церковной" оградѣ.

Возвращаясь на пароходъ, мы встрѣтили двѣ процессіи. Въ первой—дѣти, предводимыя и сопровождаемыя бонзами, несли какую-то реликвію и весело выколачивали изъ нея, безцеремонно встряхивая, моленія о дождѣ. Недалеко вслѣдъ за этой дѣтской толпой двигалась похоронная процессія. Впереди несли фонари и за ними громадные букеты, аршинъ пять высотою, съ деревянными крестами внизу, какъ это дѣлается у насъ для елокъ. Попарно шли бонзы; за ними въ сундукѣ несли покойника, за которымъ на дженерикшахъ, всѣ въ бѣломъ, ѣхали родственники покойнаго. А дальше, какъ вездѣ—толпа любопытныхъ...

Въ чудную лунную ночь мы снялись съ якоря и начали очень сложные маневры выхода изъ густо заставленной судами гавани, въ которой существуютъ къ тому же самыя разнообразныя и довольно сильныя теченія. Нашъ капитанъ дѣлалъ эти маневры такъ ловко и увѣренно, что пріятно было слѣдить за ними. Весь слѣдующій день мы шли по такъ называемому Inland-sea, лавируя между миніатюрными островами. Особенно интересенъ выходъ изъ этого водяного лабиринта въ открытое море по узкому и длинному проходу. Погода намъ благопріятствуетъ, чтò позволяетъ идти и ночью. Утромъ второго по выходѣ изъ Кобе дня мы входимъ въ знакомую намъ бухту Нагасаки.

V.

Опять Нагасаки.

Только-что отданъ якорь, пароходъ началъ грузиться углемъ. Къ обоимъ бортамъ парохода пристали нѣсколько баржъ съ

углемъ. Уголь насыпается японцами и японками въ небольшіе соломенные мѣшки, которые и перекидываются затѣмъ изъ рукъ на руки живой цѣпью японцевъ, стоящихъ вплотную одинъ около другого, перекидываются и опорожняются въ трюмъ такъ быстро, что кажется, что въ трюмъ парохода течетъ непрерывная струя угля. Пустыя корзины сбрасываются съ парохода внизъ на шаланды. Никакіе элеваторы, никакіе механизмы не выдерживаютъ въ Японіи конкурренціи съ этимъ живымъ элеваторомъ, благодаря крайней дешевизнѣ рабочихъ рукъ, которая, въ свою очередь, объясняется неприхотливостью и нетребовательностью японскаго рабочаго. Природа въ изобиліи снабжаетъ японца всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія его скромныхъ потребностей: горсточка риса, кусокъ мѣстной ткани для легкаго киримоно и бамбуковый шалашъ съ циновками и бумажными ширмами составляютъ полную житейскую обстановку японца. Въ результатѣ является дешевизна жизни, а въ зависимости отъ этого и дешевизна оцѣнки всякаго труда. На поразительно низкую оцѣнку ремесленно-артистическаго труда намъ пришлось натолкнуться въ Іокогамѣ. Въ магазинѣ извѣстной на Востокѣ фирмы Kuhn & Komor среди многихъ художественно исполненныхъ предметовъ особое вниманіе обратили ширмы мозаично-рѣзной работы изъ слоновой кости и разныхъ камней. Ширмы до полной иллюзіи воспроизводятъ сцены изъ жизни птицъ и насѣкомыхъ среди цвѣтовъ и растеній. Цѣна ширмъ объявлена всего 600 руб. Изъ суммы этой львиная доля будетъ отчислена фирмой за матеріалъ, за коммиссіи, за магазинъ и т. д., и врядъ ли много очистится мастеру-артисту, положившему на исполненіе ширмъ годъ усидчиваго труда. Этотъ артистъ скромно ходитъ тутъ же, низко присѣдаетъ и захлебывается воздухомъ отъ счастья говорить съ вами. При скромныхъ потребностяхъ японской жизни, при низкихъ цѣнахъ на предметы первой необходимости — европейскій масштабъ оцѣнки стоимости работы непримѣнимъ къ Японіи. Японецъ-чернорабочій содержитъ себя на три-четыре рубля въ мѣсяцъ; даже европейски-обставленная жизнь въ Японіи обходится гораздо дешевле жизни въ Европѣ, не говоря уже о сосѣднихъ къ Японіи Америкѣ и Сибири. За послѣднее время среди обитателей Восточной Сибири входитъ въ обычай отправлять свои семьи на зимній сезонъ въ Японію, которая является въ данномъ случаѣ не только „климатической", но и „экономической" станціей.

Сходя на берегъ, мы дружески распрощались съ командиромъ и офицерами парохода, причемъ, какъ оказалось впослѣд-

ствія, мы распрощались и со всѣми порядками путешествія. Благодаря широковѣщательнымъ рекламамъ вновь построеннаго „Nagasaki-Hôtel“, мы остановились въ этой весьма претенціозной гостинницѣ, показавшейся намъ отвратительной послѣ благоустроенныхъ американскихъ отелей. По справкѣ въ конторѣ пароходовъ объ отходящемъ завтра пароходѣ—такъ значилось въ росписаніи рейсовъ, которому мы наивно вѣрили,—намъ съ усмѣшкой отвѣтили, что росписанія соблюдаются не точно, что въ морѣ развѣ можно угадать, когда и куда придешь. Не забыта была и спеціальная морская примѣта, что святой-де Никола не любитъ, когда на суднѣ загадываютъ впередъ. И вотъ, въ ожиданіи парохода, мы промучились въ „Nagasaki-Hôtel“ четыре дня. Все время шелъ дождь; живописныя горы, со всѣхъ сторонъ замыкающія Нагасакскій рейдъ, защищаютъ его отъ вѣтровъ, и поэтому Нагасаки является прекрасной климатической станціей въ зимніе мѣсяцы; но по той же причинѣ даже кратковременное пребываніе въ нагасакскомъ котлѣ въ іюнѣ утомительно и небезвредно. Несмотря на то, что намъ отвели одинъ изъ лучшихъ номеровъ гостинницы, въ немъ не оказалось никакихъ приспособленій для вентиляціи, ни одной форточки надъ дверями, выходящими на общій балконъ, такъ что приходилось или спать при открытыхъ дверяхъ, или вовсе не спать при закрытыхъ. Попробовавъ сначала уснуть при закрытыхъ дверяхъ, промучившись затѣмъ полъ-ночи въ номерѣ при открытыхъ, мы рѣшили, наконецъ, устроиться на балконѣ. На утро оказалось, что на общемъ балконѣ, какъ на пароходной палубѣ, спятъ всѣ обитатели гостинницы. Если, благодаря тонкимъ стѣнамъ гостинницы, лѣтомъ въ ней душно, надо полагать, что зимой тамъ холодно. Въ гостинницѣ имѣются ванны съ кранами холодной и горячей воды, но краны эти поломаны и горячую воду таскаютъ ведрами. Звонки, конечно, электрическіе, но не всѣ исправные, при чемъ это дѣйствительно безразлично, такъ какъ прислуги все равно мало. Взыскали за все это не только по американскому тарифу, но и по „американскому плану“, т.-е. включивъ сюда полное содержаніе, которымъ отъ духоты и жары въ это время врядъ ли кто пользуется.

Одновременно съ нами на Нагасакскій рейдъ пришли два американскихъ транспорта, возвращавшихся съ Маниллы въ Америку. Городъ наводненъ американскими солдатами въ желтыхъ курткахъ, катающимися на дженерикшахъ, а вечеромъ обѣдающими въ гостинницѣ въ одной залѣ со своими офицерами. Въ матросскихъ заведеніяхъ низшаго разбора съ вывѣсками: „Hôtel

of the Prince of Wales", съ одной стороны, и „Гостинница Золотой Рогъ" съ другой—американскихъ солдатъ не видать.

Первымъ пароходомъ, идущимъ во Владивостокъ, оказывается японскій „Tairen-Maru". Въ ожиданіи прихода его мы сидимъ въ „Nagasaki-Hôtel". По ночамъ душно; только подъ утро, при намёкѣ на утренній бризъ, можно забыться сномъ. Днемъ пàритъ и идетъ мелкій теплый дождичекъ; всѣ вещи сырыя и понемногу начинаютъ плесневѣть и гнить. При этихъ условіяхъ неохотно посѣщается международный клубъ, въ которомъ около пяти часовъ обыкновенно собирается европейская колонія на партіи тенниса и билліарда.

Въ конторѣ японской пароходной компаніи мнѣ предложили пріобрѣсти карту Японіи. Прежде выдачи мнѣ купленной карты, пронумеровали ее, спросили мою фамилію, отмѣтили ее и на картѣ, и на отпускномъ реестрѣ, и, взыскавъ 50 центовъ (50 коп.), вручили наконецъ карту. Оказалось, что, пріобрѣтя эту карту Японіи, я одновременно сдѣлался кліентомъ общества „Ki-hin-kai", основаннаго въ 1893 году, съ цѣлью сближенія иностранцевъ съ японцами. Уставъ общества помѣщенъ на обратной сторонѣ карты. Все изданіе отпечатано на японской бумагѣ и складывается въ видѣ гармоніи; изящная виньетка изображаетъ японку, склоняющуюся въ привѣтственномъ поклонѣ: „Японія привѣтствуетъ иностранцевъ". Немногочисленные параграфы устава перечисляютъ обязанности общества: рекомендовать гидовъ, выдавать справки и маршруты, подыскивать помѣщенія, устроивать знакомства иностранцевъ съ семейными домами японцевъ и наконецъ — хоронить путешественниковъ. Продавшій мнѣ карту агентъ пароходнаго общества, онъ же агентъ общества „Ki-hin-kai", на обращенную къ нему просьбу указать мнѣ, уже какъ кліенту общества „Ki-hin-kai", какія произведенія японской литературы, изданныя на европейскихъ языкахъ, можно найти въ Нагасаки, предложилъ мнѣ пріобрѣсти у него же пятнадцать народныхъ японскихъ сказокъ, изданныхъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ, въ видѣ пятнадцати изящныхъ брошюрокъ, отпечатанныхъ на японской бумагѣ и украшенныхъ цвѣтными иллюстраціями. Величайшая награда, которую герои сказокъ получаютъ за свои освободительные подвиги — обезпеченіе на всю жизнь кускомъ шолковой матеріи на киримоно, отъ котораго можно отрѣзать сколько угодно матеріи, и мѣшкомъ рису, изъ котораго можно брать сколько угодно рису. Въ сказкахъ изъ животнаго міра умъ и хитрость побѣждаютъ. Въ сказкахъ изъ народнаго

быта рисуется семья на прочныхъ устояхъ: дѣти чтутъ родителей, на многоженство нигдѣ нѣтъ и намёка.

10 (22) іюня мы покидаемъ негостепріимный въ это время года Нагасаки. Съ особымъ удовольствіемъ покидаемъ мы „американскій“ отель съ его азіатскими недодѣлками и неустройствами. Отходъ парохода назначенъ въ шесть часовъ, и расписаніе—какъ копія американскихъ порядковъ — соблюдается минута въ минуту; но чтобы попасть на этотъ цивилизованный пароходъ, надо воспользоваться услугами полуголаго лодочника-японца и его архаической ладьи. Въ моментъ отхода парохода съ Нагасакскаго рейда, какъ прощальное для насъ проявленіе самобытной японской жизни, прошли мимо насъ японскія народныя гонки. На примитивныхъ лодкахъ, сидя на корточкахъ, мѣсятъ воду человѣкъ по двадцати на каждой лодкѣ; уключинъ нѣтъ, вмѣсто веселъ—короткія лопаты; рулевой правитъ весломъ, также, какъ и гребцы, сидя на корточкахъ. И только посреди лодки стоитъ во весь свой небольшой ростъ японецъ и мѣрно колотитъ въ барабанъ: разъ, два, три, — пропуская четыре, и т. д., безъ конца. Гребутъ въ тактъ барабану частыми короткими взмахами.

Хотя четыре года тому назадъ мы видѣли и Нагасакскую бухту, и восхищались ею, но и теперь, выходя изъ нея, мы съ удовольствіемъ сидѣли на палубѣ. Взошла луна. Лёжа на лонгшезахъ, мы долго любовались оригинальными скалами, торчащими въ морѣ.

Нашъ японскій пароходъ содержится чисто, но японское вліяніе сказалось даже и въ самой конструкціи парохода: всѣ размѣры житейской обстановки миніатюрны; всѣ двери узки, притолки и потолки низки, лѣстничныя ступени мелки и, наконецъ, что̀ всего чувствительнѣе, койки и коротки, и узки. Вся команда, отъ капитана до матроса, и вся прислуга—японцы. За столомъ, какъ „вездѣ“, вмѣстѣ съ пассажирами обѣдаютъ капитанъ, старшій офицеръ и докторъ, которые для этого переодѣваются въ пароходную форму европейскаго покроя; въ остальное же время дня они предпочитаютъ носить японское платье. Обѣдъ подается, какъ „вездѣ“; переодѣтые японцы стараются обходиться при помощи ножа и вилки, но мнѣ удавалось видѣть сквозь полуоткрытую дверь каюты, какъ тѣ же интеллигенты кейфуютъ у себя въ каютѣ, сбросивъ тѣсныя европейскія одежды, сидя на корточкахъ и ловко работая двумя палочками надъ рисомъ. Примѣру старшихъ слѣдуетъ и прислуга, одѣвающаяся въ европейскій костюмъ только къ столу.

На другой день по выходѣ изъ Нагасаки мы проснулись въ корейскомъ порту Фузанъ. Несмотря на дождь, мы съѣхали на берегъ на корейской лодкѣ, пропахнувшей соленой рыбой. Тотъ же запахъ стоялъ надъ всѣмъ Фузаномъ. Изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ мы оказались, выйдя на берегъ, не зная, куда направить свои стопы, насъ вывелъ японецъ, m-r О., едва говорящій по-русски, чему онъ научился, занимаясь поставками на русскія военныя суда. Пока m-r О., приглашенный сопутствовать намъ, переодѣвался, въ виду важности сего, въ галстухъ и прочія необходимыя части европейскаго туалета, мы разсматриваемъ его лавку. Между игрушками преобладаютъ картонные тигры съ качающимися головами. Очевидно, для корейца тигръ является такимъ же популярнымъ звѣремъ, какъ медвѣдь въ Россіи. M-r О. появляется въ блескѣ бумажнаго фоколя, и мы идемъ осматривать Фузанъ. Первая достопримѣчательность Фузана — водопроводъ, рѣдкость, встрѣчающаяся, по словамъ m-r О., далеко не во всѣхъ городахъ... надо понимать—Кореи. Утопая въ грязи, мы проходимъ мимо японской казармы, стоящей въ недурномъ паркѣ; часовые осматриваютъ насъ не особенно дружелюбно. Послѣ водопровода гидъ ведетъ насъ осмотрѣть японскій садикъ богатаго купца Фу-ку-да съ видомъ на портъ; видъ перерѣзается стоящей передъ садомъ кирпичной заводской трубой паровой рисовой мельницы. Отъ попытки пройти по корейскому кварталу пришлось отказаться изъ-за невылазной грязи улицъ, а также, говоря правду, изъ-за отвратительной грязи дворовъ и фанзъ-жилищъ корейцевъ. Въ этой грязи корейцы носятъ бѣлыя одежды.

Завтракать мы остались въ единственномъ ресторанѣ Фузана — „Tokyo-Ro“. Не рѣшаясь снять мокрыхъ сапогъ, мы завтракали на балконѣ, окруженные большой толпой изъ корейцевъ, японцевъ и китайцевъ. Меню состояло изъ пахучей рыбы, безвкуснаго риса и рисоваго пива. Подъ дождемъ вернулись мы на пароходъ, снѣдаемые корейской скукой.

Черезъ сутки монотоннаго плаванія вдоль береговъ Кореи, едва видныхъ сквозь завѣсу мелкаго, непрестаннаго дождя, мы приходимъ въ другой корейскій портъ—Гензанъ. Даже хорошая погода соблазняетъ только двухъ пассажировъ съѣхать на берегъ. На такой же пахнущей соленой рыбой лодкѣ, какъ и въ Фузанѣ, съѣзжаемъ мы на берегъ. Тутъ вонь отъ рыбы невообразимая. По всѣмъ дворамъ города стоятъ стоги рыбы, прикрытые рисовой соломой, совершенно какъ у насъ сохраняется сѣно.

Едва мы сошли на берегъ, мимо насъ прошла похоронная процессія. Впереди несли на длинныхъ шестахъ пучки бѣлыхъ бумажныхъ лентъ съ корейскими надписями, развѣвавшихся по вѣтру. Ящикъ съ покойникомъ несла толпа, пляшущая, орущая, бьющая въ барабанъ. И передъ гробомъ, и сзади него, на тѣхъ же носилкахъ, установлены куклы съ мечомъ въ рукѣ и „устрашающими" рожами. Ихъ дергаютъ за веревочки, и куклы машутъ саблями и дрыгаютъ ногами, чѣмъ и отгоняютъ злыхъ духовъ. Съ тою же цѣлью носильщики испускаютъ грозные вопли. А чтобы задобрить духовъ, имъ щедро разбрасываютъ деньги; но такъ какъ духи не очень свѣдущи въ земныхъ дѣлахъ и легко поддаются обману, то имъ разбрасываютъ не настоящія деньги, а бумажные кружочки и квадратики. Объясненіе всего этого намъ давалъ канадскій миссіонеръ-пресвитеріанецъ, встрѣтившійся намъ на улицѣ, одинъ изъ тѣхъ миссіонеровъ, изъ-за которыхъ, когда ихъ убиваютъ, пославшее ихъ государство занимаетъ портъ и печатаетъ ихъ портреты въ своихъ иллюстраціяхъ.

По мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ спутниковъ, наши визиты въ Фузанъ и Гензанъ отличаются одинъ отъ другого лишь тѣмъ, что въ Фузанѣ шелъ дождь, а въ Гензанѣ дождя нѣтъ; но и въ Фузанѣ, и въ Гензанѣ надъ всѣмъ корейскимъ преобладаетъ чужеземная цивилизація, насаждаемая японцами. И на почтѣ, и на телеграфѣ чиновники—исключительно японцы. Для отправки писемъ за границу Кореи требуются японскія марки; корейскія же почтовыя марки годны для обращенія лишь внутри страны. Одновременно съ нами на почту пришелъ европеецъ, старшій офицеръ съ корейскаго „Императорскаго парохода"; такъ написано на шляпахъ и курткахъ его матросовъ-корейцевъ, попадавшихся намъ на улицѣ, въ европейской „полуформѣ": кромѣ форменныхъ шапокъ и куртокъ, на нихъ ничего не было.

Теплый вечеръ вызвалъ всѣхъ пассажировъ на палубу. Чудная картина заката солнца въ бухтѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами, смѣнилась картиной восхода луны. Калейдоскопъ яркихъ красокъ закончился зеленой Куинджіевской лунной ночью. Несмотря на духоту въ каютахъ, пассажиры вынуждены на ночь уйти съ палубы изъ-за массы крысъ, свободно бѣгающихъ по палубѣ.

Еще черезъ сутки плаванія по Японскому морю мы подходимъ къ Владивостоку.

Двѣ недѣли провели мы среди японцевъ, въ самой Японіи и на японскомъ пароходѣ. За все время видѣли любезное, при-

вѣтливое отношеніе къ намъ японцевъ, и въ то же время чувствовалась не то что неискренность, но какъ бы поверхностность такого къ чужестранцамъ отношенія. Японцы весьма привѣтливы и изысканно вѣжливы во взаимныхъ между собою отношеніяхъ. Надо полагать, что пріятная манера японца въ обращеніи съ чужеземцемъ является скорѣе результатомъ привычки, воспитанія японца, но было бы ошибочно принимать ее какъ показатель особаго расположенія японской націи къ бѣлой расѣ.

Несмотря на существованіе общества „Ki-hin-kai" для сближенія чужестранцевъ съ японцами, многіе путешественники жалуются, что до самаго послѣдняго времени открытіе Японіи иностранцамъ коснулось лишь нѣсколькихъ портовъ и узенькихъ полосокъ земли, перерезанныхъ желѣзными дорогами. Попытки туристовъ уклониться съ этихъ полосокъ внутрь страны, будто бы, встрѣчали, а можетъ быть и встрѣчаютъ всякаго рода противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей. Въ результатѣ—полное незнаніе Японіи бѣлой расой, вынужденной пробавляться нѣсколькими ходячими шаблонами, иногда и безспорно ошибочными. Какъ на примѣръ одного изъ такихъ заблужденій, можно указать на сложившееся мнѣніе о бракѣ въ Японіи. Описанные въ „M-me Chrysantème" нравы и обычаи, несомнѣнно существующіе въ портовыхъ городахъ Японіи, являются скорѣе портовыми, чѣмъ японскими нравами. Безъискусственныя указанія милыхъ, наивныхъ народныхъ сказокъ являются, конечно, болѣе достовѣрными, чѣмъ поэтическія описанія чужеземцевъ.

Японцы весьма охотно, повидимому, допустили въ свою страну европейцевъ и американцевъ для устройства верфей, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и иныхъ коммерческихъ предпріятій. Сознавая свое полное невѣжество въ дѣлѣ промышленной техники, низко присѣдая и подобострастно втягивая въ себя воздухъ, которымъ дышатъ піонеры европейской цивилизаціи въ Японіи, японцы ограничились на первое время занятіемъ третьестепенныхъ мѣстъ во вновь учреждаемыхъ предпріятіяхъ. Терпѣливо приглядываясь къ техникѣ веденія дѣлъ, не задаваясь широкими вопросами учрежденія новыхъ дѣлъ и даже улучшенія налаженныхъ, японцы понемногу заняли второстепенныя мѣста помощниковъ. Во время нашего посѣщенія Японіи въ мѣстныхъ „европейскихъ" газетахъ стонъ стоялъ отъ довольно комичныхъ жалобъ на неблагодарныхъ японцевъ: постепенно подъучившіеся японцы совершенно вытѣсняютъ учителей своихъ изъ заведенныхъ послѣдними предпріятій и даже—о, дерзость!—позволяютъ себѣ заводить новыя, разумѣется, по точному образцу суще-

ствующихъ. Съ коммерческой точки зрѣнія европейцамъ бороться съ этимъ немыслимо, въ виду нищенскихъ, на взглядъ европейца, окладовъ, которыми довольствуются всякаго рода агенты-японцы вплоть до директоровъ. Нагляднымъ примѣромъ такой эмансипаціи японцевъ можетъ быть приведенъ пароходъ нашъ „Taiген-Maru“, занятый исключительно японцами. Такой же эмансипаціей нельзя не признать настойчивыя притязанія японцевъ на исключительное право насаждать въ Кореѣ японскія копіи европейской цивилизаціи.

Оглядываясь на собственныя впечатлѣнія отъ Японіи, сопоставляя ихъ съ установившимися ходячими шаблонами объ японцахъ, нельзя не отмѣтить, что Японія до сихъ поръ является для европейцевъ terra incognita. Въ теченіе многихъ вѣковъ развивавшаяся самостоятельно, жившая безъ всякаго соприкосновенія съ цивилизаціей бѣлой расы, Японія только недавно, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, пріоткрыла двери передъ Европой. Въ результатѣ—на поверхности японской, вѣками сложившейся жизни, образовался легкій налётъ европейской культуры; ядро же, повидимому, осталось нетронутымъ и во всякомъ случаѣ совершенно намъ неизвѣстнымъ и неизслѣдованнымъ. При кратковременномъ поверхностномъ посѣщеніи Японіи путешественники сталкиваются главнымъ образомъ съ европейскими учрежденіями Японіи, пользуются услугами японцевъ, старающихся примѣниться къ привычкамъ путешественниковъ. Но при первыхъ же случаяхъ, дающихъ возможность заглянуть въ японскую жизнь, вы оказываетесь въ положеніи наблюдателя совершенно непонятной для васъ жизни. Не понимая жизни, не зная прошлаго ея, вы лишены возможности оцѣнить и прочувствовать значеніе проходящей передъ вашими глазами картины; рядъ отрывочныхъ, плохо усвоенныхъ впечатлѣній не можетъ сгруппироваться въ яркій цѣльный образъ...

И теперь, нѣсколько времени спустя, когда сгладились и забылись мелочи путешествія, при подведеніи итоговъ впечатлѣній отъ посѣщенныхъ странъ, далекая Японія представляется намъ загадкой, въ видѣ аллегорической виньетки общества „Ki-hin-kai“, изображающей японку, склонившуюся въ привѣтственномъ поклонѣ: „Японія привѣтствуетъ иностранцевъ“.

Этимъ внѣшнимъ привѣтствіемъ пока, повидимому, и ограничивается Японія въ своихъ отношеніяхъ къ бѣлой расѣ.

Ѳ. Кноррингъ.

САМОБЫТНОСТЬ или ОТСТАЛОСТЬ?..

ЭТЮДЪ.

I.

Національная идея была во второй половинѣ прошлаго столѣтія той силой, которая обнаружила наибольшее вліяніе на историческія судьбы Европы: она вызвала объединеніе Италіи и Германіи, освобожденіе большей части южныхъ славянъ изъ подъ власти турокъ, образованіе самостоятельныхъ королевствъ Сербіи и Румыніи и полунезависимаго княжества Болгаріи; она была причиной польскаго возстанія; она измѣнила государственный строй Австро-Венгріи.

Вызвавъ такія міровыя событія, она не могла не отразиться на политическомъ міросозерцаніи отдѣльныхъ лицъ, политическихъ партій и другихъ группъ населенія. Идея національности обнаружила поэтому большое вліяніе и на внутреннюю политику большинства государствъ всего міра. Она почти повсемѣстно вызвала въ извѣстныхъ слояхъ и кругахъ общества, болѣе или менѣе многочисленныхъ и различныхъ по степени вліятельности, настроеніе, которое проявляется—гдѣ въ формѣ національзма, гдѣ—имперіализма.

Въ основѣ національзма лежитъ, также какъ и въ патріотизмѣ, культъ отечества, но понятія эти далеко не тождественны. Чувству патріотизма, любви къ родинѣ, не можетъ быть поставлено предѣловъ, оно безгранично, какъ сама любовь,—а національзмъ за извѣстной чертой утрачиваетъ всѣ свои добрыя свойства. Патріотъ не закрываетъ глазъ на недостатки и несо-

вершенства своего отечества, онъ ими болѣетъ, онъ негодуетъ [1]), страстно желаетъ ихъ измѣненія; — крайній націоналистъ старается ихъ не видѣть. Патріотизмъ безкорыстенъ;—націонализмъ способенъ служить партійнымъ цѣлямъ, лицемѣрно прикрывая тѣмъ отсталость, ретроградство. Наконецъ, истинный патріотизмъ справедливъ и терпимъ [2]); — націонализмъ способенъ доводить свои предубѣжденія и пристрастіе до преслѣдованія, до жестокости.

Понятіе націонализма въ тѣсномъ смыслѣ собственно и опредѣляется этими отрицательными его сторонами.

Особенность русскаго націонализма, теперь, какъ и прежде, заключается въ томъ, что въ основѣ его лежитъ идея русской національной самобытности.

Самобытность есть свойство, присущее всякому государству. Самобытность есть прямое и естественное послѣдствіе его политической независимости, географическаго положенія, національныхъ свойствъ населенія, его историческихъ судебъ и другихъ особенностей меньшаго значенія. Это—такое безспорное свойство каждаго отдѣльнаго государства, что на Западѣ никому и въ голову не приходитъ говорить о самобытности отдѣльныхъ государствъ, какъ о чемъ-то требующемъ насажденія или доказательства.

Въ Россіи идея самобытности, возведенная въ принципъ, составляетъ основу цѣлой политической системы. Проблески этого ученія появляются въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ писателей еще съ начала прошлаго столѣтія (Шишковъ, Веневитиновъ, Шевыревъ). Затѣмъ, люди этого направленія, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, сплотились въ дружескій кружокъ „славянофиловъ". Всѣ члены его получили образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ и воззрѣнія ихъ имѣли тѣсную связь съ нѣмецкимъ романтизмомъ и навѣяны философіей Гегеля,—какъ объ этомъ упоминаетъ самъ основатель ученія И. В. Кирѣевскій.

Въ заимствованныхъ Россіей у западной Европы государственныхъ порядкахъ ихъ времени славянофилы возненавидѣли западную культуру и прославляли до-Петровскую Русь. Въ сороковыхъ годахъ нѣмецъ Гакстгаузенъ открылъ „русскій міръ"

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кн. Вяземскому Пушкинъ говоритъ: „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство". Въ другомъ мѣстѣ великій поэтъ досадуетъ: „Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ".

[2]) Петръ Великій писалъ (9 марта 1718): „Совѣсть человѣческая единому Богу только подлежитъ".

и „сельскую общину“ и по состоянію человѣческихъ знаній того времени въ соціологіи, этнографіи и антропологіи — ошибочно призналъ ихъ русскими самобытными учрежденіями, наслѣдіемъ долженствовавшей прежде существовать общности имущества. Послѣ этого крестьянская община стала основнымъ пунктомъ политической и экономической теоріи славянофиловъ. Общинный принципъ русскаго народнаго строя противополагался западному индивидуализму.

Впослѣдствіи то же начало легло въ основу политическаго ученія русскихъ соціалистовъ и народниковъ.

Книга Данилевскаго: „Россія и Европа“, написанная еще въ 1869 г., но получившая извѣстность и обширное распространеніе только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, вполнѣ опредѣлительно поставила принципъ противоположенія русской самобытности всей западной культурѣ. „Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой“,—говорилъ Данилевскій. Русская самобытность, съ своей стороны, есть „убѣжище и якорь“ для славянъ. Могучая рука Россіи предохранитъ ихъ отъ зараженія европейской „гнилью“ и народится особая „всеславянская“ цивилизація для великаго, единаго славянскаго государства того будущаго, когда штурмовыя колонны славянъ рѣшатъ борьбу между Востокомъ и Западомъ. Книга Данилевскаго довольно полно выражаетъ политическое міросозерцаніе современныхъ русскихъ націоналистовъ, въ которое входитъ и идея воинствующаго панславизма.

Крайнія политическія построенія составляютъ отличительную черту всякаго общества, отрѣшеннаго отъ практической политики.

Идея „самобытности“ въ широкой постановкѣ русскихъ націоналистовъ могла появиться и возрасти только на безграничномъ просторѣ отвлеченной политической теоріи. Въ дѣйствительности—національной самобытности, во всякомъ случаѣ самобытности полезной, полагаютъ предѣлы вполнѣ опредѣлительные законы, которымъ подчиняются человѣческія общества въ своемъ соціальномъ и экономическомъ развитіи. Законы эти непреклонны, такъ какъ ихъ предопредѣляетъ физическая и духовная природа человѣка или такія неотвратимыя причины, какъ непрерывный ростъ населенія при неизмѣнномъ пространствѣ земельной площади.

Физическая организація человѣка дала ему возможность при-

способить камень, какъ оружіе и какъ орудіе первобытнаго производства. Ударъ камня о камень открылъ ему огонь, источникъ тепла и свѣта. Здѣсь зародышъ экономическаго развитія человѣческихъ обществъ, ихъ матеріальнаго прогресса. Овладѣвъ силами природы, человѣкъ получилъ возможность непрерывно совершенствовать условія своего матеріальнаго благосостоянія.

Въ духовной природѣ человѣка, стоящаго еще на степени первобытной дикости, уже замѣчаются зачатки альтруизма, участія къ ближнему: дикіе островитяне, обнаруживъ присутствіе выброшеннаго на берегъ кита, оповѣщаютъ о томъ сосѣдей, чтобы и они могли принять участіе въ общемъ пирѣ.

Этотъ прирожденный духовной природѣ человѣка альтруизмъ нашелъ свое высшее выраженіе въ ученіи Христа: „Возлюби ближняго, какъ самого себя". Этотъ культъ любви всеобъемлющъ, —для христіанскаго Бога „нѣтъ ни еврея, ни эллина"; онъ независимъ отъ земныхъ преходящихъ условностей,—„воздайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу".

Въ этихъ заповѣдяхъ христіанства лежитъ основа современной цивилизаціи, и онѣ служатъ главнымъ орудіемъ соціальнаго прогресса.

Девятнадцать вѣковъ ведетъ христіанство успѣшную борьбу съ несовершенствомъ человѣческой природы, съ грубостью и варварствомъ человѣческихъ обществъ,—и свѣточъ этой религіи любви, который не угасъ и въ изувѣрствахъ религіозной нетерпимости, медленно, но вѣрно приведетъ въ свое время человѣчество къ братству людей и народовъ.

Съ другой стороны, научныя изслѣдованія, особенно въ области антропологіи и этнографіи, освѣтили со всѣхъ сторонъ пройденный человѣчествомъ историческій путь. Мы теперь ясно видимъ, что всѣ народы въ послѣдовательныхъ фазисахъ своего развитія переживали однородныя формы и условія общественныхъ отношеній, подчиняясь общему для всего человѣчества закону. Мы знаемъ, что цивилизаціи античнаго міра и наиболѣе совершенные соціальные порядки современныхъ культурныхъ странъ составляютъ послѣдствія медленнаго, но постояннаго, много тысячелѣтій продолжающагося развитія путемъ приспособленія къ измѣняющимся внутреннимъ и внѣшнимъ условіямъ и отношеніямъ, причемъ исходная точка этой эволюціи лежитъ въ такихъ формахъ общественности, которыя у всѣхъ первобытныхъ народовъ совершенно однородны, какъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ, такъ и у современныхъ намъ представителей первобытной культуры.

Основу всякой общественности составляетъ понятіе о собственности, которое есть врожденный и повелительный инстинктъ. Корни его лежатъ въ потребности жить и защищать свое существованіе.

Инстинктъ этотъ проявляется сперва въ простѣйшей формѣ захвата и немедленнаго поглощенія или истребленія предметовъ. Пока человѣкъ питается только продуктами охоты и естественными произведеніями земли, у него не можетъ возникнуть понятіе личной собственности. Дарвинъ, наблюдавшій дикарей Огненной-Земли, сообщаетъ, что если одному изъ нихъ дать кусокъ ткани, то онъ разрываетъ ее на куски, и каждый беретъ свою часть.

Такое отношеніе къ собственности впередъ опредѣляетъ и общественный строй людей въ состояніи первобытной дикости. Отличительными чертами его служатъ: коммунизмъ, всеобщее равенство и безвластіе, анархизмъ,—и это несмотря на различіе ихъ племенного происхожденія, на крайнее разнообразіе мѣстныхъ условій, на разбросанность дикарей во всѣхъ частяхъ земного шара, не исключающую самую возможность какого-либо между ними общенія.

Въ эпоху варварства человѣкъ уже приручаетъ и разводитъ животныхъ; занимается культурой растеній; научается выдѣлывать глиняную посуду, знакомится съ обработкой металловъ, дѣлаетъ изъ нихъ бронзовые сплавы и доходитъ наконецъ до плавки желѣза.

Успѣшность всѣхъ этихъ занятій зависитъ отъ степени физической силы, природныхъ дарованій, трудолюбія. Трудъ порождаетъ семейную или личную собственность; индивидуальныя различія и степень бережливости содѣйствуютъ образованію неравенства состояній. Стремленіе къ приращенію достоянія захватомъ и защита отъ сосѣдей вызываютъ потребность въ умѣломъ вождѣ и общемъ къ нему повиновеніи.

При этихъ условіяхъ общественный строй въ состояніи варварства—повсемѣстно и во всѣ времена—зиждется на деспотическомъ единовластіи, доходящемъ иногда до обоготворенія властелина, на сословномъ неравенствѣ и рабствѣ.

Та же однородность замѣчается у разныхъ народовъ и въ отличительныхъ признакахъ цивилизаціи во всѣхъ ея фазисахъ. Это вполнѣ подтверждаетъ исторія Европы въ эпоху Возрожденія и въ XVIII вѣкѣ, а также новѣйшая ея исторія въ истекшемъ XIX столѣтіи.

Въ исходѣ среднихъ вѣковъ пробудился духъ классической

древности и сталъ для всѣхъ народовъ западной Европы той прогрессивной силой, которая выступила на борьбу съ господствомъ церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, съ схоластикой и аскетизмомъ. Гуманизмъ окрылилъ человѣческій умъ, вызвалъ повсемѣстно замѣчательныя открытія въ области точныхъ наукъ и одинаково содѣйствовалъ расцвѣту литературы и искусствъ въ различныхъ государствахъ Европы. Этому въ равной степени содѣйствовали славянинъ Коперникъ, нѣмецъ Кеплеръ, итальянецъ Галилей.

На государственный и общественный строй Европы обнаружило тогда могучее вліяніе и римско-византійское право, кодексъ Юстиніана. Оно почти повсемѣстно вытѣсняло національное, народное и обычное право не только въ судебной сферѣ, но и въ управленіи. Юристы заняли по назначенію государей такія положенія, которыя принадлежали прежде дворянству по праву рожденія или духовнымъ лицамъ. Возникло чиновничество, бюрократія съ характеромъ, соотвѣтствовавшимъ началамъ римскаго права. Абсолютизмъ и бюрократія содѣйствовали болѣе опредѣлительной постановкѣ государственной идеи, которая стала превыше особыхъ правъ и привилегій средневѣкового сословнаго строя. Въ соціальной эволюціи Европы XVIII вѣка абсолютизмъ и бюрократія были началомъ просвѣтительнымъ и прогрессивнымъ. Наиболѣе типичные представители просвѣщеннаго абсолютизма того времени стояли по широтѣ своихъ политическихъ взглядовъ, задачъ и идеаловъ много выше современнаго имъ общества.

Петръ I только насиліемъ могъ ввести Россію въ сонмъ европейскихъ государствъ. Екатерина II, стоявшая на уровнѣ самыхъ передовыхъ политическихъ воззрѣній французскихъ энциклопедистовъ, сдѣлала попытку привлечь представителей общества къ законодательной разработкѣ проекта органической реформы государственныхъ и общественныхъ учрежденій имперіи,—и попытка оказалась неудачной. Столько же безуспѣшными оказались мѣры, предпринятыя Екатериной, чтобы вызвать въ русскомъ обществѣ движеніе въ пользу освобожденія крестьянъ. Вольтеръ, ожидавшій торжества либеральныхъ и гуманитарныхъ началъ только отъ просвѣщеннаго деспотизма, предвидѣлъ эти неудачи. Фридрихъ II, понимавшій все значеніе крестьянскаго земледѣлія, энергично остановилъ шедшее быстрыми шагами обезземеленіе прусскихъ крестьянъ помѣщиками.

При дальнѣйшемъ ростѣ цивилизаціи живительными силами для народовъ христіанской культуры стали—въ XIX столѣтіи—

личная свобода и общественная самодѣятельность, законность и равноправность, вѣротерпимость и гуманность.

Эти основныя начала современнаго государственнаго общежитія всѣхъ просвѣщенныхъ странъ на Западѣ и полагаютъ границы самобытности отдѣльныхъ государствъ;—ихъ отрицаніе уже не есть самобытность, а самая обыкновенная отсталость.

II.

Въ жизни человѣческихъ обществъ отсталость есть мертвящее начало, потому что для государственнаго организма, также какъ и въ мірѣ физическомъ, жизнь состоитъ въ движеніи, причемъ жизненные процессы состоятъ не только въ созданіи новыхъ элементовъ, но и въ вымираніи и удаленіи отжившихъ. Здоровый ростъ жизнеспособнаго народа требуетъ непрерывнаго развитія, своевременнаго приспособленія къ измѣняющимся физическимъ условіямъ и соціальнымъ требованіямъ. Государство, остановившееся въ этомъ поступательномъ движеніи, застывшее на извѣстной степени своего развитія, лишается своихъ жизненныхъ силъ, разлагается и наконецъ прекращаетъ свое существованіе.

Аѳины, которыя достигли въ свое время самой высокой изъ доступныхъ человѣчеству степеней культуры, погубило рабство, которое устранило трудъ свободныхъ гражданъ, создало экономическое и политическое преимущество для богатыхъ и вызвало противоположеніе интересовъ этого привилегированнаго меньшинства и обездоленнаго большинства. Отсюда слабость, истощеніе жизненной энергіи, которыми и воспользовался Филиппъ Македонскій. Затѣмъ прогремѣлъ на весь міръ геній Александра и за преходящимъ блескомъ его царствованія послѣдовало однообразіе бездушнаго политическаго деспотизма, которое привело Грецію со всей ея славой въ зависимое положеніе римской провинціи.

Римское государство пало, въ свою очередь, не только вслѣдствіе сосредоточенія поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе одностороннаго и до уродливости ненормальнаго развитія начала государственности, приведшаго къ обоготворенію императорской власти и къ полному поглощенію всякой общественности и личной предпріимчивости. Этотъ бездѣятельный народъ противополагался всесильному правительству, отъ котораго онъ пріучился сперва всего

ожидать, а затѣмъ и всего требовать—и хлѣба, и забавъ: panem et circenses.

Преемница римской имперіи — Византія — погибла въ неподвижности своего декадентскаго догматизма.

Въ настоящее время вѣковая неподвижность на извѣстной степени развитія привела на край гибели Китай, съ его старинной и весьма совершенной культурой. Цѣлость и мнимая независимость Китая сохраняются лишь по произволенію европейскихъ державъ, которыя обрекли его служить поприщемъ для проявленія ихъ промышленной предпріимчивости.

На безсиліе обречены и всѣ мусульманскія страны,—какъ государства, въ которыхъ непреложность вѣроисповѣднаго догмата замѣняетъ прогрессивный законъ, служа причиной отсталости, застоя и косности.

Относительно отсталости отмѣтимъ еще слѣдующее наблюденіе, которое имѣетъ большое значеніе для практической политики нашего времени.

Въ своемъ поступательномъ движеніи человѣчество долѣе всего останавливается на первыхъ степеняхъ своего экономическаго и соціальнаго развитія. Первобытная дикость продолжается многія тысячелѣтія; цѣлую тьму вѣковъ длится и варварское состояніе,—но чѣмъ совершеннѣе становятся условія государственнаго общежитія, тѣмъ быстрѣе совершается соціальная эволюція, тѣмъ скорѣе получаются плоды достигнутыхъ улучшеній и тѣмъ на бо̀льшія разстоянія передовыя націи обгоняютъ отсталыхъ. Отсталость Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, когда освободительныя реформы удесятерили духовныя и матеріальныя силы другихъ государствъ Европы, конечно, во много разъ вреднѣе отозвалась на нашемъ культурномъ развитіи и матеріальной мощи, чѣмъ два столѣтія татарскаго ига.

Такимъ образомъ, принципіально и по указаніямъ историческаго опыта, опредѣляется граница полезной національной самобытности, за которой она становится вредной и тлетворной отсталостью.

Въ русскомъ національизмѣ существуютъ два противныхъ одно другому теченія: ихъ правильно будетъ назвать—одно руссофильскимъ, другое —ретроградныкъ.

Руссофилы,—при всемъ различіи оттѣнковъ ихъ политическихъ воззрѣній,—вообще не мирятся съ современными порядками нашего соціальнаго и государственнаго строя;—ретрограды

въ нихъ-то именно и видятъ проявленіе русской національной самобытности.

Руссофилы чувствуютъ себя оскорбленными въ національномъ достоинствѣ послѣдовавшимъ при Петрѣ I заимствованіемъ у западныхъ народовъ порядковъ государственнаго общежитія, недостатки которыхъ въ настоящее время для нихъ очевидны. Они идеализируютъ поэтому общественные порядки до-Петровскаго времени и ищутъ въ нихъ основы для національныхъ учрежденій. Ретрограды—русскимъ національнымъ флагомъ прикрываютъ всякую политическую ветошь иностраннаго, преимущественно нѣмецкаго издѣлія, давно уже вышедшую изъ употребленія въ мѣстахъ своего происхожденія.

Руссофилы, по крайней мѣрѣ значительное ихъ большинство, являются горячими сторонниками реформъ императора Александра II, положившихъ начало упорядоченію и обновленію русской общественной жизни: въ новшествахъ этого государя имъ чуется родная старина. Ретрограды,—страдая ясно выраженнымъ атавизмомъ крѣпостничества,—стремятся возстановить въ возможной полнотѣ сословно-полицейскій строй учрежденій XVIII-го вѣка.

Часть руссофиловъ,—бо̀льшая ихъ часть,—сходится съ ретроградами только въ общей ихъ враждѣ къ инородцамъ и иновѣрцамъ, входящимъ въ составъ русскаго государства. Но тогда какъ у первыхъ этотъ племенной эгоизмъ („Россія для русскихъ") есть послѣдствіе невѣрнаго пониманія причинъ нѣкоторыхъ экономическихъ преимуществъ иноплеменныхъ элементовъ населенія Россіи передъ обездоленной массой русскаго народа,—у вторыхъ вражда эта является послѣдствіемъ сочувствія ко всякому проявленію полицейскаго гнета.

Число русскихъ самобытчиковъ руссофильскаго направленія весьма значительно,—многочисленныхъ сторонниковъ его можно встрѣтить въ служиломъ классѣ, въ войскѣ, въ земствѣ, въ средѣ болѣе или менѣе интеллигентнаго русскаго купечества. Печатныя изданія, служащія выраженіемъ этого направленія, пользуются большимъ распространеніемъ. Численность самобытчиковъ-ретроградовъ, по крайней мѣрѣ, искреннихъ, не лицемѣрныхъ—ничтожна. Земскія и дворянскія собранія, въ которыхъ этимъ ретроградамъ удается заручиться большинствомъ голосовъ, составляютъ рѣдкіе оазисы на обширномъ пространствѣ россійской имперіи. Органы печати этого направленія не могли бы вовсе существовать безъ посторонней поддержки,—подписка не покрывала бы расходовъ по ихъ изданію.

Самобытчики-руссофилы ясно видятъ недостатки существующаго порядка, сознаютъ также необходимость движенія впередъ, но находятъ,—двѣсти лѣтъ послѣ реформы Петра I,—что „ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой". Національныя особенности, обусловливающія русскую самобытность, требуютъ, по ихъ понятіямъ, возвращенія къ государственнымъ началамъ до-Петровскаго времени, которые и должны стать исходной точкой нашего дальнѣйшаго развитія. Захвативъ на этомъ историческомъ пути соплеменныхъ намъ славянъ, намъ предстоитъ насадить отъ дичковъ этой русской самобытности болѣе совершенную цивилизацію и болѣе справедливые соціальные порядки на мѣстѣ прогнившей насквозь западной культуры.

Здѣсь нельзя не замѣтить прежде всего, что сомкнуть давно разорванную цѣпь историческихъ традицій между нашимъ современнымъ строемъ и порядками Московскаго государства—черезъ голову Петра Великаго—дѣло мудреное. При этомъ пришлось бы во всякомъ случаѣ тщательно отцѣдить русскія національныя начала отъ татарской дикости и византійскаго мертвящаго догматизма.

Да и нужно ли это? Существуютъ ли въ дѣйствительности тѣ прирожденныя намъ особенности, которыя—для русскаго народа и имѣющихъ раздѣлить его историческія судьбы другихъ народностей славянскаго корня — намѣчаютъ путь общественнаго развитія, совершенно отличный отъ того, по которому движется остальное человѣчество, подчиняясь общимъ міровымъ законамъ соціальной эволюціи, пожиная обильные плоды своего имъ подчиненія и будучи жестоко наказываемо за ослушаніе? Если такія особенности существуютъ, то придется еще доказать идейное и практическое преимущество передъ общественными порядками, составляющими послѣдствіе такъ называемой западной культуры.

Перебравъ всѣ формулы особливой русской самобытности,—начиная съ той, которую въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія далъ на страницахъ „Москвитянина" Шевыревъ, и кончая принципами этой самобытности въ формулировкѣ новѣйшихъ представителей руссофильскаго направленія,—мы увидимъ, что коренными началами русской самобытности признаются: особая чистота и напряженность въ русскомъ народѣ религіознаго чувства, единовластіе и врожденное русскому народу начало общественности, противополагаемое западному индивидуализму.

Достаточно этого перечисленія, чтобы стало до очевидности

ясно, что во всемъ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего самобытнаго не только въ духѣ русскихъ, но и какихъ бы то ни было національныхъ началъ.

Совершенно невѣрно, чтобы русскимъ людямъ были свойственны особенная напряженность и чистота религіознаго чувства. Напротивъ того, справедливость требуетъ признать, что у весьма многихъ народовъ,—у англо-саксовъ, напримѣръ,—христіанскаго благочестія во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ у насъ. Притомъ же исповѣданіе вѣры по православному обряду не есть національная особенность одного русскаго народа, уже не говоря о томъ, что самое превознесеніе своей вѣры передъ другими столько же противно христіанскому ученію, — его осудилъ божественный Учитель въ книжникахъ и фарисеяхъ-лицемѣрахъ,—сколько и духу русскаго народа, который по природѣ своей въ высокой степени терпимъ.

Единовластіе и неограниченная монархія не могутъ представлять собою ничего національнаго уже потому, что онѣ существовали у всѣхъ почти народовъ земного шара, а у многихъ изъ нихъ продолжаютъ существовать и понынѣ. Съ другой стороны, парламентаризмъ, т.-е. правленіе черезъ представителей большинства народнаго собранія, не есть вовсе необходимая принадлежность западной цивилизаціи. Его не знаетъ и теперь Германія, одно изъ наиболѣе передовыхъ и въ настоящее время быстрѣе другихъ прогрессирующее государство цивилизованнаго міра. Германскій императоръ правитъ по божественному праву и на всей своей волѣ, нуждаясь въ согласіи общественнаго представительства только для изданія новыхъ законовъ и для обложенія населенія еще несуществующими налогами.

Отличіе русскаго историческаго самодержавія отъ западнаго абсолютизма подробнѣе всего выясняется въ запискѣ, поданной Константиномъ Аксаковымъ императору Александру II въ 1855 году. Понятіе это обусловливается гармоническимъ сочетаніемъ государства и земли, причемъ правительству должны принадлежать—„неограниченная власть государственная; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, законы; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова“. Отсюда—„полная свобода слова устнаго, печатнаго — всегда и постоянно; и земскій соборъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны“ (Дополненіе къ запискѣ К. А. 1855 года). Впослѣдствіи мѣстное земское самоуправленіе и регулярное земское совѣщательное представительство по дѣламъ законодательнымъ

вошли въ объемъ правъ земли, уравновѣшивающихъ неограниченныя государственныя полномочія правительства.

Предоставляемая народу, отрекшемуся отъ власти, свобода жизни, духа, совѣсти и слова,—какъ органическая принадлежность русскаго самодержавія,—существуетъ у насъ покуда только въ этой теоріи исключительной русской самобытности. По правдѣ сказать, трудно и ожидать отъ какого-либо правительства, чтобы оно упразднило цензуру, даровало свободу собраній и привлекло земское представительство къ законодательной дѣятельности, — не для удовлетворенія назрѣвшихъ современныхъ потребностей и въ развитіе существующихъ учрежденій, — а въ видахъ, такъ сказать, антикварныхъ, потому, что „Владиміръ Мономахъ-князь и Михаилъ Романовъ-царь одинаково уважали земское соборное начало, и ихъ власть и достоинство, также какъ польза народная, отъ того не страдали“ [1]).

Одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ ученыхъ публицистовъ, А. Д. Градовскій, предрекалъ, что пока славянофилы будутъ заниматься ихъ „политической астрологіей, г.г. Катковы преспокойно вытащатъ у нихъ „свободу жизни, духа и слова“, какъ вытаскиваютъ носовой платокъ у зазѣвавшагося звѣздочета“. Совершенно понятно всякому непредубѣжденному человѣку, что для достиженія тѣхъ благъ, о которыхъ мечтаютъ русскіе самобытчики, требуется не историческая реставрація, а юридическія гарантіи прочнаго и правомѣрнаго государственнаго и соціальнаго строя.

Третій элементъ русской самобытности — это начало общественное, противополагаемое западному индивидуализму. Проявляется онъ въ сельской общинѣ, въ артеляхъ. Эта національная особенность утратила всякую подъ собой почву, съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно, что общинные порядки не составляютъ особенности русскаго народа, а свойственны всему человѣчеству въ опредѣленной стадіи развитія. Намъ извѣстно, гдѣ, когда, по какимъ причинамъ и при какихъ условіяхъ они уступали другимъ общественнымъ и аграрнымъ отношеніямъ.

Извѣстныя земельныя угодья сохраняютъ понынѣ, и внѣ Россіи, коммунальный характеръ. Въ Швейцаріи не только существуютъ общественныя земли, но вліяніе прежняго сельскаго общиннаго строя весьма сильно отражается въ гражданскомъ правѣ нѣкоторыхъ кантоновъ и въ ихъ современной политической конституціи. Кантоны Ури, Гларисъ, два Аппенцельскихъ и оба Унтервальденскихъ не знаютъ и теперь представитель-

[1]) Статья А. В. Васильева въ „Благовѣстѣ“ 1890 г.: „Задачи и стремленія славянофильства“.

наго правленія. Ихъ народныя собранія суть не что иное, какъ разросшіеся численно и съ усложнившимися предметами вѣдомства—прежніе сельскіе сходы. Каждую весну, въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, собираются подъ открытымъ небомъ всѣ совершеннолѣтніе и полноправные граждане — для голосованія законовъ и выбора должностныхъ лицъ, обязанныхъ приводить ихъ въ исполненіе.

Другія страны міра не находились въ столь же благопріятныхъ условіяхъ для сохраненія въ такой неприкосновенности общинныхъ порядковъ, основанныхъ на никогда не нарушавшихся національной независимости, всеобщемъ равенствѣ и личной свободѣ отдѣльныхъ гражданъ. Архаическую форму общинной собственности и обособленности крестьянскаго общественнаго управленія мы встрѣчаемъ теперь—какъ организацію безправія, —только у народовъ, подпавшихъ подъ власть иноплеменныхъ завоевателей, съ культурой отличной отъ побѣжденнаго кореннаго населенія: у южныхъ славянъ подъ игомъ турокъ, у индусовъ подъ владычествомъ англичанъ, у туземцевъ острова Явы —подъ властью голландцевъ.

У насъ роль завоевателей сыграли въ данномъ случаѣ рабовладѣльцы относительно крѣпостныхъ крестьянъ и чиновники относительно остальной массы коренного сельскаго населенія.

Благодаря крѣпостному праву, продолжительному господству бюрократизма и податнымъ порядкамъ, — населеніе Россіи раздвоилось на привилегированное и податное. Привилегированные классы, — дворяне, чиновники и придуманное въ 1832 г. сословіе почетныхъ гражданъ, а также купцы, пока уплачиваютъ торговые сборы, — живутъ по общему праву, а для податного народа, состоящаго подъ опекой и въ личной зависимости отъ чиновниковъ въ силу своего сословнаго происхожденія,—сохраняются стародавніе порядки общиннаго быта, насколько они соотвѣтствуютъ удобству управленія этимъ народомъ.

Такой соціальный строй нашего государства, конечно, своеобразенъ, но въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго въ русскомъ національномъ смыслѣ.

Крестьянская община положена во главу угла также въ ученіяхъ русскихъ соціалистовъ-народниковъ. Послѣднимъ принадлежитъ и весьма обстоятельное изученіе русскихъ общинныхъ порядковъ. Крайняя ихъ фракція относилась, въ противоположность романтизму славянофиловъ, къ изслѣдованію общины съ тѣмъ реализмомъ, при которомъ ея идеальное и историческое значеніе отступало на второй планъ,—для нихъ важное значеніе

имѣетъ самый фактъ существованія у насъ крестьянскихъ общинныхъ порядковъ, какъ вполнѣ готовой организаціи народныхъ массъ, составляющей на Западѣ только предметъ стремленій революціоннаго коммунизма.

Итакъ, политическая теорія „русской самобытности“, противополагаемой западной культурѣ, не имѣетъ подъ собой твердой исторической почвы. Въ ученой исторической литературѣ существуетъ даже такое мнѣніе, что самая идея народности выработалась у насъ окончательно только подъ вліяніемъ тѣхъ же культурныхъ силъ, которымъ вся Европа обязана своей цивилизаціей. Національнаго вопроса въ этомъ смыслѣ у насъ не могло даже существовать до реформъ шестидесятыхъ годовъ.

„Императоръ Александръ II, безповоротно рѣшившій вопросъ о свободѣ многомилліоннаго сельскаго населенія, тѣмъ самымъ рѣшилъ“,—говоритъ проф. Леонтовичъ,—„столь же безповоротно и другой вопросъ, о свободномъ развитіи русской національности. Создателя крестьянской „воли“ можно съ полнымъ правомъ назвать современнымъ „собирателемъ“ русской земли. Она собрана была не путемъ „изневоленія“ и „насилованія“ московскихъ собирателей, но именно путемъ освобожденія русскаго населенія изъ той тягловой неволи, въ какую завели его московскіе князья, собирая старыя земскія зарубежья въ XIV—XVI вв. подъ единую державу Московскаго государства. Съ этой только сравнительно недавней поры образованія крестьянской „воли“ можно говорить объ установленіи на прочныхъ началахъ и основаніяхъ „единства русской націи“. На пути къ дальнѣйшему развитію своей соціальной и политической культуры „русская нація“ не встрѣтитъ больше былыхъ препятствій ни племенной въ розни начальной исторіи, ни въ территоріальной раздробленности общинъ земской Руси, ни въ сословной обособленности и дробленіи населенія по крѣпостнымъ службамъ и тягламъ Московскаго государства („Національный вопросъ въ Древней Россіи“).

Несомнѣнно, однако, что въ старо-московской Руси были и такія учрежденія, которыми мы можемъ по справедливости погордиться,—какъ независимые приходы, безсословное самоуправленіе, земскіе соборы, безпрепятственныя ходатайства мѣстнаго населенія къ верховной власти о своихъ пользахъ и нуждахъ. Но учрежденія эти дѣйствовали въ условіяхъ своего времени и теперь могли бы служить только первообразами тѣхъ улучшеній въ нашемъ современномъ строѣ, которыя вызываются естествен-

нымъ ростомъ Россіи,—какъ европейскаго государства христіанской культуры.

Нѣтъ болѣе шаткой и опасной почвы для полезной практической политики, какъ увлеченіе,—и если та особливая русская національная самобытность, противополагающая Россію всей западной цивилизаціи, — не химера, то она была бы для Россіи одинаково опасною, будетъ ли она для насъ источникомъ слабости или силы.

Въ первомъ случаѣ, Россія, съ ея естественными богатствами, станетъ для другихъ культурныхъ народовъ, предметомъ эксплоатаціи,—во второмъ, они сплотятся для отпора, старая западная цивилизація будетъ защищаться.

Опасеніе такого противоположенія „русской самобытности“ и западной цивилизаціи уже занимаетъ и пугаетъ умы передовыхъ представителей европейской культуры. „Россія,—писалъ Ренанъ, —опасна только въ томъ случаѣ, если остальная Европа допуститъ ее предаться ложной мысли о духовной самобытности, которою она, можетъ быть, и не обладаетъ, и дозволитъ ей соединить въ одной рукѣ азіатскія варварскія племена,—племена совершенно безсильныя, сами по себѣ, но способныя къ дисциплинѣ и расположенныя, если не будутъ приняты мѣры, сгруппироваться вокругъ какого-нибудь Чингизъ-хана“...

Какъ ни мало основательны подобныя опасенія въ практическомъ отношеніи, но они несомнѣнно вліяютъ на ходъ міровой политики, создавая настроеніе.

Родную старину надо любить, но создавать старину зáново такъ же невозможно, какъ поймать собственную тѣнь. Нужно дорожить національными традиціями, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствовать условія своего государственнаго существованія, пользуясь указаніями историческаго опыта и заставляя служить на пользу своей страны тѣ силы, которыя оказали благотворное вліяніе на развитіе другихъ культурныхъ народовъ. Надо отсѣкать все вымирающее и тщательно облегчать ростъ новыхъ побѣговъ. Историческія традиціи слѣдуетъ не только уважать, но создавать, дѣлая то полезное и справедливое, чѣмъ будутъ гордиться и дорожить наши потомки, какъ своимъ національнымъ достояніемъ.

Во всякомъ случаѣ, политическій идеалъ жизнеспособнаго народа—не въ туманной дали уже пройденнаго историческаго поприща,—онъ свѣтитъ ему впереди путеводною звѣздою.

Г. А. Евреиновъ.

ВЪ
ИЗБРАННОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе *).

II.

Свадьба Зины Вельшиной съ княземъ Медынскимъ была назначена на масляницѣ. Софья Григорьевна энергично хлопотала о приданомъ и хвасталась имъ передъ всѣми, кто интересовался этимъ вопросомъ.

— Вамъ вскорѣ предстоитъ такая же исторія, — говорила она Вязминой или Зуевой. — Ахъ, какъ я завидую вамъ, что ваши дѣвочки пока еще благоразумно остаются подъ вашимъ крылышкомъ! Вотъ вы увидите, какъ это страшно отдавать дочь какому-то чужому человѣку. Зина надо мной смѣется: „ахъ, мама,—говоритъ,—вѣдь и ты не за отца родного выходила“. Воображаю, что было бы со мной, если бы я не одобряла выбора Зины!

— Ты знаешь, мама, что этого быть не могло,—увѣренно прерывала ее дочь.—У насъ вкусы слишкомъ однородные. Если бы мы съ тобой были соперницами, мы бы возненавидѣли другъ друга.

Софья Григорьевна очень любила разсказывать о своей будущей новой роднѣ. Старый князь, по ея словамъ, уже обо-

---

*) См. выше: январь, стр. 195.

жалъ Зину, а она вела себя съ нимъ такъ умно и тонко, что не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что она заберетъ своего свекра въ руки и будетъ помыкать имъ, какъ хочетъ.

— А говорили про него, что онъ такой крутой и суровый,— разсказывала Вельшина.—Я даже немножко безпокоилась. А Зина говоритъ мнѣ: „мамочка, вѣдь и львовъ можно приручить“. Ахъ, она у меня такая еще наивная!

Князь-женихъ, высокій, худой какъ жердь и немного косой, не мѣшалъ дамамъ говорить, такъ какъ самъ былъ чрезвычайно молчаливъ и, казалось, очень стѣснялся своимъ почетнымъ, замѣтнымъ положеніемъ. Зина по десяти разъ въ день карала и прощала его и относилась къ нему не только какъ къ смиренному рабу своему, но какъ къ существу неизмѣримо низшему, требующему большого снисхожденія.

— Ну, подите сюда,—говорила она съ милостивой улыбкой, указывая на свободное мѣсто рядомъ съ собой.

— Да ужъ садитесь, садитесь. Разрѣшаю. И можете держать мою сумку.

Иногда она торжественно позволяла ему поцѣловать ея руку.

— Цѣлуйте! я сегодня вами довольна. Ну, что? очень рады?

Рада была Софья Григорьевна: она хохотала и умилялась до слезъ, а молодой человѣкъ только загадочно усмѣхался и велъ себя вообще такъ, что трудно было рѣшить, глупъ ли онъ, или себѣ на умѣ, или такъ ошеломленъ своимъ счастьемъ, что совершенно утратилъ свою индивидуальность.

— Никто не знаетъ, куда онъ смотритъ, и никто не знаетъ, что̀ онъ чувствуетъ,—намекая на его косой глазъ, съ удовольствіемъ сплетничали дамы.

Вельшины давали большой вечеръ, на которомъ не надолго появился князь-старикъ. Вязмины на этомъ вечерѣ не были, но Вѣра Петровна Зуева разсказывала Аннѣ Дмитріевнѣ, что велъ онъ себя довольно странно.

— Ходилъ по комнатамъ, разглядывалъ картины и фотографіи по стѣнамъ и почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Софья Григорьевна такъ волновалась, что у нея все лицо было въ красныхъ пятнахъ. Она все старалась его усадить и разсказать ему про своего дядю министра, но ей это такъ и не удалось. А его дочери, сѣrе, ну, совсѣмъ, совсѣмъ не похожи на аристократокъ! Одна, баронесса Веве́нъ, пріѣхала въ простомъ сѣренькомъ платьѣ... Если бы мнѣ не сказали, что она урожденная княжна Медынская, я бы подумала, что это какая-нибудь провинціалка. Другая, замужемъ за сенаторомъ Орлицкимъ, напро-

тивъ, слишкомъ развязна. Женщина спортсменка. Ты не повѣришь, но я слышала, какъ она говорила о мускулахъ, и сгибала свою руку. Знаешь, такъ... Говорятъ, она участвовала въ какой-то гонкѣ на велосипедахъ. А ходитъ она и держится какъ солдатъ. Софья Григорьевна находитъ все это вполнѣ естественнымъ. Она объясняетъ, что такіе несомнѣнные аристократы могутъ позволить себѣ быть оригинальными. Имъ нечего стѣсняться. По ея выраженію: „попа и въ рогожкѣ узнаютъ".

Наталья Алексѣевна была очень обижена, что Вельшины не прислали ей приглашенія на вечеръ.

— А я узнала, что старикъ просто хочетъ отдѣлаться отъ сына, потому что онъ ему надоѣлъ. Вѣдь онъ—кутила и картежникъ.

— Ахъ, какая это отвѣтственность, какая это страшная отвѣтственность—взрослая дочь!—вздыхала Вязмина, съ страдальческимъ видомъ закатывая глаза.

— О!—отвѣтила Наталья Алексѣевна; но этотъ короткій отвѣтъ сопровождался такой выразительной мимикой и жестомъ, полнымъ такого трагическаго героизма, что у Вязминой не оставалось сомнѣнія, что ея чувства поняты и раздѣлены: передъ ней было олицетвореніе материнскаго сердца—изболѣвшаго, но готоваго на всякій подвигъ, на всякую жертву до послѣдняго судорожнаго движенія.

Чѣмъ больше было толковъ и пересудовъ о свадьбѣ Зины, тѣмъ упорнѣе сердилась Анна Дмитріевна за то, что Варя упустила эту партію. Она почти не обращала вниманія на дочь, но дѣлала это такъ, что ея настроеніе очень тяжело отзывалось на дѣвушкѣ. Чтобы немного развлечься и подышать другимъ, болѣе дружественнымъ воздухомъ, Варя ходила къ Зуевымъ, къ Решковымъ и просиживала у нихъ цѣлыми часами. Она чувствовала себя несчастной, и ее тянуло туда, гдѣ, въ свой чередъ, было свое горе. Она серьезно начала подозрѣвать, что Маня Зуева ненормальна и что ей необходима теплая, дружеская поддержка. Она не могла себѣ вообразить, чтобы у здороваго человѣка могла быть такая болѣзненно развитая фантазія, какую постоянно обнаруживала Маня. Вся жизнь ея, казалось, была полна самыми таинственными романическими приключеніями, и эти приключенія то доводили ее до какого-то восторженнаго экстаза, то повергали въ самое безъисходное отчаяніе. Со всѣми своими семейными Маня была очень скрытна и всегда брала съ Варвары Николаевны слово, что она никому, никому не выдастъ ея тайны.

— Катя глупа,—презрительно говорила она.—Ты не знаешь:

она еще рада бы играть въ куклы и часто капризничаетъ, какъ дѣвчонка. Папѣ ничего нельзя говорить. Во-первыхъ, онъ всегда занятъ службой или картами, а во-вторыхъ—онъ ужасно грубъ. Какъ они ссорятся съ maman, если бы ты знала! И тогда онъ кричитъ, что maman воспитала изъ насъ дуръ, и что мы ловимъ жениховъ, и что ему за всѣхъ за насъ стыдно. А maman кричитъ, что если бы не она, онъ былъ бы писаремъ и еще чѣмъ-то хуже, что она его презираетъ и ненавидитъ. Ахъ, ужасно! И мы съ Катей плачемъ, а отецъ хватается за голову, бѣгаетъ по комнатѣ и стонетъ. Ахъ, ужасно! А maman такая нервная, такъ что потомъ съ ней всегда припадокъ, и отецъ сперва выгонитъ насъ, а потомъ самъ прибѣжитъ за нами: „успокойте мать! приласкайтесь къ ней".

— А развѣ ты не можешь быть откровенной съ матерью?

— О, нѣтъ! нѣтъ! Я ея боюсь! Она, понимаешь, хочетъ, чтобы мы были какъ всѣ, и ужасно сердится, если что-нибудь не по ней. Сейчасъ грозитъ оставить насъ у бабушки въ деревнѣ. Я отъ нея все скрываю, хотя я и знаю, что она любитъ насъ. Но она можетъ любить и изъ любви стараться выдать меня за Макурина, потому что онъ богачъ. И вотъ мы совсѣмъ не понимаемъ другъ друга. Какъ же быть откровенной?

Послѣднее время Маня все чаще и чаще говорила, что она не можетъ больше жить и что она непремѣнно должна кончить самоубійствомъ.

— Но я не хочу страдать. Мнѣ нуженъ ядъ, который дѣйствовалъ бы сразу и не обезобразилъ бы меня послѣ смерти. Говорятъ, есть такой, отъ котораго лицо синѣетъ. Я не хочу. Меня окружатъ цвѣтами, и вдругъ... синее лицо.

— Богъ съ тобой, Маня! Но изъ-за чего? изъ-за чего?

— Ты не знаешь. Я попала въ ужасную исторію. Изъ-за меня будетъ убита одна женщина. Онъ мнѣ это самъ сказалъ. Это—его жена, и она должна умереть, чтобы онъ могъ жениться на мнѣ. Я хотѣла бѣжать къ нему и умолять за нее. Я даже отыскала его адресъ. Но у меня не хватило духу. Все равно! Пусть онъ дастъ мнѣ это доказательство своей страстной любви, а я искуплю его вину тѣмъ, что умру сама. Я умру такой молодой и такой счастливой!

Маня припала къ плечу Вязминой и заплакала.

— Такъ ты узнала тайну Любавина? онъ женатъ?—удивленно спросила Варя.

— Любавинъ?—съ недоумѣніемъ повторила Маня.—О, нѣтъ! Я помню, что̀ я тебѣ говорила, но я ошиблась. Я просто

не понимала своего сердца. А любила я всегда *его*. Всегда *его*! Не спрашивай у меня его имени!

— Но, дорогая, ты, можетъ быть, опять ошибаешься? Зачѣмъ ему убивать жену, если возможенъ разводъ? ты подумай. Ты не поняла, или онъ это сказалъ, можетъ быть, шутя?

Маня обидѣлась.

— Вотъ и ты не вѣришь! Никакихъ шутокъ не можетъ быть. Какія же это шутки? А если это шутки, то я, все равно, отравлюсь. Лучше умереть, лучше лежать такой молодой въ гробу... Понимаешь: вся въ бѣломъ, окруженная цвѣтами... Всѣ будутъ спрашивать: „отчего? почему?“ И всѣ поймутъ, какая я была несчастная... Нѣтъ, не отговаривай меня: я не могу, не могу! Я рѣшила.

Вязмина не вѣрила, что Маня, дѣйствительно, рѣшится покончить съ собой, но ее пугало ея романическое настроеніе, и ей хотѣлось участіемъ и лаской успокоить ея безпорядочныя, экзальтированныя мысли.

— Обѣщай мнѣ, что ты ничего не предпримешь, не предупредивъ меня,—просила она.—Помни, Маня: ничего.

— А если ты испугаешься и выдашь меня maman?

— Нѣтъ, я тебя не выдамъ.

Катя обижалась, что сестра секретничаетъ съ Варварой Николаевной, и часто нарочно мѣшала имъ. Она входила въ комнату и съ упрямымъ, капризнымъ видомъ усаживалась тутъ же.

— Уйди, Катя!—приказывала Маня.

Та насмѣшливо смѣялась ей прямо въ лицо. И тогда происходили странныя сцены: взрослыя дѣвушки съ ненавистью бросались другъ на друга, боролись, царапались и кончали тѣмъ, что обѣ начинали плакать и грозить пожаловаться матери.

— Вотъ я скажу, что ты все пишешь кому-то письма и посылаешь съ посыльнымъ,—грозила Катя.

— Ахъ, ты, дрянная дѣвчонка! Но никто тебѣ не повѣритъ, и ты останешься съ носомъ. А я скажу, что ты воровка, что ты подобрала ключъ къ шкафу и таскаешь конфеты и варенье.

Въ виду обоюдной опасности, сестры быстро мирились, и Катя, веселая и очень довольная, убѣгала въ другія комнаты возиться съ собачкой или дразнить попугая.

— Удивительно, какіе у нея дѣтскіе вкусы! — возмущалась Маня. — То ли дѣло лежать и читать романы. Когда maman нѣтъ дома,—а это такъ часто!—я беру ея книги или списываю заглавіе и потомъ достаю для себя. И у нея всегда такія... такія!.. Ахъ, какъ ужасно интересно!

Отправляясь къ Решковымъ, Варя всегда волновалась и досадовала на себя за это волненіе.

Антонина все еще была больна, сильно нервничала и горько жаловалась на свою судьбу.

— Не выходите замужъ!—совѣтовала она Варѣ.—Ахъ, что мы терпимъ! Вы—дѣвушка, я не могу вамъ разсказать... Но подумайте, я четыре мѣсяца не одѣвалась прилично. Я потеряла волосы и фигуру. А помните, какіе у меня были волосы? И какая я была тоненькая, стройная!.. пятьдесятъ сантиметровъ въ таліи. Если прибавлялся одинъ сантиметръ, я была въ ужасѣ и сейчасъ же принимала мѣры. Мой идеалъ былъ: сорокъ-восемь. Мама говоритъ, что у нея было сорокъ-восемь, но мама меньше ростомъ. Мама и сейчасъ похожа на птичку.

При каждомъ звонкѣ у Вари замирало сердце. Она сама не умѣла объяснить себѣ, чего она боялась или чего она желала. Послѣднее время она часто встрѣчалась съ Викторіей и со Стружковымъ.

Иногда они приходили вмѣстѣ, иногда врозвь.

— Вы сговариваетесь?—какъ-то спросила Антонина.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!—вспыхнувъ отъ негодованія, отвѣтила Викторія. — Мои занятія въ управѣ кончаются въ четыре часа. Я иду прямо къ тебѣ и встрѣчаю Николая Николаевича. Я не могу запретить ему ходить, гдѣ онъ хочетъ и когда онъ хочетъ.

— Ахъ, онъ такой милый!—вздыхала Тоня.—Такой милый!

— Это опять я! — шутливо говорилъ Стружковъ, входя въ гостиную или будуаръ Решковой. Онъ шелъ прямо къ хозяйкѣ, цѣловалъ и ласкалъ ея руку, справляясь о томъ, какъ она себя чувствуетъ, и потомъ, щурясь, подходилъ къ другимъ.

— Викторія Львовна!..

Ей онъ руки не цѣловалъ, но, здороваясь, улыбался какой-то упрямой, задорной улыбкой, которая видимо сердила ее.

— А это вы? Вотъ и прекрасно!—говорилъ онъ Варѣ.

Усаживался онъ всегда очень удобно, въ лѣнивой, небрежной позѣ, и затѣмъ или молчалъ, или говорилъ почти безъ умолку.

Онъ даже прямо предупреждалъ:

— Я сегодня ужасно не въ духѣ. Оставьте меня въ покоѣ.

— Интересно, зачѣмъ вы ходите въ такомъ настроеніи по гостямъ?—пожимая плечами, спрашивала Викторія.

— Ахъ, Вита!—ужасалась Антонина.—Я такъ рада...

— Хочу и хожу!—говорилъ Стружковъ.

— Вы, кажется, убѣждены, что можно дѣлать рѣшительно все, что̀ хочешь, — слегка волнуясь, говорила Викторія.—Ваша воля—это какой-то законъ. Вы ужасно распущены и избалованы. И самое противное—это то, что вы сами балуете и распускаете себя. Съ какого права?

— Я только-что просилъ оставить меня сегодня въ покоѣ. Впрочемъ, я уже не разъ замѣчалъ: вы всегда дѣлаете какъ разъ обратное тому, что̀ я прошу. И вы дѣлаете это нарочно, по очень ясному для меня побужденію. Это дѣлаютъ всѣ женщины.

— Ахъ, не ссорьтесь!—умоляла Антонина.

— „Это дѣлаютъ всѣ женщины!“—передразнивала Викторія. —Съ какимъ видомъ превосходства это говорится! Совершенно не понимаю, что̀ такое вы воображаете о себѣ?

Когда дѣло доходило до обоюдныхъ колкостей, Варѣ хотѣлось встать и уйти. Ея отношеніе къ такимъ пререканіямъ было совсѣмъ иного рода, чѣмъ отношеніе Антонины, но оно заставляло ее страдать и обостряло ея и безъ того наростающую неприязнь къ Викторіи.

— А мнѣ пора! — своимъ обычнымъ, спокойнымъ тономъ замѣчала она. И если ее не удерживали силой, она уходила съ такой глубокой, мертвенной тоской въ душѣ, точно случилось какое-то непоправимое несчастье. Въ такія минуты она была убѣждена, что Стружковъ и Викторія любятъ другъ друга, но она ни разу не поставила себѣ вопроса: почему это можетъ быть для нея не безразлично?

Бывали и болѣе удачные дни: Николай Николаевичъ былъ веселъ. Если не было пріема—онъ игралъ. Въ пріемные дни, въ будуарѣ, рядомъ съ дѣтской, становилось шумно и весело.

— Можно выпустить звѣрюшекъ?—спрашивалъ онъ Тоню. И такъ какъ разрѣшеніе всегда давалось охотно, онъ растворялъ двери въ дѣтскую, и его появленіе неизмѣнно производило радостный, шумный переполохъ. Онъ любилъ дѣтей и умѣлъ обращаться съ ними. И они не стѣснялись съ нимъ, забирались къ нему на колѣни, на плечи, дудили надъ самымъ его ухомъ въ рожокъ. А онъ не ласкалъ ихъ, не цѣловалъ и въ его обращеніи съ ними было больше любопытства, чѣмъ нѣжности.

— Ну, поди сюда. Покажись. Ну, что̀ ты умѣешь дѣлать выдающагося? Ишь вѣдь, съ хохломъ... Ну-ка, удиви меня чѣмъ-нибудь?

И всѣ трое старались чѣмъ-нибудь отличиться и удивить:

строили гримасы, прыгали на одной ногѣ, пытались встать на голову или перекувырнуться.

— Нѣтъ, братъ, слабо. Не годится. Приготовить мнѣ къ слѣдующему разу новую штуку.

Но иногда онъ оставался доволенъ и громко хохоталъ.

— А теперь—маршъ назадъ!—командовалъ онъ.—Вы мнѣ надоѣли. Идите и ждите, когда я васъ опять позову.

Дѣти, которыя никого не слушались, слушались его.

— Я ихъ гипнотизирую,—объяснялъ онъ.—Вы не вѣрите? У меня есть даръ внушенія.

Съ Варей онъ говорилъ мало, но уже обращался съ ней какъ со старой хорошей знакомой.

— А я не зналъ,—какъ-то сказалъ онъ ей, — я не зналъ, что среди вашего общества есть такія славныя, простыя бабы, какъ вы. Я, дѣйствительно, былъ несправедливъ. Помните, вы упрекнули меня? Да, вы—простая и милая, но до чего вы, все-таки, вся, вся затянута въ какой-то мундиръ! Признайтесь, что вы взвѣшиваете каждое ваше слово, каждую улыбку? Мнѣ кажется, что это должно быть тяжело. Точно вы какая-то спеленутая. Какъ бы я желалъ видѣть васъ въ минуту какого-нибудь свободнаго движенія души! Удивительно, какъ можно сдавить человѣка, сдѣлать изъ него какую-то куклу, даже тогда, когда нельзя за-одно убить въ немъ все живое. Скажите, развѣ я не правъ? Развѣ вамъ не тяжело?

— Да, я очень сдержанная, — краснѣя за свою откровенность, призналась Варя.—Я очень сдержанная и скрытная, но я такъ къ этому привыкла, что мнѣ было бы трудно, я думаю, даже почти невозможно стать другой. Я чувствую свой „мундиръ“ только тогда, когда я, почему-либо, хотѣла бы скинуть его. Мнѣ тяжело, что я не умѣю его скинуть, но онъ меня не стѣсняетъ. Я даже очень часто благодарна ему.

Николай Николаевичъ внимательно слушалъ ее.

— Не могу представить себѣ вашего внутренняго состоянія. Вотъ я совершенно не умѣю владѣть собой. Говорятъ, что это—распущенность. Говорятъ, что это отъ громаднаго самомнѣнія. Почему самомнѣнія? — я не понимаю. Я ненавижу самомнѣніе, какъ у вашихъ Вельшиныхъ, напримѣръ. И мнѣ совершенно неясно, почему Вельшины имѣютъ право на существованіе, а я—нѣтъ. Онѣ могутъ говорить, трещать, хохотать, шуршать даже тогда, когда это мѣшаетъ другимъ и совершенно лишнее для нихъ, а если я не скрываю того, что̀ я чувствую, я уже виноватъ.

— У васъ артистическая натура,—робко сказала Варя.

— Ну, нѣтъ!.. избавьте!..—возмутился Стружковъ.—Я знаю, что это значитъ—артистическая натура. Это—искусственное оригинальничанье и кривлянье. Это какое-то убожество мысли и чувства. И вотъ именно за то, что оно искусственно и, потому, не искренно, не глубоко, его охотно прощаютъ. Оно даже нравится. Я, если хотите, просто невоспитанъ... Принципіально, послѣдовательно невоспитанъ, потому что я сознательно похерилъ все свое воспитаніе, которое было, и живу, какъ разъ, наперекоръ ему. Похерилъ, потому что возненавидѣлъ, какъ ненавижу вашъ „мундиръ", всякую ложь, всякое безсмысленное свѣтское приличіе. Я не оригинальничаю и не ломаюсь. Я ненавижу. И мнѣ искренно этого никто не проститъ.

— Но какъ же такъ?.. Отрицать всякое воспитаніе?

— Для васъ это ужасно? Но я вамъ сдѣлаю уступку. Вообразите, что мнѣ порученъ ребенокъ. Первое, что я ему буду внушать, это вести себя такъ, чтобы не мѣшать другимъ. Мы, люди, живемъ въ такой тѣснотѣ, что это положительно необходимо. И вотъ, вся основа моего воспитанія: не мѣшай другимъ! А что дѣлаютъ дамы вашего общества? Да онѣ только и дѣлаютъ, что мѣшаютъ другимъ: дома, въ гостяхъ, въ театрѣ... Онѣ ничѣмъ не стѣсняются, чтобы занять собой какъ можно больше мѣста, какъ можно больше вниманія. И выходитъ, что онѣ, по моей теоріи, совершенно невоспитаны, возмутительно распущены; а то, что у нихъ называется воспитаніемъ—не что иное, какъ... попугаячья выучка. Онѣ умѣютъ сидѣть или ходить такъ, а не иначе, умѣютъ наклонять головку, говорить заученныя слова.

— Да... Вы ихъ ненавидите, — съ грустной улыбкой замѣтила Варя.—Значитъ, и у меня тоже... выучка попугая?

— И у васъ. Но у васъ она только внѣшняя. Что же, вы теперь тоже думаете, что я—ужасно самонадѣянный, потому что я откровенно высказалъ вамъ свой взглядъ на вещи?

Варя потомъ долго обдумывала этотъ разговоръ, съ горечью припоминала каждое слово.

„Какъ мы различны! какъ мы далеки, далеки!"—думала она.

Но наперекоръ этому сознанію она не чувствовала розни: съ Николаемъ Николаевичемъ ей всегда было легко и пріятно, и стоило ему только близко заглянуть ей въ лицо своими близорукими, внимательными глазами, какъ въ отвѣтъ ему поднималось въ ея душѣ теплое, радостное, довѣрчивое чувство. Но особенно близкимъ казался онъ ей тогда, когда игралъ. Еще ни-

когда и нигдѣ не слыхала она такихъ мягкихъ, задушевныхъ звуковъ, и тогда она думала:

„Вотъ онъ какой! Вотъ какими могутъ быть люди, жизнь, чувства... А я замуравлена. И если я попытаюсь пробить стѣну, которая душитъ меня, камни полетятъ на мою голову".

Одинъ разъ, когда она пришла къ Решковымъ, ее встрѣтила Викторія.

— Тоня спитъ,—сказала она.—Она плохо провела ночь, и я уговорила ее лечь.

Она глядѣла на Варвару Николаевну вопросительно, очевидно ожидая, что она сейчасъ же уйдетъ. Но Вязмина или не догадалась сдѣлать это, или, по безхарактерности, не рѣшилась сразу, какъ поступить; горничная сняла съ нея шубу и калоши, и она какъ бы помимо своей воли вошла въ гостиную.

— Но я не буду ее будить,—немного сухо предупредила Викторія.

— О, еще бы! Конечно, не надо!—быстро подтвердила Варвара Николаевна и сильно смутилась, почувствовавъ неловкость своего положенія.

„Сейчасъ придетъ Стружковъ, и я помѣшаю имъ,—сообразила она.—Надо уйти. Надо сейчасъ же уйти!"

— Я не хочу безпокоить Антонину и задержу васъ всего на одну минуту,—спокойно сказала она.—Скажите, что̀ же говорятъ доктора? отчего она такъ медленно поправляется?

Викторія подошла къ топящемуся камину и, вытянувъ руки, терла ихъ одна о другую. Вся ея высокая, крѣпкая фигура была освѣщена красноватымъ отблескомъ огня и казалась Варѣ особенно враждебной и даже непріятной.

— Доктора говорятъ, что это—длинная исторія. И я, право, какъ-то не понимаю: чтобы выздоровѣть, ей надо окрѣпнуть, а чтобы окрѣпнуть, надо выздоровѣть. И одно мѣшаетъ другому. Но видите ли, когда человѣкъ боленъ—очень мало утѣшенія въ томъ, что такъ должно быть.

— Но, все таки, они обѣщаютъ?

Викторія не отвѣтила и только пожала плечами.

— Отчего же вы не садитесь?

— Нѣтъ, я сейчасъ уйду. Меня ужасно огорчаетъ...

— Послушайте,—перебила ее Викторія:—я хотѣла у васъ спросить... Мать часто бываетъ у васъ?

— Наталья Алексѣевна?—да, довольно часто.

Викторія усмѣхнулась, и лицо ея стало злымъ и некрасивымъ

— Часто?—повторила она.—И что же, она тамъ все жалуется на отца, на меня?

— Нѣтъ!—сказала Вязмина.—Увѣряю васъ,—нѣтъ!

— Ну, а я все-таки не вѣрю вамъ, — холодно замѣтила Викторія.—Я знаю ее! О, какъ я ее знаю!

Варя стояла облокотившись о край рояля. Въ комнатѣ было почти темно, и только фигура и лицо Викторіи были ярко освѣщены огнемъ камина.

— И зачѣмъ вы говорите „нѣтъ"?—продолжала она.—Вы думаете, что это можетъ огорчить меня, или обидѣть? Мнѣ было бы только любопытно знать, какія теперь въ ходу обвиненія и жалобы? Впрочемъ, мнѣ и это все равно. Совершенно все равно! Вамъ непонятно, что можно такъ равнодушно относиться къ мнѣнію о себѣ матери?

Въ ея тонѣ звучала нервность, раздражительность. Варѣ вспомнилось, какъ она когда-то за чаемъ говорила о томъ, что временами ненавидитъ людей. Ей было непріятно и хотѣлось уйти.

Викторія вдругъ засмѣялась.

— А если я скажу вамъ больше? Если я скажу вамъ, что отношусь къ матери, какъ къ одному изъ злѣйшихъ моихъ враговъ?

— О! зачѣмъ? Нѣтъ, лучше не говорите... Вы чѣмъ-то разстроены...

— Скажите просто: вамъ непріятно, васъ коробитъ, когда говорятъ непринятую правду. Всѣ ее знаютъ, но говорить о ней вслухъ нельзя. И вы бы никогда, никогда не сказали. По вашему такая ложь, такая скрытность,—это что-то должное. Это—мягкость и деликатность. Да почему же Стружковъ говоритъ, что вы лучше, что вы выше другихъ? Развѣ вы не видите, что̀ вы дѣлаете? Изъ-за вашей проклятой мягкости и деликатности (только я-то думаю, что̀ это просто безхарактерность и рыхлость) вы губите себя, вы не даете дороги другимъ. Въ чемъ же тутъ заслуга? Вы, видите ли, чувствуете гнетъ, ненормальность, униженность вашего положенія—и вы страдаете отъ него. Но чтобы не огорчить maman, вы покоряетесь. Вы ужасно довольны вашими чувствами, они даже кажутся вамъ красивыми и благородными, и поэтому вы останавливаетесь на нихъ. О, если бы вы знали, какъ ненавистно мнѣ это ваше чувство правоты и благородства! Когда нужно дѣйствовать, бороться, когда нужны сила и энергія—видѣть, какъ люди пробавляются смакованіемъ изящныхъ чувствъ! Это можетъ довести до ненависти и изступленія. Отчего же

Стружковъ говоритъ, что вы лучше другихъ? Если вы лучше и выше, то вы болѣе виноваты. И я рада, что я высказала вамъ все, что̀ думаю, потому что видѣть васъ почти каждый день и молчать...

Все время какъ она говорила, Варвара Николаевна глядѣла на нее широко раскрытыми глазами.

— Я... Я довольна своими чувствами?.. я считаю себя правой и... благородной?—растерянно спросила она.—Почему вы говорите обо мнѣ? почему... обо мнѣ?

Викторія провела рукой по лбу и опустила голову.

— Почему о васъ? не знаю. Вы, конечно, не дали мнѣ на это никакого права. И я, вѣроятно, не должна была говорить. Ну, не будемъ, если не хотите. Забудьте, что̀ я сказала.

— Но что̀ же я могу... что̀ я должна дѣлать, по вашему? —послѣ долгаго молчанія вдругъ тихо спросила Варя.

Викторія повернулась къ ней, но сейчасъ же отвела глаза и стала медленно ходить по комнатѣ.

— Право, забудьте и... простите. Не стоитъ... У меня бываетъ тяжелое, мучительное настроеніе. Вы застали меня именно въ такую минуту. Я сидѣла здѣсь и думала. И мнѣ было горько и больно. Мать когда-нибудь разсказывала вамъ про меня?

— Да.

— Ну, вы должны знать, какъ трудно мнѣ было стать только тѣмъ, что̀ я стала. Почти съ дѣтства я только и дѣлала, что протестовала, упрямилась, убѣждала, выносила всякія сцены, мучилась ими. Ахъ, какія сцены! Вы подумайте, что дѣлала ихъ моя мать, а я ей вѣрила. Да, я тогда еще вѣрила ей. Она разыгрывала на всѣхъ струнахъ: я была виновницей печали, отчаянія, болѣзни, гнѣва, ужаса. На моихъ глазахъ она хлопалась въ обморокъ, сходила съ ума... Она такъ издергала, такъ утомила меня, что за каждую пядь своей свободы я платилась дорогой цѣной. И то, что̀ доставалось такъ трудно, какъ-то слишкомъ быстро теряло свою прелесть, то значеніе, которое оно раньше имѣло въ моихъ глазахъ. Да... Это происходило потому, что я была всегда слишкомъ утомлена. По той энергіи, которую я затрачивала, я пріобрѣтала несоразмѣрно мало. И, значитъ, я никогда не чувствовала удовлетворенія, радости. Никогда! И если бы не отецъ, который всегда держалъ мою сторону... Потомъ я перестала вѣрить матери. Я поняла, что всѣ ея слова, всѣ ея жесты и позы доставляли ей самой какое-то нравственное удовольствіе. Она была бы огорчена, если бы не находила предлога пустить ихъ всѣхъ въ ходъ. Я поняла. Но я поздно поняла. Какъ-то

слишкомъ жестоко было убѣдиться въ этомъ. И поздно было вернуть всѣ силы, всю уравновѣшенность, которыя я потратила на эту жалкую комедію. Вотъ когда я почувствовала, что моя мать—мой врагъ. И не она одна. Этихъ враговъ было столько... столько... Всѣ были противъ меня. Всѣ! И всѣ равнодушны къ сути моихъ желаній, моихъ стремленій и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, выказывали страстное внѣшнее негодованіе. Я слегка взбаломутила ихъ застой, это мертвое, бездонное болото. И всѣмъ, всѣмъ имъ я заплатила свою дань; всѣ понемногу обобрали меня тѣмъ, что отнимали и вѣру въ себя, и надежды... Отнимали насмѣшками, презрѣніемъ, убѣжденіями, мольбами. Можете вы понять, что у меня бываютъ минуты, когда я ненавижу ихъ всѣхъ мучительно... мучительно! Ненавижу за то, что я уже устала, что я не достигла ничего, что моя жизнь осталась пустой и неинтересной.

— Вы жалуетесь? вы?—удивилась Варя.

Викторія только мелькомъ оглянулась на нее, точно удивленная тѣмъ, что не одна, что кто-то подслушалъ ея мысли вслухъ.

— Да, видно, что такъ,—сухо отвѣтила она.—Видно, я жалуюсь. И это мнѣ противно. Когда человѣкъ начинаетъ жаловаться, ставьте на немъ крестъ. Онъ никуда не годится. Жалоба—это безсиліе, это компромиссъ. Плохо тебѣ, такъ дѣйствуй, дѣйствуй прежде всего, а не разбавляй своего чувства словами, фразами. Слова губятъ, обманываютъ. Они даютъ исходъ всякому чувству. И этотъ исходъ—такой легкій, такой доступный, что, пользуясь имъ, уже почти нѣтъ охоты искать другого. Вы развѣ не замѣчали, что скрытные люди обладаютъ большей силой, большей интенсивностью мысли и чувства, чѣмъ откровенные и болтливые? Русскіе люди инертны и безхарактерны. Мнѣ кажется, что это потому, что они по большей части очень общительны и любятъ выворачивать свою душу. И это мнѣ противно. И мнѣ непріятно, что я „жаловалась“ вамъ.

— Вы не безпокойтесь,—тихо сказала Варя.—Я понимаю, что вы говорили не со мной. Я попала какъ разъ въ минуту такого настроенія... Я тоже никогда не говорю. И не оттого, что я скрытна, а просто потому, что не умѣю, не привыкла. Но вы взволновали меня. Я не знаю... Мнѣ сейчасъ такъ ужасно грустно и одиноко. Я не знаю... Мнѣ хочется сказать вамъ... Что же я?.. если вы... конечно, это не утѣшеніе. И, видите, я совершенно не умѣю... Даже этого исхода у меня нѣтъ. И ничего нѣтъ! ничего!

Викторія остановилась. Въ комнатѣ было такъ темно, что

она различала только фигуру Вязминой, склоненную надъ роялемъ. Ея лица нельзя было разглядѣть.

— Ну, что же? Вы съ этимъ примиритесь? Вамъ легче примириться, чѣмъ начать дѣйствовать?

— Но что мнѣ дѣлать? что? скажите!

— Да, вы примиритесь,—уже совершенно увѣренно сказала Викторія.—Вы такъ и замрете на вашихъ тихихъ сожалѣніяхъ, на вашихъ робкихъ мечтахъ. У васъ еще осталась одна надежда. Сказать?

— Да, да. Скажите...

— Выходите замужъ. Идите за Стружкова.

Вязмина быстро выпрямилась.

— Викторія Львовна! вы смѣетесь надо мной!—съ горькимъ упрекомъ воскликнула она.

— Да, нѣтъ, нѣтъ! Почему вы думаете?

— Смѣетесь...

— Такъ слушайте же. Вы сами рѣшили, или Тоня вамъ доложила, что онъ любитъ меня? Да? Это—ложь. Вы запомните это. Онъ мнѣ такой же врагъ, какъ мать, какъ всѣ. Онъ мнѣ врагъ еще злѣе и опаснѣе. И мы оба знаемъ, что мы ненавидимъ другъ друга. Насъ притягиваетъ наша ненависть и борьба. Мы оба упрямы и сильны. Кто побѣдитъ? Кто побѣдитъ, кто сдастся, тотъ получитъ одно презрѣніе. Вы понимаете? вы понимаете?

— Нѣтъ, я не понимаю,—едва слышно отозвалась Варвара Николаевна.

— Постарайтесь. Это для васъ важно. Я не смѣюсь надъ вами. Я не обманываю васъ. Мы—враги. Для меня онъ ненавистное вѣковѣчное ярмо, котораго я не хочу знать. Для меня онъ пораженіе всѣхъ моихъ надеждъ, усилій, замысловъ. Я хочу быть одинокой и гордой, потому что только одинокіе и гордые владѣютъ жизнью. Я не хочу исключительной привязанности, потому что исключительная привязанность живетъ на счетъ всей остальной духовной стороны. Она впитываетъ въ себя всѣ духовные соки. Я не хочу чувства, которое я не могла бы принять разумно и спокойно, которое не возвысило бы меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, которое сдѣлало бы меня несвободной. Понимаете вы теперь?

— Этого вы хотите. А чего хочетъ онъ?

— А вотъ онъ... Онъ хочетъ побѣды! Только побѣды. Только торжества. Онъ, за-одно съ толпой, готовъ придавить всякое усиліе и преклониться предъ всякой удачей. Когда человѣкъ

карабкается вверхъ, зрители хохочутъ и торжествуютъ, если онъ срывается и летитъ внизъ. Они этого ждутъ. Они этого хотятъ. Когда карабкающійся достигаетъ вершины, когда ясно, что онъ останется, утвердится на ней, за него радуются, имъ гордятся. Я далека до вершины. И Стружковъ хочетъ и ждетъ, чтобы я сорвалась. Онъ зоветъ меня. . Онъ зоветъ только для того, чтобы я оглянулась и потеряла почву подъ ногами. Онъ уже готовъ хохотать, торжествовать...

— Слушайте!—сказала она вдругъ совсѣмъ другимъ тономъ: —если вы увидите руку, протянутую вамъ для того, чтобы помочь вамъ подняться, будьте увѣрены, что тотъ, кто протянулъ вамъ ее, самъ стоитъ высоко надъ толпой. И только на такую руку можно опереться съ довѣріемъ и спокойствіемъ. Если рука протягивается изъ толпы, она васъ стянетъ внизъ. Хотя бы ради забавы. Съ торжествомъ и хохотомъ. Съ злорадствомъ до счастья.

— Стружковъ?—съ удивленіемъ и негодованіемъ воскликнула Варя.

— Да. И онъ,—съ увѣренностью подтвердила Викторія.—И онъ. Потому что онъ выше многихъ, но не высокъ. Потому что и его преслѣдуютъ снизу... какъ всякаго, кто хоть чуточку выдается, выходитъ изъ обыденныхъ рамокъ. Его преслѣдуютъ и озлобляютъ. И онъ можетъ быть добръ къ вамъ, и онъ всегда будетъ безпощаденъ ко мнѣ. Онъ можетъ любить васъ; его любовь ко мнѣ—это ненависть, это жажда торжества и побѣды. И если даже онъ самъ этого не сознаетъ, я знаю, что это такъ.

Варвара Николаевна молчала.

— И все-таки вы любите его!—вдругъ неожиданно твердо и громко сказала она.

Викторія медленно дошла до угла комнаты, медленно вернулась и остановилась передъ каминомъ.

— Я не хочу исключительнаго чувства!—упрямо повторила она.—Я не хочу личнаго счастья. Онъ самъ, своимъ вдохновеніемъ, своимъ талантомъ, навѣялъ мнѣ такую мечту!.. Онъ самъ! Безсознательно онъ далъ мнѣ оружіе противъ него же. Запомните все, что я вамъ сказала. Вѣрьте мнѣ. И вѣрьте: если онъ можетъ полюбить одну изъ насъ двухъ, то это васъ, а не меня.

— Нѣтъ, не вѣрю!—горячо возразила Варя.—И зачѣмъ. . я не понимаю... зачѣмъ было это говорить?

— Но развѣ вы не смотрѣли на меня, какъ на свою соперницу? Меня это раздражало. Это ниже меня. Я не хочу! Вотъ зачѣмъ.

— И вы ошиблись,—сухо замѣтила Вязмина. — Передайте Антонинѣ, что мнѣ очень жаль, что я не видала ее.—Она направилась къ передней.

— Варвара Николаевна! — позвала Викторія. И когда та остановилась, она быстро подошла къ ней и протянула ей обѣ руки.—О, не сердитесь!—тихо попросила она.—Я сказала вамъ, что хочу быть гордой и одинокой, а на самомъ дѣлѣ я только слаба и... и несчастна...

Когда Тоня проснулась и позвонила, Варвара Николаевна поспѣшно собралась уходить: на ея блѣдномъ лицѣ слишкомъ замѣтно выступали слѣды слезъ. Въ первый разъ въ жизни она свободно и просто говорила и плакала о себѣ.

Всѣ недоумѣвали, почему Вельшины и Медынскіе такъ торопятся со свадьбой? Она состоялась въ концѣ февраля, и счастливая молодая чета уѣхала на югъ до весны. Прошло ровно полгода послѣ смерти Николая Ивановича Вязмина, и Анна Дмитріевна сочла возможнымъ надѣть торжественное сѣрое платье и присутствовать при вѣнчаніи.

Когда она одѣвалась и потомъ, вмѣстѣ съ дочерью, ѣхала въ церковь въ каретѣ, лицо ея не покидало горькаго, слегка презрительнаго выраженія. Она была знакома съ Медынскими еще тогда, когда жива была жена стараго князя. Князь и ея мужъ служили въ одномъ полку и были пріятелями. Почему онъ пересталъ бывать у нея? Умеръ Николай Ивановичъ, а она жива, слава Богу. Почему его сынъ, косенькій, молчаливый идіотъ, женится на Вельшиной, которую онъ встрѣтилъ у нея же? Почему весь этотъ рядъ несправедливостей и обидъ? И вотъ она, все-таки, ѣдетъ на эту ненавистную свадьбу и будетъ держать себя съ такой корректностью и съ такимъ достоинствомъ, что пристыдитъ всѣ злорадствующіе и насмѣшливые языки. О, она навѣрное знаетъ, что Вельшины злорадствуютъ и торжествуютъ. И Софья Григорьевна, и даже Зуева; Вѣрочка Зуева, съ которой она на „ты“ и которая навѣрное воображаетъ, что ей удастся пристроить своихъ индюшекъ, а она, генеральша Вязмина, весь вѣкъ не развяжется съ своей дочерью, на которой никто не пожелаетъ жениться. Конечно! Она не поѣдетъ въ Баку за жирными, пропитанными нефтью купцами. Она уважаетъ себя и свое имя.

Она всѣмъ, всѣмъ готовитъ сюрпризъ, и ни за что никому не проговорится о своей тайнѣ. Никто не долженъ знать, что

ея дочь—почти невѣста. Не знаетъ этого и сама дочь. Она списалась съ одной своей старинной пріятельницей, и дѣло можно считать слаженнымъ. Партія очень приличная. Титулъ. Скромныя, но самостоятельныя средства. Человѣкъ уже пожилой и женится не на вѣтеръ, съ очень опредѣленными требованіями: онъ хочетъ, чтобы его жена была немолода, нелегкомысленна, умѣла поставить его домъ на надлежащую ногу и играть въ обществѣ роль приличную его положенію. Жить въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ занимаетъ постъ. За богатствомъ онъ не гонится, но и не хочетъ, чтобы его жена была полной безприданницей. Всѣ условія точно нарочно созданы для Barbe. Отказаться она не посмѣетъ, да и не захочетъ: никогда ничего лучшаго ей не найти.

Конечно, ее придется предупредить, такъ какъ женихъ можетъ со дня на день пріѣхать въ Петербургъ и дѣло надо будетъ повернуть быстро и рѣшительно. Въ виду скорой разлуки Анна Дмитріевна стала мягче и ласковѣе съ дочерью, рѣже бывала не въ духѣ и меньше жаловалась на несносныя невралгическія боли.

На свадьбѣ она дѣйствительно держала себя корректно и съ достоинствомъ. Ея величавость была преисполнена любезности, но она не могла отказать себѣ въ удовольствіи выразить и нѣкоторое удивленіе, и дѣлала это все время съ большимъ искусствомъ, такъ что будто она не замѣчала ничего, что̀ могло бы удивить ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно подчеркивала то, что̀ ее удивляло.

Не могло быть сомнѣнія, что все происходило не совсѣмъ такъ, какъ должно было происходить. Зина была слишкомъ весела и развязна, женихъ—разсѣянъ и равнодушенъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка очень занятаго посторонними мыслями. Обходя вокругъ аналоя, онъ неловко наступилъ на край платья своей невѣсты и сейчасъ же громко извинился:

— Pa - ardon!

— Онъ забылъ, что онъ не танцуетъ,— замѣтила Вязмина Зуевой.

— Я удивляюсь, что она сейчасъ же не наказала его,—отвѣтила Вѣра Петровна и передразнила Зину:

— Вы наказаны!

Отецъ жениха, старый князь, велъ себя совсѣмъ странно. Казалось, что онъ все время куда-то ужасно торопится и боится опоздать. Вязмина видѣла, какъ онъ во время службы нетерпѣливо отбивалъ пальцами дробь по обшлагу собственнаго рукава,

надувалъ щеки и производилъ губами странные, торопливые звуки.

Во всякомъ случаѣ онъ не скрывалъ, что ему было невыносимо скучно.

Когда послѣ вѣнчанія перешли въ сосѣдній залъ и стали поздравлять молодыхъ шампанскимъ, онъ нѣсколько разъ повторилъ Софьѣ Григорьевнѣ:

— Вы знаете, что поѣздъ не будетъ ждать вашу дочь, какъ ждали ее священникъ и всѣ приглашенные. На этотъ разъ я попрошу васъ не запаздывать.

Софья Григорьевна была очень взволнована и ни на минуту не отходила отъ Зины.

— Я гляжу на васъ и радуюсь, что мои дѣвочки еще не собираются выпорхнуть изъ своего гнѣзда,—сказала ей Зуева.— О, я понимаю, какъ вамъ должно быть тяжело!

— Мнѣ было бы очень тяжело, если бы мы разлучались надолго,—отвѣтила Вязмина.—Но Зина и слышать не хочетъ жить отдѣльно отъ меня. Да, мы не разстаемся. Она такъ и сказала: „Мамочка! пусть онъ беретъ меня со всѣми моими достоинствами и недостатками“. Ахъ, она у меня такое золотое сердце!

— Надо поздравлять его вдвойнѣ,—рѣшила Вязмина.

Изъ толпы приглашенныхъ, нарядной, очень пестрой и почти сплошь безвкусной и некрасивой, выдѣлялась старшая дочь князя, Орлицкая, красавица и спортсменка. Она сразу собрала вокругъ себя бодрыхъ, молодцоватыхъ стариковъ и развинченныхъ, бѣлесыхъ и подслѣповатыхъ юношей, громко шутила и смѣялась. Всѣ остальныя дамы бросали въ ея сторону непріязненные взгляды, но все-таки искали случая встрѣтиться съ ней и наговорить ей какъ можно больше любезныхъ, восторженныхъ фразъ.

— Я убѣждена, что она опять показываетъ свои мускулы,— съ негодованіемъ говорила Зуева.—Я не хочу, чтобы мои дочери видѣли, что можно вести себя такъ странно въ обществѣ.

И она же, радуясь благопріятному случаю, закалывала на Орлицкой оборванный воланъ, для чего она очень просто и даже охотно опустилась передъ ней на одно колѣно.

— Вотъ такъ!—говорила она.—Ничего. Теперь почти незамѣтно. Вашъ чудный туалетъ опять въ исправности.

Благодарность молодой женщины дала ей право считать себя въ числѣ ея друзей и улыбаться съ фамильярной привѣтливостью, когда взгляды ихъ встрѣчались.

— Медынскимъ и Орлицкимъ все позволено! Они могутъ быть оригинальными.

Молодые уѣхали. А черезъ нѣсколько дней все общество было взволновано необычайной новостью: князь-отецъ сочетался бракомъ съ одной извѣстной пѣвицей-иностранкой и въ видѣ свадебнаго подарка преподнесъ ей купчую на роскошно отдѣланный особнякъ, въ который молодая княгиня немедленно собирается переѣзжать.

— Надо видѣть негодованіе Вельшиной! Это надо видѣть!— рѣшили дамы.

Софья Григорьевна была очень тронута сочувствіемъ и вниманіемъ, которые оказали ей всѣ ея пріятельницы и знакомыя. Онѣ задались цѣлью не оставлять ее въ одиночествѣ послѣ отъѣзда Зины и только дали ей отдохнуть нѣсколько дней отъ хлопотъ и волненій свадьбы.

Цѣлыми днями въ ея квартирѣ раздавались звонки, а въ ея гостиную входили встревоженныя или негодующія лица.

— Послушайте, неужели это правда? я не вѣрю...

— Но онъ ненормаленъ! Надо его отдать подъ опеку! Надо посадить его въ сумасшедшій домъ!

— Но вы знаете, что если состояніе—его покойной жены, то дѣти имѣютъ право требовать... Пусть вашъ зять требуетъ...

Софья Григорьевна бодрилась, притворялась спокойной, но высказывала еще болѣе либерализма, чѣмъ когда-либо.

— Аристократизмъ гніетъ,—говорила она.—Отцы—развратники, дѣти—выродки. Нужна новая кровь, сильная и здоровая, чтобы возродить этотъ полу-трупъ. Зина, этотъ ребенокъ, говорила мнѣ: „Мама! мы, въ нашей культурѣ, шли слишкомъ быстро, чтобы не утомиться. Люди, которые остались позади, смѣются, что мы слабы. Это не резонъ идти назадъ“. И вотъ моя дѣвочка не пошла назадъ и вышла за человѣка своего круга. Она поступила принципіально. Она сильнѣе, умнѣе и здоровѣе его, и—я боюсь думать!—чувство долга сыграло въ этомъ случаѣ бо̀льшую роль, чѣмъ голосъ сердца. Я боюсь, что съ ея стороны это одинъ изъ тѣхъ никому невидимыхъ, неоцѣненныхъ, безвѣстныхъ подвиговъ...

— Намъ теперь хотятъ преподнести Зину подъ соусомъ героизма,—ехидствовали пріятельницы.

Бодрость и спокойствіе Вельшиной нѣсколько разочаровали ихъ, и онѣ даже нашли, что старый князь, въ сущности, былъ вполнѣ вправѣ поступить такъ, какъ поступилъ.

— Она иностранка, а не какая-нибудь русская мѣщанка или купчиха.

И вдругъ стало извѣстнымъ, что молодые спѣшно возвра-

щаются въ Петербургъ, такъ какъ Зина чувствуетъ себя нерасположенной путешествовать и очень скучаетъ о матери.

— И вамъ теперь же приходится пріискивать квартиру? меблировать? отдѣлывать?—спрашивали Вельшину.

— О, нѣтъ!—спокойно отвѣчала она. — Зина займетъ свое прежнее мѣсто въ моемъ домѣ, а онъ... онъ какъ хочетъ. Я не имѣю средствъ содержать его! Зина поступаетъ вполнѣ благоразумно. Она говоритъ ему: „Докажите, что я могу положиться на васъ, и я положусь. Укажите мнѣ мѣсто, которое я должна занять въ вашей семьѣ, и я его займу“. У этой дѣвочки очень твердый характеръ. Она любитъ его, но не хочетъ, чтобы ея мужъ былъ ничтожествомъ, приживаломъ. Теперь, когда, быть можетъ, онъ остался нищимъ, ему необходимо создать себѣ какое-нибудь положеніе, и пока его не будетъ, Зина не вернется къ нему. Это—самое лучшее средство заставить его встряхнуться и работать. Онъ обожаетъ Зину, пусть же онъ заслужитъ ее.

Софья Григорьевна говорила увѣренно и убѣжденно, но ея напускная уравновѣшенность, видимо, начинала измѣнять ей.

— Вы можете себѣ представить, что этотъ старый сатиръ съ умысломъ бросилъ мнѣ на шею свое сокровище? Онъ, видите ли, достаточно повозился съ нимъ, и теперь ему нѣтъ до него никакого дѣла. Онъ мнѣ самъ сказалъ: „Взяли, ну и владѣйте. Значитъ, онъ вамъ нуженъ былъ, а мнѣ ни къ чему. Если онъ меня еще не разорилъ, то только потому что я его держалъ въ ежовыхъ. И вамъ совѣтую“. Назначилъ нищенскую пенсію и обѣщалъ похлопотать въ знакомомъ министерствѣ. „А на протекцію, говоритъ, не разсчитывайте. За уши тянуть не стану. Какъ хочетъ и какъ можетъ“. Какъ это вамъ нравится?

Многимъ это такъ понравилось, что ихъ обыденная, скучная жизнь внезапно пріобрѣла живой интересъ.

Наталья Алексѣевна, обиженная тѣмъ, что ее не позвали на вечеръ и одинаково не позвали на свадьбу, забыла свою обиду и стала бывать у Вельшиной чаще, чѣмъ у Анны Дмитріевны. Ея удивительная мимика развивалась при такихъ благопріятныхъ условіяхъ съ силой настоящаго таланта. И Вельшина, которая прежде не долюбливала ея и, высказывая свое мнѣніе о ней, съ многозначительнымъ видомъ постукивала сгибами пальцевъ сперва о свой лобъ, а потомъ о столъ, теперь стала находить въ ней скрытыя душевныя качества.

Самымъ тяжелымъ и непріятнымъ визитомъ для нея былъ визитъ Анны Дмитріевны Вязминой. Дамы не сказали другъ другу ни одного рискованнаго слова, но въ каждой ихъ фразѣ

чувствовалась борьба двухъ оскорбленнымъ самолюбій. Онѣ кололи и язвили другъ друга съ самыми любезными лицами, не выдавая внѣшнимъ образомъ ни одного настоящаго искренняго чувства.

„Ты его ловила для своей некрасивой, глупой Вари, и тебѣ не удалось“,—искусно внушала Вельшина Вязминой.

„Ты его поймала, а тебя оставили въ дурахъ“,—деликатно намекала Вязмина Вельшиной.

На прощанье онѣ долго жали другъ другу руки и, точно поддаваясь непреодолимому порыву, обнялись и поцѣловались.

Анна Дмитріевна уже знала, что ея окончательное торжество близко. Она имѣла извѣстіе, что „женихъ“, рекомендованный ея пріятельницей, которой она вполнѣ довѣряла, долженъ въ скоромъ времени прибыть въ Петербургъ. Оставалось только предупредить Варю, соблюсти формальности и затѣмъ запастись терпѣніемъ для всѣхъ предстоящихъ хлопотъ. Неизбѣжность этихъ хлопотъ немного раздражала генеральшу, но она утѣшалась тѣмъ, что послѣ этого короткаго періода никто и ничто уже не стѣснитъ ея свободы, и она найдетъ, наконецъ, заслуженные отдыхъ и покой.

„Вѣдь только тогда и хорошо,—думала она,—когда нѣтъ заботы о другихъ, когда нѣтъ отвѣтственности. Я добросовѣстно исполнила свой долгъ матери. Я хочу награды. И мнѣ, наконецъ, надоѣло... Я не могу слѣдить за Варей по пятамъ! Теперь она повадилась ходить къ Решковымъ... Ей не десять лѣтъ, чтобы ей можно было нанять гувернантку или самой удержать ее дома. По неволѣ никогда не бываешь покойна: раздражаешься, сердишься. Теперь—конецъ. Сдамъ ее съ рукъ на руки мужу и хотя остатокъ жизни не буду связанной требованіями и обязанностями относительно другихъ. Довольно“!

И она рѣшила предупредить Варю.

Она послала горничную доложить барышнѣ, что ее просятъ въ будуаръ, а сама усѣлась на низкомъ диванчикѣ, обложилась подушками и завернула ноги и одну руку въ платки.

— Вы нездоровы, maman?—спросила Варя.

— А когда я бываю вполнѣ здорова?—отвѣтила съ удивленіемъ генеральша.—Ты не замѣчаешь, потому что тебя послѣднее время почти никогда нѣтъ дома. Ты, можетъ быть, и сейчасъ куда-нибудь собираешься?

— Нѣтъ. Вы хотите, чтобы я вамъ почитала вслухъ?

— Я хочу, чтобы ты сѣла и слушала.

Варя сѣла. Анна Дмитріевна закатила глаза, болѣзненно вздохнула и выдержала долгую паузу.

— Съ тобой трудно говорить!—вдругъ съ видимымъ раздраженіемъ заявила она.—У тебя всегда такой видъ, будто тебя обижаютъ или притѣсняютъ. Увѣряю тебя, что я никогда не знаю, какъ ты примешь самую обыкновенную вещь... То, что̀ я имѣю тебѣ сообщить, очень важно. Другая дѣвушка на твоемъ мѣстѣ была бы только благодарна и счастлива, а ты... Я не знаю! И мнѣ, видишь ли, даже трудно говорить.

Варя молча подняла голову и пристально, съ безпокойствомъ остановила взглядъ на матери.

— Но надо сказать, и я скажу,—волнуясь и раздражаясь, продолжала Анна Дмитріевна.—Ты знаешь, какъ я всегда заботилась о тебѣ. Ты этого не цѣнила! и я не требую благодарности. Я ничего не требую. Но я хотѣла исполнить свой долгъ до конца. Другія матери спихиваютъ своихъ дочерей замужъ за первыхъ попавшихся негодяевъ, лишь бы отдѣлаться и сложить съ себя отвѣтственность. Мы видимъ теперь блестящій примѣръ на Вельшиныхъ... Положимъ, Софья Григорьевна такъ промахнулась, что мнѣ ее даже жалко. Но все равно. Вотъ тебѣ примѣръ отношенія матери: она только торопилась, ничего не предвидѣла, ни о чемъ не рззузнала, тогда какъ даже я могла бы ей сказать, что этотъ бракъ очень и очень рискованный. Я поступила совершенно иначе. Я собрала всѣ нужныя справки, все взвѣсила, обсудила...

— Maman!—испуганно перебила ее дочь.

— Подожди! Я говорю тебѣ: я все взвѣсила, все обсудила, и я думаю, я смѣю разсчитывать, что встрѣчу съ твоей стороны такое же благоразумное и достойное отношеніе. Ты, конечно, поняла? Я нашла для тебя болѣе чѣмъ приличную партію. Онъ уже не очень молодъ...

Варя сдѣлала такой отчаянный и рѣшительный жестъ, что она принуждена была остановиться.

— Что̀ съ тобой?—холодно спросила она.

— Maman...—задыхаясь, отвѣтила Варя,—мнѣ не нужно. Лучше совсѣмъ объ этомъ не говорить. Я не хочу.

— Что̀ такое? чего ты не хочешь? Ты еще не выслушала меня.

— Все равно. Нѣтъ, maman, я васъ очень прошу: не будемъ даже говорить.

— Какъ не будемъ даже говорить, если я писала, вызвала? если уже почти все рѣшено, сдѣлано?

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторяла дѣвушка, закрывая лицо руками.

— Да что такое—нѣтъ? Ты еще ничего не знаешь. Я говорю тебѣ, что я за тебя все обсудила и все обдумала. Ты ставишь меня въ какое-то странное положеніе. И мнѣ, наконецъ, непонятно...

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Замолчи! — гнѣвно крикнула генеральша и скинула платокъ съ руки.—Я просила тебя отнестись къ моимъ словамъ спокойно и благоразумно. Тебѣ сейчасъ незачѣмъ притворяться молоденькой, наивной дѣвочкой. Ты никогда ничего не умѣешь сдѣлать во-время и у мѣста. Затѣмъ, я тебѣ прямо скажу: я нашла для тебя болѣе чѣмъ приличную партію, и я желаю, чтобы этотъ бракъ состоялся. Я желаю этого непремѣнно!—На послѣднихъ словахъ она повысила голосъ и упрямымъ жестомъ стукнула кулачкомъ по столу.

— Мнѣ очень жаль огорчить васъ,—съ неожиданнымъ спокойствіемъ сказала Варя,—но я замужъ не выйду. Вы говорите, что я ставлю васъ въ какое-то странное положеніе. Его бы не было, если бы вы поговорили со мной раньше, чѣмъ все рѣшать. Я не считаю себя виноватой.

Анна Дмитріевна скинула платокъ съ колѣнъ и лицо ея побагровѣло.

— Ты смѣешь мнѣ это говорить?—сдавленнымъ голосомъ спросила она.—Ты? Ты смѣешь меня упрекать и винить? Для тебя съ твоимъ отцомъ я пожертвовала всей своей жизнью... Такъ я хочу знать: отчего ты не хочешь выходить замужъ? Вѣдь должна же быть причина. Я хочу ее знать. Говори.

— Я не скажу, maman. Я скажу когда-нибудь позже. Вы такъ взволнованы.

Генеральша расхохоталась.

— Я такъ взволнована? Ничуть. Я очень спокойна. Это ты волнуешься, потому что чувствуешь себя неправой. Я очень спокойна. Я знаю, чего я хочу, и я знаю, что будетъ такъ, какъ я хочу. Ты упряма и своевольна, но на этотъ разъ я должна предупредить тебя: мое терпѣніе истощено. Я не хочу... слышишь? я не хочу! я не хочу безъ всякой причины, наперекоръ разсудку отказываться отъ слова, которое я дала. Играть глупую роль... И не хочу опять няньчиться съ тобой, вѣчно безпокоиться, чувствовать отвѣтственность...

— И не надо няньчиться, maman. Не надо.

Она рѣзко поблѣднѣла, и видно было, что ей надо употреблять большое усиліе, чтобы говорить больше.

— Если я такъ въ тягость вамъ, то зачѣмъ же намъ продолжать жить вмѣстѣ? Мнѣ уже двадцать-семь лѣтъ. Развѣ у меня не можетъ быть своей личной жизни? Я уйду, maman. Я какъ-нибудь устроюсь. Вы не бойтесь за меня.

Генеральша широко раскрыла свои свѣтлые глаза и лицо ея, отъ изумленія, точно окаменѣло.

— Ты знаешь, что̀ ты говоришь? Ты понимаешь, что̀ ты говоришь?

— О, да! Я думала много, много. Мучительно думала. И, видите, мнѣ казалось, что я никогда не посмѣю... что у меня не хватитъ рѣшимости. Но вы сами помогли мнѣ. Maman, голубчикъ!.. иначе невозможно. Умоляю васъ, поймите меня. Замужъ я не хочу и не могу. Еслибы вы могли отпустить меня охотно и спокойно! Я не могу!.. я не могу!..

— Я выгоню тебя... охотно и спокойно! — крикнула Анна Дмитріевна и вскочила съ своего мѣста съ такой легкостью и быстротой, что уронила сосѣдній столикъ. — Я выгоню тебя. Я теперь все понимаю. Это сестра Антонины... Ты затѣмъ и повадилась къ Решковымъ. Но прими въ разсчетъ: эта Викторія хоть умна, а вѣдь ты... ты—дура. У тебя нѣтъ ни образованія, ни способностей, ни характера, ни привычки къ труду. У тебя ничего нѣтъ! ничего!

Генеральша злорадно расхохоталась.

— Вотъ вы чему рады!—вскрикнула Варвара Николаевна. —У меня ничего нѣтъ... Но кто же въ этомъ виноватъ? Кто сдѣлалъ меня такой безпомощной и несчастной?

— И ты, можетъ быть, думаешь, что я раскаиваюсь въ этомъ? Но, напротивъ, теперь ясно, насколько я была права. Если ты и теперь еще топорщишься и грозишь мнѣ какой-то глупостью,—что̀ было бы, еслибы ты чувствовала себя болѣе самостоятельной? Вязмина, служащая въ управѣ. Вѣдь это твой идеалъ, —не правда ли? Можетъ быть, теперь ты пойдешь въ телеграфистки? или куда? въ телефонныя барышни? Дочь генерала!

— Я пойду въ сестры милосердія, — тихо, но рѣшительно заявила Варя.

Анна Дмитріевна остановилась передъ нею. Лицо ея подергивалось отъ злобы и ненависти.

— Ты сдѣлаешь то, что̀ я тебѣ прикажу, — медленно проговорила она.—И я не хочу больше этихъ глупыхъ разговоровъ, которые вредятъ моему здоровью. Я не хочу умереть по твоей милости, послѣ того, какъ ты и твой отецъ испортили мнѣ всю жизнь.

— Зачѣмъ вы говорите про отца? зачѣмъ?

— Я всегда говорила и всегда буду говорить то, что̀ хочу. Ты и твой отецъ испортили мнѣ всю жизнь. Теперь я требую, чтобы мнѣ дали отдохнуть. Ты придешь сказать мнѣ, когда ты одумаешься. До тѣхъ поръ я ничего не желаю знать. Къ Решковымъ ты больше не пойдешь. Я тебѣ запрещаю.

— Но это странно, maman! Мнѣ двадцать-семь лѣтъ.

— А мнѣ шестьдесятъ, а ты хочешь заставить меня играть глупую роль. Ты хочешь убить меня, потому что я не вынесу, не вынесу...

Варвара Николаевна съ отчаяніемъ всплеснула руками и выбѣжала изъ будуара.

На другой день посыльный принесъ ей письмо.

„Я погибла, — писала Маня Зуева, — приходи проститься. Жить — немыслимо. Предупреждаю тебя, потому что обѣщала, но знай, что повліять на мое рѣшеніе уже невозможно“.

Варѣ стало досадно.

„Опять какія-нибудь глупости, — подумала она.—Набиваетъ себѣ голову романами, дерется съ сестрой и думаетъ, что она очень интересна“.

„Сегодня не могу придти,—отвѣтила она.—Страшно болитъ голова. Не дури, Маня. Тебѣ понадобятся твои силы въ болѣе серьезномъ случаѣ. Ты еще не знаешь, какія бываютъ положенія въ жизни“.

Она отправила записку и легла на диванъ. У нея, дѣйствительно, болѣла голова, но больше всего ей не хотѣлось никого видѣть, ни съ кѣмъ не разговаривать, и только думать, думать о себѣ.

Хватитъ ли у нея воли настоять на своемъ и пойти противъ желанія матери? Она еще сама не могла отвѣтить на этотъ вопросъ. Вотъ еслибы Стружковъ любилъ ее! О, да! тогда... Еслибы даже у нея была хотя слабая надежда! Но надежды нѣтъ. Она знаетъ, что нѣтъ, и, все-таки, она какъ будто есть. Никогда ничего не разберешь въ своей душѣ. Вотъ ей кажется, что ея замужество съ незнакомымъ ей женихомъ совершенно невозможно. Одно такое предположеніе возмущаетъ ее. А развѣ она поручится, что этого не будетъ? Положить руку на сердце и отвѣтить: поручится? Нѣтъ. Она этого боится, она не хочетъ, она будетъ бороться. И вотъ и все. А въ сущности, ея рѣшеніе зависитъ только отъ нея. Сказать себѣ: не поддамся! ни за что! И потомъ стоять на своемъ. Казалось бы, почему это невозможно? Мать грозитъ, что не вынесетъ. Но она же знаетъ, что

это только угроза. Вынесетъ и забудетъ. Все забывается. И все-таки Варя не можетъ поручиться за то, что не поддастся и не согласится. Отчего? Нѣтъ воли, нѣтъ характера. „Ничего нѣтъ! —печально заключила дѣвушка.—И даже цѣли нѣтъ. Одна мечта. Стоитъ эта мечта передъ глазами, манитъ, мучитъ. А гдѣ ее искать? какъ найти дорогу къ ней? И сколько для такого шага надо увѣренности и рѣшимости! Вѣдь непремѣнно каждый первый шагъ кажется глупостью, вызываетъ насмѣшки и порицанія. Первый шагъ... это еще такъ далеко до цѣли, а онъ уже такъ много отнимаетъ силъ! Вотъ и начинаетъ казаться, что мечта недоступна, что нѣтъ къ ней дорогъ и путей. И остается только мечтать, потому что нѣтъ воли и нѣтъ характера. Мечтать, когда хочется жить. Бѣдныя мы, бѣдныя!

„И Викторія устала, — думала она дальше. — Такъ устала, что совсѣмъ не видитъ и не цѣнитъ того, чего достигла. И у нея уже другая мечта: свѣжесть, красота жизни. Она думаетъ, что онѣ должны быть, что онѣ есть. И она такъ тоскуетъ по своей мечтѣ, что только для того, чтобы не отрѣшиться отъ нея, она отказывается отъ личнаго счастья. Любитъ Стружкова, любитъ и не хочетъ любить. Сильная она, но несчастная. И, Богъ съ ней, я все-таки не понимаю ее. Она хочетъ слишкомъ многаго, когда у насъ нѣтъ ничего. Это гордость въ ней. И за эту гордость я ее не люблю".

Анны Дмитріевны съ утра не было дома, и она предупредила прислугу, что, можетъ быть, она даже не вернется обѣдать. Варя долго лежала, а когда время стало приближаться къ четыремъ,—часъ, въ который она обыкновенно ходила къ Решковымъ,—она машинально встала и, не отдавая себѣ отчета, куда она идетъ и зачѣмъ, вышла на улицу. Она пошла по той дорогѣ, гдѣ, она знала, можно было встрѣтить Николая Николаевича, когда онъ выходилъ со службы и отправлялся къ Антонинѣ.

„Мнѣ больше уже негдѣ видѣть его", — думала она, хотя раньше рѣшила не подчиняться требованію матери прекратить свои посѣщенія Решковыхъ. Привычка во всемъ слушаться Анны Дмитріевны была такъ сильна, что даже и въ этомъ случаѣ она не могла измѣнить ей сразу и безъ особеннаго напряженія воли.

Она дошла до зданія министерства, въ которомъ служилъ Стружковъ, и повернула обратно.

Она его не встрѣтила, и только тогда почувствовала, какъ сильно и упорно было въ ней желаніе видѣть его. И она опять пошла назадъ, и опять обратно, и уже перестала надѣяться, когда ее окликнулъ знакомый голосъ.

— Да это вы?—спросилъ Стружковъ.—Это, дѣйствительно, вы? А я думалъ, что вы только страшно похожи на себя. Я васъ никогда не видалъ на улицѣ.

— Вы къ Решковымъ?—спросила Варя.

— Нѣтъ, я домой. Пойдемте?

— Куда?—удивилась дѣвушка.

— Ко мнѣ. Посмотрите, какая у меня уютная квартирка. Я люблю, чтобы было уютно. Я васъ очень серьезно приглашаю. Если хотите, буду вамъ играть. Если хотите, пообѣдаемъ вмѣстѣ. Отчего бы вамъ, право, не согласиться? Вѣдь мы друзья?

Онъ наклонился и ласково заглянулъ ей въ лицо.

Варя сильно смутилась.

— Николай Николаевичъ!.. вы не примите это за обиду... Я не стану лгать, что мнѣ некогда... Но... я очень благодарна вамъ и мнѣ очень жаль...

— Словомъ, вы считаете это неприличнымъ, — объяснилъ Стружковъ и весело засмѣялся. — И неужели ваше убѣжденіе такъ твердо, что даже немыслимо его поколебать? Мнѣ вотъ что интересно: допускается въ этомъ убѣжденіи логика, или не допускается?

— Да какая же логика?..

— Очень ясная. Всякое „приличіе“, даже ваше приличіе, имѣетъ какой-нибудь корень, основаніе. Возьмемъ настоящій случай. Прежде женщина жила въ теремахъ, жила своей особенной женской жизнью, и мужчины глядѣли на нее не иначе, какъ только на женщину. Понимаете? Этотъ взглядъ такъ укоренился, что его и теперь еще не вышибешь изъ жизни. Въ дружбу мужчины съ женщиной вѣрятъ съ трудомъ и ихъ отношенія въ такихъ случаяхъ всегда подъ подозрѣніемъ. Очень логично, что женщина не довѣряетъ мужчинѣ и огораживаетъ себя отъ нелестныхъ для нея пересудовъ. Это будетъ до тѣхъ поръ, пока и мужчина, и женщина, не станутъ на надлежащую нравственную высоту въ общественномъ мнѣніи. До тѣхъ поръ будетъ считаться „неприличнымъ“, чтобы дѣвушка или молодая женщина посѣщала квартиру холостого мужчины. Но что можетъ быть дурного въ томъ, что вы зайдете въ гости ко мнѣ? Мой нравственный уровень вамъ, надѣюсь, извѣстенъ, т.-е., другими словами, у васъ нѣтъ основанія считать меня за негодяя. Я сочту вашъ визитъ за знакъ дружескаго расположенія и довѣрія, а больше никто объ этомъ не узнаетъ. Нѣтъ, вы напрасно думаете, что я не приму вашъ отказъ за обиду. Вотъ именно за обиду... потому что я не съумѣю объяснить себѣ его иначе.

Разговаривая, онъ такъ ускорилъ шаги, что Варя едва поспѣвала за нимъ.

— Значитъ, у меня нѣтъ логики,—сказала она.—Впрочемъ, я даже вполнѣ убѣдилась, что у меня ея нѣтъ. Въ послѣднее время, въ особенности... Мнѣ больно, если васъ огорчаетъ мой отказъ, но, вообразите, я себѣ даже представить не могу, чтобы я отважилась руководствоваться хотя бы очень логичнымъ разсужденіемъ, а не заученнымъ правиломъ. Быть можетъ, это мое несчастіе.

— Послушайте,—сказалъ Николай Николаевичъ и пристально поглядѣлъ на нее, — вы мнѣ кажетесь сегодня какой-то странной. Отчего вы говорите, что въ послѣднее время стали особенно нелогичной? Почему въ послѣднее время?

Варвара Николаевна почувствовала непреодолимое желаніе разсказать ему о своей ссорѣ съ матерью, о своихъ неопредѣленныхъ планахъ и необходимости принять какое-нибудь твердое рѣшеніе. Но только она ни за что не хотѣла говорить о своемъ предполагаемомъ замужествѣ, и не знала, съумѣетъ ли она обойти этотъ вопросъ.

— Въ послѣднее время мнѣ много приходилось думать. Думать о себѣ... — начала она. И затѣмъ, просто и неожиданно легко она въ нѣскольких словахъ передала ему всю несложную повѣсть своей жизни, своихъ отношеній къ родителямъ и послѣднее столкновеніе съ матерью. Она только немного солгала и сказала, что первая потеряла терпѣніе и заявила Аннѣ Дмитріевнѣ, что жить такъ, какъ жила до сихъ поръ, она больше не въ силахъ. О незнакомомъ женихѣ и о его скоромъ пріѣздѣ въ Петербургъ она не обмолвилась даже намекомъ.

Николай Николаевичъ внимательно выслушалъ ее и, чтобы удобнѣе было слушать, продѣлъ свою руку подъ ея руку и шелъ, близко прижавшись къ ней и наклонясь въ ея сторону.

— Что̀ же вы теперь будете дѣлать?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Совсѣмъ не знаю.

— А надо знать и знать твердо. Иначе кончится одними непріятностями и разладомъ. Такія положенія, какъ ваше, или заставляютъ дѣйствовать, или совершенно разочаровываютъ человѣка въ его силахъ. Если вы уступите сейчасъ, вы будете уступать и позже, и всегда. Предупреждаю васъ.

— А что̀ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я бы сдѣлалъ то, что̀ сказалъ. Въ сёстры, такъ въ сёстры. Только, чортъ знаетъ... Вы знаете, какъ это дѣлается? Надо, кажется, пройти какіе-то курсы?

— Не знаю.

— Я все узнаю и буду помогать вамъ, въ чемъ могу. Но вы дошли до моего подъѣзда, и, ей Богу, было бы очень странно, если бы вы и теперь отказались нанести мнѣ самый коротенькій визитъ. Ну, самый коротенькій.

Варя еще колебалась, но Стружковъ, не выпуская ея руки, открылъ дверь и сталъ подниматься вмѣстѣ съ ней по темноватой лѣстницѣ.

— Я радъ, что вы будете моей гостьей, — говорилъ онъ.— Вы — славная баба. Вы — простая и милая, и я привязался къ вамъ. Я не люблю женщинъ съ вывертами и претензіями. Вы простите меня, если я прямо скажу: я не довѣряю женскому уму. Женскій умъ—это или хитрость, или навыкъ кстати повторять чужія слова. Но если женщина думаетъ, что она умна, то она сейчасъ же становится такъ самомнительна и самоувѣренна, что сама же обезцѣниваетъ себя. Умныя женщина есть, безспорно, но онѣ — только умныя женщины, а не умные люди. А это большая разница. Вы чувствуете разницу? Бога ради, когда вырветесь изъ своей клѣтки и почувствуете себя свободной, не сдѣлайтесь умной женщиной! Не будьте такой... ну, какъ ваша новая пріятельница Викторія.

— Викторія?—удивленно повторила Варя.

— Ну, да. Развѣ вы не согласны со мной, что вся она одинъ вывертъ, судорога какая-то. Ничего простого, естественнаго.

Онъ вынулъ изъ кармана тоненькій ключъ и отперъ дверь.

— Вотъ вы и у меня!—торжествующимъ тономъ сказалъ онъ.—Предполагали ли вы эту возможность, когда, мѣсяца два тому назадъ, встрѣтились со мной въ первый разъ? И какъ же муштровала насъ Антонина, чтобы мы, и въ особенности я, не оскорбили вашего тонкаго вкуса нашими плебейскими манерами!

Варвара Николаевна отказалась снять свою мѣховую кофточку и все время своего пребыванія у Стружкова чувствовала себя чрезвычайно неловко.

Она вошла въ кабинетъ, разглядывала фотографическія карточки, ноты, книги и все время думала объ его отзывѣ о Викторіи, и старалась направить разговоръ такъ, чтобы Николай Николаевичъ еще опредѣленнѣе высказалъ свое мнѣніе о ней. Но тотъ, какъ будто нарочно, замалчивалъ этотъ вопросъ.

— Ну, я буду опять ждать васъ къ себѣ въ гости,—сказалъ онъ, когда Вязмина собралась уходить.—Лиха бѣда начало. А у насъ съ вами теперь и дружба, и общее дѣло.

— Какое дѣло?—удивилась Варя.

— Но я взялся навести для васъ справки. Буду помогать вамъ эмансипироваться, но только, повторяю свою просьбу, не сдѣлайтесь умной женщиной!

Анна Дмитріевна вернулась только поздно вечеромъ и прямо прошла въ свою спальную. Мать и дочь не видались весь день, и Варя съ тоской думала, что такой счастливый случай не можетъ повторяться часто.

Утромъ посыльный опять принесъ письмо. Маня Зуева писала, что вечеромъ будетъ дома совсѣмъ одна, такъ какъ Вѣра Петровна съ Катей ѣдутъ въ театръ, а Евгеній Сергѣевичъ, по обыкновенію, будетъ въ клубѣ. Она умоляла Варю придти къ ней „поговорить и проститься".

Варвара Николаевна рѣшила идти, но ее очень волновалъ вопросъ, надо ли ей спросить разрѣшенія матери, или поступить вполнѣ самостоятельно?

„Зачѣмъ спрашивать о такихъ пустякахъ, если я собираюсь не уступать въ вопросахъ значительно болѣе важныхъ?— разсуждала она.—Надо пріучать ее къ мысли, что у меня есть своя воля".

„Впрочемъ, это, дѣйствительно, такой пустякъ, такая формальность, что не стòитъ раздражать ее изъ-за этого",—думала она позже, уже направляясь черезъ темную гостиную къ комнатѣ Анны Дмитріевны.

— Maman! я иду къ Зуевымъ,—сказала она, останавливаясь въ дверяхъ.

Генеральша читала, усѣвшись въ спокойное низкое кресло.

— Я иду къ Зуевымъ,—повторила Варя.

Анна Дмитріевна не отвѣтила и, казалось, не слыхала, что съ ней говорятъ.

Варвара Николаевна постояла еще немного, повернулась; но не успѣла она сдѣлать двухъ шаговъ, какъ сзади нея раздался властный голосъ матери:

— Ты никуда не пойдешь!

Она вернулась.

— Почему?—спросила она.

— А потому что я этого не хочу. Достаточно, я думаю?

Каждый разъ, какъ мать говорила этимъ тономъ, Варя начинала такъ волноваться, что у нея перехватывало дыханіе.

„Что же это? кабала? полная кабала? Я какъ въ острогѣ?"— мысленно возмутилась она.

— Но вы объясните?..

— Ничего! я сказала.

— Такъ вы извините меня, maman: я, все-таки, пойду.

— Какъ? — переспросила Анна Дмитріевна и сдернула pince-nez.

„Надо настоять! надо настоять!—подбадривала себя Варя. „Если вы уступите сейчасъ, то будете уступать и позже, и всегда",—вспомнились ей слова Стружкова.

— Я, все-таки, пойду,—громко повторила она.—И, вообще, такая жизнь невыносима... Я больше не могу и не хочу... И я теперь совсѣмъ, совсѣмъ рѣшила: я пойду въ сестры милосердія, а если нельзя, то хоть въ телеграфъ, хоть въ телефонъ...

Анна Дмитріевна откинулась головой на спинку кресла.

— Позвони! мнѣ нехорошо...—едва слышно проговорила она.

Варвара Николаевна кинулась къ ней, но генеральша отмахнулась отъ нея съ такой энергіей, что дѣвушка сразу успокоилась насчетъ ея жизнеспособности.

— Позвони... доктора...

Варя позвонила и убѣжала въ переднюю.

„Ну, и пусть! пусть!"—думала она, поспѣшно накидывая ротонду дрожащими руками.—„И еще хуже будетъ! Трудно себѣ представить, что̀ будетъ! А я буду крѣпиться, пока могу".

Къ Зуевымъ она пріѣхала рано. Вѣра Петровна и Катя еще не уѣзжали, но уже вышли въ переднюю.

— Это наша милая Barbe!—привѣтствовала Варю m-me Зуева.—Манечка! слышишь? это Barbe! Моя бѣдняжка что-то прихворнула и не ѣдетъ съ нами. Мы — на „Сервилію". Вы не слыхали? Непремѣнно надо спѣшить, потому что о ней теперь такъ много говорятъ. Что же дѣлать? Я, по правдѣ сказать, совсѣмъ не люблю новыхъ оперъ, но нельзя же... Надо имѣть свое мнѣніе, не правда ли? Маня! это Barbe! Вы посидите съ моей больной дѣвочкой? Я думаю, что у нея это—желудочное. Слабость, тошнота... Завтра пройдетъ. Maman, надѣюсь, здорова? Она насъ забыла. Ты готова, Катя?

Вошла Маня и молча поздоровалась съ гостьей.

— Вотъ тебѣ не будетъ скучно,—продолжала болтать Вѣра Петровна,— я очень рада за тебя. Скажите maman, что я на нее очень, очень сердита. Маня! ключъ отъ шкафа у меня въ туалетѣ. Угощай свою гостью, но сама не ѣшь сладкаго. Будь благоразумна. Ну, идемъ, Катя. Мы и безъ того опоздали.

Варвара Николаевна не успѣла сказать ни одного слова. Она глядѣла на свою подругу—и что-то новое, едва уловимое поразило ее въ ней.

— Пойдемъ въ мою комнату,—предложила Маня.—Я полежу. Это ничего? я слаба.

— Но, значитъ, ты серьезно больна?

— Да, больна.

Она растянулась на кушеткѣ, закрыла лицо руками и беззвучно заплакала. Слезы лились между пальцевъ, и все ея тѣло вздрагивало и дрожало.

И опять Варю поразило въ ней что-то новое, необычное. Точно вся она стала проще, искреннѣе и какъ-то трогательнѣе.

— Да что̀ же это, Маня? что̀ такое?

— Какъ трудно! какъ трудно, еслибы ты знала!

— Что̀ трудно?

— Сколько разъ я раньше думала: ну, что̀ стоитъ? Страданій я всегда боялась, а смерть казалась мнѣ такой легкой. Точно ни себя, ни другихъ—никого не жалко было. А теперь... Ахъ, какъ хочется жить, Варя! какъ хочется жить! какъ...

Она громко зарыдала и спряталась головой въ подушку.

— Ну, выпей воды. Успокойся!—уговаривала ее Вязмина.—Успокойся, милая. Хочется жить—и прекрасно. И живи. О чемъ же?.. О, Боже мой! да о чемъ же?

Съ Маней сдѣлалась истерика. Варя хлопотала, примачивала ей голову, искала капли.

— Ничего... Ничего... — говорила Маня. — О, Боже мой! нѣтъ... ничего...

Наконецъ она немного оправилась.

— Какъ я благодарна тебѣ, что ты пришла,—прошептала она.—Помочь мнѣ ты не можешь, но это такой ужасъ—молчать, притворяться. Хожу, смотрю на всѣхъ и думаю: „а меня здѣсь скоро не будетъ". И какъ я теперь всѣхъ люблю, Варя! какъ они всѣ мнѣ милы и до̀роги! Сегодня, за обѣдомъ, папа и мама опять ссорились и кричали. Мнѣ стало такъ жалко ихъ и грустно... Будутъ ли они ссориться, когда я умру? Почему-то мнѣ кажется, что нѣтъ. Я ихъ попрошу.

— Ну, вотъ ты и опять плачешь. Ну, подумай, Маня... Сама ты говоришь, что тебѣ теперь хочется жить, что ты всѣхъ любишь. Такъ выбрось изъ головы всѣ свои странныя фантазіи. Не мучь себя. Зачѣмъ думать о смерти?

— Нельзя теперь. Надо. Ты не знаешь... Надо. Невозможно жить, а такъ хочется! Варя! Варечка! Глупая я была. Дура! Поздно. А понимаешь ты, что у меня нѣтъ силъ? Какъ представлю себѣ эту минуту... Вотъ, надо взять и выпить... такъ хо-

чется кричать, звать на помощь, молить, чтобы меня спасли, простили... Въ ногахъ у всѣхъ валяться и молить. Не могу!

— Не понимаю, — тихо сказала Варя. — Ты не договариваешь,—и я не понимаю.

— Трудно сказать,—прошептала Маня.

Вязмина сидѣла на краю кушетки и держала въ своихъ рукахъ руку подруги. И почему-то ей казалось, что эта дѣвушка— уже не та, какую она знала раньше, еще совсѣмъ недавно, и эта перемѣна удивляла и пугала ее больше всего, что она слышала.

— Сколько у меня новыхъ радостей!—съ мечтательной, печальной улыбкой опять заговорила Маня.—Знаешь, я думала, что папа не любитъ насъ. А вчера мнѣ вдругъ ужасно, ужасно захотѣлось пойти къ нему и приласкаться. И я пошла въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ и писалъ. И вышло какъ-то странно... Онъ сперва взглянулъ на меня, какъ всегда: такъ строго и холодно. А я... а я ему сказала: „Папа! я къ тебѣ... Мнѣ грустно". И онъ вдругъ... вдругъ сталъ совсѣмъ другой. Такой добрый, добрый. И тоже печальный. Странно! Говорили мы съ нимъ. Онъ мнѣ руку поцѣловалъ. Только я поскорѣй ушла. Я не могла, потому что меня душило. Я теперь знаю: онъ добрый и несчастный. Отчего всѣ несчастливы, Варя? Папа мнѣ сказалъ: „Я знаю, что я виноватъ передъ вами". Это—передо мной и Катей. А я ему сказала: „Я тебѣ прощаю. Помни. И прости мнѣ". Да. Онъ былъ чужой, и вдругъ сразу сталъ родной, близкій. Странно.

— Видишь! Такъ ты поди къ нему опять и разскажи все, все.

— Никогда!

— Не понимаю...

— Все равно. Не мучь меня. Вѣрь. Ты видишь, за эти нѣсколько дней я точно пережила цѣлую жизнь. Я ненавижу и презираю себя въ прошломъ. И теперь презираю еще больше. Но мнѣ такъ жалко себя! и такъ хочется, чтобы и другіе жалѣли. Да вѣдь развѣ же я преступница, Варя? Неужели нѣтъ состраданія? Страшно... точно весь міръ чужой и я одна. Страшно!..—повторила она, глядя передъ собой широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

— У тебя жаръ. Рука горячая, горячая.

— Это пустяки.

— Манечка! какъ же быть? Чтò бы ты ни говорила, я не могу представить себѣ, что тебѣ нельзя какъ-нибудь помочь. Я

тебя не допрашиваю. Я только умоляю тебя: не торопись. Не считай свое рѣшеніе окончательнымъ. Не насилуй себя. Вѣдь иногда бываетъ такъ трудно и тяжело, что кажется не подъ силу. Но это только такъ кажется. Потомъ обойдется—и ничего. Ну, будемъ надѣяться. У меня тоже сейчасъ горько и обидно на душѣ. Да что̀ же дѣлать? Надо терпѣть и бороться.

— Не сравнивай меня съ собою.

— Отчего? У насъ много общаго. Но ты—романическая, экзальтированная головка. Тебѣ труднѣе. Не сердись. Позволь мнѣ думать для своего же утѣшенія, что ты способна выдумать себѣ такое горе, что тебѣ уже кажется, что его невозможно пережить. Помнишь, какъ часто ты приходила въ отчаяніе, а потомъ опять считала себя безумно счастливой? Я вѣрю, что тебѣ сейчасъ безмѣрно тяжело,—но развѣ нѣтъ возможности надѣяться, что скоро, можетъ быть очень скоро наступитъ новая счастливая полоса? Умоляю тебя, Маня, не торопись. Пожалѣй себя и другихъ. Но ты даже не слушаешь меня! О чемъ ты думаешь?

— Мнѣ припоминается... Я одинъ разъ видѣла... въ деревнѣ... Въ мышеловку попалась крыса. Ей прищемило задъ. Она возила мышеловку за собой, прыгала съ ней, рвалась, кричала. Чуть не вся дворня сбѣжалась смотрѣть и всѣ хохотали. Потомъ на нее натравили собаку... У насъ такса была. Это было давно. Почему я вспомнила? Такъ противно и гадко! Фу, какъ противно!

— Просто ты больна. Ишь, какой жаръ!

— Пустяки. Но мнѣ теперь кажется, что я—эта самая крыса. Какъ противно! Всѣ собрались и хохочутъ.

— Маня! не послать ли за докторомъ?—тревожно спросила Варвара Николаевна.—Никого дома нѣтъ... Но я знаю, кто у васъ лечитъ. Я пошлю.

— За докторомъ?—вскрикнула Маня съ такимъ ужасомъ, какъ будто ей пригрозили казнью.—Этого я еще не предвидѣла! Ну, конечно, они пошлютъ... Значитъ, осталась всего одна ночь. Надо торопиться... Варя! не будемъ прощаться... Тяжело. Иди домой... Оставь меня теперь, голубчикъ. Мнѣ пора... спать. Я устала.

— Нѣтъ! ты меня не прогонишь!—рѣшительно заявила Вязмина.—Маня! у меня... страшная мысль... Но вѣдь я не права? Ты нагнала на меня такое настроеніе, что мнѣ все кажется возможнымъ. Но, конечно, я не права!

— Мысль... про меня?—спросила Маня и приподнялась на кушеткѣ.—Ты... догадалась?

Обѣ съ одинаковымъ ужасомъ и ожиданіемъ глядѣли другъ другу въ лицо.

— Правда?—едва слышно спросила Варя.

Потомъ она молча схватила ее за руки, привлекла и прижала къ себѣ. И Маня тоже не сказала ни слова, а голова ея довѣрчиво и безсильно опустилась на плечо подруги.

Молодые Медынскіе вернулись изъ-за границы и вскорѣ же стали дѣлать визиты всѣмъ своимъ знакомымъ. Княгиня болтала и смѣялась по прежнему, безъ умолку, но хотя мужъ всюду сопровождалъ ее—можно было думать, что она совершенно забыла объ его существованіи. Она не обращала на него ни малѣйшаго вниманія, какъ бы на свою тѣнь. Онъ входилъ и выходилъ, садился и вставалъ рядомъ съ ней и въ одно время съ ней. Когда надо было говорить, онъ повторялъ ея слова; смѣялся, когда она смѣялась.

Вѣроятно, ему было разрѣшено распространяться свободно и самостоятельно только въ описаніяхъ красотъ южной природы. Какъ только рѣчь заходила о томъ, какъ имъ понравилась Италія или югъ Франціи, князь слегка оживлялся и говорилъ о пальмахъ, кипарисахъ, кактусахъ и агавахъ. Одинъ разъ, когда жена разсказывала о своихъ впечатлѣніяхъ въ Монте-Карло, онъ заикнулся-было, что внутренняя отдѣлка стѣнъ казино, по его мнѣнію, немного аляповата, но строгій взглядъ Зины сейчасъ же напомнилъ ему, что такія разсужденія уже внѣ его компетенціи, и покорно сталъ ждать своей очереди поговорить объ окружающихъ казино пальмахъ и агавахъ.

Всѣ разсказывали Зинѣ, какъ Софья Григорьевна скучала безъ нея и какъ онѣ старались ее развлечь и утѣшить.

— Ахъ! мамочка!—весело восклицала Зина.—Она у меня совсѣмъ какъ ребенокъ! Теперь мы не разстанемся. И она такъ добра къ нему,—кивала она на мужа.

— Да. Она очень добра ко мнѣ,—сейчасъ же подтверждалъ князь.

Софья Григорьевна пріѣзжала просить Анну Дмитріевну Вязмину поддержать ея просьбу у одного вліятельнаго знакомаго и стараго друга Николая Ивановича. Она хлопотала о назначеніи своего зятя въ очень отдаленную провинцію.

— Вы рискнете отпустить дочь въ такую даль?—удивилась

Анна Дмитріевна.—Но вѣдь тамъ ужасный климатъ! убійственныя лихорадки!

— Отпустить Зину? Ни за что! Она останется со мной въ Петербургѣ. Эти дѣти обожають другъ друга, но у нихъ есть мужество. Онъ самъ настаиваетъ именно на этомъ мѣстѣ, а Зина плачетъ и говоритъ: „Мамочка, я понимаю его. Пусть ѣдетъ". Да, у нея много мужества и прямой, ясный умъ. Вообразите, что Наталья Алексѣевна прямо не можетъ глядѣть на нее безъ восторга. Ахъ, она такъ ее полюбила, что мнѣ даже смѣшно!

— Я не видаюсь больше съ Натальей Алексѣевной,—холодно замѣтила Вязмина.

— Да неужели? Почему? Она была такъ привязана къ вамъ.

— Вѣроятно, вы ошибаетесь, потому что она перестала у меня бывать. Ну, и я запретила своей Варѣ бывать у Решковыхъ. Антонина теперь поправилась и можетъ, если хочетъ, пріѣхать ко мнѣ.

Она не сочла нужнымъ пояснить, что Наталья Алексѣевна перестала у нея бывать послѣ того, какъ генеральша одинъ разъ сорвала на ней всѣ непріятности и неудачи послѣднихъ дней. Непонятный гнѣвъ противъ Викторіи, цѣлый потокъ жесткихъ и обидныхъ словъ такъ болѣзненно потрясли деликатную, всегда возвышенно настроенную чувствительность старой институтки, что она ушла отъ Вязминой вся въ слезахъ и даже забыла захватить свой ридикюль, отдѣланный старыми пестрыми лентами. Анна Дмитріевна открыла его, ознакомилась съ его содержаніемъ и приказала горничной отнести его къ Решковымъ. Въ ридикюлѣ находились: зеркальце, пудренница съ пушкомъ, карандашъ для бровей и старенькое портмонэ съ мелкой серебряной монетой.

„Несчастная идіотка! — съ презрительной улыбкой подумала генеральша: — у нея не хватило ни ума, ни достоинства примириться со старостью, тогда какъ она даже никогда не была красива. Что̀ бы было съ ней на моемъ мѣстѣ"?

Обиженная Наталья Алексѣевна побѣжала къ Решковымъ и, въ свой чередъ, устроила тамъ сцену.

— И всегда ты! всюду ты!—кричала она Викторіи, потрясая надъ своей головой руками, на которыхъ звенѣли дешевые браслеты.

Викторія все время молча смотрѣла въ окно.

— Ну, не плачь!—сказала она, наконецъ, подходя къ матери и обнимая ея сѣдую голову.—Мнѣ жалко тебя. Тебя утѣ-

шить—знать, что твоя величественная генеральша скоро будетъ завидовать тебѣ? Ты не хочешь считать меня дочерью, но у тебя всего останется Тоня. У нея не останется никого.

— Съ чего ты взяла?—быстро мѣняя тонъ, спросила Наталья Алексѣевна.

— Я тебѣ ничего не объясню, потому что ты будешь болтать,—спокойно отвѣтила дочь.—Довольно съ тебя того, что̀ я сказала.

Наталья Алексѣевна знала, что Викторія упряма и что противъ ея рѣшенія спорить безполезно. Она только вздохнула и, еще не оправившаяся отъ обиды, но уже нѣсколько успокоенная утѣшеніемъ и лаской, она улыбнулась и погладила Викторію по щекѣ.

— А ты у меня что-то похудѣла,—замѣтила она.—Виточка! ты здорова? И отчего ты теперь такъ рѣдко приходишь къ отцу? Старикъ скучаетъ и безпокоится. Я знаю.

— Нѣтъ, мама, ты не знаешь,—съ грустной улыбкой отвѣтила Вита.—Отецъ бывалъ у Тони почти каждый день, пока она была больна, и онъ видѣлъ, что мнѣ некогда ходить къ нему въ гости. Вотъ ты не была съ нами, мама.

— Не могла! не могла!—вскрикнула Наталья Алексѣевна.— Видѣть страданія... слышать стоны... Брр! — Она приподняла плечи и закрыла глаза.—Не могла!—повторила она и протянула обѣ руки Антонинѣ.—Поди ко мнѣ, моя изстрадавшаяся, дорогая дочь!

Когда мать ушла, Викторія опять подошла къ окну и задумалась, прислонившись лбомъ къ рамѣ.

— Вита!—окликнула ее Антонина.—Что̀ же это у насъ дѣлается? я ничего не понимаю. Даже мама замѣтила, какъ ты измѣнилась. Стружковъ почти не показывается. Ты какъ-то странно намекаешь про Barbe... Я ничего не понимаю!

— Ты ничего не понимаешь, потому что забрала себѣ въ голову, что я должна выйти замужъ за Николая Николаевича,— отвѣтила Викторія.—Но ты ошибаешься, Тоня. Ни за него, ни за кого другого.

— Значитъ, ты отказала ему?

— Не воображаешь ли ты, что онъ дѣлалъ мнѣ формальное предложеніе? Просто, онъ знаетъ мой взглядъ, понялъ, что поколебать его трудно, и, кажется, теперь самъ радъ, что я не пожелала связать его свободу. Я увѣрена, что онъ радъ. Онъ уже нашелъ себѣ другую забаву: хлопочетъ объ эмансипаціи твоей Barbe.

— Послушай, Вита! ты ревнуешь!—весело вскрикнула Антонина.—Ахъ, какъ я рада! ты ревнуешь... Значить, все устроится, какъ мнѣ хочется.

Викторія нетерпѣливо пожала плечами.

— Ну, утѣшайся!—сухо сказала она.

Старшая сестра немного смутилась ея тономъ, но любопытство пересилило ея робость, которую она часто ощущала въ присутствіи Викторіи, когда та бывала не въ духѣ.

— Ты сказала, что Николай Николаевичъ теперь занятъ Вагbе. Но и онъ, и она почти не бываютъ у насъ. Развѣ они видятся?

— Значитъ, видятся. А я знаю, что Стружковъ ни за что не пошелъ бы въ домъ Вязминыхъ. Разсказывала тебѣ Варвара Николаевна о своей ссорѣ съ матерью? нѣтъ? ты о ней не знаешь? А онъ знаетъ... всѣ подробности... отъ нея. Онъ собираетъ для нея справки, хлопочетъ.

— И ты сама виновата!—вдругъ разсердилась Решкова.—Ты, по моему мнѣнію, его мальтретировала, отталкивала, утомляла. Ты сама виновата. А онъ—совсѣмъ не дурная партія. И даже мама не могла бы ничего возразить. У него служба... И все бы такъ великолѣпно устроилось. Но ты, прости меня, слишкомъ возгордилась.

— Нѣтъ, отстань!—попросила Викторія.—Я прямо не умѣю тебя слушать, когда ты возьмешься разсуждать. „Возгордилась"... Ты думаешь меня этимъ уязвить. А я тебѣ скажу: мнѣ не хватаетъ гордости, не хватаетъ! И виновата моя усталость... Глупая, упрямая борьба изъ пустяковъ, изъ-за каждой незначительной мелочи. Да. Устала. А сдаваться не хочу...

— Хочешь, я напишу ему? — вкрадчиво заговорила Тоня.

— Зачѣмъ? что̀?

— Напишу, что „мы" объ немъ соскучились, и просимъ его придти? Онъ пойметъ. Онъ обрадуется. О бѣдной Вагbе не будетъ и помину.

Викторія опустила голову и молчала.

— Я сейчасъ же и напишу,—радостно заявила Решкова.

— Ни за что! я не хочу! не хочу!—остановила ее сестра, и лицо ея сразу сдѣлалось упрямымъ и рѣшительнымъ.—Я очень прошу тебя вообще не предпринимать ничего отъ моего имени. И оставимъ этотъ разговоръ: онъ меня волнуетъ и раздражаетъ. Я хочу, чтобы Стружковъ для меня не существовалъ.

Разговоръ невольно пришлось прекратить: въ комнату вошла Варвара Николаевна.

— Вы не слышали, Barbe,—спросила Антонина,—правда, что Маня Зуева такъ больна, что ее везутъ за границу?

— Я только-что отъ нихъ,—сказала Вязмина. — Да, она больна. У нея острое малокровіе, и доктора совѣтуютъ ей уѣхать отъ петербургской весны. Кстати, Вѣра Петровна давно мечтаетъ проѣхаться.

— А Катю не берутъ? Это странно.

Вязмина покраснѣла.

— Отчего же странно? Катя поѣдетъ въ другой разъ. Вдвоемъ, конечно, гораздо удобнѣе, да и Катя стала бы скучать.

Викторія взяла свою шляпу и долго, старательно надѣвала ее передъ зеркаломъ. Она пристально глядѣла на свое отраженіе, но видно было, что она даже не замѣчаетъ его.

— Куда ты?—спросила Тоня.

— Уйду. Надо,—тихо отвѣтила она.

— Мнѣ кажется, что я... не вὸ-время...—опять краснѣя и смущаясь, сказала Варя. Она сразу почувствовала какую-то перемѣну по отношенію къ ней обѣихъ сестеръ, какую-то принужденность въ тонѣ Антонины и плохо скрытую враждебность со стороны Викторіи.—Мнѣ кажется, что я не вὸ-время... Но я такъ привыкла бывать здѣсь. И вотъ уже нѣсколько дней я не была, и мнѣ стало грустно. Но я на одну минуту...

— Боитесь maman?—вдругъ рѣзко спросила Викторія.—А вы знали, что она сегодня еще чуть не выгнала нашу мать? —Да, да...—продолжала она и возбужденно засмѣялась, вглядываясь въ удивленное и испуганное лицо гостьи. — И это за васъ и за меня... Будто, видите ли, это я совращаю васъ съ пути истиннаго и награждаю пагубными совѣтами. Все я. Другого вліянія нѣтъ. Я очень польщена... Но я бы не желала, чтобы мнѣ приписывали незаслуженное значеніе: о вашихъ планахъ вы говорили не со мной, и помощи просили не у меня.

— О, неужели вы думаете, что я обвиняла васъ?.. что я говорила maman о томъ, чего не было?..

— Я думаю, что вы не сказали того, чтὸ было,—многозначительно подчеркнула Викторія и сразу спохватилась. — Варвара Николаевна! можетъ казаться, что я сержусь на васъ или упрекаю. Нѣтъ! Конечно, никому нѣтъ дѣла, что я стала такой раздражительной и злой. Это не оправданіе. Но мы какъ-то долго говорили съ вами по душѣ. Помните? Въ концѣ концовъ вы отнеслись ко мнѣ по дружески. Это даетъ мнѣ надежду, что вы и сейчасъ будете снисходительны.

— Вы правы. Я виновата, — тихо сказала Вязмина.—Но

развѣ я могла ожидать?.. Я съѣзжу къ Натальѣ Алексѣевнѣ и буду извиняться.

— Нѣтъ, этого не надо. И мы васъ не винимъ: ни она, ни мы съ сестрой.

— Вы еще сказали, что я скрыла отъ maman правду. Хорошо: я и это скажу. Я понимаю, что теперь надо сказать.

— Ахъ, ничего не надо!—почти въ отчаяніи вскрикнула Викторія.—Я вижу, вы не хотите простить мнѣ моей выходки. А я ужасно раскаяваюсь въ ней. Ну, что же дѣлать? У насъ съ вами чуть не съ первой встрѣчи какія-то странныя отношенія: то мы враги, то мы друзья. И это меня мучитъ. И вотъ повѣрьте мнѣ: я знаю, что могла бы быть вамъ другомъ, и хотѣла бы этого. Ужасно бы хотѣла! Я стала бы ровнѣе и спокойнѣе...

Варя пристально поглядѣла на дѣвушку.

„Вся она одинъ вывертъ, судорога какая-то",—припомнился ей отзывъ Стружкова.

— И что же для этого надо?—спросила она.

— Да вотъ... на первый случай: не сердитесь на меня и забудьте все, что я сказала. Вашей maman незачѣмъ знать, кто совѣтуетъ и помогаетъ вамъ. Когда у васъ будетъ болѣе интересная и опредѣленная новость, тогда вы ей сдѣлаете сюрпризъ.

— Развѣ можетъ быть новость и сюрпризъ?—сухо спросила Тоня, дѣлая наивное и вмѣстѣ съ тѣмъ недовольное лицо.— Я совершенно ничего не понимаю, о чемъ вы говорите. У васъ какія-то тайны.

— Никакихъ!—рѣшительно заявила Варвара Николаевна.— Я тоже не понимаю, о какомъ сюрпризѣ говоритъ Викторія Львовна. И я очень спѣшу. Я предупредила, что зашла только на минутку.

Когда она ушла, Викторія сбросила шляпу и долго ходила по комнатѣ и кусала себѣ губы.

„Я глупо себя веду, — думала она. — Я нервничаю, я теряюсь. Надо все это кончить, оборвать разомъ. Я знаю, это и... нѣтъ силъ"!

Женихъ пріѣхалъ. Анна Дмитріевна получила письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что надѣется имѣть честь представиться ей на слѣдующій день въ три часа. Письмо принесъ посыльный изъ гостинницы и ждалъ отвѣта. Генеральша немного взволновалась и въ ожиданіи такого многозначительнаго визита

распекла горничную за то, что у нея обыкновенно „глупая рожа“, приказала повернуть скатерть на гостиномъ столѣ такъ, чтобы скрыть въ ней одинъ изъянъ и вычистить порошкомъ серебро, которое украшало буфетъ.

Потомъ она пошла въ комнату дочери и, не глядя на Варю, которая въ это время сидѣла у окна и вязала крючкомъ, остановилась по срединѣ и сказала сухимъ, повелительнымъ тономъ:

— Завтра въ три часа ты должна рѣшить свою судьбу. Выбора для тебя нѣтъ. Ты выйдешь въ гостиную и будешь вести себя такъ, какъ я этого хочу.

Затѣмъ она вышла и затворила за собой дверь.

У Варвары Николаевны опустились и задрожали руки. Ей показалось, что въ комнатѣ стало мало воздуху, и поэтому трудно дышать; показалось, что надъ головой ея разразился какой-то ударъ и такъ разсѣялъ ея мысли, что уже не было никакой возможности собрать ихъ. Она чувствовала тоску, униженіе, безпомощность, а все-таки у нея оставалась отчаянная мечта вырваться изъ-подъ этой безпощадной власти, которая порабощала ее.

„Теперь надо дѣйствовать!.. надо дѣйствовать!“ — повторяла она себѣ.

Какъ дѣйствовать?—она не знала. У нея не было ни одного готоваго плана, ни одного твердо принятаго рѣшенія. Она поняла, что ей необходима помощь, дружеская и увѣренная рука, которая поддерживала бы ее въ эту рѣшительную минуту, отъ которой зависѣла вся ея будущая судьба.

И первая ея мысль была о Стружковѣ...

Въ этотъ день было воскресенье. Онъ могъ быть дома. Она быстро одѣлась и вышла на улицу.

Приближалась весна. Сильно таяло. Солнце непривычно ярко свѣтило, и съ высоты крышъ длинными, тяжелыми и сверкающими каплями падала на тротуары снѣговая вода. Было какъ-то особенно празднично и шумно: уже стучали по мостовой колеса, дворники суетливо и почему-то весело сгребали широкими лопатами жидкую грязь и скучивали ее около тротуаровъ, уличные мальчишки кричали во все горло и даже у прохожихъ были довольныя и оживленныя лица.

Варвара Николаевна шла быстро и не замѣчала, какъ на ея шляпу, плечи и рукава шлепались тяжелыя капли. У нея была почти опредѣленная увѣренность, что Николай Николаевичъ не позволитъ ей подчиниться матери, найдетъ для нея исходъ,

совершитъ какое-то чудо, которое превратитъ ее, робкую и нерѣшительную, въ сильнаго, упорнаго борца.

„И тогда я не сдамся,—думала она. — Мнѣ терять нечего. Моя жизнь невыносима. Если мнѣ даже придется плохо, будетъ только иначе, а не хуже. Чего мнѣ бояться? Maman мнѣ тоже не жалко, и я знаю, что я не буду особенно виновата передъ ней. Она не любитъ меня: что бы я ни сдѣлала, страдать будетъ не она, а только ея самолюбіе“.

Варвара Николаевна дошла до подъѣзда дома, гдѣ жилъ Стружковъ. Надо было войти и подняться по лѣстницѣ. Не было никакого сомнѣнія, что и подъѣздъ, и лѣстница были именно тѣ, которые она часто вспоминала съ тѣхъ поръ, какъ Николай Николаевичъ почти насильно привелъ ее къ себѣ. Но она вдругъ почувствовала, что ей еще надо собраться съ силами, чтобы войти къ Стружкову, и просить его помощи вовсе не такъ легко, какъ это ей казалось только сейчасъ. И тогда, обманывая себя и оттягивая время, она прошла по тротуару къ слѣдующему, незнакомому дому, убѣдилась, что онъ нисколько не похожъ на тотъ, въ которомъ она была, и медленно вернулась.

Поднимаясь по лѣстницѣ, она слышала, какъ бьется ея сердце.

„Если мнѣ такъ трудно и тяжело, значитъ онъ мнѣ чужой?—съ недоумѣніемъ спросила она себя.—Отчего же я такъ часто, почти постоянно, думаю о немъ? Отчего же у меня нѣтъ никого, кто былъ бы мнѣ настолько же дорогъ, какъ онъ? И, все-таки, онъ чужой... дальній... какъ всѣ мои мечты о жизни и счастьѣ. Думаешь о нихъ—и они кажутся близкими и доступными; протянешь къ нимъ руку и поймешь: до чего онѣ далеки, до чего далеки! Никогда ничего не поймешь въ своей душѣ! Я шла сюда съ такой увѣренностью и съ такими надеждами! И я едва смѣю войти: онъ мнѣ чужой“.

Она робко нажала кнопку звонка и стала ждать.

„А еслибы кто-нибудь увидалъ меня здѣсь? — неожиданно пришло ей въ голову. — Развѣ я знаю, кто живетъ въ этомъ домѣ“?

Она позвонила еще разъ, рѣшительнѣе, чѣмъ въ первый. Но никто не шелъ открывать дверь и за ней не слышно было ни малѣйшаго шороха.

„Дома нѣтъ“,—подумала Варя.

Но теперь она ощущала только страхъ... страхъ, что кто-нибудь пройдетъ, увидитъ ее, узнаетъ. И только когда она опять очутилась на улицѣ, среди военныхъ, шума, сутолоки и свѣта, она вспомнила, что дѣло, съ которымъ она шла къ Стружкову,

неотложно, что терять время ей нельзя и что, предоставленная одной себѣ, безъ помощи, безъ совѣта, она не рѣшится ни на что. А завтра будетъ уже поздно...

Она взяла извозчика и поѣхала къ Решковымъ.

„Если Антонины нѣтъ, буду ждать, — рѣшила она.—Можетъ быть, придетъ Викторія. Она говорила, что хотѣла бы быть мнѣ другомъ... Она пойметъ... Вѣдь я погибаю, погибаю! Неужели же нѣтъ никого, кто бы захотѣлъ спасти меня“?

Швейцаръ сказалъ, что господа дома—недавно вернулись. Опять надо было идти по лѣстницѣ, а у Варвары Николаевны дрожали и подгибались ноги.

И вдругъ ея слуха коснулся широкій, мощный аккордъ, и сейчасъ же вслѣдъ за нимъ понеслись смѣлые, радостные, ликующіе звуки. Вязмина остановилась, прислонившись къ рѣшеткѣ лѣстницы. Она поняла, что игралъ Николай Николаевичъ, что онъ здѣсь, что она сейчасъ увидитъ его, и не обрадовалась... Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она такъ же стояла на лѣстницѣ и слушала его игру. Тогда ей еще ничего не надо было отъ него, а онъ, помимо ея воли, далъ ей такое новое, свѣтлое чувство, пробудилъ въ ней столько надеждъ, столько желаній! Все, что̀ онъ далъ ей, откликнулось теперь яркой болью въ ея душѣ.

„Чужой... далекій... какъ всѣ мои мечты о жизни и счастьѣ, —мысленно повторяла она.—И всѣ они тамъ чужіе и далекіе. И, все-таки, я къ нимъ пойду, потому что мнѣ не къ кому больше идти“.

Когда она раздѣвалась въ передней, изъ двери кабинета выглянулъ Михаилъ Викторовичъ.

— А-а!—любезно, но разочарованно протянулъ онъ, пожалъ ей руку и сейчасъ же опять скрылся за дверью.

Варя поняла, что онъ кого-то ждалъ, и ошибся. Она вошла въ гостиную, откуда слышались знакомые, веселые голоса, и ей показалось, что и тамъ ея появленіе никому не было пріятно.

— Да это она! — смѣясь и щурясь, сказалъ Стружковъ.— Она и есть... наша будущая сестра милосердія. Ну, здравствуйте, сестра!

— Ахъ, Barbe! — немного натянуто, какъ и въ послѣдній разъ, привѣтствовала ее Антонина. — А я, вообразите, сегодня хотѣла быть у васъ.

Викторія видимо смутилась и, поздоровавшись, вышла изъ комнаты. Стружковъ ушелъ за ней.

— Ахъ, chère Barbe!—неестественнымъ тономъ заговорила

Антонина, усаживая подругу на диванъ и садясь рядомъ съ ней:—я знаю, Вита будетъ меня бранить, если узнаетъ, но вы, право, стали мнѣ такой близкой и родной, что я не могу молчать. Ахъ, я такъ рада!.. Вѣдь, знаете,—шопотомъ продолжала она, оглядываясь на дверь,—для васъ это, конечно, тоже будетъ не новость: они помирились и, въ общемъ, почти все рѣшено.

— Что̀ рѣшено?—спросила Варя.

— У нихъ все это странно, не по-людски, но, конечно, придутъ они все къ тому же. Главное, что они давно любятъ другъ друга. Вита долго упрямилась; у нея были какіе-то чисто-фантастичные планы и мечты. Я начинала бояться, что она испортитъ себѣ ими всю жизнь. И знаете, еслибы я не рѣшилась дѣйствовать... Только, Бога ради, не говорите этого Витѣ! Она ужасно разсердится! Но я видѣла, что имъ надо помочь, что они оба упрямы и самолюбивы до того, что готовы изъ упрямства отказаться отъ счастья. Потомъ они сами будутъ мнѣ благодарны... Chère Barbe! — вкрадчивымъ голосомъ прибавила она:—вы видите, какъ я съ вами откровенна? Это потому, что я считаю васъ другомъ. Я даже рѣшусь попросить васъ: Вита такая странная и тревожная... а у Николая Николаевича такая оригинальная манера обращаться съ людьми, даже съ молодыми дѣвушками...

Она немного смутилась и замолчала. Варвара Николаевна тоже молчала, низко опустивъ голову.

— Но вы поняли? поняли мою просьбу? — спросила Антонина.

— Просьбу? Нѣтъ, я не поняла.

— Ну, такъ я скажу прямо. Вы—другъ, вы поймете... Виту безпокоитъ ваша дружба съ Николаемъ Николаевичемъ. Я повторяю вамъ, что она—странная, тревожная. У васъ какіе-то переговоры?.. Chère Barbe, очень важно, чтобы Вита теперь была совершенно спокойна, и это зависитъ отъ васъ.

— Это зависитъ отъ меня?—глухо повторила Вязмина.

— Да. И я увѣрена... вы не сердитесь за мою просьбу?

Варя провела рукою по лбу и глазамъ и, замѣтивъ на себѣ пристальный, любопытный взглядъ Решковой, постаралась овладѣть собой и улыбнуться.

— Ихъ еще нельзя поздравить?—спросила она по-французски.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — быстро отвѣтила Антонина.—Они не должны подозрѣвать, о чемъ мы съ вами бесѣдовали. Это очень важно, очень важно.

Она сразу стала очень любезной и очень веселой.

— Вы думаете, что мой мужъ занятъ? — смѣясь, спросила она.—Дверь закрыта... похоже на то, что у него пріемъ. Но у него не паціенты, а партнёры. Онъ не совсѣмъ здоровъ, и какъ разъ выдался такой день, что нѣтъ необходимости куда-нибудь ѣхать. Не знаю, дождались ли они четвертаго...

Она пошла къ двери, пріоткрыла ее и заглянула въ кабинетъ.

— Сидятъ!—со смѣхомъ сообщила она.

Въ гостиную вернулся Стружковъ и сѣлъ на диванъ рядомъ съ Варей.

— Ну, что̀ новаго?—спросилъ онъ.

Вязминой вдругъ стало невыносимо оставаться дольше. Она чувствовала, что не могла говорить, не могла совладать съ своимъ лицомъ. Ей казалось, что прежде всего необходимо остаться одной, чтобы собрать мысли, которыя были теперь такія разсѣянныя, мелкія, отрывочныя, что она сама ровно ничего не понимала въ нихъ. Ей казалось, что надо куда-то спѣшить, чтобы не потерять времени, котораго осталось очень мало. И больше всего ей казалось, что она такъ несчастна и одинока, что нельзя съ такимъ чувствомъ сидѣть въ обществѣ веселыхъ, счастливыхъ людей.

Ее задерживали.

— А сейчасъ чай,—соблазняла Антонина.

— Дѣло въ томъ, что мнѣ многое надо вамъ сказать,—говорилъ Стружковъ.—Я убѣдился, что ваша мечта быть сестрой милосердія, въ сущности, не выдерживаетъ критики. Надо придумать что-нибудь другое. Сестра милосердія—это уже отреченіе отъ жизни, это что-то въ родѣ подвижничества. И именно этого не надо. Крайностей не надо. Крайность—это надрывъ, явленіе болѣзненное. Намъ надо дѣйствовать постепенно и послѣдовательно, провѣряя свои силы. Если слишкомъ сильно рвануть, то какъ бы позже не раскаяться. И тогда будетъ не побѣда, а полное пораженіе. Видите, я все это обдумалъ...

„Ему нѣтъ никакого дѣла до меня!—думала Варя.—И онъ боится, какъ бы ему не пришлось впутаться въ исторію“.

— Да, да... Благодарю васъ,—поспѣшно проговорила она, торопясь уйти.

— Ну, вы сегодня опять застегнулись на всѣ пуговицы вашего мундира, — пошутилъ онъ.—Благодарите... За что?

— Вита! Barbe уходитъ!—крикнула Антонина въ сосѣднюю комнату.

Викторія пришла и молча пожала руку Вязминой. Глаза ихъ встрѣтились, и обѣ онѣ быстро отвели ихъ въ сторону.

— А я, можетъ быть, скоро уѣду. Пожалуй, больше уже и не увидимся,—сказала Викторія.

— Ты уѣдешь?—съ удивленіемъ вскрикнула Антонина.—Ты? теперь?

— Ну, да. Я, теперь,—съ легкимъ раздраженіемъ отвѣтила сестра.

— Желаю вамъ... счастья, — тихо сказала Варвара Николаевна.

Стружковъ замѣтно нахмурился, но вышелъ проводить Вязмину въ переднюю.

— Такъ помните же, что мы съ вами, по прежнему, союзники,—говорилъ онъ, подавая ей жакетъ.—Мы должны добиться свободы, но, Бога ради, не сдѣлайтесь умной женщиной, какъ Викторія Львовна. Умная женщина не умѣетъ быть простой и естественной, а это несносно, невыносимо!

— Привилегію личныхъ вкусовъ и чувствъ вы оставляете за собой?—спросила Викторія.

— Какъ? опять пикировка? — съ отчаяніемъ вскрикнула Антонина.

— И свобода должна быть разумной. И вкусы, и чувства не должны быть извращаемы,—сердито замѣтилъ Николай Николаевичъ.

— А судьей разумности или извращенности—вы? непремѣнно вы, а не я?

Вязмина вышла и захлопнула за собой дверь.

Теперь можно было думать... Непремѣнно надо было думать, чтобы придти къ какому-нибудь рѣшенію. Времени оставалось очень мало; ждать помощи и совѣта было неоткуда. Вся ея судьба зависѣла только отъ нея самой, и необходимо было отдать себѣ твердый отчетъ, чего она хочетъ и чего она не хочетъ ни за что.

„А развѣ мнѣ не все равно?—вдругъ подумала она.—Развѣ *мнѣ* стоитъ за что-нибудь бороться? Развѣ я чего-нибудь хочу? что-нибудь люблю? Да, мнѣ все равно“.

Это заключеніе было такъ неожиданно для нея самой, что она сперва даже не повѣрила себѣ.

„Быть можетъ, это только такъ кажется теперь? Мнѣ это кажется, потому что я, вообще, несчастна... Неужели я надѣялась, что Николай Николаевичъ полюбитъ меня“?

Она старалась думать, старалась разсуждать логично, и не могла. Она даже не могла сознательно чувствовать: на душѣ

былъ гнетъ, очень тяжелый, очень мучительный, но что̀ угнетало—она не отдавала себѣ отчета.

Никогда ничего не разберешь въ своей душѣ! Главное, хотѣлось отдохнуть отъ чего-то. Точно она устала. Хотѣлось жаловаться...

„Если человѣкъ начнетъ жаловаться, онъ никуда не годится,—припомнились ей слова Викторіи.—Жалобы—это безсиліе, легкій исходъ“.

Но она именно искала легкаго исхода и поѣхала въ Зуевымъ.

Маня обрадовалась ей, выгнала изъ своей комнаты Катю и закрыла дверь.

— Ахъ, дорогая! — сказала она: — вообрази, я счастлива. Вотъ ужъ не думала, что я еще когда-нибудь произнесу эту фразу!

Варя даже немного испугалась.

— Ты не вѣришь? Но ты не знаешь моего отца. И я его не знала раньше. Но теперь... Ахъ, еслибы я могла пожертвовать для него жизнью! быть для него Корделіей! Я иногда сижу и мечтаю. И вотъ выдумаю, что папа ослѣпъ, а я не отхожу отъ него и замѣняю ему зрѣніе. Или—еще что-нибудь. Теперь я понимаю, что высшая любовь, самая святая, самая трогательная—это вовсе не та, что въ романахъ, а въ отношеніяхъ дѣтей и родителей. Еслибы ты знала, какъ онъ любитъ и жалѣетъ меня!

— Ну, а Вѣра Петровна успокоилась?—спросила Варя.

Маня нахмурилась.

— Maman не понимаетъ меня. Она сердится и ни за что не хочетъ признать, что я—жертва, и что виновата она же. Но, конечно, папа правъ. Вѣдь это онъ говоритъ, что я жертва и виновата maman, и у нихъ, изъ-за этого, страшныя ссоры. У maman дурной характеръ, и мнѣ теперь всегда очень, очень жалко папу.

Вязмина слушала подругу и удивлялась: та уже видимо успокоилась, нравственно оправилась и даже какъ будто рисовалась тѣмъ несчастьемъ, которое едва не убило ее. Варя знала, какія тяжелыя минуты ей пришлось пережить. На попытку самоубійства она не рѣшилась, и предпочла перенести горе и гнѣвъ своихъ родителей, лишь бы остаться жить. Больше всего на свѣтѣ ей хотѣлось жить! Она примирилась бы со всѣми ужасами болѣзни, униженія, позора—лишь бы только жить. И она вымаливала себѣ эту жизнь, ползая на колѣняхъ передъ ма-

терью, цѣлуя ея платье, которое та съ негодованіемъ и брезгливостью вырывала изъ ея рукъ. Какова должна была быть эта сцена! Варя знала только одну эту подробность, а именно, что Маня ползала по полу, а мать вырывала свое платье изъ ея рукъ. Зато подруга подробно разсказала ей свое объясненіе съ отцомъ. Въ ту же ночь, очень поздно, онъ вошелъ къ ней со свѣчой, опустился на колѣни передъ ея кроватью и зарыдалъ. Они проговорили почти до утра, и вотъ тутъ Манѣ стало ясно, что она—жертва, а виноваты во всемъ родители. Отца она простила, и вся вина легла на Вѣру Петровну именно за то, что она не хотѣла ее признать, и поэтому не заслужила быть прощенной.

И какъ только Маня поняла, что она жертва, ей сразу стало легко, и она начала оправляться и успокаиваться. У нея даже явился совершенно новый тонъ: покровительственный и снисходительный.

— Ну, а какъ ты?—спросила она Варю.—Вѣдь и у тебя, бѣдненькой, все непріятности? Лучшее средство утѣшить тебя, это сравнить твое положеніе съ моимъ. Когда я думаю о себѣ, мнѣ кажется, что я читаю романъ. Если я умру, я оставлю тебѣ свои записки... Я непремѣнно хочу писать записки, потому что знаю, что мой опытъ можетъ послужить для пользы такихъ же глупенькихъ и восторженныхъ дѣвушекъ, какой была еще недавно я сама.

— Ахъ, противная дѣвчонка!—вдругъ вскрикнула она, внезапно распахивая дверь.—Я такъ и знала, что она подслушиваетъ!

По корридору пронесся шорохъ платья и торжествующій, дразнящій хохотъ.

— Ну, ужъ я пожалуюсь на нее папѣ! — взволновалась Маня.—Теперь у насъ двѣ партіи: я—съ папой, а Катя—съ maman. Непремѣнно пожалуюсь!

Варѣ стало ужасно скучно. Когда она ѣхала сюда, она думала о той Манѣ, которую она видѣла всего одинъ вечеръ: тотъ вечеръ, когда Вѣра Петровна съ Катей слушали „Сервилію" и составляли свое личное мнѣніе о ней. Той Манѣ она разсказала бы свое горе, пожаловалась бы на всѣ свои обиды. Но ея уже не было. А Манѣ-жертвѣ, Манѣ покровительственной и снисходительной она ничего сказать не могла. Да та была слишкомъ занята собой, чтобы остановить свое вниманіе на комъ-нибудь другомъ.

— Да, удивительно я много пережила, — заговорила опять

Зуева, усаживаясь на прежнее мѣсто.—Катя на два года моложе меня, а мнѣ кажется, что я пережила ее на десятки лѣтъ. Катя завидуетъ моей дружбѣ съ папой и тоже старалась подладиться къ нему. Но, конечно, это только смѣшно. Она это поняла и взяла сторону maman...

„Теперь больше некуда!—подумала Варвара Николаевна, выходя отъ Зуевыхъ.—И я устала, устала"...

Солнца уже не было видно. Улицы были грязны и мрачны. Начинало слегка морозить, и свѣжій, рѣзкій воздухъ возбуждалъ и утомлялъ.

„Сейчасъ обѣдъ съ глазу на глазъ съ maman, потомъ—вечеръ, потомъ—еще одно утро...—думала Варя.—Ну, что жъ... Не все ли равно? Кому нужна моя жизнь? и зачѣмъ она нужна мнѣ самой? Ни воли, ни характера, ни даже настоящаго чувства... Ничего! Ничего! Ну, и тѣмъ лучше"!

У Вязминыхъ кончался пріемъ. За одинъ день Анна Дмитріевна и Варя приняли столько визитовъ и поздравленій, что они устали улыбаться и говорить. Въ гостиной еще оставались Софья Григорьевна Вельшина, Наталья Алексѣевна и Антонина. Но и тѣ уже собирались уходить.

— Воображаю, воображаю, какъ бѣдная maman будетъ скучать безъ своей милой, ненаглядной Barbe!—восклицала Наталья Алексѣевна, и чтобы наглядно изобразить скуку, она закрыла глаза и растерянно стала разводить руками, какъ бы ища, за что ухватиться.—А эта милая, ненаглядная Barbe будетъ важной дамой,—она надула щеки и закинула голову,—будетъ играть первую роль въ цѣлой губерніи...

— Да, еслибы это могло утѣшить сердце матери!—сказала Вельшина.—Я знаю по себѣ: еслибы я была принуждена разстаться съ Зиной, я была бы такъ несчастна, такъ несчастна!..

— Вы счастливѣе меня, конечно,—чуть-чуть закатывая глаза и подавляя вздохъ, призналась Анна Дмитріевна:—ваша дочь, вѣроятно, всегда останется съ вами. Но я, признаюсь, уже свыклась съ мыслью, что когда-нибудь мнѣ придется жить совершенно одинокой. Я свыклась, насколько можно свыкнуться... Вся наша доля матерей полна самоотреченія: сперва мы жертвуемъ для нашихъ дѣтей здоровьемъ, покоемъ, потомъ жертвуемъ вкусами и привычками, наконецъ жертвуемъ чувствомъ, эгоистической потребностью, чтобы и насъ, въ старости, побаловали и попокоили.

— О, да! мы всѣмъ жертвуемъ! о, всѣмъ!—вскрикнула Наталья Алексѣевна и сдѣлала такой жестъ, будто она бросается куда-то внизъ головой.

— Вы счастливѣе меня,—многозначительно повторила Вязмина, обращаясь къ Вельшиной:—вы выдали дочь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будто и не выдавали ея. Все осталось по прежнему. Я—эгоистка: я завидую вамъ.

— Я думаю, что вамъ нечего завидовать, — любезно отвѣтила Софья Григорьевна. — Варѣе, вѣроятно, только и будетъ мечтать о томъ, чтобы вы присоединились къ ея молодому счастью и жили вмѣстѣ съ ней и ея мужемъ. Я увѣрена, что она сказала бы то же, что̀ говорила когда-то Зина: „мамочка! если я буду несчастлива, ты мнѣ будешь нужна, чтобы жаловаться тебѣ". Ахъ, эта Зина!.. Мы такъ любимъ другъ друга, что я даже не могу представить себѣ, чтобы между матерью и дочерью существовали отношенія другія, чѣмъ у насъ. Впрочемъ, я знаю, что вы и ваша Варя—такіе же неразрывные друзья.

— О, я надѣюсь!—спокойно отвѣтила генеральша.

— Онѣ обожаютъ другъ друга! обожаютъ!—крикнула Наталья Алексѣевна.

Антонина молчала, но все время слѣдила за Варей немного удивленнымъ и восхищеннымъ взглядомъ.

— До чего вы удивили насъ! — сказала она Варѣ.—Но я знала... Вы должны были сдѣлать партію достойную васъ. Я никогда не вѣрила...

Что̀ она знала и чему она не вѣрила, осталось ея тайной. Варвара Николаевна не допрашивала ее, но сейчасъ же замѣтила, что извѣстіе о ея замужествѣ сильно подняло ее во мнѣніи Антонины. Решкова опять сразу приняла съ ней прежній церемонный, слегка подобострастный тонъ.

— А Викторія Львовна все еще думаетъ уѣхать изъ Петербурга, или судьба ея рѣшилась какъ-нибудь иначе?—спросила ее Варя.

Антонина сдѣлала легкую гримасу.

— Не требуйте отъ меня, чтобы я хотя что-нибудь разобрала въ планахъ и желаніяхъ моей сестры,—отвѣтила она по-французски. — Сегодня она говоритъ одно, завтра—другое. Но это только слегка отдаляетъ неизбѣжную развязку. Я—не въ восторгѣ отъ ея будущей фамиліи, но я нахожу, что даже такая партія лучше какихъ-то фантастическихъ поисковъ новыхъ путей.

Варя поняла, что здѣсь, въ свѣтскомъ салонѣ, и передъ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ которое ставило ее ея близкое

замужство, Антонина стыдится сестры, передъ которой робѣетъ дома.

Наконецъ гости разъѣхались.

Варя прошла въ свою комнату и медленно стала переодѣваться изъ свѣтлаго платья въ капотъ. Невольно припоминались ей всѣ лица, которыя прошли передъ ней за весь этотъ длинный, утомительный день.

Между ними было только одно совсѣмъ чужое, незнакомое, и оно было лицомъ ея жениха. Она видитъ его каждый день въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, но оно все такъ же чуждо и незнакомо ей. Варя не чувствуетъ къ нему ни отвращенія, ни враждебности, ни непріязни; его поведеніе относительно ея она считаетъ въ высшей степени корректнымъ и порядочнымъ, ея будущая жизнь съ нимъ представляется ей обезпеченной и покойной. Онъ гораздо лучше, чѣмъ могъ бы быть... Но она такъ мало думаетъ о немъ!

Горничная пришла звать ее обѣдать. Она отказалась.

— Такъ и доложить генеральшѣ?—удивилась горничная.

— Такъ и доложите. Не хочу.

Ей припоминались лица, которыя прошли передъ ней за весь этотъ день, и это воспоминаніе пробудило совершенно несвойственное ей чувство: это чувство было—злоба. Это всѣ они, всѣ, соединеннымъ вліяніемъ, задушили ея волю, притупили ея силу, испортили ей всю жизнь. Никого изъ нихъ въ отдѣльности не могла бы она обвинить въ чемъ-нибудь опредѣленномъ, въ проступкѣ, который было бы легко и просто объяснить. И она знала теперь навѣрное, что всѣ они были виноваты передъ ней. И за эту вину они сразу стали ей ненавистны...

— Отчего ты не хочешь обѣдать? что̀ это значитъ?—спросила Анна Дмитріевна, и Варя неожиданно увидала передъ собой ея высокую, величественную фигуру.—Надѣюсь, что ты не больна?

Генеральша говорила ласковымъ голосомъ, и ея свѣтлые глаза выражали привѣтливость и безпокойство.

Варвара Николаевна молчала.

— Или ты чѣмъ-нибудь недовольна, дружокъ? Кто-нибудь огорчилъ тебя или обидѣлъ? Да говори же! Ты видишь, что я тревожусь.

Она подошла ближе къ дочери, нагнулась и ласково провела рукой по ея щекѣ.

Варвара Николаевна холодно отстранилась.

— Вы, кажется, счастливы?—спросила она.—Вы, кажется,

сами готовы вѣрить, что мы обожаемъ другъ друга, какъ заявила эта несчастная Наталья Алексѣевна?

— Какъ ты говоришь?—спросила Анна Дмитріевна и широко раскрыла глаза.

Варя засмѣялась.

— Уйдите, maman,—посовѣтовала она.—Я не знаю, что со мной... Но мнѣ кажется, что сегодня, сейчасъ, я способна сказать вамъ то, о чемъ уже не стòитъ говорить. Лишнее... Поздно...

— Barbe!—съ удивленіемъ окликнула генеральша.—Barbe!

— Вы и этого не ожидали? нѣтъ? Вы даже не допускали мысли, что я способна понять ваше отношеніе ко мнѣ? оцѣнить все, чтò вы сдѣлали для меня? Но главное, конечно, главное... вы не вѣрите своимъ ушамъ, что я рѣшаюсь говорить объ этомъ вслухъ... говорить вамъ же... Я... которую вы воспитали! Но я сегодня смѣлая... И я хочу, чтобы вы знали, что я подчинилась вашей волѣ съ ненавистью и отчаяніемъ, что я мечтала о другой жизни, что я любила... Я хочу, чтобы вы знали, что я несчастна изъ-за васъ. Но вамъ это все равно. Вы довольны. Ваше самолюбіе удовлетворено. Только не будемъ, Бога ради, притворяться, что „мы обожаемъ другъ друга“. Это—все, чтò я прошу.

Генеральша закатила глаза и горестно покачала головой.

— Я перенесу и это,—торжественно сказала она.—Передъ своей совѣстью и передъ свѣтомъ... Передъ тѣмъ свѣтомъ, къ которому я принадлежу и который я уважаю, я—правà...

Л. Авилова.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ

ОЧЕРКЪ.

I.

Въ сентябрѣ 1902 года исполнилось сто лѣтъ со дня смерти А. Н. Радищева, одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Общій складъ его характера и идей, всегда твердыхъ и опредѣленныхъ, нашелъ для себя энергическое выраженіе въ его литературныхъ произведеніяхъ и оказалъ несомнѣнное и чрезвычайно сильное воздѣйствіе на взгляды лучшихъ представителей тогдашняго общества и даже, какъ намъ пришлось убѣдиться, могущественно повліялъ на все послѣдующее развитіе русскаго законодательства по вопросу о крѣпостномъ правѣ. Это былъ писатель, работавшій на одной почвѣ съ извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ, взгляды котораго онъ въ большинствѣ случаевъ и воспроизводилъ, касаясь вопросовъ современной ему русской дѣйствительности. И если Новиковъ заслуживаетъ стать предметомъ нашей національной гордости, то въ такой же, если не еще большей степени честь эта должна быть оказана и А. Н. Радищеву.

Радищевъ былъ родомъ изъ дворянъ и первоначальное образованіе получилъ, по обычаю того времени, въ своей семьѣ подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, послѣ чего поступилъ въ пажескій корпусъ. Общая постановка дѣла была тамъ

однако такова, что тогда научиться чему-нибудь порядочно въ этомъ заведеніи было трудно. Къ счастью, въ 1766 году императрица Екатерина II рѣшила послать нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ людей для образованія въ Лейпцигъ. Тамошній университетъ давно привлекалъ къ себѣ вниманіе государыни, и она думала даже по образцу его основать университетъ и въ Россіи. По крайней мѣрѣ въ собственноручной запискѣ къ гр. Панину, относящейся къ іюлю 1770 г., Екатерина прямо говорила: „Прикажите пожалуйста написать кн. Бѣлосельскому, чтобы онъ попросилъ у Гогенталя, которому подчинены всѣ университеты Саксоніи, подробный планъ, какимъ образомъ устроить гимназію и университетъ на подобіе лейпцигскаго (comme celle de Leipzig)“ [1]). Въ числѣ отправленныхъ за границу молодыхъ людей вмѣстѣ съ Ушаковымъ, Яновымъ, Кутузовымъ, Татищевымъ, Челищевымъ и Козодавлевымъ, находился и Радищевъ, получившій командировку по окончаніи курса въ пажескомъ корпусѣ. Подробное описаніе жизни русскихъ студентовъ въ Германіи сообщаетъ намъ самъ Радищевъ въ „Житіи Ѳедора Васильевича Ушакова“, посвященномъ памяти его лучшаго товарища и друга въ Лейпцигѣ. Отсюда мы узнаемъ, что императрица Екатерина ввѣрила надзоръ и руководительство надъ русской молодежью, отправленной въ Германію, грубому и жестокому маіору Бокуму, который всячески оскорблялъ и притѣснялъ студентовъ. Весьма часто онъ отказывалъ имъ даже въ необходимомъ содержаніи, подвергалъ тѣлесному наказанію, нерѣдко награждалъ пощечинами. Надменное обращеніе Бокума возмущало всѣхъ и порождало множество разнаго рода пререканій и жалобъ на него со стороны молодыхъ юношей въ письмахъ къ родителямъ и начальству. Особенно отличался духомъ противорѣчія Ушаковъ, котораго гофмейстеръ-маіоръ и преслѣдовалъ за то больше остальныхъ. „Дивитися не должно,—замѣчаетъ по этому поводу Радищевъ,—что противорѣчіе въ подчиненномъ, справедливое хотя противорѣчіе, или лучше сказать единое напоминовеніе справедливости, произвело здѣсь со стороны сильнаго негодованіе и прещеніе“.

Жалобы русскихъ студентовъ на жестокости Бокума взволновали ихъ родителей, и послѣдніе обратились съ просьбой о помощи къ самой императрицѣ. Однако сохранившіеся историческіе документы показываютъ, что государыня, вообще не допускавшая мысли, чтобъ въ ея предпріятіяхъ могло оказаться какое-

[1]) Сборникъ Импер. Р. Истор. Общества, т. XCVII, стр. 104.

нибудь несовершенство, крайне обидѣлась такимъ представленіемъ и потому немедленно отправила къ вице-канцлеру кн. Голицыну слѣдующую собственноручную записку, въ которой явно сказывается ея раздраженіе: „Извольте объявить тѣмъ отцамъ и матерямъ, кои почитають, что дѣти ихъ въ Лейбцигѣ отъ Бокума столь много претерпѣваютъ, что въ ихъ волѣ состоитъ ихъ оттудова отозвать, ибо я рушить намѣрена все тамошнее мною сдѣланное учрежденіе, для того что мнѣ отъ него болѣе безпокойства, нежели пользы. Я трачу 15.000, а принимаю негодованіе. Естьли есть такіе отцы, кои дѣтей своихъ хотятъ оставить на теперешнемъ основаніи, то прошу мнѣ сказать“ [1]).

При всемъ томъ справедливость требовала выяснить настоящее положеніе вещей и въ случаѣ надобности привлечь къ отвѣтственности самого Бокума. Дѣйствительно, 15 января 1770 г. Екатерина издала приказъ на имя вице-канцлера и Адама Васильевича Олсуфьева, гдѣ повелѣвала имъ передать кн. Бѣлосельскому, чтобы онъ довелъ до свѣдѣнія г-на Бокума въ Лейпцигѣ, что императрица крайне недовольна его поведеніемъ, такъ какъ онъ „осмѣливается въ противность данной ему инструкціи бить палочьемъ, шпагою и розгами“ ввѣренныхъ его попеченію русскихъ дворянъ, изъ чего видно, „что онъ неспособенъ къ тому мѣсту, къ которому представленъ“ [2]). Ровно черезъ годъ послѣ того вице-канцлеръ кн. Голицынъ писалъ (17-го января 1771 г.) къ кн. Бѣлосельскому въ Дрезденъ, исполняя волю государыни: „Ея имп. величество къ удивленію увѣдомиться изволили, что *здѣсь слухъ носится, будто бы* маіоръ Бокумъ въ Лейпцигѣ съ порученными надзиранію его молодыми россійскими дворянами не токмо сурово поступаетъ, но и вышедъ уже изъ предѣловъ благопристойности, наказываетъ ихъ самымъ подлымъ образомъ. Ея имп. величество потому мнѣ имянно и точно повелѣть соизволила къ вашему сіятельству отписать, что-бъ вы нарочнаго и вѣрнаго человѣка послали въ Лейпцигъ *для освѣдомленія о подлинности сихъ слуховъ, и если найдете, что сей слухъ справедливъ, то велите Бокуму объявить (но чтобъ наша молодежь о томъ не свѣдома была)*, что ея имп. величество съ крайнимъ неудовольствіемъ услышала, какъ онъ совсѣмъ въ противность данной ему инструкціи бьетъ палками, шпагою и розгами ввѣренныхъ ему отъ ея имп. величества молодыхъ дворянъ, и еслибы умѣлъ онъ съ ними обходиться, то-бъ и дѣлать сего

[1]) Сборникъ Импер. Русск. Ист. Общ., т. XCVII, стр. 193—194.
[2]) Сборн. И. Р. И. Об., т. XCVII, стр. 194.

никогда не отважился. Что наконецъ ея имп. величество запрещаетъ ему вновь накрѣпко, чтобъ онъ не дерзалъ кого-либо изъ тѣхъ дворянъ бить, а поступалъ бы точно по силѣ данной ему инструкціи. *Если же вышеписанные слухи несправедливы, то не чиня уже окромѣ освѣдомленій никакихъ поступковъ, прошу ко мнѣ отписать для донесенія ея величеству*". Слова этого письма, отмѣченныя курсивомъ, вписаны въ текстъ рукой самой императрицы. Произведенное негласное дознаніе, повидимому, кончилось не въ пользу строгаго маіора, какъ можно заключать изъ собственноручной записки Екатерины II къ кн. Бѣлосельскому, гдѣ она приказываетъ ему провѣрить расходы казенныхъ денегъ, какія отпускались Бокуму на содержаніе русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ, и потомъ, „считавъ Бокума, *отпустить его*"; молодыхъ же дворянъ, состоящихъ въ ученіи у нѣмецкихъ профессоровъ, по окончаніи курса положенныхъ наукъ возвращать въ Россію и никого болѣе въ Лейпцигъ не отправлять для ученія [1]).

Въ какой обстановкѣ приходилось жить въ Лейпцигѣ Радищеву, можно видѣть изъ донесеній кабинетъ-курьера Яковлева. Оказывается, что будущій авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" помѣщенъ былъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ А. Кутузовымъ въ небольшой, грязной и сырой комнатѣ, находившейся во второмъ этажѣ, гдѣ онъ не имѣлъ даже порядочнаго одѣяла и постели. Кормили студентовъ весьма дурно, такъ какъ масло для кушанья всегда отпускалось горькое, а мясо нерѣдко протухлое. Во время пребыванія Яковлева въ Лейпцигѣ Радищевъ былъ „боленъ, да и по отъѣздѣ еще не выздоровѣлъ, и за болѣзнію къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ въ разсужденіе его болѣзни, за отпускомъ худого кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ" [2]). Болѣзнь, о которой здѣсь упоминается, вѣроятно, былъ тотъ ужасный неизлечимый недугъ, какой всю жизнь тяготѣлъ надъ Радищевымъ, и въ которомъ онъ видѣлъ впослѣдствіи свой преступный грѣхъ предъ дѣтьми и женой. Впрочемъ Радищевъ и самъ сознается въ біографіи Ушакова, что русскіе студенты вели въ Лейпцигѣ чрезвычайно распутный и безнравственный образъ жизни, благодаря чему даровитѣйшій изъ нихъ,—Ѳ. В. Ушаковъ,—скончался здѣсь преждевременной смертью, пораженный убійственной болѣзнью вслѣдствіе невоздержности. „Не утаю и

---

1) Стр. 194—195.

2) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 545.

того,—говоритъ Радищевъ,—что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не онѣ къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень" [1]).

При всемъ томъ студенты не забывали и учебныхъ занятій, и тѣ же нѣмецкіе профессора, которые жаловались при случаѣ на ихъ распущенность, давали самые лестные отзывы о прилежаніи и „знатныхъ" ихъ успѣхахъ въ наукахъ. Кн. Бѣлосельскій доносилъ изъ Дрездена въ 1768 г., что Ушаковъ, Яновъ и Радищевъ „превзошли чаяніе своихъ учителей" въ этомъ отношеніи [2]). Особенно сильное вліяніе на молодые умы оказали лейпцигскіе профессора Геллертъ и Платнеръ, но больше всего студенты увлекались модными въ то время французскими писателями: Гельвеціемъ, Мабли, Рейналемъ. По возвращеніи въ Россію, Радищевъ поступилъ, въ 1771 г., на службу въ сенатъ протоколистомъ, получивъ чинъ титулярнаго совѣтника; въ 1773 году онъ опредѣлился въ оберъ-аудиторы къ графу Я. А. Брюсу, откуда вышелъ въ отставку въ 1775 г., будучи уже секундъ-маіоромъ; въ 1777 г. снова поступилъ на службу, а именно—въ коммерцъ-коллегію, гдѣ и оставался до выхода въ свѣтъ своей злополучной книги [3]). Служебное положеніе Радищева было въ полномъ смыслѣ прекрасное, и еще предъ самымъ появленіемъ въ печати его „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" императрица Екатерина наградила его орденомъ и назначила главнымъ начальникомъ петербургской таможни. Вдобавокъ ему покровительствовалъ гр. А. Р. Воронцовъ, бывшій президентомъ коммерцъ-коллегіи. Одно обстоятельство особенно сблизило просвѣщеннаго графа съ Радищевымъ: лица, браковавшія пеньку, были признаны виновными въ злоупотребленіяхъ всѣми членами коллегіи; только Радищевъ остался при особомъ мнѣніи; когда Воронцовъ узналъ о томъ, то сначала разсердился на молодого подчиненнаго, однако, выслушавъ доводы, убѣдился въ справедливости его взглядовъ и отмѣнилъ принятое рѣшеніе. Послѣ того сіятельный графъ установилъ съ Радищевымъ самыя дружескія отношенія, не прерывавшіяся все время, и впослѣдствіи оказывалъ опальному писателю буквально отеческую заботливость. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Воронцовъ чутко при-

[1]) Собраніе сочиненій, т. V, стр. 38—39.

[2]) Сухомл., стр. 547.

[3]) „Русская Старина", 1882, стр. 496.

слушивался всегда къ сужденіямъ лучшихъ русскихъ писателей своего времени и стремился осуществлять въ жизни ихъ взгляды. Такъ, мы знаемъ, напримѣръ, что при императорѣ Александрѣ I онъ особенно настойчиво старался всегда провести въ засѣданіяхъ членовъ государственнаго совѣта взгляды извѣстнаго обличителя Екатерины II,—князя М. М. Щербатова. Между тѣмъ, этотъ А. Р. Воронцовъ былъ роднымъ братомъ извѣстнаго вельможи, русскаго посланника въ Лондонѣ, С. Р. Воронцова, и не менѣе извѣстной писательницы Е. Р. Дашковой. Неудивительно, что президентъ коммерцъ-коллегіи высоко цѣнилъ и даровитую личность Радищева.

Литературная дѣятельность послѣдняго началась переводомъ на русскій языкъ сочиненія Мабли: „Observations sur l'histoire de la Grèce, ou des causes de la prospérité et des malheurs de Grèce". Переводъ этой книги былъ заказанъ ему обществомъ, основаннымъ Екатериной II въ видахъ распространенія на русскомъ языкѣ сочиненій замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ авторовъ. Незадолго до 1790 года появилось въ печати и составленное Радищевымъ „Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова", гдѣ уже въ значительной степени сказывались его свободные взгляды по вопросамъ общественно-государственнымъ. Впрочемъ убѣжденія его вскорѣ нашли для себя болѣе полное и энергическое выраженіе въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву",—книгѣ, составившей и громкую славу автора, и поводъ къ преслѣдованіямъ со стороны правительства. Вотъ какъ описываетъ обстоятельства дѣла самъ Радищевъ: „До женитьбы моей я болѣе упражнялся въ чтеніи книгъ, до словесныхъ наукъ касающихся; много также читалъ и книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова, ибо, имѣя малое знаніе въ россійскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ. Родяся съ чувствительнымъ сердцемъ, опыты моего письма обращались всегда на нѣжные предметы, но все было съ неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставилъ и наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимаясь ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами.

„Когда я опредѣленъ былъ въ коммерцъ-коллегію, то за долгъ мой почелъ пріобрѣсть знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того, сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до коммерціи касающіяся, возобновилъ паки чтеніе общей исторіи и путешествій и старался пріобрѣсти знанія въ россійскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся. Доселѣ разумъ мой какъ будто забылъ прежнюю свою

охоту упражняться въ сочиненіяхъ, или отвлеченъ былъ отъ того, какъ тò я сказалъ, неудачею въ любовныхъ сочиненіяхъ. Въ сіе время я опредѣленъ былъ въ помощь г. Далю къ таможеннымъ дѣламъ, и въ сіе же время, между другими коммерческими книгами, купилъ я *Исторію о Индіяхъ Рейналя.* Сію-то книгу могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію. Я началъ ее читать въ 1780 или 81 году. Слогъ его мнѣ понравился. Я высокопарный (ampoulé) его штиль почиталъ истиннымъ вкусомъ, и, видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу. Но въ сіе время, т.-е. при началѣ вступленія моего въ таможню, и по случаю составленія общаго тарифа, за препоручаемыми мнѣ многими письменными дѣлами, я не имѣлъ случая книгу сію окончить чтеніемъ. Воспослѣдовавшая потомъ, въ 1783 году, смерть жены моей погрузила меня въ печаль и уныніе, и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія. Не прежде, какъ въ 1785 году я началъ паки упражняться въ чтеніи, и недочтеннаго Реналя окончилъ. Для упражненія въ слогѣ я въ сіе время началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга. Въ слѣдующій годъ, читая Гердера, я началъ писать о цензурѣ; началъ повѣсть Систербецкую; но все не было докончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій *Iорикова Путешествія*, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать. Итакъ, могу сказать поистинѣ, что *слогъ Реналевъ*, водя меня изъ путаницы въ путаницу, довелъ до совершенія моей безумной книги, которая готова была въ исходѣ 1788 года; въ цензурѣ была въ 1789 году; начата печатью въ началѣ генваря 1790 г.“ [1]).

Кругъ основныхъ идей въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ Радищева, строго говоря, не заключалъ въ себѣ ничего существенно новаго и ограничивался все тѣми же вопросами, какіе уже задолго до того разсматривались въ произведеніяхъ нашей сатирической литературы XVIII-го вѣка. Почти вся обличительная письменность русскихъ авторовъ Екатерининской эпохи исчерпывалась слѣдующими темами, упорно повторявшимися вплоть до начала XIX вѣка во всѣхъ видахъ тогдашней сатиры, начиная съ періодическихъ изданій и кончая притчами, баснями, комедіями, путешествіями и т. под.:

1) Воспитаніе русскаго юношества подъ руководствомъ иностранцевъ-гувернеровъ, вселявшихъ въ своихъ питомцевъ презрѣніе къ Россіи и оказывавшихъ на нихъ самое тлетворное вліяніе въ нравственномъ отношеніи.

---

[1]) Сухомл., 553—4.

2) Глубокій нравственный упадокъ всего русскаго общества временъ императрицы Екатерины II, достигшій невѣроятныхъ степеней какъ въ дѣлахъ государственнаго управленія, такъ равно и въ частной, особенно семейной жизни.

3) Злоупотребленія администраціи и суда.

4) Безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными крестьянами и вообще ужасы крѣпостной барщины, низведшей простой народъ на степень домашней утвари, особенно послѣ того, какъ крестьянамъ запрещены были жалобы на притѣсненія со стороны ихъ господъ.

Обличенія подобныхъ нестроеній въ русской жизни въ произведеніяхъ нашихъ писателей раздавались еще со временъ Петра Великаго; на нихъ указывалъ уже въ своей „Книгѣ о скудости и богатствѣ" крестьянинъ села Покровскаго Иванъ Посошковъ, также Кантемиръ въ нѣкоторыхъ сатирахъ, позже—Сумароковъ въ журналѣ „Трудолюбивая Пчела" и притчахъ,—но всѣ эти вопросы въ достаточно энергической формѣ были поставлены лишь въ сатирическихъ журналахъ Н. И. Новикова, а именно: въ „Трутнѣ", выходившемъ въ 1769—70 гг., и въ „Живописцѣ", издававшемся въ 1772 году. Отсюда перечисленные нами вопросы русской сатиры преемственно переходили и разбирались на страницахъ почти всѣхъ послѣдующихъ сатирическихъ журналовъ; находили они свое отраженіе и въ другихъ видахъ литературныхъ произведеній, были также повторены и въ „Путешествіи" А. Н. Радищева.

Побужденіемъ къ составленію „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", по словамъ самого Радищева, служило простое желаніе прослыть писателемъ; но въ дѣйствительности мы видимъ въ его книгѣ и другую, болѣе опредѣленную цѣль: авторъ стремился не только указать русскому обществу вопіющія язвы тогдашней жизни, но и побудить его къ ихъ исправленію. Посвящая свой трудъ любезному другу, Радищевъ обращается къ нему съ слѣдующими словами, характеризующими понятія его о высокой общественной и просвѣтительной роли литературы: „Я почувствовалъ, что возможно всякому быть *соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ*. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но естьли, говорилъ я самъ себѣ, найду я кого-либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мыслей, кто *состраждетъ со мной надъ бѣдствіями собратіи своей*, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ: не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?—Почто, почто искать мнѣ далеко кого-либо?

Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь, и имя твое да озаритъ сіе начало!" [1]). „Блаженъ писатель, — говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги,—если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго; блаженъ, если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель!" [2]). Въ подобномъ стремленіи Радищевъ рѣзко возстаетъ противъ самыхъ крупныхъ злоупотребленій въ общественной жизни своихъ современниковъ: крѣпостного права, административныхъ и судебныхъ порядковъ. Общій тонъ изложенія безусловно долженъ былъ производить на русскихъ читателей конца XVIII-го столѣтія сильное впечатлѣніе; не говоря уже объ удачномъ подборѣ фактическаго матеріала для иллюстраціи своихъ положеній и взглядовъ, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" много выигрывало и благодаря пріемамъ сентиментальнаго стиля, такъ какъ бурныя лирическія отступленія, къ которымъ постоянно прибѣгаетъ Радищевъ, вполнѣ отвѣчали духу того времени и особенностямъ литературнаго вкуса.

Разсматривая недостатки въ жизни русскаго народа, авторъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы обрисовать во всей неприглядности общественныя злоупотребленія. Въ главѣ „Любань" Радищевъ подробно передаетъ свой разговоръ съ крестьяниномъ; послѣдній жалуется на всевозможныя притѣсненія со стороны барина, который, между прочимъ, заставляетъ своихъ людей работать на него шесть дней въ недѣлю, такъ что поселянамъ остается для собственныхъ работъ одно воскресенье [3]). Разсказъ этотъ близко напоминаетъ помѣщенное въ „Живописцѣ" Новикова „Путешествіе И. Т.", которому, повидимому, и подражалъ на этотъ разъ Радищевъ. Въ главѣ „Чудово" (названіе отдѣльныхъ главъ зависитъ отъ названія станцій, черезъ которыя проѣзжалъ путешественникъ) разсказывается о крушеніи судна во время бури; береговая команда не могла оказать помощи погибавшимъ несчастнымъ единственно потому, что никто не рѣшался разбудить спавшаго начальника [4]). Въ главѣ „Едрово" выставленъ помѣщикъ, „омерзившій шестьдесятъ дѣвицъ", дочерей его крѣпостныхъ крестьянъ; озлобленные возмутительными насиліями барина, поселяне во время Пугачевскаго бунта сами выдали своего господина разъяренной шайкѣ бунтовщиковъ, и

---

[1]) „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", князя М. Щербатова и „Путешествіе" А. Радищева, съ предисловіемъ Искандера. London, 1858, стр. 108.

[2]) Тамъ же, стр. 154.

[3]) Стр. 116—117.

[4]) „Путешествіе", стр. 119 и слѣд.

послѣдній былъ умерщвленъ [1]). „Едва ли не исторія Александра Васильевича Салтыкова?“ — писала по этому поводу въ примѣчаніяхъ на книгу Радищева императрица Екатерина II. Въ той же главѣ авторъ говоритъ о встрѣчѣ своей съ толпой деревенскихъ бабъ и дѣвокъ. Вотъ его мысли, напоминающія цѣликомъ Новиковскіе взгляды, о превосходствѣ здоровой крестьянской натуры, сравнительно съ болѣзненностью „непотребныхъ“ столичныхъ щеголихъ: „Пріѣзжайте сюда, любезныя наши барыньки, московскія и петербургскія! посмотрите на ихъ зубы; учитесь у нихъ содержать ихъ въ чистотѣ. У нихъ нѣтъ зубного врача; онѣ не сдираютъ каждый день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками, ни порошками. Станьте изъ нихъ, съ которою хотите, ротъ со ртомъ; дыханіе ни одной изъ нихъ не заразитъ вашего легкаго; а ваше, ваше можетъ быть положитъ въ нихъ начало болѣзни—боюсь сказать—какой. Хотя не закраснѣетесь, но разсердитесь. Развѣ я говорю неправду?—Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ сквернымъ дѣвкамъ; получивъ болѣзнь, пьетъ, ѣстъ и спитъ съ тобой же. Другая же сама изволитъ имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльныхъ или—чего Боже спаси—ежедневныхъ любовниковъ; познакомясь сегодня и совершивъ свое желаніе, завтра его не знаетъ; — да и того иногда не знаетъ, что она уже однимъ его поцѣлуемъ заразилась. А ты, голубушка моя, пятнадцатилѣтняя дѣвушка! ты еще непорочна можетъ быть; но на лбу твоемъ я вижу, что вся кровь твоя отравлена. Блаженной памяти твой батюшка изъ докторскихъ рукъ не выходилъ; а государыня твоя матушка, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженнаго генерала, и спѣшитъ выдать тебя замужъ, чтобъ не сдѣлать съ тобой визита воспитательному дому; а за старикомъ-то жить не худо: своя воля; только бы быть замужемъ;--дѣти все его; ревнивъ онъ будетъ, тѣмъ лучше: болѣе удовольствія въ украденныхъ утѣхахъ. Съ первой ночи можно пріучить его не слѣдовать глупой старой модѣ спать съ женою вмѣстѣ“ [2]). Глупую старую моду, мы знаемъ, осмѣиваютъ щеголихи и у Новикова, сатирическими журналами котораго, вѣроятно, и была навѣяна приведенная тирада изъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“.

Особенно наглядно сказывается искреннее состраданіе Радищева къ простому народу въ главѣ „Зайцово“. Здѣсь выведенъ помѣщикъ, который до того жестоко обращался съ своими кре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 213—214.
[2]) Тамъ же, стр. 210—211.

стьянами, что наконецъ вынудилъ ихъ на преступленіе: онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ сыновьями. Бѣдные же крестьяне подверглись безпощадному уголовному преслѣдованію. Авторъ горячо протестуетъ противъ виновности беззащитныхъ поселянъ и со всею силою краснорѣчія старается доказать, что преступленіе въ данномъ случаѣ было вынужденное, и что крѣпостные люди этого барина дѣйствовали единственно въ цѣляхъ самозащиты, а потому должны быть оправданы [1]).

Но, разсматривая общественные порядки и всю систему государственнаго управленія, Радищевъ доходитъ наконецъ до самыхъ высшихъ ступеней и обращается съ словами обличенія къ самой государынѣ. Въ „Путешествіи" помѣщено описаніе такого сновидѣнія: на роскошномъ золотомъ тронѣ возсѣдаетъ верховный владыка, чело котораго украшено лавровымъ вѣнкомъ; вся окружающая обстановка говоритъ, что это—могущественный деспотъ; люди безмолвно тѣснятся вокругъ своего повелителя, и только въ толпѣ лицемѣрныхъ льстецовъ раздаются непрерывные возгласы; „иной говоритъ...: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, расширилъ предѣлы отечества, покорилъ своей державѣ тысячи разныхъ народовъ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ государство, распространилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю; онъ любитъ науки и художества, и поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе. Женщины вѣщали съ нѣжностью: онъ не далъ погибнуть тысячамъ полезныхъ гражданъ, избавя ихъ отъ гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные законы, облегчилъ народъ отъ податей и доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество, съ восторгомъ простирая руки на небо, говорило: онъ милосердъ, правдивъ; законъ его для всѣхъ равенъ; онъ почитаетъ себя первымъ его слушателемъ; онъ мудрый законодатель, правдивый судья, ревностный исполнитель долгу сана своего; онъ паче всѣхъ царей великъ; онъ даруетъ всѣмъ свободу" [2]). Подъ вліяніемъ грубой лести тиранъ твердо вѣритъ, что всѣ его подданные благоденствуютъ. Но въ это время къ деспоту подходитъ истина, снимаетъ съ его глазъ бѣльмо и заставляетъ его осмотрѣться: оказывается, что дѣйствительное положеніе вещей прямо противоположно тому, какъ представляли его ласкатели. Прозрѣвшій владыка откровенно сознается теперь въ своихъ заблужденіяхъ: „Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи душа моя наиболѣе горди-

[1]) „Путешествіе", стр. 167 и слѣд.

[2]) Стр. 139—140.

лась, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія отъ превратнаго толкованія и медлительнаго исполненія. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и кто давалъ больше, тому стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы чрезъ отпущеніе вины прослыть въ народѣ милосердымъ, прослылъ я обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ" [1]). Въ заключеніе всего говорится: „Властитель міра! естьли, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело: вѣдай, что видѣнная мною странница (истина) отлетѣла отъ тебя далеко и гнушается твоихъ чертоговъ" [2]).

Выяснять истинное положеніе вещей и указывать правительству на дѣйствительныя нужды подданныхъ Радищевъ признаетъ, повторяя взглядъ Фонвизина, самой священной обязанностью всякаго честнаго писателя. Свои мысли по этому вопросу онъ ясно высказываетъ прозрѣвшему властелину: „Естьли изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои, вѣдай, что той есть другъ твой искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета; блюдись и не дерзай его казнить, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника: ибо всякъ, порицающій царя въ самовластіи, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его, вѣщаю, почти его, да возвратившись, возможетъ глаголати паче и паче нельстиво. Но таковыя твердыя сердца рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ" [3]).

Встрѣчаются въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" и выходки противъ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, принимавшихъ на себя воспитаніе русскаго юношества. Въ главѣ „Городня" Радищевъ разсказываетъ о встрѣчѣ своей съ однимъ бродягой-французомъ, которому послѣ разнаго рода сомнительныхъ приключеній пріятели посовѣтовали „искать въ Москвѣ учительскаго мѣста"; французъ дѣйствительно успѣлъ опредѣлиться въ воспитатели въ одно семейство, хотя не умѣлъ даже писать [4]). Не могъ авторъ не коснуться и недостатковъ въ судопроизводствѣ, о чемъ такъ настойчиво разсуждала вся русская сатирическая печать его времени. Въ главѣ „Подберезье"

[1]) Стр. 146—147.
[2]) Стр. 149.
[3]) „Путешествіе", стр. 144.
[4]) Стр 301—302.

читаемъ по этому вопросу: „Для чего не заведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ преподавались бы науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ россійскомъ; ученіе было бы всѣмъ внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе, и однимъ поколѣніемъ позже вмѣсто одного латынщика нашлось бы двѣсти человѣкъ просвѣщенныхъ; *по крайней мѣрѣ, въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе* [1]). Въ приведенныхъ словахъ легко усмотрѣть воспроизведеніе мыслей Фонвизина о введеніи въ университетскій курсъ „политической науки".

Но Радищевъ не ограничивается въ своей книгѣ простымъ обличеніемъ общественныхъ неустройствъ, но и указываетъ мѣры къ ихъ устраненію. Что касается суда и администраціи, то, по его мысли, лучшимъ средствомъ къ водворенію здѣсь строгой законности является безусловная свобода печати и вообще самая широкая гласность въ дѣлопроизводствѣ. Всякій писатель, разоблачающій ту или другую несправедливость, способенъ принести обществу громадную пользу,—пользу „отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣдняго гражданина" [2]). Предъ нами пока мысль того же Фонвизина, который незадолго предъ тѣмъ доказывалъ, что писатель съ перомъ въ рукахъ, не выходя изъ кабинета, можетъ сдѣлаться полезнымъ совѣтодателемъ государю, являясь стражемъ общественныхъ интересовъ. Развивая далѣе свой взглядъ и снова воспроизводя сужденія автора „Недоросля", Радищевъ говоритъ: при свободѣ печатнаго слова „правители народовъ не дерзнутъ удаляться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удовлетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство — убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, ибо не будетъ въ немъ заквасу. Нынѣ поверхность только гладка; но илъ, на днѣ лежащій, мутится и тмитъ прозрачность воды" [3]). Въ другомъ случаѣ Радищевъ прямо высказываетъ мысль, что печать можетъ оказывать могущественное вліяніе даже на самое развитіе законодательной дѣя-

[1]) Стр. 151.
[2]) Стр. 249—250.
[3]) „Путешествіе", стр. 254—255.

тельности правительства, такъ какъ человѣческій разумъ „сталъ нынѣ надежнымъ стражею общественныхъ законоположеній“ [1]).

Равнымъ образомъ, возмущаясь ужасами крѣпостничества и возставая противъ „звѣрскаго обычая порабощать подобнаго себѣ человѣка“ [2]), авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ не останавливается только на одномъ этомъ, какъ то мы видимъ у другихъ современныхъ ему русскихъ писателей, но и предлагаетъ съ своей стороны правительству проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ отъ ненавистной барщины. Въ главѣ „Хотиловъ“ Радищевъ, въ виду того, что „высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на премѣненіе мнѣній мгновенно, начерталъ путь по временнымъ законоположеніямъ къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи“. Вотъ этотъ замѣчательный проектъ, сыгравшій въ дальнѣйшемъ развитіи крестьянскаго вопроса самую блистательную роль:

„Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего и запрещается брать въ домы поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи записанныхъ.

„Буде помѣщикъ возметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ.

„Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія господина.

„Запретить брать выводныя деньги.

„Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ.

„Удѣлъ земли, ими обработываемый, долженъ быть ихъ собственностью, ибо платятъ подушную подать.

„Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе должно принадлежать ему; никогда не лишать его онаго самопроизвольно.

„Возстановленіе земледѣльца въ званіи гражданина. Надлежитъ ему быть судиму ему равными, то есть, въ расправахъ; въ судьи выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ.

„Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то есть, покупать землю.

„Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда...

„За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства“ [3]).

---

[1]) Стр. 222.

[2]) Стр. 236.

[3]) Стр. 223.

Выраженныя въ этомъ проектѣ мысли, повидимому, очень сильно занимали Радищева, такъ какъ онѣ не разъ повторяются въ его произведеніяхъ. Такъ, въ его статьѣ—„Описаніе моего владѣнія", выясненіе условій, въ коихъ стоятъ другъ къ другу помѣщики и крѣпостные крестьяне, имѣетъ цѣлью не только наглядно представить тяжелую рабскую зависимость послѣднихъ отъ ихъ господъ, но и указать средства къ возстановленію простого народа въ его человѣческихъ правахъ. Особенно поражаетъ Радищева та ненормальность, что барскіе люди, обрабатывая землю и платя государственныя подати, не имѣютъ, однако, законныхъ правъ на пріобрѣтеніе земельной собственности. „Блаженны, блаженны, естьли бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о, горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлываетъ чуждую, и самъ, самъ чуждъ есть, увы!"—патетически восклицаетъ Радищевъ, скорбя о горькой долѣ крестьянъ, находившихся подъ властью помѣщиковъ [1]). Излагая условія крѣпостного права, онъ буквально поражается той невѣроятной степенью полновластія, какая предоставлена была въ свое время русскимъ дворянамъ:

„Естьли мы разсмотримъ состояніе земледѣльца въ подробности, то величайшія его отношенія и обязанности состоятъ противъ его господина:

„1. Сей можетъ его продать оптомъ или подробно; не шуткою сіе сказано: ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ. Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы.

„2. Господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нонѣ только запрещено работать по воскресеньямъ, и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе: ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено.

„3. Господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ—судія его и исполнитель своихъ приговоровъ.

„4. Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ.

„5. Распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ: слѣдо-

---

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. Изд. 1811 года, часть IV, стр. 99.

вательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно. Итакъ, *не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо.*

„Въ отношеніи государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ, селянинъ, естьли имѣетъ употребленіе чего-либо, то дѣлается только *изъ благосердія* господина. Но, кажется, поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ, дая удовлетвореніе тому, долженъ имѣть собственность и проч.“ [1]).

Всматриваясь ближе въ это перечисленіе условій крѣпостной барщины, легко замѣтить здѣсь тѣ же основныя понятія, какія положены Радищевымъ въ основу его проекта, или пути къ освобожденію крестьянъ въ Россіи отъ власти помѣщиковъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ кругъ основныхъ идей, которыя развивалъ въ своихъ произведеніяхъ Радищевъ. Мы видимъ, что главнымъ вопросомъ для него являлось крѣпостное право, которымъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ и былъ занятъ больше всего; однако, онъ не упускалъ случая коснуться и другихъ сторонъ современной ему общественной жизни русскаго народа.

II.

Для правильной и всесторонней оцѣнки историческаго значенія литературной дѣятельности А. Н. Радищева необходимо, конечно, твердо установить его отношеніе и связь съ предшествующими русскими писателями, равно и указать на то вліяніе, какое имѣлъ онъ на послѣдующихъ авторовъ. Такимъ путемъ само собой опредѣлится и его мѣсто въ исторіи нашей литературы, и степень его самобытности, и, слѣдовательно, особенности его своеобразнаго склада понятій. Подобная постановка вопроса тѣмъ болѣе необходима, что обыкновенно во взглядахъ автора проекта къ освобожденію крестьянъ усматриваютъ лишь отраженіе идей западныхъ писателей.

Мы уже видѣли, что, касаясь вопросовъ о воспитаніи, нравственной распущенности екатерининскаго общества и судебныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 145—147: „Описаніе моего владѣнія“.

безпорядковъ, Радищевъ воспроизводитъ сужденія о томъ Н. И. Новикова и Фонвизина. Но съ точки зрѣнія историческаго преемства литературныхъ идей слѣдуетъ отмѣтить и еще нѣсколько мѣстъ изъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Дѣло въ томъ, что даже по вопросу о крѣпостномъ правѣ нашъ писатель далеко не всегда опирался въ своихъ сужденіяхъ на прямые факты. Если съ одной стороны, описывая тѣ или другіе случаи жестокостей помѣщиковъ, онъ рѣшительно заявляетъ, что „повѣсть сія нелжива" и что имъ разсказано „истинное происшествіе", то съ другой стороны самъ же Радищевъ сознавался впослѣдствіи на судебномъ дознаніи, что „писалъ сіе *изъ своей головы*, чая, что между помѣщиками есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности, благонравія, дѣлаютъ иногда такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурного сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить" [1]) Впрочемъ, авторъ „Путешествія" и прямо объявляетъ въ другомъ мѣстѣ о своихъ литературныхъ заимствованіяхъ: „Признаюсь,—говоритъ онъ,—я на руку не чистъ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотчасъ стяну" [2]).

Произведенія Фонвизина были прекрасно извѣстны Радищеву, это ясно не только изъ указанныхъ выше воспроизведеній послѣднимъ тѣхъ или другихъ мнѣній творца „Недоросля" и „Бригадира", но и изъ упоминаній въ „Путешествіи" о Кутейкинѣ, Митрофанушкѣ, „Придворной Грамматикѣ" и т. под. [3]). Исторія госпожи Ш..., о которой Радищевъ разсказываетъ, что, оставшись въ двадцать-пять лѣтъ вдовой, пока была „лицомъ смазлива", она сначала сама промышляла развратомъ, а когда красота увяла, занялась развращеніемъ другихъ и, наживъ такимъ образомъ денегъ, вышла на шестьдесятъ-второмъ году замужъ за старика [4]),—этотъ разсказъ близко напоминаетъ стихотвореніе подобнаго же содержанія, помѣщенное въ одномъ изъ сатирическихъ журналовъ Новикова. Въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ воспроизведеніе идей „Наказа" Екатерины II. Такъ, говоря о цензурѣ, Радищевъ доказываетъ необходимость и пользу полной свободы печатнаго слова слѣдующимъ соображеніемъ: „Слова не всегда суть дѣянія; размышленія жъ—не преступленія. Вотъ

---

[1]) Якушкинъ. „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ". „Русская Старина", 1882, сентябрь, стр. 490.

[2]) „Путешествіе", стр. 152.

[3]) Стр. 150, 247—48, 304.

[4]) Стр. 180 и слѣд.

правило „Наказа“ о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати—всегда брань. Въ законѣ не велѣно бранить никого, и всякому свобода есть жаловаться“ [1]). Нѣтъ сомнѣній, что передъ нами ссылка на то мѣсто въ „Наказѣ“, гдѣ говорится: „Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное“, такъ какъ „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе“ [2]).

Въ главѣ „Городня“ Радищевъ разсказываетъ, какъ онъ увидѣлъ трехъ скованныхъ крестьянъ и спросилъ у одного изъ собравшейся толпы, не изъ боязни ли побѣга заковали ихъ въ оковы. На это ему отвѣчали: „Вы отгадали. Они принадлежали одному помѣщику, которому *занадобились деньги на новую карету, и для того продалъ онъ ихъ для отдачи въ рекруты* казеннымъ крестьянамъ“, въ надеждѣ получить за то тысячу рублей“ [3]). Какъ видимъ, предъ нами просто воспроизводится содержаніе комической оперы Княжнина—„Несчастье отъ кареты“, гдѣ точно такъ же крестьянинъ Лукьянъ долженъ былъ оказаться проданнымъ въ рекруты единственно потому, что его барину, помѣщику Фирюлину, понадобилась новая карета, а между тѣмъ денегъ для ея пріобрѣтенія не было. Очевидно, Радищевъ, недовольный легкомысленной обработкой сюжета, который легко могъ привести къ трагическому финалу, постарался осмыслить содержаніе комической оперы Княжнина на болѣе серьезной подкладкѣ и придать дѣлу внушительный видъ. Впрочемъ, вліяніе на него „Несчастья отъ кареты“ оказывается и въ другомъ случаѣ: въ комической оперѣ тотъ же крестьянинъ Лукьянъ жалуется, что крѣпостные люди абсолютно во всѣхъ отношеніяхъ связаны властью помѣщика; „Боже мой!—восклицаетъ онъ въ отчаяніи—какъ мы нещастливы! Намъ должно *пить, ѣсть и жениться* по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся, и которые безъ насъ бы съ голоду померли“ [4]). Но мы уже видѣли, что Радищевъ, съ своей стороны, обрисовывая условія крѣпостной барщины, также настаиваетъ, что крестьяне фактически не могутъ жениться безъ согласія господина, который „спаряетъ“ ихъ по собственному усмотрѣнію: помѣщикъ не въ силахъ лишь заставить ихъ жениться на роднѣ и принудить въ постъ ѣсть мясо.

---

[1]) „Путешествіе“, стр. 249—250.

[2]) Сочиненія Императрицы Екатерины II. Изд. А. Смирдина, 1849, т. I, стр. 105 и слѣд. „Наказъ“, глава XX, статьи 471—484.

[3]) „Путешествіе“, стр. 298.

[4]) „Россійскій Ѳеатръ“, часть 24, стр. 72. „Несчастіе отъ кареты“ появилось на сценѣ 7 ноября 1779 года.

Но любопытнѣе всего, что и знаменитый „Сонъ" Радищева имѣетъ также свою литературную исторію. Рѣчи льстивыхъ ласкателей, которые увѣряли деспота, что его велѣніямъ покорны стихіи и силы природы; что онъ смирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; что онъ обогатилъ государство, расширивъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю; что онъ поощряетъ науки и художества, также земледѣліе и рукодѣліе, и издаетъ благіе законы, облегчаетъ народныя подати и даруетъ всѣмъ подданнымъ свободу, — эти слова нашего писателя, вложенныя въ уста окружающихъ властелина льстецовъ, замѣчательно близко воспроизводятъ то, что̀ мы встрѣчаемъ еще въ журналѣ Новикова „Живописецъ", выходившемъ въ 1772 году. Въ послѣднемъ помѣщенъ былъ, между прочимъ, переводъ письма Доминика Діодати изъ Неаполя по поводу „Наказа" императрицы Екатерины, въ которомъ онъ такимъ образомъ восхвалялъ государыню: „*Законы* постановляетъ... Добродѣтели награждаетъ и всѣхъ къ почитанію ихъ разумно поощряетъ... Печется *о воспитаніи юношества*... Государство жителями, а жителей *изобиліемъ обогатить* старается... *На хлѣбопашество призираетъ милостиво*; *искусства и художества всѣ*, способствующія либо къ спокойствію, либо къ пріятности жизни, *возстановляетъ*; *торговлю, какъ прямый богатства источникъ, облегчаетъ и распространяетъ, и отвращаетъ все, оную стѣсняющее.* Ничего во всемъ не оставляетъ безъ своего разсмотрѣнія, ничего не умалчиваетъ, все объявляя всенародно, для общаго всѣхъ благополучія" [1]). На основаніи буквальнаго совпаденія приведенныхъ выраженій изъ письма Діодати съ соотвѣтствующими словами Радищева въ его „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" приходится заключить, что послѣдній имѣлъ въ виду именно это мѣсто „Живописца", когда представлялъ льстивыя рѣчи ласкателей. А если такъ, то упрекъ въ подслуживаніи высшей власти былъ направленъ и противъ Новикова, которому слишкомъ прямолинейный въ убѣжденіяхъ Радищевъ не могъ простить такого льстиваго письма. Впрочемъ, онъ могъ намекать на этотъ разъ также и на рѣчь представителя депутатовъ, собранныхъ для составленія проекта новаго уложенія, которую тотъ произносилъ 27 сентября 1767 года при поднесеніи Екатеринѣ II титула Премудрой, Великой, Матери отечества. Въ рѣчи, между прочимъ, говорилось: „Человѣколюбіе обитаетъ въ ея душѣ и безъ послабленія смягчаетъ строгость законовъ. Пороки исчезаютъ и корень ихъ пресѣ-

[1]) „Живописецъ". Изданіе Ефремова. Спб. 1864, стр. 73 и слѣд.

кается; но съ кротостью *исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели, подъ священной сѣнью престола, процвѣтаютъ;* нужнѣйшія роду человѣческому искусства — *земледѣліе и домоводство*—монаршимъ взоромъ *ободряются, торговля возрастаетъ* и съ нею изобиліе *рукодѣлій* умножается; вездѣ введены полезныя учрежденія, и словомъ, во всѣхъ частяхъ государственныхъ, во всѣхъ дѣлахъ разумъ и добродѣтели нашея великія государыни сіяютъ и *не обрѣтаютъ ничего выше силъ своихъ*" [1]).

Можетъ быть, однако, и то, что рѣчь представителя депутатовъ вовсе не была въ полномъ смыслѣ самостоятельной, а представляла изъ себя передѣлку съ французскаго образца. По крайней мѣрѣ, въ „Сиѳѣ" аббата Террасона встрѣчается рѣчь главнаго мемфійскаго жреца предъ гробомъ умершей премудрой царицы, гдѣ онъ восхваляетъ ее за то, что она „преславнымъ защищеніемъ предѣловъ государства утверждала всеобщую тишину"; заботилась о „благосостояніи подданныхъ"; „внѣшнихъ непріятелей укрощала" и внутреннихъ побѣждала; „народныя тягости облегчала своимъ милосердіемъ"; „купечество, науки и художества процвѣтали подъ счастливѣйшимъ ея владѣніемъ"; „она прославила государство неисчислимымъ богатствомъ" и т. д. [2]). Впрочемъ, льстивая похвальная рѣчь за мнимыя заслуги умершему царю-льву, „пресущему скоту", встрѣчается и у Фонвизина въ баснѣ „Лисица-кознодѣй", гдѣ кротъ откровенно разоблачаетъ подлую и гнусную лесть оратора [3]); положеніе дѣйствующихъ лицъ здѣсь, въ сущности, такое же, какъ и въ „Снѣ" Радищева. Авторъ Недоросля въ другомъ случаѣ выводитъ и самую Истину, которой отведена въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" такая видная роль: Фонвизинъ изображаетъ въ одной изъ своихъ повѣстей „дворъ Царя, коего самовластіе ничѣмъ не ограничено"; Аристотель спрашиваетъ Каллисѳена: „Можетъ ли *истина* свободно изъясняться? Неужели гоненія страшиться?" [4]) Такъ же безбоязненно выступаетъ Истина и въ „Снѣ" Радищева. Вообще же говоря, пріемъ изображать состояніе государства подъ видомъ возсѣдающей на тронѣ мудрости или, напротивъ, суевѣрія былъ однимъ изъ употребительнѣйшихъ у нашихъ писателей. Державинъ, восхва-

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XVIII, № 12978.

[2]) Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонъ-Визина. Изд. подъ ред. Ефремова. Спб. 1866, стр. 555—6.

[3]) Стр. 163—164.

[4]) Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонвизина. Изд. Каспари, Спб. 1893, стр. 179.

ляя Екатерину, представилъ ее въ образѣ сказочной царевны Фелицы. Желая сильнѣе и ярче оттѣнить достоинства воспѣтой мурзой императрицы, Козодавлевъ, товарищъ Радищева, помѣстилъ въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова", журналѣ 1783 года, описаніе страны мрака и рабства, которые исчезаютъ передъ лицомъ Фелицы; въ этомъ царствѣ, находящемся на „проклятомъ небесами" островѣ, стоитъ желѣзный храмъ, гдѣ „*на тронѣ* изъ свинца *невѣжество сидитъ*". Не соглашаясь съ мыслью Козодавлева о блаженствѣ людей подъ державой Фелицы, Радищевъ могъ удержать изъ описанія Козодавлева одинъ только поэтическій образъ, измѣнивъ его нѣсколько въ томъ же хотя бы „Снѣ" властелина. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что всѣ основные элементы для той картины, какую нарисовалъ въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" Радищевъ, представляя сонъ деспота, уже были готовы въ произведеніяхъ предшествующихъ русскихъ писателей.

Въ свою очередь, не прошли безслѣдно взгляды и сужденія Радищева для послѣдующихъ писателей. Другъ и товарищъ его —Челищевъ, который обучался также въ лейпцигскомъ университетѣ въ одно время съ авторомъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" и безспорно знакомый съ книгой Радищева, въ участіи при составленіи которой его самого подозрѣвала Екатерина II, написалъ „Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году". Всматриваясь ближе въ этотъ путевой дневникъ, нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ типичныхъ отраженій „Путешествія" Радищева. Такъ, описывая Воицкій золотой рудникъ, Челищевъ разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ здѣсь обнаружены были залежи драгоцѣннаго металла: виновникомъ открытія былъ горный офицеръ Толстой, который „чрезъ то сталъ причиною, что *правительство, проснувшись, потерши съ глазъ дремоту*, вздумало опять возобновить рудокопныя работы, которыя въ земныхъ нѣдрахъ *отъ сонливаго правленія* долго закрытыми лежали" [1]). Упоминаемыя здѣсь протираніе глазъ и сонливое управленіе высшаго начальства сами собой вызываютъ въ памяти „Сонъ" Радищева. Впрочемъ, подобныя выраженія встрѣчаются у Челищева довольно часто: онъ обвиняетъ правителей губерній, что они „*просыпаютъ ненадобный вѣкъ* въ вредномъ ихъ для всѣхъ изобиліи" [2]); обращается къ „викарнымъ владыкамъ народовъ" съ просьбой: „Отрите *мракъ очей* вашихъ" и т. д.

---

[1]) „Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году". Спб. 1886, стр. 29—30.

[2]) Стр. 270 и слѣд.

Послѣднее выраженіе—„мракъ очей"—очевидно есть только легкое видоизмѣненіе тѣхъ „бѣльмъ", какія сняла Истина съ глазъ обрисованнаго Радищевымъ властелина. Вліяніе идетъ и дальше. Радищевъ заставляетъ прозрѣвшаго деспота произнести слѣдующее признаніе: „Въ созиданіи городовъ видѣлъ я одно расточеніе государственной казны, омытой нерѣдко кровію и слезами моихъ подданныхъ" [1]). Здѣсь разумѣется, безъ сомнѣнія, строеніе городовъ послѣ пожаровъ по правильному плану, на чемъ настаивала и чѣмъ особенно хвасталась Екатерина II. Скромно выраженная Радищевымъ мысль получаетъ подъ перомъ Челищева энергическое развитіе: „Жестокіе, — обращается онъ въ „Путешествіи по Сѣверу Россіи" къ правителямъ губерній,— когда у васъ сгораютъ цѣлыя селенія и даже цѣлые города, то кто видалъ васъ, чтобы вы поспѣшно къ бѣдственному сему приключенію прискакали и въ видѣ отца утѣшительнаго старались бы извѣдать самыхъ разоренныхъ, и если имъ не вовсе загладить ихъ убытокъ, то по крайности облегчить ихъ жребій ласковымъ привѣтствіемъ? А вы тутъ-то съ кровожаднымъ своимъ повѣреннымъ насылаете имъ разорительныя ваши повелѣнія: тутъ-то и взыскиваете съ нихъ наистрожайше положенныя подати, тутъ-то и родятся ваши пагубныя ревизіи, тутъ-то и усилятся предписанія о строеніи по плану. ....Тутъ всякій безграмотный подлецъ, сыскавши подлостьми покровъ вашъ, набѣгаетъ то землемѣромъ, то архитекторомъ и обираетъ, ничего не сдѣлавъ, остатки погорѣлыхъ жителей" [2])...

Образъ деспота, воображавшаго подъ вліяніемъ грубой лести, что онъ не только владыка надъ подданными, но и повелитель стихій, нашелъ свое отраженіе и у И. А. Крылова, впослѣдствіи знаменитаго баснописца, съ которымъ Радищевъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Въ журналѣ „Зритель", выходившемъ въ 1792 году, Крыловъ помѣстилъ восточную повѣсть „Каибъ", гдѣ выведенъ калифъ, наконецъ вынужденный „въ первый разъ усомниться, такой ли онъ *самовластный повелитель стихій*, какъ то говорили ему визири" [3]). Не безъ вліянія „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" Крыловъ писалъ въ томъ же „Зрителѣ", что „крестьянинъ потѣетъ и трудится цѣлые годы, чтобы выплатить *колесо богатой кареты*, или пуговицу съ кафтана

---

[1]) „Пут. изъ П. въ М.", стр. 147.

[2]) „Путеш. по Сѣверу Россіи", стр. 270 и слѣд.

[3]) Полное собраніе сочиненій И. Крылова. Спб. 1859, т. I, стр. 218.

своего господина Промотаева" [1]). Исторія съ каретой знакома намъ и изъ Радищева.

Основанное въ 1801 „Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ" цѣликомъ восприняло идеи Радищева и съ уваженіемъ отзывалось объ этомъ писателѣ въ своемъ „Свиткѣ музъ", выходившемъ въ 1803 г.; въ 1805 г. „Общество" перепечатало даже „въ Сѣверномъ Вѣстникѣ" главу (Клинъ) изъ „Путешествія" нашего автора съ такимъ замѣчаніемъ: „Читатели найдутъ въ семъ сочиненіи не чистоту русскаго языка, но чувствительныя мѣста. Издатели смѣютъ надѣяться, что тѣни усопшаго автора первое будетъ прощено ради послѣдняго" [2]).

Въ „Житіи Ѳедора Васильевича Ушакова" Радищевъ замѣчаетъ въ одномъ случаѣ, что люди, имѣющіе надобность до кого-либо, готовы по цѣлымъ часамъ высиживать въ переднихъ комнатахъ, ожидая выхода патрона; согласны всячески ухаживать за секретарями ихъ; стараются стать на короткую ногу съ швейцаромъ и дворникомъ нужнаго человѣка, *„и если собака тутъ приключится, и ту приласкать не пропустятъ"* [3]). Кто не вспомнитъ при этихъ словахъ знаменитыхъ правилъ, которыя завѣщалъ Молчалину его отецъ, какъ о томъ сообщаетъ Грибоѣдовъ въ комедіи „Горе отъ ума"?

Въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву", въ главѣ „Софія", мы находимъ и такое сужденіе Радищева о характерѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ: „Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго. На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умѣй учреждать бразды правленія. Въ немъ найдете образованіе души нашего народа. Посмотри на русскаго, найдешь его задумчивымъ. Естьли захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, естьли захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Естьли что-нибудь случится не по немъ, то скоро начинаетъ споръ или битву. Бурлакъ, идущій въ кабакъ, повѣся голову и возвращающійся обагренный кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить, доселѣ гадательное въ исторіи россійской" [4]). Подобныя сужденія Радищева цѣликомъ воспро-

[1]) Стр. 260.

[2]) Сочиненія К. Н. Батюшкова. Спб. 1887, т. I, стр. 39—40.

[3]) Бартеневъ. Осмнадцатый вѣкъ, т. I, стр. 189.

[4]) Путешествіе изъ П. въ М., стр. 112.

извелъ впослѣдствіи Пушкинъ въ извѣстномъ размышленіи своемъ о грустномъ характерѣ русскихъ пѣсенъ и русской музы. „Печалію согрѣта гармонія всѣхъ нашихъ музъ и дѣвъ“, говоритъ поэтъ по этому поводу; по его словамъ, „отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло“, хотя грустные, трогающіе мотивы русскихъ пѣсенъ и нравятся Пушкину своей меланхоличностью. Въ другомъ случаѣ тотъ же поэтъ находитъ въ долгихъ пѣсняхъ ямщика „то разгулье удалое, то сердечную тоску“. Въ одной изъ журнальныхъ статей, относящихся къ 30-мъ годамъ XIX вѣка, Н. В. Гоголь повторилъ взглядъ Пушкина на грустный характеръ русскихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ широкую мощь, вѣроятно совсѣмъ не подозрѣвая, что въ сущности сужденія его восходятъ къ Радищеву. Впослѣдствіи тѣ же мысли нашли для себя мѣсто и въ поэзіи Некрасова.

III.

Итакъ, по характеру основныхъ идей авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Онъ настойчиво стремился провести въ общественное сознаніе тѣ же главные вопросы, которые являлись руководящими въ литературной дѣятельности и Новикова, и Фонвизина, и Крылова, и князя Щербатова, и Челищева, и другихъ передовыхъ писателей екатерининской эпохи. Объединяя въ своей книгѣ лучшія мысли и понятія предшествующихъ авторовъ, Радищевъ съумѣлъ, однако, представить ихъ въ такихъ яркихъ и бьющихъ въ глаза краскахъ, что снова привлекъ къ нимъ вниманіе русскаго общества, и прежніе, повидимому, устарѣвшіе вопросы получили подъ его перомъ извѣстную свѣжесть и жизненность и надолго овладѣли умами новыхъ поколѣній, несмотря на то, что книга его появилась уже въ періодъ сравнительнаго упадка сатирической литературы.

Съ другой стороны, по вопросамъ о просвѣщеніи, судебныхъ безпорядкахъ и всеобщемъ упадкѣ нравственности, въ идейномъ отношеніи Радищевъ пошелъ въ сущности не далѣе того, что̀ было высказано въ русской литературѣ писателями, бывшими до него, и ограничился лишь воспроизведеніемъ ихъ взглядовъ. Главный же недостатокъ прежней обличительной литературы заключался въ томъ, что писатели ограничивались почти только осужденіемъ уродливыхъ явленій въ современной имъ

русской жизни, но не указывали средствъ къ ихъ исправленію. Исключеніе составляютъ Новиковъ по вопросу о народномъ образованіи и Фонвизинъ, предлагавшій правительству въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ мѣры для организаціи института просвѣщенныхъ и честныхъ судей и вообще для улучшенія судопроизводства. Радищевъ остановился въ этомъ отношеніи единственно на томъ, что̀ было высказано до него, а потому и стоитъ по вопросамъ о просвѣщеніи, судопроизводствѣ и общественной нравственности въ уровень съ остальными перечисленными писателями. Правда, онъ также предлагалъ мѣры для улучшенія контингента судей, но его слова на этотъ разъ являются простымъ повтореніемъ взглядовъ Фонвизина. Зато по вопросу о крѣпостномъ правѣ Радищевъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ современныхъ ему и послѣдующихъ писателей. Никто, ни раньше, ни послѣ него, не представилъ злоупотребленій крѣпостного быта въ такихъ отталкивающихъ чертахъ, какъ это сдѣлано имъ; никто не удѣлилъ этому явленію столько вниманія, энергіи и краснорѣчія, какъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, и никто не успѣлъ добиться, поэтому, бо̀льшихъ результатовъ въ смыслѣ вліянія на общество и правительство, какъ именно составитель проекта о постепенномъ освобожденіи земледѣльцевъ въ Россіи. Въ данномъ случаѣ, Радищевъ далеко опередилъ свое время. Но его заслуги не исчерпываются однимъ описаніемъ ужасовъ крѣпостной барщины: онъ указалъ также прямой путь для проведенія своихъ взглядовъ въ самой жизни русскаго общества, для осуществленія ихъ на практикѣ. И впослѣдствіи воспользовались его совѣтами, какъ то увидимъ ниже. Ясно, что историческая оцѣнка Радищева должна быть двоякая: если какъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ онъ заслуживаетъ стать во главѣ самыхъ лучшихъ русскихъ писателей обличительнаго направленія во вторую половину XVIII-го вѣка, то какъ авторъ въ частности проекта объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ онъ долженъ подлежать оцѣнкѣ съ точки зрѣнія вообще культурно-исторической.

Послѣ выхода въ свѣтъ въ 1790 г., книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ произвела тотчасъ большое волненіе въ обществѣ и получила громкую извѣстность. Графъ Безбородко писалъ по этому поводу къ правителю канцеляріи князя Потемкина—В. С. Попову: „Здѣсь по уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, несмотря, что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, вправду сказать, и правилъ изрядно и без-

корыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія: заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго, и, наконецъ, неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ цензировалъ сію книгу, не читавъ, а удовольствовавшися титуломъ, надписалъ свое благословеніе. *Книга сія начала входить въ моду у многой шали*; но, по счастію, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ авторъ. Теперь его судятъ, и, конечно, выправиться ему нечѣмъ. Съ свободою типографіи да съ глупостью полиціи и не усмотришь, какъ нашалятъ“ [1]).

Приведенное письмо гр. Безбородко пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ чрезвычайную цѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не только удостовѣряетъ тотъ фактъ, что „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ по выходѣ въ свѣтъ тотчасъ сдѣлалось модной книгой и привлекло къ себѣ вниманіе публики, но и доказываетъ, что *со взглядами Радищева былъ хорошо знакомъ и самъ графъ Безбородко*, такъ какъ онъ воспроизводитъ предъ Поповымъ дѣйствительно все наиболѣе существенное въ содержаніи „Путешествія“. Установить послѣднее положеніе важно для насъ потому, что тѣмъ самымъ наглядно выясняется путь, чрезъ который идеи Радищева проникали въ сознаніе высшей правительственной власти. Дѣло въ томъ, что гр. Безбородко представилъ впослѣдствіи императору Павлу I записку „О потребностяхъ Имперіи Россійской“ въ качествѣ общаго руководства для государя въ дѣлахъ внутренняго управленія; между тѣмъ, записка эта по крестьянскому вопросу почти цѣликомъ воспроизводитъ взгляды Радищева. Такимъ образомъ, Павелъ I еслибы и совсѣмъ не зналъ книги Радищева,—все-таки *руководился въ своемъ законодательствѣ его идеями, осуществляя ихъ въ жизни* силою монаршей власти.

Безбородко упоминаетъ въ своемъ письмѣ и о „проповѣди равенства и почти бунта противу помѣщиковъ“. Это даетъ основаніе думать, что собственноручная записка Екатерины II къ гр. Безбородку, относящаяся къ 1790 г. и предлагающая включить въ текстъ какого-нибудь публичнаго манифеста нѣсколько

---

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXIX, стр. 94—95.

выраженій противъ „несбыточнаго и въ естествѣ несуществующаго мнимаго равенства", была вызвана книгой Радищева [1]).

27 іюня 1790 г. Безбородко писалъ графу А. Р. Воронцову, принимавшему близкое участіе въ судьбѣ Радищева: „Ея императорское величество, свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ, подъ заглавіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, оную читать изволила и, нашедъ ее наполненною разными дерзостными израженіями, влекущими за собой развратъ, неповиновеніе власти и многія въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ, достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ" [2]). Тому же Воронцову Безбородко писалъ въ другой разъ: „По слѣдствію, порученному оберъ-полиціймейстеру, а болѣе, думаю, *по слухамъ*, сказано государынѣ, что авторы извѣстной развратной книги господа *Радищевъ и Челищевъ*" [3]). Какъ видимъ, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", вышедшее въ печати безъ имени автора, сильно заинтересовало своимъ содержаніемъ все общество и породило множество слуховъ и толковъ. О громкой популярности этой книги свидѣтельствуютъ и показанія лицъ, допрашивавшихся во время возбужденнаго противъ Радищева слѣдствія. Книгопродавецъ Зотовъ, на допросѣ 29-го іюня 1790 г., удостовѣрялъ, что „сіи книги вступили къ нему въ маѣ мѣсяцѣ, и болѣе не были, какъ недѣли двѣ, въ лавкѣ. *Какъ же многіе стали спрашивать*, то онъ, *по объявленному слуху*, что она напечатана у Радищева, къ нему ходилъ" и проч. Одинъ экземпляръ книги былъ Радищевымъ посланъ въ Берлинъ къ Кутузову; состоявшій при вице-канцлерѣ надворный совѣтникъ Вальцъ показывалъ по этому поводу на допросѣ: „Когда оные пакеты я получилъ, точно упомнить не могу... А распечаталъ оные потому: какъ скоро услышалъ, что г. Радищева взяли подъ стражу за какую-то книжку, то и подумалъ, что и въ сихъ конвертахъ можетъ быть есть та книга, за которую его взяли, почему и распечаталъ сперва у большого конверта одну сторонку и, вытащивъ книгу, увидѣлъ, что это та книга, *о которой по всему городу говорятъ*". Отставной поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ на допросѣ 17-го іюля 1790 г. говорилъ, что не знаетъ, печатается ли книга Радищева въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ, или въ дру-

---

1) Тамъ же, т. XLII, стр. 133—134.
2) Архивъ князя Воронцова, кн. XIII, стр. 199.
3) Тамъ же, стр. 199.

гихъ городахъ, „но *судя по великому любопытству публики къ той книгѣ*, нельзя не сумнѣваться, чтобы кто-нибудь изъ завистливыхъ и корыстолюбивыхъ типографщиковъ не вздумалъ ее печатать“ [1]).

Больше всего, однако, поразило и раздражило сочиненіе Радищева императрицу Екатерину. Въ дневникѣ Храповицкаго мы находимъ по этому поводу слѣдующія замѣчанія:

Подъ 26-мъ іюня 1790 г.: „Говорено о книгѣ „Путешествіе отъ Петербурга до Москвы“. Тутъ разсѣваніе заразы французской: отвращеніе отъ начальства; авторъ—мартинистъ; я прочла 30 стр. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева“.

Подъ 2-мъ іюля того же года: „Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева, а онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости“.

Подъ 7-мъ іюля: „Примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволила, что онъ *бунтовщикъ, хуже Пугачева*, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ онъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ. Говорено съ жаромъ и чувствительностію“ [2]).

Отдѣльныя подробности въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ (прежде всего, конечно, „Сонъ“) императрица поняла въ смыслѣ оскорбительныхъ намековъ лично на себя: „Скажите сочинителю,—писала она, — что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мной какой обиды?“ То же отмѣчаетъ подъ 11-мъ августа 1790 г. и Храповицкій: „Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтной чувствительностью приказано разсмотрѣть въ Совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною и объявить, дабы не уважали *до меня касающееся, понеже я презираю*“ [3]).

Негодованіе императрицы по поводу книги Радищева должно было еще болѣе усилиться послѣ того, какъ она убѣдилась, что „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, по сознанію самого автора, было составлено въ подражаніе французскому писателю *Рейналю*, котораго Екатерина II давно уже глубоко презирала и ненавидѣла. Такъ, въ 1782 г., она писала Гримму: „Mais imaginez-vous que nous lésgislaton, *malgré les vaines déclamation de l'abbé Raynal contre nous*, depui six heures du matin

---

[1]) Сухомлиновъ, Изсл. и ст., т. I, стр. 581, 587, 589.

[2]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, 1782 — 1793. Изд. Барсукова, Спб. 1874, стр. 338, 339, 340.

[3]) Сборн. И. Р. Общ., т. XXIII, стр. 231.

jusqu' à neuf" [1]). Еще раньше (въ 1774 г.), въ письмѣ къ Гримму Екатерина извѣщала его, что она поручила графу Миниху (Munich) тщательно прочитать философскую исторію о торговлѣ въ Индіи, сочиненіе аббата Рейналя, и представить ей письменныя примѣчанія о всемъ, *что касается Россіи*. „Pour ce qui regarde l'auteur de l'Histoire philosophique du commerce des Indes,—говорилось въ этомъ письмѣ,—je chargerai le comte Munich de relire l'article de Russie et de mettre par écrit ses remarques" [2]). Въ письмѣ отъ 4-го апрѣля 1782 г. Екатерина увѣряла Гримма, что она будетъ заниматься составленіемъ законовъ—„ohne viel darauf zu sehen, was der abbé *Raynal quackt und lügt;* unter andern Lügen soll er sagen, dass mir nichts geglückt von allem dem, so ich angefangen habe; das ist doch eine sehr grobe Lüge, wovon die Beweisthümer die ganze Welt offenbar vor den Augen hat" [3]). По поводу книги Радищева императрица вспомнила Рейналя и въ раздраженіи не могли назвать французскаго писателя иначе, какъ „полумудрецомъ сего свѣта" [4]).

О „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" Екатерина писала и главнокомандующему въ столицѣ, генералъ-аншефу Брюсу: „Недавно издана здѣсь книга..., наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ, оскорбительными израженіями противу Сана и власти Царской. Сочинителемъ сей книги оказался Коллежскій Совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры Управы Благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потомъ взятъ подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ Палатѣ Уголовнаго Суда Санктпетербургской губерніи, гдѣ заключа приговоръ, внесть оный въ Сенатъ Нашъ" [5]). Въ письмѣ къ тому же Брюсу, отъ 13-го іюля 1790 г., Екатерина приказала книгу Радищева за-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. XXIII, стр. 231.

[2]) Ibid., стр. 13.

[3]) Ibid., стр. 235.

[4]) „Русская Старина". Якушкинъ, „Судъ надъ писателемъ", стр. 179: „Руссо, Абберейналъ и тому гипохондрику подобное".

[5]) Сочиненія Императрицы Екатерины II, т. III, стр. 392.

претить продажей, такъ какъ она „въ благопристойномъ государствѣ отнюдь терпима быть не можетъ“ [1]).

Когда дознаніе и слѣдствіе были окончены, по повелѣнію императрицы, правительствующій сенатъ долженъ былъ произвести судъ надъ Радищевымъ и произнести свой приговоръ. Неудивительно, что сенатъ, соображая всѣ обстоятельства дѣла, въ угоду государынѣ призналъ автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ достойнымъ смертной казни. Рѣшеніе это было внесено затѣмъ для окончательнаго разсмотрѣнія въ засѣданіе членовъ государственнаго совѣта. Послѣдній, съ своей стороны, „сличая означенное въ немъ (докладѣ) содержаніе помянутой книги („Путешествія“) съ присягою, находилъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присягѣ и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное“ [2]), т.-е. достоинъ смертной казни. Когда, однако, такой приговоръ былъ представленъ на утвержденіе императрицы, Екатерина II помиловала жизнь опальнаго писателя и замѣнила казнь ссылкой на десять лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскій Острогъ. Въ именномъ указѣ правительствующему сенату, отъ 4-го сентября 1790 г., государыня излагала обстоятельства дѣла слѣдующимъ образомъ:

„Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ санктпетербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя, по роду столь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши

---

[1]) Ibid., стр. 393.

[2]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, часть II, 19 августа 1790 года.

раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимскій Острогъ на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ" [1]).

Подобное смягченіе наказанія заставило содрогнуться графа С. Р. Воронцова. „La condamnation du pauvre Raditchef me fait une peine extrême,—писалъ онъ;—quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie... cela fait frémir" [2]). Братъ Семена Романовича Воронцова—Александръ Романовичъ, подъ начальствомъ котораго служилъ Радищевъ, съ отеческою заботливостью отнесся къ несчастной судьбѣ Радищева и всячески старался облегчить участь его во время ссылки [3]).

Такъ печально кончилось для автора громкое дѣло о „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву". Но идеи, выраженныя въ этой книгѣ, все-таки продолжали распространяться въ обществѣ: произведеніе Радищева разошлось въ рукописяхъ, а сохранившееся небольшое количество печатныхъ экземпляровъ усиленно обращалось среди читателей. Иностранецъ Массонъ свидѣтельствуетъ, что спросъ на книгу Радищева былъ до такой степени великъ среди русскихъ, что за прочтеніе ея приходилось платить большія деньги, потому что за каждый часъ чтенія была назначена сравнительно очень высокая цѣна [4]). Пушкинъ въ „Первомъ посланіи къ Аристарху", составленномъ въ 1824 г., также говоритъ, что книги Радищева вмѣстѣ съ трактатомъ кн. М. М. Щербатова: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", широко распространились въ рукописяхъ. Поэтъ обращается къ цензору съ такими стихами:

„Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы—
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ незнакомъ тебѣ, всѣ знаютъ почему,
И *рукопись* его, не погибая въ Летѣ,

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. XXIII, № 16901.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, кн. IX, стр. 181.

[3]) „Русская Старина", 1882 г., сентябрь. „Судъ надъ писателемъ", стр. 514 и слѣд.

[4]) Тамъ же, стр. 524.

Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ" [1]).

Извѣстно также, что Осиповъ давалъ свой экземпляръ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" для прочтенія генералъ-поручику Ладыженскому; двадцать-пять экземпляровъ этой книги были проданы Зотовымъ покупателямъ; по крайней мѣрѣ Богдановичъ, желавшій пріобрѣсти сочиненіе Радищева, уже не могъ достать его у Зотова за распродажей. Одинъ экземпляръ былъ переданъ авторомъ чрезъ Козодавлева Державину. Когда вышло распоряженіе отобрать экземпляры книги у частныхъ лицъ, то возвратили только слѣдующіе: Козодавлевъ, Державинъ и кн. Трубецкой. Оберъ-камергеръ Шуваловъ уничтожилъ свой экземпляръ, который имъ былъ полученъ отъ банковскаго совѣтника Хитрово [2]). „Путешествіе" несомнѣнно было извѣстно братьямъ С. Р. и А. Р. Воронцовымъ, княгинѣ Дашковой, ихъ сестрѣ, и гр. Безбородко.

Съ вступленіемъ на престолъ въ 1796 году императора Павла Петровича, въ судьбѣ нашего опальнаго писателя послѣдовала перемѣна: именнымъ рескриптомъ на имя графа Самойлова, отъ 23-го ноября 1796 г., государь приказалъ возвратить изъ Сибири Радищева [3]); авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", въ силу этого распоряженія, долженъ былъ безвыѣздно проводить время въ калужскомъ своемъ имѣніи, гдѣ и оставался вплоть до восшествія на престолъ императора Александра I. Трудно рѣшить съ точностью, чѣмъ обусловливалось помилованіе Радищева со стороны имп. Павла Петровича. Сынъ Радищева говоритъ, что за его отца ходатайствовалъ предъ императоромъ вліятельный графъ Безбородко [4]), но можно объяснять это дѣло и нѣсколько иначе. Скорѣе на этотъ разъ имѣло значеніе личное сочувствіе государя взглядамъ составителя проекта о постепенномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Впрочемъ, въ первые же мѣсяцы своего правленія Павелъ I возвратилъ изъ ссылки не одного Радищева, но и освободилъ изъ заключенія Н. И. Новикова, который также подвергся жестокому преслѣдованію при Екатеринѣ II, въ 1792 г. и сидѣлъ до сихъ поръ въ шлиссельбургской крѣпости. Оче-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Подъ ред. Геннади. Спб. 1870, т. I, стр. 300.

[2]) Сухомлиновъ. „Изслѣд. и ст.", стр. 568, 589, 593.

[3]) Шильдеръ. „Императоръ Павелъ Первый". Спб. 1901, стр. 322.

[4]) „Русскій Вѣстникъ", 1858, стр. 416. „Александръ Николаевичъ Радищевъ".

видно, Павелъ I руководился въ данномъ случаѣ вовсе не ходатайствами постороннихъ лицъ, а собственными соображеніями, —именно, желаніемъ почтить обоихъ писателей. Мы знаемъ, вдобавокъ, что одновременно съ Радищевымъ и Новиковымъ былъ вызванъ и милостиво принятъ при дворѣ и другъ послѣдняго— Ив. Вл. Лопухинъ, также подвергшійся въ свое время опалѣ со стороны Екатерины II при Новиковскомъ погромѣ и высланный на заключеніе въ деревню. Судьба всѣхъ этихъ трехъ писателей, такимъ образомъ, оказалась приблизительно одинаковою: всѣ они подверглись при Екатеринѣ опалѣ и преслѣдованіямъ, и всѣ трое почти одновременно были освобождены имп. Павломъ Петровичемъ. Это даетъ право думать, что послѣдній одинаково высоко цѣнилъ всѣхъ троихъ, а слѣдовательно, въ частности, и Радищева. Надобно думать, что Павелъ Петровичъ былъ хорошо знакомъ со взглядами автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ и сочувствовалъ имъ. Но Павелъ не любилъ ограничиваться однимъ платоническимъ сочувствіемъ, а стремился все тотчасъ осуществить на дѣлѣ и провести въ жизнь. Вотъ почему, вызвавъ Новикова, онъ думалъ оставить его при себѣ для совѣщаній по государственнымъ вопросамъ (къ сожалѣнію, подобному благородному намѣренію не суждено было осуществиться, такъ какъ царедворцы быстро оттѣснили отъ императора этого писателя); вотъ почему онъ назначилъ состоять при себѣ въ качествѣ личнаго секретаря и Лопухина, котораго опредѣлилъ потомъ (20-го января 1797 года) въ московскій департаментъ уголовныхъ дѣлъ для водворенія тамъ правосудія [1]). Мы не должны поэтому удивляться, если встрѣтимъ въ государственной дѣятельности Павла I отраженіе идей и Александра Николаевича Радищева,—разумѣется, прежде всего по крѣпостному вопросу. Послѣдняя мысль можетъ находить для себя косвенное подтвержденіе и въ томъ, что Павелъ Петровичъ вообще высоко цѣнилъ русскихъ писателей и стремился привлекать ихъ къ дѣламъ внутренняго управленія. Такъ, О. П. Козодавлевъ, товарищъ Радищева по лейпцигскому университету, стоялъ въ это время во главѣ коммиссіи по народному образованію; авторъ „Ябеды“, Капнистъ, самъ называлъ себя въ посвященіи своей комедіи государю „споспѣшникомъ“ его въ дѣлѣ водворенія правосудія и искорененія судейскихъ безобразій; Державинъ разсказываетъ про себя, что императоръ призвалъ его и сказалъ ему, „что онъ знаетъ его со стороны честнаго, умнаго, безын-

[1]) Шильдеръ. „Императоръ Павелъ Первый“, стр. 322—323.

тереснаго и дѣльнаго человѣка, и хочетъ его сдѣлать правителемъ своего Верховнаго Совѣта, дозволивъ ему входъ къ себѣ во всякое время, и если что теперь имѣетъ, то чтобы сказалъ ему, ничего не опасаясь" [1]).

Впрочемъ, Радищевъ имѣлъ и другого проводника своихъ идей для осуществленія ихъ въ жизни русскаго общества путемъ законодательства. Это былъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко. Изъ письма его къ Попову мы уже видѣли, что онъ хорошо зналъ содержаніе „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Будучи при императорѣ Павлѣ I главнымъ его секретаремъ и совѣтникомъ въ дѣлахъ государственнаго управленія и зная его намѣреніе облегчить участь крѣпостныхъ крестьянъ, нашъ графъ предлагалъ монарху совѣты и указанія по этому поводу, цѣликомъ опираясь на книгу Радищева. Объединяя впослѣдствіи свои мнѣнія, Безбородко представилъ государю въ 1799 году систематическое руководство для управленія дѣлами въ видѣ знаменитой „Записки о потребностяхъ Имперіи Россійской". Вотъ содержаніе этого драгоцѣннаго для насъ произведенія по крестьянскому вопросу, въ которомъ почти съ буквальной точностью воспроизводятся соотвѣтствующія мысли Радищева:

„Продажа деревень не инако быть должна, какъ и съ землями; а *личную продажу, яко сущее невольничество, запретить даже и въ рекруты*; ибо рекруты должны служить, кому очередь по мірскому приговору приходитъ. *Движимость всякая составляетъ неотъемлемую собственность крестьянскую*, а денежные капиталы не могутъ помѣщиками болѣе обременены быть, какъ то, что государь съ капиталовъ купеческихъ себѣ получаетъ.

„*Хотя нельзя избѣжать, чтобы не употреблять крестьянъ въ дворовую службу, но и тутъ бы надобно, чтобъ или они возвращалися на пашню*, или другихъ посылали на работу, *или же становились вольными и имѣли право при новой ревизіи избрать себѣ службу или состояніе по манифесту Екатерины II*, 17-го марта 1775 года. Симъ образуется *прямая вольность поселянъ*; а когда возстановятся *расправы* и прочее, что въ царствованіе Екатерины II было учреждено, *съ нужными поправленіями*, тогда спокойствіе сего класса надолго утвердится" [2]).

---

[1]) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1871, т. VI, стр. 702.

[2]) Н. Григорьевъ. „Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями своего времени". Спб. 1881, т. II, стр. 644, Приложеніе XVIII. Сборн. Имп. Русс. Истор. Общ., т. XXIX.

Какъ видимъ, Безбородко указываетъ здѣсь тѣ же три основныхъ положенія, которыя составляютъ сущность и Радищевскаго проекта объ освобожденіи крестьянъ, а именно: барщина сельская и дворовая, собственность крестьянъ и судъ. Для бо̀льшей наглядности мы позволимъ себѣ напомнить читателямъ параллельныя мѣста изъ „Путешествія". „Записка о потребностяхъ Имперіи Россійской" воспроизводитъ со всею точностью слѣдующія мысли Радищева:

Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго (т.-е. дворовой службы). Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и *запрещается поселянъ и всѣхъ, по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ, брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ.*

Второе положеніе относится къ *собственности* и *защитѣ* земледѣльцевъ.

Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно.

Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Запретить произвольное наказаніе безъ суда.

Имѣя въ виду тотъ фактъ, что Безбородко подъ „расправами", учрежденными во времена Екитерины II, разумѣетъ сельскій судъ, въ которомъ засѣдали и выборные отъ крестьянъ, мы еще больше убѣждаемся, что его „Записка" цѣликомъ воспроизводитъ мысли Радищева. Что же касается продажи крѣпостныхъ крестьянъ въ рекруты, то мы знаемъ, что этотъ вопросъ былъ поднятъ авторомъ проекта объ освобожденіи земледѣльцевъ въ главѣ „Городня".

Послѣ всего сказаннаго не должно насъ удивлять, если, обращаясь къ обзору законодательной дѣятельности императора Павла Петровича, мы встрѣтимъ повсюду отраженіе идей Радищева.

Дѣйствительно, въ первые же мѣсяцы правленія Павелъ I издалъ манифестъ, отъ 5 апрѣля 1797 года, о трехъ-дневной работѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи ихъ къ работѣ въ дни воскресные [1]). Въ главѣ „Любань", мы знаемъ, помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ крестьянинъ жаловался автору, что ихъ заставляютъ работать на барина шесть дней въ недѣлю.

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXIV, № 17909. См. также Шильдеръ—„Имп. П. Перв.", стр. 192—193 и 344.

Въ именномъ указѣ, данномъ сенату, отъ 15 іюня 1799 года, содержится такое распоряженіе: „Никому изъ помѣщиковъ не имѣть, подъ названіемъ казаковъ и гусаръ, изъ числа крѣпостныхъ ихъ людей, какъ то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ противность узаконеній Нашихъ бываетъ“ [1]). Въ этихъ словахъ разумѣется запрещеніе брать крѣпостныхъ людей изъ сельскихъ хлѣбопашцевъ и обращать ихъ въ дворовые.

Въ сенатскомъ указѣ по Высочайше утвержденному докладу, отъ 19 января 1800 года, „признается за спраседливо по смерти жены, наслѣдникамъ ея не возвращать приданыхъ женокъ, вышедшихъ за мужнихъ людей съ мужьями и дѣтьми ихъ и потомствомъ, но оставлять ихъ всѣхъ въ мужнемъ владѣніи, равномѣрно какъ и приданые дворовые люди и крестьяне, женившіеся на дѣвкахъ мужниныхъ и ихъ потомство останется въ женином родѣ“ [2]). Мѣра эта, какъ видимъ, клонится къ тому, чтобы не раздѣлять членовъ крестьянскихъ семействъ, противъ чего особенно энергически возставалъ Радищевъ и въ своемъ „Путешествіи“, когда описывалъ продажу людей съ аукціона, и въ „Описаніи моего владѣнія“, когда указывалъ, что помѣщикъ имѣетъ право продать отдѣльно сына отъ отца, дочь отъ матери и, пожалуй, жену отъ мужа.

Имѣя цѣлью ограничить и даже совсѣмъ отмѣнить право помѣщиковъ отнимать поселянъ отъ сохи и брать ихъ къ себѣ для домашнихъ услугъ и дѣлать ихъ такимъ образомъ дворовыми, императоръ издалъ указъ 16 февраля 1797 г., запрещавшій продажу крестьянъ съ молотка безъ земли [3]). Теперь проданный однимъ бариномъ другому земледѣлецъ долженъ былъ, поэтому, остаться непремѣнно земледѣльцемъ же, т.-е. сельскимъ жителемъ, имѣющимъ опредѣленный участокъ земли для обработыванія; между тѣмъ раньше проданный крестьянинъ изъ сельскихъ жителей, очутившись безъ земли, легко могъ стать по желанію новаго господина дворовымъ человѣкомъ. Предъ нами и на этотъ разъ законодательный актъ, направленный къ осуществленію Радищевскаго проекта.

Въ ряду оффиціальныхъ распоряженій императора Павла Петровича встрѣчаются и указы, стремящіеся утвердить за крестьяниномъ извѣстную собственность. Такъ, 31 мая 1799 года былъ опубликованъ Высочайшій приказъ, запрещавшій взыскивать долги по обязательствамъ крѣпостныхъ людей; подобныя

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXV, № 19002.
[2]) Тамъ же, т. XXVI, № 19250.
[3]) Тамъ же, т. XXIV, № 17809.

обязательства признаются недѣйствительными даже и въ томъ случаѣ, если имѣніе послѣднихъ поступитъ къ ихъ наслѣдникамъ, получившимъ отъ господъ увольненіе [1]).

Но самымъ выдающимся актомъ законодательной дѣятельности императора Павла I-го въ видахъ предоставленія крестьянамъ права пріобрѣтать собственность, безспорно, слѣдуетъ признать указъ, отъ 21 марта 1800 года, *о дозволеніи крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства покупать землю у частныхъ владѣльцевъ и совершать купчія на имя департамента удѣловъ* [2]). Это распоряженіе уже полагаетъ начало недвижимой земельной крестьянской собственности, права на пріобрѣтеніе которой крестьяне до сихъ поръ не имѣли. Правда, въ данномъ случаѣ имѣются въ виду только крестьяне удѣльнаго вѣдомства, но отсюда недалекъ переходъ и къ тому, чтобы распространить это право и на крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Настоящій правительственный указъ опять-таки осуществляетъ мысль Радищева о необходимости предоставить крестьянамъ, занимающимся хлѣбопашествомъ, возможность пріобрѣтать землю въ наслѣдственную собственность. Мы видѣли, какъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ скорбѣлъ при горестномъ напоминаніи, что ниву селянинъ воздѣлываетъ чуждую и самъ чуждъ плодовъ рукъ своихъ.

Не оставилъ безъ вниманія императоръ Павелъ и того, что̀ Безбородко, повторяя Радищева, называлъ „прямою вольностью поселянъ“. Сенатскій, по Высочайше утвержденному докладу, указъ, отъ 22 іюня 1799 года, устанавливаетъ точный порядокъ для производства дѣлъ о людяхъ, *ищущихъ вольности* [3]), т.-е. о крестьянахъ, желавшихъ откупиться отъ помѣщиковъ и стать вольными. Это распоряженіе имѣетъ цѣлью ускорить относящееся сюда оффиціальное дѣлопроизводство и формальности и облегчить крестьянамъ путь при исканіи свободы отъ крѣпостной барщины. Радищевъ въ своемъ проектѣ какъ разъ и предлагалъ правительству дозволить земледѣльцамъ „невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму“.

Еще раньше, въ указѣ 27 ноября 1796 года, была разрѣшена апелляція ищущимъ вольности людямъ на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ [4]). Другими словами, крестьянамъ предостав-

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXV, № 18988.

[2]) Т. XXVI, № 1933; сюда же и № 19634, отчасти и № 19400.

[3]) Т. XXV, № 19011.

[4]) Т. XXIV, № 17583; сюда же, т. XXV, № 18768.

лялось здѣсь право обжаловать постановленія тѣхъ учрежденій, которыя стали бы доказывать въ угоду помѣщикамъ, что предлагаемая послѣднимъ плата за отпускную слишкомъ недостаточна, и вообще выдумали бы стѣснять крестьянъ. Вѣроятно, подобными притѣсненіями и былъ вызванъ указъ отъ 22 іюня 1799 года.

Указъ отъ 3 декабря 1797 г. обязуетъ помѣщиковъ подпиской не дѣлать притѣсненій людямъ своимъ, ищущимъ вольности [1]). Въ дѣйствительности разнаго рода притѣсненія, повидимому, нерѣдко повторялись въ такихъ случаяхъ, такъ какъ помѣщикамъ, конечно, было непріятно, если ихъ крѣпостные крестьяне начинали мечтать о полной независимости отъ своихъ прежнихъ господъ и начинали процессы объ освобожденіи отъ рабской барщины. Именно этимъ мы и объясняемъ указъ, отъ 11 октября 1799 года, содержащій распоряженіе *оставлять помѣщичьихъ людей, ищущихъ вольности, до рѣшенія дѣла свободными* [2]). Считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь, для характеристики того, насколько измѣнилось теперь отношеніе нашего правительства къ крѣпостнымъ крестьянамъ, что указъ Екатерины II, отъ 1 сентября 1785 года, предписывалъ *оставлять людей, отыскивающихъ свободу, до рѣшенія ихъ тяжбы во владѣніи помѣщиковъ* [3]).

Дѣйствительно, законодательная дѣятельность императора Павла I обнаруживаетъ съ его стороны чрезвычайно заботливое отношеніе къ помѣщичьимъ людямъ. Указъ отъ 19 марта 1797 г. говоритъ о невключеніи въ отдачу помѣщикамъ тѣхъ изъ казенныхъ крестьянъ, кои прежде состоянія о пожалованіи Высочайшаго указа подали просьбы о запискѣ въ купечество [4]). Именной указъ, данный генералъ-прокурору, отъ 5 мая 1797 г., запрещаетъ начальникамъ губерній отягощать крестьянъ ненужными работами [5]). Указъ отъ 16 іюля 1797 г. освобождаетъ поселянъ отъ сбора на содержаніе почтъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ уже устроены [6]). Сюда же относятся указы, ограждающіе крестьянъ отъ притѣсненій со стороны правительственныхъ чиновниковъ, запрещающіе отвлекать крестьянъ отъ ихъ работъ для земскихъ повинностей, о непродажѣ ихъ безъ соотвѣтствующаго зе-

---

[1]) Т. XXIV, № 18261.

[2]) Полное Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXV, № 19148.

[3]) Т. XXII, № 16252.

[4]) Т. XXIV, № 17880.

[5]) Т. XXIV, № 17956.

[6]) Т. XXIV, № 18048.

мельнаго участка и т. под. [1]). Указъ отъ 30 апрѣля 1798 г. подвергаетъ наказанію графа Девіера и дворянъ Потуловыхъ за притѣсненія, чинимыя ими крѣпостнымъ ихъ крестьянамъ (П. С. З. Росс. Имп., т. XXV, № 18511). Вообще же участливое отношеніе Павла Петровича къ крѣпостнымъ крестьянамъ находитъ себѣ подтвержденіе, помимо законодательныхъ его актовъ, и въ разнообразныхъ свидѣтельствахъ современниковъ и другихъ историческихъ матеріалахъ. Особенно характернымъ является, по нашему мнѣнію, разсказъ, помѣщенный въ воспоминаніяхъ о томъ, какъ обошелся императоръ съ помѣщикомъ Храповицкимъ. Государь проѣзжалъ чрезъ смоленскую губернію. Предварительно онъ издалъ распоряженіе, чтобъ помѣщики не утруждали своихъ барскихъ крестьянъ, заставляя ихъ чинить и оправлять мосты и дороги на томъ пути, по которому будетъ слѣдовать царскій экипажъ, такъ какъ земледѣльцамъ дорого время и для собственныхъ работъ. Между тѣмъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужики были высланы для приведенія въ порядокъ дорогъ. Одну изъ такихъ группъ и замѣтилъ Павелъ вдали. Подъѣхавъ къ крестьянамъ, государь милостиво вступилъ съ ними въ разговоръ и узналъ, что они высланы были своимъ бариномъ для поправленія пути на случай царскаго проѣзда. Въ виду того, что императоръ держалъ себя въ разговорѣ съ ними очень просто, ободренные крестьяне стали жаловаться ему и на другія притѣсненія, какія терпятъ отъ своего господина, и конечно наговорили не мало горькихъ истинъ въ этомъ смыслѣ; принадлежали же они помѣщику Храповицкому. Государь былъ такъ сильно взволнованъ бесѣдой съ мужиками, что сказалъ, обращаясь къ сопровождавшему его великому князю Александру Павловичу: „Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго *разстрѣлять*, и напишите, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ". Молодой Александръ оказался въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи вслѣдствіе подобнаго приказанія отца, и только находчивость графа Безбородка спасла Храповицкаго отъ неизбѣжной смерти [2]). Впрочемъ Павелъ I все-таки заставилъ послѣдняго заплатить 2.500 рублей штрафа [3]). По другимъ извѣстіямъ, государь приказалъ за производство ненужныхъ работъ крестьянами вычесть у губернатора и вице-губернатора г. Смоленска „за треть жалованье, на счетъ

[1]) Т. XXV, №№ 18352, 18529, 18706, 18814; т. XXVI, № 19558.

[2]) „Русскій Архивъ" 1868 г., стр. 1079—1080. Разсказы о старинѣ А. Хапенки.

[3]) Григоровичъ. „Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко". Т. II, стр. 380.

коего выдано тѣмъ обывателямъ изъ собственной моей казны тысяча рублей [1]). Современникъ Руничъ, характеризуя правленіе Павла Петровича, свидѣтельствуетъ съ своей стороны, что при немъ „вообще народъ не терпѣлъ притѣсненій" [2]).

Приведенные факты нисколько не теряютъ силы при сопоставленіи съ другими также несомнѣнными фактами, а именно, — что тотъ же императоръ щедро награждалъ казенными крестьянами всѣхъ, кто только имѣлъ случай ему угодить. Дѣло въ томъ, что Павелъ, по словамъ Саблукова, „полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами" [3]). Незадолго до вступленія на престолъ онъ прямо говорилъ: „По моему, лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ" [4]). Какъ ни ошибочна была такая точка зрѣнія сама по себѣ, все-же она показываетъ, что Павелъ Петровичъ руководился всегда неизмѣннымъ желаніемъ улучшить положеніе земледѣльческаго класса и облегчить участь крѣпостныхъ крестьянъ. Въ подобномъ стремленіи онъ горячо принялся за осуществленіе мыслей Радищева путемъ законодательства. До какой степени эта законодательная дѣятельность Павла I-го имѣетъ величайшую важность въ общей исторіи крѣпостного права, мы приведемъ слѣдующія слова профессора И. Д. Бѣляева, спеціально изучавшаго крестьянскій вопросъ:

„Болѣзнь крѣпостного состоянія, медленно развивавшаяся съ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, наконецъ, съ первой ревизіи быстро пошла впередъ. Первою ревизіею Петръ Великій за одинъ разъ поравнялъ крестьянъ, членовъ русскаго общества, съ полными холопами, составлявшими частную собственность своихъ господъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ Великій этою важною рѣшительною мѣрою не думалъ развивать рабство въ Россіи, а напротивъ того желалъ и бывшихъ уже рабовъ изъ безгласной частной собственности поднять въ финансовомъ отношеніи до значенія членовъ русскаго общества: онъ повелѣлъ занести въ ревизію въ одни списки и холоповъ, и крестьянъ, и обложилъ ихъ одинаковою подушною податью и рекрутскою повинностью и, такимъ образомъ, составилъ одинъ нераздѣльный классъ подат-

[1]) Шильдеръ. „Императоръ Павелъ Первый", стр. 352, сл. и примѣчанія.
[2]) „Русская Старина" 1901 г., февраль, стр. 343.
[3]) „Русск. Архивъ" 1869 г., стр. 1893.
[4]) „Русск. Архивъ" 1866 г., стр. 1309.

ныхъ членовъ русскаго общества. Но эта важная мѣра, въ основаніи своемъ способная впослѣдствіи излечить русское общество отъ болѣзни развивавшагося крѣпостного состоянія, породила совсѣмъ противоположный результатъ: именно, крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, обратила въ крѣпостныхъ людей владѣльцамъ, ибо, вмѣстѣ съ занесеніемъ полныхъ холоповъ и крестьянъ по первой ревизіи въ одинъ списокъ, самый платежъ подушной подати перенесенъ былъ на помѣщиковъ, такъ какъ съ полныхъ холоповъ, по закону не имѣвшихъ собственности, и взять было нечего. Вслѣдствіе этого по второй ревизіи, при Елизаветѣ Петровнѣ, положено было правиломъ, чтобы всѣхъ вольныхъ людей, не имѣвшихъ возможности записаться въ цехъ или гильдію, записывать за кого-либо въ крѣпость единственно изъ платежа подушной подати. Такимъ образомъ, крѣпостное состояніе развилось въ огромныхъ размѣрахъ, и не ограничивалось приписвою къ однимъ землевладѣльцамъ, а напротивъ, каждый дворянинъ, хотя бы вовсе не имѣлъ собственной земли, могъ имѣть крѣпостныхъ людей, только бы принималъ на себя платежъ за нихъ подушной подати. Впрочемъ и въ царствованіе Елизаветы Петровны крѣпостное состояніе было еще не въ полномъ развитіи, ибо владѣніе крѣпостными людьми и землею тогда еще условливалось службою владѣльцевъ государству, и владѣлецъ-дворянинъ, уклоняющійся отъ службы, терялъ право на владѣніе: его имѣніе отбиралось въ казну. Полное же развитіе крѣпостного права и совершенное обращеніе крестьянъ и вообще крѣпостныхъ людей въ безграничную, безгласную частную собственность послѣдовало при Петрѣ III-мъ и Екатеринѣ II-й, вслѣдствіе манифеста отъ 18-го февраля 1762 года и жалованной дворянству грамоты отъ 21-го апрѣля 1785 года, по которымъ дворяне освобождены отъ непремѣнной службы государству и съ тѣмъ вмѣстѣ получили подтвержденіе права пріобрѣтать недвижимыя населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей на правѣ полной собственности. Къ тому же нѣкоторыми указами Екатерининскаго времени крѣпостные люди поставлены были въ такую полную и безграничную зависимость отъ помѣщиковъ, что даже потеряли право приносить жалобы на владѣльческія притѣсненія: законъ какъ бы вовсе отступился отъ крѣпостныхъ людей и предоставилъ ихъ совершенному и безграничному произволу владѣльцевъ. Такимъ образомъ, болѣзнь русскаго общества, извѣстная подъ именемъ крѣпостного состоянія, начавшая развиваться съ конца XVI вѣка, достигла къ концу XVIII вѣка крайнихъ предѣловъ своего развитія, и *со времени императора Павла Пе-*

тровича начался переломъ болѣзни къ выздоровленію, переломъ со всѣми надеждами къ близкому и совершенному выздоровленію русскаго общества отъ этого отвратительнаго недуга" [1]).

Понятно при этомъ, какое высокое культурно-историческое значеніе пріобрѣтаетъ литературная дѣятельность Александра Николаевича Радищева: законодательныя распоряженія Павла I-го стремились осуществить въ жизни русскаго народа именно идеи „Путешествія изъ Петербурга въ Москву".

IV.

Съ вступленіемъ на престолъ Александра I судьба Радищева неожиданно измѣняется: изъ прежняго опальнаго ссыльнаго онъ обращается въ близкаго помощника государя по вопросу о новомъ законоположеніи и призывается къ участію въ дѣлахъ управленія. Въ первые же мѣсяцы новаго царствованія Радищевъ освобожденъ былъ отъ административнаго присмотра надъ нимъ и указомъ капитулу получилъ обратно орденъ Владиміра четвертой степени. Задавшись цѣлью пересмотрѣть русскіе законы предшествующихъ царствованій, Александръ Павловичъ назначилъ для того особую коммиссію, организовать которую поручено было графу Завадовскому, причемъ рекомендовалъ при выборѣ членовъ держаться того правила, „что не количество, *а качество людей* успѣхъ удостовѣряетъ" [2]). Но полагаясь на Завадовскаго въ выборѣ другихъ членовъ, молодой государь счелъ за необходимое непремѣнно привлечь къ участію въ этой работѣ, направленной къ установленію прочныхъ началъ для будущаго законоположенія, и А. Н. Радищева. Указъ сенату отъ 6 августа 1801 г. содержалъ слѣдующее распоряженіе: „Въ коммиссіи сочиненія законовъ всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ коллежскому совѣтнику Александру Радищеву съ жалованьемъ по тысячу пятисотъ рублей въ годъ" [3]). Подобный поступокъ императора ясно показываетъ, что ему были вполнѣ извѣстны духовныя „качества" Радищева и его взгляды. Извѣстно, какъ строго относился государь ко всѣмъ, на кого возлагалъ тѣ или другія порученія, и какъ внимательно старался изучить ихъ взгляды. Лучше всего это видно изъ письма его къ Ла-

[1]) Крестьяне на Руси. Москва, 1891, стр. 295—296.
[2]) Полное Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXVI, № 19904.
[3]) Сухомлиновъ, стр. 615.

гарпу о г. Капо д' Истрія. По словамъ Александра, это—„человѣкъ весьма достойный по своей честности, деликатности, по своимъ познаніямъ и либеральнымъ взглядамъ (homme très recommandable par sa probité, sa délicatesse, ses lumières et ses vues libérales). Онъ родомъ изъ Корфу, слѣдовательно республиканецъ, и *выборъ мой палъ на него именно потому, что я знаю его принципы* (et c'est la connaissance de ses principes qui me l'a fait choisir)" [1]). Очевидно такое же близкое знакомство съ идеями автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" побудило государя назначить въ коммиссію для составленія новаго законоположенія и Радищева. Вообще же говоря, Александръ Павловичъ всегда стремился привлечь къ участію въ дѣлахъ управленія литераторовъ съ тѣмъ, чтобы дать имъ средства самимъ осуществлять въ общественной жизни ихъ же взгляды. По свидѣтельству современника Вигеля, императоръ высоко цѣнилъ писателей и въ каждомъ изъ нихъ „видѣлъ искуснаго правителя, судью, котораго стоитъ поставить на истинный путь", такъ какъ отъ каждаго писателя, думалъ онъ, „болѣе чѣмъ отъ другихъ государство можетъ ожидать пользы" [2]). Вотъ почему Державинъ былъ при немъ министромъ юстиціи; впослѣдствіи на этотъ постъ назначенъ былъ другой русскій писатель—Ив. И. Дмитріевъ. Исторіографъ Карамзинъ, представленный Александру его сестрой—великой княгиней Екатериной Павловной,—получилъ отъ него приглашеніе занять постъ министра народнаго просвѣщенія, отъ чего однако знаменитый писатель отказался [3]). Бывшій редакторъ „Собесѣдника любителей россійскаго слова", другъ и товарищъ Радищева по лейпцигскому университету, заподозрѣнный въ участіи въ книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" и несомнѣнно раздѣлявшій взгляды ея автора, извѣстный писатель Осипъ Петровичъ Козодавлевъ былъ назначенъ императоромъ Александромъ Павловичемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ (въ 1810-мъ году). Зная его образъ мыслей, государь прежде всего возложилъ на него обязанность довести до конца задуманное имъ дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости [4]). Въ лицѣ новаго министра идеи Радищева, выраженныя имъ въ его литературныхъ произведеніяхъ, получили возможность фактическаго осуществленія. Императоръ вообще старался поощрять русскихъ писателей: онъ самъ, напримѣръ, въ

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. V, стр. 44.
[2]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть III, стр. 85.
[3]) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 53.
[4]) Сухомлиновъ. Исторія россійской академіи, т. VI, стр. 206—207.

личной бесѣдѣ совѣтовалъ Пнину исправить отдѣльныя мѣста въ его книгѣ: „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“, напечатанной въ 1804 г. Пнинъ былъ горячимъ поклонникомъ Радищева и рѣзко возставалъ въ своемъ „Опытѣ“ противъ крѣпостного права. Насколько энергически отрицалась здѣсь крѣпостная барщина, можно судить по тому, что цензура не дозволила второе изданіе этого сочиненія на слѣдующемъ основаніи: „Еслибы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе къ предполагаемой имъ цѣли, то-есть *къ истребленію рабства въ Россіи*, то приличнѣе бы было предложить оное проектомъ правительству“ [1]). Дѣло въ томъ, что указомъ 1801 года Александръ Павловичъ объявилъ, что правительство охотно наградитъ всякаго, кто предложитъ ему какой-либо полезный проектъ или изобрѣтеніе и открытіе въ области ремеслъ, промышленности, наукъ и искусствъ, и вообще представитъ полезный для государства проектъ [2]). Въ другомъ указѣ императоръ прямо объявилъ, что въ своемъ законодательствѣ онъ всегда считается съ требованіями общественнаго мнѣнія, выразителями котораго, конечно, прежде всего являлись наши писатели; государь говорилъ, напр., что дѣло законоположенія, поставленное на твердую почву, всегда составляло въ Россіи „предметъ размышленія наилучшихъ Государей и *цѣль желаній просвѣщеннѣйшей части подданныхъ*“ [3]).

2 апрѣля 1801 года, т.-е. черезъ три недѣли послѣ восшествія на престолъ, молодой государь издалъ манифестъ, въ которомъ говорилось: „Отягощеніе пошлинами произведеній земледѣлія унизило бы внутреннюю ихъ цѣну, и мнимый прибытокъ государственной казнѣ *обратился бы въ сущій налогъ на земледѣльца*: во отвращеніе сего повелѣли Мы сборъ пошлинъ оставить на прежнемъ его основаніи (какъ было до запрещенія внѣшней торговли), дабы избытки поселянъ поддержать въ надлежащей ихъ цѣнѣ и *чтобы земледѣлецъ за трудъ свой былъ достойно заплаченъ*“ [4]). Что поселянинъ за свой трудъ не получалъ должнаго вознагражденія, такъ какъ плодъ рукъ его не принадлежалъ всецѣло ему,—это, мы видѣли, смущало и Радищева.

Въ именномъ указѣ, отъ 16 іюля 1801 года, данномъ иркут-

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 433.
[2]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXVI, № 19965.
[3]) Тамъ же, т. XXVI, № 19904.
[4]) Тамъ же, т. XXVI, № 19812.

скому военному губернатору Леццано, предписывалось: „всѣ распоряженія, клонящіяся къ отягощенію и стѣсненію крестьянъ въ свободномъ развозѣ ихъ продуктовъ, немедленно уничтожить, и *силою закона оградить ихъ отъ всякихъ притѣсненій со стороны чиновниковъ, имѣющихъ напротивъ того непремѣнную обязанность доставлять имъ во всякихъ случаяхъ нужную помощь и защиту*" [1]).

Указомъ 12 декабря 1801 г. государь „предоставляетъ не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и *казеннымъ поселянамъ*, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, *равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою земли* отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу, и утверждать таковыя пріобрѣтенія за собою совершеніемъ купчихъ каждому отъ своего имени въ учрежденныхъ на то мѣстахъ законнымъ порядкомъ, *собственность* ихъ нерушимо ограждающимъ" [2]).

Какъ видимъ, правительство приступаетъ теперь къ практическому осуществленію втораго главнаго положенія въ проектѣ Радищева: разрѣшаетъ крестьянамъ пріобрѣтеніе недвижимой земельной собственности, хотя право это все еще не распространяется на крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ шагъ остается небольшой. Стремленіе государя утвердить окончательно за крестьянами право имѣть наслѣдственную собственность сказывается и въ указѣ 6 мая 1802 года: „23-ю статью жалованной 21 апрѣля 1785 года Дворянству грамоты, въ которой постановлено: „благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдается законному его наслѣднику или наслѣдникамъ"; *распространить и на состояніе* купеческое, мѣщанское и *земледѣльческое* во всей силѣ оной" [3]).

Забота правительства о крестьянахъ ясно выступаетъ и въ такихъ указахъ, какъ распоряженіе отъ 4 апрѣля 1802 года, гдѣ содержится приказаніе заключить маіора Орлова за безчеловѣчное обращеніе съ крѣпостными его крестьянами на десять лѣтъ для покаянія въ Санаксарскую пустынь, а имѣніе поручить Дворянской Опекѣ, чтобъ эта послѣдняя, „управляя имъ на основаніи правилъ, въ Учрежденіи о Губерніяхъ предписанныхъ, *стараясь наипаче поправить изнуренное состояніе крестьянъ*" [4]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXVI, № 19943.

[2]) Тамъ же, т. XXVI, № 20075.

[3]) Тамъ же, т. XXVII, № 20256.

[4]) Тамъ же, т. XXVII, № 20217.

Опасаясь сразу отмѣнить крѣпостное право, правительство стремилось достигнуть этого исподволь, и обратило главное вниманіе на окраины имперіи. Предписаніе коммиссіи для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ прямо имѣетъ цѣлью ограничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами [1]). Здѣсь уже несомнѣнно сказывается намѣреніе государя положить начало общему освобожденію крестьянъ отъ барщины. То же самое повторяется и въ „Положеніи для поселянъ Лифляндской губерніи" и въ „Инструкціи Ревизіоннымъ Коммиссіямъ, отъ 20 февраля 1804 года" [2]), гдѣ между прочимъ говорилось: императоръ Павелъ I-й „двумя Высочайшими указами, данными Лифляндскому Генералъ-Губернатору Нагелю повелѣть соизволилъ, строжайше запретить всякія требованія съ крестьянъ (со стороны тамошняго дворянства), несогласныя съ вакенбухомъ, подъ опасеніемъ отдачи имѣнія въ опеку, подтвердя притомъ Лифляндскому дворянству о постановленіи твердыхъ правилъ хозяйственнаго порядка"; такой же порядокъ вещей, только съ еще бóльшими выгодами для крестьянъ, водворяется и Александромъ. Въ силу этихъ принциповъ общая тенденція постановленій настоящей коммиссіи сводится къ тому, чтобы оградить крѣпостныхъ людей отъ всякаго произвола господъ и точно опредѣлить ихъ взаимныя обязательства.

Въ указѣ отъ 4 октября 1803 г. государь говоритъ: „До свѣдѣнія Нашего доходитъ, что крѣпостные люди за казенныя и частныя съ помѣщиковъ ихъ взысканія отдаются судебными мѣстами въ работу и получаемыя за то деньги обращаются въ удовлетвореніе долговъ, на помѣщикахъ состоящихъ. Таковыя опредѣленія судебныхъ мѣстъ находя *крайне несправедливыми*, повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать распоряженіе, чтобы ни за чью вину не наказывался другой" [3]).

Въ именномъ указѣ отъ 14 іюля 1808 г. содержится запрещеніе продавать крѣпостныхъ людей безъ земли и съ разлученіемъ отъ семействъ. Поводомъ для настоящаго распоряженія послужило дѣло, разсматривавшееся въ рязанской палатѣ уголовнаго суда, „о проданныхъ подпоручикомъ Гололобовымъ, по довѣренностямъ помѣщика Головина и жены его, на Урюпинской ярманкѣ крѣпостныхъ своихъ людяхъ *безъ земли и съ разлученіемъ нѣкоторыхъ отъ ихъ семействъ*" [4]). Здѣсь, такимъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Р. И., т. XXVII, № 20276.

[2]) Т. XXVIII, № 21162.

[3]) Т. XXVII, № 20966. Разъясненіе см. въ № 21012.

[4]) Т. XXX, № 23157.

образомъ, нашла для себя окончательное осуществленіе извѣстная мысль Радищева, который горячо возмущался именно такой безчеловѣчной продажей людей, когда отецъ разлучался съ дѣтьми, мужъ съ женой и т. д.

Мы могли бы привести множество указаній изъ правительственныхъ распоряженій Александра I для характеристики его законодательной дѣятельности по крѣпостному вопросу, но и представленныхъ достаточно, чтобы видѣть, какъ *постепенно* подготовлялъ государь полное уничтоженіе барщины, несомнѣнно руководствуясь въ общихъ мѣропріятіяхъ въ этой области тѣми соображеніями, какія были предложены Радищевымъ въ его проектѣ къ *постепенному* освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи. Павелъ Петровичъ сдѣлалъ уже первый шагъ къ тому, запретивъ обращать сельскихъ крестьянъ въ дворовыхъ людей, и приступилъ къ осуществленію второго положенія, когда разрѣшилъ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства пріобрѣтать земельную собственность. Александръ Павловичъ, подтверждая непродажу крѣпостныхъ людей безъ земли и запрещая тѣмъ самымъ самопроизвольный переводъ сельскихъ крестьянъ въ дворовые, главнымъ образомъ останавливается на вопросѣ о крестьянской собственности. Предоставленіе земледѣльцамъ права собственности было указано Радищевымъ, какъ второй актъ на пути къ освобожденію ихъ отъ крѣпостной барщины. Совершенно такъ же понималъ дѣло и послѣдователь Радищева—Пнинъ, книгу котораго провѣрялъ самъ императоръ Александръ I. Въ „Опытѣ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“ авторъ именно подчеркивалъ необходимость предоставить крестьянамъ право пріобрѣтать собственность, утверждаемую закономъ. „Собственность,—говорилъ Пнинъ,—священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. *Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи*: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ“ [1]). По мысли Пнина, такимъ образомъ, дарованіе земледѣльцу правъ на пріобрѣтеніе собственности есть несомнѣнный признакъ, что правительство стремилось освободить крестьянъ отъ крѣпостного рабства, такъ какъ одно безъ другого, по существу дѣла, немыслимо.

Положенное Павломъ I начало развито было Александромъ Павловичемъ. Послѣдній позволилъ пріобрѣтать землю въ соб-

---

[1]) Сухомлиновъ. Изсл. и статьи, т. I, стр. 431.

ственность не только крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства, но и крестьянамъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ, равно какъ и отпущеннымъ на свободу помѣщичьимъ людямъ. Мы видимъ здѣсь ту же строгую постепенность, какая была предложена Радищевымъ.

Но сами по себѣ законодательныя распоряженія императора Александра I еще не вполнѣ ясно выдаютъ содержащуюся въ нихъ руководящую мысль русскаго правительства, благодаря своеобразнымъ особенностямъ принятой въ то время оффиціальной терминологіи. Требуется извѣстное ознакомленіе и съ интимной, закулисной стороной этихъ указовъ, чтобы съ достаточной отчетливостью видѣть, насколько оказывались они орудіемъ проведенія въ общественную жизнь идей Радищева. Въ данномъ случаѣ особенную важность получаютъ протоколы засѣданій государственнаго совѣта. Дѣло въ томъ, что всякій оффиціальный указъ вносился въ то время предварительно на обсужденіе членовъ государственнаго совѣта и подвергался здѣсь всестороннему разсмотрѣнію, при чемъ нерѣдко сопровождался дебатами, особыми мнѣніями, докладными записками и т. д. Обзоръ подобныхъ „мнѣній“ съ подробной мотивировкой положеній pro и contra не только вводитъ насъ въ кругъ основныхъ понятій, какія имѣло тогда наше правительство по крестьянскому вопросу, но и убѣждаетъ весьма часто, что спорящія стороны, аргументируя свои мысли, воспроизводили лишь взгляды и доказательства нашихъ писателей по тѣмъ же вопросамъ. Дѣйствительно, обращаясь къ протоколамъ государственнаго совѣта, легко убѣдиться, что всѣ оффиціальные указы того времени, воспрещавшіе продажу людей „безъ земли“, имѣли въ виду единственно мысль Радищева, поставленную имъ во главѣ проекта о всеобщемъ освобожденіи земледѣльцевъ въ Россіи,—лишить помѣщиковъ права самопроизвольно отнимать крестьянъ отъ сохи и дѣлать ихъ дворовыми. По крайней мѣрѣ члены совѣта прямо заявляли, что, запрещая продажу крѣпостныхъ людей „безъ земли“, правительство стремилось добиться того, чтобы крестьяне, поступая послѣ продажи къ новому помѣщику, *дѣйствительно переселяемы были на землю для хлѣбопашества, а не были бы обращаемы въ дворовые люди*“ [1]).

Всматриваясь ближе въ „мнѣнія“ государственнаго совѣта по вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ, приходится вывести заключеніе, что наиболѣе обстоятельные и обоснованные доклады въ этомъ смыслѣ принадлежали графу А. Воронцову. Его пред-

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. III, часть I, стр. 772.

ложенія, какъ оказывается, въ большинствѣ случаевъ, принимались всѣми членами совѣта и, получивъ Высочайшее утвержденіе, появлялись потомъ въ видѣ оффиціальныхъ правительственныхъ указовъ. Это былъ тотъ самый графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, который такъ горячо принялъ къ сердцу бѣдственное положеніе Радищева, его друга и сослуживца въ коммерцъ-коллегіи, когда опальнаго автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" сослали въ Илимскій Острогъ [1]). Просвѣщенный графъ сообразовался въ своихъ докладахъ съ мнѣніями лучшихъ русскихъ писателей, и потому неудивительно, что мы встрѣчаемъ здѣсь и воспроизведеніе взглядовъ Александра Николаевича Радищева. Вотъ одно изъ его мнѣній:

„Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ прекращеніе продажи людей безъ земли не основано было на самыхъ человѣческихъ правилахъ, искореняя всѣ жестокости, которыя отъ сихъ продажъ нерѣдко происходили. Не менѣе не признать нельзя, что и съ просвѣщеніемъ, которое болѣе и болѣе умножилось въ послѣднемъ столѣтіи, несообразнымъ казаться могло, *что человѣкъ другого и по натурѣ ему равнаго, продавать могъ, такъ какъ лошадь или барана*. Сей обычай или право, конечно несходственный съ правомъ натуральнымъ, покрытъ вѣками, такъ какъ и другія злоупотребленія власти, до коихъ не всегда однакоже удобно и дотрогиваться. Зашевелить ихъ легко; но слѣдствія ихъ не всегда предвидимы, и часто, чтобъ неминуемыя отъ того движенія остановить, бываетъ не въ силахъ тѣхъ самыхъ, кои то начали, развѣ употребляя крайнія средства, отъ которыхъ сколько можно убѣгать должно.

„Въ прошломъ 1801 г., когда о непродажѣ людей безъ земли проектировано было въ Совѣтѣ, всѣ члены онаго, находя сію мѣру саму по себѣ на человѣческомъ благѣ основанною, остановились приступить къ оной (кромѣ одного) по уваженію неудобностей, кои отъ сего произойти могутъ, особливо при началѣ царствованія, какъ о томъ обстоятельно все описано въ протоколѣ 6 мая 1801 года.

„Возобновленіе сего вопроса показываетъ конечно удостовѣреніе, что теперь приспѣло уже то время, въ которое къ сей мѣрѣ приступить можно. И когда господа присутствующіе въ Совѣтѣ о сей истинѣ удостовѣрены, то и я съ своей стороны тѣмъ охотнѣе на оную соглашуся, что въ сердцѣ своемъ всегда

---

[1]) Якушкинъ. „Судъ надъ русскимъ писателемъ". „Русск. Старина" 1882 г., сентябрь, стр. 514 и слѣд.

имѣлъ я сіи правила, но не давалъ имъ полнаго движенія, единственно изъ опасенія неудобностей, кои легко отъ того произойти могли.

„Запрещеніе продавать людей безъ земли и дѣлать изъ нихъ торгъ, достойно, не менѣе и свойственно, великодушія нынѣ царствующаго Императора и кротости его правленія: но въ семъ случаѣ такъ бы уже всю сію мѣру установить, чтобъ на дѣлѣ упреждала она всѣ злоупотребленія, кои въ теченіе времени по сей части водворились, и которыя столь же вредны и несообразны съ правилами человѣчества, какъ и самая продажа людей.

„1) Чтобъ отмѣнить указъ о дозволеніи къ фабрикамъ и заводамъ покупать людей иначе, какъ развѣ съ землею, то есть деревнями.

„2) Чтобъ воспрещено было купцамъ подъ чужимъ именемъ покупать деревни, означа штрафъ или наказаніе, которому подвергаются тѣ, кои законъ сей преступятъ. *Да и вообще надобно бы учинить преграду, чтобъ купцы не входили въ права дворянскія посредствомъ чиновъ*, которыхъ они и желаютъ единственно для пріобрѣтенія права покупать деревни, а ими управлять по большей части они не умѣютъ, да и крестьяне, какъ то и примѣры есть, весьма огорчаются, когда они чрезъ продажу купцамъ достаются. Отъ податливости, съ какою купцы сіе право, посредствомъ всякихъ злоупотребленій, въ послѣднія двадцать лѣтъ получили, выходила еще и та неудобность, что *большіе капиталы изъ торговаго обращенія вышли, а города, въ коихъ сіи капиталисты находились, лишились лучшихъ и полезныхъ себѣ согражданъ. Дворянство, по моему мнѣнію, должно пріобрѣтаться не богатствомъ, а прямыми заслугами, оказанными отечеству.*

„3) Чтобъ *пресѣчь поносное средство продажи людей въ рекруты, употребляемое уже нѣсколько лѣтъ въ видѣ отпуска людей на волю, потомъ будутъ по собственному ихъ желанію приписанія къ казеннымъ деревнямъ, за которыя они тотчасъ и поступаютъ въ рекруты.* Условіе безчеловѣчнаго помѣщика, продающаго человѣка своего на дѣлѣ въ рекруты, подъ прикрытіемъ отпуска на волю, не можетъ сокрыто быть отъ присутственныхъ мѣстъ, помогающихъ въ семъ торгѣ людей. *Оный производится слѣдующимъ образомъ: помѣщикъ, условясь съ казеннымъ селеніемъ или частно съ кѣмъ изъ казенныхъ поселянъ, который за себя рекрута ставитъ, получа за него деньги, даетъ человѣку своему отпускную по формѣ, которая даже и въ руки мнимоосвобожденнаго не отдается, а отъ имени сего*

несчастнаго сочиняется просьба, что онъ къ такому-то казенному селенію приписаться желаетъ, по которой его и причисляютъ. Между тѣмъ и просьба уже отъ того селенія подается, что они принятаго ими въ общество отдаютъ за себя въ рекруты. Всѣ сіи обстоятельства скрыты отъ несчастной жертвы, корыстолюбію посвященной, и сей безотвѣтный тогда только свѣдаетъ о своемъ жребіи, когда ему формально лобъ выбрѣютъ. Излишне здѣсь распространяться, что сей зловредный промыселъ и существовать не могъ бы, еслибъ не находилъ помощи въ самыхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, кои по обязанности своей должны бы въ виду имѣть исполненіе законовъ, а не помогать частнымъ изворотамъ въ противность оныхъ. Для истребленія сего зла нужно узаконить, что всякій отпущенный на волю долженъ самъ лично свою отпускную въ присутственное мѣсто явить; потомъ, когда пожелаетъ къ казенному какому селенію приписаться, о семъ подать самъ письменно просьбу, послѣ чего и слѣдуетъ повелѣніе о причисленіи его къ оному, и въ теченіе перваго года, по его перечисленіи, въ рекруты не принимать, а развѣ на слѣдующій годъ, буде очередь за то самое селеніе, къ коему онъ приписался, въ отдачу назначенъ будетъ. Симъ средствомъ, кажется, упредится постыдный промыселъ рекрутской продажи, болѣе неудобной и болѣе содрагающей человѣчество, нежели самая продажа людей безъ земли.

„4) Какъ цѣлію всякаго благонамѣреннаго и кроткаго правленія должно быть, сколь можно, облегченіе человѣчества, и потому и сколько можно сближеніе онаго къ свободѣ и умноженіе числа людей, составляющихъ средній родъ, мѣщанами называемыхъ и вообще сказать tiers-état, достиженіе чего должно быть безъ переломовъ и крутостей, а при томъ и безъ нарушенія собственности и обычаевъ коренныхъ, кои предметы всегда должны входить въ уваженіе кроткаго и на правилахъ умѣренности дѣла свои основывающаго правленія: то къ поощренію размноженія сего рода людей надобно, чтобъ и отъ стороны правительства нѣкоторыя были сдѣланы пожертвованія. Въ каковомъ предположеніи считаю я неизмѣнимымъ постановленіе, чтобъ помѣщики, которые людей отпускаютъ на волю съ самаго того времени, какъ отпускная явлена, освобождены были отъ платежа подушныхъ и прочихъ податей и рекрутскихъ за человѣка ими отпущеннаго, котораго и слѣдуетъ уже выключить изъ ревизіи того селенія, въ коемъ онъ написанъ былъ за помѣщикомъ, не дожидаясь для сего общей ревизіи по государству. Казна тутъ на дѣлѣ мало потеряетъ, ибо сей отпущенный на свободу обя-

ванъ закономъ избрать родъ жизни и состояніе ему свойственное, то есть записаться въ купцы, мѣщане или казенные поселяне; слѣдовательно, по одному изъ сихъ состояній и будетъ платить подать...

„5) Продажу права на владѣніе крестьянъ для своза съ одной земли и поселенія на другую дозволить можно, но съ соблюденіемъ той осторожности, *чтобъ сіи крестьяне дѣйствительно переселены были на землю для хлѣбопашества, а не обращены въ дворовыхъ людей*; *ибо тогда была бы продажа людей безъ земли*. На сіе нужны будутъ удостовѣрительныя свидѣтельства земскихъ начальствъ, что сіи переселенцы дѣйствительно поселены на землю, для нихъ новымъ помѣщикомъ предуготовленную".

Подписано: „Г. А. Воронцовъ. Въ С.-Петербургѣ, марта 3-го дня 1802 года" [1]).

Мы воспроизвели здѣсь цѣликомъ мнѣніе гр. Воронцова именно потому, что оно является дѣйствительно характернымъ для опредѣленія тѣсной внутренней связи между литературными идеями нашихъ писателей съ одной стороны и правительственными законодательными актами—съ другой. Оказывается, что настоящій докладъ, представленный членамъ государственнаго совѣта, въ главныхъ частяхъ своихъ, цѣликомъ повторяетъ мысли кн. М. М. Щербатова и А. Н. Радищева. Въ самомъ дѣлѣ, въ статьѣ „Размышленія о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и въ офицеры" [2]) кн. Щербатовъ какъ-разъ и доказывалъ ту же самую мысль, которую мы находимъ въ мнѣніи гр. Воронцова, а именно: купцы не должны получать дворянскаго достоинства, такъ какъ дворянство дается лишь за оказанныя отечеству важныя заслуги; въ качествѣ доказательства Щербатовъ приводитъ, между прочимъ, и тотъ аргументъ, повторенный Воронцовымъ, что, благодаря выходу купцовъ въ дворяне, много крупныхъ капиталовъ выбываетъ изъ торговаго обращенія, и россійская торговля терпитъ отъ этого несомнѣнный ущербъ. Разсужденія Воронцова о томъ, какъ постыдно унижается „человѣчество", когда помѣщикъ продаетъ равнаго ему по натурѣ крѣпостного крестьянина „такъ какъ лошадь или барана", близко напоминаютъ мысли о томъ и кн. Щербатова, который также возмущался, что нѣкоторые помѣщики „равноестественныхъ намъ

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. III, ч. I, стр. 778—782.

[2]) Сочиненія князя М. М. Щербатова. Спб. 1896, т. I, стр. 619 и слѣд.

сравниваютъ съ скотами“ и „равно какъ скотину продаютъ ихъ другому“ [1]).

Еще очевиднѣе связь „мнѣнія“ гр. Александра Романовича Воронцова съ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. Обстоятельное описаніе злоупотребленій при отдачѣ крѣпостныхъ людей въ рекруты подъ видомъ отпущенія на волю со стороны помѣщика, который между тѣмъ въ дѣйствительности продаетъ ихъ казеннымъ крестьянамъ для поставки за нихъ въ рекруты, цѣликомъ воспроизводитъ слова Радищева о томъ же въ главѣ „Городня“. Мы знаемъ, что послѣдній разсказываетъ здѣсь о встрѣчѣ съ тремя крестьянами, закованными въ цѣпи; „они принадлежали одному помѣщику, которому занадобились деньги на новую карету, и для того *продалъ онъ ихъ для отдачи въ рекруты казеннымъ крестьянамъ*“ за тысячу рублей [2]). Къ какимъ средствамъ обращаются въ такихъ случаяхъ торгующіяся стороны и какъ улаживаютъ дѣла—все это крестьяне описываютъ Радищеву совершенно тѣми же чертами, какими изображается оно и въ мнѣніи гр. Воронцова. Что докладъ графа, касаясь даннаго вопроса, повторяетъ мысли „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, — видно и изъ того, что слогъ Воронцова въ этомъ случаѣ неожиданно принимаетъ оттѣнокъ напыщеннаго сентиментализма, какимъ отличается и рѣчь Радищева. Впрочемъ, подобное положеніе вещей нисколько неудивительно: въ то время, когда Воронцовъ представлялъ свой докладъ въ государственный совѣтъ (3 марта 1802 г.), Радищевъ изъ прежняго опальнаго писателя превратился уже въ ближайшаго сотрудника новаго императора, а идеи его по крѣпостному вопросу сдѣлались во всѣхъ отношеніяхъ модными и раздѣлялись самимъ правительствомъ; гр. Воронцовъ безъ всякой боязни могъ поэтому воспроизводить въ своихъ „мнѣніяхъ“ взгляды стараго друга.

Слова графа о томъ, чтобы крестьяне, перепродаваемые помѣщиками другъ другу, „переселены были на земли для хлѣбопашества, а *не обратно въ дворовыхъ людей*, ибо тогда была бы продажа людей безъ земли“, уже разсмотрѣны нами въ другомъ мѣстѣ, и связь ихъ съ проектомъ Радищева о постепенномъ освобожденіи земледѣльцевъ въ Россіи достаточно установлена.

Любопытно отмѣтить, что докладъ Воронцова былъ принятъ во всемъ объемѣ государственнымъ совѣтомъ; „всѣ члены Со-

[1]) Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. I, стр. 115—116. Предложеніе, поданное 15 окт. 1767 г. на голосъ депутата Елецкой провинціи.

[2]) „Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву“. London 1858, стр. 298.

вѣта съ мнѣніемъ симъ въ основаніяхъ его согласились", говорится въ протоколѣ отъ 3 марта 1802 г. [1]); только Завадовскій и гр. Румянцевъ внесли съ своей стороны нѣкоторыя разъясненія по вопросу о томъ, чтобы купцы не входили въ дворянское сословіе.

Взгляды гр. Воронцова, принятые совѣтомъ, утверждены были государемъ, и такимъ образомъ докладъ его, воспроизводившій сужденія кн. Щербатова и Радищева, получилъ верховную законодательную санкцію. Въ правительственныхъ указахъ удержано и мнѣніе его о купцахъ, которымъ графъ рекомендовалъ не давать права покупать крестьянъ, хотя бы эти купцы и вошли въ дворянское сословіе. Подобный взглядъ прочно установился потомъ въ правительственныхъ сферахъ, и разсматриваемое нами „мнѣніе" Воронцова, какъ оказывается, на весьма продолжительное время опредѣлило собой общее направленіе нашего законодательства. По крайней мѣрѣ, спустя семь лѣтъ, когда въ 1809 г. снова былъ поднятъ вопросъ о правилахъ, кои могутъ быть приняты въ основаніе къ положенію о крестьянахъ, покупаемыхъ купечествомъ, чины получившимъ,—государственный совѣтъ, въ засѣданіи 14 іюня, „по выслушаніи сего дѣла, соображалъ положеніе онаго съ изданными уже по сему предмету Высочайшими узаконеніями, какъ-то съ указомъ 1804 г. отъ 23 октября, въ коемъ сказано, чтобы *Всемилостивѣйше пожалованнымъ изъ купцовъ въ классные чины деревень не покупать и такого дворянства, какое въ табели о рангахъ изображено, не имѣть*" [2]).

Но идеи Радищева о крѣпостной барщинѣ оказывали глубокое воздѣйствіе на русскихъ людей и сами по себѣ: общество сознало теперь преступную беззаконность этого института и само пошло на встрѣчу правительственнымъ начинаніямъ. Въ результатѣ возникло массовое движеніе въ средѣ самихъ помѣщиковъ, отпускавшихъ добровольно своихъ крѣпостныхъ людей въ свободные хлѣбопашцы. Рядъ относящихся къ этому времени правительственныхъ указовъ уже устанавливаетъ точныя правила, которыя должны имѣть силу при освобожденіи крестьянъ *самими помѣщиками*. Ясно, что подобные случаи далеко не были единичными явленіями, разъ для того нужно было вырабатывать особыя правила.

Указъ отъ 20 февраля 1803 г. говоритъ объ отпущеніи по-

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 773.

[2]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 740.

мѣщиками крестьянъ своихъ на волю по заключеніи условій, на обоюдномъ согласіи основанныхъ [1]); на слѣдующій день были Высочайше утверждены и *правила*, постановленныя въ руководствѣ министру внутреннихъ дѣлъ при разсматриваніи условій между помѣщиками и крестьянами [2]). Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство: графъ Сергѣй Румянцевъ пожелалъ отпустить часть крестьянъ своихъ на волю и надѣлить ихъ при этомъ землею; государь одобряетъ такой великодушный поступокъ и даетъ рядъ предписаній, какъ вообще слѣдуетъ поступать, еслибы помѣщики стали такъ же отпускать крестьянъ на волю „по одиначкѣ или и *цѣлымъ селеніемъ*". Правительство стремится создать изъ этихъ поселянъ особый классъ—„свободныхъ хлѣбопашцевъ" [3]).

Указъ отъ 27 августа 1804 г., данный орловскому гражданскому губернатору, причисляетъ къ свободнымъ хлѣбопашцамъ крестьянъ, отданныхъ помѣщикомъ Протасовымъ въ пользу орловскаго приказа общественнаго призрѣнія [4]).

Именной указъ, отъ 22 ноября 1804 г., данный владимірскому гражданскому губернатору, содержитъ распоряженіе относительно крестьянъ, уволенныхъ въ свободные хлѣбопашцы помѣщицей Балакиревой [5]).

Указъ, отъ 25 ноября 1804 г., данный воронежскому гражданскому губернатору, содержитъ распоряженіе о крестьянахъ, уволенныхъ княземъ Куракинымъ [6]). 17 декабря 1806 г., государственный совѣтъ „уважилъ" прошеніе кн. А. Куракина о дарованіи вѣчной свободы крестьянамъ его въ числѣ 1.372-хъ душъ въ селѣ Надеждинѣ саратовской губерніи. По условію, эти вольные хлѣбопашцы должны были въ теченіе сорока лѣтъ взносить двадцать тысячъ рублей на богоугодныя заведенія, какія предполагалъ князь для своихъ крестьянъ; по истеченіи сорока лѣтъ, они обязывались вѣчно платить на тотъ же предметъ по три рубля съ души [7]).

Въ Высочайше утвержденномъ положеніи государственнаго совѣта, отъ 19 декабря 1804 г., говорилось: „Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ записку *по двумъ прошеніямъ*, на раз-

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXVII, № 20620.
[2]) Т. XXVII, № 20625.
[3]) Т. XXVII, № 20620, § 4 и слѣд.
[4]) Т. XXVIII, № 21434.
[5]) Полн. Собр. Зак., т. XXVIII, № 21525.
[6]) Т. XXVIII, № 21531.
[7]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 806.

смотрѣніе его вошедшимъ, въ коихъ помѣщики испрашиваютъ дозволенія крѣпостныхъ ихъ людей изъ родового ихъ имѣнія отпустить въ свободные хлѣбопашцы по смерти ихъ съ тѣмъ, чтобъ въ продолженіе ихъ жизни были они по прежнему имъ крѣпкими" [1]).

Вологодская помѣщица Аникіева отпустила своихъ крестьянъ на волю; но прежде чѣмъ дѣло было оформлено, она умерла. Это дало поводъ къ указу: „условія таковыя объ увольненіи крестьянъ въ свободные земледѣльцы, по волѣ ихъ помѣщиковъ на мѣстѣ заключенныя и положенными свидѣтельствами удостовѣренныя, за смертью тѣхъ владѣльцевъ, *не пресѣкать въ ихъ дѣйствіи*, но проводить къ дальнѣйшему исполненію установленнымъ порядкомъ" [2]).

27 февраля 1808 г. еще разъ утвержденъ точный порядокъ по дѣламъ крестьянъ, ищущихъ вольности [3]).

Указъ отъ 3 марта 1808 г. назначаетъ срокъ крестьянамъ херсонской губерніи на подачу просьбъ объ отысканіи свободы отъ помѣщиковъ [4]).

Слѣдуетъ отмѣтить и поступокъ малоярославскаго помѣщика, отставного маіора Львова, который внесъ въ калужскій приказъ общественнаго призрѣнія капиталъ, съ тѣмъ чтобы четыре процента съ него шли „на уплату подушной повинности и сбора на содержаніе уѣздныхъ земскихъ судовъ за крестьянъ его, въ селеніяхъ Дѣтчинѣ и Кульневѣ живущихъ" (Полн. Собр. Зак., т. 29, № 22056). Въ прошеніи обозначено 169 душъ крестьянъ (Арх. Госуд. Совѣта, т. III, ч. I, 798—99).

Завѣщаніе помѣщика Нагурскаго о крестьянахъ его въ литовской-виленской губерніи, отпущенныхъ имъ на волю, дало поводъ къ указу 14 декабря 1807 г. „о поступаніи *при увольненіи крестьянъ цѣлыми селеніями на волю*" (П. С. З. Р. И., т. XXIX, № 22714). Дѣло Нагурскаго разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ 9 сентября 1807 г.; завѣщаніе было составлено еще въ 1800 году, когда онъ „сдѣлалъ постановленіе объ увольненіи крестьянъ своихъ и дворовыхъ людей съ домами и движимымъ имѣніемъ вѣчно отъ крѣпости съ тѣмъ, чтобы они по жизнь его, оставаясь въ своихъ селеніяхъ, состояли у него въ совершенномъ послушаніи, а по смерти его были бы обязаны наслѣдникамъ его тѣмъ единственно, чего въ предупрежде-

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXVIII, № 21562.
[2]) Т. XXVIII, № 21933.
[3]) Т. XXX, № 22840.
[4]) Т. XXX, № 22862.

ніе безпорядка и непристойности требовать будутъ Высочайшіе указы" [1]).

По поводу недоразумѣній однодворки курской губерніи Шехавцевой, желавшей отпустить своихъ крѣпостныхъ людей на волю, послѣдовала отмѣна указа 25 января 1794 г. и было разрѣшено однодворцамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю [2]).

По поводу отпущенныхъ лично на волю безъ земли крестьянъ помѣщицы Бѣляевой въ вологодской губерніи и отпущенныхъ съ землей крестьянъ прапорщика Никулина въ воронежской губерніи, указъ отъ 9 ноября 1809 года разрѣшаетъ всѣмъ такимъ вольноотпущеннымъ записываться въ свободные хлѣбопашцы [3]).

Указъ отъ 22 сентября 1811 г. предписываетъ, чтобы люди, отпущенные на волю по изданіи манифеста о ревизіи, были показаны помѣщиками въ сказкахъ для освобожденія послѣднихъ отъ платежа подушныхъ податей [4]).

Указомъ отъ 30 іюня 1813 г. еще разъ были установлены правила для увольненія помѣщиками крѣпостныхъ ихъ людей, очевидно по той причинѣ, что подобное явленіе все больше и больше стало повторяться въ русскомъ обществѣ [5]).

Общее направленіе правительственныхъ распоряженій этого времени клонится явно къ тому, чтобы предоставить крѣпостнымъ крестьянамъ всѣ средства освобождаться изъ-подъ власти помѣщиковъ, а потому всѣ тяжбы такого рода обыкновенно оканчиваются теперь въ пользу крестьянъ. 1803 г. 9 марта государственный совѣтъ нашелъ возможнымъ, напр., причислить всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, зашедшихъ въ астраханскую губернію, къ разряду казенныхъ поселянъ [6]). По дѣлу помѣщицы Безобразовой съ малороссійскими ея крестьянами о крѣпостной зависимости въ 1803 г. „общее собраніе временныхъ департаментовъ, за исключеніемъ сенатора Саблукова, единогласно присудило имъ быть свободными" [7]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда притязанія крѣпостныхъ крестьянъ освободиться отъ помѣщичьей власти встрѣчали для себя нѣкоторое препятствіе въ законахъ, правительство готово было перекупить поселянъ и такимъ образомъ удовлетворить и крестьянъ, и ихъ владѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, по по-

---

[1]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 814.
[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXX, № 23656.
[3]) Т. XXX, № 23964.
[4]) Т. XXXI, № 24788.
[5]) Т. XXXII, № 25409.
[6]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 788.
[7]) Тамъ же, III, ч. I, стр. 788—789.

воду тяжбы отпущенныхъ помѣщицей Аникіевой крестьянъ съ ея наслѣдниками, желавшими удержать ихъ въ своей власти, когда вопросъ этотъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе членовъ государственнаго совѣта, графъ Румянцевъ, въ виду нѣкоторыхъ препятствій рѣшить дѣло въ пользу крестьянъ, предложилъ съ своей стороны, въ засѣданіи 14 августа 1805 года, такое мнѣніе: „Не благоугодно ли будетъ Государю Императору, прельстивъ наслѣдниковъ высокою цѣною, купить ихъ въ казну?" (Архивъ Гос. Сов., т. III, ч. I, стр. 796).

Приверженцы взглядовъ Радищева оказывались не въ одномъ только государственномъ совѣтѣ, но и въ правительствующемъ сенатѣ. Изъ числа членовъ сенатской корпораціи особенно энергичнымъ поборникомъ освобожденія земледѣльцевъ отъ крѣпостной барщины являлся Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. Недаромъ впослѣдствіи Александръ I, зная его убѣжденія, предоставилъ ему постъ министра внутреннихъ дѣлъ и поручилъ бсуществить проектъ объ освобожденіи крестьянъ. Неудивительно поэтому, что Козодавлевъ, защищая интересы поселянъ въ тяжбахъ ихъ съ помѣщиками, нерѣдко одинъ возставалъ противъ общаго рѣшенія сената. Такъ, когда возникло дѣло по жалобѣ старообрядцевъ, поселившихся на помѣщичьихъ земляхъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, Козодавлевъ высказался, въ противовѣсъ остальнымъ членамъ сената, въ томъ смыслѣ, что изъ этихъ земледѣльцевъ необходимо выдѣлить двѣ группы: одни поселились на земляхъ владѣльцевъ, заключивъ съ ними договоръ, другіе — безъ всякихъ условій; нельзя, поэтому, всѣхъ ихъ одинаково оставить во власти помѣщиковъ, какъ постановилъ сенатъ въ 1805 году; справедливость требуетъ, чтобы „поселившихся на условіяхъ, — писалъ Козодавлевъ, — причислить къ званію *свободныхъ хлѣбопашцевъ*, давъ имъ право жить на земляхъ помѣщичьихъ или казенныхъ, по договорамъ; а прочихъ..., яко добровольно вошедшихъ въ званіе крестьянъ", оставить крѣпкими ихъ владѣльцамъ, однако „опредѣливъ особенными правилами точныя ихъ обязанности къ помѣщикамъ на будущее время" [1]).

Какъ видимъ, мысль государя образовать въ Россіи новый классъ населенія — свободныхъ хлѣбопашцевъ — находила для себя сочувствіе и въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Всякія заявленія помѣщиковъ о желаніи ихъ отпустить своихъ крѣпостныхъ людей на волю, чтобъ они могли вступить въ сословіе

---

[1]) Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 798.

вольныхъ земледѣльцевъ, принимались здѣсь всегда охотно и видимо поощрялись. Послѣднее легко замѣтить, напримѣръ, въ томъ, какъ отнеслось правительство къ симбирской помѣщицѣ Куроѣдовой, отпустившей 264 души крѣпостныхъ своихъ крестьянъ въ селѣ Чижаровѣ [1], — къ графу Каховскому, уволившему ногайцевъ въ свободные земледѣльцы [2],—всего 328 душъ,— къ многочисленнымъ выходцамъ изъ-за границы въ Грузію по тяжбѣ ихъ съ помѣщиками о свободѣ отъ барщины [3),—къ помѣщицѣ Ивановой [4],—къ надворной совѣтницѣ Рубцовой [5] и т. д.

Послѣ представленныхъ нами фактовъ для всякаго очевидно, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ первую половину царствованія императора Александра Павловича подъ вліяніемъ освободительныхъ идей писателя Радищева вступилъ въ совершенно новый фазисъ развитія. Стремленіе избавить русское общество отъ этого зла не только сказывается, какъ рѣзко опредѣлившееся направленіе, въ законодательной дѣятельности правительства, но и принимаетъ теперь широкіе размѣры могучаго движенія въ средѣ самихъ помѣщиковъ. Легко представить, какое сильное впечатлѣніе производило все это на современниковъ, особенно въ связи съ другими проектами не менѣе важныхъ реформъ. „Со смертью Павла окончился вѣкъ Петра Великаго,—говоритъ очевидецъ событій—Д. П. Руничъ; съ воцареніемъ Александра началась новая эра. Вѣкъ, въ который мы живемъ, и будущій вѣкъ будутъ называться „вѣкомъ Александра". Совершившееся возрожденіе страны не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ. Она идетъ къ своей цѣли; нѣтъ возможности остановить ее. Для этого надобно было бы обладать сверхъестественною силою" [6]. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же современникъ высказываетъ взглядъ, что первая половина царствованія Александра Павловича „будетъ навѣки достопамятною, какъ эпоха созданія настоящаго положенія Россійской имперіи" въ XIX вѣкѣ. „Россія подвинулась на цѣлое столѣтіе къ политическому возрожденію" [7]. Насколько искренно и горячо желалъ Александръ I освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и до какой степени опасными казались его намѣренія нѣкоторой части помѣщиковъ, можно су-

[1]) Т. III, ч. I, стр. 800 и слѣд.
[2]) Т. III, ч. I, стр. 809.
[3]) Т. III, ч. I, стр. 824.
[4]) Т. III, ч. I, стр. 824.
[5]) Т. III, ч. I, стр. 832—834.
[6]) „Русская Старина" 1901, февраль, стр. 345.
[7]) Тамъ же, стр. 351.

дить по слѣдующему разсказу К. Мартенса: „Въ то время,— говоритъ онъ,—когда я возвратился въ Дерптъ, съ моимъ достойнымъ учителемъ и другомъ, профессоромъ Парротомъ случилась пренепріятная исторія. Во время пребыванія въ Дерптѣ императора Александра онъ произнесъ *публично* рѣчь и между прочимъ сказалъ въ ней слѣдующее:

— Ваше величество! Надежды великой имперіи, которой суждено имѣть рѣшающее вліяніе на судьбу всего человѣчества, находятся въ вашихъ рукахъ. Не забудьте при вашихъ великодушныхъ преобразованіяхъ призвать къ общественной жизни несчастный народъ, пользующійся донынѣ только призрачнымъ существованіемъ.

Императоръ выслушалъ эту рѣчь доброжелательно и отвѣчалъ съ добротою:

— Повѣрьте мнѣ, *я думаю объ этомъ, я работаю надъ этимъ и надѣюсь осуществить это дѣло.* Возложите надежды на будущее.

Мѣстное дворянство пришло въ величайшее негодованіе отъ этой рѣчи. Оно избрало коммиссію подъ предсѣдательствомъ нѣкоего маіора фонъ-Шернгельма, который подалъ на профессора Паррота въ сенатъ жалобу, обвиняя его въ возбужденіи народа и въ революціонныхъ тенденціяхъ. Но когда объ этомъ дѣлѣ дошло до свѣдѣнія императора, то оно было немедленно прекращено“ [1]).

Свидѣтельство Мартенса до извѣстной степени подтверждаетъ и Ф. Ф. Вигель, который разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что ему было трудно надѣяться найти покупателя для принадлежавшаго его семейству небольшого имѣнія въ Лифляндіи, такъ какъ мѣстные помѣщики были крайне встревожены распространившимися въ первую половину царствованія Александра слухами о предстоявшемъ освобожденіи изъ-подъ ихъ власти крестьянъ. Поводомъ къ подобнымъ ожиданіямъ очевидно послужили знаменитое „Положеніе для поселянъ Лифляндской губерніи“ и Инструкція Ревизіоннымъ Коммиссіямъ, отъ 20 февраля 1804 года“ [2]).

Не менѣе встревожили правительственныя начинанія императора Александра Павловича по крестьянскому вопросу и русское дворянство. „Богатые помѣщики,—говоритъ по этому поводу Руничъ въ своихъ „Запискахъ“,—имѣвшіе крѣпостныхъ,

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1902, январь, стр. 94: „Изъ записокъ стараго офицера“.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVIII, № 21162.

теряли голову при мысли, что конституція уничтожитъ крѣпостное право, и что дворянство должно будетъ уступить шагъ впередъ плебеямъ. Недовольство высшаго сословія было всеобщее" [1]). Бывшій сотрудникъ Новикова—Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ приходилъ въ это время въ полное отчаяніе при мысли, что скоро должно совершиться освобожденіе крестьянъ [2]). Державинъ прямо называетъ въ своихъ „Запискахъ" Александра I и его главныхъ сотрудниковъ по вопросу о крѣпостномъ правѣ якобинскою толпою революціонеровъ,—„якобинскою, смѣю сказать, шайкою". Даже сами члены государственнаго совѣта рекомендовали правительству осторожность въ выраженіяхъ о крѣпостной барщинѣ въ указахъ, въ виду крайней напряженности русскаго общества въ этомъ отношеніи: „Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ разными обстоятельствами столь усилилось въ умахъ, что малѣйшій поводъ и прикосновеніе къ сему предмету можетъ произвесть опасныя заблужденія", читаемъ мы въ протоколѣ 12 января 1803 года [3]). Въ высшемъ столичномъ обществѣ распространились дѣйствительно слухи, что императоръ уже выработалъ окончательно манифестъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ и готовится навсегда отмѣнить барщину [4]). Цензура не разрѣшила въ 1804 г. второе изданіе книги Пнина „Опытъ о просвѣщеніи", такъ какъ авторъ слишкомъ рѣзко отзывался здѣсь о рабской зависимости земледѣльцевъ отъ помѣщиковъ, „а разгорячать умы, — говорилъ цензурный комитетъ,—воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіею черную, губительную тучу" [5]). Находились лица, которыя брались опровергать мѣры правительства къ образованію сословія свободныхъ хлѣбопашцевъ, какъ пути къ полному уничтоженію крѣпостного права, и доказательствами отъ Писанія: „Все имѣетъ подобіе человѣка, который есть средство между Богомъ и природою; а земля есть мать, порождающая безчисленныхъ дѣтей, которая для хлѣба, существенной пищи, дающей больше крови, земля должна быть въ потѣ лица обработываема. Тако и сказано: въ потѣ лица снѣси или съѣдай хлѣбъ твой". То ее обработываютъ вездѣ невольники, т.-е. неволею или неохотою: ибо кто охотою возьметъ на себя работу трудную, по-

---

[1]) „Русская Старина" 1901 г., февр., стр. 355—356.
[2]) Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ", т. II, стр. 46.
[3]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 785.
[4]) Tourgueneff. „La Russie et les Russes", 1847, t I, p. 431—442.
[5]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 433.

товую; то если отнимется отъ нихъ принужденіе, чего давно желаютъ и стараются старообрядцы, хотя избавить своихъ, одинаково суевѣрящихъ, то *упадетъ хлѣбопашество*, которое есть корень государственнаго богатства. *Вольные хлѣбопашцы отъ мало даютъ и мало могутъ дать хлѣба сверхъ своего обихода, и бѣда будетъ отъ своевольства мнимой гражданской свободы* и при оголеніи войсками или войскъ изъ государства. Земскими судами государства не устроишь и не принудишь къ повинностямъ, кои всѣ больше тащатъ съ крестьянъ, яко пастыри, имъ же несутъ овцы своя, кои должны дѣлиться съ высшими себя" [1]).

Въ концѣ концовъ дѣло приняло дѣйствительно опасный оборотъ: ревнители старыхъ порядковъ задумали помѣшать осуществленію плановъ государя, погубивъ его сотрудниковъ. Современникъ расказываетъ, что въ Петербургѣ былъ составленъ заговоръ, во главѣ котораго стояла супруга Павла I, императрица Марія Ѳедоровна съ герцогиней Ольденбургской и въ которомъ участвовали графъ Армфельдъ, гр. Ростопчинъ и министръ полиціи Балашовъ, рѣшившіеся низвергнуть главныхъ виновниковъ предполагавшагося государственнаго переворота „Общій планъ заговора и мѣры, коими разсчитывали достигнуть цѣли, хранились въ глубочайшей тайнѣ. Ростопчинъ часто ѣздилъ въ Тверь къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая поддерживала его всѣмъ своимъ вліяніемъ, какое давала ей нѣжная привязанность, которую императоръ питалъ къ своей сестрѣ. Не только было рѣшено погубить во что бы то ни стало Сперанскаго, но также и сломить шею Магницкому, коего считали самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ" [2]).

Особенно много толковъ о новыхъ реформахъ ходило въ московскомъ обществѣ. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій писалъ по этому поводу государственному канцлеру, графу Александру Романовичу Воронцову: „Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе все это производитъ на здѣшнюю публику. Я вовсе не выѣзжаю, но тѣ немногіе, которые у меня бываютъ и которые часто вращаются въ обществѣ, увѣряютъ меня, что нѣсть конца сужденіямъ о будущихъ случайностяхъ и что съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидаютъ послѣдствій всѣхъ этихъ начинаній" [3]).

Какъ извѣстно, такого рода страхи и тревоги оказались въ значительной степени напрасными: послѣдующій ходъ политиче-

---

[1]) Васильчиковъ. „Сем. Раз.", т. II, стр. 511—512.

[2]) „Русская Старина" 1901, февр., стр. 356. Изъ записокъ Д. П. Рунича.

[3]) Архивъ князя Воронцова, книга XIV, стр. 392 и сл., 431, 436 и сл.

скихъ событій отвлекъ вниманіе императора Александра въ другую сторону, и проектъ о полномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не былъ осуществленъ,—при всемъ томъ возвратъ къ старому порядку вещей уже не могъ имѣть мѣста въ общественной жизни русскаго народа. Если находились противники уничтоженія барщины, то съ другой стороны въ средѣ лучшихъ людей той эпохи, особенно среди молодежи, взгляды и намѣренія государя пользовались горячимъ сочувствіемъ. Идеи Радищева, передаваясь изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, такъ какъ непосредственное знакомство съ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву" было не всѣмъ доступно,—все шире и глубже проникали въ сознаніе разныхъ слоевъ общества. Крѣпостной вопросъ, какъ бы то ни было, благодаря духу времени и оживленнымъ толкамъ о намѣреніяхъ правительства, сдѣлался теперь безспорно однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ и волновалъ все государство. Вниманіе всѣхъ невольно останавливалось на случаяхъ злоупотребленій помѣщиками своей властью, и то, что̀ прежде казалось естественнымъ и привычнымъ и обходилось равнодушно, теперь глубоко возмущало общество и представлялось неслыханной жестокостью. Всякія сочиненія, которыя хоть до нѣкоторой степени были написаны въ духѣ Радищева, идеи котораго, впрочемъ, они обыкновенно и воспроизводили, быстро раскупались и прочитывались съ живѣйшимъ интересомъ. „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи" Пнина въ томъ же 1804 году, въ которомъ впервые появился въ печати, уже готовился ко второму изданію за полной распродажей перваго. Книга Стройновскаго объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, переведенная съ польскаго Анастасевичемъ и снабженная составленнымъ имъ очеркомъ развитія крѣпостного права въ Россіи, пріобрѣла у насъ громкую популярность. П. И. Голенищевъ-Кутузовъ писалъ къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому 4-го сентября 1811 года: „Отъ достовѣрныхъ и добрыхъ людей я узналъ, что сію книгу превозноситъ хвалами г. Карамзинъ, а по вліянію его на публику, предполагая, что она отъ его толковъ будетъ болѣе и болѣе покупаема, поспѣшилъ я сообщить главнокомандующему" [1]. 21-го сентября того же года Голенищевъ-Кутузовъ уже сообщалъ, „что сія книга ходитъ по рукамъ, что *ее даже читаютъ лакеи*" [2].

Особенно благопріятную почву для себя нашли завѣтныя

---

[1]) Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ", т. II, стр. 348.

[2]) Тамъ же, стр. 357.

мечты Радищева послѣ 1812 года, когда русская молодежь побывала въ Европѣ и вернулась оттуда пропитанной духомъ свѣжихъ и новыхъ свободныхъ идей. При такихъ условіяхъ ужасы крѣпостной барщины должны были еще рѣзче и неотразимѣе бросаться въ глаза и вызывать противъ себя горячее и страстное отрицаніе. Напряженное состояніе русскаго общества въ это время и бродившіе въ немъ замыслы естественно вызвали къ существованію рядъ тайныхъ обществъ. Первыми членами ихъ большею частью были военные, участвовавшіе въ походахъ противъ Наполеона и въ теченіе освободительной войны успѣвшіе хорошо ознакомиться съ порядками западныхъ государствъ. Впрочемъ, мы имѣемъ возможность воспользоваться въ этомъ случаѣ свидѣтельствомъ современника, непосредственно знавшаго общее настроеніе русскаго общества и положеніе дѣлъ въ имперіи. Декабристъ Бѣляевъ, вспоминая пору своихъ раннихъ увлеченій, такими чертами рисуетъ господствовавшее возбужденіе умовъ въ Россіи по возвращеніи войскъ изъ Парижа: „Первые члены тайнаго общества были большею частью военные, прошедшіе побѣдоносно всю Европу до Парижа. Ознакомившись ближе съ ея цивилизаціей, понятно, что стремленіе учредителей было желать и для Россіи той образованности, той свободы, тѣхъ правъ, какими пользовались нѣкоторыя изъ европейскихъ націй и которыя были дарованы Польшѣ и обѣщаны Россіи. Такимъ образомъ, свободный образъ мыслей и *духъ преобразованій*, при помощи проникавшихъ запрещенныхъ сочиненій изъ-за границы, перенесся и въ Россію; а какъ прозелиты всегда отличаются ревностью, то и наши тайныя общества, сначала весьма умѣренныя и благонамѣренныя, какъ „Зеленая книга“ и „Союзъ благоденствія“, мало-по-малу стали ревностными поборниками революціи въ Россіи. Составлены были и конституціи: умѣренныя, монархическія и радикальныя республиканскія, такъ что въ періодъ времени съ 1820 г. до смерти Александра I *либерализмъ сталъ уже достояніемъ каждаго мало-мальски образованнаго человѣка.* Частныя колебанія самого правительства между мѣрами прогрессивными и реакціонными еще болѣе усиливали желаніе положить конецъ тогдашнему порядку вещей; много также нашему либерализму содѣйствовали и внѣшнія событія, какъ-то: движеніе карбонаріевъ, заключеніе Сильвіо Пелико Австріей и порабощеніе народовъ. Имя Меттерниха произносилось съ презрѣніемъ и ненавистью; революція въ Испаніи съ Ріего во главѣ, исторгнувшая прежнюю конституцію у Фердинанда, приводила въ восторгъ такихъ горячихъ энтузіастовъ,

какими были мы и другіе, безотчетно слѣдовавшіе за потокомъ. Въ это же время появилась комедія „Горе отъ ума“ и ходила по рукамъ въ рукописи; наизусть уже повторялись его ѣдкія насмѣшки; слова Чацкаго: „всѣ распроданы по одиночкѣ“ (т.-е. крѣпостные люди помѣщика) приводили въ ярость; это закрѣпощеніе крестьянъ, 25-лѣтній срокъ солдатской службы считались и были въ дѣйствительности безчеловѣчными. „Полярная Звѣзда“, поэмы Рылѣева: „Войнаровскій“ и „Наливайко“, Пушкина „Ода на свободу“—были знакомы каждому и сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ и единомысленныхъ кружкахъ. Разсказы о различныхъ жестокостяхъ исправниковъ, выбивавшихъ подушные сборы чуть не пытками, анекдоты о жестокостяхъ и безконтрольномъ деспотизмѣ Аракчеева; разсказывали также, какъ какой-то помѣщикъ по очереди насильственно лишалъ невинности всѣхъ своихъ подросшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Какъ жестоко нѣкоторые военные начальники и самовластные помѣщики наказывали тѣлесно, забивая иногда людей даже до смерти. Можно себѣ представить, какое потрясающее дѣйствіе производили всѣ эти разсказы, приводимые какъ факты, на умы и сердца!“ [1]).

Тайныя общества не ограничивались простымъ негодованіемъ по поводу злоупотребленій крѣпостной барщины, но стремились оказать и активное вліяніе на улучшеніе условій современной имъ жизни русскаго народа. Такъ, возникшее въ концѣ 1817 или въ началѣ 1818 г.г. общество подъ названіемъ „Союзъ Благоденствія“, исходя изъ той мысли, что „*правительство*, несмотря на свое могущественное вліяніе, *имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей*“, выработало подробную программу своей дѣятельности въ этомъ направленіи. Члены кружка обязывались всячески содѣйствовать: 1) „успѣхамъ частной и общественной благотворительности“; лица этой группы „имѣли надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, *увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ*, равно и о средствахъ исправленія“; 2) развитію въ странѣ образованности; 3) распространенію промышленности; 4) исправленію судебныхъ порядковъ; „члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того *наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнаю-*

---

1) Записки декабриста Бѣляева, стр. 154 и сл

щихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства" [1]).

Этотъ уставъ „Союза Благоденствія" въ главныхъ своихъ частяхъ почти буквально воспроизводитъ мысли Радищева. По сохранившимся извѣстіямъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" предлагалъ въ свое время правительству „учредить *тайное общество*, котораго члены были бы обязаны *слѣдить за отправленіемъ правосудія, стараться исправлять или предупреждать несправедливыя дѣйствія, и въ случаѣ надобности доводить о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства"* [2]). Послѣ этого въ высшей степени странными кажутся слова Пушкина: „Всѣ прочли книгу Радищева и забыли ее". Напротивъ, мы видимъ, что идеи автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", равно какъ и сужденія его по частнымъ вопросамъ глубоко усвоены были послѣдующими поколѣніями и долго и прочно держались въ ихъ сознаніи. Если даже и допустить, впрочемъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ люди двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX вѣка не сознавали, что ихъ убѣжденія по крѣпостному вопросу въ сущности восходили къ Радищеву, то историческое значеніе нашего писателя все-таки нисколько не теряетъ отъ того своей силы.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" вызвало въ русскомъ обществѣ большое вниманіе къ крѣпостному вопросу. Къ концу царствованія Александра I отрицательное отношеніе къ злоупотребленіямъ въ этой области, повидимому, стало проникать и въ низшіе слои населенія. По крайней мѣрѣ Ф. Ф. Вигель разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" слѣдующій любопытный случай: во время пребыванія его въ Кишиневѣ, въ 1824 году, тамъ были пойманы и посажены въ тюрьму три разбойника; когда Вигель пришелъ посмотрѣть на нихъ, одинъ изъ этихъ злодѣевъ, по фамиліи Богаченко, тотчасъ пустился доказывать ему „права разбойниковъ вооруженной рукой собирать дань съ господъ, которые безо всякаго труда и опасности грабятъ своихъ крестьянъ" [3]).

Въ заключеніе, мы должны остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ: высшая правительственная власть, въ свое время осудившая имя Радищева въ оффиціальномъ указѣ, впослѣд-

---

[1]) „Русская Старина", 1901, августъ, стр. 272—274. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи.

[2]) Библіографическія Записки, т. II, стр. 541—542.

[3]) „Воспоминанія", часть VI, стр. 133 — 134. Также „Русскій Архивъ", 1892, кн. 3, стр. 165.

ствіи сама же и возстановила его честь предъ русскимъ обществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Екатерина II, въ окончательномъ приговорѣ по поводу слѣдствія о „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ нашла книгу эту наполненною „неистовыми израженіями противу сана и власти царской“, стремившеюся разрушить государственный порядокъ, подорвать авторитетъ верховныхъ властей и начальниковъ и поселить въ народѣ стремленіе къ явному бунту [1]), за что и признала автора заслуживающимъ смертной казни. Между тѣмъ императоръ Александръ Павловичъ опровергнулъ слова своей бабки въ указѣ отъ 23-го сентября 1801 года, данномъ коммиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. „Неоднократно до свѣдѣнія моего доходило,—говоритъ молодой монархъ,—что люди, коихъ вины важны были *только по обстоятельствамъ политическимъ, и не предполагали впрочемъ ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государственнаго порядка*, осуждены и сосланы были какъ преступники на вѣчное заточеніе“,— а потому приказываетъ навести тщательныя справки о такихъ лицахъ, разыскать ихъ и освободить изъ заключенія. „Было время,—говорится здѣсь далѣе,—когда сообразуясь нравамъ и общенароднымъ понятіямъ, правительство полагало себя въ необходимости, раздѣляя преступленія и наказанія на роды ихъ, назначать степени важности ихъ не по существу вреда, отъ нихъ проистекающаго, но по уваженію лицъ, къ коимъ они относились. Такимъ образомъ, *оскорбительныя Величеству слова* признаны были въ числѣ первыхъ злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленія показали, что мнимое сіе злодѣяніе не что другое суть въ естествѣ своемъ, какъ сущій припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть и величество Государей, бывъ основаны на общемъ законѣ, не можетъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Сколь ни естественно сіе разсужденіе, но встрѣтилось оно весьма поздо разуму законодателей, и тогда уже, какъ тысящи жертвъ принесены были противному предразсудку. Сіи то жертвы Я желалъ бы открыть и облегчить ихъ участь“ [2]).

М. Тумановъ.

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 16901.
[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVI, № 20012.

ПОБѢГИ

На осеннихъ вѣткахъ—молодой побѣгъ...
Не сегодня—завтра все покроетъ снѣгъ,
И зачатки жизни, мглой окружены,
Въ холодѣ заглохнутъ до другой весны.

Зародилась пѣсня вольная въ груди...
Что̀-то ожидаетъ пѣсню впереди?
Сдавленная горемъ и нуждой—замретъ,
Или ввысь направитъ гордый свой полетъ?

Убѣгаетъ время... На дворѣ весна.
Новые побѣги вызвала она,
А отъ тѣхъ, что̀ осень принесла съ собой,
Даже слѣдъ затерянъ въ зелени густой.

Много новыхъ пѣсенъ намъ весна дала...
Гдѣ же та, что̀ въ сердцѣ осенью жила?
Сдавленная горемъ, одиноко спитъ,
Или ввысь умчалась, гдѣ орлиный скитъ?..

В. Умановъ-Каплуновскій.

„СОЮЗЪ ДУШЪ“

„Souls“. A Comedy of intentions. By „Rita“.

X *).

Зара Эбергардъ была настолько поглощена своимъ искусствомъ, что ничто больше не интересовало ее. Она каждый день брала урокъ и дома пѣла сама цѣлыми часами. Иногда она рано утромъ ходила гулять въ паркъ въ сопровожденіи камеристки м-ссъ Вандердекенъ и знаменитаго Эльдорадо. Все остальное время она проводила за работой или за чтеніемъ.

Она теперь въ совершенствѣ исполняла композицію лорда Крисса, и онъ выразилъ желаніе аккомпанировать ей въ концертѣ, утверждая, что наемный аккомпаніаторъ никогда не сможетъ передать вполнѣ нѣжность и изысканность его музыки.

Когда наконецъ насталъ вечеръ концерта, Зара оказалась наиболѣе спокойной изъ всего „cercle intime“, интересовавшагося ея дебютомъ; лэди Бодезаръ волновалась и хлопотала больше всѣхъ. Она отвела особую комнату для артистовъ, обставивъ ее съ величайшимъ комфортомъ; одному изъ лакеевъ приказано было приносить отъ времени до времени піанисту кувшины съ горячей водой, въ которую онъ опускалъ руки, для того чтобы придать пальцамъ бо̀льшую гибкость и бѣглость.

За этимъ занятіемъ засталъ его лордъ Криссъ, зайдя въ артистическую, чтобы поговорить съ Зарой до ея выхода на эстраду. Она уже пріѣхала, но прошла въ уборную оправить свой туа-

*] См. выше: янв., стр. 254-

летъ, и лордъ Криссъ увидѣлъ только аккомпаніатора, молодого нѣмца, съ интеллигентнымъ лицомъ; онъ складывалъ ноты въ порядкѣ, обозначенномъ на программѣ. Лордъ Криссъ поспѣшно взялъ у него свой манускриптъ и отложилъ его въ сторону. Тогда только онъ замѣтилъ Позеревича, который опускалъ то одну, то другую узкую, длинную руку въ кувшинъ съ горячей водой.

— Что̀ у васъ приключилось съ руками?—спросилъ онъ.

— Ничего не приключилось,—томно проговорилъ артистъ.— Я всегда отогрѣваю передъ игрой руки въ горячей водѣ, чтобы придать гибкость пальцамъ. Это очень рекомендуетъ великій Маккарони—вы вѣроятно слышали о немъ? Онъ—изобрѣтатель ручной гимнастики, превращающей самыхъ обыкновенныхъ піанистовъ въ замѣчательныхъ виртуозовъ. Я прошелъ у него полный курсъ обученія. Гимнастика пальцевъ замѣняетъ долгіе часы упражненій на роялѣ, и сила, выразительность игры, также какъ и мягкость тушѐ, достигается помимо занятій музыкой. Когда рука выработана при помощи гимнастики, ею уже легко выразить всѣ свои намѣренія и настроенія.

— Это очень интересно,—сказалъ лордъ Криссъ.—А вы уже часто выступали?

— Нѣтъ, я сегодня выступаю въ Лондонѣ въ первый разъ. Лэди Бодезаръ—моя покровительница. Она столь добра, что вѣритъ въ мой талантъ, и надѣется, что другіе тоже одобрятъ мою игру.

— Ахъ, такъ это она пригласила васъ играть сегодня! Я еще не видѣлъ программы. Что̀ вы играете?

— Этюдъ Мошковскаго и сонату Шопена—съ траурнымъ маршемъ. Я хочу привести всю эту свѣтскую публику въ торжественное настроеніе, заставить ее задуматься о концѣ, о ночи, наступающей послѣ краткаго дня.

Лордъ Криссъ съ изумленіемъ взглянулъ на піаниста и засмѣялся.

— Я не думалъ, что вы такъ честолюбивы,—сказалъ онъ.— Вы, вѣроятно, очень молоды?

— Да, я молодъ годами,—сказалъ со вздохомъ юный геній. —Но я уже глубоко проникъ въ чары искусства и призналъ его несказанныя тайны.

Лордъ Криссъ снова пристально взглянулъ на невозмутимо спокойное лицо піаниста. Слушая, какъ онъ говоритъ съ нимъ на его собственномъ жаргонѣ, онъ не могъ рѣшить, дурачитъ ли его этотъ юноша, или же онъ знаетъ кое-что помимо гимнастики, изобрѣтенной Маккарони. Но дальнѣйшій разговоръ былъ

прервалъ появленіемъ Зары. Всѣ трое присутствующихъ мужчинъ не могли скрыть своего восторга при видѣ ея.

Она была одѣта вся въ бѣлое, въ прозрачную, тонкую какъ паутина, бѣлую ткань, съ открытыми плечами и руками—и эта снѣжная бѣлизна казалась еще болѣе ослѣпительной, оттѣненная блескомъ черныхъ волосъ и яркостью алыхъ губъ.

Зара разсѣянно поздоровалась съ лордомъ Криссомъ.

— Ваша пѣсня не въ первомъ отдѣленіи,—сказала она.— Я думала, что увижу васъ въ публикѣ.

— Я пришелъ пожелать вамъ успѣха, но его и желать нечего. Вамъ достаточно появиться, чтобы всѣхъ покорить. Тротти была совершенно права. Кстати, я вамъ прислалъ цвѣты. Развѣ вы не хотите держать ихъ въ рукахъ на эстрадѣ?

— Они мнѣ собственно будутъ мѣшать. Впрочемъ, если хотите, я возьму ихъ. Скажите моей дѣвушкѣ, чтобы она принесла цвѣты изъ уборной.

Лордъ Криссъ пошелъ за дѣвушкой, которая оказалась самой мадемуазель Флавенъ. Зара взяла изъ ея рукъ цвѣты нѣжнаго бѣлаго цвѣта, такого, какъ ея платье, и внимательно осмотрѣла себя въ зеркалѣ, противъ котораго стояла. Аккомпаніаторъ сказалъ, что пора начинать, и она вышла изъ комнаты съ спокойнымъ самообладаніемъ опытной артистки, не знающей волненія.

Лордъ Криссъ послѣдовалъ за ней и сталъ у входной двери, откуда ему видно было прекрасное лицо и изящная фигура молодой пѣвицы. По залѣ пронесся сдержанный шопотъ, и глаза всей собравшейся публики устремились на свою новую жертву.

Но Зара никого не видѣла. Она смотрѣла на цвѣты, которые держала въ рукахъ, и ждала конца интродукціи. Программы зашелестѣли въ рукахъ публики, удивленной страннымъ распредѣленіемъ нумеровъ пѣнія. Первое отдѣленіе носило общее названіе „Пѣсни невинности", второе—„Пѣсни страсти". Въ концѣ программы была приписка о томъ, что между первымъ и вторымъ отдѣленіемъ Herr Оскаръ Позеревичъ исполнитъ на роялѣ два нумера, названіе которыхъ будетъ своевременно объявлено.

Зара начала съ мечтательной странной мелодіи, съ пѣсни дѣвушки, стоящей на порогѣ жизни съ чувствомъ радостнаго ожиданія и вмѣстѣ съ тѣмъ страха. Ея ясный, невыразимо грустный голосъ зачаровалъ сразу всѣхъ слушателей. Они внимали, затаивъ дыханіе, чувствуя, что эта обаятельная дѣвушка не имѣетъ ничего общаго съ обычными концертными пѣвицами. Красота ея поражала сама по себѣ, но, соединенная съ такимъ чарующимъ голосомъ, она вызывала безумный восторгъ.

М-ссъ Вандердекенъ была права. Зара была очень талантлива, очень красива, но главнымъ образомъ она привлекала своей новизной. У нея не было никакихъ пріѣвшихся профессіональныхъ пріемовъ, ничего напускного. Она была вполнѣ сама собой, и пѣніе ея было выраженіемъ ея существа. Она казалась такой же чистой, какъ та дѣвушка, о чувствахъ которой она пѣла.

Зара училась раскланиваться съ публикой, но она была такъ поражена бурей громкихъ восторговъ, раздавшихся послѣ окончанія перваго нумера, что стояла ошеломленная, вся дрожа и не двигаясь съ мѣста. Ея большіе глаза устремлены были на взволнованныя лица, и лицо ея ярко вспыхнуло. Потомъ, нѣсколько оправившись, она низко и граціозно поклонилась. Когда глаза ея снова поднялись на публику, они остановились на одномъ лицѣ, выражавшемъ пламенный восторгъ. Она смутно почувствовала свою власть надъ этими темно-синими, блестящими глазами, и улыбнулась радостной дѣтской улыбкой.

Аккомпаніаторъ сталъ играть интродукцію ко второму нумеру, и Зара снова забыла о всемъ на свѣтѣ, кромѣ музыки. Восторгъ публики возросталъ. Въ концѣ каждаго нумера, при каждомъ взрывѣ апплодисментовъ, глаза дѣвушки искали того привѣтнаго взгляда, который доставлялъ ей больше радости, чѣмъ апплодисменты всѣхъ остальныхъ слушателей. Послѣдній нумеръ ей пришлось повторить, прежде чѣмъ она смогла оставить эстраду. Тогда буря рукоплесканій смѣнилась шумными обсужденіями ея пѣнія, и можно было опасаться, что нервы публики слишкомъ утомлены, чтобы отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ игрѣ піаниста.

Лэди Бодезаръ была внѣ себя. Она сердилась на Тротти за то, что ея protégée оказалась дѣйствительно совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она не ожидала, что талантъ Зары равняется ея красотѣ. Достаточно было бы быть или красивой, или талантливой, чтобы имѣть успѣхъ. Но соединеніе того и другого...

Бѣдный Оскаръ Позеревичъ дѣлалъ все, что̀ могъ, чтобъ доказать блескъ своей техники и своего музыкальнаго пониманія, но публикѣ начинали надоѣдать піанисты, а похоронный маршъ Шопена, заигранный военными оркестрами и церковными органами, смертельно наскучилъ всѣмъ. Лилейныя руки и томныя позы новаго піаниста не возбудили никакого интереса, и Адель Бодезаръ была взбѣшена неуспѣхомъ открытаго ею генія. Она слишкомъ поздно поняла, что два свѣтила рѣдко могутъ сіять

одинаковымъ блескомъ въ одной и той же орбитѣ, и что Оскару не слѣдовало выступать въ этотъ вечеръ. Самъ Оскаръ былъ такъ возмущенъ равнодушіемъ публики, что ушелъ съ эстрады, не сыгравъ послѣдней части сонаты, и скучающая публика стала съ усиленнымъ нетерпѣніемъ ждать вторичнаго появленія пѣвицы.

Зара стояла въ артистической, когда туда вошелъ піанистъ, и, увидѣвъ ее, онъ разразился весьма плебейскою руганью, забывъ о своемъ артистическомъ достоинствѣ. Къ счастью, Зара не поняла и половины того, чтò онъ говорилъ; для нея было ясно только то, что онъ очень сердитъ.

— Мнѣ очень жаль, что васъ не оцѣнили,—сказала она, глядя на его пылающее лицо и дрожащія губы,—но чѣмъ же я виновата?

Эжени, оправлявшая складки ея краснаго платья, сочла себя въ правѣ вмѣшаться въ разговоръ.

— Конечно, вы ничѣмъ не виноваты, и стыдно такъ нападать на молодую лэди!—воскликнула она.—Чѣмъ она виновата, что она красива и умѣетъ пѣть, и что у людей есть глаза и уши? И на что вы собственно надѣялись? Вы думали, что, назвавъ себя иностраннымъ именемъ и принимая томныя позы, вы обманете людей. Развѣ я не знаю, что вашъ отецъ играетъ на тромбонѣ въ Камбервелѣ, а мать пѣла въ кафе-шантанѣ, пока не потеряла голосъ отъ водки и не сдѣлалась прачкой?

Лицо Позеревича краснѣло и блѣднѣло при словахъ дерзкой камеристки.

— Какъ вы смѣете говорить такія гнусности!—крикнулъ онъ.

— Все это—совершенная правда, и вы это знаете лучше, чѣмъ кто бы то ни было,—отвѣтила Эжени.—Развѣ я обязана молчать? — Есть газеты, которыя дорого бы заплатили за эти свѣдѣнія.

— Молчите!—Зачѣмъ вамъ губить меня?—прошепталъ онъ глухимъ голосомъ.

Эжени засмѣялась.

— Я вовсе не говорю, что воспользуюсь тѣмъ, чтò знаю про васъ. А вы попридержите свой языкъ и не грубите. Неужели вы полагали, что красота и талантъ молодой лэди померкнутъ отъ вашего жалкаго фейерверка? Ваша дерзость подѣломъ наказана! Вамъ пора выходить, mardemerselle. Публика уже волнуется. Позвольте, я понесу вашъ шлейфъ.

Она приподняла осторожно край нѣжной ткани и проводила Зару до самой эстрады. Бѣдный Оскаръ Джонсъ опустился въ

изнеможеніи на кресло, и съ яростью поднесъ руки къ ушамъ, чтобы не слышать восторженныхъ рукоплесканій, которыми была встрѣчена его соперница.

Сенсація, произведенная вторичнымъ появленіемъ Зары, превзошла даже ожиданія м-ссъ Вандердекенъ. Никогда еще концертныя пѣвицы не мѣняли туалета для второго отдѣленія программы, и этотъ сюрпризъ произвелъ сильное впечатлѣніе на пресыщенный вкусъ свѣтской публики. Сіяющее бѣлое видѣніе, олицетворявшее невинность, преобразилось теперь въ пурпурное воплощеніе страсти. Зрители съ трудомъ могли объединить эти два воплощенія—бѣлую лилію съ огненнымъ макомъ.

Съ перемѣной одежды перемѣнилась какъ будто и душа пѣвицы. Задорная страстность ея цыганской пѣсни, исполненной съ высоко поднятой головой и закинутыми за спину руками, наэлектризовала слушателей. Пѣснь прозвучала страстнымъ крикомъ плѣненной души, разбивающей преграды, чтобы вырваться на свободу. Какимъ чудомъ молодая дѣвушка могла съ такой страстью передать эту дикую пѣсню свободной любви и отчаянія, вызваннаго измѣной?

Но Зара напрасно искала сочувственнаго выраженія въ глазахъ единственнаго слушателя, который интересовалъ ее. Лицо его оставалось холоднымъ, безучастнымъ. Одежда и измѣнившійся общій характеръ пѣнія Зары во второмъ отдѣленіи не нравились ему, даже возмущали его, несмотря на дикую красоту пѣвицы. Онъ оставался въ залѣ только подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго ему самому гипноза. Ему хотѣлось уйти, но въ то же время хотѣлось слушать Зару, хотя съ каждымъ новымъ нумеромъ ему все болѣе не нравился выборъ пѣсенъ, также какъ ея страстная, почти дикая манера исполненія, ея пламенная одежда, ея возбужденные жесты. Но остальные слушатели были въ безумномъ восторгѣ; они никогда не слышали подобнаго пѣнія. Пѣсня „Душа и мотылекъ" имѣла огромный успѣхъ, и Зарѣ пришлось биссировать ее. Лордъ Криссъ аккомпанировалъ ей съ обычной бравурностью. Когда онъ сталъ рядомъ съ пѣвицей и поклонился шумно аплодировавшей публикѣ, Жоржъ Морфи, сидѣвшій рядомъ съ м-ссъ Бради, встрѣтился глазами съ Зарой,—взоръ его былъ холоденъ и строгъ. Онъ вдругъ понялъ, что успѣхъ достигается иногда слишкомъ дорогою цѣной.

XI.

Лэди Бодезаръ пригласила нѣсколькихъ близкихъ друзей остаться къ ужину, чтобы познакомиться съ героиней вечера. М-ссъ Бради и Жоржъ были въ числѣ приглашенныхъ, но когда общество размѣстилось вокругъ маленькихъ столиковъ въ столовой, то молодого адвоката не оказалось среди гостей. Напрасно ища его глазами, Адель окликнула м-ссъ Бради, сидѣвшую за однимъ изъ столиковъ, по близости отъ хозяйки.

— Гдѣ же Жоржъ?—спросила она.

М-ссъ Бради съ безпокойствомъ оглянулась вокругъ себя.

— Право не знаю,—сказала она.—Онъ жаловался на головную боль. Вѣроятно ему сдѣлалось хуже, и онъ уѣхалъ.

— Какъ это нелюбезно съ его стороны!—сказала Адель и снова занялась огорченнымъ Оскаромъ, стараясь убѣдить его, что устрицы и шампанское—лучшее лекарство противъ равнодушія публики. Но у бѣднаго Оскара совсѣмъ пропалъ аппетитъ послѣ стычки съ Эжени. Онъ никакъ не могъ понять, откуда хитрая камеристка почерпнула свои свѣдѣнія о немъ, и боялся, что она воспользуется ими. Что̀ если лэди Бодезаръ или кто-нибудь изъ ея друзей узнаютъ о томъ, кто его родители? Могъ ли даже величайшій геній надѣяться быть признаннымъ, если станетъ извѣстнымъ, что его мать—прачка?

Отъ времени до времени онъ пристально глядѣлъ на Зару, за которой усиленно ухаживалъ лордъ Криссъ.

— Я полагаю,—сказалъ Оскаръ, обращаясь къ хозяйкѣ,—что она теперь сдѣлается профессіональной пѣвицей.

— Тротти сказала, что до лѣта она во всякомъ случаѣ больше не выступитъ.

Оскаръ облегченно вздохнулъ. У свѣтской публики память очень коротка. Кто не воспользовался сейчасъ же своимъ успѣхомъ,—долженъ потомъ создавать его вновь; его же концертъ въ St. James's Hall назначенъ былъ въ началѣ января.

— По вашему она очень талантлива?—спросилъ онъ лэди Бодезаръ.

Адель нервно пожала плечами.—Она оригинальна, это самое главное,—отвѣтила она.—И кромѣ того до сихъ поръ пѣвицы не появлялись въ одинъ и тотъ же вечеръ въ разныхъ туалетахъ. Тротти дѣйствительно очень умна. Она всегда умѣетъ выдумать что-нибудь новое, а жизнь такъ полна повтореній, что всякая новизна производитъ сенсацію.

— Неужели же всѣ пришли въ восторгъ только потому, что она появилась въ двухъ разныхъ платьяхъ?

— Конечно. Я увѣрена, Оскаръ, что еслибы вы играли Шопена въ особо приспособленной для этого одеждѣ, и затѣмъ мѣняли костюмъ для исполненія вещей Листа, то весь Лондонъ сбѣжался бы слушать васъ.

Оскаръ задумчиво разглядывалъ свои длинные бѣлые пальцы.

— То, что̀ вы говорите, не особенно рекомендуетъ художественный вкусъ публики,—грустно замѣтилъ онъ.

— Да никакого вкуса у публики и нѣтъ,—откровенно созналась Адель Бодезаръ.—Неужели вы думаете, что есть хотя бы двадцать человѣкъ среди концертной публики, которые дѣйствительно любятъ или понимаютъ музыку? Увѣряю васъ, что нѣтъ. Почти всѣ посѣщаютъ концерты только потому, что принято восхищаться знаменитостями. И если предвидится большой наплывъ публики, то всѣ еще болѣе стараются попасть на такой концертъ. Главное удовольствіе большинства людей — быть среди импонирующей имъ толпы.

— Какъ можно говорить объ удовольствіи?—вмѣшался въ разговоръ лордъ Криссъ, оборачиваясь къ хозяйкѣ со своего столика.—Этимъ словомъ слишкомъ злоупотребляютъ. Я долженъ сознаться, что до сихъ поръ не могу понять его смыслъ.

Оскаръ почтительно наклонился въ его сторону.—Я тоже не понимаю,—сказалъ онъ.—Я полагаю, что это слово выдумано газетами, и люди стараются повѣрить, что оно что-нибудь означаетъ.

— Люди рады повѣрить въ возможность удовольствія, и готовы платить за него. То, на что израсходованы деньги, представляетъ извѣстную цѣнность; поэтому, уплативъ деньги за ожидаемое удовольствіе, люди вѣрятъ, что дѣйствительно испытали его.

— Я полагаю, что погоня за удовольствіемъ въ какомъ угодно видѣ—единственное серьезное занятіе въ нашей жизни,—замѣтила Адель Бодезаръ.—Но, къ сожалѣнію, оно рѣдко ведетъ къ цѣли.

— Погоня за удовольствіемъ превратилась въ привычку,—сказалъ лордъ Криссъ,—а привычка управляетъ жизнью всѣхъ культурныхъ людей. Еслибы не было вѣры въ привычку, англичане были бы столь же безнравственны, какъ французы, и столь же грубы, какъ нѣмцы. А вмѣсто того они посылаютъ своихъ худшихъ людей въ парламентъ, а своихъ лучшихъ—дѣлаютъ епископами.

Все общество, сидѣвшее за ужиномъ, прислушивалось къ

словамъ лорда Крисса, считая его парадоксы очень блестящими. Одинъ только Базиль Варендеръ, не обращая на него вниманія, говорилъ въ полголоса съ Зарой. Онъ просилъ ее позировать ему для портрета; ему хотѣлось изобразить ее въ ея воздушномъ красномъ платьѣ и въ вызывающей позѣ цыганки, поющей о любви. Зара разсѣянно слушала его. Ей стало грустно, когда оказалось, что среди гостей не было единственнаго слушателя, который привлекъ ея вниманіе во время концерта. Вдругъ у самаго ея уха раздался чей-то мягкій голосъ:

— Позвольте поздравить васъ съ успѣхомъ и выразить вамъ мой восторгъ. Я никогда въ жизни не слыхала такого поразительнаго пѣнія.

М-ссъ Бради пододвинула свой стулъ къ Зарѣ, которая сразу почувствовала симпатію къ ней. Въ голосѣ м-ссъ Бради было столько искренности и теплоты и у нея было такое доброе, открытое, красивое лицо. Зарѣ показалось, что она слышитъ дружескій привѣтъ послѣ утомительнаго путешествія.

— Я такъ рада... Я очень сомнѣвалась въ успѣхѣ. Все это какъ-то странно. И теперь я—какъ бы это сказать—verwirrt.

— Я вполнѣ васъ понимаю, — сказалъ Варендеръ. — Вы прошли черезъ трудное испытаніе, и не удивительно, что вы еще не можете оправиться.

— Вы скоро дадите свой концертъ?—спросила м-ссъ Бради.

— Нѣтъ. Мнѣ еще нужно много учиться.

М-ссъ Бради взглянула на Базиля Варендера. — Неужели вамъ еще нужно учиться? Казалось бы, что вы уже достигли совершенства.

— Искусство никогда не останавливается въ своемъ развитіи,—сказалъ Варендеръ.—Неудовлетворенность, которая остается послѣ всякаго успѣха,—единственная гарантія дальнѣйшаго совершенствованія.

Ужинъ кончился, и на столикахъ появились ящики съ папиросами; многія изъ дамъ тоже стали курить съ полной непринужденностью, царившей въ этомъ обществѣ, не признававшемъ никакихъ свѣтскихъ правилъ.

М-ссъ Бради не курила, также какъ и Зара. Подъ прикрытіемъ общаго оживленія и громкихъ разговоровъ дѣвушка обратилась съ вопросомъ къ своей новой пріятельницѣ:

— Не можете ли вы сказать мнѣ, gnädige Frau, кто былъ господинъ, сидѣвшій рядомъ съ вами во время концерта?

— Съ правой стороны?

— Да, кажется, съ правой—блондинъ съ темно-синими глазами и открытымъ взглядомъ—такимъ, какъ у васъ.

— Вы вѣроятно говорите о моемъ племянникѣ?

— Онъ не остался ужинать?

— Нѣтъ, онъ ушелъ сейчасъ же послѣ концерта.

На лицѣ дѣвушки показалась тѣнь огорченія. М-ссъ Бради съ любопытствомъ взглянула на нее. Почему она обратила вниманіе именно на Жоржа среди такого количества видныхъ и даже красивыхъ мужчинъ?

— Мнѣ кажется, что ему не понравилось мое пѣніе во второмъ отдѣленіи, — продолжала Зара. — Я видѣла, какъ у него измѣнилось лицо, и не могла понять—отчего.

— Жоржъ не очень музыкаленъ,—сказала м-ссъ Бради, въ оправданіе племяннику.

— So,—тихо сказала Зара и отвернулась. Съ ней заговорила м-ссъ Вандердекенъ, сообщая ей, что лордъ Криссъ собирается декламировать. Базиль сказалъ м-ссъ Бради, что Криссъ собирается прочесть свою новую поэму, написанную послѣ посѣщенія рабочаго квартала. Эта поэма предназначалась для предстоящаго благотворительнаго вечера, на которомъ ее должна была прочесть м-ссъ Бради; поэтому она собралась внимательно слушать чтеніе, и не препятствовала Зарѣ уйти въ конецъ комнаты, подальше отъ смущавшаго ее общества..

Лордъ Криссъ вышелъ на средину комнаты и, продолжая курить папиросу съ томной граціей, изложилъ сначала слушателямъ свои взгляды на искусство, авторитетно заявляя, что главная задача поэта—освободить свой мозгъ отъ всякихъ ненужныхъ знаній для того, чтобы предоставить свободу вдохновенію. Онъ пояснилъ далѣе, что, слѣдуя этому принципу, онъ отправился въ Истъ-Эндъ, ничего не зная и не желая знать о жизни тамошняго населенія. То, что онъ увидѣлъ, проходясь по улицамъ рабочаго квартала, вдохновило его на поэму, которую онъ и предназначаетъ для чтенія на вечерѣ. Послѣ этого претенціознаго введенія лордъ Криссъ прочелъ свою поэму, озаглавленную: „Женщина съ одной сережкой"; въ ней разсказывалась трогательная исторія объ уличной торговкѣ, одѣтой въ лохмотья и носившей одну сережку въ ухѣ,—потому что другую (сережки были ея единственнымъ богатствомъ) она заложила, чтобы купить лекарство для другой бѣдной женщины. Со своей единственной сережкой она продолжала бодро и весело возить свою телѣжку съ товаромъ съ утра до вечера—и въ ея поступкѣ авторъ видѣлъ идеалъ истинной благотворительности,

т.-е. умѣнья отказываться отъ самаго дорогого, сохраняя бодрость духа и веселое настроеніе.

Слушатели были нѣсколько смущены этой сатирой на свѣтскую благотворительность, но все-таки стали апплодировать автору, когда онъ кончилъ чтеніе.

XII.

Когда м-ссъ Бради вернулась домой, было уже около двухъ часовъ ночи. Войдя въ столовую, она увидѣла передъ каминомъ Жоржа, который сидѣлъ и курилъ. Она вскрикнула отъ удивленія.

— Чтò случилось? — испуганно спросила она. Увидавъ его у себя въ такой необычный часъ, она увѣрена была, что произошло какое-нибудь несчастіе..

— Ничего не случилось. Я думалъ, что вы вернетесь домой раньше, и ждалъ васъ—вотъ и все.

М-ссъ Бради облегченно вздохнула.

— Какъ ты меня напугалъ!—воскликнула она.—Почему ты не предупредилъ меня, что заѣдешь сюда? И почему ты не остался ужинать? Было очень весело, и ужинъ былъ отличный. Но я все-таки выпью стаканъ содовой воды съ виски; я ужасно устала. Лордъ Криссъ читалъ поэму изъ народнаго быта—очень странную. Я никакъ не могу понять этихъ людей—принимаютъ ли они самихъ себя въ серьёзъ, или себя же вышучиваютъ...

Она налила содовой воды изъ сифона въ стаканъ съ виски и сѣла въ удобное кресло у камина.

Жоржъ Морфи мрачно взглянулъ на ея красивое, оживленное лицо.

— Для нихъ нѣтъ ничего серьезнаго и святого, — сказалъ онъ. — Они смотрятъ на жизнь какъ на маскарадъ, гдѣ люди интригуютъ, шутятъ и обманываютъ другъ друга. Мнѣ искренно жаль, что вы попали въ ихъ общество.

Она удивленно взглянула на него. — Я не понимаю тебя, Жоржъ. Еще недавно ты говорилъ...

Онъ быстро поднялся и нетерпѣливымъ жестомъ отодвинулъ стулъ.—Тогда я еще ничего не зналъ. Сегодня у меня на многое открылись глаза.

М-ссъ Бради улыбнулась.—Сегодня?—сказала она.—Но вѣдь ты ушелъ сейчасъ же послѣ концерта. Чтò жъ бы ты сказалъ, еслибы остался и слышалъ рѣчь и стихи лорда Крисса?

Лицо его еще болѣе омрачилось.—Чтò же, вы думаете про-

должать знакомство съ ними, — спросилъ онъ, — или наконецъ уйдете отъ нихъ и постараетесь прожить безъ ихъ поддержки?

— Я, право, не понимаю тебя, Жоржъ. Чтò они всѣ могутъ причинить мнѣ дурного? Мнѣ съ ними весело, а Адель кажется мнѣ очень искреннимъ человѣкомъ. И почему у тебя такъ круто измѣнились взгляды? Мнѣ казалось, напротивъ того, что мнѣ даже выгодно завязать связи со свѣтскимъ обществомъ. Это создастъ мнѣ положеніе, въ которомъ я такъ нуждаюсь. А теперь ты вдругъ такъ противъ этого.

Она произнесла послѣднія слова съ нескрываемымъ огорченіемъ. Жоржъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Папироса его потухла; но онъ этого не замѣчалъ.

— Вы вѣроятно ничего не знаете о томъ, чтò станется съ этой дѣвушкой?—неожиданно спросилъ онъ.

— Съ какой дѣвушкой?—переспросила м-ссъ Бради.—Ахъ да, ты говоришь вѣроятно о Зарѣ Эбергардъ?

— Да. Къ чему ее предназначаютъ?

— Она находится на попеченіи м-ссъ Вандердекенъ, а я съ ней пока еще не особенно близка. Ея лучшій другъ Адель—до сихъ поръ.

— Вы такъ говорите, точно у васъ есть какіе-то планы.

— Да, Жоржъ. Я хочу, чтобы Адель подружилась со мной и охладѣла къ м-ссъ Вандердекенъ. Но что касается Зары, то я почти ничего не знаю о ней. Она нѣсколько мѣсяцевъ еще не будетъ выступать — вотъ все, чтò мнѣ извѣстно. Вѣроятно м-ссъ Вандердекенъ увезетъ ее съ собой, уѣзжая на югъ. Ты, кажется, заинтересовался ею. Она тебѣ тоже кажется такой очаровательной?

— Я никогда не видалъ болѣе прекрасной женщины.

М-ссъ Бради быстро взглянула ему въ лицо, потомъ снова стала глядѣть на огонь въ каминѣ. Въ душу ея вкралась тревожная мысль.

— Да, она дѣйствительно очень хороша,—проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія.—Но не забывай, Жоржъ, что она—полудикая цыганка, пріемышъ м-ссъ Вандердекенъ, обязанная успѣхомъ капризу своей покровительницы.

Жоржъ ничего не отвѣтилъ. Новое чувство нахлынуло на его сердце бурной волной, которая грозила прибить его къ берегамъ, невѣдомымъ ему до тѣхъ поръ. Онъ еще никогда не подчинялъ свободы своихъ мыслей и дѣйствій власти женщины. Его никогда еще не тревожило воспоминаніе о чьемъ-либо образѣ, а въ этотъ вечеръ онъ не могъ освободиться отъ чаръ молодого

лица съ сверкающими глазами и алыми губами. Обаяніе ея страстнаго пѣнія продолжало звучать у него въ душѣ. Это его сердило, и онъ нетерпѣливо шагалъ по комнатѣ, слушая разсужденія своей тетки. Она говорила, сама не зная о чемъ, озабоченная страннымъ настроеніемъ Жоржа и внимательно слѣдя за выраженіемъ его лица. Бой часовъ отклонилъ, наконецъ, ея вниманіе отъ племянника. Она зѣвнула и поднялась съ кресла.

— Пора идти спать,—сказала она.—Взгляни на часы. У меня такъ много дѣла завтра, или, вѣрнѣе, сегодня! А мнѣ необходимо спать шесть часовъ,—не то я ни къ чему не буду годна. Ты пойдешь домой, или устроить тебя здѣсь на ночь?

— Я пойду къ себѣ,—сказалъ онъ.—Хотите пообѣдать со мной завтра въ „Savoy-Hôtel“ и пойти смотрѣть новую пьесу въ „Piccadilly“? Завтра—первое представленіе. Я возьму билеты, если вы согласны.

— Адель просила, чтобы я поѣхала съ нею. Но почему тебѣ не пригласить къ обѣду насъ обѣихъ; потомъ мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ въ театръ. Позови еще кого-нибудь изъ мужчинъ, Крисси или Варендера.

— Только не Крисса. Онъ такъ ломается, что съ нимъ непріятно даже провести вечеръ въ театрѣ. Варендера я съ удовольствіемъ позову—онъ самый толковый изъ всей компаніи. Жаль будетъ, если они и его испортятъ. А теперь спокойной ночи, тетя Пэръ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и направился въ переднюю. М-ссъ Бради проводила его, заперла за нимъ дверь и, затушивъ электричество, прошла въ спальню, гдѣ ее ожидала Эжени, дремля въ креслѣ.

М-ссъ Бради никогда не была такой молчаливой, какъ въ эту ночь, и Эжени ничего не смогла вывѣдать у нея относительно ужина и всего, что̀ происходило послѣ концерта. Отъ досады она даже нѣсколько разъ слишкомъ сильно рванула щеткой густые длинные волосы своей госпожи, расчесывая ихъ на ночь. Когда м-ссъ Бради ее отпустила, она рада была, что вызвалась въ этотъ вечеръ быть горничной Fräulein Эбергардъ, и что такимъ образомъ кое-что узнала. Иначе бы у нея не оказалось достаточно матеріала для ближайшаго нумера „Осы“.

М-ссъ Бради была очень разстроена. Со свойственной ей живостью воображенія она уже рисовала себѣ цѣлый рядъ несчастій. Если бы Жоржъ дѣйствительно полюбилъ Зару, это было бы, какъ ей казалось, истинной катастрофой. Красота и даже талантъ—совершенно безполезныя качества для жены мо-

лодого, не имѣющаго никакихъ средствъ, адвоката. Ему нужна богатая и знатная жена. Лучше всего было бы, если бы онъ женился на Адель Бодезаръ. Ея скандальный разводъ не повредилъ ея положенію въ обществѣ, гдѣ разведенные супруги встрѣчались черезъ нѣкоторое время какъ добрые знакомые въ модныхъ ресторанахъ, куда являлись со своими новыми мужьями и женами. Адель очень богата—это самое главное въ положеніи Жоржа. Но м-ссъ Бради съ ужасомъ думала о томъ, что глупое увлеченіе Жоржа можетъ разстроить всѣ ея планы. Какъ предупредить дальнѣйшія послѣдствія его внезапнаго ослѣпленія? Къ счастью, м-ссъ Вандердекенъ собиралась уѣхать въ Египетъ сейчасъ же послѣ Новаго года,—но до ея отъѣзда опасность можетъ еще усилиться, если Жоржъ будетъ встрѣчаться съ молодой дѣвушкой. Можетъ быть, м-ссъ Вандердекенъ не будетъ брать съ собой Зару, выѣзжая въ свѣтъ? Она, кажется, прячетъ ее отъ свѣта изъ какого-то ревниваго чувства,—можетъ быть, потому что боится, какъ бы у нея не отняли сокровище, которое она открыла и которымъ хочетъ изумить міръ въ будущемъ.

Всѣ эти мысли долго не давали уснуть м-ссъ Бради, и на слѣдующее утро она проснулась очень не въ духѣ и совсѣмъ не вступала въ разговоръ съ Эжени, когда та принесла ей чай и утреннюю почту.

XIII.

Адель Бодезаръ съ удовольствіемъ приняла приглашеніе пообѣдать и пойти въ театръ вмѣстѣ съ Жоржемъ и Варендеромъ. Обѣдъ прошелъ весело. Базиль былъ очень милъ съ дамами, и м-ссъ Бради нашла, что онъ—интересный и пріятный собесѣдникъ. Жоржъ тоже повидимому освободился отъ настроенія, которое овладѣло имъ наканунѣ, и былъ очень любезенъ съ Адель.

Въ театрѣ всѣ ложи и кресла заняты были избранной свѣтской публикой,—какъ всегда на первыхъ представленіяхъ,—и во время антрактовъ въ залѣ царило большое оживленіе.

— Посмотрите, вотъ въ той ложѣ бель-этажа Тротти,— сказала Адель, обращаясь къ своей пріятельницѣ.—Съ нею лордъ Криссъ и наша новая знаменитость.

М-съ Бради быстро подняла глаза и увидѣла въ бель-этажѣ знакомую фигуру въ пышномъ вечернемъ туалетѣ и съ изможденнымъ лицомъ. Зара сидѣла позади м-ссъ Вандердекенъ; на ней было то бѣлое платье, въ которомъ она пѣла наканунѣ. М-ссъ Бради инстинктивно перевела взглядъ на племянника и

увидѣла на его лицѣ счастливое выраженіе: онъ посмотрѣлъ на лучистое лицо молодой дѣвушки въ бѣломъ платьѣ—и глаза ихъ встрѣтились. Она слегка кивнула ему головой, и улыбка, показавшаяся на ея губахъ, обрадовала Жоржа. Онъ самъ былъ пораженъ своимъ волненіемъ при видѣ Зары. Онъ опустилъ глаза и сталъ смотрѣть на афишу, которую держалъ въ рукахъ, но буквы танцовали передъ его глазами, и онъ ничего не могъ прочесть. Имъ овладѣло странное возбужденіе. Онъ машинально раскланивался съ проходящими мимо него знакомыми, вставалъ, чтобы пропустить запоздавшихъ зрителей, спѣшившихъ занять свои мѣста, но все это происходило для него какъ въ туманѣ. Когда зала погрузилась въ мракъ и поднялся занавѣсъ, онъ сталъ смотрѣть не на сцену, а вверхъ—туда, гдѣ на фонѣ красной драпировки ложи выдѣлялось бѣлое платье и выглядывало изъ темноты нѣжное лицо молодой дѣвушки.

Онъ совершенно не слѣдилъ за ходомъ пьесы, въ которой модная психопатическая героиня съ обычнымъ въ модныхъ пьесахъ „прошлымъ“ выражала по обыкновенію недовольство на свою судьбу, мечтала о томъ, чтобы переродиться, и дѣлала все, что̀ могла, чтобы портить жизнь другихъ людей своими претенціозными парадоксами и своими эгоистичными поступками.

Когда занавѣсъ опустился, при шумныхъ знакахъ неодобренія публики верхнихъ ярусовъ, лэди Бодезаръ завела пространный разговоръ съ Жоржемъ, возмущаясь некультурностью публики, которая не понимаетъ утонченности современныхъ психологическихъ пьесъ. Но Жоржъ довольно рѣзко замѣтилъ ей, что средняя публика гораздо интеллигентнѣе, чѣмъ предполагаетъ свѣтское общество, и обыкновенно вполнѣ права въ своихъ сужденіяхъ. Рѣзкій тонъ Жоржа былъ непріятенъ м-ссъ Бради, и чтобы перемѣнить разговоръ, она указала Адель на одну изъ ложъ во второмъ ярусѣ и спросила:

— Кто эта дама въ жемчугахъ? Ея лицо кажется мнѣ знакомымъ.

— Да вы ее навѣрное видѣли. Вы вѣдь знаете новый магазинъ обуви на Мадоксъ-Стритъ?—магазинъ лэди Викторинъ? Это—собственница магазина.

— Какъ это странно!

— Она была по уши въ долгахъ, и, чтобы выпутаться, пустилась въ коммерцію. Конечно, она только дала свое имя. Сама она ничего не дѣлаетъ.

— Ты хочешь пройтись въ антрактѣ, Жоржъ?—спросила м-ссъ Бради, видя, что племяннику ея не сидится на мѣстѣ.

— Нѣ-ѣтъ. Впрочемъ, я хотѣлъ бы пойти покурить, но вѣроятно не поспѣю. Какъ вы думаете, Варендеръ?

— По афишѣ полагается семь минутъ антракта, но такъ какъ сегодня первое представленіе...

— Вы поняли,—спросила м-ссъ Бради шопотомъ Адель Бодезаръ,—въ чемъ вина героини драмы?

— Обычная исторія—нарушеніе седьмой заповѣди. Почему бы для разнообразія не изобразить грѣха противъ второй или девятой заповѣди? Впрочемъ, это вѣроятно недостаточно пикантно. Но что это за знаки дѣлаетъ намъ Тротти? Не знаю, ко мнѣ ли, или къ вамъ она обращается. Я попрошу Базиля зайти къ ней въ ложу въ слѣдующемъ антрактѣ и узнать, въ чемъ дѣло. Вѣроятно она хочетъ, чтобы мы поѣхали къ ней ужинать.

Жоржъ наклонился къ своей сосѣдкѣ и сказалъ, слегка покраснѣвъ:

— Хотите, я схожу сейчасъ, лэди Бодезаръ? Еще есть время.

— Пожалуйста, сходите. И если дѣло идетъ объ ужинѣ, то скажите, что мы согласны. Я во всякомъ случаѣ ничего не имѣю противъ этого, а что касается Пэръ...

— Куда вы, туда и я,—съ улыбкой сказала м-ссъ Бради.

— Отлично. Боже, какъ Жоржъ милъ—онъ уже пошелъ! Но оркестръ возвращается—кажется, дѣйствительно антрактъ не болѣе семи минутъ. Впрочемъ, Жоржъ можетъ остаться у нихъ въ ложѣ этотъ актъ; тамъ есть свободное кресло.

М-ссъ Бради обратила вниманіе на то, что свободное кресло было какъ разъ около Зары.

„И зачѣмъ это онъ пошелъ къ нимъ въ ложу?—подумала она съ досадой.—Всѣ мои заботы о немъ пропадутъ даромъ, если онъ дѣйствительно серьезно влюбится въ эту цыганку". —Что вы сказали, м-ръ Варендеръ? Простите, я не разслышала.

— Я спросилъ, нравятся ли вамъ современныя пьесы. Не правда ли, что онѣ всѣ похожи одна на другую?

— Говоря по правдѣ, я предпочитаю Шеридановскія комедіи всѣмъ этимъ попури изъ французской распущенности и англійской скуки.

— Однако, эти пьесы привлекаютъ сливки общества,—замѣтилъ Базиль Варендеръ.

— Лордъ Криссъ говоритъ, что женщины идутъ въ театръ смотрѣть туалеты, а мужчины—для того, чтобы выискивать скрытыя въ пьесѣ двусмысленности.

— Двусмысленности эти вовсе не нужно выискивать; онѣ обыкновенно очень явны даже для сравнительно наивныхъ слу-

шателей, — сказалъ Базиль, съ любопытствомъ взглянувъ на м-ссъ Бради. Она показалась ему непохожей на лондонскихъ свѣтскихъ женщинъ съ ихъ развращеннымъ воображеніемъ.

Занавѣсъ поднялся, и пьеса вяло подвигалась по торному пути, ведущему къ паденію героини—и къ провалу автора. Въ случайно открытую дверь добродѣтельной молодой дѣвушки влетѣла туфля, брошенная туда изъ комнаты дерзкаго соблазнителя, живущаго въ одномъ корридорѣ съ дѣвушкой. Это повлекло за собой разныя осложненія. Пикантные намеки оживляли діалогъ, вызывая протесты верхнихъ ярусовъ и апплодисменты переднихъ рядовъ партера. Наконецъ, занавѣсъ опустился, и среди общаго шума публика изъ ложъ и креселъ стала разыскивать верхнее платье, и расходилась, собираясь обсуждать новыя варіаціи на старыя темы за омарами и шампанскимъ.

Жоржъ Морфи остался до конца въ ложѣ м-ссъ Вандердекенъ. Порученіе, которое онъ долженъ былъ передать своей теткѣ и ея пріятельницѣ, казалось ему менѣе важнымъ, чѣмъ бесѣда съ Зарой и ея наивныя замѣчанія о пьесѣ. Онъ радъ былъ за нее, что ограниченное знаніе англійскаго языка мѣшало ей вполнѣ понимать все, чтò происходило на сценѣ. Уходя изъ ложи, онъ обѣщалъ тоже быть на ужинѣ у м-ссъ Вандердекенъ, которая пригласила своихъ интимныхъ друзей пріѣхать къ ней послѣ театра. Жоржъ съ трудомъ пробрался къ своей теткѣ и лэди Бодезаръ, и передалъ имъ приглашеніе.

— М-ссъ Вандердекенъ поручила мнѣ передать вамъ, что она сообщитъ за ужиномъ очень интересную новость.

— Въ такомъ случаѣ я непремѣнно поѣду къ ней,—сказала Адель.—Боже, какая давка! Пэри, милая, вы слышали? Тротти проситъ насъ пріѣхать къ ней ужинать. Вы согласны?

— Я на все согласна,—весело сказала м-ссъ Бради.— Жоржъ, почему ты не вернулся къ намъ? Ты насъ постыдно покинулъ. М-ръ Варендеръ пошелъ отыскивать нашу карету. Ты тоже ѣдешь къ м-ссъ Вандердекенъ, Жоржъ? Мнѣ казалось, что она тебѣ не нравится. Но ты теперь, кажется, другого мнѣнія о ней, не правда ли?.. Ахъ, вотъ и м-ръ Варендеръ—онъ зоветъ насъ. Да, Адель, я иду... Идемъ, Жоржъ. А, вотъ Тротти и лордъ Криссъ спускаются съ лѣстницы. Жоржъ, милый Жоржъ, ты наступилъ мнѣ на платье. Да слушай же, когда я съ тобой говорю... Почему у тебя такой растерянный видъ?

Жоржъ пробормоталъ извиненіе и помогъ м-ссъ Бради выбраться изъ толпы, которая разсыпалась по всѣмъ направленіямъ, сѣтуя на раннее закрытіе ресторановъ.

Обѣ коляски подъѣхали почти одновременно къ дому м-ссъ Вандердекенъ. Адель схватила за руку свою пріятельницу и взволнованно спросила ее:

— Въ чемъ дѣло, Тротти? Дѣйствительно что-нибудь важное?

— Подождите и услышите,—сказала м-ссъ Вандердекенъ таинственнымъ голосомъ.—Я объявлю это за ужиномъ.

XIV.

Въ мягко освѣщенной столовой собралось только очень небольшое общество.

— Вамъ придется довольствоваться тѣмъ, что есть,—заявила м-ссъ Вандердекенъ своимъ гостямъ.—Я не ожидала сегодня гостей, и только въ театрѣ рѣшила позвать тѣхъ, кого увижу. Выпьемъ сначала по чашкѣ бульону. Подкрѣпитесь сначала, а потомъ я сообщу вамъ мою новость.

— Тротти всегда умѣетъ возбуждать любопытство,—проговорилъ лордъ Криссъ, садясь около м-ссъ Гидеонъ Ли.

— Послѣ такой пьесы дѣйствительно нужно подкрѣпиться,—отвѣтила та, взявъ чашку бульона изъ рукъ лакея.

— Пьеса плохая—это правда. Но возвращаюсь къ Тротти: неужели она опять приготовила намъ сюрпризъ? Слишкомъ ужъ она изобрѣтательна!

— Не долго же пришлось блистать этой звѣздѣ!—замѣтила м-ссъ Гидеонъ Ли, глядя на Зару, которая сѣла въ концѣ стола.— Кстати, какого вы мнѣнія объ ея наружности, лордъ Криссъ?

— А вы какого?—спросилъ онъ, зная, что никогда не слѣдуетъ говорить женщинѣ свое искреннее мнѣніе о другой женщинѣ.

— Я не нахожу въ ней ничего замѣчательнаго, но она, конечно, производитъ нѣкоторое впечатлѣніе своей оригинальностью. Лучше всего она спѣла вашу пѣсню,—но мнѣ говорила Тротти, что вы учили ее каждой нотѣ.

— Ахъ, это уже старая исторія, про которую я самъ забылъ,—равнодушно сказалъ лордъ Криссъ.—Съѣшьте вотъ этого —я даже не знаю, что это такое, но это божественно.

— Я боюсь ѣсть на ночь; у меня завтра утромъ дѣловое свиданіе съ театральнымъ директоромъ.

— Вамъ предлагаютъ интересную роль?

— Да, только нѣсколько странную. Вы знаете молодого графа Бриттльси? Онъ увлекается теперь сценой и строитъ ве-

ликолѣпный театръ въ своемъ помѣстьи. Но онъ непремѣнно хочетъ самъ писать пьесы для своего театра. Говорятъ, впрочемъ, что ему помогаетъ его секретарь. Теперь онъ собирается поставить пьесу, въ которой ни одна актриса не соглашается участвовать, потому что онъ самъ хочетъ играть героиню. Мнѣ предлагаютъ играть роль юноши. Я не могу еще рѣшиться. Какъ-то странно объясняться въ любви мужчинѣ, переодѣтому въ женщину.

— Что-жъ, это оригинально, и за то спасибо,—отвѣтилъ лордъ Криссъ.—Слишкомъ ужъ надоѣли всѣ повторенія въ искусствѣ и въ жизни.

— Значитъ, вы совѣтуете мнѣ принять эту роль?

— Когда спрашиваютъ совѣта, то это всегда значитъ, что не примутъ его. Я поэтому даю совѣты только когда меня не спрашиваютъ. Вы будете прелестны въ костюмѣ мальчика, и навѣрное чудесно сыграете свою роль. Васъ ждетъ успѣхъ, и поэтому, конечно, слѣдуетъ принять предложеніе.

Лордъ Криссъ обратился къ другой своей сосѣдкѣ за столомъ—м-ссъ Бради, и спросилъ ее, какого она мнѣнія о затѣѣ молодого лорда, превращающаго свой старинный замокъ въ театръ.—Вѣдь это все-таки нѣчто новое,—сказалъ онъ,—а жизнь была бы нестерпима, еслибы въ ней не было неожиданностей.

— Но такія неожиданности заставляютъ завидовать будущему поколѣнію, которому предстоятъ другіе сюрпризы,—сказала м-ссъ Бради.

— Для будущаго поколѣнія сюрпризовъ уже не останется,—сказалъ лордъ Криссъ.—Мы уничтожили молодость, и способность удивляться и ждать чего-либо исчезаетъ раньше, чѣмъ наступаетъ пора переживать сюрпризы. А кстати, скажите,—вы прочтете мою поэму на благотворительномъ вечерѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтила м-ссъ Бради.—Ей не нравился претенціозный тонъ лорда Крисса и его фамильярность въ обращеніи.

— Тогда мнѣ придется попросить кого-нибудь другого,—холодно отвѣтилъ онъ, наливая себѣ шампанскаго.—Но почему собственно вы не хотите читать?

— Я бы не съумѣла прочесть какъ слѣдуетъ. Я обѣщала читать, не слыхавъ еще поэму, а теперь вижу, что не смогу передать народный говоръ, которымъ она написана. Вѣдь вы изучали языкъ съ натуры, а я незнакома съ лондонскими предмѣстьями.

— Ничего я не изучалъ; я взялъ нѣсколько стихотвореній

извѣстнаго народнаго поэта Шевалье и составилъ по нимъ мои собственные стихи. Это очень легко.

М-ссъ Бради взглянула на него съ удивленіемъ, не зная, говоритъ ли онъ правду, или вышучиваетъ себя самого подъ вліяніемъ шампанскаго.

— Но вѣдь вы выдавали стихотвореніе за оригинальное,— сказала она.

— Конечно. Я никогда не разрушаю иллюзій. Въ нихъ—вся прелесть жизни, вся сущность современной философіи.

М-ссъ Бради замолчала, пораженная его цинизмомъ. Лордъ Криссъ обратился къ хозяйкѣ:

— Ну, что же, Тротти,—сказалъ онъ,—развѣ еще не насталъ часъ сдѣлать намъ сообщеніе, которое вы обѣщали? Мы подкрѣпили себя ѣдой и питьемъ. Удовлетворите же теперь нашему любопытству.

Все общество присоединилось къ его просьбѣ, и м-ссъ Вандердекенъ обвела гостей улыбающимся взглядомъ.

— Вы будете очень удивлены,—какъ и я сама,—сказала она.—Дѣло въ томъ, что я получила большое наслѣдство.

Ея слова дѣйствительно возбудили общій интересъ. Даже лордъ Криссъ отставилъ стаканъ съ шампанскимъ, который подносилъ уже къ губамъ, и посмотрѣлъ на нее широко открытыми глазами.

— Наслѣдство очень большое,—продолжала она,—и совершенно неожиданное. Я узнала о немъ только вчера, и провела сегодняшнее утро въ отвратительномъ мѣстѣ, которое называется Lincoln's Inn, читая дѣловыя бумаги и подписывая ихъ. Какой-то старый дядя, котораго я едва помню, завѣщалъ мнѣ помѣстье въ Корнвалиссѣ и около семидесяти тысячъ фунтовъ деньгами. По этому случаю я обращаюсь къ вамъ вотъ съ какой просьбой. Я собиралась поѣхать послѣ Рождества въ Каиръ, но вмѣсто этого предлагаю вамъ всѣмъ пріѣхать ко мнѣ въ мое новое помѣстье, которое носитъ названіе „Волшебнаго замка". Это—огромный, очень старый и интересный замокъ. Помимо всего другого, онъ замѣчателенъ тѣмъ, что тамъ есть комната съ привидѣніями.

— Неужели? Браво, Тротти!—сказалъ лордъ Криссъ.

— Конечно,—продолжала м-ссъ Вандердекенъ,—мы всѣ знаемъ, что привидѣній нѣтъ, и поэтому я не стану разспрашивать тамошнихъ людей, въ которой изъ комнатъ появляется привидѣніе; каждый изъ насъ будетъ имѣть одинаковые шансы попасть именно въ эту комнату. Мы только должны всѣ обѣ-

щать, что если кому-нибудь изъ насъ приведется увидѣть или услышать нѣчто странное, то мы не будемъ разузнавать, въ чемъ дѣло. Всѣ согласны?

Она оглянула гостей, и взоръ ея остановился на Жоржѣ, сидѣвшемъ около Зары. Дѣвушка съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за рѣчью м-ссъ Вандердекенъ, не вполнѣ понимая смыслъ ея словъ. Жоржъ смотрѣлъ на нее и почти не слушалъ Тротти.

— Я очень рада за васъ!—воскликнула Адель Бодезаръ.— Но какъ это мы отправимся всей компаніей куда-то въ деревенскій сарай? Вѣдь вашъ старинный домъ навѣрное неузнаваемъ.

Адель вспоминала другія поѣздки въ деревню зимой, и знала, сколько приходится страдать отъ сквозняковъ и сырости въ деревенскихъ усадьбахъ и какъ тамъ скучно зимой, если не устроивается охота или не занимаются какимъ-нибудь спортомъ.

— Я позабочусь о томъ, чтобы вамъ тамъ было удобно,— отвѣтила м-ссъ Вандердекенъ.—Я пошлю цѣлый отрядъ слугъ, чтобы провѣтрить домъ и привести все въ порядокъ. Къ тому же тамъ отличный управляющій. Я предлагаю вамъ всѣмъ пріѣхать въ сочельникъ, и надѣюсь, что мы проведемъ пріятную недѣлю до Новаго года.

— Въ сочельникъ?—спросила м-ссъ Бради.—Вѣдь вашъ благотворительный вечеръ назначенъ на сочельникъ.

— Вечеръ можно отложить,—небрежнымъ тономъ сказала м-ссъ Вандердекенъ.

— Зала уже нанята, милая Тротти,—сказала Адель.

— Развѣ?—томно возразила м-ссъ Вандердекенъ.—Ну, такъ я приглашу какого-нибудь фокусника. Я увѣрена, что онъ понравится публикѣ.

М-ссъ Бради подумала, что публика даже предпочтетъ фокусника чтенію поэмы лорда Крисса и другимъ развлеченіямъ, предлагаемымъ членами „Союза душъ“, но она этого все-таки не сказала вслухъ. Она думала о томъ, относится ли приглашеніе м-ссъ Вандердекенъ ко всѣмъ ея гостямъ, или только къ членамъ секты. Къ ней лично Тротти не обращалась и, повидимому, не особенно интересовалась ею.

— Такимъ образомъ мое вдохновеніе пропадетъ даромъ,— трагически воскликнулъ лордъ Криссъ,—и населеніе Истъ-Энда не услышитъ поэмы, написанной для него!

М-ссъ Вандердекенъ перевела свой усталый взглядъ на лорда Крисса.

— По моему, всякую публику больше всего интересуетъ то, съ чѣмъ она не знакома,—сказала она.—Поэма изъ рабочаго

быта не представляетъ новизны для рабочихъ. Вы бы имъ лучше сообщили что-нибудь о Вестъ-Эндѣ или высшемъ искусствѣ. Я увѣрена, что еслибъ вы пошли на концертъ народнаго пѣвца, вы бы тамъ не встрѣтили рабочихъ.

— Это вѣрно,—сказалъ лордъ Криссъ.—Я отнынѣ буду знакомить вестъ-эндскую публику съ Истъ-Эндомъ,—это создастъ мнѣ успѣхъ. Значитъ, вы хотите устроить охоту на привидѣній, Тротти? Это дѣйствительно ново.

— Напрасно вы шутите на этотъ счетъ,—возбужденно сказала м-ссъ Гидеонъ Ли.—Что касается меня, то я твердо вѣрю въ привидѣнія. Это—потерянныя, блуждающія души, несчастныя тѣни, которыя напрасно ищутъ сочувствія у людей.

— Ахъ, еслибъ можно было превратиться въ невидимый духъ хоть на одинъ день! Какъ бы это было очаровательно!—сказала Адель.—Сколько можно было бы сдѣлать открытій!

— Много открытій можно сдѣлать и безъ этого,—сухо сказалъ лордъ Криссъ.—Но мы всѣ замечтались, и никто даже не поздравилъ Тротти. Выпьемъ за ея здоровье и дадимъ слово ввести ее во владѣніе таинственнымъ замкомъ.

— Такъ вы всѣ обѣщаете пріѣхать? Вы не покинете меня?—настаивала м-ссъ Вандердекенъ.

— Мы никогда не покинемъ нашу прекрасную владычицу,—галантно воскликнулъ лордъ Криссъ, поднимаясь и снова наполняя свой стаканъ.—Мы желаемъ ей всякаго счастья и благополучія, и надѣемся, что ей удастся показать намъ настоящее святочное привидѣніе. Мы провозгласимъ ее королевой святочныхъ пировъ, и употребимъ всѣ наши силы, чтобы достойно чествовать ее. Наслѣдство—нѣчто очень прозаичное, чуждое поэзіи. Всякій можетъ получить наслѣдство, но все-таки это довольно пріятно; даже если отъ него отказаться, то всегда найдется кто-нибудь, кто радъ перенять его. Я сегодня не расположенъ философствовать, — устрицы и шампанское не располагаютъ къ размышленіямъ, а привидѣніе, предложенное намъ на дессертъ, окончательно затуманило мой умъ. Но, все-же, я долженъ сказать, что все таинственное имѣетъ для меня большое очарованіе. Неживое всегда страннымъ образомъ влечетъ къ себѣ живыхъ. Тротти даетъ намъ случай проникнуть въ область непознаваемаго,—честь и слава ей за это, какъ и за всѣ ея другія сенсаціонныя открытія. Я кончаю словами поэта:—Египетъ всегда у насъ останется, а духи имѣютъ склонность исчезать.

XV.

Ужинъ кончился очень поздно и, послѣ выпитаго въ большомъ количествѣ шампанскаго и ликера, превратился почти въ оргію; м-ссъ Бради уже подъ утро поѣхала домой вмѣстѣ съ Жоржемъ, которому сразу сдѣлалось скучно, когда Зара ушла къ себѣ въ комнату.

— Что-же, мы поѣдемъ въ Корнваллись? — спросила м-ссъ Бради въ то время какъ коляска везла ихъ по темнымъ туманнымъ улицамъ. — Тротти пригласила всѣхъ присутствовавшихъ на ужинѣ.

— Я не знаю, смогу ли поѣхать: это зависитъ отъ дѣлъ, — отвѣтилъ онъ.

— Какія такія дѣла на Рождествѣ?—сказала м-ссъ Бради. —По моему, непремѣнно слѣдуетъ поѣхать. Будетъ навѣрное очень весело—и можно будетъ дѣлать интересныя наблюденія.

— Можетъ быть, мнѣ и удастся поѣхать,—сказалъ Жоржъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Какая Тротти счастливая! Она и такъ была очень богата, а теперь еще это неожиданно доставшееся ей огромное наслѣдство. — Вѣдь еслибы я работалъ всю мою жизнь, не покладая рукъ, я бы не пріобрѣлъ и четверти такого состоянія.

— Конечно. Я вѣдь говорила, что тебѣ нужно жениться, чтобъ быть богатымъ.

— На это я не согласенъ, — возразилъ Жоржъ очень рѣшительнымъ тономъ.—Если я не могу самъ составить себѣ состояніе, то во всякомъ случаѣ не намѣренъ пользоваться чужимъ богатствомъ.

— Это очень благородно,—отвѣтила м-ссъ Бради,—но подумай, сколько лѣтъ тебѣ придется трудиться, чтобы достигнуть хоть чего-нибудь. И всѣ эти годы нужно жить, и — что̀ хуже всего—доставать деньги на жизнь.

— Знаю, знаю,—сказалъ онъ съ досадой,—зачѣмъ вы вѣчно напоминаете мнѣ объ этомъ, тетя? Какая гадость, что все сводится къ деньгамъ! Вся жизнь превратилась въ погоню за тѣмъ, что̀ въ сущности намъ совершенно не нужно. Иногда мнѣ хочется бросить все это и убѣжать куда-нибудь, гдѣ можно жить простой, здоровой жизнью.

М-ссъ Бради ничего не отвѣтила. Ее всегда пугали подобныя слова Жоржа. Она его любила какъ сына, и ея самымъ завѣтнымъ желаніемъ было создать ему хорошее положеніе въ

обществѣ. Было бы печальной ироніей судьбы, если бы онъ отъ всего отказался какъ разъ въ тотъ моментъ, когда можно было надѣяться на успѣхъ. Она коснулась его руки. — Не будь такимъ малодушнымъ,—сказала она.—Жизнь вовсе не такъ мрачна. Теперь, когда мы хорошо знаемъ этихъ людей, не трудно извлечь пользу изъ дружбы съ ними. Я увѣрена, что ты сдѣлаешь блестящую карьеру, будешь знаменитымъ адвокатомъ.

— Иногда приходится платить слишкомъ дорого за такую знаменитость,—тихо сказалъ онъ, устремляя взглядъ въ ночной мракъ.—Знаете, тетя, мнѣ иногда мучительно хочется уйти къ людямъ, которые не проводятъ жизнь за картами и въ безсмысленныхъ свѣтскихъ развлеченіяхъ,—хочется убѣжать изъ этого проклятаго Лондона, отъ свѣтскихъ обязанностей, отъ лжи, притворства и—женщинъ...

— Жоржъ, милый, что случилось съ тобой?

Онъ засмѣялся отрывистымъ, рѣзкимъ смѣхомъ.—Не знаю; можетъ быть это начало прозрѣнія—до сихъ поръ я былъ слѣпъ.

— Ты такъ говоришь, точно пережилъ какое-нибудь разочарованіе. Надѣюсь, что Адель...

— Забудьте о ней, тетя. Лэди Бодезаръ менѣе всего годится для той роли, которую вы ей предназначаете.

— Очень жаль, что ты такъ думаешь,—сказала м-ссъ Бради. —Она несомнѣнно лучше ихъ всѣхъ. Можетъ быть, если ты ближе ее узнаешь и увидишь ее въ другой обстановкѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—нетерпѣливо воскликнулъ онъ.—Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

М-ссъ Бради подумала о Зарѣ, и сердце ея наполнилось тревогой. Но она поняла, что не слѣдуетъ теперь говорить о ней. Лучше не замѣчать опасности, чѣмъ намекать на нее.

Она почувствовала облегченіе, когда коляска остановилась у ея дома. Жоржъ проводилъ ее до дверей и уѣхалъ домой въ странномъ состояніи безнадежности и тоски о чемъ-то невѣдомомъ.

М-ссъ Бради прошла прямо въ спальню. Она застала тамъ Эжени, сидѣвшую у камина за чтеніемъ журнала, который она отложила при входѣ своей госпожи.

— Боже, какъ я устала! — проговорила м-ссъ Бради, опускаясь въ низкое, глубокое кресло у камина.—Я поѣхала ужинать къ м-ссъ Вандердекенъ послѣ театра. Представьте себѣ, Эжени, она получила въ наслѣдство большое состояніе и имѣніе въ придачу. Какое неслыханное счастье! Она и такъ была довольно богата, а теперь еще вдвое богаче.

— Да, ma'am, правду говорятъ, что дьяволъ заботится о тѣхъ, кто продалъ ему душу,—отвѣтила камеристка, начиная разстегивать платье своей госпожи.— Я читала много страннаго про вашихъ знакомыхъ вотъ въ этомъ журналѣ, ma'am. Тутъ есть также описаніе концерта у лэди Бодезаръ, и я очень обрадовалась, найдя и ваше имя среди другихъ.

— Неужели? Дайте мнѣ прочесть, Эжени!

— Сейчасъ, ma'am. Только позвольте сначала снять платье и подать вамъ капотъ. Вы можете читать, пока я буду убирать вамъ волосы на ночь.

М-ссъ Бради отдала себя въ распоряженіе камеристки и углубилась въ столбцы „Осы“, когда Эжени стала расчесывать ея пышные черные волосы.

— Боже мой!—вдругъ воскликнула м-ссъ Бради:—да тутъ все описано самымъ точнымъ образомъ. Откуда они узнали про вечеръ? Адель мнѣ говорила, что ни одного журналиста не было на концертѣ.

— Мало ли что̀ бываетъ,—отвѣтила Эжени.—Можетъ быть, кто-нибудь изъ гостей пишетъ въ этомъ журналѣ, — ни за кого нельзя ручаться. Но какъ тамъ хорошо сказано про васъ: „Среди присутствующихъ мы замѣтили и м-ссъ Перрену Бради, красивую ирландскую вдову, которая принадлежитъ къ высшему дублинскому обществу и часто посѣщаетъ Лондонъ во время сезона“. Лучше и сказать нельзя. И какъ хорошо описанъ вашъ туалетъ! А потомъ дальше. „Мы видѣли м-ссъ Перрену Бради на Бондъ-Стритѣ; она ѣхала съ лэди Бодезаръ ong route на званый завтракъ“.

— Вы, кажется, выучили это наизусть, Эжени?

— Конечно, ma'am; что̀ же мнѣ дѣлать по цѣлымъ вечерамъ, какъ не читать о вашихъ успѣхахъ въ свѣтѣ? Я говорила, что васъ будутъ называть въ числѣ самыхъ знатныхъ дамъ, и слова мои оправдались.

— Я полагаю, что м-ссъ Вандердекенъ будетъ очень недовольна тѣмъ, что имя Зары проникло въ печать,—сказала м-ссъ Бради.

— Вы говорите объ этой венгерской пѣвицѣ? — спросила Эжени.—Она такая красавица и голосъ ея въ состояніи растрогать камень. Было бы жалко, если бы у нея не нашлось друга, который обратилъ бы вниманіе публики на ея красоту и талантъ.

М-ссъ Бради быстро взглянула на камеристку. — Надѣюсь, Эжени, что эти собиратели свѣтскихъ сплетенъ не пользуются

вашими услугами? Я слышала, что во всѣхъ свѣтскихъ домахъ есть шпіоны, оплачиваемые газетами, и что именно этимъ путемъ попадають въ печать разные слухи.

— Неужели, ma'am? Какъ это ужасно! Но въ такомъ случаѣ, можетъ быть, кто-нибудь изъ слугъ лэди Бодезаръ сообщилъ всѣ эти свѣдѣнія...

— Никто изъ нихъ не знаетъ ничего про меня — и про Дублинъ.

— Они отлично могли узнать. Ваше имя часто называлось въ ирландскихъ газетахъ, а съ тѣхъ поръ, какъ лэди Бодезаръ такъ дружна съ вами, можетъ быть она иногда говорила о васъ со своей горничной,—такъ же, какъ вы иногда говорите мнѣ о ней. Но я не вижу въ этомъ ничего особенно дурного. Я, во всякомъ случаѣ, радуюсь отъ всей души, что вы вошли теперь въ составъ высшаго общества.

М-ссъ Бради уронила „Осу" на полъ. Она задумчиво поглядѣла на свое отраженіе въ зеркалѣ, потомъ снова взоръ ея упалъ на журналъ. . „Слава Богу,—подумала она,—что мое честолюбіе никогда не направлялось въ эту сторону. Какая это пошлая и жалкая слава—быть названной въ числѣ многихъ другихъ, читать описаніе своего туалета въ числѣ множества другихъ туалетовъ и быть обязанной своей извѣстностью наглости людей, добывающихъ свѣдѣнія путемъ подкупа. Можно ли представить себѣ нѣчто болѣе отвратительное"!

Въ порывѣ внезапнаго негодованія она подняла журналъ съ пола, вырвала возмутившую ее страницу и бросила ее въ огонь. Эжени выронила отъ изумленія щетку изъ рукъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали, ma'am? — воскликнула она, оскорбленная въ своемъ авторскомъ самолюбіи.—Такое великолѣпное описаніе... я думала, что оно такъ же понравится вамъ, какъ и мнѣ.

— Какъ вамъ?—М-ссъ Бради высвободила свои волосы изъ рукъ горничной и взглянула ей прямо въ глаза. — Эжени, если вы имѣете какое-либо отношеніе ко всему этому, я сейчасъ же откажу вамъ. Это—величайшая гнусность! Скажите, давали вы какія-нибудь свѣдѣнія о концертѣ, о публикѣ и туалетахъ? Я вспоминаю теперь, какъ вы просили, чтобы я взяла васъ съ собой къ лэди Бодезаръ, но я думала...

— Чтò вы, чтò вы, ma'am? Да развѣ я стала бы писать въ газеты, если бы даже у меня былъ писательскій талантъ! Вѣдь вы знаете, что я терпѣть не могу писать даже письма.

Она, однако, сильно покраснѣла, говоря это, и голосъ ея звучалъ не убѣдительно.

— Во всякомъ случаѣ, имѣйте въ виду на будущее время, что я не допущу, чтобы мой домъ былъ разсадникомъ сплетенъ обо мнѣ самой и о моихъ знакомыхъ. Я не такъ понимаю успѣхъ въ обществѣ. Каждый можетъ устроить, чтобы о немъ говорили въ печати, если ему этого хочется. Гораздо болѣе достойно избѣгать этого.

Эжени продолжала расчесывать волосы м-ссъ Бради, ничего не возражая ей.

— Это—прямое оскорбленіе,—продолжала возмущаться вышедшая изъ себя м-ссъ Бради.—Я удивляюсь, какъ это допускаютъ.

Она снова взяла въ руки разорванный журналъ и стала читать сообщенія на первой страницѣ.

„Въ обществѣ такихъ интересныхъ собесѣдниковъ, какъ лордъ и лэди де-Д., какъ лордъ Гербертъ В. Т. и чета К.,— принцъ У., конечно, очень пріятно провелъ время въ Guille-Home. По вечерамъ шла высокая игра“.

Великосвѣтское остроуміе.

„Нѣкоторыя дамы высшаго свѣта славятся своимъ остроуміемъ, также какъ своими брилліантами. Лэди Т. недавно сказала, что страдающіе желудкомъ—это люди съ оптимистическимъ пищевареніемъ. Само собой разумѣется, что это остроумное опредѣленіе вызвало несмолкаемый хохотъ у слушателей“.

Многообѣщающій членъ радикальной партіи.

„М-ръ Реджи Мак-Тартакъ — молодой и многообѣщающій членъ оппозиціи. Онъ питается только шотландской похлебкой и вареной бараниной, и не носитъ никакихъ украшеній, кромѣ кэрнгормской булавки для галстуха, унаслѣдованной имъ отъ его бабушки. Онъ усердно изучаетъ политику, и можетъ говорить о всякомъ вопросѣ съ большимъ воодушевленіемъ и съ очень замѣтнымъ шотландскимъ акцентомъ. Его, вѣроятно, часто придется слушать въ теченіе наступающей парламентской сессіи— хотя едва-ли многіе поймутъ его жаргонъ“.

Дальше м-ссъ Бради не могла читать, и съ гнѣвомъ бросила весь журналъ въ огонь.

— Я требую, чтобы этотъ гнусный журналъ никогда болѣе не получался у меня въ домѣ!—сказала она.—И помните, Эжени, если я когда-нибудь узнаю, что вы доставляете свѣдѣнія этимъ негодяямъ, собирающимъ свѣтскія сплетни, я моментально отправлю васъ.

Бѣдная Эжени горячо настаивала на своей полной невинности, внутренно глубоко огорченная жестокой критикой на ея литературное произведеніе.

XVI.

Ужинъ у м-ссъ Вандердекенъ сыгралъ большую роль въ судьбѣ м-ссъ Бради. Она была подвергнута, безъ ея вѣдома, баллотировкѣ, когда пришло время разсылать личныя приглашенія участникамъ рождественской поѣздки. М-ссъ Вандердекенъ считала необходимымъ сдѣлать очень строгій выборъ. Никакихъ постороннихъ элементовъ, никакой критики извнѣ не слѣдовало допускать, чтобы не нарушать священной свободы членовъ „Vie Intime“. „Moi—je suis le droit“—было девизомъ, выбраннымъ для предстоящаго собранія, и эти слова стояли въ заголовкѣ посланныхъ „избраннымъ“ приглашеній. М-ссъ Вандердекенъ заѣхала къ Адель Бодезаръ, чтобы лично переговорить относительно м-ссъ Бради.

— Ее непремѣнно нужно позвать,—сказала Адель.—Да вѣдь вы же ее даже пригласили.

— Лично я ее не приглашала. Вы привезли ее съ собой изъ театра, и мое тогдашнее приглашеніе не относилось ни къ кому въ частности. Я потомъ внимательно просмотрѣла списокъ приглашенныхъ и нѣкоторыхъ выключила. Я хочу избѣжать всего, что̀ нарушило бы гармонію нашего общества,—намъ нужна полная свобода.

— Перрена никому не будетъ въ тягость. Она очаровательна, я ее очень полюбила. Она никогда не дуется, всегда весела, готова помочь, дать совѣтъ—и такая пріятная собесѣдница.

— Я этого еще не нашла до сихъ поръ,—замѣтила м-ссъ Вандердекенъ.— Мнѣ она, напротивъ того, не особенно нравится. Она смотритъ на меня всегда такимъ вызывающимъ и явно осуждающимъ взглядомъ—точно все время смѣется въ кулакъ.

— Да развѣ кто-нибудь смѣется въ кулакъ? Это, должно

быть, очень неудобно. Хотѣла бы я знать, кто собственно выдумываетъ пословицы и поговорки. Слѣдовало бы выдумать новыя. Я пробовала недавно, но это труднѣе, чѣмъ кажется. Всегда выходитъ что-нибудь похожее на то, что̀ уже есть у Шекспира или у кого-нибудь другого изъ классиковъ.

— Вы бы лучше отвѣчали на мои вопросы, чѣмъ думать о пустякахъ,—сердито остановила ее м-ссъ Вандердекенъ.—Сто̀итъ ли теперь вспоминать о Шекспирѣ, когда всѣ передовые люди убѣждены, что не онъ—авторъ своихъ драмъ. Скажите лучше, увѣрены ли вы, что ваша Перрена не будетъ намъ ни въ чемъ мѣшать?

— Насколько я ее знаю, въ ней нѣтъ ничего, что̀ могло бы шокировать кого-либо изъ насъ.

М-ссъ Вандердекенъ хотѣла еще что-то сказать, но остановилась и опустила глаза.

— Скажите,—спросила она,—какую новую роль вы выбрали для себя?

— Въ настоящее время—никакой; поэтому-то мнѣ такъ пріятно въ обществѣ Перри. Она держится такъ просто и естественно, и дѣйствительно иногда говоритъ то, что̀ думаетъ.

— Это, дѣйствительно, оригинально,—сухо сказала Тротти.— Но именно поэтому я и спрашиваю васъ, можно ли ей довѣрять?

— Во всякомъ случаѣ, не менѣе чѣмъ Жоржу.

— Жоржу? — съ изумленіемъ повторила м-ссъ Вандердекенъ.—Я не собиралась приглашать Жоржа.

— Почему? Вы боитесь, что онъ влюбится въ Зару?

— Ничуть не боюсь,—холодно возразила Тротти.—Я съумѣю предотвратить это.

— А она тоже поѣдетъ съ нами?

— Конечно, но будетъ выходить къ гостямъ только послѣ обѣда, и то на короткое время.

— Бѣдняжка!

— Она любитъ работать, и когда у нея есть рояль и книги, ей ничего больше не нужно. Она совершенно не похожа на нашихъ свѣтскихъ барышенъ.

— За это—большое ей спасибо. Но, возвращаясь къ нашему разговору, я должна сказать вамъ откровенно, что поѣду только въ томъ случаѣ, если вы пригласите и Перрену. Я боюсь ѣхать въ деревню безъ охраняющаго меня друга.

— Но если я приглашу ее, придется пригласить и Жоржа,— сказала Тротти недовольнымъ голосомъ. — А онъ всѣмъ намъ чужой..

— Мнѣ казалось, что съ Криссомъ...

— Теперь ихъ дружба кончилась; мнѣ Криссъ самъ говорилъ. Жоржъ сдѣлался очень замкнутымъ, вѣчно работаетъ и не выходитъ изъ дома, и даже не проситъ денегъ взаймы.

Адель разсмѣялась.

— Я вижу въ этомъ вліяніе его тети,—сказала она.—Она умѣетъ подчинять людей своей волѣ.

— Я, право, боюсь ея,—продолжала Тротти.—Обѣщайте, по крайней мѣрѣ, занимать ее, если она пріѣдетъ.

— Съ удовольствіемъ. Вы можете быть совершенно спокойны—она не причинитъ вамъ непріятностей. Но скажите, вы имѣете представленіе о домѣ, куда вы насъ зовете? Можетъ быть, тамъ нельзя жить?

— Домъ вполнѣ благоустроенный. Я давно тамъ не была, и поѣду за нѣсколько дней до васъ, чтобы привести все въ полный порядокъ.

— Вѣдь до Корнваллиса очень далеко?

— Ближе чѣмъ до Петербурга,—часовъ семь ѣзды по желѣзной дорогѣ.

— А это правда относительно комнаты, гдѣ появляется привидѣніе, или вы это придумали для интересности?

— Нѣтъ, правда,—что не мѣшаетъ, конечно, интересности. А теперь прощайте,—сказала Тротти, застегивая свою мѣховую накидку.—У меня еще бездна дѣлъ сегодня.

— Вы не забудете послать приглашеніе Перренѣ?

— Нѣтъ, если вы ручаетесь, что не выйдетъ непріятностей. Кстати, Адель, я забыла вамъ разсказать, что получила сегодня утромъ нумеръ какого-то новаго вздорнаго журнала „Оса“, въ которомъ помѣщенъ точный отчетъ о концертѣ Зары, о ея перемѣнѣ туалетовъ, о присутствовавшихъ въ публикѣ лицахъ. Какъ это они вывѣдали все? Вы обѣщали, что не позовете рецензентовъ.

— Да ихъ и не было, насколько я знаю. Я ни въ одну газету не послала билетовъ.

— А въ этомъ журнальчикѣ описано все въ подробности,—злобно сказала м-ссъ Вандердекенъ. — И эти нахалы пишутъ, что на васъ были недурные брилліанты. Подумайте, какой-нибудь невѣжда, не умѣющій отличить Ко-и-нора отъ горнаго хрусталя, смѣетъ судить о нашихъ брилліантахъ!

— Это постоянно дѣлается, и я не знаю, какъ уберечься отъ этого. Кстати, я въ этотъ вечеръ носила только жемчугъ, и на мнѣ не было ни одного брилліанта.

— А замѣтили ли вы, что ваша пріятельница, м-ссъ Бради, никогда не носитъ бриллiантовъ.

— Она не любитъ ихъ,—сказала Адель,—и считаетъ нашъ обычай обвѣшивать себя камнями и побрякушками варварскимъ. Да она и права—у нея такія безукоризненно красивыя плечи и руки, что никакіе бриллiанты не могли бы придать имъ еще больше красоты.

— Однимъ словомъ, она—совершенство,—иронически возразила м-ссъ Вандердекенъ, направляясь къ дверямъ.—Я приглашу ее ради васъ—помните это. Я не знаю сама, почему я не довѣряю ей, но не могу побѣдить своего предубѣжденія. Я увѣрена, что она ко мнѣ нехорошо относится.

— Криссу она, кажется, нравится.

— Да, онъ говоритъ, что она забавна.

М-ссъ Вандердекенъ остановилась въ дверяхъ.

— Знаете, что мнѣ пришло въ голову?—сказала она.—Возможно, что это она написала замѣтку о концертѣ.

— Милая Тротти, почему васъ такъ волнуетъ эта замѣтка? О насъ постоянно пишутъ разный вздоръ,—пора бы уже привыкнуть къ этому. Я совершенно увѣрена, что Перри тутъ ни при чемъ. Она такъ презираетъ газетныя сплетни.

— Можетъ быть, она притворяется, чтобы отстранить подозрѣніе?

— Хотите, я спрошу ее?

— Какой вы ребенокъ, Адель! Да развѣ она признается? Помните м-ссъ Артурсонъ, которая въ прошломъ году всюду бывала, и никто не подозрѣвалъ, что она—журналистка. А она насъ всѣхъ потомъ вышучивала въ газетахъ.

— Такъ вы думаете, что Перрена тоже на это способна?

— Нѣтъ, я не думаю, что она пишетъ—для этого она слишкомъ много говоритъ; писатели обыкновенно неинтересны въ разговорѣ, если только они не говорятъ о своихъ произведеніяхъ. А теперь я должна, наконецъ, уйти. У меня сегодня завтракаетъ нѣсколько дѣловыхъ людей, и мнѣ опять придется подписывать бумаги. Это такъ скучно!

— Ради семидесяти тысячъ фунтовъ стóитъ немного поскучать. Сколько же у васъ будетъ теперь годового дохода! Тротти? Не выйдете ли вы теперь замужъ?

— Нѣтъ, довольно съ меня и перваго опыта. Мужчины или скучны, или грубы. Чтобы хорошо относиться къ нимъ, лучше быть отъ нихъ подальше.

— Но мнѣ казалось, что Крисси...

М-ссъ Вандердекенъ вспыхнула отъ гнѣва.

— Вы съ ума сошли, Адель! Крисси... онъ умѣетъ только дѣлать долги и придумывать злыя шутки. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы иногда уплачивать за него часть этихъ долговъ и выслушивать его шутки. Но выйти за него замужъ— какая нелѣпая мысль!

Она, наконецъ, ушла, и Адель засмѣялась, когда дверь закрылась за нею.

„Бѣдная Тротти!—подумала она.—Она становится все болѣе и болѣе странной. Хорошо, что она такъ богата и никто не смѣетъ поэтому осуждать ее“.

Дверь снова раскрылась, и въ комнату вошелъ Оскаръ Джонсъ. Лицо его было блѣдно и взволнованно.

— Наконецъ-то вы появились, Оскаръ. Гдѣ вы пропадали?— я не видѣла васъ со времени концерта. Чтò случилось? У васъ такой видъ, точно вы возвращаетесь со своихъ собственныхъ похоронъ.

— Вы почти что угадали,—сказалъ юный геній могильнымъ голосомъ.

Онъ сѣлъ въ кресло и вынулъ изъ бокового кармана нумеръ журнала въ яркой обложкѣ.

— Вотъ могила моихъ надеждъ, моего артистическаго честолюбія,—сказалъ онъ, становясь все болѣе и болѣе мрачнымъ.— Вы обѣщали быть мнѣ другомъ; я преклонялся передъ вами, какъ передъ богиней и моимъ добрымъ геніемъ—и вы погубили меня.

— Я васъ погубила! Чтò вы хотите сказать?

— Читайте!—сказалъ онъ, открывая передъ ней страницу злополучнаго журнала.—Вы увидите, какъ жестоко меня оскорбили.

Лэди Бодезаръ увидѣла отмѣченный карандашомъ параграфъ и прочла слѣдующее:

„Въ промежуткѣ между двумя отдѣленіями неизвѣстный піанистъ (котораго публика, вѣроятно, никогда больше не услышитъ) пытался привлечь вниманіе очень неудовлетворительнымъ исполненіемъ нѣсколькихъ пьесъ. Его выборъ сонаты Шопена былъ весьма неудаченъ, такъ какъ она превышала его силы. Намъ сообщаютъ, что ему покровительствуетъ одна свѣтская дама, которая думаетъ, что музыкальный геній можетъ народиться и въ Истъ-Эндѣ. Имя, подъ которымъ выступаетъ этотъ бездарный артистъ—Оскаръ Позеревичъ“.

Лэди Бодезаръ бросила журналъ на полъ и разсмѣялась.

— Это слишкомъ зло,—сказала она.—Но почему вы, дѣй-

ствительно, вздумали играть траурный маршъ, вмѣсто какой-нибудь изъ граціозныхъ вещичекъ, которыя вамъ такъ удаются? Я говорила, что публика не станетъ слушать серьезной музыки.

— Слушала ли публика, или нѣтъ—это не имѣетъ никакого значенія,—надменно сказалъ Оскаръ.—Я возмущенъ тѣмъ, что вы обманули меня. Вы сказали, что рецензентовъ не будетъ на концертѣ. Какъ же эта замѣтка попала сюда?

Онъ взглянулъ съ презрѣніемъ на „Осу“, которая такъ больно ужалила его самолюбіе.

— Я сама не знаю, какъ это случилось! — воскликнула Адель. — Ни я, ни м-ссъ Вандердекенъ не приглашали никого изъ рецензентовъ. Она тоже очень сердита на то, что имя Зары попало въ печать. Я наведу справки. Это дѣйствительно очень непріятно. У васъ было нѣсколько билетовъ—кому вы ихъ дали?

— Нѣсколькимъ товарищамъ,—но они не пришли.

— Значитъ, это не они написали;—кто же въ такомъ случаѣ?

Она невольно стала на минуту подозрѣвать м-ссъ Бради. Неужели она послала замѣтку въ „Осу“, чтобы подшутить надъ бѣднымъ Оскаромъ, котораго она часто высмѣивала? Но это была слишкомъ жестокая шутка.

— Оставьте мнѣ журналъ,—сказала она,—и успокойтесь. Вы еще часто будете выступать, и эта замѣтка забудется. Кромѣ того, я сегодня же съѣзжу къ редактору и потребую, чтобы онъ мнѣ назвалъ автора рецензіи. Если онъ не захочетъ, я пригрожу ему судомъ за клевету.

— Нѣтъ, не доводите дѣла до суда!—воскликнулъ бѣдный Оскаръ.—Я ни за что не явлюсь на разбирательство. Меня еще могутъ заставить играть передъ судомъ—подумайте, какой ужасъ —исполнять великія музыкальныя произведенія передъ лавочниками и мясниками, все музыкальное образованіе которыхъ сводится только къ тому, что они могутъ узнать „God save the queen“,—и то потому, что публика поднимается съ мѣстъ или снимаетъ шляпы при звукахъ гимна.

— Вы положительно можете соперничать съ Крисси по остроумію, — сказала со смѣхомъ лэди Бодезаръ.—Но успокойтесь. Дальше угрозъ я не пойду. Журналъ еще совсѣмъ новый—это только второй нумеръ. Пойдемте завтракать и перестаньте огорчаться. Намъ всѣмъ одинаково досталось. Въ той же замѣткѣ, какъ мнѣ передавали, говорится о моихъ брилліантахъ. Забудемъ же наше горе за стаканомъ вина. Ахъ, да я и забыла, что вы ничего не пьете. Я вамъ дамъ стаканъ аполинариса—это, кажется, позволяется вашимъ режимомъ?

XVII.

Сейчасъ же послѣ завтрака Адель отправилась въ редакцію „Осы“.

Увидѣвъ изъ окна подъѣхавшую карету съ гербами и ливрейнымъ лакеемъ, клеркъ, сидѣвшій въ конторѣ, поспѣшилъ предупредить своего принципала:

— Пріѣхала какая-то важная особа,—доложилъ онъ.—Что мнѣ сказать?

— Пусть англійская аристократія тоже поучится терпѣнію,—отвѣтилъ молодой редакторъ, говорившій съ американскимъ акцентомъ.—Попросите подождать.

— Но это знатная дама; – она пріѣхала одна, въ каретѣ съ гербами.

— У меня одинаковыя правила для всѣхъ. Впрочемъ, пусть посидитъ въ пріемной пять минутъ вмѣсто десяти.

Клеркъ вернулся въ контору, и когда раздался стукъ въ двери, сухо сказалъ: „войдите“.

Адель остановилась въ дверяхъ, быстро оглядѣла комнату и спросила рѣзкимъ тономъ:

— Здѣсь редакція „Осы“?

— Да, сударыня,—отвѣтилъ клеркъ, оглядывая ее съ восхищеніемъ и вдыхая запахъ ея тонкихъ духовъ.

— Мнѣ нужно видѣть редактора. Передайте ему мою карточку.—Она положила карточку на конторку.

Клеркъ поднялся.—Кажется, редакторъ очень занятъ. Но я пойду спросить, не можетъ ли онъ васъ все-таки принять.

— Онъ долженъ принять меня. Скажите, что мнѣ нужно видѣть его немедленно.

Юноша взялъ карточку и пошелъ въ кабинетъ. Черезъ минуту онъ вернулся.—Пожалуйте,—сказалъ онъ,—м-ръ Топгамъ Голь ждетъ васъ.

Онъ провелъ ее въ кабинетъ, заперъ дверь и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ.

Лэди Бодезаръ, едва взглянувъ на молодого редактора, бросила ему на столъ нумеръ „Осы“ съ возмутившей ее замѣткой о ея протежé и сердито спросила:

— Это вы отвѣтственны за эту гадость?

Редакторъ взглянулъ на нее невозмутимымъ взглядомъ человѣка, который научился искусно скрывать свои чувства.

— Это мой журналъ—совершенно вѣрно. Онъ уже расходится въ количествѣ...

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, въ какомъ количествѣ онъ расходится. Я желаю знать, кто авторъ этой гнусной клеветы на талантливаго артиста и моего пріятеля.

У молодого редактора зазвенѣло въ ушахъ отъ испуга, но онъ сохранилъ наружно невозмутимое спокойствіе истаго американца. Онъ пробѣжалъ глазами отмѣченный параграфъ.

— Мои свѣдѣнія идутъ изъ источника, заслуживающаго полнаго довѣрія, маркиза, — сказалъ онъ, отложивъ нумеръ „Осы“.—Что̀ васъ собственно разсердило?

— Самое появленіе замѣтки,—гнѣвно воскликнула Адель.—Концертъ имѣлъ совершенно частный характеръ. Мы не приглашали рецензентовъ, и я желаю знать, какимъ образомъ вы добыли свѣдѣнія о немъ.

Онъ улыбнулся.—Я получилъ свѣдѣнія отъ лица, заслуживающаго полнаго довѣрія, и увѣренъ, что все, что̀ здѣсь написано, правда.

— Въ такомъ случаѣ вы будете отвѣчать за эту правду. Я сейчасъ же поѣду къ моему адвокату и поручу ему начать дѣло о клеветѣ. Вашъ журналъ возмутителенъ своимъ дерзкимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь людей. Пора прекратить это нарушеніе всякихъ правилъ приличія.

Она быстро поднялась и направилась къ двери.

— Подождите, — повелительно крикнулъ редакторъ,—подождите, сударыня! Мы разсудимъ это дѣло сами. Пресса не можетъ считаться съ деликатностью чувствъ и неприкосновенностью знатныхъ именъ. Ея назначеніе—сообщать правду. Вы обвиняете меня въ клеветѣ. Но не забудьте, что мы живемъ въ странѣ, гдѣ законъ признаетъ полную свободу печати. Все, что̀ сказано въ моемъ журналѣ—полная правда. Вѣдь концертъ дѣйствительно былъ, и названные въ замѣткѣ артисты участвовали въ немъ. Было двѣсти гостей, и почему не предположить, что одинъ или нѣсколько человѣкъ изъ числа приглашенныхъ сообщили мнѣ свѣдѣнія о томъ, что̀ происходило на вашемъ вечерѣ?

— Ни одинъ изъ моихъ гостей не унизился бы до этого.

Онъ улыбнулся злой улыбкой.

— Знаете ли, я могу вамъ сказать по опыту, что свѣтскія дамы согласны на все, что̀ угодно—за деньги. Какимъ путемъ, по вашему, проникаютъ въ печать слухи о свѣтскихъ скандалахъ?—только черезъ самихъ же аристократическихъ дамъ. Что̀ бы вы ни говорили, а всѣ вы любите, чтобы о васъ какъ можно

больше говорили. Что же касается обвиненія въ клеветѣ, то я совѣтую вамъ подумать хорошенько, прежде чѣмъ обращаться въ судъ. „Оса“ умѣетъ больно жалить. Кромѣ того, не мы одни передаемъ слухи о свѣтской жизни. Посмотрите (онъ указалъ на цѣлую кипу лежащихъ на его столѣ журналовъ),—вотъ „Будуаръ“, „Наблюдатель“, „Молнія“,—всѣ они описываютъ ваши платья, ваши бриллiанты, ваши пріемы и вашихъ друзей. Очевидно, правда носится по воздуху,—иначе какъ бы она доходила до насъ?

— Хороша правда!—возмущенно воскликнула Адель.—Вы, вѣроятно, подкупаете нашихъ лакеевъ и горничныхъ, и думаете, что они сообщаютъ вамъ правду. Я, во всякомъ случаѣ, рѣшила положить этому конецъ. Мои друзья и я сама такъ возмущены всѣми выдумками и сплетнями, что мы рѣшили проучить васъ за ваши продѣлки.

— Продѣлки? — молодой редакторъ весь вспыхнулъ:—простите, маркиза, за эти слова я могу и васъ обвинить въ оскорбленіи. Я уже сказалъ, что законъ даетъ полную свободу выражать мнѣнія. Меня нечего учить тому, что̀ дозволено и что̀ не дозволено. Я прошелъ хорошую школу, издавалъ большую газету въ Америкѣ, сударыня, и меня не можетъ запугать лондонская аристократія. На столбцахъ моего журнала говорится откровенная правда, и меня не могутъ подкупить титулы и гербы. Я утверждаю, что я въ правѣ пользоваться свободой прессы, и не уступлю моего права.

— Вы, кажется, забываете, что вамъ придется доказывать правду каждаго слова въ этой замѣткѣ.

Мистеръ Топгамъ Голь на минуту задумался о томъ, принесетъ ли пользу „Осѣ“ процессъ противъ нея, или повредитъ ей. Иногда это бываетъ хорошей рекламой для начинающаго изданія, но иногда судъ слишкомъ строгъ съ журналистами. Быть можетъ, онъ дѣйствительно зашелъ слишкомъ далеко, и лучше проявить теперь осторожность. Эти мысли быстро пробѣжали въ его головѣ, при взглядѣ на сердитое, надменное лицо лэди Бодезаръ.

— Не соблаговолите ли вы присѣсть еще на минуту, чтобы обсудить это дѣло,—сказалъ онъ наконецъ.—Можетъ быть, васъ удовлетворитъ извиненіе, помѣщенное въ слѣдующемъ нумерѣ?

— Нѣтъ, этого недостаточно. Я требую полнаго опроверженія всей замѣтки, и кромѣ того требую, чтобы вы назвали автора.

— Это совершенно невозможно. Называть имена сотрудни-

ковъ—все равно, что выдавать тайну исповѣди... Это—противъ этики журнализма... Мы не выдаемъ ничьихъ тайнъ.

— Вы именно выдаете чужія тайны самымъ наглымъ образомъ,—даже не провѣряя, сообщили ли вамъ правду.

— Я прошу васъ указать мнѣ на одно невѣрное свѣдѣніе въ этой замѣткѣ, — возразилъ молодой редакторъ. — Вѣдь концертъ былъ, и въ немъ участвовала молодая пѣвица, которая появилась въ двухъ разныхъ туалетахъ. Значитъ все это правда, и вы напрасно гнѣваетесь и напрасно оскорбляете мой журналъ. Я тоже вѣдь могу притянуть васъ къ суду за клевету. Свѣтъ правосудія проникаетъ сквозь шолкъ и кружева знатныхъ аристократокъ такъ же, какъ сквозь простую одежду болѣе скромныхъ людей. Вы всѣ считаете себя привилегированнымъ сословіемъ, а я уроженецъ страны, гдѣ всѣ равны,—исключая милліонеровъ. Я пріѣхалъ сюда съ твердымъ рѣшеніемъ освѣтить съ полной безпристрастностью все, что̀ творится въ высшемъ англійскомъ обществѣ. Я хочу пробудить льва въ его логовищѣ, и очень горжусь тѣмъ, что мнѣ удалось разбудить—львицу.

Гнѣвъ лэди Бодезаръ улетучился во время рѣчи редактора,—ей вдругъ сдѣлалось смѣшно. Она сѣла на стулъ и, приложивъ къ губамъ платочекъ, обшитый кружевомъ „дюшесъ“ (невѣжественный редакторъ впослѣдствіи назвалъ это кружево „point d'Angleterre“), чтобы скрыть улыбку, сказала:

— Дайте мнѣ эту замѣтку, и я сейчасъ докажу вамъ, сколько въ ней неправды.

Редакторъ повиновался. Онъ понялъ, что дѣло кончится миромъ, и мысленно уже готовилъ описаніе этого интервью съ маркизой.

Адель перечла замѣтку смѣющимися глазами.

— Вотъ видите,—сказала она, стараясь придать рѣзкость своему голосу.—У васъ, напримѣръ, сказано, что на мнѣ были хорошіе брилліанты. А на мнѣ не было брилліантовъ.

— Мнѣ очень жаль васъ, маркиза. Я знаю, что теперь часто свѣтскія дамы пускаютъ въ оборотъ свои брилліанты и замѣняютъ ихъ парижскими имитаціями, которыя могутъ обмануть самаго проницательнаго мужа...

— Какъ вы смѣете!—воскликнула Адель, выходя изъ себя.

— И которые не можетъ отличить отъ настоящихъ даже любой лордъ,—невозмутимо продолжалъ редакторъ.

— Мои брилліанты настоящіе,—только дѣло въ томъ, что на мнѣ былъ въ этотъ вечеръ жемчугъ. Вотъ уже первая неправда.

— Это простая опечатка, увѣряю васъ.

— Опечатки очень удобны для издателей газетъ,—сухо замѣтила Адель.—Недавно въ одномъ изъ мелкихъ журналовъ, вродѣ вашего, появился разсказъ, подписанный именемъ извѣстнаго писателя. Въ слѣдующемъ нумерѣ помѣщено было письмо этого писателя, заявлявшаго, что разсказъ написанъ не имъ;— очевидно, это была тоже опечатка.

— Конечно, такихъ случайностей нельзя избѣжать въ нашемъ дѣлѣ,—сказалъ мистеръ Топгамъ Голь.

Лэди Бодезаръ стало очень весело. „Этотъ разговоръ—богатый матеріалъ,—думала она,—для романа изъ жизни современнаго общества“, который она собиралась писать, когда у нея будетъ свободное время. Она уже собрала для романа много подробностей изъ жизни своихъ прежнихъ друзей, съ которыми разошлась съ тѣхъ поръ. Она снова пробѣжала глазами столбцы „Осы“.

— А вотъ это,—воскликнула она,—какъ вы вотъ это объясните?

Она прочла клевету, пущенную про Оскара Позеревича.

— Вѣдь все это выдумка,—сказала она.

— Представьте себѣ, сударыня, —холодно сказалъ редакторъ,—что все это правда. Вашъ протеже́ дѣйствительно родомъ изъ Истъ-Энда. Его мать въ настоящее время устроила прачешное заведеніе, а его почтенный отецъ играетъ на тромбонѣ въ Ислингтонѣ.

— Это неправда,—сердито возразила Адель.—Онъ ученикъ консерваторіи и живетъ въ Вестъ-Эндѣ.—Она была въ этомъ увѣрена, потому что сама платила за его комнату.—И во всякомъ случаѣ, никому нѣтъ дѣла до его родителей. Онъ—геній, и я докажу это всѣмъ.

— Вы очень вліятельны, маркиза, и вѣроятно вамъ удастся сдѣлать все, что̀ вы хотите. Но вы не можете измѣнить происхожденіе этого юноши, какъ вы измѣнили его имя,—и вамъ трудно будетъ также заставить повѣрить въ его геніальность. Ваша пріятельница сдѣлала болѣе удачное открытіе: прекрасная молодая венгерка дѣйствительно очень талантлива. Это ясно для всякаго, даже самаго недальновиднаго человѣка.

— И даже для вашего сотрудника?—быстро возразила Адель.

— Вы очень находчивы и остроумны, маркиза, но все-таки не совѣтую вамъ состязаться со мной.

Онъ откинулся въ креслѣ и пристально взглянулъ на нее; онъ на минуту подумалъ, что, можетъ быть, можно подкупить и ее, какъ онъ уже подкупалъ многихъ несостоятельныхъ аристо-

кратовъ и аристократокъ, но не осмѣлился прямо повести на нее атаку; но во всякомъ случаѣ онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ свиданіемъ для распространенія журнала.

„Гнѣвъ ея прошелъ,—подумалъ онъ,—и о процессѣ уже теперь не будетъ рѣчи. Чѣмъ мнѣ задобрить ее? Можетъ быть, обѣщать протекцію ея „генію“?“

— Я готовъ пойти на уступки,—сказалъ онъ, обращаясь къ Адель,—если вы будете милы со мною. Вамъ непріятенъ рѣзкій отзывъ о вашемъ протежé? Я обѣщаю вамъ, что въ слѣдующій разъ, когда онъ выступитъ въ публикѣ, я буду его очень хвалить. Мнѣ уже пришлось создать не одну артистическую репутацію въ моихъ прежнихъ изданіяхъ. Но за это, я надѣюсь, вы будете выписывать „Осу“ и нумера ея будутъ лежать у васъ въ гостиной для того, чтобы ваши свѣтскіе друзья могли ознакомиться съ моимъ журналомъ. Вы согласны?

Лэди Бодезаръ поднялась съ видомъ оскорбленнаго величія и направилась къ двери. Тамъ она, однако, остановилась и снова вернулась къ столу.

— Вы напечатаете опроверженіе замѣтки объ игрѣ Позеревича?

— Полное опроверженіе.

— И скажете, что все, чтò тамъ написано про Истъ-Эндъ— невѣрно?

— Да, я скажу, что это недоразумѣніе, что намъ сообщили невѣрныя свѣдѣнія.

— И вы посвятите его концерту два столбца, и будете рекламировать его въ Америкѣ?

— Да, обѣщаю вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, присылайте мнѣ дюжину экземпляровъ каждую недѣлю. Они пригодятся для растопки каминовъ. Прощайте...

— Чортъ побери, я говорилъ, что „Оса“ прожужжитъ на весь міръ! Только три нумера вышло, и я держу въ своихъ рукахъ лондонскую аристократію. Маркъ Вашингтонъ Топгамъ Голь, вы—геній самой чистой воды, какъ говорятъ въ Балтиморѣ!

XVIII.

Адель Бодезаръ была такъ возбуждена свиданіемъ съ представителемъ печати, что поѣхала сейчасъ же къ м-ссъ Бради,

чувствуя необходимость излить свою душу. Она застала свою пріятельницу въ столовой; м-ссъ Бради только-что вернулась послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ магазинахъ.

— Ахъ, какъ это мило, что вы пріѣхали!—воскликнула она.—Отошлите коляску и останьтесь поболтать со мной подольше. Мнѣ ужасно хотѣлось видѣть васъ.

— И мнѣ тоже. У меня такъ много новостей. Мнѣ бы нужно было сдѣлать еще визиты, но я отложу ихъ до слѣдующаго раза. Велите моему кучеру ѣхать домой.

Адель опустилась въ кресло и сняла свои мѣха, пока м-ссъ Бради пошла распорядиться относительно коляски.

— Какія же у васъ новости?—спросила она, вернувшись и снова усаживаясь въ кресло.—Намъ сейчасъ подадутъ чай. Я такъ устала отъ рысканья по магазинамъ. Но что̀ съ вами, у васъ такой возбужденный видъ? Можетъ быть, вы тоже получили наслѣдство, какъ Тротти?

— Увы, наслѣдства я не получила,—а это было бы очень кстати. Деньги уходятъ въ такомъ невообразимомъ количествѣ, и сколько бы ихъ ни имѣть, все-таки еще недостаетъ. Какъ мило вы устроились, Перрена, и до чего пріятнѣе имѣть женскую прислугу, чѣмъ мужскую! У меня вѣчныя непріятности съ лакеями и поварами. Всѣ они слишкомъ самостоятельны и дерзки. Скоро будетъ какъ въ Америкѣ, гдѣ прислуга работаетъ только когда ей вздумается.

Она остановилась при видѣ горничной, которая вошла съ чаемъ. За нею вошла ангорская кошка м-ссъ Бради въ ошейникѣ изъ блестящихъ камней съ привѣской, на которой было написано ея имя. Лэди Бодезаръ погладила мягкую шерсть кошки и обратила вниманіе на ея ожерелье.

— Вы еще не заказывали ея портретъ въ миніатюрномъ видѣ? Это теперь очень въ модѣ. Мой Омаръ очарователенъ на портретѣ въ золотой рамкѣ, украшенной аметистами. Я выбрала аметисты, потому что они идутъ къ цвѣту его шерсти.

М-ссъ Бради засмѣялась.

— Вы собираетесь все время разыгрывать комедію,—спросила она,—или мы будемъ говорить просто?

— Послушайте, Перрена,—сказала лэди Бодезаръ искреннимъ тономъ:—я пришла къ заключенію, что свѣтскіе нравы дѣйствительно нелѣпы. Неудивительно, что насъ высмѣиваютъ въ газетахъ и на сценѣ, и что низшіе классы презираютъ насъ. Мы сами виноваты, и несчастье въ томъ, что трудно прекратить всѣ наши глупости; все идетъ по разъ заведенному по-

рядку, и жизнь катится, растаптывая по пути совѣсть, благовоспитанность и даже здравый смыслъ, превращая жизнь въ сплошное уродство.

М-ссъ Бради была такъ поражена словами Адель, что остановилась, держа серебряный чайникъ въ рукахъ и забывая налить чай.

— Что съ вами, Адель?—воскликнула она, изумленно глядя на свою пріятельницу.

— Я на этотъ разъ говорю совершенно искренно,—продолжала лэди Бодезаръ.—Я только-что была въ одной редакціи. Редакторъ, кажется, американецъ, и мы съ нимъ жестоко поспорили относительно того, что считается приличнымъ современными журналистами.

М-ссъ Бради налила, наконецъ, чашку чая и дала Адель.

— Это интересно,—сказала она.—Но надѣюсь, что вы не поѣхали давать редактору свѣдѣнія о себѣ и своихъ знакомыхъ.

— До этого униженія я еще не дошла,—сказала Адель.—Я отправилась угрожать судомъ за клевету, но я пришла, увидѣла и была побѣждена...

— Угрожать судомъ?—М-ссъ Бради отставила чашку.—Это вы объ этомъ журналѣ говорите, Адель?

Она вынула номеръ журнала изъ-подъ подушки на диванѣ. Она изъ любопытства купила еще одинъ экземпляръ „Осы“ взамѣнъ разорваннаго ею нумера. Редакторъ былъ правъ, хвастая тѣмъ, что продажа его журнала увеличивается.

— Да, это онъ и есть,—сказала лэди Бодезаръ, увидѣвъ знакомое уже ей изображеніе насѣкомаго на обложкѣ.—Я была такъ взбѣшена тѣмъ, что сказано про моего бѣднаго Оскара, что сама отправилась въ редакцію. Результатъ визита оказался неожиданнымъ. Сначала у насъ былъ крупный разговоръ, но кончился онъ тѣмъ, что я обѣщала подписаться на нѣсколько экземпляровъ и держать ихъ у себя въ гостиной.

— Неужели, Адель, онъ смогъ убѣдить васъ въ своей правотѣ?

— О, нѣтъ. Напротивъ того, онъ напечатаетъ опроверженіе.

Она быстро разсказала о своемъ разговорѣ съ редакторомъ.

— Жаль, что я не знала о томъ, что вы собираетесь ѣхать къ нему; я бы тоже поѣхала, потому что и я считаю себя оскорбленной. Обо мнѣ говорится въ замѣткѣ съ возмутительной фамильярностью.

— Фамильярность теперь составляетъ основу газетныхъ сообщеній. Возьмите какую угодно газету и прочтите извѣстія о свѣтской жизни. Вы всегда чувствуете, что авторъ каждой изъ

такихъ замѣтокъ старается показать, что онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ тѣми, о комъ пишетъ. Мы сами виноваты, что допускаемъ этотъ фамильярный тонъ, который сначала казался забавнымъ. Когда мы катаемся въ паркѣ, про насъ пишутъ, что шляпа намъ очень шла, или что на насъ были „недурные мѣха". Когда описывается представленіе въ театрѣ, репортеры позволяютъ себѣ сообщать, что „графиня А. смотрѣла очень мило въ своей ложѣ и имѣла на себѣ хорошіе брилліанты"; что „лэди Б. носила низкую прическу изъ своихъ собственныхъ волосъ", и т. д. Я могла бы привести сотню примѣровъ. Но мы терпимъ эти дерзости только потому, что это какъ будто создаетъ намъ популярность въ обществѣ.

— Но, Адель...

— Я знаю, чтò вы хотите сказать; конечно, я тоже такая же, какъ другія, но это не можетъ помѣшать мнѣ видѣть, какъ все это отвратительно. Когда Модъ Вильямъ отправилась сестрой милосердія въ южную Африку, у насъ всѣ смѣялись надъ ней. Я завидовала ей, но не имѣла храбрости отдѣлаться отъ свѣтскихъ обязательствъ и тоже отправиться. Мы всѣ или глупы, или трусливы. Я удивляюсь, что не наступаетъ новый потопъ, чтобы смыть насъ всѣхъ съ лица земли. Но такіе люди, какъ Крисси, думаютъ вѣроятно, что имъ стòитъ появиться передъ лицомъ Всевышняго съ остротой на устахъ, чтобы всѣ ихъ прегрѣшенія были прощены. Не останавливайте меня, Перри, я должна излить свою душу. Васъ я полюбила за то, что вы не похожи на всѣхъ насъ. Будьте за это благодарны судьбѣ, и не старайтесь походить на насъ. Слѣдуйте нашимъ модамъ, но не нашему преклоненію передъ денежными мѣшками, не нашимъ нездоровымъ страстямъ, не нашему расточительству. Мы всѣ помѣшаны на роскоши и туалетахъ, боимся состариться, боимся соперничества нашихъ дочерей, и—главное—стараемся сохранить свое положеніе въ обществѣ хотя бы цѣной величайшаго нравственнаго паденія. Мы живемъ въ грязи среди нашей погони за свѣтскимъ успѣхомъ!

Она откинулась въ креслѣ, вся дрожа отъ волненія, и м-ссъ Бради смотрѣла на нее широко раскрытыми отъ удивленія глазами.

— Чтò съ вами, Адель?—воскликнула она.

— Я сама не знаю; это иногда находитъ на меня. Можетъ быть это истерія, а можетъ быть во мнѣ говоритъ уцѣлѣвшая частица человѣческаго достоинства. Боже, до чего я дошла въ двадцать-семь лѣтъ! Я была когда-то горда, Перрена, и чиста

душой, а теперь...—Она разрыдалась и закрыла лицо руками. М-ссъ Бради встала и подошла къ ней совершенно растерянная. Она никогда не ожидала ничего подобнаго отъ вѣчно смѣющейся, беззаботной свѣтской женщины. Чтобы успокоить ее, она стала употреблять разныя женскія средства, дала ей выпить капель и убѣдила ее прилечь на кушетку отдохнуть и успокоить нервы.

— Нѣтъ, милая, дѣло не въ нервахъ,—сказала Адель Бодезаръ, полу-смѣясь, полу-плача.—Неужели нельзя разъ въ жизни быть искренней... Хорошо, я полежу, но только посидите около меня. Я такъ рада, что поѣхала именно къ вамъ, а не къ Тротти.

Подкладывая ей подушки подъ голову, м-ссъ Бради думала о томъ, что и она рада тому, что Адель пріѣхала именно къ ней.

XIX.

Адель лежала на кушеткѣ совершенно обезсиленная, и м-ссъ Бради сидѣла около нея, ничего не говоря, пока наконецъ Адель не заснула. Чтобы не разбудить ее, м-ссъ Бради продолжала сидѣть не двигаясь. Большая ангорская кошка вскочила къ ней на колѣни и стала мурлыкать. М-ссъ Бради нѣжно погладила ее, и рука ея коснулась блестящаго ожерелья кошки. Она слабо улыбнулась. „Въ концѣ концовъ, дѣйствительно подражаніе ни къ чему не ведетъ",—подумала она.

Полу-безсознательнымъ движеніемъ она надавила пружинку, и ожерелье кошки упало на колѣни м-ссъ Бради. Кошка громко замурлыкала, какъ бы радуясь своему освобожденію. М-ссъ Бради откинулась въ креслѣ и взглянула на фигуру, лежащую на кушеткѣ. Адель заснула глубокимъ сномъ, и щеки ея раскраснѣлись отъ недавняго волненія; припухшія вѣки придавали ея лицу трогательную мягкость; на рѣсницахъ ея еще блестѣли слезы. „Неужели она все это говорила вполнѣ искренно?—подумала м-ссъ Бради.—Это такъ на нее непохоже; я всегда думала, что она всецѣло поглощена свѣтскими интересами". При ея положеніи въ обществѣ, ея богатствѣ и красотѣ, она должна бы была чувствовать себя вполнѣ счастливой, а между тѣмъ истерическій припадокъ Адель, вызванный въ значительной степени переутомленіемъ и лихорадочной погоней за новизной ощущеній, показался м-ссъ Бради какъ бы предупрежденіемъ природы, которая мститъ за безразсудное прожиганіе жизни. Можетъ быть,

это должно быть предостереженіемъ и для нея самой,—теперь она видитъ, что нечего особенно завидовать счастью этихъ людей. Она такъ стремилась попасть въ высшее общество, а теперь, достигнувъ своей цѣли, участвуя въ безцѣльной суетной погонѣ за развлеченіями, она вдругъ поняла, что наступаетъ часъ расплаты, что нельзя безнаказанно топтать въ грязь свое человѣческое достоинство и жить, не думая о завтрашнемъ днѣ. Ей сдѣлалось жутко.

Огонь въ каминѣ потухъ и въ комнатѣ сдѣлалось темно; м-ссъ Бради не рѣшилась зажечь электричество, чтобы не разбудить Адель, и продолжала сидѣть въ темнотѣ, предаваясь грустнымъ размышленіямъ. Къ чему сводится въ концѣ концовъ прелесть свѣтской жизни? Къ скучному повторенію одного и того же изъ году въ годъ; лѣто—въ пыльномъ Лондонѣ, въ душныхъ комнатахъ, скачки и гребныя гонки, на которыхъ зачастую люди теряютъ все свое состояніе; осень съ ея кровожадными развлеченіями, съ охотой на ничѣмъ неповинныхъ птицъ и звѣрей; зима, служащая предлогомъ для того, чтобы толпиться въ нѣкоторыхъ домахъ какъ на ярмаркѣ, только потому, что въ этихъ домахъ весело, или что они достаточно аристократичны, чтобы привлекать свѣтское общество... Гдѣ среди этого нелѣпаго времяпрепровожденія найти досугъ для развитія ума и души? И чѣмъ все это можетъ кончиться? Вотъ Адель Бодезаръ уже теперь, въ разгаръ своихъ свѣтскихъ успѣховъ, поняла ихъ безотрадность и безцѣльность.

М-ссъ Бради услышала движеніе на кушеткѣ. Обернувшись къ Адель, она увидѣла ее сидящей съ удивленными, широко раскрытыми глазами.

— Боже мой, гдѣ я?—спросила она.—Неужели я уснула?

— Вы у меня, милая,—сказала м-ссъ Бради тихимъ голосомъ и, спустивъ съ колѣнъ кошку, подошла къ Адель.—Вы были очень утомлены, и я уговорила васъ прилечь отдохнуть.

Адель снова опустилась на подушки.

— Я дѣйствительно очень устала,—сказала она слабымъ голосомъ.—Я теперь все припоминаю: редакцію, мое неистовство здѣсь. Я, кажется, наговорила глупостей; хорошо еще, что я все это высказала именно вамъ.

— Я тоже рада этому,—искренно сказала м-ссъ Бради.— Успокоились вы теперь? Можно позвонить, чтобы убрали чайную посуду? Я боялась разбудить васъ.

— Какая вы милая—вы терпѣливо сидѣли подлѣ меня все

время. Конечно, позвоните. Боже, какъ я утомлена! Мнѣ хотѣлось бы вовсе не ѣхать теперь домой.

— Останьтесь у меня. Мы пообѣдаемъ вдвоемъ. Для васъ это будетъ имѣть прелесть новизны, а для нервовъ очень полезно провести иногда вечеръ въ полной тишинѣ.

— Да, врачи совѣтуютъ разъ въ мѣсяцъ лежать въ постели цѣлый день для сохраненія свѣжаго цвѣта лица. Тротти свято это соблюдаетъ; она даже, кажется, надѣваетъ особую маску въ этотъ день, и никто, кромѣ ея горничной, не входитъ къ ней. Но скажите, Перри, я навѣрное наговорила много глупостей прежде чѣмъ заснула.

— По моему, вы сказали много правды,—отвѣтила м-ссъ Бради.—Я только не знаю, искренно ли вы все это говорили.

— Если я говорила правду, то навѣрное не искренно. Я, кажется, разучилась говорить правду. Но что̀ это—почему вы сняли ошейникъ съ вашей кошки?

М-ссъ Бради наклонилась и подняла упавшій на коверъ сверкающій ошейникъ.

— Онъ не идетъ къ моей кошкѣ, — сказала она,—и я ей не надѣну его больше. Къ тому же, мнѣ кажется, что глупо обвѣшивать животныхъ драгоцѣнностями.

Адель помолчала и потомъ сказала:

— Вы самая умная женщина изъ всѣхъ, которыхъ я знаю, Перрена.—Такъ скажите мнѣ, почему вы хотите быть членомъ нашего кружка—вы безконечно выше всѣхъ насъ; я это сразу замѣтила.

— Я вовсе не умнѣе, но я стараюсь сохранить частицу здраваго смысла, чтобы бороться съ безразсудствомъ, свойственнымъ моей расѣ. Я нѣсколько легкомысленно вступила въ вашъ кругъ, сознаюсь. Я не имѣю достаточно данныхъ, чтобы быть принятой въ вашемъ кругу, какъ равная.

— Какъ равная—намъ? Да вы обладаете всѣмъ, чего намъ недостаетъ—хорошимъ воспитаніемъ, умомъ, тактичностью.

— Да, но я бѣдна, а это—непростительный грѣхъ.

— Напрасно вы думаете. Хотя всѣ преклоняются передъ богатствомъ, но все-же умѣютъ цѣнить и такія качества, какъ ваши. Но я все-таки повторяю мой вопросъ: зачѣмъ вамъ захотѣлось примкнуть къ намъ?

— Да въ сущности это случилось какъ-то само собой. Мнѣ захотѣлось провести въ Лондонѣ осенній сезонъ вмѣсто лѣтняго—отчасти изъ экономіи, но главнымъ образомъ изъ-за Жоржа,

она предоставила Эжени сдать багажъ и поспѣшила на платформу, гдѣ услужливый кондукторъ проводилъ ее къ вагону, заказанному для гостей м-ссъ Вандердекенъ. У входа въ вагонъ она встрѣтилась съ Базилемъ Варендеромъ. Онъ очень мило поздоровался съ ней, помогъ ей разложить дорожныя вещи, принесъ газеты, подставилъ грѣлку подъ ноги и наконецъ занялъ мѣсто для себя противъ нея.

— Гдѣ же остальные? — спросила м-ссъ Бради.—Поѣздъ черезъ пять минутъ двинется.—А, вотъ Адель. А гдѣ Зара?

— Вотъ она идетъ съ Жоржемъ, — сказалъ Варендеръ.— Какая она хорошенькая въ своемъ бѣломъ мѣховомъ воротникѣ!

Взглядъ м-ссъ Бради выражалъ нѣкоторую тревогу, когда она высунулась изъ окна и сдѣлала знакъ быстро приближавшимся фигурамъ.

Всѣ путешественники наконецъ были въ сборѣ и заняли свои мѣста въ вагонѣ. Послѣднимъ явился лордъ Криссъ. Когда дверцы захлопнулись, Адель вскрикнула съ легкимъ испугомъ:

— А Оскаръ? Никто не видалъ Оскара? Тротти телеграфировала мнѣ вчера, прося привезти его въ качествѣ аккомпаніатора. Я дала ему знать и указала точно, съ какимъ поѣздомъ мы ѣдемъ. Надѣюсь, что онъ не опоздалъ.

— Для него здѣсь даже мѣста нѣтъ,—сказалъ лордъ Криссъ, усаживаясь поудобнѣе на своемъ мѣстѣ. — Ему придется ѣхать одному. Но вотъ и онъ — кондукторъ втолкнулъ его во второй вагонъ. Поѣздъ сейчасъ двинется.

— Во второй вагонъ! — воскликнула м-ссъ Бради. — Тамъ прислуга.

— Кондукторъ принялъ его вѣроятно за лакея,—тихо сказалъ Жоржъ, которому поддѣльный Поверевичъ очень не понравился на концертѣ.

Онъ усадилъ Зару у окна, и самъ сѣлъ противъ нея. Она взглянула на него, услышавъ его слова.

— Бѣдный Оскаръ!—сказала она.—Какъ жаль, что онъ не съ нами!

— Если хотите, я предложу ему свое мѣсто при первой остановкѣ,—холодно сказалъ Жоржъ.

— Вы очень добры, — но зачѣмъ же вамъ лишать себя мѣста?

— Чтобы доставить вамъ удовольствіе,—нѣжно отвѣтилъ ей Жоржъ.—Я готовъ и на большее для васъ, хотя при данныхъ

обстоятельствахъ и это было бы очень большимъ самопожертвованіемъ съ моей стороны. Но вотъ и свистокъ.

Всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ. М-ссъ Бради, припоминая разные намеки Эжени, почувствовала жалость къ бѣдному піанисту, попавшему въ общество преслѣдовавшей его своими насмѣшками камеристки. Правда, въ вагонѣ для прислуги находился и лакей лорда Крисса; онъ везъ двадцать-четыре пары ботинокъ, чистку которыхъ его баринъ ни за что не поручилъ бы никому другому; онъ даже потребовалъ отдѣльную комнату для своего лакея. Но этотъ лакей былъ очень важнымъ господиномъ, и Оскаръ вѣроятно будетъ чувствовать себя очень неловко въ его обществѣ. Теперь уже нельзя было помочь ему. Поѣздъ двинулся.

Лордъ Криссъ началъ разговоръ о грѣлкахъ; онъ возмущался отсталостью желѣзнодорожныхъ порядковъ въ Англіи. Почему не берутъ примѣра съ Америки, единственной страны, гдѣ можно путешествовать съ нѣкоторымъ комфортомъ?

— И безъ всякаго риска, — иронически прибавилъ Базиль Варендеръ,—кромѣ случайныхъ катастрофъ, вызванныхъ шальной быстротой поѣздовъ.

— Этому риску и мы подвергаемся, а комфорта у насъ нѣтъ никакого,—ворчливо сказалъ лордъ Криссъ, спуская ноги въ великолѣпно вычищенныхъ ботинкахъ съ отвратительной грѣлки, оскорблявшей его эстетическое чувство.

— Грѣлки эти или слишкомъ горячи, или совсѣмъ холодны, —сказалъ онъ. — Вотъ ужъ именно одно изъ самыхъ безполезныхъ изобрѣтеній невѣжества.

— Развѣ невѣжество можетъ что-нибудь изобрѣсти?—спросила м-ссъ Бради.—Я полагаю, что для этого нужно хоть какое-нибудь знаніе.

— Напротивъ того,—отвѣтилъ лордъ Криссъ.—Все изобрѣтается по вдохновенію, которое можетъ одинаково осѣнить и умныхъ, и глупыхъ.

— Надѣюсь, что вы разскажете намъ что-нибудь интересное, лордъ Криссъ,—сказала м-ссъ Гидеонъ Ли. — Намъ предстоитъ такое длинное путешествіе, и было бы ужасно, если бы мы пріѣхали, уже успѣвъ всѣ наскучить другъ другу. Бѣдная Тротти ожидаетъ такъ много удовольствія отъ этой недѣли.

— Никогда не слѣдуетъ возлагать слишкомъ много надеждъ на что бы то ни было. Непремѣнно наступитъ разочарованіе. Кромѣ того, мы всѣ никогда не идемъ дальше намѣреній.

М-ссъ Бради подумала о всѣхъ событіяхъ, происшедшихъ

со времени ея знакомства съ этими людьми, и должна была сознаться, что лордъ Криссъ правъ.

Концертъ Зары предполагался не публичнымъ, а слухи о немъ проникли въ печать. Благотворительный вечеръ разстроился, хотя о немъ такъ много говорили заранѣе и готовились къ нему; цѣлый рядъ другихъ плановъ тоже разстроился,—между прочимъ и планъ поѣздки въ Каиръ. Весь этотъ сезонъ состоялъ изъ начинаній, которыя ни къ чему не привели. Можетъ быть, и эта недѣля въ деревнѣ, на которую возлагается такъ много надеждъ, обманетъ тоже всѣ ожиданія?

Вокругъ нея всѣ оживленно разговаривали. Лордъ Криссъ спрашивалъ, знаетъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ что-либо о Корнваллисѣ.

— Эта страна рудниковъ и еще чего-то, я справлялась въ энциклопедическомъ словарѣ,—сказала м-ссъ Гидеонъ Ли.

— Мы проѣдемъ мимо горы св. Михаила,—сказалъ Базиль Варендеръ. — Я разъ тамъ былъ лѣтомъ. Это—очаровательное мѣсто, такое же, какъ Mont St. Michel на бретанскомъ берегу. Удивительно собственно, что всѣ мы гораздо меньше знаемъ свою собственную страну, чѣмъ то, что находится за тысячи миль.

— Собственная страна никогда не уйдетъ отъ насъ,—сказалъ лордъ Криссъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ. Ему становилось скучно, и онъ жалѣлъ, что не сѣлъ въ отдѣленіе для курящихъ. Ему не улыбалась перспектива провести цѣлыхъ семь часовъ въ обществѣ дамъ. Онъ сталъ почти раскаиваться въ томъ, что принялъ приглашеніе Тротти. Правда, что рождественская недѣля въ Лондонѣ нестерпима съ ея праздничными традиціями, со счетами отъ поставщиковъ, поздравленіями и т. д. Но онъ всегда уѣзжалъ на это время подальше—въ Парижъ, Монте Карло или Каиръ. Ѣхать въ глубь Англіи на праздники казалось ему ужасно буржуазнымъ.

Вдругъ взглядъ его остановился на очаровательномъ личикѣ Зары. „Какая она хорошенькая въ своемъ бѣломъ мѣховомъ воротникѣ и голубой бархатной шапочкѣ! Но какъ это Тротти позволяетъ ей носить такой бросающійся въ глаза костюмъ"? Онъ закрылъ глаза—его артистическое чутье было оскорблено. Адель одѣта достаточно просто, м-ссъ Бради тоже...

Онъ снова открылъ глаза и увидѣлъ, что м-ссъ Бради пристально смотритъ на него. Ему это стало непріятно. Что эта женщина представляетъ изъ себя и почему допускаютъ ее въ ихъ интимный дружескій кружокъ? „Она, очевидно,—избранница

Адель, ея „родственная душа“. Но я не понимаю, почему она принимаетъ меня въ серьёзъ. Это внушаетъ мнѣ постоянное желаніе еще болѣе дурачиться въ ея присутствіи. Она, кажется, имѣетъ вліяніе на Жоржа, и это объясняетъ нѣкоторыя черты его характера, которыя мнѣ никакъ не удается измѣнить“.

Онъ вдругъ поднялся съ мѣста.

— Мнѣ ужасно хочется курить, господа,—сказалъ онъ.— Если кто-нибудь противъ этого, прошу заявить мнѣ, и я уйду въ отдѣленіе для курящихъ, какъ мнѣ ни непріятно лишиться пріятнаго общества.

Адель засмѣялась. — Мы всѣ раздѣляемъ ваше желаніе, и намъ гораздо пріятнѣе было бы присоединиться къ вамъ, чѣмъ изгнать васъ.

Всѣ стали курить, въ томъ числѣ и Зара, и Жоржъ нашелъ, что это ей очень къ лицу. Одна только м-ссъ Бради не курила,—и лордъ Криссъ сталъ слегка дразнить ее, говоря, что она совершенна, какъ героиня сентиментальнаго романа. Тони Шевени обѣщалъ описать ее въ своемъ новомъ романѣ, который онъ собирался писать по заказу одного журнала. Этотъ заказъ очень льстилъ его самолюбію, — но никто не подозрѣвалъ, что журналъ, предлагавшій ему, по его словамъ, „блестящія условія“, былъ — „Оса“. Разговоръ въ вагонѣ оживился, лордъ Криссъ забавлялъ присутствующихъ своими парадоксами,—и время прошло незамѣтно до завтрака.

Съ англ. З. В.

НОВѢЙШІЕ ПРОТИВНИКИ ОБЩИНЫ

— *А. Е. Воскресенскій.* Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб., 1903.
— *А. А. Риттихъ.* Зависимость крестьянъ отъ общины и міра. Спб., 1903.

Въ послѣдніе годы все чаще повторяются попытки объяснить экономическій упадокъ крестьянства старыми народными грѣхами—косностью и невѣжествомъ. Конечно, косность и невѣжество—по крайней мѣрѣ въ хозяйственномъ отношеніи—одинаково свойственны и тѣмъ классамъ нашего общества, которые процвѣтаютъ подъ вліяніемъ современной экономической политики; съ другой стороны, народная масса всего менѣе отвѣтственна за отсутствіе или недостаточность доступныхъ ей образовательныхъ средствъ, могущихъ содѣйствовать распространенію полезныхъ знаній въ народѣ. Крестьянству спеціально ставятъ въ вину упорное сохраненіе общиннаго поземельнаго строя, поддерживаемаго, будто бы, только по чувству рутины и образующаго главную преграду на пути сельскохозяйственнаго прогресса. Такъ какъ общинное землевладѣніе имѣетъ многихъ убѣжденныхъ защитниковъ среди передовой части нашего образованнаго общества, то связывать вопросъ объ общинѣ съ вопросомъ о косности и невѣжествѣ было бы довольно рискованно, и потому новѣйшіе противники общины ограничиваются указа-

ніемъ ея практическихъ неудобствъ и недостатковъ съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства.

Общинный порядокъ владѣнія и пользованія землею предполагаетъ періодическіе уравнительные передѣлы между участниками, соотвѣтственно перемѣнамъ въ составѣ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ; естественное размноженіе населенія приводитъ къ тому, что на долю каждаго двора достается все меньшее количество земли; отсюда, будто бы, слѣдуетъ, что всеобщее малоземелье есть неизбѣжное логическое послѣдствіе общиннаго землевладѣнія. А малоземелье, въ свою очередь, является самымъ существеннымъ препятствіемъ къ правильному веденію сельскаго хозяйства и служитъ главнѣйшей причиною крестьянскаго обнищанія; поэтому необходимо уничтожить общину и установить новые порядки, при которыхъ могъ бы свободно развиваться зажиточный классъ многоземельнаго крестьянства. Такова основная мысль книги г. А. Воскресенскаго. „Устраненіе массоваго крестьянскаго малоземелья,—говоритъ названный авторъ,—было бы радикальнымъ средствомъ для поднятія всего русскаго народнаго хозяйства. А для устраненія массоваго крестьянскаго малоземелья радикальнымъ средствомъ можетъ быть только аграрная крестьянская реформа. Въ ней заключается тотъ Архимедовъ рычагъ, которымъ можно повернуть Россію съ пути, ведущаго ее къ экономической и политической слабости, на путь экономическаго и политическаго преуспѣянія".

Впрочемъ, г. Воскресенскій не отрицаетъ, что при подворномъ частномъ землевладѣніи, вслѣдствіе чрезмѣрнаго дробленія земли, малоземелье и безземелье могутъ возникнуть несравненно скорѣе, чѣмъ при общинѣ; но преимущество полной частной собственности, по его словамъ, состоитъ въ томъ, что при ней „возможно не только уменьшеніе подворныхъ поземельныхъ участковъ, но и увеличеніе ихъ, не только дробленіе земли, но и сосредоточеніе ея, и притомъ въ неограниченномъ размѣрѣ". Одни будутъ спускать свою землю по неспособности, пьянству и т. п.; другіе, болѣе старательные и предпріимчивые, могутъ расширять свое землевладѣніе, насколько у нихъ хватитъ силъ. Малоземелье поэтому никогда не сдѣлается общимъ; „всегда найдутся люди настолько хозяйственно-способные, что съумѣютъ сосредоточить въ своихъ рукахъ необходимое для правильнаго веденія хозяйства количество земли. Что же касается сельскохозяйственной площади, то при полной частной собственности на землю большая часть ея всегда находится въ крупномъ или среднемъ землевладѣніи. Въ рукахъ малоземельныхъ владѣльцевъ, клочковыхъ

собственниковъ, всегда остается незначительная часть общей сельскохозяйственной площади". Авторъ вполнѣ откровенно признаетъ нормальнымъ и желательнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ большая часть крестьянскихъ земель сосредоточится въ рукахъ крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ, а масса сельскаго населенія останется безъ земли. Малоземелье не будетъ тогда общимъ удѣломъ крестьянства по той простой причинѣ, что послѣднее въ значительной своей части перестанетъ быть землевладѣльческимъ классомъ вообще; малоимущіе крестьяне перейдутъ уже въ разрядъ безземельныхъ. Общинное землевладѣніе съ періодическими передѣлами обезпечиваетъ крестьянъ отъ обезземеленія, но за то приводитъ къ общему малоземелью. Массовое малоземелье, говоритъ г. Воскресенскій, можетъ быть избѣгнуто только при томъ условіи, если не все населеніе будетъ получать участіе во владѣніи землей, т.-е. если часть населенія будетъ обезземеливаться. „Или обезземеленіе части земледѣльческаго населенія, или массовое малоземелье; такова аграрная альтернатива. Всѣ существующіе у западно-европейскихъ народовъ способы поземельнаго устройства предпочли первый изъ двухъ возможныхъ исходовъ: пусть будетъ обезземеленіе, пусть будетъ даже безземельный пролетаріатъ, но никакъ не массовое малоземелье. Для нашихъ общинниковъ безземельный пролетаріатъ казался слишкомъ страшнымъ зломъ, и они отстояли общинное землевладѣніе, обезпечивающее крестьянъ отъ обезземеленія. Этимъ самымъ наше крестьянское населеніе было обречено на второй исходъ аграрной альтернативы—массовое малоземелье".

Если даже допустить, что малоземелье есть худшее зло, чѣмъ полное безземелье, то на чемъ основано предположеніе, что крестьяне-общинники станутъ умышленно дробить землю частыми передѣлами, подвергая себя всѣмъ бѣдствіямъ малоземелья? Производство общихъ передѣловъ зависитъ отъ доброй воли самихъ участниковъ общиннаго землевладѣнія, и ничто не мѣшаетъ крестьянамъ совершенно отказаться отъ передѣловъ, съ сохраненіемъ основныхъ принциповъ земельной общины. Г. Воскресенскій соглашается и съ этимъ взглядомъ, который съ наибольшею убѣдительностью высказывался въ нашей литературѣ К. Д. Кавелинымъ. Общинное землевладѣніе „дѣйствительно не перестаетъ быть общиннымъ и по превращеніи передѣловъ"; существуетъ „множество крестьянскихъ обществъ, которыя не передѣляли своей земли со времени полученія ея въ надѣлъ и до сихъ поръ владѣютъ ею по ревизскимъ душамъ". Значитъ,

массовое малоземелье вовсе не составляетъ непремѣннаго послѣдствія или обязательной принадлежности общиннаго землевладѣнія; слѣдовательно, нѣтъ надобности уничтожать общину для устраненія малоземелья. Остается только одна характерная черта общины—неотчуждаемость земли для отдѣльныхъ ея владѣльцевъ; но, по мнѣнію г. Воскресенскаго, стѣсненіе въ правѣ распоряжаться надѣломъ имѣетъ свою невыгодную сторону: оно мѣшаетъ крестьянамъ пріобрѣтать нужные имъ участки земли путемъ покупки. „При отчуждаемости земли крестьянинъ могъ бы спасти свое потомство отъ малоземелья“ посредствомъ прикупки земли къ своему подворному участку; „съ установленіемъ неотчуждаемости земли это средство борьбы противъ малоземелья отнимается“. Другими словами, нѣтъ другихъ земель для покупки, кромѣ крестьянскихъ надѣловъ, и если надѣлы не продаются, то крестьяне лишены возможности увеличивать свое землевладѣніе; такъ по крайней мѣрѣ предполагаетъ г. Воскресенскій, чтобы имѣть лишній доводъ противъ общины. Разумѣется, автору очень хорошо извѣстно, что крестьяне постоянно расширяютъ свое землевладѣніе на счетъ частныхъ земель, продаваемыхъ лицами другихъ сословій, и даже пользуются при этомъ содѣйствіемъ государственнаго крестьянскаго банка; такимъ образомъ, и опасеніе г. Воскресенскаго, что при общинномъ землевладѣніи крестьянамъ закрыта дорога къ пріобрѣтенію новыхъ земель или къ увеличенію своихъ надѣльныхъ участковъ, отпадаетъ само собою.

Другая опасность, которую предвидитъ авторъ, заключается въ постепенномъ дробленіи земли вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, при отсутствіи или ограниченіи уравнительныхъ общихъ передѣловъ; эта дробимость земли въ связи съ ея неотчуждаемостью также приводитъ рано или поздно къ общему малоземелью. „При отсутствіи передѣловъ, отдѣльные дворы скорѣе могутъ раздробить свою землю и впасть въ малоземелье; но за то другіе дворы имѣютъ болѣе возможности сохраниться отъ малоземелья. При отсутствіи передѣловъ болѣе обезпеченные землей домохозяева не подвергаются сокращенію размѣровъ своего землепользованія вслѣдствіе того, что нѣкоторые дворы слишкомъ размножились и впали въ малоземелье; болѣе обезпеченные землею дворы, если и дойдутъ впослѣдствіи до малоземелья, то вслѣдствіе размноженія своего, а не чужого потомства“: частное малоземелье наступитъ тогда скорѣе, но общее малоземелье—позднѣе, нежели при сохраненіи передѣловъ. Однако,—продолжаетъ г. Воскресенскій,—„общее малоземелье неизбѣжно должно наступить и въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ передѣлы земли прекрати-

лись. Коренной недостатокъ общинно-безпередѣльной формы землевладѣнія состоитъ въ томъ, что при ней почти не существуетъ способовъ для расширенія землепользованія (на счетъ общинныхъ земель), и открытъ только путь для раздробленія земли. Прикупить земли нельзя (?). Получить прибавку земли по общему передѣлу нельзя... Если подворный поземельный участокъ сохранился отъ раздробленія въ одномъ поколѣніи, то не сохранится въ другомъ,—если сохранится въ другомъ, то не сохранится въ третьемъ, четвертомъ или пятомъ поколѣніи, потому что невозможно, чтобы и отецъ, и сынъ, и внукъ, и правнукъ, и праправнукъ имѣли только по одному потомку". Въ видѣ противовѣса неограниченному дробленію земли авторъ рекомендуетъ ввести въ аграрный строй начало отчуждаемости, обезпечивающее возможность увеличенія слишкомъ мелкихъ участковъ посредствомъ прикупки. Ограничить или запретить дробленіе земли невозможно и нежелательно по разнымъ причинамъ, такъ какъ нужно имѣть въ виду „приспособленіе размѣровъ подворныхъ поземельныхъ участковъ къ силамъ и хозяйственнымъ способностямъ производителей"; но если допустить дробимость земли, то необходимо отказаться отъ принципа неотчуждаемости. „Самою же лучшею формою мелкаго землевладѣнія была бы та, въ которой были бы допущены отчуждаемость земли и дробимость ея, но послѣдняя только до извѣстнаго предѣла. Ограниченіе дробимости земли предупредило бы возникновеніе слишкомъ мелкихъ поземельныхъ участковъ, а отчуждаемость земли препятствовала бы измельчанію всѣхъ поземельныхъ участковъ до установленнаго закономъ минимальнаго размѣра". Г. Воскресенскій предлагаетъ намъ послѣдовать примѣру западно-европейскихъ народовъ, которые, усвоивъ систему свободной частной собственности на землю, „проявили соціально-экономическое благоразуміе"; мы же, удержавъ общинное землевладѣніе, показали недостатокъ предусмотрительности. „Еслибы крестьянская земля могла отчуждаться, то многіе крестьяне стали бы продавать свою землю; тогда крестьянское населеніе могло бы не только прибывать вслѣдствіе естественнаго роста, но и убывать вслѣдствіе отчужденія земли"; число безземельныхъ непрерывно возростало бы, но тѣмъ, которые сохраняли бы свои участки, не угрожало бы малоземелье. „Уничтожьте право на землю, вытекающее изъ принадлежности къ общинѣ,—поучаетъ публику г. Воскресенскій,—отмѣните общіе и частные передѣлы земли, и вы увидите, что крестьянское населеніе будетъ медленнѣе увеличиваться въ своей численности. Тогда слишкомъ быстро размножившіяся

и дошедшія до малоземелья семьи, не имѣя возможности прокормиться отъ своей земли, поневолѣ будутъ искать другихъ промысловъ, въ которыхъ часть малоземельнаго населенія и будетъ устраиваться... Отмѣните неотчуждаемость крестьянской земли, разрѣшите ее покупать и продавать... Надѣльная земля, нынѣ раздробленная, изломанная и искалѣченная въ смыслѣ орудія производства, будетъ собираться въ подворные участки, удобные по своимъ размѣрамъ для веденія сельскаго хозяйства. Но васъ пугаетъ призракъ Индіи, въ которой 80% крестьянскаго населенія потеряли землю; такую опасность предупредить очень просто: установите, что крестьянская земля можетъ покупаться только крестьянами, и крестьянское сословіе не потеряетъ ни одной десятины земли. Или вы боитесь, что кулаки скупятъ всю надѣльную землю и обезземелятъ громадное большинство крестьянскаго населенія? И эту опасность устранить легко... Опредѣлите максимальный размѣръ крестьянскихъ подворныхъ участковъ, въ однихъ районахъ въ 30 десятинъ, въ другихъ—въ 40 дес., въ третьихъ—въ 50 дес., и запретите прикупку земли на всѣхъ подворныхъ участкахъ, достигшихъ этого размѣра; тогда кулаки и не скупятъ надѣльную землю".

Приведенныя выписки достаточно ясно характеризуютъ то направленіе мыслей и интересовъ, которое выразилось въ книгѣ г. Воскресенскаго. Уничтожить, отмѣнить, запретить—обычныя формулы нашихъ реформаторовъ, когда дѣло идетъ о простомъ народѣ. Самые сложные вопросы разрѣшаются очень просто и легко, путемъ отвлеченныхъ канцелярскихъ предположеній и предписаній, не справляясь съ дѣйствительными нуждами и взглядами заинтересованныхъ классовъ населенія. Безъ принудительной опеки крестьянинъ впадаетъ въ разныя бѣдствія; не имѣя скота, онъ самовольно отказываетъ себѣ въ молокѣ и мясѣ, и постепенно доходитъ до того, что у него не хватаетъ даже растительной пищи; онъ становится неисправнымъ плательщикомъ податей, „съ нимъ постоянно приходится няньчиться по отсрочкѣ недоборовъ, по разсрочкѣ и сложенію недоимокъ, по пониженію платежей; при всякомъ недородѣ ему угрожаетъ голодъ, и его приходится продовольствовать на казенный и общественный счетъ" (стр. 65). Избаловавшійся мужикъ часто не хочетъ или не можетъ платить налоги, превышающіе всю сумму его доходовъ, и съ нимъ нужно „няньчиться" по этому поводу,—тогда какъ лица другихъ сословій не чувствуютъ тяжести лежащихъ на нихъ платежей и даже съ удовольствіемъ несутъ это легкое бремя, не доводя себя до голода. Еслибъ съ крестьянъ взималась въ казну та-

кая же доля ихъ чистаго дохода, какъ и съ другихъ сословій, то не пришлось бы, конечно, возиться съ отсрочкою крестьянскихъ недоимокъ и даже заботиться о продовольствіи плательщиковъ податей. Реформаторы, подобные г. Воскресенскому, не понимаютъ или не видятъ этой принципіальной разницы въ положеніи крестьянства и другихъ общественныхъ классовъ;—иначе нельзя было бы употреблять такое выраженіе, какъ „няньчиться", по поводу непомѣрныхъ крестьянскихъ платежей. Коренное непониманіе лежитъ въ основѣ всѣхъ разсужденій г. Воскресенскаго о крестьянскомъ землевладѣніи. Поземельная собственность повсюду въ Европѣ находится въ состояніи хроническаго кризиса, благодаря превращенію земли въ товаръ, въ предметъ свободной купли-продажи; мелкое землевладѣніе постепенно теряетъ почву и дѣлается жертвою денежныхъ хищниковъ; средніе и крупные владѣльцы все болѣе попадаютъ въ зависимость отъ капиталистовъ, становятся какъ бы исполнительными агентами земельныхъ банковъ и арендаторами своихъ собственныхъ помѣстій, причемъ интересы сельскаго хозяйства рѣшительно отступаютъ на задній планъ. Новая денежная аристократія, скупая обширныя и богатыя нѣкогда имѣнія, создаетъ въ нихъ нѣкоторое подобіе старыхъ владѣльческихъ замковъ, устраиваетъ охотничьи парки, разводитъ лѣса и, большею частью, прекращаетъ обработку земли и производство хлѣбныхъ продуктовъ; мѣстные поселяне, арендаторы и сельскіе рабочіе удаляются за ненадобностью, непрерывно пополняя собою ряды бездомнаго городского пролетаріата. Аграрный вопросъ, тѣсно связанный съ судьбою рабочаго класса, считается жгучимъ на Западѣ и издавна разработывается въ литературѣ не только экономистами-теоретиками, но и практиками, сельскими хозяевами и публицистами; ежегодно появляется масса статистическихъ изслѣдованій, научныхъ книгъ и брошюръ о землевладѣльческомъ кризисѣ въ западной Европѣ, а г. Воскресенскій думаетъ, что никакого поземельнаго кризиса и вопроса за границей не существуетъ, что западно-европейскіе народы благополучно разрѣшили у себя аграрную проблему и что намъ остается лишь дѣйствовать по ихъ образцу. Чѣмъ объяснить это странное извращеніе общеизвѣстныхъ фактовъ? Мелкая крестьянская собственность роковымъ образомъ клонится къ упадку и рано или поздно исчезаетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ она входитъ въ общій промышленный круговоротъ, въ качествѣ имущества, подлежащаго свободному отчужденію и дробленію; тщетно придумываются искусственныя мѣры для охраны крестьянскаго землевладѣнія въ его современныхъ западно-евро-

пейскихъ формахъ, и единственнымъ спасительнымъ средствомъ признается созданіе сельскихъ владѣльческо-хозяйственныхъ ассоціацій, связывающихъ отдѣльные крестьянскіе участки даннаго района въ одно цѣлое, подобно нашей поземельной общинѣ. Тамъ, гдѣ исчезла община, люди мечтаютъ о возстановленіи ея подобія, ради защиты и спасенія остатковъ самостоятельности крестьянства, а гдѣ община сохранилась, какъ у насъ, тамъ выступаютъ реформаторы съ проектами ея упраздненія. Старая, но вѣчно новая исторія! Мысль объ упраздненіи того, что̀ перестало существовать у другихъ культурныхъ націй, является невольнымъ продуктомъ подражанія, и вполнѣ естественно, что экономическій и культурный прогрессъ западной Европы ставится въ причинную связь съ фактами, имѣющими не положительное, а отрицательное значеніе [1]).

Наши противники общины, разбирая ея слабыя стороны, не даютъ себѣ труда подвергнуть соотвѣтственной критикѣ систему участковой поземельной собственности, хотя нѣтъ недостатка въ матеріалахъ для такой критической оцѣнки. Г. Воскресенскій, напримѣръ, принимаетъ за аксіому превосходство хозяйства и значительную доходность частно-владѣльческихъ земель и болѣе крупныхъ подворныхъ крестьянскихъ участковъ; и по его мнѣнію, нашъ національный доходъ увеличился бы на милліарды рублей, еслибы всѣ крестьянскія земли перешли въ руки отдѣльныхъ частныхъ собственниковъ. Авторъ забываетъ только сказать, куда дѣвались бы десятки милліоновъ крестьянъ, освобожденные отъ земли или уступившіе ее новымъ хозяевамъ; онъ постоянно говоритъ объ устраненіи малоземелья путемъ перехода земель къ болѣе зажиточнымъ владѣльцамъ, какъ будто дѣло идетъ о простой технической перемѣнѣ, не касающейся вовсе судьбы огромной массы населенія. Что̀ же будетъ дѣлать нынѣшняя земледѣльческая масса, если она изъ малоземельной превратится въ безземельную? Только ничтожная часть ея найдетъ себѣ мѣсто среди промышленныхъ рабочихъ и сельскихъ наемныхъ батраковъ, ибо никакая фабрично-заводская промышленность и никакія владѣльческія хозяйства не дадутъ работы десяткамъ милліоновъ человѣкъ, питающихся теперь кое-какъ съ своего малоземелья. Неужели же участь многомилліонной массы— предметъ столь пустяшный, что объ этомъ не стоило и упоминать при обсужденіи условій сельско-хозяйственнаго прогресса?

[1]) См. наши статьи о поземельномъ вопросѣ, крестьянскомъ и общинномъ землевладѣніи, въ „Вѣстникѣ Европы", 1890, сентябрь—декабрь; 1892, августъ; 1893, мартъ; 1894, мартъ, августъ—сентябрь, и др.

Г. Воскресенскій полагаетъ, что общинныя земли, не дающія избытковъ производства сверхъ необходимаго для прокормленія владѣльцевъ-крестьянъ, пропадаютъ безъ пользы для государства, оставаясь безплодными для промышленности, торговли и всѣхъ неземледѣльческихъ промысловъ. По увѣренію автора, „вся наша промышленность, торговля, кредитъ, транспортъ, государственный бюджетъ, держатся, какъ на послѣднемъ своемъ основаніи, на частномъ землевладѣніи, крупномъ, среднемъ и мелкомъ достаточномъ, на эксплуатируемыхъ государственныхъ земляхъ и на той части крестьянскихъ земель, которыя даютъ избытки производства". Можно напомнить по этому поводу, что выкупные платежи, ежегодная цифра которыхъ превышаетъ 85 милліоновъ рублей, вносятся и малоземельными крестьянами; послѣдніе участвуютъ также, наравнѣ съ остальными, въ доставленіи казнѣ доходовъ по винной монополіи и въ уплатѣ косвенныхъ налоговъ, составляющихъ основу нашего государственнаго бюджета (около 420 милліоновъ рублей въ годъ). Еслибы вся наша промышленность, кредитъ, транспортъ, государственный бюджетъ дѣйствительно основывались только на частномъ землевладѣніи и на болѣе крупныхъ участковыхъ хозяйствахъ крестьянъ, то наша экономическая жизнь давно бы привела къ банкротству. Частное землевладѣніе, среднее и крупное, не только не обогащаетъ государства избытками своихъ доходовъ, но еще само нуждается въ поддержкѣ и кредитѣ изъ средствъ государственнаго казначейства, для чего и существуютъ особые правительственные банки—дворянскій и крестьянскій. Г. Воскресенскому представляется, что крестьянскій банкъ способствуетъ превращенію земель изъ доходныхъ въ бездоходныя посредствомъ передачи малоземельнымъ крестьянамъ такихъ имѣній, которыя въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ давали „избытокъ сельскохозяйственнаго производства". Зачѣмъ же, спрашивается, стали бы владѣльцы продавать при содѣйствіи крестьянскаго банка благоустроенныя имѣнія, дающія избытокъ сельскохозяйственнаго производства? Обыкновенно продаются такимъ путемъ уже запущенныя владѣльческія земли, все производство которыхъ часто заключается во взиманіи преувеличенныхъ арендныхъ доходовъ съ окрестныхъ крестьянъ, страдающихъ отъ земельной тѣсноты. Крестьянскій банкъ прежде всего оказываетъ сильную помощь землевладѣльцамъ, желающимъ сбыть свои имѣнія; онъ непосредственно вліяетъ на денежную цѣнность земли и избавляетъ продавцовъ отъ хищниковъ, стремящихся завладѣть крупными имѣніями за безцѣнокъ при помощи разныхъ ростовщическихъ

продѣловъ. Развѣ лучше было бы предоставить скупку помѣщичьихъ земель однимъ лишь кулакамъ-капиталистамъ, для которыхъ важнѣйшею статьею дохода служитъ безпощадная эксплоатація мѣстнаго сельскаго населенія, нуждающагося въ землѣ? Такъ и рѣшаетъ г. Воскресенскій, что лучше,—что надо предоставить свободу дѣйствій скупщикамъ и избавить ихъ отъ вредной конкурренціи крестьянскаго банка. Тогда только и прекратится крестьянское малоземелье, „когда земля сдѣлается вольнымъ товаромъ, когда пріобрѣтеніе ея будетъ доступно для всѣхъ сословій", — говоритъ названный авторъ. — „Въ рукахъ одного крестьянскаго сословія размѣры землевладѣнія уменьшаются потому, что крестьяне болѣе способны къ размноженію, нежели къ накопленію капиталовъ, и слишкомъ тяготѣютъ къ землѣ. Для того, чтобы усилить процессъ сосредоточенія земли, и нужно открыть доступъ къ пріобрѣтенію земли для тѣхъ классовъ населенія, которые болѣе, нежели крестьяне, способны сдерживать инстинктъ размноженія, болѣе имѣютъ возможности къ накопленію капиталовъ и менѣе тяготѣютъ къ землѣ, т.-е. менѣе стремятся устроить при землѣ все свое потомство. При свободномъ обращеніи земли между всѣми классами населенія процессъ сосредоточенія земли дѣйствительно можетъ уравновѣситься съ процессомъ дробленія земли, и размѣры землевладѣнія могутъ поддерживаться на желательномъ уровнѣ" (стр. 144—145).

Авторъ хотѣлъ бы, чтобы крестьянская земля была у насъ „вольнымъ товаромъ", т.-е. чтобы у насъ осуществилось то, противъ чего протестуетъ вся исторія поземельнаго вопроса, вся теорія и практика народнаго земледѣлія;—страна, будто бы, выиграетъ отъ того, что земля будетъ переходить изъ рукъ въ руки, доставаясь людямъ, не могущимъ вовсе привязаться къ землѣ и не имѣющимъ ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ. „Только ничѣмъ не стѣсненная экономическая сила однихъ,—разсуждаетъ г. Воскресенскій,—предотвратитъ вредныя послѣдствія для народнаго хозяйства экономическаго безсилія другихъ и поддержитъ размѣры землевладѣнія въ среднемъ на желательномъ уровнѣ. Особенно нежелательны ограниченія для скупки крестьянскихъ земель въ Россіи. У насъ и безъ того дано слишкомъ много мѣста мелкому крестьянскому землевладѣнію... И еслибы, благодаря свободной мобилизаціи земли, площадь мелкаго крестьянскаго землевладѣнія сократилась, а площадь крупнаго и средняго землевладѣнія увеличилась, то съ экономической точки зрѣнія это былъ бы вполнѣ желательный результатъ" (стр. 148—149). Крестьяне потеряли бы землю, но „потерять землю—еще

не значитъ сдѣлаться пролетаріемъ: можно не имѣть земли, но имѣть хорошій заработокъ и не быть пролетаріемъ",—подобно тому какъ и нынѣ десятки тысячъ крестьянъ, отправляющихся на отхожіе промыслы, нерѣдко находятъ временный „хорошій заработокъ" и потому не могутъ быть причислены къ пролетаріямъ; къ этимъ искателямъ работы присоединятся милліоны и даже десятки милліоновъ крестьянъ, когда исполнится проектъ аграрной реформы г. Воскресенскаго,—но зато народъ будетъ свободенъ отъ ужасовъ общаго малоземелья. Еслибы послѣднее наступило, то „исчезла бы у насъ промышленность, торговля и другіе неземледѣльческіе промыслы, погибла бы наша гражданственность, наша наука, наше искусство, и мы впали бы въ первобытное варварство, но безъ первобытнаго простора... Общее малоземелье означаетъ гибель всей современной культуры и цивилизаціи, уничтоженіе промышленности, торговли и всѣхъ неземледѣльческихъ промысловъ, упраздненіе настоящаго государственнаго и общественнаго строя, смерть науки и искусства, извращеніе религіи, всеобщій голодъ и нищету" (стр. 163). И всѣ эти страшныя катастрофы надвигаются на насъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, который систематически стѣсняетъ скупку частно-владѣльческихъ земель отдѣльными ростовщиками и міроѣдами, поощряя расширеніе земельныхъ владѣній цѣлыхъ сельскихъ обществъ, готовыхъ дробить землю безъ конца. Авторъ твердо убѣжденъ въ той истинѣ, что мы живемъ и пользуемся благами культуры только благодаря существованію старыхъ и новыхъ помѣщиковъ, хотя бы и принадлежащихъ къ разряду Разуваевыхъ и Колупаевыхъ. „Излишекъ земли у землевладѣльцевъ,—говоритъ онъ,—это краеугольный камень всего современнаго экономическаго строя и всей современной цивилизаціи" (стр. 165). Такого рода наивныя экономическія идеи не заслуживаютъ разбора.

Было время, когда высказывать такія идеи въ печати считалось совершенно невозможнымъ и даже неудобнымъ; а теперь довольно свѣдущій и начитанный авторъ нисколько не стѣсняется предлагать пожертвовать крестьянскимъ землевладѣніемъ для пользы и процвѣтанія личныхъ собственниковъ, какъ единственныхъ, будто бы, столповъ государства, промышленности и культуры.

Болѣе спокойный и дѣловой характеръ имѣетъ трудъ А. А. Риттиха, направленный также противъ общины въ современномъ ея видѣ. Авторъ не берется проповѣдывать коренную аграрную

реформу и даже прямо высказывается противъ принудительной ломки существующаго поземельнаго строя; онъ ограничивается только предложеніемъ особыхъ законодательныхъ мѣръ съ цѣлью ослабить зависимость крестьянъ отъ сельскаго міра и облегчить выходъ отдѣльныхъ домохозяевъ изъ общины. Противъ такой постановки нельзя ничего возразить по существу; все дѣло только въ способахъ ликвидаціи отношеній между общиною и выходящими изъ нея крестьянами.

Проектъ, составленный г. Риттихомъ, грѣшитъ чрезмѣрнымъ бюрократическимъ формализмомъ и едва ли окажется пригоднымъ на практикѣ; онъ возлагаетъ слишкомъ щекотливыя новыя обязанности на чиновниковъ крестьянскихъ учрежденій и на земскихъ начальниковъ, которымъ вообще приписывается часто способность всевѣдѣнія, непогрѣшимости и одновременнаго присутствія въ разныхъ мѣстахъ. Недоумѣніе вызывается также предположеннымъ участіемъ казны въ устройствѣ крестьянъ, отдѣляющихся отъ міра,—какъ будто казна есть неизсякаемый самостоятельный источникъ матеріальныхъ благъ не только для чиновничества и для поощряемой отечественной промышленности, но и для всѣхъ обывателей, желающихъ выгодно устроить свои личныя дѣла. Общія правила, формулируемыя авторомъ, кажутся довольно ясными и простыми; подробная мотивировка ихъ отличается фактическою полнотою, осторожностью заключеній и умѣренностью тона; но въ практическихъ выводахъ и деталяхъ выступаетъ наружу элементъ бюрократической неопредѣленности, составляющій обычную отличительную черту канцелярскихъ законопроектовъ. Въ основѣ этой неопредѣленности лежитъ, съ одной стороны, желаніе дать возможно большій просторъ усмотрѣнію должностныхъ лицъ, а съ другой—несокрушимая вѣра въ мудрость, безпристрастіе и справедливость исполнителей.

По общему правилу, каждый крестьянинъ можетъ выдѣлиться съ своимъ надѣломъ изъ общиннаго землепользованія, помимо согласія общества; для этого нужно только внести причитающійся за надѣлъ остатокъ выкупного долга. Выкупленная земля „составляетъ личную собственность выкупившаго, и общество не имѣетъ права измѣнять размѣръ ея или мѣстоположеніе, хотя бы она и не была выдѣлена изъ общиннаго надѣла“. Затрудненія начинаются съ того момента, когда выкупившій пожелаетъ осуществить свое право на дѣйствительный выдѣлъ: „При желаніи выкупившаго надѣлъ выдѣлить причитающуюся ему часть изъ отдѣльныхъ угодій общиннаго пользованія или уменьшить черезполосность своей пахотной земли,—общество обязывается не

позже какъ при первомъ общемъ передѣлѣ или общей переверсткѣ, произвести требуемый отводъ въ возможно меньшемъ числѣ отдѣльныхъ участковъ, по соглашенію о семъ съ выкупившимъ, причемъ послѣдній сохраняетъ право участія въ общинномъ пользованіи тѣми угодьями, изъ коихъ выдѣла ему не произведено, если только отказъ отъ этого права не будетъ возмѣщенъ обществомъ за счетъ другихъ угодій". Выраженія, какъ: „обязывается", „въ возможно меньшемъ числѣ", „сохраняетъ право, если и т. д.",—заранѣе опредѣляютъ судьбу этой запутанной формулы, придуманной какъ бы нарочно для того, чтобы плодить безконечные споры и кляузы; и въ предвидѣніи этого результата пускается въ ходъ авторитетъ начальства, причемъ создается новый источникъ неудовольствій и недоразумѣній среди массы крестьянства. „На обязанность крестьянскихъ учрежденій возлагается содѣйствіе выкупившимъ свою землю крестьянамъ къ полюбовному ея выдѣлу изъ состава общиннаго надѣла и *разрѣшеніе по существу всѣхъ споровъ и недоразумѣній* объ условіяхъ выдѣла". Если выдѣлъ все-таки не состоится по невозможности соглашенія, то выкупившій можетъ сдать свою землю или часть ея въ общество, которое въ такомъ случаѣ „обязано возмѣстить стоимость таковой по оцѣнкѣ, опредѣляемой крестьянскими учрежденіями соотвѣтственно дѣйствительной (а не выкупной) стоимости земли". Устанавливать для общества обязанность платить по какой-то фантастической „дѣйствительной стоимости" за надѣлъ, составлявшій до выкупа общественную собственность,—не было бы, очевидно, ни малѣйшаго основанія, ни нравственнаго, ни юридическаго. Если отдѣльный крестьянинъ уплатилъ за свой надѣлъ опредѣленную выкупную сумму, то онъ можетъ только требовать возврата этой суммы при передачѣ своего надѣла сельскому обществу, въ случаѣ согласія послѣдняго на такую сдѣлку; но по какому праву можно *заставить* общество пріобрѣсть этотъ надѣлъ по особой оцѣнкѣ, сверхъ возмѣщенія уплаты выкупного долга, если само общество вовсе не желаетъ дѣлать такое пріобрѣтеніе? Никто не можетъ быть принуждаемъ къ заключенію гражданской сдѣлки только потому, что она выгодна и желательна для предлагающаго ее лица; никому не придетъ въ голову требовать съ кого-либо покупную плату при отсутствіи согласія на покупку и притомъ по оцѣнкѣ, произведенной посторонними людьми,—но по отношенію къ крестьянамъ не считается какъ будто обязательнымъ соблюдать даже элементарныя правила обычнаго гражданскаго оборота.

Предположимъ, что каждый изъ выкупившихся крестьянъ по-

желалъ бы получить съ общества денежную цѣну своего надѣла по „дѣйствительной его стоимости“, опредѣленной чиновниками; откуда общество достало бы средства на расплату съ этими произвольно навязанными ему кредиторами, если оно само не покупало своихъ надѣловъ по вольной цѣнѣ и не можетъ ни продавать ихъ, ни закладывать за деньги? Наконецъ, оцѣнка „дѣйствительной стоимости“ надѣльныхъ участковъ давала бы просторъ чистѣйшему произволу, такъ какъ небольшія полосы земли, разбросанныя въ разныхъ поляхъ, и установленныя доли участія въ разныхъ угодьяхъ имѣютъ цѣнность только для фактическихъ членовъ сельскаго общества и могли бы вовсе не найти покупателей при предложеніи этихъ надѣловъ къ продажѣ. „Дѣйствительная стоимость“ земли опредѣляется по ея доходности, а можетъ ли быть рѣчь о чистомъ доходѣ съ отдѣльныхъ крестьянскихъ надѣловъ? По проекту г. Риттиха, общество не имѣетъ даже права возражать противъ продажи ему выкупленныхъ надѣловъ и противъ назначенной за нихъ цѣны; оно обязано платить безпрекословно: „опредѣленная крестьянскими учрежденіями сумма вознагражденія за передаваемый въ общество выкупленный надѣлъ взыскивается въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ ея присужденія (?), порядкомъ, установленнымъ для взиманія окладныхъ сборовъ, послѣ чего она выдается по принадлежности, а надѣлъ переходитъ въ распоряженіе общества“ (стр. 118). Авторъ, повидимому, и не подозрѣваетъ, сколько неуваженія къ гражданскимъ и человѣческимъ правамъ крестьянъ заключается въ этомъ оригинальномъ „правилѣ“, предполагающемъ принудительное взысканіе, наравнѣ съ налогами, произвольно назначенныхъ суммъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ.

Далѣе проектированное г. Риттихомъ вмѣшательство въ поземельныя и денежныя дѣла сельскихъ обществъ принимаетъ все болѣе рискованный характеръ, открывая возможность опасныхъ недоразумѣній и неудовольствій въ крестьянской массѣ. „Если одна четверть пользующихся общинной полевой землей крестьянъ, а въ большихъ обществахъ не менѣе двадцати-пяти крестьянъ, заявитъ послѣ выкупа своихъ надѣловъ желаніе выдѣлиться въ односелья и обяжется сдать въ общество свою усадебную землю“, то производится обязательное разверстаніе угодій, съ отводомъ каждому крестьянину всего надѣла въ одномъ обрубномъ участкѣ, „и если въ межу его не можетъ быть включено какое-либо изъ угодій, то потеря таковаго возмѣщается за счетъ качества или пространства другого“; при этомъ дѣлается авторомъ странная и едва ли осуществимая оговорка, что „сохраненіе за выдѣляю-

щимися какихъ бы то ни было правъ на общинныя угодья не допускается". Почему надо мѣшать крестьянамъ при выдѣлѣ удерживать общинное пользованіе пастбищами и лѣсомъ—неизвѣстно. „Обязательному разверстанію въ судебно-межевомъ порядкѣ подчиняются и тѣ выкупившіе землю крестьяне, которые не присоединились къ указанному выше числу домохозяевъ, желающихъ выдѣла въ односелья"; затѣмъ идетъ неожиданное обѣщаніе казенныхъ щедротъ: „каждый домохозяинъ, выдѣлившій свой надѣлъ въ односелье, съ перенесеніемъ на него усадебной осѣдлости, имѣетъ право на полученіе ссуды изъ средствъ казны; часть этой ссуды выдается вслѣдъ за выдѣломъ, а другая часть—при окончательномъ водвореніи на выдѣленномъ участкѣ и по сдачѣ прежней усадебной земли". Такое разверстаніе надѣловъ можетъ относиться къ милліонамъ крестьянъ, и всѣ, конечно, пожелаютъ получить ссуду, если только будетъ пущена въ оборотъ соблазнительная мысль о раздачѣ казенныхъ денегъ; но казна не располагаетъ даровыми милліонами, и замѣна общиннаго крестьянскаго владѣнія участковымъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ настоятельныхъ государственныхъ дѣлъ, которыя нужно было бы устроивать на казенный счетъ, вопреки доброй волѣ заинтересованнаго населенія.

Искусственно передѣлывать поземельный бытъ крестьянства—предпріятіе слишкомъ смѣлое и непосильное для бюрократіи, поставленной въ чисто-формальныя, внѣшнія, поверхностныя отношенія къ народной массѣ; однако нѣтъ такой задачи, за которую не брались бы наши канцелярскіе прожектёры. Даже такой серьезный изслѣдователь, какъ г. Риттихъ, возлагаетъ на законъ и его исполнителей обязанность насильно исправлять семейные нравы крестьянъ; между прочимъ, онъ придумываетъ средства для поддержанія „престижа отцовской власти", который, будто бы, крайне расшатанъ въ крестьянской средѣ. Ради этого престижа предлагается установить полную хозяйственную зависимость взрослыхъ сыновей и ихъ семействъ отъ отца-домохозяина, каковы бы ни были слабости и недостатки послѣдняго. По проекту автора, „подворная земля, состоящая въ пользованіи домохозяина и родныхъ его дѣтей съ ихъ семьями, составляетъ личную собственность домохозяина, имѣющаго всѣ права распоряженія этой землей, независимо отъ согласія семьи" (стр. 157). „При всякомъ порядкѣ землепользованія, общинномъ или подворномъ, имущественный выдѣлъ несамостоятельныхъ членовъ семьи и условія сего выдѣла зависятъ всецѣло отъ воли отца, а при неимѣніи его—матери; если же несамостоятельный (хотя и совершеннолѣтній) членъ семьи

выйдетъ изъ нея, помимо желанія своихъ родителей, то онъ утрачиваетъ право на участіе въ общинномъ землепользованіи, и таковое переходитъ къ родителямъ на все время разверстки, по истеченіи коего онъ можетъ получить это право не иначе, какъ съ согласія общества; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ теряетъ право наслѣдованія подворной, усадебной и движимой собственности родителей, если только послѣдніе не пожелаютъ вновь принять его въ свою семью или предоставить ему право на эту собственность по духовному завѣщанію" (стр. 161). Столь суровыя мѣры противъ взрослыхъ сыновей не устраняются даже въ случаяхъ снохачества или явнаго самодурства, и этимъ полновластіемъ стариковъ должна поддерживаться патріархальная крѣпость семейнаго союза; въ дѣйствительности, разумѣется, подобный порядокъ вещей вызывалъ бы крайне тяжелыя, обостренныя отношенія между членами крестьянскихъ семействъ и давалъ бы обильный матеріалъ для уголовной хроники. Всѣ надежды, по обыкновенію, возлагаются на заботливую опекунскую власть всевѣдущихъ и вездѣсущихъ земскихъ начальниковъ; имъ поручаются также новыя сложныя обязанности по охранѣ, регулированію и закрѣпленію поземельныхъ правъ крестьянъ, равно какъ и совершеніе актовъ о переходѣ этихъ правъ, причемъ предоставляется руководствоваться „имѣющимися у крестьянъ неформальными доказательствами". Новыя широкія и неопредѣленныя полномочія земскихъ начальниковъ, по мнѣнію г. Риттиха, внесутъ устойчивость въ крестьянское землевладѣніе, дадутъ „правовое основаніе" интересамъ отдѣльныхъ крестьянъ и оградятъ ихъ отъ „произвола міра", ибо самая власть земскихъ начальниковъ основана, какъ извѣстно, на твердомъ принципѣ законности и не заключаетъ въ себѣ элементовъ произвольнаго личнаго усмотрѣнія. „Быть можетъ,—скромно заключаетъ авторъ,—дарованіе сельскому люду устойчивыхъ правъ на обрабатываемую землю быстро повыситъ ея производительность и удержитъ на землѣ гораздо болѣе населенія, чѣмъ это достигается мѣрами стѣснительнаго характера", и эта благодѣтельная реформа осуществилась бы съ желаннымъ успѣхомъ, еслибы только преподаны были соотвѣтственныя предписанія и инструкціи мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ и земскимъ начальникамъ. Г. Риттихъ заботится о томъ, чтобы устойчивость крестьянскаго землевладѣнія на началахъ личной собственности существенно отличалась все-таки отъ прочности имущественныхъ правъ другихъ сословій. Напримѣръ, никто не можетъ пріобрѣсть болѣе двадцати-пяти десятинъ земли изъ надѣла одного сельскаго общества; если же

у кого останется излишекъ, пріобрѣтенный покупкою, то „всякія сдѣлки по переходу правъ признаются недѣйствительными въ отношеніи всего пространства земли сверхъ указанной нормы“, и по общему правилу, существующему для такого рода случаевъ, возстановлялось бы положеніе, бывшее до этихъ сдѣлокъ, т.-е. участокъ возвращался бы прежнимъ владѣльцамъ, съ обратною отдачею покупной суммы; но для крестьянъ можно, не стѣсняясь, предложить нѣчто совсѣмъ другое: „излишекъ этотъ передается безвозмездно въ распоряженіе сельскаго общества, причемъ исковыхъ правъ о возмѣщеніи стоимости этой земли не возникаетъ“ (?). Покупатель наказывается тутъ конфискаціею, съ лишеніемъ права получить обратно свои деньги,—и дѣлается это просто потому, что безправіе признается какъ бы нормальнымъ состояніемъ крестьянъ; а между тѣмъ тотъ же авторъ, заодно со многими другими, сѣтуетъ на недостатокъ твердаго правового сознанія въ сельскомъ населеніи. Вѣковая атмосфера мѣстнаго произвола и безправія не служитъ благопріятною почвою для развитія и укрѣпленія идей права и законности, и винить въ этомъ самихъ крестьянъ было бы несправедливо.

Мы настолько свыклись съ особыми условіями, въ какихъ находится крестьянство, что не замѣчаемъ въ этомъ отношеніи самыхъ странныхъ аномалій; въ видѣ примѣра можно сослаться на слѣдующее правило, проектируемое г. Риттихомъ для облегченія крестьянамъ выхода изъ сельскихъ обществъ: „Желающій выйти изъ общества обязанъ представить земскому начальнику, или соотвѣтствующему должностному лицу, удостовѣреніе о пріобрѣтеніи участка земли въ томъ обществѣ, куда желаетъ перейти, или же пріемный приговоръ общества“ (стр. 206). Выйти изъ сельскаго общества безъ перехода въ другое — крестьянинъ не можетъ; онъ обязанъ непремѣнно принадлежать къ какому-нибудь сельскому обществу, имѣть въ его составѣ участокъ земли или заручиться согласіемъ міра на причисленіе безъ земли, хотя бы онъ фактически занимался не земледѣліемъ, а разными городскими промыслами. Автору кажется, что онъ значительно смягчаетъ существующую зависимость крестьянъ отъ общества и міра; но эта робкая попытка смягченія лучше всего характеризуетъ общее положеніе такъ называемыхъ свободныхъ сельскихъ обывателей и традиціонные бюрократическіе взгляды на весь крестьянскій вопросъ.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1904.

Именной Высочайшій указъ 8-го января и очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру постановленій о крестьянахъ. — Кодификація, проектируемая редакціонною коммиссіей.—Возможность другого исхода.—Отзывы печати о составѣ губернскихъ совѣщаній. — Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.

8-го января состоялся Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату, слѣдующаго содержанія:

„Въ сознаніи, что Положенія 19 февраля 1861 года, даровавшія крестьянскому сословію личную свободу и обезпечившія его поземельное устройство, оставили нѣкоторыя стороны обновленнаго сельскаго быта безъ законодательнаго опредѣленія, Мы повелѣли пересмотрѣть дѣйствующее законодательство о крестьянахъ.

„Пересмотръ сей Мы признали за благо произвести на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 года, положивъ въ основу упомянутаго пересмотра, — какъ сказано Нами въ манифестѣ 26 февраля 1903 года,—неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, при условіяхъ облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины. Въ развитіе сихъ предначертаній, признали Мы необходимымъ, наряду съ этимъ, сохранить крестьянамъ сословный строй и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель.

„Во исполненіе сего, нынѣ окончены въ первоначальномъ изложеніи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проекты новыхъ законоположеній о крестьянахъ, каковые, согласно предуказаніямъ того же Нашего манифеста, подлежатъ передачѣ на мѣста въ губернскія совѣщанія, для дальнѣйшей разработки и согласованія съ мѣстными особенностями.

„Вслѣдствіе сего повелѣваемъ:

„1) Губернскія совѣщанія образовать для пересмотра законодательства о крестьянахъ въ губерніяхъ, въ коихъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, а также въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской.

„2) Губернское совѣщаніе образуется подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, изъ начальниковъ мѣстныхъ управленій гражданскаго вѣдомства, изъ предсѣдателя окружнаго суда, находящагося въ губернскомъ городѣ, изъ непремѣннаго члена губернскаго присутствія или члена отъ правительства губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по принадлежности, изъ предсѣдателя губернской земской управы, изъ представителей дворянства и земства, изъ земскихъ начальниковъ, не менѣе четырехъ, а также изъ лицъ, которыя своимъ опытомъ или познаніями могутъ содѣйствовать успѣху возложенной на совѣщаніе задачи.

„3) Члены отъ дворянства приглашаются губернаторомъ по указаніямъ собранія предводителей и депутатовъ дворянства не менѣе одного члена на уѣздъ. Въ губерніяхъ, не имѣющихъ дворянскаго представительства, члены отъ дворянства приглашаются губернаторами по соглашенію съ губернскими предводителями дворянства, гдѣ таковые имѣются.

„4) Члены отъ земства приглашаются губернаторомъ изъ состава уѣздныхъ земскихъ гласныхъ въ числѣ одного на уѣздъ.

„5) Порядокъ обсужденія губернскими совѣщаніями возложеннаго на нихъ дѣла, а также дѣлопроизводства въ нихъ опредѣляется инструкціею министра внутреннихъ дѣлъ“.

Одновременно съ обнародованіемъ этого указа, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появился „Очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“, подробно знакомящій съ тѣми проектами, къ разсмотрѣнію которыхъ призваны губернскія совѣщанія. Справедливо находя, что Положенія 1861-го года не составляли вполнѣ законченнаго цѣлаго, коммиссія не жалѣетъ о томъ, что къ довершенію труда приступлено только теперь, по прошествіи почти полувѣка. Изданіе законодательнаго акта, опредѣляющаго всѣ стороны крестьянской общественной и гражданской правовой жизни, мыслимо „лишь при ближайшемъ ознакомленіи съ этою жизнью, проникновеніи въ ея внутреннюю сущность“. Такого знакомства ни во время реформы 1861-го года, ни даже значительно позднѣе, не было ни у русскихъ образованныхъ людей, ни у самого правительства. „Единственнымъ надежнымъ способомъ изученія крестьянскихъ распорядковъ является практика органовъ, ближайшимъ образомъ соприкасающихся со всѣми внутренними явленіями народной жизни. Такихъ органовъ до 1889-го года въ имперіи не существовало. Крестьянская жизнь была почти всецѣло предоставлена своему собственному теченію, оставалась внѣ всякаго надзора правительства, которое даже и не вѣдало многаго, что въ ней творилось“. При такомъ положеніи дѣла пересмотръ крестьянскаго законодательства былъ возможенъ „исключительно на почвѣ умозрительныхъ началъ отвлеченной теоріи, а отнюдь не въ соотвѣтствіи съ требова-

ніями жизни". Этими соображеніями коммиссія объясняетъ какъ неудачу отдѣльныхъ нововведеній въ области крестьянскаго быта, ознаменовавшихъ начало восьмидесятыхъ годовъ, такъ и медленное движеніе общей преобразовательной работы, предпринятой въ 1893 г., вскорѣ пріостановившейся и возобновленной лишь въ 1901-мъ году.

Въ этомъ краткомъ историческомъ обзорѣ не все кажется намъ одинаково безспорнымъ. Конечно, Положенія 19-го февраля не исчерпывали всѣхъ сторонъ народной жизни; но разгадкой этому служитъ *временной* характеръ постановленій, регулировавшихъ личныя и имущественныя права крестьянъ, крестьянскій судъ и крестьянское управленіе. Предполагалось, очевидно, что особый порядокъ, созданный 19-го февраля, долженъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, уступить мѣсто общему строю, объединяющему всѣ части населенія. Свобода, только-что дарованная крестьянамъ, представлялась растеніемъ нѣжнымъ, требующимъ спеціальной охраны; перегородкамъ между сословіями придавалось значеніе защиты болѣе слабыхъ отъ болѣе сильныхъ. Другими словами, довершеніе дѣла, начатаго въ 1861 г., откладывалось до тѣхъ поръ, когда перестанутъ быть опасными привычки и взгляды, завѣщанные крѣпостной эпохой. „Крестьянская общественная и гражданская жизнь" и въ самый моментъ освобожденія крестьянъ не была книгой за семью печатями. Такіе наблюдатели, какъ Ю. Самаринъ, Н. Милютинъ, Я. Соловьевъ, кн. Черкасскій, прочли въ ней многое, хотя она и казалась наглухо закрытой. Все болѣе и болѣе яркимъ свѣтомъ ея страницы стали озаряться тогда, когда, вслѣдъ за паденіемъ крѣпостного права, раздвинулись рамки русской литературы и русской науки. Увеличивалось съ большою быстротою и число русскихъ образованныхъ людей, заглядывавшихъ въ глубину народнаго быта, и число явленій этого быта, доступныхъ для изслѣдованія и изученія. Сильно придвинула общество къ народу совмѣстная дѣятельность сословій въ земскихъ учрежденіяхъ. Крестьянскій вопросъ опять былъ поставленъ на очередь, сначала (въ семидесятыхъ годахъ) вопреки мнѣнію правительства, затѣмъ (въ 1880-мъ году) съ его согласія и отчасти по его инціативѣ. И это вполнѣ понятно: помимо указаній земства и печати—указаній, во многихъ случаяхъ весьма „надежныхъ" и всегда допускавшихъ широкую повѣрку,—правительство было освѣдомляемо и своими собственными органами. Такими органами были сначала (и остались, кое-гдѣ, до настоящаго времени) мировые посредники, къ началу семидесятыхъ годовъ оскудѣвшіе, правда, численно и понизившіеся качественно, но до конца сохранявшіе и обязанность, и возможность слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ деревнѣ. Реформа 1874-го года, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, не уничтожила правительственнаго надзора за кре-

стьянами, едва ли даже ограничила его область или его интенсивность. Непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій, избираемые земствомъ, но утверждаемые администраціей, могли служить—и во многихъ случаяхъ дѣйствительно служили—посредниками между центральною властью и массой населенія. Во главѣ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій стояли уѣздные предводители дворянства, постоянно и неизмѣнно пользовавшіеся довѣріемъ правительства—и участіе ихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ далеко не вездѣ и не всегда было только номинальнымъ. Намъ кажется, поэтому, что вполнѣ осуществимымъ пересмотръ положеній о крестьянахъ былъ уже четверть вѣка тому назадъ. Ему мѣшали сначала перемѣны въ господствующихъ теченіяхъ, потомъ—неопредѣленность настроенія, характеризовать которое можно было бы извѣстной формулой: „quieta non movere“ (не двигать того, что̀ находится въ покоѣ). Сравнительно широкіе планы гр. Лорисъ-Меликова и Кахановской коммиссіи уступили мѣсто судебно-административному преобразованію 1889-го года; затѣмъ начался періодъ частныхъ мѣръ, мало располагавшій къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Если даже стать на точку зрѣнія редакціонной коммиссіи и признать, вмѣстѣ съ нею, что практика административныхъ о̀рґановъ—„единственный надежный способъ изученія крестьянскихъ распорядковъ“, то и въ такомъ случаѣ едва ли можно отрицать, что матеріалы для пересмотра положеній о крестьянахъ имѣлись на лицо по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ тому назадъ.

Задачей работы, предпринятой въ 1901-мъ году, поставлено измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861-го года и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе. Такими основными началами редакціонная коммиссія признаетъ „обособленность крестьянскаго сословія и установленные въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія крестьянами и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ коренного, велѣніемъ закона, измѣненія“. Относительно сословной обособленности коммиссія „приняла во вниманіе, что со временъ незапамятныхъ и доселѣ земля и земледѣльческій промыселъ составляли и составляютъ для русскаго крестьянина почти исключительный и во всякомъ случаѣ важнѣйшій предметъ его жизненной дѣятельности, сосредоточеніе всѣхъ его заботъ и попеченій, основу его матеріальнаго достатка. Постоянная близость къ землѣ, въ связи съ особенностями сельскохозяйственнаго

труда и быта, наложили неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразились на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и создали весь внутренній складъ крестьянскихъ общественныхъ союзовъ. Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій... Сельское населеніе является сословнымъ цѣлымъ не по имени, не по буквѣ закона, но по своей внутренней крѣпости и сплоченности". Въ сословныхъ рамкахъ крестьянство было оставлено и Положеніями 1861-го года, составители которыхъ были убѣждены, что внесеніе въ крестьянскую среду нормъ общаго гражданскаго права, разсчитанныхъ на опредѣленіе совершенно иныхъ правоотношеній, не могло отвѣчать правовымъ нуждамъ деревни. Пока источникъ самобытнаго крестьянскаго права,—т.-е. народный обычай,—„не уступитъ безслѣдно мѣста какимъ-либо опредѣленнымъ общегосударственнымъ нормамъ права писаннаго, до тѣхъ поръ немыслимо отпаденіе сословныхъ граней крестьянства". Право государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, имѣетъ, въ глазахъ коммиссіи, еще другое основаніе: оно является логическимъ послѣдствіемъ весьма серьезныхъ жертвъ, понесенныхъ государствомъ для обезпеченія крестьянскаго быта. „Ни законъ, ни правительство, не могутъ имѣть въ виду стѣснять предпріимчивость отдѣльныхъ крестьянъ сдерживать ихъ пріобрѣтательную способность; но тотъ же законъ и то же правительство могутъ и обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы эти предпріимчивость и способность не развивались за счетъ такого источника, который имѣетъ особое, болѣе обширное, общегосударственное значеніе—служить основой существованія народныхъ массъ... Наконецъ, государство и до сихъ поръ не перестаетъ принимать особыя мѣры къ обоснованію и упроченію благосостоянія земледѣльческаго люда (доступъ крестьянъ къ казеннымъ землямъ, снабженіе особымъ кредитомъ для пріумноженія ихъ земельнаго фонда и т. п.)—а тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимися его попечительными заботами". „Простымъ изданіемъ закона"—читаемъ мы дальше—„нѣтъ возможности сгладить тѣ органическія особенности, которыя

рѣзко различаютъ крестьянство отъ остальныхъ классовъ населенія. Болѣе чѣмъ ошибочно полагать, что, распространяя однообразные пріемы управленія, примѣняя однообразныя мѣропріятія къ различнымъ по своему духовному и нравственному облику группамъ населенія, возможно эти группы духовно сблизить и матеріально объединить. Это было бы равносильно примѣненію тѣхъ же способовъ обработки, насажденія тѣхъ же растеній на различныхъ, по ихъ химическому составу и физическому строенію, почвахъ. Очевидно, что лишь приведя эти почвы къ одной формулѣ, возможно ихъ однообразно использовать и ожидать отъ того одинаковыхъ послѣдствій. Словомъ, по мнѣнію коммиссіи, до полнаго внутренняго объединенія крестьянства со всѣми остальными сословными группами имперіи, необходимо сохранить особые пріемы въ порядкѣ его общественнаго управленія, суда и правительственнаго надзора. Такой образъ дѣйствій отнюдь не заключаетъ въ себѣ стремленія искусственно задерживать въ средѣ крестьянскаго сословія всѣхъ отдѣльныхъ, составляющихъ его личностей. Наоборотъ, законъ долженъ предоставить возможность всѣмъ индивидуально-сильнымъ, умственно-переросшимъ крестьянскій міръ отдѣльнымъ крестьянамъ найти примѣненіе своимъ способностямъ, расправить свои крылья, но съ тѣмъ, чтобы ихъ ростъ происходилъ не за счетъ всего крестьянства, а шелъ самостоятельнымъ путемъ. Предполагать, что всякій крестьянинъ обязательно долженъ посвятить всю свою жизнь земледѣлію, очевидно, нѣтъ основаній. Въ отдѣльныхъ представителяхъ нашего сельскаго населенія несомнѣнно созрѣваютъ весьма разнообразныя силы и способности, свободное проявленіе и развитіе коихъ, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ многоразличнымъ задачамъ народнаго хозяйства. Сословный строй крестьянства этому отнюдь не препятствуетъ. Каждому крестьянину и при немъ можетъ быть предоставлена возможность посвятить себя другимъ, неземледѣльческимъ занятіямъ, перейти въ ряды другихъ сословій. Тѣмъ самымъ онъ выйдетъ изъ сферы попеченія о немъ государства, а сословный крестьянскій строй останется непоколебимымъ".

Итакъ, обособленность крестьянства коренится, съ точки зрѣнія редакціонной коммиссіи, отчасти въ стихійныхъ и историческихъ условіяхъ сельскаго быта, отчасти въ услугахъ, оказанныхъ и оказываемыхъ государствомъ сельскому населенію. Безспорно, въ прошедшемъ крестьянство было крѣпко землѣ—крѣпко какъ въ силу искусственной связи; установленной закономъ, такъ и въ силу естественно сложившихся обстоятельствъ; но съ паденіемъ первой, а отчасти и раньше, начинаютъ измѣняться и послѣднія. Земля перестаетъ быть единственной кормилицей крестьянина. Все больше и больше развивается въ крестьянской средѣ уходъ въ города или на фабрики. Масса крестьянъ, не разрывая съ

деревней, періодически туда возвращаясь, привыкаетъ къ другимъ, неземледѣльческимъ занятіямъ, къ другому, менѣе патріархальному складу жизни. Новизна со всѣхъ сторонъ вторгается даже въ сравнительно глухіе деревенскіе уголки [1]). Еще недавно однородная, безразличная масса расчленяется на мало сходныя между собою части. Юридическому соединенію уже не соотвѣтствуетъ фактическое. Однажды начавшись, дифференціація не останавливается передъ сословными перегородками. Не предупреждаютъ онѣ и противоположнаго движенія—наплыва постороннихъ деревнѣ элементовъ и слиянія ихъ съ коренными сельскими жителями. Уступая необходимости, наше законодательство еще въ 1889 г. приравняло къ крестьянамъ, въ области суда и управленія, живущихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ ремесленниковъ и мѣщанъ, что не мѣшаетъ имъ оставаться членами другого сословія. Параллельно съ бытомъ, хотя и не такъ быстро, трансформируется и настроеніе. Кто много видѣлъ, многое узналъ, тотъ не можетъ во всемъ думать и чувствовать по прежнему. Традиція, накоплявшаяся вѣками, сохраняетъ, въ той или другой степени, свое значеніе, но рядомъ съ нею оказывается мѣсто и для взглядовъ, выработанныхъ личнымъ опытомъ, личною мыслью. Безконечно разнообразныя комбинаціи стараго и новаго обусловливаются не рамками, данными извнѣ, а взаимодѣйствіемъ вліяній, неуловимыхъ и, слѣдовательно, неустранимыхъ.

Услугами государства пользуется постоянно *все* населеніе, въ свою очередь дающее государству и свои средства, и свой трудъ, а иногда и свою жизнь. Нельзя, поэтому, выводить изъ самаго факта услугъ право государства на выдѣленіе той или другой группы въ особое сословіе, подчиненное особому „попечительному надзору". И прежде, и въ послѣднее время, государство много дѣлало для дворянства—но правительственному надзору дворяне подлежали и подлежатъ не въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ другіе классы общества. *Забота*, въ государственной жизни, не имѣетъ характера *жертвы*, потому что всегда предполагается *общеполезной*, всегда мотивируется интересами цѣлаго. Конечно, предположенію можетъ не соотвѣтствовать дѣйствительность, за мотивами, выдвинутыми впередъ, могутъ скрываться другіе, болѣе или менѣе частнаго свойства; но силу правила не колеблютъ отступленія отъ него, все равно, сознательныя или безсознательныя. Отмѣна крѣпостного права, измѣнившая къ лучшему положеніе крестьянъ, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, актомъ высокой государственной мудрости; непосредственно касаясь одного сословія, она имѣла въ виду благо

[1]) Это признаетъ, въ другой части своей работы, и редакціонная коммиссія, говоря, что „экономическая жизнь крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ усложнилась и видоизмѣнилась до неузнаваемости".

всего народа. То же самое слѣдуетъ сказать и о позднѣйшихъ мѣрахъ, продолжавшихъ или дополнявшихъ дѣло 19-го февраля. Земельный фондъ, созданный въ 1861-мъ году, оказывался недостаточнымъ для быстро увеличивавшагося населенія; отсюда учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, отсюда облегченіе для крестьянъ арендованія казенныхъ земель. Руководящая мысль остается прежняя: *въ интересахъ государства* необходимо возможно бо̀льшее земельное обезпеченіе народной массы. Нельзя, въ силу тѣхъ же соображеній, считать *жертвой* и продовольственную помощь крестьянамъ въ неурожайные годы. Обнищаніе и обезсиленіе многомилліоннаго населенія грозило такими *общими* послѣдствіями, къ предупрежденію которыхъ не могли не быть направлены усилія государства... Между попечительными мѣрами и особымъ надзоромъ причинная связь существуетъ лишь на столько, на сколько послѣдній прямо необходимъ для осуществленія первыхъ. Понятно, напримѣръ, требованіе, чтобы суммы, отпущенныя на сельско-хозяйственныя меліораціи, были употреблены именно на этотъ предметъ; понятно и наблюденіе, вытекающее изъ этого требованія, если оно остается въ естественныхъ своихъ границахъ, ни въ чемъ другомъ не стѣсняя свободы дѣйствій хозяина. Изъ исторіи выкупной операціи можно, пожалуй, вывести принципъ неотчуждаемости надѣльныхъ земель—но отнюдь не обособленность сословія, владѣющаго этими землями.

Что „простымъ изданіемъ закона нельзя сгладить органическія особенности" той или другой общественной группы—это несомнѣнно; но не такой результатъ имѣется въ виду, когда идетъ рѣчь о сближеніи сословій. Достижимымъ и желательнымъ признается лишь устраненіе искусственныхъ различій, поддерживаемыхъ извнѣ и существующихъ только благодаря этой поддержкѣ. Картинное сравненіе, иллюстрирующее мысль редакціонной коммиссіи, легко можетъ быть обращено противъ нея. Нельзя—говорятъ намъ—примѣнять одни и тѣ же пріемы обработки, насаждать одни и тѣ же растенія на почвахъ, существенно различныхъ по строенію и составу. Но развѣ въ Россіи не сѣютъ рожь и на черноземѣ, и на пескѣ, и на суглинкѣ? Развѣ для ея культуры и тамъ, и тутъ, и здѣсь не пускаются въ ходъ одинаковыя орудія, одинаковые способы поднять урожайность поля? Есть, конечно, различія въ глубинѣ и времени вспашки, въ густотѣ посѣва, въ количествѣ удобренія, какъ и въ результатахъ жатвы—но эти различія не исключаютъ сходства въ существенномъ и главномъ. То же самое можно сказать и о культурѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. На хорошо подготовленной нивѣ сѣмена взойдутъ быстрѣе и обильнѣе—но не напрасно они будутъ брошены и въ другихъ мѣстахъ, да и самая почва можетъ оказаться способной къ улучшенію. Ожи-

дать, для сближенія сословій, *безслѣднаго* исчезновенія мѣстныхъ обычаевъ—значило бы замкнуться въ волшебный кругъ, изъ котораго нѣтъ исхода. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ исчезнуть то, что̀ ставится подъ спеціальную охрану власти? Не ясно ли, что совершенно сойти со сцены обычай можетъ лишь послѣ того, какъ прекратится его *принудительная* сила? Съ другой стороны, сохранить, по крайней мѣрѣ на время, все то, что̀ цѣнно и жизненно въ обычаѣ, возможно, какъ мы увидимъ ниже, и при дѣйствіи общаго для всѣхъ закона.

Признавая, что сословныя грани не должны связывать предпріимчивость отдѣльныхъ лицъ, редакціонная коммиссія находитъ, что всѣмъ индивидуально-сильнымъ, умственно переросшимъ свою среду крестьянамъ слѣдуетъ предоставить возможность перехода къ другимъ (неземледѣльческимъ) занятіямъ, въ ряды другихъ сословій. А что, если „расправить крылья“ крестьянинъ можетъ и хочетъ именно въ родномъ селѣ, въ кругу земледѣльческихъ занятій? Справедливо ли обусловливать движеніе впередъ отреченіемъ отъ привычной обстановки, отъ излюбленной работы? Цѣлесообразно ли отнимать у деревни лучшія ея силы, для которыхъ въ городѣ можетъ и не найтись подходящаго примѣненія? Всѣ ли „индивидуально-сильные“ крестьяне обладаютъ, притомъ, матеріальными средствами, безъ которыхъ трудно или даже невозможно вступленіе на новую дорогу? Почему, наконецъ, процессъ „расправленія крыльевъ“, если онъ перестаетъ быть исключеніемъ изъ общаго правила, долженъ считаться совершающимся „за счетъ всего крестьянства“? Какимъ образомъ „все крестьянство“ можетъ пострадать отъ того, что̀ выгодно для каждаго отдѣльнаго его члена? Нѣчто въ родѣ вреда для массы можно было бы усмотрѣть только въ уменьшеніи крестьянскаго земельнаго фонда, т.-е. въ безпрепятственной, ничѣмъ не ограниченной продажѣ надѣльной земли; но мы уже имѣли случай замѣтить, что между неотчуждаемостью надѣловъ и сословною обособленностью крестьянъ вовсе нѣтъ неразрывной связи. Первая можетъ остаться въ силѣ, хотя бы и была отмѣнена или уменьшена послѣдняя.

Послѣ общихъ соображеній, мотивирующихъ обособленность крестьянъ, въ очеркѣ работъ редакціонной коммиссіи всего больше выдается тотъ отдѣлъ, который посвященъ общественному крестьянскому устройству. Исходная мысль коммиссіи заключается въ томъ, что „нынѣшніе основные устои сельскаго управленія и суда въ своихъ коренныхъ началахъ соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ русской деревни и органически слились съ сельскою жизнью“, вслѣдствіе чего коммиссіи „надлежитъ руководствоваться не какою-нибудь

отвлеченной теоріей, а исключительно указаніями практики". Изъ такихъ указаній коммиссія выводитъ, прежде всего, необходимость различать союзы, объединенные общностью землепользованія, и союзы, объединенные совмѣстною жизнью въ ближайшемъ другъ отъ друга сосѣдствѣ. Это различіе, какъ извѣстно, признается и въ настоящее время: *селенные* сходы уже давно разсматриваются какъ нѣчто отдѣльное и независимое отъ *сельскихъ*. Вопросъ о составѣ сходовъ (т.-е. о замѣнѣ такъ называемыхъ *полныхъ* сходовъ сходами *выборныхъ*) коммиссія только ставитъ, не высказываясь за разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ. Выходъ изъ состава сельскаго общества коммиссія предполагаетъ значительно облегчить и рядомъ съ выходомъ добровольнымъ поставить *обязательный* (по отношенію къ лицамъ, фактически порвавшимъ всякую связь съ обществомъ). Полнѣйшаго сочувствія заслуживаетъ намѣреніе коммиссіи обратить особое вниманіе на положеніе внѣбрачныхъ дѣтей, а также усыновленныхъ и принятыхъ въ составъ семьи (пріймаковъ). Признавая обременительность мірскихъ сборовъ, коммиссія стоитъ за расширеніе круга плательщиковъ, но съ тѣмъ, чтобы необходимымъ условіемъ привлеченія къ платежу былъ образъ жизни, однородный съ крестьянскимъ. Другими словами, коммиссія заранѣе отклоняетъ мысль о всесословной волости, участниками которой должны являться всѣ сельскіе жители и всѣ владѣльцы внѣгородскихъ недвижимыхъ имѣній. Менѣе ясно отношеніе коммиссіи къ вопросу о личномъ составѣ крестьянскаго общественнаго управленія. Настоящую его неудовлетворительность она объясняетъ крайнею многосложностью его функцій и полною его подчиненностью рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи. Обѣ причины, по мнѣнію коммиссіи, устранимы лишь мало-по-малу; въ настоящее время возможны только „нѣкоторыя частичныя улучшенія", сущность которыхъ въ очеркѣ работъ коммиссіи не опредѣлена.

Особенною обширностью и детальностью отличаются соображенія коммиссіи о преобразованіи волостного суда, которое она признаетъ дѣломъ болѣе сложнымъ и труднымъ, чѣмъ усовершенствованіе сельскаго общественнаго управленія. Сопоставивъ широкую компетенцію волостного суда, „вѣдающаго громадное большинство какъ проступковъ, такъ и имущественныхъ споровъ по крайней мѣрѣ 80 % всего населенія имперіи", съ крайнею недостаточностью постановленій, регулирующихъ его дѣятельность, коммиссія признаетъ необходимымъ „преподать ему въ руководство во всѣхъ подробностяхъ разработанныя правила процессуальнаго и матеріальнаго права, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго". Съ предстоящимъ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ миро-

выми судьями, утратить силу дѣйствующаго закона; съ тѣмъ вмѣстѣ лишатся значенія ссылки, сдѣланныя на него въ временныхъ правилахъ 12-го іюля 1889-го года. Для устраненія возникающихъ отсюда затрудненій возможны три способа: или - распространить на дѣянія, подсудныя волостному суду, постановленія уголовнаго уложенія—или ограничиться новымъ изданіемъ временныхъ правилъ, сохранивъ ихъ существо,—или, наконецъ, выработать новый уголовный кодексъ для мелкихъ правонарушеній, приспособленный къ кругу дѣйствій волостного суда. Первый способъ коммиссія отвергаетъ какъ потому, что система уложенія, опредѣляющая преступленія крупными, общими чертами, дѣлаетъ его недоступнымъ для крестьянскаго суда, такъ и потому, что слишкомъ высоки максимальныя нормы установляемыхъ уложеніемъ наказаній: „крестьянамъ былъ бы непонятенъ законъ, въ силу коего за уличную перебранку двухъ бабъ можетъ быть назначено наказаніе, доходящее до 6 мѣсяцевъ ареста иии 500 руб. пени, между тѣмъ какъ нынѣ высшее возможное взысканіе за такой проступокъ ограничивается штрафомъ въ 30 рублей или двухнедѣльнымъ арестомъ". Второй способъ коммиссія считаетъ непримѣнимымъ въ виду глубокаго различія между системами устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и новаго уголовнаго уложенія, а также между карательными мѣрами, установляемыми тѣмъ и другимъ. Остается, затѣмъ, только составленіе особаго волостного устава о наказаніяхъ. Эту работу коммиссія и исполнила, принявъ въ руководство слѣдующія три главныя положенія: 1) охватывая приблизительно ту же область проступковъ, какъ и временныя правила 12-го іюля 1889 г., уставъ, при опредѣленіи состава и отличительныхъ свойствъ преступныхъ дѣяній, долженъ опираться на постановленія новаго уголовнаго уложенія, лишь пріурочивая ихъ къ особымъ условіямъ и видамъ сельской преступности; 2) по внѣшней формѣ изложенія, уставъ долженъ отличаться ясностью и наглядностью, поясняя устанавливаемыя имъ общія положенія подходящими примѣрами, и 3) по степени наказуемости предусматриваемыхъ проступковъ уставъ долженъ приближаться къ новому уголовному уложенію, отступая отъ него лишь въ случаяхъ безусловной необходимости.

Въ области гражданскаго права дѣятельность современнаго волостного суда представляется, по справедливому замѣчанію коммиссіи, весьма отличной отъ дѣятельности дореформенныхъ, вѣдавшихъ лишь маловажныя дѣла волостныхъ и сельскихъ расправъ. Тѣмъ не менѣе волостной судъ, по отсутствію обязательныхъ для него нормъ матеріальнаго гражданскаго права, находится и теперь въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились расправы, т.-е. рѣшаетъ дѣла по совѣсти, руководствуясь мѣстными обычаями. Между тѣмъ, „процессъ

образованія государства изъ различныхъ по ихъ этнографическому составу племенъ и народностей лишилъ народное творчество въ Россіи возможности выразиться въ ясныхъ, безспорныхъ общихъ обычаяхъ, тождественныхъ и ясно сознаваемыхъ населеніемъ на пространствѣ всего государства. Исключенія изъ этого положенія если и существуютъ, то они сравнительно малочисленны, причемъ относятся лишь къ нѣкоторымъ вопросамъ права (преимущественно—семейнаго и наслѣдственнаго, всего меньше — обязательственнаго). Экономическая жизнь крестьянства во многихъ мѣстностяхъ со времени освобожденія крестьянъ усложнилась и видоизмѣнилась до неузнаваемости. Кромѣ несложныхъ земледѣльческихъ интересовъ, возникли интересы и сдѣлки характера торговаго; но вслѣдствіе недавности ихъ происхожденія, обычаевъ, предусматривающихъ способъ разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ на почвѣ этихъ новыхъ гражданскихъ правоотношеній, не существуетъ вовсе. Вообще подъ современнымъ обычнымъ правомъ должно понимать существованіе у крестьянъ множества, часто весьма интересныхъ и разумныхъ, но исключительно мѣстныхъ, практическихъ пріемовъ и правилъ въ разрѣшеніи спорныхъ правовыхъ вопросовъ, — правилъ, не только несогласованныхъ съ обычаями иныхъ, иногда даже сосѣднихъ мѣстностей, но подчасъ даже имъ противоположныхъ. Въ большинствѣ случаевъ имѣются не обычаи, разумѣя подъ этимъ терминомъ вполнѣ опредѣлившееся правосознаніе, а простое обыкновеніе, не обладающее свойствомъ непреложнаго въ народномъ представленіи указанія и въ виду этого соблюдаемое лишь постольку, поскольку оно не нарушаетъ чьихъ-либо существенныхъ интересовъ".

Дальше коммиссія констатируетъ еще другія два обстоятельства, идущія въ разрѣзъ съ примѣненіемъ обычаевъ: вліяніе волостныхъ писарей, часто даже не принадлежащихъ къ мѣстному населенію, и подчиненіе волостныхъ судовъ уѣздному съѣзду, членамъ котораго мѣстные обычаи могутъ быть вовсе неизвѣстны. Отсюда „одновременное существованіе двухъ соперничающихъ между собою правовыхъ нормъ: шаткаго, неопредѣленнаго обычая и бѣднаго положительными правилами X-го тома. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія является полное незнаніе крестьянами ни своего, ни чужого права, ни своихъ, ни чужихъ обязанностей". Обращаясь къ средствамъ устраненія зла, коммиссія высказывается противъ сокращенія круга вѣдомства волостныхъ судовъ до его прежнихъ, ничтожныхъ размѣровъ. Число гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ въ сельскомъ быту, уже теперь громадно и не перестаетъ расти, а помѣстный классъ, изъ среды котораго можно было бы замѣщать мѣстныя судейскія должности, постоянно уменьшается; во многихъ мѣстахъ нелегко даже найти въ немъ до-

статочное число кандидатовъ на званіе земскаго начальника. Недопустимо, далѣе, возложеніе обязанностей волостного суда на земскаго начальника: это извратило бы характеръ должности, сдѣлавъ ее, фактически, чисто судебною. Столь же недопустимо „предоставленіе повседневныхъ крестьянскихъ дѣлъ на судъ пришлыхъ коронныхъ судей, незнакомыхъ съ бытовыми сторонами сельской жизни". Остается, слѣдовательно, только одно: „снабдить волостной судъ твердыми правилами писаннаго закона". Какого же закона? „Гражданскій правооборотъ у крестьянъ образовался на основахъ порядка семейнаго и общиннаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и на принципѣ проведенія во многихъ гражданскихъ институтахъ началъ общественныхъ и трудовыхъ, въ ущербъ началамъ индивидуальности и капитализма. Между тѣмъ, именно на послѣднихъ началахъ построено все содержаніе общаго гражданскаго права, въ томъ числѣ и дѣйствующаго X-го тома свода законовъ, постановленія котораго сложились на почвѣ правовыхъ понятій и имущественнаго оборота высшихъ и среднихъ классовъ — дворянства, духовенства и купечества". Составляется, правда, новое гражданское уложеніе: но какъ бы успѣшно ни была выполнена эта работа, едва ли въ ближайшемъ будущемъ возможно будетъ распространить дѣйствіе уложенія на все сельское населеніе. Всякій кодексъ общаго права разсчитанъ на сложные и значительные гражданскіе интересы отдѣльныхъ лицъ и корпорацій средняго и высшаго классовъ населенія. Проектируемое гражданское уложеніе не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; оно разсчитано, притомъ—какъ видно изъ принятаго имъ способа изложенія—на примѣненіе его людьми свѣдущими въ правѣ, умѣющими разбираться въ отвлеченныхъ положеніяхъ и примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ. Все это приводитъ редакціонную коммиссію къ заключенію, что „единственнымъ цѣлесообразнымъ способомъ поставленной задачи слѣдуетъ признать изданіе особаго сельскаго гражданскаго устава, въ основу коего были бы положены тѣ же начала, коими проникнуты наши общіе законы гражданскіе". Сознавая *безмѣрную трудность* этого дѣла, коммиссія успокоиваетъ себя мыслью, что сельскій уставъ, каковы бы ни были его недостатки, все-же составитъ болѣе надежное руководство для волостныхъ судовъ, чѣмъ нынѣшній обычай, а судебная практика не преминетъ пополнить его и исправить, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни. Въ составъ устава должны войти правила объ обязательствахъ по договорамъ и нормы наслѣдственнаго права (права отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ на надѣльныя имущества должны составить предметъ особаго законодательнаго акта, а права крестьянъ личныя, семейственныя и вотчинныя на ненадѣльное имущество уже со времени изданія По-

ложеній 19-го февраля регулируются общими законами, въ томъ числѣ и первою частью X-го тома). Рядомъ съ сельскимъ уставомъ должны сохранить свое дѣйствіе и народные обычаи, въ вопросахъ наслѣдственнаго права—какъ главный, въ вопросахъ права обязательственнаго—какъ вспомогательный источникъ.

Порядокъ производства дѣлъ въ волостныхъ судахъ коммиссія считаетъ нужнымъ опредѣлить путемъ изданія краткаго по объему, но достаточно полнаго по содержанію процессуальнаго кодекса. Этотъ порядокъ долженъ быть, въ главныхъ чертахъ, одинъ и тотъ же для дѣлъ уголовныхъ и для дѣлъ гражданскихъ; достаточно установить для послѣднихъ три особенности—право истца окончить дѣло примиреніемъ, невмѣненіе суду въ обязанность разыскивать судебный матеріалъ и неприсужденіе судомъ бо̀льшаго, чѣмъ ищетъ сторона. „Крайнюю форму состязательности"—лишеніе суда права дополнять, по собственному почину, доказательства, представленныя сторонами,—коммиссія считаетъ несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ, особенно въ дѣлахъ крестьянскихъ, ограниченіемъ судейскихъ полномочій: въ видѣ примѣра приводится отсутствіе у суда права указывать на истеченіе давности, если на нее не ссылается отвѣтчикъ. Рѣшенія по дѣламъ наименѣе сложнымъ и важнымъ коммиссія, въ видахъ охраненія *обаянія* волостного суда, признаетъ подлежащими немедленному исполненію, независимо отъ обжалованія ихъ или необжалованія. Съ цѣлью уменьшенія числа неосновательныхъ кассаціонныхъ жалобъ предполагается требовать отъ жалобщиковъ невысокаго денежнаго залога, подлежащаго возвращенію лишь въ случаѣ признанія жалобы основательною.

Итакъ, особый уголовный кодексъ, особое, по нѣкоторымъ отдѣламъ права, гражданское уложеніе, особый порядокъ судопроизводства—вотъ къ чему сводятся нововведенія, проектируемыя коммиссіею въ области сельскаго суда. Это цѣлая стѣна, воздвигаемая между крестьянствомъ и другими сословіями—или, вѣрнѣе, между народной массой и привилегированными общественными классами (такъ какъ волостному суду подвѣдомственны, наравнѣ съ крестьянами, всѣ живущіе внѣ городовъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые). Воздвигается эта стѣна какъ разъ въ то время, когда утверждено новое уголовное уложеніе, законченъ, въ первоначальной редакціи, проектъ новаго гражданскаго уложенія и близится къ концу пересмотръ судебныхъ уставовъ. Разобщеніе предполагается усилить именно тогда, когда, повидимому, открывалась бы возможность сближенія. Невольно возникаетъ вопросъ, стоило ли затрачивать столько труда на составленіе кодексовъ, которымъ надолго суждено остаться достояніемъ незначительнаго меньшинства? Вездѣ замѣтно стремленіе къ созданію

законодательныхъ нормъ общихъ для всего государства, для всѣхъ гражданъ; вездѣ оно разсматривается какъ одно изъ главныхъ условій политическаго единства, какъ въ высокой степени важная гарантія свободнаго, широкаго общественнаго развитія. Почему же у насъ намѣчается обратное движеніе, почему признается необходимымъ не только сохраненіе, но обостреніе существующихъ различій? Когда, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вступило въ силу уложеніе о наказаніяхъ 1845-го года, громадное большинство населенія стояло, de facto, внѣ закона: государственные крестьяне находились въ зависимости отъ своего начальства, ремесленники и мѣщане—отъ полиціи, крѣпостные—отъ помѣщиковъ. Никого не смущалъ и не удивлялъ тотъ фактъ, что къ „низшему роду людей" постановленія уложенія примѣнялись лишь въ случаяхъ особенно тяжкихъ, во всемъ остальномъ уступая мѣсто различнымъ видамъ полицейско-домашней расправы. Существовалъ, правда, сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ; но на самомъ дѣлѣ административный произволъ ограничивался имъ весьма слабо. Когда, съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ, повсемѣстно открылись волостные суды, карательная ихъ власть была невелика [1]), кругъ дѣйствій—узкій; немногимъ отличались отъ нихъ, въ этомъ отношеніи, и мировые посредники. Судебными уставами 1864-го года значительная часть дѣлъ, возникающихъ въ средѣ сельскаго населенія, была отнесена къ вѣдомству мировыхъ судей; оставалось сдѣлать сравнительно немногое, чтобы ввести крестьянскій судъ въ систему общихъ судебныхъ учрежденій и установить правосудіе на основахъ, одинаковыхъ для всѣхъ сословій. Судебно-административная реформа 1889-го года пошла путемъ противоположнымъ; но, расширяя кругъ вѣдомства и степень власти волостного суда, она все-таки дала ему въ руководство *общій* законъ—уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Теперь проектируется порвать и эту связь, составивъ для волостныхъ судовъ особый уголовный уставъ. Ненормальность одновременнаго существованія двухъ различныхъ кодексовъ [2]) была бы тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ сильнѣе, что одно и то же лицо подлежало бы дѣйствію то одного изъ нихъ, то другого, смотря по мѣсту учиненія проступка. Сегодня крестьянинъ совершилъ кражу въ деревнѣ—онъ наказывается на основаніи спеціальнаго устава; завтра онъ совершитъ кражу въ городѣ—

---

[1]) Въ первые годы послѣ отмѣны крѣпостного права включеніе тѣлеснаго наказанія въ число каръ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, не казалось еще вопіющей аномаліей.

[2]) Два кодекса существовали бы рядомъ и въ томъ случаѣ, еслибы при дѣйствіи новаго уложенія волостные суды руководились пересмотрѣнными и переизданными правилами 1889-го года.

и понесетъ кару на основаніи общаго уложенія. Передвиженіе крестьянъ и другихъ сельскихъ жителей изъ деревни въ городъ, изъ города въ деревню усиливается съ каждымъ годомъ, охватываетъ все бо̀льшія массы, становится, можно сказать, фактомъ повседневнымъ; вмѣстѣ съ этимъ растутъ—и будутъ расти—неудобства, сопряженныя съ безпрестаннымъ измѣненіемъ вида и степени отвѣтственности.

Посмотримъ теперь, что̀ же мѣшаетъ, по мнѣнію коммиссіи, распространенію уложенія на дѣла, подсудныя волостному суду. Уложеніе, говорятъ намъ, трудно доступно для пониманія, потому что опредѣляетъ преступленія крупными, общими чертами. Въ нашихъ глазахъ это преимущество уложенія остается преимуществомъ, какъ бы мало свѣдущи ни были судьи, его примѣняющіе. Неужели, напримѣръ, легче справиться съ понятіями объ обидѣ словомъ и обидѣ дѣйствіемъ, чѣмъ съ ст. 530-й уложенія, обобщающей ихъ подъ названіемъ умышленной личной обиды? Что̀ мудренаго представляетъ собою статья 581-я, предусматривающая похищеніе, явное или открытое, чужого движимаго имущества (дальше, въ той же статьѣ, называемое болѣе привычнымъ для народнаго слуха словомъ *воровство*)?.. Указываютъ, дальше, на несоразмѣрную, при условіяхъ нашего сельскаго быта, тяжесть наказаній, назначаемыхъ уложеніемъ: но вѣдь карательная власть волостного суда во всякомъ случаѣ оставалась бы ограниченною извѣстными предѣлами, дальше которыхъ ему нельзя было бы идти и тогда, когда ихъ превышаетъ максимальная норма, назначенная соотвѣтствующею статьею уложенія. „Уличная перебранка двухъ бабъ", приводимая коммиссіей въ видѣ примѣра, и при дѣйствіи уложенія не могла бы, слѣдовательно, повлечь за собою продолжительнаго ареста или высокаго денежнаго штрафа, не говоря уже о томъ, что ничто не мѣшало бы оставить ее вовсе безъ взысканія, въ виду взаимности обидъ (улож. ст. 536). Конечно, для не-юристовъ, въ особенности если они лишены и всякаго общаго образованія, не можетъ быть легко ни установленіе признаковъ преступленія, ни подведеніе его подъ ту или другую карательную норму: но этого затрудненія не устранитъ и самая упрощенная редакція закона, потому что оно коренится въ природѣ самихъ судей. Для успѣшной борьбы съ нимъ существуютъ только два средства: или ограниченіе круга дѣйствій волостного суда самыми легкими, самыми заурядными проступками, или введеніе въ его составъ элементовъ, способныхъ значительно поднять его умственный уровень. Которое изъ нихъ болѣе цѣлесообразно въ настоящую минуту—къ этому вопросу мы еще возвратимся, когда разсмотримъ мнѣніе коммиссіи о другихъ спеціальныхъ уставахъ, потребныхъ для волостного суда.

Признавая, вмѣстѣ съ коммиссіей, недостаточность и ненадежность

мѣстныхъ обычаевъ, какъ основанія для дѣятельности волостного суда, мы не думаемъ, чтобы этимъ оправдывалось хоть сколько-нибудь изданіе особаго сельскаго устава о договорахъ и наслѣдованіи. Неудобства двухъ одновременно дѣйствующихъ кодексовъ были бы здѣсь столь же, если не болѣе, велики, какъ и въ области уголовнаго права. Заключая дововоръ въ городѣ, крестьянинъ подчинялся бы однимъ правиламъ, заключая договоръ въ деревнѣ—другимъ; возможное и законное въ одномъ мѣстѣ оказывалось бы невозможнымъ и незаконнымъ въ другомъ, что̀, конечно, не могло бы способствовать укрѣпленію юридическихъ понятій въ крестьянской средѣ. Какія гарантіи, дальше, имѣются въ томъ, что въ особый сельскій уставъ, составленный въ настоящее время, будетъ внесено все лучшее, все здравое и прочное изъ сокровищницы обычнаго народнаго права? Закончены ли— скажемъ болѣе, предприняты ли въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ—необходимыя предварительныя работы: собраніе матеріала, его группировка, его критическій разборъ, его научное изученіе? Не требуетъ ли самая простая осторожность повѣрки заключеній, къ которымъ приведутъ такія работы, путемъ обсужденія ихъ съ одной стороны—въ земскихъ собраніяхъ или представителями земства, съ другой—коллегіей выдающихся цивилистовъ, какою могла бы явиться редакціонная коммиссія, составившая проектъ гражданскаго уложенія? Только ихъ соединенными силами можно было бы достигнуть результата, одинаково удовлетворительнаго и со стороны содержанія, и со стороны формы. Все имѣющее общую цѣнность могло бы быть внесено въ текстъ узаконеній, одинаково обязательныхъ для всѣхъ и каждаго; все спеціально приспособленное къ нуждамъ и взглядамъ земледѣльческой массы могло бы сохранить силу въ видѣ исключеній, съ ясно ограниченною сферою дѣйствій. Гражданское уложеніе получилось бы, такимъ образомъ, *одно*, но безъ крайностей единообразія, безъ уничтоженія особенностей, еще не потерявшихъ права на существованіе. Ничего подобнаго не даетъ система, рекомендуемая редакціонною коммиссіею. Еслибы составленный ею уставъ могъ оказаться единственной, самодовлѣющей основой дѣятельности волостныхъ судовъ (въ сферѣ гражданскаго права), за него говорили бы, по крайней мѣрѣ, кое-какія соображенія практическаго удобства. Но это не такъ: коммиссія сохраняетъ за волостнымъ судомъ право руководствоваться мѣстными обычаями, т.-е. оставляетъ въ силѣ существенноважный недостатокъ нынѣшняго порядка—неопредѣленность правовыхъ нормъ, во второй инстанціи, притомъ, повѣряемыхъ или устанавливаемыхъ чуждыми крестьянскому быту должностными лицами. Волостнымъ судьямъ будетъ предстоять задача согласованія устава, обязательнаго повсемѣстно и безусловно, съ разнообразными и измѣнчи-

выми обычаями. Трудная сама по себѣ, эта задача въ огромномъ большинствѣ случаевъ окажется совершенно непосильной для крестьянъ, взятыхъ въ судъ прямо отъ сохи. Скорѣе усилится, поэтому, чѣмъ ослабѣетъ вмѣшательство и вліяніе волостного писаря; теперь его попыткамъ построить рѣшеніе на десятомъ томѣ (истолкованномъ, конечно, вкривь и вкось) волостные судьи все-таки могутъ противопоставить ссылку на обычай—а тогда писарь будетъ формально правъ, настаивая на рѣшеніи дѣла главнымъ образомъ *по уставу*. Замѣтимъ, притомъ, что этотъ уставъ коммиссія предполагаетъ построить на тѣхъ же началахъ, какими проникнуты наши общіе законы гражданскіе. Отсюда неизбѣжность противорѣчій между уставомъ и обычаемъ—противорѣчій, среди которыхъ едва ли съумѣетъ оріентироваться волостной судъ.

Меньше возраженій, чѣмъ составленіе особыхъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго права, возбуждаетъ мысль о преподаніи волостнымъ судамъ особаго процессуальнаго кодекса — меньше, конечно, не потому, чтобы такой кодексъ былъ необходимъ, а потому, что въ вопросахъ формы обособленность не такъ опасна, какъ въ вопросахъ содержанія. Всего правильнѣе было бы, думается намъ, установить и здѣсь лишь рядъ исключеній, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ судебныхъ уставахъ императора Александра II-го по отношенію къ производству дѣлъ у мировыхъ судей. Число подобныхъ исключеній могло бы быть невелико, еслибы при предстоящемъ пересмотрѣ устава гражданскаго судопроизводства общимъ судебнымъ мѣстамъ была предоставлена бо̀льшая свобода въ выборѣ доказательствъ (напр. смягчены правила, ограничивающія допущеніе свидѣтельскихъ показаній). Очень нежелательнымъ представляется, во всякомъ случаѣ, расширеніе права волостныхъ судовъ на собираніе справокъ: именно здѣсь, вдали отъ гласности и правильнаго контроля, это могло бы сдѣлаться источникомъ волокиты и злоупотребленій. Коммиссіи кажется несправедливымъ непризнаніе за судомъ права подсказывать отвѣтчику ссылку на истеченіе давности; мы думаемъ, наоборотъ, что этого требуетъ самый характеръ давности, какъ института, установленнаго въ силу необходимости, но вовсе не вытекающаго изъ высшихъ задачъ правосудія. Давность—средство обороны внѣшнее, формальное, одинаково дѣйствительное по отношенію къ самымъ правымъ искамъ и къ самымъ неправымъ. Если такимъ средствомъ не пользуется отвѣтчикъ, тѣмъ лучше: это позволяетъ суду разсмотрѣть дѣло по существу и рѣшить его въ пользу того, на чьей сторонѣ правда. Отъ волостного суда всего меньше, притомъ, можно было бы ожидать осторожности и безпристрастія въ преподаніи тяжущимся юридическихъ совѣтовъ или наставленій... При другомъ составѣ, другой постановкѣ

волостного суда можно было бы, конечно, признать окончательную силу за рѣшеніями его по дѣламъ наименѣе важнымъ; но при порядкахъ, намѣчаемыхъ коммиссіею, это едва-ли способствовало бы водворенію правосудія въ деревнѣ. Объ *обаяніи* волостного суда—обаяніи, охраненіемъ или созданіемъ котораго озабочена коммиссія, — нельзя говорить серьезно, пока волостные судьи не обладаютъ ни знаніями, ни самостоятельностью [1]... Требованіе залога, какъ условія принятія кассаціонной жалобы, оказалось бы непосильнымъ для большинства тяжущихся. Наконецъ, раздробленіе кассаціонныхъ функцій между множествомъ учрежденій, въ которыхъ административный элементъ рѣшительно преобладаетъ надъ судебнымъ, исключаетъ возможность скораго и успѣшнаго, путемъ практики, пополненія и исправленія уставовъ, предназначенныхъ спеціально для волостныхъ судовъ.

Возвратимся теперь къ поставленному нами вопросу о двухъ путяхъ, дѣлающихъ излишнимъ изданіе подобныхъ уставовъ. Всего правильнѣе была бы, конечно, такая постановка низшей судебной инстанціи, которая ввела бы ее въ общую іерархію судебныхъ учрежденій, подчинила бы ея членовъ всѣмъ или, по меньшей мѣрѣ, главнѣйшимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ судьѣ, и обезпечила бы за ними независимость отъ постороннихъ велѣній и вліяній. Для такого суда примѣненіе общихъ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права, кое въ чемъ, сообразно съ особенностями народнаго быта, дополненныхъ или видоизмѣненныхъ, не представило бы серьезныхъ затрудненій; съумѣлъ бы онъ прибѣгнуть, въ случаѣ надобности и въ установленныхъ закономъ предѣлахъ, и къ обычаю, какъ прибѣгаютъ, напримѣръ, къ торговымъ обычаямъ коммерческіе суды. Нашлись бы для него и подходящія лица, еслибы къ избранію его членовъ было призвано все мѣстное населеніе. Пока не наступили условія, благопріятныя для такой реформы, дѣятельность волостныхъ судовъ слѣдовало бы ввести въ возможно тѣсные предѣлы, предоставивъ имъ только разборъ самыхъ маловажныхъ проступковъ (чѣмъ упразднилось бы само собою примѣненіе волостнымъ судомъ тѣлеснаго наказанія) и самыхъ малоцѣнныхъ гражданскихъ исковъ. При

---

[1]) О проектируемомъ коммиссіею новомъ устройствѣ апелляціонной инстанціи надъ волостными судами мы говорили въ предъидущемъ нашемъ обозрѣніи (стр. 358—359), стараясь показать, что перемѣны къ лучшему оно не составляетъ. Изъ очерка работъ коммиссіи видно, что въ ея средѣ вопросъ о составѣ апелляціонной инстанціи вызвалъ разногласіе: меньшинство полагало сохранить значеніе такой инстанціи за уѣзднымъ съѣздомъ, съ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ предсѣдателей волостныхъ судовъ. Этотъ способъ разрѣшенія вопроса представляется менѣе неудобнымъ, такъ какъ въ составѣ апелляціонной инстанціи остаются чисто-судебные элементы; но достаточной гарантіей правосудія и онъ не служитъ, такъ какъ не-судебнымъ элементамъ принадлежитъ большинство въ уѣздномъ съѣздѣ.

рѣшеніи послѣднихъ волостной судъ могъ бы по прежнему руководствоваться обычаемъ, а при рѣшеніи первыхъ—заранѣе указанными статьями уголовнаго уложенія, безъ права выходить за предѣлы невысокой карательной нормы. Свободной оставалась бы, такимъ образомъ, дорога къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ; не было бы возведено тѣхъ стѣнъ, о которыхъ мы говорили выше.

Намъ могутъ возразить, что обособленность крестьянскаго суда, а слѣдовательно и вытекающая изъ него обособленность законодательства, гражданскаго и уголовнаго, предрѣшена Высочайшимъ указомъ 8-го января, въ силу котораго крестьянамъ долженъ быть сохраненъ *сословный строй*. Чтобы убѣдиться въ неосновательности этого возраженія, стоитъ только припомнить, что сословный строй дворянства, духовенства, купечества, живущаго въ городахъ мѣщанства, нисколько не исключаетъ подчиненія ихъ однимъ и тѣмъ же законамъ, одному и тому же суду. Сословность—вовсе не синонимъ той юридической обособленности, за которую стоитъ редакціонная коммиссія.

Составъ губернскихъ совѣщаній опредѣленъ Высочайшимъ указомъ 8-го января иначе, чѣмъ предполагалось сначала; выборныхъ членовъ въ совѣщаніяхъ не будетъ. Не повторяя сказаннаго нами по этому вопросу въ предъидущемъ обозрѣніи, ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ газетныхъ отзывовъ, особенно характерныхъ. „Съ отраднымъ чувствомъ"—говоритъ „Новое Время"—„мы должны отмѣтить порядокъ приглашенія земскихъ людей, напоминающій собой исконный русскій обычай. Приглашеніемъ въ совѣщанія распоряжаются губернаторы, но приглашаются ими всѣ лица по указанію самихъ обществъ. Такъ члены отъ дворянства указываются собраніями предводителей и дворянскихъ депутатовъ, члены же отъ земства приглашаются губернаторомъ изъ состава гласныхъ уѣздныхъ собраній". Большой натяжкой является уже увѣреніе, что указаніе собранія предводителей и депутатовъ равносильно указанію дворянскаго *общества*; еще меньше основаній видѣть что-либо похожее на указаніе въ званіи, носимомъ въ каждомъ уѣздѣ нѣсколькими десятками гласныхъ. Способъ приглашенія въ совѣщаніе напоминаетъ, какъ намъ кажется, не „исконный обычай", а современную административную практику. „Громадное право, данное губернаторамъ",—читаемъ мы въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", — „право приглашать общественныхъ дѣятелей къ разсмотрѣнію жизненно-важныхъ реформъ, возлагаетъ на нихъ и громадную нравственную отвѣтственность выбора именно тѣхъ лицъ, которыя, по взглядамъ своимъ, явились бы дѣйствительно истинными представителями общественнаго мнѣнія и носителями народныхъ идеаловъ и всеобщихъ чаяній. Мы

твердо вѣримъ, что патріотизмъ и служебный тактъ удержатъ ихъ отъ соблазнительнаго удобства приглашенія безгласныхъ угодниковъ и своекорыстныхъ защитниковъ сословныхъ интересовъ"... Это оптимистическое ожиданіе толкуется „Московскими Вѣдомостями" какъ надежда на призывъ губернаторами „представителей земскаго либеральнаго большинства". „Едва ли, однако"—восклицаетъ газета г. Грингмута,—„найдется много начальниковъ губерній, которые пожелали бы *извратить смыслъ Высочайшаго указа*". И на этотъ разъ, такимъ образомъ, реакціонная печать осталась вѣрна своимъ обычнымъ пріемамъ заподозриванія и устрашенія.

16-го января опубликовано слѣдующее Высочайшее повелѣніе, объявленное правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ:

„Министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ къ Его Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ полагалъ: 1) Предоставить ему, министру, назначить на текущее трехлѣтіе предсѣдателей и членовъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ, безъ производства предусматриваемыхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вторичныхъ на эти должности выборовъ, отмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагающіяся чрезвычайныя тверское губернское и новоторжское уѣздное земскія собранія. 2) Сохранить на 1904 годъ дѣйствіе тверской губернской земской смѣты и раскладки предшествовавшаго года, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ необходимости измѣненія или дополненія оныхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ испрашивалось Высочайшее на сіе соизволеніе въ порядкѣ, установленномъ 94-й статьей положенія о земскихъ учрежденіяхъ. 3) Подлежащія разсмотрѣнію чрезвычайныхъ тверскаго губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земскихъ собраній текущія дѣла разрѣшить въ порядкѣ, указанномъ въ 95-й статьѣ того же положенія. 4) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать пребываніе въ предѣлахъ тверской губерніи или отдѣльныхъ ея мѣстностей лицамъ, вредно вліяющимъ на ходъ земскаго управленія. 5) Предоставить тверскому губернатору устранять отъ службы по земству вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія лицъ, состоящихъ на оной по приглашенію или назначенію земскихъ управъ и ихъ предсѣдателей".

На всеподданнѣйшемъ докладѣ семъ Его Императорскому Величеству, 8-го января 1904 года, благоугодно было собственноручно начертать: „*Согласенъ*".

Того же 16-го января въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось нижеслѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Дѣятельность земскихъ учрежденій тверской губерніи давно уже

обращаетъ на себя вниманіе направленіемъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ государственнаго порядка. Объ отдѣльныхъ, особенно рѣзкихъ проявленіяхъ этого направленія неоднократно доводимо было до Высочайшаго свѣдѣнія, и къ устраненію ихъ, по особымъ Монаршимъ указаніямъ, принимались необходимыя мѣры. Внося временное отрезвленіе въ среду земскихъ дѣятелей, эти мѣры не могли, однако, направить земство на правильный путь. За послѣдніе годы вредное настроеніе тверскаго губернскаго земства еще болѣе усугубилось, выражаясь, между прочимъ, въ неумѣстныхъ сужденіяхъ на земскихъ собраніяхъ, безплодно волновавшихъ умы, и въ постоянномъ стремленіи, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для дѣла, идти наперекоръ мѣстной власти.

„Наряду съ симъ въ тверской губерніи обнаружились отступленія отъ закона и въ самомъ устройствѣ земскихъ учрежденій. Въ составѣ ихъ постепенно возникли не предусмотрѣнныя закономъ самостоятельныя исполнительныя учрежденія, въ видѣ особыхъ коммиссій и совѣтовъ, состоящихъ въ значительной части изъ лицъ, служащихъ по вольному найму. Такіе коммиссіи и совѣты учреждались какъ бы въ помощь земскимъ управамъ, но съ теченіемъ времени въ ихъ рукахъ сосредоточилось непосредственное завѣдываніе отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и, такимъ образомъ, дѣйствительная власть въ направленіи земскихъ дѣлъ мало-по-малу перешла къ лицамъ, служащимъ въ земствѣ по найму и ничѣмъ съ данной мѣстностью не связаннымъ. Въ то же время среди этихъ лицъ обнаружилось стремленіе сплотиться въ своего рода сообщество и допускать въ него, по собственному выбору и указанію, лишь людей, съ ними единомышленныхъ.

„Отмѣченное явленіе и связанныя съ нимъ нежелательныя послѣдствія сказались съ особою силою въ дѣятельности земства по народному образованію. Учебное вѣдомство неоднократно сообщало министру внутреннихъ дѣлъ, что въ земствахъ тверской губерніи возникли при управахъ особые совѣты съ участіемъ въ нихъ народныхъ учителей и учительницъ, затрудняющіе правительственный въ этой области надзоръ учебнаго начальства. Такъ, при новоторжской уѣздной земской управѣ, согласно желанію собранія учителей народныхъ училищъ, образованъ въ 1903 году съ участіемъ ихъ комитетъ, дѣятельность коего началась немедленно же мѣрами, направленными къ устраненію учителей, неугодныхъ большинству комитета.

„Заявленія учебнаго начальства о неправильномъ отношеніи новоторжскаго уѣзднаго земства къ дѣлу народнаго образованія въ полной мѣрѣ подтвердились обозрѣніемъ дѣятельности земскихъ учрежденій тверской губерніи, по Высочайшему повелѣнію произведеннымъ гофмейстеромъ Штюрмеромъ въ концѣ прошлаго года, а также свѣдѣніями, поступавшими въ департаментъ полиціи.

„При этомъ выяснилось, что перемѣщеніе исполнительной, а отчасти и распорядительной власти изъ вѣдѣнія управъ въ вѣдѣніе установленій, состоящихъ изъ наемныхъ лицъ, и возрастающее ихъ вліяніе на ходъ земскихъ дѣлъ и въ частности на замѣщеніе должностей привели къ проникновенію въ среду земскихъ служащихъ тверской губерніи значительнаго количества лицъ, неблагонадежныхъ

въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ составъ народныхъ учителей, несмотря на то, что инспекторомъ народныхъ училищъ не были допущены къ назначенію до 40% предположенныхъ состоящимъ при управѣ комитетомъ кандидатовъ на должности учителей земскихъ школъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого преобладанія подобныхъ лицъ въ названномъ уѣздѣ явилось стремленіе обратить школьное преподаваніе въ орудіе пропаганды не только противъ существующаго государственнаго и общественнаго строя, но и противъ религіи. При чтеніяхъ по естествовѣдѣнію развивалась мысль, что нѣтъ Божества и что въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы и т. п. Между прочимъ, на квартирѣ одного изъ народныхъ учителей новоторжскаго уѣзда найденъ складъ революціонныхъ изданій, причемъ выяснено, что эти изданія распространялись народными учителями среди учениковъ и черезъ посредство ихъ и въ средѣ взрослаго населенія. Обнаружено, что учителя читали ученикамъ литературныя произведенія, разсчитанныя на возбужденіе умовъ противъ правительства и церкви, а чтеніе произведеній, дозволенныхъ къ обращенію въ школахъ, сопровождалось объясненіями, направленными къ утвержденію въ умахъ слушателей противогосударственныхъ воззрѣній и къ колебанію началъ вѣры и нравственности; напримѣръ, чтеніе „Капитанской дочки" Пушкина сопровождалось туманными картинами, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежной чернью, и соотвѣтственными поясненіями. Насколько настойчиво проводилось подобное тлетворное направленіе преподаванія—видно изъ того, что во многихъ учебныхъ тетрадяхъ учениковъ народныхъ училищъ, въ изложеніи прочитаннаго ими на урокахъ, усмотрѣны возмутительныя и дерзко-кощунственныя сужденія о церкви и духовенствѣ.

„При такомъ положеніи школьнаго дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тверской губерніи знаменательнымъ представляется постановленіе губернскаго земскаго собранія минувшаго года по школьному вопросу въ тверскомъ уѣздѣ. Войдя безъ особыхъ къ тому основаній въ обсужденіе ходатайства тверскаго уѣзднаго земства о передачѣ земскихъ школъ духовному вѣдомству, губернское земское собраніе постановило принять по отношенію къ названному земству цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, а именно закрыть уѣзду, со времени передачи школъ духовенству, кредитъ на медикаменты и учебныя пособія, потребовать немедленнаго возврата всѣхъ ссудъ, выданныхъ ему изъ школьно-строительнаго капитала и т. д., при чемъ, какъ значится въ утвержденномъ собраніемъ докладѣ, земское собраніе вполнѣ сознавало, насколько тяжело отразятся предложенныя мѣры на населеніи тверскаго уѣзда.

„Все изложенное, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вновь избранный на трехлѣтіе 1904—1906 гг. составъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ не даетъ основанія ожидать устраненія указанныхъ выше печальныхъ явленій, и что послѣднее тверское очередное губернское собраніе, найдя время для весьма подробнаго обсужденія упомянутаго ходатайства тверскаго уѣзднаго земства, разошлось ранѣе срока, положеннаго для его занятій, не приступивъ къ разсмотрѣнію земской смѣты на 1904 годъ, поставило ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ въ необходимость представить Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ о принятіи особыхъ мѣръ къ упорядоченію дѣятельности земскихъ учрежденій тверской губерніи. Высочайшее по сему докладу повелѣніе состоялось 8-го сего января. Устраняя главнѣйшія изъ обстоятельствъ, препятствующихъ правильному теченію земскаго дѣла въ тверской губерніи, указанныя Высочайшимъ повелѣніемъ мѣры могутъ облегчить возможность благонамѣреннымъ лицамъ въ составѣ земскихъ учрежденій водворить въ нихъ порядокъ и придать ихъ дѣятельности согласное съ закономъ и дѣйствительными потребностями населенія направленіе".

ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ ВНѢБРАЧНЫХЪ ДѢТЕЙ И СИРОТЪ *).

Въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи имѣется населенія болѣе 94-хъ милліоновъ. Ежегодно здѣсь появляется на свѣтъ болѣе 4-хъ милліоновъ дѣтей, изъ которыхъ на долю внѣбрачныхъ рожденій приходится около 112 тысячъ. До 1898 года призрѣніе внѣбрачныхъ дѣтей составляло привилегію столичныхъ воспитательныхъ домовъ, петербургскаго и московскаго, такъ какъ еще въ 1828 году изданъ былъ законъ, запрещавшій открывать воспитательные дома въ провинціи, а отмѣна его послѣдовала только въ 1898 году; однако, и до сего времени не отмѣнена, но сохраняетъ свою силу статья 192, по которой на общественное воспитаніе могутъ поступать только подкидыши. Для подкинутыхъ дѣтей въ нѣкоторыхъ земствахъ устроены пріюты; имѣется также пріютъ въ Кіевѣ, содержимый приказомъ общественнаго призрѣнія. Въ московскій воспитательный домъ ежегодно поступаетъ дѣтей 12—14 тысячъ, а въ петербургскій—7—8 тысячъ, да около 5 тысячъ подкидышей поступаютъ въ земскіе пріюты. Такимъ образомъ только до 27-ми тысячъ внѣбрачныхъ и подкинутыхъ дѣтей изъ 112-ти тысячъ находятъ себѣ пристанище въ правительственныхъ и земскихъ убѣжищахъ, а о призрѣніи и положеніи главной массы дѣтей, въ количествѣ 90 тысячъ ежегодно, можно сказать, не имѣется никакихъ свѣдѣній. Уже этотъ одинъ фактъ указываетъ, что къ внѣбрачнымъ дѣтямъ прилагается недостаточно вниманія.

Призрѣніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ и земскихъ пріютахъ, какъ объ этомъ сообщалось еще прошлому VIII-му съѣзду, поставлено неудовлетворительно: дѣти во множествѣ умираютъ въ самомъ домѣ, а затѣмъ вымираніе ихъ продолжается въ округахъ, въ деревняхъ, куда они вскорѣ по рожденіи отправляются. Къ 20-лѣтнему возрасту въ живыхъ остается менѣе 15%. Питомческій промыслъ ведетъ къ усиленію смертности дѣтей коренного населенія и содѣйствуетъ распространенію сифилиса въ селеніяхъ. Такимъ образомъ, опытъ воспитательныхъ домовъ и земскихъ пріютовъ богатъ только

*) Настоящая статья составлена на основаніи трудовъ Пироговской коммиссіи по вопросамъ призрѣнія покинутыхъ дѣтей. Труды эти помѣщены въ журналѣ „Пироговскаго Общества“ за 1903 годъ; она была доложена въ сѣкціи общественной медицины IX-го Пироговскаго съѣзда врачей, въ январѣ 1904 г.

отрицательными фактами. Очевидно, практикуемая система призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей невѣрна въ своей основѣ.

Задача воспитательныхъ домовъ, при ихъ устройствѣ, была двоякая: 1) оберечь женскій стыдъ, сохранивъ тайну рожденія внѣбрачныхъ дѣтей, и 2) сохранить жизнь малютокъ, рожденныхъ внѣ брака. Первая задача выполнялась тѣмъ, что при пріемѣ ребенка въ воспитательный домъ не требовалось никакихъ доказательствъ, т.-е. практиковался тайный пріемъ дѣтей. Второй задачи воспитательный домъ старался достигнуть тѣмъ, что нанималъ для дѣтей кормилицъ, а затѣмъ отправлялъ дѣтей въ деревни, гдѣ они воспитывались за плату. Чрезмѣрное переполненіе воспитательныхъ домовъ заставило отказаться отъ тайнаго пріема, и съ 1891 года вышли новыя правила, устанавливающія явный пріемъ, т.-е. такой, при которомъ требуется представленіе метрики о рожденіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекается мать къ кормленію своего ребенка на 6 недѣль. Установивъ эти правила, воспитательные дома отказались отъ обѣихъ задачъ, которыя ставились при ихъ устройствѣ: и тайна рожденія не сохраняется, и мать привлекается къ участію въ вскармливаніи ребенка, т.-е. воспитательный домъ отказался отъ несвойственной ему роли замѣнить для дѣтей мать. Тѣмъ не менѣе и при новыхъ правилахъ наблюдается переполненіе воспитательныхъ домовъ, которые продолжаютъ стонать подъ тяжестью непосильной задачи и требуютъ децентрализаціи, т.-е. отказываются отъ своей привилегіи быть исключительными воспитателями внѣбрачныхъ дѣтей, и желаютъ передать ихъ призрѣніе въ руки земскихъ учрежденій, а свою дѣятельность ограничить предѣлами столицъ и столичныхъ губерній.

Самое важное въ дѣятельности воспитательныхъ домовъ заключается въ установленіи факта, что никакое вскармливаніе не можетъ сравняться съ кормленіемъ дѣтей молокомъ своей матери; даже кормиличное вскармливаніе даетъ почти въ два съ половиною раза худшіе результаты. Такимъ образомъ, въ интересахъ сохраненія жизни ребенка требуется установить новый принципъ, чтобы ребенокъ вскармливался непремѣнно молокомъ своей матери. И наша коммиссія, проектируя организацію общественнаго воспитанія внѣбрачныхъ дѣтей, въ основу поставила этотъ принципъ. Достиженіе этого принципа возможно только при условіи, если будутъ устранены причины, заставляющія мать разстаться съ своимъ ребенкомъ. Причины эти двоякаго рода: моральныя и экономическія. Моральныя заключаются въ той печати позора, которая накладывается на мать и ребенка, рожденнаго внѣ брака. Это позорное положеніе распространяется на всѣхъ дѣтей и ихъ матерей и сильнѣе чувствуется въ деревенскомъ населеніи. Экономическія причины, наоборотъ, болѣе проявляются въ

городскомъ населеніи, ибо присутствіе ребенка препятствуетъ матери поступить въ прислуги или сохранить за собою мѣсто на фабрикѣ. На эти причины коммиссія указывала еще прошлому VIII-му Пироговскому съѣзду и тогда же проектировала рядъ улучшеній въ нашемъ законодательствѣ въ смыслѣ доставленія гражданскихъ и имущественныхъ правъ внѣбрачному ребенку, лучшаго соціальнаго положенія его матери и привлеченія отца къ доставленію алиментовъ ребенку и матери. Достиженіе всѣхъ этихъ улучшеній проектировалось на почвѣ гражданскаго (а не уголовнаго) права (см. положенія доклада коммиссіи VIII-му Пироговскому съѣзду, пунктъ 3). 3-го іюня 1902 года, какъ бы въ отвѣтъ на высказанныя коммиссіею пожеланія, вышелъ новый законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, значительно улучшающій правовое положеніе внѣбрачнаго ребенка, улучшающій положеніе его матери и привлекающій отца къ участію въ доставленіи алиментовъ, причемъ всѣ дѣла о внѣбрачныхъ связяхъ и объ обязанностяхъ отца къ внѣбрачному ребенку поставлены всецѣло на почву гражданскаго права.

Несмотря на несомнѣнныя улучшенія въ положеніи внѣбрачныхъ дѣтей, достигнутыя новымъ закономъ 3-го іюня 1902 года, законъ этотъ имѣетъ значительные пробѣлы и недомолвки, какъ въ смыслѣ правовомъ по отношенію къ ребенку и матери, такъ и въ смыслѣ недостаточности огражденія для нихъ правъ на алименты. Такъ, приписка ребенка къ роду матери ставится въ зависимость отъ согласія матери или ея отца; признаніе ребенка въ законѣ вовсе отсутствуетъ; отыскиваніе материнства затрудняется требованіемъ письменныхъ доказательствъ; умалены личныя права ребенка тѣмъ, что онъ долженъ принадлежать къ податному сословію, такъ что внѣбрачный ребенокъ даже не приравненъ къ *усыновляемымъ* дѣтямъ; не распространено право на алименты по отношенію къ родственникамъ матери и отца. Требованіе алиментовъ отъ отца обусловлено невозможностью матери платить изъ своихъ средствъ; отсутствуетъ право матери требовать алименты безъ ограниченій, что̀ должно бы быть ей предоставлено, такъ какъ наличность у нея ребенка мѣшаетъ ей вступить въ бракъ; плохо обставлены иски объ алиментахъ въ процессуальномъ отношеніи, такъ какъ они могутъ вестись по праву бѣдности только на общемъ основаніи, не идутъ сокращеннымъ порядкомъ, и нѣтъ обязанности суда обращать рѣшенія по этимъ дѣламъ къ предварительному исполненію, что̀ крайне затягиваетъ полученіе денегъ для матери, и даже выигрышъ дѣла можетъ окончиться ничѣмъ. Необходимо устранить эти недостатки новаго закона, и наша коммиссія проектировала цѣлый рядъ положеній въ развитіе и дополненіе новаго закона, направленныхъ на улучшеніе правового положенія ребенка и матери,

на расширеніе ихъ правъ на алименты и на улучшеніе въ процессуальномъ отношеніи веденія исковъ при нарушеніи этихъ правъ. Вотъ эти положенія:

1) Желательно полное присоединеніе внѣбрачнаго ребенка къ матери и ея роду. Для этого прежде всего присвоеніе ребенку фамиліи матери не должно зависѣть отъ согласія матери, ея отца или ея родственниковъ (измѣненіе ст. 132^3 т. X).

2) Для облегченія установленія юридической связи между внѣбрачнымъ ребенкомъ и его родителями необходимо ввести порядокъ добровольнаго признанія ребенка какъ отцомъ его, такъ и матерью, если она не указана въ метрическихъ записяхъ путемъ особаго нотаріальнаго акта, заявленія мировому или городскому судьѣ, либо земскому начальнику, а также заявленія, выраженнаго въ духовномъ завѣщаніи.

3) Въ искахъ, предусмотрѣнныхъ 132^{15} ст. т. X, и въ другихъ случаяхъ отысканія материнства, необходимо отмѣнить существующія ограниченія доказательствъ материнства „письменными удостовѣреніями", предоставивъ суду убѣждаться въ дѣйствительности происхожденія ребенка отъ данныхъ родителей всѣми доступными суду способами, въ томъ числѣ и показаніями свидѣтелей (измѣненіе ст. 132^{15} т. X).

4) Относительно личныхъ правъ внѣбрачныхъ дѣтей желательно предоставленіе имъ правъ законныхъ дѣтей матери внѣбрачнаго ребенка.

5) Обязанность содержать внѣбрачнаго ребенка должна быть распространена и на наслѣдниковъ какъ его естественнаго отца, такъ и матери (дополненіе ст. 132^4 т. X).

6) Обязанность отца содержать своего внѣбрачнаго ребенка не должна стоять въ зависимости отъ недостаточности средствъ матери и должна быть возложена на него безусловно (измѣненіе ст. 132^4 т. X).

7) При опредѣленіи размѣра слѣдуемаго съ отца содержанія внѣбрачнаго ребенка судъ обязанъ сообразоваться не только съ общественнымъ положеніемъ матери ребенка, но и самого отца (измѣненіе ст. 132^4).

8) Обязанность содержать мать внѣбрачнаго ребенка до вступленія ея въ бракъ лежитъ на отцѣ этого ребенка безусловно, внѣ зависимости отъ того, лишаетъ ли уходъ за ребенкомъ мать возможности снискивать себѣ средства къ жизни (измѣненіе ст. 132^6 и 132^7 т. X).

9) Право искать съ отца внѣбрачнаго ребенка содержаніе за истекшее время должно быть предоставлено, кромѣ матери ребенка и

его опекуна, также и всякому третьему лицу, физическому или юридическому, которое приняло участіе въ содержаніи ребенка.

10) Матери внѣбрачнаго ребенка или его опекуну должно быть предоставлено право еще до рожденія ребенка обратиться къ его отцу съ требованіемъ уплаты тотчасъ послѣ рожденія суммы, необходимой для содержанія ребенка въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ жизни его и расходовъ по беременности и разрѣшенію отъ бремени матери.

11) За внѣбрачными дѣтьми и ихъ нисходящими должно быть признано право наслѣдованія также и въ родовомъ имуществѣ матери, и въ правахъ наслѣдованія вообще они должны быть сравнены съ законными дѣтьми матери (измѣненіе ст. 132^{12} т. X).

12) Всѣ иски о содержаніи, вытекающіе изъ факта внѣбрачнаго рожденія ребенка, должны вестись по праву бѣдности (дополненіе ст. 200^{7} и 880 Уст. гражд. Суд.).

13) Ко всѣмъ искамъ этого рода долженъ быть примѣненъ сокращенный порядокъ судопроизводства (дополненіе ст. 349 Уст. Гражд. Суд.).

14) Рѣшенія по дѣламъ этого рода должны подлежать предварительному исполненію (дополненіе ст. 138 и 737 Уст. Гражд. Суд.).

15) По всѣмъ такимъ искамъ должны быть допущены не только обезпеченіе самыхъ исковъ до ихъ рѣшенія по существу изложеніемъ запрещенія или ареста на имущество отвѣтчика въ суммѣ ежегодныхъ платежей, капитализированной изъ обычныхъ процентовъ, но и обезпеченіе исполненія рѣшеній тѣмъ же способомъ и въ томъ же размѣрѣ.

16) Въ каждомъ случаѣ внѣбрачнаго рожденія ребенка, тотчасъ по его рожденіи, а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ п. 10 настоящихъ положеній, по ходатайству матери, и до его рожденія,—подлежащее опекунское учрежденіе обязано назначить опекуна для огражденія интересовъ ребенка.

17) Существующія опекунскія учрежденія должны быть преобразованы на началахъ всесословности и участія въ опекунской коллегіи общественнаго элемента на началѣ избранія.

18) Въ частности, назначеніе опекуновъ и надзоръ за ними въ сельскихъ округахъ должны быть изъяты изъ компетенціи сельскихъ сходовъ и возложены на выборныя, на началахъ всесословности, и пріуроченныя къ территоріи волости опекунскія коллегіи съ правомъ апелляціоннаго обжалованія ихъ постановленій въ съѣзды мировыхъ судей, или замѣняющія ихъ установленія, и кассаціоннаго обжалованія въ сенатъ.

19) Надзоръ за опекунами и охраненіе интересовъ ребенка должны быть поставлены внѣ зависимости отъ сословныхъ правъ и мѣстожи-

тельства матери ребенка и должны быть возложены на то опекунское учрежденіе, въ предѣлахъ территоріальной компетенціи котораго имѣетъ постоянное жительство мать ребенка, рожденнаго внѣ брака.

20) Въ интересахъ упроченія юридическаго положенія внѣбрачныхъ дѣтей желательна также передача дѣла о разводѣ въ вѣдѣніе общихъ судовъ съ примѣненіемъ обычныхъ доказательствъ и съ увеличеніемъ числа причинъ, дающихъ супругамъ основаніе требовать развода.

Три пункта этихъ положеній, 17, 18 и 19-ый, касаются реорганизаціи опекунскихъ учрежденій. Дѣло въ томъ, что новый законъ награждаетъ внѣбрачныхъ дѣтей значительными правами. Права эти заключаются въ томъ, что ребенокъ сравнивается съ законными дѣтьми матери въ наслѣдованіи благопріобрѣтеннаго ея имущества и имѣетъ право на полученіе алиментовъ отъ отца и матери. Эти свои права, въ случаѣ ихъ нарушенія, онъ можетъ возстановить судомъ, конечно, при помощи опекунскихъ учрежденій. Между тѣмъ наши опекунскія учрежденія чрезвычайно устарѣли. Проникнутыя сословнымъ характеромъ, они отличаются архаическими формами и бюрократическими пріемами. Это можно сказать какъ по отношенію къ дворянской опекѣ, такъ и къ сиротскимъ судамъ. Хуже всего опека поставлена въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, гдѣ главную роль имѣютъ сельскіе сходы, а затѣмъ дѣла объ опекѣ подлежатъ земскимъ начальникамъ, губернскимъ присутствіямъ, губернаторамъ и волостнымъ правленіямъ. Эта множественность опекунскихъ инстанцій, несогласованность ихъ взглядовъ на дѣло, расчлененіе функцій и множественный, но фиктивный надзоръ—все это приводитъ къ медленному движенію дѣлъ во вредъ какъ опекаемымъ, такъ и крестьянскому хозяйству. Въ этой области широко проектируются обходы закона, самовластіе и прочія злоупотребленія, обыкновенно остающіяся необнаруженными. Сиротское имущество, несмотря на учрежденіе опеки, не гарантировано отъ хищеній вслѣдствіе плохого состава опекуновъ и положительнаго отсутствія попеченія и контроля со стороны опекунскихъ учрежденій—сельскихъ сходовъ, волостныхъ правленій и земскихъ начальниковъ. Личности сиротъ во многихъ случаяхъ опекунами изъ родственниковъ и постороннихъ по возможности эксплоатируются въ свою пользу, для чего стараются оставить ихъ невѣжественными, безъ всякаго образованія. Эксплоатація заключается въ возможномъ использованіи личнаго труда сиротъ въ семьѣ и отдачѣ ихъ постороннимъ лицамъ въ наймы, въ разныя услуги за плату или изъ одного содержанія; въ то же время по отчетамъ показывается въ расходъ на содержаніе ихъ извѣстная сумма, которая всецѣло поступаетъ въ карманъ опекуна. Такимъ образомъ, крестьянскія опекунскія

учрежденія назначенію своему рѣшительно не отвѣчають, пользы не приносятъ, а напротивъ, причиняютъ много вреда.

Въ такихъ-то рукахъ находится попеченіе о внѣбрачныхъ дѣтяхъ сельскаго населенія. Между тѣмъ наибольшій контингентъ внѣ ихъ находится, именно, въ сельскомъ населеніи, несмотря на то, что внѣбрачныя рожденія въ городахъ происходятъ значительно чаще, составляя 11% всѣхъ рожденій, нежели въ сельскихъ округахъ, гдѣ ихъ всего 1,8%. Дѣло въ томъ, что городского населенія у насъ значительно меньше, нежели сельскаго. По переписи 1897 года городское населеніе 50-ти губерній Европейской Россіи равно 12.027.038, а сельское—82.188.377 человѣкъ. Изъ всѣхъ 111.958 ежегодныхъ внѣбрачныхъ рожденій въ городахъ мы имѣемъ 42.332, а въ селеніяхъ—69.626 внѣбрачныхъ рожденій, т.-е. первыхъ 37,5%, а вторыхъ 62,5%. Мы видимъ отсюда, что почти ²/₃ всѣхъ внѣбрачныхъ дѣтей приходится на сельскіе округа. Всѣ они нуждаются въ участливомъ къ себѣ отношеніи на мѣстѣ. Такое отношеніе должно проявиться при появленіи ребенка на свѣтъ и при дальнѣйшемъ его воспитаніи. Въ первомъ случаѣ необходимо поставить мать въ такія условія, при которыхъ она можетъ совершить актъ родовъ безъ вреда для здоровья своего и ребенка. Это вполнѣ достигается земскими родильными пріютами, устроиваемыми при земскихъ лечебницахъ. Здѣсь мать внѣбрачнаго ребенка найдетъ себѣ и ему хорошій уходъ; здѣсь она получитъ указанія относительно правильности кормленія ребенка; здѣсь же могутъ быть ей даны свѣдѣнія о той помощи, на которую она имѣетъ право разсчитывать для воспитанія ребенка. Помощь эта должна выражаться главнымъ образомъ въ привлеченіи отца къ выдачѣ алиментовъ, согласно новому закону. Конечно, сама мать въ большинствѣ будетъ не въ состояніи возстановить свои права и права ребенка по отношенію къ отцу ребенка; тутъ необходимо участіе опекуна. Очевидно, въ цѣляхъ охраны материнства необходимо приложить наивозможныя старанія къ лучшей организаціи крестьянской опеки, чего мыслимо достигнуть лишь при общей крестьянской реформѣ, на основахъ всесословной волости. Въ настоящее время крестьянскія управленія являются не чѣмъ инымъ какъ только низшими органами администраціи, обязанными безпрекословно повиноваться общимъ чинамъ ея и большинство дѣлъ которыхъ носитъ полицейскій и фискальный характеръ. На органы эти взвалена масса дѣлъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ крестьянскому хозяйству. Такая спеціальная задача, какъ назначеніе опекуновъ и надзоръ за ними, въ сельскихъ округахъ должна быть изъята изъ компетенціи сельскихъ сходовъ и волостныхъ правленій и возложена на выборныя опекунскія коллегіи, находящіяся въ связи съ земскими учрежденіями. Лучше всего этого

можно достигнуть организаціей мелкой земской единицы или всесословной волости, въ рукахъ которой должны сосредоточиваться заботы обо всѣхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ. Эти мелкія организаціи должны находиться въ органической связи съ уѣздными земскими собраніями. Онѣ-то и должны озаботиться избраніемъ опекунскихъ коллегій, которыя вѣдали бы дѣла о внѣбрачныхъ дѣтяхъ и сиротахъ въ предѣлахъ своей территоріи, безъ всякой зависимости отъ сословныхъ правъ и мѣста приписки матери ребенка.

На такихъ началахъ слѣдуетъ реформировать опекунскія учрежденія. Пока этого нѣтъ, будетъ слишкомъ ослаблено благодѣтельное значеніе новаго закона о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. Въ значительной мѣрѣ можетъ помочь въ этомъ отношеніи учрежденіе земствомъ доступной юридической помощи. Еще въ 1885 году, т.-е. почти 20 лѣтъ назадъ, извѣстный криминалистъ проф. И. Я. Фойницкій въ своей статьѣ—„Защита въ уголовномъ процессѣ какъ служеніе общественное"—проводилъ мысль о необходимости учрежденія земскихъ юристовъ, подобно тому, какъ имѣются земскіе врачи (см. „Журн. Гражд. и Угол. Права", 1885, № 4). Эту мысль особенно любилъ развивать покойный московскій профессоръ и земскій дѣятель М. В. Духовской. Многія земства уже давно пытались учредить у себя доступную юридическую помощь; однако, на вопросы земствъ, выражавшихъ желаніе устроить такую помощь, сенатомъ было разъяснено, что законъ не включилъ удовлетворенія этой мѣстной потребности въ кругъ функцій земскихъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время стали учреждаться особыя юридическія консультаціи въ разныхъ мѣстахъ Россіи по почину разныхъ учрежденій—въ городахъ, земствахъ, при обществахъ народной трезвости и по частной иниціативѣ. Такое явленіе вполнѣ понятно, ибо насажденіе и проведеніе въ жизнь и сознаніе народа правъ и законности и устраненіе знахарства въ этой области немыслимо безъ организаціи доступной народу юридической помощи. А что же, какъ не знахарство, представляютъ деревенскіе „аблакаты", широко эксплоатирующіе деревенскую невѣжественность въ юридическихъ вопросахъ? Приходится только пожалѣть, что до сего времени, какъ указываетъ журналъ „Право", юридическихъ консультацій по всей Россіи имѣется не болѣе 45. Между тѣмъ доступная юридическая помощь, широко организованная общественными учрежденіями, могла бы избавить населеніе отъ огромной потери народныхъ средствъ, выражающейся десятками милліоновъ рублей, выплачиваемыхъ ежегодно населеніемъ, какъ дань за свое юридическое невѣжество; она дала бы возможность внѣбрачному ребенку и его матери возстановить свои права на полученіе алиментовъ отъ отца ребенка. Необходимо только, чтобы доступная юридическая помощь,

равно какъ и опекунское учрежденіе, находились какъ можно ближе къ родильницѣ-матери, подобно тому, какъ была близка земская лечебница, пріютившая ее на время родовъ. Достигнуть такой близости возможно только организаціей мелкой земской единицы или всесословной волости. Организація мелкой земской единицы сослужитъ громадную службу въ дѣлѣ правильной постановки общественнаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ сельскаго населенія и болѣе всего будетъ способна содѣйствовать сохраненію материнства, т.-е. доставленію ребенку возможности вскармливанія молокомъ своей матери. Нужно еще принять во вниманіе и то обстоятельство, что привлеченіе отца къ доставленію алиментовъ ребенку и матери въ сельскомъ населеніи будетъ значительно содѣйствовать къ заключенію между родителями законнаго супружества, чрезъ что внѣбрачный ребенокъ получаетъ всѣ права законныхъ дѣтей.

Конечно, общественнымъ учрежденіямъ придется нести матеріальныя затраты въ сельскихъ округахъ, какъ на помощь матерямъ для вскармливанія внѣбрачныхъ дѣтей, такъ и на устройство пріютовъ, для неимѣющихъ матерей (въ случаѣ смерти матери), а также для подкидышей; но такія затраты, при реорганизаціи крестьянскихъ учрежденій на началахъ всесословности, при реформированіи опеки и при организаціи доступной юридической помощи, будутъ вполнѣ для нихъ посильны, особенно если законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ получитъ дальнѣйшее развитіе, тѣмъ болѣе, что расходы будутъ нести всѣ общественныя организаціи, начиная съ мелкой земской единицы. Послѣдняя должна черпать средства на удовлетвореніе своихъ пользъ и нуждъ изъ мѣстныхъ средствъ. О степени значительности этихъ средствъ мы можемъ получить понятіе, если обратимъ вниманіе на мірскіе доходы и расходы. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ эти расходы въ два раза превышаютъ земскій бюджетъ и составляютъ $^1/_5$ часть всѣхъ прямыхъ налоговъ. А въ будущей мелкой земской единицѣ плательщиками будутъ не одни крестьяне, но все населеніе данной территоріи. Приведемъ общія интересныя данныя о мірскихъ расходахъ въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета (1894 г.):

Въ 1892 г. мірскихъ расходовъ было . .	54.394.446
„ 1893 „ „ „ „ . .	57.932.159
„ 1894 „ „ „ „ . .	64.603.953

Въ общемъ по всей Россіи мірскіе расходы ежегодно увеличиваются на 6,3%—6,5%. Изъ общаго количества всѣхъ мірскихъ расходовъ въ 1894 году израсходовано волостныхъ суммъ 40,9%, сельскихъ — 59,1%. На одну волость въ среднемъ приходится 5.819 руб., на одно сельское общество—552 руб. При такой значительной суммѣ

мірскихъ расходовъ устраняется предположеніе о финансовой несостоятельности будущей мелкой земской единицы, если съ нея будутъ сняты обязанности нести расходы на административныя и общегосударственныя цѣли.

Если, при сказанныхъ условіяхъ, будетъ сравнительно легко справиться съ задачею общественнаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей въ сельскихъ округахъ, то эта задача для городского населенія представляетъ значительныя трудности. Какъ мы указывали выше, въ городахъ появляется внѣбрачныхъ рожденій въ $6^1/_2$ разъ больше, нежели въ селеніяхъ; притомъ, въ большинствѣ, это—дѣти прислуги или фабричныхъ работницъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ. Въ городъ ихъ загнала нужда. Сносно жизнь свою онѣ могутъ устроить здѣсь только когда здоровы и могутъ работать. Уже во время беременности, особенно въ послѣдній мѣсяцъ, жизнь для работницы становится чрезвычайно тяжелою; съ появленіемъ же на свѣтъ ребенка, женщина зачастую лишается заработка и выбрасывается на улицу. Такая безвыходность положенія, зависящая отъ экономической необезпеченности, болѣе всего заставляетъ мать разстаться съ своимъ ребенкомъ, и она помѣщаетъ его въ пріютъ или воспитательный домъ, а иногда подкидываетъ. Очевидно, необходимо придти на помощь къ такимъ матерямъ, чтобы дать имъ возможность самимъ вскормить своихъ дѣтей. Благодѣтельное значеніе новаго закона о внѣбрачныхъ дѣтяхъ и здѣсь дастъ возможность значительно ослабить являющееся бѣдствіе; но сверхъ того на помощь должно придти улучшеніе фабричнаго законодательства въ цѣляхъ охраны материнства.

Съ улучшеніемъ техники производства, мускульная сила постепенно вытѣсняется изъ фабрично-заводской промышленности и замѣняется машинами. Фабриканты для ухода за машинами стали усиленно примѣнять женскій и дѣтскій трудъ, какъ болѣе дешевый, что̀ повело къ значительному ихъ обогащенію. Однако, часто трудъ на фабрикахъ бываетъ не по силамъ для женщинъ и почти всегда очень изнурителенъ, такъ какъ уходъ за машинами требуетъ напряженнаго вниманія и примѣненія изощренныхъ способностей, что̀, при продолжительности рабочаго дня, ведетъ къ чрезмѣрной затратѣ нервной энергіи, а работа въ стоячемъ положеніи вызываетъ венозные застои и неправильности въ женской половой сферѣ. Особенно вреденъ фабричный трудъ для беременныхъ женщинъ, а также послѣ родовъ; въ этихъ случаяхъ онъ вреденъ не только для матери, но и для ребенка. Наконецъ, условія жизни и работы на фабрикѣ весьма вредно отражаются на здоровьи и жизни какъ самихъ матерей, такъ и особенно ихъ дѣтей. Многочисленныя земскія санитарно-статистическія изслѣдованія ясно указываютъ, что фабричные районы всюду отли-

чаются отъ своихъ сосѣдей, не-фабричныхъ, повышенной дѣтской и общей смертностью, причемъ такое повышеніе не всегда восполняется въ достаточной мѣрѣ обычно высокой здѣсь рождаемостью. Кромѣ того, въ фабричныхъ районахъ замѣчается еще недоразвитіе школьниковъ, меньшій ихъ ростъ сравнительно съ сверстниками другихъ мѣстностей и болѣе слабое развитіе призываемыхъ къ исполненію воинской повинности. Всѣ спеціальныя изслѣдованія какъ иностранной, такъ и русской литературы указываютъ, что работа беременныхъ женщинъ на фабрикахъ вызываетъ преждевременные и ненормальные роды, иногда стоющіе родильницѣ жизни, рожденія мертвыхъ, уродливыхъ или хилыхъ дѣтей, массами умирающихъ въ раннемъ возрастѣ, болѣзни, часто дѣлающія женщину калѣкой на всю жизнь. Фабричный трудъ женщинъ и самъ по себѣ вредно отражается на дѣтяхъ; вреденъ онъ еще для дѣтей и потому, что отвлекаетъ мать отъ правильнаго кормленія и ухода за ребенкомъ. Немудрено, что на фабрикахъ, кромѣ значительнаго количества выкидышей и мертворожденій, наблюдаются огромная смертность дѣтей вскорѣ послѣ родовъ и въ первые годы жизни, недоразвитыя дѣти, хилыя и слабыя, ревматизмъ и золотуха, какъ постоянные спутники дѣтей, ростущихъ на фабрикѣ, недоразвитіе дѣтей школьнаго возраста, живущихъ на фабрикѣ, и, наконецъ, множество изъ лицъ, возросшихъ на фабрикѣ и оказавшихся негодными для исполненія воинской повинности. Эти грозные факты, находящіеся въ зависимости отъ работы женщинъ на фабрикѣ и указывающіе ихъ вырожденіе, невольно должны приковать къ себѣ вниманіе общества и государства. И если невозможно вовсе воспретить работу женщинъ на фабрикахъ, то является безусловная необходимость законодательнымъ путемъ поставить ее въ сравнительно благопріятныя условія для здоровья женщинъ и ихъ дѣтей. Наше законодательство отмѣнило только ночную работу женщинъ въ текстильныхъ производствахъ и вовсе запретило работу въ шахтахъ; въ остальномъ женскій трудъ на фабрикахъ сравненъ съ мужскимъ даже и тамъ, гдѣ требуется примѣненіе мускульной силы, какъ, напр., при переноскѣ значительныхъ тяжестей. Коммиссія проектировала регулировать женскій трудъ на фабрикахъ введеніемъ въ уставъ о промышленности слѣдующихъ положеній:

1) Ночная работа для женщинъ должна быть запрещена. Исключенія изъ этого положенія могутъ быть допущены только по постановленію фабричныхъ присутствій.

2) Подземная работа женщинъ должна быть безусловно запрещена.

3) Переноска тяжестей свыше одного пуда, а также вращеніе ручныхъ двигателей женщинами должны быть ограничены фабричными присутствіями для каждаго рода производства.

4) Фабриканты обязаны для рабочихъ женщинъ устроивать сидѣнья. Фабричнымъ присутствіямъ предоставляется дѣлать исключенія, при непремѣнномъ участіи врача.

5) Необходимо запретить женскій трудъ въ производствахъ, признаваемыхъ особенно вредными, хотя бы примѣнительно къ ст. 111 Уст. о промышл., ограничивающей работу малолѣтнихъ по химически вреднымъ производствамъ.

6) Рабочій день для фабричныхъ женщинъ не долженъ превышать 9-ти часовъ.

7) Въ субботу и подъ праздники рабочій день на фабрикахъ для женщинъ, имѣющихъ дѣтей и ведущихъ хозяйство, долженъ оканчиваться не позднѣе 3-хъ часовъ пополудни, а въ воскресные и праздничные дни женщины должны быть вовсе освобождены отъ работы на фабрикахъ.

8) Безусловно должна быть запрещена ночная работа беременнымъ женщинамъ, начиная со второй половины беременности, и кормящимъ грудью женщинамъ до семи-мѣсячнаго возраста ребенка.

9) На фабрикахъ, имѣющихъ до 200 и болѣе рабочихъ женщинъ, должны быть устроены родильные пріюты.

10) Кормящимъ женщинамъ должно быть предоставлено право на получасовой перерывъ послѣ трехъ часовъ работы для кормленія ребенка.

11) Слѣдуетъ предоставить беременнымъ право покидать работу во всякое время до наступленія срока—при наймѣ на опредѣленный срокъ, а при наймѣ на срокъ неопредѣленный—безъ предупрежденія за двѣ недѣли (Уст. о пром., ст. 94—95).

12) Необходимо освобождать женщинъ отъ работы въ послѣднія двѣ недѣли беременности и въ теченіе 6-ти недѣль послѣ родовъ.

13) Необходимо обезпечить женщинамъ, освобожденнымъ отъ работы во время беременности и по случаю родовъ, сохраненіе заработной платы на основаніи закона о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни.

14) На всѣхъ фабрикахъ, имѣющихъ до 200 и болѣе работницъ, необходимо устроивать ясли для дневного пребыванія дѣтей перваго (до 2-хъ лѣтъ) возраста. Фабрики съ меньшимъ количествомъ женскаго труда, вмѣсто яслей, могутъ выдавать денежное вспомоществованіе матерямъ - работницамъ на уходъ за дѣтьми въ размѣрѣ средней стоимости содержанія ребенка въ ясляхъ.

15) Необходимо, чтобы въ составъ фабричныхъ присутствій входилъ врачъ, какъ ихъ членъ.

Перечисленныя положенія касаются всѣхъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ. Въ интересахъ охраны жизни внѣбрачныхъ дѣтей

особенно необходимы пункты 8—14, изъ которыхъ преимущественную важность имѣютъ пунктъ 14, обязывающій фабриканта устроивать ясли для дневного пребыванія въ нихъ дѣтей, и пунктъ 13, по которому признается необходимымъ обезпечить женщинамъ сохраненіе заработной платы на все время освобожденія отъ работы во время беременности и по случаю родовъ. Такое сохраненіе заработной платы, по мнѣнію коммиссіи, возможно только при условіи введенія общаго обязательнаго страхованія рабочихъ. Уже и замужнія женщины очень часто вынуждены оставаться на фабрикѣ все время, прерывая только свою работу на нѣсколько дней, необходимыхъ для родовъ и поправленія послѣ родовъ; что же касается дѣвицъ, то роды для нихъ представляютъ настоящее несчастіе, и онѣ спѣшатъ какъ можно скорѣе вовсе избавиться отъ ребенка и поступить на фабрику. Какъ для замужнихъ женщинъ, которыхъ нужда заставляетъ быть прикованными къ фабричной работѣ, такъ и для дѣвицъ-матерей необходимо обезпечить сохраненіе заработной платы, безъ чего такая мать очутится на улицѣ съ ребенкомъ на рукахъ и безъ гроша въ карманѣ. Мы знаемъ, что низко оплачиваемый женскій трудъ не даетъ возможности скопить сбереженій, и женщина-мать принуждена будетъ хвататься за первую попавшуюся работу, чтобы не умереть съ голода. При такихъ условіяхъ совершенно утратитъ свое благодѣтельное значеніе законъ, заставляющій женщину прекратить работу на 2 мѣсяца по случаю беременности и родовъ; наоборотъ, онъ можетъ вызвать съ ея стороны только проклятіе. Невозможно возложить и на фабриканта обязанность выплачивать заработную плату за эти 2 мѣсяца освобожденія отъ работы, ибо въ этомъ случаѣ можно заранѣе быть увѣреннымъ, что работница будетъ уволена съ фабрики значительно ранѣе наступленія родовъ. Вотъ почему единственный выходъ изъ такого положенія можно найти только въ обязательномъ страхованіи рабочихъ, которое дастъ возможность женщинѣ-матери получить пособіе изъ страховой кассы за всѣ два мѣсяца въ размѣрѣ ея заработной платы. Надобно только пожелать, чтобы обязательный при этомъ ежемѣсячный вычетъ былъ какъ можно меньше, и чтобы онъ въ большей своей части ложился на фабриканта, ибо послѣдній введеніемъ женскаго труда на своей фабрикѣ получаетъ очень значительную выгоду. Вотъ тѣ основанія, которыя побудили коммиссію обусловить осуществленіе § 13-го положеній необходимостью установленія закона объ обязательномъ государственномъ страхованіи рабочихъ, безъ введенія котораго невозможно достигнуть охраны материнства. Такая охрана материнства на фабрикахъ со стороны закона значительно облегчитъ дѣятельность общественныхъ учрежденій въ ихъ заботахъ о призрѣніи внѣбрачныхъ дѣтей въ городахъ и фабричныхъ

центрахъ. Здѣсь слѣдуетъ только высказать пожеланіе, чтобы въ мѣстныхъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіяхъ принимали участіе представители земства, и чтобы земству было предоставлено участіе въ надзорѣ за фабриками и заводами. Забота о народномъ здравіи лежитъ на обязанности земскихъ учрежденій, и было бы непослѣдовательно изъять изъ ихъ надзора фабричное населеніе, ибо всѣ мѣропріятія, направленныя къ здравоохраненію, должны быть цѣлесообразны, планомѣрны и проникнуты общностью дѣйствій.

Если мы допустимъ, что только $^1/_3$ внѣбрачныхъ рожденій въ городахъ падаетъ на фабричныхъ женщинъ, то изъ 42.332 дѣтей, ежегодно появляющихся на свѣтъ въ городахъ внѣ брака, останется около 30 тысячъ, которыя будутъ безусловно нуждаться въ общественномъ призрѣніи. Однако, коммиссія находитъ, что и въ этомъ случаѣ усилія общественныхъ учрежденій должны быть направлены къ тому, чтобы доставить возможность матери самой вскормить своего ребенка. Для этого должна быть организована широкая помощь матерямъ, какъ въ видѣ ежемѣсячныхъ денежныхъ субсидій, такъ и въ юридической помощи по привлеченію отцовъ къ выдачѣ алиментовъ. Здѣсь является широкое поле дѣятельности и для частной благотворительности, которая можетъ выразиться въ разнообразной помощи матерямъ и дѣтямъ въ цѣляхъ сохраненія жизни послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна частная благотворительность въ Парижѣ въ лицѣ различныхъ благотворительныхъ обществъ. Одни изъ этихъ обществъ, какъ, напр., „Société protectrice de l'enfance du premier âge", „Société de charité maternellé" и проч., стремятся содѣйствовать материнскому кормленію дѣтей разнообразными способами; другія общества ограничили свои задачи строго опредѣленными рамками: устройствомъ яслей, снабженіемъ матерей колыбелями и дѣтской одеждой, предоставленіемъ хорошаго молока и т. д.; таковы общества—„Société de crèches", „Gouttes du lait", „Société d'allaitement maternel" и т. д. Необходимо только пожелать, чтобы всѣ подобныя общества не дѣйствовали вразбродъ, но были связаны между собою общностью дѣйствій и находились бы въ органической связи съ дѣятельностью общественныхъ учрежденій,—чего, впрочемъ, въ Парижѣ не имѣется.

Примѣръ Франціи по призрѣнію покинутыхъ и нуждáющихся дѣтей вообще очень поучителенъ, и имъ необходимо воспользоваться при проектированіи общественнаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ. Воспитательный домъ уже давно утратилъ тамъ свое самостоятельное существованіе и поступилъ въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія. И другіе воспитательные дома, о насажденіи которыхъ особенно заботился императоръ Наполеонъ I, съ теченіемъ вре-

мени перешли на бюджетъ департаментовъ. Каждый департаментъ во Франціи призрѣваетъ своихъ дѣтей независимо одинъ отъ другого, и во всѣхъ департаментахъ организація призрѣнія дѣтей одна и та же. Наибольшее число (до 1/8) всѣхъ призрѣваемыхъ дѣтей падаетъ на департаментъ Сены, въ которомъ находится столица Франціи, Парижъ. Въ Парижѣ всѣ дѣла по призрѣнію дѣтей находятся въ вѣдѣніи главнаго управленія по общественной благотворительной помощи и общественному призрѣнію (Administration générale de l'assistance publique). Все общественное призрѣніе дѣтей распадается на два вида—закрытое и открытое. Закрытымъ призрѣніе называется тогда, когда дѣти всецѣло поступаютъ на попеченіе департамента. Эти дѣти дѣлятся на enfants assistés, т.-е. призрѣваемыхъ, и moralement abandonnés, т.-е. такихъ, родители которыхъ приговоромъ суда лишены родительскихъ правъ надъ своими дѣтьми. Дѣти первой группы, или assistés, дѣлятся еще на подкидышей (trouvés), покинутыхъ (abandonnés) и сиротъ (orphelins). Центральнымъ сборнымъ пунктомъ для призрѣваемыхъ дѣтей служитъ воспитательный домъ въ Парижѣ, Hospice Dépositaire. Въ немъ дѣти находятъ себѣ пребываніе только отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ дней, а затѣмъ отдаются кормилицамъ-воспитательницамъ, которыя увозятъ ихъ съ собою въ деревни. Благодаря тому, что за годъ поступаетъ дѣтей въ грудномъ возрастѣ только до 3-хъ тысячъ, недостатка въ хорошихъ кормилицахъ не бываетъ. Дѣти въ деревняхъ находятся подъ вѣдѣніемъ директора агентства, который является представителемъ „Assistance publique". Такихъ агентствъ по разнымъ департаментамъ Франціи разсѣяно до 45. Призрѣваемыя на попеченіи департамента находятся отъ рожденія до 21 года, хотя плата за призрѣніе выдается до 14-ти лѣтъ. Къ 1-му января 1901 года число всѣхъ воспитанниковъ въ департаментѣ Сены отъ 1 дня до 21 года было 48.063 человѣка, а всѣхъ поступленій за 1900 годъ во всѣхъ возрастахъ было 5.090. Израсходовано на это закрытое призрѣніе всѣхъ дѣтей въ 1900 году болѣе 10 милліоновъ франковъ, такъ что каждый воспитанникъ до 14 лѣтъ, за котораго выдавалась плата (élèves à la pension, которыхъ было 30.769) обошелся въ 320 франковъ, или около 130 руб.

Гораздо бо̀льшею симпатіею пользуется въ Парижѣ открытое призрѣніе дѣтей, состоящее въ томъ, что нуждающимся матерямъ оказываютъ матеріальную помощь для воспитанія дѣтей. Эта предупредительная дѣятельность въ интересахъ охраны материнства для дѣтей перваго возраста составляетъ одну изъ важныхъ функцій главнаго управленія по общественному призрѣнію въ Парижѣ и развита очень широко. Въ 1901 году, вслѣдствіе заявленныхъ просьбъ, было произведено 36.424 разслѣдованія, и предупредительная помощь оказана

17.368 дѣтямъ. Помощь эта выражалась въ выдачѣ единовременныхъ или ежемѣсячныхъ пособій матерямъ для воспитанія ихъ малолѣтнихъ дѣтей, причемъ особенно усиленно поощряется кормленіе дѣтей самими матерями, въ содѣйствіи въ исключительныхъ случаяхъ (болѣзнь матери) къ помѣщенію ребенка къ кормилицѣ, въ оплатѣ расходовъ по переѣзду матери съ ребенкомъ изъ одного мѣста въ другое, въ доставленіи дѣтямъ молока и медицинской помощи, въ предоставленіи матерямъ для дѣтей колыбели, пеленокъ и другихъ принадлежностей дѣтскаго обихода и т. д. На такое открытое призрѣніе дѣтей въ Парижѣ ежегодно затрачивается около $1^1/_2$ милліона франковъ (въ 1901 году, изъ 11.991.658 фр. 76 сант. общаго расхода на всѣ виды дѣтскаго призрѣнія, на открытое призрѣніе было израсходовано парижскимъ „Assistance publique"—1.425.953 фр. 11 сант., т.-е. 12%). Хотя эта цифра велика, но она представляется весьма умѣренною по сравненію съ расходами на закрытое призрѣніе, потребовавшее въ годъ болѣе 10 милліоновъ франковъ; между тѣмъ оно оказало помощь значительно бо̀льшему числу дѣтей груднего возраста и содѣйствовало сохраненію для нихъ материнскаго кормленія, при которомъ достигаются наилучшіе результаты для сохраненія жизни дѣтей.

И у насъ въ Россіи общественнымъ учрежденіямъ необходимо обратить преимущественное вниманіе на организацію открытаго призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей, причемъ въ немъ должны принять участіе всѣ общественныя организаціи, начиная съ мелкой земской единицы. Для послѣдней только и возможно своевременно придти на помощь въ сельскихъ округахъ; въ городахъ же общественнымъ управленіямъ окажутъ большую услугу городскія попечительства. Какъ мы видѣли выше, большинство внѣбрачныхъ дѣтей до сего времени ускользаетъ отъ общественнаго контроля и вниманія; между тѣмъ, свѣдѣнія о положеніи ихъ какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, крайне необходимы, такъ какъ безъ нихъ невозможно съ достаточною полнотою составить представленіе о всѣхъ сторонахъ общественнаго призрѣнія дѣтей. Московское губернское земство уже въ наступившемъ году предполагаетъ собрать статистическія данныя обо всѣхъ нуждающихся въ общественномъ призрѣніи лицахъ по обширной программѣ, куда входятъ свѣдѣнія обо всѣхъ нуждающихся дѣтяхъ. Подобныя свѣдѣнія, если собираніе ихъ будетъ предпринято и въ другихъ губерніяхъ, были бы способны освѣтить съ достаточной ясностью этотъ темный вопросъ; быть можетъ, они дадутъ цѣнныя данныя о степени распространенія частнаго питомческаго промысла.

Организаціей открытаго призрѣнія дѣтей заботы общественныхъ учрежденій не могутъ ограничиться, ибо всегда будетъ имѣться налицо достаточное число дѣтей, которыя всецѣло должны поступить

на общественное попеченіе. Сюда слѣдуетъ отнести внѣбрачныхъ дѣтей, у которыхъ умерла мать или которыхъ она не можетъ кормить по болѣзни, дѣти-сироты, дѣти лицъ, лишенныхъ по суду родительскихъ правъ, находящихся въ тюрьмахъ. Многія изъ нихъ нуждаются въ общественномъ попеченіи только временно, а потомъ перейдутъ къ своимъ родителямъ. Всѣхъ такихъ дѣтей грудного возраста придется опредѣлить, преимущественно, на кормиличное вскармливаніе, такъ какъ опыты съ искусственнымъ вскармливаніемъ, если оно примѣняется въ массѣ, пока даютъ неутѣшительные результаты. Конечно, кормилицами должны быть тѣ только женщины, у которыхъ или умеръ ребенокъ, или достигъ уже семи-мѣсячнаго возраста, какъ того требуетъ во Франціи законъ Русселя. Къ счастью, у насъ, благодаря новому закону 3-го іюня 1902 года,—особенно если послѣдуетъ его развитіе и дополненіе послѣдующимъ законодательствомъ,—число дѣтей, которыя всецѣло подлежатъ общественному попеченію, должно быть значительно ниже, нежели во Франціи, такъ какъ у насъ теперь отецъ привлекается къ участію въ алиментахъ. Много также будетъ содѣйствовать уменьшенію числа дѣтей, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи, улучшеніе фабричнаго законодательства. Въ сельскихъ округахъ и уѣздныхъ городахъ, не имѣющихъ промышленнаго характера, нуждающихся въ полномъ переходѣ на общественное попеченіе дѣтей будетъ немного; всѣ они, вѣроятно, могутъ быть помѣщены на время грудного вскармливанія въ небольшіе пріюты, которыхъ надо будетъ имѣть не болѣе 2-хъ или 3-хъ на уѣздъ. Расходы по содержанію этихъ пріютовъ будетъ нести уѣздное земство съ участіемъ мелкихъ земскихъ единицъ. Эти мелкіе пріюты, по возможности, будутъ находиться при земскихъ лечебницахъ, гдѣ имѣются и родильные пріюты. Въ болѣе крупныхъ городахъ, равно какъ и въ губернскихъ, гдѣ число грудныхъ дѣтей, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи, можетъ быть болѣе значительно, вѣроятно, придется отдавать дѣтей въ деревни на кормиличное вскармливаніе, какъ это практикуется въ Парижѣ. Надзоръ за такими дѣтьми долженъ лечь всецѣло на земство, которое для того имѣетъ прочную врачебно-санитарную организацію; расходы же должны лечь какъ на губернское земство, такъ и на городское управленіе. Подробный планъ дѣятельности въ этомъ направленіи долженъ быть выработанъ на губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, сообразно съ мѣстными особенностями каждой губерніи. Конечно, на городскихъ управленіяхъ Москвы и Петербурга, несмотря на существующіе въ столицахъ воспитательные дома, также должна лежать обязанность призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ, равно какъ и на земствахъ столичныхъ губерній. Въ этихъ городахъ городское управленіе должно еще болѣе энергично

взяться за дѣло призрѣнія нуждающихся дѣтей, такъ какъ столицы въ бо̀льшей мѣрѣ обладаютъ умственными силами и матеріальными средствами; притомъ же и нужда въ призрѣніи дѣтей тамъ выражена въ бо̀льшей степени, такъ какъ въ столицахъ происходитъ наибольшій процентъ внѣбрачныхъ рожденій и слишкомъ много живетъ бѣдноты, почти не имѣющей возможности заботиться о своихъ дѣтяхъ. На этихъ основаніяхъ мы считаемъ, что городскія управленія Москвы и Петербурга должны взять на себя организацію призрѣнія дѣтей и сиротъ столичнаго населенія и привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ всю сѣть организованныхъ ими попечительствъ. Что касается населенія столичныхъ губерній, то тамъ безъ дѣятельнаго участія земствъ невозможно достигнуть какихъ-нибудь результатовъ въ дѣлѣ призрѣнія и воспитанія дѣтей, ибо только оно одно обладаетъ необходимыми для того учрежденіями и организаціей.

Удовлетворительная и правильная постановка призрѣнія внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ представляетъ вопросъ государственной важности. Если въ дѣлѣ открытаго призрѣнія дѣтей общественныя учрежденія могутъ справиться съ своими средствами, то при организаціи закрытаго призрѣнія, вѣроятно, невозможно будетъ обойтись безъ правительственной субсидіи. Настойчивый призывъ земскихъ учрежденій со стороны казенныхъ воспитательныхъ домовъ принять на себя заботу о призрѣніи внѣбрачныхъ дѣтей заставляетъ предполагать, что правительство готово оказать земству значительную денежную помощь, лишь бы дѣло было поставлено правильно и достигало хорошихъ результатовъ. Общественнымъ управленіемъ Парижа въ 1900 году на всѣ виды дѣтскаго призрѣнія было израсходовано 11.652.184 фр. 09 сант., а въ 1901 году—11.991.658 фр. 76 сант. Почти половина этой суммы покрывается субсидіей отъ государства, субсидіями отъ коммунъ и доходами отъ движимаго и недвижимаго имущества, предназначенными въ пользу призрѣваемыхъ дѣтей; вторая половина расходовъ покрывается изъ средствъ департамента и города Парижа. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія дѣтей во Франціи несутъ расходы и правительство, и общественныя учрежденія, и сельскія коммуны. Принимая во вниманіе всю государственную важность этого дѣла, а также весьма значительныя траты, съ которыми сопряжено закрытое призрѣніе дѣтей, необходимо пожелать, чтобы и наше правительство приходило на помощь земству значительными денежными пособіями изъ государственнаго казначейства. Земство и безъ того сильно стѣснено въ денежныхъ средствахъ, увеличенію которыхъ значительно мѣшаетъ фиксація земскаго обложенія. По даннымъ профессора Н. П. Яснопольскаго, приводимымъ въ его книгѣ—

„Географическое распредѣленіе расходовъ", оказывается, что Россія по распредѣленію доходовъ между государствомъ и мѣстными учрежденіями занимаетъ послѣднее мѣсто среди другихъ государствъ западной Европы, ибо у насъ изъ общаго числа доходовъ на долю мѣстныхъ учрежденій приходится всего только 15,5%, а на долю государственныхъ—84,5%; поэтому тѣмъ болѣе желательно, чтобы въ помощь земствамъ на это государственное дѣло было ассигновано правительствомъ возможно больше средствъ.

Смертность грудныхъ дѣтей и связанные съ нею вопросы о кормиличномъ промыслѣ и искусственномъ вскармливаніи волнуютъ умы всего міра. И на настоящемъ IX-мъ Пироговскомъ съѣздѣ вопросы эти обсуждались на нѣсколькихъ секціяхъ. Особенно много этимъ вопросамъ удѣляется вниманія во Франціи, гдѣ правительство и общество сильно встревожены статистическими данными, свидѣтельствующими объ убыли коренного французскаго населенія. Въ охранѣ материнства, т.-е. въ материнскомъ вскармливаніи дѣтей, всѣ видятъ наилучшій способъ борьбы съ этимъ общественнымъ бѣдствіемъ, а потому во Франціи проявилось усиленное движеніе на помощь матерямъ для вскармливанія своихъ грудныхъ дѣтей. Важное значеніе вскармливанія дѣтей молокомъ ихъ матерей признается конгрессами, обществами, учрежденіями, писателями и общественными дѣятелями. Для распространенія и популяризаціи этого принципа создаются спеціальныя общества и лиги. Въ самое послѣднее время въ Парижѣ образовалась „Лига борьбы съ дѣтской смертностью", первое засѣданіе которой произошло 15 марта 1902 года въ Сорбоннѣ, подъ предсѣдательствомъ Вальдека Руссо. И у насъ въ Россіи отъ „Уральскаго медицинскаго общества" раздался голосъ, призывающій образовать союзъ для борьбы съ дѣтскою смертностью, обращенный ко всѣмъ медицинскимъ обществамъ. Этотъ призывъ „Уральскаго общества" также подвергся обсужденію на IX-мъ съѣздѣ, а до того онъ уже вызвалъ къ себѣ большое сочувствіе въ общей прессѣ. Но если общая смертность дѣтей въ Россіи признается чрезмѣрною, то смертность внѣбрачныхъ дѣтей по справедливости должна быть признана чудовищною; поэтому общество и государство должны напрячь всѣ усилія на борьбу съ этимъ ужасающимъ бѣдствіемъ. Пусть общее законодательство сниметъ печать позора съ внѣбрачнаго ребенка и его матери и возьметъ ихъ подъ свое покровительство и защиту; пусть фабричное законодательство направитъ свою работу на сохраненіе материнства; пусть общественныя учрежденія приложатъ старанія къ организаціи такого призрѣнія, при которомъ бы мать не разставалась съ своимъ ребенкомъ; пусть усилія частной благотворительности будутъ направлены къ сохраненію для дѣтей материнскаго вскармливанія; пусть

правительство придетъ на помощь общественнымъ учрежденіямъ значительными денежными средствами! При такой дружной работѣ, нѣтъ сомнѣнія, удастся справиться съ этимъ общественнымъ бѣдствіемъ и поставить на правильную дорогу и должную высоту общественное призрѣніе внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ.

Въ заключеніе представимъ основанія, на которыхъ, по нашему мнѣнію, должно быть построено общественное призрѣніе внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ, въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Въ основу всей дѣятельности общественныхъ учрежденій по призрѣнію внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ долженъ быть поставленъ принцинъ вскармливанія ребенка молокомъ своей матери.

2) Причины, мѣшающія достиженію этого принципа, заключаются въ недостаткахъ нашего законодательства, охраняющаго права внѣбрачнаго ребенка и его матери, недостаткахъ фабричнаго законодательства, регулирующаго женскій трудъ на фабрикахъ и заводахъ, и въ несовершенствѣ опекунскихъ учрежденій въ зависимости отъ общаго неустройства крестьянскихъ учрежденій.

3) Устраненіе этихъ причинъ желательно какъ улучшеніемъ законодательства, такъ и реорганизаціей крестьянской опеки и волости на почвѣ мелкой земской единицы.

4) Для болѣе точнаго выясненія размѣровъ нужды внѣбрачныхъ дѣтей и лучшей организаціи попеченія о нихъ крайне необходимо имѣть свѣдѣнія о числѣ подкидышей, о способѣ ихъ призрѣнія и т. д.

5) Дѣятельность общественныхъ учрежденій по призрѣнію дѣтей должна быть децентрализована и выражаться въ открытомъ и закрытомъ ихъ призрѣніи.

6) Въ веденіи дѣла того и другого призрѣнія и въ несеніи на него расходовъ должны принимать участіе всѣ общественныя учрежденія, начиная съ мелкой земской единицы.

7) При настоящихъ размѣрахъ земскихъ и назначеніи мірскихъ сборовъ нѣтъ возможности въ должной мѣрѣ выполнить расходъ на призрѣніе безпріютныхъ дѣтей, вслѣдствіе ограниченія предметовъ земскаго обложенія и отчасти фиксаціи, а также вслѣдствіе отягощенія мірскихъ бюджетовъ расходами на административныя и общегосударственныя цѣли; а потому значительную долю участія въ расходахъ на общественное призрѣніе дѣтей должно принимать правительство, ассигнуя въ помощь общественнымъ учрежденіямъ достаточныя суммы изъ государственнаго казначейства.

Д. Орловъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1904.

Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. — Односторонность газетныхъ свѣдѣній и телеграммъ.—Особенности русско-японскаго кризиса.—Политическія дѣла въ Германіи. Прусское офицерство и возстаніе противъ нѣмцевъ въ южной Африкѣ.— Успѣхи Чемберлена въ Англіи.—Гербертъ Спенсеръ и Японія.

Вопросъ о войнѣ или мирѣ на Дальнемъ Востокѣ по прежнему волнуетъ умы не только въ Россіи и западной Европѣ, но и во всемъ культурномъ мірѣ, и по прежнему мы не имѣемъ никакихъ точныхъ оффиціальныхъ извѣстій о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Въ газетахъ ежедневно печатаются подробныя телеграммы о намѣреніяхъ и требованіяхъ Японіи, о совѣщаніяхъ ея министровъ и о предположеніяхъ ея дипломатовъ; намъ аккуратно сообщаютъ тревожныя свѣдѣнія и предсказанія воинственныхъ органовъ англійской и американской печати, и—что̀ страннѣе всего—эти враждебныя намъ сообщенія составляютъ единственный матеріалъ, которымъ изо дня въ день снабжаетъ русскую публику такъ называемое „Россійское телеграфное агентство". Оказывается, что это послѣднее, вопреки своему громкому названію, служитъ только передаточною инстанціею для телеграммъ главныхъ иностранныхъ агентствъ, и всѣ наши газеты, не исключая и „Правительственнаго Вѣстника", довольствуются этимъ одностороннимъ заграничнымъ матеріаломъ, безъ малѣйшей попытки противопоставить ему какія-либо свѣдѣнія, исходящія изъ русскаго источника. О томъ, что̀ дѣлаетъ и заявляетъ Россія по спорнымъ дипломатическимъ вопросамъ, мы узнаемъ лишь изъ Лондона, Вашингтона или Токіо; даже важное миролюбивое заявленіе, сдѣланное въ Петербургѣ въ день Новаго года, дошло до насъ по телеграфу изъ Нью-Іорка. Въ русско-японскомъ конфликтѣ раздается по всему свѣту голосъ только одной стороны: другая упорно молчитъ, предоставляя говорить за нее противникамъ. Это обстоятельство ставитъ Россію въ крайне невыгодное положеніе, какъ бы лишая ее равноправности съ другими великими державами и причиняя огромный вредъ ея международному кредиту. Дипломатія сохраняетъ у насъ чисто-кабинетный характеръ, который она давно утратила за границею; она не имѣетъ способовъ публично выражать свои взгляды и пользоваться указаніями общественнаго мнѣнія, какъ это практикуется въ другихъ государствахъ, и оттого вся наша внѣшняя политика остается для

публики только предметомъ гадательныхъ предположеній, неясныхъ и противорѣчивыхъ слуховъ. На этой почвѣ получаютъ широкій просторъ непріязненные намъ толки иностранныхъ газетъ, соотвѣтствующіе общему настроенію передовыхъ культурныхъ націй относительно современной Россіи.

Что настроеніе Европы и Америки рѣзко измѣнилось по отношенію къ Россіи за послѣдніе годы,—это, кажется, безспорный фактъ, противъ котораго тщетно протестуютъ наши газетные патріоты. Объяснять происшедшую перемѣну какими-либо отдѣльными событіями или инцидентами было бы едва ли справедливо; тутъ дѣйствовала цѣлая совокупность условій, вызывающихъ по разнымъ причинамъ постоянный и живой интересъ за границею. Англичане всегда относились къ намъ враждебно не только вслѣдствіе соперничества и антагонизма во внѣшнихъ дѣлахъ, но и подъ вліяніемъ непонятныхъ имъ особенностей въ ходѣ нашихъ внутреннихъ дѣлъ; въ данномъ случаѣ, по поводу кризиса на Дальнемъ Востокѣ, они могли свободно отдаться своимъ старымъ антипатіямъ, такъ какъ британскіе интересы безусловно совпадаютъ съ настойчивыми требованіями Японіи, касающимися Манчжуріи и Кореи. Единодушіе лондонской печати въ ея вызывающемъ воинственномъ тонѣ относительно Россіи производитъ на этотъ разъ серьезное впечатлѣніе, благодаря поведенію самаго авторитетнаго органа британскаго дѣлового міра—„Times“'а, считающагося вообще умѣреннымъ и осторожнымъ въ международной политикѣ. „Times“ систематически нападаетъ на Россію и горячо высказывается въ пользу энергическаго участія Японіи въ рѣшеніи манчжурскаго вопроса, а если „Times“ косвенно или прямо стоитъ за войну, то война представляется, очевидно, желательною наиболѣе вліятельной части средняго британскаго общества. Нѣкоторые полагаютъ, что „Times“ дѣйствуетъ столь злобно противъ Россіи въ силу спеціальныхъ мотивовъ, имѣющихъ связь съ прошлогоднею высылкою его корреспондента Брагама изъ русскихъ предѣловъ; но подобные частные мотивы не могли бы быть достаточны для сознательнаго поощренія такого международнаго предпріятія, которое весьма чувствительно отразилось бы на самой Англіи и вовлекло бы ее въ крупныя военно-политическія осложненія. Въ дѣйствительности, англичане увѣрены, что русско-японская война можетъ принести имъ только однѣ выгоды и не связана ни съ какимъ рискомъ; такой же точки зрѣнія держатся, повидимому, и японцы. Японія во всякомъ случаѣ будетъ нападающею стороною и успѣетъ причинить значительный вредъ прибрежнымъ русскимъ владѣніямъ; русскій флотъ долженъ былъ бы поневолѣ ограничиться защитою побережья съ Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ, и о какой-либо экспедиціи въ японскія воды не могло бы быть

и рѣчи. Японцы, даже при полной неудачѣ, оставались бы неприкосновенными и неуязвимыми для Россіи, тогда какъ послѣдняя вынуждена была бы напрягать всѣ свои усилія для сохраненія занятой позиціи у Тихаго океана; наше положеніе въ тѣхъ краяхъ значителвно ухудшилось бы и сдѣлалось бы источникомъ великихъ опасностей на будущее время, хотя бы исходъ войны былъ для насъ безусловно благопріятенъ. Кромѣ потерь, мы ничего не могли бы извлечь изъ столкновенія съ Японіею, хотя бы и вполнѣ побѣдоноснаго, а наши потери на Дальнемъ Востокѣ равносильны побѣдамъ и успѣхамъ Англіи, имѣющей тамъ обширные торговые интересы, которыхъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Образъ дѣйствій англійской печати, съ „Times"'омъ во главѣ, является поэтому вполнѣ естественнымъ, и только рѣзкость тона можетъ отчасти объясняться тѣми политическими чувствами, о которыхъ мы упоминали выше. Столь же непріятное намъ настроеніе господствуетъ и въ американской печати, гдѣ мотивы внутренней политики играютъ уже болѣе замѣтную и опредѣленную роль. Американцы соперничаютъ съ англичанами въ завоеваніи восточно-азіатскихъ рынковъ, и занятіе нами части китайской территоріи составляетъ для нихъ прямой убытокъ, стѣсняя ихъ въ пользованіи торговыми преимуществами, предоставленными иностранцамъ въ Китаѣ согласно существующимъ договорамъ; но раздраженіе противъ Россіи вызывается въ Соединенныхъ-Штатахъ не столько оккупаціею Манчжуріи, сколько посторонними обстоятельствами, дающими обильный матеріалъ для ядовитой обличительной критики. Въ американскихъ газетахъ ведется дѣятельная антирусская агитація подъ вліяніемъ того предположенія, что въ Россіи совершаются, будто бы, всякія беззаконія и насилія, съ вѣдома и согласія властей, и это предположеніе выдается за фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію; Россія выставляется какъ оплотъ варварства, и къ ней стараются возбудить такую же антипатію, какая существуетъ противъ Турціи. Быть можетъ, эта агитація имѣетъ лишь временныя и случайныя причины, но тѣмъ не менѣе она возстановила противъ насъ общественное мнѣніе Соединенныхъ-Штатовъ и сдѣлала возможнымъ сближеніе вашингтонскаго кабинета съ лондонскимъ для совмѣстнаго противодѣйствія Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Многіе разсуждаютъ о русско-японскомъ конфликтѣ въ такомъ духѣ, какъ будто мы имѣемъ противъ себя только одну Японію, съ которой и придется расправиться рано или поздно; говорятъ, что лучше теперь же положить предѣлъ японскимъ притязаніямъ, чѣмъ откладывать это на будущее время,—ибо притязанія будутъ все болѣе возростать, дѣлаясь все болѣе настойчивыми по мѣрѣ военнаго и политическаго усиленія Японіи. Но не надо забывать, что за спиной Японіи

стоитъ Англія, что за-одно съ Англіею готовы дѣйствовать Соединенные Штаты, и что противъ насъ можетъ со временемъ выступить и Китай, чувствующій свою солидарность съ Японіею въ манчжурскомъ вопросѣ; японцы сами по себѣ, безъ друзей и союзниковъ, никогда не позволили бы себѣ такъ рѣшительно выступать противъ Россіи, и, по всей вѣроятности, они искали бы съ нами скорѣе соглашенія, чѣмъ конфликта. Оскорбляться японскими требованіями, относиться къ нимъ съ презрительнымъ высокомѣріемъ, какъ совѣтуютъ нѣкоторые патріоты,—было бы слишкомъ наивно; это значило бы прямо попасть въ ловушку, устроенную для насъ англичанами. Мы должны отдавать себѣ ясный отчетъ въ реальномъ положеніи дѣлъ; противъ насъ—не Японія, а цѣлая группа державъ, для которыхъ она служитъ пока только удобнымъ активнымъ орудіемъ. Во время послѣдняго кризиса и въ самые острые его періоды британское правительство считало своимъ долгомъ заявлять публично, что въ случаѣ возникновенія войны оно добросовѣстно исполнитъ свои союзныя обязательства по отношенію къ Японіи; англійскіе министры и дипломаты постоянно подтверждали свою солидарность съ японскою политикою противъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ высказывали надежду на сохраненіе мира,—и эта надежда откровенно связывалась лишь съ нашею уступчивостью, такъ какъ со стороны Японіи заранѣе отвергалась возможность серьезныхъ политическихъ уступокъ. Почти вся англійская пресса и значительная часть американской именно такъ ставитъ вопросъ: Японія не можетъ и не должна уступать; она должна настаивать на своемъ правѣ, и если Россія желаетъ избѣгнуть войны, то она должна подчиниться японскимъ требованіямъ. Подобная постановка вопроса не имѣетъ, конечно, реальнаго основанія, и русская дипломатія можетъ свободно продолжать переговоры въ миролюбивомъ духѣ, не смущаясь скрытыми угрозами противниковъ или ихъ закулисныхъ вдохновителей. Собственные интересы Россіи, какъ мы имѣли уже случай указывать неоднократно, настоятельно требуютъ постепеннаго очищенія Манчжуріи, съ обезпеченіемъ участи русско-китайской желѣзной дороги посредствомъ мирнаго соглашенія съ Китаемъ и съ другими заинтересованными державами; если же нельзя намъ выбраться теперь изъ Манчжуріи, то по крайней мѣрѣ мы обязаны рѣшительно устранить всѣ поводы къ стѣсненіямъ и неудовольствіямъ иностранцевъ, имѣющихъ тамъ торговые и промышленные интересы. Быть можетъ, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ развитія и упроченія мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ Китаемъ, мы сами придемъ къ выводу, что намъ несравненно выгоднѣе отказаться отъ Манчжуріи, чѣмъ тратить свои силы и средства на поддержаніе порядка въ этой китайской области и на постоянную защиту безопасности нашихъ восточно-азіатскихъ

приморскихъ владѣній отъ возможныхъ посягательствъ Японіи и ея союзниковъ.

Въ Германіи господствующія консервативныя партіи относятся вообще дружелюбно къ Россіи, и только передовыя радикальныя и соціально-демократическія группы нерѣдко занимаютъ публику или парламентъ жестокими изобличеніями русскихъ національныхъ особенностей. Между прочимъ, въ засѣданіи имперскаго сейма, 19 января (нов. ст.), соціалистъ Гаазе обратился къ правительству съ запросомъ по поводу чрезмѣрной, будто бы, свободы дѣйствій русскихъ полицейскихъ агентовъ въ предѣлахъ Германіи; эти агенты слѣдятъ за проживающими въ странѣ соотечественниками, особенно изъ учащейся молодежи, и въ случаѣ надобности требуютъ ихъ выдачи для препровожденія на родину. Депутатъ Гаазе находилъ, что въ этихъ случаяхъ германскія власти выказываютъ избытокъ услужливости по отношенію къ иностранной державѣ. Статсъ-секретарь баронъ Рихтгофенъ объяснилъ отъ имени канцлера, что интересы имперіи требуютъ дѣятельнаго надзора за иностранными анархистами въ Германіи, и что этотъ надзоръ можетъ быть всецѣло предоставленъ агентамъ ихъ отечественной страны, насколько онъ осуществляется безъ примѣненія принудительныхъ средствъ законной власти. По словамъ Рихтгофена, такіе же иностранные полицейскіе агенты существуютъ въ Парижѣ, съ вѣдома французскаго правительства; въ Лондонѣ имѣетъ постоянное пребываніе чиновникъ итальянской полиціи съ своими агентами, и т. д. Послѣ этихъ успокоительныхъ разъясненій выступилъ съ громовою рѣчью самъ предводитель соціаль-демократовъ, Бебель; онъ указалъ на то, что русскіе, подвергаемые контролю и преслѣдованію въ предѣлахъ Германіи, не имѣютъ ничего общаго съ анархистами и должны скорѣе считаться лишь умѣренными либералами. По мнѣнію Бебеля, самъ глава консервативной партіи въ палатѣ, графъ Лимбургъ-Штирумъ, попалъ бы въ категорію этихъ „анархистовъ", еслибы принадлежалъ къ числу русскихъ подданныхъ. Въ дополненіе къ аргументамъ Бебеля прогрессистъ Шрадеръ представилъ картину иноземныхъ административныхъ порядковъ, которые, будто бы, исключаютъ возможность выдачи или высылки на родину преслѣдуемыхъ лицъ, не совершившихъ уголовнаго преступленія. Представитель клерикальнаго центра, депутатъ Шпанъ, высказалъ, что правительство въ данное время можетъ, конечно, высылать русскихъ по своему усмотрѣнію, но въ будущемъ такой способъ дѣйствій послужитъ источникомъ непріятныхъ осложненій. Консервативный ораторъ, фонъ-Норманъ, предлагалъ удовлетвориться заявленіями правительства и

совѣтовалъ послѣднему „поступать по прежнему",—чѣмъ и закончились пренія по этому щекотливому вопросу.

Пренія такого рода не возбуждаютъ большого интереса въ нѣмецкой публикѣ, которая вообще не любитъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и раздражать могущественныхъ сосѣдей; прочная дружба съ Россіею есть политическій догматъ вѣры для огромнаго большинства нѣмецкаго народа, и этотъ принципъ внѣшней политики, унаслѣдованный отъ Бисмарка, не можетъ быть поколебленъ никакими посторонними соображеніями. Германія должна неустанно сохранять и поддерживать традиціонныя дружественныя связи съ Россіею,—въ этомъ нѣмцы твердо убѣждены, вопреки всѣмъ доводамъ соціаль-демократовъ. Притомъ оппозиціонные ораторы всегда имѣютъ такъ много предметовъ для критики въ предѣлахъ отечества, что искать еще матеріала за границею не приходится; критика въ области внутреннихъ домашнихъ дѣлъ можетъ еще принести желательные практическіе результаты, тогда какъ критика чужихъ дѣлъ остается по существу безплодною и можетъ еще вдобавокъ испортить внѣшнія отношенія. Въ Германіи сохранилось немало учрежденій и порядковъ, требующихъ коренной реформы; въ имперскомъ сеймѣ не разъ обсуждались, напримѣръ, странныя аномаліи въ строѣ и бытѣ офицерства, особенно прусскаго,—аномаліи, вредно отражающіяся и на интересахъ военной службы.

Нѣмецкіе офицеры, принадлежащіе въ огромномъ большинствѣ къ дворянскимъ фамиліямъ, образуютъ какъ бы спеціальный привилегированный классъ и привыкаютъ смотрѣть свысока на все окружающее общество; они рѣзко отдѣляютъ себя отъ мирной буржуазіи и относятся къ остальному населенію, какъ къ людямъ низшей расы. Отсюда неправильныя, иногда уродливыя отношенія офицеровъ къ подчиненнымъ имъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ; жестокія злоупотребленія военною дисциплиною стали весьма распространеннымъ явленіемъ въ германской арміи, и многіе вопіющіе факты доходили до суда или оглашались въ печати, причемъ наибольшую настойчивость въ подобныхъ разоблаченіяхъ обнаруживали соціально-демократическіе органы. Надменные, надутые прусскіе офицеры, при малѣйшихъ недоразумѣніяхъ или столкновеніяхъ съ обыкновенными смертными, прибѣгаютъ къ оружію для защиты чести мундира, и этотъ мундирный культъ принимаетъ отчасти форму болѣзненной маніи, доводящей до безсмысленныхъ убійствъ; такъ напр., въ прошломъ году разбиралось дѣло одного офицера, который сознательно изрубилъ своего бывшаго школьнаго товарища за непочтительное отношеніе къ его офицерскому званію. Какое-то холодное безсердечіе вырабатывается въ этихъ привилегированныхъ представителяхъ арміи по отношенію къ простымъ солда-

тамъ и особенно новобранцамъ; практикуются утонченныя формы расправы и наказанія для неумѣлыхъ или неопытныхъ рекрутъ, обучаемыхъ военнымъ пріемамъ и упражненіямъ, и множество злоупотребленій этого рода ускользаетъ отъ контроля, въ виду обычной строгости военной дисциплины. Стѣсняемые все-таки существованіемъ общихъ законовъ и практикою гласности, нѣмецкіе офицеры могутъ давать волю своимъ истиннымъ чувствамъ и понятіямъ только внѣ своего отечества, въ отдаленныхъ колоніяхъ; и можно себѣ представить, какъ они дѣйствуютъ противъ подвластныхъ людей, принадлежащихъ дѣйствительно къ низшей и чуждой расѣ.

Культурные европейцы вообще легко поддаются инстинктамъ грубаго насилія и произвола, когда попадаютъ въ дикую страну, населенную жалкимъ рабскимъ племенемъ; достаточно вспомнить извѣстнаго путешественника Петерса, который даже судился потомъ за убійство своихъ туземныхъ наложницъ при малѣйшей ихъ провинности. Нѣмецкіе офицеры, посылаемые въ германскія южно-африканскія владѣнія, всего менѣе годятся, конечно, для роли устроителей новаго края; а между тѣмъ, въ силу традиціи, забота о престижѣ власти въ далекихъ колоніяхъ возлагается прежде всего на офицеровъ, какъ представителей арміи, и послѣдніе дѣлаютъ съ своей стороны все отъ нихъ зависящее, чтобы внушить спасительный страхъ мѣстнымъ жителямъ. Послѣдствія этой офицерской политики давали себя чувствовать центральному управленію колоній и вызывали часто непріятныя замѣшательства и волненія на мѣстѣ; но установившійся обычай соблюдался крѣпко, и вѣра въ высшее административное призваніе офицеровъ нисколько не слабѣла: на мѣсто одного майора или капитана посылался другой, и важные интересы нѣмецкихъ колоній по прежнему довѣрялись людямъ, способнымъ лишь безтолково запугивать туземцевъ и возбуждать ихъ ненависть къ новымъ властителямъ. Туземцы, однако, владѣютъ оружіемъ, и огромное превосходство численности позволяетъ имъ легко устроить возстаніе, противъ котораго ничего не могутъ сдѣлать маленькіе отряды европейскихъ солдатъ съ ихъ надменными офицерами; въ такомъ именно положеніи очутились теперь нѣмецкія поселенія въ юго-западной Африкѣ. Одно изъ готтентотскихъ племенъ возмутилось въ южной части колоніи; противъ нихъ отправленъ былъ небольшой нѣмецкій отрядъ; а тѣмъ временемъ, на сѣверѣ, въ густо населенной колонистами центральной области вспыхнуло гораздо болѣе опасное возстаніе многочисленнаго племени герреро. Волненія начались съ того, что нѣмецкій офицеръ пригласилъ къ себѣ для какихъ-то переговоровъ старшину сосѣдняго туземнаго племени и безъ всякихъ церемоній избилъ его, съ цѣлью внушить надлежащее уваженіе къ своей власти; туземцы не вытер-

пѣли и взялись за оружіе. Возстаніе охватило самую культурную часть колоніальной территоріи; за неудачныхъ правителей-офицеровъ расплачиваются теперь ни въ чемъ неповинные мирные поселенцы. Почти всѣ постройки и сооруженія на отдѣльныхъ фермахъ разрушены, скотъ угнанъ, имущество забрано или уничтожено, колонисты бѣжали въ болѣе значительные пункты, гдѣ имѣются хоть маленькіе гарнизоны; всѣ эти пункты осаждались возставшими, и жителямъ ихъ грозила неминуемая гибель. Главное изъ этихъ мѣстечекъ, Виндгукъ, находится на разстояніи 230 миль отъ берега по желѣзной дорогѣ; другія станціи и поселенія расположены въ томъ же районѣ, занимающемъ пространство до ста миль въ окружности. Подкрѣпленія, разумѣется, были немедленно посланы изъ Германіи, но ихъ едва ли дождутся злосчастные колонисты, на которыхъ туземные дикари вымещаютъ теперь свою накопившуюся злобу противъ суровыхъ нѣмецкихъ офицеровъ. По всей вѣроятности, и этотъ тяжелый урокъ пройдетъ безслѣдно для высшей колоніальной администраціи: нѣмцы увѣрены, что туземцы возстали только вслѣдствіе своей неспособности и нежеланія подчиниться мирному законному управленію и понимать блага европейской культуры; предполагается также, что въ дѣло замѣшаны англійскія интриги, безъ которыхъ не обходятся, будто бы, нѣмецкія неудачи въ колоніяхъ. Директоръ колоніальнаго департамента заявилъ въ имперскомъ сеймѣ, что племя герреро всегда извѣстно было, какъ враждебное порядку и недоступное культурному воздѣйствію со стороны мѣстной нѣмецкой администраціи. Ораторы оппозиціи пытались обратить вниманіе на оборотную сторону медали, но ихъ рѣчи показались имперскому сейму несвоевременными и непатріотичными. Необходимыя денежныя средства на подавленіе возстанія были ассигнованы палатою, и этимъ пока ограничились нѣмецкіе патріоты, озабоченные судьбою южно-африканскихъ колоній. Нѣмцы успокоятся, когда колоніи будутъ охраняться достаточно крупными военными силами и когда можно будетъ во всякое время бомбардировать непокорныя туземныя селенія и разстрѣливать ихъ жителей; но принципъ террора имѣетъ обоюдоострую силу и не можетъ служить прочною основою порядка и спокойствія, какъ убѣдились въ этомъ опытнѣйшіе въ мірѣ колонизаторы—англичане. Только тѣ британскія колоніи устроились основательно и достигли процвѣтанія, гдѣ туземцамъ предоставлена извѣстная доля автономіи и гдѣ ихъ права и интересы пользуются законною защитою и охраною;—и вмѣсто того, чтобы ссылаться на британскія интриги, нѣмцамъ и вообще иностранцамъ полезно было бы въ этомъ отношеніи слѣдовать примѣру англичанъ въ колоніальной политикѣ.

Въ Англіи продолжаетъ быть героемъ дня и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ національной политики Чемберленъ, неутомимый ораторъ, каждая рѣчь котораго горячо обсуждается всѣми газетами и возводится ими на степень событія. Авторитетъ и популярность бывшаго министра колоній значительно возросли со времени его отставки, вопреки обычной практикѣ другихъ государствъ. Чемберленъ открыто выступаетъ, какъ глава и руководитель новаго правительственнаго и національнаго теченія, имѣющаго всѣ шансы получить господство въ странѣ и парламентѣ; англійское общество и печать признаютъ его единственно возможнымъ премьеромъ будущаго министерства, и любопытнѣе всего, что такъ смотрятъ на него сами члены нынѣшняго кабинета, начиная съ Бальфура. Чемберленъ дѣятельно занялся пропагандою своихъ идей о протекціонизмѣ и колоніально-имперскомъ таможенномъ союзѣ; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ неустанно развиваетъ передъ публикою свою смѣлую имперіалистскую программу и находитъ все болѣе сочувствія въ массѣ промышленнаго населенія. Многолюдные митинги въ главнѣйшихъ центрахъ страны завершились 19 января грандіознымъ торжественнымъ собраніемъ въ самомъ Лондонѣ, въ традиціонномъ Гильдголлѣ, подъ предсѣдательствомъ лондонскаго лордъ-мэра, сэра Ритчи, въ присутствіи представителей многихъ изъ главнѣйшихъ британскихъ фирмъ и предпріятій, въ томъ числѣ и директоровъ Англійскаго банка. Этотъ митингъ былъ двойной: кромѣ блестящаго собранія внутри зданія, въ парадныхъ залахъ ратуши,—собралась еще громадная толпа народа снаружи, на площади, и терпѣливо выжидала подъ дождемъ, чтобы устроить овацію Чемберлену. Когда внутренній митингъ окончился, начался наружный, и послѣ продолжительной рѣчи, выслушанной въ Гильдголлѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, Чемберленъ съ балкона, уже въ пальто, безъ шляпы, подъ непрекращавшимся дождемъ, произнесъ вторую большую рѣчь къ публикѣ, стоявшей густыми массами на улицѣ. Редакція одной газеты условилась заранѣе съ электрофонной компаніею, чтобы устроены были приспособленія для передачи всего текста рѣчи въ нѣкоторыя народныя залы, гдѣ рѣчь была тотчасъ повторена электрофономъ и вызвала энтузіазмъ толпы. Среди этихъ непрерывныхъ самовольныхъ нарушеній общественной тишины и спокойствія проходитъ вся истинная національная жизнь Англіи, и безопасность государства не испытываетъ при этомъ ни малѣйшаго колебанія. Чемберленъ не только агитируетъ въ пользу тѣхъ взглядовъ, которые онъ считаетъ полезными для страны, но принимаетъ и практическія мѣры для подготовленія желательной перемѣны въ правительственной политикѣ. Онъ предложилъ цѣлому ряду выдающихся промышленныхъ дѣятелей, экономистовъ и статистиковъ войти въ составъ особой тарифной ком-

миссіи для собранія матеріаловъ и обсужденія фактическихъ данныхъ по вопросу о пересмотрѣ принциповъ британской свободы торговли. Насколько можно судить по свѣдѣніямъ и отзывамъ англійскихъ газетъ, успѣхъ Чемберлена и его дѣла долженъ считаться обезпеченнымъ.

Недавняя смерть знаменитаго Герберта Спенсера (ум. 8 декабря нов. ст.) подала поводъ къ любопытнымъ газетнымъ замѣчаніямъ объ его почитателяхъ въ Японіи. Въ „Times" отъ 22-го января помѣщено чрезвычайно интересное сообщеніе изъ Токіо, заключающее въ себѣ, между прочимъ, письмо Спенсера о желательной будущей политикѣ японской націи. „Въ Японіи, какъ и въ Россіи, — говорится въ передовой статьѣ того же „Times",—какъ и вездѣ, гдѣ интеллигентная молодежь внезапно приводится въ соприкосновеніе съ западною цивилизаціею, доктрины Конта, Милля, Дарвина и Спенсера усвоиваются съ жадностью, благодаря своей ясности и доступности, а также своей видимой свободѣ отъ всякихъ элементовъ суевѣрія и предразсудка". Съ половины прошлаго вѣка интеллигенція новой Японіи находилась всецѣло подъ владычествомъ Джона Стюарта Милля, Чарльза Дарвина и Герберта Спенсера. Сочиненія Дарвина и Милля были вскорѣ переведены на японскій языкъ; книги Спенсера появились на этомъ языкѣ позднѣе. Изъ его „Синтетической философіи" существуютъ въ японскомъ переводѣ только два тома; но тысячи молодыхъ японцевъ изучали эти книги въ оригиналѣ, и хотя культъ Спенсера потерялъ многихъ послѣдователей со времени распространенія и обильнаго привоза продуктовъ нѣмецкой учености, тѣмъ не менѣе Спенсеръ, Дарвинъ и Милль остаются умственными руководителями для большинства выдающихся дѣятелей Японіи. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ учениковъ Спенсера былъ баронъ Кентаро Канеко, получившій образованіе въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ Гарвардскомъ университетѣ, и принимавшій затѣмъ близкое участіе въ работахъ по организаціи обѣихъ палатъ японскаго парламента. Въ 1892 году, находясь проѣздомъ въ Англіи, онъ сдѣлалъ попытку видѣть Герберта Спенсера, труды котораго способствовали развитію и укрѣпленію всего его научнаго міросозерцанія. Сверхъ ожиданія, Спенсеръ отвѣтилъ на его письмо приглашеніемъ къ себѣ на квартиру въ назначенный день; баронъ Канеко пробылъ у него два часа, отвѣчая на разные вопросы, касающіеся исторіи, религіи и быта Японіи. Философъ заранѣе приготовилъ матеріалы для этихъ вопросовъ и былъ очень доволенъ фактическими разъясненіями собесѣдника; съ тѣхъ поръ завязались между ними частыя сношенія, письменныя и личныя, причемъ Спенсеръ высказывалъ общіе взгляды, сильно огорчавшіе японскаго

барона. Спенсеръ рѣшительно осуждалъ стремленіе Японіи къ усвоенію европейской цивилизаціи и совѣтовалъ, напротивъ, дорожить своею замкнутостью, избѣгать связей съ иностранцами, не допускать смѣшанныхъ браковъ, сохранять чистоту расы, и эти странныя идеи онъ, по желанію Канеко, изложилъ въ обстоятельномъ письмѣ, которое онъ просилъ сохранить въ тайнѣ при его жизни, потому что онъ „не хотѣлъ возбудить неудовольствіе своихъ согражданъ". Онъ дозволилъ только сообщить текстъ этого письма извѣстному государственному дѣятелю Японіи, графу Ито, выразивъ притомъ надежду, что, быть можетъ, совѣты его будутъ приняты во вниманіе. Японскіе прогрессисты не послушались Спенсера, и, какъ заключаетъ корреспондентъ „Times" изъ Токіо, они поступили правильно, ибо, слѣдуя программѣ Спенсера, Японія никогда не достигла бы заключенія союза съ Англіею и не заняла бы того независимаго и выдающагося положенія, какое она занимаетъ нынѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1904.

I.

— Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая: томы I-й, II-й и III-й. Біографическій очеркъ съ портретомъ автора. Книга вторая: томы IV-й, V-й и VI. Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ („Литературнаго фонда"). Спб. 1903.

Современное состояніе нашей литературы вызываетъ, какъ извѣстно, не мало сожалѣній объ ея упадкѣ, нареканій на забвеніе литературнаго преданія, передъ которымъ однако остаются ничтожными притязанія новѣйшаго „чистаго искусства" и т. д. Сожалѣнія и нареканія и дѣйствительно не лишены основанія; уровень художественныхъ произведеній— за единственнымъ исключеніемъ, оставшимся именно только отъ старыхъ временъ,—несомнѣнно понизился, какъ понизился и общественный элементъ, нѣкогда одушевлявшій лучшихъ дѣятелей литературы; „забытыя слова", которыя повидимому хотѣлъ напомнить Салтыковъ въ послѣднія минуты жизни, дѣйствительно забываются въ литературной толпѣ... Но въ одной области нашей литературы совершается движеніе, которое можетъ, кажется, до значительной степени вознаградить за упомянутый упадокъ; это—оживленная дѣятельность въ развитіи нашего историческаго изслѣдованія. Понятно, что это послѣднее не составляетъ самой „литературы"; оно принадлежитъ къ кругу строгой, холодной, безучастной и къ „злобамъ", и къ идеаламъ дня, „науки"; это изслѣдованіе, посвященное прошлому, не можетъ замѣнить художественнаго воспроизведенія живой дѣйствительности, не можетъ питать поэтическаго идеализма,—наука никогда не можетъ замѣнить искусства; но, въ общемъ счетѣ литературнаго содержанія, научное движеніе вообще, и въ частности историческое знаніе, можетъ быть,

и бываетъ, важнымъ факторомъ въ развитіи общественнаго самосознанія, что можетъ имѣть вліяніе и на складъ самаго художества. Не случайна была связь Пушкина съ Карамзинымъ, и связь общественныхъ настроеній тридцатыхъ годовъ съ Гоголемъ, сороковыхъ годовъ—съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Салтыковымъ...

При всѣхъ внѣшнихъ трудностяхъ, съ какими въ условіяхъ нашей литературы соединено было изслѣдованіе недавняго прошлаго, детальное, отрывочное собираніе, какимъ долго ограничивалось изученіе нашей новѣйшей исторіи, завершилось монументальными трудами Н. К. Шильдера, значеніе которыхъ выходитъ за предѣлы одной спеціальной исторіографіи.

По отношенію къ исторической любознательности общества можно съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтить „Собраніе сочиненій" Костомарова, ставшее теперь собственностью „Литературнаго фонда". Въ старыхъ изданіяхъ, теперь вѣроятно уже истощенныхъ, сочиненія Костомарова были мало доступны для массы читателей также и по крайней своей дороговизнѣ; новое изданіе сдѣлаетъ ихъ общедоступными, а сочиненія Костомарова несомнѣнно заслуживаютъ того, чтобы стать популярнымъ чтеніемъ. Историческое изслѣдованіе идетъ, конечно, впередъ, ставитъ новыя задачи и точки зрѣнія, собираетъ новые факты,—но крупный историкъ можетъ, тѣмъ не менѣе, сохранять значеніе своими особыми достоинствами и долго можетъ быть поучителенъ. И Костомаровъ былъ историкъ крупный, въ извѣстномъ отношеніи почти единственный въ нашей литературѣ: это—замѣчательный повѣствователь. Съ огромной начитанностью, которую хранила его сильная память, онъ владѣлъ еще тѣмъ даромъ оживлять лица и событія, который былъ родственъ художественному творчеству. Его не однажды влекло къ исторической повѣсти, и разъ даже прямо къ исторической драмѣ (хотя не изъ русской исторіи). Такимъ образомъ, его разсказъ становится исторической реставраціей, въ которой до сихъ поръ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ него, ему не нашлось равнаго.

II.

— Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Петра Великаго. Собралъ Е. Шмурло, профессоръ Имп. Юрьевскаго университета. Томъ I. 1693—1700. Юрьевъ. 1903. (Заглавіе и предисловія также по-французски).

Г-нъ Шмурло не такъ давно избранъ былъ историко-филологическимъ Отдѣленіемъ Академіи наукъ „ученымъ корреспондентомъ" въ

Римѣ, для изученія документовъ, главнымъ образомъ, Ватиканскаго архива, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи,—когда Ватиканъ, прежде доступный лишь немногимъ, былъ открытъ для ученыхъ изыскателей. Г-нъ Шмурло еще раньше этого назначенія началъ свои поиски въ римскихъ и другихъ европейскихъ архивахъ, собирая матеріалъ для исторіи Петра Великаго. Теперь, въ *первомъ* томѣ его „Сборника" (болѣе 700 стр. плотной печати, мал. 4°) собрана уже большая масса, 840 нумеровъ, документовъ, относящихся только къ семи изъ начальныхъ годовъ царствованія Петра; продолженіе обѣщаетъ такимъ образомъ громадное приращеніе историческихъ документовъ о томъ времени, и изъ нихъ только немногіе были до сихъ поръ извѣстны. „До сихъ поръ, — говоритъ г. Шмурло въ предисловіи, — сношенія Петра съ Западной Европой изучались преимущественно, если можно такъ выразиться, въ направленіи сѣверо-западномъ, что и понятно, такъ какъ международная жизнь Россіи начала XVIII столѣтія,—одинаково въ войнахъ и дипломатіи, въ промышленности и въ торговлѣ, въ учрежденіяхъ и въ школѣ,—сильнѣе всего проявлялась въ ея сношеніяхъ съ протестантскими государствами,—съ Швеціей, Пруссіей, Голландіей, Англіей. Однако, отнюдь не ничтожны были тогда и сношенія съ Германіей, съ Венеціей, съ Римомъ, хотя бы въ силу уже одного того, что эти государства постоянно и близко разными сторонами соприкасались съ Польшей, а съ Польшей, какъ извѣстно, Россію связывали самые насущные и неотложные вопросы жизни". Такимъ образомъ, требуютъ изученія не только германо-протестантскія, но и романо-католическія отношенія Россіи. И преобладающее мѣсто въ настоящемъ сборникѣ принадлежитъ Риму и Венеціи.

„Исходнымъ пунктомъ нами взятъ 1695-й годъ,—говоритъ г. Шмурло,—когда первымъ своимъ походомъ подъ Азовъ царь Петръ вступилъ на путь международныхъ отношеній какъ самостоятельный и сознательный участникъ ихъ, и въ дѣло, намѣченное и начатое его предшественниками, впервые внесъ индивидуальныя черты и субъективную окраску".

Источниками, въ которыхъ почерпнуты матеріалы настоящаго тома, были на первомъ планѣ архивы Ватиканскій della Santa Sede и папскій „церемоніальный" (dei Cerimonieri), и нѣсколько знаменитыхъ римскихъ библіотекъ (Корсини, Барберини, Національная библіотека); Венеціанскій государственный архивъ; Парижскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и проч. Главную массу матеріала составили донесенія папскихъ нунціевъ съ отвѣтами и распоряженіями папскаго государственнаго секретаря, и много другихъ дипломатическихъ свѣдѣній, стекавшихся при римскомъ дворѣ по русскимъ дѣламъ; далѣе, обширный отдѣлъ матеріаловъ составляютъ донесенія

представителей венеціанской республики при дворахъ варшавскомъ, вѣнскомъ и римскомъ. Для историческихъ объясненій введены, наконецъ, различные документы Вѣнскаго архива и нашего архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

По содержанію издаваемые матеріалы касаются такихъ международныхъ отношеній и столкновеній, какъ азовскіе походы Петра и вообще борьба съ Турціей, дѣла Россіи съ Польшей, нѣмецкой имперіей, Венеціей, дѣла съ Римомъ по вопросу объ уніи и т. п., русское великое посольство 1697 и 1698 годовъ, пребываніе за границей самого Петра и русскихъ „волонтеровъ", въ частности Б. П. Шереметева.

Такъ широко разростается документальный матеріалъ, котораго разработка предлежитъ будущему русскому историку. Событія раскрываются для насъ все съ новыхъ сторонъ и въ новыхъ подробностяхъ. Рядомъ съ источниками домашними, которые размножаются чуть не въ геометрической прогрессіи, въ изданіяхъ Р. Историческаго Общества теперь уже собранъ громадный матеріалъ по иностраннымъ сношеніямъ Россіи, особливо въ XVIII вѣкѣ, и для русской исторіографіи открывается, какъ никогда прежде, обильный матеріалъ наблюденій и выводовъ.

Трудъ г. Шмурло по изданію настоящаго тома,—какъ легко судить даже по первому взгляду,—былъ трудъ очень сложный: выборъ матеріала, точная перепись и печатаніе, однѣ требовали усиленнаго вниманія; обширныя примѣчанія доставляютъ много важныхъ объясненій и сопоставленій съ прежней исторической литературой.

III.

— Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Томъ седьмой—томъ десятый. Предисловіе и примѣчанія В. А. Бильбасова. Спб. 1903.

Въ свое время мы упоминали о началѣ этого важнаго изданія. Въ частныхъ архивахъ заключается несомнѣнно богатѣйшій историческій матеріалъ; лишь въ недавнее время предпринято въ этомъ направленіи нѣсколько изданій,—такъ, прежде всего начато было изданіе архива кн. Воронцова; идетъ, затѣмъ, разработка архивнаго матеріала въ книгѣ: „Родъ Шереметевыхъ"; издается архивъ кн. Куракина; массу любопытнѣйшаго матеріала доставилъ архивъ гр. Строгановыхъ и кн. Голицыныхъ для труда великаго князя Николая Михаиловича о гр. Павлѣ Ал. Строгановѣ. Съ X-мъ томомъ „Архива графовъ Мордвиновыхъ" закончены матеріалы, отно-

сящіеся къ политической и общественной дѣятельности гр. Н. С. Мордвинова (ум. въ 1845), этого замѣчательнаго свидѣтеля и дѣятеля четырехъ царствованій. Давно, еще при его жизни и послѣ его смерти, пользовались великой славой его „мнѣнія", представлявшіяся въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ ходили по рукамъ, возбуждая живѣйшій интересъ въ средѣ просвѣщенныхъ людей, волновавшихся государственными и общественными вопросами; нѣчто попадало въ печать, какъ историческій матеріалъ. Наконецъ, теперь, въ „Архивѣ", эти „мнѣнія", т.-е. цѣлыя дѣловыя записки по предметамъ нерѣдко первостепенной важности въ жизни государства и общества, эти записки, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, стали достояніемъ печати, т.-е. достояніемъ исторической науки и источникомъ общественнаго поученія. Послѣдніе четыре тома изданія заключають въ себѣ документы послѣднихъ двадцати лѣтъ жизни Мордвинова и первыхъ двадцати лѣтъ царствованія имп. Николая I,—причемъ въ томѣ X-мъ помѣщено, въ видѣ приложеній, 59 статей, которыя сохранились въ архивѣ Н. С. Мордвинова, но составлены были не имъ. Во введеніяхъ къ VII-му и X-му томамъ г. Бильбасовъ сообщаетъ важныя біографическія замѣчанія о Мордвиновѣ, между прочимъ, объ отношеніи къ нему имп. Николая, который вообще его не любилъ; наконецъ, г. Бильбасовъ даетъ и общія опредѣленія этого замѣчательнаго ума и характера: читатель найдетъ здѣсь любопытнѣйшія черты времени и людей. Между прочимъ, авторъ приводитъ изъ дневника барона, потомъ графа, М. А. Корфа, его отзывъ о Мордвиновѣ, когда тотъ умеръ, отзывъ очень характеристичный для писавшаго.

Трудъ надъ изданіемъ этихъ десяти томовъ составляетъ новую большую заслугу г. Бильбасова для русской исторіографіи.

IV.

— Исторія Кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Составилъ С. Панчулидзевъ. Томъ второй. Томъ третій. Спб. 1901. 1903. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

Немного лѣтъ назадъ мы отмѣтили въ Литературномъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы" (1900, февраль) первый томъ настоящаго изданія. Съ тѣхъ поръ вышли еще второй и третій томы изданія С. А. Панчулидзева, которое явится опять въ высокой степени замѣчательнымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. „Исторія" г. Панчулидзева выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ полковыхъ исторій: какъ

самый Кавалергардскій полкъ со времени своего перваго учрежденія занялъ особое положеніе, такъ и исторія его въ изложеніи автора поставлена въ связь не только съ общими судьбами военныхъ учрежденій и военныхъ событій, но и особенно съ событіями въ жизни двора. Эта послѣдняя сторона нашей исторіи XVIII и XIX вѣка вообще мало затронута въ нашей исторической литературѣ; въ нѣкоторыхъ эпизодахъ была даже совсѣмъ недоступна,—когда имѣла однако великій интересъ и для общей исторіи государственной власти, и для исторіи общественныхъ настроеній и нравовъ. Лишь въ послѣднее время эта внутренняя политическая и бытовая исторія двора начинаетъ раскрываться въ трудахъ нашихъ историковъ (назовемъ Шильдера, В. А. Бильбасова, Д. Ѳ. Кобеко, г. Шумигорскаго); теперь множество любопытнаго сообщено въ книгѣ г. Панчулидзева. Уже въ первомъ томѣ его труда были приведены свѣдѣнія о начальныхъ годахъ военнаго учрежденія, образовавшаго впослѣдствіи „Кавалергардскій полкъ"; впервые съ точностью разсказана исторія „лейбъ-компаніи", существовавшей въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Во второмъ томѣ, по связи предметовъ, дано довольно подробное изложеніе исторіи царствованія Петра III вплоть до его смерти; затѣмъ исторія полка при имп. Екатеринѣ II и Павлѣ, съ разсказомъ о заговорѣ противъ имп. Павла и о его кончинѣ. Третій томъ наполненъ военной исторіей времени имп. Александра I до вступленія имп. Александра и русскихъ войскъ въ Парижъ.

Въ сложной исторіи особливо XVIII вѣка авторъ исполнилъ свою задачу съ большимъ искусствомъ, съ большимъ историческимъ безпристрастіемъ, любовью къ исторической истинѣ и тактомъ. Онъ внимательно изучилъ литературу предмета, въ нѣкоторыхъ эпизодахъ особенно литературу иностранныхъ мемуаровъ; архивные документы русскіе, и частію также иностранные; матеріалы обще-военныхъ и полковыхъ архивовъ,—и всю массу собранныхъ деталей объединилъ въ живомъ, наглядномъ разсказѣ, свидѣтельствующемъ вмѣстѣ о немалой исторической наблюдательности. Если принять во вниманіе, что авторъ могъ воспользоваться многими трудно доступными матеріалами, это еще возвышаетъ цѣнность его историческаго изложенія.

Внѣшняя сторона изданія, исполненнаго во всемъ его составѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, отличается рѣдкимъ великолѣпіемъ и изяществомъ: прекрасно отпечатанный текстъ сопровождается множествомъ фототипическихъ иллюстрацій; это — портреты, снимки съ батальныхъ картинъ, и т. п.—А. П.

V.

— Боцяновскій. В. Ѳ. Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1903.
— Князь Урусовъ, Н. Д. Безсильные люди въ изображеніи Леонида Андреева. Спб. 1903.
— Ст. Сухановъ. Символизмъ и Леонидъ Андреевъ, какъ его представитель. Кіевъ. 1903.

Въ критической литературѣ послѣдняго десятилѣтія установились пріемы, которые трудно охарактеризовать иначе, какъ опредѣляя ихъ терминомъ слащаваго смакованья и взмыливанья. Едва на литературномъ поприщѣ появится какой-либо молодой и талантливый писатель, еще неопытный и въ себѣ неувѣренный, какъ критика наперерывъ спѣшитъ произвести его сразу въ высокіе чины, объявить его замѣчательнымъ и великимъ, но, главное, настолько объяснить и разжевать его произведенія, чтобы публикѣ не стоило ни малѣйшаго труда проглотить ихъ безъ всякой самостоятельной умственной работы. Въ однихъ случаяхъ за такой готовностью кроется простое равнодушіе къ достоинству русской литературы, въ другихъ—стремленіе выиграть въ популярности на счетъ писателя, въ третьихъ—чтобы заслужить репутацію чуткаго и передового художественнаго цѣнителя, или, наконецъ, чтобы скрыть въ потокахъ лирическихъ изліяній убожество и безсиліе критической мысли... оттѣнки и комбинаціи варьируются до безконечности. Однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній современныхъ критиковъ является возможность открытія такихъ глубинъ и высотъ въ творчествѣ начинающаго писателя, которыя и не снились самому писателю, которыхъ нельзя было бы передать иначе, какъ съ помощью кавычекъ передъ чудовищными выписками, многознаменательныхъ восклицаній, умолчаній и многоточій, имѣющихъ символическій смыслъ.

По нѣкоторымъ признакамъ могло бы казаться, что книжечка г. Боцяновскаго относится къ одной изъ упомянутыхъ категорій: въ ней, какъ увидимъ ниже, есть явныя преувеличенія, излишнія подробности. Но, съ другой стороны, въ ней есть элементъ, который сдѣлалъ бы такое отнесеніе крайне ошибочнымъ: это—искренность увлеченія. Г. Боцяновскій—вдумчивый и благожелательный истолкователь художественныхъ произведеній, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ равнодушіи къ вопросамъ литературнаго развитія. Каждое явленіе, на которомъ лежитъ хотя слабый признакъ таланта, онъ готовъ привѣтствовать, защищать, пропагандировать, но при этомъ, къ сожалѣнію, благожелательность его нерѣдко выходитъ изъ границъ необходимаго критическаго такта и, вмѣсто объективнаго сужденія, по-

лучается восторженное увлеченіе, при которомъ размѣръ писательскаго таланта измѣняется до неузнаваемости. Обратите вниманіе, какимъ чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ открывается его книжечка, вышедшая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. „Атмосфера литературныхъ кружковъ въ данный моментъ,—пишетъ г. Боцяновскій,—*безъ преувеличенія*, насыщена Леонидомъ Андреевымъ. Уже первые шаги этого писателя были встрѣчены восторженно журналами *всѣхъ (?) партій и фракцій*“... Указавъ на статьи гг. Ясинскаго и Буренина объ Андреевѣ, гдѣ послѣдній характеризовался, какъ безспорно крупный и талантливый художникъ, г. Боцяновскій продолжаетъ: „Рядъ другихъ статей, сопровождавшихъ первый сборникъ разсказовъ Андреева въ толстыхъ и тонкихъ журналахъ, говорилъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ“.

Это утвержденіе грѣшитъ большой неточностью: среди толстыхъ и тонкихъ журналовъ слѣдовало отмѣтить такіе, которые не говорили о г. Андреевѣ ни слова, или относились къ нему отрицательно. Больше всего говорили объ этомъ писателѣ газеты, въ особенности послѣ извѣстнаго письма гр. С. А. Толстой, по поводу пресловутаго разсказа „Въ туманѣ“. Но быстрый успѣхъ, газетная шумиха—это только обстановка, внѣшняя сторона появленія литературнаго произведенія передъ публикой, и вмѣшивать ихъ въ безпристрастное сужденіе о художественномъ и идейномъ достоинствѣ писателя—значитъ создавать препятствіе и самому себѣ загораживать дорогу. Г. Боцяновскій, къ сожалѣнію, вводитъ въ свою характеристику этотъ ненужный элементъ и тѣмъ придаетъ своей работѣ нѣсколько фельетонный оттѣнокъ. Этотъ оттѣнокъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Боцяновскій слишкомъ считается съ газетными толками и прозвищами, которыя выпадали на долю Л. Андреева въ газетахъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать попытку полнѣе охватить творчество этого писателя и высказать о немъ безпристрастное мнѣніе, не подсказываемое ни пламеннымъ увлеченіемъ, ни полемическимъ задоромъ.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, этюдъ г. Боцяновскаго читается съ большимъ интересомъ, и этотъ интересъ переносится на писателя, которому посвящена работа. Написанная легко и живо, книжечка г. Боцяновскаго даетъ отчетливое понятіе о тѣхъ вопросахъ, которые составляютъ основное идейное содержаніе творчества Андреева, и заставляетъ согласиться съ авторомъ, что „г. Андреевъ, какъ писатель, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе“. Вотъ только сопоставленіе Л. Андреева съ Бокаччіо можетъ показаться нѣсколько загадочнымъ...

Признаетъ талантъ Л. Андреева и кн. Н. Д. Урусовъ, посвятившій характеристикѣ этого таланта дѣльную и обстоятельную работу, въ

которой, не ограничиваясь однимъ идейнымъ содержаніемъ, останавливается и на художественной сторонѣ. По поводу разсказа „Въ туманѣ“ авторъ задается вопросомъ: для кого писалъ г. Андреевъ свой разсказъ? „Вѣдь авторъ долженъ же понимать,—говоритъ кн. Урусовъ,—что имѣетъ громадную аудиторію слушателей, что ему вѣритъ читатель и любитъ его.

„Грустно, больно опредѣлять, что цѣль автора была — дать лишній эффектный разсказецъ, впустить въ него нѣсколько дѣйствительно художественныхъ строкъ, и шумомъ, произведеннымъ этимъ грубымъ эффектомъ, увеличить свою и безъ того большую популярность. Иной цѣли у г. Андреева быть не могло, и чтобы ее достигнуть, онъ не пожалѣлъ первоначальной красивой конструкціи разсказа“.

Авторъ приходитъ къ тому общему выводу, что Л. Андреевъ безусловно талантливый художникъ, владѣющій сильнымъ и образнымъ стилемъ, но неглубокій мыслитель. Что же касается того, что на г. Андреева привыкли смотрѣть какъ на провозвѣстника какихъ-то новыхъ путей въ искусствѣ, то кн. Урусовъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее, по нашему мнѣнію, справедливое замѣчаніе: „въ разсказахъ г. Андреева мы не находимъ ничего новаго, что̀ бы должно было всколыхнуть нашу литературу, ничего такого, что̀ вѣщаетъ о лучшемъ будущемъ человѣчества, ничего такого, что можно было счесть за сильный протестъ талантливаго беллетриста противъ современнаго положенія общества“.

Но,—Боже мой,—чего только ни налепеталъ о Л. Андреевѣ г. Сухановъ! Вотъ образчики его разсужденій: „Художникъ долженъ, по нашему (т.-е. г. Суханова) мнѣнію, обязательно (!) наблюдать жизнь, искать въ ней что-то, комбинировать явленія жизни и такимъ только образомъ творить“... Только *такимъ образомъ*, а не какъ-либо иначе... „Мы склонны видѣть въ художникѣ,—продолжаетъ свои откровенія г. Сухановъ,—холоднаго изслѣдователя, напоминающаго какого-либо ботаника или зоолога. Такому взгляду на художника мы обязаны традиціямъ реализма и болѣе всего шестидесятымъ годамъ, сведшимъ художника на ступень проповѣдника-утилитариста, а самое искусство—на ступень прикладныхъ знаній“...

Въ заключеніе же своего похвальнаго слова „яркому представителю символизма“ г. Сухановъ заявляетъ: „Вообще же къ міросозерцанію Андреева нельзя приложить обычной мѣрки“.

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ, особенно если придать художнику зоологическое представленіе о жизни...

VI.

— **В. П. Батуринскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Т. I. Изданіе Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1904.**

Книга г. Батуринскаго производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Если разсматривать ее какъ изслѣдованіе, то ей недостаетъ полноты, фактической обоснованности и критическаго отношенія къ разбираемымъ явленіямъ; если же видѣть въ ней только „матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи“, то теряютъ всякое значеніе разсужденія автора, устанавливающія связь (чисто внѣшнюю) между приводимыми документами. Въ первомъ очеркѣ, озаглавленномъ „Въ началѣ сороковыхъ годовъ“ и посвященномъ (по мысли автора) характеристикѣ М. А. Бакунина, г. Батуринскій, точно нарочно, останавливается на фактахъ давнымъ-давно извѣстныхъ и малозначительныхъ, подкрѣпляя ихъ цитатами изъ сочиненій Герцена и Бѣлинскаго, и почти совершенно обходитъ тѣ черты, изъ которыхъ складывался умственный и нравственный обликъ этого дѣятеля. Довольствуясь, напримѣръ, выдержкой изъ Герцена для біографіи и исторіи развитія Бакунина, авторъ останавливается на вопросѣ о ссорѣ Каткова съ Бакунинымъ и выражаетъ сожалѣніе, что эта ссора до сихъ поръ не выяснена, хотя автору, повидимому, извѣстно, что въ основѣ ссоры лежалъ не принципіальный разладъ, а простая сплетня. Для автора—берлинскій періодъ жизни Бакунина и его друзей ярко отразился въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Тургенева, особенно въ „Фаустѣ“ и „Рудинѣ“; авторъ вполнѣ довольствуется этимъ указаніемъ, иллюстрируя его извѣстными и переизвѣстными воспоминаніями Невѣрова, цитатами изъ Герцена и Тургенева. На выясненіе значенія общественной дѣятельности Бакунина нѣтъ и намека.

Второй очеркъ посвященъ перепечаткѣ изъ „Колокола“ статей Герцена (некрологовъ и воспоминаній) объ А. А. Ивановѣ и М. С. Щепкинѣ, не вошедшихъ въ собраніе сочиненій Герцена второй половины семидесятыхъ годовъ. Интереснѣе предыдущихъ третій очеркъ—„Герценъ и Тургеневъ“,—хотя и здѣсь сказывается недостаточность фактическихъ и біографическихъ разъясненій, поражающая крайне непріятно читателя при чтеніи довольно случайнаго матеріала. Слѣдуетъ замѣтить вообще, что письма представляютъ собой матеріалъ, которымъ нужно пользоваться очень осторожно и умѣло, не упуская изъ вида личныхъ свойствъ корреспондентовъ и обстоятельствъ, которыми сопровождалась ихъ переписка. Г. Батуринскій же относится къ печатному матеріалу съ наивной довѣрчивостью, мало вникая въ

его содержаніе и не освѣщая его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость освѣщенія вызывается не только запросами историко-литературной критики, но даже элементарными нравственными требованіями. Печатаетъ, напримѣръ, г. Батуринскій переписку Некрасова съ Герценомъ, по поводу прискорбнаго недоразумѣнія съ деньгами Огарева, и, ни словомъ не оговорившись о томъ, насколько обвиненія противъ Некрасова въ этомъ дѣлѣ, касающемся чести поэта, по существу оставались недоказанными, г. Батуринскій тутъ же помѣщаетъ письмо Тургенева Герцену съ непровѣреннымъ, опять-таки, сообщеніемъ о неблаговидномъ участіи Некрасова въ перепродажѣ второго изданія „Записокъ Охотника". Дальше г. Батуринскій, уже отъ себя лично, ставитъ, какъ говорится, точку надъ і: „Мы уже привели выше переписку Герцена съ Некрасовымъ и указали на существовавшія между ними непріязненныя отношенія, которыя со стороны Герцена мотивировались якобы небрежнымъ отношеніемъ Некрасова къ денежнымъ вопросамъ и участіемъ его въ некрасивомъ дѣлѣ вымогательства денегъ у Н. П. Огарева при посредствѣ его первой жены". Но вотъ что̀ писалъ Некрасовъ Тургеневу: „Правду сказать, въ числѣ причинъ, по которымъ мнѣ хотѣлось поѣхать, главная была увидѣть Герцена, но, какъ кажется, онъ противъ меня возстановленъ, чѣмъ— не знаю, подозрѣваю, что извѣстной исторіей Огаревскаго дѣла. Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ столько же виноватъ и причастенъ, какъ ты, напримѣръ. Если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде нужно было знать. имѣлъ ли я его—особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде. Мнѣ просто больно, что человѣкъ, котораго я столько уважаю, который кромѣ того когда-то оказалъ мнѣ личную помощь, который былъ первый послѣ Бѣлинскаго, привѣтствовавшій добрымъ словомъ мои стихи (я его записочку ко мнѣ, по выходѣ „Петерб. Сборника", до сей поры берегу), что этотъ человѣкъ не хорошо обо мнѣ думаетъ" [1]). Конечно, письмо это не могло быть извѣстно г. Батуринскому, книга котораго появилась, кажется, раньше его опубликованія. Но, стало быть, до появленія этого письма въ печати вопросъ представлялся еще менѣе яснымъ и, слѣдовательно, дѣло могло обстоять вовсе не такъ, какъ представлялось г. Батуринскому на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ источниковъ неясныхъ и фактически не провѣренныхъ,—и сужденіе его о Некрасовѣ должно быть признано по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ. На разрывъ Тургенева съ „Современникомъ" г. Батуринскій смотритъ, какъ на явленіе, исключительно объясняемое личной ссорой Тургенева съ Некрасовымъ.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", декабрь 1903 г., стр. 623.

До чего наивны представленія г. Батуринскаго объ эпохѣ конца пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ его „вступительнаго слова" къ выдержкамъ изъ статьи Герцена „Very dangerous". „Герценъ, въ свою очередь, отрицательно относился не только къ самому Некрасову, но и къ нѣкоторымъ крайностямъ литературныхъ мнѣній „Современника". Особенное недовольство его вызывалъ „Свистокъ", которому онъ даже посвятилъ особую статью". Удивительно просто...

Понятно, что составленная такимъ образомъ хрестоматія г. Батуринскаго не удовлетворитъ спеціалистовъ случайнымъ подборомъ матеріала, а въ широкихъ кругахъ читающей публики способна поселить невѣрное и сбивчивое понятіе о трактуемыхъ лицахъ и событіяхъ.

Къ книгѣ приложены два портрета Герцена, портретъ Огарева и снимокъ съ памятника Герцену въ Ниццѣ.

VII.

— Карскій, Е. Ѳ. Бѣлоруссы. Т. I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. Варшава. 1903.

Обширный трудъ Е. Ѳ. Карскаго представляетъ явленіе чрезвычайно цѣнное во многихъ отношеніяхъ. Изученіе бѣлорусскаго нарѣчія и словесности привлекло къ себѣ значительное число работниковъ, которые внесли въ науку много памятниковъ народно-поэтическаго творчества и дали рядъ детальныхъ и помѣстныхъ изслѣдованій. Но среди этихъ работъ очень мало такихъ, въ которыхъ изслѣдователи ставили передъ собой общіе вопросы изученія, основанные на объединеніи всего извѣстнаго матеріала. Трудъ г. Карскаго является первымъ строго научнымъ и систематическимъ опытомъ въ этомъ направленіи. Настоящій томъ служитъ только введеніемъ къ задуманному авторомъ труду по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія въ широкомъ смыслѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, задается цѣлью дать указатель матеріаловъ для словарей по бѣлорусскому нарѣчію, дѣйствительно крайне необходимыхъ. Но—что̀ особенно важно — прежде, чѣмъ приступить къ составленію такихъ словарей, изслѣдователь счелъ нужнымъ точно уяснить себѣ этнографическій типъ бѣлорусскаго племени, намѣтить основные элементы, вошедшіе въ составъ языка, привести въ извѣстность и сдѣлать критическую оцѣнку уже имѣющимся лингвистическимъ матеріаламъ: эта предварительная работа и выполнена авторомъ настоящей книги. Уже изъ

одного перечня главъ можно видѣть, насколько подобнаго рода введеніе можетъ оказаться полезнымъ при изученіи Бѣлоруссіи въ этнографическомъ отношеніи: I. Территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ. Границы и общій характеръ страны. II. Древнѣйшіе обитатели бѣлорусской территоріи въ доисторическое время и при началѣ русскаго государства. III. Языкъ русскихъ племенъ, населявшихъ бѣлорусскую территорію въ древнѣйшее время. Зарожденіе бѣлорусскихъ особенностей. Старѣйшія словарныя заимствованія у финновъ и иранцевъ. IV. Объединеніе всѣхъ бѣлорусскихъ племенъ подъ властью Литвы и окончательная выработка „бѣлорусской народности“ и „бѣлорусскаго языка“. Заимствованія изъ литовскаго и латышскаго языковъ. V. Бѣлоруссы вмѣстѣ съ литовцами подъ властью Польши. Наплывъ разныхъ иностранныхъ словъ въ бѣлорусское нарѣчіе. VI. Возсоединеніе Бѣлоруссіи съ общерусской жизнью. Количество бѣлоруссовъ въ настоящее время и ихъ народные говоры. VII. Очеркъ изученія живого бѣлорусскаго языка и народной поэзіи. VIII. Очеркъ постепеннаго ознакомленія ученыхъ съ памятниками стараго западнорусскаго языка. Изученіе самого языка. IX. Ненародныя произведенія на современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи.

О возможности изученія Бѣлоруссіи авторъ справедливо говоритъ: „Бытъ бѣлорусса, при всей его несложности, представляетъ массу пережитковъ глубокой старины не только общерусской, но и общеславянской. И историкъ народной жизни и юристъ найдетъ здѣсь для себя много цѣнныхъ и интересныхъ особенностей. Знакомясь съ ними, иногда невольно забываешь, что дѣло происходитъ въ XX вѣкѣ: передъ вами выступаетъ жизнь доисторическихъ обитателей верхняго Днѣпра, Зап. Двины и Нѣмана. Однако, чтобы подчасъ не приписывать себѣ неожиданныхъ открытій, а иногда и завѣдомо чтобы не пользоваться чужими трудами (какъ это нерѣдко бывало въ доброе старое время), необходимо знать, что̀ въ этой области уже сдѣлано предшественниками русскими и поляками; сдѣлать указанія въ этомъ родѣ также входило въ задачи автора настоящей книги“.

Въ указателѣ этнографическіе матеріалы распредѣлены по мѣстностямъ (губерніямъ, уѣздамъ, селамъ), что̀ значительно облегчаетъ пользованіе книгой. Указаніе границъ иллюстрируется этнографической картой бѣлорусскаго племени и говоровъ.

VIII.

— **Иллюстровъ, I. И. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904.**

Настоящій сборникъ—результатъ многолѣтняго труда и ревностной любви изслѣдователя къ сокровищамъ русской рѣчи. Начало его относится къ 1884 г., когда появились въ печати, сначала въ „Юридическомъ Вѣстникѣ", а потомъ и отдѣльною книжкою—„Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа". Литература о пословицахъ и поговоркахъ довольно обширна, но работъ по изслѣдованію ихъ сравнительно немного, если не считать попытки систематизировать пословицы въ томъ или иномъ направленіи. Такова была первая часть труда г. Иллюстрова, посвященная подбору исключительно юридическихъ пословицъ; такова недавно вышедшая книга г. Ермолова—„Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ"; изъ недавнихъ, новѣйшихъ же трудовъ отмѣтимъ глубоко интересный сборникъ г. Симони „Старинные сборники пословицъ и поговорокъ (вып. 1)".

Основное значеніе настоящаго труда г. Иллюстрова заключается, во-первыхъ, въ объединеніи и группировкѣ многочисленной литературы о пословицахъ и поговоркахъ, и, во-вторыхъ, въ систематизаціи по новымъ категоріямъ огромнѣйшаго матеріала. Предпосылая сборнику пословицъ и поговорокъ въ собственномъ смыслѣ теоретическое введеніе, г. Иллюстровъ высказываетъ въ немъ общія соображенія о пословицахъ и поговоркахъ въ связи съ воззрѣніями народными и взглядами различныхъ писателей, касается вопроса о спеціальной литературѣ и приводитъ перечень источниковъ и пособій, откуда заимствовались имъ для настоящаго сборника пословицы и поговорки: великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія и инородческія,—здѣсь особенно важны указанія на матеріалы, помѣщавшіеся въ повременныхъ изданіяхъ.

Авторъ дѣлаетъ такое различіе между пословицей и поговоркой: „*пословица*, по его опредѣленію, *есть краткое въ складной формѣ иносказательное народное изреченіе, заключающее въ себѣ какую-либо истину*; напр., „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ"; „подойдетъ доходъ калашной—брюхо набивай; отойдетъ доходъ калашной—брюхо поднимай"; „подпись судейская, а совѣсть лакейская"; „по Сенькѣ и шапка, по горшку и крышка". Итакъ, пословица есть изреченіе *краткое*,—въ пословицѣ нѣтъ лишнихъ словъ, мысль выражена настолько сгущенно и сжато, что изъ пословицы, какъ изъ пѣсни, слова не выкинешь,—изреченіе *въ складной фармѣ*,—пословица большею частью состоитъ

изъ двухъ частей, отвѣчающихъ другъ другу риѳмой, складомъ;—въ этомъ отношеніи пословица носитъ на себѣ характеръ и поэтическаго произведенія;—изреченіе *иносказательное*, т.-е. пословицу можно понимать двояко: и въ прямомъ смыслѣ и въ смыслѣ переносномъ..." Поговорка очень близка къ пословицѣ, но имѣетъ и свои собственныя существенныя отличія: „поговорка—такъ опредѣляетъ ее г. Иллюстровъ—есть краткое въ простой формѣ народное изреченіе, выражающее истину: напр., „береги денежку на черный день"; „вѣкъ живи, вѣкъ учись"; „какъ снѣгъ на голову". Поговорка сходна съ пословицею въ томъ, что выражаетъ мысль сжато, кратко, иногда образно, но отличается отъ пословицы тѣмъ, что выражаетъ истину прямо, просто, такъ что поговорку трудно отличить отъ пословицы, когда у послѣдней вторая часть опущена. Подъ поговорками разумѣютъ и слова, часто употребляемыя въ разговорахъ безъ нужды, по одной привычкѣ; напр., „изволите видѣть" и т. п."

Что касается порядка размѣщенія пословицъ, то, вѣроятно, не всѣ согласятся съ почтеннымъ собирателемъ по вопросу объ ихъ распредѣленіи. Весь матеріалъ разбитъ г. Иллюстровымъ на слѣдующія группы: „о царѣ; о служилыхъ людяхъ; о сословіяхъ; о бракѣ, семьѣ и роднѣ; о правѣ собственности; о договорахъ; о благосостояніи и бѣдности; о преступленіяхъ и наказаніяхъ; о судѣ". Здѣсь принятъ, такимъ образомъ, *частный, юридическій* принципъ классификаціи, который естественно оказывается несоотвѣтственно-узкимъ для вмѣщенія въ себѣ всего многообразія понятій, выражающаго въ пословицахъ, такъ сказать, кристаллизованное народное самосознаніе. Схема родовыхъ опредѣленій по отношенію къ видамъ, какъ платье карлика на богатырѣ, не выдерживаетъ и трещитъ по всѣмъ швамъ. Вслѣдствіе этого въ рубрику „о царѣ" попали, напримѣръ, такія пословицы: „на что и законы писать, если ихъ не исполнять"; „что сторона, то и новизна"; „законъ назадъ не пишется"; „всякій молодецъ—на свой образецъ"; „чей хлѣбъ ѣшь, того и обычай тѣшь". Въ группѣ „о служилыхъ людяхъ": „сила законъ ломитъ"; „вѣдь воля царю—дать ино и псарю"; „бой красенъ мужествомъ, а пріятель дружествомъ". Мы взяли первые попавшіеся примѣры, чтобы показать, насколько искусственно подобное дѣленіе, разсѣивающее по разнымъ группамъ пословицы однородныя, но не имѣющія никакого отношенія къ идеямъ права даже въ широкомъ смыслѣ. Дѣленіе это неудобно еще и въ томъ отношеніи, что оно стираетъ тонкіе оттѣнки народной мысли, сказывающіеся при переходѣ значенія; въ книгѣ г. Иллюстрова подобнаго рода пословицы размѣщались по его усмотрѣнію, въ зависимости отъ принятыхъ группъ. Намъ кажется, что при наличности столь богатаго матеріала слѣдовало бы при классификаціи пословицъ взять

болѣе крупныя рамки, которыя охватывали бы по возможности всѣ стороны матеріальнаго и духовнаго быта. Къ пословицамъ отнесено не мало выраженій искусственныхъ, книжныхъ, даже четверостишій весьма неопредѣленнаго происхожденія; конечно, пословицы образуются и книжнымъ путемъ, но признаніе ихъ таковыми можетъ совершаться не прежде, чѣмъ онѣ войдутъ во всеобщее употребленіе. Въ этомъ отношеніи вообще слѣдовало бы поставить извѣстныя границы.

Указанные недостатки не мѣшаютъ видѣть въ большомъ трудѣ г. Иллюстрова явленіе въ высшей степени цѣнное и полезное. До извѣстной степени недостатокъ этотъ искупается обстоятельной обработкой въ видѣ четырехъ алфавитныхъ указателей: именного, этнографическаго, географическаго и предметнаго. За этими алфавитными указателями помѣщенъ указатель источниковъ, откуда пословицы и поговорки были заимствованы „Указанія эти,—по справедливому замѣчанію автора,—свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ существованіи той или другой пословицы и поговорки и даютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность опредѣлить, когда, гдѣ и кѣмъ записана изъ устной народной рѣчи та или другая пословица и поговорка".

IX.

— Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ 3-хъ частяхъ. Изданіе автора. Спб. 1904.

Русская исторія, представляющая столь много своеобразнаго пытливому взору художника и психолога, заключающая въ себѣ такое огромное количество самыхъ разнообразныхъ и смѣлыхъ противоположностей, еще очень мало подвергалась такого рода обработкѣ, въ которой воображеніе являлось бы послушнымъ орудіемъ строго аналитической мысли. Не говоря о классическихъ произведеніяхъ нашей художественной литературы, въ основу которыхъ полагались историческія темы, мы лишь въ сочиненіяхъ покойнаго Костомарова имѣемъ удачныя попытки представить прошлое въ живыхъ и яркихъ образахъ, въ которыхъ пылкій полетъ фантазіи не поглощалъ содержанія исторической правды.

Этотъ родъ творчества, безспорно, не изъ легкихъ. Писателю приходится много поработать надъ тѣмъ, чтобы проникнуться характеромъ и настроеніями отжившей эпохи и остаться на почвѣ объективнаго безпристрастія. Творческая изобрѣтательность должна быть постоянно сдерживаема критическимъ тактомъ,—и потому, можетъ быть, этотъ жанръ такъ сравнительно мало привлекаетъ къ себѣ художниковъ,

что, требуя очень много усиленной работы, онъ не кажется имъ въ достаточной степени благодарнымъ. Тѣмъ больше сочувствія вызываетъ къ себѣ попытка г. Льва Жданова представить въ „исторической хроникѣ" одну изъ интереснѣйшихъ личностей не только русской, но и всемірной исторіи, которую тщетно пытались объяснить и историки, и психологи, и художники, и даже врачи.

Не пытается объяснить Грознаго и г. Ждановъ, но рисуетъ его такъ, какъ этотъ царь изображается историческими памятниками—противорѣчивымъ и загадочнымъ: „Въ повѣсти моей,—говоритъ авторъ,—я попытался собрать все, что по древнимъ лѣтописямъ достовѣрно извѣстно объ этомъ государѣ,—и пересказалъ въ цѣльномъ видѣ, ни убавляя, ни прибавляя ничего существенно важнаго. Лишь кой-гдѣ, стараясь выяснить связь между событіями,—возсоздавалъ и рисовалъ я не существующія въ древнихъ лѣтописяхъ звенья и картины, какъ самъ ихъ видѣлъ въ своемъ воображеніи".

Живое изложеніе, умѣлый діалогъ, множество выраженій, взятыхъ изъ старинныхъ памятниковъ,—все это дѣлаетъ хронику г. Жданова произведеніемъ занимательнымъ и полнымъ историческаго интереса.
—Евг. Л.

X.

— Мелкая земская единица въ 1902—1903 г.г. Сборникъ статей, вып. II. Спб. 1903.

Когда появился первый выпускъ этого „Сборника", мы дали ему уже тогда оцѣнку, указавъ на общественное значеніе какъ книги, такъ и вопроса, въ ней трактуемаго. Мы подчеркивали то обстоятельство, что вопросъ о мелкой земской единицѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ наиболѣе общими проблемами русской дѣйствительности, и что обсужденіе, повидимому, спеціальнаго земскаго вопроса должно оказаться крайне плодотворнымъ для постановки кардинальныхъ вопросовъ управленія, такъ сильно занимающихъ общественное мнѣніе [1]). Повидимому, публика такъ и поняла значеніе этого сборника. Изданіе разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ, потребовалось второе, одновременно съ которымъ вышелъ и второй выпускъ „Сборника". Если первый выпускъ представляетъ больше всего матеріала для теоретическаго обоснованія вопроса и для ознакомленія съ однороднымъ типомъ общественной организаціи на Западѣ, то второй выпускъ носитъ болѣе спеціальный практическій характеръ. Общая часть второго выпуска ограничивается только статьею Гр. Шрейдера: „Мелкая земская единица

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1903 г., январь, „Литературное Обозрѣніе".

въ условіяхъ русской жизни“ [1]). Авторъ подробно обосновываетъ главныя черты проектируемой организаціи и, между прочимъ, выясняетъ политическо-воспитательное значеніе новаго органа самоуправленія. Исходя изъ положенія покойнаго А. Д. Градовскаго, что „понятіе самоуправленія есть понятіе прежде всего политическое и что оно является средствомъ не только лучшаго разрѣшенія извѣстныхъ задачъ управленія, но и преображенія общаго типа государства сообразно новымъ потребностямъ“, авторъ считаетъ крайне важнымъ внесеніе принципа всесословнаго самоуправленія въ видѣ земской единицы въ деревню, „рискующую въ противномъ случаѣ окончательно задохнуться въ непроглядной тьмѣ своего сословно-бюрократическаго строя“... „Съ введеніемъ мелкой земской единицы привлеченный къ тѣсному общенію съ другими классами населенія, получивъ возможность самодѣятельности въ сферѣ заботъ о мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ и интересахъ, поставленный неизбѣжнымъ ходомъ вещей въ необходимость вести борьбу за эти интересы, которая по самому существу можетъ облекаться только въ форму спора или борьбы за право, вынужденный, благодаря этому, задумываться надъ вопросомъ о тѣхъ болѣе широкихъ и общихъ условіяхъ, которыя бы гарантировали ему побѣду права, слѣдовательно, смотрѣть гораздо дальше непосредственныхъ интересовъ своей колокольни,—нашъ сельскій обыватель быстро выростетъ въ гражданина... Его печальное правовое положеніе этому не помѣшаетъ и помѣшать не можетъ. Наоборотъ, мы рѣшаемся думать, что именно мелкая земская единица неотвратимо, такъ сказать, роковымъ образомъ приведетъ къ скорѣйшему и лучшему удовлетворенію правовыхъ нуждъ деревни“. Это произойдетъ, по мнѣнію автора, въ силу сознанія массами того нагляднаго конкретнаго противорѣчія, которое неизбѣжно получится между полноправнымъ участіемъ крестьянства въ мелкой земской единицѣ, съ одной стороны, и полнѣйшимъ безправіемъ его съ другой.

Большую часть второго выпуска занимаетъ статья С. Блеклова: „Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ земскихъ комитетахъ о сельско-хозяйственной промышленности и общественныхъ собраніяхъ за 1902 г. и начало 1903 г.“. Работа г. Блеклова составляетъ какъ бы продолженіе статьи Бажаева, помѣщенной въ первомъ выпускѣ, и содержитъ весьма обильный матеріалъ, систематически разработанный и весьма удобный для ознакомленія съ положеніемъ вопроса въ земской средѣ. Собранныя г. Блекловымъ данныя касаются 200 земствъ (27 губернскихъ и 173 уѣздныхъ) и 150 комитетовъ

[1]) Статья эта въ первомъ изданіи „Сборника“ была напечатана въ значительно сокращенномъ видѣ.

(25 губернскихъ и 125 уѣздныхъ) и представляютъ сводъ мнѣній дѣятелей и органовъ самоуправленія по вопросу о новой организаціи, имѣющій большую практическую цѣнность. Въ первыхъ главахъ своего изслѣдованія г. Блекловъ дѣлаетъ общій обзоръ дѣятельности въ этомъ вопросѣ земствъ и комитетовъ. Большинство изъ нихъ высказывалось весьма сочувственно къ общимъ положеніямъ, установленнымъ московскимъ агрономическимъ съѣздомъ, и продолжало разработку ихъ въ томъ же направленіи. Подробные проекты выработали немногія земства (суджанское, щигровское и др.), и они легли въ основаніе подробнаго своднаго проекта организаціи мелкой земской единицы, составленнаго для сборника І. В. Гессеномъ и могущаго служить образцомъ при чисто практическихъ работахъ органовъ самоуправленія. Въ сборникѣ имѣется еще статья М. Ипполитова, содержащая въ себѣ сводъ мнѣній, высказанныхъ о мелкой земской единицѣ за разсматриваемый періодъ въ литературѣ. Здѣсь дана характеристика общихъ направленій, причемъ наиболѣе подробно представлены тѣ теченія, которыя слабо отражались въ земской средѣ. Таковы проекты и предположенія реакціонной печати по вопросу о приходѣ, какъ первой ячейкѣ мѣстнаго управленія. Ко второму выпуску „Сборника" приложенъ указъ сената о предѣлахъ компетенціи земства въ обсужденіи вопроса о мелкой земской единицѣ. Сенатъ, какъ извѣстно, рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, но для этого потребовался срокъ почти въ три года. Рязанскій губернаторъ пріостановилъ постановленіе губернскаго земства, поручавшее управѣ выработать соотвѣтствующее ходатайство объ устройствѣ мелкой единицы въ 1899 г.; тогда же была принесена жалоба въ сенатъ, указъ котораго въ смыслѣ благопріятномъ для земства послѣдовалъ въ августѣ 1903 года.

Считаемъ нужнымъ здѣсь же отмѣтить и появленіе второго изданія перваго выпуска, дополненнаго статьями Вл. Гессена о мелкой земской единицѣ въ Кахановской коммиссіи и проф. Сольнердаля объ устройствѣ низшихъ органовъ самоуправленія въ Норвегіи.—М. Г-анъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Апраксинъ, А. Д.—Тернистый путь. Ром. въ 2 ч. Посвящается братьямъ-писателямъ. Спб. 904. Ц. 2 р.

—— Кто успѣваетъ. Романъ. Посвящается современнымъ успѣвателямъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Барышниковъ, Н.—Нѣсколько цифръ о дѣятельности олонецкаго губернскаго земства за истекшее 30-лѣтіе (1867—1902 г.г.). Петрозав. 903.

Березовскій, В. В.—Дни и Ночи. Разсказы.

Берендтсъ, Э. Н., проф.—Лекціи по административному праву В. Кн. Финляндскаго, читан. въ Спб. Унив. въ 1901—902 учебн. году. Т. I и II. Главные органы въ Финляндіи. Спб. 903. Ц. 5 р. за два тома.

Бодри де Сонье, Л.—Автомобиль. Принципы его дѣйствія. Правила ухода и ремонта. Перев. и дополн. инж.-техн. Л. Идельсонъ. Спб. 901.

Бретъ-Гартъ.—Степной найденышъ. Перев. Б. Н. М. 902. Ц. 60 к.

Булыгинъ, П.—Повѣсти и очерки. Т. II. Ц. 1 р.

Бургеръ, А., вр.—Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. Спб. 904. Ц. 30 к.

Бялоблоцкій, И.—Правительственное посредничество при арендованіи крестьянами частновладѣльческихъ земель. Оренб. 903.

Бѣловъ, В. Д.—А. К. Алчевскій (1835—1901). Съ предислов. Л. Снегирева. М. 904.

Васильевскій, Н. П.—Санитарное положеніе г. Одессы и дѣятельность одесской врачебно-санитарной организаціи въ 1902 году. Од. 903.

Веберъ, В.—Шемахинское землетрясеніе 31 января 1902 г. Съ 2 табл. и картой. Спб. 903.

Воейкова, В. Н.—Воспоминанія. Спб. 903.

Волынскій, А. Л.—„Книга великаго гнѣва". Критическія статьи.—Замѣтки. —Полемика. Спб. 904. Ц. 3 р.

Волконскій, кн., Н. С.—Дѣятельность Д. Д. Дашкова по народному образованію въ рязанскомъ земствѣ и его Докладъ Рязан. Губ. Зем. Собранію за 1869—1876 г.г., съ приложеніемъ статьи Дашкова: „Дворянство и народъ". Ряз. 903.

Вольфсонъ, Д.—Сибирскія воскресныя школы. Томскъ. 903. Ц. 1 р.

Галина, Г.—Сказки. Спб. 904. Ц. 2 р. 25 к.

Гатлихъ, Ал. — Начатки геометріи. Составл. по Кэру (Kehr). М. 903. Ц. 75 к.

Герье, В.—Введеніе въ исторію революціи 1789 года. Идея народовластія и французская революція 1789 года. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Голиковъ, Влад.—Разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р.

Данько, Николай.—Типы студентовъ. Этюды. Вып. I. Спб. 904. Ц. 25 к.

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Характеристика Брайса. Спб. 904. Ц. 60 к.

——— Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX в. Характеристика Брайса. Лордъ Биконфильдъ. — Гладстонъ.—Парнель.—Гринъ.—Фримонъ.—Лордъ Актонъ. Спб. 904. Ц. 60 к.

Дигамма.—Зло всей прессы. Газетное ростовщичество, обираніе трудящейся бѣдноты и скрытое взяточничество. Спб. 904. Ц. 20 к.

Диль, Ш., проф. Сорбонны.—Очерки изъ культурной исторіи Византіи. Перев. и предисл. Г. Васькова. Харьк. 903.

Доленга, А.—Важнѣйшіе моменты въ исторіи мысли. М. 903. Ц. 4 р.

Дондуковъ-Корсаковъ, кн. А. М.—Изъ воспоминаній. Спб. 903.

Елистратовъ, А. И., и *Завадскій*, А. В.—Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній (опыты А. Бинэ и В. Штерна). Каз. 903.

Залѣсскій, В. Ф.—Исторія преподаванія философіи права въ Казан. университетѣ въ связи съ важнѣйшими данными внѣшней исторіи юридич. факультета. Каз. 903. Ц. 3 р.

Ивановъ, П.—Студенты въ Москвѣ. Бытъ.—Нравы—Типы. Очерки. Изд. 2-е, доп. М. 903. Ц. 1 р.

Игумновъ, С. К.—Школы Верейскаго уѣзда Московской губерніи въ санитарномъ отношеніи въ 1901 г. М. 902.

——— Школы Звенигородскаго уѣзда Москов. губ., въ санитарномъ отношеніи въ 1901—1903 г.г. Гжатскъ. 903.

Карцовъ, А. С.—Промышленное огородничество на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа. Съ 10 рис. Спб. 904. Ц. 30 к.

Клеменцъ, Н.—Грусть и Смѣхъ. Стихотворенія лирич., юмористич. и пр. 1901—1903. М. 904. Ц. 1 р. 20 к.

Ковалевскій, М. М.—Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. III. М. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И.—Собраніе сочиненій: Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. вторая: т.т. IV, V и VI. Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII ст. Изд. Литературнаго фонда. Спб. 904. Стр. 672. Цѣна 4 р.

Крижъ, В. О.—Церковно-славянская азбука. Матеріалъ для чтенія и заучиванія наизусть. М. 902. Ц. 8 к.

——— Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ. М. 904. Ц. 10 к.

——— Азбука для сельскихъ школъ, русская и ц.-славянская. М. 904. Цѣна 25 к.

Кузнецовъ, Н. И.—Систематическій сводъ указовъ Правит. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. II: 1899—1903 г.г. Ворон. 903.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Спб. 904. Ц. 40 к.

Лейкинъ, Н. А.—Апраксинцы. Сцены и очерки изъ быта и нравовъ петербургскихъ рыночныхъ торговцевъ и ихъ приказчиковъ полвѣка тому назадъ. Изд. 4-ое. Спб. 904. Ц. 60 к.

Лемке, Мих.—Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX-го столѣтія. Съ 19 портр. и 81 каррикатурой. Спб. 904. Ц. 3 р.

Луговой, А.—Безумная. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Львовъ, Вл.—Русская Лапландія и русскіе лопари. Географ. и этнограф. очеркъ. М. 903. Ц. 25 к.

Мейстеръ, А. К.—Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Описаніе листа К—8. Спб. 903.

Мижуевъ, П. Г.—Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. Спб. 903. Цѣна 25 к.

Мокржецкій, С. А.—Отчетъ о дѣятельности губернскаго земства за 1903 годъ. Симф. 903.

Морозевичъ, І.—О нѣкоторыхъ жильныхъ породахъ Таганрогскаго округа. Спб. 903.

Метерлинкъ, М.—Жуазель. Пьеса въ 5 д. Съ франц. М. Марикъ и В. Попова. М. 904. Ц. 60 к.

Озеровъ, И. Х., проф.—Изъ жизни труда. Сборникъ статей. Вып. 1: Статьи по рабочему вопросу. М. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Ончуковъ, Н. Е.—Новыя былины изъ записей на Печорѣ. Спб. 903.

Оппенгеймъ, А. Н.—О ежедневномъ вывозѣ кухонныхъ отбросовъ посредствомъ герметически закрывающихся баковъ, или въ особо устроенныхъ желѣзныхъ герметическихъ фургонахъ. Спб. 903.

——— Краткій очеркъ современнаго состоянія городского санитарнаго дѣла въ С.-Петербургѣ. Спб. 903.

Рапопортъ, С.—Дѣловая Англія. М. 903. Ц. 1 р.

Рабо, Ш.—Огненная земля. По Отто Норденшильду. Съ франц. Н. Н. Южакова, п. р. Д. А. Коропчевскаго. Съ 18 рис. и картою. Спб. 904.

Рёскинъ, Дж.—Законъ Фіезоло. Полный переводъ, п. р. Л. П. Никифорова. М. 904.

——— Орлиное гнѣздо. 10 лекцій объ отношеніи естествознанія къ искусству. Перев. Л. П. Никифорова. М. 904.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Съ 5 нѣм. изд. Б. Юргенсона, п. р. Ю. Энгеля. Вып. XV. М. 904. Подп. ц. 6 р.

Розегеръ, П.—Когда я былъ еще пастушкомъ. Съ нѣм. А. С. Фридеманъ, п. р. О. Н. Поповой. Спб. 904. Ц. 60 к.

Повалишинъ, А.—Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губерніи въ XIX столѣтіи. Изд. п. р. С. Яхонтова. Ряз. 903.

Погорѣлко, А. К.—Городское благоустройство. Докладъ Харьковской Городской Думѣ Городского Головы А. К. Погорѣлко, по поводу выставки въ Дрезденѣ. Вып. 1-й. Харьк. 903.

Пругавинъ, А. С.—Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. Вып. 1-й и 2-й. Спб. 904. Ц. 1 р.

Пуанкаре, Анри.—Наука и Гипотеза. Перев. съ франц. А. Бачинскаго, Н. Соловьева и Р. Соловьева. Съ портр. и предислов. проф. Н. Умова. М. 904.

Пѣшехоновъ, А. В.—На очередныя темы. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Семиговъ, Николай.—Новыя усовершенствованія въ области элементовъ Эвклида. Необходимыя присовокупленія ко всѣмъ учебникамъ начальной геометріи. Вып. I. М. 904. Ц. 35 к.

Сикорскій, И. А.—Опытъ объективнаго изслѣдованія состояній чувства. Съ 19-ью табл. Кіевъ. 903. Ц. 75 к.

Скворцовъ, Ир.—Первый Египетскій Медицинскій Конгрессъ и международныя санитарныя мѣры. Древній и новый Египетъ. Спб. 903.

Скальковскій, К.—Новая книга. Публицистика. Экономическіе вопросы. Путевыя впечатлѣнія. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Соболевъ, М. Н.—Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики и географіи Россіи, сравнительно съ иностранными государствами. 3-ье изд. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Соколовъ, Н. М.—Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 903. Цѣна 2 р.

——— Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 904. Ц. 2 р.

——— Русскіе святые и русская интеллигенція. Опытъ сравнительной характеристики. Спб. 904. Ц. 50 к.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ.—Собраніе сочиненій въ 8 томахъ. Т. VII: 1894—1897 г.г. Т. VIII: 1897—1900 г.г. Спб. 904. Ц. 12 руб., безъ пер.

Страховскій, Ив.—Крестьянскія права и учрежденія. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Струговщиковъ, М. А.—Фаустъ. Фантастическая трагедія Вольфганга Гёте, приноровленная для сцены. Въ 5 актахъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Стрѣльцовъ, П.—О высшемъ учебномъ заведеніи въ С.-Западномъ краѣ. Очеркъ. Витебскъ. 903. Ц. 30 к.

Сѣверцевъ, Г. Т. (Полиловъ).—Трудящіеся—Повѣсти. Спб. 903. Ц. 1 р.

——— Онѣ. Новеллы. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Тарле, Е. В.—Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Съ портретами. Спб. 903. Ц. 2 р.

Тезяковъ, Н. И., д-ръ. — Лечебно-продовольственные пункты на рынкахъ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Саратовской губерніи. Сарат. 903.

Толстой, Л. Н., гр. — Смерть Ивана Ильича. Съ 10 отдѣльн. рис. акад. Бурова. М. 904. Ц. 80 к.

Треплевъ. — Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ. М. 904. Ц. 30 к.

——— Молодое сознаніе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко. М. 904. Ц. 40 к.

Трубецкой, кн., Евг. — Философія Ницше. М. 904. Ц. 1 р. 20 к.

Турцевичъ, Ив. — Orbis in Urbe. Центры и общества земляковъ и иновѣрцевъ въ императорскомъ Римѣ I—III вѣковъ. Нѣж. 902.

Ульянинскій, Д. В. — Среди книгъ и ихъ друзей. Ч. I. Изъ воспоминаній и замѣтокъ Библіофила. Русскія книжныя росписи XVIII вѣка. М. 903.

Ф. Г. — Отбываніе евреями воинской повинности. Спб. 903.

Хомяковъ, М. М. — Къ вопросу о психологіи свидѣтеля. Каз. 903.

Худекова, Н. А. — Разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р.

Чулковъ, Г. — Кремнистый путь. М. 904. Ц. 1 р.

Шульце, Э., д-ръ. — Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни. Съ нѣм. Самуйленко, п. р. Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго. М. 903. Ц. 2 р.

Якимовъ, Вас. — Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Янжулъ, И. И. — Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

——— Екат. — Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. 2-е измѣн. и дополн. изданіе. Спб. 904. Ц. 2 р.

Эберсъ, Георгъ. — Человѣкъ бо есть, романъ. Съ нѣм. Д. И. Катлеръ. Спб. 904. Ц. 60 к.

Kostyleff, Nicolas. — Esquisse d'une évolution dans l'histoire de la Philosophie. Par. 903. 2 fr. 50 cent.

— Борьба съ жилищной нуждой. Спб. 903.

— Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Амер. Соедин. Штатахъ. Т. I: Предисловіе проф. Ю. Гамбарова; Австрія, П. Звѣздича; Англія, Д. Сатурина; Бельгія, Ю. Стоклова. П. р. Г. Смирнова. 16 портретовъ и 4 рис. Спб. 904. Въ 4-хъ том., по подп. 6 р. 50 к. съ дост.

— Извѣстія Восточнаго Института, п. р. Директора Института А. Позднѣева. Т. V, VI и VII. 1902—03 академическій годъ. Владив. 903.

— Литературно-художественный сборникъ. Стихотворенія студентовъ Имп. Спб. университета подъ ред. Б. В. Никольскаго, и рисунки академистовъ Имп. Академіи художествъ, подъ ред. И. Е. Рѣпина. Спб. 903. Стр. XXI+268. Цѣна 2 р.

— Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898 — 1900 г.г. Т. I: Поселенныя таблицы. Вып. I. М. 903.

— Отчетъ и программы городскихъ профессіональныхъ школъ и рукодѣльныхъ классовъ. М. 903.

— Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по составленію коллекціи тѣневыхъ картинъ за 1902 г. М. 903.

— Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

— Разъясненіе Харьковской Думѣ городского головы, по поводу нарека-

ній на городское управленіе, высказанныхъ въ Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Харьк. 903.

— Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ, съ 9 рис. Для школъ и домашняго чтенія. Спб. 904. Ц. 50 к.

— Серія сочиненій по всемірной географіи, проф. В. Сиверса. Африка, проф. Ф. Гана. Перев. съ 2-го изд. Д. А. Коропчевскаго. 200 иллюстр., 11 картъ и 21 хромолитографія, геліогравюры и черныя картины. 15 выпусковъ по 50 коп. Спб. 902—903.

— Сельско-хозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 1902 годъ. Ор. 903.

— Страховой Сборникъ Новгородскаго губернскаго земства. Новг. 904.

— Юбилейный Сборникъ врачей Имп. Кіев. Университета Св. Владиміра, выпуска 1878 года (1878—1903). Составл. п. р. Ѳ. Рындевскаго и И. Троицкаго. Кіевъ, 903.

ЗАМѢТКА.

По поводу выставки „Дѣтскій міръ“.

Задолго до открытія выставки „Дѣтскій міръ“ много уже говорили о ней. Вопросъ о воспитаніи и образованіи у насъ модный, или правильнѣе—наболѣвшій. Матери и отцы, учителя и наставники въ эту переходную эпоху, когда идетъ разработка и переработка самыхъ коренныхъ жизненныхъ основъ воспитанія и образованія будущаго поколѣнія человѣчества, съ нетерпѣніемъ ждали компетентнаго слова науки, которая должна была принести свои результаты съ разныхъ концовъ цивилизованнаго міра. Поэтому вполнѣ понятно то нетерпѣніе, съ которымъ кинулась масса публики въ залитыя электричествомъ залы Таврическаго дворца. Выставка по программѣ своей обѣщала дать много интереснаго, новаго, такъ называемыхъ „послѣднихъ словъ“ гигіены, школьнаго дѣла, наблюденій надъ соціальнымъ положеніемъ дѣтей и тому подобныхъ цѣнныхъ и интересныхъ нитей для созданія болѣе гармоничнаго существа, облеченнаго въ человѣческій образъ. Въ виду всего этого интересно взглянуть, какъ устроители такого серьезнаго дѣла, какъ выставка „Дѣтскій міръ“, выполнили свою задачу. Начнемъ съ помѣщенія. Не построенный для выставокъ, Таврическій дворецъ на своемъ вѣку видалъ лучшіе дни; несмотря на это, три главные зала и рядъ боковыхъ комнатъ уже не въ первый разъ прекрасно справились съ своей задачей и вмѣстили— хотя и не весь—громадный выставочный матеріалъ. Правда, мѣста на этотъ разъ не хватило для такихъ отдѣловъ, которые должны были быть представлены прежде всего и лучше всего на выставкѣ, носящей названіе „Дѣтскій міръ“. Такъ, петербургскія школы размѣстились въ холодной дощатой пристройкѣ, сооруженной въ видѣ временнаго балагана. Виновато въ этомъ управленіе г. Петербурга, медлившее со своимъ рѣшеніемъ до тѣхъ поръ, пока всѣ мѣста были проданы торговымъ фирмамъ и розданы различнымъ учрежденіямъ. Администрація выставки, преслѣдовавшая коммерческія цѣли (чистый сборъ поступитъ на благотворительныя учрежденія), была поставлена въ необходимость скорѣе распродать мѣста по высокой цѣнѣ; поэтому лучшія мѣста на выставкѣ,—напр., главный залъ—заняты не наукой, а отданы торговымъ фирмамъ. Въ результатѣ первое впечатлѣніе отъ

выставки—впечатлѣніе суматохи и базара. Изъ разныхъ концовъ главнаго зала несутся страстные романсы, издаваемые шипящимъ граммофономъ, шаблонные звуки піаноло и всевозможные другіе звуки, подходящіе для ярмарочно настроенной толпы. Было бы, впрочемъ, ошибочно судить о выставкѣ по первой, главной комнатѣ, занятой русскими экспонатами. Здѣсь не встрѣтите ни науки, ни искусства, а только Гостиный дворъ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Другой конецъ этого главнаго помѣщенія занятъ дѣтскимъ театромъ, хотя не всѣ развлеченія можно назвать дѣтскими. Дѣтская труппа справляется съ своей задачей хорошо, но безусловно непріятное впечатлѣніе производятъ исполняемые ею „характерные“ танцы: характеръ ихъ далеко не дѣтскій. Любимый дѣтьми „Петрушка“ не облагородился въ залахъ Таврическаго дворца. Исполненіе парижскаго гастролера, правда, хорошо, но сюжеты не далеко ушли отъ разыгрываемыхъ на Пасхѣ въ любомъ изъ нашихъ захолустныхъ городковъ на Мясныхъ, Щепныхъ или т. п. площадяхъ. Комнаты по бокамъ главнаго зала заняты съ одной стороны гигіеническимъ отдѣломъ, экспонируемымъ И. Военно-Медицинской Академіей (завѣдуетъ отдѣломъ проф. Гундобинъ), съ другой—историческимъ, книгоиздательскимъ (преимущественно дѣтскими книгами) и, наконецъ, учебнымъ. Гигіеническій отдѣлъ, въ которомъ помѣстились также и разныя лечебныя и лечебно-воспитательныя заведенія, поставленъ научно и производитъ хорошее впечатлѣніе,—однако, полноты и здѣсь не видно. Образцовыя грѣлки для недоносковъ, вакцинація, образцы люлекъ, зыбокъ, куколъ и дѣтскаго платья у разныхъ народовъ (этнографическая коллекція Военно-Медицинской Академіи), работы дѣтей изъ различныхъ санаторій для слабоумныхъ и т. п. дѣтей, парты, кроватки и другіе предметы, важные въ жизни всякаго ребенка, разставленные не въ строгомъ порядкѣ, производятъ пестрое впечатлѣніе. Добавимъ, что этнографическая коллекція, попавшая въ этотъ отдѣлъ повидимому случайно, могла бы съ бо̀льшимъ правомъ помѣститься въ общемъ этнографическомъ отдѣлѣ, имѣющемся на выставкѣ.

Интересны въ гигіеническомъ отдѣлѣ данныя о смертности дѣтей въ Россійской Имперіи. Въ зависимости отъ неполноты и запоздалости свѣдѣній переписи 1897 года—цифры смертности въ губерніяхъ Европейской Россіи очень гадательны. Общее число дѣтей принято условно въ $^1/_3$ всего населенія. Слишкомъ также общи указанія относительно причинъ этой смертности. Недоѣданіе и болѣзни—главныя указанныя причины; болѣе же глубокая причина—невѣжество массъ—не указана. При взглядѣ даже и на поверхностно-составленную карту становится очевиднымъ, что смертность понижается съ повышеніемъ культурнаго уровня населенія. Сто̀итъ сравнить смертность въ гу-

берніяхъ царства Польскаго со смертностью въ центральныхъ или, еще лучше, въ плодородныхъ приволжскихъ губерніяхъ (Самарской и Саратовской съ ихъ смертностью—за періодъ 1893—1896—почти въ 60°/o), чтобы почувствовать всю глубину и значеніе этихъ поучительнымъ цифръ. Еще назидательнѣе сравненіе сосѣднихъ губерній Эстляндской съ столичной Петербургской. Въ первой смертность немного превышаетъ 1/3 рождаемости, во второй она больше 40°/o. Этотъ факторъ, т.-е. народное невѣжество, слѣдовало подчеркнуть сильнѣе. Относительно смертности дѣтей въ крупныхъ центрахъ далъ свѣдѣнія только Петербургъ въ наскоро составленной таблицѣ. Такіе крупные центры, какъ Москва, Одесса, Варшава, не сообщили ничего, между тѣмъ какъ это могло бы пролить свѣтъ на общую постановку дѣла статистики, гигіены и т. п. въ нашихъ передовыхъ центрахъ культуры. Несмотря на это, отдѣлъ Военно-Медицинской Академіи, особенно гипсовые слѣпки и остеологическіе препараты искривленныхъ позвоночника и конечностей, поучителенъ и интересенъ для всякой матери.

Очень слабъ историческій отдѣлъ. Кромѣ портретовъ императоровъ и великихъ князей въ дѣтствѣ, вы найдете здѣсь нѣсколько куколъ, игрушекъ, относящихся ко второй половинѣ XIX ст., салазки, повозочки и т. п., выпускныя работы кадетъ, отъ которыхъ раньше требовалось изготовленіе изящныхъ бездѣлушекъ, развитіе кадетской формы, серебряныя бездѣлушки и питательные рожки совсѣмъ недавняго прошлаго. Этотъ отдѣлъ, несмотря на большой вкусъ и изящество въ расположеніи экспонатовъ, лишенъ всякой научности и по справедливости можетъ считаться наиболѣе слабымъ; „гвоздемъ" его слѣдуетъ признать игрушки Петра Великаго и деревяннаго коня Павла I. За историческимъ отдѣломъ тѣснится отдѣлъ книгоиздательскій. Снова торговля. Вездѣ вывѣски крупныхъ фирмъ: Марксъ, „Просвѣщеніе", „Книжное дѣло", Клюкинъ, „Просвѣщеніе" и т. д. Реклама царитъ. Подборъ книгъ интересенъ, но книги, приспособленной и написанной спеціально для выставки, къ сожалѣнію, здѣсь не имѣется. Для желающихъ пріобрѣсти здѣсь дѣтскія книги послѣднее недоступно. Это—большой недостатокъ въ организаціи отдѣла. На ваше желаніе купить ребенку книгу—отвѣчаютъ, что книги будутъ продаваться по закрытіи выставки. Сравнивая подобныя выставки съ заграничными, невольно вспомнишь, что тамъ всегда можно купить книги на выставкѣ, и въ короткое время, не выходя изъ помѣщенія выставки, составить себѣ на мѣстѣ превосходную библіотеку. На желаніе пріобрѣсти тотчасъ или хоть подписаться на новый атласъ Петри и Шокальскаго мы получили отвѣтъ, что необходимо итти на Морскую, въ контору „Нивы".

Несмотря на общеизвѣстную непriглядность нашего школьнаго дѣла всѣхъ вѣдомствъ, министерствъ и учрежденій, учебный отдѣлъ носитъ очень интересный характеръ. Учрежденія министерства народнаго просвѣщенія (профессіональныя школы), вѣдомство учрежденій императрицы Маріи (школы для глухонѣмыхъ и др.), церковно-приходскія школы—заполнили два помѣстительныхъ зала. Преподаваніе географіи и естествознанія, образцовая сельская библіотека отъ 1 до 100 рублей—съ симпатичнымъ, но неполнымъ подборомъ книгъ для учащаго и учащихся, и другіе экспонаты—дополняютъ картину этого отдѣла. Неумѣстно помѣстилась въ этомъ отдѣлѣ чешская фирма Фрича, изъ Праги, торгующая учебными пособіями по зоологіи. Въ этомъ же помѣщеніи выставлены и наглядныя таблицы по ботаникѣ, географическія карты и т. п.,—все экспонаты Швеціи. Американскій отдѣлъ—или вѣрнѣе рядъ несвязныхъ фотографій—не представляетъ вовсе интереса. Рядомъ съ учебнымъ отдѣломъ расположены рамки съ діапозитивами для волшебнаго фонаря. Работа и сюжеты шаблонны и не отличаются высокой техникой и тщательнымъ выборомъ. Хороши иллюстраціи къ сказкѣ „Золотая рыбка".—Остальные отдѣлы, предназначенные нарисовать картину жизни русскаго ребенка, еще менѣе удачны. Всѣ они помѣстились въ вышеупомянутой пристройкѣ. Издѣлія кустарей, работающихъ въ земскихъ школахъ московской губерніи, въ посадской школѣ при Троице-Сергіевой лаврѣ (игрушки и рѣзьба по дереву) помѣстились у входа.—Интереснѣе отдѣлы школъ г. Петербурга, хотя они и затиснуты въ такіе темные и тѣсные углы, что стоитъ большого труда, чтобы разобраться и оріентироваться въ этомъ хаосѣ. Почему-то въ этомъ отдѣлѣ счелъ долгомъ помѣститься какой-то портной съ офицерскимъ пальто. Отдавая должное швальному искусству 16-ти-лѣтняго ученика, сшившаго пальто на четвертомъ году своего обученія, мы считаемъ, что пальто этому не мѣсто въ отдѣлѣ школъ г. Петербурга.

Не далеко ушелъ отъ русскаго отдѣла по сбродности матеріала и французскій отдѣлъ. Неизмѣнные шоколадъ, духи—на первомъ мѣстѣ, и только въ слѣдующихъ витринахъ видишь дѣйствительно дѣтскія игрушки, дѣтскую мебель, дѣтскіе книги и учебники, и наконецъ,—фотографіи и таблицы, рисующія постановку больничнаго и воспитательнаго дѣла у нашихъ союзниковъ. Въ общемъ же этотъ отдѣлъ очень слабъ и бѣденъ и не даетъ должнаго понятія о странѣ съ такой высокой культурой, какъ Франція.—Къ нему тѣсно примыкаетъ голландскій, помѣщающійся въ оригинальной комнатѣ XVII ст. Обстановка комнаты очень богатая; выставлено все съ большимъ вкусомъ и производитъ пріятное, но слишкомъ изысканное впечатлѣніе. Болѣе интересенъ бельгійскій отдѣлъ, помѣстившійся въ совершенно незамѣт-

номъ углу. Несмотря на слабое освѣщеніе, произведенія школъ, таблицы пособія и т. д. даютъ хорошее понятіе о постановкѣ школьнаго дѣла въ Бельгіи. При выходѣ изъ этого отдѣла вы съ изумленіемъ останавливаетесь передъ какимъ-то господиномъ, который особенными шпильками дѣлаетъ папильотки на стеклянномъ болванѣ. Изъ разспросовъ узнаете, что это парикмахеръ изъ Берлина, который былъ уже и на костюмной выставкѣ, и которому очень понравилось въ Россіи, — поэтому онъ пріѣхалъ на „дѣтскую" выставку дѣлать дамскія прически. Поблагодаривъ обязательнаго господина за его любезныя разъясненія, вы направляетесь въ самый интересный отдѣлъ выставки—австрійскій.

Правительство Австріи не пожалѣло денегъ и силъ, и отдѣлъ ея — самый полный, цѣльный и художественный во всѣхъ отношеніяхъ. Начиная съ обстановки, которая сама по себѣ образецъ изящества и тонкаго вкуса, съ ея богатыми аллегорическими и жанровыми панò, альбомами, картинами и фотографіями, и кончая экспонатами, — здѣсь все заслуживаетъ вниманія и изученія. Постановка больничнаго дѣла (въ таблицахъ, фотографіяхъ, стереоскопахъ, моделяхъ, слѣпкахъ, въ инструментахъ для оспопрививанія и хирургическихъ цѣлей), воспитательное и школьное дѣло для всѣхъ возрастовъ, разныхъ соціальныхъ группъ, и природныхъ способностей ребенка на разныхъ ступеняхъ, начиная съ слабоумныхъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и кончая нормальнымъ ребенкомъ—являются главными основными чертами этого отдѣла. Вѣнскія учебныя пособія (зоологія, минералогія, физика, ботаника и т. п.), книги для разныхъ возрастовъ на всѣхъ главныхъ языкахъ многоязычной австрійской монархіи, атласы, рельефы суши, карты, знакомящія насъ съ тѣмъ, какъ въ Австріи понимаютъ такъ много нашумѣвшее у насъ „отечествовѣдѣніе", фотографіи для волшебнаго фонаря, сами фонари, фотографіи школъ и ихъ устройства, — все это выставлено интересно, научно и систематично. Дѣтскіе сады и пріюты дополняютъ общую пріятную картину. И въ этомъ отдѣлѣ есть промышленная часть: выставлены игрушки, наряды, рояли и другіе предметы. Интересна витрина историко-этнографическаго характера. Нельзя не отдать справедливости устроителямъ этого отдѣла,—они составили его очень полно, научно и интересно.

Зная, однако, Австрію, не хочется, вѣрить, что все это носитъ и на мѣстѣ такой же блестящій характеръ. Этотъ блескъ можетъ быть справедливъ по отношенію къ Вѣнѣ, но не къ остальной Австріи, раздираемой невѣжествомъ и національной враждою. Невольно при этомъ вспоминается случай дѣтоубійства два года тому назадъ въ

Галиціи. Родители, главнымъ образомъ мать, убили и съѣли, чтобы скрыть слѣды преступленія, свою семи-восьмилѣтнюю дочь!

Симпатичный и простой характеръ носитъ германскій отдѣлъ однако, въ сравненіи съ блестящимъ и полнымъ австрійскимъ, онъ очень бѣденъ, слишкомъ бѣденъ, если вспомнить ту громадную работу, которую совершаетъ нѣмецкая школа для своего народа. Нѣмцы на этотъ разъ поскупились. Въ отдѣлѣ есть превосходныя и поучительныя пособія, ученическія работы (керамическія, рисунки, игрушки) и т. п. Но гдѣ же, спросите вы, книжная Германія, разсылающая по всему земному шару милліоны дѣтскихъ книгъ; неужели это „Уранія", о которой такъ много можетъ сказать всякій, побывавшій въ Берлинѣ? Неужели эта группа добраго аиста и пара восковыхъ фигурокъ—изъ всего берлинскаго Kastan-Panopticum'а съ его тысячами фигуръ? Несмотря на серьезный характеръ всего выставленнаго, оно и здѣсь носитъ отпечатокъ случайности, но смотрится отдѣлъ все-таки съ интересомъ. Германскимъ отдѣломъ заканчиваются иностранныя государства. Направляясь къ выходу, вы проходите черезъ такъ называемый круглый залъ, въ центрѣ котораго возвышается массивная „образцовая комната". Послѣдняя состоитъ изъ четыреугольнаго дома, разбитаго перекрещивающимися перегородками на четыре комнаты. Въ первой представлена образцовая классная, освѣщенная разсѣяннымъ свѣтомъ, посылаемымъ 300 свѣчей. Свѣтъ пріятный, но расположеніе партъ не удобно, такъ какъ тѣнь отъ пера руки все время мѣшаетъ пишущему. Образцовая дѣтская и больница очень хороши, дѣтскій садъ Фребелевскаго общества интересенъ, хотя мы и не относимъ себя къ поклонникамъ этой воспитательной системы.

Противъ этого отдѣла по стѣнамъ размѣстился художественный отдѣлъ. Онъ состоитъ изъ дѣтскихъ портретовъ, головокъ и картинъ нашихъ художниковъ, съ сюжетами изъ дѣтской жизни. Мѣсто этого отдѣла, конечно, не здѣсь, да и вдобавокъ онъ очень мало типиченъ и плохо подобранъ. Этнографическій отдѣлъ очень невеликъ и притомъ разбросанъ. Онъ разбитъ по четыремъ угламъ, что̀ сильно портитъ цѣльность впечатлѣнія. Распадается онъ на двѣ части. Первый—ближе къ главному залу—въ 12-ти пано̀ и 16-ти дѣтскихъ фигурахъ изображаетъ рядъ основныхъ моментовъ дѣтской жизни. Различныя стадіи его, начиная съ кормленія матери и кончая вступленіемъ ребенка въ члены общества взрослыхъ, представлены у различныхъ народовъ. Тутъ же въ витринахъ выставлены игрушки и амулеты сѣверныхъ и экваторіальныхъ народовъ (сѣверно-сибирскихъ инородцевъ и центр.-африканскихъ племенъ). У самаго выхода стоятъ двѣ запыленныя витрины, въ которыхъ расположилась остальная часть этнографическихъ коллекцій—самыя примитивныя, затѣмъ болѣе сложныя механическія

игрушки и игры первобытныхъ и культурныхъ народовъ всѣхъ частей свѣта.

Модели и оригиналы люлекъ, носилокъ, стоянокъ, ходунокъ, дѣтское платье и другіе предметы дѣтскаго обихода заполняютъ остальныя части витрины; уголъ витрины занятъ моделями головъ, изуродованныхъ повязками и бинтами у разныхъ народовъ. Далѣе слѣдуетъ манекенъ, представляющій явленіе лопоухости у кавказскихъ племенъ, являющейся послѣдствіемъ ношенія тяжелой папахи. Въ этомъ же отдѣлѣ выставлены рожки, соски, жовки и трубочки для спусканія мочи изъ люлекъ. Другая витрина отведена для Россіи и славянскихъ племенъ Австріи (игры, игрушки, платья, люльки и т. п.). Вдоль боковъ витринъ и надъ ними стоятъ оригиналы люлекъ, ходунокъ и стоянокъ изъ разныхъ губерній Европейской Россіи, изъ Китая, Германіи, отъ сибирскихъ инородцевъ и изъ другихъ мѣстъ. Обозрѣніемъ этого отдѣла оканчивается осмотръ выставки.

Выставка больше обѣщала, чѣмъ дала. Тѣмъ не менѣе, громадное число посѣтителей, несмотря на нелестные отзывы нѣкоторой части печати, показываетъ, какъ велика въ обществѣ потребность поучиться и узнать, какъ учить и воспитывать ребенка. Родители и воспитатели жаждутъ указаній,—а ихъ на выставкѣ слишкомъ мало. Австрійскій и германскій отдѣлы даютъ, правда, много цѣнныхъ указаній, но русскій отдѣлъ очень бѣденъ ими, между тѣмъ какъ ему-то и слѣдовало стоять во главѣ, имѣя въ виду, что первой и главной цѣлью этой симпатичной затѣи было—служить дѣлу просвѣщенія и лучшей постановки нашей науки о ребенкѣ, затрогивающей области медицины и отдѣлы соціологіи и другихъ научныхъ дисциплинъ. Для достиженія подобнаго успѣха нужно было совершенно отказаться отъ промышленныхъ цѣлей, которыя, какъ всегда, стоятъ здѣсь на первомъ планѣ. Этотъ характеръ повредилъ и сильно уменьшилъ значеніе и цѣнность научнаго матеріала, разбросаннаго и не систематизированнаго. Самъ промышленный отдѣлъ, несмотря на изящество, также страдаетъ безъидейностью. Крайняя роскошь, доступная только очень достаточному городскому населенію, обращаетъ этотъ отдѣлъ въ какой-то великосвѣтскій базаръ. Проходя между его блестящими витринами, можно подумать, что на землѣ нѣтъ бѣдности, голода и холода, а одно только богатство, роскошь и вредный избытокъ всякихъ ненужныхъ вещей. Желая поучать, устроители должны были бы дать въ этомъ направленіи что-нибудь доступное и бѣдному ребенку. Слабо возвысилъ голосъ въ этомъ смыслѣ этнографическій отдѣлъ съ его тряпичными куклами, глиняными свистульками и разными забавами, дорогими маленькому сердечку бѣднаго ребенка нашей деревни,—но этотъ голосъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Показывая разныя „послѣд-

нія" слова техники, науки, искусства и т. д., слѣдовало также показать и отрицательныя стороны, необходимо было выяснить, почему одно хорошо, а другое плохо. Этими контрастами устроители достигли бы бòльшаго впечатлѣнія. Прибавимъ, что одинъ изъ такихъ контрастовъ, имѣющійся въ комнатѣ, гдѣ рядомъ съ таблицами дѣтской смертности поставлены образцовыя кроватки и т. п., уже оказалъ свое дѣйствіе. Таблица испугала зрителей.

Закончимъ пожеланіемъ, чтобы устроители будущей выставки „Дѣтскій міръ", научившись у нашихъ западныхъ сосѣдей, дали полную картину наблюденій надъ жизнью нашего русскаго ребенка. — Б. Ѳ. Адлеръ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Frank Wedekind. „Erdgeist". Drama (Leipzig, A. Langen Verlag).

Молодой нѣмецкій драматургъ, Франкъ Ведекиндъ, превосходитъ писателей натуралистической школы рѣзкостью своихъ изображеній мрачныхъ сторонъ жизни. Но при этомъ онъ не пессимистъ по своему міросозерцанію. Напротивъ того, онъ побѣждаетъ пессимизмъ исканіемъ высшихъ проявленій жизни—въ области чувствъ, инстинктовъ, мыслей и влеченій. Показать жизнь въ такихъ средоточіяхъ борющихся стихійныхъ силъ, чтобы зрѣлище ея вызвало содроганіе своимъ трагизмомъ, а разрушающій всѣ святыни хохотъ—своимъ цинизмомъ,—такова цѣль Ведекинда. Чтобы передать это свое впечатлѣніе отъ жизни, Ведекиндъ изображаетъ разрушительную силу инстинктовъ и страстей, извлекая изъ дѣйствительности все, что̀ въ ней есть дикаго и чудовищнаго—также какъ прекраснаго и безнадежно печальнаго. Животность и героизмъ, торжествующая дерзость и обреченная на жертву чистота, жгучая боль обиды, которую наноситъ жизнь довѣрившимся ей чистымъ натурамъ,—все это представлено Ведекиндомъ въ òбразахъ, разбивающихъ предѣлы реальной жизненной правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющихъ ничего общаго ни съ романтической идеализаціей страстей, ни съ Ницшеанскимъ сверхчеловѣчествомъ, прославляющимъ побѣдителей жизни. Свою правду, правду „юмориста, возносящагося надъ жизнью", какъ онъ самъ себя называетъ въ одной изъ своихъ пьесъ, Ведекиндъ воплощаетъ въ комедіяхъ и драмахъ, поражающихъ своей новизной. Все въ нихъ неожиданно—и фабула, и характеры дѣйствующихъ лицъ, и напряженность дѣйствія, и особенности діалога.

Ведекиндъ рисуетъ жизнь людей, живущихъ внѣ нормы, попирающихъ законы во имя яркаго проявленія всѣхъ силъ, таящихся въ человѣкѣ. Все это—„люди наслажденія" (Genussmenschen); но, разрушая все на своемъ пути, они видятъ зло во всей его обнаженности,—и кара ихъ—въ ихъ силѣ. Они не гибнутъ отъ надвигающагося на нихъ ужаса, а освобождаются отъ него хохотомъ и возвращаются къ жизни послѣ катастрофъ. Ведекиндъ вѣритъ въ торжествующую силу жизни, сказывающуюся и въ паденіяхъ, и въ примиреніи со зломъ.

Герои Ведекинда—люди съ темнымъ или трагическимъ прошлымъ, которые покоряютъ своей власти всѣхъ, кто къ нимъ приближается.

Ведекиндъ знаетъ жизнь со стороны неожиданностей и возможностей, которыя она представляетъ для людей съ обостренной жизненной силой, предпріимчивыхъ и презирающихъ все условное. Онъ еще молодъ; въ литературѣ онъ выступилъ всего лѣтъ пять-шесть тому назадъ, но жизнь его съ внѣшней стороны была очень пестрой. Онъ—уроженецъ нѣмецкой Швейцаріи, юность провелъ въ Америкѣ, потомъ, вернувшись въ Германію, въ Мюнхенъ, былъ актеромъ, выступалъ на сценѣ и въ такъ называемыхъ „Ueber-Brettl", причемъ тонкая иронія его пѣсенъ была совершенно недоступна публикѣ, и успѣха онъ не имѣлъ. Онъ разсказывалъ въ своихъ пѣсняхъ трагическія событія или, вѣрнѣе, завершенныя драмы жизни безпечнымъ тономъ ребенка, который видитъ во всемъ только интересное зрѣлище, и не вникаетъ въ трагическій смыслъ происходящаго на его глазахъ. Но онъ такъ искусно бралъ этотъ тонъ, соотвѣтствующій трагическому юмору всѣхъ его произведеній, что слушатели усматривали въ его стихахъ только желаніе произвести комическій эффектъ. Это непониманіе скрытаго трагизма, который часто кажется людямъ только смѣшнымъ, послужило Ведекинду мотивомъ для одной изъ его мучительныхъ трагикомедій—„Такова жизнь". Своимъ юморомъ Ведекиндъ пользуется не только въ литературѣ, но и въ жизни, находчиво выпутываясь изъ разныхъ трудностей и опасностей. Такъ, напримѣръ, будучи обвиненъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ „оскорбленіи величества", онъ очень ловко спасся отъ преслѣдованія. Его пришли арестовать въ театръ, во время представленія, въ которомъ онъ участвовалъ. Онъ попросилъ позволенія доиграть свою роль, и это ему разрѣшили, причемъ полиція заняла всѣ выходы. Но, послѣ окончанія спектакля, Ведекиндъ прошелъ въ уборную, загримировался директоромъ и спокойно вышелъ изъ театра на глазахъ у полиціи. Онъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ въ Швейцарію, гдѣ жилъ, пока не былъ помилованъ. Этотъ и подобные случаи характерны для Ведекинда, который и въ герояхъ своихъ драмъ рисуетъ людей, умѣющихъ обращать въ свою пользу всѣ обстоятельства жизни.

Герои и героини Ведекинда становятся для окружающихъ стихійной, разрушительной силой и вызываютъ къ жизни все, что въ душахъ есть наиболѣе страстнаго, наиболѣе порочнаго, а также беззавѣтно нѣжнаго и героическаго; ихъ значеніе—въ томъ, что они поднимаютъ тонъ жизни, нарушаютъ сѣрую безмятежность. Подъ ихъ вліяніемъ всѣ проявляютъ свою природу—рычатъ по звѣриному, если они звѣри, безропотно и нѣжно страдаютъ и умираютъ, если души ихъ прекрасны. Сами эти люди, будящіе жизнь вокругъ себя, представлены у Ведекинда выходящими изъ рамокъ дѣйствительности, символичными въ напряженности свѣтлыхъ и темныхъ силъ. Въ нихъ

неизвѣстно, гдѣ кончается ангелъ и гдѣ начинается дьяволъ,—какъ сказано въ одной изъ драмъ про героиню. Въ нихъ доведено до крайнихъ предѣловъ то, чѣмъ въ большей или меньшей мѣрѣ надѣлены всѣ люди. Типъ стихійнаго человѣка, созданія на границѣ между ангельскимъ и дьявольскимъ, быть можетъ жаждущаго добра, но несомнѣнно творящаго зло, стоитъ въ центрѣ лучшихъ произведеній Ведекинда. Онъ даетъ три воплощенія его—въ образѣ порочной женщины, манящей всѣхъ своей способностью безконечно мѣняться въ угоду тѣмъ, кого она завлекаетъ въ свои губительныя сѣти (драма „Духъ земли"); затѣмъ — въ образѣ авантюриста, проповѣдующаго „культъ наслажденія" на погибель и чистымъ, и падшимъ душамъ (драма „Маркизъ фонъ-Кейтъ"), и, наконецъ, въ трагическомъ образѣ юноши шестнадцати лѣтъ съ высоко настроенной душой и проснувшейся жаждой земныхъ радостей („Пробужденіе весны"—дѣтская трагедія).

Наиболѣе близка къ землѣ героиня первой изъ трехъ драмъ—Лулу. По внѣшнему облику это—обыкновенная порочная женщина, которая остается тѣмъ, чѣмъ она была въ юности,—„продавщицей цвѣтовъ и любви" на бульварахъ,—и во время всѣхъ дальнѣйшихъ метаморфозъ ея жизни. Но этотъ типъ углубленъ авторомъ. Лулу—стихія порочности, засасывающая сила, которая влечетъ въ бездну всѣхъ, кто къ ней приближается. У нея нѣтъ ясно выраженной индивидуальности; она такова, какой ее хотятъ видѣть ея обладатели—они же и ея жертвы. Никто не знаетъ, что̀ она такое, и всякій перевоплощаетъ ее въ новый образъ, даже даетъ ей новое имя. Она покорна каждому новому повелителю, исполняетъ то, что̀ отъ нея требуютъ, потому что ей все равно, чѣмъ бы ни казаться,—ея сила равна себѣ подъ всѣми масками, и тѣмъ болѣе разрушительна, чѣмъ неожиданнѣе она проявляется. Ее знаетъ и понимаетъ только одинъ человѣкъ—тотъ, который подобралъ ее на улицѣ и захотѣлъ побѣдить таящуюся въ ней чувственность и жестокость, дать восторжествовать свѣтлой силѣ, потому что онъ знаетъ, что въ ней сплетается „ангельское съ дьявольскимъ". Но именно противъ этого спасителя и врага ополчается „духъ земли", составляющій силу Лулу. Пригрѣтая журналистомъ Шеномъ, помѣщенная имъ въ упорядоченную нормальную обстановку, Лулу сразу вступаетъ въ борьбу съ нимъ. Ей кажется, что она любитъ уже очень немолодого Шена, отца подростающаго сына,—на самомъ же дѣлѣ въ ней возстаетъ темная сила противъ чужой воли, влекущей ее къ свѣту. Шенъ сначала поддается соблазнамъ Лулу. Овдовѣвъ, онъ не женится на Лулу и, чтобы оборвать мучительную для него связь съ нею, выдаетъ ее замужъ за богатаго старика-профессора. Это—первая метаморфоза Лулу изъ уличной продав-

щицы въ даму изъ общества. Для своего мужа она становится тѣмъ, что онъ хочетъ видѣть въ ней. Ея настоящее имя забыто. Она—безотвѣтная Нелли, исполняющая капризы своего стараго мужа. Онъ держитъ ее взаперти, заставляетъ ее танцовать для своего развлеченія и не отпускаетъ ее отъ себя никуда. Она его боится, потому что онъ ее бьетъ, но слушается его, мстя ему тайными измѣнами; связь ея съ Шеномъ продолжается, хотя онъ всячески старается освободиться отъ своего влеченія къ Лулу и собирается жениться на любящей его чистой дѣвушкѣ. Старикъ-мужъ—жертва своей страсти къ прекрасному „духу земли". Онъ приводитъ Нелли къ художнику, которому заказалъ ея портретъ, присутствуетъ всегда на сеансахъ; но разъ онъ отлучается на короткое время, чтобы пойти на репетицію балета—танцы и танцовщицы—единственное развлеченіе старика—и, возвращаясь, застаетъ свою жену въ объятіяхъ художника, который казался ему чудакомъ, равнодушнымъ къ радостямъ жизни. Старикъ не выдерживаетъ охватившаго его бѣшенства и умираетъ отъ удара тутъ же, въ мастерской. Лулу чувствуетъ только физическій страхъ передъ мертвецомъ, боится закрыть ему сама глаза, и заставляетъ художника сдѣлать это за нее. Затѣмъ она продолжаетъ завлекать художника въ свои сѣти, и въ слѣдующемъ актѣ она уже жена художника Шварца. Онъ видитъ въ ней нѣчто совершенно другое, чѣмъ порочный старикъ. Она для него—чистая Ева, еще никогда не любившая до того, какъ онъ ее встрѣтилъ, и онъ считаетъ, что отнынѣ задача его жизни—заботиться о счастіи изстрадавшейся въ своемъ печальномъ первомъ бракѣ молодой, еще не жившей женщины. Ему она принесла счастье. Изъ никому невѣдомаго голодающаго художника онъ становится знаменитостью, заваленъ заказами, живетъ въ роскоши, благодаря огромному наслѣдству Лулу отъ перваго мужа, и главное, счастливъ любовью своей Евы, въ чистоту которой онъ безгранично вѣритъ. Она покорна и второму мужу,—„откликается", какъ сама говоритъ, разсказывая о своей жизни, на имя Евы, рада, что ей уже не нужно танцовать, какъ при жизни старика-профессора; теперь ея сытая, праздная и посвященная только чувственности жизнь стала, по ея же выраженію, жизнью животнаго—„очень красиваго", какъ прибавляетъ ея собесѣдникъ. Но жить въ атмосферѣ этого „прекраснаго животнаго"—пагубно, и второй мужъ Лулу становится ея жертвой, какъ и первый. Жизнь его загорѣлась и обострилась на минуту съ тѣмъ, чтобы оборваться уродливымъ кошмаромъ. Лулу окружила своего второго мужа сѣтью обмана. Ея связь съ Шеномъ продолжается, и всѣ ея старанія направлены на то, чтобы заставить его отказаться отъ своей невѣсты. Чтобы оградить себя отъ Лулу, Шенъ раскрываетъ глаза ея мужу, говоритъ ему о прошломъ Лулу, о которомъ

тотъ не имѣлъ понятія, совѣтуетъ ему охранять свое семейное счастье и слѣдить за женой, чтобы предупредить дальнѣйшую грязь. Художникъ узнаетъ изъ его словъ, что все, въ чемъ его увѣряла Ева—ложь,—узнаетъ о связи съ Шеномъ, и его совершенно не можетъ утѣшить сознаніе, что онъ все-таки испыталъ счастье, пока былъ въ невѣдѣніи. Онъ убѣгаетъ къ себѣ въ мастерскую, запирается тамъ, и когда встревоженные Лулу и Шенъ взламываютъ дверь, они видятъ трупъ художника, который перерѣзалъ себѣ горло бритвой.

Гибель своей второй жертвы Лулу принимаетъ такъ же невозмутимо, какъ и смерть перваго мужа. Она занята только стремленіемъ покорить Шена, который привлекаетъ ее своей нравственной силой. Лулу становится танцовщицей, и участвуетъ въ балетѣ, написанномъ сыномъ Шена. Она имѣетъ огромный успѣхъ, но ей становится дурно на сценѣ, потому что она видитъ въ одной изъ ложъ Шена, рядомъ съ его невѣстой. Онъ приходитъ къ ней въ уборную, и тутъ завершается ея побѣда надъ нимъ. Лулу убѣждаетъ Шена, что онъ не въ силахъ разстаться съ нею,—и онъ пишетъ подъ ея диктовку письмо невѣстѣ, отказываясь отъ нея. Въ послѣднемъ актѣ Лулу — или Миньона, какъ ее называетъ Шенъ—уже его жена. Но, достигнувъ своей цѣли, она обманываетъ и Шена, превращая его домъ въ притонъ невообразимаго разгула. Пользуясь его дѣловыми отлучками, она окружаетъ себя обществомъ проходимцевъ. Ее влечетъ къ грязи, къ темнымъ людямъ, къ разгулу. Своимъ паденіемъ она мститъ Шену за власть, которую онъ имѣлъ надъ нею, и, чтобы еще циничнѣе надругаться надъ нимъ, завлекаетъ его сына. Шенъ возвращается домой ранѣе чѣмъ его ожидали, и видитъ во-очію весь ужасъ разнузданности Лулу. Онъ присутствуетъ при томъ, какъ она соблазняетъ его сына, и видитъ цѣлый рядъ другихъ людей, спрятанныхъ за портьерами и дверьми. Онъ прогоняетъ друзей Лулу выстрѣломъ изъ револьвера и, оставшись съ нею наединѣ, полонъ только желанія отомстить за свой позоръ. Онъ цѣлится въ нее, говоря, что нужно очистить міръ отъ ея козней. Но Лулу выхватываетъ у мужа револьверъ и сама застрѣливаетъ его. Драма заканчивается на томъ, какъ Лулу умоляетъ сына Шена не выдавать ее правосудію, и обѣщаетъ ему за это вѣрно любить его.

Накопленіе ужасовъ и грязи вокругъ Лулу представлено въ чрезвычайно смѣлыхъ раккурсахъ. Порокъ, паденія, обманъ и смертоносное жало измѣны представлены въ захватывающемъ, страстномъ тонѣ. Натуралисты обличили мелкую игру человѣческихъ инстинктовъ и аппетитовъ—отчасти съ цѣлью воздѣйствовать на нравы. Ведекиндъ же возсоздаетъ ужасъ животности въ смѣлыхъ обобщающихъ карти-

нахъ, которыя напоминаютъ синтетическіе пейзажи Бёклина, то чудовищные, то отвлеченно прекрасные, но всегда передающіе вѣчную правду природы, скрытую за мѣняющимися, преходящими формами. Ужасъ „торжествующаго духа земли" проникаетъ всю драму Ведекинда, выражаясь въ его хохотѣ надъ всѣми жертвами Лулу — надъ ученымъ профессоромъ съ его страстью къ танцовщицамъ; надъ чистымъ художникомъ, который наивно, стихійно отдается власти порока и погибаетъ жертвой обмана и уродства; надъ Шеномъ, который знаетъ, что̀ такое Лулу, борется противъ нея и все-таки сознательно поддается уродству, губящему его,—надъ всѣми другими жертвами и товарищами Лулу, то наивными, то родственными ей по натурѣ. Всѣ жертвы Лулу гибнутъ, а она одна, ведущая всѣхъ въ бездну, „неистребима" (unverwürstlich); какъ духъ зла, она пользуется всѣми лазейками, самыми позорными и низменными, чтобы спасти себя и свое вліяніе въ грядущемъ,—ибо ничего слишкомъ низменнаго нѣтъ для трагическаго торжества животности.

Драма „Духъ земли" отличается новизной и смѣлостью сценическихъ пріемовъ. Ведекиндъ отлично знаетъ сцену и умѣетъ держать слушателей въ постоянномъ напряженіи. Сцена—искусство раккурсовъ, и психологическій анализъ замѣняется на ней характерностью отдѣльныхъ моментовъ дѣйствія. Этимъ искусствомъ Ведекиндъ владѣетъ, какъ очень немногіе изъ современныхъ драматурговъ. Драма „Духъ земли" состоитъ почти сплошь изъ катастрофъ; дѣйствующія лица появляются лишь на короткое время передъ зрителемъ, но въ одной, двухъ сценахъ такъ полно выражаютъ себя, что ихъ судьба и ихъ гибель выясняются и освѣщаютъ основную мысль драмы съ неопровержимой убѣдительностью. Это достигается Ведекиндомъ, помимо смѣлой композиціи, особенностью діалога драмы. Въ ней нѣтъ репликъ, такъ часто тормазящихъ и обезцвѣчивающихъ дѣйствіе. Каждый говоритъ свое, какъ это бываетъ въ жизни, почти не отвѣчая на обращенныя къ нему слова, и это усиливаетъ выразительность и напряженность происходящаго на сценѣ. Вотъ, напримѣръ, интересный образчикъ діалога Ведекинда въ сценѣ, гдѣ Шенъ убѣждаетъ художника Шварца слѣдить за поведеніемъ жены и охранять свое семейное счастье: „*Шенъ*.—Сосчитай по пальцамъ все, чѣмъ ты ей обязанъ, и тогда... *Шварцъ*.—Что̀ она дѣлаетъ, говори! *Шенъ*.—И тогда припиши себѣ самому отвѣтственность за свои ошибки—себѣ, и никому другому. *Шварцъ*.—Съ кѣмъ, съ кѣмъ? *Шенъ*.—Если ты хочешь, чтобы мы стрѣлялись... *Шварцъ*.—Съ которыхъ поръ? *Шенъ*.—Я пришелъ къ тебѣ не для того, чтобы учинить скандалъ; я хочу тебя спасти отъ скандала".

Такимъ нервнымъ сжатымъ діалогомъ написана вся драма, на-

строеніе которой наростаетъ съ каждымъ актомъ, соединяя паѳосъ съ цинизмомъ. Благодаря силѣ раккурсовъ и своей оригинальной импрессіонистской манерѣ, Ведекиндъ съумѣлъ изобразить въ четырехъ актахъ драмы судьбу множества людей, появляющихся на минуту, чтобы проявить свою сущность и какъ бы провалиться въ адъ на глазахъ у зрителя. Онъ изобразилъ кошмарность жизни, управляемой животной силой въ видѣ фантасмагоріи, въ которой, однако, все послѣдовательно и правдиво.

Въ центрѣ второй драмы, „Маркизъ фонъ-Кейтъ", стоитъ тоже „неистребимый" соблазнитель; къ нему всѣ льнутъ, и онъ будитъ во всѣхъ жажду наслажденій, заставляя этимъ каждаго проявить всѣ свои стихійныя силы, добрыя и злыя, и познать всю остроту жизни. Онъ авантюристъ темнаго происхожденія, жилъ долго въ Южной Америкѣ, гдѣ его чуть не сдѣлали президентомъ какой-то республики, и чуть не убили,—и вернулся въ Европу, въ Мюнхенъ, гдѣ живетъ подъ именемъ маркиза фонъ-Кейта и вноситъ въ жизнь города, въ среду художниковъ, учащейся молодежи, а затѣмъ и мирныхъ буржуа, духъ предпріимчивости и безшабашности; онъ создаетъ вокругъ себя вакхическую атмосферу, въ которой гибнетъ всякое сознаніе отвѣтственности за поступки, въ которой жизнь всякаго горитъ ярче и быстрѣе, завершаясь сообразно его стихійности—или трагически, или торжествомъ, или мелкимъ компромиссомъ, но во всякомъ случаѣ такъ, чтобы чувствовалась вся полнота жизни.

„Если бы я умеръ, не живя, я бы бродилъ тѣнью на землѣ послѣ смерти", говоритъ Кейтъ,—или въ другомъ мѣстѣ: „если я случайно родился нищимъ, то это не можетъ помѣшать мнѣ считать высочайшее наслажденіе жизнью своимъ законнымъ наслѣдіемъ". Борьба за это наслѣдіе руководитъ всѣми дѣйствіями Кейта. Онъ считаетъ себя духовно свободнымъ, и тѣмъ самымъ готовымъ къ наслажденію жизнью. Онъ не стѣсняется обязательствами относительно другихъ, губитъ людей, привязанныхъ къ нему, съ единственной цѣлью разбить рамки будничности и чувствовать остроту жизни. „Мое дарованіе ограничивается только тѣмъ, что я не могу дышать въ атмосферѣ буржуазности", говоритъ онъ. Его называютъ чудовищно-безсовѣстнымъ человѣкомъ, потому что онъ пренебрегаетъ зломъ, которое причиняетъ людямъ; но его оправданіе—въ томъ, что онъ беззавѣтно вѣритъ въ жизнь, вѣритъ, что всѣ усилія и жертвы вознаграждаются на землѣ, что счастіе и несчастіе одинаково поднимаютъ инстинктъ жизни: „Несчастіе можетъ случиться и съ осломъ: все дѣло въ томъ, чтобы умѣть использовать его", говоритъ онъ. Духовно свободный, ничѣмъ не стѣсненный, онъ идетъ своимъ путемъ для достиженія своей цѣли. Ему нужна только матеріальная свобода, и поэтому онъ

пользуется людьми и своимъ обаяніемъ на нихъ для своихъ широкихъ практическихъ цѣлей: „Мнѣ нуженъ домъ съ безконечно высокими покоями, съ паркомъ и широкой лѣстницей, и необходимо также, чтобы были нищіе, толпящіеся у порога“,—этими словами онъ образно характеризуетъ свой идеалъ жизни. Онъ задумываетъ широкое предпріятіе, всегда надѣясь на успѣхъ и въ то же время готовый къ пораженію, потому что, въ сущности, нѣтъ и не можетъ быть завершеній, и не въ успокоеніи дается то острое наслажденіе жизнью, которое онъ проповѣдуетъ, а въ самой борьбѣ, напрягающей всѣ силы. Маркизъ фонъ-Кейтъ улавливаетъ въ свои сѣти множество людей, обманываетъ другихъ—и не выходитъ побѣдителемъ. „Тупые буржуа“, которыхъ онъ хотѣлъ провести, на самомъ дѣлѣ его же эксплоатируютъ и, пользуясь его идеей, устраняютъ его отъ созданнаго имъ предпріятія. Въ концѣ драмы онъ снова нищій, лишенный всякой опоры, утратившій любимую женщину отщепенецъ, — но онъ неистребимъ. Въ первую минуту отчаянія онъ хочетъ застрѣлиться, затѣмъ бросаетъ револьверъ, беретъ деньги, которыя ему даютъ, съ тѣмъ, чтобы онъ навсегда уѣхалъ изъ Мюнхена, — и снова готовъ жить, бороться и проповѣдывать культъ наслажденія. И этотъ мелкій компромиссъ съ обстоятельствами тоже знаменуетъ власть инстинкта жизни.

Сила маркиза Кейта—то возбуждающее вліяніе, которое онъ оказываетъ на всѣхъ. „Я даю людямъ случай проявить свои силы. Кто не въ состояніи оправдать себя въ жизни, пусть гибнетъ“,—говоритъ онъ, отказывая въ сочувствіи одному изъ разочаровавшихъ его „молодыхъ талантовъ“. Вокругъ него жизнеспособные торжествуютъ, благородные проявляютъ до конца высоту своего духа, трагическія натуры совершаютъ свое назначеніе,—и онъ также содѣйствуетъ ихъ гибели, какъ и торжеству практичныхъ и сильныхъ людей. Женщина, которую онъ любитъ, и которую онъ возвышаетъ изъ грязи, блестяще устроиваетъ свою судьбу, и, болѣе сильная, чѣмъ онъ, цѣльностью своей стихійной низменной натуры, покидаетъ его, когда счастье измѣняетъ ему; вѣрная его ученію, она думаетъ только о томъ, чтобы устроить свою жизнь. Другая женщина, которая любитъ его, тоже полностью проявляетъ подъ его вліяніемъ трагизмъ своей натуры и кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Человѣкъ, котораго онъ хотѣлъ излечить отъ чувства долга, враждебнаго инстинкту жизни, поддается его вліянію, узнаетъ радость духовной свободы, забываетъ о своихъ душевныхъ мукахъ въ вакхической атмосферѣ вокругъ маркиза Кейта, —но только для того, чтобы тѣмъ сильнѣе отразить правду своей души и покончить разсчеты съ жизнью спокойно и сильно. Все дѣло въ томъ, чтобы каждый ощутилъ до дна полноту жизни, потому что

только тогда онъ будетъ вѣренъ себѣ и, не подчиняясь общимъ принципамъ добра и справедливости, исполнитъ высшій законъ индивидуальной правды. Драма „Маркизъ фонъ-Кейтъ“ болѣе трагична, чѣмъ „Духъ земли“. Въ ней обличено мнимое благородство, которое часто сводится къ пошлой и трусливой буржуазности, и есть также пониманіе истинной высоты духа, проявляющейся тогда, когда душа наиболѣе сильно чувствуетъ себя связанной съ землей и ея радостями.

Очень смѣло задумана еще одна драма Ведекинда—его „дѣтская трагедія“—„Пробужденіе весны“. Это—злая сатира на современное воспитаніе дѣтей въ Германіи. Въ драмѣ выведены родители добрые и злые, а также педагоги, которые омрачаютъ „весну жизни“ во имя отвлеченнаго долга, передъ которымъ не можетъ смириться молодая душа, искажаютъ естественное развитіе жизненныхъ силъ, физическихъ и духовныхъ, мертвящими педагогическими принципами и пріемами. Дѣйствующія лица драмы — подростки, мальчики и дѣвочки, которыхъ условія домашняго и школьнаго воспитанія лишаютъ „весны чувствъ“. Мальчики поглощены школьными работами, экзаменами, соревнованіемъ—между тѣмъ какъ ихъ тянетъ къ природѣ и волнуютъ мысли о невѣдомыхъ, запретныхъ откровеніяхъ жизни. Всѣ эти полу-дѣти, полу-взрослые, ждутъ чего-то, что̀ разрѣшило бы охватившую ихъ тревогу—и мучительное состояніе ихъ душъ ведетъ къ трагическому исходу, вслѣдствіе искусственности ихъ жизненной обстановки. Въ центрѣ „дѣтской трагедіи“ стоитъ, какъ и въ двухъ прежнихъ драмахъ, „сильнѣйшій“, т.-е. человѣкъ, который выясняетъ все скрытое и несознанное въ другихъ, который своимъ вліяніемъ доводитъ до конечнаго напряженія всѣ чувства и влеченія. Эту роль играетъ въ „Пробужденіи весны“ юноша Мельхіоръ. Онъ сильнѣе и выше всѣхъ своихъ сверстниковъ, и они льнутъ къ нему, ожидая отъ него отвѣтовъ на свои мучительныя недоумѣнія. Онъ же, желая имъ помочь, становится виновникомъ трагическихъ событій. Онъ виновенъ въ паденіи и смерти своей маленькой четырнадцатилѣтней подруги, онъ обострилъ душевную борьбу своего товарища, который лишаетъ себя жизни. Онъ самъ сознаетъ свою вину передъ дѣвочкой, очутившись неожиданно передъ ея могилой, и хочетъ лишить себя жизни,—но онъ „неистребимъ“, какъ всѣ соблазнители въ драмахъ Ведекинда, и идетъ на компромиссъ съ жизнью. Онъ долженъ жить, несмотря на количество своихъ жертвъ: онъ — стихійная сила, возбуждающая и обостряющая инстинктъ жизни, хотя бы это вело къ величайшимъ мукамъ. Страданія и радости одинаково знаменуютъ полноту жизни, и кто остро воспринимаетъ жизнь и повинуется своей стихіи, а не условнымъ человѣческимъ законамъ, тотъ дѣйствительно живетъ — а „живыхъ не должно жалѣть“, какъ дважды

повторяетъ въ заключительной сценѣ драмы призракъ юноши-самоубійцы.

Сильный своей вѣрой въ инстинктъ жизни, Ведекиндъ въ очень мрачныхъ краскахъ рисуетъ дѣйствительность, показываетъ результаты неправильнаго воспитанія, изображаетъ гибель дѣтей, очень чуткихъ, но сбитыхъ съ толку внушаемыми ими условными принципами морали. Одинъ изъ сверстниковъ Мельхіора, Морицъ, погибаетъ жертвой своего сыновняго долга. Несмотря на всѣ свои старанія, онъ не переведенъ въ высшій классъ, и такъ какъ родители ему сказали, что не переживутъ его провала, то онъ самъ лишаетъ себя жизни—изъ любви къ нимъ. Ему жаль жизни, которую онъ знаетъ только по словамъ просвѣтившаго его Мельхіора. Но онъ исполняетъ то, что̀ считаетъ своимъ долгомъ, а на его могилѣ пасторъ говоритъ только о грѣхѣ, имъ совершенномъ; всѣ жалѣютъ родителей, съ которыми сынъ ихъ такъ „безсовѣстно" поступилъ, — и никто не думаетъ о страданіяхъ, которыя долженъ былъ испытать мальчикъ, рѣшившись на самоубійство.

И все-таки, рисуя ужасы и уродство жизни, Ведекиндъ не впадаетъ въ пессимизмъ. Въ заключительной символической сценѣ „Пробужденія весны" Мельхіоръ видитъ передъ собой на кладбищѣ, у могилы своей маленькой подруги, духъ своего погибшаго друга Морица. Морицъ веселъ; онъ можетъ теперь смѣяться надъ всѣмъ, что̀ мучитъ при жизни непримиримыми контрастами. Онъ зоветъ Мельхіора за собой, чтобы онъ могъ насладиться свободой и радостью „возносящагося надъ жизнью юмориста". Мельхіоръ готовъ уже поддаться соблазну, когда появляется какой-то замаскированный человѣкъ (der vermummte Herr) и, цинично разбивая всѣ доводы Морица, всѣ его слова о морали, о долгѣ, весь его возвышенный идеализмъ, всѣ его иллюзіи о томъ, какъ жизнь должна была бы быть прекрасна, доказываетъ, что жизнь груба, цинична, но что она сильна. „Ты голоденъ",—говоритъ онъ Мельхіору,—„и потому не можешь разсуждать. Я накормлю тебя хорошимъ ужиномъ, и тогда исчезнетъ этотъ обманчивый призракъ возвышенныхъ чувствъ". Замаскированный господинъ, олицетворяющій побѣдный духъ земли, увлекаетъ за собой Мельхіора, который нѣжно прощается съ своимъ умершимъ другомъ, говоря, что никогда не забудетъ его. Это значитъ, что онъ будетъ жить, все принимая отъ жизни, но и сомнѣваясь во всемъ. А побѣжденный жизнью идеалистъ Морицъ остается покинутымъ на своемъ кладбищѣ: „Я вернусь теперь на свое мѣсто",—говоритъ онъ въ заключеніе,—„укрѣплю снова мой крестъ, опрокинутый сумасброднымъ Мельхіоромъ, и когда все будетъ опять въ порядкѣ, лягу на спину и буду улыбаться"...

Дерзкій хохотъ надъ уродствомъ жизни наполняетъ и всѣ другія драмы Ведекинда, въ особенности его драму „Такова жизнь“, гдѣ трагикомическіе контрасты жизни освѣщены очень страстно и сильно. Низвергнутый король становится балаганнымъ шутомъ—и его правдивый разсказъ о своей судьбѣ кажется публикѣ забавнымъ фарсомъ. Онъ становится придворнымъ шутомъ у своего восторжествовавшаго соперника, и никто не подозрѣваетъ въ немъ изгнаннаго, давно умершаго, какъ всѣ увѣрены, короля. Самая злая насмѣшка судьбы надъ нимъ—та, что когда онъ, чувствуя приближеніе смерти, открываетъ свою тайну, никто ему не вѣритъ; всѣ думаютъ, что старикъ помѣшался, принявъ въ серьёзъ свою роль балаганнаго властелина. Подъ маской шута никто въ жизни не видитъ трагизма павшаго величія—„такова жизнь“.

Въ остальныхъ своихъ произведеніяхъ—драмахъ, комедіяхъ, фарсахъ, пантомимахъ и разсказахъ („Liebestrank“, „Die junge Welt“, „Der Kammersänger“ и др.)—Ведекиндъ съ такой же дерзновенностью развѣнчиваетъ буржуазность во имя безудержнаго, побѣднаго инстинкта жизни—и во всемъ, что̀ онъ пишетъ, особенно цѣнно то, что, превосходя всѣхъ натуралистовъ своими обличеніями пошлости, онъ не пессимистъ; напротивъ того, онъ находитъ оправданіе жизни на днѣ величайшихъ паденій. Эта нота—новая въ литературѣ, и она очень сильно звучитъ въ интересномъ также новизной и яркостью художественныхъ пріемовъ творчествѣ Ведекинда.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1904.

Первыя засѣданія новой с.-петербургской городской думы.—Организація группъ, выразившаяся въ выборахъ. — Увеличеніе содержанія городскимъ должностнымъ лицамъ.—Вопросъ о партійной дисциплинѣ. — „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ и харьковская городская дума.—Инцидентъ въ Севастополѣ.—Изъ міра печати.

Первыя засѣданія обновленной с.-петербургской городской думы подтвердили предположеніе, высказанное нами въ предъидущей хроникѣ: съ самаго начала сдѣлалось очевиднымъ существованіе двухъ организованныхъ группъ, совпадающихъ, въ главныхъ чертахъ, съ тѣми, которыя обрисовались во время предвыборной агитаціи [1]). Составъ каждой группы остается, пока, почти неизмѣннымъ; это видно изъ числа голосовъ, подаваемыхъ при выборахъ. Группа, сложившаяся преимущественно изъ прежнихъ, старыхъ гласныхъ и соединяющая въ своихъ рядахъ всѣхъ или почти всѣхъ избранниковъ перваго разряда, обладаетъ приблизительно 95 голосами; у группы, которую можно назвать *новою* (хотя въ ея ряды входятъ не одни *новички*, а также и тѣ изъ старыхъ, кто желалъ „*обновленія*“ управы), ихъ насчитывается около 65. Эти цифры, съ самыми легкими варіаціями, повторялись при выборахъ предсѣдателя думы, его замѣстителя и члена особаго присутствія по дѣламъ города С.-Петербурга. Нѣсколько поколебались онѣ только при первоначальномъ (посредствомъ записокъ) указаніи кандидата на должность городского головы; но и здѣсь значительно бо̀льшее, сравнительно съ другими, число голосовъ получили тѣ два лица, за которыхъ стояло, если можно такъ выразиться, главное ядро большинства или меньшинства. При баллотировкѣ кандидата въ городскіе головы шарами опять появились на сцену знакомыя цифры. Болѣе 90 записокъ получилъ и кандидатъ „старой“ партіи на должность товарища городского головы. Такимъ же, приблизительно, большинствомъ принято шедшее изъ рядовъ „старой“ партіи предложеніе увеличить оклады содержанія городского головы, его товарища и членовъ городской управы. Весьма характерно, что

[1]) „Новое Время“ (№ 10014) полагаетъ, что со времени выборовъ группа „стародумцевъ“ значительно увеличилась за счетъ своихъ противниковъ. Это невѣрно: „новая“ группа съ самаго начала совершенно ясно сознавала себя меньшинствомъ; число гласныхъ, посѣщавшихъ ея первыя предварительныя собранія, развѣ немногимъ превышало цифру голосовъ, полученныхъ ея кандидатами въ засѣданіяхъ 7-го, 16-го и 21-го января.

къ многочисленнымъ представителямъ „новой“ группы, говорившимъ противъ увеличенія, не присоединился *ни одинъ* изъ такъ называемыхъ „стародумцевъ“; наоборотъ, одинъ изъ членовъ „новой“ группы открыто высказался за увеличеніе содержанія. На этомъ фактѣ стòитъ остановиться нѣсколько подробнѣе, чтобы лучше выяснить затронутый нами, въ прошлый разъ, вопросъ о „партійной дисциплинѣ“.

Каково бы ни было наше мнѣніе о результатѣ выборовъ, произведенныхъ до сихъ поръ городскою думой, мы не можемъ сказать ни слова противъ организаціи, съ помощью которой онъ полученъ. Когда въ общественномъ дѣлѣ принимаютъ участіе люди различныхъ взглядовъ, различныхъ стремленій, каждый изъ нихъ ищетъ сближенія съ своими единомышленниками — а сближеніе, если оно сколько-нибудь продолжительно и свободно, естественно ведетъ къ союзу. Въ средѣ союза столь же неизбѣжно происходитъ распредѣленіе ролей: намѣчаются лица, болѣе другихъ, по мнѣнію своихъ товарищей, способныя къ той или иной роли. Если при этомъ возникаетъ разногласіе, не уступающее переговорамъ, оно устраняется предварительной подачей голосовъ, послѣ которой оставшіеся въ меньшинствѣ считаютъ себя обязанными подчиниться большинству. Въ такомъ подчиненіи нѣтъ ничего ненормальнаго, потому что выразителями убѣжденій партіи признаются *всѣ* выставляемые ею кандидаты, и споръ шелъ только о томъ, который изъ нихъ можетъ служить ей съ наибольшей пользой. Съ другой стороны, сосредоточеніе голосовъ необходимо для побѣды—или для *почетнаго* пораженія,—необходимо именно потому, что той же цѣли, въ своемъ лагерѣ, стараются достигнуть и противники. Совершенно иной характеръ разномысліе имѣетъ тогда, когда его предметъ—не лицо, а дѣло. Поступаться своимъ убѣжденіемъ только потому, что его не раздѣляетъ большинство группы, значило бы жертвовать своимъ достоинствомъ, своей самостоятельностью, обращаться въ орудіе чужой воли. Такія жертвы мыслимы тогда, когда борьба партій, касаясь важнѣйшихъ сторонъ общественной или государственной жизни, доходитъ до своего апогея, не оставляетъ мѣста для среднихъ мнѣній; менѣе законны, но до извѣстной степени понятны онѣ и тогда, когда партіи выдержали пробу времени и, много давая своимъ членамъ (конечно—не въ смыслѣ личныхъ выгодъ), многаго и требуютъ отъ нихъ. Само собою разумѣется, что ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть на почвѣ мѣстнаго самоуправленія, замкнутаго, притомъ—какъ у насъ въ Россіи—въ узкую сферу, окруженнаго ограниченіями и стѣсненіями всякаго рода. Смѣшно было бы утверждать, что гласный думы, примкнувшій къ той или другой группѣ, обязанъ ей повиновеніемъ во всѣхъ вопросахъ городского хозяйства. Возможно бòльшее единодушіе желательно, конечно, и здѣсь, но лишь

подъ условіемъ непринужденнаго внутренняго согласія. Можно сочувствовать цѣлямъ группы—и расходиться съ нею въ выборѣ средствъ. Если въ программу группы входитъ, напримѣръ, недопущеніе концессій, то къ такой группѣ не можетъ, очевидно, принадлежать принципіальный ихъ сторонникъ; но въ выборѣ способовъ веденія предпріятія самимъ городомъ члены группы должны быть вполнѣ свободны. Совершенно правильно, поэтому, поступила „новая“ группа, когда, признавъ, значительнымъ большинствомъ, несвоевременность и неумѣстность возвышенія окладовъ содержанія городского головы, его товарища и членовъ управы, не нашла нужнымъ стѣснять свободу дѣйствій тѣхъ участниковъ группы, которые придерживаются противоположнаго мнѣнія. Какую долю самостоятельности предоставляетъ своимъ членамъ „партія центра“—не знаемъ: въ вопросѣ объ увеличеніи содержанія, какъ мы уже видѣли, всѣ ея ораторы оказались согласными между собою. Для пользы дѣла, какъ и для достоинства думы, слѣдуетъ желать, чтобы партійная дисциплина понималась и примѣнялась обѣими партіями по возможности одинаково, въ смыслѣ благопріятномъ для независимости отдѣльныхъ гласныхъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что одна изъ группъ—и притомъ именно та, на сторонѣ которой, въ данную минуту, значительное большинство—будетъ являться въ думу съ готовыми рѣшеніями по всѣмъ дѣламъ. Тѣ изъ среды другой группы, которые несогласны съ этими рѣшеніями, будутъ приводить противъ нихъ доводы всякаго рода—и встрѣчать не мотивированныя возраженія, а короткую формулировку вывода, на которомъ остановилось большинство, или даже просто молчаніе, полное „гордаго довѣрія“ къ непобѣдимой численной силѣ. Во что̀ обратятся тогда засѣданія думы? Какимъ образомъ будутъ выясняемы обѣ стороны вопроса? Какую цѣну будутъ имѣть постановленія большинства, дѣйствующаго по командѣ и систематически глухого ко всему идущему не изъ его среды? Не упадетъ ли авторитетъ думы еще ниже, чѣмъ онъ стоялъ въ послѣдніе годы? Неужели намъ суждено увидѣть возвращеніе къ тому времени, когда думскія дѣла вершились, de facto, не на Невскомъ проспектѣ, а на Лиговкѣ? Неужели и теперь они будутъ рѣшаться не на Невскомъ, а на Фонтанкѣ, д. № 62, и притомъ въ присутствіи новаго предсѣдателя думы?! Неужели *предварительное обсужденіе* очередныхъ вопросовъ, столь важное для тщательной ихъ обработки, превратится въ *предрѣшеніе*, дѣлающее излишнимъ всякій обмѣнъ мнѣній? Нужно надѣяться, что этого не будетъ—не будетъ уже потому, что въ концѣ концовъ такой образъ дѣйствій повредилъ бы самому большинству: въ пользу меньшинства, не избѣгающаго преній, уважающаго чужую мысль, желающаго убѣдить и всегда готоваго убѣдиться, образовалась бы, мало-по-малу, презумпція, невыгодная для его про-

тивниковъ... Какъ бы то ни было, „меньшинство“ должно оставаться вѣрнымъ однажды принятой имъ системѣ, заботясь только о томъ, чтобы на его сторонѣ было знаніе и правильное пониманіе городскихъ интересовъ.

Въ нашей январьской хроникѣ, написанной и напечатанной еще до открытія новой думы, мы выразили убѣжденіе, что худшимъ началомъ дѣятельности думы было бы повышеніе содержанія должностнымъ лицамъ городского общественнаго управленія. Къ сожалѣнію, именно эта мѣра послужила предметомъ перваго постановленія думы. Мы продолжаемъ думать, что съ нею по меньшей мѣрѣ слѣдовало бы повременить: прежнимъ гласнымъ—потому что они въ теченіе предъидущаго періода находили возможнымъ сохранять старые оклады, а съ тѣхъ поръ положеніе вопроса существенно не измѣнилось; новымъ гласнымъ—потому что для нихъ еще не можетъ быть яснымъ количество труда, выпадающаго на долю каждаго члена управы. Неизвѣстно, въ добавокъ, будетъ ли признано нужнымъ увеличеніе числа товарищей городского головы и членовъ управы; неизвѣстно и то, какая роль будетъ отведена исполнительнымъ коммиссіямъ и кому будетъ ввѣрено первое въ нихъ мѣсто—исключительно ли членамъ управы, или, рядомъ съ ними, и другимъ лицамъ [1]). Только тогда, когда разрѣшатся всѣ эти вопросы, когда войдетъ въ силу новая инструкція управѣ, когда обнаружится возможность или невозможность сокращенія дѣлопроизводства—только тогда будутъ на лицо всѣ данныя для безошибочнаго опредѣленія величины окладовъ. Правда, однажды установленные размѣры содержанія должны оставаться въ силѣ до слѣдующихъ выборовъ; но если и считать ихъ закрѣпленными для всей управы на шесть лѣтъ [2]), то отсюда еще не слѣдуетъ, что дума имѣла основаніе поспѣшить съ ихъ увеличеніемъ. Торопливость была бы понятна лишь въ такомъ случаѣ, еслибы оклады были несомнѣнно и явно недостаточны. Что это не такъ, доказательствомъ тому служитъ приведенное во время преній сравненіе прежнихъ городскихъ окладовъ съ одной стороны—съ содержаніемъ членовъ с.-петербургской губернской земской управы, съ другой—съ членами бер-

[1]) За силою ст. 84-ой положенія 8-го іюня 1903-го года исполнительныя коммиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ управы, но, по предложенію городского головы, дума можетъ выбрать въ предсѣдатели коммиссіи особое лицо.

[2]) На основаніи ст. 114-ой новаго положенія полномочія половины членовъ городской управы истекаютъ черезъ три года. Отсюда необходимость новыхъ выборовъ, передъ производствомъ которыхъ ничто не мѣшало бы, за силою ст. 113-ой, поставить вопросъ объ увеличеніи содержанія имѣющихъ быть избранными членовъ управы. Если бы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ утвердительно, неизбѣжнымъ оказалось бы такое же повышеніе оклада и для остальныхъ членовъ управы.

линскаго городового магистрата (соотвѣтствующаго нашей городской управѣ). Предсѣдатель с.-петербургской губ. земской управы получаетъ 6.000 руб., т.-е. столько же, сколько получалъ до сихъ поръ товарищъ городского головы; члены губ. земской управы получаютъ 4.200 руб., т.-е. столько же, сколько получали члены городской управы. Окладъ членовъ берлинскаго магистрата—9.000 марокъ, т.-е., по курсу 4.185 рублей, и притомъ, берлинская годовая роспись сводится при 117 милл. марокъ, т.-е. 60 милл. рублей, что вдвое больше нашей росписи въ 30 милл.; кромѣ того, въ Берлинѣ въ городскіе головы, товарищи его и члены управы могутъ быть избираемы только лица съ университетскимъ образованіемъ, а у насъ для того достаточно кончить курсъ въ 4-хъ-классномъ училищѣ — да и то съ грѣхомъ пополамъ. Не было, слѣдовательно, никакого „periculum in mora", не было вопіющей несправедливости въ продленіи, хотя бы на шесть лѣтъ, положенія дѣлъ, безъ особыхъ неудобствъ существовавшаго многіе годы. Между тѣмъ, рѣшеніе думы, состоявшееся послѣ утвержденія прежнею думой смѣты на 1904-й годъ, влечетъ за собою необходимость покрытія прибавокъ къ содержанію (составляющихъ всего 20.400 руб.) изъ остатковъ, настоящее назначеніе которыхъ — какъ справедливо замѣтилъ гласный П. А. Потѣхинъ—облегченіе нужды обывателей, могущей наступить послѣ непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія. Все это вмѣстѣ взятое позволяетъ намъ повторить: да, было бы лучше, если бы первый шагъ новой думы былъ вызванъ чѣмъ-нибудь другимъ, а не заботой о лучшемъ обезпеченіи ея избранниковъ. Стародумская партія, какъ мы видѣли выше, знала всегда впередъ, кто будетъ выбранъ въ городскія должности, а слѣд., не могла не знать также и того, кому она увеличиваетъ жалованье. Такимъ образомъ, законъ, предписывающій назначать жалованье до выборовъ, съ тѣмъ, чтобы размѣръ жалованья не имѣлъ отношенія къ личностямъ—этотъ законъ едва ли нашелъ себѣ, нынѣшній разъ, полное осуществленіе.

Столичное хозяйство обширно и многосложно, на всестороннее его изученіе нужно положить немало труда и времени; отсюда возможность фактическихъ ошибокъ, особенно со стороны новыхъ гласныхъ. Но гораздо легче ознакомленіе съ городовымъ положеніемъ и законами, его дополняющими: его можно ожидать и требовать отъ всякаго, берущагося судить о городскихъ дѣлахъ, и, тѣмъ болѣе, отъ всякаго, принимающаго въ нихъ непосредственное участіе. Странно было, поэтому, встрѣтить въ „Гражданинѣ" разсужденіе о томъ, что, въ силу созданнаго новымъ городовымъ положеніемъ равенства правъ между платящими городскія повинности (т.-е домовладѣльцами и купцами) и не платящими ни копѣйки (т.е. квартиронанимателями), стоитъ только послѣднимъ сговориться—и домà могутъ быть обложены въ 50% вало-

вого дохода, промышленныя предпріятія—въ 50% съ оборотнаго капитала. Для Петербурга—таково было заключеніе газеты—„понадобится законъ о предѣльномъ обложеніи на подобіе того, который созданъ для земскихъ учрежденій". Простая справка съ закономъ (ст. 117 положенія 8-го іюня 1903 г. и соотвѣтствующія статьи положенія 1892-го года) показала бы автору этихъ словъ, что для обложенія городами домовъ и промышленныхъ предпріятій предѣлъ установленъ уже давно (для домовъ, напримѣръ, 10% съ чистаго дохода или 1% со стоимости) и что возвышеніе его до фантастическихъ цифръ всецѣло относится къ области фантазіи редактора газеты. Не менѣе ясно и то, что увеличеніе сбора съ домовладѣльцевъ неизбѣжно влечетъ за собою увеличеніе квартирной платы и, слѣдовательно, отражается на квартиронанимателяхъ сильнѣе, чѣмъ на домовладѣльцахъ... Желательно для гласныхъ, далѣе, хотя бы элементарное знакомство съ важнѣйшими изъ юридическихъ понятій, регулирующихъ общественную дѣятельность. Если бы оно было болѣе распространено, намъ не пришлось бы услышать въ думѣ (при обсужденіи вопроса о томъ, можетъ ли замѣститель предсѣдателя думы занимать какую-либо должность по городскому общественному управленію), будто дума не въ правѣ *толковать* законъ, а должна встрѣченныя ею сомнѣнія въ его пониманіи представлять на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. *Толкованіе* закона неразрывно связано съ его *примѣненіемъ*, а для предупрежденія *неправильныхъ* толкованій существуютъ указанныя въ законѣ средства (см. ст. 74 и 75 положенія 8-го іюня 1903-го года).

Небывалое, въ своемъ родѣ, явленіе представляетъ походъ, предпринятый оффиціальной газетой („Харьковскими Губернскими Вѣдомостями") противъ мѣстной городской думы, а заодно—и противъ самоуправленія вообще. Исходной точкой похода служитъ *повсемѣстность* жалобъ на городское общественное управленіе. Тѣмъ, кто съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркиваетъ этотъ фактъ (далеко, впрочемъ, не доказанный во всемъ его объемѣ), не мѣшало бы вспомнить, что для подобныхъ жалобъ не существуетъ никакихъ ограниченій, никакихъ преградъ—чего отнюдь нельзя сказать о многихъ другихъ сторонахъ нашей современной жизни. Городскія управленія дѣйствуютъ открыто, на виду у всѣхъ, и подлежатъ самымъ разнообразнымъ видамъ контроля; отрицательное отношеніе къ ихъ работѣ не только допускается, но иногда прямо поощряется. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ велика, съ этой точки зрѣнія, разница между органами управленія и самоуправленія, сдѣлаемъ небольшую выписку изъ доклада ревизіонной коммиссіи, повѣрявшей отчетъ с.-петербургской городской управы за

1902-ой годъ [1]). Рѣчь идетъ о пожарной командѣ, завѣдываніе которою въ хозяйственномъ отношеніи перешло, незадолго передъ тѣмъ, отъ градоначальника къ городскому общественному управленію. До этого перехода — читаемъ мы въ докладѣ—„штатные служителя команды командировались для работъ въ кузницѣ, швальнѣ и депо, а продовольствіе въ части подвозилось на пожарныхъ лошадяхъ. Это положеніе дѣла, невѣдомое ни думѣ, ни обществу, градоначальникъ считалъ нормальнымъ, но тотчасъ же послѣ перехода оно было признано со стороны градоначальника неправильнымъ, и городу пришлось немедленно установить иную практику, вызвавшую увеличеніе расходовъ. Прежде кузница пожарной команды принимала частные заказы, приносившіе ей до 6.000 рублей въ годъ чистаго дохода; съ передачей пожарной части въ завѣдываніе города градоначальникъ немедленно призналъ указанную практику незаконною, и кузница лишилась поступленій отъ частныхъ заказовъ. Помѣщенія пожарныхъ частей, въ теченіе многихъ лѣтъ не подвергаясь ремонту, дошли до полной ветхости и неустройства; *жалобъ*, однако, *на градоначальство не раздавалось*. Лишь только дѣло перешло къ городу, *явилась гласность, посыпались жалобы*"... Такова, безъ сомнѣнія, и во многихъ другихъ случаяхъ разгадка жалобъ, обиліе которыхъ въ области городского общественнаго управленія злорадно констатируютъ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости". Какъ составляются иногда эти жалобы, съ какимъ безпристрастіемъ, съ какимъ уваженіемъ къ истинѣ—это мы сейчасъ увидимъ, сопоставивъ нападенія харьковской газеты съ „Разъясненіемъ" харьковскаго городского головы, даннымъ харьковской думѣ и напечатаннымъ во всеобщее свѣдѣніе.

Съ 1897-го по 1902-ой годъ—увѣряютъ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости"—расходы на содержаніе личнаго состава харьковскаго городского общественнаго управленія возрасли съ 82 тыс. до 122 тыс. руб., т.-е. на 48%. На самомъ дѣлѣ послѣдняя цифра обнимаетъ собою расходы на пенсіи и пособія (почти 18 тыс. руб.) и на наемъ и содержаніе помѣщеній для городского управленія (почти 8 тыс. руб.), которые существовали и въ 1897 г., сверхъ приведенной газетою суммы 82 тыс. руб.). Содержаніе личнаго состава городской управы (19 тыс. руб.) осталось безъ измѣненій; содержаніе ея канцеляріи увеличилось на 4.400 руб., между тѣмъ какъ общая цифра городскихъ расходовъ (а соотвѣтственно ей и размѣръ дѣлопроизводства) возрасла съ 1.667 тыс. до 2.566 тыс. рублей.

Быстрому росту расходовъ на содержаніе городского общественнаго управленія „Харьковскія Губернскія Вѣдомости" противопостав-

---

[1]) См. „Извѣстія Спб. Городской Думы" за 1903 г., № 39, стр. 1717.

ляютъ сравнительную неподвижность расходовъ на санитарныя мѣропріятія. Чтобы придти къ такому выводу, газета беретъ только одинъ отдѣлъ смѣты по медико-санитарной части, между тѣмъ какъ общая ея сумма возрасла за пять лѣтъ (1897—1902) въ $4^1/_2$ раза (съ 62 до 296 тыс. руб.).

Смѣшивая сумму непоступившихъ еще въ городскую кассу, за неокончаніемъ финансоваго года, городскихъ доходовъ, съ суммою недоимокъ, „Губернскія Вѣдомости“ опредѣляютъ послѣднюю въ 595 тыс. рублей. На самомъ дѣлѣ она не составляетъ и 20 тысячъ. На устройство электрическаго освѣщенія израсходовано городомъ, по словамъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, *милліонъ триста тысячъ* рублей, тогда какъ въ дѣйствительности весь расходъ едва превысилъ *семьдесятъ пять тыс.* рублей!!

Излагая содержаніе доклада г.г. Лащенко и Зильбера объ устройствѣ городского склада аптекарскихъ товаровъ, „Губернскія Вѣдомости“ утверждаютъ, что раньше *рѣшительно никто* не обращалъ вниманія на качество употребляемыхъ въ городскихъ больницахъ медикаментовъ; между тѣмъ, изъ текста доклада видно, что онъ составленъ по мысли городского головы, который, сознавая всю важность упорядоченія городского аптечнаго хозяйства, командировалъ одного изъ докладчиковъ въ Москву, для ознакомленія съ функціями тамошняго городского склада аптекарскихъ товаровъ.

„Губернскія Вѣдомости“ приписываютъ учрежденію городской бойни непомѣрное возвышеніе цѣнъ на мясо; между тѣмъ, рядомъ съ городской бойней существуетъ множество частныхъ, въ виду чего не можетъ быть и рѣчи о преобладающемъ вліяніи города. Стоимость убоя на городской бойнѣ все время остается та же. Повышеніе цѣнъ распространяется и на другіе съѣстные припасы и зависитъ, слѣдовательно, отъ причинъ общаго характера.

По мнѣнію „Губернскихъ Вѣдомостей“, рѣшеніе харьковской думы о выкупѣ водопровода состоялось безъ всякихъ серьезныхъ къ тому основаній, по выслушаніи только словеснаго доклада городского головы. На самомъ дѣлѣ выкупу водопровода были посвящены два печатныхъ доклада городской управы, да и раньше, по поводу процесса между городомъ и водопроводнымъ обществомъ, объ этомъ вопросѣ печатались цѣлые томы.

Приведенныхъ нами примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о качествѣ полемическихъ пріемовъ „Губернскихъ Вѣдомостей“. Что касается до цѣли, преслѣдуемой газетою, то она выразилась всего яснѣе въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ по поводу выкупа водопровода: „самое желательное—*минимизація* дѣятельности городского управленія“. Не нужно ни городскихъ рынковъ, ни город-

скихъ боень, ни городскихъ водопроводовъ, ни городскихъ трамваевъ; не нужно „такъ называемыхъ соціализацій, огосударствленій, обобществленій, обмірщеній, муниципализацій и коммунализацій“. Съ помощью „страшныхъ словъ“, отчасти старыхъ, отчасти вновь изобрѣтенныхъ, проводится старая, очень старая мысль о превосходствѣ концессіонной системы, ограничиваемой только „тщательнымъ правительственнымъ контролемъ“.

Въ Харьковѣ борьба противъ самоуправленія ведется, пока, только путемъ печати, хотя въ рукахъ послѣдней оказываются иногда заключенія должностныхъ лицъ, управѣ и думѣ остающіяся неизвѣстными.[1]). Въ Севастополѣ городскому общественному управленію нанесенъ фактическій ударъ, при обстоятельствахъ, лишь отчасти выясненныхъ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“ (№ 21). Произошла, „помимо участія органовъ городского самоуправленія“, перемѣна въ личномъ составѣ мѣстной городской больницы: старшимъ врачомъ, вмѣсто г. Никонова, назначенъ г. Мертваго. Прежнему врачу вмѣняется въ вину... „чрезмѣрно большое удовлетвореніе потребности городского населенія въ медицинской помощи“! С. А. Никоновъ, по словамъ его преемника, слишкомъ развилъ амбулаторный пріемъ больницы, бѣднѣйшимъ даромъ отпускалъ лекарства, установилъ дежурства врачей, пригласилъ врачей-спеціалистовъ, много производилъ операцій, устроилъ курсы для акушерокъ. Все это—преступленія совсѣмъ особеннаго свойства, едва ли не впервые ставшія предметомъ обвинительнаго акта. Правда, рѣчь идетъ также о слабости контроля, выразившейся въ недостаткахъ отчетности; но и въ этомъ г. Никоновъ, по единогласному отзыву управы, медико-санитарной коммиссіи, думы, оказывается невиновнымъ. Зная г. Мертваго по его прежней службѣ въ городской больницѣ, дума единогласно постановила обязать его сохранить заведенные г. Никоновымъ больничные порядки. „Прямо въ трагическое положеніе“—говоритъ авторъ статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“—„поставлено севастопольское городское самоуправленіе. На немъ лежитъ отвѣтственность за постановку медицинскаго дѣла въ городѣ; къ этому обязываетъ его не только законъ, но и нравственный долгъ. Теперь завѣдываніе больницей попало въ руки д-ра Мертваго, на взглядъ и коммиссіи, и думы, и упрекаемой въ этомъ выборѣ управы, не вполнѣ отвѣчающаго своему назначенію. И ни дума, ни управа, несмотря на это, повидимому, не могутъ удовлетворить справедливыхъ требованій всего взбудораженнаго городского населенія, требующаго за свои деньги, поступающія въ город-

[1]) См. „Разъясненіе харьковскаго городского головы“, стр. 25.

скую кассу, чтобы больницы широко подавали медицинскую помощь. Вѣдь севастопольцамъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до стремленій старшаго врача завести въ больницѣ какой-то порядокъ и только порядокъ. Имъ нужна больница, удовлетворяющая ихъ потребности, хорошо поставленная, которая въ больныхъ видѣла бы не враговъ и назойливыхъ людей, а людей, нуждающихся въ леченіи, совѣтѣ и въ даровомъ лекарствѣ. Неизвѣстно, конечно, долго ли продлится это ненормальное положеніе, въ которомъ очутилось мѣстное городское самоуправленіе: что оно не нормально и что необходимо какъ можно скорѣе измѣнить его—нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія". Нельзя не пожелать, чтобы были выяснены, а затѣмъ и устранены причины „трагическаго положенія", въ которое поставлено севастопольское городское общественное управленіе.

По поводу мѣръ, принятыхъ по отношенію къ тверскому земству [1], „Русскія Вѣдомости" (№ 20) напоминаютъ объ аналогичныхъ распоряженіяхъ прошлаго времени. Въ 1867 г. были закрыты земскія учрежденія с.-петербургской губерніи (вновь призванныя къ дѣятельности въ 1868 г.); въ 1888 г. была пріостановлена на три года дѣятельность череповецкаго (новгородской губерніи) уѣзднаго земства. Въ обоихъ случаяхъ дѣло не обошлось и безъ мѣропріятій противъ отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей: въ первомъ случаѣ былъ высланъ въ Оренбургъ предсѣдатель губернской земской управы, покойный Н. Ѳ. Крузе [2]), во второмъ—министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой распорядился высылкою изъ предѣловъ новгородской губерніи четырехъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей череповецкаго земства.

Сколько намъ помнится, въ 1867 г. участь, постигшая петербургское земство, не вызвала никакихъ комментаріевъ въ нашей печати. Двадцать лѣтъ спустя, закрытіе череповецкаго земства было использовано газетными врагами земскихъ учрежденій; но, если мы не ошибаемся, личныхъ вопросовъ они при этомъ не возбуждали, ограничиваясь общими разсужденіями на тему о возможности обойтись безъ органовъ самоуправленія. Не то мы видимъ въ настоящее время. „Московскія Вѣдомости" (№ 18) въ передовой статьѣ, озаглавленной: „Справедливая кара", пріурочиваютъ дѣятельность новоторжскаго уѣзднаго и тверского губернскаго земства къ одному, прямо называемому ими лицу и разсказываютъ по своему исторію тверской губер-

[1]) См. выше, „Внутреннее Обозрѣніе", стр. 773.

[2]) Высылка Н. Ѳ. Крузе въ Оренбургъ не состоялась; онъ былъ только удаленъ въ свое имѣніе. Вынужденъ былъ въ то же время выѣхать за границу предсѣдатель собранія, гр. А. П. Шуваловъ.

ніи за послѣдніе годы, далеко выходя за предѣлы оффиціально оглашенныхъ фактовъ. Заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей" слѣдующими словами: „да послужитъ же грозная, но справедливая расправа (?) съ тверскими смутьянами предвѣстникомъ такихъ же строгихъ и справедливыхъ мѣръ во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни, гдѣ за послѣднее время такъ задорно подняли голову явные и тайные агенты нашей внутренней крамолы"... Чтобы оцѣнить по достоинству эти слова, достаточно замѣтить, что ни о какой „расправѣ" съ отдѣльными лицами въ правительственномъ сообщеніи не говорится: извѣстны полномочія, данныя министру и губернатору, но неизвѣстно ихъ дѣйствительное примѣненіе... Впрочемъ, безцеремонное обращеніе съ именами успѣло уже войти въ привычки нашей реакціонной печати; типичные его образцы можно найти въ „Дневникахъ" кн. Мещерскаго (напр. въ №№ 98 и 99 „Гражданина" за минувшій годъ).

Иначе отнеслись къ тверскому дѣлу „С.-Петербургскія Вѣдомости" (№ 18), выразившія желаніе „получить болѣе полное знакомство съ обстоятельствами, предшествовавшими и сопровождавшими многолѣтнюю борьбу администраціи съ дѣятелями тверского земства". „Если общество—читаемъ мы въ статьѣ г. А. С—на,—„напряженно слѣдитъ за мелочными подробностями судебныхъ преній объ отдѣльныхъ личностяхъ, чѣмъ-нибудь себя громко проявившихъ въ смыслѣ общественнаго интереса, то поскольку же этотъ интересъ и эта напряженность усиливаются, когда дѣло касается не отдѣльнаго лица, а цѣлаго учрежденія, вызвавшаго нарушеніе обычнаго хода государственной жизни. Рядъ подобныхъ побужденій заставляетъ предполагать большую пользу, даже въ смыслѣ общественнаго спокойствія, въ обнародованіи возможно полнаго, исчерпывающаго изложенія исторіи тверской смуты, съ переименованіемъ виновныхъ лицъ, и еще бо́льшую пользу въ послѣдующемъ, если возможно, преданіи виновныхъ суду. Подобная мѣра могла бы способствовать наибыстрѣйшему снятію вины съ учрежденія и перенесенію тяжести наказанія на тѣхъ, которые эту тяжесть наиболѣе заслужили"... Въ этихъ послѣднихъ словахъ не совсѣмъ осторожно предположеніе объ уголовной виновности лицъ, противъ которыхъ, сколько извѣстно, вовсе не возбуждено судебное преслѣдованіе. Совершенно основательно, за то, указаніе газеты на необходимость гласности—гласности, конечно, возможно полной, принимающей въ разсчетъ формулу: audiatur et altera pars.

Въ какой степени велика спутанность понятій даже у тѣхъ о̀ргановъ печати, которые не принадлежатъ къ реакціонному лагерю—

объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Студентъ Андреевъ, за оскорбленіе генерала, подвергнутъ, въ административномъ порядкѣ, заключенію въ тюрьмѣ на два года и затѣмъ высылкѣ на такой же срокъ въ Якутскую область. Признавая эту кару *легкой* и предполагая, что по закону проступки въ родѣ совершеннаго Андреевымъ влекутъ за собою болѣе тяжкое наказаніе, „С.-Петербургскія Вѣдомости", устами г. А. С—на, выразили сожалѣніе о томъ, что противъ произвола выдвигается произволъ, и усомнились въ цѣлесообразности административныхъ каръ, „способныхъ вносить путаницу въ нашу слабую гражданственность". Что такой взглядъ встрѣтилъ суровый отпоръ со стороны „Московскихъ Вѣдомостей"—это совершенно естественно; но менѣе понятно отступленіе, поспѣшно предпринятое „С.-Петербургскими Вѣдомостями". Поводомъ къ нему послужила напечатанная въ той же газетѣ замѣтка, авторъ которой („Военный юристъ") изъ свойства поступка Андреева и изъ незначительности наказанія, грозившаго Андрееву по закону, сдѣлалъ выводъ о *необходимости* разрѣшенія дѣла не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ. Высказавъ г. военному юристу признательность за „компетентное разъясненіе вопроса", г. А. С—нъ призналъ, что было бы неумѣстно судить обвиняемаго по закону, не предусмотрѣвшему его проступка. И г. А. С—нъ, и—что̀ еще болѣе странно—г. „военный юристъ" упустили, такимъ образомъ, изъ виду, что единственнымъ правомѣрнымъ основаніемъ уголовной кары служитъ дѣйствующій, въ моментъ совершенія проступка, уголовный законъ, недостаточность или неполнота котораго можетъ быть устранена только въ законодательномъ порядкѣ.

Мы говорили недавно о постыдномъ восторгѣ, съ которымъ нѣкоторые о̀рганы нашей печати встрѣтили вѣсть о предстоящемъ возстановленіи въ Даніи тѣлеснаго наказанія и о слабомъ, будто бы, противодѣйствіи, встрѣчаемомъ этой мѣрой со стороны датскаго общественнаго мнѣнія. Послѣднее увѣреніе, какъ и слѣдовало ожидать, оказывается совершенно неосновательнымъ. По словамъ знатока скандинавскаго міра, г. П. Ганзена [1]), и въ самой Даніи, и въ Швеціи и Норвегіи законопроектъ датскаго министра встрѣтилъ столь мало сочувствія, что утвержденіе его далеко не обезпечено. Въ скандинавской и особенно въ датской печати поднялась буря; почти всѣ газеты, безъ различія лагерей, высказались противъ законопроекта. Различные кружки и союзы созывали экстренныя засѣданія, гдѣ вопросъ подвергался всестороннему разсмотрѣнію. Особенно интересно было за-

---

[1]) См. № 12 „Русскихъ Вѣдомостей".

сѣданіе Общества датскихъ криминалистовъ, гдѣ докладчикомъ выступилъ инспекторъ полиціи Галль. Докладчикъ остановился на вопросѣ: есть ли основаніе полагать, что уличные безобразники, которыхъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду законопроектъ, могутъ исправиться отъ палокъ настолько, что перестанутъ давать волю рукамъ? При разрѣшеніи этого вопроса докладчикъ сослался на личный опытъ, вынесенный изъ прежней его службы при копенгагенской полиціи. Ему пришлось за это время распорядиться приведеніемъ въ исполненіе около 2.000 приговоровъ къ тѣлесному наказанію малолѣтнихъ безобразниковъ и мелкихъ воришекъ. Но даже и въ отношеніи къ этимъ совсѣмъ юнымъ, сбившимся съ пути членамъ общества тѣлесное наказаніе оказалось самымъ безполезнымъ изъ всѣхъ родовъ наказаній. Никакая другая категорія не давала столь высокаго процента рецидивистовъ, какъ именно категорія высѣченныхъ. Категорія юнцовъ, подвергавшихся тѣлесному наказанію, дала свыше 55% рецидивовъ преступности, въ то время какъ категоріи подвергавшихся иного рода наказаніямъ давали 27—35%. Есть ли какое-нибудь основаніе ожидать отъ тѣлеснаго наказанія лучшаго воздѣйствія на взрослыхъ, нежели на малолѣтнихъ? Если это безжалостное средство устрашенія не въ состояніи оставить прочнаго впечатлѣнія въ болѣе мягкой и воспріимчивой душѣ малолѣтняго, какимъ же образомъ можно ожидать отъ него воздѣйствія на огрубѣвшую натуру взрослаго хулигана?.. Далѣе докладчикъ опровергъ еще одинъ изъ аргументовъ сторонниковъ законопроекта, ссылавшихся на то, что подобной мѣрѣ Англія обязана искорененіемъ шайки гарротеровъ, наводившихъ въ 60-хъ годахъ настоящую панику на лондонцевъ. Гарротеры нападали по ночамъ, въ безлюдныхъ улицахъ, на одинокихъ прохожихъ, сдавливали имъ горло и грабили ихъ до-чиста. Но шайка прекратила свое существованіе еще въ концѣ 1862 г., послѣ того какъ полиціи удалось задержать 27 членовъ ея, изъ которыхъ 21 сознались и были осуждены. Въ январѣ 1863 г. было констатировано полное прекращеніе въ Лондонѣ гарротерства, а только въ іюлѣ того же года внесенъ былъ билль о тѣлесномъ наказаніи гарротеровъ. Итакъ, преступленія, вызвавшія упомянутый законъ, прекратилъ вовсе не онъ. Въ 1875 г. правительство предложило-было нижней палатѣ расширить примѣненіе тѣлеснаго наказанія, но предложеніе это встрѣтило такой отпоръ, что было взято обратно безъ голосованія. Въ возраженіяхъ на него было между прочимъ подчеркнуто, что гарротеры успѣли исчезнуть *до* введенія закона 1863 г., а послѣ введенія этого закона преступленія, которыя могли быть подводимы подъ него, какъ разъ увеличились въ числѣ, между тѣмъ какъ другіе роды преступленій уменьшились. По мнѣнію докладчика, за буйство и безо-

бразія, хулиганскія нападенія на мирныхъ обывателей и другія насилія этого рода слѣдуетъ карать заключеніемъ въ рабочемъ домѣ на срокъ не меньше мѣсяца, а за повтореніе значительно увеличиватъ сроки, до двухъ-трехъ лѣтъ. Достаточно, по мнѣнію докладчика, долгосрочнаго строгаго тюремнаго заключенія (одиночнаго) и за насилія надъ женщинами, и за преступленія противъ нравственности; прибавлять къ этому тѣлесное наказаніе излишне. Само собою разумѣется, что однѣми карательными мѣрами искоренить зло нельзя: надо усилить попеченіе о заброшенныхъ и заблудшихъ дѣтяхъ и кромѣ того выработать болѣе цѣлесообразный и болѣе строгій законъ противъ бродяжничества взрослыхъ. Закончилъ докладчикъ свою рѣчь слѣдующими словами: „тѣлесное наказаніе — такая мѣра, которую не подобаетъ обсуждать въ странѣ съ такою высокою культурой и съ достигшимъ такой высокой ступени развитія правомъ, какъ Данія“. До датской культуры намъ еще далеко — но приблизиться къ ней мы можемъ, конечно, не поворотомъ назадъ, не возвращеніемъ къ первобытнымъ,грубѣйшимъ формамъ расправы.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсталыхъ и неуспѣвающихъ дѣтей.

Врачебно-Педагогическій Институтъ имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность Института направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности Врачебно-Педагогическаго Института положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ—для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами—для дѣтей, лишенныхъ возможности совершенствоваться интеллектуально и одаренныхъ частичными способностями; 4) занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству, игры, гимнастика и т. п.; 5) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; 6) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду—для запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей.

Согласно съ своей задачей, Врачебно-Педагогическій Институтъ организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими (Вас. Остр., 4-я лин., д. 45).

Дѣти, поступающія въ Институтъ, подраздѣляются—въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ; дѣти, безусловно не поддающіяся развитію, не принимаются.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь. — Февраль. 1904.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая. — Февраль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга вторая: томы IV, V и VI-ой. Изд. Общ. для пособія нуждающ. литераторамъ и ученымъ (Литературный фондъ). Спб. 904. Ц. 4 р.

Вторая книга, только-что появившаяся, заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ три тома первоначальнаго изданія и содержитъ въ себѣ одинъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ покойнаго историка, а именно: смутное время Московскаго государства, въ самомъ началѣ XVII-го вѣка, между прекращеніемъ дома Рюрика и воцареніемъ дома Романовыхъ въ 1612 году. Исторія этого времени впервые появилась въ нашемъ журналѣ въ первый годъ его существованія, 38 лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ не утратила своего научнаго значенія. Какъ извѣстно, Н. И. Костомаровъ, отрицая всѣ имѣвшіяся предположенія относительно личности Димитрія Самозванца, пришелъ къ такому заключенію: „Всего правдоподобнѣе — говоритъ онъ — предположить, что тотъ, кто назвался именемъ Димитрія, былъ по происхожденію изъ сыновей одного изъ тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ значительномъ количествѣ убѣгали, въ царствованіе Іоанна Грознаго, во владѣнія Рѣчи-Посполитой и получали тамъ помѣстья“.

Ив. Страховскій.—Крестьянскія права и учрежденія. Спб. 904.

Въ виду того интереса, который за послѣднее время пріобрѣлъ вопросъ о крестьянской реформѣ, книга г. Страховскаго пріобрѣтаетъ особое значеніе. Она составлена изъ статей, печатавшихся въ послѣдніе годы въ „Правѣ“ и „Вѣстникѣ Права“ и содержитъ въ себѣ двѣ части: въ первой изъ нихъ изложена исторія возникновенія волости и общества, представлено современное ихъ положеніе и даны руководящіе принципы для реформы крестьянскихъ учрежденій. Вторая—касается гражданскаго состоянія крестьянъ, причемъ дается весьма интересный анализъ остатковъ крестьянскаго права въ области отношеній семейныхъ, права передвиженія и права промысловъ; засимъ излагается существо крестьянской обособленности, а также—тѣ требованія равноправности крестьянъ, которыя должны быть введены въ управленіи, судѣ и землевладѣніи крестьянъ. Къ книгѣ г. Страховскаго мы еще возвратимся, а пока можемъ ее рекомендовать вниманію всѣхъ интересующихся стоящими на очереди преобразованіями крестьянской жизни.

Карлъ Каутскій. Торговые договоры и торговая политика. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. С. Залшупина. Изд. газеты „Промышленный міръ“. Спб. 904.

Вопросъ о возобновленіи торговыхъ договоровъ, которымъ истекаетъ срокъ въ 1905 году, сильно занимаетъ въ настоящее время общественное мнѣніе Германіи и представляетъ также большой интересъ для Россіи, затрогивая основы ея таможенной политики. Извѣстный марксистъ Каутскій въ написанной имъ популярной книжкѣ разсматриваетъ вопросъ съ точки зрѣнія нѣмецкаго рабочаго класса и приводитъ много фактическихъ данныхъ и доводовъ, поучительныхъ и для русскаго читателя,—почему появленіе книжки въ русскомъ переводѣ должно быть признано далеко не лишнимъ.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. Подъ редакціей М. И. Писарева. Спб. 903. Т. I. Стр. 502. Ц. за 10 томовъ 16 р.

Новое, одиннадцатое по счету, изданіе сочиненій А. Н. Островскаго, предпринятое книгоиздательской фирмой „Просвѣщеніе“, редактируется извѣстнымъ артистомъ Императорскихъ театровъ, М. И. Писаревымъ, который съ начала восьмидесятыхъ годовъ неоднократно исполнялъ главныя роли въ пьесахъ Островскаго. Г. Писаревъ отнесся къ своей задачѣ съ большимъ стараніемъ: онъ „тщательно сличилъ и исправилъ текстъ по рукописямъ и журнальнымъ оттискамъ“, просмотрѣннымъ въ свое время самимъ авторомъ, причемъ нѣкоторыя пьесы, имѣющія двѣ редакціи, печатаются въ обѣихъ, а отдѣльные варіанты приводятся въ примѣчаніяхъ. Въ изданіе включены только оригинальныя произведенія А. Н. Островскаго, съ устраненіемъ пьесъ, написанныхъ въ сотрудничествѣ съ другими лицами. Въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ помѣщены: „Семейная картина“, „Свои люди — сочтемся“, „Утро молодого человѣка“, „Неожиданный случай“, „Бѣдная невѣста“, „Не въ свои сани не садись“, „Записки замоскворѣцкаго жителя“.

И. Н. Потапенко. Сочиненія. Спб. 903. Изд. А. Ф. Маркса. Т. I. Стр. 542. Т. II. Стр. 549. Ц. по 1 р. 50 к.

Собраніе сочиненій нашего плодовитаго беллетриста и драматурга выходитъ уже третьимъ изданіемъ, что свидѣтельствуетъ объ его успѣхѣ и популярности среди читающей публики. Въ первый томъ вошли слѣдующія произведенія: романъ „Счастье поневолѣ“, повѣсти и разсказы — „Пѣшкомъ за славой“, „До и послѣ“, „Остроумно“, „Небывалое дѣло“; второй томъ заключаетъ въ себѣ повѣсти и разсказы изъ духовнаго быта: „На дѣйствительной службѣ“, „Деревенскій романъ“, „Шестеро“, „Исполнительный органъ“, „Октава“, „Жена“, „Блудный сынъ“ и др.

Генрихъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Т. V. Изд. С. Скирмунта. Москва. 903. Стр. 484. Ц. 1 р. 20 к.

Произведенія знаменитыхъ скандинавскихъ писателей обыкновенно предлагались русскимъ читателямъ въ переводахъ съ нѣмецкаго, причемъ подлинный смыслъ текста подвергался часто неожиданнымъ и досаднымъ искаженіямъ. Въ настоящемъ изданіи дѣйствительный „переводъ съ датскаго“ исполненъ извѣстнымъ знатокомъ датской литературы, П. Г. Ганзеномъ и г-жею А. В. Ганзенъ, составившей себѣ имя талантливыми переводами скандинавскихъ авторовъ въ стихахъ и прозѣ. Въ напечатанномъ нынѣ томѣ помѣщены: „Столпы общества“, „Кукольный домъ“, „Привидѣнія“ и „Врагъ народа“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1904 г.
(Тридцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	По полугодіямъ: Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе" Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.